947
С 230

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХЪ

Василію Осиповичу

КЛЮЧЕВСКОМУ

его учениками, друзьями и почитателями
ко дню тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности
въ Московскомъ Университетѣ.

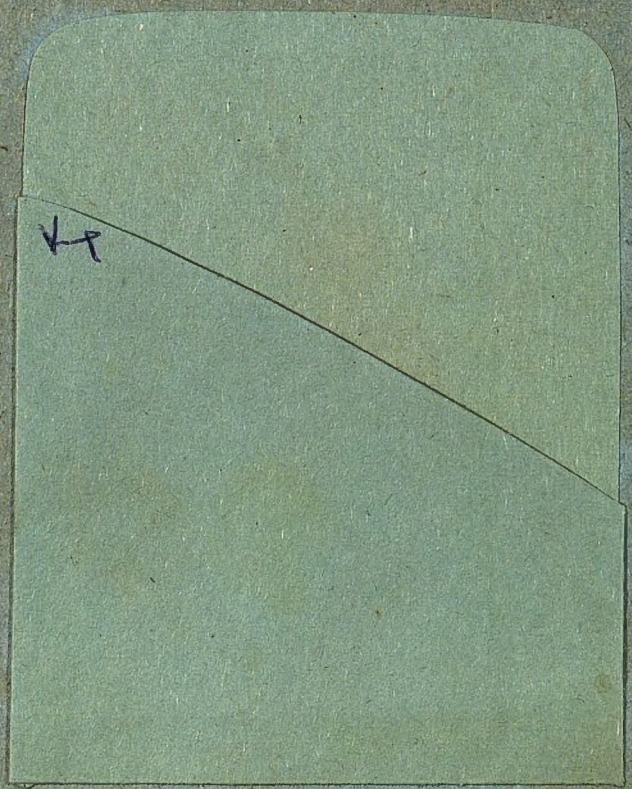
(5 декабря 1879 — 5 декабря 1909 года).

Съ тремя портретами В. О. Ключевскаго, исполненными фототипіей
и геліогравюрой, и приложеніемъ списка трудовъ его.

Чистая выручка съ изданія поступитъ на стипендію имени В. О. Ключевскаго при Московскомъ Университетѣ.

947
С230.

МОСКВА.
...тія С. П. Яковлева". Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.
1909.



125-14-139

П 34 г.

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХЪ

Василію Осиповичу

КЛЮЧЕВСКОМУ

его учениками, друзьями и почитателями
ко дню тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности
въ Московскомъ Университетѣ.

(5 декабря 1879 — 5 декабря 1909 года).

Съ тремя портретами В. О. Ключевскаго, исполненными фототипіей и геліогравюрой, и приложеніемъ списка трудовъ его.

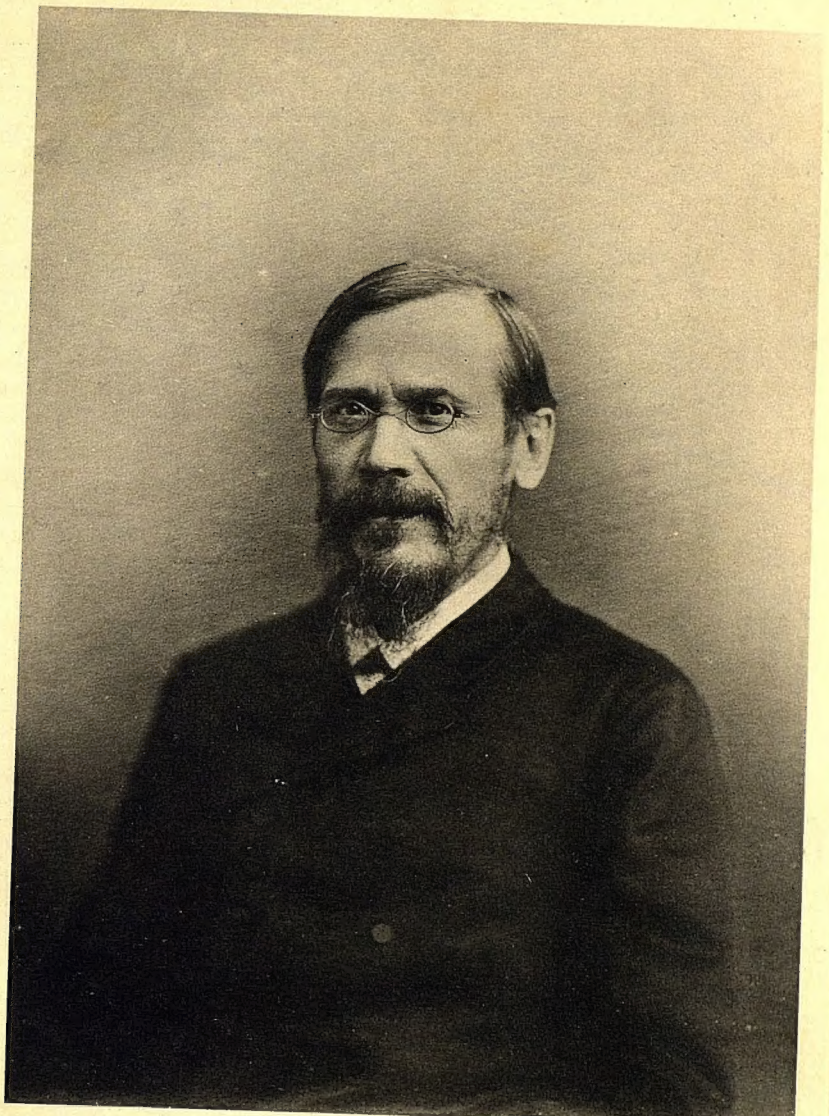
Участвуютъ: *Я. Л. Барсковъ, прив.-доц. С. В. Бахрушинъ, проф. М. М. Богословскій, С. К. Богоявленскій, В. Н. Бочкаревъ, С. Б. Веселовскій, проф. П. Г. Виноградовъ, проф. Р. Ю. Виппперъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, прив.-доц. В. Е. Данилевичъ, проф. М. А. Дьяконовъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, проф. С. А. Котляревскій, проф. И. И. Лаппо, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, проф. М. К. Любавскій, прив.-доц. А. С. Орловъ, проф. Д. М. Петрушевскій, В. И. Пичета, проф. С. Ѳ. Платоновъ, проф. М. М. Покровскій, прив.-доц. свящ. Н. Г. Поповъ, проф. В. К. Поржезинскій, В. С. Протопоповъ, проф. С. В. Рождественскій, проф. А. Н. Савинъ, проф. С. И. Смирновъ, проф. М. Н. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ, П. Б. Струве, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, проф. А. Н. Филипповъ, прив.-доц. А. С. Хахановъ, проф. М. М. Хвостовъ, прив.-доц. С. К. Шамбинаго, Г. Н. Шмелевъ, проф. Е. Ф. Шмурло, проф. Е. Н. Щепкинъ, В. О. Эйнгорнъ, прив.-доц. А. И. Яковлевъ.*

Чистая выручка съ изданія поступитъ на отипендію имени В. О. Ключевскаго при Московскомъ Университетѣ.

947
С930

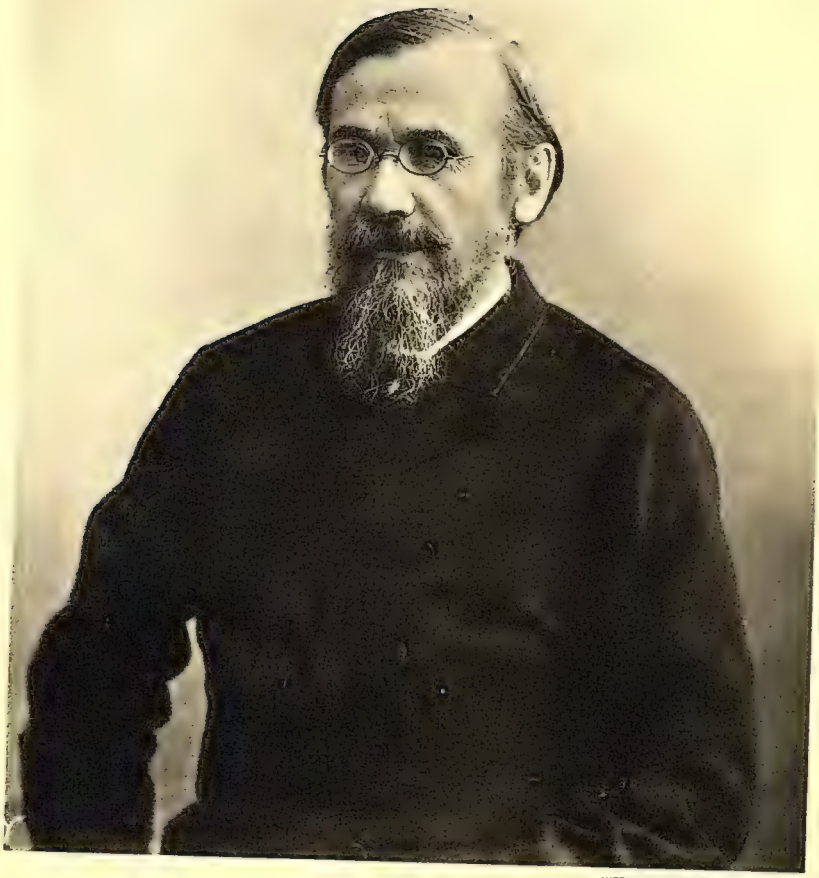
Центральное книгохранилище Моск. Обл. Библиотеки

МОСКВА, 1909.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтыковскій Пер., д. Т—ва, № 9.



ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, МОСКВА.

80-е годы.



ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И КЪ, МОСКВА.

90-е годы.

Глубокоуважаемый

Василій Осиповичъ,

тридцать лѣтъ тому назадъ въ этотъ день Вы вступили на каѳедру преподавателя русской исторіи въ Московскомъ Университетѣ, Московскому Университету Вы отдали Ваши лучшіе годы, расцвѣтъ Вашихъ силъ, и намъ, Вашимъ ученикамъ, друзьямъ и почитателямъ, принадлежитъ право вспомнить въ сегодняшній день, какъ многимъ мы Вамъ обязаны.

Мысль привѣтствовать Васъ сегодня поднесеніемъ Вамъ нашихъ посильныхъ трудовъ объединила около этой книги людей разныхъ поколѣній и разныхъ научныхъ спеціальностей. Чѣмъ бы мы ни занимались,—русской исторіей или исторіей другихъ народовъ и другихъ государствъ, литературой, языковѣдѣніемъ, правомъ или общественнымъ хозяйствомъ,—мы всегда чувствовали крѣпкую духовную связь съ Вашей работой и съ Вами. Изучая Ваши труды, мы восхищались проявленнымъ въ нихъ творчествомъ неутомимой и смѣлой мысли, послушной только скрижалямъ свободнаго научнаго изслѣдованія.

Десятилѣтія тому назадъ многіе изъ насъ впервые приступали по Вашимъ трудамъ къ занятіямъ русской исторіей, и теперь съ горячимъ нетерпѣніемъ мы ждемъ выхода въ свѣтъ каждаго новаго тома Вашего „Курса“, на страницахъ котораго во всей свѣжести и силѣ развертывается Вашъ драгоцѣнный даръ.

Многіе изъ насъ, участниковъ „Сборника“, дорогой Василій Осиповичъ, въ числѣ десятковъ тысячъ другихъ слушателей, прошли черезъ Вашу аудиторію. Часы, въ ней проведенные, никогда не забудутся тѣми, кому они выпали на долю. На своихъ лекціяхъ властной рукою мастера Вы вводили насъ въ глубокій научный анализъ, освѣщая его огнемъ художественнаго творчества. Въ памяти встаетъ не одна минута волненія, проведенная съ напряженнымъ вниманіемъ передъ Вашей каѳедрой. Въ старыхъ убогихъ аудиторіяхъ съ тусклыми окнами, передъ нашими скамьями смутныя тѣни прошлаго становились живыми людьми, и то, что намъ раньше казалось безформенной грудой разрозненныхъ фактовъ, озаренное свѣтомъ Вашей мысли срасталось, начинало жить и двигаться: по обломкамъ прошлаго, по сору, оставшемуся отъ угасшей жизни, Вы возстановляли самую жизнь со всѣми ея извилинами, сложными и причудливыми сочетаніями, во всей ея неуловимости. Вы брали на нашихъ глазахъ загадку, казалось, неразрѣшимую, сравнивали, сближали, отыскивали сходства, находили различія, и яркій свѣтъ смѣнялъ наше недоумѣніе. Въ Вашей аудиторіи мы поднимались надъ заботами и злобами дня, въ ней мы выростали.

Вашимъ „Курсомъ“ мы зачитывались еще въ сѣрыхъ литографіяхъ прежнихъ дней. Для многихъ изъ насъ онъ былъ первой книгой, заставившей мысль встрепенуться. Изъ него мы исходили, приступая къ занятіямъ русской исторіей. Мы шли вглубь отдѣльныхъ вопросовъ, изучая Смутное время, преобразованія Петра, Литовскую Русь, исторію русской верховной власти и государственнаго тягла, судьбы русской деревни, прошлое русскаго города, отъ южной окраины Московскаго государства черезъ Замосковный край шли на далекій Поморскій сѣверъ съ его мужицкими мірами,—надъ чѣмъ бы мы ни работали, мы всегда исходили изъ Вашего „Курса“ и возвращались къ нему, какъ къ тому цѣлому, отдѣльныя части котораго мы изучали.

Мы всѣ выростали подъ непрерывнымъ воспитывающимъ вліяніемъ мысли о томъ, что результаты нашей работы мы положимъ передъ Вашими глазами, будемъ ждать Вашего суда, и нельзя передать того волненія, которое мы испытывали, когда Вы произносили свой приговоръ.

Намъ выпало сегодня счастье привѣтствовать Васъ въ день тридцатой годовщины Вашего преподаванія въ Московскомъ Университетѣ. Собирая въ этотъ „Сборникъ“ наши посильные труды, мы хотимъ этимъ сказать Вамъ, нашъ учитель и старшій товарищъ, какъ счастливы мы, сознавая, что идемъ объ руку съ Вами. Работайте еще много лѣтъ, гордость русской науки, и да не угаснетъ свѣча нашего общаго дѣла, такъ бережно Вами охранявшаяся,—съ этой мыслью мы приносимъ Вамъ сегодня нашу книгу.

Участники Сборника.

Москва 1909 5 декабря.

Списокъ трудовъ В. О. Ключевскаго*).

I. **Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ.** Разсужденіе студента Василія Ключевскаго, писанное для полученія степени кандидата по историко-филологическому факультету.—Московскія Университетскія Извѣстія, 1866—67, № 7—9, прилож., стр., 1—264. (Отдѣльно—**Московское Государство по описаніямъ иностранцевъ XV—XVII вѣковъ**, изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ, М., 1886, стр. 264).

2. **Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ.**—Московскія Университетскія Извѣстія, 1867—67, № 7, стр. 541—574.

3. **Новыя изслѣдованія по исторіи древнерусскихъ монастырей.** „Изслѣдованія о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русской исторіи въ связи съ ходомъ образованости. Часть I-я. Вліяніе Византійской и южно-русской образованности. Реформа. Соч. доцента В. Икопникова, Кіевскія Университетскія Извѣстія за 1869 г.“.—Рецензія.—Православное Обозрѣніе, 1869, № 10, стр. 439—469; № 12, стр. 737—759.

4. **Церковь по отношенію къ умственному развитію древней Руси.** „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа. Соч. А. Щапова. СПБ., 1870“.—Рецензія.—Православное Обозрѣніе, 1870, № 2, стр. 307—337.

5. **Рукописная библіотека В. М. Ундольскаго.** „Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго. Изданіе Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ. М., 1870.“ —Рецензія.—Православное Обозрѣніе, 1870, № 5, стр. 872—894.

---

*) Въ настоящій списокъ не включены некрологи, мелкія полемическія статьи и замѣтки случайнаго характера.

6. **Образцовые писатели русскихъ житій въ XV в.**—Православное Обозрѣніе, 1870, № 8, стр. 178—210; № 9, стр. 328—353; № 10, стр. 479—503.

7. **Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ.** Изслѣдованіе. Изданіе К. Солдатенкова. М., 1871, стр. III + 465 + III.

8. **Русская церковно-историческая литература.** „О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода. (988—1738 г.г.) Свящ. М. Горчакова. СПБ., 1871.“—Рецензія.—Православное Обозрѣніе 1871, № 9, стр. 328—340; № 11, стр. 709—728.

9. **Псковскіе споры.** I. Русское церковное общество въ XV вѣкѣ. II. Псковское церковное общество въ XV вѣкѣ.—Православное Обозрѣніе, 1872, № 9, стр. 283—307. III. Споръ съ владыкой. IV. Споръ съ латинами.—Тамъ-же, № 10, стр. 466—491. V. Богословскій споръ. VI. Литературная полемика.—Тамъ-же, № 12, стр. 711—741.

10. Разборъ сочиненія о. Горчакова „О земельныхъ владѣніяхъ россійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода“. Отчетъ о пятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова 25-го сентября 1872 года. СПБ., 1874, стр. 91—125 (Отдѣльно, СПБ., 1874, стр. 35).

11. „Th. v. Bernhardi. Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den jahren 1814—1831. Zweiter Theil. Erste Abtheilung. Leipzig, 1874. Hinzel. S. 447“.—Рецензія.—Historische Zeitschrift von Sybel (XVIII jahgr., 1876). XXXVI Band. München, 1876, S. 648—670.

12. **Новый трудъ по церковному праву.** „О церковныхъ наказаніяхъ. Опытъ изслѣдованія по церковному праву Н. Суворова. СПБ., 1876“.—Рецензія. Православное Обозрѣніе., 1877, № 5, стр. 173—182.

13. „Сказаніе о чудесахъ Владимірской иконы Божіей Матери“. Изданіе Общества любителей древней письменности. XXX. (СПБ.), 1878.—Предисловіе, стр. 3—18.

14. „Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія (1814—1870). С. Смирнова. М., 1879“.—Рецензія.—Православное Обозрѣніе, 1879, № 4, стр. 802—825.

15. **Крѣпостной вопросъ наканунѣ законодательнаго его возбужденія.** „Сочиненія Ю. Ф. Самарина. Томъ второй. Крестьянское дѣло до Высочайшаго рескрипта 10-го ноября 1857 года. Изданіе Д. Самарина, М., 1878. 444 стр.“.—Рецензія.—Критическое Обозрѣніе, 1879, № 3, стр. 1—13.

16. **Г. Рамбо историкъ Россіи.** „Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'à l'année 1877. Par Alfred Rambaud. Ouvrage couronné par l'Academie française, Paris. 1878.“—Рецензія.—Критическое Обозрѣніе, 1879, № 10, стр. 1—10.

17. „Житіе преподобнаго Филиппа Ирапскаго“. Изданіе Общества любителей древней письменности. XLVI. (СПБ.), 1879.—Предисловіе, стр. V-XLIV.

18. **Боярская Дума древней Руси.** Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества.—Русская мысль, 1880, № 1, стр. 40—76; № 3, стр. 45—74; № 4, стр. 1—37; № 10, стр. 64—95; № 11, стр. 126—154; 1881, № 3, стр. 245—272; № 6, стр. 184—230; № 8, стр. 280—322; № 9, стр, 228—271; № 10, стр. 148—192; № 11, стр. 80—113. (Отдѣльно— М., 1881, стр. 2 ненумер. + 401.)

Изд. 1-е, М., 1882, стр. VI + 554.
„ 2-е, М., 1883, стр. 524 + VI.
„ 3-е, М., 1902, стр. VI + 547.
„ 4-е, М., 1909, стр. VI + 548.

19. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета 6-го іюня (1880), въ день открытія памятника Пушкину.—Русская Мысль, 1880, № 6, стр. 20—27. (Также—Ѳ. Б., Вѣнокъ на памятникъ Пушкину. СПБ., 1880, стр. 271—278).

20. **Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему.** Опытъ опредѣленія мѣновой стоимости стариннаго рубля по хлѣбнымъ цѣнамъ.—Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1884, I, стр. 1—72 (Отдѣльно—М., 1884, стр. 72).

21. **Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи.** I—II.—Русская Мысль, 1885, № 8, стр. 1—36; III.—Тамъ-же, № 10, стр. 1—46.

22. **Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи.** I. Первая ревизія.—Русская Мысль, 1886, № 5, стр. 106—122. II. Церковь и холопство.—Тамъ-же, № 7, стр., 1—19. III. Холопы—страдники.—Тамъ-же, № 9, стр., 72—87. IV. Задворные люди.—Тамъ-же, № 10, стр. 1—20.

23. **Евгеній Онѣгинъ и его предки.** Рѣчь въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности 1-го февраля 1887.-Русская Мысль, 1887, № 2, стр., 291—306.

24. **Содѣйствіе церкви успѣхамъ русскаго гражданскаго права и порядка.** Рѣчь на публичномъ актѣ Московской Духовной Академіи 1-го октября 1888 г.—Творенія св. Отцевъ, 1888, IV, стр. 5—36 (Отдѣльно—М., 1888, стр. 32).

25. Отзывъ объ изслѣдованіи г. Платонова „Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ".—Отчетъ о тридцать первомъ присужденіи наградъ графа Уварова. СПБ., 1890, стр. 53—66 (Отдѣльно—СПБ., 1890, стр. 14).

26. **Составъ представительства на земскихъ соборахъ въ древней Руси.** (Посвящается Б. Н. Чичерину). I. Соборъ 1566 года.—Русская Мысль, 1890, № 1, стр. 141—178. II. Соборъ 1598 года.—Тамъ-же, 1891, № 1, стр. 132—147. III. Происхожденіе земскихъ соборовъ.—Тамъ-же, 1892, № 1, стр. 140—172.—Поправка.—Тамъ-же, № 2, стр. 221—222.

27. **Добрые люди древней Руси.** Публичная лекція, читанная въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.—Богословскій Вѣстникъ, 1892, № 1, стр. 77—96 (Отдѣльно—Сергіевъ Посадъ, 1891, стр. 20).

Изданіе 2-е книгопродавца А. Д. Ступина, съ рисунками, М., 1896, стр. 32. Изданіе 3-е., М., 1902., стр. 31.

28. Разборъ изслѣдованія г. Чечулина „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ".—Отчетъ о тридцать третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова. СПБ., 1892, стр. 276—315 (Отдѣльно—СПБ., 1892, стр. 40).

29. **И. Н. Болтинъ.** (6-го октября 1792 г.)—Русская Мысль, 1892, № 11, стр. 107—130.

30. **Значеніе преподобнаго Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства.** Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московской Духовной Академіи 26-го сентября 1892 г. въ память преподобнаго

Сергія.—Богословскій Вѣстникъ, 1892, № 11, стр. 1—15. (Также подъ заглавіемъ: **Благодатный воспитатель русскаго народнаго духа.**—Троицкій Цвѣтокъ, № 9, Св. Троицкая Сергіева Лавра, 1892, стр. 1—32. Изд. 2-е, тамъ-же, 1899, стр. 32).

31. **Два воспитанія.** Публичная лекція, читанная 1-го февраля 1893 г. въ пользу Московскаго Комитета Грамотности. Русская Мысль, 1893, № 3, стр. 79—99. (Также—Въ пользу воскресныхъ школъ. Изданіе редакціи Русская Мысль, М., 1894, стр. 34—64).

32. **Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ и его времени.**—Русская Мысль, 1895, № 1, стр. 38—60.

33. **С. М. Соловьевъ, какъ преподаватель.**—Читано въ засѣданіи Историческаго Общества при Московскомъ университетѣ 4-го октября 1895 года, въ годовщину смерти Т. Н. Грановскаго и С. М. Соловьева. Изданіе этого Общества, годъ I, стр. 184—194. (Также—Воспоминанія о студенческой жизни, изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ, М., 1899, стр. 3—20).

34. **Недоросль Фонъ-Визина** (опытъ историческаго объясненія учебной пьесы).—Искусство и Наука, 1896, № 1, стр. 5—26.

35. **Императрица Екатерина II. 1796—1896.**—Русская Мысль, 1896, № 11, стр. 130—177.

36. **Западное вліяніе въ Россіи XVII вѣка.** Историко-психологическій очеркъ.—Вопросы философіи и психологіи, 1897, кн. 36, стр. 137—155; кн. 38, стр. 535—558; кн. 39, стр. 760—800 (Отдѣльно—М., 1897, стр. 87).

37. **Смѣна: Боярство и дворянство.**—Русская Мысль, 1899, № 1, стр. 200—221.

38. **Краткое пособіе по русской исторіи.** Частное изданіе для слушателей автора. М., 1899, стр. 1—156.

Изд. 2-е, М., 1900, стр. 1—165.
„ 3-е, М., 1903, стр. 1—172.
„ 4-е, М., 1905, стр. 1—180.
„ 5-е, М., 1906, стр. 1—196.
„ 6-е, М., 1908, стр. 1—200.
„ 7-е, Владиміръ губ., 1909, стр. 1—203.

39. **О судебникѣ царя Ѳедора Ивановича 1589 г.**—Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Ино-

странныхъ Дѣлъ, вып. 7-ой, М., 1900, стр. VI—XIX. (Отдѣльно—Судебникъ царя Ѳедора Іоанновича 1589. М., 1900, стр. XXV—XXXVIII).

40. **Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ.**—Очеркъ—Журналъ для всѣхъ, 1901, стр. 53—72, 322—334, 446—454. (Отдѣльно—СПБ., 1902, стр. 43).

41. Разборъ сочиненія Н. Рожкова „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ“.—Отчетъ о сорокъ четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова, СПБ., 1904, стр. 19—37. (Отдѣльно—СПБ., 1904, стр. 19).

42. **А. А. Ординъ-Нащокинъ Московскій Государственный человѣкъ XVII в.** Научное Слово, 1904, кн. 3-я, стр. 121—138.

43. **Памяти С. М. Соловьева** († 4-го октября 1879)—Научное Слово, 1904, кн. 8-я, стр. 117—132.

44. **Курсъ Русской исторіи.**—Часть 1-я, М., 1904, стр. 1 ненумер. + 456 + VI.—Изд. 2-е, М., 1906, стр. 1 ненумер. + 457 + IV.—Изд. 3-е, М., 1908, стр. 1—464.

Часть 2-я, М, 1906., стр. 508 + IV.—Изд. 2-е, М., 1908 стр. 508, + IV.

Часть 3-я, М., 1908, стр. 476.

45. **Москва и ея князья въ Удѣльные вѣка.**—Журналъ для всѣхъ, 1905, стр. 34—38. (Изъ Курса русской исторіи).

46. **Новая Россія и прологъ ея исторіи.**—Русская Мысль, 1907, № 1, стр. 1—18. (Изъ Курса русской исторіи).

47. **Русское общество въ минуту смерти Петра Великаго.**—Русская Мысль, 1909, № 1, стр. 1—32. (Изъ Курса русской исторіи).

Я. Барсковъ.

I.

Къ вопросу объ ограниченіи политическихъ правъ православныхъ князей, пановъ и шляхты въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до Люблинской уніи.

Проф. М. Любавскаго.

Городельскій привилей 1413 года, какъ извѣстно, исключилъ „схизматиковъ“ и другихъ „невѣрныхъ“ изъ того круга людей, которому предоставлены были права и вольности польской шляхты. Таковыя были пожалованы только литовскимъ панамъ и знатнымъ людямъ, исповѣдывавшимъ римскую христіанскую вѣру и получившимъ отъ поляковъ ихъ гербы. Только этимъ людямъ предоставлено было право занимать воеводства, каштеляніи и другія высшія должности, учреждавшіяся тогда по польскому образцу, и участвовать въ совѣщаніяхъ о государственныхъ дѣлахъ[1]). Другими словами: только католики могли быть постоянными членами господарской рады и сейма[2]).

Городельскій привилей, какъ свидѣтельствуется въ привилеѣ 1563 года, уравнявшемъ политическія права всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, подтверждался и преемниками Ягайла и Витовта — Казимиромъ, Александромъ, Сигизмундомъ и Сигизмундомъ-Августомъ[3]).

Отсюда естественно сдѣлать выводъ, что до 1563 года православные люди не пользовались въ великомъ княжествѣ Литовскомъ одинаковыми правами съ католиками.

Но категорическому заключенію въ этомъ направленіи мѣшаютъ прежде всего нѣкоторыя мѣста того же самаго привилея 1563 года, изъ котораго узнаемъ о подтвержденіяхъ Городельскаго привилея. „Ухваляемъ и хочемъ мѣти,—читаемъ въ этомъ привилеѣ,—пжъ отъ того часу не только тые панове, шляхта и бояре, або потомкове ихъ

---

[1]) Zbiór praw litewskich, str. 14—16. Poznan' 1841.

[2]) Et huius modi dignitarii non eligantur, nisi sint fidei catholicae cultores et subiecti sanctae Romanae ecclesiae etc. Nec etiam aliqua officia terrae perpetua, ut sunt dignitates, castellanatus etc., nisi christianae fidei cultoribus conferantur, et ad consilia nostra admittantur, et eis intersint, dum pro bono publico tractatus celebrantur.

[3]) Акты Зап. Рос. III, № 32; Zródlopisma do dziejów unii, cz. II, odz. 1, str. 166—169; Archiwum komisyi prawniczej, tom VII, str. 298—300.

всихъ земль нашихъ того всего паньства нашого дарованья привильевъ и наданья всихъ вольностей и правъ земскихъ уживати и съ нихъ ся веселити мають, которые суть поддани костелу Римскому, и которыхъ тежъ предкове клейноты и гербы въ корунѣ Польской пріймовали, але тежъ и вси иные стану рыцерского и шляхетского, яко Литовского такъ и Руского народу, одно бы были вѣры хрестьянскоѣ, и тежъ которыхъ предкове клейнотовъ альбо гербовъ съ коруны Польскоѣ не брали, одинако и заровно того всего вѣчными часы уживати и съ тыхъ вольностей веселитися мають, *яко передъ тымъ здавна и до того часу тыхъ всихъ вольностей станъ рыцерскій шляхетскій обоего народу, такъ Литовского яко и Руского, уживали и съ того ся веселили*". Выходитъ такимъ образомъ какъ будто бы, что и до введенія привилея 1563 года русскіе православные паны и шляхта пользовались тѣми же правами и вольностями, что и литовцы-католики, и привилей 1563 года только утверждалъ окончательно такой порядокъ вещей.

Обращаясь къ болѣе древнимъ документамъ, встрѣчаемъ прежде всего привилей короля Ягайла отъ 15 октября 1432 года, коимъ русскіе князья, шляхта и бояре, подданные Литовской земли, уравнивались въ правахъ съ литовцами, одаренными по Городельскому привилею 1413 года [4]). Полное уравненіе вѣроисповѣданій находимъ и въ привилеѣ Ягайла, выданномъ 30 октября того же 1432 года Луцкой землѣ. По этому привилею Ягайло жаловалъ князьямъ, прелатамъ, боярамъ и рыцарямъ земли Луцкой какъ римской, такъ и греческой вѣры, права и вольности, какими пользуются прелаты, бароны и шляхта королевства Польскаго. Между прочимъ Ягайло обѣщалъ не сносить церквей русскихъ греческаго закона и не превращать эти церкви въ костелы, не принуждать никого насильно къ переходу въ римскую вѣру и т. д. [5]). Привилей, выданный великому княжеству Литовскому Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ въ 1434 году, также во всемъ сравнивалъ русскихъ съ литовцами согласно привилею Ягайла отъ 15 октября 1432 года [6]). Общеземскіе привилеи Казимира 1447 года, Александра 1492 года и Сигизмунда 1506 года не дѣлали уже разницы между литовцами и русскими въ правахъ и вольностяхъ и не упоминали ни о какихъ разницахъ, прежде бывшихъ. Эти данныя, такимъ образомъ, подтверждаютъ заявленіе привилея 1563 года о томъ, что русскіе пользовались и веселились „здавна" тѣми же правами, что и литовцы-католики.

---

[4]) Predictos principes nobiles et bojaros Ruthenorum eisdem graciis et libertatibus privilegiis et commodis gaudere et utifrui volumus quibus principes nobiles et bojari Lithvaniae pociuntur ac fruuntur. Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, tomus XIV, dod. № 17.

[5]) Monumenta medii aevi, t. II, № LXXII.

[6]) Monumenta medii aevi, t. XIV, dod. № 22.

Въ числѣ важныхъ правъ, предоставленныхъ литовцамъ-католикамъ Городельскимъ привилеемъ, какъ мы видѣли, было право получать высшія должности въ государствѣ и участвовать въ совѣщаніяхъ о государственныхъ дѣлахъ. Изслѣдователями литовско-русской старины уже много разъ констатировалось, что и православные князья и паны до 1563 года получали высшія должности въ государствѣ и были членами великокняжеской рады [7]). И самый привилей 1563 года констатируетъ, что не только „Римского костела послушные, але и Грецкого", бывая „въ лавицы радъ" и на разныхъ службахъ, обнаруживали свою неизмѣнную вѣрность великимъ князьямъ, вопреки содержащимся на этотъ счетъ опасеніямъ въ Городельскомъ привилеѣ [8]).

Все это въ общей сложности заставило автора настоящей статьи въ книгѣ „Литовско-русскій сеймъ" высказаться въ томъ смыслѣ, что статья, ограничившая права православныхъ при назначеніи въ господарскую раду, со времени изданія привилеевъ 1432 и 1434 года утратила свою юридическую силу, сдѣлалась уже отжившимъ закономъ. Самое подтвержденіе Городельскаго привилея со всѣми его отжившими статьями (въ родѣ, напр., статьи о платежѣ податей великому князю съ панскихъ и шляхетскихъ имѣній) авторъ объяснялъ не прямыми практическими цѣлями, а тѣмъ, что литовско-русскіе паны и шляхта считали Городельскій привилей родоначальникомъ своихъ правъ и вольностей, цѣнили его, какъ политическую святыню или реликвію, и потому и упрашивали своихъ государей вписывать его въ свои земскіе привилеи, несмотря на то, что въ этихъ привилеяхъ уже содержались тѣ права и вольности, которыя содержалъ и Городельскій привилей, и даже болѣе того. „Городельскій привилей подтверждался литовско-русскими государями не какъ дѣйствующій законъ (послѣдній содержался въ ихъ собственныхъ земскихъ привилеяхъ), а какъ его историческое оправданіе, какъ санкціонирующій голосъ старины" [9]).

Но одновременно съ выходомъ въ свѣтъ „Литовско-русскаго сейма" вышелъ изъ печати VII томъ „Archivum'a komisyi prawniczej", издаваемаго Краковскою Академіею Наукъ. Въ этомъ томѣ напечатаны чрезвычайно важные документы, остававшіеся неизвѣстными, а именно: общеземскіе привилеи 1529, 1547, 1551 г. Эти документы заставили автора „Литовско-русскаго сейма", не мѣняя общаго взгляда на зна-

---

[7]) Зубрицкій, Галицкая Русь въ XVI столѣтіи, стр. 20, 21, прим. 35 въ „Чтеніяхъ" Общ. Исторіи и Древн. Рос. 1862, кн. III.; Макарій, Исторія Русской Церкви, т. IX, стр. 211, 212. Спб. 1879; Любавскій, Новые труды по исторіи литовско-русскаго сейма въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1903, № 3, стр. 131—136.

[8]) Quia saepe disparitas cultus diuersitatem inducit animorum, et consilia patent talibus diuolgata, quae traduntur secrete observanda.

[9]) Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, стр. 352, 353.

ченіе подтвержденій Городельскаго привилея, признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что статья этого привилея, ограничивавшая доступъ православнымъ на высшія должности въ государствѣ, не была отжившимъ закономъ. Нѣкоторыя соображенія по этой части представлены были авторомъ въ его статьѣ „Новые труды по исторіи Литовско-русскаго сейма“ [10]). Настоящая статья является попыткою воспользоваться всѣми этими новооткрытыми показаніями источниковъ и дать иную и по возможности полную концепцію сравнительно съ тѣми, которыя давались доселѣ въ трудахъ, затрогивавшихъ вопросъ о положеніи православныхъ въ великомъ княжествѣ.

Общій недостатокъ всѣхъ наличныхъ концепцій на этотъ счетъ заключается въ томъ, что вопросъ трактовался черезчуръ изолированно, внѣ связи съ общею церковною исторіею того времени, со всѣми тѣми перепетіями, которыя происходили въ отношеніяхъ воинствующаго католицизма къ православной греческой церкви, а также внѣ связи съ тѣми перемѣнами, которыя происходили въ національно-политическихъ отношеніяхъ Литвы и Руси за полутораста лѣтъ. Если избѣгать этой односторонности и разсматривать всѣ противорѣчивыя на первый взглядъ данныя въ надлежащей исторической перспективѣ, то недоумѣнія исчезаютъ и дѣло получаетъ удовлетворительное разъясненіе.

Городельскій привилей 1413 года былъ изданъ въ то время, когда еще не остыла католическая ревность короля Ягайла и польскихъ пановъ, мечтавшихъ обращеніемъ литовцевъ въ католическую вѣру положить прочное начало для сліянія Литвы съ Польшею. Съ другой стороны, время это было временемъ особаго политическаго засилья литовскаго крупнаго боярства, которому удалось совмѣстно съ Витовтомъ отстоять государственную самостоятельность великаго княжества и, сплотившись вокругъ него, занять господствующее положеніе внутри литовско-русскаго государства. При такихъ обстоятельствахъ выдача привилея, дававшаго политическія преимущества литовцамъ-католикамъ и устранявшаго отъ нихъ схизматиковъ и другихъ невѣрныхъ, вполнѣ понятна.

Но условія, вызвавшія къ жизни ограничительныя статьи Городельскаго привилея, продержались недолго. Начавшееся вскорѣ соборное движеніе въ нѣдрахъ католической церкви въ значительной мѣрѣ ослабило непріязненныя чувства къ восточной церкви. По мѣрѣ того какъ исчезала увѣренность въ собственной безусловной правотѣ, исчезала и противоположная увѣренность въ безусловной неправотѣ послѣдователей греческаго закона. Зародилась и развивалась мысль о всеобщемъ христіанскомъ примиреніи, объ уничтоженіи схизмы не только въ нѣдрахъ католической церкви, но и между западною и восточною церковью. Въ

[10]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1903, № 2 и 3.

великомъ княжествѣ Литовскомъ эта мысль реализировалась въ посылкѣ митрополита Григорія Цамблака съ епископами на Констанцскій соборъ для переговоровъ по вопросу о соединеніи Греческой церкви съ Римскою (съ этою цѣлью на соборъ приглашались и послы Византійскаго императора). Историкъ Литвы XVII в. Кояловичъ сообщаетъ, что одновременно съ тѣмъ крѣпла и распространялась и среди русскихъ людей мысль объ уніи, частью благодаря установленіямъ короля Ягайла, частью благодаря авторитету Витовта, т.-е. русскіе люди, дабы пользоваться всѣми правами и преимуществами литовцевъ-католиковъ, не прочь были отъ церковной уніи. Кояловичъ же утверждаетъ, что и митрополитъ Григорій Цамблакъ обнаруживалъ сочувствіе уніи и дѣятельно старался объ этомъ на Констанцскомъ соборѣ [11]). Русскими изслѣдователями этотъ фактъ впрочемъ отвергается [12]). Какъ бы то ни было, но въ самомъ возбужденіи вопроса объ уніи нельзя не видѣть проявленіе иного настроенія въ отношеніи православныхъ русскихъ людей великаго княжества. Сношенія съ гусситами, которыя поддерживали Ягайло и Витовтъ, являются также показателями извѣстнаго ослабленія католической ортодоксальности у государей Польши и Литвы и окружавшихъ ихъ пановъ. На ряду съ этою перемѣною произошла и другая важная перемѣна—въ соотношеніи внутреннихъ политическихъ силъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Русскіе князья и бояре, оттѣсненные отъ великаго князя литовскими панами, уже подъ конецъ великокняженія Витовта замѣтно стали возвышаться. Витовтъ и сами литовскіе паны стали искать въ нихъ опоры и поддержки для огражденія и укрѣпленія государственной самостоятельности великаго княжества Литовскаго. Русь была блестяще представлена уже на знаменитомъ съѣздѣ въ Луцкѣ, гдѣ между прочимъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о возведеніи великаго княжества Литовскаго въ королевство. На сеймъ въ Вильнѣ 1430 года, на которомъ предположена была коронація Витовта, было вызвано множество русскихъ князей и бояръ. Благодаря этимъ князьямъ и боярамъ и на великое княженіе по смерти Витовта возведенъ былъ Свидригайло Ольгердовичъ. При Свидригайлѣ „схизматики“, какъ извѣстно, не только не стояли на заднемъ планѣ, но позаняли передніе ряды, наполнили великокняжескую раду, получили всѣ важнѣйшіе замки и уряды, на что жаловался бискупъ Краковскій Збигнѣвъ Олесницкій. Полякамъ и литовцамъ удалось низвергнуть неудобнаго для нихъ великаго князя и посадить на великое

---

11) Kojalowicz, Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Litvaniae Ducatu pertinentium, Vilnae MDCL, p. 43, 44; Ignatius Kulczyn'ski, Specimen ecclesiae Ruthenicae, p. 119, 120. Romae MDCCXXXIII.

12) Иловайскій, Исторія Россіи, т. II, стр. 216, 217; Голубинскій, Исторія Русской церкви, т. II, ч. 1, стр. 386, пр. 1. Срв. K. Stadnicki, Bracia Wł. Jagielly, str. 153. Lwów 1867.

княженіе Сигизмунда Кейстутьевича. Но Русь стала оказывать столь энергичное сопротивленіе новому великому князю и поддерживавшимъ его полякамъ, такъ крѣпко стояла за Свидригайла, что великому княжеству стала угрожать опасность разложенія, отпаденія Руси. При такихъ обстоятельствахъ король Ягайло и польскіе паны, возведшіе на великое княженіе Сигизмунда Кейстутьевича, и сочли нужнымъ выступить съ вышеупомянутымъ привилеемъ 15 окт. 1432 г., уравнивавшимъ въ правахъ и вольностяхъ principes, nobiles et bojaros Ruthenorum съ князьями, панами и боярами Литовской земли. Черезъ двѣ недѣли выданъ былъ подобный же привилей князьямъ, панамъ, боярамъ и рыцарямъ Луцкой земли, въ которомъ уже прямо и опредѣленно подчеркивалось равноправіе обоихъ исповѣданій, римскаго и греческаго закона. Великій князь Сигизмундъ Кейстутьевичъ черезъ годъ послѣ этого, подтверждая прежнія права и вольности и даруя нѣкоторыя новыя, долженъ былъ заявить, что права и вольности даруются на вѣчныя времена principibus et bojaris tam Lithvanis, quam Ruthenis [13]).

Можно ли видѣть въ этихъ новыхъ привилеяхъ полную отмѣну Городельскаго привилея въ его ограничительныхъ статьяхъ? Подобный взглядъ на нихъ по соображенію со всѣми обстоятельствами того времени былъ бы не совсѣмъ правильнымъ. Городельскій привилей по буквальному смыслу его ограничивалъ права христіанъ греческаго закона не какъ таковыхъ, а какъ „схизматиковъ“ и „невѣрныхъ“. Но во время выдачи этихъ привилеевъ взглядъ на православныхъ, какъ на схизматиковъ ео ipso, уже исчезалъ. На засѣдавшій тогда Базельскій соборъ пріѣзжалъ уже посолъ императора Іоанна Палеолога хлопотать объ уніи. Съ предложеніями объ уніи обращался и патріархъ константинопольскій, и вопросъ этотъ былъ предметомъ оживленныхъ сужденій на соборѣ. Извѣстное тяготѣніе къ уніи было и среди православныхъ русскихъ князей и бояръ. Свидригайло въ письмѣ къ одному изъ дѣятелей собора (De Damianis) сообщалъ, что русскіе люди склонны къ уніи и только не могутъ противиться своимъ іерархамъ, которыхъ прежде всего надо убѣдить, чтобы они позаботились о спасеніи душъ своихъ овецъ [14]). Это свидѣтельство до извѣстной степени подтверждается и письмомъ на Базельскій соборъ отъ 22 марта 1433 г. князей Ярослава Лингвенье вича, Андрея Михайловича и четырнадцати русскихъ бояръ отъ имени всѣхъ иныхъ князей, шляхты, бояръ и мѣщанъ земель русскихъ, которые, опровергая клевету на Свидригайла, будто бы онъ отступилъ отъ католической вѣры, изъявляли желаніе прибыть на соборъ и предоставить рѣшеніе дѣла ихъ государя собору. Князья и бояре вмѣстѣ съ

---

[13]) Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, tomus XIV dod. 22.
[14]) A. Lewicki, Powstanie Swidrygielly, str. 207.

тѣмъ писали, что они молятъ Бога, чтобы старшіе ихъ вѣры греческаго обряда пришли къ соглашенію съ отцами собора, и когда это соглашеніе состоится, они готовы присоединиться къ нему и подчиниться всему, что уложатъ эти старѣйшіе [15]).

Извѣстно, что „старшіе“ греческаго закона въ концѣ концовъ пришли къ соглашенію съ отцами римской церкви. На Флорентійскомъ соборѣ 1439 года митрополитъ всея Руси Исидоръ приступилъ къ уніи съ римскою церковью и на возвратномъ пути разослалъ изъ Венгріи грамоты во всѣ епархіи литовскія и русскія съ извѣщеніемъ о соединеніи церквей. Москвитяне не подчинились уніи, но православные русскіе люди великаго княжества Литовскаго не оказали ей открытаго сопротивленія. Исидоръ послѣ бѣгства своего изъ сѣверо-восточной Руси нашелъ себѣ пріютъ въ Новгородкѣ Литовскомъ. Онъ уговорилъ короля Владислава III, какъ верховнаго государя западно-русскихъ земель, выдать грамоту, коею православному духовенству предоставлялись одинаковыя права съ латинскимъ духовенствомъ [16]). Правда, что Исидоръ не остался долго въ Литвѣ и ушелъ въ Константинополь; правда затѣмъ, что великій князь Казиміръ изъ политическихъ расчетовъ въ 1451 году подчинилъ западнорусскую церковь митрополиту Іонѣ [17]). Но вопросъ объ уніи съ римскою церковью вмѣстѣ съ тѣмъ не подвергался какому-либо пересмотру и перерѣшенію. Можно сказать, что для литовскаго правительства этотъ вопросъ былъ уже рѣшенный. Согласившись подъ давленіемъ обстоятельствъ на подчиненіе западнорусской православной церкви митрополиту Іонѣ, литовское правительство отступилось отъ этого рѣшенія при первомъ благопріятномъ случаѣ. Въ 1458 году отъѣхавшій въ Римъ Константинопольскій патріархъ Григорій Мамма посвятилъ въ митрополиты на Русь Григорія Болгарина, ученика Исидора. Соборъ епископовъ сѣверовосточной Руси, какъ извѣстно, отказался признать его митрополитомъ и писалъ увѣщаніе литовскимъ епископамъ—Черниговскому, Полоцкому, Смоленскому, Туровскому и Луцкому, чтобы они не принимали митрополита отъ латынъ. Іона съ своей стороны писалъ православнымъ епископамъ, князьямъ, панамъ и боярамъ, чтобы они стояли за православіе, не принимали Григорія и не слушали его ученія. Но всѣ эти призывы оказались тщетными. Григорій утвердился митрополитомъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Изъ епископовъ одинъ только Брянскій и Черниговскій Евѳимій не захотѣлъ подчиняться митрополиту-уніату и уѣхалъ въ Москву;

---

15) Ibidem, str. 173, 335, nota 26.

16) Акты Зап. Рос., № 42.

17) Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. 1, стр. 1263; Макарій, Исторія русской церкви, т. IX, стр. 21.

остальные восемь приняли Григорія, который и сѣлъ въ Кіевѣ. Со стороны православныхъ мірянъ тоже не оказано было на первыхъ порахъ никакого сопротивленія Григорію и приносимой имъ съ собою церковной уніи [18]).

Итакъ, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XV столѣтія литовское правительство уже не имѣло основаній разсматривать русскихъ людей великаго княжества, какъ невѣрныхъ схизматиковъ. Съ другой стороны, русскіе люди при восшествіи на престолъ великаго князя Казимира снова, какъ и во время борьбы Свидригайла съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ, дали почувствовать господствующей Литвѣ свою силу и значеніе. Вступленіе на великое княженіе Казимира ознаменовалось рядомъ мятежей русскихъ земель, которыя не прочь были отложиться отъ Литвы и поставить себѣ своихъ собственныхъ государей. Литвѣ пришлось умиротворять ихъ разными льготами, правами и привилегіями [19]). Выданный при такихъ обстоятельствахъ—общеземскій привилей Казимира (2 мая 1447 года) естественно не могъ содержать какихъ-либо ограниченій правъ православныхъ русскихъ людей великаго княжества Литовскаго. Привилей вышелъ прямымъ продолженіемъ и развитіемъ предшествующихъ привилеевъ 1432 года и 1434 года, распространявшихъ на русскихъ людей греческаго закона тѣ же права и вольности, какими пользовались всѣ „послушные костелу римскому“.

Изъ привилея 1563 года мы узнаемъ, что Казимиръ при всемъ томъ подтверждалъ и Городельскій привилей съ его ограничительными статьями для „схизматиковъ“. Такое подтвержденіе по обстоятельствамъ времени не могло разсматриваться уже какъ противорѣчіе акту 2 мая 1447 года: русскіе люди греческой вѣры, какъ таковые, не были уже въ глазахъ литовскаго правительства невѣрными схизматиками. Схизматиками они были лишь въ томъ случаѣ, когда открыто отвергали унію. Но въ то время такихъ заявленій изъ среды ихъ еще не было.

Со времени поставленія въ митрополиты Григорія Болгарина западно-русская церковь стала въ крайне неопредѣленное положеніе. Оффиціально она должна была признаваться состоящею въ единеніи съ римскою церковью, разъ митрополитъ и подчиненные ему епископы были въ единеніи съ римскою церковью. По идея уніи плохо воспринималась какъ православною паствою, такъ и католиками. Десять лѣтъ спустя послѣ прибытія митрополита-уніата король Казимиръ писалъ папѣ Павлу II, что въ Литвѣ и соединенныхъ съ нею русскихъ областяхъ обитаетъ „великое множество еретиковъ и схизматиковъ, и число

---

[18]) Макарій, op. cit., стр. 21—25.

[19]) Литовско-русскій сеймъ, стр. 104—108.

ихъ возрастаетъ со дня на день". Король просилъ у папы дозволенія основать какъ въ Литвѣ, такъ и въ русскихъ областяхъ по два монастыря ордена бернардиновъ съ тѣмъ, чтобы братья этихъ монастырей своею проповѣдью и жизнью могли приводить тамошнихъ еретиковъ и схизматиковъ къ единству церкви[20]). Съ другой стороны, латинское духовенство склонно было смотрѣть на православныхъ русскихъ людей, даже искавшихъ мира и любви съ римскою церковью, какъ на недовѣрковъ и принимать въ отношеніи ихъ разныя насильственныя мѣры. Преемникъ Григорія на митрополичьей каѳедрѣ Мисаилъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми духовными лицами, князьями и панами греческой вѣры по этому поводу составилъ цѣлое посланіе къ папѣ Сикету IV (14 марта 1476 года). Въ этомъ посланіи русскіе люди завѣряли папу, что они не еретики, не схизматики, что они содержатъ семь вселенскихъ соборовъ, „къ нимъ же купно и осмый флорентійскій ухваляютъ", что они исповѣдуютъ Св. Духа, „исходяща отъ Отца прежде, также и Сына единымъ дуновеніемъ". Поэтому они просили папу оградить ихъ отъ оскорбленій латинянъ, которые клевещутъ на нихъ, будто они не истинные христіане и не право вѣруютъ во Св. Троицу, насильно принуждаютъ ихъ къ своему исповѣданію, дѣйствуя яростью, крикомъ, побоями, мученіями и т. д.[21]). Отношенія церквей обострялись и запутывались и вслѣдствіе того, что западнорусская церковь не порывала своихъ отношеній съ константинопольской. Уже митрополитъ Григорій Болгаринъ, несмотря на то, что посвященъ былъ патріархомъ въ Римѣ, вынужденъ былъ посылать за благословеніемъ и утвержденіемъ въ санѣ къ патріарху въ Константинополь. Преемникъ Мисаила Симеонъ просилъ благословенія и утвержденія на митрополію и получилъ ихъ отъ патріарха Максима. Такъ же поступали и слѣдующіе митрополиты Іона Глезна и Макарій[22]). Какъ видно изъ посланія патріарха Нифонта къ нареченному митрополиту Кіевскому и всея Руси Іосифу, цареградскіе патріархи, хотя и не прочь были отъ „святого единенія", но не могли осуществить его, такъ какъ этому противились ихъ „овцы", ненавидѣвшія латинянъ. При такихъ условіяхъ и отношенія литовскаго правительства къ „греческому закону" не могло отличаться какою-либо устойчивостью и послѣдовательностью. Король Казимиръ своимъ „листомъ" подтверждалъ митрополиту Кіевскому и всея Руси и подчиненнымъ ему епископамъ „права духовныя ихъ закону греческого, церковные справы и

---

[20]) Historiae Russiae monumenta 1, № 122.
[21]) Макарій, op. cit., стр. 43—57.
[22]) Тамъ же, стр. 37, 68, 74, 75, 83.

и суды“ [23]). Витеблянамъ и смольнянамъ обѣщалъ христіанства греческаго закона „не рушити, налоги имъ на ихъ вѣру не чинити“, „въ церковные домы не вступаться“ [24]) и т. д. Но съ другой стороны тотъ же Казимиръ, по просьбѣ своего сына Казимира, въ 1481 году издалъ указъ, коимъ запрещалъ православнымъ строить новые храмы, возстановлять прежніе и поправлять обветшавшіе [25]).

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи находился „греческій законъ“ и въ тотъ моментъ, когда вступилъ на великое княженіе сынъ Казимира Александръ. Мы знаемъ, что литовская правящая знать, возводя его на великое княженіе вопреки прежнимъ записямъ на унію, искала поддержки русскихъ князей, пановъ и бояръ, всячески старалась заручиться ихъ расположеніемъ, особенно въ виду натянутыхъ уже отношеній съ Москвою [26]). При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что и выданный въ 1492 году великому княжеству привилей долженъ былъ быть ничѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ распространеніемъ привилея 1447 года для всѣхъ подданныхъ великаго княжества безъ какихъ-либо специфическихъ ограниченій для людей греческаго закона. Подтверждая въ то же время и Городельскій привилей, новый великій князь ставилъ этимъ извѣстныя ограниченія политическихъ правъ не для всѣхъ православныхъ, которые не разсматривались въ то время рѣшительно, какъ невѣрные схизматики, а только для тѣхъ, которые открыто будутъ отклоняться отъ уніи.

И по дальнѣйшимъ дѣйствіямъ литовскаго правительства видно, что оно не разсматривало безусловно православную западнорусскую церковь, какъ пребывающую въ схизмѣ. Церковная унія признавалась съ его стороны de jure уже совершившимся дѣломъ, которое недостаточно только проведено было въ жизнь. Къ проведенію его въ жизнь и направлены были усилія литовскаго правительства при великомъ князѣ Александрѣ. Въ этихъ усиліяхъ литовское правительство нашло себѣ содѣйствіе и со стороны православныхъ русскихъ людей великаго княжества.

Самымъ виднымъ лицомъ въ данномъ случаѣ является владыка Смоленскій Іосифъ (Болгариновичъ), избранный въ 1498 году митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Наши лѣтописи сообщаютъ, что Іосифу и митрополія была обѣщана съ условіемъ, что онъ будетъ проводить унію [27]). Іосифъ вскорѣ же послѣ своего избранія въ митрополиты написалъ цереградскому патріарху посланіе, въ которомъ увѣдомлялъ его

---

[23]) Акты Зап. Рос. II, № 65.
[24]) Акты Зап. Рос. I, № 204, 213.
[25]) Макарій, op. cit., стр. 70; Акты Зап. Рос. I, № 116, стр. 141
[26]) Литовско-русскій сеймъ, стр. 134—137.
[27]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей VI, 45.

что епископы римскаго костела, живущіе на Руси и въ Литвѣ, становятся для православныхъ „несносны“, принуждаютъ ихъ къ уніи, установленной во Флоренціи, и просилъ патріарха сообщить, какъ состоялась эта унія, и посовѣтовать, что дѣлать въ виду того, что православные подвергаются опасности потерять привилегіи и льготы, которыя дарованы имъ въ то время, когда состоялась унія. Патріархъ, выражая личное сочувствіе уніи, посовѣтовалъ, однако, держаться уклончивой политики, такъ какъ унія не принята православною паствою константинопольской церкви. „А твоя милость, — писалъ онъ, —отнюдь не сопротивляйся имъ слишкомъ, но имѣй съ ними дружеское общеніе (какъ позволили мы и нашимъ священникамъ, живущимъ на островахъ, подъ властью сіятельнаго сената венеціанскаго, совершать собранія и молитвы съ латинянами), но вѣру отеческую и всѣ церковные обычаи восточной церкви бдительно сохраняй: ибо предки наши подъ тѣмъ только условіемъ соединились съ латинянами во Флоренціи, чтобы всѣ права наши оставались не нарушенными и сохранялись“. Рѣшительно приступить къ уніи патріархъ при всемъ томъ не посовѣтовалъ и рекомендовалъ отговариваться тѣмъ, что митрополитъ ничего не можетъ сдѣлать безъ разрѣшенія Цареградскаго патріарха [28]).

Но Іосифъ, какъ извѣстно, не послушался совѣтовъ патріарха и энергично принялся проводить унію. Находившійся при великой княгинѣ Еленѣ подъячій Шостакъ уже въ 1499 году писалъ въ Москву: „Здѣсь, господине, у насъ сталося замятенье великое межи латыни и межи нашего христіанства. Въ нашего владыку Смоленского діаволъ ся вселилъ, съ Сопегою, отметникомъ ихъ, на православную вѣру: князь великій неволилъ государыню нашу великую княгиню Олену, въ латынскую проклятую вѣру... да и все наше православное христіанство хотятъ окстити: ино наша Русь вельми ся съ Литвою не любятъ [29]). То же самое подтвердилъ и князь Семенъ Ивановичъ Бѣльскій, отъѣхавшій въ началѣ 1500 года въ Москву на службу. Въ августѣ того же 1500 года Іосифъ написалъ папѣ Александру VI посланіе съ изъявленіемъ покорности ему и съ исповѣданіемъ, что папа—пастырь всѣхъ вѣрующихъ, глава вселенской церкви и всѣхъ святыхъ отцовъ и патріарховъ, которому преданы ключи царства небеснаго и власть вязать и рѣшить. Іосифъ молилъ папу быть милостивымъ къ русскимъ людямъ, „живущимъ далече въ сѣверныхъ странахъ, подъ обрядомъ и уставомъ восточной церкви, содержащимъ св. седмь вселенскихъ соборовъ, а съ ними также и осьмой, Флоренскій соборъ, вѣрующимъ въ единаго Бога Отца, Сына и Св. Духа, исходящаго отъ Бога Отца, такъ же и отъ Сына единымъ дуновеніемъ“.

---

[28]) Макарій, op. cit., 90—93.

[29]) Акты Зап. Рос. I, № 155.

Съ этимъ посланіемъ поѣхалъ въ Римъ Сапѣга, который просилъ папу утвердить Іосифа митрополитомъ и примасомъ греческой церкви въ великомъ княжествѣ, разрѣшить крещенныхъ по обряду греческому не перекрещивать и строить каменныя церкви греческаго обряда. Въ своихъ совѣтахъ бискупу Виленскому Войтеху и великому князю папа настаивалъ на томъ, что прежде, чѣмъ принимать въ общеніе русскихъ людей, надо хорошенько произвести разслѣдованіе мнѣній и обрядовъ, которыхъ они держатся, и искренность самыхъ намѣреній ихъ, въ виду того, что унія saepius tentata et toties interrupta existit. Впрочемъ, онъ соглашался исполнить просьбы Іосифа и русскихъ людей, если они примутъ догматы объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о приматствѣ папы, о чистилищѣ, о наградахъ и наказаніяхъ по смерти, и если Іосифъ, отвергшись отъ поставленія на митрополію, приметъ поставленіе отъ св. престола [30]).

Желаніе папы не исполнилось. Митрополитъ Іосифъ скоро умеръ. Послѣ него дѣятельная пропаганда уніи прекратилась. Пропаганда эта, какъ мы видѣли, вызывала озлобленіе среди русскаго населенія великаго княжества. Во время войны съ Москвою немыслимо было питать и усиливать это озлобленіе, которое стало уже приводить къ измѣнамъ со сторонъ русскихъ подданныхъ великаго княжества. Для успокоенія ихъ великій князь Александръ выдалъ подтвердительные привилеи землямъ Витебской и Смоленской, въ которыхъ обѣщалъ ни въ чемъ не рушить ихъ греческаго закона и никого не нудить въ вѣрѣ [31]). Онъ отказался отъ всякаго понужденія и въ отношеніи своей супруги Елены и просилъ новаго папу Юлія II разрѣшить его отъ тяжкихъ обязательствъ по этой части, наложенныхъ на него прежнимъ папою Александромъ VI, объясняя, что ни принуждать ее къ римскому закону, ни удалить ее отъ себя не можетъ, потому что въ такомъ случаѣ отецъ ея, великій князь Московскій, навѣрно вновь подниметъ войну на литовское государство и причинитъ ему много зла [32]). Оставивъ всѣ старанія о проведеніи уніи въ жизнь, король Александръ въ 1503 году утвердилъ митрополитомъ Іону, который до того былъ приверженъ къ старой вѣрѣ, что при немъ схизма снова упрочилась въ великомъ княжествѣ Литовскомъ: за нимъ, какъ за пастыремъ-схизматикомъ, открыто послѣдовали его духовныя овцы, и не только низшій классъ народа, но и шляхта и вельможи [33]). Такъ обстояло дѣло и при преемникахъ Іоны.

Несмотря на это, ни король Александръ, ни его преемникъ Си-

---

[30]) Макарій, op. cit., стр. 100—109.
[31]) Акты Зап. Рос. I, № 204, 213.
[32]) Макарій, op. cit., стр. 150.
[33]) Kojalowicz, Miscellanea, p. 48, 49.

гизмундъ (до поры до времени) ни въ чемъ не измѣняли своего отношенія къ православнымъ русскимъ людямъ. Восходя на великое княженіе, Сигизмундъ выдалъ великому княжеству привилей на права и вольности въ той же самой общей формѣ, въ какой онъ былъ выданъ его отцомъ и братомъ, безъ какихъ-либо различеній католиковъ и православныхъ. Правда, что на ряду съ этимъ подтвержденъ былъ и Городельскій привилей съ ограничительными статьями относительно схизматиковъ, но, очевидно, это понятіе не прилагалось еще въ то время къ православнымъ. Въ радѣ великаго князя мы видимъ цѣлый рядъ православныхъ князей и пановъ, каковы были, напр., воевода Кіевскій и затѣмъ Новгородскій кн. Иванъ Львовичъ Глинскій, воевода Кіевскій кн. Юрій Александровичъ Гольшанскій, его преемникъ панъ Андрей Немировичъ, панъ Виленскій, гетманъ, староста Луцкій кн. Конст. Иван. Острожскій и др. Время было не такое, чтобы обострять внутреннія религіозно-національныя отношенія. Шла напряженная борьба съ Москвою, которая силилась оторвать отъ Литвы западную Русь, и Литва все время находилась подъ страхомъ отпаденія отъ нея Руси [34]).

Но эти отношенія обострились сейчасъ же, какъ только кончилась эта напряженная борьба. На Гродненскомъ сеймѣ 1522 года, рѣшившемъ покончить войну съ Москвою, „станы“ въ числѣ разныхъ просьбъ, между прочимъ, подали господарю заявленіе съ выраженіемъ неудовольствія по поводу того, что король вопреки привилеямъ своихъ предковъ, подтвержденнымъ и его личною присягою при восшествіи на престолъ, раздаетъ уряды и мѣста въ радѣ схизматикамъ [35]). Заявленіе вызвано было незадолго передъ тѣмъ состоявшимся назначеніемъ кн. Конст. Ивановича Острожскаго воеводою Троцкимъ, вопреки прямому запрещенію Городельскаго привилея, предназначавшаго этотъ урядъ только католикамъ. Чтобы умиротворить недовольныхъ, король 25 марта на сеймѣ выдалъ особую грамоту, въ которой объяснялъ, что онъ пожаловалъ воеводство Троцкое князю Острожскому ради его необыкновенныхъ заслугъ въ сраженіяхъ противъ москвитянъ и татаръ и по просьбѣ пановъ рады обоихъ государствъ, преимущественно же великаго княжества Литовскаго, которые освободили его отъ обѣщанія, даннаго при вступленіи на великое княженіе, въ отношеніи князя Острожскаго, принимая во вниманіе, что онъ уже былъ почтенъ званіемъ пана Виленскаго. Король гарантировалъ, что это особое назначеніе не будетъ вредить земскому привилею, и впредь подобные уряды и достоинства не будутъ даваться русскому, *безъ совѣта старшихъ пановъ рады*,

[34]) Объ этомъ сообщали въ Римъ всѣ агенты св. Престола, находившіеся тогда въ Литвѣ. Acta Tomiciana III, № 1, CCXLVI.

[35]) Kojalowicz, Miscellanea, p. 48.

но только литовцамъ римской католической вѣры [36]). Такимъ образомъ, хотя и дана была гарантія въ соблюденіи Городельскаго привилея, но не безусловная. Король констатировалъ право старшей рады диспенсировать его отъ обязательствъ, налагаемыхъ Городельскимъ привилеемъ.

Какъ бы то ни было, но Городельскій привилей, забытый было совсѣмъ въ государственной практикѣ великаго княжества Литовскаго, возстановленъ былъ въ своей силѣ въ отношеніи суженія правъ православныхъ. Литовцы-католики обратили вниманіе на свои преимущества и стали слѣдить за тѣмъ, чтобы эти преимущества не затирались. Поэтому, когда по случаю возведенія на великое княженіе Сигизмунда-Августа (18 окт. 1529 г.) отецъ его король Сигизмундъ торжественно подтверждалъ привилей великому княжеству, въ него внесена была уже ограничительная статья въ пользу католиковъ [37]). Станы сейма осматривали и пергаментный подлинникъ Городельскаго привилея, который оказался цѣлымъ и не возбуждающимъ подозрѣнія, но отъ ветхости и частаго обращенія потертымъ, вслѣдствіе чего они упросили переписать его заново и утвердить, что и было исполнено въ особой грамотѣ, выданной 27 октября того же года [38]). Ограничительная статья въ пользу католиковъ въ приведенной редакціи 1529 года внесена была и въ общеземскій привилей, выданный уже самимъ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1547 году [39]).

Но эта ограничительная статья была уже такимъ анахронизмомъ, что не могла выполняться въ дѣйствительности. Православные князья и паны связаны были уже столь крѣпкими житейскими узами съ дворомъ и правящимъ классомъ, что невозможно было уже выбросить ихъ изъ круга правящей знати, невозможно было измѣнить въ отношеніи къ нимъ практику, развивавшуюся на протяженіи цѣлаго столѣтія. Православные продолжали назначаться на высшія должности и попа-

---

[36]) Kojalowicz, Miscellanea, p. 48; Archiwum komisyi prawniczej, tom VII, str. 273, 274.

[37]) Quae quidem dignitates palatinatus, castellanatus nec non officia perpetua terrestria et curiae nostrae non conferantur a nobis et successoribus nostris, nisi catholicae fidei cultoribus et Romanae ecclesiae subjectis, nec etam dignitates officiaque praedicta vel tenutae aut bona hereditaria hic in Magno Ducatu conferantur advenis et alienigenis seu extraneis, sed magni ducatus ipsius indigenis veris, et ad consilia nostra, dum pro bona reipublicae tractantur, non admittantur, nisi ipsi catholici et indigenae magni ducatus hujus, quia saepe disparitas cultus et diversitas nationum diuersitatem inducit animorum, et consilia patent talibus credita, quae traduntur secrete observanda. Archiwum, str. 280, 281; Kojalowicz. Miscellanea, p. 48.

[38]) Archiwum, str. 287—288.

[39]) Ibidem, str. 290; Kojalowicz, Miscellanea, p. 48, 49.

дать въ господарскую раду [40]). На сеймѣ 1551 года „станы“ обратили вниманіе правительства на это нарушеніе земскихъ привилеевъ и просили, чтобы король съ панами радными взглянулъ въ привилеи земскіе „и то, што бы ся въ нихъ нарушило, абы рачилъ казать поправити“. Во исполненіе этой просьбы король велѣлъ переписать вновь всѣ земскіе привилеи, выданные его предшественниками, начиная съ Городельскаго, въ одну хартію, и далъ торжественное обѣщаніе за себя и своихъ преемниковъ впредь свято (religiose) исполнять все, что въ нихъ написано, а относительно того, что уже сдѣлано вопреки этимъ привилеямъ, въ особенности относительно раздачи нѣкоторыхъ воеводствъ людямъ греческаго закона и въ общеніи католической вѣры не состоящимъ (et a catholicae religionis communione sejunctis) принять мѣры, чтобы государство не потерпѣло отъ того ущерба, впредь же не раздавать высшихъ должностей и не допускать къ болѣе тайнымъ совѣщаніямъ (ad consilia secretiora) людей греческаго или русскаго закона и чуждыхъ римской церкви, но твердо исполнять то, что предписано въ этомъ отношеніи привилеями предковъ [41]). Любопытно, что король обѣщалъ не допускать православныхъ не вообще къ тайнымъ совѣщаніямъ, а только къ наиболѣе тайнымъ совѣщаніямъ. Изъ одного современнаго „Описанія королевства Польскаго и соединенныхъ съ нимъ земель“ (1552 года) мы узнаемъ, что литовскій сенатъ, когда происходятъ совѣщанія о важнѣйшихъ дѣлахъ (de summo rerum), состоитъ изъ бискупа, воеводы и каштеляна Виленскихъ, воеводы Троцкаго, каштеляна Троцкаго и старосты Жмудскаго, а остальные сановники исключаются изъ секретнѣйшихъ совѣщаній (excluduntur a secretioribus conciliis) [42]). Такимъ образомъ и увѣреніе короля примѣнительно къ установившейся практикѣ содержало обѣщаніе не пускать православныхъ на должности воеводъ и каштеляновъ Виленскаго и Троцкаго и старосты Жмудскаго, т.-е. на такія, которыя прямо поименованы были въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года. Но при назначеніи на болѣе низшія мѣста въ господарской радѣ король, по всѣмъ даннымъ, не считалъ себя связаннымъ заявленіемъ 1551 года. По крайней мѣрѣ, уже въ 1554 году онъ назначилъ православнаго пана Григорія Александровича Ходкевича воеводою Витебскимъ, а въ слѣдующемъ году—воеводою Кіевскимъ. Въ 1559 году 5 декабря воеводою Кіевскимъ былъ назначенъ православный князь Константинъ Констан-

---

[40]) Примѣры въ нашей статьѣ „Новые труды по исторіи литовско-русскаго сейма“ въ Ж. М. Н. Просв. 1903 г., № 3, стр. 133.

[41]) Archiwum, p. 297.

[42]) Scriptores rerum polonicarum, tomus XV, p. 173.

тиновичъ Острожскій; въ 1558 году воеводою Подляшскимъ панъ Василій Тишковичъ [43]).

Но какъ прежде, такъ и теперь, православные князья и паны, попавъ въ раду господарскую, постепенно восходили въ ней все выше и выше и пробирались на первыя мѣста—въ переднюю раду. Такимъ образомъ, 16 окт. 1559 года король, „зъ воеводства Кіевского помкнувши“ пана Григорія Александровича Ходкевича, далъ ему каштелянство Троцкое, перенеся его „ближей боку нашого господарского“, желая, чтобы онъ былъ „уставичне“ при немъ, королѣ, „для обмышленія важныхъ и завжды потребъ и справъ великихъ нашихъ господарскихъ и земскихъ“ [44]). Такъ, слѣдовательно, православный панъ былъ допущенъ ad secretiora consilia, вопреки Городельскому привилею. Время было уже совершенно неподходящее для того, чтобы руководствоваться предписаньями этого привилея. Надвигались грозныя опасности со всѣхъ сторонъ, и для службы государству требовались умы и таланты независимо отъ вѣроисповѣданія. Съ другой стороны и господствующее вѣроисповѣданіе пошатнулось, поколебалось въ своей правотѣ, и въ наивысшемъ совѣтѣ литовско-русскаго господаря сидѣли лица, отвергнувшія католицизмъ, какъ, напр., воевода Виленскій Миколай Яновичъ Радивилъ, съ 1553 года ярый кальвинистъ, и воевода Троцкій Миколай Юрьевичъ Радивилъ, тоже открытый протестантъ. При такихъ условіяхъ, ограничительная статья Городельскаго привилея, и прежде не согласовавшаяся съ положеніемъ вещей въ литовско-русскомъ государствѣ, уже окончательно утратила свой raison d'être. На Виленскомъ сеймѣ 1563 года станы просили уже не о подтвержденіи ея, а о совершенной отмѣнѣ, что и было исполнено охотно литовско-русскимъ господаремъ. Въ книгѣ „Литовско-русскій сеймъ“ были уже приведены соображенія о томъ, что иниціатива въ данномъ случаѣ вышла, вѣроятно, изъ среды протестантовъ, которые стремились обезпечить равныя политическія права для всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Поэтому и привилей 1563 года въ его резолютивной части говорилъ о станѣ рыцарскомъ шляхескомъ вообще, „одно бы были вѣры хрестіянскоѣ“, а на отношеніе къ христіанамъ греческаго закона въ прошломъ ссылался только, какъ на извѣстный прецедентъ [45]).

Подводя теперь итоги всему, что выше сказано, мы должны установить слѣдующія положенія:

---

[43]) Wolff, Senatorowiei dygnitarze, str. 20, 21, 37, 43, 87; Макарій, Исторія русской церкви, т. IX, стр. 286, 319, 321, 322, прим. 333, 399.

[44]) І. Малиновскій, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи панновъ—рады В. К. Литовскаго, № XXXVIII. Томскъ 1901.

[45]) Акты Зап. Рос. III, № 32.

1) Городельскій привилей ограничивалъ права христіанъ греческаго закона, какъ „схизматиковъ и невѣрныхъ“.

2) Въ эпоху соборнаго движенія въ католической церкви какъ на западѣ, такъ и въ литовско-русскомъ государствѣ взглядъ на христіанъ греческаго исповѣданія смягчился: ихъ перестали разсматривать, какъ безусловныхъ схизматиковъ и невѣрныхъ.

3) Въ то же время и внутреннія политическія обстоятельства въ нѣдрахъ самого литовско-русскаго государства заставляли католиковъ-литовцевъ держаться примирительной политики въ отношеніи къ русскимъ людямъ.

4) Всѣ эти причины въ общей сложности обусловили появленіе привилеевъ 1432 и 1434 года, уравнивавшихъ права литовцевъ и русскихъ, и общеземскаго привилея 1447 года, дававшаго различныя права и вольности подданнымъ великаго княжества безъ различія національностей.

5) Унія западно-русской церкви съ римскою, установившаяся послѣ Флорентійскаго собора 1439 года и теоретически признававшаяся до начала XVI в., въ связи съ борьбою противъ наступленія Москвы настраивала литовское правительство также примирительно въ отношеніи къ православнымъ русскимъ людямъ.

6) Этимъ объясняется тотъ фактъ, что и привилеи 1492 и 1506 годовъ не содержали никакихъ ограниченій правъ русскихъ людей.

7) Подтвержденіе на ряду съ этимъ Городельскаго привилея означало ограниченіе въ правахъ не русскихъ людей греческаго закона, какъ таковыхъ, а невѣрныхъ схизматиковъ въ собственномъ смыслѣ, подъ каковыми не было тенденціи разумѣть православныхъ русскихъ.

8) Эта тенденція вновь появилась послѣ прекращенія борьбы съ Москвою и послѣ того, какъ выяснилось окончательно, что унія западно-русской православной церкви съ римскою не осуществилась.

9) Все это повело къ тому, что ограничительныя статьи Городельскаго привилея были внесены въ подтвердительные общеземскіе привилеи 1529, 1547 и 1551 года съ нѣкоторыми, однако, измѣненіями въ пользу православныхъ.

10) Но установившіяся уже цѣлое столѣтіе отношенія въ связи съ государственными потребностями оказались сильнѣе ограничительныхъ поползновеній, и на практикѣ юридическія ограниченія правъ православныхъ не имѣли силы и въ концѣ концовъ привилеемъ 1563 года совсѣмъ были отмѣнены.

Матвѣй Любавскій.

Центральное ... Центральное ... Библиотеки

II.

Столяровъ хронографъ и его авторъ.

Проф. С. Ѳ. Платонова.

I.

Двадцать лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось впервые писать о „хронографѣ столяра“, то-есть о томъ рукописномъ „хронографѣ, который купленъ покойнымъ исторіографомъ (Н. М. Карамзинымъ) у столяра (какъ сказано въ его записной книжкѣ) и который онъ означалъ симъ именемъ“ [1]). Въ ту пору о Столяровой рукописи, перешедшей въ собственность Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ (F, IV, 595), имѣлось уже изысканіе А. Н. Попова [2]). Поповъ привелъ въ извѣстность составъ рукописи, выразившись о ней такъ, что въ цѣломъ она „можетъ быть названа обширнымъ историческимъ сборникомъ, совмѣстившимъ въ себѣ разные историческіе памятники“. Между статьями, выписанными безо всякой между собой связи изъ различныхъ редакцій хронографа, Степенной книги и Новаго лѣтописца, въ рукописи столяра, на лл. 522-582 и 643-658, А. Н. Поповъ отмѣтилъ, „безъ отдѣльнаго заглавія часть какого-то неизвѣстнаго лѣтописнаго сочиненія съ 1604 по 1644 годъ“. По мнѣнію Попова, оно было „оригинально и самобытно“, почему онъ и напечаталъ это лѣтописное сочиненіе въ своемъ „Изборникѣ“. Трудясь надъ рукописью столяра, Поповъ не обратилъ вниманія на то, что напечатанная имъ часть Столярова хронографа весьма сходна по своему составу съ небезызвѣстнымъ „Лобковскимъ хронографомъ“, изъ котораго П. И. Мельниковъ въ свое время извлекъ много данныхъ для исторіи Нижняго-Новгорода въ Смутное время [3]). Если сравнить многочисленныя цитаты Мельникова изъ Лобковской рукописи съ напечатаннымъ въ „Изборникѣ“ Столяровымъ текстомъ, то можно притти къ убѣжденію въ полномъ тожествѣ въ этихъ рукописяхъ той статьи, которая получила отъ Попова названіе „неизвѣстнаго лѣто-

[1]) Карамзинъ, т. XII, прим. 46.

[2]) А. Поповъ, „Обзоръ хронографовъ русской редакціи“, вып. 2-й, 1869 г., стр. 252—256.

[3]) „Москвитянинъ“, 1850, № 21, кн. 1, ноябрь.

писнаго сочиненія", а отъ Мельникова—„хронографа", писаннаго въ Нижегородскихъ и Арзамасскихъ мѣстахъ.

Взглядъ на „оригинальную и самобытную" статью хронографа столяра, какъ на „лѣтописное сочиненіе", или какъ на „хронографъ" мѣстнаго „лѣтописателя", не встрѣтилъ сочувствія въ изслѣдователѣ мѣстничества А. И. Маркевичѣ. Онъ отозвался о памятникѣ иначе. По его опредѣленію, это—„разряды" и притомъ „въ довольно полномъ видѣ"; такъ какъ, по общему мнѣнію, официальныхъ разрядныхъ за Смутные годы не было, то А. И. Маркевичъ полагалъ, что въ хронографѣ столяра мы имѣемъ одну изъ „частныхъ разрядныхъ" [1]). Къ опредѣленію А. И. Маркевича примкнулъ и я въ своей книгѣ, посвященной древне-русскимъ литературнымъ произведеніямъ о Смутномъ времени [2]). Мнѣ казалось, что „повѣствованіе о смутѣ Столярова хронографа есть дѣйствительно разрядная книга" и „произведеніе частнаго лица". Простое утвержденіе А. И. Маркевича я старался обставить возможными доказательствами, и мнѣ какъ тогда они представлялись убѣдительными, какъ и теперь, по истеченіи двухъ земскихъ давностей, кажутся не лишенными смысла. Поэтому я считаю совершенно правильнымъ, что С. А. Бѣлокуровъ въ послѣднее время статью Столярова хронографа поставилъ въ XXIV группѣ „разрядныхъ записей за Смутное время" [3]). Характеризуя эту запись, онъ говоритъ: „по своему изложенію запись эта не строго разрядная, она переполнена различными повѣствовательными извѣстіями и представляетъ нѣчто среднее между извѣстіями разрядовъ и хронографовъ, есть запись разрядно-хронографическая". Въ параллель такой характеристикѣ г. Бѣлокурова можно привести и мой отзывъ, что находящіяся въ памятникѣ многочисленныя вставки лѣтописнаго характера, не имѣющія вида официальныхъ разрядныхъ записей, „были причиною того, что разрядная книга сочтена была за хронографъ".

Итакъ возможны были два взгляда на изучаемое произведеніе: 1) „лѣтописное сочиненіе" мѣстнаго нижегородско-арзамасскаго „лѣтописателя" и 2) частная разрядная съ „повѣствовательными извѣстіями" и „вставками лѣтописнаго характера".

В. О. Ключевскій не отказалъ мнѣ въ чести дать критическій отзывъ о вышеназванной моей книгѣ для Академіи Наукъ при присужденіи Уваровскихъ наградъ въ 1889 году. Въ этомъ отзывѣ онъ остановился, между прочимъ, на Столяровѣ хронографѣ съ тѣмъ,

---

[1]) „О мѣстничествѣ". Ал. Маркевича, 1879, стр. 755.

[2]) „Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ", 1888, стр. 270—273.

[3]) „Разрядныя записи за Смутное время (7113-7121 гг.)". М. 1907 (въ „Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др. Росс."), стр. XIV, XXII, 275—277.

чтобы оспорить мой о немъ „приговоръ“. „Итакъ это памятникъ нелитературный и неофиціальный“, такъ резюмировалъ В. О. Ключевскій мой взглядъ и послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній по существу дѣла заключилъ отъ себя такъ: „Легко можетъ быть, что, вопреки мнѣнію автора, мы имѣемъ здѣсь предъ собою памятникъ не только литературный, но и официальный“. Говоря другими словами, критикъ почелъ Столяровъ хронографъ за „лѣтопись“ „по официальному порученію“. Такая точка зрѣнія отличалась отъ обѣихъ прежнихъ. Если въ свое время я не былъ побѣжденъ желаніемъ начать научную полемику въ защиту своего взгляда, за который продолжалъ держаться, то теперь, конечно, еще менѣе склоненъ къ спору. Но я радъ воспользоваться случаемъ, чтобы представить на судъ чтимаго учителя и критика нѣкоторыя новыя наблюденія надъ текстомъ памятника, способныя нѣсколько опредѣленнѣе освѣтить предметъ давняго разногласія.

II.

Въ послѣднее время я читалъ текстъ памятника по двумъ его спискамъ: 1) Карамзинскому и 2) Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (№ 183). Въ первомъ изъ нихъ изучаемый текстъ писанъ совсѣмъ отдѣльно, кажется, даже на особыхъ тетрадяхъ, и вплетенъ въ книгу вслѣдъ за хронографомъ. Во второмъ спискѣ онъ органически входитъ въ составъ разрядной книги, представляя собою какъ бы продолженіе той изъ редакцій разрядныхъ книгъ, которую гг. Милюковъ и Лихачевъ склонны считать Бутурлинскою [1]). Отличія списковъ очень маловажны (Карамзинскій исправнѣе); всѣ сколько-нибудь существенныя въ нихъ разночтенія указаны С. А. Бѣлокуровымъ [2]). Если принять во вниманіе, что цитаты Мельникова изъ Лобковскаго списка обыкновенно вполнѣ совпадаютъ съ чтеніемъ обѣихъ названныхъ рукописей, то является возможность предполагать, что текстъ памятника дошелъ до насъ неиспорченнымъ и непередѣланнымъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ задуманъ, то-есть, въ видѣ погодныхъ записей, разрядныхъ и лѣтописныхъ, пригодныхъ для того, чтобы служить продолженіемъ старыхъ редакцій разрядныхъ книгъ, обычно доходящихъ до первыхъ лѣтъ XVII вѣка.

Начинается разбираемый памятникъ, безо всякаго заглавія и вступленія, пространной записью о походѣ изъ Астрахани окольничаго

---

[1]) П. Н. Милюковъ, „Официальныя и частныя редакціи древнѣйшей разрядной книги“ (Чтенія, 1887, II), стр. 18—16; Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI вѣка“, 1888, стр. 334, 337—338. Г. Лихачевъ даетъ подробное описаніе той рукописи, о которой мы сейчасъ говоримъ.

[2]) „Разрядныя записи“, стр. 275—277.

И. М. Бутурлина и О. Т. Плещеева въ Кумыцкую землю и о пораженіи тамъ русскихъ войскъ отъ кумыковъ и турокъ (1604—1605 гг.). Въ текстъ этой записи введено нѣсколько разрядныхъ отмѣтокъ случайнаго характера („Того жъ году въ Смоленску былъ бояринъ и воевода князь Василей Кардануковичъ Черкаской“ и т. д.). Залѣмъ идетъ разсказъ о походѣ на Москву и о воцареніи перваго самозванца, разсказъ мѣстами очень обстоятельный и оригинальный, мѣстами же совпадающій съ записями другихъ разрядныхъ [1]). Послѣ свержения самозванца вниманіе автора нашего памятника снова устремляется на Астрахань и Терекъ: онъ разсказываетъ объ отпаденіи Астрахани отъ царя Василія и о похожденіяхъ терскаго самозванца „дѣтины Петрушки“, при чемъ не трудно замѣтить, что автору очень хорошо извѣстно только то, что дѣлали казаки съ Петрушкой на Волгѣ между Свіяжскомъ и Царицыномъ. Проводивъ же ихъ оттуда „въ Украинные городы“, авторъ какъ бы теряетъ ихъ изъ виду; а когда, по ходу разсказа, онъ снова говоритъ о Петрушкѣ, то заново знакомитъ съ нимъ читателя, сообщая (очевидно, изъ другого источника) про этого „Петрушку родомъ муромца“, что онъ „посадцкова человѣка сапожника сынъ, а былъ въ свіяжскихъ стрѣльцахъ въ приказѣ у головы стрѣлецкова у Григорія Елагина и былъ у нево въ денщикахъ“. Одинъ изъ источниковъ своего разсказа о Петрушкѣ авторъ обнаруживаетъ мимоходомъ, когда позднѣе разсказываетъ о побоищѣ на Восмѣ въ бояракѣ. При избіеніи тамъ боярами воровъ-казаковъ „только оставили семь человѣкъ живыхъ по челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ нижегородцевъ да арзамасцовъ, что онѣ тѣмъ дворяномъ учинили добро: какъ они шли х Казани (варьянтъ: шли казаки) съ Терка съ воромъ съ Петрушкою Волгою къ вору къ Разстригѣ и воротилися съ воромъ Волгою назадъ, и тѣхъ дворянъ встрѣтили на Волгѣ, и воръ ихъ хотѣлъ побить, и онѣ ихъ не дали побить“ [2]). Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что именно отъ этихъ дворянъ, такъ или иначе, шли свѣдѣнія автора о Петрушкѣ на Волгѣ. За разсказомъ о появленіи Петрушки слѣдуетъ очень обстоятельное повѣствованіе о компаніи царя Василія противъ Болотникова и о взятіи Тулы—со многими разрядными данными и съ любопытнымъ эпизодомъ объ Арзамасской и Алатырской смутѣ [3]). Здѣсь впервые выказывается особое вниманіе автора къ дѣламъ и людямъ арзамасскимъ, нижегородскимъ и вообще понизовымъ. Перейдя затѣмъ къ описанію дѣйствій Шуйскаго противъ второго самозванца, авторъ вторично обращается къ арзамасцамъ и внимательно слѣдитъ за ихъ службою на Рязани съ Пр. Ляпу-

[1]) Ср. „Изборникъ“, стр. 324—326 и „Разрядныя записи“ С. А. Бѣлокурова, стр. 170—171, 196—197.

[2]) Изборникъ, стр. 336.

[3]) Изборникъ, стр. 333—334.

новымъ противъ Лисовскаго [1]) и за ихъ смутами, когда Арзамасъ оказался за Воромъ, а арзамасскіе дворяне и духовенство „пошли всѣ въ Муромъ, а иные въ Нижней“ [2]). Въ остальномъ своемъ содержаніи повѣствованіе автора о Тушинскомъ періодѣ смуты представляетъ собою общій очеркъ, любопытный, но довольно краткій и, по обычаю автора, съ разрядными данными. Такимъ же характеромъ отличается и разсказъ о Московской разрухѣ, сосредоточенный на московскихъ и подмосковныхъ событіяхъ; изъ мѣстныхъ дѣлъ авторъ опять-таки приводитъ лишь арзамасскія, именно попытку испомѣщенія въ Арзамасскихъ дворцовыхъ селахъ смоленскихъ дворянъ. Онъ слѣдитъ за судьбою этихъ „смольянъ“ и послѣ перехода ихъ изъ-подъ Арзамаса въ Нижній-Новгородъ; даже самое начало нижегородскаго ополченія связываетъ онъ съ призывомъ въ Нижній этихъ смоленскихъ выходцевъ [3]). Пространнымъ и любопытнымъ разсказомъ объ освобожденіи Москвы и избраніи М. Ѳ. Романова заканчивается первая часть разбираемаго памятника. Въ ней, какъ мы видимъ, ясно сказывается тяготѣніе автора къ Арзамасу и вообще Понизовью.

Вторая часть повѣствованія посвящена времени царя Михаила Ѳеодоровича и первымъ годамъ царствованія Алексѣя Михайловича; она своимъ строемъ ближе, чѣмъ первая, подходитъ къ обычному типу разрядныхъ этого періода. Въ этой части—всего около 25 крупныхъ разрядныхъ записей, иногда переходящихъ въ живой разсказъ съ цѣнными военно-бытовыми подробностями. На ряду съ событіями, имѣвшими общегосударственный интересъ, авторъ по-прежнему помѣщаетъ мѣстная низовскія („Во 128 и во 129 и во 130 году въ Нижнемъ Новѣгородѣ писцы... писали посадъ и уѣздъ и бортниковъ и мордву“. Въ тѣ же годы въ Арзамасѣ писцы... писали посадъ же и уѣздъ и бортниковъ и мордву.“ [4]) Въ подборѣ частностей и подробностей замѣтно одно любопытное обстоятельство: съ 123 (1614 — 1615) года начинаютъ попадаться подробныя и очень благосклонныя свѣдѣнія о службахъ Баима Ѳедорова (позднѣе „Ѳедоровича“) Болтина. Въ 123 году онъ назначенъ головою новаго приказа стрѣльцовъ въ Казани. Во 140 и 141 годахъ онъ былъ посланъ воеводою противъ Литвы въ Сѣвскъ, изъ Сѣвска подошелъ къ Новгородъ-Сѣверску и взялъ его приступомъ, за что и былъ пожалованъ кубкомъ, шубою и денежной придачей. Весь подвигъ Баима Ѳедоровича изображенъ подробно и похвально. Въ татарскій приходъ 141 года Б. Ѳ. Болтинъ сидѣлъ воеводою въ Симоновѣ монастырѣ. Во 142 году на Поляновкѣ на посольскомъ съѣздѣ онъ былъ головою у стольниковъ и стряпчихъ. Во 143 году онъ ѣздилъ въ Литву дворяниномъ въ посоль-

[1]) Изборникъ, стр. 339—340.
[2]) Изборникъ, стр. 345—346.
[3]) Изборникъ, стр. 352—353.
[4]) Изборникъ, 367; также 358, 363 и др.

ствѣ, путь котораго потому и изложенъ подробно въ нашемъ хронографѣ. Въ 150 году Б. Ѳ. Болтинъ посланъ на съѣздъ на „Путивльскую межу“ уже въ чинѣ „ясельничаго“ и съ титуломъ „намѣстника Серпуховскаго“. Наконецъ, въ 152 году онъ встрѣчалъ за Земляным городомъ въ Москвѣ королевича Вальдемара и „королевичу Валдемару говорилъ рѣчь“ [1]). На описаніи въѣзда и встрѣчи королевича обрывается Карамзинскій списокъ.

Въ Московскомъ спискѣ [2]) еще ранѣе этого извѣстія начинаются постороннія вставки (напримѣръ, „разрядъ Тоболской и Томской“), и послѣдняго извѣстія о Б. Ѳ. Болтинѣ уже нѣтъ. Зато въ немъ находится новое извѣстіе—о назначеніи Б. Ѳ. Болтина посломъ въ Данію во 155 году [3]) и, кромѣ того, нѣсколько интересныхъ документовъ, касающихся Арзамаса и рода Болтиныхъ; таковы: запись объ арзамасцахъ Савлуковыхъ, грамота царя Ѳедора Ивановича 7100 года Болтинымъ, арзамасская десятня 7105 года и челобитная Болтиныхъ 7182 года [4]). Если вспомнить, что на Карамзинской рукописи есть по листамъ запись: „сія книга, глаголемая хронографъ Спасскаго игумена Корнилія (1646—1661), что въ Арзамасѣ, а подписалъ я игуменъ своею рукою“,—то получимъ основаніе для того, чтобы связать происхожденіе не одной Московской рукописи, но и самаго изучаемаго памятника—съ Арзамасомъ и Болтиными.

III.

Изъ общеизвѣстнаго приказнаго матеріала XVII вѣка можно извлечь нѣкоторыя данныя о службахъ Баима (иначе Боима, Обоима) Ѳедоровича Болтина. Наиболѣе раннее свѣдѣніе о немъ относится къ 1613—1614 гг. Онъ былъ участникомъ зимняго похода князя Д. Т. Трубецкого подъ Новгородъ. Когда шведы стѣснили русское войско въ Бронницахъ („за 20 верстъ отъ Великаго Новгорода“), и „почала быть ратнымъ людямъ тѣснота великая“, то „изъ Бронницъ къ государю прислали отъ ратныхъ людей бить челомъ“ о дозволеніи отступить. А въ челобитчикахъ былъ присланъ между прочимъ „Боимъ Ѳедоровъ сынъ Болтинъ“. Въ Столяровомъ хронографѣ находится очень обстоятельный и колоритный разсказъ объ этомъ

---

[1]) Изборникъ, стр. 360, 368—371, 372, 374, 375—377, 378, 379.

[2]) Съ листа 296 об.; срвн. Изборникъ, стр. 378.

[3]) Листъ 334; срвн. Бантыша-Каменскаго „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“, I, М. 1894, стр. 227.

[4]) Листы 333—334, 334 об.—335 об., 336—338 и 339. Срвн. Н. П. Лихачева „Разрядные дьяки XVI вѣка“, стр. 337—338; здѣсь указана еще любопытная запись о Болтиныхъ XVI вѣка, находящаяся на 123 листѣ рукописи.

походѣ, написанный, очевидно, его участникомъ, человѣкомъ изъ отряда Василія Ивановича Бутурлина. Съ Бутурлинымъ же велѣно было быть въ этомъ походѣ между прочимъ „нижегородцомъ и арзамасцомъ“ [1]). Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что авторомъ этого разсказа былъ именно Баимъ Болтинъ, столь часто упоминаемый въ хронографѣ. Въ 1614—1615 г. Баимъ, по указанію хронографа, былъ назначенъ стрѣлецкимъ головою въ Казани; а въ 1620—1622 годахъ служилъ вторымъ воеводою на Теркѣ [2]). Тамъ Баимъ могъ пріобрѣсти тѣ подробныя свѣдѣнія, какія есть въ хронографѣ о пораженіи русскихъ въ Кумыцкой землѣ и вообще объ Астраханскихъ и Терскихъ дѣлахъ начала XVII вѣка. Послѣ Терской службы Баимъ служилъ въ самой Москвѣ „дворяниномъ“ [3]), а въ началѣ 1627 года былъ назначенъ дьякомъ Новгородской (Нижегородской) чети. Февраля 16-го „по государеву указу велѣно быти въ Нижегородской чети во дьяцѣхъ Баиму Ѳедорову сыну Болтину, и ко кресту Баимъ приведенъ февраля въ 17 день; имя ему молитвенное Сидоръ“ [4]). Въ чети Баимъ оставался до 1632 года, по обычаю появляясь въ придворныхъ церемоніяхъ и торжествахъ [5]). Въ 1632 году онъ былъ посланъ противъ литвы и поляковъ воеводою на Сѣверу въ Сѣвскъ. Тамъ ему было суждено совершить самое яркое дѣло его жизни. Передъ самымъ Рождествомъ онъ осадилъ и взялъ приступомъ значительную крѣпость Новгородъ-Сѣверскую, за что и былъ хорошо награжденъ. Успѣхъ Баима былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ и видныхъ въ малоудачной войнѣ 1632—1634 гг., и потому въ документахъ того времени есть довольно много о немъ упоминаній, независимо отъ разсказа въ хронографѣ, который можно, кажется, приписать самому Баиму [6]). Возвращенный въ Москву, Баимъ остается тамъ до 1634 года. Раньше было указано, со словъ хронографа, что въ 1633 г. онъ въ ожиданіи прихода татаръ къ Москвѣ сидѣлъ воеводою въ Симоновомъ монастырѣ подъ Москвою. Въ 1634 и 1635 году Баимъ участвовалъ въ посольствахъ при заключеніи Поляновскаго „докончанія“ и при возвращеніи

---

[1]) Дворц. Разряды, I, 108; Изборникъ, стр. 358—359.

[2]) Изборникъ, 360; Дворц. Разр. I, 484; Книги Разр. I, 720, 764, 871.

[3]) Дворц. Разр., I, 639, 818.

[4]) Русск. Ист. Библ., IX, стр. 456.

[5]) Свѣдѣнія о Б. Болтинѣ за эти годы разсѣяны по книгамъ и граматамъ въ разныхъ изданіяхъ: Русск. Ист. Библ. т. II, № 146; т. IX, 458, 470 (и далѣе по указателю); Дворц. Разр. I., 907, 915, 969, 972, 995, 1001, 1006, 1029; II, 27, 251; А. А. Э. Ш, №№ 188, 194, 196; IV, № 6; А. И., Ш, №№ 149, 151, 160, 166.

[6]) Изборникъ, 368—371; Дворц. Разр., II, 274, 286, 310, 317, 341, 864; Книги Разр., II, 378, 382, 384, 390—391 (730), 421—425, 425—435, 435—436, 460—461 А. А. Э., Ш., № 206; Акты Моск. Гос., I, № 512.

праха царя Василія въ Москву [1]). Затѣмъ онъ находился, повидимому до 1642 года, въ Москвѣ, получивъ въ 1641 г. чинъ и должность ясельничаго (17 марта [2]). Въ 1642 году онъ ѣздилъ въ Путивль „межевать съ литовскими людьми спорныя земли“; разсказъ объ этомъ въ хронографѣ снабженъ любопытными подробностями, объясняющими, почему „земель ничево не размежевали“ [3]). Возвратясь въ Москву [4]), Б. Болтинъ въ 1647 году былъ назначенъ посломъ въ Данію и, отправясь туда въ августѣ, вернулся лишь въ началѣ 1648 года [5]). Въ 1649 г. Баимъ участвовалъ во встрѣчѣ польскихъ пословъ, а въ 1662—1663 гг. былъ вторымъ воеводою въ Тобольскѣ [6]). Послѣдняя, насколько мнѣ извѣстно, служба Баима записана въ 1655 году: онъ былъ въ государевѣ полку въ Смоленскомъ походѣ царя Алексѣя [7]). Въ это время Баиму было уже около 60 лѣтъ и онъ считалъ за собою слишкомъ сорокъ лѣтъ службы...

IV.

Изъ тѣхъ данныхъ, какія мнѣ пришлось собрать, по обстоятельствамъ, поверхностно и спѣшно, возможны все-таки нѣкоторые выводы.

Съ значительной долей увѣренности можно полагать, что изучаемый памятникъ составленъ изъ матеріаловъ, собранныхъ Баимомъ Болтинымъ, и составленъ имъ же самимъ. Баимъ былъ арзамасскимъ землевладѣльцемъ [8]) и служилъ вначалѣ „съ городомъ“, московскимъ же дворяниномъ сталъ позднѣе, вѣроятно, послѣ своего „головства“ у стрѣльцовъ въ Казани. Въ Нижнемъ, Арзамасѣ, Саранскѣ Болтины сидѣли и служили цѣлымъ гнѣздомъ, происходя, всего вѣрнѣе, изъ мѣстныхъ инородцевъ [9]). Семейныя и родовыя воспоминанія и личный

---

[1]) Изборникъ, стр. 372, 374—377; Книги Разр. II, 526; срвн. Д. В. Цвѣтаева, „Царь В. Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ“. Приложенія, кн. I (Варшава. 1901), стр. XXVI и сл.

[2]) Русск. Ист. Библ., X, стр. 203 (ясельничій вмѣсто Ив. Биркина); А. Юр. Быта, III, № 351. За годы 1633—1638 см., напримѣръ, Дворц. Разр. II, 404, 578, 658, 671, 874; Русск. Ист. Библ., IX, стр. 562.

[3]) Дворц. Разр. II, 682—683; Изборникъ, стр. 378.

[4]) Дворц. Разр. II, 722; Акты Моск. Гос. II, № 267.

[5]) Бантыша-Каменскаго „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“, I, стр. 227.

[6]) Дворц. Разр., III, 129—130, 134, 328, 363; Р. Ист. Библ., X, стр. 471, 476; А. П. Барсукова „Списки городовыхъ воеводъ“, стр. 238.

[7]) Дворц. Разр. III, 467.

[8]) Н. П. Загоскинъ, „Архивъ кн. В. И. Баюшева“, т. I (Казань. 1882), № 17 и 152.

[9]) Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Комиссіи, I, стр. 399, 401, 402, 403; Доп. къ А. И., VI, № 104; Н. П. Лихачевъ, „Разр. дьяки“, стр. 338; В. и Г. Холмогоровы. „Матеріалы для исторіи колонизаціи Саратовскаго сѣверо-восточнаго края“ (Саратовъ. 1891), стр. 42. - Я очень благодарю Ст. Б.

служебный опытъ въ Поволжьѣ и на Теркѣ дали Баиму достаточный запасъ матеріала для первой части его „хронографа“. Служебное счастье вынесло затѣмъ Баима въ верхніе слои московской администраціи и сдѣлало шире его личный кругозоръ. Онъ видѣлъ придворную жизнь, посольскіе съѣзды, иноземные дворы. Дьякъ и приказный человѣкъ, онъ интересовался прежде всего служебной стороною своей жизни и только служебныя свои воспоминанія записывалъ на память для себя, своихъ близкихъ и потомства. Его цѣлью, повидимому, было составить свою собственную разрядную, занеся въ нее всѣ тѣ назначенія и службы, какія казались ему достойными записи. Въ однихъ случаяхъ онъ писалъ по личнымъ своимъ воспоминаніямъ; въ другихъ заимствовалъ готовый разрядный матеріалъ, въ родѣ, напримѣръ, статей о посылкахъ царя Бориса къ воеводамъ послѣ битвъ 21 декабря 1604 года, и 20 января 1605 года [1]). Иногда же, повидимому, онъ пользовался воспоминаніями своихъ близкихъ; предполагаемъ, что такъ онъ записалъ, напримѣръ, любопытнѣйшія подробности погрома въ Таркахъ въ 1604 году или разсказъ о спасеніи арзамасскими и нижегородскими дворянами семи казаковъ на Восмѣ [2]). Самъ Баимъ врядъ ли бы могъ по моло-

---

Веселовскаго за слѣдующія доставленныя мнѣ свѣдѣнія: „Въ 7093 г. 5 мая упоминается въ Арзамасскомъ уѣздѣ помѣстье Матвѣя Болтина, изъ котораго часть была отдѣлена другому помѣщику. Былъ ли онъ живъ и почему часть его помѣстья была отдѣлена другому, неизвѣстно. (Помѣстн. Прик. По Арзамасу отказная кн. № 1, докум. № 17). Кромѣ Матвѣя въ Арзамасскомъ уѣздѣ прочно сидѣло цѣлое гнѣздо Болтиныхъ. Въ 7094 г. упоминаются помѣщики Тешскаго стана Иванъ Дмитріевъ сынъ, Иванъ, Ѳедоръ и Василій Михайловы дѣти Болтиныхъ (Тамъ же, докум. № 24). Въ 110 г. 12 іюля по челобитью Ѳедора Михайлова Болтина ему были отдѣлены пустоши и полянки въ его помѣстную дачу въ 240 четей. Весь окладъ его—500 четей (Тамъ же, докум. № 168). Въ 134 г. 1 января въ Тешскомъ же стану упоминаются помѣстья Иваниса, Самсона и Аверкія Ѳедоровыхъ дѣтей Болтиныхъ. Въ челобитной они называли свои помѣстья старинными отца ихъ помѣстьями (По Арзамасу отказная кн. № 5, докум. № 94). Въ 136 г. Иванису Болтину окладъ былъ 400 четей: въ дачѣ у него было въ Арзамаскомъ уѣздѣ 238 четей съ третникомъ. По его челобитью ему была отдѣлена поляна Сергасъ въ додачу къ окладу (Тамъ же докум. № 130). Въ 147 г. 31 мая Баимъ Ѳедоровъ Болтинъ билъ челомъ государю, что его окладъ 1000 четей, „и за нимъ де помѣстья въ Арзамасѣ да въ Мещерѣ да на Алатырѣ 781 четь“. Въ другомъ челобитьѣ 147 г. онъ говорилъ, что у него въ этихъ же уѣздахъ въ дачѣ 811 четей безъ третника (Отказная кн. № 8, докум. № 33). Онъ просилъ отдѣлить ему черный лѣсъ въ Тешскомъ стану „подлѣ его вотчинныя деревни Вонючки, Лукьяново тожъ, за рѣчкою за Вонючкою“ и т. д. Ему было отдѣлено (Отказн. по Арзамасу, кн. № 8, докум. № 21)“.

[1]) Изборникъ, стр. 325—327; С. А. Бѣлокуровъ, „Разрядныя записи“, стр. 170—172; 196—198.

[2]) Изборникъ, стр. 321—323 и 335—336; срвн. С. А. Бѣлокуровъ, „Сношенія Россіи съ Кавказомъ“, М. 1889, стр. CX.

дости своей участвовать въ дальнемъ походѣ на кумыковъ, откуда, кстати сказать, немногіе и спаслись; сверхъ того, если бы онъ былъ въ Тарках, то, разумѣется, съ городомъ, съ арзамасцами и, въ такомъ случаѣ, непремѣнно упомянулъ бы о своемъ „городѣ“ въ перечнѣ участниковъ похода, а этого упоминанія какъ разъ и нѣтъ въ его записи. Если бы, далѣе, Баимъ былъ самъ въ числѣ тѣхъ арзамасскихъ дворянъ, которые на Восмѣ отпросили казаковъ отъ казни, то онъ иначе, подробнѣе, построилъ бы разсказъ о разбояхъ Петрушки и его казаковъ на Волгѣ, а кромѣ того не преминулъ бы назвать свой „городъ“ въ составѣ войскъ, побѣдившихъ на Восмѣ; между тѣмъ, по ходу его изложенія, мы только сами можемъ заключить, что нижегородцы и арзамасцы, участвовавшіе въ бою, пришли на Восму съ воеводою Гр. Гр. Пушкинымъ изъ Арзамаса черезъ Серебряные Пруды и Дѣдиловъ. Предполагая здѣсь запись Баима не по личнымъ впечатлѣніямъ, а съ чужихъ словъ, мы, конечно, рискуемъ ошибиться. Быть можетъ, и въ этихъ случаяхъ, какъ во многихъ иныхъ, Баимъ самъ былъ участникомъ и очевидцемъ. Свои собственныя впечатлѣнія онъ обыкновенно записывалъ съ большою объективностью, говоря о себѣ всегда въ третьемъ лицѣ и присвоивъ себѣ отчество съ „вичемъ“ лишь тогда, когда ему далъ на то право служебный обычай его эпохи. Иногда Баимъ даже и вовсе не упоминалъ своего имени въ запискахъ о тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ несомнѣнно лично участвовалъ: такъ было, напримѣръ, въ разсказѣ о зимнемъ походѣ подъ Новгородъ 1614 года. Такъ какъ своимъ записямъ Баимъ придавалъ привычную для служилаго человѣка форму разрядныхъ „статей“, то такой пріемъ былъ совершенно обыченъ и понятенъ.

Но время, въ которое Баиму пришлось жить и служить, было исключительнымъ по своему драматизму и богатству историческаго движенія. Самозванщина, разруха, тяжелыя войны съ чужими и своими— давали такое разнообразіе сильныхъ и яркихъ впечатлѣній, что ихъ нельзя было уложить въ короткія строки сухой разрядной отмѣтки. Неудержимо сказывалось желаніе закрѣпить для себя и для потомства подробности пережитаго и выстраданнаго. И вотъ разрядныя замѣтки постепенно вырастаютъ въ цѣлое повѣствованіе съ такими подробностями, какія не имѣютъ значенія для службы и мѣстническаго случая, но интересны въ былевомъ и бытовомъ смыслѣ. Дѣловой тонъ разряднаго писанія избавляетъ автора отъ необходимости облекать эти подробности въ вычурную форму книжной рѣчи, установленную литературными вкусами того времени, и этимъ обезпечиваетъ точность и непосредственность описанія. Авторъ, такимъ образомъ, вышелъ изъ казенныхъ рамокъ разрядной, но еще не дошелъ до искусственнаго литературнаго творчества. Онъ на той стадіи историографическаго искусства,

которое даетъ хронику и наивный мемуаръ. Нѣчто въ такомъ именно родѣ и создалъ Баимъ Ѳедоровичъ Болтинъ, написавъ въ видѣ хроники современныхъ ему событій какъ бы записки о своихъ службахъ. Словами своего современника онъ могъ бы сказать про себя: „елико чего изыскалъ, толико сего и написалъ“—„понеже бо онъ самъ сіе существенно видѣлъ и иные бо вещи отъ изящныхъ безприкладно слышелъ“.

Итакъ Столяровъ хронографъ не есть ни „лѣтописное сочиненіе мѣстнаго лѣтописателя“, ни „лѣтопись по офиціальному порученію“, ни, наконецъ, разрядная книга въ обычномъ смыслѣ термина. Если искать для памятника точнаго опредѣленія, то всего скорѣе можно его поставить на первомъ мѣстѣ между „записками“ русскихъ людей XVII вѣка, въ непосредственной близости съ записками князя С. И. Шаховского, отъ которыхъ трудъ Болтина отличается замѣчательною полнотою. Подробное изученіе Столярова хронографа съ этой точки зрѣнія очень желательно и можетъ дать интересные результаты.

11 декабря 1908 г.

Проф. С. Платоновъ.

III.

Кредитъ въ земскомъ хозяйствѣ XVII вѣка.

М. М. Богословскаго.

Возникновеніе земскаго самоуправленія, введеннаго грамотами XVI вѣка, отмѣнявшими правительственныхъ агентовъ областной администраціи и передававшими ихъ обязанности выборнымъ отъ земскихъ міровъ, не одновременно съ возникновеніемъ самихъ земскихъ міровъ, которымъ самоуправленіе было предоставлено. Не такъ называемой реформѣ Ивана Грознаго, не земскимъ и губнымъ грамотамъ обязаны земскіе міры своимъ происхожденіемъ. Они возникли задолго до грамотъ, они выростали органически и складывались самою жизнью, хотя и не безъ воздѣйствія со стороны государства. Суть земской реформы XVI вѣка заключалась не въ созданіи этихъ общественныхъ союзовъ, а только въ томъ, что уже готовымъ, сложившимся и сформировавшимся союзамъ-мірамъ переданы были государственныя дѣла, до того времени поручавшіяся правительственнымъ агентамъ: сборъ тягла и отправленіе правосудія. Такимъ образомъ, земскіе міры изъ частно-правовыхъ союзовъ становились публично-правовыми организаціями. Правда, въ народныхъ взглядахъ значеніе „міра“ не ограничивалось этими частно-правовыми хозяйственными рамками и міръ всегда разсматривался какъ высшій юридическій и даже нравственный авторитетъ; но съ середины XVI вѣка и государство, санкціонируя создавшіеся жизнью союзы, надѣляло ихъ правительственными полномочіями.

Такими публично-правовыми „мірами“ становились тѣ союзы, въ которые сложилось къ тому времени общежитіе: волости, представлявшія изъ себя группы деревень, всегда очень мелкихъ въ XVI и XVII вв., отдѣльные крупные неземледѣльческіе поселки — слободы и городскія поселенія — посады. Не вездѣ самоуправленіе этихъ міровъ оказалось одинаково прочнымъ. Въ центрѣ Московскаго государства самоуправленіе волостныхъ обществъ разрушалось дѣйствіемъ частнаго землевладѣнія и крѣпостного права. Свободная волость жаловалась въ вотчину землевладѣльцу. Нѣкоторое время она сохраняла еще свою цѣльность и весь свой строй подъ его властью; но затѣмъ дробилась при переходахъ по наслѣдству и отчужденіяхъ по частямъ. Члены волостного міра оказывались не болѣе, какъ крѣпостными людьми землевладѣльца, которыми онъ могъ

распоряжаться по произволу. Только на сѣверѣ, въ Поморьѣ, не знавшемъ ни служилаго землевладѣнія, ни связаннаго съ нимъ крѣпостного права, въ краю, гдѣ долго жили преданія новгородской свободы, земскіе міры продолжали свое дальнѣйшее развитіе. Правда, здѣсь имъ грозили аппетиты другого рода землевладѣльцевъ — монастырей, которыми они и поглощались, становясь монастырскими вотчинами. Но волость, жалуемая въ вотчину тому или другому монастырю, не терпѣла той судьбы, какую испытывала волость, попадавшая въ руки частнаго землевладѣльца. Ея цѣльность не разрушалась, потому что она не передавалась по наслѣдству и не отчуждалась по частямъ. Подъ защитой и руководствомъ монастыря волостной міръ продолжалъ быть такою же самоуправляющеюся единицей, какъ черная, государственная волость подъ надзоромъ воеводской власти, становящейся надъ мірами съ началомъ XVII вѣка.

Мірская организація развивается на поморскомъ сѣверѣ и подъ воеводской властью. Какъ и всякое развитіе, развитіе этой организаціи выражается въ двухъ параллельныхъ процессахъ: дифференціаціи и интеграціи земскихъ міровъ. Колонизація Поморья продолжается; возникаютъ новые мелкіе союзы путемъ дробленія старыхъ или выдѣленія изъ нихъ частей. Одновременно съ этимъ мелкіе союзы сосредоточиваются въ болѣе крупные; волостные міры во главѣ съ городомъ складываются во „всеуѣздный“ земскій міръ, земскую единицу, подобную нашему теперешнему губернскому земству, включающему въ себя и объединяющему уѣздныя. Каждая изъ этихъ земскихъ единицъ снабжена своими органами: волостное земство дѣйствуетъ посредствомъ волостного схода и избираемыхъ на этомъ сходѣ волостныхъ земскихъ властей. Депутаты отъ волостныхъ сходовъ собираются совмѣстно съ представителями города на всеуѣздный съѣздъ который избираетъ агентовъ исполнительной власти въ видѣ „всеуѣздныхъ“ старостъ и судей.

Каждый изъ этихъ союзовъ: волостной, посадскій и всеуѣздный ведетъ свое хозяйство. Сѣверная волость, какъ и посадъ были нерѣдко промысловыми союзами, коллективно эксплуатировали тотъ или иной сельскохозяйственный промыселъ, напр., сѣнной покосъ, рыбную ловлю. Но волость, посадъ и всеуѣздный міръ представляютъ изъ себя союзы, ведущіе также и денежныя операціи. Рѣчь идетъ здѣсь не о тяглѣ, не о сборѣ казенныхъ податей, бывшемъ изъ этихъ операцій самою значительною; но и помимо тягла у каждаго міра были денежныя траты на „мірскія издержки“, „мірскіе расходы“. Правда, по величинѣ эти послѣдніе несоизмѣримы съ казеннымъ тягломъ; ни сельскій, ни городской міръ XVII в. не знали еще тѣхъ широкихъ потребностей благоустройства, какія удовлетворяются современными намъ земствами. Но все же міру XVII в. приходилось имѣть общественную казну и тратить деньги на нѣкоторыя общія нужды и притомъ нужды не только матеріальнаго, но

и духовнаго порядка. Прежде всего денежныхъ затратъ изъ общей мірской волостной или посадской кассы требовало иногда самое владѣніе тѣми общими угодьями, на которыхъ міръ велъ промыселъ и которыя онъ снималъ на оброкъ у казны. Такъ, напр., волость Лузская Пермца Сольвычегодскаго уѣзда платила за казенные лѣса и рыбныя ловли, находившіеся у нея въ держаніи, 7 рублей ежегодно. Эти деньги и платились изъ общеволостныхъ средствъ. Если волость совпадала съ приходомъ, она общими средствами строила и содержала церковь, нанимала священника съ причтомъ, отводила имъ землю и, можетъ быть, не оставляла также безъ вниманія и тѣхъ келій на церковномъ погостѣ, которыя служили цѣлямъ общественнаго призрѣнія и въ которыхъ жили нищіе. Соборный храмъ въ городѣ—центрѣ всеуѣзднаго міра—строился на средства этого міра. Такъ, напр., въ 1663 г. устюжское всеуѣздное земское собраніе постановило ассигновать 400 рублей изъ мірскихъ средствъ на достройку каменной соборной церкви [1]). Немаловажной статьей мірского расхода было содержаніе органовъ собственнаго же самоуправленія. Сюда относятся издержки по созыву волостного схода или всеуѣзднаго съѣзда, содержаніе для этихъ сходовъ иногда особыхъ мірскихъ дворовъ, разсылка повѣстокъ членамъ схода; далѣе содержаніе выборныхъ должностей волостныхъ, посадскихъ и всеуѣздныхъ: старостъ, судей и др., называвшееся въ актахъ „наймомъ“, плата земскому дьячку, игравшему роль секретаря земства, содержаніе зданій, въ которыхъ имѣли свои засѣданія земскія власти: земской избы въ городѣ, особыхъ судебныхъ избъ, какія встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ, а также городскихъ и волостныхъ тюремъ. Кромѣ постоянныхъ земскихъ властей міръ долженъ былъ выбирать, а иногда нанимать экстренныхъ агентовъ: цѣловальниковъ для различныхъ экстренно возникающихъ дѣлъ, ходоковъ по дѣламъ волости въ уѣздный городъ, посыльщиковъ волостныхъ и всеуѣздныхъ для тѣхъ же цѣлей въ Москву. Каждый изъ этихъ агентовъ, кромѣ получаемаго содержанія, тратилъ деньги на мірскія нужды, которыя потомъ и взыскивалъ съ міра, представляя счетъ. Самое отправленіе тягла, сборъ денегъ, хлѣбныхъ запасовъ или людей, напр., даточныхъ или работниковъ и отсылка ихъ въ уѣздный центръ или столицу требовали также многочисленныхъ дополнительныхъ расходовъ, которые входили въ составъ мірскихъ издержекъ. Наконецъ, на мірскія же плечи продолжало падать и содержаніе правительственной администраціи, гласное и негласное: подарки въ московскомъ приказѣ, подношенія мѣстному воеводѣ и всѣмъ мелкимъ чинамъ администраціи, постояннымъ и временно командируемымъ въ уѣздъ или волость, до послѣдняго разсыльщика включительно. Словомъ, каждое соприкосновеніе зем-

[1]) Р.И. Б. XII, стр. 382.

ства съ правительственнымъ чиномъ сопровождалось для міра болѣе или менѣе значительнымъ расходомъ.

Для покрытія всѣхъ этихъ мірскихъ расходовъ, изъ которыхъ большая часть, шедшая на содержаніе правительственной администраціи и земскихъ выборныхъ, занятыхъ главнымъ образомъ также исполненіемъ требованій государства, а не удовлетвореніемъ мѣстныхъ нуждъ,— служила какъ бы прямымъ продолженіемъ и дополненіемъ казеннаго тягла, земскій міръ волостной, посадскій и всеуѣздный собиралъ средства съ своихъ членовъ путемъ самообложенія, правомъ котораго онъ пользовался. Цѣли и размѣръ самообложенія устанавливались на земскомъ собраніи, т.-е. на волостномъ или посадскомъ сходѣ и на всеуѣздномъ съѣздѣ. Вотъ примѣръ волостного приговора о самообложеніи на волостныя нужды: „Се язъ", читаемъ въ приговорѣ волостного схода Утмановской волости Устюжскаго уѣзда, „земскій судья Михайло Ивановъ сынъ Поповыхъ да церковный староста И. Д. Меньшенинъ... и всѣ крестьяне Утмановской волости приговорили есмя и розрубили собрати сборному старостѣ С. П. Курдюмову Утмановскіе волости съ насъ крестьянъ: стольнику и воеводѣ П. Т. Измайлову да подьячему А. Мискову на праздничное на Петровское (т.-е. въ праздникъ Петрова дня) и на всякій мірской расходъ 9 рублевъ. Да въ никольскую кабалу въ $1^1/_2$ рубли, что займовали мірскіе люди, давали въѣзжее и въ почесть подьячему М. Протопопову съ товарищи; да ему старостѣ въ прежнюю издержку въ полтретья $2^1/_2$ рубля". Далѣе перечисляются еще нѣсколько статей мірскихъ расходовъ: по гривнѣ человѣку бывшимъ судьямъ и старостамъ съ 1666 по 1670 г. и 20 мірскимъ людямъ, которые ходили на устюгъ Великій, будучи вызваны туда для допроса командированнымъ изъ Москвы стряпчимъ Е. Н. Хрущевымъ, производившимъ слѣдствіе о поборахъ и притѣсненіяхъ устюжской администраціи; такой же платежъ двумъ мірскимъ посыльщикамъ, которыхъ міръ посылалъ въ Устюгъ отстаиваться на правежѣ за волость въ податныхъ недоимкахъ; 2 гривны четыремъ сборнымъ старостамъ, „что они издержали на съѣзжемъ дворѣ писчаго", т.-е. уплатили въ воеводской канцеляріи подьячимъ за писаніе разныхъ актовъ при взносѣ въ воеводскую канцелярію мірскихъ платежей; да судьѣ въ издержку 14 алтынъ, что издержалъ въ мірскомъ дѣлѣ и т. д. „И всѣхъ денегъ", заканчиваетъ приговоръ, „въ разрубѣ 20 руб. 18 алт... И тѣхъ денегъ розрубили брать съ выти по 18 алтынъ, въ томъ ему, старостѣ, и приговоръ дали" [1]). Въ мартѣ 1631 г. бывшій сольвычегодскій всеуѣздный земскій староста Е. Бояркинъ, занимавшій эту должность въ 1629—1630 году, представилъ земскому собранію отчетъ въ

[1]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Приказн. дѣл. 1652. № 101.

издержанныхъ имъ въ годъ своего старощенья „мірскихъ всеуѣздныхъ деньгахъ“. Всего у него въ расходѣ значилось: 3643 р. 15 алтынъ. Изъ этой суммы 1434 р. 8 алт. 2 ден. пошло на содержаніе ямовъ и ямщиковъ, т.-е. казенной почты, бывшей однимъ изъ видовъ казеннаго тягла; далѣе въ одну статью въ этомъ отчетѣ соединены расходы въ 98 р. на строеніе храма св. Ильи Пророка, на жалованье казенному и тюремнымъ сторожамъ и „заплечному мастеру“; на ремонтъ двухъ земскихъ дворовъ 341 руб. 15 алт.; на ремонтъ тюрьмы и другіе необозначенные подробно расходы 319 руб. 20 алт. 4 ден.; далѣе: „воеводамъ и подьячимъ, и сыщикамъ, и проѣзжимъ воеводамъ харчи и на праздники, что ношено и что деньгами въ почесть давано — 943 руб. 31 алт.“; посыльщику, отправленному въ Москву для ходатайства по дѣламъ сольвычегодскаго земства... 10 руб. Остальное пошло на уплату по займамъ, сдѣланнымъ земствомъ, на погашеніе мірскихъ кабалъ, выданныхъ разнымъ кредиторамъ [1]).

Любопытно, что очень нерѣдко для покрытія какъ причитающагося съ него тягла, такъ и своихъ мірскихъ расходовъ, земскій міръ прибѣгаетъ къ займамъ. Въ приведенномъ приговорѣ Утмановской волости упоминается „никольская кабала, что займовали мірскіе люди“, т.-е. заемъ, заключенный у Никольской церкви; указано и назначеніе займа: покрытіе экстреннаго расхода на подарки подьячимъ по случаю ихъ пріѣзда. Мірскія кабалы фигурируютъ и въ отчетѣ сольвычегодскаго всеуѣзднаго старосты. Вообще обращеніе къ кредиту служитъ однимъ изъ обычныхъ рессурсовъ земскаго хозяйства въ XVII в. Такъ, мы встрѣтили въ документахъ указанія на займы волостныхъ земствъ волостей въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ: Лальской, Утмановской, Пятницкаго сельца, Вилегодской: Никольскаго, Пречистенскаго и Покровскаго приходовъ, Вилегодской Ильинскаго прихода, Ратмировскаго стана, Лузской Пермцы: Объячевскаго и Ношульскаго приходовъ и Алексинскаго стана. Въ Устюжскомъ уѣздѣ: Пермогорской, Утмановской, Городищенской, Юрьева Наволока, Уфтюжской, Ярокурской, Ивановской, Орловской, Варженской, Ерогоцкой и становъ Комарицкаго, Вондокурскаго и Сухонскаго чернаго. Въ Устьянскихъ волостяхъ: Дмитріевской и Соденской волостей. Въ Чарондской округѣ Ротковской волости. Изъ уѣздныхъ земствъ намъ попались документы о займахъ: Устюжскаго, Сольвычегодскаго, Чердынскаго, Хлыновскаго, Чарондской округи. На Вяткѣ, какъ извѣстно, объединеніе земскихъ міровъ не ограничивалось уѣздами, шло дальше, и вятскіе пять уѣздовъ составляли вмѣстѣ высшее цѣлое „Вятскую землю“. Эта Вятская земля, какъ земская единица, занимаетъ деньги

[1]) Ibidem. Пр. Д. 1632. № 30.

„всѣми пятью городами“ [1]). Обратить вниманіе на эту черту земскаго хозяйства XVII вѣка и ставитъ себѣ задачею предлагаемая статья.

Займы заключались, какъ гласятъ документы: „на мірской расходъ и на всякую земскую издержку“, „на волостное дѣло“, „для волостного земскаго дѣла“, „на волостную издержку“, и осуществлялись обыкновенно выборными земскими властями по уполномочію міра, которое иногда включалось въ самый избирательный протоколъ, составлявшійся при избраніи земскихъ властей, въ такъ называемый „выборъ“, скрѣплявшійся подписями избирателей [2]). Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ въ избирательный протоколъ вносилась оговорка о томъ, что мірскія выборныя власти могутъ производить займы не иначе, какъ по спеціальному приговору міра [3]). Въ 1638 г., когда между Яхренгскою волостью Устюжскаго уѣзда и ея посыльщикомъ, отправленнымъ на Устюгъ, возникло недоразумѣніе по поводу сдѣланнаго имъ мірского займа, дошедшее до судебнаго разбирательства у воеводы, послѣдній получилъ предписаніе изъ приказа навести справку о мірскомъ полномочіи на заемъ, „досмотрѣть“ посыльную запись посыльщика и только въ томъ случаѣ, если посыльщикъ занималъ деньги „по мірскому велѣнью“, воевода долженъ былъ удовлетворить его претензіи къ міру [4]). Въ другихъ случаяхъ наличность мірского полномочія за наемъ удостовѣрялась очной ставкой занимавшихъ деньги мірскихъ агентовъ съ старостами и мірскими людьми, которые вызывались къ допросу. Такъ, при взысканіи устюжскимъ Архангельскимъ монастыремъ по кабаламъ съ трехъ волостей устюжскаго уѣзда: Орловской, Ерогоцкой

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 199, л. 241—42; 1628 № 13; Пятницкое сельцо; 1628 № 72, Вилегодская вол.; 1638 № 14, Вилегодск. вол.; 1638 № 70, Ратмировскій станъ; 1640 № 79, Лузская Пермца; 1628 № 72, Пермогорская вол., Утмановская вол.; 1631 № 56, Городищенская вол.; 1633 № 13, Алексинскій станъ; 1636 № 76, челобитье Арханг. Устюжскаго монастыря на волостные міры, обращавшіеся къ кредиту; 1630 № 81, л. 10, Устьянская Дмитріевская волость; 1641 № 86, Устьянская Соденская волость; 1641 № 30, Чарондской округи Ротковская вол. Займы всеуѣздныхъ міровъ: Устюжскаго: Пр. Д. 1626 № 15; 1627 № 67, л. 22—23; 1628 № 72; 1631 № 55; 1634 № 29, л. 11—18; 1635 № 21, л. 12; 1646 № 148 1655 № 52. Сольвычегодскаго: Пр. Д. 1632 № 30. Чердынскаго: Пр; Д. 1636 № 81. Хлыновскаго: Пр. Д. 1628 № 64. Чарондскаго: Пр. Д. 1639 № 44. Вятской земли: Пр. Д. 1623 № 32.

[2]) Пр. Д. 1628 № 72: „а въ выборѣ у него старосты (устюжскаго ямского старосты) написано, что они, судьи, и всѣ посадскіе люди и волостные крестьяне, ему, старостѣ, на ямскіе отпуски и на всякую мірскую издержку деньги велѣли займовать“.

[3]) Пр. Д. 1636 № 6. Выборъ Сухонскаго Нововышлаго стана Устюжск. у.: „а въ кабалы судьѣ и старостѣ безъ мірского вѣдома не займовать на мірское дѣло“.

[4]) Пр. Д. 1638 № 14.

и Вондокурскаго стана, воеводѣ, разбиравшему это дѣло, велѣно было Устюжской четвертью, куда обратился монастырь, дать очную ставку занимавшимъ деньги мірскимъ агентамъ съ старостами и крестьянами волостей и разслѣдовать, по ихъ ли мірскому велѣнью и на мірскіе ли расходы были заняты деньги [1]). Въ 1633 г. или въ 1634 г. (7142 г.) устюжскій земскій судья Иванъ Завалинъ, будучи по дѣламъ въ Москвѣ, занялъ для погашенія прежнихъ долговъ устюжскаго земскаго міра 400 рублей у знаменитаго національнаго героя боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, который вообще, какъ видно изъ сохранившихся его челобитныхъ, давалъ деньги въ ростъ. Въ срокъ, который истекъ на Рождествѣ 1634 г., деньги не были возвращены, и въ маѣ 1636 г. кн. Пожарскій отправилъ на Устюгъ по этому дѣлу своихъ „людей“: А. Брызгалова и Лаврина. Устюжскій воевода вызвалъ къ отвѣту весь составъ земскихъ властей, служившихъ по выборамъ съ Завалинымъ. Послѣдній показывалъ, что заключилъ заемъ на мірскую издержку на основаніи полномочій, значащихся въ его выборѣ и данныхъ ему особыми мірскими приговорами съ согласія своихъ товарищей по земскому управленію: „по ихъ товарищей своихъ и по мірскому велѣнью, и по выбору, и по одиначной памяти мірскихъ людей за ихъ руками“, при чемъ представилъ воеводѣ эти документы. Одинъ изъ товарищей Завалина, бывшій „судецкій староста“ Б. Ростовецъ отрицалъ свое участіе въ займѣ и заявлялъ, что „тотъ Иванъ Завалинъ, будучи на Москвѣ, оболгалъ боярина кн. Д. М. Пожарскаго, занялъ у него въ кабалу денегъ, сказавъ на мірскую издержку. А у него Ивана Завалина отъ міра посыльные не было, что деньги займовать на мірскую издержку, и не для мірского дѣла онъ, Иванъ, былъ на Москвѣ“. Чтобы провѣрить представленные Завалинымъ выборъ и приговоръ, воевода вызвалъ мірскихъ людей, приложившихъ къ нимъ руки. „И іюня въ 1 день“, доносилъ воевода въ Москву, „пришли къ намъ, холопамъ твоимъ, „изъ земскіе избы устюжане посадскіе люди Иванъ Омельяновъ, Павелъ Кабановъ и всѣ устюжане посадскіе люди лучшіе и середніе, и молодшіе, и многіе волостные крестьяне, и въ съѣзжую избу и сѣни, и на площадь ихъ мірскихъ людей нашло полно“. Черезъ бирича собравшіеся заявили воеводѣ, что Завалина міръ въ Москву не посылалъ и занимать деньги не уполномочивалъ. Тогда воевода распорядился объ отдачѣ Завалина и его товарищей Я. Кожевника и Г. Губина на поруки въ томъ, что имъ явиться въ Устюжскую четверть, въ которой былъ возбужденъ искъ кн. Пожарскимъ [2]).

Иногда міръ избиралъ особыхъ лицъ спеціально для заключенія

---

[1]) Пр. Д. 1638. № 70.

[2]) Пр. Д. 1635 № 21, л. 12, 33—37. Другія дѣла Пожарскаго см. Пр. Д. 1635 № 77.

займа. „Се язъ, судья Н. Никифоровъ“, читаемъ мы въ приговорѣ Объячевскаго и Ношульскаго приходовъ волости Лузской Пермцы, „да цѣловальникъ А. Ивановъ, да А. Никитинъ... да и всѣ крестьяне Объячевскаго и Ношульскаго приходовъ выбрали есмя и послали къ Сысолѣ денегъ займовать Іюду Леонтьева да Ермолу Акимова, гдѣ будетъ тѣмъ посыльщикамъ можно деньги занять и кабалы давать на себя по сей посыльной, какъ гдѣ можно занять. А деньги занять на мірской расходъ. А тѣ намъ заемныя кабалы міромъ выкупать, у кого на Сысолѣ деньги займутъ. А имъ, посыльщикамъ, убытка намъ по заемнымъ кабаламъ не привести; а выкупать намъ тѣ заемныя кабалы мірскими сборными деньгами“ [1]). Такимъ образомъ уполномоченнымъ предоставлялось найти кредитора и опредѣлить условія займа; они обязывались только не причинить міру займомъ убытка, т.-е. заключить его на возможно болѣе выгодныхъ для міра условіяхъ. Бывали случаи, когда мірской выборный староста, цѣловальникъ или посыльщикъ-ходатай по земскимъ дѣламъ, когда дѣло не терпѣло отлагательства, въ особенности, когда приходилось дѣйствовать вдалекѣ отъ міра, напр. въ уѣздномъ городѣ или въ Москвѣ, если не доставало имѣвшихся при немъ мірскихъ денегъ, перехватывалъ гдѣ могъ деньги на мірскія издержки и безъ мірского полномочія и послѣ считался съ міромъ, всегда, впрочемъ, подвергая свой карманъ риску. Такъ разрубной цѣловальникъ Алексинскаго стана Устюжскаго уѣзда въ отчетѣ объ исправленіи должности различаетъ займы для волостного земскаго дѣла, которые онъ въ теченіе своего года заключилъ съ волостными людьми, отъ тѣхъ, которые онъ заключилъ одинъ, дѣйствуя безъ мірского полномочія [2]). Недоразумѣнія и столкновенія волостей и уѣздныхъ земствъ съ ихъ выборными по поводу мірскихъ кабалъ происходили постоянно, и въ значительномъ количествѣ случаевъ свѣдѣнія о земскихъ займахъ мы и почерпаемъ изъ документовъ, составленныхъ благодаря такимъ столкновеніямъ, иногда кончавшимся миромъ, иногда приводившимъ къ судебному разбирательству.

Самая кабала писалась обыкновенно на имя уполномоченнаго, заключавшаго заемъ, съ упоминаніемъ о цѣли займа и дѣйствительномъ коллективномъ заимщикѣ, представителемъ котораго являлся уполномоченный; говорилось, что деньги взяты, напр., „на земскій мірской расходъ во всю такую-то волость“. Взысканіе предъявлялось къ уполномоченному, и онъ выступалъ въ этомъ случаѣ отвѣтчикомъ, а потомъ уже въ свою очередь вѣдался съ міромъ [3]). Иногда же кабала писалась отъ имени всего міра,

[1]) Пр. Д. 1640 № 79.

[2]) Пр. Д. 1633 № 13.

[3]) Пр. Д. 1630 № 81, л. 10 „Списокъ съ кабалы слово въ слово. „Се язъ Костянтинъ, а прозвищемъ Пьянка Агафоновъ сынъ Роскотого Устьянскихъ волостей

обозначавшагося въ той формѣ, въ которой онъ обозначался въ мірскихъ приговорахъ, и тогда взысканіе предъявлялось непосредственно къ міру [1]). Иногда мірской заемъ обезпечивается поручительствомъ частныхъ лицъ, на которыхъ также простирается взысканіе въ случаѣ неуплаты долга міромъ [2]). Мірскія кабалы переходили по рукамъ, какъ теперешніе векселя, передавались по наслѣдству и принимались наравнѣ съ деньгами въ погашеніе долговыхъ обязательствъ. Такъ Антоніевъ Сійскій монастырь пріобрѣлъ мірскую кабалу, выданную пинежскими и мезенскими заказчиками нѣкоему Ю. К. Попову, у котораго они занимали деньги на земскіе расходы, а этимъ Ю. К. Поповымъ отданную въ монастырь въ уплату его долга. Печенгскій монастырь пріобрѣтаетъ такимъ же порядкомъ мірскую кабалу Спасскаго стана Двинскаго уѣзда, выданную подьячему Спиридонову, у котораго міръ занималъ деньги [3]). Монастыри въ

Дмитріевскіе сошки крестьянинъ *волостной посыльщикъ* занялъ есми на Москвѣ у государева стремянного стрѣльца Лукьянова приказу Ивановича Мясного у Тимофея Иванова 15 руб. денегъ московскихъ ходячихъ марта отъ перваго числа да до Троицына дни нынѣшняго 133 году. А занялъ я, Костянтинъ, а прозвищемъ Пьянка, эти деньги *въ мірской расходъ въ челобитье*. А давати мнѣ ему на эти деньги свершку на всякій рубль на недѣлю по грошу до сроку. А полягутъ деньги по срочѣ, и мнѣ ему на тѣ деньги потому жъ свершекъ давати на всякой рубль на недѣлю по грошу, сколько учну тѣ его деньги за собою держати. А на то послуси: Жданъ Григорьевъ да Семенъ Лавринъ. А кабалу писалъ Михалко Аврамовъ. Лѣта 7133".

[1]) Пр. Д. 1628 № 72. „Царю государю... бьетъ челомъ твоя государева сирота уѣзда Соли Вычегодскіе Кирилко Исаковъ. Взяти, государь, мнѣ Вилегодскіе волости Никольскаго и Пречистенскаго приходу по братнѣ кабалѣ Пятого Исакова на прошломъ розрубномъ цѣловальникѣ на Козьмѣ Ивановѣ сынѣ Тороповѣ да на Несторѣ Петровѣ, на Козьмѣ Елисѣевѣ, на Савѣ Васильевѣ Козицынѣ, на Афанасьѣ Петровѣ Гаева, на Жданѣ Верещагинѣ и на всѣхъ крестьянѣхъ истину 100 руб... Да мнѣ же, государь, взяти по давой брата моего Ерофея на крестьянѣхъ Вилегодскіе волости Никольскаго и Пречистенскаго приходу на прошломъ розрубномъ цѣловальникѣ на Петрѣ Ивановѣ сынѣ Шишки да на (перечислено 12 именъ) и на всѣхъ крестьянѣхъ Никольскаго, Покровскаго и Пречистенскаго приходовъ, что заняли у Федора Тимофеева сына Тараканова 22 рубля на мірской расходъ на сибирскій на хлѣбной запасъ.

[2]) Пр. Д. 1638 № 36.

[3]) Пр. Д. 1638 № 70. „Царю государю... бьютъ челомъ нищіе твои государевы богомольцы Устюга В. Арханге льскаго монастыря архимандритъ Пафнутій съ братіею. Жалоба, государь, намъ Устюжскаго уѣзду Вондокурскаго стану на прошлыхъ судеекъ на Г. И. Преловскаго да Г. Бѣляева сына Викторова, да того же стану на крестьянъ на А. Р. Сухнева, на И. Л. Чупановскаго и на всѣхъ крестьянъ, *да на поручиковъ на ихъ*, на И. Юрьева да на В. Д. Кострова съ товарищи. Взяти, государь, намъ по кабалѣ на тѣхъ заимщикахъ и на поручикахъ, и на всѣхъ крестьянѣхъ 100 руб. денегъ да на тѣ деньги ростъ на пять шестой. А тѣ, государь, деньги займовали они, судейки, и всѣ крестьяне въ 141 г. на мірскую на волостную издержку.

этихъ случаяхъ какъ бы играютъ роль банкирскихъ домовъ, занимающихся учетомъ земскихъ векселей.

Какъ извѣстно, монастыри вообще занимались широкими операціями кредита и между прочимъ выдавали ссуды земскимъ мірамъ [1]). На ряду съ монастырями, обычными кредиторами земствъ, являются капиталисты изъ своей же посадской или крестьянской братіи; но встрѣчаемъ также и представителей бѣлаго духовенства и аристократическихъ титулованныхъ фамилій. Такъ напр., Лальская волость Сольвычегодскаго уѣзда занимаетъ деньги у извѣстныхъ богачей изъ мѣстныхъ сольвычегодскихъ крестьянъ Авдѣя и Дмитрія Паламошныхъ [2]). Посыльщикъ Утмановской волости Устюжскаго уѣзда, будучи на Устюгѣ по волостнымъ дѣламъ, обратился за деньгами на мірскую издержку къ четыремъ кредиторамъ: занялъ у дьякона С. Патрикѣева 15 р., у К. Я. Усова 4 р., у крестьянина Яхренгской волости Коковина 10 р. и у крестьянина Енанской волости А. И. Барана 2 р. [3]) Устюжскій всеуѣздный міръ за время съ 20-хъ по 60-е годы XVII вѣка кромѣ Архангельскаго монастыря и церкви Прокопія Чудотворца, у которой міръ занялъ 400 р. въ 1663 г. на достройку каменнаго соборнаго храма, бралъ ссуды у нѣсколькихъ членовъ видной устюжской коммерческой фамиліи Босыхъ: Василія Алексѣя и Кирилла, и у другихъ устюжскихъ капиталистовъ: Исаака Ревякина и Василія Федотова, входившихъ въ составъ высшихъ московскихъ купеческихъ корпорацій гостей и гостиной сотни, но не утрачивавшихъ связи и съ роднымъ имъ устюжскимъ обществомъ и поддерживавшихъ его ссудами. Ссуда у гостиной сотни Василія Федотова, взятая въ 1646 г. на уплату податей, достигала крупнаго размѣра въ 2275 руб. слишкомъ. Среди кредиторовъ Устюжскаго всеуѣзднаго земства были между прочими князь Никифоръ Бѣлосельскій, давшій 100 руб. и, хотя и по недоразумѣнію, кн. Д. М. Пожарскій, какъ было сказано выше. Кредиторами земства оказываются иногда мѣстные воеводы. Такъ цѣловальникъ Алексинскаго стана выкупаетъ въ 1615 году кабалу у сольвычегодскаго воеводы С. В. Голенищева въ 100 р. Цѣловальникъ Обвинскаго стана въ 1636 г. занялъ въ Чердыни у чердынскаго воеводы Н. Телѣгина также 100 руб., „на сибирскіе отпуски и на земскіе расходы для скораго дѣла, въ которую пору у меня земскихъ денегъ не случилось“, какъ пишетъ этотъ цѣловальникъ. Къ займу у того же воеводы прибѣгалъ и чердынскій всеуѣздный міръ [4]).

Размѣры ссудъ волостнымъ земствамъ въ тѣхъ случаяхъ, которые

---

[1]) См. нашу книгу „Земское самоуправленіе на сѣверѣ въ XVII в.“ I, гл. VI.
[2]) Пр. Д. 1627. № 67, л. 199.
[3]) Пр. Д. 1638, № 14.
[4]) Пр. Д. 1633 № 13; Пр. Д. 1636 № 81.

пришлось наблюдать, колеблются отъ 2 руб. до 300 руб.; наибольшая изъ нихъ получена Вондокурскимъ станомъ Устюжскаго уѣзда, отъ Архангельскаго Устюжскаго монастыря. Но общая задолженность волостныхъ земствъ, несмотря на такія небольшія величины отдѣльныхъ ссудъ, достигала иногда очень значительныхъ размѣровъ. Такъ, напр., долгъ Ратмировской волости Сольвычегодскаго уѣзда къ 1639 г. доходилъ до 4000 руб. [1]). Займы уѣздныхъ земствъ были, разумѣется, больше. Устюжское земство жаловалось, что ему пришлось въ 1631 г. на удовлетвореніе разныхъ казенныхъ требованій занять за высокіе проценты болѣе 1000 р.: „назаймовано въ міру въ разныхъ мѣстѣхъ изъ великаго понедѣльнаго росту больше тысячи рублевъ“ [2]). Въ 1646 г. оно, какъ мы видѣли выше, сдѣлало сразу заемъ въ 2275 р.; займы въ 400, 600 рублей не рѣдкость для этого земства.

Условія займовъ, на которыя соглашались земства, были очень тяжелы. Кабала обыкновенно писалась на сумму вдвое, а иногда и втрое большую истины, т.-е. количества денегъ, на самомъ дѣлѣ полученнаго въ долгъ, и не потому ли цифра дѣйствительно взятаго займа и называлась „истиной“ сравнительно съ той вздутой *ложной* цифрой, которая писалась въ кабалѣ? Такъ цѣловальникъ Лальской волости, занимая у А. и Д. Паламошныхъ 60 р., выдалъ на этотъ заемъ двѣ кабалы: въ 80 и въ 40 р., всего, слѣдовательно, на 120 руб. Цѣловальникъ Устьянской Соденской волости М. Сухоносовъ, посланный изъ волости въ Москву съ данными и оброчными деньгами, занялъ въ Москвѣ на мірскую издержку у своего земляка, тоже устьянца Чадромской волости Д. Пономарева 4 р., выдавъ ему при этомъ кабалу на 8 руб. [3]). Упоминавшійся выше посыльщикъ Утмановской волости, занявшій на Устюгѣ у четырехъ лицъ деньги въ суммахъ: 15 р., 10 р., 4 р. и 2 р., выдалъ на себя три двойныя кабалы, а одну въ $2^1/_2$ раза больше „истины“, именно въ 30, 20, 10 и 4 руб. Обвинскій земскій цѣловальникъ, взявшій взаймы у чердынскаго воеводы 100 р., выдалъ кабалу на 300 р. Тѣ же явленія и при займахъ уѣздныхъ земствъ. Устюжскій земскій міръ, занимая въ 1633 г. у Кирила Босого 600 р., выдалъ ему кабалу на 1200 р. [4]). Точно такъ же двойная кабала на 200 р. была дана тѣмъ же міромъ Архангельскому монастырю въ 1649 г. при займѣ въ 100 р., а при займѣ у гостиной сотни Исаака Ревякина въ 1643 году въ 150 р., кабала была написана даже на 400 р. [5]). Двойныя кабалы писались

[1]) Пр. Д. 1638 № 70.

[2]) Пр. Д. 1626 № 15.

[3]) Пр. Д. 1641 № 86.

[4]) Пр. Д. 1634 № 29, л. 11 — 18: „И земскіе судьи... съ нами съ мірскими людьми деньги заняли у Кирила Босого 600 р. денегъ, а дали на себя кабалу въ двунадцати стахъ рублехъ“.

[5]) Пр. Д. 1649 № 8; 5165 № 52.

обычно и при частныхъ займахъ того времени, и этотъ обычай писать кабалу съ двойною валютою возводится въ норму судебникомъ 1589 г. гдѣ читаемъ: „а кабалы писати на крестьянъ вдвое“ [1]). Его происхожденіе можно объяснить, припомнивъ общепринятый тогда размѣръ процента при долгосрочныхъ займахъ, „на пять шестой“—20%, размѣръ, о которомъ говоритъ судебникъ 1589 г. и который затѣмъ былъ установленъ закономъ 1626 г. [2]). И судебникъ и законъ разрѣшаютъ взимать такой ростъ только въ теченіе пяти лѣтъ, т.-е. до тѣхъ поръ, пока „истина“ удвоится, „какъ истина съ ростомъ сравняется“. Очевидно, что эта удвоенная истина и обозначалась въ валютѣ кабалы, которую судебникъ и предписываетъ взыскивать съ должника, подразумѣвая пятилѣтній срокъ займа: „а въ чемъ кабала писана, то и справити“ [3]). Взимать 20%-ный ростъ сверхъ пяти лѣтъ, т.-е. взыскивать съ должника болѣе двойной суммы долга, воспрещалось.

Монастыри давали земствамъ деньги по узаконенному %, на пять шестой на долгіе сроки. Такъ напр., Архангельскій монастырь, ссудивъ Вондокурскому стану въ 1633 году 300 рублей изъ роста на пять шестой, предъявляетъ ему взысканіе именно черезъ пять лѣтъ въ 1638 г., и такъ какъ часть долга была уже погашена станомъ, то ищетъ остальныхъ недоплаченныхъ истины и роста въ размѣрѣ 430 р. [4]). При займахъ, заключаемыхъ у частныхъ лицъ, въ кабалѣ прописывается тотъ же размѣръ %, напр., „а сколько за мною заимщикомъ деньги, побудутъ, и ростъ давать на пять шестой“, какъ читаемъ въ кабалѣ

---

[1]) Судебникъ царя Ѳедора Іоанновича, ст. 23.

[2]) Суд. Ѳ. І. ст. 23. „А ростъ правити за пять лѣтъ, а далѣ пяти лѣтъ росту не правити; а кабалы писати на крестьянъ вдвое, а ростъ правити на пять шестой, а въ чемъ кабала писана, то и справити“. А. И. III № 92, XIV: „134 г. марта въ 8 д... указали: объ ростѣхъ, какъ истина съ ростомъ сравняется въ пять лѣтъ, и ростъ имать на пять лѣтъ, а затѣмъ сверхъ пяти лѣтъ росту не имать“.

[3]) Уставная Грамота Лузской Пермцы Сольвыч. у. времени Ивана Грознаго: „А ростъ бы всякимъ людемъ указывати по кабаламъ, которыя были кабалы писаны съ тѣхъ мѣстъ, какъ въ судъ положатъ, *за пять лѣтъ* или меньши. И которыя кабалы писаны съ тѣхъ мѣстъ далѣ пяти лѣтъ, а ростъ будетъ въ нихъ хотя и написанъ, и по тѣмъ кабаламъ росту далѣ пяти лѣтъ на отвѣтчикахъ не указывати“. Чт. О. И. Др. 1907 кн. 1, смѣсь, стр. 44. Иное объясненіе 23-й статьѣ судебника 1589 г. даетъ проф. Владимірскій-Будановъ, видящій въ ней почему-то нелѣпость. „Есть здѣсь же, пишетъ онъ, и третье новшество, но совершенно непонятное, быть можетъ по испорченности текста, именно: на крестьянъ кабалу предписывается писать вдвое. Въ буквальномъ смыслѣ этотъ текстъ представляетъ только нелѣпость; но авторъ имѣлъ въ виду что-то сказать о спеціальныхъ особенностяхъ кабалы на крестьянъ“. *Владимірскій-Будановъ*, Судебникъ 1589 г., его значеніе и источники, стр. 53.

[4]) Пр. Д. 1638 № 70.

посыльщика Ратмировской волости Сольвычегодскаго уѣзда [1]). Но при краткосрочныхъ займахъ % былъ гораздо выше. Расчетъ на пять шестой на этой Ратмировской кабалѣ былъ упомянутъ на тотъ случай, если бы деньги не были возвращены долгое время; но посыльщикъ бралъ ихъ на короткій срокъ, какъ это можно видѣть изъ сдѣланной на кабалѣ ниже ея текста замѣтки: „кабала писана вдвое на (84 р. вмѣсто 40 р. истины), росту сулено по 2 деньги на день", разумѣется на рубль, т.-е. 1% въ день. Другая отмѣтка на той же кабалѣ показываетъ, во-первыхъ, что въ самомъ дѣлѣ расплата была учинена скоро: заемъ былъ сдѣланъ 20 октября и уже погашенъ 11 декабря того же 140 года, и во-вторыхъ, что условія, на которыхъ былъ сдѣланъ дѣйствительный расчетъ, были не согласны съ тѣми, какія были посулены: % разсчитаны были понедѣльные, а не дневные. „Истины платилъ", замѣчаетъ посыльщикъ, 40 р. да росту на полосьмы недѣли два рубля восемь гривенъ", слѣдовательно расчетъ былъ сдѣланъ изъ 48% годовыхъ. По другой кабалѣ той же Ратмировской волости, по которой было занято 10 руб., при обозначенной въ кабалѣ валютѣ въ 20 р., цѣловальникъ заплатилъ 10 р. истины, „да росту понедѣльнаго на всякой рубль на всякую недѣлю по 4 деньги, итого 1 р. 4 д.", слѣдовательно заемъ былъ по 2% въ недѣлю и погашенъ былъ черезъ пять слишкомъ недѣль [2]). „Занялъ на мірскую издержку въ кабалы 12 рублевъ денегъ", читаемъ въ челобитной цѣловальника Утмановской волости Сольвычегодскаго уѣзда въ 1627 г., „а кабалы на себя давалъ двойныя и тройныя и на тѣ деньги сулилъ ростъ понедѣльный по алтыну на рубль" —

---

[1]) Пр. Д. 1638 № 70: „Се язъ Павелъ Анисимовъ сынъ Смирѣного, Ратмеровскіе волости посыльщикъ, занялъ есми по своей посыльной на ямскіе отпуски Бажену прошлому старостѣ во всю Ратмеровскую волость у Василья Федорова сына Соловьева Соли Вычегодской у посадскаго человѣка 84 рубля денегъ московскихъ ходячихъ октября въ 20 день. А сколько за мною заимщикомъ деньги побудутъ, и ростъ давать на пять шестой. Почнусь заимщикъ платить за приставомъ, и всѣ убытки кабальныя на мнѣ на заимщикѣ. А гдѣ меня заимщика кабала застанетъ, подъ которымъ судомъ ни буди, тутъ по ней судъ и правежъ съ убытки и съ волокитою. А кто за сей кабалою станетъ, тотъ ей истецъ. На то послуси: Иванъ Антоновъ сынъ Шкулевъ да Баженъ Ивановъ сынъ Бѣлобородовъ. Кабалу писалъ всеуѣздный ямской дьячекъ Пашка Федосѣевъ сынъ Поповъ. Лѣта 7140". *Другой рукой*: „Кабала писана вдвое, росту сулено по 2 деньги на день.

На оборотѣ: „послухъ Иванко Шкулевъ руку приложилъ".

„140 г. декабря въ 11 день выкупилъ кабалу посыльщикъ заимщикъ Павелъ мірскими сборными деньгами, истины платилъ 40 руб. да росту на полосьмы недѣли два рубли восемь гривенъ. У платежу были: Баженъ Гавриловъ Нечаевъ да Семенъ Филиповъ. Подписалъ на кабалѣ Петрушка Григорьевъ Соловьевъ, а выкупилъ тѣми деньгами, что занялъ у Бажена Курбатова".

[2]) П. Д. 1638 № 70. Мірскія кабалы Ратмировской волости.

3% въ недѣлю, слѣдовательно 156% годовыхъ [1]). Итакъ, условіе о ростѣ на пять шестой вносилось въ кабалы на случай ихъ просрочки, обращенія займа въ долгосрочный и взысканія по суду, который не допустилъ бы большаго процента, по крайней мѣрѣ съ 1626 г. Нужда въ средствахъ побуждала сѣверныя земства въ XVII в. прибѣгать къ краткосрочному кредиту, „суля“ за него огромные понедѣльные и даже дневные проценты. Отсюда понятны постоянныя жалобы земствъ на дороговизну кредита, на разорительные „великіе понедѣльные росты“, на которые они принуждены были соглашаться. Въ 1630 г. Устюжскій всеуѣздный міръ искалъ выхода изъ этого затрудненія, возбудивъ ходатайство передъ правительствомъ о разрѣшеніи брать безпроцентныя ссуды изъ мѣстнаго устюжскаго таможеннаго и питейнаго управленія на короткіе сроки. [2]) Ходатайство было уважено, такъ что устюжская таможенная изба получила значеніе, какъ бы отдѣленія государственнаго банка. Но этотъ случай былъ если не единственнымъ, то все же повторялся не часто; государственный кредитъ земствамъ, очевидно, не былъ распространеннымъ явленіемъ, иначе имъ незачѣмъ было бы прибѣгать къ частному.

М. Богословскій.

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 241.

[2]) Пр. Д. 1631 № 55: „Милосердый государь,... пожалуй насъ своихъ царскихъ богомольцевъ и устюжанъ посадскихъ людей, и всего уѣзда волостныхъ крестьянъ, вели, государь, давати на время взаймы изъ своихъ государевыхъ изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ денегъ... на мѣсяцъ и на два или на три“.

IV.

Положеніе губернатора

въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка.

Профессора А. Филиппова.

Основанный 18 октября 1731 г. „Кабинетъ Ея Императорскаго Величества"—какъ обычно называется въ актахъ Кабинетъ министровъ—весьма скоро сдѣлался сосредоточіемъ всего верховнаго управленія имперіею и въ него отовсюду стекались постоянно всякаго рода извѣстія, доношенія, репорты, сообщенія и т. п. Не со всѣмъ этимъ обширнымъ матеріаломъ справлялся Кабинетъ, многое оставалось безъ движенія, многое передавалось на разработку въ Пр. Сенатъ, но часть указанныхъ данныхъ подвергалась обсужденію и затѣмъ,—въ видѣ указовъ, или резолюцій, то императрицы, то кабинетъ-министровъ—разсылалась въ подлежащія мѣста къ исполненію. Между множествомъ этихъ входящихъ въ Кабинетъ бумагъ находилось немало донесеній мѣстныхъ правителей. Такъ, напр., извѣстный князь А. И. Шаховской, стоявшій во главѣ управленія Малороссіею въ 1734—1737 гг., не только возбуждалъ изъ своей резиденціи рядъ вопросовъ, касавшихся управленія краемъ, но и самъ принималъ непосредственное участіе въсовѣщаніяхъ „кабинетныхъ министровъ" о дѣлахъ, представленныхъ отъ него въ Кабинетъ [1]). Или, далѣе, напр., кн. Б. И. Юсуповъ, назначенный въ ноябрѣ 1738 г. московскимъ вице-губернаторомъ, въ мартѣ слѣдующаго года вошелъ въ Кабинетъ съ обширнымъ доношеніемъ, состоявшимъ изъ 11-ти пунктовъ, по особенно-любезному данному времени вопросу—„о поправленіи въ сборахъ государственныхъ доходовъ, и какія въ томъ происходятъ невозможности, и объ опредѣленіи къ нему, для исправленія множественныхъ, по указамъ, дѣлъ, помощниковъ и приказныхъ служителей" [2]). Резолюціей Кабинета отъ 29-го марта Сенату предписывается „о всемъ томъ, чего требуетъ кн. Юсуповъ, справясь съ указами и прежними опредѣленіями, разсмотрѣть, при чемъ и ему, князю Юсупову, быть и опредѣленіе учинить

---

[1]) См. изданныя нами „Бумаги Кабинета министровъ", Сборникъ Имп. Русскаго Истор. Общества, т. CVIII, стр. 55 и сл., стр. 292, 324 и сл., 339 и сл., 465—469 и др.

[2]) ibidem, томъ CXVI, стр. 275.

въ Пр. Сенатѣ въ самой скорости, а чего Пр. Сенатъ собою учинить не можетъ, о томъ мнѣніе свое, для апробаціи, подать въ Кабинетъ“ (ib., стр. 293—301). Въ апрѣлѣ того же года, Сенатъ внесъ въ Кабинетъ обширный по дѣлу экстрактъ, при чемъ Кабинетъ частію согласился съ разсужденіями Сената, а частью затребовалъ новыхъ мнѣній („о камерирахъ и прочихъ, подобныхъ тому, судьяхъ и пр.“) отъ самого Пр. Сената (ib., стр. 429—446). Такъ, наконецъ, „на высокомудрое разсужденіе“ Кабинета были представлены „пункты“ иркутскимъ вице-губернаторомъ Лангомъ, по которымъ состоялась резолюція Кабинета, отъ 11 октября 1739 г., о разсмотрѣніи ихъ Пр. Сенатомъ и о представленіи о нихъ, со мнѣніемъ, въ Кабинетъ[1]). Не продолжая далѣе нашего обзора доношеній мѣстныхъ правителей о нуждахъ ихъ губерній, остановимся особо лишь на двухъ изъ нихъ, а именно на доношеніяхъ въ Кабинетъ смоленскаго губернатора А. Б. Бутурлина, интересныхъ какъ по своему,— довольно-необычному въ оффиціальныхъ бумагахъ, — тону, такъ и особенно по тому, что авторъ ихъ касается не только нуждъ своей губерніи, но и вообще тяжелаго положенія нашихъ губернаторовъ въ тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія. Александръ Борисовичъ Бутурлинъ занималъ въ 1735—1740 гг. важный, по тому времени, постъ смоленскаго губернатора. Какъ извѣстно, Бутурлинъ еще при Петрѣ В. былъ однимъ изъ довѣренныхъ „деньщиковъ“ его. Послѣ смерти Петра В., онъ продолжалъ успѣшно двигаться по служебной лѣстницѣ, былъ возведенъ Елизаветою Петровною въ графы и затѣмъ назначенъ главнокомандующимъ русскими войсками, посланными въ Пруссію. Какъ бы ни смотрѣть на его дѣятельность при Елизаветѣ, ему во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ служебной опытности и большой дѣловитости. Два доношенія его, — поданныя въ Кабинетъ изъ Смоленска 8 и 29 ноября 1739 г. и сопровождавшіяся, первое, „регистромъ коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ, изъ которыхъ указами повелѣвается изъ губерніи всякаго исправленія“, а второе „копіею о изнеможеніи въ продолженіи счета“ — показываютъ, что онъ, управляя своимъ обширнымъ краемъ, сумѣлъ подмѣтить общіе недостатки въ постановкѣ должности губернаторовъ, вредившіе тогда сильно дѣлу управленія, и смѣло указалъ на нихъ Кабинету. Царствованіе Анны вообще не отличается широтою административныхъ задачъ, почему во всѣхъ доношеніяхъ мѣстныхъ правителей (за исключеніемъ, впрочемъ, кн. А. И. Шаховского) почти не видно стремленія возвыситься надъ обыденными нуждами и интересами текущихъ дѣлъ. Иначе, однако, ставится вопросъ о губернаторскомъ управленіи въ означенныхъ доношеніяхъ и приложеніяхъ къ нимъ пред-

---

[1]) Ibid., томъ CXXX, стр. 351 сл.

ставленныхъ А. Б. Бутурлинымъ [1]). Остановимся отдѣльно на каждомъ изъ документовъ. Въ доношеніи отъ 8 ноября 1739 г., А. Б. Бутурлинъ жалуется на невыносимое положеніе губернаторовъ, подчиненныхъ (вмѣстѣ съ воеводами), по его словамъ, не болѣе и не менѣе, какъ пятидесяти четыремъ мѣстамъ [2]), откуда „на каждой недѣлѣ получаемой почты бываетъ различныхъ требованій нѣсколько десятковъ, съ сильнымъ взысканіемъ угрозительнымъ, съ положеніемъ и платежемъ штрафовъ, не принимая никакихъ законныхъ причинъ, не различая съ малымъ дѣломъ великаго, точію едино предписуя себѣ власть данную, что велѣно имъ штрафовать безъ доклада сенатскаго“ (курсивъ вездѣ нашъ). Авторъ доношенія, по его словамъ, принужденъ, „для самого дѣла, симъ доношеніемъ высокій Ея Императорскаго Величества Кабинетъ совсеподданнѣйшимъ прошеніемъ утруждать“ и напомнить Кабинету министровъ, что до указа 1737 г. (точнѣе — до высочайше утвержденнаго доклада Пр. Сената отъ 3 мая того же года—I Пол. Соб. Законовъ, № 7240), по губернаторской инструкціи (1728 г.) были „подвержены губернаторы подъ главную команду Пр. Сената, откуда, за неисправность, и штрафъ всякій налагательный послѣдовалъ, что, не безъ разсмотрѣнія здраваго, по заслугѣ каждому слѣдовало.

---

[1]) Доношенія эти, — извлеченныя нами, вмѣстѣ съ приложеніями изъ дѣлъ архива Пр. Сената въ С.-Петербургѣ—помѣщены цѣликомъ въ X-мъ томѣ „Бумагъ Кабинета Министровъ“, печатаемыхъ въ Сборникѣ Им. Русскаго Ист. Общества“, т. CXXX.

[2]) Въ доказательство своего утвержденія, А. Б. Бутурлинъ прилагаетъ къ доношенію — „регистеръ коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ, изъ которыхъ указами повелѣвается изъ губерніи всякаго исправленія“; въ регистрѣ этомъ перечисляются слѣдующія 54 учрежденія: 1) Св. Пр. Синодъ, 2) Пр. Сенатъ, 3—5) сенатская, герольдмейстерская, рекетмейстерская конторы, 6) доимочная комиссія, 7) о подушномъ сборѣ доимочныхъ комиссія, 8) военная коллегія, 9) контора ея, 10—12) генералъ кригсъ-комиссаріатская, оберъ цалмейстерская, провіантская конторы; 13) счетная экспедиція; 14) ревизіонъ-коллегія, 15) контора ея, 16) коллегія экономіи 17) иностранныхъ дѣлъ коллегія, 18—19) прежняя, нокамеръ-коллегіи, 20) оной контора, 21) лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ контора-жъ 22) адмиралтейская коллегія, адмиралтейская-жъ коллегіи по экспедиціямъ, 23) комиссаріатская, 24) надъ верфями и строеніями, 25) генералъ-критцъ-комиссара, 26) каммерцъ коллегія, 27) оной контора, 28) вотчинная коллегія, 29) юстицъ-коллегія, 30) той же коллегіи контора, 31—33) главной артиллеріи, оружейная конфискація канцелярій, 34) контора ея, 35) дворцовая главная канцелярія, 36) оной счетная контора, 37) канцелярія тайныхъ разысканныхъ дѣлъ, 38) контора тѣхъ же дѣлъ, 39—41) медицынская, главная полицеймейстерская, монетная канцеляріи, 42—46) Пр. Сената печатная, фортификаціонная, штатсъ—въ С.-Петербургѣ, штатсъ – въ Москвѣ, соляная конторы, 47—49) судный, сибирскій, сыскной приказы, 50—52) слѣдствія отъ строеній, счетная канцелярія ген.-фельдмаршала графа Миниха; 54) военный походный комиссаріатъ. Доношеніе и „регистръ“ хранятся въ архивѣ П. Сената въ С.-Петербургѣ, въ книгѣ 54, л. 565—568.

Нынѣ же, по указу Ея Императорскаго Величества, всякимъ особъ коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ дано въ полную мочь губернаторовъ штрафовать,—тѣхъ, которые законныхъ причинъ не положатъ,—денежными штрафами". Въ результатѣ этого многоначалія надъ губернаторами происходитъ (по мнѣнію А. Б. Бутурлина) то, что „хотя со всеревностнымъ тщаніемъ стараешься, какъ бы во всемъ быть исполнителемъ, но, за многою такою командою никоимъ образомъ исправиться въ скорости, за малолюдствомъ и бездостоинствомъ канцелярскихъ служителей, не допускаетъ (sic) и время отъ времени затрудненіемъ безпрерывнымъ, и отъ всѣхъ разныхъ и ежечастныхъ повелѣній, и нужнѣйшія дѣла изъ рукъ выходятъ и внутреннимъ теченіемъ пресѣкаются,—яко то сборы денегъ, судныя, ровыскныя, отправленія рекрутъ и лошадей, взысканіе изъ доимки всякой и пограничныя дѣла, и прочія безпрестанныя обращенія потребныя", Что жъ предлагаетъ Бутурлинъ, чтобъ выйти изъ столь невыносимаго положенія, созданнаго подчиненіемъ губернаторовъ „многой командѣ"? „Ежели", говоритъ онъ, „прозорливо-умнымъ смотрѣніемъ всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества Кабинета не пресѣчено будетъ всѣмъ означеннымъ командамъ штрафовать (губернаторовъ и воеводъ) и не положится на единое благоразумное разсмотрѣніе Пр. Сената, которому всѣ государственныя положенія и обстоятельства дѣлъ открыты, то никакъ въ прямомъ дѣлѣ исправиться невозможность крайнюю окажетъ, понеже единой канцеляріи, на толикіе многіе спросы, угодить весьма съ трудомъ, ибо всякая коллегія, канцелярія и контора, по званію своему, только чтится положенное на нее отправлять, а губернская канцелярія на всѣ ихъ повелѣнія и требованія и сверхъ того надлежащія въ непременномъ теченіи должности, служить принуждена и во всемъ повиноваться, то единой на многія упразниться никакъ можно". Подчиненность губернаторовъ и воеводъ всѣмъ этимъ многочисленнымъ канцеляріямъ и коллегіямъ, съ ихъ конторами, приводитъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. На своемъ нѣсколько-своеобразномъ языкѣ, А. Б. Бутурлинъ объясняетъ, что подчиненіе губернаторовъ и воеводъ указаннымъ учрежденіямъ, „отъ частаго налаганія штрафовъ ото всѣхъ мѣстъ, безъ приниманія извиненій, принуждаетъ болѣе опасаться (ихъ), нежели главныхъ правленіяхъ (sic), понеже изъ оныхъ высочайшихъ правительствъ, вѣдая, что, безъ настоящаго разсужденія и прямого дѣла, штрафовъ послѣдовать никогда не можетъ, и потому наивящше стараешься всячески убѣгая такихъ штрафовъ, дѣйствомъ исполнять", т.-е, иначе говоря, основательность требованій, со стороны „высочайшихъ правительствъ", заставляетъ и мѣстныхъ правителей служить „прямому дѣлу, всячески убѣгая штрафовъ", чего, однако, не достигнешь по

отношенію къ разнымъ командамъ, подъ власть коихъ „стали быть подклонены губернаторы и воеводы съ 1737 г.“. Въ заключеніе своего доношенія, авторъ категорически заявляетъ: того ради, *не для моей подлой персоны*, но, видя канцеляріи губернской всѣхъ пришедшихъ въ слабое и неможительное обстоятельство, всенижайше раболѣпственно прошу показать всемилостивѣйше въ прошеніи моемъ разсмотрѣніе, и тѣмъ возстановить въ лучшее теченіе, *и подвергнуть подъ единый штрафъ, по прежнему, Пр. Сенату*, въ который о томъ же отъ меня донесено. По весьма обычному въ концѣ царствованія Анны Іоанновны порядку, Кабинетъ министровъ не вступилъ самъ въ разсмотрѣніе, по существу, того важнаго вопроса, какой былъ возбужденъ смоленскимъ губернаторомъ, но положилъ на немъ 16 декабря 1739 г. такую резолюцію: „*по вышеозначенному доношенію, разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить въ Пр. Сенатѣ*“, т.-е., иначе говоря, передалъ все дѣло на обсужденіе Сената. Не касаясь пока дальнѣйшей судьбы этого замѣчательнаго, и до сихъ поръ бывшаго неизвѣстнымъ въ литературѣ вопроса, доношенія А. Б. Бутурлина,—въ которомъ обращалось вниманіе Кабинета не на какой-либо частный случай практики, но на *общій вопросъ* объ отношеніи мѣстныхъ правителей, какъ „къ высочайшимъ правительствамъ“, такъ и къ подчиненнымъ имъ учрежденіямъ,—остановимся кратко на его разборѣ. Прежде всего весьма характерно заявленіе Бутурлина о крайней необходимости возстановленія *прежняго порядка* подчиненія губернаторовъ и воеводъ Пр. Сенату, или—говоря его словами—о необходимости „*подвергнуть*“ ихъ *подъ единый штрафъ, по прежнему, Пр. Сената*“, во избѣжаніе подчиненія многимъ учрежденіямъ, съ одной стороны, и ввиду того, что *одному только Пр. Сенату* „всѣ государственныя неможенія и обстоятельства дѣлъ открыты“, съ другой, тогда какъ всѣ прочія учрежденія,—„не принимая никакихъ законныхъ причинъ“ и „не различая съ малымъ дѣломъ великаго“, но „точію едино предписуя себѣ власть данную, что велѣно имъ штрафовать *безъ доклада сенатскаго*—не соблюдаютъ здѣсь никакой мѣры въ положеніи и правежѣ штрафовъ и отвлекаютъ *мѣстныхъ* правителей отъ исполненія „нужнѣйшихъ дѣлъ“, на нихъ положенныхъ. Эти „нужнѣйшія дѣла“ („яко сборы денегъ, судныя, розыскныя, отправленія рекрутъ и лошадей, взысканіе изъ доимки, и пограничныя дѣла“ и пр.), которыя у губернаторовъ „изъ рукъ выходятъ“, особенно должны были,—по обстоятельствамъ даннаго времени, неотличавшагося, какъ сказано, широтою государственныхъ задачъ—обратить вниманіе центральнаго правительства на положеніе мѣстныхъ правителей. Смоленскій губернаторъ едва-ли не намѣренно указалъ на нихъ Кабинету. Однако, онъ при этомъ не принялъ во вниманіе, что самъ указъ 1737 г.,—который далъ коллегіямъ право штрафовать денежными штрафами губернато-

ровъ, — былъ ничѣмъ инымъ, какъ высочайше утвержденнымъ 3 мая названнаго года *докладомъ самого Пр. Сената*, въ коемъ имъ отмѣчалось, что, какъ сенатская контора, такъ и военная коллегія представляли Пр. Сенату, что губернаторы и воеводы оказываются *весьма неисправными* въ присылкѣ требуемыхъ сборовъ, окладныхъ книгъ, доимочныхъ вѣдомостей и мѣсячныхъ репортовъ. При этомъ, — ввиду инструкціи губернаторамъ и воеводамъ, высочайше утвержденной 30 августа 1728 г. [1]), на которую ссылается и Бутурлинъ—сенатская контора находила (согласно съ указанной инструкціею), что камеръ-коллегія (всего болѣе страдавшая отъ неисполнительности губернаторовъ по сборамъ) не можетъ *сама* штрафовать ихъ, а военная коллегія прямо даже спрашивала Сенатъ— „за означенное, по многимъ указамъ, неисполненіе губернаторовъ, вице-губернаторовъ и воеводъ *кому и чѣмъ штрафовать?*“ Неисправность мѣстныхъ правителей именно и заставила Пр. Сенатъ не испрашивать разрѣшенія на штрафованіе губернаторовъ *коллегіями, не представляя въ Сенатъ*“, при чемъ, въ свою очередь, губернаторы могли „противъ тогожъ, штрафовать, по силѣ указовъ, своей губерніи *воеводъ*, ежели который такожде законныхъ причинъ (своей неисправности) не положитъ“, что, впрочемъ, было уже опредѣлено и инструкціею губернаторамъ, о которой мы говорили выше. Какъ видно изъ донесенія Бутурлина, на практикѣ законъ 3 мая 1737 г. сталъ примѣняться чрезвычайно широко, губернаторовъ и воеводъ начали штрафовать не только коллегіи, но и „разныя команды“, не принимая „притомъ никакихъ законныхъ причинъ“ (какъ это требовалось) „и не различая съ малымъ дѣломъ великаго.“ Въ результатѣ получилось совершенно-невозможное положеніе мѣстныхъ правителей, разрывавшихся на части болѣе, чѣмъ полусотнею разныхъ „мѣстъ“ [2]). Толку отъ этого многоначалія было, однако, мало и прежде всего въ самомъ важномъ дѣлѣ даннаго времени—въ сборѣ всякаго рода доимокъ (деньгами, людьми, лошадьми). Посылая указъ за указомъ, какъ Кабинетъ, такъ и Сенатъ немного, однако, видѣли испол-

---

[1]) Инструкція эта, или наказъ, ставила губернаторовъ въ непосредственное подчиненіе Пр. Сенату, предписывая бить челомъ на нихъ Пр. Сенату, а собою ихъ не штрафовать“ I. П. С. З., № 1333.

[2]) Хотя и относительно только Московской губерніи, но упоминавшееся выше доношеніе кн. Б. И. Юсупова подтверждаетъ, въ общемъ, ту же мысль А. Б. Бутурлина. Перечисливъ подробно всѣ обязанности губернской канцеляріи и указавъ на малочисленность ея штата, кн. Б. И. Юсуповъ говоритъ, что *„вышеизданныхъ множественныхъ дѣлъ, все конечно, некѣмъ и къ дѣйствительному и порядочному скорому исправленію никакой надежды нѣтъ и онъ опасенъ чтобъ, за такими невозможностями, за какое нескорое исполненіе не принять Вашего Императорскаго Величества гнѣва“*. Сборникъ И. Р. И. общ. CXXVI, стр. 301.

нительности со стороны губернаторовъ и воеводъ, почему Кабинетъ вынужденъ былъ отправлять въ губерніи, въ особенности со второй половины Аннинскаго царствованія, —особыхъ уполномоченныхъ изъ оберъ-офицеровъ лейбъ-гвардейскихъ полковъ и только тогда, когда они успѣшно выбрали рекрутъ и лошадей, — и „въ доимкѣ ихъ осталось малое число“ (какъ гласитъ резолюція Кабинета отъ 19 марта 1739 г.),—Кабинетъ рѣшилъ офицеровъ возвратить къ полкамъ, а „доимочныхъ рекрутъ и лошадей, такожъ и *прочія* всякаго знанія доимки, велѣть взыскивать *губернаторамъ и воеводамъ*“ (П. С. З., № 7778). Такимъ образомъ, получается какой-то circulus viciosus: губернаторъ жаловался, что „разныя команды“ мѣшаютъ ему исполнять нужнѣйшія дѣла (къ которымъ онъ прежде всего причислялъ сборы денегъ, рекрутъ и лошадей), а центральное „высочайшее правительство“,—отчаявшись получить чрезъ *мѣстныхъ* правителей указанные сборы,—увеличивало число инстанцій, коимъ подчинялись губернаторы, при чемъ Сенатъ самъ былъ склоненъ отдать коллегіямъ *свое право* штрафованія губернаторовъ, узаконенное за нимъ инструкціею губернаторамъ и воеводамъ, отъ 1728 г.! Впрочемъ, законъ 3 мая 1737 г., отдававшій губернаторовъ подъ штрафъ коллегій, самъ лишь возстановлялъ недавнее, сравнительно, прошлое: въ докладѣ Сената,—предлагавшемъ штрафованіе неисправныхъ губернаторовъ *самими коллегіями*, не представляя въ Сенатъ,—прямо указано, что „до состоянія губернаторской и воеводской 1728 г. инструкціи, губернаторы, за неисправленіе ихъ, по силѣ указовъ, *штрафованы были отъ коллегій, не докладывая въ Сенатъ*“. Такъ постоянно мѣнялся порядокъ подчиненія губернаторовъ, при чемъ эти колебанія практики,—наличность коихъ можно отмѣтить уже со второй половины петровскаго царствованія (особенно съ 1719 г.)—мало приносили пользы дѣлу и совсѣмъ не служили къ упорядоченію *мѣстнаго* управленія, которое, несомнѣнно, нуждалось въ нѣкоторой децентрализаціи и болѣе дѣйствительномъ контролѣ.

Какъ уже было указано выше, Кабинетъ министровъ препроводилъ въ Пр. Сенатъ разбираемое нами теперь доношеніе А. Б. Бутурлина, предписавъ „по вышеозначенному доношенію разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить въ Пр. Сенатѣ“. Кабинетъ министровъ очень любилъ (въ особенности во второй половинѣ царствованія Анны) возлагать на Сенатъ всякаго рода порученія, при чемъ самъ не всегда охотно отвѣчалъ на сенатскіе доклады (или „сообщенія“), почему Пр. Сенатъ справедливо (въ извѣстномъ докладѣ, поданномъ Елизаветѣ Петровнѣ 3 декабря 1741 г.) [1]) жаловался, что „объ одномъ дѣлѣ бывало взношено

[1]) См. этотъ докладъ, нами напечатанный, въ „Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія (1897 г., № 2).

изъ Сената докладовъ, или сообщеній (въ Кабинетъ) *по два* и *по три*, но, по многимъ нужнѣйшимъ, чрезъ долгое время, резолюціи получаемо не было, а по инымъ, хотя резолюціи и получались, токмо зѣло темныя, *съ такими затруднительными запросами*, что не токмо въ нѣсколько мѣсяцевъ, но ниже чрезъ нѣсколько лѣтъ, исправиться неможно". Повидимому, такой „затруднительный запросъ" Сенатъ увидалъ и въ данномъ *случаѣ*. Говоря вообще, Сенатъ, въ свою очередь, при первой возможности, старался отклонять отъ себя рѣшеніе трудныхъ вопросовъ, иногда при томъ же не входя ни въ какія предварительныя изысканія. Именно такъ поступилъ Пр. Сенатъ, когда до него дошло вышеуказанное доношеніе смоленскаго губернатора съ положенною на немъ *резолюціею* Кабинета министровъ. Въ журналѣ Пр. Сената за декабрь 1739 г., хранящемся въ одномъ изъ архивовъ нашихъ, мы нашли, въ записи отъ 19 декабря, слѣдующій сенатскій приговоръ: „по резолюціи Кабинета Ея И-го Величества, подписанной на доношеніи смоленскаго губернатора Бутурлина объ учиненіи Пр. Сенату разсмотрѣнія и рѣшенія о нештрафованіи его коллегіямъ и канцеляріямъ и прочимъ мѣстамъ, а *о бытіи ему подъ единымъ штрафомъ Пр. Сената*, подать въ Кабинетъ Ея И-го Величества сообщеніе, въ которомъ представить, что *губернаторовъ, за неисправленіе, велѣно коллегіямъ штрафовать по состоявшемуся въ 737 г., мая 3 дня, именному Ея И-го Величества указу и для того Сенату того собою отмѣнить неможно*". [1]) Здѣсь, такимъ образомъ, Сенатъ первоначально хотѣлъ снова передать дѣло на рѣшеніе Кабинета. Однако, спустя почти мѣсяцъ послѣ этого приговора, Пр. Сенатъ счелъ возможнымъ отмѣнить его и *не* входить уже въ Кабинетъ съ указаннымъ выше сообщеніемъ. Именно, въ журналѣ отъ 15 января 1740 г. читаемъ, что, по докладу оберъ-секретаря Демидова, напомнившаго Сенату о приговорѣ его отъ 19 декабря, *Сенатъ*,—принявъ во вниманіе, что „оный Ея И-го Величества указъ (отъ 3 мая 1737 г.) состоялся *на представленіе Пр. Сената*, къ тому же ноября 15 дня прошлаго 1739 г. по Ея И-го В-ва указу [2]) велѣно, ежели на кого штрафы положены будутъ *неправильно*, за то штрафовать судей и секретарей десятою долею, — того рода *разсудили*: вышеписаннаго сообщенія въ Кабинетъ Ея И-го Величества *не подавать*, а въ Смоленскую губернскую канцелярію послать указъ, въ которомъ объявить, что, хотя коллегіямъ и велѣно губернаторовъ штрафовать, однакожъ, потомъ за неправыя положенія велѣно штрафовать.

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, журналы и протоколы за декабрь 1739 г., кн. 307 2188, л. 129.

[2]) Въ I П. С. З., подъ № 7946, указъ этотъ обозначенъ, какъ сенатскій, но онъ прошелъ черезъ Кабинетъ министровъ.

и судей и для того, *въ отмѣну оныхъ указовъ*, другого опредѣленія Сенатъ учинить не можетъ“ [1]). Интересно также отмѣтить, что доношеніе Бутурлина изложено въ журналѣ Сената такъ, какъ будто онъ „требовалъ, чтобъ *Смоленскую губернію* подвергнуть подъ единый штрафъ, по-прежнему, Сената“, тогда какъ имъ поднимался *общій вопросъ* о неудобствѣ подчиненія многимъ учрежденіямъ нашихъ губернаторовъ, что и придаетъ этому доношенію извѣстную цѣнность. Ни Кабинетъ, ни Сенатъ, однако, *не* хотѣли такой постановки дѣла, при чемъ первый просто *отклонилъ* отъ себя рѣшеніе этого труднаго дѣла, передавъ его Сенату „для учиненія рѣшенія“, какъ онъ это дѣлалъ неразъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Что же касается Сената, то онъ, по первому своему приговору, хотѣлъ было вновь перенести все дѣло на рѣшеніе Кабинета, основываясь на чисто-формальномъ отводѣ, что будто-то бы ему того „собою отмѣнить неможно“, хотя невозможность формальнаго рѣшенія дѣла вовсе не исключала его права разсмотрѣть вопросъ по существу, войдя затѣмъ съ своимъ „мнѣніемъ“ въ Кабинетъ, примѣры чему бывали нерѣдко въ практикѣ Сената (какъ это видно изъ напечатанныхъ нами „бумагъ Кабинета министровъ“). Затѣмъ приговоръ этотъ былъ отмѣненъ уже по другому основанію: Сенатъ, принявъ во вниманіе, что неудобный,—по мнѣнію Бутурлина,—указъ 3 мая 1737 г. состоялся по его, Сената, *собственному* представленію, не нашелъ возможнымъ самъ итти противъ него и, представивъ весь вопросъ въ томъ видѣ, что онъ имѣетъ отношеніе къ одной только Смоленской губерніи, предложилъ канцеляріи означенной губерніи обратить вниманіе на указъ отъ 15 ноября 1739 г., предписывающій штрафовать „за неправыя положенія“ (доимокъ и штрафовъ) *и судей*, какъ-будто такое штрафованіе могло въ чемъ-либо значительно облегчить губернаторовъ, если-бы даже предположить, что оно неукоснительно соблюдалось! Такимъ образомъ, вопросъ, поднятый Бутурлинымъ, не былъ разрѣшенъ въ царствованіе Анны. Но, мысль, положенная въ основу его „доношенія“, а именно мысль о необходимости губернаторамъ быть *подъ единымъ штрафомъ Пр. Сената*, не пропала совершенно. При Елизаветѣ Петровнѣ, по указу 31 августа 1742 г., штрафы съ губернаторовъ и воеводъ стали налагаться *уже Пр. Сенатомъ*, при чемъ даже была установлена общая такса этихъ штрафовъ (I П. С. З., № 8609). Интересно отмѣтить, что этотъ указъ былъ изданъ Сенатомъ потому, что упоминавшаяся нами неразъ высочайшая резолюція 3 мая 1737 г., на докладѣ Сената (противъ которой протестовалъ Бутурлинъ), оказывала на практикѣ мало дѣйствія. И вотъ Сенатъ—„чтобъ, какъ они, губернаторы, такъ провинціаль-

[1]) ibidem, журналы и проток. Пр. Сената за январь 1740 г. кн. 308/2189 л. 141 и об.

ные и городовые воеводы, впредь въ сборѣ подушныхъ денегъ и въ высылкѣ оныхъ исправнѣе и осторожнѣе поступали“ —повелѣваетъ„ на оныхъ губернаторовъ и воеводъ *положить штрафъ въ Сенатъ*“. Сенатъ затѣмъ самъ, по указу 17 марта 1746 г., угрожаетъ штрафомъ губернаторамъ и воеводамъ за медленность въ доставленіи генералитету свѣдѣній о ревизіи (ib., № 9268) и т. д. Впрочемъ, по указу 1 декабря 1746 г., военная коллегія вновь получила право штрафованія губернаторовъ и воеводъ *по своему усмотрѣнію*, въ случаѣ „нерапортованія“, со стороны ихъ, различнымъ военнымъ канцеляріямъ. Изъ указа этого видно, что штрафованіе губернаторовъ и воеводъ даже со стороны военной коллегіи (всегда почти самостоятельно стоявшей по отношенію къ Пр. Сенату) прекратилось послѣ изданія указа 1742 г., что, въ свою очередь, не замедлило вызвать „неисполненіе“ означенными властями предписаній различныхъ военныхъ канцелярій, подчиненныхъ названной коллегіи.

Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, какъ относился къ практикѣ Пр. Сената по данному вопросу самъ А. Б. Бутурлинъ, назначенный 27 іюня 1744 г. къ присутствованію въ Пр. Сенатѣ и бывшій тамъ (съ нѣкоторыми, впрочемъ, перерывами) до 6 сентября 1748 г., когда ему было разрѣшено бывать въ засѣданіяхъ Пр. Сената лишь по однимъ только *важнымъ* государственнымъ дѣламъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что *однимъ* подчиненіемъ губернаторовъ Сенату вопросъ не разрѣшался, хотя и во многовластіи надъ ними было мало толку. Необходимо было иначе поставить *функціи* губернатора, провести болѣе глубоко начало *раздѣленія* властей въ мѣстномъ управленіи, создать *самоуправленіе* въ губерніяхъ, усилить контроль центра надъ дѣятельностью губернатора, что и пыталось, такъ или иначе, провести законодательство Екатерины II. Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ сложныхъ вопросовъ. Но, любопытно, однако, отмѣтить, что и это законодательство не отказалось вполнѣ отъ мысли, высказанной Бутурлинымъ,—за неимѣніемъ, конечно, другого общаго органа контроля, кромѣ Сената, въ центрѣ имперіи. Еще до „учрежденія о губерніяхъ“, въ такъ наз. „наставленіи губернаторамъ“, изданномъ 21 апрѣля 1764 г., было выставлено то положеніе, что губернаторъ, какъ „повѣренная отъ насъ особа и какъ глава и хозяинъ всей врученной въ смотрѣніе его губерніи, состоять имѣетъ *подъ собственнымъ нашимъ и Сената нашего вѣдѣніемъ*, почему и указы *только отъ насъ и Сената нашего пріемлетъ*“, (ib., № 12137, ст. I). „Учрежденіе о губерніяхъ“ ставитъ, какъ извѣстно, чрезвычайно высоко „государева намѣстника“, или „генералъ-губернатора“, опредѣляемаго (вмѣстѣ съ губернаторомъ и вице-губернаторомъ) отъ императорскаго величества, ничего не говоря, впрочемъ, о порядкѣ ихъ отвѣтственности. Несомнѣнно, однако, что „наставленіе губернаторамъ“ не

потеряло своей силы и послѣ изданія „учрежденія“: по крайней мѣрѣ, въ одномъ указѣ Сената отъ 1778 г. было разъяснено, что по силѣ 3-й статьи означеннаго „наставленія“,—жалобы на генералъ-губернаторовъ *должны относимы быть въ Сенатъ*, а отнюдь ни въ какое другое мѣсто, почему и было подтверждено той коллегіи, до которой указъ относился, „чтобъ она впредь таковыхъ жалобъ на генералъ-губернатора, *яко неподлежащихъ суду ея*, не только не уважала, но не оставляла бы безъ должнаго взысканія, на тѣхъ мѣстахъ, кои иногда не по принадлежности мѣста, въ противность вышеписаннаго „наставленія“, въ ту коллегію вступать будутъ (ib., № 14880).

Коснемся, наконецъ, и другого доношенія А. Б. Бутурлина въ кабинетъ, служащаго какъ бы иллюстраціею къ первому его доношенію, нами уже выше разсмотрѣнному. Второе доношеніе смоленскаго губернатора отъ 29 ноября 1739 г. сопровождается *„копіею о изнеможеніи въ продолженіи счета“*, посланною имъ одновременно также въ Сенатъ и ревизіонъ-контору. Въ доношеніи указывается, что „отъ перемѣнныхъ формъ (въ книгахъ) великія затрудненія и остановка въ окончаніи счетовъ слѣдуютъ“ и затѣмъ „сколько ни рачительствуешь“— „никакъ не только на срочное число“ нельзя счета „къ довершенію привесть“, но, „за многодѣліемъ, продолжается въ не малое время и такъ годъ отъ году *губернскихъ* приходовъ и расходовъ денежной казны досконально познать не безъ труда, а расходчики межъ того уже иные многіе померли и отлучились по разнымъ мѣстамъ, на что болѣе никакого способу не пріискивая, какъ точію, ежели высочайшимъ произволеніемъ Ея И. В-ва Кабинета оставленъ будетъ *годовой рапортъ* посылкою въ камеръ-коллегію, ибо обстоятельные мѣсячные рапорты отъ губерніи присылаются, по которымъ свободно смѣтить и видѣть можно *о всемъ годовомъ приходѣ и расходѣ* денежномъ, такожъ и о прибавкѣ срока въ отправленіи счетовъ, какъ и отъ 24 декабря 1735 г. отъ меня высокому Кабинету Ея И. В-ва все тогда было донесено“.

Если „доношеніе“ Бутурлина, нами выше разобранное, возбуждало общій вопросъ о порядкѣ подчиненія губернаторовъ, то второе доношеніе находило „крайнее неможеніе“ въ составленіи „счетовъ годовыхъ“ и „въ необходимости“ отсылки ихъ на указаные сроки“, почему и требовало, какъ прибавки срока въ отправленіи счетовъ, такъ и отмѣны годовыхъ счетовъ. Крайняя запутанность денежнаго счетоводства въ первой половинѣ XVIII вѣка на мѣстахъ не подлежитъ сомнѣнію и, сколько бы мы ни относили этой запутанности на счетъ губернской администраціи, то неумѣвшей справиться съ дѣломъ отчетности, то намѣренно медлившей въ отправленіи счетовъ, чтобъ скрыть тѣ или иные недочеты по сбору доходовъ и ихъ расходованію и т. п., несомнѣнно, въ самой постановкѣ счетоводства по губерніямъ было немало

недостатковъ. Эти недостатки и выставлены весьма ярко смоленскимъ губернаторомъ въ его копіи „о изнеможеніи въ продолженіи счета“ и притомъ выставлены настолько въ обобщенномъ видѣ, что они, несомнѣнно, имѣли мѣсто повсюду, въ любой губернской канцеляріи. „Какъ годъ окончился, тотъ прежній приходчикъ“, — говоритъ авторъ вышеназванной копіи,—„по силѣ указовъ принужденъ немедленно вдаться въ дѣла и остатняго мѣсяца *репортъ*, подлежащій въ камеръ коллегію, внося въ оный остаточную всю, съ расписаніемъ по годамъ,—сумму, показуя и доимку и всѣ книги приходныя и расходныя пересматривать [1]) и потомъ остатокъ денежный сводить, по нихъ перебиравши справливаться. Но указанный репортъ „остатняго мѣсяца“ посылается не только въ камеръ-коллегію, а и въ рядъ другихъ учрежденій, [2]) почему копіи съ этихъ репортовъ, малымъ временемъ совершить никакъ можетъ, сколько бы ни хотѣлъ въ томъ остальномъ поступать“. А. Б. Бутурлинъ думаетъ, что „кто (бы) ни былъ у сихъ дѣлъ дѣйствительно сочинителемъ, то не удобъ, вѣроятно, будетъ, сколь многаго затрудненія въ томъ и мозголомство приноситъ отъ состоящихъ вновь формъ“ (книгъ). Во всякомъ случаѣ, какъ бы успѣшно расходчикъ ни работалъ, меньше какъ въ два мѣсяца онъ не можетъ „во всѣ мѣста репортовъ окончить“.

Къ тому же у него есть и еще дѣла: „не допуская окончанія года, заблаговременно долженъ (онъ) сочинить и отдать вновь опредѣленному приходчику четыре книги“ [3]), а потомъ онъ долженъ приняться за сочи-

---

[1]) А. Б. Бутурлинъ перечисляетъ подробно эти книги, указывая, что „за многоимѣющимися, кромѣ опредѣленныхъ къ содержанію по формѣ книгъ разныхъ доходовъ, которыя учинены для записки неподлежащихъ въ тѣхъ книгахъ сборахъ, яко то съ 719 по 732 г. двѣ, неокладнымъ сборамъ одна, за проданную гербовую бумагу одна, сбора печатныхъ пошлинъ одна, съ челобитчиковыхъ дѣлъ одна, крѣпостныхъ дѣлъ одна, сбора печатныхъ пошлинъ одна, контрактовыхъ одна, тарифнымъ ефимкамъ одна, взятымъ деньгамъ отъ церковниковъ одна, положенныхъ на лазаретъ, объявленнымъ съ вѣнечныхъ памятей, одна, провіантскимъ доходамъ одна, итого 12 книгъ; расходныхъ: канцелярскаго мелочного расхода одна, тарифнымъ ефимкамъ одна, фортикаціоннымъ деньгамъ одна, итого расходныхъ 4, всего 16 книгъ, а съ опредѣленными по формѣ 19, по которымъ скоро повѣрить все довольнаго времени требуетъ“ (Сборникъ И. Р. И. Общ., т. CXXX, стр. 673 и сл.).

[2]) А именно въ Пр. Сенатъ, въ штатсъ-контору, въ канцелярію главной артиллеріи и фортификаціи, въ провіантскую контору, въ адмиральскую коллегію въ канцелярію конфискаціи, въ печатную контору.

[3]) Первую (книгу) по Смоленску съ уѣздомъ. вторую—присутственныхъ къ Смоленску городовъ съ уѣзды жъ, что на комъ какого сбору осталось въ доимкѣ, выключая тѣхъ городовъ изъ оклада, въ его году взысканная, и для того принужденъ всю приходную книгу проходить и того смотрѣть, такъ же 2 книги, съ прописаніемъ оклада на настоящій годъ, къ взысканію того, вновь опредѣленному приходчику заготовить.

неніе *годового репорта*, въ который вноситъ окладъ того настоящаго года, и взятое изъ доимки, и зачѣмъ сполна не собрано, по годамъ, по мѣстамъ и по сборамъ, и расходъ того года подписывается, что отъ того расхода будетъ остатка по сборамъ, и многимъ письмамъ и повѣркою по всѣмъ книгамъ тогожъ времени требуетъ, какъ годовой счетъ". Затѣмъ тотъ же приходчикъ долженъ давать скорѣе отвѣты, „для знанія губернаторскаго" самому правителю губерніи по всѣмъ сборамъ и расходамъ, а губернаторъ ждетъ отъ него этихъ отвѣтовъ „въ лучшую предосторожность", наипаче, „желая знать" по должности, нѣтъ ли какого похищенія въ казнѣ и т. п.; если же губернаторъ захотѣлъ бы „дожидаться счета по формѣ" и не отрывать приходчика отъ дѣла (на которое надобно близъ двухъ мѣсяцевъ"), то онъ рискуетъ, „яко правитель губерніи" остаться о приходѣ и расходѣ безвѣдомъ. Не проволжая дальнѣйшаго обзора всѣхъ затрудненій въ губернскомъ счетоводствѣ, отмѣченныхъ очень подробно Бутурлинымъ, замѣтимъ вообще, что, по мнѣнію автора доношенія, приходчикъ, — „отъ множества дѣлъ засуетяся" (въ этой „суетѣ немалую роль принимаютъ" обрѣтающіеся у слѣдствія всякихъ доходовъ офицеры), въ концѣ концовъ сь прямого пути собьется и, какъ-бы тщательно ни желалъ зачать счетъ производить, но изображенныя (авторомъ доношенія) „помѣшательства *въ годъ* не допустятъ до рукъ того приттить, не токмо въ указное время исправиться", между тѣмъ за всѣ эти неисправности отвѣчаетъ, конечно, прежде всего губернаторъ. Безвыходное положеніе губернатора, въ дѣлѣ срочной отчетности приходовъ и расходовъ денежной казны, живо изображенное Бутурлинымъ, требовало со стороны центральной власти внимательнаго обсужденія вопроса и его коренаго измѣненія. Кабинетъ министровъ, однако, и въ данномъ случаѣ (резолюціею своею отъ 29 декабря 1739 г.) переслалъ доношеніе Бутурлина на разсмотрѣніе Пр. Сената, который долженъ былъ самъ „по сему доношенію рѣшеніе учинить". Но, Сенатъ, получивъ означенную резолюцію (какъ это видно изъ журнала отъ 3 января 1740 г.), приговорилъ: „сообща (означенное доношеніе Бутурлина) съ имѣющими въ Сенатѣ прежними его доношеніями, и что по онымъ учинено, доложить [1])" (впредь), т.-е., иначе говоря, отложилъ разсмотрѣніе даннаго вопроса на неопредѣленное время, какъ отложено было самимъ Кабинетомъ безъ рѣшенія доношеніе Бутурлина отъ 24 декабря 735 г. „о затрудненіи прошлыхъ лѣтъ счетовъ по присланнымъ изъ камеръ-коллегіи разнымъ формамъ" и пр. [2]). Къ сожалѣнію, мы не нашли въ

---

[1]) Арх. М. Юст., журн. и проток. Пр. Сената за январь 1740 г., кн 308/2189 л. 400.

[2]) Сборн. И. Р. И. Общ., т. CXIV, стр. 19.

журналахъ Сената указаній на дальнѣйшую судьбу разсмотрѣннаго доношенія Бутурлина. Едва ли, впрочемъ, однимъ упрощеніемъ формъ счетоводства въ губернскихъ канцеляріяхъ, а равно увеличеніемъ числа лицъ, завѣдывающихъ денежной отчетностью по сбору и расходу денегъ, наконецъ—измѣненіемъ сроковъ подачи отчетовъ, можно было уничтожить „изнеможеніе въ продолженіи счетовъ“, какъ думалъ Бутурлинъ. Необходимо было совершенно выдѣлить всякія финансовыя операціи изъ функцій губернаторовъ и ихъ канцелярій, поручивъ ихъ веденіе особымъ учрежденіямъ, что и дѣлается при Екатеринѣ II. Донесенія Бутурлина во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія, какъ яркая картина существовавшихъ въ области губернской денежной отчетности непорядковъ.

Александръ Филипповъ.

V.

Къ исторіи сношеній московскихъ государей съ римскими папами.

Цѣлованіе папской туфли.

Е. Шмурло.

Какъ извѣстно, этикетъ папскаго двора, въ сношеніяхъ дипломатическихъ, требуетъ, чтобы посланники католическихъ государей, представляясь на аудіенціяхъ папѣ, совершали колѣнопреклоненіе предъ нимъ и цѣловали его туфлю [1]). Выросшее на почвѣ признанія духовнаго супремата римскаго епископа въ христіанской церкви, требованіе это въ старое время предъявлялось также къ государямъ инославнымъ и иновѣрнымъ, что̀ не разъ вызывало непріятные, нежелательные конфликты по причинамъ религіознаго и политическаго характера. Въ глазахъ русскихъ людей XVI и XVII столѣтій актъ цѣлованія папской ноги носилъ характеръ признанія надъ собою, и въ области церкви, и въ области государства, власти, выше стоящей,—какъ бы шатостью въ вѣрѣ, измѣной православію и, съ другой стороны, попущеніемъ своими правами, отказомъ отъ той политической независимости, которую въ остальныхъ случаяхъ московскіе государи, какъ разъ наоборотъ, сознательно старались постоянно подчеркивать и выставлять на видъ. То, что въ представленіи католиковъ Западной Европы являлось совершенно нормальнымъ и естественнымъ звеномъ въ общемъ строѣ международной жизни, для современниковъ Ивана Грознаго и Алексѣя Михайловича болѣзненно звучало горькимъ напоминаніемъ о злыхъ временахъ татарщины, о торжествѣ, хотя и временномъ, но не менѣе обидномъ, поляковъ, о прежнихъ пресмыканіяхъ и униженіяхъ разнаго рода.

Потому ли, что русское общество конца XV и начала XVI столѣтій еще не успѣло проникнуться идеей государственной самостоятельности и не такъ реагировало на упомянутый ритуалъ; потому ли, что соотвѣтственные источники до насъ не дошли; но какихъ-либо конфликтовъ по поводу цѣлованія папской туфли, въ періодъ сношеній

---

[1]) Если съ вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго папы правило это фактически и не примѣняется, то не потому, чтобы оно было отмѣнно de jure, а исключительно въ силу личнаго нежеланія Пія X примѣнять его на дѣлѣ. Еще при Львѣ XIII оно соблюдалось во всей строгости.

съ Римскимъ дворомъ великихъ князей московскихъ Ивана III и Василія III, мы совершенно не знаемъ. От. П. Пирлингъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ, очень тщательно подбиравшій данныя касательно декоративной стороны дипломатическихъ сношеній Рима съ Москвой, не нашелъ въ современныхъ памятникахъ, ни въ русскихъ, ни въ иностранныхъ, никакихъ указаній, для этой поры, даже на то, чтобы цѣлованіе туфли имѣло мѣсто само по себѣ[1]).

За время великаго князя Ивана Васильевича и его сына можно насчитать восемь посольствъ къ римскимъ папамъ. О первомъ появленіи Джанбаттисты делла Вольпе (Ивана Фрязина) при Римскомъ дворѣ въ 1470 году сохранились очень скудныя свѣдѣнія [2]); вторично, въ 1472 году, пріѣзжая за Софіей Палеологъ, Вольпе, въ привѣтственной рѣчи Сиксту IV, заявлялъ, что прибылъ съ цѣлью сложить, отъ имени великаго князя, дань уваженія къ стопамъ папы [3]); но, конечно, это было не болѣе, какъ риторическимъ украшеніемъ [4]). Посольство Семена Толбузина въ 1475 году вообще „не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ“ [5]); не многимъ больше можно сказать и о посольствѣ Юрія (Траханіота?) въ 1485 году [6]). Разсказывая о присутствіи Ралева [7]), въ 1488 году, на папской мессѣ, гдѣ ему было отведено почетное мѣсто, діарій Бурхардта о цѣли его пріѣзда говоритъ въ выраженіяхъ самыхъ общихъ, а объ аудіенціи даже и не упоминаетъ [8]). Послѣдній разъ сносился Иванъ III съ римскими папами въ 1500 году, отправивъ къ Александру Борджьа Дмитрія Ралева и Митрофана Карачарова. Послы присутствовали въ консисторіи, но были ли на аудіенціи, остается неизвѣстнымъ [9]). Такое же полное молчаніе о цѣлованіи туфли и по поводу по-

[1]) Отсюда, конечно, далеко до вывода, что цѣлованія не происходило вовсе. Римскіе діаріи того времени очень скупы на подробности и избѣгаютъ повторенія въ описаніи деталей (въ каждой церемоніи всегда болѣе или менѣе сходныхъ), ограничиваясь внесеніемъ индивидуальныхъ чертъ, объ остальномъ же предоставляя догадываться выраженіями въ родѣ: „Omnia alia facta sunt more consueto“; „Dominus Noster paratus, ut moris est“; „more solito“, или наоборотъ: „licet contra normam caerimoniarum nostrarum, acta sint“ (J. Burchardi Diarium Innocentii VIII (Firenze. 1896), passim).

[2]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, I (2-ème édition), 137.

[3]) Pierling, op. cit., I., 145.

[4]) Laudaverunt igitur Pontificem, gratulati sunt de suo pontificatu, commendaverunt ducem, ejusque nomine pedibus apostolicis (sic enim dixerunt) reverentiam persolverunt (Muratori, Rer. Italicarum scriptores, XXIII, 89).

[5]) Pierling, op. cit., I, 200.

[6]) Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, II, 288.

[7]) Посланы были оба брата, Дмитрій и Мануилъ (Русская Лѣтопись по Никонову списку, VI, 123), но римскій источникъ упоминаетъ лишь объ одномъ.

[8]) J. Burchardi Diarium Innocentii VIII (Firenze. 1896), 197: Oratori regis Russiae, ad Suam Sanctitatem pro obedientia praestanda misso.

[9]) Pierling, I, 208.

словъ Василія III: Дмитрія Герасимова, въ 1525 году, и Трусова съ Лодыгинымъ, въ 1528-мъ. Относительно послѣднихъ осталось даже неизвѣстнымъ, была ли дана имъ аудіенція или нѣтъ [1]).

Прошло полстолѣтія; на сцену выступило новое поколѣніе. Идея престижа и величія Русскаго государства пустила большіе корни; но какъ разъ внѣшнія условія плохо гармонировали съ нею. Обезсиленный и стѣсненный счастливымъ соперникомъ, королемъ польскимъ, Иванъ Грозный шлетъ въ Римъ къ Григорію XIII Истому Шевригина просить поддержки и посредничества въ неудачной борьбѣ съ Стефаномъ Баторіемъ. Вопроса о цѣлованіи папской ноги, какъ вопроса, еще не существуетъ: наказъ, данный Истомѣ, останавливается на условіяхъ, при какихъ московскій гонецъ долженъ отдавать царскую грамоту папѣ, при какихъ имѣетъ право принять приглашеніе на обѣдъ, намѣчаетъ программу рѣчей; но ни однимъ словомъ не касается туфли,—въ ту минуту ея какъ бы вовсе не существовало для московской дипломатіи. Между тѣмъ въ Римѣ Шевригину цѣлованіе ноги было поставлено условіемъ допущенія къ аудіенціи. Возраженія оказались безполезны, политическій же горизонтъ Москвы былъ обложенъ такими темными тучами; отъ успѣха миссіи зависѣло такъ многое, что было бы безуміемъ рисковать разрывомъ, и Шевригинъ вынужденъ былъ принять поставленныя условія: и римскіе, и польскіе источники согласно свидѣтельствуютъ, что московскій гонецъ облобызалъ папскую ногу и оставался колѣнопреклоненнымъ все время, пока читалась царская грамота [2]). Характерно однако, что объ этомъ

[1]) Pierling, I, 294, 309—310. О посольствѣ „въ Римъ“ (Б.-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, П, 233) или, по другимъ указаніямъ, „въ Италію“ (Б.-Каменскій, Переписка между Россіею и Польшею, ч. I, стр. 48) Андрея Траханіотова въ 1506 году, быть можетъ, осторожнѣе пока ничего не говорить, въ виду недостаточнаго согласованія данныхъ и безъ того неполныхъ и скудныхъ, тѣмъ болѣе, что есть основаніе въ Андреѣ видѣть посла не „в ъ Италію“, а и з ъ „Италейскихъ странъ“(Сборникъ Имп. Русс. Истор. Общ., т. 35, стр. 480—481). Къ тому же Р и м о м ъ старые наши памятники иногда называютъ Римскую Нѣмецкую имперію. Сравн. Пол. Собр. Рус. Лѣт., XII, 220: „О Римскомъ послѣ и о отпущеніи посла въ Римъ. Того же лѣта пріиде посолъ Николай отъ Римъскаго цѣсаря Өердерика о любви и дружбѣ, и князь великій, почтивъ того посла, отпустилъ его съ любовію къ его государю; да съ нимъ же вмѣстѣ отпустилъ князь великій посла Юрья грека Тарханіота къ цѣсарю Өердерику съ любовію же“. Годъ спустя, въ 1490 г., Юрій Тарханіотъ вторично посланъ былъ къ германскому императору и разсказъ объ этомъ посольствѣ въ лѣтописи озаглавленъ аналогично разсказу о первомъ посольствѣ: „О отпущеніи пословъ въ Римъ“ (тамъ же, XII, 223). Не трудно видѣть, какой „Римъ“ имѣлся въ виду въ обоихъ случаяхъ.

[2]) Questo ambasciatore hebbe gran difficoltà e renitenza nel baciare i piedi a Nostro Signore, quando egli fu ricevuto publicamente, perchè quantunque fosse stato esortato da molti a piegarsi col bacio del piede, disse, che havrebbe participato questo atto al suo padrone e che quando glie l'havesse commandato l'havrebbe più che volentieri fatto. Onde il papa per simil ostinatione non lo volle ricevere

самъ Шевригинъ не заикнулся и словомъ въ отчетѣ, поданномъ въ Посольскій приказъ [1]). Быть можетъ, актъ этотъ еще не укладывался въ рамки Статейнаго списка?

Полтора года спустя, отправляя Молвянинова съ Тишиной въ въ Римъ, Московское правительство повторяетъ предписанія, дававшіяся Шевригину, по-прежнему обходя полнымъ молчаніемъ вопросъ о цѣлованіи папской ноги. Но Молвяниновъ ѣхалъ, несомнѣнно, уже будучи на-сторожѣ. Поссевину лишь съ большимъ трудомъ удалось уговорить его преклонить колѣна и снять шапку [2]). Угроза не быть допущеннымъ до аудіенціи и опасеніе, „не бывъ намъ у папы, съ чѣмъ идти къ государю своему, царю и великому князю?“ [3]) заставили Молвянинова сдаться. Впрочемъ самое главное—такъ ему казалось—онъ отстоялъ: цѣлованіе туфли мѣсто не имѣло. Въ отчетѣ о своемъ посольствѣ онъ категорически утверждаетъ, что на обѣихъ аудіенціяхъ, пріемной и отпускной, они съ Тишиною „папѣ кланелись близко ноги, а въ ногу не цѣловали“ [4]). Намъ нѣтъ никакихъ основаній не вѣрить Молвянинову; повидимому, онъ старался, какъ умѣлъ, отстоять интересы своего государя. Есть указаніе на то, что процедура наклоненія не обошлась безъ выходокъ, никоимъ образомъ не укладывавшихся въ строгія рамки парадной церемоніи [5]); но вѣдь непосредственнаго прикосновенія губъ къ туфлѣ все равно наблюсти было невозможно, римскій церемоніалъ довольствовался простой фикціей цѣлованія, однимъ наклоненіемъ „близъ ноги“, какъ вполнѣ отвѣчающей сущности, идеѣ цѣлованія. Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить оттѣнки выраженій папскаго діарія при описаніи аудіенціи обоихъ пословъ:

„Attamen audivi ab ipsomet duce [6]), illum pedem Sanctitatis Suae

---

all'udienza publica, che gli haveva accordata, se prima non prometteva al suo nipote di baciarli i piedi. Così poi a costo de' prieghi si indusse a questo, e da Nostro Signore fu ricevuto in pieno concistoro, e dal papa benignamente accolto con gran dimostratione di tenerezza. Тотъ же источникъ, въ другомъ мѣстѣ, такъ выражается о церемоніи пріема; condotto all'udienza segreta del papa, doppo il bacio dei piedi, stando sempre in ginocchio, disse con aiuto d'un interprete alcune poche parole... (Li successi di Gregorio XIII Bolognese di fameglia Boncompagni. Ватик. Архивъ. Bolognetti, т. 45). См. еще: Діарій Муканція въ H. Russiae Monumenta, I, 388, и Theiner, Annales Ecclesiastici, III, 284 (подлинныя слова приведены далѣе въ нашемъ текстѣ) и Кояловичъ, Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія, стр. 8: snac pracza s nim mieli, nis sie dal namowic, aby Papiezowi czalowal nogi y kleczacz poszelstwo spvawowal. Gdi to uczinil malo co mowil.

[1]) Пам. Дипл. Сношеній, X, 17 слѣд.

[2]) H. R. Monumenta, I, 390.

[3]) Пам. Дипл. Сношеній, I, 882.

[4]) Тамъ же, I, 883, 885.

[5]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, II, 204.

[6]) Князь Сора Бонкомпанья, въ домѣ котораго останавливался Шевригинъ.

deosculatum fuisse, ac genuflexum mansisse, donec mandatum et litterae sui principis interpretarentur"—таковое показаніе о Шевригинѣ. А вотъ строки, относящіяся до Молвянинова и Тишины: „Difficulter potuit eis persuaderi, ut genuflecterent et caput detegerent. Dicunt enim in eorum more positum esse, ut nunquam caput detegant honoris gratia, nec etiam ipsorummet duci et principi, nec ante ipsum genuflexi, sed procumbentes sunt, dum illi reverentiam volunt exhibere. Tandem genuflexerunt et caput denudarunt, suadente Possevino, quem videbantur magnopere vereri" [1]).

На первый взглядъ рѣчь идетъ какъ будто о двухъ разныхъ дѣйствіяхъ: Шевригинъ цѣловалъ ногу и стоялъ колѣнопреклоненный; Молвяниновъ же только обнажилъ голову и преклонилъ колѣна. Но если вспомнить, что еще до аудіенціи римскіе дипломаты настаивали на цѣлованіи (показаніе Молвянинова), то, очевидно, послѣднее и имѣетъ въ виду діарій, когда онъ съ живымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что Поссевину удалось убѣдить русскаго посла въ необходимости подчиниться ихъ требованіямъ.

Въ XVII столѣтіи мы знаемъ всего лишь одно состоявшееся посольство къ Римскому двору: посольство Менезія 1673 года. Іезуитъ Лавицкій (1606 г.) въ счетъ не идетъ: его поѣздка совпала поистинѣ *съ смутной* порою, когда обычныя понятія и представленія, чуть не всѣ, помутились и перепутались; когда московскаго царя въ Вѣчномъ городѣ представлялъ человѣкъ, завѣдомо служившій интересамъ Рима, а не Москвы. Неоднократно призываемый къ папѣ, подолгу бесѣдовавшій съ нимъ на самыя интимныя темы [2]), Андрей Лавицкій къ типу русскихъ пословъ, конечно, не подходитъ, и поведеніе его могло бы служить прецедентомъ въ томъ развѣ смыслѣ, что ярче указывало московской дипломатіи, чего *не должно* дѣлать впослѣдствіи. Бояринъ Б. П. Шереметевъ въ 1698 году представлялся папѣ частнымъ лицомъ и прибылъ лишь съ рекомендательной грамотой русскаго государя; тѣмъ болѣе приватный характеръ носило посѣщеніе „волонтеровъ", посланныхъ Петромъ Великимъ обучаться въ Италіи морскому дѣлу. Къ тому же тогда и времена были другія: прежняго ужаса, по крайней мѣрѣ въ такой степени, какъ раньше, туфля уже не возбуждала. Правда, конецъ XVII столѣтія еще не успѣлъ воспитать князей Куракиныхъ, которые (впрочемъ, уже довольно скоро: въ 1707 году) увидятъ въ ритуалѣ одинъ лишь простой ритуалъ и спокойно продѣлаютъ его, ни на минуту не усомнившись въ совмѣстимости его съ достоин-

[1]) H. R. Monumenta, I, 388, 390.

[2]) Appelé à plusieurs reprises au Vatican, admis à de longues et intimes conversations, il exposa au Pape la situation présente et les espérances d'avenir. (Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III, 229).

ствомъ и честью того лица, которое они представляли собой въ данную минуту [1]); но Шереметевъ еще избѣгалъ огласки, хотя церемонію продѣлалъ, повидимому, легко и охотно [2]); среди же „волонтеровъ", наряду съ послѣдователями боярина, нашлись и ревностные приверженцы старыхъ порядковъ [3]).

---

[1]) „Теперь буду описывать римскую свою бытность, которую похвально напишу, что никогда никто московской націи въ пріемности такого гонору и порядкомъ не былъ принятъ, гдѣ во всѣхъ церемоніяхъ такъ установилъ, какъ къ чести Царскаго Величества, такъ и къ своей персонѣ, какъ и другихъ прочихъ министровъ европскихъ и князей отъ санкви принимаютъ. И бывъ на авдіенціи, цѣловалъ у папы ногу, также и на всѣхъ авдіенціяхъ ногу цѣловалъ; и потомъ кардиналамъ отдавалъ визиты, гдѣ и мнѣ всѣ оные отдали визиты, всѣхъ съ восемьнадцать человѣкъ" (Архивъ кн. Куракина, I, 276).

[2]) О цѣлованіи бояриномъ Шереметевымъ папской ноги имѣются показанія съ разныхъ сторонъ: оффиціальныя записи придворнаго церемоніймейстера, въ двухъ редакціяхъ; донесеніе венеціанскаго агента и письмо кардинала Оттобони венеціанскому дожу; извѣстія газетныя (см. изданный мною Сборникъ документовъ, относящ. къ исторіи царствованія имп. Петра В., т. I, стр. 354—356, №№ 491, 492, 494—496). Если и допустить, что источникъ всѣхъ этихъ свѣдѣній одинъ и тотъ же и что поэтому еще нѣтъ основанія въ одномъ свидѣтельствѣ усматривать подтвержденіе другому, то письмо государственнаго секретаря кардинала Спады къ вѣнскому нунцію Санта Кроче не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Шереметевъ, дѣйствительно, исполнилъ все, что полагалось по римскому ритуалу: Nel tempo, che si è trattenuto qui il sig. generale Szermetty ha protestati ossequij tali di rispettosa devozione verso la Santità di Nostro Signore, e mostrati sentimenti di così parziale affetto alla nostra santa religione, che non solo è stato benignamente veduto da Sua Beatitudine, ma si è molto accresciuto nel zelantissimo cuore della medesima il desiderio di sentirlo maggiormente acceso dal lume della verità, onde si disponga ad unirsi alla chiesa cattolica (Тамъ же, стр. 372, № 510). Въ описаніи своего „Похожденія на Мальтійскій островъ" самъ Шереметевъ, какъ извѣстно, цѣлованіе ноги обходитъ полнымъ молчаніемъ и, конечно, онъ имѣлъ къ тому вѣскія основанія, если еще до возращенія своего въ Россію надъ нимъ уже тяготѣло обвиненіе чуть не въ переходѣ въ католичество (Іезуитъ Запольскій), въ письмѣ къ И. Шпоту изъ Варшавы, 2-го ноября 1698 г., приводитъ слѣдующія слова Шереметева: Ipse, inquit, sum in periculo vitae, ideo, quod sim accusatus apud Zarum, quasi factus sim catholicus, quod non est verum. „Mélanges. Extraits des études de théologie, de philosophie et d'histoire", II (Paris. 1857), стр. 25.

[3]) Свѣдѣнія о пребываніи русскихъ вельможъ въ Римѣ въ 1697—1698 гг. не отличаются желаемой точностью. Нѣкоторые изъ путешественниковъ были на аудіенціи у папы, другіе нѣтъ, и тѣ, кто былъ, ногу цѣловалъ. (Ср. вышеуказанный Сборникъ документовъ, passim). Въ рукописной біографіи рода Мартиновичей, изъ Перасто, въ Далмаціи, разсказывается, что 17 русскихъ, находившихся въ обученіи у Марка Мартиновича, проѣздомъ черезъ Римъ, не согласились на цѣлованіе ноги. (A Roma accolti molto per ordine di Sua Santità, e desiderosi molto di vederlo nel suo tribunale furono esauditi ove comparsi subitamente, esso Marco genuflesso alli suoi sacri piedi, ma loro non volsero fare a riguardo del loro rito, li bastò solamente d'havere visto quella gvan maestà della quale

Не то было въ 1673 году, въ посольство Менезія. Тогда дѣло не обошлось безъ серьезныхъ затрудненій, конфликтъ развернулся во всей силѣ. Сравнительное обиліе данныхъ позволяетъ выяснить съ большей отчетливостью, чѣмъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, столкновеніе двухъ интересовъ и присмотрѣться къ тому, какъ московская и римская дипломатія обходили подводные камни, примиряя противоположныя и, въ сущности, непримиримыя точки зрѣнія. На эпизодѣ 1673 года мы и остановимся нѣсколько подробнѣе.

Въ посольствѣ Менезія вопросъ о цѣлованіи папской туфли выступаетъ уже какъ настоящій *вопросъ* во всемъ его объемѣ. Въ Москвѣ заранѣе знали, на что будутъ претендовать въ Римѣ, и заранѣе готовились дать надлежащій отпоръ. Наказъ Менезію уже не ограничивается прежними предписаніями насчетъ рѣчей, обѣдовъ и передачи грамоты: посланному категорически предписывалось: „А буде его папа на пріѣздѣ и на отпускѣ позоветъ цѣловать въ мѣсто руки въ ногу, и ему папу въ ногу отнюдь не цѣловать, а цѣловать въ руку и стоять о томъ накрѣпко, чтобъ конечно цѣловать въ руку, а не въ ногу“ [1]). Надо думать, что въ Посольскомъ приказѣ не разъ возвращались къ этой темѣ и въ устныхъ бесѣдахъ съ Менезіемъ. Сознаніе необходимости держать себя на-сторожѣ и опасеніе, какъ бы не надѣлать ошибокъ, побуждаетъ Менезія, едва выѣхавъ изъ Москвы, обратиться за новыми разъясненіями. Къ сожалѣнію, самый запросъ до насъ не дошелъ, и мы можемъ лишь догадываться о немъ по отвѣту Посольскаго приказа, который, повторяя прежнее предписаніе цѣловать въ одну руку, добавлялъ: „а подьячему папу въ ногу отнюдь не цѣловать“ [2]). Значило ли это, что Менезію неяснымъ оставался лишь вопросъ о подьячемъ? Какъ бы ни было, но и въ дополнительномъ разъясненіи онъ увидалъ подтвержденіе того же требованія, какое ему было предъявлено раньше.

Можно было ожидать, что въ такую посылку болѣе, чѣмъ когда-либо, назначатъ православнаго человѣка, строгаго ревнителя духа и обрядовъ Русской церкви; между тѣмъ, какъ извѣстно, Менезій былъ католикъ и, какъ таковой, вѣроятно, болѣе чѣмъ охотно облобызалъ бы ногу у папы. На первый взглядъ въ подобномъ назначеніи хочется видѣть извѣстнаго рода непослѣдовательность Посольскаго приказа, нѣкоторую неосторожность съ его стороны; на самомъ дѣлѣ непослѣдовательность эта только кажущаяся. Не говоря про то, что Менезій, въ

---

restarono molto ammirati. Частный архивъ графа Хр. Висковича въ Перасто; но, кажется, этого нельзя сказать про всю группу; ср. Сборникъ документовъ, стр. 326, № 441, гдѣ упоминаются нѣкоторые изъ учениковъ Мартиновича (кн. Куракинъ, князья Голицыны), по всей видимости, какъ участники папской аудіенціи.

[1]) Пам. Дипл. Сношеній, IV, 792.

[2]) Тамъ же, IV, 671. Ср. Журн. Мин. Нар. Просв. 1901, февраль, 451.

глазахъ Московскаго правительства, былъ въ этой посылкѣ на своемъ мѣстѣ и очень пригоденъ, какъ человѣкъ образованный, знавшій языки, знакомый съ европейской жизнью и обычаями и именно, какъ католикъ, имѣвшій возможность легче православнаго войти въ кругъ римскихъ дипломатовъ и воздѣйствовать на нихъ въ интересахъ того государя, котораго онъ представлялъ,—не говоря про это, посольскіе наказы XVII столѣтія обыкновенно связывали русскихъ пословъ по рукамъ и ногамъ, заранѣе предвосхищая всѣ ихъ дѣйствія, отдѣльныя слова, фразы, шаги и движенія. Открытаго нарушенія наказа опасаться было нечего, а всякое иное, исподтишка, значенія все равно не имѣло бы. Да и вообще, если Менезію довѣряли, то должны были довѣриться и въ томъ, что онъ приложитъ все отъ себя возможное, чтобы не уронить достоинства своего государя и удержать его на той высотѣ, на которую, какъ на должную, считали себя въ правѣ претендовать въ Москвѣ.

Но если для русскихъ правительственныхъ людей XVII вѣка выступала на первый планъ *туфля*, *нога*, то католику было не безызвѣстно, что во время церемоніи цѣлуется собственно не туфля, а вышитый *крестъ* на ней, и потому гораздо интереснѣе выяснить другое: не то, какъ правительство рѣшилось дать такое порученіе католику, а какъ справится католикъ съ дилеммой, которая возставала теперь передъ нимъ.

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо познакомиться нѣсколько ближе съ личностью Менезія. Біографія его достаточно извѣстна, чтобъ надобно было снова повторять ее—въ данную минуту насъ интересуютъ лишь его религіозныя воззрѣнія.

Павелъ Менезій, баронъ Питфодельсъ, шотландецъ по происхожденію и, съ 1661 года, офицеръ русской службы, выросъ въ католической семьѣ въ сознаніи неуклоннаго долга и преданности Римской церкви. Всѣ общественные интересы Менезіевъ ярко окрашены католическими симпатіями: семья Менезія принадлежала къ партіи роялистовъ и въ новомъ конституціонно-протестантскомъ движеніи, которое одинаково и въ Шотландіи, и въ Англіи одержало верхъ, покончивъ съ Стюартами, видѣли ту темную силу, что выбросила ихъ приверженцевъ за бортъ, въ пучину неравной и невѣрной борьбы за личное существованіе. Въ самомъ нѣжномъ возрастѣ Павелъ Менезій поступаетъ въ іезуитскую коллегію, гдѣ, можно думать, навсегда и окрѣпли въ немъ глубокое религіозное чувство и вѣрность установленіямъ католической церкви [1]).

Въ роду Менезіевъ можно было бы указать не только убѣжден-

---

[1]) Чарыковъ, Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія, 8—9.

ныхъ католиковъ, но и ревностныхъ служителей алтаря [1]). Адріанъ Менезій ѣдетъ въ Римъ, вступаетъ въ францисканскій орденъ Минориговъ Конвентуаловъ, оканчиваетъ курсъ ученія въ коллегіи св. Бонавентуры и въ 1649 году направляется въ Польшу наставлять на путь истины своихъ отпавшихъ отъ католической церкви земляковъ [2]), подобно тому, какъ позже тотъ же путь миссіонерства среди польскихъ шотландцевъ изберетъ другой соотечественникъ П. Менезія—Александръ Бернетъ [3]). Вѣрность Риму въ родѣ Менезіевъ, можно думать, переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе; одинъ изъ нихъ (вѣроятно, ближайшій родственникъ семьи нашего Менезія, такъ какъ онъ назывался барономъ Питфодельсъ) пренебрегъ даже личной свободою, лишь бы сохранить за собою возможность воспитывать дѣтей тамъ, гдѣ онъ считалъ для нихъ болѣе пригоднымъ. Его заключили въ тюрьму за то, что онъ отправилъ своихъ сыновей обучаться за границу, и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что коллизія произошла на почвѣ нежеланія барона Питфодельса помѣщать дѣтей въ протестантскую школу [4]).

Извѣстно, что во время своего посольства Менезій завоевалъ себѣ въ дипломатическихъ кругахъ Вѣны, Венеціи и Рима большія симпатіи, что̀ обыкновенно объясняютъ его образованіемъ, умомъ, манерами, умѣньемъ соотвѣтственно держать себя и т. п. Все это совершенно справедливо; но не слѣдуетъ забывать и его религіозныхъ убѣжденій: общество, въ которомъ онъ обращался за границей, было католическое, а въ XVII столѣтіи вѣроисповѣднымъ ярлыкомъ еще въ значительной степени опредѣлялись людскія взаимоотношенія. Здѣсь сразу поняли, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ своего круга, тѣхъ же принциповъ и идеаловъ. Не даромъ іезуитъ Вота—въ этомъ вопросѣ судья компетентный—характеризуетъ Менезія, какъ „прекраснаго“ католика, „твердаго въ вѣрѣ“, глубоко религіознаго [5]). Религіозное рвеніе и католичность Менезія тѣмъ болѣе бросались въ глаза, чѣмъ необычнѣе были для представителя схизматическаго государя; и какъ ни безупречно

---

1) Въ бумагахъ папскаго архива Бреве встрѣчается не разъ указаніе на существованіе испанской вѣтви Менезіевъ; изъ нихъ видно, что среди представителей этой вѣтви были члены духовныхъ орденовъ, аббатиссы и т. п.

2) Архивъ Пропаганды фидэ, Scritture Originali Riferite, т. 339, л. 145—147, 207; Acta Sacr. Congregationis de Propaganda Fide, т. 19, л. 274: протоколъ засѣданія 27-го сентября 1649 г., № 18.

3) Архивъ Пропаганды. Scritt. Orig. Rif., т. 422: 17-го іюня 1670 г., № 31.

4) Il conte di Sempil, il baron di Petfodels della casata di Menezel [sic] sono stati messi in prigione per haver mandato a [sic] loro figliuoli fuori del reamo peessere insegnati (Архивъ Пропаганды. Acta Sacr. Congr, т. 42. л. 199: протоколъ засѣданія 2-го августа 1672 г., № 23).

5) Molto pio cattolico frequentando i santissimi Sagramenti. Чарыковъ, Посольство П. Менезія, стр. 175—176, прилож. № 99.

(для глазъ посторонняго наблюдателя) носилъ онъ свой схизматическій мундиръ, окружающіе чувствовали однако, что подъ этой оболочкой бьется настоящее католическое сердце [1]). Въ Римѣ прямо заявляли, что лестный пріемъ, оказанный Менезію, обусловливался не только его оффиціальнымъ положеніемъ, но и тѣмъ, что въ немъ видѣли примѣрнаго сына католической церкви [2]). Благоговѣйно принимаетъ Менезій благословеніе, посланное ему папой въ Феррару, по случаю болѣзни [3]); а въ опасеніи, которое онъ выражалъ кардиналу Альтьери, какъ бы отказъ въ царскомъ титулѣ не отозвался неблагопріятно на положеніи московскихъ католиковъ, дозволительно слышать не одну дипломатическую угрозу, но и дѣйствительный страхъ за своихъ единовѣрцевъ [4]). Находясь въ Италіи, Менезій не упустилъ случая посѣтить Лорето и поклониться знаменитой святынѣ; а въ самый Римъ онъ привезъ нѣмецкаго мальчика-сироту, Павла Фербера, родившагося въ Москвѣ въ лютеранской вѣрѣ, но принявшаго, быть можетъ, не безъ вліянія Менезія, католичество. Въ Римѣ Менезій пристроилъ Фербера въ коллегію Пропаганды [5]). Патріотъ и вѣрующій человѣкъ, онъ ревнуетъ о церковномъ чествованіи памяти шотландской королевы Маргариты и хлопочетъ о занесеніи ея имени въ римскіе святцы [6]).

Такимъ держалъ себя Менезій за границей; такимъ же остался онъ и позже, въ Москвѣ, по возвращеніи изъ Рима. Добиться для католиковъ свободнаго отправленія богослуженія въ Московскомъ государствѣ— постоянная мечта Менезія. Что въ коллективныхъ просьбахъ католиковъ, жившихъ въ Москвѣ, о дозволеніи имѣть свою церковь и своихъ

---

[1]) Professa gran zelo al suo signore, ma non minore alla religione cattolica. Тамъ же.

[2]) Gli sono usate le più abbondanti dimostrationi di stima e di rispetto verso il principe da lui rappresentato, e verso la sua persona per il riguardo particolare che porta, professando la fede cattolica (кардиналъ Альтьери венеціанскому нунцію Варезе. Ватиканскій Архивъ. Nunziatura di Venezia. № 288).

[3]) Менезій кардиналу Альтьери, 29-го іюля 1673 г. (Pierling, La Russie et le Saint-Siège, IV, 407).

[4]) E contrario timor animum subit, ne Czaria Majestas a Summo Ecclesiae catholicae Capite offensam se esse existimans omnem erga catholicos omnes amorem et studium plane exuat et abjiciat (Pierling, IV, 411).

[5]) Этотъ эпизодъ въ жизни Менезія оставался до послѣдняго времени совершенно неизвѣстнымъ. Его выясняютъ данныя, сохранившіяся въ архивѣ Пропаганды фиде, а именно: прошеніе, поданное Менезіемъ о пріемѣ Фербера въ коллегію (Scritt. Orig. Rif., с. 442, л. 329); протоколъ засѣданія Конгрегаціи Пропаганды, 26-го сентября 1673 г. Acta (Sacr. Congreg., т. 43, л.) 329 и аппробація Климентомъ X постановленія Конгрегаціи 27-го сентября 1673 г. (Udienze di Nostro Signore, т. I, л. 166).

[6]) См. ниже.

священниковъ, встрѣчается также и подпись Менезія [1])—это факты, на которыхъ строить еще ничего нельзя; но гораздо значительнѣе то, что католическіе миссіонеры, бывавшіе проѣздомъ въ Россіи, находили въ Менезіи поддержку и вели съ нимъ интимные разговоры на тему о томъ, что католическіе священники, откройся имъ доступъ въ Россію, могли бы не только исполнять требы для своихъ единовѣрцевъ, но, потихоньку и осторожно, содѣйствовать обращенію православныхъ въ римскую вѣру [2]). Себастіанъ Кнаабъ, хлопотавшій, въ 1684 году, о возобновленіи сношеній съ Римской куріей, нашелъ въ домѣ Менезія не одинъ только пріютъ, но и посильное содѣйствіе своимъ планамъ; не даромъ онъ выражалъ желаніе, чтобы, въ случаѣ если обстоятельства сложатся благопріятно, переговоры съ варшавскимъ нунціемъ были возложены именно на Менезія [3]). Въ пріѣздъ Воты въ Россію, въ томъ же 1684 году, Менезій проявилъ „живое усердіе объ общемъ дѣлѣ“ и скорбѣлъ, что „во время его посольства въ Римъ изъ-за мелочей пострадало существенное“ [4]).

Въ своей біографіи Менезія г. Чарыковъ справедливо указываетъ, что подъ „общимъ дѣломъ“ подразумѣвалось присоединеніе Русской церкви къ Римской, и что „для Менезія это „общее дѣло“ сливалось съ ревностными стараніями объ улучшеніи, вообще, положенія католиковъ въ Россіи“. Точно такъ же вполнѣ допустимо, что неуспѣхъ римскаго посольства [5]) огорчалъ Менезія главнымъ образомъ потому, что тормозилъ осуществленіе его собственныхъ надеждъ и желаній, такъ какъ политическое сближеніе Москвы съ Римомъ должно было служить началомъ сближенію и религіозному [6]). Достаточно вспомнить, что на смертномъ одрѣ Менезій грозилъ проклятіемъ всякому, кто сталъ бы совращать его дѣтей отъ вѣры ихъ отца [7]), чтобъ назвать его однимъ

---

[1]) Прошеніе, коллективное, московскихъ католиковъ польскому нунцію Палавичини, въ 1684 году, о присылкѣ двухъ священниковъ (Архивъ Пропаганды фидэ, Scritt. Orig. Rif., т. 491: 14-го ноября 1684 г., № 15); Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій, стр. 389 и прилож. 1.

[2]) Миссіонеръ Губеріо, по дорогѣ въ Китай, писалъ папѣ Клименту X, 14-го декабря 1674 г., изъ Москвы:... „il sig. Paulo Menesio... dal quale abbiamo h a vuto molti favori, et... il quale con la sua prudenza potrebbe anco occultamente profittare con questi Moscoviti, che sono simplicissimi et devotissimi...“ (Арх. Пропаганды, Scritt. Orig Rif., т. 452: 4-го марта 1675 г. № 41).

[3]) Theiner, Monuments historiques de Russie, 279.

[4]) Тамъ же, 282. Сравн. Чарыковъ. Посольство въ Римъ, стр. 527.

[5]) Отвѣтное бреве на грамоту Алексѣя Михайловича содержало въ себѣ неполный титулъ царскій, вслѣдствіе чего Менезій не счелъ возможнымъ принять папское посланіе.

[6]) Чарыковъ. Посольство въ Римъ, стр. 528.

[7]) Gordon, Tagebuch, II, 484.

изъ тѣхъ правовѣрныхъ католиковъ, какихъ хотѣла повсюду видѣть и насадить тогдашняя Римская церковь [1]).

Таковъ былъ человѣкъ, получившій строгій наказъ „папу въ ногу отнюдь не цѣловать“. Какъ онъ справится съ трудной задачей, трудной вдвойнѣ: выполнить долгъ службы и не оскорбить своего личнаго религіознаго чувства? Останется ли онъ на высотѣ требованій даннаго предписанія и отвергнетъ требованія римскаго ритуала, забудетъ на минуту принадлежность свою къ католической церкви,—или покривитъ душею передъ своими довѣрителями и отдастся свободному влеченію сердца? Вопросъ о томъ, цѣловалъ ли Менезій или нѣтъ ногу папы, возникаетъ уже по одному тому, что авторитетнѣйшій изслѣдователь въ области римско-русскихъ отношеній, от. П. Пирлингъ, въ новѣйшемъ трудѣ своемъ, слишкомъ сгущая краски, даетъ поведенію Менезія освѣщеніе, которое едва ли можетъ быть признано во всемъ правильнымъ.

Вѣрный данному наказу, Менезій, передъ аудіенціей, предъявилъ обычныя требованія, ставившіяся въ ту пору въ подобныхъ случаяхъ съ русской стороны, въ томъ числѣ, чтобы папа спросилъ о здоровьи русскаго государя, поднялся бы съ трона, при произнесеніи его имени, и лично бы, изъ рукъ въ руки, принялъ царскую грамоту [2]). Всѣ эти пункты были не только отвергнуты, но русскому посланному поставили условіемъ склонить передъ папой колѣна и поцѣловать ногу. Начались переговоры. Можно думать, Менезій боролся довольно энергично: грозилъ отъѣздомъ и на колѣнопреклоненіе не сдавался [3]).

Тогда съ римской стороны пошли на уступки и обѣщали грамоту принять непосредственно изъ рукъ посланнаго [4]), спросить о здоровьи [5]); однако Менезій не сдавался и отъ цѣлованія ноги продолжалъ упорно

---

[1]) Въ книгѣ Поссельта, Der General u. Admiral Fr. Lefort, II, 566, приводится фактъ, рисующій Менезія въ иномъ освѣщеніи: по порученію Лефорта онъ настаиваетъ, чтобы католическіе священники въ Москвѣ пошли на невыгодную для нихъ сдѣлку, грозя, въ иномъ случаѣ, изгнаніемъ ихъ изъ предѣловъ Россіи; но источникъ, откуда почерпнуто это извѣстіе, составленъ на основаніи слуховъ, съ извѣстной окраской, которая заранѣе распредѣляла тѣни и свѣтъ на дѣйствующихъ лицъ, и вообще еще сильно нуждается въ провѣркѣ и предварительномъ анализѣ.

[2]) Пам. Дипл. Сношеній, IV, 188; латинскій текстъ условій, „Pretensioni promosse dall'ambasciatore dello Czar di Moscovia“, въ группѣ бумагъ, объединенныхъ общимъ заголовкомъ: „Ambasciatori del Czar di Moscovia“. Папскій церемоніймейстерскій архивъ въ Римѣ, т. 507, л. 688, *напеч.* (безъ титула) Чарыковъ, Посольство въ Римъ, стр., 188, прилож. № 111.

[3]) Пам. Дипл. Сношеній, IV, 1040 слѣд.; діарій Фанти у Чарыкова, стр. 184, № 108.

[4]) Пам. Дипл. Сношеній, IV, 1036—1041.

[5]) Theiner, Monuments historiques de Russie, 74.

отказываться. Не помогла и новая уступка: вмѣсто ноги „папежскую ризу припадчи цѣловать“—Менезій настойчиво твердилъ, что можетъ только поклониться въ поясъ. Мы говоримъ: *не помогла*, слѣдуя изложенію Статейнаго списка [1]), гдѣ не сообщается, дѣлались ли уступки и съ русской стороны. Но что, на самомъ дѣлѣ, таковыя были сдѣланы, Статейный списокъ косвенно засвидѣтельствовалъ дальнѣйшимъ разсказомъ о самой аудіенціи: позволительно думать, что Менезій частнымъ образомъ, неоффиціально, сдался на „наклоненіе“ и согласился продѣлать требовавшіяся отъ него колѣнопреклоненія, лишь поставивъ условіемъ, чтобы ему дали совершить этотъ актъ „неволно“, т.-е. въ формѣ внѣшняго принужденія, какъ бы подчиняясь насилію „мастера церемоній“. Но, кажется, онъ пошелъ и дальше.

Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній объ аудіенціи, кромѣ Статейнаго списка, являются діаріи папскихъ церемоніймейстеровъ Боны и Фанти. Оффиціальность ихъ происхожденія, отсутствіе для составителей какой-либо надобности руководиться посторонними соображеніями; чисто домашнія цѣли, какія должны были они обслуживать—все это отнимаетъ у насъ основаніе заподозрѣвать названныя свидѣтельства въ намѣренномъ искаженіи или замалчиваніи фактовъ. Подобно безстрастной кинематографической лентѣ, діаріи Боны и Фанти развертываютъ передъ нами послѣдовательные моменты картины, совсѣмъ даже и не заботясь, какое впечатлѣніе произведутъ на зрителя. Сравнительно съ ними, Статейный списокъ проявляетъ нѣкоторую нервность; въ немъ проскальзываетъ неспокойная, боязливая мысль: поймутъ ли въ Москвѣ, что здѣсь приложили всѣ старанія не уклоняться отъ наказа? примутъ ли во вниманіе тяжелую обстановку, въ какой приходилось дѣйствовать, отстаивая его? Самый щекотливый пунктъ онъ—не скажу: обходитъ молчаніемъ, нѣтъ—но описываетъ въ выраженіяхъ, оставляющихъ желать въ смыслѣ ясности и полноты. При всемъ томъ и въ Статейномъ спискѣ на первомъ планѣ забота возможно точнѣе передать факты въ ихъ послѣдовательности; къ тому же изложеніе почти во всемъ сходно съ діаріями.

Аудіенція, насколько возможно возстановить ее, происходила въ такомъ видѣ. Папа сидѣлъ въ креслахъ, на небольшомъ возвышеніи, а по бокамъ, на скамьяхъ, расположились 8 кардиналовъ. У входа въ образовавшійся незамкнутый квадратъ Менезій сдѣлалъ первое колѣнопреклоненіе, въ срединѣ—второе и, уже подойдя вплотную къ папѣ, онъ въ третій разъ склонилъ колѣни, при чемъ поцѣловалъ туфлю,

---

[1]) Brevis relatio de modo quo exceptus fuit 1673 ablegatus magni ducis Moschorum, — изъ вышеупомянутыхъ „Ambasciatori del Czar di Moscovia“, л. 690; *напеч.* Чарыковъ, Посольство, стр. 183, прилож. № 108.

„или, вѣрнѣе, лишь сдѣлалъ видъ, что цѣлуетъ, такъ какъ она была покрыта полой сутаны“ (Бона); а покрыта она была потому, поясняетъ Фанти, что цѣлованіе креста на туфлѣ тогда только имѣетъ смыслъ, если соединено съ религіознымъ рвеніемъ и искреннею вѣрою, чего нельзя было ожидать отъ схизматика; и хотя самъ посланный католикъ, но въ эту минуту онъ дѣйствовалъ исключительно, какъ представитель схизматическаго государя. Эту *фикцію* цѣлованія самъ Менезій описываетъ словами: „А какъ посланнаго при папѣ поставили, и посланнаго наклонили по римскому извычаю впрямъ до колѣннаго приклоненія и вскорѣ подняли, а голову не наклоняли“. Вернувшись къ краю кардинальскихъ скамеекъ, Менезій снова припалъ ногою (одинъ разъ, по Фанти, трижды, по показанію Боны) и произнесъ рѣчь. Говорить ее онъ началъ было тоже колѣнопреклоненный, но папа далъ ему тотчасъ же встать. Во время рѣчи, произнося титулы папскій и царскій, Менезій тоже склонялъ колѣни. Взявъ изъ руки подьячаго царскую грамоту, Менезій поднесъ ее къ папѣ, снова склонился передъ нимъ и вторично поцѣловалъ въ ногу, „тѣмъ же манеромъ, что и раньше“ (Бона). Этотъ моментъ въ изложеніи Менезія переданъ такъ: „И потомъ церемоній [мейстеры] посланнаго наклонили до папиныхъ колѣнъ близъ“. Наконецъ, въ послѣдній разъ Менезій склонилъ колѣна, когда папа поднялся съ трона и, проходя мимо посланнаго, благословлялъ его [1]).

---

[1]) Другіе источники римскаго происхожденія, при всей разновидности ихъ показаній, по существу не расходятся съ свидѣтельствами оффиціальными. Кардиналъ Орсини, конечно, только повторяетъ Фанти, говоря: „склонившись передъ папой, Менезій низко наклонилъ свою голову, такъ что нельзя было различить, поцѣловалъ ли онъ туфлю или нѣтъ“ (Pierling, IV, 61); по словамъ Мочениго, Менезій ограничился лишь установленными колѣнопреклоненіями и ноги „не цѣловалъ“ (senza bacciar il piede. Чарыковъ, 192). Вопросъ о фикціи для венеціанскаго дипломата стоялъ на заднемъ планѣ, и онъ подчеркивалъ фактическую, строго реальную сторону происходившаго. Помпео Роччи, одинъ изъ придворныхъ папскихъ, приставленный къ Менезію на время его пребыванія въ Римѣ хочетъ дать и даетъ сжатый разсказъ о томъ, что дѣлалъ посланный на всемъ протяженіи своихъ почти полуторамѣсячныхъ гостинъ въ Вѣчномъ городѣ, и объ интересующемъ насъ фактѣ касается, лишь вскользь, мимоходомъ, совсѣмъ не вдаваясь въ подробности. Его слова „поцѣловалъ ногу“ (dopo il bacio de piedi) есть лишь простой оборотъ рѣчи для показанія того, что Менезій продѣлалъ соотвѣтственное движеніе въ направленіи къ туфлѣ. Помпею Роччи, конечно, хорошо были извѣстны всѣ предварительные переговоры, всѣ „невольныя“ наклоненія Менезія, но онъ обходитъ ихъ молчаніемъ, подчеркивая иное, именно, что церемонія прошла такъ, какъ ей *надлежало* пройти. И онъ правъ, потому что это такъ и было на дѣлѣ: Римское правительство удовлетворилось фикціей, а фикція давала ему право утверждать, что цѣлованіе состоялось (Отчетъ Роччи инкорпорированъ въ діаріи Боны (Theiner, 75), а въ формѣ самостоятельной записки, подъ названіемъ „Inviato del duca di Moscovia. 1673“, съ нѣкоторыми новыми подробностями, но, безъ имени составителя (или лица, по приказу котораго онъ былъ составленъ?)

Такимъ образомъ, въ описаніи момента, который представлялся наиболѣе важнымъ для обѣихъ сторонъ и вызвалъ у нихъ наиболѣе спора, замѣчаются оттѣнки и неполное сходство. Римскіе діаріи откровенно признали, что цѣлованія, какъ такового, не было; что удовольствовались одной ея фикціей, и, ставши на эту точку зрѣнія, совершено безразлично отнеслись къ тому, насколько низко наклонялся Менезій. Статейный списокъ, также отвергая цѣлованіе, особенно заботится подчеркнуть тѣ *предѣлы*, до которыхъ наклоняли посланнаго. Онъ торопится заявить, что при первомъ приближеніи къ папѣ голову посланнаго не наклоняли; однако не рѣшается повторить этого и по отношенію ко второму аналогичному моменту, органичиваясь глухою фразою „посланнаго наклонили до папиныхъ колѣнъ близъ", предоставляя читателю самому догадываться, что собственно значило это.

Какъ бы ни было, но разъ дѣло свелось не къ цѣлованію, а къ его фикціи, обѣ стороны имѣли основаніе утверждать, что каждая изъ нихъ сумѣла отстоять свою точку зрѣнія и сойтись на формахъ, удовлетворявшихъ ее. Туфля была покрыта полою папской одежды, слѣдовательно, не была даже видима, и какъ бы низко ни наклоняли Менезія, послѣдній имѣлъ юридическое право въ своемъ отчетѣ констатировать только фактъ наклоненія; а съ другой стороны, съ точки зрѣнія римскаго церемоніала, что иное, какъ не цѣлованіе обозначало это наклоненіе посланнаго передъ сидящимъ папою, особенно если допустить, что церемоніймейстеръ поусердствовалъ и наклонилъ Менезія не только до „ризы", до „колѣнъ", но и ниже? Реальное прикосновеніе зависѣло прежде всего отъ степени напряженія, съ какимъ напирали на спину и плечи Менезія; но кто рѣшился бы съ точностью измѣрить степень

имѣется также въ „Ambasciatori del Czardi Moscovia", л. 680, и по этому списку *напеч.* Чарыковъ, стр. 181. прилож. № 107).—Изъ всей группы римскихъ свидѣтелей выдѣляется одинъ лишь аббатъ де-Бурлемонъ. По его словамъ, не только Менезій, но и подьячій Тарасовъ цѣловали папскую туфлю, съ тою лишь разницей, что первый облобызалъ самый крестъ, Тарасовъ же, какъ „еретикъ", могъ прикоснуться до него лишь черезъ закрывавшую полу (Чарыковъ. 190). Въ такой искаженной формѣ дошли до Бурлемона разсказы объ аудіенціи. Бурлемонъ, очевидно, слышалъ, что поведеніе Менезія рѣзко отличалось отъ поведенія его товарища. Насколько первый оказался покладистымъ, настолько второй открыто боролся съ требованіями церемоніала. Тарасовъ, какъ мы знаемъ, ни за что не дался „понизить" себя и „въ стояніи утвердился"; не опустился онъ на колѣни и при вопросѣ папы о здоровьи государя, вообще велъ себя такъ, что пришлось отъ него отступиться: „и церемонщики главами себѣ потрясли. и изъ нихъ единъ отъ подьячего отступилъ, и вскорѣ папежскому племяннику сказалъ и папежскій племянникъ подьячего неволить не велѣлъ". Ясно, что дѣйствительные факты дошли до Бурлемона, предварительно преломившись черезъ слишкомъ сильную призму, такъ что свидѣтельство французскаго агента пріобрѣтаетъ значеніе не столько историческаго документа, сколько матеріала психологическаго.

наклона, когда далеко не всѣ изъ присутствующихъ могли прослѣдить послѣдовательно за фазами церемоніи и особенно когда главный актъ былъ дѣломъ какихъ-нибудь секундъ? Одинъ Климентъ X еще могъ бы сказать, почувствовалъ ли онъ прикосновеніе къ своей туфлѣ,—но его показанія мы не знаемъ...

Такъ, по крайней мѣрѣ, понимаемъ мы показанія источниковъ. Не иначе оцѣниваютъ ихъ и позднѣйшіе, по времени, изъ нашихъ историковъ, останавливавшихся на этомъ вопросѣ, г. Чарыковъ [1]) и от. Пирлингъ [2]). Впрочемъ, послѣдній вноситъ существенную поправку: онъ находитъ поведеніе Менезія двусмысленнымъ и такимъ образомъ бросаетъ тѣнь на искренность его заявленій. Дѣло въ томъ, что къ извѣстнымъ уже намъ источникамъ от. Пирлингъ присоединяетъ одно новое, подлинникъ письма Менезія кардиналу Альтьери, въ которомъ русскій посланный категорически заявлялъ, что онъ „всегда готовъ *еще и еще разъ* облобызать папскую ногу,—милость, о коей онъ самъ добивался черезъ кардинала“ [3]). „Достаточно сравнить“,—замѣчаетъ по этому поводу от. Пирлингъ,—„настоящее письмо Менезія съ его оффиціальнымъ донесеніемъ царю Алексѣю Михайловичу, чтобы возникнуть вопросу: да объ одномъ ли и томъ же говорятъ эти два документа?—столько въ нихъ противорѣчія: въ одномъ случаѣ пресловутыя колѣнопреклоненія признаются, въ другомъ отъ нихъ съ негодованіемъ отрекаются, равно какъ и отъ цѣлованія туфли. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Менезій говорилъ однимъ языкомъ въ Римѣ и совершенно инымъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, гдѣ не было никого, кто бы могъ провѣрить его“ [4]).

Не будемъ долго останавливаться на „отреченіи“ отъ колѣнопреклоненій—это простой недосмотръ автора, происшедшій, вѣроятно, отъ нѣсколько торопливаго чтенія Статейнаго списка,—для насъ важнѣе

---

[1]) „Менезій согласился преклонить передъ папой колѣна, впрочемъ соблюдая фикцію, что онъ уступаетъ единственно силѣ... Туфля папы была закрыта полой его одежды и Менезій туфли не поцѣловалъ“ (Посольство въ Римъ 36).

[2]) „Il baissa profondément la tête sans que l'on pût distinguer s'il avait oui ou non baisé la mule pontificale. Même inclination douteuse à la fin de l'audience mêmes génuflexions renouvelées trois fois. Grâce à l'adresse du principal acteur la situation était sauvée“ (La Russie et le Saint-Siège IV 61).

[3]) „Se dit tout prêt à baiser i t e r u m a t q u e i t e r u m les pieds du Pape faveur, ajoute-t-il, due j'ai prié Votre Eminence de m'accorder“ (IV 62).

[4]) „Comparez la lettre autographe mentionnée ci-dessus, de Menzies au cardinal neveu, avec le rapport officiel du même personnage au tsar Alexis, et vous vous demanderez si les deux pièces praitent de la même audience tant il y a entre elles d'antilogies indéniables: les fameuses génuflexions sont affirmées dans l'une et reniées dédaigneusement dans l'autre de même que le baisement de la mule. u'ést-ce à dire? Menzies à n'en par douter s'est exprimé d'une manière à Rome et d'une autre manière au Kremlin où il n'y avait personne pour contrôler son récit“-ioidem).

вопросъ о цѣлованіи. Цѣлованіе Менезій, несомнѣнно, признаетъ; но о какомъ цѣлованіи говоритъ онъ? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо ознакомиться ближе съ вышеупомянутымъ письмомъ [1]).

Письмо было вызвано слухами, пущенными кардиналомъ ландграфомъ Гессенскимъ, будто бы русскій посланный отказался преклонить предъ папою колѣна. Явно встревоженный и огорченный Менезій горячо оправдывается передъ Альтьери и съ негодованіемъ спѣшитъ опровергнуть ложный слухъ, хорошо понимая, насколько можетъ повредить онъ его положенію.

„Мнѣ ли было проявить“ — пишетъ Менезій — „такую суетность, неосмотрительность и неблагодарность?! мнѣ, кого съ перваго момента его вступленія на территорію Папской области вплоть до сегодняшняго дня несказанно осыпали почестями, дарами и милостями св. отца! кому оказано было такое широкое гостепріимство, проявлено столько заботы во время его болѣзни! мнѣ, который нашелъ себѣ поддержку и утѣшеніе въ письмахъ, полныхъ благосклоннаго вниманія?! мнѣ ли, говорю я, кого всюду встрѣчали съ такимъ почетомъ, такъ хорошо приняли въ Римѣ и оказывали столько вниманія?! Вѣрьте, эминенца, поколѣ я живу, память объ этихъ милостяхъ, оказанныхъ въ моемъ лицѣ моему государю, не изгладится изъ моего благодарнаго сердца. Да и могъ ли я быть настолько безразсуднымъ, чтобы отрицать то, что видѣлъ весь досточтимый синглитъ кардиналовъ? ибо всѣ присутствующіе видѣли, что я неоднократно исполнилъ должное колѣнопреклоненіе. Большаго желанія и нѣтъ у меня, какъ еще и еще разъ облобызать нози его святѣйшества, о чемъ я усиленно просилъ васъ самъ (Nihil magis in votis habeo, quam ut Sanctissimi Pontificis iterum atque iterum pedes exosculer, quod etiam Eminentiam Vestram enixe rogavi). Дай Боже, чтобы я всегда былъ такъ же неповиненъ предъ Господомъ, какъ теперь свободенъ и чистъ отъ гнусной клеветы, что распускаютъ про меня, и очень желалъ бы, чтобы тотъ, кто нечистымъ языкомъ своимъ оболгалъ меня передъ папою, осмѣлился повторить мнѣ въ лицо свои слова! Какъ о послѣдней милости прошу васъ довести все это до свѣдѣнія его святѣйшества и удостовѣрить передъ нимъ мою полную невинность“.

Трудно говорить языкомъ болѣе прямымъ и яснымъ. По вопросу, преклонялъ ли онъ колѣна или нѣтъ, Менезій громогласно заявляетъ:

---

[1]) Ватик. Архивъ, Particolari, т. 52, л. 326, подлинникъ за собственноручною подписью съ гербовой печатью, тожественной съ той, что воспроизведена въ книгѣ г. Чарыкова стр. 21. Письмо безъ даты и въ сборникѣ, гдѣ хронологическую систему въ подборѣ документовъ (сборникъ содержитъ письма частныхъ лицъ за 1673 годъ) можно назвать выдержанною, помѣщено между письмами отъ 29-го сентября и 1-го октября, что вполнѣ совпадаетъ со временемъ, когда письмо могло быть написано. *напеч.* Pierling, La Russie et le Saint-Siège IV, 408.

да, преклонялъ. Энергично ствергнуть утвержденіе въ противоположномъ—для этого онъ собственно и взялся за перо. Но обмолвился ли онъ, хотя бы единымъ словомъ, о томъ, что исполнилъ и другое предъявлявшееся къ нему требованіе: поцѣловать туфлю? Да, онъ цѣловалъ ее; но въ данномъ случаѣ онъ имѣетъ въ виду совершенно другой моментъ и другую обстановку. Тамъ *требовали* отъ него цѣлованія туфли, тутъ онъ самъ *просилъ* объ этомъ. Два разныхъ момента Менезій очень ловко объединилъ въ одномъ оборотѣ мысли, подчеркивая и выдвигая лишь то, о чемъ считалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ напомнить кардиналу въ данную минуту. Вотъ почему насколько ясны и прямы его строки о колѣнопреклоненіи, настолько же завуалирована его рѣчь тамъ, гдѣ онъ касается цѣлованія туфли. Когда же и при какихъ обстоятельствахъ была высказана Менезіемъ его „просьба?“

Кромѣ оффиціальной ауденціи 20/30 августа, Менезій представлялся Клименту X еще на отпускѣ, 13/23 сентября. Такъ какъ въ титулахъ царскихъ не сошлись и Менезій отказался принять папское бреве, то прощальная аудіенція носила приватный характеръ, безъ соблюденія обычныхъ церемоній, была „тайною“, какъ называетъ ее Менезій. Папа принялъ его съ глазу на глазъ [1]), и вотъ тогда-то, уже не стѣсненный обстановкою, Менезій счелъ себя въ правѣ свободнѣе проявить свои чувства добраго католика. Правда, въ отчетѣ Посольскому приказу онъ говоритъ, что въ двухъ случаяхъ, при входѣ и при уходѣ, онъ папѣ „поклонился по обычаю“; но ему ничто не мѣшало, кромѣ оффиціальнаго дѣла, исполнивъ его, хотя бы на минуту превратиться и въ частное лицо. На-дняхъ долженъ былъ рѣшаться вопросъ о его протеже, Павлѣ Ферберѣ, и неужели Менезій не преминулъ воспользоваться случаемъ лично походатайствовать за него передъ Климентомъ? Очень возможно, что тутъ же обратился онъ и съ другою просьбою: объ установленіи празднества въ честь св. Маргариты, королевы шотландской,—вопросъ столь близкій его сердцу католика и патріота [2]). Въ этомъ случаѣ, дѣйствуя уже не какъ представитель

---

[1]) А если и были посторонніе, то лишь одинъ іезуитъ (графъ Лесли). Ср. Пам. Дипл. Сношеній, IV. 1059.

[2]) 30-го октября 1673 г. Менезій писалъ кардиналу Альтьери: „Quapropter Eminentiam Vestram enixe contestor, ut non tantum in hac re mihi, sed et totі catholicae genti favorem suum prestare velit, Sanctitatique Suae representare ut si officium beatae Margaritae reginae semiduplex concedere nolit, officium saltem simplex quod et beato Patritio Hiberniae datum est) praestare dignetur„ (Pierling, La Russie et l, Saint-Siège, IV, 413), а въ діаріи Боны (въ части, Тейнеромъ не напечатанной) сказано: „Sabbato die 2 Decembris [1673] fuit congregatio ordinaria sacrorum Rituum in palatio Quirinali.... Inter alia negotia.... decretum fuit ad instantiam allegati a magno duce Moscogàe quod ponatur in Breviario die decima Junij ad libitum officium sanctae MargaritaeScotiae reginae“. (Ватик. Архивъ.

русскаго государя, Менезій съ свободной совѣстью могъ облобызать туфлю Намѣстника Христова.

Конечно, всего въ Статейномъ спискѣ онъ не договорилъ, хорошо понимая, что въ Москвѣ оцѣнка недоговореннаго была бы неблагопріятною для него; но о дѣлахъ чисто личныхъ Менезій имѣлъ право умолчать, какъ молчатъ о нихъ и римскія описанія „тайной“ аудіенціи. Менезія можно было бы упрекнуть въ другомъ—въ томъ, что къ дѣламъ оффиціальнымъ онъ припуталъ свои личныя и изъ оффиціальнаго посланнаго „хотя бы на минуту“ превратился въ частное лицо; но во всякомъ случаѣ письмо къ Альтьери отнюдь еще не свидѣтельствуетъ объ уклоненіяхъ, тѣмъ болѣе сознательныхъ, Статейнаго списка отъ истины. Не спорю, для предложеннаго толкованія письма Менезія къ Альтьери недостаетъ строго фактическихъ данныхъ, но, думается, оно все же ближе къ дѣйствительности, чѣмъ утвержденіе въ завѣдомо невѣрномъ составленіи доклада Посольскому приказу. Трудно связывать выраженіе „ut sanctissimi Pontificis iterum atupe iterum pedes exosculer“ съ аудіенціей 20-30 августа, когда сами римскія оффиціальныя свидѣтельства показываютъ, что на аудіенціи этой Менезій туфли папской не цѣловалъ, а ограничился простой фикціей.

Какъ бы однако ни оцѣнивать поведеніе Менезія въ Римѣ, самое посольство его лишь одинъ изъ моментовъ въ исторіи сношеній московскихъ государей съ Папскимъ престоломъ, и если суммировать событія на протяженіи 1580—1707 годовъ, то нельзя не притти къ заключенію, что по вопросу объ этикетѣ (который, напомнимъ, для обѣихъ сторонъ никогда не былъ пустою формальностью, а включалъ много жизненнаго и цѣннаго), Римъ по существу всегда одерживалъ побѣду: реальное онъ замѣнялъ фикціей, золотилъ пилюлю, но всегда заставлялъ ее глотать. Лишь много позже, съ ростомъ государственности и политической мощи, а также съ болѣе рѣзкимъ отдѣленіемъ въ самомъ католическомъ мірѣ сферы государственной отъ сферы церковной, стало для Россіи возможнымъ не допускать того, что она считала несовмѣстимымъ съ своимъ достоинствомъ.

Римъ.
Декабрь 1908 г.

Е. Шмурло.

Miscellanea. Arm XII, т. 87, л. 327). Дѣйствительно, съ той поры въ святцы Римской католической церкви вносится на 10-е іюня празднованіе св. Маргариты королевы шотландской, и именно въ формѣ, которую желалъ Менезій („semiduplex“).

VI.

Дѣлопроизводство русскихъ внутреннихъ таможенъ, какъ историческій источникъ.

Къ числу пока еще очень мало разработанныхъ областей русской исторической науки, несомнѣнно, приходится отнести исторію русской торговли. Если по исторіи *внѣшней* русской торговли въ нашей литературѣ все же имѣется такой солидный и богатый фактическимъ матеріаломъ трудъ, какъ извѣстное изслѣдованіе А. Семенова „Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII ст. по 1858 г.“, то по вопросу о состояніи *внутренней* торговли въ старомъ московскомъ царствѣ и въ русской имперіи XVIII ст. до сихъ поръ приходится довольствоваться преимущественно тѣми эскизными общими очерками, которые въ XVII ст. далъ Кильбургеръ *), а для XVIII ст.—Шторхъ **). Но вѣдь эти очерки при всей важности содержащихся въ нихъ сообщеній представляютъ лишь скелетъ предмета, который еще предстоитъ облечь плотью и кровью. Для выполненія такой задачи къ услугамъ изслѣдователей имѣется матеріалъ первостепеннаго значенія, чрезвычайно обильный, но страннымъ образомъ до сихъ поръ ни разу еще не привлекшій къ себѣ вниманія спеціалистовъ и совершенно не затронутый изученіемъ.

Я разумѣю книги русскихъ внутреннихъ таможенъ, совокупность которыхъ представляетъ подробнѣйшую лѣтопись движенія русской внутренней торговли изъ года въ годъ и изо дня въ день за все время существованія московскаго государства и за первую половину XVIII ст. вплоть до уничтоженія внутреннихъ таможенъ въ 1753 г.—Приведеніе въ извѣстность и систематическое изученіе этого богатаго количественно и качественно и до сихъ поръ неиспользованнаго матеріала должно быть

---

*) Кильбургеръ—Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, перев. Языкова. СПБ. 1820 г.

**) Storch—Hist.—Statist. Gemälde des russischen Reichs am Ende d. XVIII ahrh.—Масса сырого матеріала о русской торговлѣ XVIII ст., но фрагментарнаго характера см. у Чулкова—Историч. описаніе росс. коммерціи.

признано одной изъ насущныхъ очередныхъ задачъ русской исторической науки. Поиски не будутъ напрасны. Въ московскихъ архивахъ хранится большое количество таможенныхъ книгъ, и XVII и XVIII ст., а самое содержаніе этихъ книгъ, какъ уже сказано, обезпечиваетъ обильную жатву для тѣхъ, кто пожелалъ бы приложить свои руки къ этому тучному „дикому полю“, давно ожидающему работниковъ. Въ настоящей статьѣ я рѣшаюсь произвести примѣрную, „опытную“ разработку нѣкоторыхъ книгъ одной изъ внутреннихъ таможенъ XVIII ст. лишь для того, чтобы отмѣтить, какого рода вопросы, касающіеся внутренней торговли, могутъ быть освѣщаемы при помощи документовъ названной категоріи.

Общая картина внутренняго торговаго движенія въ Россіи къ серединѣ XVIII стол. рисуется въ названныхъ выше старыхъ трудахъ по исторіи русской торговли въ слѣдующемъ видѣ. Намѣчаются шесть крупныхъ раіоновъ, по которымъ распредѣлялось тогда это движеніе: 1) центральный, средоточіемъ котораго служила Москва, 2) сѣверный съ средоточіемъ въ Архангельскѣ, 3) сѣверо-западный съ средоточіемъ въ Петербургѣ, 4) юго-западный съ средоточіемъ въ Ригѣ, 5) южный и 6) сибирскій.

Москва являлась крупнѣйшимъ узломъ торговаго движенія для всего центральнаго раіона. Стягивавшіеся сюда изъ всѣхъ центральныхъ провинцій торговые грузы помимо мѣстнаго московскаго потребленія получали затѣмъ при посредствѣ Москвы многообразное дальнѣйшее направленіе. Одна сильная волна шла къ Петербургу. Пшеница, конопля, кожи, сало, щетина составляли главный матеріалъ этого движенія. Другое движеніе развивалось въ предѣлахъ самаго центральнаго раіона. Привлекая къ себѣ сырые продукты изъ центральныхъ провинцій, Москва возвращала ихъ туда же въ переработанномъ видѣ. Выдающуюся роль въ этомъ оборотѣ играла шерсть. Въ Москвѣ и подмосковныхъ селахъ работали многочисленныя ткацкія заведенія, потреблявшія эту шерсть и выпускавшія на московскій внутренній рынокъ готовыя ткани. Здѣсь въ Москвѣ производилась и закупка суконъ на армію главнымъ военнымъ комиссаріатомъ. Третье движеніе направлялось изъ Москвы въ далекую Сибирь. Четвертое—на сѣверъ, въ раіонъ архангельскаго порта. Наконецъ, въ пятыхъ, чрезъ московскій раіонъ проходило большинство и привозныхъ заграничныхъ товаровъ.

Купцы внутреннихъ провинцій Россіи пріобрѣтали эти товары у заграничныхъ фирмъ обыкновенно не на наличныя деньги, а въ кредитъ отъ шести мѣсяцевъ и до двухъ лѣтъ. Дисконтъ этихъ оборотовъ находился въ рукахъ московскаго купечества и составлялъ немаловажный элементъ въ дѣятельности московскаго рынка. Всѣ эти условія высоко поднимали торговое значеніе Москвы не только для одного

центральнаго раіона, но и для всей Россіи. Это значеніе, сложившееся исторически, еще въ эпоху московскаго царства, не умалилось и съ перемѣной путей нашей внѣшней торговли въ началѣ XVIII в. Борьба петербурскаго порта съ архангельскимъ, кончившаяся побѣдой перваго, не затронула коммерческой гегемоніи Москвы по отношенію къ внутренней Россіи. Какъ раньше для Архангельска, такъ впослѣдствіи и для Петербурга Москва сохраняла роль связующаго торговаго узла между приморскими портами и внутреннимъ русскимъ рынкомъ. Самостоятельное торговое значеніе другихъ городскихъ пунктовъ московскаго раіона совершенно стушевывалось передъ самой Москвой. Особаго упоминанія заслуживаютъ не болѣе пяти, шести изъ этихъ городовъ. *Серпуховъ и Верея* являлись выдающимися поставщиками продуктовъ въ Москву и Петербургъ. *Коломна* вела значительную торговлю пригоннымъ съ Украйны рогатымъ скотомъ. До 16 тысячъ головъ пригонялось туда ежегодно съ Украйны. Коломна поставляла съ этихъ гуртовъ въ Москву и Петербургъ соленое мясо, топленое сало и кожи. *Переяславль-Залѣсскій, Гороховецъ, и Вязниковская слобода*—города Владимірскаго раіона посредствовали между этимъ раіономъ и Москвою и торговымъ движеніемъ съ Украйны и Астрахани.

Вторымъ пунктомъ послѣ Москвы по важности положенія во внутренней торговлѣ Россіи являлся *Нижній-Новгородъ*. Къ нему тяготѣлс все среднее Поволжье.—Совершенно исключительное значеніе доставляла этому городу Макарьевская ярмарка, этотъ ежегодный генеральный смотръ русской торговли въ всѣхъ ея развѣтвленіяхъ и отрасляхъ. *Казань* служила узломъ, смыкавшимъ съ центральнымъ раіономъ Прикамье и Пріуралье. Кромѣ того, Казань была въ срединѣ XVIII ст. оживленнымъ центромъ мануфактурной промышленности. Она высылала переработанные продукты во многія области внутренней Россіи. Изъ пунктовъ казанскаго края заслуживаетъ упоминанія еще *Лаишевъ* на Камѣ по шедшимъ чрезъ него транспортамъ пермской соли. На юго-востокѣ центральнаго раіона выдавался по своему значенію *Саратовъ*, какъ узелъ, сцѣплявшій съ центральнымъ раіономъ нижнее Поволжье. *Пенза, Тамбовъ, Калуга*—центры хлѣбной торговли. Хлѣбные грузы направлялись чрезъ эти города изъ сѣверныхъ частей черноземнаго раіона въ центральную область. Однако, кромѣ названныхъ городовъ другіе города соотвѣтствующаго раіона мало питались этимъ торговымъ движеніемъ. Самое большее, что можно назвать, это—*Саранскъ* въ добавленіе къ Пензѣ и *Елатьму* и *Козловъ* въ добавленіе къ Тамбову. Калугу придется уже оставить въ полномъ одиночествѣ, такъ какъ ни одинъ городъ калужскаго намѣстничества кромѣ самой Калуги не выдавался сколько-нибудь значительнымъ участіемъ въ этомъ торговомъ

движеніи. Особое положеніе занимала *Тула*, какъ оживленный центръ желѣзнодѣлательной и сталелитейной промышленности. Сосредоточенные въ Тулѣ заводы давали толчокъ и торговой дѣятельности этого города. Важное значеніе имѣлъ *Орелъ*. Какъ разъ отъ Орла начиналось судоходство по Окѣ. Это обстоятельство придавало Орлу значеніе посредствующаго въ торговомъ отношеніи пункта между Малороссіей и Великороссіей, узла, связывавшаго торговые раіоны Курска и Воронежа съ Тулой и Калугой. Хлѣбъ, скотъ и продукты скотоводства сплавлялись орловскими купцами на баркахъ до Гжатска и Твери.— Большіе гурты скота доставлялись въ Москву и Петербургъ. Но на это торговое движеніе по Окѣ, а косвенно и на торговое развитіе Орла были наложены путы. Ока подъ Орломъ становилась вполнѣ судоходной только въ весеннее половодье. Во всякое другое время движеніе барокъ по Окѣ было возможно лишь съ помощью шлюзъ, расположенныхъ частью по самой Окѣ, частью по Орлику. Эти шлюзы находились въ частной собственности и такимъ образомъ торговля Орла находилась въ сильной зависимости отъ воли шлюзовладѣльца. Городъ находился въ рабскомъ подчиненіи у сосѣдняго помѣщика.

Такова картина торговаго раіона, такъ или иначе тяготѣвшаго къ Москвѣ. Въ центрѣ—Москва, къ которой сходились всѣ нити торговаго движенія внутренней Россіи. Затѣмъ,—какъ соединительные узлы внутренняго раіона съ прилегающими мѣстностями,—Нижній-Новгородъ и Казань съ сѣверовостока; Саратовъ съ юговостока; Пенза, Тамбовъ, Калуга, Орелъ—съ юга. И между названными городами—очень небольшое количество второстепенныхъ городскихъ пунктовъ, достигавшихъ хотя какого-нибудь самостоятельнаго значенія въ кругооборотѣ внутренней торговли.

Перехожу къ сѣверному раіону, который раскидывался къ сѣверу отъ Волги вплоть до береговъ Ледовитаго океана. Здѣсь главнымъ пунктомъ, дававшимъ тонъ всему торговому движенію, былъ *Архангельскъ*. Ростъ петербургскаго порта отнялъ у Архангельска прежнее исключительное руководящее значеніе для всей русской торговли. Но у Архангельска и послѣ этого осталась своя сфера, въ которой ему нечего было опасаться соперничества Петербурга. Разумѣю старинныя и глубокія связи сѣвернаго края Европейской Россіи съ Сибирью. Въ то время, какъ продукты внутренней торговли при посредствѣ Москвы направлялись къ петербургскому порту, сибирскіе транспорты чрезъ верхнее Прикамье шли преимущественно въ сѣверо-западномъ направленіи и конечнымъ пунктомъ этого движенія служилъ Архангельскъ. Архангельскіе купцы были постоянными посѣтителями ирбитской ярмарки, они проникали и вглубь собственной Сибири до самой Кяхты. Главными посредствующими пунктами этого движенія являлись *Вологда и Великій*

Устюгъ. Нѣкогда, до возникновенія петербургскаго порта Вологда играла роль связующаго звена между Архангельскомъ и Москвою. Теперь Вологда подъ давленіемъ того же Архангельска тяготѣла къ крайнему сѣверовостоку и востоку. Вологодскіе купцы на ряду съ архангельскими вступали - черезъ Кяхту въ торговыя сношенія съ Китаемъ и оборотъ этой торговли во второй половинѣ XVIII ст. достигалъ болѣе, чѣмъ 800 тысячъ рублей. Въ связи съ этимъ торговымъ движеніемъ отъ архангельскаго края къ Сибири выросло торговое значеніе *Великаго Устюга, Сольвычегодска и Тотьмы*, Отъ этого движенія отдѣлялась побочная вѣтвь къ Прикамью, которая тоже тяготѣла къ архангельскому торговому раіону. Это обстоятельство вдохнуло жизнь въ торговлю *Вятки и Слободскаго*. Въ Слободскомъ въ теченіе года бывало пять ярмарокъ.

Западный раіонъ дѣлился на двѣ части. Первая тяготѣла къ Петербургу, вторая—къ остзейскимъ портамъ. Въ первой сравнительно второстепенное значеніе имѣли олонецкая, новгородская и псковская области. Олонецкій край лишь въ слабой степени былъ захваченъ торговымъ движеніемъ, не смотря на свои естественныя богатства—лѣса и минералы. Промышленная эксплоатація этихъ богатствъ была въ младенчествующемъ состояніи. *Новгородъ*, городъ съ столь шумнымъ торговымъ прошлымъ, утратилъ къ XVIII ст. всякіе слѣды прежняго торговаго значенія. *Исковъ* стоялъ теперь выше Новгорода въ торговомъ отношеніи. Онъ вывозилъ порядочное количество льна, конопли, дегтя, воска, лѣса и особенно рыбы. Но главные пункты этого торговаго движенія сосредоточивались не здѣсь, а по городамъ верхняго Поволжья. Крупную для своего времени торговлю велъ *Ярославль*. Ея обороты превосходили милліонъ. Къ ней примыкали—*Ростовъ, Угличъ, Рыбинскъ*. Ярославль съ Калугой занимали первыя послѣ Москвы мѣста среди прочихъ городовъ Россіи и по численности купечества. Такъ значится по сказкамъ какъ первой, такъ и второй ревизіи. Довольно крупную торговлю вела и *Тверь*. Тверскіе купцы были крупными хлѣботорговцами. Они закупали хлѣбъ въ разнообразныхъ мѣстностяхъ, въ особенности на Украйнѣ для доставки въ Петербургъ. Торговля желѣзными издѣліями и соленой рыбой доходила до 430 т. рублей, а розничная лавочная торговля—до полмилліона. Съ Волги въ Тверцу ежегодно приходило до 25,000 барокъ и свыше 100 полубарокъ съ товарными грузами. Въ этомъ движеніи принимали участіе кромѣ Твери *Бѣжецкъ, Торжокъ, Старица, Вышній-Волочекъ, Ржевъ*. Весь этотъ раіонъ тянулъ къ Петербургу. На перепутьи между Петербургомъ и остзейскимъ торговымъ раіономъ лежалъ *Смоленскъ*. Къ Смоленску направлялись грузы изъ южной Россіи. Смоленскъ посылалъ ихъ далѣе—черезъ *Гжатскъ* къ Петербургу, черезъ *Порѣчье* къ Ригѣ. Послѣ Смоленска важнѣйшимъ торговымъ

пунктомъ была здѣсь *Вязьма*. Сферой едва ли не безраздѣльнаго торговаго вліянія Риги служила Бѣлоруссія.

Переходя отъ всѣхъ упомянутыхъ выше торговыхъ областей къ южному раіону, мы словно переносимся съ бойкихъ торговопромышленныхъ путей въ едва просыпающуюся для торговой жизни пустыню. До присоединенія къ владѣніямъ Россіи черноморскихъ береговъ и Крыма южныя степи при всемъ своемъ просторѣ представляли собой глухой тупикъ, изъ котораго не было выхода. Только что названныя пріобрѣтенія были сдѣланы Россіей уже къ концу XVIII ст. и ихъ результаты еще не успѣли осязательно обнаружиться къ началу XIX ст. Въ послѣдніе годы XVIII ст. не болѣе двухъ—трехъ городовъ приднѣпровскаго и придонскаго раіоновъ направляли уже свои грузы къ черноморскимъ и прикаспійскимъ портамъ. Прочіе все еще предпочитали старые пути въ центральную и западную Россію.

Писатели-экономисты конца XVIII ст. всматривались въ южный край Россіи глазами, полными надеждъ относительно будущаго, но въ настоящемъ они не могли отмѣтить тамъ сколько-нибудь существенныхъ признаковъ промышленнаго оживленія. Въ 90-хъ годахъ XVIII ст. появилось, напримѣръ, экономическое описаніе Россіи, составленное ученымъ нѣмцемъ Фрибе, членомъ петербургскаго вольно-экономическаго общества. Надо послушать, какъ онъ говоритъ о южной Украйнѣ. Фрибе совершенно справедливо предсказывалъ, что Екатерининскія пріобрѣтенія на югѣ готовили для этого раіона крупнѣйшую роль въ *будущемъ* экономическомъ развитіи Россіи. Но пока для него, человѣка XVIII ст., это—еще нетронутое поле для предстоящей колонизаторской и промышленной политики, запасный фондъ естественныхъ богатствъ, лишь ожидающій раціональнаго промышленнаго употребленія. Самымъ выдающимся торговымъ пунктомъ Малороссіи былъ *Нѣжинъ*, направлявшій продукты Украйны къ западной границѣ—въ Молдавію, Валахію, Бессарабію, Лейпцигъ и Данцигъ. Вся торговля этого города была въ рукахъ грековъ. Затѣмъ должны быть отмѣчены *Кременчугъ* и *Полтава*. Здѣсь всегда были большія скопища евреевъ, татаръ, грековъ, грузинъ. Другіе города этого края почти не имѣли значенія въ торговомъ отношеніи. *Кіевъ* представлялъ совершенно второстепенную торговую величину. Въ слободской Украйнѣ было не мало оживленныхъ ярмарокъ, но онѣ носили сельскій характеръ. Изъ торговыхъ городовъ здѣсь должны быть названы *Харьковъ*, *Сумы*, *Воронежъ*. Послѣдній, между прочимъ, имѣлъ торговыя связи съ оренбургскимъ краемъ и соприкасающейся съ нимъ бухарскою торговлей.

Наконецъ, нельзя не упомянуть объ *Астрахани*. Каспійское море и Волга создавали въ высшей степени выгодную обстановку для торговаго развитія этого города.

Остается еще бросить взглядъ на торговлю Сибири. Выше уже было упомянуто о торговыхъ связяхъ Сибири съ Европейскою Россіей. Сибирскую торговлю вели города сѣвернаго края и затѣмъ нѣкоторыя купеческія фирмы Москвы. Торговый путь въ Сибирь изъ Москвы шелъ на Ярославль, Тотьму, Устюгъ, Лальскъ, Соликамскъ, Верхотурье, Туринскъ, Тюмень и Тобольскъ. Или иначе—на Нижній-Новгородъ, Казань, Кунгуръ и Екатеринбургъ. Такъ, Пермскій край служилъ естественнымъ преддверіемъ къ Сибири. Болѣе замѣтными торговыми центрами являлись здѣсь—Пермь, Екатеринбургъ, Верхотурье и Ирбитъ съ его ярмаркой. Главнымъ торговымъ центромъ Сибири служилъ *Тобольскъ*. Въ теченіе цѣлаго года различныя обстоятельства поочередно держали тобольскую торговлю въ напряженіи. Къ началу весны являлись сюда съ своими транспортами русскіе купцы съ Ирбитской ярмарки. Здѣсь они дожидались вскрытія сибирскихъ рѣкъ, чтобы двинуться далѣе, въ глубь Сибири. Въ теченіе лѣта къ Тобольску подходили торговые караваны изъ Иркутска и съ китайской границы. Наконецъ, зимой являлись съ своими караванами калмыки и бухарцы. Всѣ эти движенія сосредоточивали въ Тобольскѣ немаловажныя торговыя операціи. Помимо сказаннаго Тобольскъ служилъ центральнымъ складомъ сибирскихъ ясачныхъ мѣховъ. Черезъ Тобольскъ же транспортировались продукты нерчинской горной промышленности. Наконецъ, тобольскіе купцы предпринимали промышленно-торговыя экспедиціи на Алеутскіе и Курильскіе острова. Торговой факторіей Тобольска служилъ *Березовъ*, куда ежегодно по весеннему половодью пріѣзжали тобольскіе купцы для мѣновой торговли въ теченіе лѣта съ окрестными инородцами.

Столь разнообразны были торговыя функціи Тобольска. Къ востоку, отъ Тобольска шелъ торный торговый путь въ глубь Сибири; у *Томска*, ежегодно окруженнаго многими калмыцкими и бухарскими караванами, этотъ путь раздваивался: къ сѣверу —на *Енисейскъ*, къ югу—на *Красноярскъ*. Въ Енисейскѣ скрещивались купеческіе транспорты съ запада—съ европейскими товарами, съ сѣвера и востока Сибири—съ мѣхами, съ юга—съ товарами, шедшими изъ Китая. На перекресткѣ всѣхъ этихъ движеній въ Енисейскѣ собиралась оживленная ярмарка. Эта ярмарка для многихъ прибывшихъ изъ Европейской Россіи купцовъ являлась конечнымъ пунктомъ путешествія, такъ какъ они встрѣчались здѣсь съ своими восточно-сибирскими потребителями. Красноярскъ имѣлъ значеніе передаточнаго пункта на *Иркутскъ*, а тамъ въ Иркутскѣ, находилось средоточіе всѣхъ операцій по русско-китайской торговлѣ. Это обстоятельство обусловливало довольно быстрый торговопромышленный ростъ Иркутска, являвшагося по численности населенія, по размѣрамъ торговыхъ оборотовъ первымъ городомъ Сибири, передъ которымъ стушевывался самъ Тобольскъ.

Въ заключеніе остается назвать еще два города Сибири съ замѣтнымъ торговопромышленнымъ развитіемъ. Это—*Нерчинскъ*, второй послѣ Иркутска складочный пунктъ русско-китайской торговли и *Якутскъ*—торговый центръ восточной Сибири, гдѣ съѣзжались купцы изъ Тобольска, Енисейска и Иркутска для соглашенія своихъ операцій по мѣховой торговлѣ съ восточно-сибирскими инородцами.

Мы видимъ изъ представленнаго обзора, что, хотя далеко не всѣ части имперіи были втянуты равномѣрно къ срединѣ XVIII ст. въ обороты внутренняго торга, хотя нѣкоторыя, наиболѣе важныя области какъ, напр., южныя, еще совсѣмъ не выступали на путь торговопромышленнаго развитія, однако размахъ внутренняго торговаго обмѣна былъ все же достаточно широкъ: центръ, сѣверъ, западъ, далекая Сибирь были стянуты тѣснымъ узломъ торговыхъ сношеній, при чемъ сфера вліянія отдѣльныхъ внутреннихъ рынковъ раскидывалась на отдаленныя пространства.

Таковы были общія рамки внутренняго торговаго движенія въ Россіи въ интересующую насъ эпоху. Дѣлопроизводство внутреннихъ таможенъ раскрываетъ передъ нами то конкретное содержаніе, которымъ были наполнены эти рамки. Привлечь вниманіе изслѣдователей къ этому матеріалу — такова единственная задача нижеслѣдующаго изложенія, въ которомъ я попытаюсь проанализировать въ видѣ примѣра таможенныя книги Вятской (Хлыновской) таможни за 1746 г. —Я не буду оправдывать выбора именно этой таможни и именно этого года.—Ни топографически, ни хронологически мой выборъ не опирается на какія либо-особыя соображенія. Я просто беру наудачу одинъ маленькій кусочекъ изъ громаднаго запаса соотвѣтствующаго матеріала лишь для того, чтобы иллюстрировать нѣкоторыя общія свойства этого матеріала, которыя не безполезно имѣть въ виду тѣмъ, кто трудится надъ сооруженіемъ зданія русской исторической науки.

Глубокочтимый учитель русскихъ историковъ моего поколѣнія, которому посвящается настоящій сборникъ, развернулъ передъ нами въ своей научной дѣятельности высокій образецъ совокупнаго использованія самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ и источниковъ. Подвергать раціональному научному употребленію все, что оставила намъ наша древность, и все умѣть приладить къ своему мѣсту въ общей картинѣ историческаго процесса,—вотъ чему учатъ насъ между прочимъ книги и курсы В. О. Ключевскаго. Слабая попытка бросить нѣкоторый свѣтъ на новую категорію источниковъ, до сихъ поръ остававшуюся внѣ кругозора работниковъ русской исторической науки, да послужитъ съ нашей стороны посильнымъ выраженіемъ неизмѣримой благодарности за тѣ уроки, которые преподаетъ намъ знаменитый учитель.

Въ составѣ дѣлъ вятскаго уѣзднаго суда, хранящихся въ москов-

скомъ архивѣ министерства юстиціи, находимъ значительную часть архива Хлыновской внутренней таможни. Къ избираемому для нашихъ наблюденій 1746-му году въ этомъ архивѣ относятся слѣдующіе документы: 1) Столпъ поданнымъ въ Хлыновскую таможню отъ купецкихъ людей выписямъ о свидѣтельствованіи отправляемыхъ ими въ разные города товаровъ и сборѣ пошлинъ [1]); 2) Книга отпускная по выписямъ покупныхъ товаровъ Хлыновскихъ купцовъ нынѣшняго 1746 г. вятской провинціальной Хлыновской таможни бытности выборнаго Андрея Желнина съ ларешными [2]); 3) Книга отпускная изъ явки и покупныхъ на товарныя деньги товаровъ вятской провинціальной Хлыновской таможни 1746 г. бытности выборнаго Андрея Желнина [3]); 4) Книга отпускная по выписямъ покупныхъ на явленыя деньги товаровъ вятской провинціальной Хлыновской таможни 1746 г. бытности въ оной таможнѣ выборнаго Андрея Желнина съ ларешными [4]); 5) Книги, данныя отъ Хлыновской таможни на Летскій караулъ для записи пропущаемыхъ чрезъ тотъ караулъ къ Ношульской пристани приготовленныхъ въ отпускъ къ городу Архангельскому хлѣбныхъ и прочихъ припасовъ и товаровъ-разныхъ купцовъ (для каждаго купца особая книга) [5]); 6) Книга записная о поставкѣ изъ Петербурга на извощикахъ довозныхъ ярлыковъ вятской провинціальной Хлыновской таможни 1746 г. бытности выборнаго Андрея Желнина съ ларешными [6]). Таковы документы, изображающіе состояніе торговаго вывоза изъ Вятки въ теченіе 1746 г. Торговый ввозъ въ Вятку за то же время зарегистрированъ въ слѣдующихъ книгахъ: 1) Книга приходная съ проданныхъ изъ явки товаровъ таможенныхъ пошлинъ вятской провинціальной Хлыновской таможни 1746 г. [7]); 2) Столпъ поданнымъ въ Хлыновскую таможню отъ купецкихъ людей выписямъ объ осмотрѣ товаровъ и сборѣ съ нихъ пошлинъ [8]); 3) Книга явочная привозному по выписямъ табаку и въ ней досмотръ вятской провинціальной Хлыновской таможни 1746 г. бытности выборнаго Андрея Желнина съ ларешными [9]).

Представлю сначала внѣшнее описаніе исчисленныхъ документовъ и затѣмъ перейду къ анализу ихъ содержанія. Купцы, намѣревавшіеся отправить товары въ другіе города, подавали въ мѣстную таможню на эти товары *выписи*, по которымъ товары свидѣтельствовались въ тамож-

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Дѣла вятскаго уѣздн. суда, опись 5, в. II, № 12.
[2]) ibid. в. III № 22.
[3]) ibid. в. IV № 37.
[4]) ibid. в. IV № 41.
[5]) ibid. в. III № 23.
[6]) ibid. в. IV № 33.
[7]) ibid. в. I № 6.
[8]) ib. в. II № 14.
[9]) ibid. в. IV № 34.

нѣ и облагались пошлиной, о чемъ на выписи и дѣлалась соотвѣтствующая помѣта. Поданныя за годъ выписи собирались въ „столпъ“ для храненія въ таможенномъ архивѣ.

Въ такомъ именно видѣ мы находимъ собраніе таможенныхъ выписей по Вяткѣ за 1746 г.—Содержаніе каждой выписи слѣдующее: годъ, мѣсяцъ, число; обозначеніе предъявителя выписи; названіе мѣста назначенія товара; указаніе, откуда товаръ пріобрѣтенъ предъявителемъ выписи; наименованіе товаровъ, съ обозначеніемъ ихъ количества и цѣны и наконецъ—отмѣтка о количествѣ взятой съ предъявленныхъ товаровъ пошлины. Такимъ образомъ, изъ таможенныхъ выписей можетъ быть извлекаемъ цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ данныхъ по экономической исторіи, какъ-то: 1) о составѣ торгующихъ,—здѣсь таможенныя выписи освѣщаютъ вопросъ, въ какой мѣрѣ въ мѣстномъ торгѣ принимали участіе мѣстные же купцы, купцы иногородніе и лица, совсѣмъ не принадлежавшія къ купеческому состоянію; 2) о торговыхъ путяхъ и о раіонахъ вліянія отдѣльныхъ мѣстныхъ рынковъ; 3) о сравнительной роли города и деревни въ развитіи внутреннихъ торговыхъ оборотовъ: въ выпискахъ обозначается происхожденіе предъявляемаго къ отправкѣ товара—купленъ ли товаръ отправителемъ на мѣстномъ городскомъ рынкѣ, закупленъ ли онъ отправителемъ въ уѣздѣ у первыхъ производителей, привезенъ ли онъ изъ другого города иногороднимъ купцомъ и перекупленъ мѣстными купцами или, наконецъ, товаръ поставляется на мѣстный рынокъ или отправляется въ дальніе города прямо какимъ-нибудь вотчинникомъ изъ его деревень. Такимъ образомъ, таможенныя выписи освѣщаютъ не только размѣры и топографическое распредѣленіе торговыхъ оборотовъ, но также и ихъ экономическую природу; 4) о самомъ содержаніи торговыхъ оборотовъ и о движеніи цѣнъ на разные предметы потребленія. Въ этомъ отношеніи трудно указать какой-нибудь иной болѣе богатый матеріаломъ источникъ, нежели таможенныя выписи. Каждая выпись непремѣнно содержитъ въ себѣ опредѣленныя данныя этого рода.—Наконецъ, 5) помѣты о „пошлинномъ взятьи“ представляютъ не менѣе богатый матеріалъ для исторіи финансовъ.

Кромѣ таможенныхъ выписей торговый вывозъ изъ города можетъ быть изучаемъ по таможеннымъ *отпускнымъ* книгамъ, въ которыхъ записывались „отпуски“, дававшіеся предъявленнымъ товарамъ на основаніи описанныхъ выше „выписей“. Какъ отмѣчено выше, по Вятской таможнѣ отъ 1746 г. имѣемъ три такихъ „отпускныхъ“ книги. Сличая содержаніе этихъ книгъ съ описаннымъ выше „столпомъ“ таможенныхъ выписей, убѣждаемся въ томъ, что по этимъ тремъ книгамъ разнесено все содержаніе „выписей“, „Отпускъ“ содержалъ въ себѣ повтореніе всего того, что значилось въ соотвѣтствующей „выписи“,

но съ присоединеніемъ слѣдующихъ добавленій: 1) указывался срокъ, къ которому отправитель товара долженъ былъ предъявить въ данную таможню съ мѣста назначенія товара заявочную или платежную выпись съ обязательствомъ въ случаѣ просрочки заплатить пошлину по указу; тутъ же обозначалось имя поручителя въ своевременномъ предъявленіи отправителемъ товара выписи и уплатѣ пошлины; 2) помѣщались—расписка таможеннаго ларечнаго въ пріемѣ въ казну росписи товара и въ выдачѣ отправителю выписи; расписка поручителя и расписка отправителя въ полученіи выписи; 3) и—помѣта о дѣйствительномъ доставленіи съ мѣста назначенія товара платежной выписи. Такимъ образомъ, сличеніе отпускныхъ книгъ съ выписями свидѣтельствуетъ о дѣйствительной дальнѣйшей судьбѣ отправляемыхъ чрезъ данную таможню товаровъ.

Торговый *ввозъ* въ данный городъ можетъ быть изучаемъ по документамъ двоякаго рода. Во-первыхъ, мы имѣемъ „столпъ поданнымъ въ Хлыновскую таможню отъ купецкихъ людей выписямъ объ осмотрѣ привезенныхъ товаровъ и сборѣ съ нихъ пошлинъ“, во-вторыхъ, на ряду съ этимъ велась „книга приходная съ проданныхъ изъ явки товаровъ таможенныхъ пошлинъ“. Явочныя выписи на привезеные товары содержатъ свѣдѣнія исключительно о торговомъ *привозѣ*, „книга приходная“... сообщаетъ о продажныхъ сдѣлкахъ на привезенные товары, заключенные на Хлыновскомъ торгу. Такимъ образомъ, сопоставленіе документовъ того и другого рода указываетъ, въ какой мѣрѣ привозъ обслуживалъ именно мѣстный рынокъ, и въ какой мѣрѣ онъ имѣлъ по отношенію къ данному городу лишь транзитный характеръ. Явочныя выписи на привозимые товары писались по слѣдующей формѣ: годъ, мѣсяцъ, число; фамилія таможеннаго цѣловальника, производившаго осмотръ явленнаго товара; наименованіе отправителя; обозначеніе мѣста отправленія по таможеннымъ отпускамъ и времени отправленія; наименованіе товара, съ указаніемъ его количества, его цѣны и взятыхъ съ него пошлинъ. Итакъ, явочныя выписи по торговому привозу доставляютъ опять-таки обильный матеріалъ и для исторіи цѣнъ и для характеристики содержанія внутреннихъ торговыхъ оборотовъ и для изученія торговыхъ путей и отдѣльныхъ раіоновъ внутренняго торга. Важная для насъ особенность этихъ выписей заключается въ томъ, что въ нихъ обозначались не только мѣсто ближайшей отправки, но и всѣ предшествующія таможенныя явки на данный товаръ по мѣрѣ его передвиженія, при чемъ изъ выписи той таможни, въ которую товаръ былъ явленъ первоначально, извлекалось указаніе и на мѣсто его покупки. Такимъ образомъ, каждая выпись представляетъ намъ полную исторію обращенія даннаго товара вплоть до момента достиженія имъ изучаемой таможни.—Сличеніе датъ отправленія товара съ

датой его осмотра въ изучаемой таможнѣ представляетъ, кромѣ того, матеріалъ и для характеристики продолжительности передвиженія торговыхъ транспортовъ того времени.

Что касается записей въ „книгѣ приходной пошлинъ съ продажныхъ товаровъ", рисующихъ ходъ оборотовъ самаго мѣстнаго рынка то онѣ велись по слѣдующей формѣ: „мѣсяцъ, число, такого-то города купецъ такой-то продалъ въ Хлыновѣ на торгу такое-то количество такого-то товара. Продажная цѣна и взятыя пошлины". Помимо продажныхъ сдѣлокъ на мѣстномъ торгу на товары, привезенные изъ другихъ городовъ, названная книга представляетъ регистрацію и всѣхъ другихъ сдѣлокъ на мѣстномъ рынкѣ: на товары, привезенные изъ уѣзда уѣздными крестьянами или явленные для продажи самими мѣстными купцами. Такимъ образомъ, по книгамъ этой категоріи можно изучать не только торговый привозъ въ данную мѣстность, но и всѣ вообще функціи мѣстнаго рынка.

Таковъ составъ интересующихъ насъ документовъ. Думается, что уже изъ представленнаго внѣшняго описанія этихъ документовъ въ достаточной мѣрѣ выясняется все разнообразіе и все значеніе содержащихся въ нихъ данныхъ. Въ заключеніе настоящей замѣтки я рѣшаюсь представить небольшой опытъ разработки этихъ данныхъ по Вятской внутренней таможнѣ за 1746 г., впрочемъ не во всемъ ихъ объемѣ: оставлю въ сторонѣ данныя относительно цѣнъ на товары и относительно таможеннаго дохода отъ взысканныхъ съ этихъ товаровъ пошлинъ; тѣ и другія данныя въ высшей степени важны по своей полнотѣ, но ихъ разработка имѣла бы значеніе лишь при массовомъ использованіи соотвѣтствующаго матеріала по многимъ внутреннимъ таможнямъ.— Я остановлюсь лишь на тѣхъ данныхъ указанныхъ книгъ, которыя рисуютъ направленіе и содержаніе торговыхъ оборотовъ, зарегистрированныхъ въ дѣлопроизводствѣ Вятской (Хлыновской) внутренней таможни за 1746 г. Можетъ быть, этотъ опытъ окажется небезполезнымъ предварительнымъ указаніемъ на то, въ какомъ направленіи можно было бы вести дальнѣйшую разработку соотвѣтствующаго матеріала.—

Обращаюсь къ анализу выписей Хлыновской таможни на отправляемые изъ Хлынова въ разные города товары.—Торговое движеніе изъ Хлынова шло по слѣдующимъ направленіямъ: *на югъ* въ Казань, Самару, Астрахань, Оренбургъ; на *востокъ*—въ Соликамскъ, Кунгуръ, Челябинскъ, Екатеринбургъ, Верхотурье, Ирбитъ, сибирскіе города чрезъ Верхотурье, Чусовой городокъ; на *западъ* и *сѣверо-западъ*: а) во *внутреннюю Россію*—Москва, Переяславль-Залѣсскій, Ярославль, Галичъ; б) чрезъ Ярославль въ Петербургъ и непосредственно въ Петербургъ; в) въ *сѣверный край*: Устюгъ, Вологда, Лальскъ, Архангельскъ.

Общіе результаты всего этого движенія по всѣмъ таможеннымъ выписямъ за 1746 г. представляю въ слѣдующей таблицѣ:

Ткани, матеріи, одежда, кожи	Юго-западъ	Югъ	Востокъ.	Москва	Прочіе. внутр. города.	СПБ-гъ.	Сѣверъ.	**Всего**
Крашенина	—	600 ар.	5924 ар.	—	—	—	—	6524 ар.
Сукно	—	8758 ар.	64195 ар.	—	15 ар.	—	1600 ар.	74568 ар.
	—	—	-|-89 кон.	—	—	—	—	-|-89 конц.
Холстъ	—	1950 ар.	13990 ар.	—	—	—		15940 ар.
	—	—	-|-567 кон.					-|-567конц.
Пестрядь	—	—	100 ар.	—	—	—	—	100 ар.
Ситецъ	—	—	40 став.	—	—	—	—	40ставокъ.
Кумачи	—	—	70 шт.	—	—		180	250 шт.
Кафтаны.	84		183	—	1	—	—	268
Опояски.	—	—	88	—	—	—	—	88
Пояски шерстяные.	—	—	50	—	—	—		50
Шляпы шерстяныя и поярковыя . . .	—	—	50	—	—	—	—	50
Шерсть.	—	—	38 п. 30 ф.	—	—	—	—	38 п. 30 ф.
Шерсть коровья . .	—	—	130 ар.	—	—	—	—	130 ар.
Рукавицы.	—	—	1095 пар.	—	20 пар.	—		1115 п.
Чулки.	—	—	165 пар.	—	—	—	—	165 п.
Шубы овчинныя. .	—	19	26 пар.	—	—		—	45 п.
Кушаки.	—	—	42	—	—	—	—	42
Коты	—	—	20 пар.	—	—	—	—	20 п.
Овчинныя одѣяла.	—	—	3		—	—	—	3
Овчины.	—	185	70	330	1463	—	—	2048
Сумы переметныя.	—	—	105 пар.	—	—	—	—	105 п.
Кожи	—	440	40	220	19	9230	—	9949
Готовыя юфти изъ кожи	—	—	250	—	—	1536	—	1786
Хомутинъ	—	—	151	—	—	—	—	151
Щетина сырецъ . .	—	—	—	—	—	70	—	70
Разные мѣха	41553	86	17	39058	675	—	—	81389
Домашніе припасы.								
Лукъ	—	4000 плен.			—	—	—	4000 плен.
Овесъ.	—	315 ч.	—		—	—	—	315 ч.
Рожь.	—	315 ч.	—	—	—	—	2631 ч.	2946
Мука ржаная. . . .		—	850	—	—	3 ч.	44316 п. + 85 к.	44316 + 853 ч. + 85 к.
Мѣдъ	—	53 п. 10 ф.	14 п. 20 ф.	—	1 п.	—	24 п.	92 п. 30 ф.
Воскъ.	—	—	— 1 п.	—	— 20 ф.		14 п.	15 п. 20 ф.
Солодъ	—	43 ч.	— 50 ч.	—	—		370 п.	370 п. 93
Масло.	—	25 п.	— 22 ведра		—	—	—	25 п. + 22 ведра.
Икра зернистая . .	—	—	12 п.	—	—	—	—	12 п.
Хмель	—	—	627 п. 30 ф.	—	—	—	—	627 п. 30 ф.
Сѣмя огуречное . . и рѣпчатое	—	—	13 п.	—	—	—	—	13 п

	Юго-западъ	Югъ	Востокъ.	Москва	Прочіе внутр. города.	С.-П.Б.	Сѣвер.	Всего.
Сѣмя льняное . . .	—	—	—	—	—	—	150 ч.	150 ч.
Толокно	—	—	—	—	—	—	12 п.	12 п.
Осетрина	—	—	—	—	—	—	21 п.	21 п.
Сало	—	—	—	—	—	—	12617п. 35 ф.	12617 п. 35 ф.
Крупа яшная . . .	—	—	23 п.	—	—	—	14 п.	37 п.
Краска брусковая .	—	2 п.	—	—	—	—	—	2 п.
Деревянныя издѣлія.								
Спта	—	587ст.	528 став.	—	—	—	—	15 став.
Окончины	—	300	850	—	—	—	—	1150
Ложки деревянныя.	—	—	228900	—	—	—	—	228.900
Блюда деревянныя.	—	—	1256	—	—	—	—	31.256
Рѣшета	—	—	385 став.	—	—	—	—	385 ст.
Стаканы.	—	—	1230 став.	—	—	—	—	1230 ст.
Желѣзо	—	1500п.	—	—	—	—	—	1500 п.
Бумага писчая . . Яросл. фабрики. .	—	—	140 ст.	—	—	—	—	140 ст.

Какъ видно изъ приведенной таблицы, всего оживленнѣе и разнообразнѣе по составу товаровъ было движеніе на востокъ. Туда шли матеріи (преимущественно сукно), съѣстные припасы и въ отличіе отъ вывоза по другимъ направленіямъ—различныя деревянныя издѣлія и бумага изъ Ярославля. По отдѣльнымъ мѣстамъ ближайшаго назначенія это движеніе на востокъ распредѣлялось такъ:

Въ Соликамскъ—23 случая отправленія
Верхотурье—5 „ „
на Ирбитскую ярмарку—4 „ „
Въ Кунгуръ—3 „ „
— Чусовой—3 „ „
Екатеринбургъ—2 „ „
— сибирскіе города чрезъ Верхотурье—2 „ „
Челябинскъ—1 „ „

Такимъ образомъ, это движеніе разбивалось въ сущности на двѣ вѣтви — одна шла сѣвернѣе: Соликамскъ—Верхотурье—Ирбитъ, другая—южнѣе: Кунгуръ—Екатеринбургъ. И та и другая вели въ Сибирь. Отдѣльно стоитъ одно отправленіе въ Челябинскъ, всего вѣроятнѣе для мѣстнаго челябинскаго потребленія: отправителемъ явился казакъ челябинской крѣпости, а отправленный имъ транспортъ состоялъ изъ сукна (1250 ар.), кафтановъ, рукавицъ, чулковъ, хомутинъ и деревянныхъ ложекъ (6000).

По числу отправленій выдается Соликамскъ. Несомнѣнно это объясняется тѣмъ, что Соликамскъ служилъ преддверіемъ къ Верхо-

турью и Ирбиту съ его ярмаркой. Большинство отосланныхъ въ Соликамскъ транспортовъ (21 изъ 23-хъ) отправлено вятскими купцами; слѣдовательно, въ дальнѣйшемъ направленіи этихъ транспортовъ посредствующая роль выпадала уже на долю купцовъ соликамскихъ; выше въ общемъ обзорѣ торговыхъ движеній по Россіи того времени было отмѣчено, что Вятка вмѣстѣ съ Слободскимъ являлись отправными пунктами южной вѣтки торговаго движенія, примыкавшей къ большому торговому пути съ крайняго сѣвера въ Сибирь, съ Архангельска на Верхотурье. Изъ только что приведенныхъ данныхъ, кажется, мы можемъ заключить, что именно Соликамскъ служилъ по преимуществу пунктомъ смычки этой южной вятской вѣтви съ сѣверо-сибирскимъ торговымъ движеніемъ. Правда, мы имѣемъ 5 отправленій прямо изъ Вятки въ Верхотурье безъ посредства Соликамска, но почти всѣ эти отправленія (4 изъ 5) принадлежали не вятскимъ, а иногороднимъ купцамъ. Зато съ Ирбитской ярмаркой нѣкоторые вятскіе купцы поддерживали и непосредственныя сношенія; въ выписяхъ встрѣчаемъ три отправленія отъ хлыновскихъ купцовъ на Ирбитскую ярмарку (сукно, холстъ, кафтаны, рукавицы, кожи, деревянныя ложки, ярославская писчая бумага, сѣмя огуречное и рѣпчатое).

На югъ шли матеріи, мѣха, съѣстные припасы, желѣзо. По отдѣльнымъ пунктамъ назначенія это движеніе распредѣлялось такъ:

въ Казань	—3	отправленія
въ Оренбургъ	—3	„
въ Астрахань	—3	„
въ Самару	—1	„

Въ Казань отправлялись сукно (4550 арш.), холстъ (1450 арш.), кожи, овчины, сита, окончины. Въ Оренбургъ—кожи, мѣха и холстъ, въ Самару—487 ставокъ ситъ, въ Астрахань—сельскохозяйственные продукты: лукъ, овесъ, молотая рожь, медъ, масло, солодъ, затѣмъ—сукно, холстъ, желѣзо. Въ Астрахань транспорты отправлялись по водѣ на паускахъ и стругахъ. Наприм.: 20 марта жителемъ села Ивановскаго Уржумскаго уѣзда была отправлена изъ Вятки въ Астрахань—пауска длиною 8 саж., поперекъ 6 арш., цѣною въ 8 р. 50 к., при ней якорь четверорогій въ 3 пуда 10 ф., цѣною въ 3 р. 90 к., а на паускѣ—420 кулей перемолотой ржи и 20 кулей овса. 21 мая трое хлыновскихъ купцовъ отправили совмѣстно въ Астрахань стругъ 17 саж. длины и 4 саж. поперекъ, цѣною въ 25 р., при немъ якорь двурогій въ 12 п., цѣною въ 18 р. Стругъ былъ нагруженъ медомъ, масломъ, солодомъ, крупой, овсомъ, толокномъ, сукномъ (6019 арш.), холстомъ (14.900 арш.), овчинами, желѣзомъ (1500 пуд.)—Въ выписи транспортъ

каждаго изъ трехъ совмѣстныхъ отправителей струга былъ показанъ особо и т. п.

Разсматривая торговое движеніе на западъ, во внутреннюю Россію, слѣдуетъ отмѣтить, что наибольшее число отправленій предназначалось здѣсь для Москвы,—всего 5 отправленій, при чемъ отправляемые туда транспорты состояли почти исключительно изъ разнаго рода мѣховъ—бѣлокъ (13.000), заячьихъ (25.300), кошекъ (250), горностаевъ (250), ласокъ (7 сороковъ), куницъ (34 сорока), недокунковъ (60), лисицъ (132), норокъ (20), выдръ, рысей, россомахъ. Въ добавленіе къ мѣхамъ находимъ здѣсь лишь небольшое количество кожъ и овчинъ. Остальные города внутренняго раіона пользовались притекающими съ окраинъ товарами, очевидно уже при посредствѣ Москвы, и потому лишь въ видѣ исключенія, случайно изъ Вятки производились отдѣльныя посылки въ другіе пункты названнаго раіона, какъ, напр., одно отправленіе въ Переяславль-Залѣсскій (348 овчинъ).—Встрѣчаемъ еще 2 отправленія въ Ярославль и два—въ Галичъ—(мѣха, овчины, сукно).—Но оба названные пункта, какъ сейчасъ увидимъ, играли особую роль по отношенію къ Вятской торговлѣ: Ярославль былъ важнымъ передаточнымъ пунктомъ на Петербургъ, а Галичъ—на пограничную сѣвскую таможню.—Между Вяткой и Петербургомъ, какъ видно изъ разсматриваемыхъ выписей, происходили оживленныя торговыя сношенія по поставкѣ въ Петербургъ выдѣланныхъ изъ кожъ юфтей. При этомъ встрѣчаемъ два случая отправки въ Петербургъ готовыхъ юфтей прямо изъ Вятки (всего отправлено 1536 юфтей изъ 3076 кожъ, передѣланныхъ на собственномъ заводѣ одного Хлыновскаго купца). Но на ряду съ этимъ въ большинствѣ случаевъ кожи изъ Вятки направляются въ Ярославль „для юфтнаго передѣла“ съ тѣмъ, чтобы потомъ изготовленныя въ Ярославлѣ юфти были доставлены въ Петербургъ. Въ выписяхъ за 1746 г. встрѣчаемъ 7 такихъ случаевъ, при чемъ въ Ярославль было отправлено для указанной цѣли—9203 кожи [1]).—Что касается Сѣвской пограничной таможни, то туда въ изобиліи отправлялись изъ Вятки мѣха: за 1746 г. въ Сѣвскъ отправлено въ трехъ транспортахъ 41.553 различныхъ мѣховъ. Галичъ въ большинствѣ случаевъ являлся здѣсь посредствующимъ пунктомъ: упомянутые транспорты составлялись на деньги, вырученныя отъ продажи товаровъ, привезенныхъ въ Вятку по сѣвскимъ и по галичскимъ выписямъ.

Наконецъ, весьма оживленныя торговыя сношенія Вятки съ сѣвернымъ краемъ обслуживали главнымъ образомъ Архангельскъ. Въ другіе

---

[1]) Любопытныя подробности о перевозѣ кожъ изъ Вятки въ Ярославль, а потомъ выдѣланныхъ изъ нихъ юфтей изъ Ярославля до Петербурга можно почерпнуть изъ книгъ записныхъ на выдаваемые изъ таможни извозчикамъ довозные ярлыки. См. ibid., т. IV № 33.

города сѣвернаго края посылаются случайные, небольшіе транспорты: въ Устюгъ—12 п. меду, 20 п. осетрины, въ Вологду—180 кумачей, въ Лальскъ—3 четв. пшеницы, 3 четв. муки ржаной и 14 п. крупъ, поставленныхъ туда волостнымъ жителемъ прямо „съ тяглыхъ его деревень“.—Зато въ самый Архангельскъ отправлено 19 транспортовъ, въ составъ которыхъ вошли—сукна (1600 арш.) и разные сельскіе продукты—преимущественно мука ржаная (44.316 пуд. и 85 кулей) и сало (12617 п. 35 ф.) [1]), рожь (263 четв.).

Итакъ, на востокъ шли по преимуществу матеріи и деревянныя издѣлія, въ Москву и на юго-западную границу (Сѣвскъ)—мѣха, въ Петербургъ—кожи и юфти, къ Архангельску — сельскохозяйственные продукты и всего болѣе сало; движеніе на югъ имѣло второстепенное значеніе. На ряду съ вывозомъ произведеній собственнаго раіона Вятка явственно фигурируетъ здѣсь въ качествѣ одного изъ посредствующихъ торговыхъ пунктовъ между Европейской Россіей и Сибирью.

Отъ этого общаго очерка вятской вывозной торговли, поскольку она обрисовывается вятскими таможенными выписями 1746 г., перейдемъ къ нѣкоторымъ подробностямъ, характеризующимъ существо всѣхъ этихъ торговыхъ операцій.

Въ какой мѣрѣ въ этихъ операціяхъ участвовали сами хлыновскіе купцы? Отвѣчу на этотъ вопросъ слѣдующей табличкой:

	Общее число отправленій.	Въ томъ числѣ отправлено Хлыновскими купцами.		Общее число отправленій.	Въ томъ числѣ отправлено Хлыновскими купцами.
Въ Казань . .	3	1	Въ Ирбитскую ярмарку . .	4	3
„ Самару . .	1	—	„ Екатеринбургъ	2	2
„ Астрахань .	3	1	„ Челябинскъ .	1	—
„ Оренбургъ .	3	2	„ Верхотурье .	5	1
„ Соликамскъ	23	21	„ Лальскій посадъ	1	—
„ Кунгуръ .	3	2			
„ Сибирскіе гор. чр. Верхотурье	2	1	„ Устюгъ . . .	2	2
„ Чусовойгород.	3	—	„ Вологду . .	1	—
„ Москву . .	5	2	„ Архангельскъ .	19	14
„ Переяславль-Залѣсскій .	1	—	„ Петербургъ чрезъ Ярославль . .	7	—
„ Ярославль .	2	—			
„ Галичъ . .	2	—	„ Петербургъ .	2	2

[1]) Ср. еще книги, данныя отъ Хлыновской таможни на Лецкій караулъ для записи пропущаемыхъ чрезъ тотъ караулъ къ Ношульской пристани приготовленныхъ въ отпускъ къ городу Архангельскому хлѣбныхъ и прочихъ припасовъ и товаровъ.—ibid., вязка III № 23.

Итакъ, на 95 отправленій 54 отправленія, т.-е. 56,8% приходилось на долю самихъ Хлыновскихъ купцовъ. Въ наибольшей степени Хлыновскіе купцы занимались вывозомъ въ Соликамскъ и затѣмъ въ Архангельскъ.

Въ Соликамскъ они везли преимущественно хмель, въ Архангельскъ преимущественно ржаную муку и сало. Но, какъ увидимъ, они вывозили названные продукты главнымъ образомъ „изъ собственныхъ тяглыхъ деревень". Слѣдовательно, эти операціи проходили мимо городского Вятскаго рынка, и хлыновскіе купцы участвовали въ нихъ не въ качествѣ городскихъ торговцевъ, а въ качествѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ, какъ видно по таможеннымъ выписямъ, хлыновскіе купцы вывозятъ товары либо хлыновской, либо уѣздной покупки. Въ уѣздѣ хлыновскіе купцы являлись скупщиками сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Но были случаи и третьяго рода: нѣсколько хлыновскихъ купцовъ занимались вывозомъ въ другіе города, преимущественно въ Архангельскъ, перетопленнаго сала, при чемъ сырецъ привозился ими же изъ Казани, Самары, Слободского, Каракулинска изъ тамошнихъ ихъ закупокъ.

Нѣкоторые хлыновскіе купцы, какъ уже указано выше, держали въ Вяткѣ свои кожевенные заводы, на которыхъ выдѣлывались юфти. Такъ, въ таможенныхъ выписяхъ упоминаются кожевенные заводы хлыновскихъ купцовъ—Дряхлова и Калинина. Кожи для юфтнаго передѣла на эти заводы частью закупались заводчиками въ уѣздѣ, частью подвозились изъ другихъ городовъ, наприм., изъ Орлова. Дряхловъ самъ непосредственно отправлялъ юфти своего завода въ Петербургъ, Калининъ—въ Оренбургъ. Затѣмъ въ вывозѣ изъ Вятки кожъ и юфтей видную роль играли ярославскіе купцы. Съ одной стороны, ярославскіе купцы покупали юфтныя издѣлія названныхъ вятскихъ заводовъ и везли ихъ въ Петербургъ, съ другой стороны, ярославскіе купцы Викулинъ, Протасовъ и др. занимались вывозомъ изъ Вятки кожъ въ Ярославль для юфтнаго передѣла и затѣмъ уже отправляли эти юфти въ Петербургъ.—Иногородніе купцы вообще на ряду съ хлыновскими купцами играютъ не малую роль въ вывозной вятской торговлѣ. Немногимъ менѣе половины всѣхъ транспортовъ было отправлено изъ Вятки иногородними купцами. Примѣры:

1) Путиловскій купецъ привозитъ въ Вятку мыло изъ Кунгура, а на вырученныя отъ продажи этого мыла деньги везетъ изъ Вятки въ Оренбургъ холстъ и крашенину; 2) ярославскіе купцы Викулинъ и Протасовъ везли изъ Вятки въ Ярославль кожи на деньги, вырученныя отъ продажи привезенныхъ въ Вятку ярославскихъ товаровъ; 3) прокофьевскій купецъ привозитъ въ Вятку товаръ изъ Галича и на вы-

ручку отъ его продажи везетъ изъ Вятки въ Москву кожи и мѣха; 4) московскій купецъ Григорій Журавлевъ возитъ товары изъ Сѣвска въ Сѣвскъ изъ Вятки—мѣха и т. д.

Въ большинствѣ случаевъ иногородніе купцы везутъ изъ Хлынова товары „хлыновской покупки“.—Вятскіе купцы являлись въ этихъ случаяхъ посредниками между иногороднимъ привозомъ и отвозомъ, а также между иногородними купцами и производителями Хлыновскаго уѣзда. Но таможеныя выписи указываютъ также случаи, правда сравнительно немногочисленные, когда иногородніе купцы помимо городского Вятскаго рынка непосредственно сносились съ производителями Вятскаго уѣзда: купецъ изъ Лальска закупаетъ въ Вятскомъ уѣздѣ холстъ и медъ, ярославскіе купцы закупаютъ кожи, казанскіе купцы—рожь и т. п.

Наконецъ, по таможенымъ выписямъ любопытно слѣдить еще за однимъ процессомъ: помимо дѣятельности купеческихъ скупщиковъ уѣздные землевладѣльцы начинаютъ вступать и въ непосредственныя сношенія съ болѣе отдаленными рынками. Правда, въ роли такихъ вотчинниковъ, отправляющихъ продукты своего сельскаго хозяйства на дальніе рынки, всего чаще фигурируютъ опять-таки хлыновскіе купцы, владѣвшіе деревнями. Таможенныя выписи представляютъ не менѣе 21 случая такого рода. Хохряковы, Макшеевъ, Коробовъ, Калининъ, Злыгостевъ, Огородниковъ, Дьяконовъ, Рязанцевъ, Звѣревъ и нѣкоторые другіе вятскіе купцы везутъ „изъ тяглыхъ своихъ деревень“ сельскіе продукты. Но кромѣ того въ трехъ случаяхъ въ такой же роли фигурируютъ и помѣщики не купеческаго состоянія: 1) канцелярист въ вятской провинціальной канцеляріи Куртьевъ отправляетъ до Соликамска „съ тяглыхъ своихъ деревень“ 15 пуд. хмелю и 5 четв. крупы яшной и „домоваго приготовленія“—600 ложекъ деревянныхъ простыхъ, 15 ставокъ ситъ, 15 ставокъ рѣшетъ, 30 арш. сукна сермяжнаго и 30 паръ клещей конскихъ; 2) секретарь вятской провинціальной канцеляріи Перминовъ отправляетъ къ г. Архангельскому „съ тяглыхъ деревень“ 100 кулей муки—1000 пудовъ, и 3) вятскаго епархіальнаго архіерейскаго дому секретаря сынъ Алексѣй Дьяконовъ съ тяглыхъ его деревень отправляетъ до г. Архангельска муки ржаной—330 кулей въ 3300 пудовъ и 22 куля солода въ 220 пудовъ. Но, какъ видно, случаи такого рода были еще рѣдки.

Перехожу къ разсмотрѣнію торговаго привоза въ Вятку и прежде всего обращаюсь къ выписямъ объ осмотрѣ объявляемыхъ купцами привозныхъ товаровъ [1]). Въ „выписяхъ“ встрѣчаемъ слѣдующіе пункты

[1]) ibid. в. II № 14.

отправленія привозныхъ въ Вятку товаровъ: *съ юга*—изъ *Яранска* [1]), *Уржума*, *Царевококшайска*, Елабуги, Кукарска, Казани, Мензелинска, Варзина (Уфимск у.), Самары, Саратова, Астрахани; *съ востока*—*Слободской*, Кунгуръ, Обвинскъ, Ирбитъ, Енисейскъ, Иркутскъ; *съ сѣвернаго края*—*Карачулинская пристань*, Устюгъ Великій, Архангельскъ; *съ запада изъ внутренняго раіона*—Парфентьевъ, Галичъ, Лысково, Макарьевскъ, Ярославль, Москва; изъ Петербурга и изъ Сѣвска.

Общіе результаты привоза за 1746 г. изъ всѣхъ упомянутыхъ пунктовъ по всѣмъ выписямъ выразились въ слѣдующемъ:

Ткани, матеріи, одежда, кожи.	Съ юго-зап.	Съ юга.	Съ востока	Изъ Москв.	Изъ пр. внут. г.	Изъ СПБ-га.	Съ сѣвера	**Всего.**
Чароны бѣлыя . . .	—	10	—	—	—	—	—	10
Кисеи.	—	3	—	—	2 шт.	—	—	5
Выбойки.	—	93 косяк.	—	—	270 кос.	—	—	363 к.
Кумачи.	3580	40	—	2 кипы.	309	—	—	3929 + 2 к.
Фаты бумажныя. .	—	520	—	—	20	—	—	540
Шелкъ	—	70 ф.	—	—	—	—	—	70 ф.
Полутафты.	—	—	—	—	75 ар.	—	—	75 арш.
Гилянскія	—	14 шт.	—	—	—	—	—	14 шт.
Платки.	—	16 стоп.	—	—	40	—	—	56 ст.
Кружева.	—	27 кос.	—	—	3 кос.	—	—	30 к.
Стамеду	—	3 куск.	—	1 шт.	7 кус.	—	2 куск.	13 к.
Камлотъ	—	1 кус.	—		—	—	—	1 к.
Каламенка.	—	1	—	—	357 ар.	—	—	358 арш.
Кушаки	—	40	—	—	—	—	—	40
Мови шелковыя . .	—	5	—		—	—		5
Суси бумажныя . .	—	6	—	—	—	—	—	6
Миткали бѣлые. . .	—	2	—		—	—	—	2
Пестряди.	—	2 кос.	—	—		—	—	2
Китайскія матеріи.	—		63 шт.	—	—	—	—	63 шт.
			+ 179 тюка.					+ 179 тюк.
			+ 11 пост.					+ 11 пост.
Сукно	—	—	—	313 ар.	2 пол.	600 ар.	1 кус.	913 ар. 1 к. 2 пол.
Пряжа пеньковая. .	—	—	—	—	274 п.	—	—	274 пуд.
Парча.	—	—	—	—	7 ар.	—	—	7 арш.
Мѣха.	—	25 мерлушекъ.	—	—	—	—	—	25 мерл.
Домашніе припасы:								
Сало	—	3.450 пуд. 950 п.	—	—	—	1100 п.		5500 п.

[1] Курсивомъ означаю пункты, ближайшіе къ самой Вяткѣ.

	Съ юго-зап.	Съ юга.	Съ восток.	Изъ Москв.	Изъ пр. внут. г.	Изъ СПБ-га.	Съ сѣвер.	Всего.
Рыба	—	3705 п. + 6 кад. + на 235 р. 60 к.	—	—	—	—	860 п. + 30 кад.	4565 п. + 36 кад. + на 235 р. 60 к.
Икра	—	1300 пуд. 30 фун. + 4 бочк.	—	—	—	—	4 п.	1304 пуд. 30 фун. + 4 бочки.
Хмель	—	268 пуд.	—	—	20 п.	—	—	288 п.
Перецъ	—	2 пуд.	—	—	—	—	—	2 п.
Деготь	—	120 вед.	—	—	—	—	—	120 вед.
Чай	—	—	2 пуд.	—	—	—	—	2 пуд.
Мыло	—	—	30 пуд	—	—	—	—	30 пуд.
Укладу	—	—	—	—	—	—	250 п. 15 ф.	250 п. 15 ф.
Суклади	—	—	—	—	—	—	198 п.	198 п.
Пшено	—	—	—	—	—	—	2 п.	2 пуд.
Ренское	—	—	—	—	—	—	15 б.	15 боч.
Красное	—	—	—	—	—	—	3 б.	3 боч.
Сахаръ	—	—	—	—	—	—	14 п. 20 ф.	14 п. 20 ф.
Лимоны	—	—	—	—	—	—	3 б.	3 боч.
Черносливъ	—	—	—	—	—	—	70 п.	70 пуд. + 1 б. + 1 боч.
Орѣхи	12000	—	—	—	—	—	—	12000
Финики	2 п.	—	—	—	—	—	—	2 п.
Изюмъ	1 т.	—	—	—	—	—	—	1 торба
Сандалъ	—	—	—	—	16 п.	—	51 п. 30 ф.	67 п. 30 ф.
Краска брусковая	—	—	—	—	6 + 11 б. 1 боч.	—	2 п. 8 п.	1 б. 2 боч.
Олово		—	—	—	12 п.	—	—	12 пуд.
Ладанъ	—	—	—	—	24 п.	—	00	24 п.
Квасцы		—	—	—	22 п.	—	00	22 п.
Колоколъ мѣдный	00	00	00	00	592 ст.	00	00	592 стоп.
Бумаги	00	00	00	00		00	00	

Галантерея.	Съ юго-з.	Съ юга.	Съ восток.	Изъ Москв.	Изъ пр. внут. г.	Изъ СПБ-га.	Съ сѣв.	Всего.
Пуговицы, Гарусъ, Бисеръ, Иглы, Кольца, Очки, Серьги, Запонки, Зеркала, Губки грецкія, Перчатки	—	—	—	на 278 р. 25 к.	на 1079 руб.	—	—	1357 р. 25 к.

	Съ юго-зап.	Съ юга.	Съ восток.	Изъ Москв.	Изъ внут. г.	Изъ СПБ-га.	Съ сѣв.	Всего.
Табакъ привозный изъ Малороссіи черкасскій, папушный *)	1270 п.	—	—	—	—	—	—	1270 п.

По количеству привозъ распредѣлялся по мѣстамъ отправленія такъ:

Съ юга	27	транспортовъ, въ томъ чис. 7 изъ ближ. гор.
„ востока	7	„
„ сѣвера	18	„
Изъ центра	23	„ въ томъ чис. 2 изъ Москвы.
„ Петербур.	1	„
Съ юго-зап.	23	„

Съ юга транспорты приходили изъ:

Казани	7	транспортовъ
Астрахани	4	„
Самары	3	„
Царевококшайска	3	„
Елабуги	2	„
Мензелинска	2	„
Уфимск. у.	2	„
Яранска	1	„
Уржума.	1	„
Кукарки	1	„
Саратова	1	„

Привозъ изъ ближайшихъ къ Вяткѣ городовъ—Яранска, Уржума, Царевококшайска, Елабуги—шелъ исключительно отъ мѣстныхъ крестьянъ, которые везли деготь „домовой работы“, хмель „домашнихъ садовъ“, рыбу „своего улову“, однимъ словомъ—сельскіе продукты изъ первыхъ рукъ.—Рыба и сало поступали затѣмъ почти изъ всѣхъ прочихъ упомянутыхъ городовъ, при чемъ доставляемое въ Вятку сало перетапливалось вятскими купцами и отправлялось почти все въ Архангельскъ. Кромѣ рыбы и сала шли еще: бумага, матеріи, кружева изъ Казани, Саратова и Астрахани и различные галантерейные товары изъ Астрахани. Матеріи и ткани, получавшіяся черезъ Астрахань, были среднеазіатскаго происхожденія—гилянскія, шемахинскія.

Съ *востока*—изъ Иркутска—2 трансп., изъ остальныхъ 5 пунктовъ по одному. Слободской и Обвинскъ присылали сало, изъ Кунгура было доставлено 30 пуд. мыла „кунгурской покупки“, изъ Енисейска—чай

*) Свѣдѣнія о привозѣ табака заимствую изъ особой книги явочной привозному табаку. Ibidem в. IV, № 34.

изъ Ирбита и Иркутска—„китайки". Въ самый Иркутскъ эти китайки попадали изъ Кяхты и шли затѣмъ черезъ городъ Верхотурье на Вятку. Операціи съ торгомъ этой китайкой находились въ рукахъ иркутскаго купца Павла Бѣлоголовaго.—Противъ ожиданія выписи ничего не говорятъ о вывозѣ на Вятку сибирскихъ мѣховъ. Можетъ быть, это—случайная особенность даннаго года, можетъ быть, это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣха, о вывозѣ которыхъ изъ Вятки говорилось выше, были не сибирскаго, а прикамскаго происхожденія.

Съ *сѣвера*: 8 транспортовъ съ Каракулинской пристани, 1—изъ Устюга—Великаго и 9—изъ Архангельска.

Изъ Устюга и Каракулинска шла рыба и икра. Изъ Архангельска получались заморскіе товары: ренское, красное, черносливъ, лимоны, сахаръ, краски.

Изъ *центра*—изъ Галича—10 транспортовъ
— Ярославля 8 „ „
— Москвы— 2 „ „
— Парфентьева, Лыскова, Макарьевской ярмарки,—
по одному.

Изъ всѣхъ этихъ пунктовъ—шли главнымъ образомъ различные галантерейные товары. Большое сравнительно количество отправленій, приходящееся на долю Галича, объясняется, конечно, тѣмъ, что Галичъ, какъ намъ уже извѣстно, пропускалъ транспорты, шедшіе съ Сѣвской пограничной таможни.—И на многихъ выписяхъ на галическіе транспорты мы дѣйствительно находимъ помѣту о томъ, что товары, входившіе въ составъ этихъ транспортовъ, закуплены въ Нѣжинѣ и идутъ съ Сѣвской пограничной таможни. Но нѣкоторые изъ галичскихъ транспортовъ, какъ помѣчено на выписяхъ, шли черезъ Галичъ съ Макарьевской ярмарки. Непосредственно съ Макарьевской ярмарки доставленъ былъ, и притомъ самими хлыновскими купцами, лишь одинъ транспортъ, но зато очень большой, всего на 800 р. 75 к. изъ самыхъ разнообразныхъ товаровъ *).

---

*) Въ видѣ обращика приведу полное исчисленіе товаровъ, вошедшихъ въ составъ этого транспорта:

100 замковъ павловскихъ 12 р. дес.	500 арш. холста лысковскаго . . . . . 9 р. сот.
3000 колодокъ гвоздья. .12 р. тыс.	300 листовъ фряжской печати . . . . . 1 р. 80 к.
40 паръ башмаковъ . . 2 р. дес.	100000 гвоздья желѣзнаго. .25 р.
10 фатъ бумажныхъ . .20 р.	80 замковъ желѣзныхъ. 80 к. дес.
5 дюжинъ роговыхъ табакерокъ . . . . . 2 р. дюж.	70 ножницъ . . . . . 3 р.
4 дюжины карандашей. 20 к. дюж.	10 дюж. ножей павловскихъ . . . . . 5 р.
200 арш. лентъ. . . . . 6 р. сот.	
700 портищъ пуговицъ. . 1 р. сот.	

Изъ *Петербурга* въ выписяхъ отмѣченъ только одинъ транспортъ (сукно), но, какъ видно изъ помѣтъ на нѣкоторыхъ ярославскихъ выписяхъ, петербургскіе товары шли и черезъ Ярославль: изъ 8 транспортовъ, полученныхъ въ Вяткѣ изъ Ярославля, 4 состояли изъ товаровъ „ярославской лавочной покупки“, а 3 шли собственно изъ Петербурга чрезъ Ярославль. Наконецъ, съ юго-западныхъ пограничныхъ таможенъ прибывали кумачи, орѣхи, финики, изюмъ и табакъ папушный. Всѣ эти товары шли въ Россію чрезъ юго-западныя пограничныя таможни, попадая между прочимъ и на Вятку, изъ малороссійскихъ городовъ. Такъ, чрезъ *сѣвскую* пограничную таможню прибыли 7 транспортовъ съ кумачами, орѣхами, изюмомъ, финиками, купленными въ малороссійскихъ городахъ Королевцѣ и Нѣжинѣ и 3 транспорта съ папушнымъ табакомъ природнымъ и покупнымъ въ Королевцѣ,—чрезъ *курскую* пограничную тамож-

6	дюж. бритвъ польскихъ	5 р.	
3	коробки канители	2 р. 50 к.	
100	дюж. бубенчиковъ	5 р.	
500	перстней	40 к. сот.	
1500	запон. лысковскихъ	3 р. тыс.	
2	ф. блестокъ	1 р. 20 к.	
4 1/2	п. проволоки желѣзной	17 р.	
2	п. пшена сорочинскаго	5 р.	
4	п. сандалу краснаго	4 р. 50 к.	
30	ф. калгану	7 р. 50 к.	
1 1/2	п. корки лимонной	8 р.	
1 1/2	яри травянки	5 р.	
25	ф. орѣшковъ чернильныхъ	13 р.	
6 п. 20	ф. бѣлилъ	3 р. пуд.	
30	ф. дроби	3 р. 50 к.	
170	мотковъ поперечныхъ питныхъ	10 к. шт.	
30	дюж. картъ	12 р.	
13000	снурку	1 р. тыс.	
1	ф. коровьяго масла	1 р. 50 к.	
200	гребней роговыхъ	3 р. сот.	
2200	бумажекъ крючковъ	70 к. сот.	
200	крюковъ желѣзныхъ	80 к. сот.	
45	мѣдныхъ чернильницъ	3 р. 50 к. д.	
1300	портищъ пуговицъ	15 р. тыс.	
30	дюжинъ зеркалъ	15 р.	
100	питокъ пуговицъ	15 р.	
30	паръ оленьихъ рукавицъ	15 р.	
40	паръ козловъ	20 р.	
150	мотковъ мишуры	12 р.	
5000	мѣдныхъ крестовъ	2 р. тыс.	
4	заслона желѣза	50 к.	
300	наперстковъ	4 р.	
5000	гвоздей	3 р. 50 к.	
80	портищъ пуговицъ	1 р. 20 к.	
6000	булавокъ	30 к. тыс.	
50	щетокъ малыхъ	2 р. 50 к.	
15	паръ сапоговъ	14 р.	
60	волочковъ водки	8 р.	
2	п. миндальныхъ ядеръ	10 р.	
1/2	п. размарину	1 р. 50 к.	
2 п. 20	ф. скипидару и нефти	15 р. 50 к.	
14000	гвоздья	40 к. тыс.	
1	ф. жести	50 к	
1 п. 10	ф. купоросу	2 р.	
5	ф. буры	4 р.	
1/2	п. бисеру	4 р. 50 к.	
1	ф. шумихи	1 р.	
12	ф. шелку	3 р.	
2	ф. камеди	60 к.	
2	ф. проволоки	50 к.	
1/2	п. имбиря	2 р.	
12	ф. сургучу	8 р.	
3	п. аниcу	5 р.	
3	п. сѣры	5 р.	
2	ф. камфары	3 р.	
5	занавѣсокъ	6 р.	
1 1/2	дюж. чулокъ	10 р.	
12	косяковъ выбойки	1 р. 50 к.	
2	зеркала	2 р.	
	Общая цѣна всего транспорта	800 р. 75 к.	

ню прибыло 11 транспортовъ черкасскаго папушнаго табака, въ томъ числѣ 8 черезъ Казань и 3 черезъ Чебоксары (1—„чебоксарской покупки у курскихъ ямщиковъ“, 1—„чебокарской покупки отъ Болховскаго купца“ и 1—„чебоксарской лавочной покупки у иногородныхъ жителей“) и, наконецъ, 2 транспорта пришли черезъ Тулу и Казань.

Итакъ, съ юга приходили преимущественно сало, рыба и средне-азіятскія матеріи, съ востока—чай и китайскія матеріи, изъ Архангельска—вина, лимоны, черносливъ, краски, изъ московскаго раіона и Петербурга—галантерея, изъ Малороссіи—кумачи, бакалейные товары и черкасскій табакъ.

Участіе самихъ Хлыновскихъ купцовъ во всѣхъ этихъ привозныхъ операціяхъ не было малозначительнымъ. Изъ общаго количества 99 привезенныхъ въ Вятку транспортовъ 37, т.-е. 37,3% было привезено самими Хлыновскими купцами. А именно:

Съ *юга* Хлыновскіе купцы доставили 13 транспортовъ изъ 27 (5 изъ Казани, 2 изъ Мензелинска, 2 изъ Уфимскаго уѣзда, 2 изъ Самары, 1 изъ Саратова, 1 изъ Астрахани), во всѣхъ этихъ случаяхъ Хлыновскіе купцы закупали товары въ тѣхъ городахъ, откуда вывозили транспорты, изъ выручки за проданные ими тамъ свои товары.

Съ *сѣвера* изъ 18 транспортовъ Хлыновскими купцами было привезено 9 (5 изъ Каракулинска „покупки у Каракулинскихъ продавцовъ“ и 4 изъ Архангельска—„архангельской городской покупки на товарныя деньги).

Съ *востока* изъ 7 транспортовъ Хлыновскими купцами было привезено 6 (по одному транспорту изъ Слободскаго и Обвинска—сало для перетопки въ Архангельскъ, одинъ транспортъ изъ Ирбита, одинъ изъ Енисейска и два изъ Иркутска—чай и китайскія матеріи).

Хлыновскіе купцы вывозили эти товары изъ Ирбита и Верхотурья отъ сибирскихъ купцовъ, привозившихъ ихъ туда изъ Кяхты.

Изъ *центральнаго раіона* транспорты привозились почти исключительно иногородними купцами и только въ трехъ случаяхъ (по одному изъ Лыскова, Макарьевской ярмарки и Москвы) они были привезены Хлыновскими купцами.

Съ *юго-западныхъ таможенъ* изъ 23 транспортовъ шесть было привезено Хлыновскими купцами—1 изъ Тулы и 5 съ Курской пограничной таможни, всѣ эти транспорты Хлыновскіе купцы закупали въ Казани отъ иногороднихъ купцовъ, привозившихъ ихъ въ Казань съ границы.

Что касается купцовъ иногороднихъ, то одни изъ нихъ привозили въ Вятку товары изъ своихъ собственныхъ городовъ изъ мѣстной „лавочной покупки“ (такъ—изъ Яранска, Устюга, Москвы, отчасти Ярославля), другіе оперировали на сторонніхъ рынкахъ; такъ, наприм.,

Казанскіе купцы возятъ товары въ Вятку изъ Астрахани, Путивльскіе—изъ Кунгура, Устюжскіе—изъ Архангельска, Ярославскіе—изъ Петербурга.

Наконецъ, участіе крестьянъ въ торговомъ привозѣ въ Вятку выразилось въ слѣдующемъ:

Съ *юга* изъ 16 случаевъ привоза 7 падаетъ на долю крестьянъ, изъ этихъ семи случаевъ только въ одномъ уѣздный крестьянинъ является скупщикомъ: крестьянинъ Хлыновскаго уѣзда скупаетъ икру у яицкихъ казаковъ и изъ Самары везетъ въ Вятку на продажу. Въ другихъ случаяхъ крестьяне просто везутъ въ Вятку изъ ближнихъ уѣздовъ свои „домовыя произрастенія“ или свой „уловъ“. Затѣмъ можно еще отмѣтить одинъ случай привоза рыбы съ Каракулинской пристани ясашнымъ крестьяниномъ Уржумскаго уѣзда и одинъ случай привоза хмеля „изъ своихъ домовыхъ садовъ“ дворцовымъ крестьяниномъ Ярославскаго уѣзда. Въ общемъ, слѣдовательно, привозная торговля въ Вятку носила чисто купеческій характеръ.

Какъ уже было отмѣчено выше, дальнѣйшая судьба привозимыхъ въ Вятку торговыхъ транспортовъ можетъ быть прослѣжена путемъ сопоставленія только что разсмотрѣнныхъ выписей съ „книгой приходной съ продажныхъ изъ явки товаровъ таможенныхъ пошлинъ“. Это сопоставленіе показываетъ, въ какой мѣрѣ привозимые въ Вятку изъ иныхъ городовъ товары находили себѣ немедленный сбытъ на Вятскомъ городскомъ рынкѣ. Вотъ—наблюденія, относящіяся къ этому вопросу.

Изъ 27 транспортовъ пришедшихъ съ юга, не отмѣчено въ „книгѣ приходной...“ въ качествѣ проданныхъ только 6, изъ нихъ 5 состояли изъ сала, которое и привозилось не для продажи на Вятскомъ рынкѣ, а для переплавки и дальнѣйшаго отправленія въ Архангельскъ. Изъ 7 восточныхъ транспортовъ не продано 4, изъ нихъ въ двухъ случаяхъ опять-таки не продано сало по той же причинѣ, которая указана выше, затѣмъ не проданъ транспортъ мыла изъ Кунгура и китайскихъ матерій изъ Иркутска. Изъ 18 сѣверныхъ транспортовъ 14 не продано, а именно 3 съ саломъ изъ Каракулинска, 4 съ рыбой изъ Каракулинска и Устюга и 7 изъ Архангельска съ рыбой, винами и красками.

Изъ транспорта, доставленнаго изъ Архангельска устюжскимъ купцомъ Мих. Протопоповымъ въ составѣ: 2 бочекъ ренскаго, 1 бочки краснаго, 3 бочекъ лимоновъ, 70 пуд. чернослива, 2 пуд. краски брусковой, 7 бочекъ ренскаго бѣлаго—въ продажѣ оказалось только 1 бочка ренскаго.

Изъ центра доставлено 23 транспорта, изъ нихъ продано 14, а не въ продажѣ оказались: 1—изъ Парфентьева (кумачи, парча), 6 изъ Галича (матеріи), 1 изъ Ярославля (бумага), 1 изъ Москвы (матеріи).

Но и изъ остальныхъ транспортовъ не всѣ были распроданы цѣликомъ. А именно: изъ 30 стопъ бумаги, привезенныхъ съ Макарьевской ярмарки галицкимъ купцомъ Маляхинскимъ, продано лишь 20 стопъ; изъ 130 штукъ кумачей, привезенныхъ изъ Галича галицкимъ купцомъ Ѳараѳоновымъ, продано лишь 90; изъ 310 стопъ бумаги, привезенныхъ изъ Ярославля Ив. Викулинымъ, продано лишь 130.—Единственный транспортъ непосредственно изъ Петербурга былъ проданъ цѣликомъ.

Съ юго-западныхъ пограничныхъ таможенъ изъ 7 транспортовъ продано 3, а не въ продажѣ осталось 4 (кумачи).

Къ сожалѣнію о партіяхъ привознаго табака не имѣется никакихъ свѣдѣній по данному вопросу.

Итакъ, всего изъ 83 привозныхъ транспортовъ (не считая транспортовъ съ табакомъ)—46 поступили въ продажу на Вятскомъ рынкѣ.—Остальные частью прослѣдовали далѣе, частью остались вообще нераспроданными. Пропорціональное соотношеніе тѣхъ и другихъ, къ сожалѣнію, не выясняется изъ разобранныхъ документовъ.

Таковы наблюденія, извлекаемыя изъ разсмотрѣнныхъ документовъ. Конечно, эти наблюденія слишкомъ недостаточны для какихъ-либо обобщающихъ заключеній, недостаточны уже потому, что всѣ они относятся лишь къ одному году и къ одной мѣстности. Но если предложенный пробный очеркъ хотя до нѣкоторой степени оттѣняетъ все важное значеніе дѣлопроизводства русскихъ внутреннихъ таможенъ, какъ источника для исторіи русской торговли, если онъ можетъ послужить возбужденію интереса изслѣдователей къ массовому изученію соотвѣтствующаго матеріала,—задача настоящей статьи будетъ исполнена.

Ал. Кизеветтеръ.

VII.

Слѣдственныя комиссіи по злоупотребленіямъ областныхъ властей въ XVIII вѣкѣ.

I.

Въ жизни государственныхъ учрежденій XVIII вѣка многое еще остается неяснымъ. Исторія подчиненнаго и областного управленія, отъ Петра I до Екатерины II, въ особенности мало изучена; въ частности, то-же можно сказать и объ исторіи и организаціи правительственнаго надзора этого времени. Нормальными органами надзора со времени Петра были фискалы и прокуратура. Совмѣстное существованіе обоихъ учрежденій продолжалось впрочемъ не долго, и уже съ 30-хъ годовъ прокуратура, какъ орудіе болѣе гибкое и тонкое, успѣла вытѣснить фискаловъ [1]). На практикѣ, однако, надзоръ осуществлялся еще и другими способами; не только въ годы упадка прокуратуры, но и до 1730 года, а также при Елизаветѣ, верховная власть, высшія учрежденія имперіи, равно какъ и учрежденія областныя, пользовались для контроля надъ тѣмъ, что происходило на мѣстахъ, средствомъ, въ которомъ надзоръ тѣсно былъ слитъ со слѣдствіемъ. Этимъ средствомъ была посылка особыхъ лицъ, снабженныхъ часто очень широкими полномочіями, для разслѣдованія злоупотребленій чиновниковъ, а также наиболѣе выдающихся преступленій общаго характера. Посредствомъ подобныхъ разслѣдованій правительство осуществляло свое право надзора; матеріалъ, добытый ими, служилъ въ случаѣ надобности для судебнаго разбирательства, а своеобразная переходная эпоха, которую Россія переживала въ XVIII вѣкѣ, вводила въ практику разслѣдованія не мало любопытныхъ чертъ и оригинальныхъ подробностей.

---

[1]) Петровскій, Сенатъ въ царствованіе Петра Великаго, 183—184; Муравьевъ, Прокурорскій надзоръ, 287 и слѣд.

Мы мало знаемъ о слѣдователяхъ, какъ особыхъ агентахъ правительственной власти, въ Московское время. Слѣдственныя комиссіи развиваются только ко времени преобразованій. Еще въ первые годы царствованія Петра встрѣчается посылка особыхъ уполномоченныхъ по экстреннымъ дѣламъ; такъ напр., въ послѣдніе годы XVII в. думный дьякъ Полянскій и дьякъ Берестовъ были отправлены въ Сибирь разслѣдовать дѣло о Красноярцахъ, взбунтовавшихся противъ своихъ воеводъ [1]). Позднѣе система особыхъ порученій развилась гораздо шире. Въ 10-хъ годахъ XVIII столѣтія появляются такъ называемыя „розыскныя маіорскія канцеляріи". Въ 1717 г. гвардіи маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ посылается въ Вологду разслѣдовать о недозволенной продажѣ Архангельскими купцами пеньки и юфти за границу; позднѣе тому же лицу поручается дѣло кн. Матвѣя Гагарина. Нѣсколько ранѣе была учреждена такая же канцелярія гвардіи капитана Кошелева; извѣстны подобныя же розыскныя канцеляріи кн. Юсупова, Скорнякова-Писарева и другихъ [2]). Въ 1715—1725 гг. число слѣдственныхъ комиссій растетъ; особыя порученія въ этой области возникаютъ по поводу злоупотребленій въ сборахъ фуражныхъ денегъ, по поводу лихоимства нѣкоторыхъ воеводъ и т. п. [3]). Въ 20-хъ годахъ дѣйствуютъ большія комиссіи по дѣламъ Нестерова, Попцова, Шафирова. Такимъ же, наконецъ, приблизительно способомъ, т.-е. посредствомъ отдѣльныхъ порученій, даваемыхъ генералитету, производилось въ 1721—24 гг. ревизія переписи [4]).

Система особыхъ порученій, даваемыхъ облеченнымъ довѣріемъ и полномочіями лицамъ, пережила Петра и оказалась гораздо прочнѣе, нежели созданныя имъ новыя учрежденія. Можно сказать даже, что эта система въ послѣ-Петровское время развивается и что слѣдственныя порученія дѣлаются однимъ изъ самыхъ распространенныхъ способовъ правительственнаго воздѣйствія вплоть до губернскихъ учрежденій Екатерины II. Комиссій очень много при Петрѣ II и Аннѣ; самыя, быть можетъ, интересныя относятся ко времени Елизаветы, не мало ихъ дѣйствуетъ и въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины II. Взятыя вмѣстѣ, онѣ составляютъ не только совокупность многочисленныхъ дѣлъ, но и, дѣйствительно, цѣлую систему порученій, органически связанныхъ внутреннимъ сходствомъ. Очень возможно, что развитію отдѣльныхъ порученій въ области надзора и слѣдствія способствовали нѣкоторыя черты устройства государственныхъ учрежденій Россіи отъ Петра до Екатерины.

---

[1]) Оглоблинъ. Красноярскій бунтъ, 3.

[2]) Веретенниковъ. Очерки по ист. тайн. канц. Петровскаго времени. I. Изъ исторіи маіорскихъ розыскныхъ канцелярій. Ж. М. Н. П. 1907 № 9, 1—47.

[3]) Архивъ Министерства юстиціи. Дѣла Сената, кн. $^{1}/_{217}$, $^{81}/_{224}$.

[4]) Богословскій, Областная реформа Петра Великаго, 328—331.

Во-первыхъ, учрежденій было мало и самый ихъ недостатокъ приходилось пополнять, давая особыя порученія, иначе сказать, вызывая къ жизни временныя учрежденія, упраздняемыя послѣ того, какъ была выполнена задача, на нихъ возложенная. Во-вторыхъ, не говоря уже о фискалахъ, даже прокуратура, какъ органъ надзора, не была на высотѣ своего положенія. Прокуроры далеко не всегда радѣли объ интересахъ казны, которые они призваны были защищать, и не возбуждали преслѣдованій за злоупотребленія, о которыхъ они, быть можетъ, и знали. Импульсъ въ возбужденіи разслѣдованія исходилъ чаще всего отъ частныхъ лицъ, страдавшихъ отъ злоупотребленій властей или же задѣтыхъ такими операціями, отъ которыхъ терпѣла ущербъ и казна. Въ такихъ случаяхъ возлагать возбужденіе дѣла на обычные органы надзора не представлялось возможнымъ, и правительство назначало особыхъ лицъ, на которыхъ падала также и обязанность слѣдователей.

Порученіе разслѣдовать дѣло не выливалось, какъ я уже говорилъ, въ форму постояннаго учрежденія. При Петрѣ, какъ и при его преемникахъ, время которыхъ имѣетъ въ виду настоящая работа, оно оставалось типичнымъ „приказомъ“ стараго времени, т.-е. временнымъ спеціальнымъ порученіемъ. Если форма и примѣненіе ея было чѣмъ-то новымъ, то по содержанію это былъ настоящій пережитокъ старой Москвы. Особое порученіе XVIII вѣка, цѣлью котораго было дознаніе и слѣдствіе, чаще всего носило названіе *комиссіи* [1]). Было бы, однако, ошибочно понимать это названіе въ томъ смыслѣ, какой обычно придается ему въ наше время. Слѣдственная комиссія XVIII вѣка не была непремѣнно коллегіальнымъ учрежденіемъ, а чаще всего была единоличнымъ порученіемъ лицу, избранному властью. Въ этомъ смыслѣ *„порученія“* и слѣдуетъ понимать выраженіе *„комиссія“* въ правительственной практикѣ XVIII вѣка [2]). Лишь въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ комиссіи пріобрѣтали дѣйствительно коллегіальный характеръ. Въ 1728 г. въ Калугу явилась комиссія изъ двухъ лицъ—бригадира Сем. Хлопова и стольника кн. Аѳ. Барятинскаго. [3]) Учрежденная въ 1738 г. слѣдственная комиссія о нижегородскомъ прокурорѣ Полочаниновѣ, обви-

---

[1]) А. М. Ю. Д. Сената. кн. $^{44}/_{260}$, л. 680: *„слѣдственная комиссія* Сибирскихъ и Камчатскихъ дѣлъ“; кн. $^{55}/_{271}$, л. 965—971 *„слѣдственная комиссія* о бригадирѣ Бардекевичѣ; кн. $^{88}/_{304}$—*слѣдственная комиссія* о взяткахъ и неправосудіи Смоленскаго вице-губернатора кн. Козловскаго“ и т. д. (Ниже, при ссылкахъ на дѣла сената, хранящіяся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи, приводятся только №№ книгъ и листовъ).

[2]) Не трудно подтвердить такое мнѣніе подлинными словами людей XVIII в.: въ инструкціи слѣдователю А. Терскому, относящейся къ 1746 г., о порученномъ ему слѣдствіи надъ Симбирскимъ воеводой Ходыревымъ говорится, какъ о данной ему *„комиссіи“*. $^{103}/_{319}$. л. 15—18.

[3]) $^{23}/_{239}$, л. 11.

нявшемся въ злоупотребленіяхъ при поставкѣ рекрутовъ со своей вотчины, состояла изъ 4 лицъ подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора Волынскаго [1]). Слѣдственная комиссія по дѣлу основателя новосербскихъ поселеній Хорвата состояла въ 1763 г. изъ предсѣдателя г.-маіора Нарышкина и члена, гвардіи капитана кн. Грузинскаго [2]). Въ томъ же 1763 г. объ „азартныхъ поступкахъ“ Мценскихъ купцовъ противъ Мценскаго воеводы приказано было учредить особую комиссію, наряднвъ для этого „нарочныхъ членовъ отъ военной коллегіи, отъ Бѣлгородской губернской канцеляріи и отъ главнаго магистрата, коимъ засѣданіе имѣть по старшинству ихъ чиновъ“ [3]). Тѣмъ не менѣе, слѣдственная комиссія коллегіальнаго характера—исключеніе; обычно слѣдователь дѣйствуетъ одинъ. Само собою разумѣется, что комиссія чаще всего дѣйствовала на мѣстахъ, гдѣ совершены были дѣянія, подвергаемыя разслѣдованію, но были случаи, когда слѣдствіе велось въ Петербургѣ. Въ 1735 г. подъ предсѣдательствомъ А. П. Волынскаго учреждена была комиссія для разслѣдованія злоупотребленій по продажѣ ревеня въ Сибирскомъ приказѣ, для чего были вытребованы въ столицу и всѣ подслѣдственныя лица—судья приказа кн. Ѳ. Барятинскій, сенатскій секретарь Володимеровъ и замѣшанные въ дѣло купцы; выписаны были изъ Москвы и всѣ дѣла [4]). Комиссія о Смоленскомъ вице-губернаторѣ кн. Козловскомъ (1737—41 гг.) также дѣйствовала въ Петербургѣ [5]).

Заканчивая предварительныя замѣчанія о слѣдственныхъ комиссіяхъ времени между Петромъ и Екатериной, я долженъ отмѣтить, что весь нижеслѣдующій очеркъ есть сводка наблюденій надъ комиссіями, которыя имѣли дѣло преимущественно съ преступленіями должностными и фискальными и лишь рѣдко съ преступленіями общаго характера. Въ изученіе вовсе не были введены особыя слѣдственныя комиссіи по сыску воровъ и разбойниковъ [6]). Ими особенно богато царствованіе Елизаветы Петровны; онѣ имѣли спеціальное назначеніе и своеобразныя черты организаціи, которыя дѣлаютъ изъ нихъ нѣчто особнякомъ стоящее среди слѣдственныхъ комиссій XVIII вѣка.

II.

Можно установить какъ общее правило, что слѣдственныя комиссіи назначались тогда, когда не было надежды, что дѣло можетъ быть пра-

---

1) $^{31}/_{247}$, л. 1—34.
2) Грибовскій, Матеріалы по исторіи высшаго суда, № 4.
3) Грибовскій, Матеріалы, № 138.
4) $^{28}/_{244}$, л. 1—3.
5) $^{90}/_{306}$, л. 775 - 786.
6) П. С. З. № 9826, 9025—27.

вильно разобрано и разслѣдовано нормальными средствами. Поводы къ назначенію слѣдствія были очень разнобразны. Чаще всего въ основѣ дѣла былъ чей-нибудь доносъ. Доносчиками въ свою очередь могли быть самыя различныя лица и дѣйствовали они изъ самыхъ разнообразныхъ побужденій. Воевода,—лихоимецъ и взяточникъ—могъ иногда поплатиться за все содѣянное, вслѣдствіе доноса мелкаго чиновника, иногда самой незамѣтной спицы въ колесѣ провинціальной администраціи. 19 мая 1730 года Ярославской крѣпостной конторы надсмотрщикъ Козьма Григорьевъ подалъ въ юстицъ-коллегію доносъ на Ярославскаго провинціальнаго воеводу Ѳ. Л. Вельяминова-Зернова, его товарища, подполковника Кривцовскаго, и секретаря Булгакова, съ обвиненіемъ ихъ въ неправильномъ слѣдствіи, въ отдачѣ Ярославскимъ купцамъ „описного на государя воску“, въ держаніи болѣе полугода подъ жестокимъ арестомъ Ярославскаго купца Корсакова и т. д. [1]). Въ мартѣ 1739 г. надзиратель Якутскаго желѣзнаго завода Александръ Ракитовъ донесъ на Иркутскаго губернатора о взяткахъ и о томъ, что слѣдствіе о попыткѣ къ возстанію Тунгузовъ и Бурятъ онъ ведетъ „о такомъ оныхъ иновѣрцевъ злоумышленіи слабо и непорядочно“, а его, Ракитова, за правильныя показанія „мучитъ и держитъ подъ карауломъ“. Отъ Ракитова доставалось и обывателямъ: Якутскихъ жителей вмѣстѣ съ воеводой Заборовскимъ онъ обвинялъ въ похищеніи казны, а Иркутскихъ винныхъ заводчиковъ „въ корчемствѣ и во взятіи отъ казны излишней прибыли“ [2]). Нерѣдко доносчиками выступаютъ сотрудники воеводъ,—ихъ товарищи и секретари. Въ 1728 г. поступилъ изъ Калуги доносъ воеводскаго товарища маіора Потемкина на воеводу Бестужева и ассесоровъ Ханыкова и Кирикрѣйскаго „въ забраніи себѣ безъ указу денежной казны, сперва будто подъ образомъ займа, въ которыхъ давали своей руки письма, а потомъ изодрали оныя, дали другія расписки, будто брали тѣ деньги въ зачетъ своего жалованія, не имѣя о томъ указу и въ забраніи изъ канцеляріи немалаго числа къ себѣ бумаги и свѣчъ сальныхъ и сургуча“ [3]). Изъ доносовъ секретарей отмѣчу доносъ секретаря Воронежской губерніи К. Данилова, обвинявшаго губернатора, бригадира Пашкова, въ томъ, что онъ прикрывалъ денежныя хищенія, совершавшіяся въ его канцеляріи [4]), и доносъ Симбирскаго провинціальнаго секретаря Родіона Манахтина, которому, какъ мы увидимъ ниже, удалось свалить своего воеводу [5]). Иногда доносъ подаютъ частныя лица. Въ 1728 году отстав-

---

1) $^{17}/_{233}$, л. 25—32.
2) $^{32}/_{248}$, л. 1—2.
3) $^{23}/_{239}$ л. 11.
4) $^{25}/_{241}$.
5) $^{103}/_{319}$, л. 1.

ной прапорщикъ Иваньевъ донесъ на Нижегородскаго вице-губернатора Ржевскаго [1]); въ 1763 г. Ливенскій дворянинъ Прокофій Бобровскій донесъ о взяткахъ при рекрутскихъ наборахъ, которыя бралъ бывшій Елецкій воевода Поросуковъ [2]). Бывали доносчиками и духовныя лица; большое дѣло о злоупотребленіяхъ секретаря Вятской провинціи Аверкія Перминова начато было въ 1746 г. по доносу настоятеля мѣстнаго монастыря, архимандрита Іоасафа Потемкина [3]). Трудно разобраться въ тѣхъ побужденіяхъ, которыя заставляли подавать доносы. Конечно, доносъ есть чаще всего оружіе слабаго противъ сильныхъ; такъ и было чаще всего, если доносъ частнаго человѣка былъ направленъ противъ чиновника; но если мелкій чиновникъ доносилъ на крупнаго, то можно съ такою же степенью вѣроятія предположить, что мелкая сошка донесла потому, что не получила хотя бы маленькой доли изъ награбленнаго.

Что за люди занимались доносами, показываетъ случай, когда доносчика уличили въ томъ, что онъ уже былъ наказанъ по суду—битъ публично плетьми [4]). Быть можетъ, лучшимъ матеріаломъ для характеристики извѣстной категоріи доносчиковъ XVIII в., дѣлавшихъ себѣ изъ этого занятія спеціальность, служитъ дѣло о нѣкоемъ Павлѣ Кашинцевѣ, который возбудилъ лѣтомъ 1727 года дѣло о злоупотребленіяхъ Якутскихъ властей. Кашинцевъ еще въ 1717 г. былъ посланъ изъ Енисейска въ Илимскъ для провожанія наборныхъ казаковъ съ приказомъ смотрѣть, чтобы эти казаки не чинили дорогой обидъ жителямъ. Въ томъ же году „били челомъ на него, Кашинцева, многіе челобитчики въ обидахъ и въ разореніяхъ и во взятіи посыльныхъ подводъ и въ бояхъ, и за такое его воровство и озорничество, за преступленіе по инструкціи указовъ онъ, Кашинцевъ, битъ кнутомъ“. Въ 1722 г. Кашинцева, находившагося уже въ Якутскѣ, постигло новое несчастіе: „въ церкви за необычное чтеніе и за прикладъ къ пареміямъ смѣхотворныхъ и поносныхъ и развратныхъ, чего не напечатано, и за неправое его доказательство и за остановку въ китайскій отпускъ покупной казны и за пріемъ ножевый и за похвальныя слова“, велѣно было сослать его въ Камчатку. Позднѣе онъ бѣжалъ и, „поступивъ въ доносители“, въ 1727 г. оказался въ Петербургѣ, гдѣ пытался вручить самому Императору доносъ на своихъ сибирскихъ враговъ: 22 мая Кашинцевъ, „въ присутствіи Его Императорскаго Величества на Преображенскомъ (Васильевскомъ) острову кричалъ необычайно,“ чтобы отъ него было принято доношеніе, гдѣ Якутскій воевода

---

1) $^{14}/_{230}$, л. 1—2.
2) Грибовскій, Матеріалы. № 27.
3) $^{51}/_{267}$, л. 1—5.
4) $^{20}/_{236}$, л. 30—39.

полковникъ Шестаковъ и его племянникъ обвинялись въ провозѣ черезъ города и заставы заповѣдныхъ товаровъ, а камеръ-коллегія — въ неправомъ по тому дѣлу слѣдствіи. Столкновеніе съ камеръ-коллегіей и было, кажется, причиной конечной гибели Кашинцева, который, являясь въ коллегію, „поносилъ президента и членовъ продерзостными словами, коллегію порицалъ и другія непристойныя слова говорилъ“, въ копіиста Пономарева, „вырывая изъ тулупа своего волосы кидалъ на него шерсть и волочилъ ухватя его за волосы по палатѣ“, кричалъ „нынѣ де всѣ воры и возстала де аріанская вѣра и Максентіевы мучители и мучатъ де его камеръ-коллегіи президенты Нарышкинъ и Плещеевъ“. За все это Кашинцевъ былъ сосланъ въ Рогервикъ съ вырваніемъ ноздрей [1]).

Прямая жалоба вела къ учрежденію слѣдственной комиссіи не менѣе часто, чѣмъ доносъ. Естественно, что первыми жалобщиками бывали потерпѣвшіе и пострадавшіе. 25-го января 1731 года на имя Императрицы подали челобитную Казанскіе Черемисы Алатской дороги: „въ прошломъ 730 году въ іюлѣ и въ нынѣшнемъ 731 году въ январѣ мѣсяцахъ Казанскій житель черемисскій толмачъ Назаръ Захаровъ присылалъ къ намъ невѣдомо какихъ людей, безъ указу, которые, пріѣхавъ, назывались драгунами и будто даны имъ были указы сыскивать прописныхъ и причисливать въ подушный окладъ и брать за нихъ штрафъ“. Въ два пріѣзда „сыскали“ 324 человѣка и доправили на нихъ „якобы штрафныхъ денегъ 1801 рубль и о пріемѣ оныхъ денегъ квитанціи никакой не дали“; „сысканныхъ“ кромѣ того привозили въ Казань, гдѣ Захаровъ „содержалъ ихъ невѣдомо чего ради въ домѣ своемъ запертыхъ въ подпольѣ подъ карауломъ двѣ недѣли и ночною порою... свободилъ изъ-подъ караула и велѣлъ иттить изъ Казани въ домы свои попрежнему и сказалъ имъ, что будто онъ уже ихъ написалъ въ подушный окладъ“ [2]). Въ 40-хъ годахъ находившійся при ревизіи въ Казанской губерніи коллежскій совѣтникъ Жуковъ жалуется на обиды главнаго ревизора Бардекевича, который тотъ чинилъ ему „злобствуя на него за пріятеля своего Казанскаго купца Тихона Пушникова, у котораго имѣется съ нимъ, Жуковымъ, судное дѣло“ [3]). Въ 1750 году Вязниковскіе купцы жаловались на происшедшіе отъ бургомистра Кондакова и соляныхъ сборщиковъ при продажѣ соли сверхъ указныхъ цѣнъ излишніе сборы [4]). Случалось, что жалобщикомъ выступалъ за пострадавшихъ болѣе сильный человѣкъ. Въ 1744 году вступился за своихъ крестьянъ капитанъ л.-гв. Измайловскаго полка Нащо-

---

1) $^{30}/_{30}$ дѣло 10, лл. 428—31, 470—71, 497—500.
2) $^{21}/_{237}$ л. 2.
3) $^{52}/_{268}$ л. 1—79.
4) $^{39}/_{255}$ л. 160, 161.

кинъ: „въ Костромскихъ моихъ деревняхъ отъ недороду хлѣба крестьяне многіе находятся безъ пропитанія, и для того покупкою хлѣба принужденъ промышлять, дабы отъ той нужды хотя мало слободить... чего ради былъ самъ въ той моей деревнѣ для исправленія. И въ бытность мою тамъ усмотрѣлъ, что при означенномъ нужномъ случаѣ крестьянство крайнюю еще претерпѣваетъ нужду и недостатокъ оттого, что Костромской воевода Перфильевъ съ товарищи вымысломъ своимъ не по силѣ указу во весь Костромской уѣздъ соль отпускать опредѣлилъ, требуя платежныя описи, исчисляя по онымъ сколько въ переписи душь состоитъ на столько числомъ по 2 фунта на мѣсяцъ человѣку“ [1]). Чѣмъ выше стоялъ жалобщикъ по соціальной лѣстницѣ, тѣмъ, кажется, скорѣе дѣло могло привести къ успѣху, т.-е. къ назначенію слѣдствія: „октября 2-го дня 1741 года по сообщенному изъ Правительствующаго Сената вѣдѣнію и по пріобщенной при ономъ вѣдѣніи съ челобитной д. т. с. кавалера и генералъ-прокурора кн. Н. Ю. Трубецкого копіи велѣно о канцеляристѣ Бѣляевѣ во взяткахъ съ Рязанскихъ вотчинъ ихъ сіятельства изслѣдовать и для того слѣдствія послать изъ Москвы нарочнаго изъ коллежскихъ членовъ“. Одновременно тожественная по содержанію жалоба была подана Рязанскимъ архіереемъ на Рязанскаго провинціальнаго воеводу, что не мало должно было содѣйствовать скорому назначенію слѣдствія [2]). Изучая дѣла слѣдственныхъ комиссій 20-хъ—60-хъ годовъ XVIII вѣка, мнѣ пришлось отмѣтить лишь одинъ случай, когда иниціаторомъ учрежденія слѣдственной комиссіи былъ нормальный органъ надзора—прокуроръ: въ началѣ 40-хъ годовъ Сибирскимъ губернскимъ прокуроромъ Елисѣевымъ было возбуждено дѣло о злоупотребленіяхъ секретаря Сибирской губерніи Карташова, за неотсылку въ тобольскую рентерею приходныхъ книгъ, неисполненіе предписаній высшихъ учрежденій и за то что онъ „входящихъ дѣлъ не помѣчалъ и не докладывалъ“ [3]). Во всѣхъ другихъ случаяхъ прокуроры молчатъ, ограничивая свою дѣятельность узкой сферой, отмежеванной прокурорской инструкціей.

Слѣдственная комиссія всегда назначалась учрежденіемъ болѣе высокимъ, чѣмъ то учрежденіе или лицо, дѣйствія котораго подвергались разслѣдованію. Обычно жалоба или доносъ направлялись къ центральной власти—въ коллегіи или прямо въ высшее учрежденіе Имперіи, т.-е. смотря по времени,—въ Сенатъ, Верховный Тайный Совѣтъ или Кабинетъ; туда же со своей стороны передавали дѣла и коллегіи [4]).

---

1) $^{39}/_{255}$ л. 5–7.

2) $^{38}/_{254}$ л. 13, 35, 36.

3) $^{40}/_{256}$ л. л. 6–17.

4) За исключеніемъ, вѣроятно, коллегій государственныхъ, которыя начинали слѣдствія самостоятельно, по крайней мѣрѣ при существованіи В. Т. Совѣта;

Указъ о назначеніи и исходилъ чаще всего отъ Сената; при существованіи Верховнаго Тайнаго Совѣта указъ исходилъ отъ него, а исполненіе указа лежало на Сенатѣ [1]). Въ царствованіе Анны назначеніе комиссіи зависѣло иногда отъ Кабинета—такъ было, кажется, въ дѣлѣ о Нижегородскомъ прокурорѣ Полочаниновѣ и Смоленскомъ вице-губернаторѣ Козловскомъ [2]). Впрочемъ даже въ годы угнетенія Сената, инціатива въ назначеніи слѣдствія оставалась нерѣдко за нимъ. Въ мартѣ 1739 г. именно Сенатъ, а не Кабинетъ распорядился отправить въ Иркутскъ для слѣдствія о злоупотребленіяхъ мѣстныхъ властей и незаконной продажи ревеня стат. сов. Борзова, и при немъ сенатской конторы секретаря Голубцова, а въ Кяхту по тѣмъ же дѣламъ „присутствующаго въ сыскномъ приказѣ“ капитана Любученинова. Настоящій случай можетъ служить примѣромъ того, какъ трудно бывало Сенату найти подходящаго человѣка и какое значеніе въ данномъ вопросѣ принадлежало Кабинету, какъ высшему учрежденію. Сенатскаго секретаря Ѳ. Голубцова оказалось невозможнымъ назначить для слѣдствія „понеже по Сенатской конторѣ (въ Москвѣ) положены на него нужнѣйшія дѣла и ежели его отъ дѣлъ отлучить, то въ произвожденіе тѣхъ дѣлъ будетъ крайняя остановка“. Вѣроятно это обстоятельство и разстроило посылку Борзова, Любученинова и Голубцова; 13-го апрѣля 1739 года изъ Москвы былъ вытребованъ совѣтникъ вотчинной коллегіи Яковъ Масловъ „для нѣкотораго нужнѣйшаго Ея И. В. дѣла.“ Вызовъ Маслова въ свою очередь возбудилъ протестъ Московскаго вице-губернатора князя Юсупова, который доносилъ, что „по всемилостивѣйшему Ея И. В. указу для представленія и по правленію Московской губерніи прибылъ онъ въ Санктъ-Петербургъ, и за неимѣніемъ при немъ товарищей... отъ Сенатской Конторы опредѣленъ былъ помянутый Совѣтникъ Масловъ, который по отъѣздѣ его дѣла исправлялъ“. Въ заключеніе Юсуповъ проситъ, чтобъ „ежели за отлученіемъ онаго Маслова отъ губернскихъ дѣлъ въ чемъ учинится упущеніе, онаго бы къ нему (Юсупову) причтено не было“. Назначеніе слѣдователя такимъ образомъ задерживалось; въ іюнѣ Сенатъ *испрашивалъ указа отъ Кабинета* для порученія слѣдствія вновь назначенному въ Иркутскъ вице-губернатору Лангу; въ августѣ дѣло опять получаетъ иное на-

---

позднѣе при Елизаветѣ, государственныя коллегіи, входили съ доношеніями въ Сенатъ: такъ, напримѣръ, Военная коллегія въ 1748 году представляла Сенату о необходимости начать дѣло по жалобѣ коллежскаго ассесора Гончарова на Брянскихъ купцовъ. $^{51}/_{270}$ л. 16—18.

[1]) „Въ прошломъ 1728 г. *по указу В. Т. Совѣта посланъ изъ Сената* для розыску про бывшаго Нижегородскаго губернатора подполковникъ князь Гагаринъ“. $^{40}/_{256}$.

[2]) $^{31}/_{247}$, $^{88}/_{304}$—$^{90}/_{306}$.

правленіе. Оказывается „проступки“ бывшаго Иркутскаго вице-губернатора уже разслѣдуются по указу изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ бригадиромъ и Селенгинскимъ комендантомъ Бухольцемъ, а потому „нарочнаго повелѣно-ль будетъ отправлять?“ Не вмѣшиваясь по существу въ вопросъ о назначеніи слѣдствія, кабинетъ 9-го сентября, т.-е. черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ возникновенія дѣла, за подписью Остермана, Черкасскаго и Волынскаго постановилъ „слѣдствіе производить бригадиру Бухольцу и ежели потребно будетъ посылать для того слѣдствія въ отдаленныя мѣста, то посылать ему отъ себя штабъ и оберъ-офицеровъ тамошнихъ гарнизоновъ и о всемъ томъ сообщить штатскому совѣтнику Лангу и для того отсюда для слѣдствія другихъ посылать не надлежитъ“ [1]). Передъ Елизаветинскимъ сенатомъ, изъ котораго были назначены всѣ большія слѣдственныя комиссіи этого времени, также нерѣдко лежала тяжелая задача избрать слѣдователя; такъ напр., разсматривая подходящихъ кандитатовъ для комиссіи о казанскомъ ревизорѣ Бардекевичѣ, сенатъ послѣдовательно забраковалъ трехъ „обрѣтающихся не у дѣлъ статскихъ совѣтниковъ“ и, наконецъ, назначилъ Казанскаго губернатора д. с. с. Грекова [2]).

Само собою разумѣется, право сената назначать слѣдственную комиссію осуществлялось преимущественно когда дѣло шло объ учрежденіяхъ и лицахъ, непосредственно подчиненныхъ Сенату. Однако, если дѣло признавалось важнымъ, то слѣдователь присылался изъ сената и для разслѣдованія дѣйствій второстепенной областной администраціи. Такъ злоупотребленія бывшаго когда-то вице-президентомъ Ярославскаго надворнаго суда, а позднѣе воеводы Ярославской провинціи Вельяминова-Зернова были помимо Московской губернской канцеляріи разслѣдованы посланнымъ изъ Сената гвардіи подполковникомъ Коробовымъ (1730) [3]). Громадное дѣло Вятскаго провинціальнаго секретаря Перминова было начато самимъ Сенатомъ и довѣрено назначенному имъ слѣдователю; то же самое можно сказать о не менѣе значительномъ дѣлѣ Пензенскаго провинціальнаго воеводы Жукова [4]). Впрочемъ, подобный порядокъ вещей былъ скорѣе исключительнымъ; для разслѣдованія дѣйствій провинціальныхъ и городовыхъ властей болѣе обычнымъ явленіемъ было назначеніе слѣдственной комиссіи изъ губерніи. Приведемъ два-три типичныхъ примѣра, которые дадутъ возможность судить, какъ въ такихъ случаяхъ происходило дѣло. Когда до Казанской губерніи стали доходить первыя извѣстія о беззаконіяхъ Пензенскаго воеводы Жукова,

---

1) $^{32}/_{248}$ л. 9, 11, 14, 19, 20, 32, 33, 40.
2) $^{52}/_{268}$ л. 1—79.
3) $^{16}/_{232}$ л. 245—246.
4) $^{51}/_{267}$ Чтенія О. И. Др. Р. 1888. I. 8—9.

то былъ назначенъ слѣдователь изъ Казанской губернской канцеляріи маіоръ Воробьевъ, — лишь впослѣдствіи замѣненный новымъ слѣдователемъ изъ Сената [1]). Такъ же точно Нижегородская губернская канцелярія назначила въ 1747 году слѣдствіе надъ Алатырскимъ провинціальнымъ воеводой Шишкинымъ, поручивъ его воеводскому товарищу сосѣдней провинціи. Впрочемъ и здѣсь дѣло разрослось до сенатскаго слѣдствія. Алатырская комиссія о Шишкинѣ наглядно показываетъ, почему разслѣдованіе дѣла ближайшимъ начальствомъ оказывалось иногда недостаточнымъ. Первый губернскій слѣдователь пришелъ къ заключенію, „что оному воеводѣ Шишкину въ той Алатырской провинціи воеводой быть не должно, а надлежитъ, отрѣша его отъ дѣлъ, произвести о немъ особливое слѣдствіе мимо губернской канцеляріи, понеже онъ, избѣгая слѣдствія и желая укрыть всѣ свои непорядочные и противные поступки, зловымышленнымъ своимъ ябедничествомъ порицаетъ губернскую канцелярію напрасными подозрѣніями“ [2]). Провинціальныя власти (въ спеціальномъ смыслѣ этого слова) не имѣли, повидимому, вліянія при назначеніи слѣдствія надъ городовыми воеводами. Въ 1729 г. „по посланному въ Воронежскую губернію указу велѣно по доношенію Елатомской ратуши въ запечатаніи воеводою Ермоловымъ таможеннаго и питейнаго сбору ящиковъ, отчего въ покупкѣ хлѣба имѣлась остановка, и во взяткахъ, изслѣдовать Воронежскому вице-губернатору“ [3]). Внѣ прямой зависимости отъ Сената и безъ участія областныхъ учрежденій слѣдствіе назначалось очень рѣдко. Вотъ немногіе случаи сюда относящіеся. Въ 1743 г. „правительствующаго Сената изъ конторы прислана въ соляную контору челобитная л. гв. Измайловскаго полка капитана Нащокина о непорядочной въ Костромѣ казенной соляной продажѣ“. о резолюціи Сенатской конторы„ подписанной на той челобитной, велено о томъ въ соляной конторѣ изслѣдовавъ, рѣшеніе учинить по силѣ указовъ въ крайней скорости, дабы таковые непорядки были пресѣчены“. Въ январѣ 1744 года „въ соляной конторѣ явился ярославскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Писаржевскій, который со опредѣленною ему командою въ Кострому и отправленъ“. [4]) Инструкція была ему дана изъ той же соляной конторы. Въ 1750 г. „по поданнымъ въ сенатскую контору доношеніямъ“ соляная контора требовала присылки особаго лица, которое могло бы быть назначено для слѣдствія по жалобѣ Вязниковскихъ купцовъ на неправильную продажу соли. [5]) Учрежденная въ 1748 году слѣдственная комиссія о разбояхъ бѣглыхъ крестьянъ помѣщика Гон-

[1]) Чтенія О. И. Др. Р. 1888. I. 6—8.
[2]) $^{53}/_{269}$ л. 15—20, л. 66.
[3]) П. С. З. VIII, № 5477.
[4]) $^{39}/_{255}$ л. 28—30.
[5]) $^{39}/_{255}$ л.л. 160, 161.

чарова подъ Брянскомъ была назначена военной коллегіей, хотя, впрочемъ, и по соглашенію съ Сенатомъ [1]).

Избраніе подходящаго лица для выполненія слѣдственнаго порученія и отправленіе его на мѣсто дѣйствія было источникомъ большихъ заботъ, въ особенности если приходилось отправлять слѣдователя въ глухую провинцію. Вслѣдствіе повсемѣстнаго малаго числа должностныхъ лицъ, высшія учрежденія черпали слѣдователей чаще всего изъ отставныхъ военныхъ, уволенныхъ въ отставку для опредѣленія „къ штатскимъ дѣламъ“ и состоявшихъ впредь до назначенія въ вѣдомствѣ Герольдмейстера [2]). Иногда, впрочемъ, назначали и чиновниковъ, занимавшихъ опредѣленныя мѣста на службѣ, какъ въ столицѣ, такъ и на мѣстахъ. Назначеніе мѣстныхъ людей производилось не только когда слѣдствіе наряжалось изъ губерніи; къ этому средству прибѣгалъ и сенатъ. Кромѣ приведеннаго выше случая, когда Сенатъ поручилъ слѣдствіе надъ ревизоромъ Бардекевичемъ Казанскому губернатору Грекову, можно еще отмѣтить, что въ 1732 г., по доносу секретаря Воронежской губерніи Данилова на вице-губернатора бригадира Пашкова, слѣдствіе было приказано производить „обрѣтающемуся въ Воронежской губерніи бригадиру Гулину съ обрѣтающимся въ Воронежѣ на вѣчной квартирѣ штабъ-офицеромъ обще [3]). 1750 года, августа 2 дня, въ собраніи правительствующаго сената докладывано, что по доношенію Брянской воеводской канцеляріи и по резолюціи сената сего 1750 г. февраля 24 дня и по посланному въ военную коллегію марта 23 указу, велѣно для сыску ассесора Гончарова крестьянъ Брянской воеводской канцеляріи о дачѣ пристойной команды“; въ результатѣ, начальникъ „пристойной команды“ стоявшаго въ Брянскѣ Рязанскаго пѣхотнаго полка, подполковникъ Ангеларъ и былъ назначенъ слѣдователемъ по дѣлу Гончаровскихъ крестьянъ [4]).

Много неожиданностей и осложненій возникало въ связи съ назначеніемъ слѣдователя. Избранное уже лицо оказывалось возможнымъ отвести, а иногда и самъ слѣдователь попадалъ въ неловкое положеніе обвиняемаго. Дѣло въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ еще живо было старое русское понятіе о „недружбѣ“; недружбы боялись и съ нею иногда считались и власти. Архимандритъ Вятскаго Трифонова монастыря, Іоасафъ Потемкинъ, очень боялся пріѣзда назначеннаго изъ Петербурга слѣдователя Полянскаго, „понеже помянутаго Ивана Полянскаго братъ двоюродный, секундъ-маіоръ Ипатъ Полянскій въ Вят-

---

1) $^{54}/_{270}$ л.л. 16—18.
2) П. С. З. IX №№ 6522, (1733 г.) 6679 (1735 г.).
3) $^{25}/_{241}$.
4) $^{54}/_{270}$ лл. 135—138.

ской провинціи въ 1745 и 1746 годахъ былъ въ правленіи воеводской должности и съ Перминовымъ (противъ котораго Потемкинъ затѣялъ дѣло) имѣлъ кумовство“ [1]). Подслѣдственный Рязанскій воевода Чебышовъ, жалуясь на слѣдователя Полонскаго, оправдывается въ томъ, что „въ бытность у слѣдствія, не объявя сего, въ Москву прибылъ, и то учинилъ отъ вышеписаннаго Полонскаго, по имѣющимся ко мнѣ его злобамъ и нападеніямъ, ожидая вящшаго себѣ оскорбленія [2]). Отрѣшенный отъ должности за обиды и взятки Козьмодемьянскій воевода, поручикъ Обуховъ, жаловался въ 1728 г. въ сенатѣ, что Казанскій губернаторъ Волынскій показывалъ на него неправильно. Сенатъ поручилъ слѣдствіе сосѣдней губернской канцеляріи—Нижегородской. Тогда Обуховъ вновь билъ челомъ, что Нижегородскій вице-губернаторъ Волынскій Казанскому губернатору близкій родственникъ „и по указу слѣдовать ему о томъ за родствомъ не подлежитъ“. Просьба Обухова была уважена и слѣдствіе было вновь поручено Казанскому губернатору, но уже преемнику Волынскаго, кн. Долгорукову [3]). Сами высшія учрежденія при выборѣ лицъ для слѣдственныхъ комиссій колебались и дѣлали промахи. Мы видѣли выше, какъ Сенатъ въ 1730 г. шесть мѣсяцевъ выбиралъ слѣдователя для Сибири. Затѣявъ слѣдствіе надъ Рязанскимъ воеводой Чебышовымъ, сенатъ допустилъ большую небрежность, не отправивъ въ Рязань наиболѣе скомпрометтированное въ дѣлѣ лицо—подъячаго провинціальной канцеляріи Бѣляева, незадолго до того высланнаго „для малолюдства въ Санктъ-Петербургской губернской канцеляріи приказныхъ служителей въ оную губернскую канцелярію къ дѣламъ“, что вызвало протесты слѣдователя Таптыкова, доносившаго, что слѣдствіе безъ Бѣляева вести невозможно [4]).

Кажется, что самымъ недовольнымъ лицомъ при назначеніи слѣдственной комиссіи бывало лицо, избранное для ея руководства. Старорусскія понятія объ уклоненіи отъ службы были не менѣе живучи, нежели представленія о недружбѣ, и слѣдователь не прочь былъ иногда оказаться „въ нѣтѣхъ“. Въ 1750 году въ Алатырь на слѣдствіе о воеводѣ Шишкинѣ долженъ былъ отправиться „представленный отъ Герольдмейстерскихъ дѣлъ“ „изъ написанныхъ въ нынѣшнемъ 1750 году на житье въ Москву“ полковникъ Т. Сабанѣевъ, но, несмотря на данную подписку о невыѣздѣ, его въ Москвѣ не оказалось; было поднято дѣло о его разысканіи, съ угрозами отписать его имѣніе на государыню, но слѣдователя пришлось все-таки отправить другого [5]). Вотъ примѣры еще

---

[1]) $^{51}/_{267}$, л. 318.
[2]) $^{38}/_{254}$ л. 127—128.
[3]) $^{21}/_{237}$, д. № 9, л. 1.
[4]) $^{38}/_{254}$, л. 8.
[5]) $^{53}/_{269}$ л. 195—6.

болѣе яркіе. Для веденія слѣдствія по дѣлу Вятскаго секретаря Пермінова былъ назначенъ статскій совѣтникъ Ив. Полянскій, жившій въ своей вотчинѣ подъ Рыльскомъ. Рыльская воеводская канцелярія, которой предложено было увѣдомить Полянскаго о назначеніи, донесла Сенату, что „къ помянутому, с. сов. Полянскому, гдѣ онъ жительство имѣетъ, въ Рыльскій уѣздъ, въ с. Кострову, изъ Рыльской воеводской канцеляріи посыланъ былъ канцелярістъ, который ноября 5 дня(1751г.) доношеніемъ объявилъ, что онъ въ показанное село Кострову къ помянутому с. с. Полянскому ѣздилъ и данная ему канцеляристу инструкція оному с. с. Полянскому объявлена, который-де объявилъ, что онъ с. с. боленъ, одержимъ жестокими разными болѣзнями—истеріей чечуйною и прочимъ. Сенатъ распорядился послать за Полянскимъ курьера, снабженнаго слѣдующей не лишенной интереса инструкціей: „Взявъ тебѣ изъ Ямской канцеляріи на 2 почтовыя лошади подорожную, ѣхать отъ С.-Петербурга до Рыльска, и когда въ Рыльскъ прибудешь, тогда посланный съ тобою въ Рыльскую воеводскую канцелярію указъ подать въ той канцеляріи того-же числа, и въ силу того указу требовать для посылки съ тобою по онаго Полянскаго, кого надлежитъ и кто отправлены будутъ, то со оными ѣхать тебѣ ко оному Полянскому и взявъ его, привести въ Рыльскую воеводскую канцелярію, не пріемля отъ него никакихъ отговорокъ; и какъ привезенъ будетъ и оной Рыльской канцеляріи, давъ оному Полянскому по рангу, а тебѣ одну, ямскія подводы, отправить въ Казань, какъ наискорѣе возможно: и какъ въ Казань отправленъ будетъ, то тебѣ, курьеру, до Казани ѣхать при немъ Полянскомъ, и чтобъ въ пути ѣхать безъ замедленія, въ томъ имѣть тебѣ понужденіе.“ Несмотря на широкія полномочія, которыя давали ему возможность везти Полянскаго въ Казань почти арестантомъ, курьеръ Трусовъ встрѣтился съ неожиданными препятствіями. Курьеръ съ сопровождавшими его разсыльщиками воеводской канцеляріи „Полянскаго изъѣхали и данную инструкцію ему объявили; токмо-де онъ, Полянскій, въ томъ своемъ домѣ отъ нихъ скрылся и сыскать не могли, и черезъ 2 дня въ тотъ его домъ не явился, а жена-де его оному курьеру объявила, якобы онъ, Полянскій, поѣхалъ въ С.-Петербургъ“. Получивъ такое извѣстіе, сенатъ распорядился „за означенное ст. сов. Полянскаго отъ посылки въ Казань ко отправленію его въ Вятскую провинцію для нѣкотораго слѣдствія укрывательство, все недвижимое его имѣніе, пока онъ, Полянскій, не явится, отписать и людямъ и крестьянамъ слушать его не велѣть.“ Чтобы правильно судить о статскомъ совѣтникѣ Полянскомъ, проявившимъ столь энергическое противодѣйствіе указамъ сената, надо вникнуть въ его положеніе, какъ оно открывается изъ прошенія, поданнаго Полянскимъ Государынѣ въ то самое время, когда его разыскивали въ Рыльскомъ уѣздѣ. „Служилъ я, нижайшій, въ

арміи Вашего Величества съ 715 году изъ дворянъ въ лейбъ-региментѣ и въ прочихъ регулярныхъ разныхъ полкахъ, всего 33 года безпорочно и безотлучно. А въ прошломъ 1747 году Всемилостивѣйшимъ В. И. В. указомъ отъ той военной службы за старостью и за болѣзнью отставленъ съ награжденіемъ ранга статскаго совѣтника и для излѣченія болѣзни своей, жительство имѣю въ Рыльскомъ уѣздѣ въ деревнишкѣ моей.“ Боясь послѣдствій своего ослушанія, Полянскій добавляетъ, что „принужденъ привезти себя въ Петербургъ“ и, добиваясь увольненія отъ тяжкаго порученія, представляется „къ милостивому разсмотрѣнію сената“, и „подноситъ о болѣзняхъ своихъ аттестатъ“. Полянскій, 59-лѣтній старикъ, прослужившій 33 года, думалъ наконецъ отдохнуть въ своей „деревнишкѣ,“ но вмѣсто желаннаго отдыха его заставляютъ ѣхать на другой конецъ имперіи въ сложную и отвѣтственную коммиссію. Понятно что онъ готовъ на все, чтобъ избавиться отъ нагрянувшаго бѣдствія. Полянскому, впрочемъ, такъ и не удалось свалить съ себя тяжелаго порученія. Въ февралѣ 1752 г. онъ былъ отосланъ подъ конвоемъ въ Вятку, фактически лишь отсрочивъ ссылку на 4 мѣсяца. Около 1 марта престарѣлый статскій совѣтникъ въѣхалъ арестантомъ въ Вятку, гдѣ сдѣлался властелиномъ и хозяиномъ на цѣлыя 6 лѣтъ [1]).

Не менѣе характеренъ другой случай. Въ слѣдственную комиссію по злоупотребленіямъ сибирскаго губернатора Сухарева былъ въ 1744 г. назначенъ полковникъ Извольскій. По справкамъ, въ Москвѣ на квартирѣ его не оказалось; по словамъ дворового человѣка, „полковникъ Алексѣй Петровичъ Извольскій обрѣтается въ Каширской своей деревнѣ, а какъ зовутъ, не знаетъ“. Извольскаго, однако, розыскали; въ Сенатѣ, который находился въ то время въ Москвѣ, онъ былъ подвергнутъ медицинскому осмотру, причемъ оказалось „у него, Извольскаго, правой ноги кругомъ берцы имѣетъ пухоту и то мѣсто сине и къ ранѣ склоняется, отчего у него, по его объявленію, ежедневно бываетъ жаръ, и за тѣмъ ему нынѣ при дѣлахъ быть невозможно, а надлежитъ пользоваться. Чего ради онъ, Извольскій, впущенъ былъ предъ собраніе правительствующаго сената и та объявленная осмотромъ докторскимъ и лѣкарскимъ на ногѣ его болѣзнь осматривана и по осмотру явилась оная нога подлинно больна; потомъ чтены предложенные отъ герольдмейстера списки генералитету и прочимъ для опредѣленія на мѣсто его, Извольскаго, другого; и слушавъ оныхъ приказали: полковника Извольскаго за показанною его болѣзнью для слѣдствія не посылать“. Изъ другихъ кандидатовъ ассессоръ Коринъ былъ также отставленъ отъ сибирской слѣдственной комиссіи, потому что былъ еще „не сочтенъ отъ должности воеводы Владимірской провинціи“, Михайловъ, подобно Из-

[1]) $^{51}/_{267}$, лл. 188—189. 191—193' 278, 296, 297.

вольскому, сослался на болѣзнь", и тоже отставленъ, когда убѣдились, что онъ „на правой ногѣ пониже икры отъ цынготной болѣзни имѣетъ небольшую рану", а „правая нога противъ лѣвой толста". Наконецъ, въ апрѣлѣ 1745 г. отправился въ Сибирь на слѣдствіе полковникъ Лукьянъ Боборыкинъ, который года полтора спустя уже слезно просилъ отпустить его домой, указывая въ числѣ другихъ доводовъ, что за смертью его жены и матери его дѣти остались дома безъ призору [1]).

Такъ поступали назначаемые въ слѣдственную комиссію. Колебаніе и неопредѣленность дѣйствій высшихъ учрежденій, условія выбора, падавшаго часто на калѣкъ или больныхъ стариковъ, сложность и отвѣтственность самого слѣдственнаго порученія, заставляли уклоняться отъ назначенія, не взирая на суровыя наказанія, которыя за это грозили. Пріемы, которые при этомъ пускали въ ходъ дѣти и даже внуки современниковъ Петра Великаго, живо напоминаютъ старыхъ Московскихъ дворянъ „нѣтчиковъ" и разсѣиваютъ культурную иллюзію XVIII вѣка.

III.

Задачи слѣдственныхъ комиссій и полномочія слѣдователей опредѣлялись указомъ или особой инструкціей, получаемой изъ учрежденія, назначавшаго слѣдствіе. Содержаніе инструкцій, составлявшихся почти всегда по одной схемѣ съ измѣненіями лишь въ подробностяхъ, сводится къ слѣдующему. Инструкція начиналась съ повелѣнія избранному лицу ѣхать для слѣдствія о „непорядкахъ и взяткахъ" и т. п. въ назначенное мѣсто. Далѣе слѣдуютъ указанія какъ выполнять данную „комиссію". Ѣхать тебѣ (рѣдко—вамъ) „со всякимъ поспѣшеніемъ, на ямскихъ и уѣздныхъ подводахъ" и, пріѣхавши въ городъ, „чинить нижеслѣдующее". Слѣдователю предписывалось дѣло „изслѣдовать накрѣпко вправду, безъ упущенія", допросить всѣхъ обвиняемыхъ или заподозрѣнныхъ и всѣхъ, которые могли-бы быть привлечены въ качествѣ свидѣтелей, „по вопроснымъ пунктамъ, съ полною о всемъ очисткою, объявляя имъ напередъ Е. И. В. указъ, чтобы они о томъ, въ чемъ имѣютъ быть спрашиваны, показывали самую истину", ибо иначе имъ „никакого отъ Е. И. В. милосердія показано не будетъ". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ Сибири, слѣдователи получали право даже пытать „мелкихъ людей", отсылая тѣхъ „кои въ рангахъ" для розыска въ сенатъ. При этомъ заподозрѣнныхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ должностныхъ лицъ слѣдователь могъ устранять отъ должности, или, по выраженію нѣкоторыхъ инструкцій, „отказать отъ команды", передавая власть другому лицу, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда дѣло шло, напр., о воеводской должности, при-

[1]) $^{40}/_{256}$, л. 198—199, 210—211, 213, 435, 936—939.

нимая обязанности устраненнаго на себя („вѣдая тотъ городъ и по указу дѣла исправляя“). Слѣдователю разрѣшается принимать новые доносы и челобитныя, а „наипаче“ предписывается „смотрѣть, не имѣется-ли интересу Е. И. В. и въ протчемъ какого похищенья“; для этого всѣ пострадавшіе и обиженные обвиняемыми должны быть приглашаемы давать показанія, „безо всякаго опасенія, причемъ объявителямъ никакого озлобленія и нималаго задержанія не чинить, дабы черезъ то могли явиться и о самой сущей обидѣ объявлять безъ всякія страсти“. Слѣдователи должны дѣйствовать „по самой справедливости по силѣ Е. И. В. указовъ, съ добрымъ успѣхомъ безъ наималѣйшаго времени потерянія“; „помня свою присяжную должность“, они обязаны „праведно и нелицемѣрно поступать, за которую ихъ вѣрность обнадежитъ ихъ Е. И. В. милостію; напротивъ же того, ко взяткамъ и подаркамъ ни подъ какимъ предлогомъ отнюдь не касаться и противнаго указамъ не чинить; въ чемъ ему и за подчиненными крѣпкое смотрѣніе имѣть“. По окончаніи комиссіи слѣдователь долженъ представить подробное донесеніе въ сенатъ или иное высшее учрежденіе, отъ котораго онъ получилъ свои полномочія. [1])

Отъ такого общаго типа инструкція отступала въ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ случаяхъ; тогда усиливались и полномочія слѣдователя и его отвѣтственность. Если же дѣло представлялось особенно сложнымъ, то въ инструкціи давались нѣкоторыя детальныя руководящія указанія слѣдователю. Примѣромъ перваго случая можетъ служить инструкція, данная полковнику Александру Терскому, ведшему слѣдствіе надъ Симбирскимъ провинціальнымъ воеводой Ходыревымъ. Я приведу изъ нея нѣсколько отрывковъ. Симбирскій воевода, подполковникъ Андрей Ходыревъ, „ко опредѣленнымъ по указу отъ нашего сената бригадиру Бардекевичу и посланному отъ него полковни Толстому для слѣдствія подъ судъ не пошелъ и учинился указамъ нашимъ противникомъ, за что учинилъ себя достойнымъ смертной казни“. Поэтому слѣдователю предлагается „пріѣхавъ въ Симбирскъ, не заѣзжая никуда, ѣхать прямо къ воеводѣ на дворъ и его арестовать и всѣ его письма, гдѣ-бъ сыскаться могли, забрать; а особливо смотрѣть тѣхъ, которыя къ нему писаны отъ какихъ придворныхъ или отъ другихъ знатныхъ, отъ кого-бъ то ни было, и оныя запечатавъ прислать къ намъ немедленно. По прочтеніи же сего нашего указа, какъ о сей порученной тебѣ комиссіи, такъ и по вступленіи въ дѣйство объ ономъ дѣлѣ, что будетъ происходить, кромѣ однѣхъ доношеній къ намъ иному никому не сообщать и подчиненнымъ своимъ накрѣпко заказать, а что нужное будетъ къ

---

[1]) $^{16}/_{232}$, л. 245—246; $^{14}/_{230}$, л. 1—2; $^{20}/_{236}$, л. 971; $^{32}/_{248}$, л. 51—53; $^{39}/_{255}$, л. 28—30; Чтенія О. И. Д. Р. 1888, I, 9; Грибовскій, Матеріалы, № 30.

доношенію намъ, то писать тебѣ своею рукою“ [1]). Примѣромъ болѣе сложной инструкціи можетъ служить инструкція полковнику Вульфу, отправленному въ 1745 г. для ревизіи Сибирской губерніи. Комиссія Вульфа существовала довольно долго; въ 1749 г. она носила громкое названіе „слѣдственной комиссіи Сибирскихъ и Камчатскихъ дѣлъ“. Комиссія эта была учреждена послѣ подачи поручикомъ Турчаниновымъ „прожекта“ всякихъ улучшеній, точнѣе доноса на Сибирскіе порядки; ей приходилось во всемъ считаться съ этимъ прожектомъ; считалась съ нимъ и данная Вульфу инструкція, отличающаяся обстоятельностью и подробными указаніями какъ слѣдователю поступать въ вопросахъ, касающихся торговли табакомъ, китайскимъ спиртомъ, ловли бобровъ и т. п. [2]) Въ общемъ, можно сказать, что полномочія слѣдователей дѣлали изъ нихъ сверхъ-властителей въ провинціи; права, которыя они получали надъ областной администраціей, дѣлали ихъ диктаторами надъ уѣздами, надъ провинціей, иногда надъ цѣлой губерніей. Облеченные властью, они импонировали населенію, возбуждали подозрѣніе во властяхъ, не подпавшихъ подъ слѣдствіе, вызывали отчаянное подчасъ сопротивленіе со стороны ревизуемыхъ и сами не всегда удерживали равновѣсіе между строгими требованіями закона и склонностью по слабости человѣческой пойти дорогой, уже пройденной тѣми, чьи дѣйствія они должны были изслѣдовать.

Переходя къ дѣйствіямъ слѣдователей на мѣстахъ, замѣтимъ мимоходомъ, что слѣдственная комиссія всегда учреждалась за счетъ какъ выражались официальные документы „будущихъ виновныхъ“, открыть которыхъ и должно было слѣдствіе.

Мы видѣли выше, какъ слѣдователь былъ отправленъ къ мѣсту дѣятельности подъ конвоемъ. Дѣло, конечно, не всегда обстояло такъ Предоставимъ слово слѣдователю, капитану Терскому, и его спутнику, отставленному Симбирскому секретарю, описывающимъ свое путешествіе изъ Петербурга въ Симбирскъ, свое вступленіе въ городъ и первые шаги дѣятельности слѣдственной комиссіи. „По силѣ высочайшихъ Ея И. В. именныхъ указовъ отъ С.-Петербурга до Твери сухопутно, а отъ Твери на взятомъ изъ того города суднѣ водою слѣдовалъ я съ поспѣшеніемъ“, доносилъ капитанъ Терскій (1747 г.), „и, проѣхавъ Казань, данный мнѣ запечатанный указъ на дорогѣ, при посланномъ со мною секретарѣ Манахтинѣ, распечаталъ мая 17 числа и по распечатаніи указа пріѣхалъ въ Симбирскъ сего жъ мая 18 числа по полуночи въ 3-емъ часу и, не заходя никуда, пришедъ прямо на дворъ къ воеводѣ подп. А. Ходыреву (вполнѣ согласно съ инструкціей) и его арестовалъ и всѣ его письма, всего 64 письма запечатавъ, въ высочайшій Ея И. В.

[1]) $^{103}/_{319}$ лл. 15-18.
[2]) $^{44}/_{260}$ лл. 313-326.

кабинетъ посланы при семъ всепокорнѣйшемъ доношеніи, а людей его Ходырева и разсыльщиковъ забралъ и содержатся подъ карауломъ порознь, а пожитки его, деньги и прочее, что въ домѣ его нашлось, кромѣ провизіи, переписалъ, и оные пожитки, кромѣ тѣхъ, коп ему, Ходыреву, по самой необходимости малое число оставлены, запечаталъ." Принявъ мѣры противъ воеводы и отрѣшивъ его отъ власти, Терскій долженъ былъ озаботиться о временномъ замѣщеніи его должности; продолжаемъ его же словами: „о воеводскомъ товарищѣ Микулинѣ изъ оной Симбирской провинціальной канцеляріи объявлено, что въ Симбирску его нынѣ не имѣется, а котораго числа изъ Симбирска отлучился и гдѣ испомѣщенъ, о томъ въ той канцеляріи неизвѣстно, изъ назначенныхъ къ правленію воеводскому о подполковникѣ Ивашевѣ изъ оной же провинціальной канцеляріи объявлено, что онъ высланъ въ Москву по секретному дѣлу, чего ради изъ назначенныхъ же къ воеводской должности сего мая 24 числа и опредѣленъ полк. Алексѣй Ляцкой." Затѣмъ Терскій даетъ Сенату отчетъ сдѣланныхъ имъ расходовъ: „взятое мною въ Твери на проѣздъ судно отдано подъ смотрѣніе Симбирской провинціальной канцеляріи, которое велѣно отъ той канцеляріи неупустительно продать за настоящую цѣну съ торгу, наблюдая казенный Ея И. В. интересъ. Данныя мнѣ Ея И. В. изъ Кабинета на прогоны деньги 66 руб. 80 коп. употреблены всѣ, да къ тому въ пути изъ выданныхъ на чрезвычайные расходы изъ 100 рублей издержано въ дачу судовымъ работнымъ людямъ, бывшимъ въ греблѣ, 22 руб. $8^1/_2$ коп. да въ Симбирску, посланному за полк. Ляцкимъ на прогоны 1 руб. 82 коп., да нарочно посланному съ симъ доношеніемъ на прогоны на одну подводу 15 руб. 88 коп.; затѣмъ осталось на лицо 60 руб. $21^1/_2$ коп. [1]).

Нѣкоторыя другія подробности находимъ въ письмѣ секретаря Манахтина къ неизвѣстному благодѣтелю въ Петербургъ: „Всерабски вашему высокопревосходительству, премилосердому государю и щедрому отцу, доношу: въ Симбирскъ пріѣхали черезъ 16 дней благополучно и въ слѣдствіе г. капитанъ порядочно вступилъ и обыватели на воеводу многія въ разореніяхъ и взяткахъ подали и подаютъ доношенія, изъ которыхъ доношеній ясно открылось, что налагалъ на иновѣрцевъ излишній сборъ собою; а пожитковъ у онаго воеводы весьма мало, потому что жена его въ исходѣ декабря мѣсяца прошлаго 1746 года отправлена отъ него въ Алексинскія его деревни и въ Москву съ деньгами и со всею пажитью на 27 парахъ; а нынѣ найденныя деньги—нажитыя имъ послѣ отправленія оной его жены [2]).

---

[1]) $^{103}/_{319}$ л. 198—213.
[2]) $^{103}/_{319}$ л. 198—213.

Такимъ образомъ, первые шаги слѣдователя происходили въ полномъ соотвѣтствіи съ инструкціей; это, впрочемъ, понятно, потому что они были самыми легкими. Первыя дѣйствія Терскаго можно считать типичными для всякаго слѣдователя, за однимъ развѣ исключеніемъ воеводскаго ареста; болѣе обычнымъ было отрѣшеніе отъ должности [1]).

Слѣдователь, получившій „комиссію“ освѣтить дѣятельность провинціальныхъ агентовъ власти, дѣйствовалъ обычными бюрократическими пріемами: прибывъ на мѣсто и приступивъ къ дѣлу, онъ долженъ былъ озаботиться организаціей своей канцеляріи, которая такъ и называлась обыкновенно „канцеляріей слѣдствія“; иногда это названіе переносилось и на всю слѣдственную комиссію [2]). Какъ по своей численности, такъ и по составу своему канцеляріи слѣдствія бывали очень разнообразны. Ихъ можно подраздѣлить на военныя и гражданскія, на мѣстныя по своему составу и на присланныя изъ столицъ или губернскаго города. Канцеляріи съ преобладаніемъ военнаго элемента чаще всего встрѣчаются при Сибирскихъ слѣдственныхъ комиссіяхъ: полковникъ Вульфъ получилъ указъ, въ которомъ значилось: „послать васъ, придавъ вамъ изъ оберъ-офицеровъ 3-хъ, у.-офицеровъ 4-хъ, солдатъ 16 и, дабы оное слѣдствіе какъ наискорѣе и порядочнѣе произведено и окончено быть могло, дать вамъ секретаря и приказныхъ служителей въ Москвѣ, сенатской конторѣ [3]). Канцеляріи слѣдственныхъ комиссій въ Европейской Россіи имѣли преимущественно гражданскій составъ; солдаты были въ нихъ только для стражи и для порученій. Въ канцелярію слѣдствія о Пензенскомъ воеводѣ Жуковѣ, состоявшую изъ секретаря, 2-хъ канцеляристовъ, 2-хъ подканцеляристовъ, 3-хъ копіистовъ, были назначены служащіе изъ рокетмейстерской конторы, Московской губернской канцеляріи, Вотчинной и Юстицъ-коллегіи и канцеляріи конфискаціи. При этой канцеляріи состояли: курьеръ, сержантъ, капралъ, цырюльникъ и солдаты, число которыхъ доходило до 50 человѣкъ, и еще два сторожа, смѣнявшіеся по недѣльно, на обязанности которыхъ лежало: „въ очередную ихъ недѣлю быть при комиссіи безотлучно и какъ находящіяся въ той комиссіи дѣла, такъ и всякія вещи хранить и ничего не утратить подъ опасеніемъ наижесточайшаго истязанія, а надъ ними во всемъ смотрѣніе имѣть неослабно стоящему при комиссіи на караулѣ за унтеръ-офицера и на часахъ солдатомъ“ [4]). Полковникъ Коробовъ, отправляясь въ слѣдственную комиссію надъ Ярославскимъ воеводой Вельяминовымъ-Зерновымъ, взялъ съ собою изъ Петербурга

---

[1]) Примѣры: $^{23}/_{239}$ л. 11; $^{53}/_{269}$ л. 66; Грибовскій, Матеріалы. № 30.

[2]) $^{14}/_{230}$ л. 10.

[3]) $^{14}/_{260}$ л. 313.

секретаря и 5 подъячихъ [1]). Для слѣдствія о Вятскомъ секретарѣ Перминовѣ предполагалось выслать столичныхъ канцелярскихъ служителей „пристойное число“ [2]). Полковникъ Сухаревъ привезъ съ собою на слѣдствіе о воеводѣ Рукинѣ въ Тару „для письма губернской канцеляріи канцеляриста“ [3]). Изложенные примѣры даютъ возможность судить, насколько разнообразенъ былъ и численный составъ комиссіи. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ составомъ канцеляріи, пріѣзжавшимъ вмѣстѣ со слѣдователемъ. Въ другихъ случаяхъ, и это стоитъ внѣ зависимости отъ степени важности дѣла, штатъ канцеляріи набирался на мѣстѣ. Не разъ уже упомянутому кап. Терскому предписано было для слѣдственной комиссіи „приказныхъ служителей взять изъ Симбирской провинціальной канцеляріи, сколько потребно, безъ излишества, дабы тѣмъ текущихъ дѣлъ провинціальныхъ не остановить“ [4]). Иногда штатъ канцеляріи бывалъ смѣшаннымъ: при старшихъ канцеляристахъ изъ столицы бывали подъячіе и писаря изъ мѣстныхъ приказныхъ. Впрочемъ, надо сказать, что участіе мѣстныхъ канцелярскихъ силъ въ слѣдственныхъ комиссіяхъ не всегда представлялось желательнымъ: мѣстные люди могли симпатизировать находившимся подъ слѣдствіемъ и преслѣдовать интересы, противоположные комиссіи. Слѣдователь Полонскій доносилъ въ 1742 г. изъ Переяславля Рязанскаго, что присланный изъ Ревизіонъ-коллегіи канцеляристъ Дмитрій Поморцевъ „весьма къ оному слѣдственному дѣлу неспособенъ и ненадеженъ и пьетъ, а здѣшніе копеисты ненадежны-жъ и къ дѣламъ необыкновенны, а разсыльщики здѣшніе“,— подъячаго Бѣляева, наиболѣе въ дѣлѣ запутаннаго, „содержать весьма слабо и кого не надлежитъ, также и съ питьемъ, безъ приказу отъ слѣдствія къ нему допускаютъ, знатно, боясь здѣшнихъ приказныхъ“ [5]). Въ канцелярію слѣдственной комиссіи о Брянскихъ посадскихъ людяхъ и крестьянахъ помѣщика Гончарова опредѣлены были канцеляристъ и копіистъ изъ Брянской воеводской канцеляріи. Повѣренный Гончарова протестовалъ противъ такого назначенія, ссылаясь на то, что „всѣ Брянскіе подъячіе бѣглымъ крестьянамъ и купцамъ ближніе родственники“. И „оные за тѣми обстоятельствы по прежнему отосланы въ ту канцелярію“, а на мѣсто ихъ вытребованы другіе изъ Сѣвской провинціальной канцеляріи.

Можно установить какъ общее правило, что всѣ участвовавшіе въ слѣдственныхъ комиссіяхъ, отъ руководителей ихъ до послѣднихъ служителей, получали „по рангу“ то же жалованье, которое получали по

1) $^{16}/_{232}$ л. 245.
2) $^{51}/_{267}$ л. 5.
3) $^{20}/_{236}$ л. 971.
4) $^{103}/_{319}$ л. 15—18.
5) $^{38}/_{254}$ л. 77—78.

своимъ постояннымъ должностямъ. Въ Сибири жалованье „для дальности“ платилось двойное. Дрова, свѣчи и незамысловатыя канцелярскія принадлежности выдавались изъ мѣстныхъ учрежденій. Насколько могли быть велики расходы по содержанію комиссіи, показываетъ пензенская комиссія о воеводѣ Жуковѣ, стоившая за 4 года 4304 р. $67^3/_4$ коп. [1]), изъ коихъ на одно только жалованье личному составу истрачено 3280 р. $94^1/_2$ к. При денежномъ голодѣ, который въ теченіе всего, кажется, XVIII вѣка испытывала казна, не рѣдкостью было, что жалованье выплачивалось неаккуратно, задерживалось, не только въ глухой провинціи, но и въ столицахъ, причемъ первыми жертвами были, конечно, мелкіе люди. Въ 1739 г. секретарь и канцелярскіе служители дѣйствовавшей въ Петербургѣ слѣдственной комиссіи о Смоленскомъ вице-губернаторѣ кн. Козловскомъ подали слѣдователю маіору Пестову челобитную о выдачѣ имъ заслуженнаго „сего 739 г. на прошедшую треть жалованья.“ [2]) Въ еще болѣе непріятное положеніе попали служащіе канцеляріи слѣдствія надъ сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ, дѣйствовавшей въ 40-хъ годахъ въ Тобольскѣ. Канцеляристы, взятые изъ Сибирской губернской канцеляріи, „обрѣтались“ „безъ всякой акциденціи и безъ полученія Е. И. В. жалованья“ цѣлыхъ два года. Въ ноябрѣ 1746 г. они жаловались слѣдователю, что „пришли въ крайнее разореніе и послѣднее свое платьишко испродали и испроѣли, а сего де 1746 г. ноября 4 дня полученъ указъ о произведеніи имъ, будучи при томъ слѣдствіи, за ихъ убожествомъ, кормовыхъ денегъ по 4 коп. на день“ и хотя они этотъ указъ въ своемъ теперешнемъ убожествѣ „за высочайшую Е. И. В. милость и награжденіе пріемлютъ, только точныхъ годовыхъ окладовъ по тому указу по чинамъ не имѣютъ“. Поэтому канцеляристы требовали уплаты имъ жалованья по рангу тѣмъ болѣе, что кормовыми деньгами „содержать себя не въ состояніи; къ тому же до сего времени пришли въ немалые долги, и противъ прошедшихъ лѣтъ здѣсь какъ платье и обувь, такъ хлѣбъ и всякій харчъ вздорожали-жъ, они-жъ при томъ слѣдствіи обрѣтаются у многотрудныхъ и опасныхъ дѣлъ и акциденціи не мало никакой не имѣютъ“ [3]).

Слѣдственныя комиссіи, съ внѣшней по крайней мѣрѣ стороны, работали довольно интенсивно. Онѣ собирались ежедневно отъ 7—8 час. утра и до часу дня; нерѣдко онѣ собирались вторично вечеромъ между 4 и 9 часами. Комиссіи обычно помѣщались въ зданіяхъ правительственныхъ учрежденій, а иногда, при сложномъ и большомъ дѣлѣ, нанимали для себя особыя помѣщенія, обставляемыя по образцу всѣхъ присутственныхъ

---

1) Чтенія О. И. и Д. Р. 1888, № 1—11.

2) $^{90}/_{306}$, л. 775 786.

3) $^{40}/_{256}$, л. 1016 –1019.

мѣстъ того времени. Каждому засѣданію комиссіи велся „повседневный журналъ“; въ немъ обозначалось время прибытія слѣдователя и начала занятій, коротко излагалось содержаніе засѣданія и наконецъ рѣшеніе, постановленное коллективно или единолично слѣдователемъ. Въ заключеніе въ нѣкоторыхъ журналахъ отмѣчалось: „выбыли“ или „изъ присутствія вышли“ тогда-то; журналъ закрѣплялся подписью слѣдователя, онъ былъ какъ бы отраженіемъ всей работы слѣдователя и служилъ оправдательнымъ документомъ всей его дѣятельности [1]).

Теперь обратимся къ самымъ работамъ слѣдственныхъ комиссій на мѣстахъ ихъ дѣйствій; посмотримъ, какъ выполняли онѣ свою задачу и какое къ себѣ отношеніе вызывали онѣ со стороны тѣхъ, дѣла которыхъ онѣ разслѣдовали, а также и тѣхъ учрежденій, рядомъ съ которыми онѣ работали.

Когда ст. сов. Полянскій такъ упорно отказывался отъ слѣдственной комиссіи, въ которую назначилъ его сенатъ, онъ, вѣроятно, хорошо зналъ, что дѣлалъ. Поѣздка въ комиссію не была и не могла быть синекурой. Слѣдствіе было борьбой, иногда очень упорной и жестокой, въ которой противъ слѣдователя направлялись усилія не однихъ только тѣхъ, кто непосредственно подпадалъ подъ слѣдствіе. Борьба начиналась вмѣстѣ съ открытіемъ дѣйствій комиссіи. При господствовавшей при Аннѣ и Елизаветѣ системѣ замѣщенія административныхъ постовъ, отставленные отъ военной службы штабъ и оберъ-офицеры, состоявшіе на учетѣ герольдмейстера и сената и, подобно своимъ Московскимъ предкамъ, ожидавшіе очереди покормиться на тепленькомъ мѣстечкѣ, сохраняли связи со столичными покровителями. При надвигавшейся опасности слѣдствія родственники и друзья давали вѣсть заинтересованнымъ лицамъ и тѣ старались къ пріѣзду слѣдственной комиссіи принять всѣ доступныя имъ мѣры защиты. Дѣло не мѣнялось, если слѣдствіе касалось не чиновниковъ, а купцовъ; и купцы находили доброхотовъ и покровителей въ столицахъ.

Не касаясь самыхъ обыкновенныхъ пріемовъ оправданій и запирательствъ, остановимся лишь на болѣе рѣзкихъ формахъ проявленія защиты администраторовъ и другихъ дѣятелей XVIII вѣка противъ слѣдственныхъ комиссій. Наиболѣе простымъ пріемомъ была пассивная борьба,—формальныя придирки къ производству дѣла и уклоненіе отъ слѣдствія. „Мая въ 10-й день 1731 г. въ правительствующій сенатъ по сочиненіи выписи (о дѣлѣ Ярославскаго воеводы Вельяминова-Зернова) для прикладыванія къ той выписи руки призванъ ст. сов. Вельяминовъ-Зерновъ и объявлено ему, чтобы слушалъ тое выписку. И какъ ему начата та выписка читать, и онъ Вельяминовъ

---

[1]) $^{31}/_{247}$, лл. 1—34; $^{90}/_{306}$ л. 775—786; $^{14}/_{230}$ л. 42—43.

слушать ее не сталъ, а сказалъ, что де въ сенатѣ слѣдовано по дѣлу о провіантѣ и о прочемъ и о томъ бы учинена была выписка къ докладу особая“ [1]). „И того-жъ января 15 дня (1731 г.) Д. Рукинъ (бывшій Тарскій воевода) въ слѣдственную канцелярію для принятія копій призыванъ и передъ полк. Сухаревымъ (слѣдователемъ) онъ, Рукинъ, сказалъ: оной де копіи съ прошенія В. Чередова (донесшаго на Рукина) онъ не возметъ, а въ судъ съ нимъ Чередовымъ нейдетъ, для того, что онъ Чередовъ, въ бывшей Тарскій разыскной канцеляріи при вице-губернаторѣ Петровѣ-Соловомъ наказанъ, битъ публично плетями снявъ съ козла“ [2]). Не знаемъ, что было далѣе въ первомъ случаѣ; во второмъ же воевода Рукинъ несомнѣнно выигралъ время, такъ какъ о Чередовѣ была затребована обстоятельная справка. Кто былъ посильнѣе, шелъ дальше; вотъ что, напр., дѣлалъ знаменитый Волынскій во время слѣдствія, которое велось надъ нимъ въ сенатѣ по дѣлу о вымогательствахъ у Казанскихъ инородцевъ: „1731 г. марта въ 19 день посыланный къ г.-м. Волынскому секретарь Антоновъ доносилъ сенату, что онъ къ нему, Волынскому, вчерашній день въ домъ ѣздилъ и домашніе его сказали, что онъ со двора съѣхалъ и для того онъ его Волынскаго дожидался до полуночи, но не дождался, чего ради сего числа по утру рано ѣздилъ къ нему вторично, но токмо не получилъ же“. Сенатъ принужденъ былъ вступиться въ дѣло энергичнѣе и приказалъ „ему, генералъ-маіору, объявить, чтобъ онъ, не явясь въ Сенатъ, изъ Москвы не отъѣзжалъ“ [3]).

Еще болѣе распространенной формой пассивнаго сопротивленія были отговорки и уклоненіе отъ явки въ комиссію подъ предлогомъ болѣзни. Приведемъ нѣсколько характерныхъ случаевъ: не безызвѣстный уже намъ Рязанскій воевода Чебышовъ успѣлъ еще до назначенія слѣдствія выѣхать въ Москву. Здѣсь „маэора Петра Чебышова служитель сказалъ, что означенный помѣщикъ его имѣется въ Москвѣ и лежитъ боленъ уже съ недѣлю и за тѣмъ никуда со двора не съѣзжаетъ, а квартиру имѣетъ за Москвою рѣкой въ приходѣ церкви св. Екатерины въ домѣ вдовы Лодыженской“. Болѣзнь, однако, оказалась не слишкомъ серьезной, потому что Сенатъ приказалъ выслать Чебышова въ Переяславль Рязанскій. [4]) Иной разъ болѣзнь замѣшанныхъ въ дѣло была такого свойства, что приводила въ недоумѣніе и комиссію и врачей. Нижегородскій прокуроръ Полочаниновъ (1738 г.) отказы-

---

1) $^{16}/_{232}$ л. 603.

2) $^{20}/_{236}$ л. 30—1.

3) $^{22}/_{238}$ л. 57: примѣръ изъ практики 60-хъ годовъ. См. Грибовскаго. Матеріалы, № 63.

4) $^{38}/_{254}$, л. 43—77.

вался идти въ комиссію, потому что былъ по его словамъ „въ болѣзни и безпамятствѣ“ и предоставлялъ комиссіи самой пріѣхать къ нему на домъ „во образъ посѣщенія“, но отъ допроса категорически отказывался. Комиссія рѣшилась подвергнуть прокурора осмотру и въ этотъ разъ нашла, что онъ „весьма не безболѣзненъ“. Лишь 2—3 недѣли спустя Полочаниновъ заявилъ, что „хотя де онъ и весьма имѣется боленъ, и ежели паче чаянія, что за тою его болѣзнью уволить его не возможно, то онъ хотя съ великою нуждою будетъ (въ комиссіи), токмо де требуетъ подъ себя къ отъѣзду лошадей“. Впрочемъ, едва успѣвъ пріѣхать въ комиссію, онъ опять сказался больнымъ, чѣмъ вновь затянулъ дѣло, и комиссія не сумѣла или не смогла справиться съ упрямымъ прокуроромъ. [1]) Въ 1763 г. Саратовская комиссія „о чинимыхъ поставщикамъ соли обидахъ, побояхъ, взяткахъ и другихъ непорядкахъ“ доносила, что д. с. с. Волковъ „къ слѣдствію не является, а объявляетъ, что боленъ, и за его болѣзнью многія подлежащія до него дѣла несутъ таковое-жъ медлительство, а тамошній де лѣкарь Голубцовъ рапортовалъ, онъ де Волковъ объявляетъ ему лѣкарю, имѣетъ де онъ болѣзни въ себѣ въ головѣ ломъ, въ ушахъ стрѣльбу и отъ стужи въ груди и въ поясницѣ чувствуетъ боль, а прочихъ большихъ припадковъ въ немъ онъ, лѣкарь Голубцовъ, не предвидитъ“ [2]). Что болѣзнь далеко не всегда была истинной, а была только средствомъ уклониться отъ слѣдствія, лучше всего показываетъ образъ дѣйствій попавшаго подъ слѣдствіе Смоленскаго вице-губернатора кн. Козловскаго. 5-го апрѣля 1739 года слѣдователь маіоръ Пестовъ по приказу изъ кабинета потребовалъ, чтобы Козловскій подписалъ экстрактъ изъ дѣла, которое надлежало подать въ кабинетъ. Козловскій объявилъ, что онъ явится 7-го апрѣля, но обѣщанія не исполнилъ. Въ слѣдующіе дни Козловскій былъ въ комиссіи и читалъ дѣла, но требуемой подписи все-таки не далъ. 11-го апрѣля онъ прислалъ своего человѣка объявить, что не можетъ быть самъ „понеже де весьма боленъ“; то же повторялось и позднѣе до конца апрѣля и въ маѣ. Надо думать, что Козловскій дѣйствовалъ не безъ помощи сильныхъ людей. Послѣ только что изложенныхъ отказовъ Козловскаго явиться въ комиссію слѣдователь Пестовъ донесъ объ этомъ въ кабинетъ, на что и получилъ отъ кабинетъ-секретаря Яковлева предписаніе: „когда де оный кн. Козловскій боленъ, ктому-жъ за препятствіемъ рѣки (Невы) быть въ комиссіи повседневно оному кн. Козловскому невозможно, то надлежитъ выписки посылать къ нему на дворъ съ подъячими“. Поддержка свыше сдѣлала Козловскаго хозяиномъ положенія; въ теченіе мая онъ являлся въ комиссію,

---

[1]) $^{31}/_{217}$, л. 1—34.

[2]) Грибовскій. Матеріалы, № 17.

когда хотѣлъ, и наконецъ дошелъ до того, что пересталъ ссылаться на свою болѣзнь, и 9-го іюня объявилъ, что „на сей недѣли не будетъ въ комиссіи за нуждами своими“. 15-го іюня онъ снова боленъ ногами; въ іюлѣ прежній отвѣтъ: „не уповательно ему быть въ комиссіи въ скорости, токмо какъ облегченіе получитъ отъ болѣзни“. Наконецъ „августа 22-го дня посыланъ былъ за кн. Козловскимъ на дворъ солдатъ Козьма Болотовъ, дабы онъ для подписыванія подъ выписки явился въ комиссію, который солдатъ пришедъ объявилъ: онаго де князя Козловскаго въ домѣ не засталъ, а люди де его сказали, что поѣхалъ д. т. совѣтника и кавалера, Е. И. В. кабинетъ-министра князя А. М. Черкасскаго на приморскій дворъ“. Одновременно выяснилась необходимость дослѣдовать нѣкоторыя дѣла, въ которыхъ замѣшанъ былъ кн. Козловскій. Такъ, укрываясь болѣзнью и пользуясь покровительствомъ высокихъ людей вродѣ Черкасскаго, Козловскій выигралъ время, добился отсрочки, а комиссія Пестова занялась другими дѣлами [1]).

Переходимъ теперь къ различнымъ способамъ болѣе активнаго противодѣйствія слѣдственной комиссіи. Открытое сопротивленіе встрѣчается лишь въ видѣ исключенія. До такого нахальства не доходили самые изобрѣтательные и опытные дѣльцы того времени; если и дѣлались попытки открыто итти наперекоръ начальству, то только когда оно было не выше губернскаго. Такъ, не разъ упомянутый Симбирскій воевода Ходыревъ „не пошелъ подъ судъ“ слѣдственной комиссіи, присланной изъ Казани [2]), да еще отъ Нижегородской губернской канцеляріи поступила въ 1746 г. жалоба на Алатырскаго провинціальнаго воеводу Шишкина, который не желалъ признать слѣдственной комиссіи, назначенной изъ губерніи подъ руководствомъ сосѣда Шишкина, Арзамасскаго провинціальнаго воеводы Корганова и„ не чая себѣ отъ воеводства отрѣшенія и не чувствуя никакого страха, чинилъ Нижегородской губернской канцеляріи, яко главной надъ собою командѣ, непослушаніе и противности“ [3]). Этимъ исчерпываются извѣстные намъ случаи прямого сопротивленія. Активное противодѣйствіе находившихся подъ слѣдствіемъ чаще всего сказывалось въ томъ, что они со своей стороны выступали съ обвиненіями противъ доносчика, противъ лицъ, которыхъ они подозрѣвали въ причастности къ назначенію слѣдственной комиссіи, а иногда и противъ самого слѣдствія. И здѣсь дѣла слѣдственной комиссіи открываютъ яркія картины. Наиболѣе интереснымъ является дѣло Ходырева; его встрѣчная жалоба на своего врага, затѣявшаго дѣло секретаря Манахтина, настолько характерна, что изъ нея нельзя не при-

1) $^{90}/_{306}$, лл. 775—786.
2) $^{103}/_{519}$ л. 15.
3) $^{53}/_{269}$, лл. 15—20.

вести нѣсколькихъ выдержекъ: „по указамъ В. И. В. и по генеральному регламенту секретарямъ велѣно быть подъ высшей дирекціей той канцеляріи у своего президента и о всякихъ дѣлахъ долженъ секретарь докладывать своего призидента со всякою учтивостью, вѣжливо, не показывая никакихъ противностей, а вышереченный секретарь Манахтинъ, забывъ свою должность, никакого мнѣ почтенія въ присутствіи моемъ въ канцеляріи не чинитъ съ немалымъ ругательствомъ, что съ великою моею терпѣливостью претерпѣвалъ, точію за тѣ его противности чинены были ему уговоры, уповая, что можетъ придти въ чувство. И оный Манахтинъ, не удовольствуяся тѣмъ, прошедшаго августа 13 дня въ присутствіи моемъ въ канцеляріи при всемъ собраніи первое сказалъ мнѣ: я тебя не боюсь и не слушаю, потомъ называлъ меня презирателемъ В. И. В. именныхъ указовъ, при томъ были многіе свидѣтели. А сего-жъ августа 28 дня велѣно ему по нужнѣйшимъ канцелярскимъ дѣламъ исполненіе учинить и для того велѣно ему въ той канцеляріи, пока противъ приказанія исполнитъ, быть неисходно, и караульному капралу приказано его не выпущать; и оный Манахтинъ, разбивъ караулъ, вышелъ сильно, и по многократнымъ посылкамъ въ канцелярію не пошелъ и сказалъ посланнымъ, что онъ меня не слушаетъ. А 29 дня августа въ присутствіи же моемъ въ канцеляріи чинился противенъ и кричалъ безобразно и называлъ многократно презирателемъ В. И. В. указовъ". Ходыревъ проситъ себя отъ Манахтина „яко отъ непотребнаго человѣка оборонить и взять" его изъ Симбирской провинціальной канцеляріи [1]). Брянскіе купцы, обвиняемые помѣщикомъ Гончаровымъ въ укрывательствѣ его бѣглыхъ крестьянъ (1749 г.), въ свою очередь жаловались на него, обвиняя его въ насиліяхъ надъ купцами и разбояхъ на большой дорогѣ [2]). Цѣлью встрѣчной жалобы было конечно усложнить слѣдствіе и найти себѣ путь къ уклоненію отъ отвѣтственности и надо было обладать большимъ искусствомъ, чтобы разобраться въ такихъ жалобахъ и рѣшить, какая сторона ближе стояла къ истинѣ.

Стремленіе опорочить дѣйствія самого слѣдователя, выставить ихъ неправильность и незаконность были, можетъ быть, самымъ распространеннымъ средствомъ защиты подслѣдственныхъ. Помощникъ и сынъ Терскаго воеводы Рукина въ самый разгаръ слѣдствія надъ его отцомъ (1731 г.) подалъ въ Тобольской губернской канцеляріи жалобу на неправильное веденіе слѣдствія [3]). Секретари Нижегородской губерніи доносили на слѣдователя князя Гагарина, что онъ вмѣстѣ съ со-

---

1) $^{103}/_{319}$, лл. 28 - 29.
2) $^{54}/_{270}$, л. 39—40.
3) $^{20}/_{236}$, л. 971.

стоящимъ при немъ секретаремъ Соколовымъ „сверхъ указу принимаютъ у доносителей ложныя и глухія доношенія и вступаютъ въ преждеслѣдственныя прошлыхъ лѣтъ дѣла, которыя за милостивыми указы даже и трогать не слѣдуетъ“ [1]). Примѣровъ можно было бы привести очень много: я ограничусь еще однимъ изъ наиболѣе яркихъ. Въ 1745 г. г.-м. Сухаревъ, сибирскій губернаторъ, жаловался Императрицѣ на секретаря Карташова, „съ прочими подобными ему безпутными доносители“ умыслившихъ на него доносъ „по одной своей злобѣ“; жаловался онъ и на слѣдователя Боборыкина, который „оставя свое настоящее слѣдованіе, къ чему онъ присланъ, во-первыхъ съ самаго его пріѣзда въ Тобольскѣ взялъ къ себѣ въ совѣтъ и въ компанію извѣстнаго государственнаго вора Ивана Темирязева, который противъ собственной В. И. В. и дражайшей всероссійской матери персоны своимъ воровскимъ и богомерзкимъ вымысломъ весьма продерзостно касался“. Боборыкина Сухаревъ подозрѣваетъ въ пристрастіи, потому что ему самому пришлось ранѣе вести въ Иркутскѣ слѣдствіе о родственникахъ Боборыкина, Темирязева обвиняетъ въ стремленіи возмутить инородцевъ противъ русскаго владычества и т. д. [2]).

Уклоненія, кляузы и жалобы—обычные пріемы борьбы подслѣдственныхъ; только потерпѣвъ неудачу и прижатые къ стѣнѣ они винились въ надеждѣ получить прощеніе, въ чемъ иногда и успѣвали. „Понеже г.-м. Арт. Волынскій намъ самимъ всеподданнѣйше подалъ на письмѣ повинную въ разныхъ взяткахъ, которыя онъ бралъ въ бытность его въ Казани губернаторомъ и въ томъ нашего прощенія просилъ, того ради мы въ тѣхъ отъ него самого объявленныхъ взяткахъ его всемилостивѣйше прощаемъ и указали онаго изъ подъ ареста освободить“ [3]). „Великая Государыня!“ молитъ отрѣшенный Рязанскій воевода Чебышовъ, „съ розыску подъячій Бѣляевъ показывалъ, что съ г. Сапожка съ обывателей взявъ, отдалъ мнѣ 70 рублей, да съ г. Переяславля-Рязанскаго купецкихъ людей М. Живаго 100 руб., да съ Григ. Колмакова 150 рублей, и по тому онаго Бѣляева на меня показанію я нынѣ признався, по должной всеподданнической совѣсти В. И. В. приношу повинную“ [4]).

Что повинная приносилась въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, это не удивительно, вѣдь столичныя связи не исчезали отъ одного появленія слѣдственной комиссіи; ихъ пускали въ ходъ и пользовались ими, пока хватало силъ и умѣнія. Каковы могли быть сила и умѣніе, можетъ намъ показать все та-же исторія Симбирскаго воеводы Ходырева, которая

---

1) $^{14}/_{230}$, л. 63.
2) $^{40}/_{256}$, л. 927–935.
3) $^{22}/_{238}$, л. 239.
4) $^{38}/_{254}$, л. 127–128.

уже дала намъ такъ много свѣдѣній. Выше было упомянуто мимоходомъ о строгомъ приказаніи, данномъ слѣдователю Терскому, запечатать и выслать въ сенатъ письма разныхъ лицъ къ Ходыреву. Терскій исполнилъ это приказаніе, и благодаря этому мы наглядно можемъ видѣть какія тѣсныя и интимныя отношенія могли соединять мелкаго областного администратора со свѣтилами столичнаго міра. Ниже читатель найдетъ выдержки изъ писемъ, адресованныхъ Ходыреву камеръ-юнкеромъ Алексѣемъ Андреевичемъ Хитрово, родственникомъ Шуваловыхъ; онѣ такъ типичны, что не привести ихъ въ подлинныхъ выраженіяхъ, значило бы исказить ихъ [1]).

Еще до назначенія слѣдственной комиссіи Ходыревъ хлопочетъ въ столицѣ. Изъ вѣстей, полученныхъ имъ 1 октября 1746 г., видно, что дѣла его далеко не блестящи. „Человѣкъ твой и разсыльщикъ сюда пріѣхали“, пишетъ Хитрово, „доношеніе и челобитную я въ сенатъ подалъ, притомъ сколько силы было всѣхъ просилъ, а въ той ли секретъ челобитной и доношеніи, только по сіе время полнаго собранія нѣтъ; *Петръ Ивановичъ* старается вамъ служить... Я не могу описать сожалѣнія моего, что вы вступили въ ссору; надѣюсь велятъ слѣдовать, и можетъ быть слѣдствіе продолжится и васъ то обезпокоитъ; я прежде писалъ, ежели вы симъ мѣстомъ недовольны, то-бъ прислалъ доношеніе, чтобъ за болѣзнію смѣнили васъ... Пространнѣе буду писать съ человѣкомъ вашимъ“. Любопытна приписка къ письму жены Хитрово—сестры Шуваловыхъ: она благодаритъ за какую-то присылку, проситъ объявить поклонъ государынѣ-невѣстушкѣ и обѣщаетъ по дѣлу Ходырева „просить брата“.

Второе письмо Хитрово, также написанное въ октябрѣ 1746 г., еще интереснѣе. Сами друзья Ходырева признаютъ, что онъ испортилъ дѣло, затѣявъ ссору. Партія секретаря Манахтина сильнѣе и если еще удается успѣшно бороться съ врагами въ Сенатѣ, то только благодаря благодѣтелю Петру Ивановичу, въ которомъ читатель безъ труда узнаетъ извѣстнаго дѣятеля Елизаветинскаго царствованія—П. И. Шувалова. Но предоставимъ слово самому Хитрово. Многіе сенаторы „тебя винили и разсуждали, что вы зачинщикъ ссоры. А когда пріѣхалъ шуринъ мой Петръ Ивановичъ, какъ для моей и женина просьбы, а больше какъ доброй совѣсти человѣкъ и любящій честь и дворянство, требовалъ челобитной (Ходырева) въ сенатѣ, которую нашли и притомъ разсуждалъ, что хотя ты по слѣдствію виноватъ найдешься, но прежде для одной только почтительной команды и для заслуженной чести, которую

[1]) Къ копіямъ писемъ, хранящимся въ дѣлѣ Ходырева, приложены нѣкоторыя замѣчанія слѣдственной комиссіи, не лишенныя интереса, извлеченія изъ нихъ также послужили для дальнѣйшаго изложенія.

ты, черезъ много служа, получилъ, дать тебѣ преимущество, и въ томъ началъ было голосъ свой писать, видя многихъ партію секретарскую держащихъ; наконецъ, по многимъ спорамъ склонились на разсужденіе П. И. и такъ сдѣлали, какъ слышу: товарища твоего отрѣшить отъ дѣлъ, секретаря оковать, къ Бардекевичу (Казанскому ревизору) послать указъ, чтобъ онъ одного штапа послалъ въ Симбирскъ, которому подъ его смотрѣніемъ слѣдовать". „Когда приказы получите, извольте отписать благодареніе къ Петру Ивановичу, ибо онъ за васъ весьма сильно старался". Петербургскіе благодѣтели не прочь и далѣе стараться за Ходырева и для этого выспрашиваютъ все, что можетъ быть во вредъ Манахтину: „прошу ко мнѣ прислать извѣстіе о секретарѣ Манахтинѣ, подлинно-ль онъ въ подушномъ окладѣ написанъ и какъ изъ того въ секретари вышелъ". Характерны дальнѣйшія приписки Хитрово: „секретарь, опредѣленный къ вамъ, у меня былъ и просилъ меня, чтобъ я объ немъ васъ просилъ". „Шуринъ мой Александръ Ивановичъ Шуваловъ проситъ, ежели крестьянинъ его приличился по какому дѣлу, то-бъ вы изволили съ нимъ по указамъ поступать".

Не остается и Ходыревъ въ долгу передъ своими благодѣтелями и шлетъ имъ деньги, рыбу съ Волги и рѣдкій въ то время въ Петербургѣ виноградъ. „Письма ваши", пишетъ А. А. Хитрово 2 декабря того же 1746 г., „и притомъ рыбу, икру, виноградъ и деньги получилъ". (Далѣе интересное замѣчаніе особаго, болѣе поздняго происхожденія: „что оныя деньги, въ узлу зашитыя, пуда съ 2 или больше, къ нему Хитрову съ человѣкомъ воеводы Ходырева посланы, секретарь Ходырева Манахтинъ руки своей далъ записку, и не изволитъ ли Е. И. В. указать допросить, оныхъ денегъ много-ль послано и сколько денегъ и другихъ вещей посылывалъ, чтобъ объявилъ истину, хотя и безъ того ужъ видно"); „и какъ за письма, такъ и за присылку много благодарствую, ежели вы такъ насъ должите, а сами нужды имѣете, то повѣрь Богу, что я и безъ такихъ подарковъ вамъ всякаго благополучія желать долженъ; рыба первая сюда пришла, и еще ни у кого не было" (новое критическое замѣчаніе: „можно быть хорошей рыбѣ, для того, что въ узлу прислано серебра пуда съ два и больше"), „я къ Петру Ивановичу отослалъ и къ княгинѣ Гессенъ-Гомбургской, за что васъ много благодарятъ; а Маврѣ Егорьевнѣ (Шуваловой, женѣ П. И.) коробку отъ васъ отдалъ, за что васъ велѣли благодарить; товарищъ къ вамъ еще не опредѣленъ, да ежели вамъ надобно, то еще безъ опредѣленія продолжится".

Ходыревъ не прочь бы благополучно уйти съ воеводства, но ему не совѣтуютъ этого въ его же интересахъ. „Что же изволите писать о смѣнѣ, я чаю, что пока слѣдствіе не окончается, просить нельзя; лучше быть воеводою да судиться, нежели смѣнясь жить тамъ же и нужиться" (sic). Пожаловавшись „на великую суету о пріуготовленіи матеріаловъ

къ строенію дома", отчего онъ терпитъ „убытки и несносную досаду", Хитрово кончаетъ любопытнѣйшимъ post-scriptum: „здѣсь я видѣлъ присланный изъ Казани мѣхъ русскихъ бобровъ, а не камчатскихъ, который собранъ въ Казани, и ежели можно черезъ купцовъ приказать собрать хорошій, чтобъ было подъ большую шубу, ежели то можно, пожалуй вели купить". Къ письму приложена и вторая приписка, гдѣ краски, рисующія положеніе Ходырева, становятся болѣе мрачными; носятся слухи о его возможномъ отрѣшеніи отъ должности; П. И. Шувалову стоитъ большого труда вернуть сенатъ къ его прежнему рѣшенію: „человѣкъ вашъ былъ задержанъ, чтобъ списавъ опредѣленіе сенатское къ вамъ послать, между тѣмъ изъ Казани прислано доношеніе, что между вами слѣдовать опредѣлено и пишутъ изъ Казани, чтобъ васъ отъ команды отрѣшить, противно тому опредѣленію, что сенатъ по челобитной твоей опредѣлилъ. И вчерашній день П. И. слушалъ доношеніе изъ Казани и всѣ ихъ (т.-е. противниковъ Ходырева) мнѣніе оставили, а опредѣлили быть по опредѣленію своему, которое прежде учинено по твоей челобитной, съ котораго копію посылаю. Вы, все получа, извольте благодарить Петра Ивановича, онъ сильно за васъ вступился, и письмо написавъ ему съ благодареніемъ, извольте ко мнѣ прислать, я его отдамъ; хотя онъ по просьбамъ моимъ то дѣлалъ, однако, какъ вспомнилъ то, что дворянинъ и офицеръ отъ проклятаго сѣмени терпѣть принужденъ". Я не могу обойти молчаніемъ еще одного, послѣдняго, письма Хитрово къ Ходыреву, написанному 11 марта 1747 г., т.-е. всего мѣсяца за 2 до отправленія въ Симбирскъ слѣдователя Терскаго. Въ этомъ письмѣ Ходырева хвалятъ за отказъ подчиниться казанскому слѣдователю и даютъ совѣты, какъ поступать далѣе: „Письмо ваше отъ 5 февраля получилъ, въ которомъ изволите писать, что Толстой (слѣдователь отъ Казанской губерніи) пріѣхалъ и что вы не пошли въ судъ, и то изрядно, понеже неудобно чтобъ было слѣдствіе; первая недѣля и масляница помѣшала, что никакихъ дѣлъ не дѣлали; съѣзда давно нѣтъ; мой совѣтъ еще вамъ, ежели будутъ принуждать, то показать свойство Толстого съ Микулинымъ (воеводскимъ товарищемъ), а о Микулинѣ отписать ко мнѣ, присутствуетъ ли онъ съ тобою въ канцеляріи или нѣтъ; о побѣгѣ Манахтина репортъ я получилъ и подалъ въ Сенатъ; благодарствую за рыбу, точію, государь мой братецъ, прислано много, сколько для меня въ провѣсъ не провѣшивается, и прошу впредь такъ много должить не извольте, мнѣ истинно совѣстно, что вы много должите". Только при такой сильной поддержкѣ могъ Ходыревъ, да и другой на его мѣстѣ, надѣяться на безнаказанность.

Въ архивѣ Ходырева находились и другія письма, не лишенныя интереса; читая ихъ, видишь, что люди, подобные нашему воеводѣ, дѣйствительно, могли возомнить о себѣ очень много: люди очень высокаго

положенія обращались къ нему со всевозможными просьбами; а оказанныя одолженія создавали почву для защиты. Ходыревъ, вѣроятно, зналъ это, и потому еще въ пору своего благоденствія былъ старательнымъ исполнителемъ просьбъ и порученій большихъ петербургскихъ особъ по части судебныхъ дѣлъ, вотчинныхъ распоряженій или устройства на службѣ какого-нибудь мелкаго родственника или знакомаго. Получалъ Ходыревъ письма и отъ другихъ членовъ семьи его благодѣтелей Шуваловыхъ, напримѣръ, отъ матери И. И. Шувалова—Татьяны Шуваловой, въ которомъ она проситъ: „не оставить племянницы нашея прапорщика Андреяна Башева жены по имѣющимся у васъ въ канцеляріи дѣламъ, а нынѣ она пишетъ ко мнѣ, что разбили разбойники и пойманы и содержатся у васъ въ канцеляріи. Того ради васъ, государя моего, прошу показать мнѣ свою милость". Пишутъ Ходыреву и другіе большіе вельможи того времени—гр. Г. П. Чернышовъ о бѣглыхъ крестьянахъ своихъ вотчинъ; о томъ же пишутъ кн. Сергѣй Кантемиръ, Грузинскій царевичъ, кн. А. Д. Голицынъ, Стрѣшневъ, Загряжскій; генералъ-прокуроръ кн. Н. Ю. Трубецкой проситъ воеводской помощи противъ своихъ взбунтовавшихся крестьянъ. Соперникъ Разумовскаго и Шувалова, А. Б. Бутурлинъ, прося сообщить подробныя свѣдѣнія о поимкѣ своихъ бѣглыхъ крестьянъ и переслать ему взысканныя по его порученію деньги, добавляетъ: „въ чемъ здѣсь когда могу, вамъ, моему государю, служить обязуюсь". В. Левашовъ, самый ретивый корреспондентъ Ходырева, осыпаетъ его письмами и порученіями, касающимися его имѣній и его судебныхъ дѣлъ, прося, между прочимъ, со злоупотребившимъ его довѣріемъ „плутомъ земскимъ" одной изъ его вотчинъ „для меня никакого ослабленія не показывая, по силѣ Е. И. В. указовъ, чему онъ за такое воровство достоинъ будетъ, наказаніе учинить". Кн. И. Одоевскій рекомендуетъ вниманію воеводы новаго провинціальнаго секретаря: „обрѣтающійся въ Прав. Сенатѣ дворянинъ Григорій Бардаковъ опредѣленъ на мѣсто бывшаго при васъ секретаря Манахтина секретаремъ, куда нынѣ и отъѣзжаетъ, о которомъ вамъ рекомендую, что онъ при дѣлахъ въ Прав. Сенатѣ находился добропорядочно и человѣкъ состоянія добраго". Кн. Мих. Долгоруковъ проситъ содѣйствія дѣламъ своего зятя Милославскаго и т. д. Среди другихъ писемъ находимъ коротенькую записку; она интересна потому, что интересенъ ея авторъ: „Государь мой, Андрей Алексѣевичъ, племянника моего, Ѳедора Кокошкина, имѣются въ Симбирскомъ уѣздѣ деревни. Того ради васъ, государя моего, прошу въ случающихся по тѣмъ деревнямъ его дѣлахъ показывать всякое благодѣяніе и вспоможеніе, въ чемъ благонадежнымъ пребуду. Вашъ, государя моего, слуга графъ Андрей Ушаковъ". Имѣя въ карманѣ просительное письмо страшнаго начальника тайной канцеляріи, можно было быть и смѣлымъ и увѣреннымъ въ себѣ. Заканчиваю обзоръ ходыревскаго архива

выдержкой изъ письма В. Н. Татищева. Письмо это показываетъ, какія отповѣди получалъ воевода, не исполнявшій просьбы вліятельнаго корреспондента: „сегодня весьма странное и невѣроятное услышалъ я отъ моего служителя о вашихъ ко мнѣ противностяхъ и какъ мнѣ сіе невѣроятно, паче вѣдая, что вы еще въ умѣ не повредились и разсудить доброе и должное отъ зла и непристойности можете, для того разсудилъ вамъ оное объявить, требуя на то вашего изъясненія". „Противности", (касавшіяся вотчинныхъ дѣлъ Татищева,) чинились воеводой, несмотря на то, что Татищевъ уже „засвидѣтельствовалъ" свои добрыя отношенія къ Ходыреву, пославъ его женѣ „индѣйскую скатерть, не мысля ни о какихъ притомъ дѣлахъ" [1]).

Я остановился подробно на перепискѣ воеводы Ходырева, потому что она лучше, чѣмъ всякое разсужденіе, показываетъ силу человѣка, дѣянія котораго надлежало разслѣдовать; возможно, что не у всѣхъ были такіе могущественные покровители, какъ у Симбирскаго воеводы, но кое-какія связи были у всякаго и поэтому слѣдствіе почти всегда пріобрѣтало характеръ ожесточенной борьбы между слѣдователемъ и подслѣдственнымъ, борьбы, гдѣ пускались въ ходъ всякія средства и гдѣ участвующіе не стѣснялись ничѣмъ. Для иллюстраціи такой борьбы приведемъ еще одинъ примѣръ. 23 мая 1729 года подполковнику князю Гагарину, ведшему слѣдствіе въ Нижнемъ-Новгородѣ, было отправлено изъ Сената распоряженіе „обще" съ указами „Нижегородской губерніи къ управителямъ", ревизовать дѣйствія которыхъ онъ какъ разъ и былъ посланъ. Секретари губерніи, Подогинскій и Резановъ, главные враги Гагарина, поспѣшили предназначенный для слѣдователя указъ спрятать и потомъ объявляли, что „тотъ-де указъ получили они въ Нижнемъ іюня 5 дня 1729 г., а кн. Гагарину отослать не смѣли, опасаясь за то напраснаго себѣ отъ него задержанія подъ карауломъ и что онъ, Гагаринъ, былъ на Макарьевской ярмаркѣ, а по возвращеніи съ той ярмарки за иными приказными нуждами, и что тотъ указъ въ письмахъ заложился, они забыли, а вспомнили объ немъ 2 декабря 1729 г., а отыскавъ того жъ числа къ нему и отослали". Правда, за это обоихъ секретарей, „отнявъ чины, выслали скованныхъ изъ Москвы", но цѣль была достигнута, и слѣдователь, не исполнившій неполученнаго приказанія, былъ скомпрометированъ въ глазахъ высшаго начальства [2]).

Значительныя подчасъ осложненія вносились въ работу слѣдственныхъ комиссій положеніемъ, которое въ этомъ дѣлѣ занимали иниціаторы его—„доносители". Намъ уже извѣстна комиссія бригадира Бухольца, дѣйствовавшая въ Иркутскѣ. Все дѣло поднялъ доноситель

---

[1]) Письма Ходырева $^{103}/_{319}$, лл. 214—295.

[2]) $^{14}/_{230}$, л. 63—65.

Ракитовъ, бывшій ссыльный, который потомъ старался запутать слѣдствіе, потому, вѣроятно, что и самъ былъ во многомъ неправъ. Онъ удваивалъ старанья, чтобы доказать свое усердіе, и посылалъ доносы на Бухольца, обвиняя его въ слишкомъ большой дружбѣ къ губернскому начальству, которое тотъ ревизовалъ [1]). Вятскій архимандритъ Іоасафъ Потемкинъ, начавшій дѣло противъ секретаря Перминова, не останавливается въ своемъ рвеніи и шлетъ въ Петербургъ доносъ за доносомъ, стремясь направить слѣдствіе по желательному для него пути [2]). Обратимся еще разъ къ Нижегородскому слѣдователю 1728—31 гг. кн. Гагарину, которому болѣе всѣхъ, быть можетъ, пришлось считаться съ усердіемъ доносителей. Недовольные веденіемъ слѣдствія, двое изъ доносителей, подъячіе Семенъ Колмогорскій и Григорій Богдановъ, бѣжали изъ Нижняго еще до окончанія работы Гагарина и подали императрицѣ новый доносъ. По ихъ словамъ, „слѣдствіе произведено было и нынѣ производится не по указамъ, но по особливымъ ихъ (Гагарина и вице-губернатора Волынскаго) мнѣніямъ къ пользѣ хищниковъ и презрителей указовъ“; въ подтвержденіе этого они приводятъ цѣлый рядъ фактовъ, скрытыхъ или оставленныхъ безъ вниманія слѣдователемъ; приведемъ нѣкоторые изъ нихъ: „писецъ Почайновъ по обличенію ихъ доносителей въ чищеньѣ въ приходной книгѣ числа денегъ по умаленію суммы рубля 15 копѣекъ, въ чемъ и винился, не розыскиванъ“; „нижегородскіе ратушскіе бурмистры въ сборѣ безъ указу народныхъ денегъ болѣе 5000 рублей и въ тратѣ оныхъ во взятки той губерніи судьямъ и подъячимъ за послабленіе государственныхъ сборовъ, и тѣхъ денегъ ни на комъ не взыскивано“; „будучи при томъ слѣдствіи онъ, Гагаринъ да секретарь Ив. Соколовъ брали взятки съ Нижегородца купеческаго человѣка Ст. Сиротина, который содержался за кабацкую доимку, за свободу его изъ караула 200 р., изъ которыхъ взяли себѣ кн. Гагаринъ 50 руб. сер., а Соколовъ 150 руб. [3]). Мы не знаемъ основаній, на которыхъ строили свой доносъ подъячіе, но доносъ ихъ—яркій примѣръ вмѣшательства доносителей въ слѣдствіе съ цѣлью направить его по ихъ желаніямъ.

Въ приведенныхъ выше случаяхъ слѣдователь Гагаринъ и вице-губернаторъ Волынскій дѣйствовали вмѣстѣ, и ихъ согласіе раздражало доносчиковъ. Съ другой стороны, намъ извѣстенъ случай, когда Арзамасскій провинціальный воевода Шишкинъ не хотѣлъ подчиниться слѣдователю-сосѣду, воеводѣ Алатырской провинціи, и Нижегородская

---

1) $^{32}/_{248}$.
2) $^{51}/_{267}$.
3) $^{14}/_{230}$, л. 595 - 601.

губернія, сама назначившая слѣдствіе, сама же просила сенатъ о назначеніи комиссіи изъ Петербурга. Позднѣе сенатскому слѣдователю, Ржевскому, особенно мѣшалъ Алатырскій воеводскій товарищъ Ив. Рѣпинъ [1]). Картина мира и согласія въ подобныхъ случаяхъ наблюдается рѣже, чѣмъ противоположная. Слѣдователь бывалъ снабженъ слишкомъ большими полномочіями, чтобы не возбудить подозрѣнія со стороны людей и учрежденій, стоявшихъ рядомъ съ полемъ его дѣйствій и жившихъ порядками, сходными съ тѣми, которые подвергались ревизіи. Самое назначеніе слѣдственной комиссіи задѣвало иногда самолюбіе областныхъ дѣятелей, не замѣшанныхъ прямо въ дѣло. О Пензенскомъ воеводѣ Жуковѣ долгое время вела слѣдствіе Казанская губернская канцелярія; слѣдствіе велось такъ, что обиженные подали жалобу въ сенатъ. Присланный изъ Петербурга слѣдователь на нѣсколько лѣтъ сталъ главнымъ распорядителемъ дѣлъ въ Пензѣ, фактически устранилъ Казанское губернское начальство и властно требовалъ передачи ему всѣхъ дѣлъ по слѣдствію надъ Жуковымъ [2]). Естественно, что отношенія между губернской канцеляріей и слѣдственной комиссіей не могли отличаться особенной сердечностью и слѣдователь Игнатьевъ не могъ разсчитывать на содѣйствіе губернской администраціи. Въ дѣлѣ Перминова слѣдственная комиссія Полянскаго устранила отъ дѣлъ всю мѣстную администрацію, и понятно, что послѣдняя не могла ей этого простить. Не слѣдуетъ поэтому удивляться, если являлись подозрѣнія въ сочувствіи мѣстной администраціи подпадавшимъ подъ слѣдствіе или если слѣдователь старался какъ можно рѣзче отмежевать себя отъ неподвѣдомственныхъ комиссіи учрежденій, какъ это, напримѣръ, сдѣлалъ по отношенію къ той же Казанской губерніи хорошо намъ извѣстный капитанъ Терскій [3]). И надо думать, что вина здѣсь не всегда лежала на мѣстныхъ властяхъ; слѣдователь бывалъ настоящимъ диктаторомъ, а при низкомъ культурномъ уровнѣ людей XVIII вѣка, при легкомысліи и заносчивости, столь обычныхъ для того времени, нетрудно себѣ представить, какъ вызывающе могъ держать себя слѣдователь, какое враждебное чувство могъ онъ возбудить вокругъ себя.

Глухое сопротивленіе подслѣдственныхъ, вмѣшательство доносителей, недоброжелательство мѣстныхъ властей, — все это были обстоятельства, которыя не могли благопріятно отозваться на успѣшности работъ слѣдственныхъ комиссій. Надо было имѣть большое самообладаніе, чтобы удержаться въ равновѣсіи и довести дѣло, несмотря на всѣ

---

[1]) $^{52}/_{269}$, л. 66, 413, 414.

[2]) Чтенія О. И. Д. Р. 1888, № 1, 4—8.

[3]) $^{103}/_{319}$, л. 200—202.

подводные камни, до благополучнаго конца. Наблюденія надъ практикой слѣдственнаго дѣла показываютъ, что дальнѣйшій ходъ и самые результаты работы слѣдственныхъ комиссій на мѣстахъ могли быть очень различными въ зависимости отъ характера самого слѣдователя и того, какъ складывались отмѣченныя выше неблагопріятныя для слѣдствія обстоятельства.

Чаще всего дѣйствіе силъ, вредившихъ слѣдствію, приводило къ тому, что слѣдствіе запутывалось. Типичными примѣрами могутъ служить длившееся чуть ли не 10 лѣтъ слѣдствіе о провинціальномъ секретарѣ Аверкіи Перминовѣ, которое постепенно обросло цѣлымъ рядомъ второстепенныхъ дѣлъ, частью органически вытекавшихъ изъ главнаго, частью искусственно къ нему пристегнутыхъ. Не менѣе характерно дѣло Сибирскаго губернатора Сухарева: уже послѣ того, какъ слѣдствіе было въ полномъ ходу, на Сухарева пошли новые доносы, частью повторявшіе старыя обвиненія, частью выставлявшіе новыя [1]).

Человѣкъ энергичный, настойчивый, раздраженный глухимъ сопротивленіемъ и мелкими непріятностями, могъ забыть, что онъ былъ слѣдователемъ, и могъ стремиться превратиться въ судью, на что онъ бывалъ уполномоченъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Тотъ, кто сохранялъ въ большей степени чувство законности, самъ могъ искать въ судѣ правды за обиды и нареканія, которымъ онъ подвергался. Такъ, напримѣръ, поступилъ тарскій слѣдователь, подполковникъ Сухаревъ, подавшій челобитную въ клеветѣ въ отвѣтъ на жалобу, исходившую отъ тарскаго воеводы [2]). Человѣкъ мягкаго характера, неустойчивый, особенно если онъ былъ вдобавокъ не чуждъ корыстолюбія, рисковалъ не удержаться на высотѣ положенія и легко могъ дѣлать ложные шаги. Не разъ упомянутаго князя Гагарина вѣроятно недаромъ упрекали въ пристрастіи и неумѣніи вести дѣло.

Постоянныя неудачи могли повліять на слѣдователя еще иначе: полковникъ Боборыкинъ самъ приходитъ въ отчаяніе отъ той праздности, въ какую погружена была его комиссія „за опроверженіемъ онаго губернатора Сухарева“ [3]). Не справившійся со своей задачей, слѣдователь нерѣдко обращался къ начальству съ просьбой его уволить; такъ поступилъ Московской ревизіонъ-конторы совѣтникъ Таптыковъ, начавшій слѣдствіе о Рязанскомъ воеводѣ Чебышовѣ; раздраженный препятствіями, выраставшими передъ нимъ на каждомъ шагу, онъ просилъ его смѣнить, ссылаясь на то, что онъ „волею Божіей одержимъ тяжкою глазною болѣзнью, а за неимѣніемъ здѣсь (въ Переяславлѣ-Рязанскомъ) лекаря,

---

1) $^{40}/_{256}$, лл. 165—175, 185—186.

2) $^{20}/_{236}$, лл. 969, 976, 979, 986, 993, 994.

3) $^{40}/_{256}$, лл. 936—939; другой примѣръ: $^{89}/_{305}$; л. 694: комиссія подполковника Пестова почти праздна.

пользовать той болѣзни некому“ [1]). Иногда слѣдователь, наоборотъ, готовъ былъ вести свое дѣло дальше, но другіе просили о его смѣнѣ, и подобныя ходатайства нерѣдко увѣнчивались успѣхомъ. Вотъ характерный примѣръ: въ іюлѣ 1753 года „въ военную коллегію коллежскій ассесоръ Аѳанасій Гончаровъ поданною челобитною объявляетъ, что слѣдователь по дѣлу „о бѣглыхъ Брянской его вотчины крестьянъ съ брянскими купцами Е. И. В. указамъ противностяхъ“ подполк. Лялинъ, „по страсти черезъ происки брянскихъ купцовъ, подлежащихъ къ тому слѣдствію, повѣреннаго его (Гончарова) по тому дѣлу не допущаетъ, приказчика его, Зайцева, и крестьянъ, которые отъ тѣхъ воровъ разорены о несъѣздѣ ихъ никуды обязалъ подписками, незнаемо для чего безвинно“, а купцовъ, причастныхъ къ дѣлу, „дружа и норовя имъ не сыскиваетъ“. Гончаровъ настоятельно жалуется на пристрастіе Лялина, ничѣмъ впрочемъ жалобъ своихъ не доказывая, и достигаетъ того, что военная коллегія „реченнаго подполк. Лялина за показаннымъ на него колл. асс. Гончарова подозрѣніемъ и посягательствомъ отъ порученнаго ему слѣдствія“ отрѣшила, а на мѣсто его назначила премьеръ-маіора Выродова, который и повелъ дѣло именно такъ, какъ хотѣлъ Гончаровъ. Въ результатѣ вся слѣдственная комиссія о брянскихъ посадскихъ людяхъ и крестьянахъ Гончарова превратилась въ обыкновенное уголовное дѣло о бѣглыхъ крестьянахъ [2]).

Мы не знаемъ, насколько подп. Лялинъ заслуживалъ обвиненій, которыя на него взводилъ Гончаровъ, но намъ хорошо извѣстны случаи, когда слѣдователи, опьяненные властью, теряли голову. Призванные судить о проступкахъ другихъ, они часто оказывались такими же людьми своего вѣка и бывали случаи, когда слѣдователь болѣе годился въ подслѣдственные, чѣмъ въ судьи чужихъ поступковъ. Очень интересенъ съ этой стороны „представленный отъ герольдмейстерскихъ дѣлъ“ и отправленный на слѣдствіе въ Алатырь подполк. Максимъ Полубояриновъ. Находившійся подъ слѣдствіемъ воевода Шишкинъ жаловался на него, говоря, что онъ, „ѣздя по уѣздамъ покупаетъ земли на посторонніе имена, а при письмѣ крѣпостей пошлины таитъ“. Жалобы шли и на сына слѣдователя: „сынъ твой, за запретительнымъ Е. И. В. указомъ, декабря 19 дня 1745 г., которымъ запрещено въ домѣхъ ни по птицамъ, ни для забавъ подъ взятіемъ штрафа 1000 р. стрѣлять, пришедъ къ воеводскому двору въ огородъ изъ ружья стрѣлялъ“. Жаловался на Полубояринова также состоявшій при комиссіи канцелярист Красильниковъ: „мая 23 дня 1749 г. оный подполковникъ пришедъ въ слѣдственную комиссію передъ вечернимъ временемъ изъ гостей и безъ

---

[1]) $^{38}/_{254}$, л. 61.

[2]) $^{54}/_{270}$, лл. 406—409, 1052—1053.

всякой моей вины бранилъ меня всякою скверною и непотребною бранью и приказывалъ посадить въ чѣпь большую, а потомъ приказалъ сковать въ желѣзо, и изъ той комиссіи тогда скованой высланъ я на дворъ на крыльцо". Красильникова держали подъ карауломъ $7^1/_2$ мѣсяцевъ, но на этомъ его мытарства не кончились. 7 января 1750 года, выпущенный изъ-подъ ареста онъ пришелъ „къ оному подполковнику и просилъ", „чтобъ о выдачѣ ему недоданнаго жалованья послано было въ Алатырскую провинціальную канцелярію и на оное онъ подполковникъ мнѣ сказалъ, чтобъ ходить мнѣ по-міру и просить милостыню Христа ради, а жалованья на тебя требовать не буду и не своими де за тебя деньгами платить и буде де хочешь, поѣзжай въ Москру и бей челомъ на меня, а пашпорту де тебѣ дать нельзя". Красильниковъ поѣхалъ въ Москву и добился смѣщенія Полубояринова, который тѣмъ временемъ успѣлъ рассориться и со своимъ помощникомъ колл. секр. Долженковымъ [1]). Красильниковъ въ числѣ другихъ жалобъ указывалъ, что Полубояриновъ „бралъ рыбою"; бывали и прямыя обвиненія во взяткахъ; мы видѣли ихъ выше, приводя челобитья доносителей на слѣдователя Гагарина. Едва ли здѣсь одни только наговоры и подозрѣнія. Возможность для слѣдователя самому согрѣшить и даже въ концѣ концовъ попасть подъ слѣдствіе было реальнымъ фактомъ въ административной жизни XVIII вѣка. „Сибирскаго гварнизона" Енисейскаго пѣхотнаго полка подполк. А. М. Сухаревъ въ 1730—32 гг. велъ слѣдствіе о тарскомъ воеводѣ Рукинѣ и, насколько можно судить, велъ его энергично и добросовѣстно. Двѣнадцать лѣтъ спустя тотъ же самый Сухаревъ, уже въ чинѣ генералъ-маіора и въ должности Сибирскаго губернатора самъ попалъ подъ слѣдствіе, тянувшееся до его смерти. Отмѣтимъ еще, что слѣдователи подвергались иногда и дисциплинарнымъ взысканіямъ: извѣстному намъ полк. Лукьяну Боборыкину было указано, „за непорядочные его въ противность многимъ указамъ поступки, не производить ему жалованья" [2]).

Мы выяснили въ главныхъ чертахъ ходъ работы слѣдственныхъ комиссій на мѣстахъ ихъ дѣйствій. Сказаннаго достаточно, чтобъ видѣть какъ много встрѣчалось здѣсь затрудненій. Успѣху дѣла мѣшало многое, и случалось, дѣло оставалось на полдорогѣ. Впрочемъ, болѣе обычнымъ было, что слѣдователи кончали свой трудъ на мѣстѣ и представляли результаты его въ учрежденіе, ихъ командировавшее. На этомъ дѣло слѣдствія не останавливалось, оно переходило лишь въ новую стадію, и конецъ его бывалъ иногда еще очень далекъ.

---

1) $^{53}/_{269}$, лл. 118, 122, 162, 163, 191—194.
2) $^{40}/_{256}$, л. 1024.

IV.

Пока слѣдственная комиссія вела свою работу на мѣстѣ, высшее учрежденіе, назначившее ревизію, сохраняло наблюденіе за всѣмъ дѣломъ. Какъ ни были широки полномочія слѣдователя, онъ все-таки не былъ вполнѣ самостоятельнымъ и въ важныхъ случаяхъ сносился съ командировавшимъ его учрежденіемъ, доносилъ о своихъ дѣйствіяхъ, испрашивалъ новыхъ распоряженій. Положеніе слѣдователя осложнялось и необходимость сноситься съ начальствомъ дѣлалась настоятельной, если къ дѣлу слѣдствія были причастны нѣсколько вѣдомствъ. При безсистемности въ іерархіи учрежденій XVIII в. слѣдователю надо было быть очень внимательнымъ, чтобы не попасть въ непріятное, даже, можетъ быть, опасное положеніе между прямымъ начальствомъ съ одной стороны и какой-нибудь коллегіей, соляной конторой, сысканымъ приказомъ или главнымъ магистратомъ съ другой. Чѣмъ крупнѣе было дѣло, тѣмъ положеніе могло оказаться труднѣе. Когда, напр., изслѣдовались поступки Сибирскаго губернатора Сухарева, то слѣдственной комиссіи приходилось вести сношенія не только съ Сенатомъ, но еще съ тайной канцеляріей, сенатской конторой и Сибирскимъ приказомъ въ Москвѣ. Само собою разумѣется, что необходимость принимать во вниманіе требованія и интересы различныхъ учрежденій и вѣдомствъ очень замедляла дѣло и потому одновременныя сношенія съ нѣсколькими высшими учрежденіями слѣдуетъ считать въ числѣ обстоятельствъ, понижавшихъ успѣхъ слѣдственныхъ комиссій.

Но вотъ слѣдствіе оканчивалось. Что же представляла слѣдственная комиссія пославшимъ ее, въ качествѣ матеріала, на основаніи котораго долженъ былъ рѣшиться вопросъ о виновности иногда очень вліятельныхъ лицъ? Обычно высылалось все дѣлопроизводство комиссіи и въ особенности показанія, данныя какъ подслѣдственными лицами, такъ и свидѣтелями; центральной частью этого производства были донесенія самихъ слѣдователей и „экстрактъ“ всего дѣла, который и долженъ былъ служить путеводной нитью для ознакомленія съ нимъ. Примѣромъ дальнѣйшей судьбы дѣла въ губернской канцеляріи можетъ служить Тарская комиссія подп. Сухарева 1730—32 гг. Дѣятельность Сухарева выразилась главнымъ образомъ въ разборѣ жалобъ на воеводу Рукина, по которымъ онъ выносилъ и приговоры [1]). Однимъ изъ первыхъ было разо-

[1]) Дѣятельность Сухарева можетъ, между прочимъ, служить примѣромъ, сравнительно рѣдкимъ, когда слѣдствіе смѣшивается съ судомъ и слѣдователь въ противоположность обыкновенію выступаетъ въ качествѣ судьи, рѣшающаго цѣлый рядъ дѣлъ ($^{20}/_{236}$, лл. 42 — 45, 93, 146, 176, 189, 361, 554). Обычно слѣдователь, не постановляя окончательнаго рѣшенія, высказывалъ по судебному

брано дѣло по жалобѣ сына боярскаго Василія Чередова, обвинявшаго Рукина въ томъ, что, несмотря на поднесеніе ему „за честь“ 3 соболей, 2 лисицъ, 2 золотниковъ золота и другихъ подарковъ (которыхъ онъ, Чередовъ, впрочемъ, на Рукинѣ „не спрашиваетъ и не истецъ“), воевода вымогательствами взялъ у него 15 лисицъ красныхъ, 5 руб. денегъ, „лошадь иноходную“. Послѣ приговора, произнесеннаго Сухаревымъ, дѣло перешло въ Тобольскую губернскую канцелярію, гдѣ „1731 г., сентября 27 дня, по указу Е. И. В., тайный сов. и Сибирской губерніи губернаторъ г. Плещеевъ, да полковникъ и вице-губернаторъ г. Болтинъ приговорили: по силѣ Соборнаго Уложенія 10 главы 136-й статьи и 14-й главы и по учиненному въ Тарѣ приговору за рукою полк. Сухарева, истца Чередова оправить, а отвѣтчика Рукина обвинить“ [1]). И это дѣло и длинный рядъ дѣлъ, послѣдовавшихъ за нимъ—совершенно однороднаго характера; губернская канцелярія утверждаетъ предварительный приговоръ Сухарева; бывшій воевода Рукинъ, рядовой мошенникъ того времени (человѣкъ впрочемъ сравнительно совѣстливый, такъ какъ обычно, „до крестнаго цѣлованія не допускалъ“ и винился во взяткахъ), приговаривается былъ къ удовлетворенію гражданскаго иска и возмѣщалъ то, что прежде успѣлъ награбить. Интересно однако, что кромѣ отставленія отъ должности онъ другого наказанія не понесъ.

Самыя значительныя и интересныя слѣдственныя комиссіи назначались изъ Сената; туда же представлялись матеріалы, добытые слѣдствіемъ. Дальнѣйшій ходъ дѣлъ въ Сенатѣ даетъ самыя типичныя и интересныя картины изъ этой послѣдней стадіи дѣятельности слѣдственныхъ комиссій.

Наблюденія надъ производствомъ дѣлъ въ Сенатѣ приводятъ прежде всего къ выводу, что дѣла тянулись невѣроятно долго; въ столицѣ начиналась настоящая Петербургская волокита, которая ничѣмъ не отличалась отъ старой Московской. Дѣло воеводы Жукова велось на мѣстѣ съ 1752 по 1756 г., а въ Петербургѣ лежало безъ движенія еще въ 1763 г.; конца его мы такъ и не знаемъ [2]). Дѣло Ходырева началось въ 1746 г.; 27 іюня 1753 г. кап. Терскій закончилъ слѣдствіе и представилъ прямо въ кабинетъ императрицы донесеніе

дѣлу только „мнѣніе“, которое и представлялъ вмѣстѣ съ подробной мотивировкой и всѣми документами по начальству. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить дѣятельность подп. Коробова, послѣдовавшаго дѣйствія Ярославскаго воеводы Вельяминова-Зернова: разсмотрѣвъ жалобы онъ составлялъ „мнѣнія“, которыя и представлялись въ сенатъ. ($^{16}/_{232}$, лл. 597—603, 929—936, 982—983, 1028—31, 1048—49).

[1]) $^{20}/_{236}$, лл. 30—39, 42—44.

[2]) Чт. О. И. Д. Р. 1888, № 1, стр. 33—34.

вмѣстѣ съ экстрактомъ на нѣсколькихъ сотняхъ листовъ. Тамъ дѣло лежало до 1757 г., когда новые хлопоты неугомоннаго секретаря Манахтина перенесли его въ сенатъ для разбора, котораго оно, однако, дожидалось еще 2 года [1]). Дѣло секретаря Перминова, рѣшенное сенатомъ въ 4 мѣсяца—блестящее, но рѣдкое исключеніе [2]). Если же взять общую продолжительность дѣйствій слѣдственныхъ комиссій, то здѣсь періодъ въ 10 лѣтъ является далеко не рѣдкостью [3]).

Длинный періодъ времени не былъ гарантіей всесторонняго и безпристрастнаго разсмотрѣнія дѣла. Если мы исключимъ тѣ комиссіи, дѣла которыхъ дошли до насъ не въ полномъ составѣ, то найдемъ случаи, когда дѣло за прекращеніемъ не доходило въ сенатѣ до суда. Это могло произойти вслѣдствіе стараній сильныхъ друзей; мы видѣли, какъ работали родственники и кумовья для тѣхъ, кому только грозилъ судъ; они не переставали работать и послѣ перехода дѣла въ сенатъ. Дѣло князя Козловскаго, кажется, такъ и заглохло; такую же судьбу имѣло повидимому и дѣло Вельяминова-Зернова, разслѣдованное въ Ярославлѣ Коробовымъ.

Надобно было имѣть выдающуюся энергію секретаря Манахтина, чтобъ наперекоръ всѣмъ Шуваловымъ вырвать свое дѣло изъ забвенія. Эпизодъ этотъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія: 3 января 1758 г. ген. прокуроръ кн. Н. Ю. Трубецкой получилъ письмо отъ гр. А. Б. Бутурлина съ предложеніемъ отъ имени императрицы немедленно разсмотрѣть дѣло Манахтина. Письмо подѣйствовало. 4 дня спустя правительствующій сенатъ „приказали“ поставить дѣло Манахтина и Ходырева на очередь. Поддержка Бутурлина и позднѣе, вѣроятно, помогла Манахтину довести свое дѣло до благополучнаго окончанія. Въ другихъ случаяхъ прекращала дѣло сама верховная власть не безъ старанія и здѣсь со стороны друзей. Такъ случилось съ дѣломъ по обвиненію Волынскаго въ притѣсненіяхъ инородцевъ. Наконецъ, дѣло могло оканчиваться безъ разбирательства вслѣдствіе смерти заинтересованныхъ лицъ. Дѣло Сибирскаго губернатора Сухарева возникло въ 1744 г. и затянулось на цѣлыхъ 10 лѣтъ; 16 апрѣля 1754 г. начальникъ слѣдственной комиссіи, чуть ли не пятый по счету, полк. Сацыперовъ, изобразивъ печальное положеніе комиссіи, „праздной“ „за непроизвожденіемъ дѣлъ“, просилъ „высокоповелительнаго указу помянутое о г.-м. Сухаревѣ слѣдствіе за вышеизображенными обстоятельствы и что уже оный губернаторъ Сухаревъ и доноситель подполк.

---

[1]) $^{104}/_{320}$, лл. 1—13, 805—806.

[2]) $^{51}/_{267}$, лл. 2073—89.

[3]) Изъ 20 комиссій, дѣла которыхъ были изучены въ полномъ составѣ, 6 продолжались свыше 10 лѣтъ, 6 — отъ 5 до 8 лѣтъ и 8 — меньшій періодъ времени.

Кенеманъ помре, а прочіе доносители содержатся подъ секретными и безвѣстными аресты, повелѣно-ль будетъ болѣе производить“ [1]). И сенатъ, войдя въ это экстраординарное положеніе, указомъ отъ 16 сентября того же 1754 г. прекратилъ дѣло [2]).

Обратимся теперь къ слѣдственнымъ дѣламъ, которыя доводились въ сенатѣ до конца. Обзоръ относящагося сюда матеріала даетъ возможность сдѣлать довольно любопытныя наблюденія.

Должностныя лица, дѣянія которыхъ приходилось разслѣдовать комиссіямъ, грѣшили больше всего лихоимствомъ и взяточничествомъ. За эти грѣхи и выносили имъ чаще всего обвинительный приговоръ. Выше я уже имѣлъ случай указать, что Тобольская губернская канцелярія, признавъ воеводу Рукина виновнымъ во взяточничествѣ, опредѣлила взыскать съ него всю забранную сумму, не наложивъ на него наказанія за самый фактъ взяточничества и вымогательства. Приблизительно на такой же точкѣ зрѣнія стояли сенатъ и слѣдователи, посылаемые изъ столицы: въ принципѣ въ пользу казны взимался штрафъ въ двойномъ размѣрѣ противъ взятаго, согласно 22 ст. 7 главы Уложенія; за сто лѣтъ понятіе о карѣ за должностныя преступленія не сдѣлало и шагу впередъ; наоборотъ, на практикѣ, очень часто признавалось достаточнымъ простое возмѣщеніе. Ярославскій слѣдователь Коробовъ представилъ въ сенатъ слѣдующее мнѣніе объ одномъ изъ подвиговъ воеводы Вельяминова-Зернова. Послѣдній, получивъ приказаніе выслать въ Петербургъ сына ярославскаго купца Ивана Крылацкаго „въ непоставкѣ въ адмиралтейство провіанта“, держалъ подъ стражей обоихъ—отца и сына—въ теченіе нѣсколькихъ недѣль „и взялъ съ нихъ денегъ 10 рублей да косякъ мыла 1 руб. 20 коп.“. Мнѣніе Коробова таково: „по сему дѣлу надлежитъ истцу Крылацкому отъ отвѣтчика стат. сов. Ѳедора Вельяминова-Зернова взятыя деньги 10 руб., да за косякъ мыла 1 руб. 20 коп., возвратить, а что онъ, Вельяминовъ-Зерновъ, въ прошломъ 1727 году его истца и сына его Ивана и служителя ихъ подъ карауломъ держалъ октября съ 26 декабря по 1-е число, зато на немъ, Вельяминовѣ, взять штрафу 50 руб.“ [3]). Итакъ, матеріальный ущербъ возмѣщается, а штрафъ берется за незаконный арестъ. Мы не знаемъ, какъ взглянули въ сенатѣ на мнѣніе Коробова; для характеристики взглядовъ, господствовавшихъ въ высшемъ учрежденіи имперіи, приходится обратиться къ другимъ примѣрамъ. Съ рязанскихъ провинціальныхъ властей, признанныхъ виновными во взяточничествѣ, сенатъ опредѣлилъ произвести взысканіе слѣдующимъ образомъ: со

---

1) $^{104}/_{320}$, л. 805.
2) $^{40}/_{236}$, лл. 1369—1374; 1379—1382.
3) $^{16}/_{232}$, лл. 982—983; аналогичный примѣръ тамъ же, лл. 1048—49.

всѣхъ взять вдвое, а „которыя взятки Чебышовъ и Олсуфьевъ брали съ подъячаго Бѣляева, тако-жъ и Бѣляевъ бралъ съ подрядчиковъ, тѣ съ нихъ взыскать въ казну-жъ въ одинъ рядъ"; взятые съ населенія поборы возвратить тѣмъ, у кого они взяты [1]). Точно такимъ же образомъ былъ оштрафованъ за взятки и поборы казанскій ревизоръ Бардекевичъ [2]).

Другая характерная черта сенатскихъ приговоровъ по слѣдственнымъ дѣламъ — это бо́льшая сравнительно строгость наказаній для младшихъ служащихъ, для мелкой сошки. Любопытно въ этомъ отношеніи сложное и запутанное дѣло 1730 годовъ о злоупотребленіяхъ въ Калужской провинціальной канцеляріи. Оно началось съ доноса воеводскаго товарища маіора Потемкина на воеводу Бестужева и ассессоровъ Ханыкова и Кирикрѣйскаго. Пошло слѣдствіе; оно осложнилось другими доносами, другими побочными дѣлами, въ которыя оказались замѣшанными и полковникъ, разыскивающій бѣглыхъ рекрутъ, и предшественникъ Бестужева кн. Вяземскій, и секретарь калужской провинціи Протопоповъ, и калужскіе посадскіе люди. Дѣло нѣсколько разъ восходило въ сыскной приказъ и въ сенатъ; въ немъ принималъ дѣятельное участіе энергичный оберъ-прокуроръ Анисимъ Масловъ и, несмотря на это, все кончилось тѣмъ, что двумъ калужскимъ подъячимъ учинено по приговору Сената наказаніе кнутомъ [3]). Изъ слѣдственнаго дѣла бригадира Бардекевича выяснилось, что помощникомъ его и ревностнымъ исполнителемъ его приказаній по части взятокъ, своза крестьянъ и записки ихъ за Бардекевичемъ во время второй ревизіи былъ нѣкій вахмистръ, позднѣе прапорщикъ Демьяновъ. И что же? Бардекевичъ наказанъ штрафомъ—вычетомъ за треть года жалованья, а Демьяновъ разжалованъ и написанъ въ драгуны [4]).

Третья черта, неизмѣнно отличающая ходъ слѣдственныхъ дѣлъ въ Сенатѣ, заключается въ постоянной снисходительности къ дворянамъ, наряду съ безпощадной строгостью къ разночинцамъ, посадскимъ и крестьянамъ. Можно подумать, что существуютъ двѣ мѣрки поступковъ — одна для дворянъ, другая — для всего остального населенія. Впрочемъ, для Россіи XVIII вѣка въ этомъ едва-ли есть что-либо удивительное. Дворянство господствуетъ и господство это тяжело ложится на всѣхъ соціально и политически обездоленныхъ, т.-е. фактически на всѣхъ не-дворянъ; это въ особенности замѣтно въ чисто дворянское Елизаветинское царствованіе. Такъ, напримѣръ, въ извѣст-

---

1) $^{38}/_{254}$, л. 245.
2) $^{55}/_{271}$, лл. 965–971.
3) $^{23}/_{239}$, лл. 11, 1132—1135; $^{26}/_{242}$, лл. 7, 8, 280, 348, 526.
4) $^{55}/_{271}$, лл. 970—971.

номъ дѣлѣ помѣщика Гончарова, Елизаветинскій сенатъ (1749), явно пристрастно относившійся къ интересамъ Гончарова во все время существованія слѣдственной комиссіи, въ концѣ концовъ, едва ли вникнувъ особенно глубоко въ дѣло, постановилъ возвратить крестьянъ Гончарову, заводчиковъ дѣла бить кнутомъ, остальныхъ же бить „плетьми нещадно“, чтобы имъ впредь не повадно было бѣгать [1]).

Если преступленіе совершалось двумя лицами—дворяниномъ и недворяниномъ, то можно сказать навѣрное, что наказаніе второго было болѣе тяжкимъ. По совокупности всѣхъ преступленій, совершенныхъ рязанскими провинціальными властями, приказано было „бывшаго воеводу Чебышова и тит. сов. Олсуфьева, понизя по одному рангу, ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять и дать имъ пашпорты, въ которыхъ написать имянно, что они за то свое преступленіе чинами унижены и къ дѣламъ опредѣлять ихъ не велѣно, а также и подъячаго Бѣляева (также изъ дворянъ) ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять же, а купца Чичкинскаго, который явился въ подложномъ съ Олсуфьевымъ провіанта и фуража подрядѣ, бить плетьми, и взятыя имъ изъ казны деньги возвратить и впредь его ни въ какіе подряды и откупы не допускать“ [2]). Тенденція Сената постановить легкій приговоръ надъ преступникомъ, если только онъ дворянинъ—обычное явленіе не только при Елизаветѣ, но и позднѣе при Екатеринѣ II [3]).

Подобная тенденція не должна насъ удивлять. Вспомнимъ еще разъ дѣло воеводы Ходырева: при разсмотрѣніи его въ кабинетѣ императрицы „явились многіе въ ономъ дѣлѣ пристрастные поступки отъ сенаторовъ“, такъ что испрашивалось, „не изволитъ ли Е. И. В. указать сенаторовъ порознь всякаго спросить на письмѣ, читаны-ль имъ подлинныя доношенія и сочиненная выписка изъ дѣла“ [4]). Дворянскій Сенатъ радѣлъ о своихъ.

Приведенныя черты едва-ли могутъ характеризовать отношеніе сената къ слѣдственнымъ дѣламъ съ положительной стороны. Было бы, однако, ошибочнымъ судить въ данномъ случаѣ о сенатѣ только на основаніи приведенныхъ примѣровъ. Сенатъ иногда очень внимательно и подробно вникалъ въ дѣло и излагалъ свое рѣшеніе въ очень подробныхъ и продуманныхъ приговорахъ. Когда въ сенатѣ было представлено рѣшеніе юстицъ-коллегіи, въ которую поступило мнѣніе ревизора Полянскаго по дѣлу Вятскаго провинціальнаго секретаря Перминова, сенатъ, разобравъ дѣло, постановилъ: „учиненное юстицъ-коллегіи

---

1) $^{54}/_{270}$, лл. 103—133.
2) $^{38}/_{254}$, л. 215.
3) Грибовскій. „Матеріалы“, №№ 28, 29.
4) $^{103}/_{319}$, л. 195—196.

о присужденіи вышеименованнаго секретаря Перминова, по отнятіи чиновъ, къ наказанію кнутомъ и о взятіи его имѣніевъ въ казну мнѣніе отставить, понеже по разсмотрѣнію Правительствующаго Сената и по обстоятельству дѣла, онъ, Перминовъ, не точію приговоренному коллегіею, но и никакому наказанію не подлежитъ". Къ такому рѣзкому отношенію къ прежнему рѣшенію побудили сенатъ многія обстоятельства, которыя далѣе и излагаются. Сенатъ подробно доказываетъ, что доносъ архимандрита Потемкина, съ котораго началось дѣло, содержитъ въ себѣ несообразности и даже завѣдомую ложь. Перминова, напримѣръ, обвиняютъ въ томъ, что онъ не опубликовалъ присланнаго изъ сената указа о сборѣ недоимокъ съ архіерейскихъ крестьянъ; сенатъ указываетъ, что „тотъ указъ данъ Вятской провинціальной канцеляріи не для объявленія во всенародное извѣстіе, но точію послѣдовалъ по представленію оной канцеляріи" о взысканіи недоимокъ со всѣхъ монастырскихъ и архіерейскихъ домовъ поровну. Указывается, что въ этомъ пунктѣ самъ Перминовъ можетъ искать съ доносчиковъ за безчестье. Далѣе выясняются и другія причины шаткости доноса: братія Трифонова монастыря приговоромъ, поданнымъ новому архимандриту, заявила, „что де на Перминова доносить, такого у нихъ братскаго согласія никогда не бывало, и съ чего Потемкинъ то учинилъ они неизвѣстны, а доносители на тотъ ихъ общій приговоръ никакого спору къ дѣлу не подали и ничѣмъ оный не опровергли". Взяточничество Перминова не доказано; главные свидѣтели обвиненія умерли. Нѣкоторые поступки Перминова, сами по себѣ противные законамъ, уже покрыты указами объ амнистіи. Сенатъ отвергаетъ послѣдовательно всѣ пункты доноса; остановимся на послѣднемъ. Перминова обвиняли въ томъ, что онъ во время крестнаго хода съ образомъ Николая Чудотворца пускалъ „ракиты" и палилъ изъ пушекъ. Въ этомъ, по мнѣнію Сената, „винности его, Перминова, никакой не находится", потому что это не противорѣчитъ закону и происходило съ соблюденіемъ требуемыхъ предосторожностей, вдали отъ жилищъ и никому не принесло ущерба. Отмѣнивъ рѣшеніе коллегіи, Сенатъ возстановилъ Перминова въ прежней должности секретаря Вятской провинціи [1]).

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ оправдательнымъ приговоромъ, разсмотримъ также и обвинительный приговоръ; онъ относится къ дѣлу Ходырева.

Разсмотрѣвъ всѣ дѣла ревизіи Терскаго, сенатъ призналъ Ходырева виновнымъ во всемъ, что доносилъ на него секретарь Манахтинъ, „за что за все онъ, Ходыревъ, ежели бы понынѣ былъ живъ, яко пре-

[1]) $^{51}/_{267}$, л. 2073 –2089.

ступникъ высочайшихъ Е. И. В. указовъ и присяжной своей должности, по силѣ 714, дек. 24, 720 г. февр. 9, 722, апр. 4, 12 да 17, 724 г. генваря 22 да февр. 5, 745 г. дек. 31, 747, генв. 31 чиселъ указовъ и генеральнаго регламента 4, 6, 20 и 50-й главъ, подлежалъ смертной казни, но понеже онъ Ходыревъ умре, и для того за тѣ-жъ его преступленія нынѣ учинить слѣдующее: оставшее послѣ его Ходырева собственное его движимое и недвижимое имѣніе, дворы, пожитки и прочее, отписать на Е. И. В.". Ходырева самого спасла смерть; поэтому за него отвѣчаетъ его имущество и его сообщники: „бывшаго при немъ за капрала разсыльщика Селезнева, черезъ котораго Ходыревъ бралъ съ обывателей не малыя взятки", приговорено: „бить кнутомъ и сослать въ Сибирь на Колывано-Воскресенскіе серебряные заводы, прочихъ разсыльщиковъ высѣчь плетьми и отослать обратно въ Симбирскую провинціальную канцелярію". Имущество Ходырева за покрытіемъ всѣхъ расходовъ на содержаніе слѣдственной комиссіи, должно быть передано въ Симбирскую провинціальную канцелярію для пересылки въ канцелярію конфискаціи.

Но разъ Ходыревъ осужденъ, то бывшій секретарь Манахтинъ возстановленъ этимъ самымъ въ своихъ правахъ и долженъ получить награду за долгіе годы лишеній и невзгодъ. На такую именно точку зрѣнія и сталъ сенатъ, постановивъ: „за правильный доносъ" на воеводу „въ разсужденіе того, что моложе его нѣкоторые изъ провинціальныхъ же и губернскихъ секретарей произведены въ коллежскіе секретари и титулярные совѣтники, а онъ, Манахтинъ, за бытностью при томъ слѣдствіи обойденъ и понынѣ провинціальнымъ секретаремъ состоитъ, наградить рангомъ титулярнаго совѣтника", а за то, что онъ, вслѣдствіе отрѣшенія отъ должности, долгое время „жалованье и никакой акцинденціи не получалъ", выдать ему жалованье по высшему окладу, положенному для Петербурга и новозавоеванныхъ городовъ. Манахтинъ самъ виноватъ въ нѣкоторыхъ проступкахъ по службѣ, но онъ такъ долго былъ отрѣшенъ отъ дѣлъ, что его терпѣніе и изданные съ тѣхъ поръ указы объ амнистіи даютъ полную возможность отпустить ему вины. Еще раньше, въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда Манахтину удалось было получить перевѣсъ надъ своимъ врагомъ, возникалъ вопросъ о дарованіи ему еще болѣе высокой награды—чина надворнаго совѣтника; сенатъ не беретъ на себя рѣшенія этого вопроса, оставляя его на благовоззрѣніе императрицы [1]).

Что происходило послѣ сенатскаго рѣшенія по слѣдственному дѣлу, видно изъ конца дѣла Ходырева. Это вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ послѣдними моментами существованія слѣд-

1) $^{104}/_{320}$, лл. 851—866.

ственныхъ комиссій. Прежде всего на слѣдственной комиссіи, которая не упразднялась до рѣшенія дѣла въ сенатѣ, лежало приведеніе приговора въ исполненіе. Въ приговорѣ по дѣлу Ходырева мы встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: „велѣть ему, Терскому, всѣ производимыя по той комиссіи слѣдственныя дѣла и описныя у виновныхъ пожитки и оставшую денежную казну и данныхъ отъ Симбирской провинціальной канцеляріи приказныхъ служителей и команду, учиня виновнымъ присужденное по Правительствующаго Сената рѣшенію публичное наказаніе и для разсылки ихъ въ надлежащія мѣста, отдать въ Симбирскую провинціальную канцелярію при письменномъ извѣстіи немедленно; самому л.-гв. капитану Терскому и съ находящимися при немъ въ командѣ военно-служащими явиться въ своихъ командахъ [1]). По исполненіи приговора комиссія упраздняется, ея канцелярія распускается, начальствующія лица отправляются къ мѣстамъ постояннаго служенія, а дѣла передаются въ мѣстныя учрежденія, которыя теперь вновь входятъ въ свои права, умаленныя параллельно дѣйствовавшей комиссіей, и становятся окончательными ликвидаторами ея наслѣдства.

Наслѣдство заключалось въ удовлетвореніи гражданскихъ исковъ; на это шло конфискованное имущество виновныхъ, за вычетомъ расходовъ на содержаніе самой комиссіи. Наиболѣе богатое по содержанію изъ дѣлъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи, дѣло Ходырева, и здѣсь даетъ возможность нарисовать довольно яркую картину.

По пріѣздѣ въ Симбирскъ Терскій наложилъ арестъ на движимое имущество Ходырева. Опись этого имущества показываетъ, что Ходыревъ жилъ хорошо и даже, повидимому, не безъ оттѣнка роскоши. Перечисляются образа въ богатыхъ ризахъ съ драгоцѣнными камнями, серебряный крестъ съ мощами, до 30 томовъ книгъ церковной печати различнаго содержанія, сочиненія „Пафендорфія“, духовный регламентъ, юности честное зерцало, соборное уложеніе „календаровъ, печатныхъ семь, разныхъ годовъ, да письменный съ трагедіи печальной переводъ съ письма эллино-греческаго“, лѣчебникъ письменный, 3500 руб. денегъ рублевой и полтинной монеты, довольно богатая серебряная утварь, 15 камзоловъ и кафтановъ глазетовыхъ, штофныхъ, парчевыхъ, суконныхъ, шлафоръ мужской, камчатый цвѣтной, подбитъ

---

[1]) $^{104}/_{320}$, л. 861—866. Другой примѣръ изъ комиссіи о губернаторѣ Сухаревѣ: по окончаніи дѣла отсылаются—канцеляристъ Калугинъ и разные припасы въ Сибирскую губ. канцелярію „при промеморіи“, копистъ Забѣлинъ — въ Ишимскую провинціальную канцелярію, изъ которой онъ былъ присланъ, „при указѣ“; находившіеся для карауловъ солдаты—въ гарнизонную канцелярію „при промеморіи“, а послѣдній изъ слѣдователей, полк. Сацыперовъ, „имѣетъ явиться къ командѣ“. $^{40}/_{256}$, л. 3196.

гарнитуромъ, шуба, епанча васильковаго сукна, тулупы, до 70 шкуръ волковъ, лисицъ и куницъ и т. п.; нѣсколько бѣднѣе гардеробъ воеводши, которая успѣла во-время выѣхать изъ Симбирска. У воеводы было до 20 лошадей на конюшнѣ, пять или 6 различныхъ колясокъ, саней и другихъ экипажей [1]) и т. д.

До насъ дошли также свѣдѣнія о расходованіи денегъ и части имущества Ходырева. На пропитаніе Ходырева и его людей и на содержаніе конюшни было выдано съ 1747 по 1755 годъ 1338 руб.; возвратилъ ему Терскій и носильное платье; расходы по содержанію комиссіи выразились въ суммѣ 1982 руб. $12^3/_4$ коп., такъ что, за вычетомъ этихъ суммъ, изъ ходыревскихъ денегъ осталось 179 р. $87^1/_4$ коп. и „прочая описная пажить“, которые переданы были въ Симбирскую провинціальную канцелярію „на удовлетвореніе обидимыхъ“ вмѣстѣ съ 68 р. 55 коп., остаткомъ также описаннаго имущества разсыльщика Селезнева. Претензіи, предъявленныя Симбирскими обывателями къ Ходыреву, достигали 1975 руб. $70^1/_2$ коп. „А присланныхъ изъ комиссіи описныхъ пожитковъ выбранными отъ Симбирскаго купечества цѣновщиками оцѣнено на 375 руб. $71^1/_2$ коп., а продано оныхъ съ публичнаго торгу охочимъ людямъ на 512 руб. 97 коп., да описныхъ у онаго Ходырева и у разсыльщика Селезнева денегъ изъ той комиссіи прислано 248 р. $42^1/_4$ к., итого денегъ и пожитковъ на 761 р. $39^1/_4$ к.; изъ того числа выдано по поданнымъ въ комиссію и въ Симбирскую провинціальную канцелярію доношеніямъ по силѣ Прав. Сената указу обидимымъ 732 руб. 82 коп., затѣмъ состоитъ 28 руб. $57^1/_4$ коп., а въ канцелярію конфискаціи оныхъ достальныхъ денегъ не отослано, затѣмъ, что многіе обидимые по ихъ прошеніямъ не удовлетворены“. Выходитъ, что содержаніе комиссіи съѣло почти все, и даже тѣ изъ „обидимыхъ“, которымъ заплатили, получили только по 35 коп. на руб. Возможно, конечно, что кое-что было возмѣщено позднѣе, по продажѣ недвижимаго имѣнія Ходырева, черезъ канцелярію конфискаціи, но свѣдѣній объ этомъ въ дѣлѣ нѣтъ [2]).

Исходъ дѣла Ходырева можетъ служить мѣриломъ для общей оцѣнки дѣятельности слѣдственныхъ комиссій. Это одно изъ самыхъ успѣшныхъ въ смыслѣ торжества правды дѣлъ, и что же? Воевода, виновный во множествѣ служебныхъ преступленій, умеръ, потому что сумѣлъ затянуть дѣло въ мертвую петлю; пострадалъ мелкій чело-

---

1) $^{103}/_{319}$, лл. 203—213.

2) $^{104}/_{320}$, л. 967—983; тамъ же подробная вѣдомость о томъ, кому именно распроданы отдѣльныя вещи изъ имущества Ходырева и списокъ лицъ, претензіи которыхъ были удовлетворены; къ числу послѣднихъ принадлежали купцы, цеховые, инородцы, т.-е. всякаго рода мелкота, которую легче всего было эксплуатировать воеводѣ.

вѣкъ—Селезневъ, обиженные получили очень мало, а большую часть конфискованнаго имущества поглотила сама комиссія; секретарю Манахтину, чтобъ достигнуть столь скромнаго торжества, понадобилось болѣе 12 лѣтъ неимовѣрныхъ трудовъ, лишеній, невзгодъ и позора, а слѣдователь Терскій получилъ предписаніе, по приведеніи въ исполненіе приговора по дѣлу Ходырева, явиться въ свой л.-гв. Семеновскій полкъ, гдѣ его должны были „судить воинскимъ судомъ за учиненные въ произведеніи того слѣдствія непорядки и указамъ Е. И. В. противные поступки“ [1]). Другія комиссіи нерѣдко достигали меньшаго.

Слѣдственная комиссія была предметомъ постояннаго страха для лихоимцевъ XVIII вѣка и боязнь ея сдерживала широкій размахъ взяточничества. Но комиссія не могла быть орудіемъ особенно успѣшнымъ, потому что на мѣсто произвола и насилія она ставила не право и законъ, а тотъ же произволъ и насиліе. Слѣдователь былъ властелиномъ, который самъ впадалъ въ искушеніе и шелъ по наклонной плоскости, приводившей къ обвиненіямъ и суду. Смѣщеніе Полубояриновыхъ, Боборыкиныхъ, обвиненія противъ Полянскаго, назначеніе слѣдствія надъ Терскимъ — не случайные факты; это естественный выводъ изъ общаго положенія. Учрежденія XVIII вѣка не могли пересилить людей того времени; слѣдствіе довѣрялось тѣмъ же людямъ, которые случайно попадали въ слѣдователи, какъ случайно могли попасть и подъ слѣдствіе; примѣръ Сухарева слѣдователя, чрезъ 12 лѣтъ попавшаго подъ слѣдствіе, такая же неслучайность, какъ и вышеприведенные примѣры. Если къ этому прибавить отношеніе къ дѣлу мѣстныхъ властей, взяточничество, царившее въ самомъ Сенатѣ, всякія удобства для уклоненія отъ слѣдствія и для сокрытія слѣдовъ преступленій, какія существовали въ странѣ съ тысячеверстными разстояніями безъ дорогъ, съ вотчинными уголками, гдѣ можно было спрятаться отъ всякой опасности, и „компаніями“ воровъ и разбойниковъ, которые наводняли всю страну, то станетъ вполнѣ понятно, что слѣдственныя комиссіи не могли справиться съ тѣмъ зломъ, съ которымъ онѣ боролись, и не могли вывести произвола и насилій изъ нравовъ русской администраціи XVIII вѣка. Было бы, однако, ошибкою вовсе отрицать ихъ значеніе; это было все-таки сильное орудіе борьбы центральнаго правительства съ преступленіями его подчиненныхъ органовъ, и если центръ былъ зараженъ такими же болѣзнями, какъ и провинція, то посредствомъ комиссіи можно было иногда положить предѣлъ слишкомъ беззастѣнчивой дѣятельности и слишкомъ далеко заходившимъ увлеченіямъ. Это былъ наиболѣе дѣйствительный органъ надзора и въ этомъ — значеніе слѣдственныхъ комиссій.

---

[1]) $^{104}/_{320}$, л. 851—866.

Самыя большія по объему дѣятельности комиссіи падаютъ на царствованіе Елизаветы. Ихъ не мало и въ 60-хъ годахъ, въ первые годы Екатерины II. Но между тѣми и другими замѣтная разница. Комиссіи 60-хъ годовъ — преимущественно губернскія. Сенатскія комиссіи отступаютъ на задній планъ; при назначеніи слѣдствія центральной властью, императрица сама выбираетъ слѣдователя [1]); сенатъ передаетъ полученныя жалобы въ губерніи. Между центральной властью и слѣдствіемъ становится губернаторъ [2]). Происходитъ какъ бы перемѣщеніе власти отъ сената къ губернской администраціи. Немного позднѣе явился и высшій органъ областного управленія, въ рукахъ котораго сосредоточился надзоръ за ходомъ областныхъ дѣлъ; это были намѣстники или „командующіе въ отсутствіе Ея Величества". Съ учрежденіемъ должности намѣстника комиссіи прежняго типа, назначаемыя сенатомъ, сдѣлались совершенно ненужными. Появляется постоянный мѣстный органъ надзора, и слѣдственныя комиссіи, какъ экстренное орудіе центральной власти, исчезаютъ. Сохраняются мѣстныя комиссіи, ранѣе учреждавшіяся для маловажныхъ дѣлъ, а теперь превратившіяся въ нормальный органъ, черезъ который дѣйствовала власть генералъ-губернаторовъ; что же касается надзора сената, то онъ пріобрѣтаетъ новыя формы.

Ю. Готье.

---

[1]) Грибовскій, Высшій судъ, 133.

[2]) Грибовскій, Матеріалы, лл. 4, 17, 24, 27, 30, 63, 79, 98, 120, 138.

VIII.

Изъ исторіи отмѣны „урочныхъ лѣтъ“ для сыска бѣглыхъ крестьянъ въ Московскомъ Государствѣ XVII вѣка.

I.

Спеціальная литература по исторіи крестьянскаго прикрѣпленія въ Московскомъ Государствѣ XVI—XVII вв. обстоятельно выяснила значеніе въ этой исторіи урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ. Извѣстно далѣе, что эти урочные годы были отмѣнены Уложеніемъ 1649 г. (XI, 1—2) послѣ ряда настойчивыхъ челобитій со стороны служилыхъ людей. Въ настоящей замѣткѣ мы желали бы остановиться на нѣкоторыхъ моментахъ борьбы противъ урочныхъ лѣтъ и попытаться выяснить, какія группы служилыхъ людей вели эту борьбу и въ какихъ обстоятельствахъ возникали ихъ челобитья, передъ которыми медленно и неохотно отступало правительство.

Установленный въ концѣ XVI в., какъ общее правило, 5-тилѣтній срокъ для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ самъ по себѣ не давалъ какихъ-либо особыхъ преимуществъ однѣмъ группамъ землевладѣльцевъ въ законной борьбѣ за крестьянъ и не ослаблялъ шансовъ этой борьбы для другихъ. Такое нейтральное, если такъ можно выразиться, значеніе урочныхъ лѣтъ должно было измѣниться, какъ скоро установленный срокъ сталъ нарушаться въ пользу нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ, получавшихъ привилегію отыскивать своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ болѣе продолжительные сроки, и когда общія условія государственной жизни открыли „сильнымъ людямъ“ возможность обратить урочные годы въ орудіе широкихъ злоупотребленій.

II.

Первымъ попытался пріобрѣсти привилегію сыска бѣглыхъ крестьянъ въ болѣе продолжительные сроки, чѣмъ указное пятилѣтіе, сильнѣйшій землевладѣлецъ, Троице-Сергіевъ монастырь, и борьба противъ урочныхъ лѣтъ открылась стремленіемъ провинціальныхъ служилыхъ людей, мелкихъ землевладѣльцевъ, уравнять шансы въ борьбѣ за крестьянъ съ могущественнымъ землевладѣльцемъ монастыремъ.

По челобитью троицкихъ властей въ 1613—1614 г. былъ изданъ указъ, разрѣшавшій монастырю вывозить по сыску бѣглыхъ крестьянъ обратно въ троицкія вотчины за 9 лѣтъ. Не удовлетворяясь этой привилегіей, власти Троицкаго монастыря въ слѣдующемъ году снова обратились къ царю съ челобитьемъ, согласно которому, по указу 10 марта 1615 г., „посланы во всѣ въ тѣ городы, гдѣ троицкія вотчины, къ воеводамъ и къ приказнымъ людямъ наши (государевы) грамоты, а велѣно тѣхъ троицкихъ вотчинъ крестьянъ свозити, сыскивая со 113 г., сентября съ 1 числа, и тому одиннадцать лѣтъ". Но это увеличеніе срока разрѣшено было только на одинъ годъ: „и вы-бъ,—продолжаетъ царская грамота,—троицкихъ крестьянъ сыскивали и свозили по нашему указу, каковъ нашъ указъ посланъ по городамъ, со 113 году, въ нынѣшнемъ во 123 году да по 124 годъ, а во 124 году тѣхъ троицкихъ крестьянъ со 113 году свозити есмя не велѣли, а будетъ о томъ нашъ указъ новой". Та же царская грамота упоминаетъ, что эта привилегія, дарованная монастырю, возбудила жалобы служилыхъ людей: „а дворяне и дѣти боярскіе многіе намъ били челомъ, что возятъ въ троицкія вотчины ихъ старинныхъ крестьянъ, которые жили за ними лѣтъ двадцать и болши"[1]). Новый, обѣщанный въ 1615 г., указъ объ урочныхъ годахъ не сохранился. Уже изъ документовъ 1630-хъ годовъ мы узнаемъ, что Троице-Сергіевъ монастырь сохранилъ за собою прежнюю привилегію—искать бѣглыхъ крестьянъ за 9 лѣтъ.

Первыя жалобы служилыхъ людей на затрудненія, проистекавшія для нихъ изъ дарованной Троице-Сергіеву монастырю привилегіи, не возымѣли дѣйствія и только черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ борьба противъ урочныхъ лѣтъ приняла рѣшительный характеръ. Въ 1637 году царь Михаилъ Ѳедоровичъ „пожаловалъ дворянъ и дѣтей боярскихъ Украинныхъ и Замосковныхъ городовъ, по ихъ челобитью велѣлъ имъ на бѣглыхъ крестьянъ во крестьянствѣ давать судъ противъ Троицкаго Сергіева монастыря властей; а Троицкаго Сергіева монастыря властемъ въ то время бѣглыхъ крестьянъ по суду отдавали за девять лѣтъ"[2]). Это свѣдѣніе о челобитьѣ 1637 г., находящееся въ писцовомъ наказѣ 1646 г., было единственнымъ до изданія II тома „Актовъ Московскаго Государства". Здѣсь мы находимъ болѣе точныя данныя. Въ одной выпискѣ изъ документовъ Разряда читаемъ: „въ 145 году, въ *февралѣ*, Государь пожаловалъ дворянъ и дѣтей боярскихъ украинныхъ и замосковныхъ городовъ, по ихъ челобитью велѣлъ на бѣглыхъ ихъ крестьянъ во крестьянствѣ судъ давати противъ тѣхъ указныхъ лѣтъ, за колько лѣтъ Троицкаго Сергіева монастыря властемъ на ихъ

---

[1]) А. А. Э., III, № 66.
[2]) Ibid., IV, ст. 24.

монастырскихъ на бѣглыхъ крестьянъ во крестьянствѣ судъ давать велѣно. А въ памяти въ Разрядъ съ Патріарша двора 146 году написано: троицкимъ властямъ на ихъ монастырскихъ на бѣглыхъ крестьянъ во крестьянствѣ судъ давать указано за девять лѣтъ“ [1]).

Служилые люди украинныхъ и замосковныхъ городовъ позаботились только о своихъ интересахъ, и девятилѣтній срокъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ еще не сталъ послѣ ихъ челобитья общимъ правиломъ для всѣхъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Вскорѣ обратились къ правительству служилые иноземцы, поляки и нѣмцы, съ челобитьемъ о распространеніи и на нихъ права, дарованнаго служилымъ людямъ украиннымъ и замосковнымъ. „Мы—пишутъ иноземцы—въ томъ ихъ (замосковныхъ и украинныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ) челобитьѣ не написаны, а служимъ мы тебѣ, государю, всякія твои государевы службы безпрестанно“. И это челобитье было удовлетворено, согласно помѣтѣ 22 января 1639 г.[2]).

Увеличеніе въ 1637 г. срока исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ было отвѣтомъ на одно коллективное челобитье дворянъ и дѣтей боярскихъ замосковныхъ и украинныхъ городовъ. Этотъ фактъ требуетъ объясненія. Какія обстоятельства позволили сплотиться и выступить съ коллективнымъ челобитьемъ въ защиту своихъ интересовъ служилымъ людямъ, разбросаннымъ въ друхъ обширныхъ районахъ, занимавшихъ въ совокупности весь центръ государства и часть южной окраины,—служилымъ людямъ, не связаннымъ какой-либо общей организаціей и не имѣвшимъ постоянныхъ органовъ представительства и защиты своихъ общихъ интересовъ?

Увеличеніе для служилыхъ людей замосковныхъ и украинныхъ городовъ срока для сыска бѣглыхъ крестьянъ съ пяти на девять послѣдовало въ февралѣ 1637 г. Слѣдовательно, челобитье было подано и обсуждалось правительствомъ въ самомъ началѣ этого года или въ концѣ предшествующаго. А какъ разъ на это время падаютъ нѣкоторыя глухія свидѣтельства о созывѣ въ Москвѣ земскаго собора. Профессора Загоскинъ и Латкинъ извлекли изъ записной книги Московскаго стола Разряда 1636 года одно указаніе на земскій соборъ, который долженъ былъ засѣдать въ Москвѣ въ первой половинѣ 1637 года. Въ названной книгѣ находимъ слѣдующую запись: „декабря въ 17 день посланы въ города государевы грамоты о дворянахъ и о дѣтяхъ боярскихъ, а по государеву указу велѣно дворянъ и дѣтей боярскихъ выслать изъ городовъ по шести человѣкъ для государева и земскаго дѣла“ [3]).

[1]) Акты Моск. Госуд., II, № 143.

[2]) Акты Моск. Гос., II, № 160. Грамота служилыхъ иностранцевъ ошибочно относитъ челобитье украинныхъ и замосковныхъ дворянъ къ 146 г.

[3]) Загоскинъ, Столы Разрядн. Приказа, стр. 14, Латкинъ, Земскіе соборы, стр. 184. Рус. истор. библ., т. X, стр. 54.

Вслѣдъ за приведенною записью помѣщенъ перечень городовъ, въ которые 17—20 декабря были посланы грамоты о выборахъ. Изъ этого перечня видно, что выборныхъ для государева и земскаго дѣла должны были выслать слѣдующіе города: Калуга, Болховъ, Бѣлевъ, Мценскъ, Мещовскъ, Козельскъ, Новосиль, Чернь, Переяславль-Рязанскій, Коломна, Епифань, Юрьевъ-Польскій, Лухъ, Владиміръ, Муромъ, Нижній, Арзамасъ, Суздаль, Гороховецъ, Тула, Боровскъ, Волокъ, Руза, Брянскъ, Карачевъ, Переяславль-Залѣсскій. Далѣе, отъ вниманія гг. Загоскина и Латкина ускользнуло еще одно, болѣе опредѣленное и цѣнное извѣстіе о вызовѣ въ Москву выборныхъ на земскій соборъ, находящееся въ той же записной книгѣ московскаго стола Разряда за 1636 годъ: „октября въ 24 день посланы государевы грамоты въ разные городы о дворянахъ и о дѣтяхъ боярскихъ: велѣно выбрати изъ городовъ, изъ выборныхъ по 2 ч., изъ дворовыхъ по 2 ч. и изъ городовыхъ по 2, всего изъ города по 6 ч.; а кого именомъ выберутъ и воеводамъ на тѣхъ на дворянъ и на дѣтей боярскихъ велѣно у городовъ имати выборы за руками дворянъ и дѣтей боярскихъ; а пріѣхати тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ къ Москвѣ на срокъ, на Рождество Христово нынѣшняго 145 году *для государева и земсково дѣла*. А велѣно дворянъ и дѣтей боярскихъ выбрати лутчихъ и въ умѣ нескудныхъ людей“ [1]). За этою записью также слѣдуетъ перечень городовъ, въ которые посланы грамоты о выборныхъ; это были: Тула, Серпуховъ, Алексинъ, Кашира, Крапивна, Одоевъ, Чернь, Новосиль, Боровскъ, Калуга, Бѣлевъ, Болховъ, Карачевъ, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Мещовскъ, Брянскъ, Козельскъ, Коломна, Переяславль-Рязанскій, Волокъ, Верея, Владиміръ, Муромъ, Нижній, Арзамасъ, Суздаль, Лухъ, Гороховецъ.

Такъ, въ самомъ концѣ 1636 года или въ первые мѣсяцы слѣдующаго должны были собраться въ Москву на земскій соборъ представители украинныхъ и замосковныхъ городовъ. И въ то же самое время служилые люди этихъ городовъ обращаются къ правительству съ коллективнымъ челобитьемъ о распространеніи на нихъ права сыскивать бѣглыхъ крестьянъ въ теченіе 9 лѣтъ. Предположеніе связи между обоими фактами напрашивается само собою.

III.

Успѣхъ челобитья 1637 года не разрѣшалъ окончательно вопроса объ урочныхъ годахъ уже по одному тому, что далеко не всѣ служилые землевладѣльцы получили право отыскивать бѣглыхъ крестьянъ за 9 лѣтъ. Мы видѣли, что въ 1639 году добились этого права также

[1]) Р. И. Б., X, 39.

служилые иноземцы. Въ слѣдующіе годы вопросъ былъ поднятъ снова уже въ болѣе широкой и рѣзкой формѣ. Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику, вошедшихъ въ указную книгу Земскаго приказа, находимъ указъ, сообщаемый памятью отъ 9 марта 1642 года, явившійся отвѣтомъ на новое челобитье, поданное служилыми людьми разныхъ городовъ въ предшествующемъ году. Въ этомъ челобитьѣ служилые люди просили разрѣшить нѣсколько весьма важныхъ вопросовъ и на первомъ мѣстѣ ставили вопросъ объ урочныхъ годахъ. Челобитчики жаловались „о бѣглыхъ и о вывозныхъ людѣхъ и крестьянѣхъ и во всякихъ обидахъ“ на митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, на монастырскихъ властей (прежде всего на Троице-Сергіевъ монастырь), на бояръ, окольничихъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, дьяковъ, жильцовъ и всякихъ людей московскихъ чиновъ и на свою братью, дворянъ и дѣтей боярскихъ: сильные-де люди собираютъ на свои земли бѣглыхъ крестьянъ, берутъ на нихъ ссудныя записи и всякія крѣпости и, пользуясь урочными годами, не выпускаютъ ихъ. Объяснивъ далѣе, какія препятствія создаютъ урочные годы землевладѣльцу, желающему вернуть бѣглаго крестьянина, челобитчики просили прямо „отставить“ урочные годы, а „бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавати по помѣстнымъ ихъ и по вотчиннымъ дачамъ и по писцовымъ книгамъ и выписямъ, кто кому чѣмъ крѣпокъ“ [1]). Прочіе пункты челобитья касались: 1) ссудныхъ записей и крѣпостей, которыми прикрѣпляли бѣглыхъ крестьянъ ихъ новые владѣльцы, 2) судныхъ сроковъ въ искахъ служилыхъ людей на патріаршихъ, митрополичьихъ, владычныхъ приказныхъ людей и на крестьянъ и на монастыри, 3) обидъ и насильствъ, чинимыхъ посадскими тяглыми людьми, живущими въ закладчикахъ за сильными людьми и за монастырями, 4) дворянъ и дѣтей боярскихъ, поступившихъ въ холопи [2]).

Отъ какихъ группъ служилыхъ людей шло это челобитье 1641 года о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ? Указъ 9 марта 1642 года, излагающій содержаніе челобитья, говоритъ только, что оно подано дворянами и дѣтьми боярскими „разныхъ городовъ“. Нѣсколько ниже, начиная изложеніе челобитья по пунктамъ, указъ говоритъ о дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ „всѣхъ городовъ“. Далѣе, характерной чертой челобитья является ясно сквозящее въ немъ чувство раздраженія противъ *сильныхъ людей*.

Извлечь нѣкоторыя указанія на происхожденіе занимающаго насъ челобитья можно изъ другихъ источниковъ. Писцовый наказъ 1646 года,

---

[1]) Трудно объяснимымъ представляется заявленіе челобитья, что „въ прежнихъ де годѣхъ и при прежнихъ государѣхъ въ тѣхъ бѣглыхъ крестьянѣхъ урочныхъ лѣтъ не выбывало“.

[2]) А. И., III. № 92, XXXIII.

вкратцѣ передающій содержаніе челобитья 1641 года объ урочныхъ годахъ и состоявшееся по нему рѣшеніе правительства, сохранилъ указаніе, что это челобитье подано дворянами и дѣтьми боярскими разныхъ городовъ, „которые въ прошломъ во 149 году для службы были на Москвѣ“ [1]). Для какой службы? Въ 149 году не произошло никакихъ чрезвычайныхъ событій, которыя вызывали бы экстренное собраніе служилыхъ людей въ Москву. Но мы знаемъ, что лѣтомъ 1641 года состоялось обычное сосредоточеніе подъ Тулою, въ „украинномъ разрядѣ“, служилыхъ людей замосковныхъ и украинныхъ городовъ подъ начальствомъ князя Як. Куд. Черкаскаго,

Въ тѣ годы, когда началась агитація противъ урочныхъ лѣтъ, служилые люди украинныхъ и замосковныхъ городовъ совмѣстно несли постоянную службу по оборонѣ южной границы государства въ украинномъ разрядѣ; обычнымъ центромъ этой обороны, мѣстомъ сосредоточенія большого полка была Тула. Ежегодно зимою служилые люди замосковныхъ городовъ, назначенные въ украинный разрядъ, „расписывались по половинамъ“, которыя должны были смѣнять одна другую черезъ годъ. Обѣ половины вмѣстѣ обязывались являться на южную окраину только въ тѣхъ случаяхъ, „какъ будутъ вѣсти про болшихъ воинскихъ людей“. Каждая „половина“ дворянъ и дѣтей боярскихъ замосковныхъ городовъ оставалась на службѣ „во все лѣто до отпуску безъ перемѣны“. Ставиться на службу замосковные служилые люди обязывались обыкновенно къ срединѣ мая и распускались по домамъ въ концѣ сентября; воинскіе и пищевые запасы и конскій фуражъ доставлялись заблаговременно по зимнему пути. Совмѣстно съ замосковными ежегодно въ лѣтніе мѣсяцы располагались въ Тулѣ и въ другихъ центрахъ обороны южной границы и служилые люди украинныхъ городовъ. Порядокъ ихъ службы отличался отъ службы замосковныхъ дворянъ тѣмъ, что они смѣнялись по половинамъ среди лѣта, 1 іюля, и оставались на службѣ и въ позднюю осень „до снѣговъ“. Согласно такому общему порядку обороны южной границы, по грамотамъ, посланнымъ изъ Разряда въ замосковные города и нѣкоторые города сѣверо-западной окраины, часть служилыхъ людей должна была лѣтомъ 1641 года явиться непосредственно подъ Тулу, а другой половинѣ предписано было къ 15 мая собраться въ Москву „со всею службою и съ запасы“ [2]).

---

[1]) А. А. Э., IV, ст. 24. И указъ 9 марта 1642 г. въ писцовомъ наказѣ отнесенъ къ тому же 1641 г., но это, очевидно, ошибка.

[2]) Р. И. Б., X, стр. 263–283. Такое же распоряженіе сдѣлано было относительно служилыхъ иноземцевъ. Ibid., стр. 283. Прибытіе къ Москвѣ отсрочено было Новгородцамъ и Торопчанамъ до 1 іюня, Псковичамъ, Лучанамъ, Пусторжевцамъ, Невлянамъ до 10 іюня. Ibid., стр. 266. Не беремся объяснять, насколько

Наконецъ, въ записной книгѣ Московскаго стола за 1641 годъ находимъ извѣстіе, что въ августѣ этого года должна была явиться въ Москву изъ Тулы депутація челобитчиковъ отъ разныхъ городовъ: „августа въ 4 день государева грамота о челобитчикахъ, что велѣно съ Тулы отпустить челобитчиковъ, отъ города по 2 человѣка“ [1]).

Таковы данныя, ведущія къ предположенію, что челобитье 1641 года объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ вышло изъ среды провинціальнаго дворянства разныхъ городовъ, сосредоточеннаго подъ Тулою для очередной службы по оборонѣ южной границы государства. Нельзя, кромѣ того, не отмѣтить, что въ промежутокъ времени между подачею челобитья и указомъ 9 марта 1642 года въ Москвѣ собирался знаменитый земскій соборъ по вопросу объ Азовѣ. Возможно, что на этомъ соборѣ присутствовали представители тѣхъ же служилыхъ обществъ, которые за полгода передъ тѣмъ били челомъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ.

Состоявшійся, наконецъ, 9 марта 1642 года указъ не оправдалъ ожиданій челобитчиковъ. Урочные годы не были отмѣнены, но увеличены до 10 лѣтъ; и этотъ срокъ распространялся теперь на всѣхъ вообще землевладѣльцевъ, отъ митрополитовъ и монастырей до городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ [2]). Слѣдовательно, Троице-Сергіевъ монастырь и челобитчики 1637 года выиграли всего 1 годъ.

IV.

Правительство царя Михаила Ѳедоровича не рѣшилось отмѣнить урочныхъ лѣтъ. Оно только удвоило первоначальный общій срокъ, установленный за 50 лѣтъ передъ тѣмъ. Но служилые люди съ этимъ не примирились. Лѣтомъ 1645 года умеръ царь Михаилъ и лѣтомъ же, или раннею осенью, этого года послѣдовало новое челобитье молодому царю отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ „всѣхъ городовъ, которые во 153 году были на его государевѣ службѣ на Тулѣ“. Съ большею рѣзкостью, чѣмъ прежде, челобитчики заявляли, что они „отъ службъ обѣдняли и одолжали великими долги и конми опали, а помѣстья ихъ

обычнымъ или исключительнымъ является этотъ вызовъ въ Москву „другихъ половинъ“ служилыхъ людей, назначенныхъ въ украинный разрядъ и обязанныхъ соединяться съ первыми половинами „по вѣстямъ“. Въ Акт. Моск. Гос. встрѣчаемъ еще указъ 5 февр. 1640 г. съ предписаніемъ служилымъ людямъ замосковныхъ городовъ быть для службы готовыми и отпускать къ Москвѣ запасы по зимнему пути; если у нихъ запасы по досмотру окажутся полные, повелѣно по ихъ челобитью давать имъ дворы въ Земляномъ Городѣ. Т. II. № 183.

[1]) Р. И. Б., X, стр. 293.

[2]) Давность для исковъ о вывозныхъ крестьянахъ опредѣлена 15 лѣтъ. Объясн. у Влад.—Будан., Хрестоматія, вып. III, изд. 3, стр. 158.

и вотчины опустѣли и домы ихъ оскудѣли и разорены безъ остатку отъ войны и отъ сильныхъ людей"; а источникъ насильствъ и обидъ со стороны сильныхъ людей—все тѣ же урочные годы. Потому служилые люди снова настойчиво просятъ „къ отдачѣ бѣглыхъ ихъ крестьянъ урочныя лѣта отставить" [1].

Опредѣлить служилую среду, изъ которой вышло это новое челобитье, уже нетрудно. Это та же среда провинціальнаго дворянства, собиравшагося ежегодно на южной окраинѣ. Лѣтомъ 1645 года подъ Тулою стояло ополченье служилыхъ людей замосковныхъ и украинныхъ городовъ подъ начальствомъ князя Якова Куденетовича Черкаскаго. Здѣсь оно присягнуло молодому царю и обратилось къ нему съ челобитьемъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ [2]. Подано оно было, вѣроятно, не позже октября 1645 года, такъ какъ 19 октября (154 года) состоялся уже отвѣтъ на него.

Непосредственный результатъ челобитья былъ отрицательный. И правительство царя Алексѣя не рѣшилось отмѣнить урочныхъ лѣтъ; 19 октября 1645 года было постановлено: „той статьѣ о крестьянѣхъ быть по уложенью прежнихъ государей, и какъ учинено при его государевѣ отцѣ, блаженныя памяти при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ всея Русіи во 149 году, потому что передъ уложеньемъ прежнихъ государей прибавлено пять лѣтъ и учинено вдвое десять лѣтъ." Но скоро взгляды правительства на этотъ вопросъ значительно измѣнились. Въ послѣдніе мѣсяцы 1645-го или въ 1646 году составленъ былъ писцовый наказъ, въ которомъ вкратцѣ излагалась исторія урочныхъ лѣтъ съ 1597 года и содержаніе указа 19 октября 1645 года. Затѣмъ писцамъ предписывалось: „а гдѣ наѣдутъ пустые дворы и учнутъ имъ помѣщики и вотчинники сказывать, что отъ нихъ изъ тѣхъ дворовъ крестьяне и бобыли побѣжали и имъ о томъ распрашивать подлинно и писать тѣхъ крестьянъ и бобылей и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ съ отцы и съ прозвищи, и кто въ которомъ году выбѣжалъ, въ указные 10 лѣтъ, а далѣе десяти лѣтъ не писать...; а какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ" [3]. Ясно, что эта писцовая инструкція еще не содержитъ *закона* объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ; въ ней высказано только предположеніе о такомъ законѣ, который долженъ послѣдовать по окончаніи общей переписи крестьянскаго и бобыльскаго на-

---

[1] А. А. Э., IV, стр. 24.

[2] А. М. Г., II, № 246. Въ этомъ же году лѣтомъ прислано было изъ подъ Тулы челобитье отъ служилыхъ людей московскихъ чиновъ о неправежѣ денегъ на ихъ людяхъ и крестьянахъ. Ibid., № 253.

[3] А. А. Э., IV. стр. 26.

селенія. Для исковъ, заявленныхъ въ самый моментъ переписи, еще сохраняется въ силѣ 10-лѣтній срокъ давности, только что подтвержденный въ 1645 году. Вновь составленныя переписныя книги должны были явиться новой, но уже вѣчной, основой крестьянскаго прикрѣпленія.

Такое рѣшеніе не могло удовлетворить желаній служилыхъ землевладѣльцевъ. Они добивались безусловной отмѣны урочныхъ лѣтъ не только на будущее время. Челобитчики 1641 и 1645 годовъ желали отыскивать бѣглыхъ крестьянъ, не стѣсняясь предыдущими указами объ урочныхъ годахъ, опираясь на тѣ писцовыя книги и разныя крѣпости, какія только могли оказаться въ ихъ рукахъ. Но удовлетвореніе такихъ притязаній должно было встрѣтить препятствія съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, отмѣна урочныхъ лѣтъ въ желаемомъ челобитчиками смыслѣ неминуемо породила бы массу запутанныхъ исковъ, что въ свое время, предположительно, и вызвало установленіе 5-мѣсячнаго срока для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Во-вторыхъ, должны были пострадать интересы тѣхъ „сильныхъ“ людей, которые, по словамъ челобитій, широко пользовались урочными годами, прикрывая ими многія злоупотребленія. Въ писцовомъ наказѣ 1646 года и можно видѣть компромиссъ между интересами сильныхъ людей и массою мелкаго служилаго люда. Выдвигая новыя переписныя книги, какъ основу вѣчной крѣпости, и уничтожая на будущее время урочные годы, правительство до извѣстной степени удовлетворяло желанія тѣхъ круговъ провинціальнаго служилаго общества, изъ которыхъ выходили разсмотрѣнныя выше челобитья; съ другой стороны, правительство охраняло интересы сильныхъ людей, укрѣпляя за ними на основаніи законной давности крестьянъ, пріобрѣтенныхъ до новыхъ переписныхъ книгъ.

V.

Служилые люди не удовлетворились заявленнымъ въ писцовомъ наказѣ 1646 года обѣщаніемъ и сдѣлали новый натискъ, увѣнчавшійся, наконецъ, полнымъ успѣхомъ. Когда въ 1648 году въ Москвѣ собрался земскій соборъ для разсмотрѣнія Уложенія, къ царю обратились опять съ челобитьемъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ „дворяне московскіе и жилцы и городовые дворяне и дѣти боярскіе и всѣхъ городовъ служилые люди“. Новое челобитье почти буквально воспроизводило старыя жалобы: крестьяне де бѣгаютъ и живутъ въ дворцовыхъ селахъ и волостяхъ, за боярами, за окольничими, за ближними и за всякими сильными людьми и за монастырями; а по государеву указу можно сыскивать бѣглыхъ крестьянъ въ 10 лѣтъ; между тѣмъ челобитчики „по вся годы“ бываютъ на службѣ и лишены возможности провѣдать и сыскать своихъ бѣглыхъ крестьянъ, которые, выживъ указные годы за сильными людьми и за монастырями, отбываютъ стариннаго крестьян-

ства. Но, выдвигая старую аргументацію противъ урочныхъ лѣтъ, челобитье оканчивалось не только просьбою объ ихъ отмѣнѣ, но и нѣкоторыми новыми пожеланіями: „впередъ бы бѣглыхъ крестьянъ пріимати никому не велѣти; а кто учнетъ чужихъ крестьянъ и бобылей впередъ за себя пріимать, и намъ бы (государю) велѣти тѣмъ людямъ за то учинити наказанье, чтобъ въ нашемъ московскомъ государствѣ промежъ всякихъ чиновъ людей въ томъ ссоръ и продажъ не было; а которые де крестьяне, оттягиваясь отъ писцовыхъ книгъ, имена свои перемѣниваютъ и дѣти отцовъ своихъ отпираются, и тѣхъ бы крестьянскихъ дѣтей указали мы во крестьянствѣ пытать".

Это требованіе рѣшительныхъ гарантій противъ крестьянскаго бѣгства очень характерно. Оно придаетъ челобитью 1648 года значительно болѣе радикальную окраску сравнительно съ предшествующими. Казалось бы, служилые люди, наученные опытомъ, не должны были обольщаться увѣренностью въ успѣхѣ своего челобитья объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ; а между тѣмъ они уже говорятъ объ осложненіяхъ, которыя возникнутъ послѣ этой отмѣны, о возможности для крестьянъ „оттягиваться отъ писцовыхъ книгъ". Имъ, какъ будто, осталось неизвѣстнымъ намѣреніе правительства сдѣлать новыя переписныя книги основою вѣчной крестьянской крѣпости.

Есть въ челобитьѣ 1648 года и еще одна существенная особенность. Агитація противъ урочныхъ лѣтъ съ 1637 года велась провинціальнымъ дворянствомъ. Теперь на соборѣ 1648 года съ нимъ соединились дворяне московскіе и жильцы, т.-е. представители того служилаго и землевладѣльческаго слоя, который по своимъ землевладѣльческимъ интересамъ занималъ средину между массою мелкаго провинціальнаго дворянства и „сильными людьми", крупными землевладѣльцами.

Челобитье 1648 года получило полное удовлетвореніе. Отмѣна урочныхъ лѣтъ состоялась сначала именно такъ, какъ того добивались провинціальные служилые люди, а не такъ, какъ проектировалъ писцовый наказъ 1646 года: „и мы (государь) указали и соборомъ уложили: генваря со 2 числа нынѣшняго 157 года бѣглыхъ крестьянъ и бобылей изъ бѣговъ отдавать всякихъ чиновъ людемъ, сыскивая *писцовыми книгами*, которыя книги писцы въ Помѣстномъ приказѣ подали послѣ Московскаго пожару прошлаго 134 году, безъ срочныхъ лѣтъ" [1]). Это рѣшеніе объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ вошло въ XI главу Уложенія; но здѣсь оно было соединено со старымъ, заявленнымъ въ писцовомъ наказѣ 1646 года: и старыя писцовыя и новыя переписныя книги постановлено было считать одинаково за доказательства крестьянской крѣ-

[1]) Исторія челобитья 1468 г. разсказана въ царской грамотѣ Звенигородскому воеводѣ кн. Б. Мещерскому, отъ 24 янв. 1649 г. А. И., IV, № 30.

пости. Какъ показалъ проф. Дьяконовъ, это былъ неудачный компромиссъ, долженствовавшій породить на практикѣ массу недоразумѣній [1]).

Такъ закончилась борьба служилыхъ землевладѣльцевъ противъ урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ [2]). Исторія этой недолгой борьбы интересна для характеристики отношеній служилаго землевладѣльческаго класса и московскаго правительства въ эпоху реставраціи государственнаго порядка, потрясеннаго Смутою. Вынеся на своихъ плечахъ всю тяжесть внутренней усобицы и внѣшнихъ войнъ, вызванныхъ Смутою, утвердивъ на престолѣ новую династію, служилый классъ не успѣлъ обезпечить себѣ положенія, какъ политической силѣ, въ то время, какъ въ правительственной средѣ, при молодыхъ и слабыхъ царяхъ, свили себѣ прочное гнѣздо злоупотребленія сильныхъ людей. Но разсыпанные, какъ и до Смуты, по „разнымъ городамъ“ на мелкія уѣздныя общества, служилые люди и въ условіяхъ служебной организаціи, мало благопріятныхъ для политической борьбы, сумѣли сплотиться на защиту одного изъ важнѣйшихъ своихъ землевладѣльческихъ интересовъ, закрѣпощенія крестьянскаго населенія. Начатое въ 1630 годахъ нѣкоторыми провинціальными служилыми обществами движеніе противъ стѣснительнаго для мелкихъ землевладѣльцевъ, но удобнаго сильнымъ людямъ срока для сыска бѣглыхъ крестьянъ, быстро захватило широкіе круги служилаго класса и, поднявшись до верхнихъ слоевъ этого класса, до московскихъ чиновъ включительно, выразилось въ рядѣ настойчивыхъ челобитій о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Съ послѣднимъ, особенно энергичнымъ челобитьемъ, шедшимъ уже не отъ нѣкоторыхъ только далекихъ провинціальныхъ обществъ, а отъ массы служилаго общества, во главѣ съ московскими жильцами и дворянами, правительство встрѣтилось въ критическую для него минуту, когда вспышки народнаго возмущенія въ 1648 г. показали, къ какимъ опасностямъ могутъ повлечь злоупотребленія и авантюры сильныхъ людей, и когда „боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей“ правительство могло опереться только на служилую массу. При такихъ условіяхъ служилые люди не могли не получить удовлетворенія своимъ домогательствамъ и торжество ихъ на соборѣ 1648 г. особенно ярко выразилось въ отмѣнѣ „урочныхъ лѣтъ“ послѣ той борьбы, характерныя детали которой изложены въ настоящей статьѣ.

С. Рождественскій.

[1]) Очерки изъ исторіи сельск. населенія, 55—57. Исполнено было и другое желаніе челобитчиковъ; ст. 22-я XI главы Уложенія гласила: „а которыя крестьянскія дѣти отъ отцовъ своихъ и отъ матерей учнутъ отпираться, и тѣхъ пытать“.

[2]) По словамъ М. А. Дьяконова, „урочные годы не исчезли изъ практики и послѣ отмѣны ихъ Уложеніемъ 1649 г.; они вновь созданы отдѣльными указами, но въ формѣ гораздо болѣе невыгодной для интересовъ землевладѣльцевъ; стр. 66.

IX.

Порядокъ Престолонаслѣдія у Древне-Норвежскихъ Конунговъ.

(Историко-юридическія параллели).

Конечные выводы сравнительнаго изслѣдованія въ области престолонаслѣдія древне-норвежскихъ конунговъ и затѣмъ вообще у европейскихъ народовъ первой половины Среднихъ вѣковъ сведутся къ четыремъ положеніямъ:

1) Въ Норвегіи къ власти конунговъ надъ страной прилагались, какъ юридическая фикція, нормы гражданскаго права по владѣнію родовыми землями, или „одалями“. Отсюда возникали—общее совладѣніе Норвегіей нѣсколькихъ конунговъ сразу, находившихся въ одинаковой степени родства съ родоначальникомъ, и очередное наслѣдованіе поколѣній съ переходомъ къ линіи внуковъ только тогда, когда исчерпана линія сыновей. При этомъ, въ отличіе отъ одальнаго наслѣдованія въ гражданскомъ правѣ, незаконные сыновья конунга участвовали въ общемъ владѣніи на равныхъ правахъ съ законными, а женщины безусловно устранялись отъ престола. Такой порядокъ дѣйствовалъ послѣ Олафа Святого, т.-е. съ половины XI-го вѣка, а раньше еще до Гаральда Прекрасноволосаго, т.-е. до конца IX-го вѣка. Съ нимъ было неразрывно связано устраненіе „изгоевъ“, т.-е. въ гражданско-правовыхъ отношеніяхъ внукъ наслѣдодателя не могъ (безъ выкупа у дядей) получить долю въ наслѣдствѣ, если его отецъ умеръ раньше дѣда, а при престолонаслѣдіи—конунгомъ могъ стать въ первую очередь только сынъ дѣйствительнаго конунга. Возможно, что и въ Норвегіи систематизаціи и сохраненію одальнаго порядка наслѣдованія содѣйствовала съ XI-го вѣка каноническая компутація родства, т.-е. исчисленіе, нисходя отъ родоначальника, ряда параллельныхъ линій, соотвѣтствующихъ поколѣніямъ сыновей, внуковъ и т. д. Гаральдъ Прекрасноволосый въ первой трети X-го вѣка сдѣлалъ было попытку испомѣстить всѣхъ своихъ сыновей областными

конунгами въ Норвегіи, предоставивъ свое мѣсто, какъ верховнаго конунга надъ ними, одному изъ младшихъ по собственному выбору. Но эта попытка повела къ ряду междоусобій среди поколѣній его сыновей и внуковъ, даже къ господству иноземцевъ, прерываемому правленіями обоихъ Олафовъ. Съ XII-го вѣка подъ вліяніемъ церкви въ Норвегіи зарождается индивидуальное наслѣдованіе одного конунга и притомъ въ первую очередь—старшаго законнаго сына предыдущаго. Этотъ новый порядокъ утверждается особыми законами о престолонаслѣдіи XIII-го столѣтія въ формѣ родового майората безъ примогенитуры, съ спеціальнымъ исчисленіемъ близости по родству въ духѣ обыкновеннаго норвежскаго семейнаго права, гдѣ сынъ и внукъ исключали брата наслѣдодателя, и съ преобладаніемъ старшинства годами среди равно близкихъ родичей.

2) Родовой бытъ славянъ въ томъ видѣ, какъ онъ долѣе всего сохранялся у сербовъ, хорватовъ, въ Босніи, Герцоговинѣ, Черной Горѣ, не знаетъ непремѣнно обязательнаго старшинства ни по возрасту, ни дяди надъ племянникомъ и при образованіи сложныхъ родовыхъ союзовъ обнаруживаетъ, въ духѣ другихъ индо-европейскихъ народовъ, наклонность къ передачѣ племеннаго старѣйшинства отъ отца къ сыну въ предѣлахъ одной вліятельной семьи. Каждый разъ, когда у славянъ при наслѣдованіи княжеской власти устанавливается исчисленіе старшинства по близости не къ послѣднему наслѣдодателю, а къ общему родоначальнику, систематичностью и устойчивостью отличается только счетъ по поколѣніямъ, т.-е. первенство каждой „генераціи“, ближайшей къ родоначальнику, передъ каждой генераціей, отъ него болѣе отдаленной; напротивъ, въ предѣлахъ той-же горизонтальной линіи поколѣнія сказываются колебанія между преимуществами старшихъ линій и старшинствомъ по годамъ, прерываемыя вмѣшательствомъ воли наслѣдодателя, народа, папы, императора или исходомъ междоусобицы.

3) Только у римско-католическихъ хорватовъ, на границахъ X-го и XI-го столѣтій, индивидуальное очередное наслѣдованіе королевской власти однимъ братомъ вслѣдъ за другимъ раньше поколѣнія племянниковъ можетъ быть объясняемо задружными обычаями господствующей династіи, т.-е. началомъ исконнаго родового старѣйшинства, въ виду чисто родового строя всего древнехорватскаго быта, права и государства. Напротивъ, установленіе родового старѣйшинства, съ колебаніями, въ предѣлахъ той-же генераціи, между преимуществами старшихъ линій и сеніоратомъ по возрасту, у чеховъ съ Бжетислава I и у поляковъ съ Болеслава III Кривоустаго, гдѣ родовой строй уже пересталъ лежать въ основѣ публичнаго права, явилось послѣдствіемъ новообразованія родовыхъ отношеній въ границахъ вновь наростающихъ развѣтвленій династіи, слагавшагося, вѣроятно, подъ вліяніемъ компутаціи римско-

католическаго церковнаго права по генераціямъ при исчисленіи родства.

4) Древне-русское гражданское право уже съ „Русской Правды“ вообще не знало родового наслѣдованія и выдвигало понятіе „отчины“, переходящей отъ отца къ сыну, а потому, при разростаніи семьи Ярослава Мудраго въ династическій родъ, родовыя отношенія и вычисленія старшинства складывались и устанавливались, вѣроятнѣе всего, по преданіямъ и примѣрамъ скандинавскаго обычнаго права для одалей.— т.-е. родовыхъ земель, какъ въ виду жившаго еще въ памяти XI-го вѣка варяжскаго происхожденія перваго княжескаго дома на Руси, такъ и подъ вліяніемъ особой личной близости Ярослава къ скандинавскому міру, въ частности къ конунгамъ Швеціи и Норвегіи, по матери, по женѣ, по дочери, по дружинѣ, по княженію въ Новгородѣ, по общенію со своякомъ Олафомъ Святымъ и его сыномъ Магнусомъ и со своимъ зятемъ Гаральдомъ Грознымъ („Гарзс-раузси“). Такъ укрѣпились на Руси въ XI-омъ вѣкѣ старшинство линій сыновей надъ линіями внуковъ, дядей надъ племянниками, и изгойство сыновей тѣхъ князей, которые умирали раньше своихъ отцовъ и никогда не занимали старшихъ столовъ. Тогда-же и въ особенности въ XII-омъ вѣкѣ съ правовымъ обычаемъ родового старшинства въ княжескомъ домѣ, являвшимся отголоскомъ его скандинавскихъ связей и происхожденія и закрѣпленнымъ на будущее прецедентомъ сыновей Ярослава, вступаетъ въ состязаніе русская гражданско-правовая норма отчины, переходящей отъ отца къ сыну; она выдвигается преимущественно для младшихъ столовъ тѣми нисходящими, вертикальными родословными линіями, которыя обездоливались началомъ изгойства при исчисленіи родства по очереди линій горизонтальныхъ. Изъ соревнованія варяго-русскаго вліянія и преданія о старшинствѣ родовомъ, объ общемъ совладѣніи цѣлой горизонтальной линіи и очередномъ наслѣдованіи въ порядкѣ поколѣній и, съ другой стороны, славяно-русскаго правового обычая — старшинства семейнаго, а также изъ колебаній въ предѣлахъ одной и той-же родовой горизонтали между преимуществами старшихъ линій и старшинствомъ по возрасту, естественно возникали княжескія междоусобія XI—XII столѣтій. Исходъ междукняжескихъ усобицъ на дѣлѣ часто опредѣлялся вмѣшательствомъ горожанъ стольнаго города, сочувствіемъ населенія вообще, военными успѣхами князей, но каждая изъ этихъ силъ старалась освятить свое торжество—одной изъ конкурировавшихъ тогда обычно-правовыхъ нормъ. Однако, среди всѣхъ частичныхъ уклоненій въ сторону то сеніората по возрасту, то отрицанія послѣдствій изгойства, или подчиненія силѣ фактическаго владѣнія, для кіевскаго стола въ теченіе цѣлаго вѣка устойчивымъ всегда остается первенство горизонтали дядей надъ линіей поколѣнія племянниковъ. Еще ровно сто

лѣтъ послѣ смерти Ярослава фикція княженія дяди Вячеслава въ соправленіи съ усыновляемыми имъ племянниками Изяславомъ и Ростиславомъ свидѣтельствуетъ только, что соотвѣтствующая публично-правовая норма отнюдь не умерла въ сознаніи правящихъ классовъ.

Опредѣленный порядокъ престолонаслѣдія у древне-норвежскихъ конунговъ, ради оцѣнки его особенностей, связей по сходству, происхожденію и вліянію, приходится сопоставить со всѣмъ разнообразіемъ видовъ счета родства и перехода княжеской власти по наслѣдству, наблюдаемыхъ въ Средніе вѣка. Каждый такой видъ можетъ разсматриваться съ различныхъ точекъ зрѣнія и по наличности отвлекаемыхъ признаковъ числиться сразу въ нѣсколькихъ изъ общихъ категорій.

Въ Средніе вѣка Западная Европа знаетъ три главныхъ вида вычисленія родства. Римское гражданское вычисленіе (компутація), выработавшееся при опредѣленіи наслѣдниковъ по гражданскому праву, считаетъ число рожденій отъ наслѣдодателя по восходящей линіи до родоначальника, а затѣмъ прибавляетъ число рожденій отъ общаго родоначальника по нисходящей линіи до наличнаго наслѣдника; при такомъ счетѣ по ломанной линіи родные братья признаются родственниками другъ другу во второй степени, двоюродные братья—въ четвертой степени, троюродные—въ шестой и т. д. Эта римская компутація принята была въ Византіи для церковнаго права и оттуда черезъ „Кормчую“ перешла и къ русской православной церкви. Напротивъ, западная католическая церковь выработала себѣ своеобразное счисленіе по поколѣніямъ (генераціямъ), непрерывно наблюдаемое со времени папы Григорія Великаго и предназначенное искони для различенія дозволенныхъ и недозволенныхъ браковъ въ степеняхъ родства. Судя по ссылкамъ папы Александра II на Библію (Кн. Бытія 50, 22—23; Іовъ 42, 16) правдоподобно, что счетъ на генераціи созданъ по образцу вычисленія родовыхъ связей у евреевъ, легшему въ основу родословной І. Христа. По канонической компутаціи римско-католической церкви, братья образуютъ первое поколѣніе (generatio) и считаются въ первой степени родства, ихъ дѣти—двоюродные братья—во второмъ поколѣніи и второй степени родства, ихъ дѣти—троюродные братья—въ третьемъ поколѣніи и третьей степени родства между собой и т. д. До XIII вѣка браки между родственниками запрещались по канонической компутаціи до седьмого поколѣнія включительно, а съ Латеранскаго собора 1215 года—только до четвертаго. Германскіе народы пользовались въ Средніе вѣка и нѣсколько инымъ вычисленіемъ по поколѣніямъ, отстававшимъ отъ официальнаго каноническаго на одно колѣно (geniculum). По этому германскому счету исходной точкой брался не одинъ общій родоначальникъ, а тѣ два сына его, отъ которыхъ вели свое происхожденіе оба потомка, высчитывающіе между собой родство. Сыновья, какъ точки отправленія, здѣсь не считаются, а первымъ

колѣномъ и родственниками въ первой степени признаются ихъ дѣти, т.-е. внуки родоначальника и двоюродные братья между собой. Изслѣдователи называютъ такую компутацію „счетомъ по феттерамъ“, т.-е. двоюроднымъ братьямъ, и склонны иногда видѣть въ ней вычисленіе родства, особенно типичное для германцевъ, въ частности, напримѣръ, для Исландіи и Восточной Норвегіи. Обѣ точки зрѣнія—римско-каноническая и германо-каноническая,—какъ кажется, знакомы и славянскимъ языкамъ. Такъ, русскіе слова—родные, двоюродные, троюродные братья—указываютъ на счетъ отъ родоначальника на одно, два, три рожденія. Напротивъ, названія для послѣднихъ въ „Кормчей“—первые, вторые, третьи стрыйные братья (при переводѣ греческихъ protoi, deuteroi, tritoi exadelphoi) могли возникнуть только при счетѣ „по кузенамъ“ (consobrini) отъ коренныхъ „братьевъ“, сыновей родоначальника.

Гдѣ родъ разложился и на первомъ мѣстѣ стоитъ семья, тамъ въ вычисленіяхъ дальняго родства скорѣе нуждаются ради соблюденія запрета браковъ между ближайшими родственниками, нежели для оправданія правъ нежданнаго наслѣдника. Вообще каноническое право подходило въ Средніе вѣка къ каждому семьянину вплотную и должно было вліять на всю область родственныхъ отношеній въ обыденной жизни; но особенно сильнымъ надо себѣ представлять это вліяніе при возрожденіи или новообразованіи родовыхъ отношеній каждый разъ, когда основывается и разростается въ родъ новая династія. Тутъ обычные у церкви пріемы вычисленія родства не могли не отражаться на порядкѣ опредѣленія наслѣдника, наряду съ отголосками уже погибшаго первичнаго родового быта. Римская компутація, считавшая число рожденій отъ наслѣдодателя, невольно исходила изъ понятія отчины и раньше доходила черезъ одно рожденіе до сына, чѣмъ черезъ два рожденія до брата; это содѣйствовало укрѣпленію взгляда, что „племянникъ“ болѣе близкій наслѣдникъ послѣ своего отца, нежели его „дядя“— послѣ брата. Напротивъ, при счетѣ по каноническимъ поколѣніямъ или германскимъ колѣнамъ отъ родоначальника должно выдвигаться понятіе родовой земли и возникать наклонность не переходить къ слѣдующей (второй) генераціи внуковъ, пока не исчерпана предыдущая (первая) генерація сыновей. Это на дѣлѣ вело къ признанію старшинства дяди надъ племянникомъ. Однако римско-каноническая компутація, поддерживая своими „генераціями“ чисто родовой счетъ по близости къ первому родоначальнику, все таки не вполнѣ съ нимъ совпадаетъ и обнаруживаетъ склонность—въ предѣлахъ одной горизонтали внуковъ, правнуковъ и т. д. сближать между собой представителей тѣхъ-же самыхъ вертикальныхъ линій (парентелъ), нисходящихъ лучами отъ одного и того же сына, или внука и т. д. этого родоначальника. Такъ, въ горизонтали поколѣнія праправнуковъ, праправнуки отъ различныхъ

сыновей родоначальника считаются въ четвертой степени родства между собой, праправнуки отъ одного и того-же сына родоначальника—въ третьей степени, отъ одного и того-же внука его—во второй степени между собой. Это придвигаетъ къ послѣднему обладателю и наслѣдодателю дѣдины изъ всей его горизонтали членовъ однихъ и тѣхъ-же съ нимъ парентелъ, сначала парентелы, нисходящей отъ его отца, затѣмъ отъ дѣда и т. д. Въ частности „германская“ компутація по феттерамъ, отправляясь не отъ единаго родоначальника, а отъ нѣсколькихъ его сыновей, создавала, какъ-бы, меридіаны нисходящихъ линій на ряду съ параллелями поколѣній. Она не могла относиться безразлично къ порядку старшинства между этими братьями-родоначальниками, а потому сохраняла навсегда память и объ относительномъ старшинствѣ каждой линіи; это должно было наталкивать въ концѣ концовъ на защиту преимуществъ всѣхъ старшихъ линій, идущихъ отъ всѣхъ старшихъ сыновей въ каждомъ поколѣніи, т.-е. на родовой майоратъ и даже примогенитуру.

Патріархальное понятіе родового старѣйшины (major natu), какъ преданье первичнаго родового быта, возрождается вмѣстѣ съ новообразованіемъ родовыхъ отношеній при разростаніи семьи основателя государства, династіи или закона о престолонаслѣдіи—въ родъ. Каноническая и германская компутаціи, нисходящія отъ такого родоначальника или его сыновей по поколѣніямъ или колѣнамъ, поддерживаютъ это преданье въ томъ смыслѣ, что истинное старшинство дается близостью къ основателю наслѣдства, а не къ послѣднему его обладателю и наслѣдодателю. Но для популярнаго правосознанія всего доступнѣе пониманіе старѣйшинства въ смыслѣ сеніората, т.-е. старшинства по возрасту, годами. Съ точки зрѣнія родового старшинства, т.-е. числа рожденій до общаго родоначальника, всѣ члены одной и той-же генераціи равны, но уже въ среду первой канонической генераціи, т.-е. сыновей родоначальника, нѣкоторое различіе вносится старшинствомъ по возрасту, совпадающимъ еще здѣсь со старшинствомъ первородства, и старшій по рожденію сынъ считается и родовымъ старѣйшиной для младшихъ братьевъ; такъ зарождается взглядъ о родовыхъ преимуществахъ старшихъ линій, идущихъ отъ старшихъ годами братьевъ. Однако, родовое старшинство совпадаетъ со старшинствомъ годами только для первой генераціи родныхъ братьевъ; среди ихъ дѣтей и внуковъ, т.-е. второго и третьяго поколѣнія по римско-канонической компутаціи, двоюродный или троюродный братъ отъ старшаго дяди (Брячиславъ Святополковичъ) можетъ случайно оказаться годами моложе своего двоюроднаго или троюроднаго брата отъ младшаго дяди (Мстислава Владиміровича), или кто-либо изъ младшихъ дядей (Пястъ Казиміръ Справедливый) по времени рожденія будетъ, можетъ быть, моложе своего племянника отъ

старшаго дяди (Пяста Болеслава Высокаго). Тутъ начинается распутье съ двумя дорогами, ведущими на сеніоратъ въ смыслѣ старшинства годами, во что бы то ни стало, и на родовой майоратъ со старшинствомъ по близости къ основателю государства, династіи или новаго порядка престолонаслѣдія и съ преобладаніемъ, при равенствѣ этого родового условія, старшей линіи въ силу того, что ея глава былъ въ свое время старшимъ по рожденію сыномъ общаго родоначальника. У вандаловъ, гдѣ сеніоратъ созданъ Гензерихомъ, можетъ быть подъ мѣстными вліяніями племенъ сосѣдней Мавританіи, старшинство годами кузеновъ младшей линіи давало имъ первенство въ очереди при замѣщеніи престола надъ двоюроднымъ братомъ отъ старшаго дяди, но примѣненіе сеніората въ крайнемъ смыслѣ слова — со старшинствомъ племянника надъ дядей въ силу возраста — не доказано, можетъ быть только за отсутствіемъ реальныхъ случаевъ, даже и для вандаловъ. Родовымъ династіямъ вообще незачѣмъ было отдавать себѣ ясный отчетъ въ различіи сеніората по возрасту отъ родового майората съ перевѣсомъ болѣе ранняго поколѣнія и старшихъ линій, пока какой-либо дѣйствительный случай несовпаденія обоихъ видовъ старѣйшинства не наталкивалъ ихъ на размышленіе.

Поэтому борьба между двумя членами династическаго рода при условіи противорѣчія между старшинствомъ годами и старшинствомъ по близости къ родоначальнику, не можетъ еще свидѣтельствовать объ отсутствіи нормы родового старшинства въ правосознаніи общества. Съ точки зрѣнія чисто родового старшинства, безъ добавочныхъ оговорокъ въ пользу старшинства годами или о преимуществѣ старшей вертикальной линіи при равной близости къ родоначальнику, наслѣдство достается цѣлой генераціи во всей ея совокупности, а порядокъ, въ которомъ генерація сообща используетъ эту власть, можетъ опредѣляться и случайными второстепенными соображеніями. Всѣ члены генераціи могутъ пользоваться наслѣдствомъ одновременно, нераздѣльно или по частямъ, поровну или на неравныхъ условіяхъ, или же, напротивъ, такъ, чтобы каждый изъ нихъ могъ въ свою очередь обладать сразу всѣмъ наслѣдствомъ разновременно. Очередь между членами генераціи при нераздѣльномъ верховномъ обладаніи дѣдиной каждымъ другъ за другомъ разновременно, или неравенства среди нихъ при одновременномъ использованіи ея по частямъ могутъ при расплывчатости правосознанія опредѣляться не только старшинствомъ, но и личными нравственными или боевыми качествами какъ лица, такъ и всей его вертикальной линіи среди рода, спорностью времени рожденія, опороченіемъ предка одной изъ старшихъ линій, молчаливымъ самоотреченіемъ на время или навсегда, вмѣшательствомъ добавочныхъ общественныхъ энергій, или иныхъ второстепенныхъ правовыхъ точекъ зрѣнія, иногда Судомъ Божіимъ въ

смыслѣ междоусобной войны, иногда сдѣлкой, соглашеніемъ ради предупрежденія такого поединка. Поэтому даже борьба младшаго члена одной и той-же генераціи, младшаго или годами, или по вертикальной линіи, противъ ея старшаго представителя отнюдь не доказываетъ еще исчезновенія изъ общественнаго самосознанія точки зрѣнія родового старшинства вообще. Пока устойчивымъ остается самый существенный признакъ родовой системы, а именно первенство старшей линіи дядей передъ поколѣніемъ племянниковъ, до тѣхъ поръ нельзя говорить о замѣнѣ ея какой либо новой формой.

Съ точки зрѣнія цѣлей въ правѣ устраненіе племянника дядей пытались объяснять исключительно потребностью воинственныхъ эпохъ не допускать до правленія малолѣтокъ. Предпочтеніе дяди племяннику при замѣщеніи престола могло, какъ частный, индивидуальный случай, возникать изъ фактическаго малолѣтства сына предыдущаго государя—у англосаксовъ, ировъ, поморскихъ славянъ, стать м. б. даже прецедентомъ. Но гдѣ рѣчь идетъ о постоянно дѣйствующей системѣ при счетѣ родства, тамъ нужно указать и причину ей въ систематическомъ вліяніи устойчивой, непрерывной силы. Вѣдь врядъ-ли и сеніоратъ всегда обезпечиваетъ престолу личность, наиболѣе годную для обороны государства, такъ какъ зачастую онъ пролагаетъ путь къ власти лишь самымъ дряхлымъ, а иной дядя самъ понимаетъ, что онъ долженъ подпереть себя болѣе воинственнымъ племянникомъ, какъ Вячеславъ—Изяславомъ. Поэтому при оправданіи правовыхъ обычаевъ приходится считаться съ логической и психологической окраской юридической мысли и родового чувства у разныхъ племенъ и династій, съ унаслѣдованными привычками къ нормамъ иной среды, другого времени и мѣста, исчезнувшихъ вмѣстѣ съ когда-то разумными цѣлями этихъ нормъ. Запасъ пріемовъ для счета родства, какъ отложеніе нѣсколькихъ эпохъ, иногда обиленъ, разнообразенъ и подвергается дифференціаціи по происхожденію пли цѣлесообразности. Такъ, напримѣръ, германцы разработали противоположеніе двухъ концентрическихъ круговъ родичей, внутренняго—изъ самыхъ близкихъ, и внѣшняго—изъ болѣе отдаленныхъ. Для опредѣленія степеней родства при бракахъ они придерживались счета по колѣнамъ, сходнаго съ официальной канонической компутаціей, но отставшаго отъ нея на одну генерацію. Для распредѣленія головщины между отдаленными родичами внѣшняго концентрическаго круга и въ нормахъ наслѣдственнаго права они пользовались еще и счетомъ по числу лицъ въ вертикальной линіи, по результату тождественнымъ, какъ кажется, съ канонической компутаціей. При опредѣленіи предѣла родства какъ по нисходящей линіи, такъ и по боковымъ, они невольно приходили къ римской компутаціи и счету по ломанной линіи. Въ концѣ концовъ, какъ правило, они облюбовали первенство дѣтей, въ частности

сыновей—передъ братьями наслѣдодателя. Это теченіе передачи наслѣдства дѣтямъ преобладаетъ въ публично-правовой жизни всѣхъ индоевропейцевъ отъ Ирландіи до Черногоріи, отъ индусовъ до франковъ; напротивъ патріархальное первенство дяди передъ племянникомъ, привычное въ предѣлахъ клана и большой семьи, при наслѣдованіи власти въ племени удерживается или вновь зарождается у европейскихъ народовъ только, какъ исключеніе, какъ обычай меньшинства. Обыкновенно, по мѣрѣ того, какъ въ границахъ племени одинъ родъ пріобрѣтаетъ главенство надъ другими, внутри такого рода выдвигается одна какая-либо привиллегированная большая семья, „великая куча", а въ средѣ самой большой семьи утверждается преимущество старшей линіи, переходъ политической власти отъ отца къ сыну. Напротивъ преимущество братьевъ передъ сыновьями при престолонаслѣдіи наблюдается, какъ устойчивое правило, или упорная традиція, у нѣкоторыхъ наиболѣе вліятельныхъ семитическихъ родовъ, а именно среди арабскихъ халифовъ изъ династій Омайядовъ и Аббасидовъ, часто спѣшившихъ поэтому при своей жизни вынужденной присягой закрѣплять престолъ за сыновьями. Обычай, тождественный съ этой арабской, мусульманской традиціей, держится и въ семьяхъ турецкихъ султановъ, толкая ихъ на братоубійства.

Виды престолонаслѣдія различны еще по степени и характеру раздробленія власти между сонаслѣдниками. Княжеская власть можетъ переходить или къ одному наслѣднику, или къ цѣлой группѣ равноправныхъ сонаслѣдниковъ; она можетъ оставаться въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ братьевъ съ раздѣломъ между ними только доходовъ, только политическихъ правъ или поступить въ раздѣлъ между сонаслѣдниками путемъ раздробленія всей территоріи государства. Раздѣлъ территоріи между равными сонаслѣдниками принимаетъ иногда оттѣнокъ полнаго разъединенія такихъ частей единой области, созданія столькихъ же новыхъ государствъ, а единство территоріи возмѣщается развѣ только сознаніемъ единства династическаго по взаимному наслѣдованію князей другъ послѣ друга, единства племеннаго, церковнаго, культурно-географическаго или культурно-историческаго въ смыслѣ общихъ переживаній въ прошломъ. Но при раздѣлѣ единство государства можно и сохранить, подчинивъ младшихъ сонаслѣдниковъ старшему и сдѣлавъ доли ихъ неравными; тогда старѣйшинство одного изъ братьевъ воплощаетъ въ себѣ единство государства. Такой зависимости младшихъ отъ старшаго можетъ быть приданъ не родовой, а чисто политическій характеръ, съ особымъ титуломъ для старшаго, достигаемымъ, можетъ быть, въ какомъ-нибудь своеобразномъ порядкѣ, съ нѣкоторыми правительственными правами надъ территоріями младшихъ. Въ случаѣ передачи всего государства одному наслѣднику извѣстная степень раздробленія власти устанавли-

вается въ связи со способомъ областного управленія и видомъ вознагражденія для младшихъ родичей. Гдѣ мелкія, раньше независимыя племенныя государства объединяются посредствомъ завоеванія въ одно крупное, тамъ иногда мѣстные княжескіе роды оставляются завоевателемъ въ качествѣ наслѣдственныхъ областныхъ правителей надъ своими нѣкогда самодержавными территоріями. И вотъ, когда единый наслѣдникъ престола обезпечиваетъ затѣмъ другихъ ближайшихъ родичей, то можетъ дать имъ или вновь вырѣзанные удѣлы въ зависимости отъ себя, или поставить ихъ во главѣ мелкихъ, нѣкогда самостоятельныхъ, а нынѣ покоренныхъ и подчиненныхъ государствъ. Испомѣщеніе, пожизненное или наслѣдственное, младшихъ братьевъ княжеской семьи въ завоеванныхъ родоначальникомъ ея государствахъ, съ титуломъ членовъ княжескаго рода, естественно влечетъ за собой ихъ подчиненіе старшему члену не только какъ старѣйшинѣ родовому, но и какъ политическому главѣ, иначе верховному конунгу, великому князю, если „великій“ не тождественъ со „старшимъ“.

Наконецъ, виды счета родства и порядка наслѣдованія различны по степени ихъ обязательности и свойствамъ силы, дѣлающей ихъ обязательными. Иногда это точная юридическая норма, и тогда ея нарушеніе вызываетъ противодѣйствіе части общества, являющейся носительницей правового сознанія, или особаго органа общественнаго союза. Иногда юридической нормы нѣтъ ни въ писанномъ, ни даже въ обычномъ правѣ, какъ оно формулируется по мѣрѣ надобности особыми авторитетными или полномочными лицами въ видѣ отзыва или приговора; тогда порядокъ престолонаслѣдованія обладаетъ только нравственной обязательностью всего справедливаго; отступленія отъ него осуждаются наличными формами общественнаго мнѣнія, но не даютъ обществу права и ни на кого не налагаютъ повинности — силой возстановить или осуществить попранный порядокъ. Часто юридическая или моральная норма отдаетъ вопросъ о престолонаслѣдіи на усмотрѣніе одной личности, напримѣръ правящаго государя. Въ такомъ случаѣ правящій государь можетъ воспользоваться правомъ назначать себѣ преемника съ цѣлью созданія, путемъ какъ бы субституцій, прецедента для цѣлаго порядка престолонаслѣдія. Можно представить себѣ, что вообще нѣтъ на лицо ни правовой, ни моральной нормы и власть захватывается только борьбой и силой, или, наоборотъ, что въ сознаніи общественнаго союза одновременно уживаются и вступаютъ въ соревнованіе различныя юридическія нормы писаннаго или обычнаго права или нравственныя убѣжденія; тогда приходится говорить о теченіяхъ, тенденціяхъ, а не объ опредѣленномъ порядкѣ. Гдѣ борятся силы физическія или нравственныя и правовыя, тамъ всегда возможно соглашеніе, договоръ, какъ фактъ, а не какъ обязательное правило. Однако,

обязательность соглашенія между нѣсколькими вліяніями для опредѣленія наслѣдника можетъ стать и нормой, юридической или моральной; напримѣръ, избраніе кюнинга у англосаксовъ, обязательно изъ опредѣленной семьи, можно разсматривать, какъ особый видъ ея правъ на престолонаслѣдіе. Особый порядокъ престолонаслѣдія можетъ иногда отсутствовать въ публичномъ правѣ просто потому, что княжеская власть разсматривается, какъ частная собственность лица, семьи или рода, и подпадаетъ подъ общую гражданскую норму наслѣдованія; тутъ опять таки общее право писанное или обычное, дѣйствующее при наслѣдованіи всякой собственности или ея опредѣленныхъ видовъ, можетъ, какъ особая норма, быть перенесено и на передачу государственной власти по наслѣдству, хотя бы княжеская власть уже и отличалась въ правосознаніи отъ объектовъ частной собственности.

Патріархальный бытъ понимаетъ норму своего обычнаго права не какъ заранѣе точно опредѣленный, единообразный и единственно дозволительный путь для подысканія наслѣдника. У него правовая норма скорѣе равнодѣйствующая нѣсколькихъ состязующихся силъ, объединенныхъ въ сложномъ механизмѣ; она зависитъ отъ случайности напряженія слагаемыхъ силъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и не можетъ быть угадана впередъ. Первичный родовой обычай старается не столько предписать одинъ какой-либо обязательный порядокъ при переходѣ власти старѣйшины по наслѣдству, сколько выработать архитектуру нормы, создать систему контрфорсовъ, предохранительные клапаны противъ излишествъ и темныхъ сторонъ каждаго изъ допущенныхъ имъ и конкурирующихъ способовъ для замѣщенія умершаго предшественника. Въ „большой семьѣ“ самъ старѣйшина могъ еще передъ смертью назначить себѣ преемника изъ ея членовъ; если онъ воздержался отъ назначенія, то, вѣроятно, потому, что не ждалъ и не боялся вреднаго исхода при осуществленіи послѣ его смерти обычнаго порядка замѣщенія. Самый старшій годами является теперь его естественнымъ наслѣдникомъ, но, на всякій случай, онъ не сразу вступаетъ въ свои права, а предлагаетъ всѣмъ членамъ „великой кучи“ обсудить, кому быть отнынѣ старѣйшиной. Если члены задруги, или великой кучи считаютъ его вполнѣ подходящимъ преемникомъ, то всѣ возражаютъ, какъ противъ новшества, противъ какого-либо иного выбора, помимо старшаго годами. Но, если старѣйшій годами не внушаетъ довѣрія родичамъ, то вѣдь они могутъ, какъ и при низложеніи негоднаго старѣйшины, по предварительному соглашенію, устами второго по старшинству въ своей средѣ назвать своего излюбленнаго человѣка и поддержать его своимъ „избраніемъ“, т.-е. молчаливымъ согласіемъ. Таковъ патріархальный порядокъ при выборѣ старѣйшины въ большой семьѣ, какъ взаимодѣйствіе трехъ силъ — воли умирающаго старѣйшины, естественнаго старшинства годами, мнѣ-

нія всей великой кучи. При избраніи старѣйшины братства (клана) или племени, этотъ порядокъ только осложняется исключительными правами на власть одной какой-либо привиллегированной семьи въ братствѣ, одного господствующаго рода въ племени, или часто упрощается установленіемъ правильнаго перехода власти отъ отца къ сыну.

Вотъ всѣ наличныя категоріи при счетѣ родства и наслѣдованіи княжеской власти въ Средніе вѣка; съ помощью ихъ можно всесторонне освѣтить и оцѣнить порядокъ престолонаслѣдія у древне-норвежскихъ конунговъ. При изученіи возможныхъ скандинавскихъ вліяній на древнерусскую жизнь состояніе источниковъ вынуждаетъ брать за исходную площадь для сравненій правовой строй норвежскаго племени. Дошедшія до насъ записи обычнаго права для Даніи и Южной Швеціи, или Ётланда, ведутъ свое происхожденіе только съ начала XIII вѣка, для Сѣверной Швеціи даже только съ XIV вѣка; между тѣмъ для Норвегіи есть налицо въ отрывкахъ частныя записи XII-го вѣка для областныхъ законовъ, обычнаго права Гулатинга, Боргартинга, Эйзсифа-тинга; да и редакціи законовъ Западной Норвегіи XIII вѣка, т.-е. законодательныхъ собраній (тинговъ) въ мѣстечкахъ Гулѣ и Фростѣ, несомнѣнно восходятъ и близко примыкаютъ уже къ записямъ предыдущаго столѣтія. При этомъ только у норвежскаго народа родъ конунговъ разросся въ пышное родословное дерево и далъ толчекъ лирическому и эпическому творчеству норвежцевъ и исландцевъ въ историко-генеалогической поэзіи скальдовъ и обширномъ циклѣ прозаическихъ сагъ о конунгахъ Норвегіи. При оживленности сношеній въ вѣка викинговъ между всѣми уголками скандинавскаго міра, отъ Дублина до Новгорода и отъ Византіи до Исландіи, фактъ основанія русскаго государства выходцами изъ Сѣверной Швеціи теряетъ свое частное значеніе и уступаетъ мѣсто возможности обще-скандинавскихъ культурныхъ воздѣйствій. Юридическія нормы передавались тогда и могли ходить по рукамъ такъ же легко, какъ товары и монеты, причемъ древнѣйшіе пласты оставались на поверхности гдѣ либо на окраинахъ, а въ кипучихъ центрахъ прикрывались новыми отслоеніями. Такъ, въ законахъ острова Готланда подмѣчены вліянія норвежскихъ источниковъ, а древнее семейное право Исландіи, заселенной бѣглецами изъ Западной Норвегіи, иногда ближе къ восточно-скандинавскому праву Ётовъ, нежели къ закону Гулатинга, т.-е. областей по фіордамъ Согна и Гардангера, и закону Фростатинга, т.-е. областей вокругъ Тронъемскаго фіорда. Напримѣръ, вытѣсненіе внука наслѣдодателя его сыномъ, этотъ источникъ скандинавскаго изгойства, одинаково рѣзко выражено въ правѣ исландскомъ и ётскомъ, но смягчено у западныхъ норвежцевъ при одалѣ разрѣшеніемъ выкупа. Древне-норвежскій конунгъ наслѣдуетъ государство на правахъ одаля (правильнѣе „оузаля“, „ôdhal“), т.-е. родовой земли (hereditas aviatica, terra avica у франковъ), а

потому раньше всего надо вспомнить особенности юридическаго положенія одалей въ отличіе отъ недвижимости и благопріобрѣтенныхъ земель по гражданскому праву Норвегіи [1]).

Обладаніе благопріобрѣтенной землей дѣлало норвежскаго землевладѣльца только осѣдлымъ крестьяниномъ-собственникомъ (бонди или боунди); напротивъ, обладаніе родовой землей, „одалемъ“, подымало его въ классъ привиллегированныхъ гёльдовъ [2]). Какъ кажется, земля, подаренная королемъ, тотчасъ же становилась одалемъ; но обыкновенно благопріобрѣтенная земля превращалась въ одаль въ силу давности владѣнія одной семьей, а именно при многократномъ переходѣ отъ отца къ сыну въ предѣлахъ родословной линіи одной и той-же семьи, „отъ предка къ предку“. По Гулатингу, въ случаѣ спора изъ-за одаля сторона отвѣтчика должна перечислить пять предковъ, владѣвшихъ землей, и назвать шестого, который затѣмъ владѣлъ ею уже на правахъ одальной собственности. Всякая другая земельная собственность слѣдуетъ при наслѣдованіи нормамъ движимости. Правда, по другому, чисто теоретическому опредѣленію того-же Гулатинга, вполнѣ соотвѣтствующему общему духу норвежскаго обычая въ дѣлѣ пріобрѣтенія сословныхъ правъ путемъ давности, одалемъ признается земля, перешедшая отъ дѣда къ дѣду, т.-е. находившаяся уже въ теченіе четырехъ поколѣній во владѣніи одной и той же семьи. По Фростатингу, одалемъ становится земля, которая была собственностью трехъ предковъ и безъ перерыва перешла къ четвертому. При объединеніи мѣстнаго права частей Норвегіи во второй половинѣ XIII-го вѣка въ Общеземское право (Ландслёгъ) Магнуса „Законоисправителя“ (Лагабётира), одалями были признаны земли, принадлежавшія одной и той-же родовой линіи не менѣе шестидесяти лѣтъ, или тремъ уже предкамъ и перешедшія безъ перерыва къ четвертому, или полученныя отъ короля безъ указанія иного какого-либо вида владѣнія ими.

Одальныя земли отличались отъ другихъ недвижимыхъ имуществъ правовыми особенностями какъ при продажѣ ихъ, такъ и при переходѣ по наслѣдству. Мужчины и члены мужской линіи имѣли преимущественное право на наслѣдованіе одалями, хотя-бы женщины или родичи по женской

---

[1]) Источники: Norges Gamle Love, B. I—V. Саги о конунгахъ Норвегіи по редакціямъ Aagrip, Fagrskinna, Morkinskinna, Heimskringla Снорри Стюрлюсона. Flateyjarbok, Eirspennill (въ „Konunga Sögur“ Унгера, 1873), въ редакціяхъ изданія „Fornmanna Sögur“. Пособія: Brandt, Forelaesninger over den Norske Retshistorie. 1883. Kristiania. E. Hertzberg, Glossarium til Norges G. Love, V, Chr. 1895.

[2]) По Гулатингу, „полная честь“ личности для лейсинга (вольноотпущенника)—6 эйровъ, для бонди—12 эйровъ, для гёльда—3 марки, для лендмана - 6 марокъ. Въ маркѣ—8 эйровъ. Лендманъ—это знатный, имѣющій, вмѣстѣ съ административными правами въ области, „вейслу“ отъ конунга, т.-е. участокъ земли въ пожизненное кормленіе.

линіи находились въ одинаковой съ ними степени родства. По Гулатингу, одаль могутъ наслѣдовать изъ женщинъ вообще только—дочь, сестра, сестра отца, дочь брата, дочь сына, но вступить во владѣніе одалемъ при наличности даже болѣе отдаленныхъ родичей-мужчинъ могутъ лишь дочь и сестра, если каждая изъ нихъ—единственная наслѣдница въ ближайшей степени, такъ какъ вѣдь онѣ при случаѣ платятъ и получаютъ головщину „кольцами“, такъ сказать—гривнами; это baug-rygjar, „женщины колецъ“, единственныя наслѣдницы; напротивъ, у всѣхъ остальныхъ женщинъ, получающихъ при случаѣ право на наслѣдованіе одаля, его всегда можетъ выкупить болѣе отдаленный родичъ-мужчина и притомъ на $^1/_5$ ниже стоимости земли. Гдѣ дочь наслѣдовала пополамъ совмѣстно съ внукомъ отъ сына, тамъ внукъ получалъ одаль, а тетка—свою долю въ движимости. Если двѣ дочери, какъ единственныя наслѣдницы („бейгригьи“) вступаютъ во владѣніе одалемъ послѣ смерти отца и у одной родится дочь, а у другой—сынъ, то этотъ внукъ наслѣдодателя можетъ выкупить одаль у женщинъ въ законномъ порядкѣ. Но, если въ слѣдующемъ поколѣніи, наоборотъ, у внука родится дочь, а у внучки наслѣдодателя—сынъ, то этотъ правнукъ выкупаетъ одальную землю за ту же цѣну у правнучки, и тогда одаль уже навсегда остается за этой второй линіей, такъ какъ онъ трижды попадалъ подъ „веретено и прялку“, т.-е. доставался женской рукѣ.

Въ общемъ порядкѣ наслѣдованія по Гулатингу, каждый законнорожденный сынъ устраняетъ каждаго внука и каждаго брата наслѣдодателя, т.-е. племянники старше дядей за исключеніемъ изгоевъ, потому что каждый братъ сына, умершаго раньше самого наслѣдодателя, вытѣсняетъ каждаго своего племянника — изгоя, т.-е. внука наслѣдодателя черезъ сына, умершаго прежде отца [1]). Но, по закону Гула-

[1]) Слова „изгой“, „изгойство“ я употребляю только, какъ *научный терминъ* для устраненія при наслѣдованіи внука отъ сына, умершаго раньше самого наслѣдодателя. Объемъ юридическаго понятія „изгой“, судя по „Русской Правдѣ“ и „Уставу Всеволода“, значительно шире. Филологическія истолкованія слова „изгой“ нуждаются въ пересмотрѣ. Сопоставленіе съ friedlos (Miklosich. Срезневскій) непріемлемо. Въ древне-норвежскомъ правѣ словомъ „fridh-lauss“ обозначается человѣкъ, лишающійся покровительства законовъ (útlagr, úheilagr), а потому подлежащій изгнанію, а къ русскимъ изгоямъ это неприменимо. Къ тому же „гой“ въ значеніи „миръ“ взято только изъ сербскихъ памятниковъ. Толкованіе глагола „гонити“ въ смыслѣ „жить“ произвольно, потому что въ славянскихъ языкахъ глаголъ этотъ означаетъ не „жить“, а „живить“, „исцѣлять“, „питать“, „воспитывать“, „ухаживать за“, т.-е. имѣетъ каузативный смыслъ. Сравненіе славянскихъ языковъ съ германскими (Фикъ) приводитъ къ корню gi („ги“), который по значенію предполагается родственнымъ словамъ „живъ, жить“. Тогдабы „изгой“ дѣйствительно могъ обозначать человѣка, „выжившаго“ изъ правящихъ князей, купцовъ, холоповъ, а изгойство—всякій „выживъ“.

тинга, при наслѣдованіи одаля права такого изгоя нѣсколько ограждаются. Если изъ двухъ братьевъ одинъ умираетъ раньше отца и оставляетъ послѣ себя сына, то этотъ внукъ наслѣдодателя можетъ выкупить у дяди со скидкой $^1/_5$ цѣны ту часть одаля, которая должна была-бы достаться его покойному отцу, но выкупъ этотъ совершается не раньше смерти дѣда. Законъ Фростатинга говоритъ о раздѣлѣ между внуками или племянниками наслѣдодателя и его дочерью, причемъ сами эти братья и ихъ отцы законнорожденные, но, при отсутствіи такихъ внуковъ или племянниковъ, въ раздѣлѣ съ дочерью можетъ участвовать и законнорожденный внукъ или племянникъ отъ незаконнорожденнаго отца; эта статья распространяется и на раздѣлъ одаля, но здѣсь такіе братья могутъ выкупить у тетки или двоюродной сестры ея долю. Болѣе Фростатингъ не знаетъ особыхъ статей для наслѣдованія одалей. Видно только, что преимущественнымъ правомъ покупки продающагося одаля пользовались лишь тѣ родственники продавца, которые оплачивали головщину „кольцами“ (bauggildismenn); къ этому ближайшему кругу родичей причисляются въ троньемскомъ правѣ, кромѣ убійцы, еще агнаты—его сынъ, отецъ, братъ, дядя, племянникъ, двоюродный братъ, сынъ двоюроднаго брата и, вѣроятно, братъ троюродный, всѣ только по мужской линіи. Общеземское право Магнуса Лагабетира, усвояя постановленія Гулатинга, улучшило положеніе наслѣдницъ. Правда, если отъ отца остается одаль, то его наслѣдуютъ сыновья, а дочерямъ идутъ внѣродовыя земли, или движимость, если нѣтъ земель; „главный дворъ“ самого наслѣдодателя идетъ старшему сыну. Такъ какъ при раздѣлѣ обыкновеннаго имущества внукъ и каждая дочь получаютъ теперь половину противъ каждаго сына, то при наслѣдованіи одалей внуку отъ умершаго сына, т.-е. изгою, идетъ изъ предполагавшейся доли его отца лишь столько, сколько достается и дочери, т.-е. $^1/_2$ сравнительно съ долей каждаго сына, а остальную часть доли отца, т.-е. вторую $^1/_2$ одальнаго надѣла, онъ можетъ выкупить у дядей со скидкой $^1/_5$ цѣны, когда его дѣдъ умретъ или станетъ неправоспособнымъ по старости. Далѣе, Общеземское право (Landslög) какъ-бы немного противорѣчитъ этому, повторяя просто распоряженіе Гулатинга съ распространеніемъ его на внучку, а именно, что изгои, внукъ или внучка отъ умершаго брата, выкупаютъ послѣ смерти дѣда у дядей долю своего покойнаго отца въ одаляхъ. Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду случай раздѣла безъ наличности дочерей; тогда противорѣчія не будетъ. Но во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, гдѣ женщина, имѣющая право на наслѣдованіе одаля, т.-е. дочь, дочь сына, сестра отца, дочь брата, находится въ одинаковой степени родства съ какимъ-либо наслѣдникомъ, тамъ одаль теперь дѣлится между наслѣдницей и наслѣдникомъ, какъ и всякое другое имущество; итакъ, Общеземское законодательство не знаетъ права

выкупа одаля у этихъ наслѣдницъ болѣе отдаленнымъ родичемъ-мужчиной. Дальнѣйшее расширеніе правъ наслѣдницъ при развитіи права отъ XII-го до конца XIII-го вѣка, отъ Гулатинга къ Ландслегу, наводитъ на мысль, что одно время женщины (за исключеніемъ можетъ быть baugrygjar) вообще устранялись отъ наслѣдованія одалей.

Итакъ, наслѣдникомъ одаля становится одинъ или нѣсколько ближайшихъ родичей наслѣдодателя въ той-же степени родства, а всѣ остальные члены рода (ódhalsnautar) сохраняли только преимущественное право на покупку этого одаля въ случаѣ, если онъ поступалъ въ продажу, и притомъ за цѣну, предложенную уже собственнику стороннимъ покупателемъ. По Гулатингу, если мужъ хочетъ продать одальную землю, то пусть ѣдетъ осенью на тингъ и предложитъ своимъ „товарищамъ по одалю“; окончательная сдѣлка должна состояться въ четвергъ на Пасхѣ слѣдующаго года за ту цѣну, по которой готовы купить одаль не родственники; ближайшимъ покупщикомъ признается сынъ собственника. По Фростатингу, если мужъ хочетъ продать одаль, то долженъ предложить его на тингѣ внутри того фильки, гдѣ лежитъ земля, „мужамъ колецъ“, т.-е. тому ближайшему кругу родичей, которые въ случаяхъ убійства участвуютъ въ уплатѣ или полученіи головщины взносами колецъ, такъ сказать, гривенъ. Покупаютъ предпочтительно тѣ, кто ближе по родству (т.-е. къ продавцу, а не родоначальнику), но всѣ они обладаютъ правомъ выкупа. Если на слѣдующемъ совѣщаніи въ мѣсячный срокъ стороны не сходятся въ цѣнѣ, то продавецъ долженъ дать клятву, что столько именно ему предложено. Женщина не предлагаетъ одальной земли къ покупкѣ мужчинѣ, а мужчина женщинѣ; сестра предлагаетъ сестрѣ, если онѣ—наслѣдницы одалей.

Если налицо нѣсколько равноправныхъ наслѣдниковъ одаля, то они всегда могутъ подѣлить между собой одальныя земли, находящіяся у нихъ въ общемъ владѣніи. По Гулатингу, явку на раздѣлъ одаля назначаетъ старшій (elzter) изъ совладѣльцевъ; при разногласіяхъ о дробности раздѣла рѣшаетъ тотъ, кто высказывается за раздѣлъ наиболѣе крупными долями. Раздѣлъ на части производится на глазомѣръ, но каждый можетъ въ теченіе трехъ зимъ потребовать измѣренія веревкой; затѣмъ каждый опускаетъ въ складку полы одежды свой жребій съ отмѣткой, и присутствующіе при раздѣлѣ мужи сотни слѣдятъ, кто гдѣ получаетъ домъ или землю. При дѣлежѣ, если захотятъ, то можно проводить межу долей черезъ середину хутора. Если нѣкоторые изъ совладѣльцевъ несогласны на раздѣлъ, то требующіе дѣлежа назначаютъ имъ явку въ главную усадьбу. Если два брата раздѣлили между собой по жребію наслѣдственный одаль, то каждая доля остается затѣмъ уже въ соотвѣтствующей вѣтви, т.-е. перестаетъ дѣйствовать нѣкоторое преимущество дяди изъ одной вѣтви надъ племянникомъ изъ другой; только, если одна вѣтвь захудаетъ или вымретъ,

то одаль предлагается или переходитъ въ другую. Въ этомъ смыслѣ одальныя отношенія остаются, пока обѣ вѣтви не разойдутся настолько, что мужчины изъ одной вѣтви получатъ право по церковнымъ законамъ жениться на дочеряхъ изъ другой. Такое опредѣленіе границы одальныхъ отношеній свидѣтельствуетъ о вліяніи каноническихъ точекъ зрѣнія на систематизацію права объ одаляхъ. Древне-норвежское право въ вопросахъ брака считало по германо-канонической компутаціи, а потому признавало бракъ разрѣшеннымъ уже въ 7-мъ поколѣніи [1]). По Фростатингу, надо взять двухъ братьевъ или брата и сестру (Fr. III, 1. systkin, n. pl. соотвѣтствуетъ старо-славянскому „братъ-сестра“, dual n.), отсчитать отъ каждаго шесть мужей по нисходящимъ степенямъ и заключать бракъ только между седьмыми, т.-е. по каноническому офиціальному счету отъ родоначальника обоихъ братьевъ—между восьмыми, а по православному церковному праву, это бракъ въ 14-ой степени кровнаго родства. По Гулатингу, сонаслѣдникъ одаля, желающій обрабатывать доли своихъ совладѣльцевъ, сдающихъ ихъ въ аренду, имѣетъ право преимущественной аренды относительно земель, лежащихъ какъ въ межѣ одного хутора (samty'nis), такъ и въ предѣлахъ той-же сотни. Если земля находится въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи, то за ея захватъ берется одна пеня на всѣхъ и притомъ по классу лучшаго изъ совладѣльцевъ; если-же это одаль раздѣленный, то каждый беретъ полностью за свой участокъ. При господствѣ въ древней Норвегіи индивидуальной заимки земли и хуторского хозяйства на отрубныхъ участкахъ, сравнительно рѣдкіе случаи общиннаго землевладѣнія, охватывающаго небольшой кругъ лицъ, правильно выводить преимущественно изъ совладѣнія одалемъ сонаслѣдниковъ; поэтому раздѣлъ всякихъ общихъ земель между совладѣльцами Гулатингъ обозначаетъ просто терминомъ „раздѣлъ одаля“.

Отлично отъ одальнаго порядка наслѣдованія обыкновенное наслѣдственное право, на движимость и внѣродовыя земли. Фростатингъ знаетъ 13 очередей наслѣдованія, прежде чѣмъ наслѣдство, какъ выморочное, достанется конунгу. Въ первую очередь сынъ наслѣдуетъ отцу, какъ законнорожденный, такъ и усыновленный, а отецъ—послѣ сына, если у того не родился наслѣдникъ; во вторую очередь наслѣдуютъ дочь и сынъ сына, если и онъ самъ, и его отецъ—законнорожденные, затѣмъ только дочь сына; въ третью—братъ, а если его нѣтъ, то сестра;

---

[1]) Въ виду наличности у германцевъ счета по поколѣніямъ, отстающаго отъ офиціальной римско-канонической компутаціи только на одно колѣно, многіе нѣмецкіе изслѣдователи считаютъ компутацію римско-католической церкви не новообразованіемъ въ подражаніе Библіи, а заимствованіемъ отъ германцевъ, въ частности отъ лангобардовъ.

въ четвертую—отецъ отца, братъ отца, сынъ брата—по одной трети; если изъ этого ряда никого нѣтъ, то наслѣдуютъ мать отца, затѣмъ только его (отца) сестра, мать (наслѣдодателя) и дочь брата; въ пятую очередь—братъ единоутробный и двоюродные братья; если ни тѣхъ, ни другихъ нѣтъ, то сестра единоутробная и двоюродныя сестры; въ шестую очередь—мать послѣ сына и сестра отца (если онѣ не вступили въ четвертой очереди?); въ седьмую очередь—незаконные сыновья и т. д. Согласно закону Сигурда, Эйстейна и Олафа, сыновей Магнуса (начало XII в.), послѣдними наслѣдниками считаются по Фростатингу лица, стоящія на пятомъ мѣстѣ, „пятыми мужами“ въ нисходящей линіи родства. Обыкновенно принимается, что тутъ родоначальникъ не присчитанъ, и „пятый мужъ“ отождествляется съ пятой генераціей по римско-канонической компутаціи. Это толкованіе находитъ себѣ подтвержденіе въ статьяхъ Гулатинга о распредѣленіи головщины, но въ такомъ случаѣ къ 13-ой очереди наслѣдниковъ по Фростатингу приходится отнести и четвертую, и пятую генерацію родичей, напримѣръ сыновей и внуковъ троюроднаго брата или внуковъ и правнуковъ двоюроднаго брата. Гулатингъ перечисляетъ даже 22 случая наслѣдованія для движимости и неродовыхъ земель, но первые семь при ближайшемъ разсмотрѣніи, въ общемъ, по отношенію къ мужчинамъ, оказывается, почти тѣ же, что и въ троньемскомъ правѣ, а именно: 1. Сынъ послѣ отца или отецъ послѣ сына. 2. Дочь и сынъ сына пополамъ, а если у умершаго вообще нѣтъ дѣтей (ни внуковъ?), то отецъ отца его. 3. Братъ послѣ брата и каждые братъ и сестра отъ того-же отца, если ихъ мать куплена за вѣно [mundi keypt], т.-е. законная жена. 4. Мать. 5. Братъ отца и сынъ брата, одинъ послѣ другого или какъ сонаслѣдники. 6. Двоюродные братья и единоутробный братъ; первымъ идутъ одали, второму движимость. 7. Незаконные сыновья, какъ наслѣдники *на одали* и на движимость. Тѣ женщины, которыхъ здѣсь не достаетъ сравнительно съ Фростатингомъ, вставлены въ Гулатингѣ добавочно, а это даетъ основаніе думать, что первоначально онѣ вовсе устранялись отъ наслѣдства. Итакъ, въ общемъ при наслѣдованіи неродового имущества сынъ наслѣдодателя вытѣсняетъ внука безъ права выкупа, дядя наслѣдодателя и племянникъ—сонаслѣдники, но братъ наслѣдодателя вытѣсняется его сыномъ, т.-е. своимъ племянникомъ; женщина устраняется мужчиной, находящимся въ одинаковой съ ней степени родства къ наслѣдодателю [1]). Многое представляется здѣсь теперь страннымъ, какъ-бы

---

[1]) Вопросъ объ очередяхъ женщинъ, въ особенности по Гулатингу, крайне сложенъ, и авторитетный взглядъ К. Маурера тутъ не единственно возможный. Поэтому я ограничиваюсь лишь немногими безспорными данными, преимущественно очередями мужчинъ, которыхъ достаточно для главной задачи наслѣдованія.

недоговореннымъ, напримѣръ,—полное обездоленіе внуковъ-изгоевъ въ пользу ихъ дядей, вытекающее изъ буквальнаго толкованія текста. Однако подлинность такого обычая подтверждается родственнымъ норвежскому древне-исландскимъ правомъ, гдѣ внуки-изгои выдвигаются даже вообще за предѣлы очередей родства, перечисляемыхъ въ законахъ поименно [1]). Всюду, гдѣ для одалей нѣтъ особой оговорки, приходится и на нихъ распространять нормы обыкновеннаго наслѣдованія. Только два отличія одальнаго порядка наслѣдованія высказаны вполнѣ опредѣленно—ограниченіе правъ женщинъ на одали и установленіе права выкупа для внука—изгоя. Однако, Гулатингъ, Фростатингъ, Ландслегъ—это уже традиція XII—XIII столѣтія. Напротивъ, порядокъ престолонаслѣдія среди норвежскихъ конунговъ, какъ его упоминаютъ саги истихъ скальдовъ, предполагается опредѣленнымъ уже до Гаральда Гауръ-фагри и еще послѣ Олафа Толстаго, иначе Святого, т.-е. для IX-го и XI столѣтій.

При возникновеніи наслѣдственной власти единаго конунга надъ всей Норвегіей, нормы владѣнія одалемъ были изъ гражданскаго права перенесены и въ государственное; онѣ объявлены основой правъ норвежскаго

---

[1]) Тѣ внуки, которыхъ отцы переживаютъ своего отца, т.-е. дѣда внуковъ, рано или поздно сами становятся сыновьями и наслѣдуютъ по гражданскому праву въ первую очередь. Но внуки-изгои, устраненные по Гулатингу изъ первой очереди, могутъ затѣмъ попасть въ наслѣдники только уже въ пятую очередь — послѣ дяди. По древне-исландскому праву, они вытѣснены изъ первыхъ 14 очередей. Привожу порядокъ наслѣдованія по „Граугаусу“, т.-е. исландскому праву эпохи независимости Исландіи—раньше конца XIII-го вѣка и до „Яурнсизсы“ Магнуса Лагабётира („Grágás“, ved V. Finsen): наслѣдуютъ въ очередь. 1. Сынъ свободорожденный и наслѣдоспособный послѣ отца или матери. 2. Если его нѣтъ, то дочь. 3. Если ея нѣтъ, то отецъ наслѣдодателя. 4. Братъ отъ того-же отца. 5. Мать. 6. Сестра отъ того-же отца. 7. Братъ отъ той-же матери. 8. Сестра отъ той-же матери. 9. Незаконный сынъ. 10. Незаконная дочь. 11. Братъ незаконный отъ того же отца. 12. Сестра незаконная отъ того-же отца. 13. Братъ незаконный отъ той-же матери 14. Сестра незаконная отъ той-же матери. 15. Отецъ отца и отецъ матери, сынъ сына и сынъ дочери. 16. Мать отца и мать матери, дочь сына и дочь дочери. 17. Братъ отца и братъ матери, сынъ брата и сынъ сестры. 18. Сестра отца и сестра матери, дочь брата и дочь сестры. 19. Двоюродные братья и сестры отъ братьевъ и сестеръ отца и матери—въ равныхъ доляхъ. 20. Каждый ближайшій за ними родичъ, считая отъ основнаго поколѣнія, т.-е. брата—сестры, какъ родоначальниковъ. 21. Послѣ жены всегда наслѣдуетъ мужъ. Первыя 14 очередей отъ законнаго сына до незаконной сестры отъ той же матери называются „перечисленными“ (taldhir), потому что могутъ требовать наслѣдства по законамъ (i lögom), а не со ссылкой на родство вообще (eigi fraendsemi). Во всемъ порядкѣ здѣсь поражаетъ, что внуки отодвинуты за этотъ предѣлъ случаевъ наслѣдства, перечисленныхъ въ законахъ поименно по единичнымъ очередямъ.

конунга надъ страной и съ нѣкоторыми измѣненіями легли затѣмъ въ основаніе особаго порядка престолонаслѣдія, сходнаго съ традиціями областныхъ конунговъ до объединенія страны. Эта юридическая фикція, будто бы вся Норвегія—только одаль ея конунга, рѣзко высказана въ болѣе позднемъ законодательствѣ Магнуса Гоконссена, „Законоисправителя“ въ концѣ XIII в. По его „Новому Церковному Праву для Гулатинга“, конунгомъ въ Норвегіи въ первую очередь можетъ быть старшій законный сынъ норвежскаго конунга, который по рожденію обладаетъ одальными правами надъ страной и свободными мужами (odhalborenn till landz oc thaegna). То же повторяется въ его законодательствѣ для Исландіи (Iàrnsìdha или Hàkonarbòk). По законамъ дворовой дружины конунга [Hirdh-skrà], вся страна—собственность и одаль конунга [hans aeign oc òdhall er alt landit]. Терминъ ódhalborinn, т.-е. въ силу рожденія обладающій правами на одальное владѣніе землями, примѣняется какъ къ частнымъ лицамъ, такъ и къ конунгамъ и ихъ наслѣдникамъ. Впервые въ дошедшихъ памятникахъ этотъ взглядъ былъ высказанъ въ поэзіи скальдовъ. Послѣ гибели Гаральда Грознаго (Гарэс-раузси.†1066 г.), его прахъ перевезенъ былъ изъ Англіи въ Нидаросъ—Троньемъ и преданъ тамъ погребенію, а власть его перешла къ сыновьямъ, сначала только къ сыну Магнусу одному, а затѣмъ въ соправленіи съ его братомъ Олафомъ Тихимъ (Кирри). Послѣ смерти Гаральда Грознаго датскій конунгъ Свейнъ, сынъ Ульфа, заявилъ было, что миръ, заключенный между датчанами и норвежцами, прекратился теперь по договору со смертью одного изъ его участниковъ. Обѣ стороны стали готовиться къ войнѣ. Норвежцы согласны были блюсти миръ на прежнихъ условіяхъ, или иначе рѣшились сражаться. Скальдъ Стейнъ Гердисарсонъ [Steinn Herdisarson], сложившій драпу въ честь Олафа Тихаго при его дворѣ, такъ говоритъ объ этомъ времени: „Въ городѣ, гдѣ покоится священная Ярость (т.-е. Гаральдъ Грозный), пылкій въ натискѣ государь (Олафъ Тихій) станетъ оборонять отъ Свейна свои одали. Онъ—могучій государь! Конунгъ Олафъ будетъ очень привязанъ къ своему роду. Наслѣдникъ Ульфа (т.-е. датскій конунгъ) не долженъ предъявлять тутъ притязаній на всю Норвегію“. Итакъ, уже въ стихахъ, возникшихъ около 1070 года, вся Норвегія обозначается, какъ „одали“ рода [aett] Олафа Кирри.

Тотъ-же взглядъ встрѣчается и въ сагахъ о конунгахъ Норвегіи. Такъ по сагѣ конца XIII вѣка, Гаконъ, сынъ Гакона, доказывая передъ собраніемъ „лучшихъ мужей“ въ Бергенѣ свои права на Норвегію противъ другихъ соперниковъ и обращаясь къ архіепископу, называлъ Норвегію своей отчиной [födhur-arfr], а себя — мужемъ съ подлинными одальными правами на Норвегію [sannr òdhals-madhr til Noregs]. Эта точка зрѣнія распространялась и на областныхъ конунговъ

по отдѣльнымъ племеннымъ территоріямъ, т.-е. фильки. Когда Олафъ Святой задумалъ добиваться власти конунга надъ Норвегіей, то открылся раньше всего своему вотчиму, матери и воспитателю. Его замыселъ клонился къ тому, чтобы вернуть себѣ мечомъ и копьемъ наслѣдственныя владѣнія отца вопреки конунгамъ Даніи и Швеціи, отнявшимъ власть у потомства Гаральда Прекрасноволосаго, и даже овладѣть всей державой родича своего Олафа Триггвасона и стать такимъ путемъ „великимъ княземъ Норвегіи“[yfirkonungr].При этомъ Олафъ Св.сказалъ между прочимъ: „Чужеземные мужи укрѣпились теперь въ тѣхъ владѣніяхъ, которыя принадлежали моему отцу и его отцу и вообще нашимъ родичамъ одному за другимъ, а между тѣмъ по рожденію я имѣю на нихъ одальныя права [em ek òdhalborinn til]. Но они этимъ не удовольствовались, а захватили себѣ владѣнія всѣхъ нашихъ родичей, а мы по счету предковъ мужской линіи произошли отъ Гаральда Прекрасноволосаго [at langfedhgatali]. Они удѣляютъ изъ этихъ владѣній однимъ немного, а другимъ и вовсе ничего“. Предки Олафа Св. были областными конунгами, а именно: его прадѣдъ Бьёрнъ, сынъ Гаральда Прекрв., и дѣдъ были конунгами въ фильки Вестфольдѣ, а его отецъ Гаральдъ—въ смежномъ Гренландѣ. Такъ какъ рѣчь идетъ о захватѣ владѣній всѣхъ потомковъ Гаральда Прекрв., то врядъ ли можно эти слова Олафа Св. отнести къ землямъ, которыми его предки владѣли, какъ частными одалями по гражданскому праву. Даже при узкомъ пониманіи текста здѣсь приходится видѣть притязанія Олафа на власть областного конунга въ Вестфольдѣ и Гренландѣ; и дѣйствительно, Олафъ далѣе открывается, что онъ не удовлетворится требованіемъ себѣ своей отчины [födhurarfr] у конунговъ Даніи и Швеціи, хотя тѣ и называли теперь нѣкоторое время своей собственностью то, что было наслѣдіемъ Гаральда Гаурфагри; нѣтъ, онъ будетъ добиваться своей отчины копьемъ и мечомъ и даже готовъ или пасть на ней, или прібрѣсти верховное господство надъ всѣмъ тѣмъ государствомъ, которое тѣ отняли у Олафа Триггвасона, его родственника. Онъ ждетъ поддержки въ этомъ предпріятіи и отъ вотчима Сигурда Свиньи (Сюръ), областного конунга въ фильки Хрингарики, и отъ другихъ областныхъ конунговъ по отдѣльнымъ фильки Горной Норвегіи (Упланда). Такъ какъ большинство конунговъ въ фильки Упланда принадлежало къ роду Гаральда Прекрв., то Олафъ называетъ ихъ получившими королевскую власть, какъ одаль, по рожденію въ силу законовъ Гаральда Гаурфагри [er òdhalbornir eru hér til konungdóms, at lögum theim, er setti Haraldr hárfagri]. Итакъ, всѣ областные конунги, въ томъ числѣ и ихъ потомки въ родѣ Олафа Святого, обладали въ правосознаніи первыхъ творцовъ сагъ одальными правами на власть конунга въ извѣстномъ фильки, а верховный конунгъ—одальнымъ правомъ на всю Норвегію.

Однако, одальный характеръ власти древне-норвежскаго конунга принимаетъ видъ какой-то юридической фикціи уже потому, что не уничтожаетъ одальныхъ правъ частныхъ землевладѣльцевъ по гражданскому праву. Поэтому выводы изъ публично-правовой фикціи объ одальныхъ нормахъ власти конунга надъ Норвегіей рѣдко встрѣчаются въ дѣйствительномъ примѣненіи ихъ къ общественной жизни. Правда, уже обложеніе частныхъ одалей оброкомъ при Гаральдѣ Прекрв. могло производить впечатлѣніе ихъ конфискаціи конунгомъ. Такъ какъ поземельные налоги послѣдующаго времени не связаны съ земельной рентой Гаральда Прекрв. и замѣнили собой иныя повинности, то отмѣну этой ренты надо связывать съ возстановленіемъ крестьянскихъ одалей во всѣхъ ихъ правахъ при сынѣ Гаральда—Гаконѣ Добромъ. Такимъ образомъ, главнымъ совпаденіемъ между одальными нормами владѣнія землей въ гражданскомъ правѣ и государственномъ остается порядокъ престолонаслѣдія и совладѣнія группы конунговъ до изданія перваго закона о наслѣдованіи королевской власти при Магнусѣ Эрлингссонѣ (съ 1161 г.). Этотъ порядокъ и предстоитъ теперь изучить, начиная съ Гаральда Прекрв., а затѣмъ и раньше объединенія имъ всѣхъ фильки Норвегіи (ок. 872 г.) въ одно государство [1]).

Искони каждое фильки, или племенная область [fylki, folkland], было самостоятельнымъ государствомъ, чаще всего съ конунгомъ во главѣ; такихъ племенныхъ фильки насчитывалось 25. Каждое фильки дробилось далѣе на „сотни“ [heradh], иногда тоже съ собственными конунгами. Когда Гаральдъ Прекрв. объединилъ всю Норвегію и сталъ ея единовластнымъ [einvaldskonungr], верховнымъ [yfirkonungr], всенароднымъ (thjodhkonungr) конунгомъ, то наслѣдственные конунги отдѣльныхъ фильки (fylkiskonungr) и геразсъ (heradhskonungr), такъ называемые малые конунги (smákonungr), были замѣнены его областными правителями изъ мѣстной старой знати. Фильки и сотни превратились тогда въ ячейки областного, территоріальнаго дѣленія страны, при чемъ во главѣ каждаго присоединеннаго фильки Гаральдъ Прекрв. ставилъ по ярлю, а во главѣ—сотни—по герсиру, такъ что на каждое фильки приходилось по 4 и болѣе герсира. Процессъ объединенія по нѣскольку фильки въ одно государство начался еще до Гаральда Гаурфагри.

---

[1]) Пособія: R. Keyser, Norges Stats-og Retsforfatning i Middelalderen. 1867. (Efterladte Skrifter, B. II). A. Taranger, Udsigt over den Norske Rets Historie, I—II. 1898—1904. Konrad Maurer, Vorlesungen über Altnordische Rechtsgeschichte. B. I. 1907. B. III. 1908. Alex. Bugge, Vesterlandenes Indflydelse i Vikingetiden, Krist .1905. Для хронологіи, генеалогіи, географіи см. P. Munch, Det norske Folks Historie, Deel I, Bind. 1—2. II. III. IV, 1—2. 1852—1859.

Первую общенорвежскую династію саги производятъ отъ шведскаго королевскаго рода Инглинговъ. Инглинги утратили упсальскій престолъ послѣ гибели Ингьяльда. Тогда его сынъ Олафъ „Дровосѣкъ“, воспитанный въ Западномъ Гауталандѣ (или Ёталандѣ), ушелъ на берега верхняго Гаутаэльфа, расчищалъ здѣсь лѣса, выжигалъ и заселялъ мѣстность, которая стала называться „Теплой Землей“ (Вермаландъ); отсюда его прозвище—Конунгъ Олафъ Третельгья (Дровосѣкъ). Его потомки постепенно захватили рядъ племенныхъ областей (фильки) въ Горной Норвегіи (Упландѣ) и на берегахъ теперешняго фіорда Кристіаніи (Викинъ). Среди нихъ особой прочностью своей власти выдавался Гальфданъ Черный, отецъ Гаральда Прекрасноволосаго, впервые объединившаго (около 872 г.) почти всѣ фильки Норвегіи подъ своей властью. Какъ примѣръ для Горма въ Даніи и Эйрика въ Швеціи, Гаральдъ Прекрв. стремился уже стать конунгомъ всего норвежскаго племени (thjódhkonungr). Битва при Хафрс-фьёрзсѣ, гдѣ онъ нанесъ на морѣ пораженіе областнымъ конунгамъ юго-западной Норвегіи, приблизила его къ цѣли. Гаральдъ вскорѣ сталъ единовластнымъ (eindi). У него было нѣсколько женъ и много дѣтей: a) Отъ Асы, дочери ярля Гакона съ береговъ Троньемскаго фіорда, у него были сыновья Гутгормъ (1), Гальфданъ Черный (2), Гальфданъ Бѣлый (3), Сигфрёзсъ (4). b) Отъ Гюзсы, дочери конунга изъ Гёрзсаланда,—дочь Алофъ, сыновья Храйрекъ (5), Сигтрюггъ (6), Фрозси (7), Сзоргильсъ (8). c) Отъ Рагнгильды Могучей, дочери ютландскаго конунга, былъ сынъ Эйрикъ Кровавый Топоръ (9). d) Отъ Свангильды, дочери конунга Эйстейна, — сыновья Олафъ Гейрстазса-альфъ (10), Бьёрнъ (11), Рагнаръ (12). e) Отъ Асгильды изъ Хрингарики — сыновья Дагъ (13), Хрингъ (14), Гузс-рёзсъ (15), дочь Ингигерзсъ. Затѣмъ f) отъ финки Снайфризсы у Гаральда Прекрв. были еще сыновья Сигурдъ незаконный (16), Гальфданъ Высокая Голень (17), Гузс-рёзсъ Лучъ (18), Рёгнвальдъ Прямая Нога (19). Когда Гаральдъ Прв. женился на датчанкѣ Рагнгильдѣ, то порвалъ со своими тогдашними девятью женами. Дѣти его воспитывались тамъ, откуда была родомъ ихъ мать. Дядя конунга по матери и вождь ополченія (hertogi) герцогъ Гутгормъ „обрызгалъ водой“ старшаго его сына, нарекъ ему свое имя и воспитывалъ его при себѣ въ Викинѣ и Упландѣ, гдѣ онъ правилъ страной въ отсутствіе конунга. Когда умерла Рагнгильда, прожившая въ Норвегіи три зимы, то сынъ ея Эйрикъ отправленъ былъ на воспитаніе въ область Фирзсы.

Когда Гаральду Прв. было 40 лѣтъ, то многіе изъ его сыновей стали на ноги и были недовольны, что отецъ не допускаетъ ихъ до

власти и ставитъ во главѣ каждаго фильки по ярлю, между тѣмъ ярли казались имъ ниже по рожденію, чѣмъ сыновья конунга. Такъ, Гальфданъ Высокая Голень и Гузс-рёзсъ Лучъ съ отрядомъ напали врасплохъ на жилище Рёгнвальда ярля въ Майри (Мёре), когда-то добровольно ставшаго подданнымъ Гаральда Прв., и сожгли его въ домѣ съ 60 мужами. Послѣ этого Гальфданъ на боевыхъ судахъ уплылъ на Западъ за море, а Гузс-рёзсъ сѣлъ на мѣсто ярля въ Майри; тогда Гаральдъ направился съ войскомъ противъ Гузс-рёзса; сынъ отдался отцу въ руки и былъ сосланъ въ Агзсы, а на мѣсто Рёгнвальда конунгъ поставилъ ярлемъ его сына Сзори, выдавъ за него свою дочь Алофъ.

Когда Гаральду Прв. было 50 лѣтъ, то многіе изъ его сыновей возмужали и стали высокомѣрными, ссорились между собой, выгоняли ярлей изъ ихъ владѣній, а иныхъ убивали. Тогда Гаральдъ назначилъ многочисленный тингъ на Югѣ (считая отъ Троньема) Эйдсвольдъ?) и созвалъ мужей Упланда. Здѣсь онъ далъ своимъ сыновьямъ титулъ конунговъ и установилъ законъ, что всѣ его родичи по мужской линіи должны получать званіе конунга, каждый послѣ своего отца, а званіе ярля тѣ, кто вышелъ изъ его рода въ свойство по женской линіи. Затѣмъ онъ раздѣлилъ области между сыновьями: Олафу, Бьёрну, Сигтрюггу, Фрозси, Сзоргильсу онъ далъ фильки Вингульмёркъ, Раумарики, Вестфольдъ, Сзеламёркъ; Дагу, Хрингу, Рагнару далъ Гейзсмёркъ и Гузсбрандсдали; сыновьямъ Снайфризсы далъ Хрингарики, Газсаландъ, Сзотнъ съ прилежащими землями; Гутгорму онъ еще раньше далъ въ вѣданіе земли отъ Гаутаэльфа до Свинасунда и фильки Ранрики; Храйрекъ и Гузсрезсъ были всегда среди „гирзса“, т.-е. дружиннаго двора, при конунгѣ и владѣли большими пожизненными „кормленіями“ (veizlur) въ Гёрзсаландѣ и Согнѣ; Эйрикъ жилъ при отцѣ, хотя получилъ отъ него Галогаландъ, Норзс-майри, Раумсдаль; на Сѣверѣ Гаральдъ поручилъ вѣдать Троньемскій край Гальфдану Черному, Гальфдану Бѣлому, Сигрёзсу. (ок. 900 г).

Гаральдъ Пркв. предоставилъ сыновьямъ половину своихъ сборовъ въ каждомъ фильки и право сидѣть на высокомъ сидѣньѣ (hásaeti) на одну скамью выше ярлей, на одну скамью ниже его собственнаго мѣста. На его собственное мѣсто разсчитывалъ въ будущемъ послѣ него каждый изъ сыновей. Гаральдъ самъ предназначалъ его для Эйрика, Троньемцы—для Гальфдана Чернаго, населеніе Викина и Упланда—тѣмъ изъ сыновей, которые были у нихъ подъ рукой. Отсюда пошли между братьями снова несогласія. Такъ какъ ихъ владѣнія казались имъ малы, то они шли въ морскіе набѣги; такъ палъ Гутгормъ въ руслахъ Гаутаэльфа, и его власть перешла къ Олафу; Гальфданъ Бѣлый палъ въ Эстляндіи, Гальфданъ Высокая Голень—на Оркнейскихъ остро-

вахъ, Сзоргильсу и Фрозси самъ отецъ далъ боевыя суда, на которыхъ они опустошали Шотландію, Уэльсъ, Ирландію; они овладѣли Дублиномъ, гдѣ и погибли затѣмъ. Эйрикъ Кровавый Топоръ намѣревался стать верховнымъ конунгомъ (yfirkonungr) надъ всѣми своими братьями, какъ того желалъ и отецъ его Гаральдъ. Когда Рёгнвальдъ Прямая Нога, владѣвшій Газсаландомъ, предался колдовству, то отецъ послалъ туда Эйрика, а тотъ сжегъ брата съ 80 волхвами. Гузс-рёзсъ Лучъ зимовалъ какъ-то у своего воспитателя въ Хвинѣ на южной оконечности Норвегіи и утонулъ съ кораблемъ въ бурю на пути въ Рогаландъ. Бьёрнъ, сидѣвшій въ купеческомъ городѣ Тунсбергѣ и правившій Вестфольдомъ, самъ завелъ себѣ торговыя суда для посылки въ чужія страны. Эйрикъ, возвращаясь съ Востока, потребовалъ у брата податей и поборовъ, шедшихъ съ Вестфольда конунгу Гаральду Пркв., а себѣ припасовъ и палатокъ. Бьёрнъ отказался исполнить требованія; тогда Эйрикъ напалъ на него неожиданно ночью за выпивкой и въ схваткѣ Бьёрнъ былъ убитъ. Въ другой разъ Гальфданъ Черный подстерегъ Эйрика врасплохъ ночью во время сна въ Сѣверномъ Майри близъ Агзсанеса; Эйрику удалось бѣжать въ лѣсъ, но зато Гальфданъ сжегъ усадьбу и отрядъ брата. Гаральдъ Пркв. разгнѣвался и пошелъ противъ сына Гальфдана и троньемцевъ походомъ; противники встрѣтились во внѣшнемъ проходѣ Троньемскаго фіорда, но между ними состоялось примиреніе. Гальфданъ Черный и Сигрёзсъ выросли на воспитаніи у Гакона Троньемскаго, ярля въ Хлазсахъ, вмѣстѣ съ его сыномъ и преемникомъ ярлемъ Сигурдомъ. Когда Гаральдъ Пркв. сталъ старѣть, то часто сидѣлъ въ своихъ большихъ хуторахъ въ Гёрзсаландѣ и Рогаландѣ. Ему было уже подъ 70 лѣтъ, когда онъ прижилъ здѣсь сына (20-го) съ Сзорой изъ Мостра; она называлась рабыней конунга (ambátt), но у конунга въ подчиненіи бывали тогда многіе мужчины и женщины, происходившіе изъ свободныхъ родовъ (aettbornir). Ярль Сигурдъ по-языčески обрызгалъ новорожденнаго водой и нарекъ ему имя „Гаконъ“ въ память своего отца. Этого сына Гаральдъ Пркв. послалъ затѣмъ на воспитаніе къ англо-саксонскому королю Этельстану. Король велѣлъ крестить мальчика, полюбилъ его и привилъ ему добрые нравы; отсюда его прозвище Hákon Adhalsteinsfóstri, т.-е. воспитанникъ Этельстана. Гаральду Пркв. было подъ конецъ 80 лѣтъ, сталъ онъ тяжелъ на подъемъ и считалъ для себя невозможнымъ объѣзжать страну и отправлять обязанности конунга. Тогда возвелъ онъ сына Эйрика на свое высокое сидѣнье и передалъ ему власть надъ всей страной. Когда объ этомъ узнали другіе сыновья, то Гальфданъ Черный сѣлъ самъ на высокое сидѣнье конунга и взялъ въ свои руки верховное управленіе надъ всѣмъ Троньемскимъ краемъ; всѣ троньемцы поддерживали его въ этомъ рѣшеніи. Послѣ смерти Бьёр-

на—Купца, его братъ Олафъ принялъ на себя власть надъ Вестфольдомъ и взялъ себѣ на воспитаніе его сына Гузс-рёзса; у Олафа былъ и свой сынъ—Триггви. Когда населеніе Викина узнало, что „Гёрзсы“ взяли Эйрика въ верховные конунги (yfirkonungr), то провозгласили Олафа верховнымъ конунгомъ надъ Викиномъ. Три зимы спустя, внезапно умеръ Гальфданъ Черный въ Троньемѣ; его смерть молва приписывала кознямъ Гуннгильды, „матери конунговъ“ (konungamódhir), жены Эйрика, родомъ изъ Галогаланда. Послѣ Гальфдана Чернаго троньемцы признали конунгомъ Сигфрёзса. Гаральдъ Пркв. прожилъ еще три зимы послѣ того, какъ передалъ единовластіе (einvald rikis sins) сыну Эйрику. Когда у Эйрика и Гуннгильды родился сынъ, то Гаральдъ Пркв. обрызгалъ его водой и нарекъ ему свое имя, говоря, что онъ будетъ конунгомъ послѣ отца своего Эйрика, т.-е. пытался предопредѣлить порядокъ престолонаслѣдія и въ поколѣніи внуковъ и притомъ не въ пользу старшаго. Большинство своихъ дочерей Гаральдъ выдалъ замужъ внутри страны за ярлей, и отсюда возникло множество развѣтвленій рода. Прекрасноволосый конунгъ умеръ въ Рогаландѣ и погребенъ у Кармтскаго пролива (933 г.).

Въ первую зиму послѣ смерти Гаральда—отца Эйрикъ получилъ всѣ поборы, слѣдующіе конунгу, съ середины страны, Олафъ—на Востокѣ съ Викина, Сигфрёзсъ съ области троньемскаго права. Эйрикъ былъ этимъ крайне недоволенъ. Пошли толки, что онъ силой будетъ добиваться у братьевъ той полноты единовластія (einvaldsriki) надъ всей страной, которую оставилъ ему отецъ. И дѣйствительно, братья Олафъ и Сигфрёзсъ подверглись его внезапному нападенію и пали въ этой битвѣ, Триггви и Гузс-рёзсъ бѣжали въ Упландъ, а Эйрикъ подчинилъ себѣ Викинъ [1]).

Узнавъ въ Англіи о смерти отца, Гаконъ „Воспитанникъ Этельстана“, иначе Добрый, явился въ Троньемскій край, нашелъ поддержку у ярля Сигурда въ Хлазсахъ и обѣщалъ крестьянамъ на тингѣ признать ихъ всѣхъ родовыми владѣльцами (odhalborinn) и пожаловать ихъ одалями, на которыхъ они жили; тогда крестьяне провозгласили его конунгомъ всей земли. Крестьянство Упланда тоже прислало къ Гакону ходаковъ. Тогда Гаконъ въ концѣ зимы отправился самъ въ Упландъ, гдѣ и былъ на всѣхъ тингахъ признанъ конунгомъ. Затѣмъ онъ появился въ Викинѣ. Здѣсь къ нему явились племянники — Триггви и Гузс-рёзсъ. Гаконъ далъ имъ титулъ (nafn) конунговъ и ту государственную власть, которую Гаральдъ Прекрв. предоставилъ ихъ отцамъ. Триггви получилъ Ранрики и Вингульмёркъ, а Гузс-рёзсъ—Вестфольдъ;

---

[1]) Дѣтьми Эйрика и Гуннгильды были: Гамли, Гутгормъ, Гаральдъ, Рагнфрёзсъ, дочь Рагнгильда, Эрлингъ, Гузсрёзсъ, Сигурдсъ Слюна.

они по прежнему правилу, получали только половину податей и поборовъ (skattr ok skyld), одинаковую съ Гаконом. Весной въ виду преобладанія Гакона и недостатка въ поддержкѣ, Эйрикъ Кровавый Топоръ покинулъ Норвегію и ушелъ съ вѣрными ему спутниками на Западъ за море, гдѣ и палъ въ битвѣ при высадкѣ въ южной Англіи. Но и послѣ этого Гакону Доброму приходилось обороняться отъ сыновей Эйрика. Когда онъ былъ раненъ на-смерть въ одной изъ такихъ битвъ и умеръ, не оставивъ сыновей, то дѣти Эйрика и Гуннгильды овладѣли Норвегіей съ согласія Гакона, даннаго передъ кончиной (961 г.).

Среди сыновей Эйрика выдавался Гаральдъ „Сѣрая Шуба“ (плащъ на мѣху), или Грауфельдъ, но только по почету, какъ старшій братъ изъ живыхъ. Ихъ мать Гуннгильда принимала большое участье въ управленіи страной вмѣстѣ съ ними и была прозвана матерью конунговъ (konunga módhir). Наряду съ ними, главами въ странѣ все еще оставались Триггви Олафссонъ — на крайнемъ Востокѣ, Гузс-рёзсъ Бьярнарсонъ въ Вестфольдѣ, Сигурдъ ярль въ Троньемѣ, а сыновья Гуннгильды въ первую зиму владѣли только серединой страны. Изобиліе въ странѣ, обычное въ годы Гакона Добраго, стало теперь падать, потому что конунговъ было много, у каждаго своя дворовая дружина, „гирзсъ“, и всѣ они были жадны до денегъ. Часто ѣзжали по странѣ всѣ братья вмѣстѣ, иногда каждый — самъ по себѣ. Ради управленія страной, Гуннгильда, „мать конунговъ“, и ея сыновья часто устраивали совѣщанія. Постепенно сыновья Эйрика стали истреблять и изгонять правителей отдѣльныхъ частей Норвегіи. Такъ, они сожгли вмѣстѣ съ усадьбой ярля Сигурда, но вынуждены были оставить Троньемскую область за его сыномъ Гаконом. Затѣмъ Гузс-рёзсъ Эйрикссонъ предательски велѣлъ убить конунга Триггви, а Гаральдъ Грауфельдъ напалъ подъ Тунсбергомъ неожиданно ночью на Гузс-рёзса, сына Бьёрна, и конунгъ Вестфольда палъ въ этой схваткѣ. У Гузс-рёзса Вестфольдскаго остался сынъ по имени Гаральдъ; онъ воспитывался въ фильки Гренландѣ, получилъ поэтому прозвище Гаральда Гренландскаго (grenski) и укрылся въ Швеціи. Потомъ сыновья Эйрика заставили ярля Гакона бѣжать изъ Троньемскаго края въ Данію. Среди своихъ насилій пали одинъ за другимъ сыновья Гуннгильды—Сигурдъ Слюна и Эрлингъ, въ живыхъ оставались только Гаральдъ Грауфельдъ и еще два брата.

Между тѣмъ послѣ смерти конунга Триггви его жена Астризса осталась беременной, родила во время бѣгства мальчика Олафа Триггвасона и укрылась въ Швеціи, откуда потомъ отправилась къ брату Сигурду, служившему будто-бы у князя Владиміра на Руси [1]). Въ это время

[1]) Хронологически правильнѣе отнести появленіе Олафа Триггвасона на Руси еще къ правленію Ольги и Святослава.

ярль Гаконъ подбилъ датскаго конунга Гаральда Гормссона вмѣстѣ добывать Норвегію. По его совѣту, датскій конунгъ заманилъ къ себѣ норвежскаго Гаральда Грауфельда и втянулъ его въ схватку съ датчанами, стоившую жизни конунгу Норвегіи (965 г.). Послѣ этого Гаральдъ Гормссонъ вмѣстѣ съ укрывшимися у него бѣглецами—ярлемъ Гакономъ, Гаральдомъ Грендскимъ и друг. — подчинилъ себѣ южную Норвегію. Онъ далъ здѣсь ярлю Гакону въ управленіе 7 фильки на тѣхъ-же условіяхъ, на которыхъ раздавалъ области Гаральдъ Прекрв., съ тою только разницею, что Гаконъ и въ этихъ фильки, и въ Троньемѣ получалъ во владѣніе королевскіе хутора и поземельныя аренды за конунга, а въ случаѣ вторженія непріятеля могъ черпать даже изъ королевской казны. На тѣхъ же условіяхъ, какъ сыновья Гаральда Прекрв., получилъ Гаральдъ Грендскій отъ датскаго конунга Вингульмёркъ, Вестфольдъ, Агдсы до южнаго мыса. Сыновья Эйрика удалились на Западъ, на Оркнейскіе острова. Когда Гаральдъ Грендскій, конунгъ Вестфольда, погибъ въ Швеціи при попыткѣ сосватать себѣ Сигризсу, вдову шведскаго конунга Эйрика Побѣдоноснаго; то его жена Аста переѣхала въ Упландъ къ своему отцу, родила здѣсь мальчика, будущаго Олафа Святого, и вскорѣ вышла вторично замужъ за Сигурда Свинью (Syr), конунга въ Хрингарики; онъ былъ правнукомъ Гаральда Прекрв. черезъ сына его Сигурда Хриси. У вотчима Сигурда Свиньи росъ и маленькій Олафъ.

Между тѣмъ Олафъ Тригвасонъ, другой правнукъ Гаральда Прекрв., послѣ двора русскаго князя, яко-бы Владиміра, побывалъ у прибалтійскихъ вендовъ, въ Англіи, Ирландіи и, наконецъ, высадился въ Норвегіи около Мостра въ Южномъ Гёрзландѣ (995 г., годъ рожденія Олафа Святого, праправнука Гаральда Прекрв.). Воспользовавшись недовольствомъ крестьянства противъ ярля Гакона, Олафъ добился отъ всенароднаго тинга въ Троньемской области титула конунга надъ всей страной, какъ ею владѣлъ Гаральдъ Прекрв. При объѣздѣ страны Олафу подчинилась вся Норвегія, Упландъ и Викинъ; даже тѣ главы [höfdhingjar], которые держали земли отъ датскаго конунга, стали мужами Олафа и начали держать землю отъ него. Сыновья убитаго ярля Гакона, Эйрикъ и Свейнъ, бѣжали въ Швецію. Эйрикъ ярль образовалъ постепенно союзъ противъ Олафа Тригвасона изъ датскаго конунга Свейна Тьюгускегга (Роздвоенной Бороды) и шведскаго Олафа, сына Сигризсы. На обратномъ пути изъ страны Вендовъ норвежцы были разбиты союзнымъ флотомъ въ морской битвѣ близъ острова Свёльда (около Рюгена), и самъ Олафъ Тригвасонъ палъ (1000 г.). Норвегія была теперь подѣлена между шведами, датчанами и ярлемъ Эйрикомъ; Олафъ Шведскій предоставилъ свои фильки зятю—ярлю Свейну—на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ обычно держали ярли и зависимые по

дани конунги земли отъ верховныхъ конунговъ [skattkonungar, yfirkonungar].

Единодержавіе снова возстановилъ въ Норвегіи Олафъ Святой, сынъ Гаральда Грендскаго. Юность онъ провелъ въ походахъ викинговъ, побывалъ въ Швеціи, Финляндіи, Англіи и, наконецъ, всплылъ въ Норвегіи. Захвативъ врасплохъ троньемскаго ярля и отпустивъ его въ Англію, Олафъ появился въ Викинѣ. Въ Вестфольдѣ у него нашлось много знакомыхъ и друзей по отцу, много и родичей. Отсюда онъ съ сотней мужей поѣхалъ въ Хрингарики къ вотчиму Сигурду и матери Астѣ. Благодаря вліянію Сигурда Сюра, Олафа на первыхъ шагахъ къ королевской власти поддержали „малые конунги“ [smákonungar] Упланда. На общемъ собраніи въ Газсаландѣ большинство мелкихъ конунговъ внутренней Норвегіи высказались за Олафа и заключили съ нимъ договоръ, обезпечивавшій имъ новыя права въ случаѣ утвержденія его единодержавнымъ конунгомъ [einvaldskonungr]. Затѣмъ весь народъ Упланда созванъ былъ на тингъ; Олафъ обѣщалъ ему возстановить старые законы, т.-е. обычное право, защищать его отъ магнатовъ и иноземныхъ набѣговъ, а народъ нарекъ ему имя конунга. (1015 г.). Послѣ этого Олафъ укрѣпился и въ Троньемскомъ краѣ, и въ Викинѣ. Однако, суровость, съ которой Олафъ истреблялъ остатки язычества въ Вингульмёркѣ, вызвала противъ него заговоръ конунговъ другихъ фильки, а именно въ Упландѣ конунговъ Раумарики, Далира, или Далей, Газсаланда, Гейзсмёрка. Но Олафъ предупредилъ ихъ. Заставъ заговорщиковъ въ усадьбѣ врасплохъ во время сна, онъ легко овладѣлъ конунгами. Тогда началась жестокая расправа. Конунга Хрёрека изъ Гейзсмёрка онъ велѣлъ ослѣпить на оба глаза, Гузсрёзсу изъ Далира—вырѣзать языкъ, съ остальныхъ взялъ клятвы, что они навсегда уѣдутъ изъ Норвегіи. Олафъ подчинилъ непосредственно себѣ области этихъ мелкихъ конунговъ и взялъ съ населенія заложниковъ. Когда въ Хрингарики умеръ его вотчимъ Сигурдъ Свинья, то Олафъ Гаральдссонъ уже одинъ носилъ отнынѣ титулъ конунга въ Норвегіи. Въ то время, какъ одна изъ дочерей шведскаго конунга Олафа—Ингигерзса—была выдана за русскаго князя Ярослава, Олафъ Норвежскій женился на другой ея сестрѣ—Астризсѣ. Поэтому, когда при поддержкѣ троньемской знати датскій конунгъ Кнутъ подчинилъ себѣ всю Норвегію, то конунгъ Олафъ удалился на Русь къ Ярославу и Ингигерзсѣ (1029 г.); при немъ былъ и сынъ его Магнусъ. Позднѣе, оставивъ сына у Ярослава, Олафъ еще разъ сдѣлалъ попытку вернуть себѣ Норвегію, но палъ здѣсь въ битвѣ при Стикластазсахъ (1030 г.). Фактическимъ конунгомъ Норвегіи сталъ сынъ Кнута и Альфифы—Свейнъ, признанный конунгомъ на всѣхъ законодательныхъ тингахъ.

Если подвести теперь итогъ даннымъ древне-скандинавскихъ сагъ,

то за время отъ Гаральда Прекрасноволосаго до Олафа Святого (872—1030), отъ установленія единодержавія въ Норвегіи до его возстановленія—нѣтъ опредѣленнаго устойчиваго порядка престолонаслѣдія, который примѣнялся бы на дѣлѣ или жилъ въ правосознаніи народа. Вплоть до Олафа Святого, права на престолъ и титулъ конунга надъ всей Норвегіей признаются за потомствомъ Гаральда Прекрв., но осуществляютъ эти права только конунги, умѣющіе найти сочувствіе у областныхъ правителей, у крестьянъ на законодательныхъ тингахъ, способные поддержать ихъ вооруженной рукой. Въ сущности Гаральдъ Прекрв. создаетъ въ Норвегіи порядокъ во всѣхъ отношеніяхъ новый. Объединивши подъ своею властью отдѣльныя государства-фильки, т. е. народцы, онъ пытается совмѣстить вновь народившееся единодержавіе съ частно-правовымъ обычаемъ—давать долю въ наслѣдствѣ каждому изъ сыновей. Такъ возникаютъ явленія и понятія верховнаго конунга и малыхъ или зависимыхъ конунговъ. Только дочери и вообще женщины устраняются и при такомъ престолонаслѣдіи. Самъ Гаральдъ Прекрв. пытается свою власть, какъ верховнаго конунга, передать не старшему сыну, а Эйрику Кровавому Топору и затѣмъ его сыну и своему внуку Гаральду Грауфельду. Итакъ, Гаральдъ Прекрв. своимъ примѣромъ какъ-бы устанавливаетъ обычай назначенія преемника правящимъ верховнымъ конунгомъ. Но области законодательныхъ тинговъ не подчиняются его волѣ и желанію единолично предопредѣлить наслѣдниковъ на два поколѣнія. Троньемцы признали у себя верховнымъ конунгомъ Гальфдана Чернаго, Викинъ-Олафа. Между братьями вспыхиваютъ междоусобія, причемъ распри рѣшаются поддержкой со стороны областныхъ правителей, крестьянъ на тингахъ и силой меча. Въ поколѣніе внуковъ исчезаетъ повидимому и самое единодержавіе верховнаго конунга. По крайней мѣрѣ сыновья Эйрика и Гуннгильды правятъ Норвегіей, словно одалемъ, сообща при участіи даже матери. Гаральдъ Грауфельдъ былъ между ними главнымъ только по почету, какъ старшій изъ живыхъ. Гонимые ими областные властители втягиваютъ датскаго конунга въ завоеваніе Норвегіи. Послѣ смерти Олафа Триггвасона Норвегія даже подѣлена между Даніей, Швеціей и троньемскимъ ярлемъ. Только праправнукъ Гаральда Прекрв., Олафъ Святой, возстановляетъ единодержавіе силой меча и временно встрѣчаетъ поддержку у областныхъ конунговъ; но въ концѣ концовъ онъ уничтожаетъ и самое это учрежденіе Гаральда Прекрв.—зависимыхъ областныхъ конунговъ. Новый періодъ въ исторіи норвежскаго престолонаслѣдія длится отъ сына Олафа Св.—Магнуса до избранія конунгомъ Магнуса Эрлингссона (1035—1161 гг.).

Троньемцы скоро стали разкаяваться въ томъ, что погубили конунга Олафа, и даже провозгласили его теперь Святымъ. Тяготясь датскимъ господствомъ въ лицѣ Свейна, они послали на Русь къ кня-

зю Ярославу, чтобы звать Магнуса Олафссона конунгомъ въ его отчину (födhurleifdh). Тутъ при дворѣ Ярослава состоялось соглашеніе между наличными норманнами (Nordhmenn) и Магнусомъ о походѣ. Когда Магнусъ черезъ Швецію достигъ Нидароса въ Троньемской области, то созвалъ общенародный тингъ въ Эйрахъ (Eyrathing) и былъ крестьянами провозглашенъ конунгомъ надъ всей страной, какъ ею владѣлъ отецъ его Олафъ. Послѣ смерти Гёрза-Кнута Магнусъ въ силу договора распространилъ свою власть временно и на Данію. Между тѣмъ Гаральдъ Грозный (Hardhrádhi), сынъ Сигурда Сюра, единоутробный братъ Олафа Св. отъ различныхъ отцовъ, послѣ паденія брата уѣхалъ на Русь, а дальше въ Византію. На возвратномъ пути онъ взялъ у князя Ярослава за себя замужъ его дочь Елисавету, которую норманны зовутъ „Эллисифъ“. Гаральдъ думалъ было сначала отвоевать заодно съ вновь провозглашеннымъ датскимъ конунгомъ даже и Норвегію у своего племянника Магнуса Добраго, но затѣмъ норвежцы и датчане подготовили соглашеніе между ними. Магнусъ уступилъ дядѣ Гаральду половину норвежской державы со всѣми налогами и поборами и всякой принадлежащей ей собственностью (skattr, skyld, eign), такъ чтобы всѣ наличныя деньги шли пополамъ, и съ условіемъ, что Гаральдъ будетъ конунгомъ равноправнымъ съ Магнусомъ повсемѣстно въ Норвегіи; при встрѣчахъ Магнусу должно было принадлежать первенство по внѣшнему почету, „по мѣсту“, гдѣ сидѣть, а гдѣ будетъ три особы съ титулами, тамъ Магнусу предоставлялось середнее мѣсто (fyrir madhr at saeti); у каждаго конунга была своя дворовая дружина („гирзсъ“). Послѣ смерти Магнуса Добраго Гаральдъ Грозный (Гарзсраузси) сталъ конунгомъ надъ всей Норвегіей (1047—66 гг.). Отъ Елисаветы у Гаральда было двѣ дочери, а отъ другой жены—Сзоры два сына, старшій Магнусъ и затѣмъ Олафъ. Когда Гаральдъ палъ въ битвѣ въ Англіи, то его сынъ Олафъ вернулся въ Норвегію и былъ признанъ конунгомъ вмѣстѣ съ братомъ Магнусомъ. Конунгъ Магнусъ правилъ первую зиму послѣ смерти отца одинъ надъ всей Норвегіей, а затѣмъ еще двѣ зимы вмѣстѣ съ братомъ своимъ, конунгомъ Олафомъ. Оба они назывались конунгами, при чемъ Магнусъ владѣлъ сѣверной частью, а Олафъ—восточной. Послѣ смерти брата Олафъ Тихій (Кирри) остался одинъ конунгомъ въ Норвегіи, хотя у Магнуса былъ сынъ Гаконъ.

Олафу Тихому наслѣдовалъ его сынъ Магнусъ Голоногій Берфайттюръ (Berfœttr). Этотъ Магнусъ Олафссонъ былъ признанъ конунгомъ въ Викинѣ, а Упландъ провозгласилъ у себя конунгомъ его двоюроднаго брата Гакона Магнуссона, и троньемцы на Эйратингѣ укрѣпили за нимъ этотъ титулъ. За это Гаконъ облегчилъ поборы въ области Троньема, а именно отмѣнилъ рождественскія приношенія и торговыя пошлины. Когда Гаконъ съ своей дружиной отбылъ въ Упландъ, то въ Нидаросъ (или „Низаросъ“) явился Магнусъ и остался тамъ на первую поло-

вину зимы; онъ все еще имѣлъ виды на всю Норвегію. Узнавъ объ этомъ появленіи Магнуса, Гаконъ тоже вернулся въ Троньемскую область и расположился въ томъ же Нидаросѣ. Магнусъ былъ недоволенъ милостями, дарованными Гакономъ крестьянамъ; онъ находилъ, что и его интересы страдаютъ отъ уступокъ двоюроднаго брата, такъ какъ и его доходы уменьшаются теперь сравнительно съ поступленіями при отцѣ и предкахъ. Къ веснѣ, когда Магнусъ и Гаконъ покинули Нидаросъ, можно было даже ждать враждебнаго столкновенія между обоими конунгами; однако, неожиданная смерть Гакона предупредила ихъ (1095 г.). Когда Магнусъ Берфайттюръ палъ въ Ирландіи, то въ Норвегіи вступили во власть его сыновья Эйстейнъ, Сигурдъ, Олафъ; Эйстейнъ владѣлъ сѣверной частью страны, а Сигурдъ южной; (по „Фагюрскиннѣ“—восточной); конунгу Олафу было всего 4—5 лѣтъ, и ту треть, которая принадлежала ему, держали оба старшіе брата въ своей опекѣ; но и этимъ старшимъ братьямъ было всего по 13—15 лѣтъ отъ роду. Разногласіе между Геймскринглой и Фагюрскинной касательно доли Сигурда вызвано, можетъ быть, выдѣленіемъ позднѣе трети для Олафа. Сигурдъ, прозванный за свой крестовый походъ (1110 г.) Іерусалимскимъ Паломникомъ (Jórsalafari), пережилъ брата и правилъ подъ конецъ одинъ. Уже при немъ появился въ Норвегіи Гаральдъ Гилли, „Слуга“, изъ Ирландіи, выдававшій себя за сына Магнуса Голоногаго.

Магнусъ Слѣпой, сынъ Сигурда Іерусалимскаго Паломника, былъ признанъ въ Осло (Кристіанія) конунгомъ надъ всей Норвегіей, какъ, народъ далъ присягу еще его отцу. Но Гаральдъ Гилли, узнавъ въ Тунсбергѣ о смерти брата, принялъ тоже королевскій титулъ съ властью надъ половиной Норвегіи. Уже при Сигурдѣ Іерусалимскомъ Паломникѣ возникъ обычай, чтобы претенденты на престолъ доказывали свое незаконное происхожденіе отъ конунговъ путемъ ордалій. Такъ, Гаральдъ Гилли, чтобы доказать свое заявленіе, будто бы онъ сынъ Мангуса Голоногаго, прошелъ босыми ногами по 9 раскаленнымъ лемехамъ и не обжогъ себѣ ногъ. Въ виду того, что перевѣсъ силы былъ на сторонѣ Гаральда, Магнусъ вошелъ съ нимъ въ соглашеніе и уступилъ ему половину Норвегіи; однако, вся движимость Сигурда Паломника осталась за Магнусомъ. Вскорѣ между дядей и племянникомъ все-таки возгорѣлась война. Гаральдъ взялъ Магнуса въ плѣнъ и велѣлъ его изувѣчить: ему выкололи глаза, отрубили одну ногу и оскопили его. Но тутъ выступилъ новый претендентъ, сынъ священника—Сигурдъ (slembidjákn, „Разстрига“); мать выдавала его теперь за сына Магнуса Голоногаго. Конунгъ Гаральдъ Гилли былъ во время сна убитъ приверженцами этого Сигурда. Когда вѣсть о смерти Гаральда Гилли распространилась по Норвегіи, то въ области Троньема конунгомъ былъ провозглашенъ его сынъ Сигурдъ, а въ Викинѣ—другой его сынъ, Инги.

Противъ братьевъ Инги и Сигурда объединились теперь Сигурдъ Слембидьякнъ и Магнусъ Слѣпой, нашедшіе поддержку у датчанъ. Однако Магнусъ палъ въ битвѣ, а Слембидьякнъ взятъ въ плѣнъ, замученъ и повѣшенъ. Послѣ того, какъ Сигурдъ и Инги пробыли во главѣ Норвегіи уже 6 зимъ, вернулся изъ Шотландіи третій сынъ Гаральда Гилли— Эйстейнъ и признанъ троньемцами тоже конунгомъ съ тѣмъ, чтобы владѣть ему третью Норвегіи наряду съ братьями. Сигурдъ Мюннюръ („Ротъ“) и Инги согласились уступить Эйстейну треть государства. Претенденту не пришлось даже подвергаться ордаліямъ для доказательства своихъ правъ, такъ какъ было достаточно того, что его признавалъ отецъ Гаральдъ. Четвертымъ сыномъ Гаральда Гилли былъ Магнусъ; онъ тоже былъ провозглашенъ конунгомъ и получилъ свою долю во власти надъ страной. Большимъ другомъ конунга Инги былъ Эрлингъ Скакки изъ южнаго Гердсаланда; при его поддержкѣ Эрлингъ женился на Кристинѣ, дочери конунга Сигурда Іерусалимскаго. При вступленіи на престолъ Инги и Сигурдъ были еще юны и имѣли сообща одинъ дружинный дворъ, а Эйстейнъ, уже взрослый годами, — особую дружину для себя. Когда минуло уже 19 зимъ соправленію Инги и Сигурда (1137—1155), то между ними возникли нелады вслѣдствіе недовѣрія другъ къ другу и, наконецъ, борьба, въ которой Сигурдъ и Эйстейнъ были убиты. Конунгъ Сигурдъ Ротъ (Munnr) прижилъ въ Викинѣ сына Гакона Широкоплечаго (herdhibreidhr) отъ Своры, служанки богатаго крестьянина. И вотъ отрядъ, слѣдовавшій за Эйстейномъ, провозгласилъ теперь конунгомъ этого Гакона. Между дядей и племянникомъ вспыхнула война. Инги и Гаконъ Сигурдссонъ встрѣтились въ устьѣ Гаутаэльфа и въ исходѣ битвы племяннику пришлось бѣжать. Однако, борьба продолжалась, и въ концѣ концовъ Инги палъ въ битвѣ, а Гаконъ Широкоплечій сталъ конунгомъ надъ всей Норвегіей. Тогда всѣ главы Норвежскаго народа, которые поддерживали Инги, собрались и обсуждали, кого избрать въ конунги на его мѣсто. Было рѣшено взять въ конунги мужа изъ рода конунговъ, а во главѣ отряда для защиты его дѣла поставить наиболѣе мудраго. Всѣ согласились, что по рожденію наилучшими правами на корону обладаетъ внукъ конунга Сигурда Іерусалимскаго Паломника, сынъ Кристины и Эрлинга Скакки; къ тому же его отецъ Эрлингъ по уму, характеру и опытности въ военномъ дѣлѣ и государственномъ управленіи казался наиболѣе подходящимъ опекуномъ для малолѣтняго конунга (1161. г.). Послѣ этого пятилѣтній Магнусъ Эрлингссонъ былъ провозглашенъ конунгомъ на тингѣ. Во время борьбы противъ Эрлинга и его сына палъ въ битвѣ Гаконъ Широкоплечій, но въ Норвегіи появлялись новые претенденты. Среди этихъ затрудненій Эрлингъ нашелъ поддержку у церкви. Онъ далъ обѣщаніе архіепископу Эйстейну всѣми силами защищать права церкви, а тотъ согласился вѣнчать на

царство конунга Магнуса Эрлингссона. Однако, соперники для Магнуса появлялись и послѣ этого. Такъ, въ восточной Швеціи при дворѣ ярля Биргира Броса появился юноша Эйстейнъ, выдававшій себя за сына конунга Эйстейна Гаральдссона. При поддержкѣ ярля Биргира, женатаго на дочери Гаральда Гилли —Бригиттѣ, Эйстейнъ направился въ Викинъ съ отрядомъ, провозглашавшимъ его конунгомъ. Имъ часто приходилось убѣгать въ лѣса отъ крестьянъ и лендманновъ; когда изнашивалась у нихъ одежда, то они обвертывали тамъ ноги берестой и отсюда получили прозвище „Биркибейновъ“. Эйстейнъ имѣлъ успѣхъ и былъ даже признанъ конунгомъ въ Нидаросѣ въ Троньемскомъ краѣ, но въ концѣ концовъ все-таки убитъ.

Итакъ, послѣ Олафа Св. въ Норвегіи не было уже болѣе областныхъ конунговъ изъ рода Гаральда Прекрасновол. въ подчиненіи отъ конунга верховнаго, а потому, при отсутствіи особаго закона о престолонаслѣдіи и личныхъ назначеній себѣ преемниковъ правящими конунгами, престолъ замѣщается или по выбору изъ рода конунговъ на тингахъ законодательныхъ территорій, или въ порядкѣ одальнаго наслѣдованія, ведущаго къ соправленію всѣхъ равныхъ наслѣдниковъ и старшинству правящаго дяди надъ племянникомъ, т. е. сыномъ его умершаго брата-соправителя. Значитъ, въ отличіе отъ общегражданскаго права наслѣдованія, по которому сынъ наслѣдодателя, т. е. племянникъ, вступаетъ въ наслѣдство прежде дяди, т. е. брата его умершаго отца, правильный одальный порядокъ при наслѣдованіи престола считалъ юридической личностью всю линію братьевъ—соправителей, а потому, пока живъ изъ старшаго поколѣнія хоть одинъ дядя, ни одинъ изъ ихъ сыновей—племянниковъ слѣдующей генераціи не вступаетъ въ обладаніе долей власти своего отца. Съ этимъ порядкомъ связано правило, что конунгомъ можетъ быть только сынъ конунга, ведущее къ изгойству. Самое правило приписывалось, по преданію, Олафу Св., какъ иногда и все древнѣйшее обычное право вообще. Въ сущности оно вытекало изъ одальнаго порядка наслѣдованія, какъ онъ, вѣроятно, примѣнялся и въ частноправовыхъ отношеніяхъ при совладѣніи одалями въ ту раннюю эпоху, когда предположительно еще не былъ установленъ льготный выкупъ одаля изгоемъ — племянникомъ у дяди. Такой льготный выкупъ предполагаетъ уже возможность раздѣла одаля, а государство Норвегія и при совладѣніи оставалось территоріально недѣлимымъ. Въ отличіе отъ гражданскаго права наслѣдованія XII—XIII вв., при замѣщеніи престола незаконные сыновья почти всегда идутъ на равныхъ правахъ съ законными. Правда, ихъ матери, возлюбленныя конунговъ, въ противоположность наложницамъ простыхъ норвежцевъ, бывали не рабынями, а свободными женщинами. Но, можетъ быть, и въ этомъ обычаѣ престолонаслѣдіе просто сохранило болѣе древнюю

черту, чѣмъ порядокъ наслѣдованія по Гулатингу и Фростатингу, носящій уже слѣды церковнаго вліянія. Если даже самое различеніе двухъ порядковъ наслѣдованія,—для одалей и для благопріобрѣтенныхъ земель, признать новообразованіемъ исторической эпохи, которое опредѣленнѣе кристаллизовалось и ярче проектировано въ Гулатингѣ, нежели во Фростатингѣ, то все-таки самый родовой порядокъ наслѣдованія, сохраняющійся въ записяхъ XII-го вѣка то въ видѣ обычнаго права наслѣдованія вообще, то въ частностяхъ одного лишь одальнаго права, то въ особенностяхъ престолонаслѣдія, все-таки приходится отодвинуть въ глубь соціальнаго прошлаго народа, къ первымъ поколѣніямъ индивидуальныхъ заимщиковъ (Landnàm), какъ родоначальниковъ для земельныхъ держаній изстари.

По сагамъ въ періодъ 1035—1161 гг. норвежскій престолъ обычно наслѣдуется цѣлой горизонтальной линіей сыновей законныхъ и незаконныхъ, братьевъ родныхъ или двоюродныхъ, и только, когда она вымираетъ, то титулы конунга спускаются къ слѣдующей линіи внуковъ. Династіей конунговъ въ сущности считается родъ Гаральда Гарзсраузси. Такъ правили совмѣстно его сыновья Магнусъ и Олафъ Кирри, внуки—двоюродные братья Магнусъ Берфайттюръ и Гаконъ, правнуки—родные братья Эйстейнъ, Сигурдъ, Олафъ; послѣ его незаконнорожденнаго правнука Гаральда Гилли правили его сыновья—законный Инги и незаконные Сигурдъ Мюннюръ, Эйстейнъ, Магнусъ. Когда незаконный сынъ Сигурда Рта—Гаконъ Широкоплечій былъ провозглашенъ конунгомъ при жизни своего дяди Инги, то это очевидно считалось правонарушеніемъ, а потому даже и послѣ смерти Инги его партія приступила къ выбору преемника ему изъ среды наслѣдниковъ по женской линіи въ обходъ Гакона; при этомъ избраніи сынъ дочери Сигурда Іерусалимскаго былъ предпочтенъ сыну дочери Гаральда Гилли; такое рѣшеніе—въ духѣ родового старшинства, но въ дѣйствительности обусловлено скорѣе личностью отца новаго конунга Магнуса—Эрлинга Скакки. Соправленіе конунговъ, какъ при наслѣдованіи одалей, стало теперь настолько устойчивымъ, что принималось во вниманіе обычнымъ гражданскимъ правомъ. По Гулатингу, если сразу правятъ хотя-бы три конунга, то все-таки это считается однимъ царствованіемъ (ст. 271). Раздѣлъ власти между конунгами при соправленіи не означалъ окончательнаго раздѣла территоріи; онъ носилъ не столько политическій, сколько хозяйственный характеръ. Двоюродные братья Магнусъ Голоногій и Гаконъ Магнуссонъ оба проводятъ зиму въ Нидаросѣ и ищутъ поддержки у троньемцевъ. Въ соправленіе сыновей Магнуса Берфайттюра всѣ три конунга—Эйстейнъ, Сигурдъ, Олафъ участвуютъ на собраніи Троньемцевъ во Фростатингѣ при рѣшеніи процесса Сигурда Хранасона; въ этомъ знаменитомъ процессѣ конунгъ Сигурдъ старался доказать, что

привиллегія на торговлю съ финнами, пожалованная Магнусомъ Голоногимъ Сигурду Хранасону, сама собой прекращается со смертью этого конунга, хотя покойный и сдѣлалъ свой даръ на два царствованія, свое и своихъ сыновей; напротивъ, общественное мнѣніе знатоковъ права стояло на сторонѣ Сигурда Хранасона, отстаивавшаго право конунга связывать даромъ своихъ преемниковъ [1]). Изъ этихъ 3 соправителей, послѣ смерти Олафа, конунгъ сѣверной Норвегіи Эйстейнъ провелъ одну зиму на Востокѣ страны, а Сигурдъ—на Сѣверѣ; напротивъ, на слѣдующую зиму Эйстейнъ былъ на Сѣверѣ, а Сигурдъ—на Востокѣ въ Викинѣ. Одну зиму оба конунга кормились на различныхъ хуторахъ въ Упландѣ. Говоря о раздѣлахъ Норвегіи между конунгами, саги, кажется, имѣютъ въ виду только раздѣлъ королевскихъ доходовъ и самой обязанности ихъ собирать — съ той или другой половины или трети Норвегіи; такъ въ соправленіе сыновей Гаральда Гилли, Сигурда и Инги, Сигурду шла половина со всѣхъ арендъ и другихъ королевскихъ сборовъ въ Норвегіи (hàlfar allar landskyldir ok adhrar tekjur í Noregi).

Положеніе въ странѣ сыновей Гаральда Гилли обнаруживаетъ съ очевидностью, что пріемы распредѣленія функцій между конунгами—соправителями и ихъ дифференціаціи по главнымъ частямъ Норвегіи, между областями Фростатинга (Нидаросъ), Гулатинга (Бьёргвинъ, или Бергенъ), Викина (Осло, Сарпсборгъ) и Упланда (Эйдсвольдъ), не успѣли сложиться въ опредѣленную систему. Случаи соправленія многихъ братьевъ и выживанія младшихъ изъ нихъ бывали здѣсь рѣдко, а сравнительная экономическая и политическая оцѣнка для всѣхъ главныхъ центровъ Норвегіи колебалась и измѣнялась и не могла застыть въ опредѣленную „лѣствицу“. Наряду съ Троньемскимъ краемъ, какъ центромъ церковнаго вліянія, колонизаціи и завоеваній викинговъ въ направленіи къ сѣвернымъ берегамъ Ирландіи, Шотландіи и островамъ, всегда имѣлъ свои преимущества и Викинъ для сношеній съ Даніей, Швеціей, Любекомъ, Востокомъ, подымалось и значеніе Бергена по торговлѣ съ Англіей и Германіей. Между конунгами—соправителями замѣчается даже какая-то склонность мѣняться отъ времени до времени мѣстами своего пребыванія и кормленія по хуторамъ. Въ 1137 году Викинъ на Боргартингѣ (т.-е. въ Сарпсборгѣ) провозгласилъ конунгомъ единственнаго законнаго сына Гаральда Гилли—Инги, а троньемцы приняли въ конунги Сигурда. Однако, Сигурдъ и Инги находятся оба на Востокѣ, когда троньемцы объявили Эйстейна конунгомъ для третьей трети Норвегіи. Четвертымъ конунгомъ взятъ затѣмъ болѣзненный Магнусъ, вскорѣ вовсе исчезающій со сцены. Хотя Сигурдъ—конунгъ по Троньемскому краю, но онъ

[1]) G. Storm, Sigurd Ranessöns Proces. Kristiania, 1877.

былъ на„ кормленіяхъ“ въ Викинѣ, когда прижилъ сына Гаральда Широкоплечаго. Эйстейнъ же держался на крайнемъ Востокѣ страны близъ границъ Швеціи и Даніи. На съѣздъ конунговъ въ Бьёргвинѣ Инги и Сигурдъ ѣдутъ съ Сѣвера, а Эйстейнъ въ Востока. Сигурдъ убитъ тутъ еще до прибытія Эйстейна. Послѣ этого Эйстейнъ вернулся въ Викинъ, а Инги на С. въ Троньемъ. Когда позднѣе между обоими братьями состоялось хрупкое соглашеніе, близъ Лизсандиснеса на южной оконечности Норвегіи, то Инги направился на В., а Эйстейнъ на С. въ Троньемъ, и такое распредѣленіе оставалось до новаго столкновенія. Когда опять возникла распря, то Эйстейнъ былъ убитъ на пути съ Сѣвера въ Викинъ въ Фольдѣ, т.-е. во фіордѣ Кристіаніи. Здѣсь отрядъ Эйстейна провозгласилъ конунгомъ Гакона Широкоплечаго, сына Сигурда, который и оставался на крайнемъ Востокѣ у Гаута-эльфа. Инги же признавалъ себя одного конунгомъ всей Норвегіи и пребывалъ то въ Викинѣ, то на Сѣверѣ [2]).

Хотя право избранія конунга наступало только тогда, когда не было налицо явно полноправнаго наслѣдника по обычному праву, однако и такой законный наслѣдникъ долженъ еще быть „принятъ“ народомъ, какъ бы повѣряющимъ его права на всѣхъ законодательныхъ тингахъ (konungstekja). Позднѣе, это „принятіе въ конунги“ начиналось обыкновенно съ Эйратинга отъ 8-и фильки Троньемскаго края. При сонаслѣдованіи совершеннолѣтніе правятъ и за малолѣтокъ.

Если Гаральдъ Прекраснов. установилъ новый строй для правленія рода конунговъ надъ Норвегіей, то послѣ Олафа Св. къ власти конунговъ примѣняются просто гражданско-правовыя нормы одальнаго владѣнія и наслѣдованія. Но это не новшество, а только тотъ же обычай, который очевидно дѣйствовалъ еще до Гаральда Прекраснов. для власти областныхъ конунговъ по самостоятельнымъ фильки. Источникомъ при характеристикѣ древнѣйшихъ конунговъ въ Швеціи и Норвегіи служатъ саги объ Инглингахъ и Гальфданѣ Черномъ. Сага о конунгахъ изъ шведскаго рода Ynglingar основана на стихотворной родословной Инглинговъ Сэйозсольфа изъ Квина (Thò-dhòlfr or Hvini), скальда Гаральда Прекрв. Онъ сложилъ, по свидѣтельству Снорри, свою „Инглинга-таль“ для конунга Рёгнвальда, сына Олафа Гейрстазса-альфа, т.-е. племянника Гальфдана Чернаго и двоюроднаго брата Гаральда Прекрв. Тутъ были перечислены 30 предковъ (langfedhgar) Рёгнвальда. Изъ рода Инглинговъ въ Швеціи послѣ Агни были конунгами его сыновья—Альрекъ и Эйрикъ, а затѣмъ правили сыновья Альрека—Ингви и Альфъ, при чемъ страной управлялъ только Альфъ, а Ингви

[2]) Инги въ общемъ правитъ 1137—1161 гг., а именно съ Сигурдомъ Мюннюромъ и Эйстейномъ—до 1155 г., только съ Эйстейномъ до 1157 г., одинъ до 1161 г.

отправился въ морскіе набѣги въ качествѣ морского конунга. Послѣ этихъ двухъ братьевъ сталъ конунгомъ Гюклейкъ, сынъ Альфа, такъ какъ сыновья Ингви были еще дѣтьми. Упсальскіе конунги были „высшими“ конунгами въ Швеціи, а въ то же время по всей странѣ были еще конунги отдѣльныхъ „сотенъ“ (aeztir konunga и heradhs—konungar). До смерти Агни конунги, сидѣвшіе въ Упсалѣ, были единовластными главами надъ всей Швеціей (einvaldshöfdhingjar); затѣмъ явились случаи раздѣла между братьями (braedhra—skipti), наконецъ королевство и власть конунга стали дробиться соотвѣтственно развѣтвленіямъ отдѣльныхъ родовъ. Ингьяльду молва приписывала убійство 12 сотенныхъ конунговъ.

Тотъ же обычай сонаслѣдованія и совладѣнія братьевъ, извѣстный на материкѣ у туринговъ, господствовалъ среди норвежскихъ фильки—конунговъ изъ рода Инглинговъ. до 872 г. Такъ братья Гальфданъ Черный и Олафъ Гейрстазса-альфъ подѣлили между собой Вестфольдъ послѣ смерти отца, при чемъ Олафъ владѣлъ восточной частью этого фильки, а Гальфданъ — южной. Когда Гаральдъ Прекрв. объединялъ Норвегію, то въ Наумюдалѣ. были конунгами совмѣстно два брата—Херлаугъ и Хроллаугъ. При этомъ власть областнаго конунга до объединенія всей Норвегіи могла при отсутствіи наслѣдниковъ по мужской линіи переходить и въ женскую линію, но всегда только къ мущинамъ. Такъ Эйстейнъ, сынъ Гальфдана Бѣлой Ноги, конунга въ Гейзсмёркѣ, былъ женатъ на дочери конунга Эйрика Вестфольдскаго; послѣ смерти Эйрика, не имѣвшаго сыновей, Вестфольдомъ овладѣли отецъ Гальфданъ Бѣлоногій и сынъ Эйстейнъ, который въ качествѣ конунга и правилъ всю свою жизнь Вестфольдомъ. Гальфданъ Черный былъ сыномъ Асы, дочери конунга въ Агзсахъ, и сталъ самъ по наслѣдству конунгомъ въ Агзсахъ, а кромѣ того совмѣстно съ братомъ Олафомъ правилъ въ Вестфольдѣ. Затѣмъ Гальфданъ Черный женился на Рагнгильдѣ, дочери конунга въ Согнѣ, и прижилъ съ ней сына Гаральда, который воспитывался у дѣда по матери. Подъ старость дѣдъ передалъ власть конунга въ Согнѣ этому сыну отъ дочери, а когда умерли и дѣдъ, и внукъ его Гаральдъ, то его отецъ Гальфданъ Черный вступилъ въ обладаніе Согномъ, какъ наслѣдствомъ послѣ сына. Правда, во всѣхъ этихъ случаяхъ власть конунга переходила по наслѣдству по женской линіи всегда къ конунгамъ или по крайней мѣрѣ сыновьямъ конунговъ. Наслѣдованіе власти конунга мущинами по женской линіи надо признать м. б. болѣе древнимъ видомъ одальнаго наслѣдованія, нежели тенденціи Гулатинга и Фростатинга къ устраненію потомковъ женщинъ. Въ духѣ этого архаическаго одальнаго права Магнусъ Эрлингссонъ, членъ королевскаго рода по женской линіи, получилъ въ XII вѣкѣ престолъ, но только по выбору. Исконный норвежскій обычай сонаслѣдованія и соправленія,

дѣйствовавшій до Гаральда Прекрв. и послѣ Олафа Св., прорывался наружу и въ періодъ между 933 г. и 1015 г. Такъ изъ среды сыновей Эйрика и Гуннгильды въ верховные конунги былъ намѣченъ дѣдомъ Гаральдомъ Прекрв. не старшій братъ, а Гаральдъ Грауфельдъ. Но, когда умеръ Гаконъ Добрый, то власть верховнаго конунга надъ Норвегіей, гдѣ оставались еще тогда и зависимые областные конунги, перешла ко всѣмъ сыновьямъ Эйрика въ соправленіе, при чемъ Гаральдъ Сѣрая Шуба выдавался между ними только по почету, какъ старшій среди живыхъ братьевъ. Этотъ примѣръ свидѣтельствуетъ о непрерывности взгляда на власть конунга, какъ на одаль, а возможность такого пережитка вопреки послѣдней волѣ Гаральда Прекрв. объясняется тѣмъ, что черезъ всѣ три первые періода въ исторіи престолонаслѣдія норвежскихъ конунговъ одальный порядокъ наслѣдованія держится въ гражданскомъ обычномъ правѣ и своими типичными чертами дѣйствуетъ оттуда и на обычаи публично-правовые. Только въ четвертый періодъ, послѣ избранія Магнуса Эрлингссона, новый порядокъ престолонаслѣдія, возникающій подъ впечатлѣніемъ опыта за предыдущее столѣтіе и подъ вліяніемъ церковныхъ точекъ зрѣнія, закрѣпляется особымъ законодательствомъ по почину конунговъ.

Избраніе въ конунги Магнуса, сына Эрлинга Скакки, шло въ разрѣзъ съ правиломъ, что конунгомъ можетъ быть только сынъ конунга. Эрлингу пришлось поэтому искать поддержки у церкви. Въ 1164 году архіепископъ Нидароса Эйстейнъ вѣнчалъ Магнуса на царство. Онъ только потребовалъ у его партіи завѣренія, что троньемцы не сочтутъ беззаконіемъ, если конунгомъ станетъ не сынъ конунга, хотя бы впослѣдствіи и явился претендентомъ дѣйствительный сынъ конунга. Эрлингъ признался, что такое правило строго говоря не вписано въ книги законовъ, чтобы не сыну конунга можно было стать конунгомъ, а потому и просилъ архіепископа поддержать власть Магнуса Закономъ Божьимъ, церковнымъ, т.-е. путемъ церковной коронаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ теперь и первый законъ о престолонаслѣдіи по совѣщанію между конунгомъ Магнусомъ, арх. Эйстейномъ, ярлемъ Эрлингомъ и „всѣми мудрѣйшими мужами“ Норвегіи. Онъ весь проникнутъ церковнымъ вліяніемъ и властолюбіемъ духовенства. Подъ такимъ воздѣйствіемъ здѣсь выдвигаются новыя начала: власть и титулъ конунга наслѣдуетъ отнынѣ только одинъ наслѣдникъ, а именно старшій законорожденный сынъ; незаконнорожденные наслѣдники вовсе устраняются. Если старшій сынъ нездравъ, проявляетъ злостность или глупость, то изъ его младшихъ братьевъ отъ того же отца избирается конунгомъ тотъ, на комъ остановятся архіепископъ, епископы и по 12 мудрѣйшихъ мужей изъ каждой епархіи по ихъ назначенію. Если нѣтъ сыновей, то тотъ же составъ выборщиковъ избираетъ въ конунги бли-

жайшаго наслѣдника, а, если признаетъ его неспособнымъ къ власти, то провозглашаетъ конунгомъ наиболѣе подходящаго мужа; при разногласіяхъ избраніе рѣшается большинствомъ съ тѣмъ, чтобы въ него входили непремѣнно архіеп. и епископы. Хотя законъ Магнуса Эрлингссона и былъ включенъ, какъ новелла, въ Гулатингъ, однако бывшій священникъ Сверри, незаконный сынъ Сигурда Мюннюра, поддержанный Биркибейнами, получилъ въ 1177 году власть конунга на Эйратингѣ отъ представителей 8-и фильки Троньемскаго края въ силу „старыхъ законовъ", т.-е. по такъ называемому закону Св. Олафа. Сверри говорилъ архіепископу Эйрику, что Эрлингъ Скакки не имѣлъ права нарушать законъ Св. Олафа и добиваться вѣнчанія въ конунги для своего сына, потому что со времени принятія крещенія норвержцами не было случая, чтобы конунгомъ становился тотъ, кто не былъ сыномъ конунга; да не бывало этого и въ языческія времена; это будто бы прямо запрещено законами Св. Олафа. Ставши конунгомъ, Сверри боролся противъ преобладанія церкви надъ короной, противъ партіи „архіепископскаго посоха" (Baglar). Старшій сынъ Сверри, Сигурдъ, умеръ еще при жизни отца и оставилъ послѣ себя сына Гутгорма; и вотъ по старому обычаю послѣ смерти Сверри сталъ конунгомъ не его внукъ—изгой, а слѣдующій сынъ Гаконъ. Только послѣ смерти этого Гакона конунгомъ провозглашенъ Гутгормъ. Когда умеръ и Гутгормъ, то крестьяне Троньемскаго края возстановили свое право избирать преемника среди отдаленныхъ родичей умершаго конунга и изъ двухъ племянниковъ Сверри по сестрѣ предпочли Инги Барзсарсона, какъ норвежца по отцу,—Гакону Галину, сыну гаута, или ёта, т.-е. южнаго шведа. Тогда съ согласія архіепископа, всѣхъ вельможъ и всего народа Инги признанъ конунгомъ. По настоянію друзей Гакона Галина, Инги сдѣлалъ его своимъ ярлемъ и уступилъ ему половину королевскихъ доходовъ. Вскорѣ послѣ этого обнаружилось, что у Гакона, сына Сверри, уже послѣ его смерти родился незаконный сынъ, знаменитый впослѣдствіи Гаконъ Гаконссонъ, ставшій конунгомъ послѣ смерти Инги. Хотя у Инги оставался сынъ Гутгормъ, но крестьяне Троньемскаго края хотѣли непремѣнно имѣть конунгомъ отпрыскъ королевскаго рода по мужской линіи. Впослѣдствіи на сеймѣ (höfdhingjafundr) въ Бергенѣ на основаніи свидѣтельствъ легменновъ признано было обычнымъ правомъ Норвегіи, что норвежцы должны всегда слѣдовать сыну конунга, если онъ есть налицо. При Гаконѣ Гаконссонѣ (1217—63) былъ принятъ на Фростатингѣ его новый законъ (1260 г.) о престолонаслѣдіи, который въ главномъ возвращался къ закону Магнуса Эрлингссона, а именно устранялъ соправленіе и устанавливалъ единонаслѣдіе старшаго законнаго сына конунга; только если нѣтъ законныхъ сыновей, то можетъ стать конунгомъ и незаконный сынъ умершаго. При Магнусѣ Лагабётирѣ,

т.-е. Законоисправителѣ (1263—1280), этотъ законъ былъ объявленъ и принятъ на всѣхъ законодательныхъ тингахъ Норвегіи. Наконецъ, самостоятельный законъ Магнуса Лагабётира, въ общемъ дополняя законъ Гакона Гаконссона, еще далѣе отодвинулъ права незаконнорожденныхъ сыновей конунга на корону, а именно на седьмую очередь, и тотчасъ послѣ законнаго сына опредѣлилъ наслѣдникомъ старшаго законнаго внука отъ законнаго сына, если налицо вовсе не осталось законныхъ сыновей. Итакъ, обязательной примогенитуры нѣтъ и здѣсь: преимущества сына надъ внукомъ-изгоемъ остаются въ силѣ, а между сыновьями и среди поколѣнія внуковъ рѣшаетъ старшинство годами. Зато совладѣніе короной нѣсколькихъ наслѣдниковъ и равенство незаконныхъ съ законнорожденными сыновьями навсегда исчезло изъ норвежскаго престолонаслѣдія [1]).

Строй, установленный Гаральдомъ Прекрв., это—опытъ, вызванный процессомъ объединенія всей Норвегіи въ одно государство и стремленіемъ приспособить къ нему прежнее обычное право. Законы о престолонаслѣдіи XII—XIII вв.—это сознательныя реформы, вытекающія изъ теоретической мысли о пережитомъ коллективномъ опытѣ народа и изъ чуждыхъ, а именно церковныхъ вліяній. Если оставить въ сторонѣ эти новообразованія, касавшіяся всегда только власти конунговъ, то порядокъ престолонаслѣдія, совпадающій съ общимъ наслѣдственнымъ или особымъ одальнымъ правомъ Норвегіи, можетъ быть признанъ для первой половины Среднихъ вѣковъ господствующимъ публично-правовымъ обычаемъ въ норвежскомъ государствѣ. Только онъ органически связанъ со всей частно-правовой жизнью народа. Исконность, самобытность, типичность этого порядка для Скандинавскаго полуострова подтверждается тѣмъ, что сходные пріемы при наслѣдованіи и вычисленіи родства найдены и въ обычаяхъ для шведскихъ конунговъ, и въ древнѣйшемъ законодательномъ памятникѣ Южной Швеціи.

Свѣдѣнія о средневѣковой Швеціи крайне скудны до половины XIII вѣка. Однако, ихъ достаточно для установленія того вывода, что довольно расплывчатый характеръ замѣщенія здѣсь престоловъ конунговъ ни въ чемъ безусловно не противорѣчитъ общему духу древненорвежскаго наслѣдственнаго права для родовыхъ земель. Участіе народа черезъ его тинги въ замѣщеніи престола брало въ Швеціи верхъ надъ вычисленіями родственныхъ отношеній и придавало власти конунговъ оттѣнокъ избирательной монархіи. Но даже при избраніи конунговъ народомъ случаи сопрaвленія встрѣчаются въ Швеціи X—XII вѣковъ. Такъ въ династіи Стенкиля изъ Западнаго Ётланда правятъ въ концѣ

[1]) Всѣ три закона о престолонаслѣдіи напечатаны въ Norges Gamle Love, а именно Магнуса Эрлингссона—B. I, p. 3—4; Гакона Гаконссона—B. I, p. 262—263; Магнуса Лагабётира—B. II, p. 24—28.

XI вѣка одновременно два брата—Гальстенъ и Инги Старшій, затѣмъ въ началѣ XII-го вѣка—сыновья Гальстена, Филиппъ и Инги Младшій. Во второй половинѣ X-го вѣка правили послѣ Бьёрна его сыновья—Олафъ и Эрикъ Побѣдоносный. Олафъ умеръ внезапно за столомъ и оставилъ сына Бьёрна, прозваннаго затѣмъ „Боевымъ Бьёрномъ“ (Стирбьёрномъ). Этотъ Бьёрнъ росъ при дворѣ Эрика, гдѣ воспитателемъ его сталъ дядя по матери, Ульфъ. Когда Бьёрну минуло 12 лѣтъ, то сталъ онъ требовать себѣ власти конунга; то же повторилось на слѣдующую весну, и затѣмъ на третью весну. Эрикъ говорилъ ему, что онъ непригоденъ ни въ конунги, ни въ наслѣдники, пока не минетъ ему 16-и зимъ; тогда конунгъ со своей стороны готовъ былъ допустить Бьёрна до наслѣдованія. Крестьяне на тингѣ были противъ Бьёрна; они выбрали въ конунги человѣка невысокаго происхожденія и передали ему ту часть страны, которая причиталась Бьёрну. Враждебность крестьянъ къ концу тинга дошла до того, что они бросали въ уѣзжавшихъ Бьёрна и Ульфа дерномъ и камнями. Немного спустя Эрикъ далъ Бьёрну 60 судовъ и отправилъ его на три года въ морскіе набѣги, такъ какъ не могъ терпѣть его въ государствѣ по причинѣ его честолюбія, наклонности къ насиліямъ и ропота крестьянъ. Бьёрнъ первымъ дѣломъ разыскалъ вновь избраннаго конунга, далъ ему битву и убилъ. Затѣмъ онъ направился на Востокъ. При случаѣ шведскіе крестьяне даже низлагали конунговъ. Сыномъ Эрика Побѣдоноснаго и Сигриды былъ Олафъ Шведскій, „Грудной конунгъ“ (Skautkonungr), „конунгъ въ пеленкахъ“ современникъ обоихъ норвежскихъ Олафовъ, Триггвасона и Толстаго, или позднѣе Святого. Своею ненавистью къ Олафу Святому, грозившей войной съ Норвегіей, Олафъ Шведскій вызвалъ противъ себя недовольство крестьянъ; совѣтники спасли его отъ низложенія только тѣмъ, что убѣдили крестьянъ допустить соправительство съ отцемъ сына Якова, по языčески Энунда (Oenundr). Олафъ Грудной умеръ около 1021—22 гг. и погребенъ въ Западномъ Ётландѣ. Энундъ (или Анундъ) умеръ около 1050 г. Ему наслѣдовалъ его старшій сводный братъ отъ несвободной матери, Эмундъ Старый, который раньше былъ обойденъ, такъ какъ его мать была славянкой изъ земли вендовъ.

И въ Швеціи къ отголоскамъ общескандинавскаго наслѣдственнаго права охотно прислушивались при замѣщеніи престола только потому, что они совпадали съ нормами дѣйствовавшаго гражданскаго права. Сонаслѣдованіе братьевъ и изгойство въ частно-правовыхъ отношеніяхъ такъ-же знакомы шведскому обычному праву, какъ и норвежскому. Древнѣйшій законодательный памятникъ Швеціи, законъ Западныхъ Ётовъ, дошелъ въ краткой редакціи изъ начала XIII-го вѣка и болѣе обширной—изъ его конца. Въ древней редакціи Uästgötalag'a есть особый отдѣлъ о наслѣдованіи (Aerfdhaer bolkaer) изъ

25 статей. Порядокъ обычнаго наслѣдованія въ Южной Швеціи таковъ: 1) Въ первую очередь сынъ—наслѣдникъ послѣ отца. 2) Если нѣтъ сына, то наслѣдуетъ дочь. 3) Если нѣтъ дочери, то отецъ. 4) Затѣмъ — мать. 5) Братъ. 6) Сестра. 7) Если нѣтъ и сестры, тогда только—дѣти сына. 8) Затѣмъ дѣти дочери. 9) Дѣти брата. 10) Дѣти сестры. 11) Отецъ отца. 12) Отецъ матери. 13) Мать матери. 14) Братъ отца. Равно близкими считаются между собою попарно отецъ матери и мать отца, братъ матери и сестра отца, сынъ дочери и дочь сына, сынъ сестры и дочь брата. Случаи наслѣдованія, когда женатый сынъ еще при жизни отца былъ выдѣленъ, могутъ остаться въ сторонѣ, какъ спеціальные. Такъ какъ внуки наслѣдуютъ здѣсь только въ 7 и 8 очередь, то изгои значитъ занимаютъ положеніе менѣе благопріятное, чѣмъ въ норвежскомъ правѣ, но болѣе благопріятное, чѣмъ въ правѣ исландскомъ. Женщины у Западныхъ Ётовъ менѣе обижены въ своихъ правахъ, чѣмъ у норвежцевъ. Незаконныя дѣти вовсе не упоминаются [1]). Законъ Восточыхъ Ётовъ дошелъ въ редакціи самого конца XIII-го в. По этому Oestgötalag'у послѣ отца сынъ наслѣдуетъ двѣ трети, дочь одну треть. Если нѣтъ ни сына, ни дочери, то наслѣдуетъ отецъ; если нѣтъ отца, то мать; если нѣтъ матери, то братъ; если нѣтъ брата, то сестра; если нѣтъ сестры, то наслѣдуетъ сынъ сына. Незаконный ребенокъ здѣсь не получаетъ наслѣдства, а изгой вступаетъ только въ шестую очередь [2]).

Въ заключеніе, не вернуться-ли къ тому, съ чего начато? Не подвести-ли итоговъ сравненію между порядками престолонаслѣдія у древнихъ норвежцевъ и у славянъ? Основнымъ признакомъ сходства между родовымъ наслѣдованіемъ у древнихъ скандинавовъ и порядками престолонаслѣдія въ Хорватіи X—XI вв., въ Чехіи послѣ Бжетислава I (ум. 1055 г.), въ Польшѣ съ Болеслава Кривоустаго (по Бальцеру, ум. 1138 г.), на Руси при Ярославѣ Мудромъ, tertium comparationis, наталкивающимъ на ихъ сопоставленіе между собой, является обычай, въ силу котораго братъ при извѣстныхъ условіяхъ считается естественнымъ преемникомъ держателя земли и власти преимущественно передъ его сыномъ, т.-е. дядя идетъ раньше племянника. Генри Мэнъ покрываетъ наслѣдованіе по родовому старшинству, въ частности преимущества брата передъ сыномъ, ирландскимъ терминомъ „танистіи“ (tanistry). Слѣдуя

---

[1]) Aeldre Västgötalagen, utg. af H. Vendell. Helsingfors, 1897. — Flateyarbók, II 70. – Montelius, Sveriges Hednatid samt Medeltid.

[2]) Oestgötalagen, utg. Freudenthal, Helsingfors 1895. Aaerfdha balkaer, I—IV. Въ законахъ Зап. и Вост. Ётовъ корень „одаля“ встрѣчается въ сложныхъ словахъ въ формѣ „азсаль“, наприм. adhalkona значитъ „собственная“, т. е. законная жена. Какъ отдѣльное слово o'dhul, o'dhael обозначаетъ здѣсь вообще землю, находящуюся въ полной собственности.

авторитету стараго знатока ирландской соціальной жизни, Spenser'a, онъ сообщаетъ, что послѣ смерти главы родовой группы, рода (kindred) или большой семьи (sept), въ преемники ему выбирается по большей части (for the most part) не старшій сынъ, да и вообще не сынъ покойнаго, а ближайшій ему по родовому происхожденію и старшинству, обыкновенно (commonly), если есть, то слѣдующій за нимъ братъ или затѣмъ двоюродный братъ и т. д. При этомъ слѣдующій по родовому старшинству за новымъ избранникомъ тутъ-же избирается ему въ наслѣдники; это и есть „танистъ" (tànaiste), т.-е. „второй". Однако, избраніе въ главы родовой группы и его танисты непремѣнно братьевъ умершаго старѣйшины—даже и для рода и септа, даже и по Спенсеру—не безусловно обязательно. При переходѣ отъ низшихъ родовыхъ группъ sept'a и clann'a къ племеннымъ союзамъ, охватывающимъ политическія территоріи и называющимъ своихъ старѣйшинъ царями, къ туахамъ и „пятинамъ" всей Ирландіи, значеніе избранія усиливается, а факторъ родового старшинства слабѣетъ. У туаха (tuath, т.-е. племя), у группы туаховъ (mor—tuath), у каждой изъ пяти провинцій Ирландіи есть свой „ри", т.-е. царь (ri, righ сопоставляется съ rex, regis и râjan); во главѣ всей Ирландіи стоитъ верховный, „высокій" царь (Ard-ri); сравнительно съ нимъ всѣ другіе цари — только oir-ri, т.-е. „подцарьки". По Джойсу (Joyce), члену комиссіи для изданія древнихъ законовъ Ирландіи, царь или правящій родовой старѣйшина избирался всегда изъ членовъ опредѣленной привиллегированной родовой группы (fine). Итакъ, его власть не просто наслѣдственная, а избирательная въ предѣлахъ одной фине, т.-е. какой либо большой семьи (sept) или рода (clann, т.-е. дѣти, потомство). Каждый полноправный, свободнорожденный членъ „фине" могъ быть избраннымъ, т.-е. наслѣдовать могъ сынъ, братъ, племянникъ, двоюродный братъ и т.-д. Избираемый долженъ быть сыномъ и внукомъ знатнаго, „флаха" (flaith), т.-е. собственника земли. Избирался тотъ, кто лучше могъ предводительствовать на войнѣ и править во время мира, т.-е. во всякомъ случаѣ совершеннолѣтній. При выборѣ родового царя каждый свободный членъ туаха или „пятины" изъ сословія „айре", т.-е. собственникъ земли или скота, имѣлъ голосъ. Дабы избѣжать распрей, преемникъ часто избирался при жизни правящаго царя; только этотъ обычай и можетъ называться „танистри". Одновременно могли даже и въ Ирландіи править два царя; иногда это братья, а иногда—нѣтъ (VI—VII вв. п. Р. Х.). Какъ племенной союзъ избиралъ царя черезъ своихъ представителей, такъ онъ могъ и низложить его, наприм. за неправедный судъ. Итакъ, ирландскій государственно-родовой строй почти тождественъ съ пережитками родовыхъ отношеній въ Черной Горѣ, Босніи и Герцоговинѣ, и примѣненіе термина „танистри" у Генриха Мэна слишкомъ узко.

Вообще преимущества дяди передъ племянникомъ, члена параллельной линіи сыновей надъ членами линіи внуковъ можетъ носить или безусловно обязательный характеръ, какъ въ княжескихъ родахъ Ярослава Мудраго, Бжетислава I, Болеслава Кривоустаго, или только факультативный, регулируемый избраніемъ, какъ у ировъ и южныхъ славянъ. Далѣе, это старшинство дяди надъ племянникомъ можетъ быть иногда въ связи съ идеей родового старѣйшины (major natu), который одинъ (или изрѣдка съ братомъ) правитъ взамѣнъ всего рода, какъ у хорватовъ X-XI вв., у чеховъ XI в., у поляковъ XII в. Но иногда это—результатъ совладѣнія группы равныхъ наслѣдниковъ, владѣющей лично за свой составъ, а не за весь родъ, къ которому они причисляются; вся группа разсматривается, какъ одно юридическое лицо; если одинъ изъ группы братьевъ-совладѣльцевъ умеръ, то его сынъ еще не пріобщается тотчасъ къ группѣ, такъ какъ юридическое лицо живо, пока не вымерли всѣ члены группы; тогда только вступаетъ во владѣніе новое юридическое лицо, группа ихъ сыновей - совладѣльцевъ, двоюродныхъ братьевъ между собой. Здѣсь старшинство дяди надъ племянникомъ осуществляется только въ двухъ случаяхъ и въ двухъ видахъ: если дядя уже былъ совладѣльцемъ отца племянника, т. е. временно до вымиранія всѣхъ дядей, или если отецъ племянника умеръ раньше его дѣда и никогда не былъ совладѣльцемъ дяди: это—вѣчное изгойство. Такой характеръ преимущество брата наслѣдодателя надъ его сыновьями носило по древнѣйшему одальному праву въ Норвегіи при замѣщеніи престола и въ междукняжескихъ отношеніяхъ на Руси послѣ Ярослава Мудраго. Итакъ, самый основной признакъ старшинства дяди надъ племянникомъ, которому въ угоду сближаются порядки престолонаслѣдія у хорватовъ, чеховъ, русскихъ, поляковъ, отнюдь не вездѣ тождественъ. Логически это—подведеніе индивидуумовъ подъ родовое понятіе по внѣшнему признаку сходства съ полнымъ невниманіемъ къ различіямъ во внутреннемъ строеніи организма и его функціяхъ; историкъ или юристъ не называетъ-ли тутъ подчасъ рыбой сразу—акулу, дельфина и кита? Такъ выдвинемъ же впередъ функціональныя различія между этими государственно-родовыми организмами!

Тутъ первый вопросъ—при всѣхъ ли этихъ системахъ престолонаслѣдія есть дифференціація по политическому старшинству? По свѣдѣніямъ Константина Багрянороднаго, Святополкъ Моравскій раздѣлилъ въ концѣ IX в. (съ 894 г.) свое государство между тремя своими сыновьями, подчинивъ однако двухъ младшихъ власти старшаго—Моймира II, какъ великаго князя (archonta megan). У хорватовъ, по Рачкому, отъ Томислава и до Свиниміра (914—1089) уже восемь властителей носили титулъ королей (rex), и Свиниміръ принялъ регаліи королевства Хорватіи и Далмаціи изъ рукъ легата папы Григорія VII. Очевидно, и

здѣсь налицо—политическое старѣйшинство; послѣ Крѣсиміра I оно переходитъ по очереди къ его сыновьямъ—Држиславу (второму сыну), затѣмъ Святославу (первому сыну), затѣмъ одновременно къ Крѣсиміру II съ Гойславомъ (третьему и четвертому сыну) и только послѣ ихъ смерти къ внуку Степану I, сыну Святослава. У чеховъ, Бжетиславъ I (ум. въ январѣ 1055 г.) старшему своему сыну Спытигнѣву передалъ всю Богемію съ титуломъ герцога, а слѣдовательно и государя Св. Римской имперіи, съ верховенствомъ надъ Моравіей, которая была раздѣлена на три части между слѣдующими тремя сыновьями. Этотъ прецедентъ надолго сталъ публично—правовой нормой при замѣщеніи престоловъ и испомѣщеніи членовъ рода Пшемысловичей. У поляковъ Болеславъ III Кривоустый (ум. 1138 г.) надѣлилъ своихъ младшихъ сыновей крупными удѣлами, но для своего старшаго сына Владислава II онъ создалъ власть великаго князя, связанную съ обладаніемъ Краковомъ. Напротивъ, на Руси между сыновьями Ярослава М. нѣтъ политическаго старшинства, попирается даже старѣйшинство родовое; поэтому нельзя, вслѣдъ за Рачкимъ, говорить о „задругѣ“, управляющей Русью. Въ „Повѣсти Временныхъ лѣтъ“ кіевскіе князья, начиная съ сыновей Ярослава М., не называются „великими“. Только подъ 1116 г. Владиміръ Мономахъ титулованъ опять „княземъ великимъ“. С. М. Соловьевъ въ 1847 г. признавалъ „великій“ только синонимомъ для „старшій“. Поэтому можно говорить о соправленіи сыновей Ярослава М. на Руси съ распредѣленіемъ по областямъ ихъ власти и доходовъ, неравнымъ экономически и передвигающимся по ступенямъ вверхъ; только способомъ этой территоріальной разверстки ихъ положеніе отличается отъ совладѣнія равныхъ сонаслѣдниковъ въ Норвегіи. Подобно сыновьямъ Эйрика и Гуннгильды, только въ своей совокупности, на съѣздахъ наслѣдники Ярослава могли бы называться великимъ княземъ въ смыслѣ „верховнаго“.

Конечно, „лѣствичное восхожденіе“, какъ обычай, сложилось самобытно только на русской почвѣ въ связи съ процессомъ завоеванія и объединенія Руси, съ географическимъ и экономическимъ первенствомъ Кіева даже надъ Новгородомъ. Уже въ договорѣ Олега съ Греками находимъ лѣствицу—Кіевъ, Черниговъ, Переяславль и т. д. Привилегированныя группы наслѣдниковъ описывали рядъ концентрическихъ круговъ вокругъ этихъ столовъ. Внутри внѣшняго круга около Кіева образовался внутренній кругъ около Чернигова изъ Ольговичей. Вопросъ о правахъ Ольговичей на Кіевъ зависѣлъ только отъ взгляда на законность княженія Святослава Ярославича въ Кіевѣ прежде смерти старшаго его брата Изяслава. Но вѣдь въ Кіевѣ сиживалъ и Всеславъ въ силу вмѣшательства кіевлянъ. Наоборотъ, въ Норвегіи старый культурный центръ Нидаросъ въ Троньемскомъ краѣ нашелъ себѣ достойныхъ соперниковъ въ торговыхъ городахъ области Гулатинга

(Бьёргвинъ, или Бергенъ) и Викина (Сарпсборгъ, Тунсбергъ, Акерсгусъ, наконецъ Кристіанія съ 1624 г.). Однако, и норвежское публичное право знаетъ восхожденіе младшихъ конунговъ изъ Южной и Восточной Норвегіи на высшую ступень путемъ распространенія ихъ власти на Троньемъ при отмираніи старшихъ братьевъ. Такъ, послѣ Гаральда Грознаго старшій сынъ его Магнусъ владѣетъ Сѣверной Норвегіей (Троньемомъ), а младшій Олафъ — Восточной (Викиномъ). Послѣ смерти брата Магнуса, Олафъ Тихій становится конунгомъ всей Норвегіи, т.-е. подымается и до Троньемскаго престола. Въ слѣдующее поколѣніе Магнусъ Олафссонъ опять таки сначала только конунгъ въ Викинѣ, а Гаконъ Магнуссонъ въ Троньемѣ; но Гаконъ скоро умираетъ, а Магнусъ Берфайттюръ подымается и до Нидароса. Послѣ Магнуса Голоногаго старшій сынъ Эйстейнъ—въ Троньемѣ, второй—Сигурдъ Іерусалимскій въ Восточной (или Южной) Норвегіи; и тутъ Сигурдъ переживаетъ брата и правитъ одинъ, охватывая властью и Сѣверную Норвегію. Послѣ Гаральда Гилли сынъ его Инги, признанный въ Викинѣ, тоже переживаетъ Сигурда Мюннюра, признаннаго въ Троньемѣ. Такъ Всеволодъ Ярославичъ, садясь въ Кіевѣ, удерживаетъ за собою Черниговъ и Переяславль, ибо изъ поколѣнія сыновей Ярослава, какъ юридическаго лица, оставался онъ одинъ; между тѣмъ Владиміръ Мономахъ уступаетъ не только Кіевъ Святополку II, но и Черниговъ—Олегу, такъ какъ пришло время для параллельной линіи внуковъ. Но въ Норвегіи первенство Троньема не безусловно, а потому достиженіе этого престола можно называть „восхожденіемъ“ только потому, что оно вызывается расширеніемъ долевого владѣнія конунга вообще.

Напротивъ, первые общерусскіе князья, какъ Олегъ и Игорь, величаются въ договорахъ съ Греками „великими“ именно въ смыслѣ верховенства (yfirkonungar и smàkonungar эпохи Гаральда Прекрв.) въ противоположность зависимымъ отъ нихъ областнымъ князьямъ, тѣмъ князьямъ (по Лаврентьевскому списку тоже въ свою очередь „велиции князи“) въ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полоцкѣ и т. д., которые сидѣли по городамъ, „подъ Ольгомъ суще“, иначе—въ отличіе „отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ“, „отъ всея княжья“. Въ этомъ смыслѣ еще Владиміръ Св. названъ подъ 1015 г. „князь великый“, такъ какъ наприм. Ярославъ давалъ ему отъ Новгорода по 2 тысячи гривенъ въ годъ. Ярославъ Мудрый подъ 1051 г. тоже еще названъ великимъ княземъ, потому что онъ „единовластецъ“ и въ зависимости отъ него княжатъ сыновья его—Владиміръ въ Новгородѣ, Изяславъ въ Туровѣ, Святославъ въ Володимірѣ, а братъ Судиславъ—во Псковѣ.

Противъ совпаденія правосознанія, лежавшаго въ правящемъ на Руси родѣ позади всѣхъ княжескихъ передвиженій по столамъ, со скандинавскимъ родовымъ наслѣдованіемъ, или—съ предположи-

тельно тождественнымъ съ нимъ одальнымъ правомъ, какъ оно примѣнялось въ Норвегіи при замѣщеніи престоловъ, говоритъ по видимости княженіе Св. Ольги, такъ какъ вѣдь въ Скандинавіи женщины устранялись отъ престолонаслѣдія. Но въ изображеніи лѣтописца Св. Ольга правила не какъ великая княгиня Кіевская, а только какъ опекунша за своего малолѣтняго сына Святослава, „кормячи сына своего до мужьства его и до възъраста его“; такъ правила мать Аса за Гальфдана Чернаго въ Агзсахъ, Гуннгильда—при сыновьяхъ Эйрика, Сигризса—за Олафа Грудного въ Швеціи. При малолѣтнемъ Святославѣ—два варяга, „кормилецъ“ Асмудъ (fòstri) и „воевода“ Свинельдъ. Пріемъ избирать знатному ребенку „кормильца“ изъ зависимыхъ мужей—обыченъ въ вельможныхъ семьяхъ Норвегіи; между такимъ кормильцемъ и его выкормкомъ устанавливается нѣкоторая нравственная связь на всю жизнь; точно такъ-же дружбой на всю жизнь связывались и дѣти, воспитанныя сообща у такого кормильца, напримѣръ его собственный сынъ и выкормокъ; это „братство по выкормкѣ“ (fòstbraedhralag). „Полководецъ“ лѣтописца—это, вѣроятно, норвежскій знаменоносецъ (merkismadhr). Ольга, Асмудъ и Свинельдъ берутъ Святослава въ походъ противъ Древлянъ, и битву начинаетъ непремѣнно самъ князь-ребенокъ; по слабосильности онъ бросаетъ копье между ушей коня не далѣе, какъ къ его ногамъ. Тѣмъ не менѣе кормилецъ и полководецъ провозглашаютъ: „князь уже почалъ; потягнемъ, дружино, по князи!“ Тождественный обычай отмѣченъ въ скандинавскихъ сагахъ, что малолѣтній конунгъ „идетъ въ походъ“ и долженъ быть въ битвѣ. Когда послѣ смерти Гаральда Гилли въ Викинѣ на Боргартингѣ былъ провозглашенъ конунгомъ его годовалый сынъ Инги, то воспитатель (fóstri) малолѣтка—Амундъ взялъ его себѣ въ полу и такъ подъ знаменемъ пошелъ съ нимъ въ битву противъ Магнуса Ослѣпленнаго. Ольгинымъ городомъ былъ Вышгородъ, которому шла треть дани, а Кіевъ, получавшій двѣ трети дани, былъ для нея „городъ свой“ только тогда, когда она возвращалась туда вмѣстѣ съ сыномъ Святославомъ. Это опять-таки напоминаетъ одну норму древне-скандинавскаго права. По Гулатингу (ст. 53), гдѣ имущество мужа и жены стало общимъ, тамъ за женой числится изъ него одна треть, а двѣ трети за мужемъ. Тоже по Фростатингу (XI, 4), если жена утрачиваетъ мужа, то ей принадлежитъ одна треть въ хозяйствѣ (или „усадьбѣ“, „дворѣ“, í búi) и наличныхъ деньгахъ и сверхъ того вся ея одежда. По закону Восточныхъ Ётовъ женѣ крестьянина еще при его жизни намѣчается одна треть двора или хозяйства („bo.“ Ае. в. IX). По „Русской“ же „Правдѣ“ (Кар. 106) вдовѣ въ случаѣ раздѣла семейнаго имущества полагается доля по назначенію мужа.

По характеру Св. Ольгу напоминаетъ Сигризса (или Сигрида),

жена шведскаго конунга Эрика (или Эйрика) Побѣдоноснаго и мать Олафа Грудного. Гаральдъ Грендскій, конунгъ Вестфольда, навязчиво преслѣдовалъ Сигризсу своимъ сватовствомъ отъ живой жены Асты и съ большимъ отрядомъ пріѣхалъ внутрь Швеціи въ имѣнье, которымъ владѣла вдова и мать конунга. Въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ туда же еще другой „конунгъ“, съ Востока, изъ Руси, по имени Всеволодъ, и тоже ради сватовства. Обоимъ конунгамъ и всему ихъ войску приготовили одну большую палату и угощали всѣхъ съ вечера до пьяну, такъ что и наружная, и внутренняя стража заснули. Тогда велѣла королева Сигризса ночью ударить на нихъ съ огнемъ и мечемъ; сгорѣла тутъ палата, и всѣ мужи внутри ея, а кто выскочилъ, тѣ были убиты. Сигризса сказала, что такъ отучитъ она „князей малыхъ“, т.-е. удѣльныхъ (leidha smákonungum) пріѣзжать изъ чужихъ странъ, чтобы звать ее замужъ. Послѣ этого стали ее называть Сигризсой Высокомѣрной (995 г.).

Противоположность между наслѣдственными нормами дружиннаго двора и славяно-русскаго простонародья и близость варяго-русскихъ дружинныхъ нормъ къ скандинавскимъ сказывается и въ вопросѣ о правахъ дочерей на наслѣдство. Въ классѣ смердовъ дочери не наслѣдуютъ, хотя бы не было вовсе сыновей, а получаютъ лишь выдѣлъ приданаго; въ классѣ боаръ и боярскихъ дружинниковъ за неимѣніемъ сыновей наслѣдуютъ и дочери: это „женщины колецъ“ (þaugrygjar) норвежскаго одальнаго права (Кар. 103—104).

Наряду съ соправленіемъ равныхъ наслѣдниковъ безъ подчиненія младшихъ старшему и безъ окончательнаго территоріальнаго раздѣла, „изгойство“ выясняется, какъ признакъ другого важнаго функціональнаго отличія между сравниваемыми системами престолонаслѣдія. Задружный или родовой бытъ у славянъ съ единымъ старѣйшиной во главѣ не можетъ напасть на мысль обдѣлять изгоевъ, такъ какъ здѣсь всѣ мужчины—члены великой кучи съ дѣтства и до старости равны между собой экономически и по правамъ на общую собственность задруги. Обездоленіе изгоевъ можетъ возникнуть только тамъ, гдѣ, какъ у германцевъ, среди всего рода различаются концентрическіе круги болѣе близкихъ привиллегированныхъ и болѣе отдаленныхъ родичей; таковы группы „плательщиковъ колецъ“ и „платящихъ съ каждаго носу“ (þauggildismenn и nefgildismenn) по Фростатингу; такова сложная дифференціація норвежскаго рода по Гулатингу, ради уплаты головщины въ случаѣ убійства, когда одни родичи платятъ или получаютъ главное „кольцо“, другіе—второе и третье, женщины—дары, иные родичи—денежныя пени по группамъ, пени перваго, второго, третьяго полученія, незаконнорожденные—додатокъ къ пенямъ и т. п. Такъ и лицо или привиллегированная группа лицъ, имѣющія право стать конунгомъ или царемъ, называются у норвежцевъ „конунгс-эвни“ (konungsefni; по исландски—„эбни“),

т.-е. вещество, тѣсто для конунга или царя. Это—законный наслѣдникъ, распоряжающійся послѣ смерти конунга и созывающій Эйратингъ для своего „принятія“ въ конунги. (Hàkonarbòk, 10). У ировъ такой матеріалъ для царя зовется rìgdomna.

На Руси послѣ Ярослава М. въ предѣлахъ междукняжескихъ отношеній дѣйствовали двѣ регулятивныя системы одновременно, скрещиваясь и пересѣкая другъ друга. Княжеская власть надъ всей Русью осуществлялась путемъ конкурирующаго соправленія равныхъ сонаслѣдниковъ съ дифференціаціей политическихъ функцій по областямъ; это норма скандинавскаго одальнаго права, но только въ Норвегіи территоріально распредѣляются лишь функціи фискальныя. И здѣсь, и тамъ параллельная родовая линія внуковъ слѣдовала сразу за линіей сыновей, при чемъ на Руси каждый членъ линіи получалъ столъ надъ всей той областью или частью той области, которой владѣлъ уже его отецъ. Вторая регулирующая система имѣла конечную точку приложенія въ кіевскомъ престолѣ и опредѣляла въ предѣлахъ той же параллельной линіи родичей очередное восхожденіе до кіевскаго стола по промежуточнымъ ступенямъ изъ второстепенныхъ столовъ. Въ Норвегіи порядокъ разверстки конунговъ-соправителей между отдѣльными законодательными тингами — Фростатингомъ, Боргартингомъ, Гулатингомъ, Эйзс-сивьятингомъ—не доразвился въ устойчивый обычай. Напротивъ, въ условіяхъ приднѣпровья области, объединяемыя варяго-русскими князьями, рано кристаллизовались въ лѣствицу вслѣдствіе устойчивыхъ различій въ ихъ политико-экономической расцѣнкѣ; параллельная линія родичей разсаживалась по ступенямъ на княжескихъ столахъ естественно въ нисходящемъ порядкѣ отъ старшаго члена линіи къ младшему, и, по свойственной такимъ линіямъ капиллярности, цѣпь родичей достигала кіевскаго стола въ обратномъ порядкѣ „лѣствичнаго восхожденія“.

Скандинавскій обычай, что конунгомъ можетъ стать только сынъ конунга, оставилъ свой слѣдъ на обѣихъ регулятивныхъ системахъ, и отсюда возникло два типа обездоленныхъ князей, которые ради единства терминологіи удобно обозначить изгойствомъ въ тѣсномъ смыслѣ юридическихъ памятниковъ и въ болѣе расширенномъ смыслѣ условнаго термина по аналогіи. При сонаслѣдованіи цѣлыхъ линій въ этотъ привиллегированный кругъ лицъ и столовъ не входятъ только „изгои“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. внуки, у которыхъ отцы умерли раньше дѣда; въ духѣ скандинавскихъ нормъ наслѣдованія они вытѣсняются сыновьями наслѣдодателя, т.-е. своими дядьями. Но для восхожденія до кіевскаго престола изъ этихъ параллельныхъ линій родичей, уже очищенныхъ отъ изгоевъ въ собственномъ смыслѣ слова, выдѣляется избранная цѣпь лицъ, у которыхъ еще отцы сидѣли на кіевскомъ столѣ. Здѣсь

скандинавскій обычай, что конунгомъ можетъ стать только сынъ конунга, вторично примѣняется спеціально уже при замѣщеніи кіевскаго стола въ видѣ молчаливаго соглашенія, что кіевскимъ княземъ можетъ стать только сынъ кіевскаго князя. Тѣ члены параллельныхъ линій родичей, участвующихъ въ соправленіи всей Русью, которые не входятъ въ цѣпь князей, достигающихъ кіевскаго стола, тоже какъ бы выживаются или „выживаютъ“ изъ этого привиллегированнаго круга, т.-е. заизгоиваются. Поэтому, по аналогіи, изгоемъ въ широкомъ смыслѣ научнаго термина можетъ быть названъ и князь, у котораго отецъ умеръ послѣ дѣда, но раньше старшихъ дядей, сидѣвшихъ на преимущественномъ столѣ. Возникаетъ группа какъ бы изгоевъ спеціально для кіевскаго престола, т.-е. лицъ, обездоленныхъ только по главной области приднѣпровья. Скандинавская обычно-правовая норма, что конунгомъ можетъ быть только сынъ конунга, развѣ лишь по внѣшней видимости совпадаетъ со славянорусской „отчиной“; вѣдь такая „отчина“ можетъ быть лишь одна для каждаго князя, и по каждой „отчинѣ“, при нормахъ „Русской Правды“, въ кругъ „вотчинниковъ“ могутъ войти только сыновья одного отца; напротивъ, по скандинавскій нормѣ о „сыновьяхъ конунговъ“ каждый престолъ является отчиной для цѣлой группы князей, у которыхъ отцы занимали его или одновременно въ соправленіи, или случайно и разновременно, напримѣръ въ различныя поколѣнія, а то и при очередномъ восхожденіи, какъ на Руси. Это воздѣйствіе на междукняжескія отношенія на Руси двухъ перекрещивающихся регулятивныхъ системъ—равнаго соправленія по отношенію ко всей Руси и чередованія избранныхъ на кіевскомъ столѣ, и составляетъ отличіе порядка престолонаслѣдія въ приднѣпровьѣ какъ отъ норвежскаго порядка, гдѣ вторая система недоразвилась, такъ и отъ порядковъ у западныхъ и южныхъ славянъ, гдѣ, какъ правило, нѣтъ ни равнаго соправленія, ни лѣствичнаго восхожденія, ни изгойства.

Примѣненіе скандинавскаго правила, что конунгомъ можетъ быть только сынъ конунга, вторично спеціально къ кіевскому престолу, есть опять таки лишь выводъ изъ общихъ нормъ родового наслѣдованія у скандинавовъ, гдѣ сыновья всегда оттѣсняютъ внуковъ, а изъ внуковъ въ наслѣдованіи будутъ имѣть долю только тѣ, у которыхъ отцы фактически участвовали въ совладѣніи въ предыдущемъ поколѣніи. Занятіе же кіевскаго стола въ очередномъ порядкѣ есть такое же совладѣніе Кіевской областью, какъ и одновременное соправленіе всею Русью съ разверсткой между отдѣльными областями, въ число которыхъ входитъ опять таки и кіевскій столъ, но совладѣніе факультативное. Изъ этого двойственнаго положенія Кіевской области, какъ равной доли въ общемъ соправленіи, и какъ преимущественнаго стола, вытекаетъ и продваиваніе правила, что княземъ престола можетъ стать лишь сынъ князя того же пре-

стола. Но только княземъ всей Руси бывала сразу цѣлая параллельная линія родичей, а княземъ Кіевскимъ каждый разъ одинъ только ея членъ. Господство началъ изгойства въ тѣсномъ и расширенномъ смыслѣ термина сосредоточило права на кіевскій столъ исключительно въ потомствѣ Мономаха. Уже въ первое поколѣніе послѣ Ярослава М. заизгоились по отношенію къ Кіеву всѣ потомки его сына Святослава, умершаго раньше Изяслава и пріявшаго „власть стола“ въ Кіевѣ, говоря словами лѣтописца, вложенными въ уста Ярославу М., „снасильемь“, а не „справдою“. Потомство Изяслава Ярославича стало „изгоями“ для Кіева со смертью 3 сыновей Святополка II, никогда не сидѣвшихъ на столѣ отца и дѣда; изъ нихъ Ярославъ умеръ раньше Владиміра Мономаха, а Брячиславъ и Изяславъ очевидно годами были моложе Мстислава I Владиміровича и обойдены въ пользу него. Такое добавочное начало сеніората въ предѣлахъ той же параллельной линіи ясно высказалъ въ 1146 г. Изяславъ: „Всеволода есми имѣлъ въправду брата старшаго, занеже ми братъ и зять старѣй мене яко отець; а съ сими (Игорь и Святославъ Ольговичи) како ми Богъ дасть“. Напротивъ ни у чеховъ, ни у поляковъ изгойства въ широкомъ смыслѣ термина для старшаго (здѣсь политически) престола не существовало. Среди Пшемысловичей въ поколѣніи внуковъ Бжетислава I герцогами Богеміи стали Святополкъ, а временно и Оттонъ II, сыновья Оттона Знаимскаго, никогда не сидѣвшаго на старшемъ престолѣ. То же повторилось въ поколѣніи праправнуковъ Бжетислава I съ Конрадомъ III Оттономъ и Генрихомъ—Бжетиславомъ, сыновьями Генриха Владиславовича. Среди Пястовъ правнукъ Болеслава III Кривоустаго, Генрихъ Бородатый, сталъ въ 1228 г. великимъ княземъ въ Краковѣ, хотя отецъ его, Болеславъ Высокій, никогда не сидѣлъ на престолѣ его дѣда—Владислава II. Вытѣсненіе дядьями внуковъ, которыхъ отцы умерли прежде ихъ дѣда, держалось въ обычномъ правѣ у франковъ до Хильдеберта II (596 г.), а въ Германіи за Рейномъ—даже до Оттона I (942 г.) Идея изгойства въ широкомъ смыслѣ термина, т.-е. правило, что конунгомъ на извѣстномъ престолѣ можетъ быть только сынъ конунга того-же стола, жила лишь въ Скандинавіи и на Руси. Отъ славяно-русскаго начала „отчины“ это правило отличается тѣмъ, что при сонаслѣдованіи по каждому престолу могло быть нѣсколько отцевъ въ одномъ поколѣніи, а потому и нѣсколько „отчинъ“.

Въ концѣ концовъ, при сравненіи системъ престолонаслѣдія—норвежской, какъ типа для древнѣйшихъ скандинавовъ вообще, съ системами у хорватовъ, чеховъ, поляковъ, русскихъ, обнаруживается, что междукняжескія отношенія на Руси послѣ Ярослава М. функціонально отличны отъ системъ у южныхъ и западныхъ славянъ и органически сродны древнескандинавскому порядку родового наслѣдованія. Различая сходства вслѣдствіе заимствованія и подражанія отъ сходствъ вслѣдствіе

тождественнаго уровня соціальнаго роста, надо всегда рѣшать вопросъ не только по общему облику, но и по особымъ примѣтамъ. Такой чертой въ порядкѣ престолонаслѣдія на Руси служитъ изгойство. Какъ нѣчто чуждое русско-славянскому обычно-правовому сознанію, оно стало прочнымъ терминомъ въ соціальной жизни на Руси лишь за предѣлами наслѣдственныхъ отношеній. Однако, изгойство и соправленіе безъ подчиненія младшихъ старшимъ и безъ окончательнаго территоріальнаго раздѣла — это тѣ два родимыхъ пятнышка, по которымъ надежнѣе всего угадывается сродство сложнаго порядка престолонаслѣдія въ кіевскій періодъ съ древнескандинавскимъ родовымъ наслѣдованіемъ, какъ оно отчетливо запечатлѣлось въ обычаяхъ Норвегіи при замѣщеніи престола ея конунговъ. Но скандинавская порода „родословныхъ деревьевъ“, будучи пересажена въ условія Приднѣпровья, дала здѣсь разновидность, нигдѣ болѣе не повторяющуюся.

Евг. Щепкинъ.

X.

„Бабы богомерзкія“.

I. Женщина въ первохристіанствѣ.—II. Женщина въ начальной исторіи христіанства на Руси.—III. „Бабы богомерзкія“—„идоломолицы“. — IV. „Бабы богомерзкія“ — волшебницы.—V. Мѣры противъ „бабъ богомерзкихъ“. —VI. Объясненіе явленія.

I.

Въ исторіи первоначальнаго христіанства женщина играла видную и плодотворную роль,—много содѣйствовала его успѣхамъ. Проповѣдь Евангелія прежде всего услышали „труждающіеся и обремененные“: христіанство распространяется сначала среди низшихъ классовъ. Особенно воспріимчивую для себя почву нашло оно среди женщинъ. И это понятно. Женщина древняго міра, какъ существо приниженное, охотно принимала вѣру, которая объявляла, что во Христѣ нѣтъ различія между мужескимъ поломъ и женскимъ, которая обѣщала ей освобожденіе. Язычники называли христіанство, и конечно недаромъ, религіей рабовъ и женщинъ. Скоро однако дошло оно до высшихъ классовъ. И изъ среды аристократіи первыми обратились женщины; не мало именъ знатныхъ женщинъ сохранилось изъ первохристіанской исторіи. Вообще признается фактомъ, что въ процентномъ отношеніи въ первохристіанскихъ общинахъ было болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ, особенно въ высшихъ сословіяхъ.

Отсюда возникли интересныя явленія въ семейной жизни христіанъ первыхъ трехъ столѣтій. Среди новообращенныхъ не рѣдки были смѣшанные браки — обычно христіанки-жены при язычникахъ-мужьяхъ, и апостолъ Петръ совѣтовалъ такимъ христіанкамъ не оставлять мужей, а обращать ихъ чистымъ и богобоязненнымъ житіемъ своимъ (1 Петра III, 1—2). Но при этомъ церковь вовсе не поощряла дѣвушекъ выходить

замужъ за язычниковъ, даже повидимому запрещала вступать добровольно въ смѣшанный бракъ: признавались только браки, заключенные до вступленія въ церковь. Слѣдствіемъ этого въ христіанскихъ общинахъ явилось „обиліе дѣвушекъ“ (copia puellarum), особенно въ знатномъ классѣ при малочисленности христіанскихъ юношей. Положеніе этихъ знатныхъ дѣвушекъ было затруднительно, потому что римское законодательство, строго охраняя сословныя права, не признавало законными браки аристократокъ съ вольноотпущенниками и рабами, лишало родовыхъ правъ и самихъ патриціанокъ, вышедшихъ замужъ за свободнорожденныхъ низшаго класса, и ихъ дѣтей отъ этого брака. Церковь вынуждена была создавать свое особое брачное право. И вотъ уже Тертулліанъ совѣтовалъ богатымъ христіанскимъ женщинамъ вступать въ бракъ съ бѣдными юношами также изъ христіанъ. А епископъ римскій Каллистъ (218—223) объявилъ, что знатнымъ дѣвицамъ-христіанкамъ онъ позволяетъ заключать бракъ съ рабомъ или свободнымъ, обходясь безъ всякаго признанія законности со стороны государства. Эта острота брачнаго вопроса лучше всего показываетъ численное неравенство мущинъ и женщинъ, особенно знатныхъ, въ древнѣйшей церкви.

Женщины принимали дѣятельное участіе въ христіанской миссіи: при апостолахъ были онѣ „сотрудниками въ благовѣствованіи“ (Филип. IV, 2), нерѣдко имъ содѣйствовали при основаніи церквей. Апостолы вели открытую проповѣдь, сотрудницы ихъ тайную или частную: онѣ проникали въ женскую половину дома (куда мущинамъ входъ воспрещался), обращали ко Христу женщинъ, а чрезъ нихъ цѣлыя семейства. Проповѣдницы имѣли успѣхъ и среди мущинъ: Прискилла обратила въ христіанство образованнаго и глубокомысленнаго александрійца Аполлоса. Случалось иногда, что въ извѣстномъ городѣ первою принимала христіанство женщина, а потомъ благодаря ея усиліямъ возникала христіанская община; такъ было, напримѣръ, въ Филиппахъ (Лидія), въ Аѳинахъ (Дамарь). Естественно эти женщины получали въ юныхъ общинахъ особенное значеніе предстоятельницъ или патронессъ. Въ домахъ ихъ, пока не было общественныхъ, общины собирались на молитву. Предоставляя свой домъ для богослуженія городской общинѣ, госпожа его дѣлала угощеніе сторонникъ, брала на себя попеченіе о больныхъ и бѣдныхъ. На собраніяхъ христіанъ она являлась на первомъ мѣстѣ, имѣла преимущество чести, даже руководила общиной и учительствовала на собраніяхъ.

Древне-христіанская учительность носила особый, энтузіастическій характеръ, можетъ быть въ значительный степени привнесенный въ церковь женщинами: проповѣдь сопровождалась явленіями „Духа и силы“ и была особенно убѣдительна ими. И среди первохристіанскихъ женщинъ мы встрѣчаемъ вдохновенныхъ наставницъ вѣры, пророчицъ (напр. четы-

рехъ дочерей апостола Филиппа), которыя открыто выступали въ собраніяхъ христіанъ. Можетъ быть, вслѣдствіе злоупотребленій этихъ учащихъ женщинъ церковь еще въ апостольское время подняла борьбу противъ ихъ церковно-учительной функціи (1 Тим. II, 12), но въ сектахъ гностиковъ и монтанистовъ онѣ и не теряли этого значенія.

И въ церковной организаціи первыхъ столѣтій, въ клирѣ женщина имѣла свое мѣсто. Древняя церковь была между прочимъ союзомъ и обществомъ любви и гуманности. Епископъ являлся главнымъ руководителемъ церковной благотворительности; его помощниками были діаконы и „вдовы“, или же діакониссы. Кромѣ вдовъ, призрѣваемыхъ древнею церковью, были въ ней вдовы „поставленныя“, принадлежавшія къ клиру. Такая вдова посѣщала больныхъ женскаго пола, наставляла и учила женщинъ, надзирала за призрѣваемыми вдовами, воспитывала сиротъ, заботилась о бѣдныхъ. Главная обязанность діакониссъ богослужебная. Діакониссы были привратницами при дверяхъ храма въ женской половинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдали за порядкомъ; онѣ помогали при крещеніи и миропомазаніи женщинъ. На нихъ лежали и благотворительныя обязанности, которыя несли „вдовы“, особенно въ тѣхъ церквахъ, гдѣ института вдовъ не было или гдѣ онъ прекратилъ свое существованіе гораздо ранѣе діакониссъ.

Наконецъ многія женщины первыхъ трехъ столѣтій пострадали за Христа, обнаруживъ при этомъ величайшее мужество; имена ихъ сіяютъ въ сонмѣ мучениковъ христіанства. Исповѣдницы и мученицы пользовались въ церкви великимъ уваженіемъ и почитаніемъ, ничуть не меньшимъ, чѣмъ исповѣдники и мученики. А на враговъ христіанства эти страданія за вѣру со стороны слабаго пола производили гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ подвиги мучениковъ, еще убѣдительнѣе доказывали жизненность вѣры Распятаго.

Такова роль женщины въ исторіи первохристіанства. И кажется, немного преувеличиваетъ одинъ нѣмецкій историкъ, когда пишетъ: „христіанство не должно забывать, что быстрымъ успѣхомъ своимъ оно въ большей степени обязано именно женскому полу“ [1]).

II.

На Руси мы наблюдаемъ совершенно обратное явленіе.

Въ пору утвержденія христіанства и долго потомъ русскія женщины стояли на сторонѣ язычества, ревниво хранили его вѣковыя преданія, сопротивлялись, хотя и пассивно, новой вѣрѣ. Мы конечно не

---

[1]) О значеніи женщины въ исторіи первохристіанства см. A. Harnack, Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. 2 Aufl. Leipz. 1906. B. II, Ss. 51—67. Рус. пер. съ 1-го изд. проф. А. А. Спасскаго,

забываемъ о святой княгинѣ Ольгѣ, этой „зарѣ предъ солнцемъ“ христіанства на Руси, первомъ христіанинѣ русской земли, извѣстномъ по имени. Но Ольга—блестящее исключеніе: „мудрѣйшая изъ людей“, она несомнѣнно стояла гораздо выше не только современницъ своихъ, но и современниковъ. Извѣстны намъ и другія княгини и княжны XI—XII вѣковъ, которыя прекрасно усвоили тогдашній нравственно-аскетическій идеалъ христіанства и осуществляли его своею жизнію. Но эти подвижницы княжескаго рода едва ли отражали религіозное настроеніе большинства современныхъ имъ женщинъ даже изъ высшихъ классовъ общества. По крайней мѣрѣ цѣлый рядъ данныхъ указываетъ на религіозную отсталость русской женщины глубокой древности.

Владимиръ Святой, послѣ крещенія земли, послалъ по разнымъ городамъ набирать дѣтей „у нарочитые чади“, т.-е. у знатныхъ людей, и раздавалъ ихъ на ученье книжное. „Матере же чадъ сихъ плакахуся по нимъ“, замѣчаетъ лѣтопись. Почему же? Лѣтописецъ такъ объясняетъ причину материнскаго горя: „*еще бо не бяху ся утвердили вѣрою*, но акы по мертвымъ плакахуся“ [1]). Знатныя женщины были язычницами по убѣжденіямъ и плакали онѣ не напрасно, потому что изъ христіанской школы ихъ дѣти должны были выйти сознательными христіанами. Но лѣтописецъ не говоритъ ни о какомъ сопротивленіи просвѣтительнымъ замысламъ крестителя Руси со стороны отцовъ этихъ знатныхъ дѣтей—бояръ и старцевъ градскихъ. И объяснять это можно двояко: или такимъ образомъ, что горюя мущины только не плакали съ причитаньями какъ женщины, а выражали свою скорбь менѣе демонстративно; или же съ равнымъ правомъ можно объяснять и такъ, что бояре и старцы въ большей степени утверждены были въ христіанской вѣрѣ, чѣмъ ихъ жены, и не усматривали никакого бѣдствія для дѣтей своихъ въ книжномъ ученьи. Вѣдь какъ-никакъ они дали князю

Религіозно-нравственныя основы христіанства въ истор. ихъ выраженіи, Харьковъ, 1907, 323—339 стр. L. Zscharnack, Der Dienst der Frau in den ersten Jahrhunderten der christlichen Kirche. Götting. 1902. Goltz, Der Dienst der Frau in der christl, Kirche. 1905.

[1]) Лавр. лѣт.[3], 116. Подобное же чтеніе и въ другихъ спискахъ начальной лѣтописи (Ипат., изд, 1871 г., 81 стр.; Соф.—П. С. Р. Л. V, 119; Воскр.—VII, 311-312; Аврам.—XVI, 258). Ср. Шахматова, Разысканія о древнѣйшихъ рус. лѣтоп. сводахъ, Спб., 1908, 562. Въ Новгр. по Синод. (Комм.) Спб., изд. 1888, стр. 63: „и пославъ, нача отъимати“... Твер.—XV, 110... „но яко ко гробу отсылающе плакахуся“. Въ Лѣтоп. Переясл.—Суздал. интересное добавленіе: „и пославъ по всѣмъ градомъ своего царства и по странамъ“... (Изд. Оболенскаго, 31—32). Контекстъ за правильность этой прибавки,—за то, что дѣти набирались не въ одной столицѣ, но и въ другихъ городахъ: предъ этимъ разсказомъ лѣтопись передаетъ о томъ, какъ ставились „по градомъ“ церкви и попы, какъ приводились къ крещенію люди „по всѣмъ градомъ и селомъ“.

Владимиру свое согласіе на принятіе христіанства въ качествѣ государственной религіи.

Такое состояніе русской семьи, когда женщины держались языческой старины при мужьяхъ христіанахъ, не осталось неотмѣченнымъ въ нашихъ древнихъ источникахъ. Указаніе на это есть въ „*словѣ св. Діонисія о желѣющихъ*“ (о плачущихъ по мертвымъ)—памятникѣ, нерѣдко встрѣчающемся въ рукописяхъ [1]). Здѣсь рисуется довольно яркая

---

[1]) „Слово св. Діонисія“ (Нач. Сѣдящу нѣкогда въ своемъ отцыни (затцыни) святому отцу и великому архіерею Христову Діонисію, и пріидоша къ нему мнози святіи отци) содержится въ Златой Цепи Тр. Лавры XIV в. № 11, лл. 26—28, въ Паисіевскомъ сборникѣ XIV—XV вв., л. 35 слѣд., въ Измарагдѣ I редакціи, составляя 13-ю главу (см. Измарагдъ XIV в. ркп. Румянц. Музея № CLXXXVI, л. 21 слѣд. Опис. Востокова, 234 стр.), въ Измарагдѣ II редакціи, составляя 83 главу (см. ркп. Моск. Дух. Акад. № 46, л. 137. Текстъ поученія здѣсь значительно измѣненъ и сокращенъ). Содержаніе слова, впрочемъ слишкомъ кратко, изложено у Яковлева, Къ литер. исторіи др.-рус. сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Измарагда“, Одесса, 1893, 54—55. Яковлевъ называетъ слово—„отрывокъ изъ житія св. Діонисія“, не объясняя, изъ какого именно житія и какого именно Діонисія. Горскій и Новоструевъ (Опис. ркп. Моск. Синод. Б-ки, II, 3—Измарагдъ № 230, стр. 66) замѣчаютъ: „Составитель слова не грекъ. Доказывая, что не должно скорбѣть о умершихъ, онъ указываетъ на слова ап. Павла о Титѣ 2 Кор. VII, 6 и 13, которыя только въ неправильномъ переводѣ могли быть употреблены за доказательство. Радовахомся и весели быхомъ о преставленіи Титовѣ яко покои духъ его (д. б. пришествіемъ parusia—Титовымъ)“. Это замѣчаніе повторено въ Опис. ркп. Соловецкой б-ки I, 576—577—Измарагдъ к. XV н. XVI в. II ред. № 359 (270). Но интересно отмѣтить, что въ древнеславянскомъ переводѣ 2 посл. Коринѳ. этой ошибки нѣтъ (см. проф. Гр. А. Воскресенскаго, Др.-слав. апостолъ, вып. 3, 4 и 5. Серг. Пос. 1908, стр. 72—73, 78—79). Очевидно неизвѣстный авторъ, недостаточно знавшій греческій языкъ, пользовался новымъ завѣтомъ прямо по-гречески. И нельзя не согласиться съ архим. Леонидомъ (Опис. ркп. Тр. Лавры I, 16 стр.), что авторъ разбираемаго поученія „лице загадочное“.—Въ описаніяхъ южно и западно-славянскихъ рукописей „слово Діонисія“ намъ не встрѣтилось.—По всему этому мы предположительно *считаемъ его русскимъ*.

Трудно сказать, какой Діонисій здѣсь разумѣется: Александрійскій или Псевдо-Ареопагитъ. Въ тѣхъ отрывкахъ сочиненій Діонисія Александрійскаго, которые сохранились (рус. пер. изд. Казан. Дух. Акад. 1900 г.), намъ не встрѣчалось разсужденій святого отца о загробной участи человѣка и о плачѣ по умершихъ (съ чего начинается „слово о желѣющихъ“). Не нашли мы чего-либо подобнаго и въ твореніяхъ Псевдо-Діонисія Ареопагита (В. Ч.-Минеи подъ 2 окт. и въ переводѣ Пб. Дух. Акад.). Но въ древней нашей письменности встрѣчались разсужденія съ именемъ Діонисія Великаго по указаннымъ вопросамъ. „О семъ бо великій Діонисій глаголетъ: аще кто въ животѣ имѣлъ скорбь о грѣсѣхъ, тому и по смерти многое пособіе творимыми молитвами. Аще ли невѣрный умретъ, иже въ животѣ былъ врагъ Божій, таковому нѣсть по смерти помощи“ („Въ субб. пятидесятную поуч. св. Іоанна Златоуста, еже не плакатися о умирающихъ“. Златоустъ старопеч., гл. 76, л. 246 об.).

картина обрядовыхъ плачей по умершихъ среди новокрещенныхъ христіанъ („принявшихъ святое крещеніе и вѣру правую“). По изображенію „слова“, въ желѣньи повинны были какъ мущины, такъ и женщины, но послѣднія особенно усердно предавались ему. Конечно, и причиной этого и нѣкоторымъ извиненіемъ являлась слабость женской натуры: рѣзко выраженная скорбь по умершихъ гораздо естественнѣе и простительнѣе для женщины, чѣмъ для мущины [1]). Но нужно имѣть въ виду то, что скорбь эта выражалась тогда въ чисто языческихъ формахъ и обрядахъ, совершенно недозволительныхъ для христіанъ. Продолжалась „желя“ много дней; при этомъ женщины покрывали головы какими-то особенными „скверными“ или „окаянными порты“, мущины отращивали себѣ волосы [2]). Въ обличительныхъ поученіяхъ древности „окаянныя желѣнія“ стоятъ въ числѣ обрядовъ язычества—идоломоленія, рожаничныхъ трапезъ, короваемоленія и проч. [3]). Точно также смотритъ на

---

[1]) Въ лѣтописяхъ нерѣдки указанія на плачи при погребеніи князей. Плакали иногда „всѣ отъ мала до велика“, особенно же родственники обоего пола. Оплакать умершаго родича или гробъ его считалось повидимому обязанностью для живыхъ и не вызывало никакого осужденія. Предосудительнымъ съ церковной точки зрѣнія признавалось—*плакать много*. „Или плакала по мертвомъ много?“—исповѣдной вопросъ женщинамъ. Проф. А. И. Алмазовъ, „Тайная исповѣдь въ правосл. восточной церкви“, Одесса 1894, т. III, 168.

[2]) Встрѣчается такое правило объ епитиміяхъ: „Грѣхъ есть дравшіися по мертвецѣ или надъ больнымъ рвавши волосы или бороду или порты своя тръзавши, опитемьи 12 днiи суха ясти въ 9 час. а поклона 60 за утра 60 за вечеръ“ (Солов. Кормч. 1493 г., нынѣ Казан. Акад. № 412 (858), л. 376 об.—377); въ болѣе краткомъ видѣ см. Алмазова, Тамъ же, стр. 281. Древній проповѣдникъ говоритъ слушателямъ: „Многъ въ васъ мятежь и плачь о умершихъ, и многажды васъ молихъ о семъ и еще глаголю съ похваленіемъ приимати чадъ вашихъ и сердоболь умертвіе... Не раздираемъ ризъ своихъ, по паче душу смiримъ, не бьемся въ переси, да не уподобится елиномъ, и не терзаемъ власъ главы нашея, не многи дни плачемъ, да не вѣровати начнемъ воскресенію и языкомъ не изречемъ хулы, да ни мертвымъ не сотворимъ пакости, ни себѣ“. Е. В. Барсовъ, Причитанья сѣв. края, I ч., стр. VII—VIII. Все это несомнѣнные пережитки языческихъ погребальныхъ обрядовъ нашихъ предковъ. Въ житіи кн. Константина Муромскаго разсказывается, какъ язычники удивлялись, видя, что при похоронахъ княжича Михаила „ни битвы, ни ножекроенія [вар. кожи кроянія] не творяшеся, ни лицедранія, *ни плача безмѣрнаго*“. А. Котляревскій, О погребал. обычаяхъ язык. славянъ, М. 1868, 126 ср. 41, 54 и 104. Плачъ по мертвомъ продолжался тридцать дней. Тамъ же, 149. Въ житіи Іуліаніи Лазаревской говорится: послѣ кончины сыновей „она же аще и оскорбися вмалѣ, но душевнѣ, а не тѣлеснѣ, и не кричаше бо безъ лѣпоты, ни власъ терзаше, якоже прочія жены творятъ“ (Поморскій сборникъ XVIII в. В. О. Ключевскаго, л. 163).

[3]) „Слово нѣкоего христолюбца и наказаніе отца духовнаго“, изд. проф. Н. К. Никольскаго. Матеріалы для исторіи др.-русской письменности. Сборникъ Отд. Рус. яз. и слов. И. А. Н., т. LXXXII, № 4, см. стр. 113.

желѣнія и авторъ разбираемаго „слова“ и совершавшихъ ихъ женщинъ признаетъ отступницами, невѣрными. Проповѣдникъ даетъ знать, что церковь не допускала „желѣющихъ“ до причащенія, грозитъ вѣчными муками тѣмъ, кто „въ томъ окаяньствѣ ходя, приступитъ къ святому комканію“ (пріобщенію), а затѣмъ очевидно изъ жизни приводитъ довольно обычный случай: „аще ли и мужь приметъ святое комканіе, а жена его желѣетъ (совершаетъ обряды плача), и то есть проклято“. Этими словами проповѣдникъ изображаетъ религіозное состояніе русской новокрещенной семьи, когда при мужьяхъ, сравнительно исправныхъ христіанахъ, были полуязычницы жены. Считая это явленіе ненормальнымъ и нежелательнымъ, авторъ слова внимательно останавливается на немъ, при помощи Писанія старается доказать то положеніе, что невѣрная жена оскверняетъ мужа, и приспособляетъ къ своимъ цѣлямъ слово Божіе. Онъ ссылается на 1 Кор. VII, 14 („святится мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужѣ вѣрнѣ“), но приводитъ одну первую половину изреченія апостола, а вторую, неблагопріятную его мысли, измѣняетъ въ своихъ обличительныхъ интересахъ: „пишетъ бо ся—святится мужь невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, такоже и оканною женою въ оканьство внидетъ, якоже и Адамъ жены ради испаде изъ породы“ (изъ рая). Затѣмъ, указавъ, что мужъ и жена—плоть едина, проповѣдникъ дѣлаетъ заключеніе, прямо противорѣчащее словамъ ап. Павла: „аще бо жена чиста, то и мужь чистъ; аще ли жена нечиста, то и мужь“. Такое употребленіе текста наводитъ на мысль, что авторъ „слова о желѣющихъ“ наблюдалъ только полуязычницъ женъ при христіанахъ мужьяхъ и справедливо видѣлъ въ этомъ большой безпорядокъ церковной жизни; но современная ему дѣйствительность не представляла обратнаго явленія: двоевѣрныхъ или невѣрныхъ мужей при исправныхъ христіанкахъ женахъ, что̀ такъ обычно было въ исторіи первохристіанства. Русская семья конца X, XI и XII стол. въ религіозномъ отношеніи представляла такимъ образомъ картину иную, чѣмъ семья первохристіанская, прямо противоположную.

III.

Древне-русскія женщины выставили усердныхъ защитницъ язычества.

Если въ нашемъ народѣ послѣ его крещенія долго жила старая религія, то несомнѣнно этому сильно содѣйствала женщина—„*бабы-идоломолицы*“ или „*бабы богомерзкія*“, которыя втайнѣ поддерживали языческіе культы. Въ одной древней статьѣ описываются жертвы двоевѣрныхъ христіанъ, между прочимъ трапезы виламъ и Мокоши. Молились тайно, „призываюче идоломольцѣ бабы; то же творятъ не

токмо худіи людіе, но и богатыхъ мужій жены“ [1]). Здѣсь двѣ для насъ интересныхъ черты: указаніе на идоломолицъ-бабъ, чистыхъ язычницъ, и на сочувствіе имъ со стороны женщинъ богатыхъ или знатныхъ (въ противоположность „худіи людіе“); онѣ призывали къ себѣ идоломолицъ, чтобы совершать съ ними языческія требы.

Исповѣдные вопросы, помѣщавшіеся въ нашихъ древнихъ требникахъ и въ значительной степени отразившіе вѣрованія, бытъ и нравы древней Руси, отмѣчаютъ то же самое явленіе: „Не носилъ ли жертвы — спрашиваетъ духовникъ мірянина—бѣсомъ и въ реку своимъ злонравіемъ или наученіемъ богомеръскихъ бабъ или волхвовъ?“ Впрочемъ подобные вопросы гораздо чаще предлагались женщинамъ, болѣе склоннымъ къ язычеству. „Молилася бѣсомъ, или чашу ихъ пила? Молилася еси з бабами богомъ кумирскимъ—бѣсомъ?“ „Или бѣсомъ молилась еси с бабами еж есть роженіцы, и виломъ, и прочимъ таковымъ?“ „Аще блудиши съ бабами богомерьзькыя блудкы, молишися виломъ, годъ поста“ (т. е. годъ епитиміи) [2]). Еще полнѣе языческія богомоленія изложены въ слѣдующемъ вопросѣ: „ли сплутила еси съ бабоми богомерьскыя блуды, ли молилася еси виламъ, ли роду, ли рожаницамъ и Перуну и Хорсу и Мокоши, пила и ела; з лѣта постъ съ поклон(ы)“ [3]).

---

[1]) Статья содержится въ пергаминной ркп. XIV в. Моск. Синод. Б-ки № 954 л. 33 об. Напечатана въ Лѣтоп. Рус. Литер. IV, 86. Приводимъ ее вполнѣ „Въпрос: что ес требокладенье идольское, еже реч св. Василии „не приниман приношенья отъ требокладеля идольска“?—Не поганымъ глаголеть, но крестьяномъ. Мнози бо отъ хрестьянъ трапезы ставятъ идоломъ и наполняютъ черпала бѣсомъ. Кто суть идоли? Се первый идолъ рожаницѣ, е нихже великій пророкъ Исаія глаголеть, велегласно вопіетъ река: „о, горе ставяще трапезу рожаницамъ и исполняюще черпала демономъ, се вси вы, яко хворостъ въ огни, изгорите“: и Павелъ рече: „не можете ясти трапезы сотонины и трапезы Христовой“, и пакы: „не можете пити цяшѣ сотонины и чашѣ Господни. Та же, рече, да не разгнѣваемъ Господа“. А се второе виламъ и Мокошѣ и да ище ся не явѣ молять, да отаи призываюче идоломольцѣ бабы, то же творят не токмо худіи людіе, нъ и богатыхъ мужии жены. Се же есть вельми злѣе, иже есть прикладати трепарь св. Богородица къ идольской трапезѣ“. Статья помѣщается въ твореніяхъ Григорія Богослова съ толкованіями Никиты Ираклійскаго, переведенными, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, на Руси О древнихъ рус. переводахъ въ до-монг. періодъ, М. 1897, стр. 8. За русское происхожденіе статьи говоритъ указаніе на русское языческое божество Мокошь. О почитаніи Мокоши именно женщинами свидѣтельствуетъ исповѣдной вопросъ: „не ходила ли еси къ Мокошѣ“? Е. В. Барсовъ, „Слово о Полку Игоревѣ“ I, 360. Тутъ же см. и любопытное объясненіе культа Мокоши.

[2]) Алмазова, Тайная исповѣдь, I, 405—406; III, 161.

[3]) М. И. Горчакова, Отчетъ о XVI присужд. Увар. наградъ, Спб. 1874, стр. Вопросъ взятъ изъ ркп. XVI в. И. Публ. б-ки, № 100. Болѣе лаконично вопросъ предлагался такъ: „или з бабами блудила еси богомерзко?“ „Блудивше

Изъ приведенныхъ текстовъ ясно, что „бабы-идоломолицы“ поддерживали язычество во всемъ его объемѣ: культы родовыхъ боговъ и стихійныхъ, какъ младшихъ божествъ, такъ и старшихъ. А легкія епитеміи (отъ 1 года до 3 лѣтъ) молившимся вмѣстѣ съ „бабами“ языческимъ богамъ показываютъ, насколько обычно было это явленіе и какъ снисходительно должна была относиться къ нему наша древняя церковь [1]).

IV.

Среди древне-русскихъ женщинъ было не мало волшебницъ.

Волшебствомъ у насъ занимались преимущественно женщины. „Паче же женами бѣсовьская волъшвенія бываютъ“, замѣчаетъ лѣтописецъ XI стол., но даетъ этому факту лишь богословски-теоретическое объясненіе, — а именно, представляя волхвующихъ прельщенными отъ бѣсовъ, онъ разсуждаетъ: бѣсъ ранѣе прельстилъ жену, а жена уже мужа; „тако (поэтому) въ вси роди много волхвуютъ жены чародѣйствомъ, и отравою, и инѣми бѣсовьскими козньми“ [2]). То же было и въ послѣдующее время. Одно древнее правило предписывало духовнику: „а еже о женахъ, болѣе есть паче искати сихъ пытаніемъ (на исповѣди), нежели мужа; доспѣетъ бо ся въ велика беззаконія еже дѣяти чаровы и волхованія и душегубства... тѣмъ же вопрошати ихъ много паче достоитъ“ [3]). И духовникъ дѣйствительно „пыталъ“ дочерей своихъ

съ бабами богомерзъкыя блутки, от года до год(а)“. Алмазовъ, Тайн. исп., III, 179 и 275.

[1]) Ниже (въ гл. IV) будетъ приведенъ текстъ: „ими ворожила еси з бабами богомерзская, или молилася еси идол, епитемки 8 недѣли, поклоновъ 150 на день“ (Алмазовъ, III, 162). Епитемія здѣсь еще кореча. Для сравненія отмѣтимъ, что по Вопрошанію Іліи (§ 16 ср. § 18 Р. И. Б. VI, стб. 60) двоевѣрцамъ полагается только 6-недѣльная епитимія. Между тѣмъ древняя церковь наказывала за добровольное идолослуженіе публичнымъ покаяніемъ въ 6-лѣтній срокъ (Анкир. соб. прав. 4, ср. 6 и 9).

[2]) Лавр. лѣт. [3], 175. Уставъ Ярослава подробнѣе перечисляетъ виды волшебства женщинъ: „аще жена зелеиница, чародѣица, наузница, влъхва, а мужь доличитьс ее казнит, а святителю 6 гривенъ“. *Лѣтоп. Переяславля-Суздал.*, изд. Оболенскаго, 43. Въ другихъ спискахъ устава статья изложена нѣсколько по иному,—предполагаетъ и мужей чародѣевъ: „аще жена будетъ чародѣйница или наузница и(или) вълъхва или зелейница, или мужъ: доличивъ казнить ю а не лишитися (не лишится), митрополиту 6 гривенъ“. Голубинскій, Исторія [2] I, 1, стр. 636 (—списокъ Соловецкій 1493 г.); А. Бычковъ, Опис. сборн. И. Публ. Б-ки, 60 (—списокъ Погод. древлехран.). — Аналогичное свидѣтельство имѣется относительно древней Болгаріи. Древній обличитель суевѣрій говоритъ: „по много земли ходихъ, только песамь видѣль помного бродници и самовили и магесници, колку у болгарска земля“, т. е. нигдѣ столько вѣдьмъ и ворожей не видалъ, какъ въ Болгарской землѣ. Буслаевъ, Очерки, I, 118.

[3]) Изъ ркп. Новг. Соф. б-ки. № 1466. Жмакинъ, Митроп. Даніилъ, прилож., 79.

духовныхъ, предлагая имъ такого рода вопросы, въ которыхъ довольно всесторонне описывались разныя волшебныя хитрости женщинъ [1]). Въ старой Москвѣ жило много волшебницъ, особенно въ Замоскворѣчьи. Въ Европѣ какъ и у насъ въ волшебствѣ, въ сношеніяхъ съ діаволомъ гораздо чаще подозрѣвались и обвинялись женщины [2]). Отмѣчено, что и въ народныхъ преданіяхъ вѣдьмы пользуются „болѣе видною и болѣе значительною ролью, чѣмъ колдуны и знахари“ [3]). Этотъ несомнѣнный фактъ преимущественной склонности женщины къ чародѣйству Яковъ Гриммъ объяснялъ ряломъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій. „Женщины, а не мужчины занимались собираніемъ медицинскихъ травъ и варкой ихъ, какъ вообще онѣ варили пищу. Ихъ тонкія, мягкія руки лучше годились на то, чтобы готовить мази, ткать бинты, перевязывать раны.

---

[1]) „Есть ли за тобою которые промыслы злые, скажи—не срамися и прощайся, или вѣщество, рекше вѣданіе нѣкоторое, ил чары, ил наузы?“ „Или сама умѣеши какое волхвованіе и чарованіе?“ „Или умѣеши волшебныя притворы?“ „Или потворила кого на лихо?“ „Чары на кого или на подругу вязывала будешь?“ „Или человѣка зеліемъ отравила ли еси?“ „Или испортила ли еси кого зеліемъ?“ Алмазовъ, Тайная исповѣдь, III, 166, 164, 165, 168, 291. Вопросы женамъ. Такіе же вопросы предлагались инокинямъ, даже схимницамъ: „не знаеши ли какого ведовства?“ „Не отравила ли еси человѣка какимъ зелием?“ Тамъ же, стр. 179, 180. „Ци даяла еси си зель мужу своему или иному?“ Чиновн. Новг. XIV в. Срезневскій, Матеріалы для словаря I, 970. [Ср. уставъ Ярослава: „а Г (вина развода) подумаетъ жена на мужа своего зѣліемъ уморит или инымъ чимъ, разлучити ихъ“. Лѣтоп. Переясл.-Суздал., 43. Ср. Голубинскій, Исторія [2] I, 1 стр. 638; Макарій, Исторія II [3], 362. Статья эта имѣетъ основаніе въ византійскомъ законодательствѣ (Кормчей гл. 49, гр. 11, 6; ср. Матѳея Властаря Синтагма въ перев. свящ. Ильинскаго, 284)]. Не совсѣмъ понятный вопросъ: „и въ зеліяхъ мужей у вѣдуновъ зелей искала еси?“ „Или кого зелем потворила еси къ себе на блудъ?“ „Или зелія злыя знаеши или на зло учила?“ „Или кудесъ била или ворожила?“ „Или зло каково христіяномъ сотворила, ли животину какову портила еси?“ „Испортила ли еси ниву нѣчью, или ино что: человѣка, скотину, или ино что, уморила ли еси?“ Алмазовъ, Тайная испов. III, 166, 164, 67, 169, 167. Подобные вопросы предлагались на исповѣди въ древней Руси и мужамъ и отрокамъ и даже лицамъ духовнымъ, но гораздо рѣже. Тамъ же, 50, 152, 161, 184 и 291.

[2]) Н. Сперанскій, Вѣдовство и вѣдьмы, М. 1906 г., 15 стр. Для сравненія: Аѳанасій Никитинъ въ своемъ „Хожденіи за три моря“ сдѣлалъ такое наблюденіе относительно женщинъ въ чужихъ краяхъ: „а женки всѣ б.... да вѣдь, да тать, да ложь, да зельи, государя морять“. П. С. Р. Л. VI, 334.

[3]) Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, III, 469. Проф. Сумцовъ свидѣтельствуетъ: „Въ Малороссіи знахарь уступаетъ пальму первенства знахаркамъ; и бабъ—ворожей гораздо болѣе, чѣмъ знахарей, и къ первымъ чаще обращаются“. Культурныя переживанія, Кіевъ, 1890, § 108, стр. 240. П. Ефименко (Судъ надъ вѣдьмами, Кіев. Стар. 1883, VII, 378) свидѣтельствуетъ: „самыми усердными послѣдователями чорта являются женщины; мужчины рѣдко бываютъ вѣдунами...“

Имъ средніе вѣка приписывали особый даръ чертить и читать буквы. Безпокойная жизнь мужчины была занята войной, охотой, земледѣліемъ и ремесломъ: у женщинъ больше было досуга и нужнаго опыта, чтобы вникать въ пріемы волшебства. У женщинъ сильнѣе и впечатлительнѣе воображеніе: издревле въ нихъ чтился внутренній священный даръ провидѣть будущее. Женщины являлись жрицами и прорицательницами, и сѣверныя преданія сохранили до нашихъ дней иныя славныя имена. Точно такъ же сомнамбулизмъ и въ наше время встрѣчается по большей части среди женщинъ. Можно понять и то, почему волшебное искусство являлось преимущественно удѣломъ старыхъ женщинъ: умерши для любви и для труда, онѣ могли всецѣло погружаться въ тайны чародѣйства“ [1]).

Профессоръ Пѣтуховъ сдѣлалъ наблюденіе, что русскимъ волхвамъ древнѣйшаго времени, „предоставлялась дѣятельность болѣе теоретическая: они проповѣдывали какое-то свое ученіе, разсуждали о своихъ богахъ сравнительно съ богами христіанскими“, тогда какъ „на долю женщинъ-чародѣекъ отводилась дѣятельность въ кругу практическихъ жизненныхъ несчастій, начиная съ зелій и наговорныхъ напитковъ любовнаго свойства и кончая порчей погоды“. А такъ какъ народу ближе сфера практическаго чародѣйства, то весьма понятно, что женщина оказалась въ народномъ представленіи болѣе способной и близкой къ этой заповѣдной и отверженной съ христіанской точки зрѣнія дѣятельности [2]). Однако это наблюденіе можно признать вѣрнымъ лишь относительно волшебства XI в., когда язычество боролось съ торжествующимъ христіанствомъ и выслало своихъ апологетовъ и истолкователей—волхвовъ. Вѣрно то, что волшебницы XI стол. не выступали въ роли открытыхъ защитницъ язычества (по крайней мѣрѣ не имѣется такихъ данныхъ), но, нѣтъ сомнѣнія, онѣ защищали язычество тайно—подъ видомъ бабъ-идоломолицъ или бабъ богомерзкихъ (основанія для такого сближенія будутъ указаны ниже). Съ другой стороны есть прямыя указанія на практическое волшебство волхвовъ уже въ то время. Всматриваясь въ профессію волхвовъ и волшебницъ за послѣдующіе вѣка нашей древней исторіи, мы не видимъ между ними различія, напротивъ наблюдаемъ совпаденіе почти полное. Термины, которыми обычно обозначается въ древнихъ русскихъ памятникахъ профессія волхва, имѣютъ, за немногими исключеніями, и производную женскую форму: волхвъ — *волховь* или *волхва*, вѣдунъ — *вѣдьма*, вѣщій — *вѣщица* или *вѣщая жонка*, зелейникъ—*зелейница*, кудесникъ—*баба кудесница*, наузникъ — *баба наузница*, чародѣй—*чародѣйца* или *ча-*

[1]) См. Н. Сперанскій, Вѣдьмы и вѣдовство, стр. 153.
[2]) Проф. Е. Пѣтуховъ, Серапіонъ еп. Владимирскій, стр. 92.

ровница [1]). Нѣтъ никакой возможности провести черту между сферой женскаго и мужского волшебства. Совершенно естественно, напримѣръ, что лѣченіемъ дѣтей завѣдывали преимущественно волшебницы, что и увидимъ ниже, однако имѣются указанія на участіе и волхвовъ въ этомъ дѣлѣ [2]). Во время поединка на полѣ, по свидѣтельству Стоглава, присутствовали волхвы и чародѣйники, а между тѣмъ Максимъ Грекъ передаетъ, что и ворожеи являлись „пособити своему полевщику“ [3]). Сферы волшебства мужскаго и женскаго такимъ образомъ почти совпадали.

Замѣчаніе лѣтописца XI стол., что волшебствомъ занимались преимущественно женщины, для насъ важно. Въ то время волшебство было чистымъ, еще не забытымъ язычествомъ, и въ русскихъ волшебницахъ XI в. мы должны видѣть тѣхъ же „бабъ-идоломолицъ“ или „бабъ богомерзкихъ“. Дѣйствительно, въ нашихъ древнихъ памятникахъ ворожба становится рядомъ съ идоломоленіемъ, также называется богомерзкимъ дѣломъ, а ворожеи „бабами богомерзкими“ или „мерзкими“. „Или ворожила еси з бабами богомерзкая, или молилася еси идол., опитемии 8 недѣли, а поклоновъ 150 на день“ [4]). „Горе ходившимъ къ мерьскимъ (въ ркп. мирьскимъ) бабамъ и ворожившимъ“ [5]).

---

[1]) Не имѣется, кажется, женской формы отъ *обавникъ*. Въ посланіи игум. Памфила о купальскихъ обрядахъ говорится: „исходятъ *обавницы мужіе* и *жены чаровницы*“. Проф. Малининъ, Старецъ Елеаз. мон. Филоѳей. Кіевъ 1901, прилож. стр. 2—3. (Ср. Д. А. И. I, № 22; П. С. Р. Л. IV, 279; Чт. О. И. и Др. 1846, № 4). Впрочемъ Срезневскій (Матеріалы для слов., II, 497) читаетъ текстъ такъ: „исходятъ обавници, мужи и жены чаровницы“... Тогда терминъ „обавници“ относится и къ тѣмъ и къ другимъ.—Не встрѣчается женской формы отъ *кобьникъ*. Но въ польскомъ языкѣ есть cobieta (первоначально — гадательница, послѣ—женщина дурного поведенія). См. П. Лавровскаго, Опис. семи рукопис. И. Публ. Б-ки, по отд. отт., стр. 85—90.—Значеніе приведенныхъ въ текстѣ терминовъ, обозначающихъ волшебницу, см. у Срезневскаго, Матеріалы для словаря, а также у Неволина, Полное собраніе сочиненій, VI, 278—279 стр.

[2]) Волхвы совѣтуютъ матери новорожденнаго кн. Всеслава навязать наузъ на голову ребенка, на которой была язва, что̀ и было исполнено. *Лавр. л.* 3 151 (Рекоша бо волсви... *вар.* однако *волхвы*, которое можно производить отъ женскаго рода „волхва“). Въ чудесахъ преп. Зосимы Соловецкаго есть указаніе на лѣченіе дѣтей волшебниками (по ркп. Волок. б-ки № 659, 304 л.); то же въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума (Матеріалы для ист. раскола, изд. Субботинымъ, V, 45).

[3]) Стоглавъ, изд. Субботина 181—182. Ср. Дополн. къ Судебн. А. И. I, № 154, стр. 252; Сочиненія Максима Грека, II. 202.—Однако на свадьбѣ въ Великороссіи присутствовалъ колдунъ, а не колдунья.

[4]) Алмазовъ, Тайная исповѣдь, III, 162.

[5]) Златоструй XIV стол. см. Срезневскаго, Матеріалы для слов. I, 37. Ср. „Носящія обаянія на шеяхъ своихъ, идолослуженію часть имуще... да отлучаются отъ церкви (Дубен. Сборн. XVI в. Срезневскій, Матеріалы для сло-

Исповѣдной вопросъ рабамъ: „Или въ своей мысли не хотѣлъ ли еси съ нею (госпожею) быти чародѣйствомъ или мерскихъ бабъ совѣтомъ? [1]) Въ одномъ сборникѣ, довольно позднемъ (XVIII стол)., перечисляются разныя гаданья бабъ богомерзкихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отправлявшіеся ими языческіе обряды, связанные съ гаданьями. „Волсви и еретицы и богомерскии бабы-кудесници и иная множайшая волшебствуютъ и березки подвязываютъ и вѣтвіе сплетаютъ, живъ будетъ человѣкъ того лѣта, и богатки и смолянки и вербу въ стѣну вторгнетъ, да не умретъ того лѣта, и съ робятъ первыя волосы стригутъ, а бабы каши варятъ на собраніе рожаницамъ“ [2]). Каши—жертвы рожаницамъ. Эта обрядность вмѣстѣ съ гаданьями о грядущей судьбѣ ребенка называлась „рождьственное волшвеніе“ [3]).

Услугами волшебницъ въ древнѣйшее время охотнѣе пользовались женщины. Это новый разъ указываетъ на религіозную отсталость женщины въ древней Руси. Впрочемъ здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе и въ объясненіе и то, что въ древности съ областью вѣдовства тѣсно соприкасалась область народной медицины: ворожеи были въ то же время повитухами и лѣкарками, и частое обращеніе къ нимъ лицъ слабаго пола вполнѣ понятно [4]). Въ Вопрошаніи Иліи есть статья, которая передаетъ, что женщины обычно носили больныхъ дѣтей своихъ къ волшебницамъ, а не къ священнику на молитву [5]). Древнее поученіе съ именемъ св.

варя II, 343—344). „Немощь волшьбою лѣчатъ, и наузы, чарами, бѣсомъ требища приносять...“ Слово св. отецъ, како жити христіанамъ. Архангельскій, Творенія отц. церкви, IV, 29.

[1]) Алмазовъ, Тайн. исп. III, 172.

[2]) Востоковъ, Опис. ркп. Рум. муз., 551—552.

[3]) Архивъ историко-юрид. свѣдѣн. Калачева, II, 1, стр. 104.

[4]) Въ областномъ словарѣ „повитуха—помощница при родахъ пазывается *бабка*, глаголъ же „бабкать“ обозначаетъ—нашептывать, ворожить“. Буслаевъ, Очерки, I, 117; Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. слав. на прир., III, 433—434. Древнерусская женщина каялась: „И ходихъ къ ворожеямъ и къ себѣ приводихъ и приношенія отъ нихъ пріимахъ,—яденія и питія и наузы на себѣ носихъ“. Алмазовъ, Тайная испов., III, 204. Ср. исповѣдной вопросъ: „или позвала къ себѣ вроженицъ?“ Тамъ же, стр. 165.

[5]) „А еже дѣтии дѣля жены творять что любо, а еже возболять, или къ вълхвамъ [дательн. множ. отъ *вълхва*, см. Срезневскій, Матер. для слов. сл. „вълхва“ I, 318] несутъ, а не къ попови на молитву? — То 6 недѣль или 3, оже будуть молоди“. Рус. Ист. Б. VI² 60 стб. § 18. Въ Изборн. Святосл. 1073 г. (л. 130) читаемъ: „Егда бо ти дѣтищь болить, то ты чародѣиць пштеши и облишьная (лживыя) писанія на выя дѣтьмъ налагаеши“. Самъ архіеп. Илія въ своемъ поученіи собору епархіальнаго духовенства 1166 г. говоритъ: „пакы же възбраняйте женамъ, оть не ходять къ волхвомъ: въ томъ бо много зла бываеть; въ томъ бо и душегубьства бывають разнолична, и иного зла много, егоже не дай Богъ ни единому крестьянину того створити“ (Р. И. Б. VI², втор. сч. 364 стб., § 17). Если рукопись, сравнительно поздняя—XV в., точно передаетъ перво-

Кирилла очень наглядно изображаетъ лѣченіе больного ребенка бабой-наузницей. Напомнивъ строгое запрещеніе волшебства по закону Моисея, проповѣдникъ продолжаетъ: „А мы, суще истинныя христіяне, прельщены есмы скверными бабами; то мнози глаголють діаволомъ научени, то сіи бабы чи не Бога призывають, а оны прокляты и скверны и злокозньны наузы много вѣрныя прельщають. Начнеть на дѣти наузы класти, смѣривати, плююще на землю, рекше, бѣса проклинаеть, а она его болѣ призываеть — творится дѣти врачующе, а отца и матерь въ пропасть адову ведуще и душа ихъ въ муку вѣчную шлюще. О, горе тѣмъ, иже тако творять"... Кромѣ наузовъ древнерусскія волшебницы лѣчили больныхъ дѣтей наговоренными зельями, мазями и проч. [1]). Изъ дальнѣйшихъ словъ того же поученія Кирилла видно, что къ чародѣйкамъ въ случаѣ болѣзней обращались и взрослые обоего пола [2]). То, что отмѣчено въ поученіи глубокой древности,

---

начальный текстъ (волхвомъ, а не волхвамъ), то поученіе Иліи даетъ новую черту предъ его Вопрошаніемъ—о сношеніяхъ женщинъ того времени съ волхвами—мущинами. Въ посланіи свящ. Сильвестра къ Анѳиму говорится: а жена твоя „и волхвовъ и кудесниковъ и всякаго чарованія не знала бы, не пушали ни мужиковъ ни жонокъ". Домострой, изд. А. С. Орлова, 64—65. Ср. извѣстіе лѣтописи о князѣ Всеславѣ, матери котораго волхвы посовѣтовали навязать наузъ на голову княжича. Къ волхвамъ слѣдовательно обращалась княгиня.

[1]) Встрѣчаемъ слѣдующія правила. „Напаяюща дѣти своя отъ тѣхъ реченыхъ (зелій), аще не просвѣщена суть, нѣсть грѣха; аще ли просвѣщена суть, (епитеміи) лѣто едино, поклонъ 40". Кормч. 1493 г. Солов. Б-ки (нынѣ Каз. Дух. Акад.) № 412 (858), л. 452 и обор. „*Святаго Григорья*. „Не требѣ еже навязати на выю дѣтищу бѣсовскихъ врачевани. лжоимянныхъ хранилища. не приимати еж от бабо помазанья. и вдымания (вдыханія) и никоег шептанья. бываема нѣс с нимиже мѣспѣьс бѣс. в призы. ванье. и образомъ нѣким. покланяютьс. дан ж свое дѣтище истинному Богу". Сборн. XV—XVI в. Моск. Синод. Б-ки № 316 (951). Опис. Синод. Б-ки, II, 3, 572.

[2]) „А мы ныня хотя мало поболимъ или жена или дѣтя, то оставльше Бога, врача душамъ и тѣломъ, ищемъ проклятыхъ бабъ-чародѣицъ, паузовъ и словъ прелестныхъ слушаемъ; глаголють намъ навязываючи наузы такую діаволю прелесть, абы чадо бѣса бѣсомъ изгонити. О, горе намъ, прельщеннымъ бѣсомъ и скверными бабами! Аже оставльше Бога помощника и Пречистую Его Матерь, Госпожю Богородицю и Честнаго Креста Господня, идемъ въ дъно адово съ проклятыми бабами". *Слово св. отца Кирила, архіеп. кипринскаго о злыхъ духахъ*. Сборн. XIV стол. Троицк. Лавр. Б-ки № 39 (2021), лл. 232—236, изд. въ Москвитянинѣ 1844, I, 241—245. По болѣе поздней ркп.—Сборникъ XVI в. Публ. Б-ки Q I № 64 (Толст., Отд. III № 70) л. 379—381 об.—издано проф. Е. Пѣтуховымъ въ ст. *Къ вопросу о Кириллахъ авторахъ въ др.-рус. литературѣ* (Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н. т. XLII, № 3, стр. 13—16), но здѣсь пропущенъ весь первый изъ приведенныхъ отрывковъ. Съ этимъ поученіемъ сходно очень распространенное *Слово Іоанна Злат. о лѣчащихся въ болѣзняхъ волхвованіемъ и наузы*, изд. проф. Архангельскимъ, *Творенія отц. церкви въ др.-рус. письменности*, вып. IV, 103—110. Но въ этомъ словѣ говорится о волхвахъ, а не о волшебницахъ.

жило въ продолженіе всей древне-русской исторіи. Курбскій передаетъ о томъ, какъ великій князь Василій, страстно хотѣвшій имѣть дѣтей, послѣ женитьбы на Еленѣ Глинской искалъ чародѣевъ на сѣверѣ; затѣмъ въ назиданіе Курбскій прибавляетъ: „ту ми зрите и прилежно созерцайте, христіанскіе родове, яже дерзаютъ непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ чаровниковъ и бабъ, смыва(те)лей и шептуней и иными различными чары чарующихъ“ [1]). „А иные люди, говорится въ грамотѣ царя Алексѣя Верхотурскому воеводѣ, тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ въ домъ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтемъ, и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ правовѣрія православныхъ крестьянъ отлучаютъ“ [2]). 11 правило Трулльскаго собора читалось у насъ въ древности съ любопытными русскими дополненіями: „аще кто въ болѣзни дерзнетъ призвати евреина врача или немчина или отъ иныхъ вѣръ еретическихъ или русскаго ведуна или шепотника или бабъ богомерзкихъ ворожей или кудесницъ (въ ркп. кудеснитъ), такоже и лопарей и самоядь і шептаньемъ (? въ ркп. ш^{т}н.) его врачуется, или и со іюдеи въ бани мыется, аще убо священъникъ есть, да извержется, людинъ же да отлучится“ [3]).

Большое значеніе имѣли чародѣйки въ сферѣ любви и половыхъ отношеній, и обращеніе къ нимъ русскихъ женщинъ по этимъ дѣламъ было обычнымъ. Отъ половины XII в. есть указаніе на волшебные привороты,—„а се есть у женъ: аже не възлюбятъ ихъ мужи, то омываютъ тѣло свое водою и ту воду даютъ мужемъ“ [4]). Исповѣдные вопросы перечисляютъ молоко, медъ, любовное кореніе, узлы, „молоко свое“ потъ и проч., какъ средства, которыми женщины поили мужей своихъ, чтобы приворожить ихъ [5]). А древнее русское поученіе „о злыхъ женахъ“ описываетъ эти средства съ еще большей обстоятельностію, отмѣчая, что они даются женщинамъ „бабами“ или волхвами [6]).

---

[1]) *Сказанія кн. Курбскаго,* стр. 102.

[2]) А. И. IV, № 35, стр. 124—125 (грам. 1649 г.).

[3]) Ркп. Моск. Синод. Б-ки к. XVIII в., № 35 (403), л. 54 об. Слѣдуетъ обратить вниманіе на выраженіе: „*русскаго* ведуна... или бабъ богомерзкихъ“... Не значитъ ли оно, что русскимъ явленіемъ составитель правила признавалъ и бабъ богомерзкихъ?—Должно быть волшебницы считались спеціалистками по лѣченію головныхъ болей. „Бабы на главоболѣнія призываютъ и ужа призывающе благотворныя бѣсы въ помощ и здравіе имъ“. Кормчая пол. XVII в. рус. письма. Іляріон Свенціцкій, Опис. ркп. Народного Дому. У Львови, 1906, стр. 51. Ср. Отчетъ *Сырку*, стр. CCVI, Изв. И. Ак. Н. т. II, № 5, 1895 май.

[4]) Вопр. Иліи § 14. Р. И. Б. VI^{2}, 60 стб.

[5]) Алмазовъ, Тайн. исп., III, 166, 168, 164; I, 408.

[6]) „Слыши, сынъ мой, про колдунью жену и еретицу. Издѣтска (съ дѣтскихъ лѣтъ) начнетъ у бабъ, у волхвовъ учиться колдовать и колдованного

Вѣроятно бабы же богомерзкія рекомендовали противъ неплодія радикальныя мѣры—вродѣ „дѣтиной пупорѣзины“ „дѣтинаго ложа“, „сѣменной скверны“ [1]). Онѣ же конечно давали женщинамъ зелья затѣмъ, чтобы расказить дитя въ утробѣ...

Къ волшебницамъ русской древности обращались во всевозможныхъ болѣзняхъ люди всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ, и область волшебно-лѣкарственной практики ихъ должна быть признана очень обширной. А вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ велико было вліяніе ихъ на темную массу двоевѣрнаго народа. Вѣра въ волшебство была въ древней Руси всеобщей, какъ всеобщей была она и въ Европѣ до XVIII в. „Русскіе люди прелестны и падки на волхованіе“, по замѣчанію лѣтописца XVI в. [2]). Сами московскіе князья и цари не только вѣрили волшебству, но и охотно пользовались услугами лихихъ бабъ и волховъ. Это извѣстно о Василіи Ивановичѣ, о Грозномъ, Борисѣ Годуновѣ, Василіи Шуйскомъ; о великихъ княгиняхъ—Софіи Палеологъ и

искать, и спрашивать начнетъ, какъ бы ей замужъ выдти и какъ бы ей мужа своего околдовать на первой нощи и въ первой банѣ. И отыщетъ колдуновъ и колдуней и волшебствъ сатанинскихъ, и надъ ѣствою шепты начнетъ творити и подъ ноги подсыпати, и въ подушки и въ постелю вшивати, и сыметъ платье и около головы обноситъ (и порты рѣжетъ, надъ челомъ втыкаетъ), и всячески надъ мужемъ чаруетъ. А мужъ ничего того не вѣдаетъ. Коренье и отравы и всякія волшебныя статьи надъ мужемъ своимъ чинитъ; сердце мужа высосетъ и тѣло его изсушитъ, и красоты въ лицѣ его не оставитъ, и въ очахъ свѣтлость погубитъ, и разумъ его отъиметъ, и всѣмъ людямъ въ поношеніе его сотворитъ. Все это творя, потомъ мужа своего возненавидитъ, а другихъ возлюбитъ и смертное зеліе сыщетъ, и найдя удобное время, смертнымъ ядомъ его поитъ или смертнымъ кусомъ окормитъ, какъ несозрѣлый класъ пожнетъ прежде времени. Такова есть колдунья жена и еретица“. Забѣлинъ, Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, ч. I. Москва 1872, стр 167. Ср. Кушелева-Безбородко, Памятники стар. рус. литератур. II ч., стр. 464.—Слѣдуетъ сопоставить съ этимъ былины и сказки о женѣ—волшебницѣ, превращающей мужа въ животныхъ и птицъ. (Проф. Сумцовъ, Былины и Добрынѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ—волшебницѣ, *Этногр. Обозр.* XIII—XIV, стр. 143—169). Усматриваютъ въ нихъ заимствованія изъ классическихъ миѳовъ. Однако сопоставленіе это, намъ кажется, не умаляетъ историческаго значенія приведеннаго отрывка „про жену еретицу и колдунью“. Въ посланіи иг. Памфила говорится: собираютъ „кореніе на потвореніе мужемъ своимъ“.

[1]) Алмазовъ, Тайн. исп. II, 159, 164, 165, 167. Въ Вопрошаніи Кирика у Герберштейна читается такой вопросъ: „Можетъ ли женщина, для того чтобы зачать, прибѣгать къ совѣту старухъ? Отв.: Женщины, прибѣгающія для того, чтобы зачать, къ совѣту и зельямъ старухъ, а не обращающіяся скорѣе къ священникамъ, чтобы тѣ помогли имъ своими молитвами, должны каяться 6 недѣль и заплатить священнику 3 гривны“. Записки Герберштейна, перев. проф. Малеина, Спб. 1908, стр. 56; ср. Р. И. Б. VI² вт. сч. стб. Въ извѣстныхъ намъ спискахъ Вопрошанія Кирика такого вопросо-отвѣта не встрѣчалось.

[2]) П. С. Р. Л. IV, 318.

Соломоніи Сабуровой. Фактъ извѣстный, что даже духовенство наше слѣпо вѣрило волшебству, пользовалось услугами волхвовъ и „бабъ богомерзкихъ“, а нѣкоторые изъ священниковъ и монаховъ даже перенимали ихъ волшебныя хитрости. Древне-русскій священникъ каялся: „согрѣшихъ волхованіемъ, и въ чаровании, и наузы всякия вяжа, и къ волхвомъ ходихъ и ко обавникомъ (въ ркп. — обадникомъ), и къ бабамъ ворожбы дѣля, и порчи дѣля и болѣзни для, и прожитка для, гдѣ бы сыту быти“ [1]).

„Вѣщія жонки“ въ древней Руси отличались великимъ могуществомъ, особенно въ сферѣ злой дѣятельности: онѣ управляли погодой, насылали неурожай и голодъ, и одно изъ словъ Серапіона, епископа Владимирскаго (во второй полов. XIII в.), передаетъ, какъ на Руси народъ жегъ волховей—виновницъ голода послѣ предварительнаго испытанія ихъ водою [2]). Насылали моръ. Въ 1632 г., во время войны съ Польшей, псковскіе воеводы донесли царю, что въ литовскихъ городахъ „баба вѣдунья наговариваетъ на хмель, который изъ Литвы возятъ въ наши города, чтобъ тѣмъ хмелемъ въ нашихъ городѣхъ на люди навесть моровое повѣтріе“. И царь подъ страхомъ смертной казни запретилъ покупать хмель у литовскихъ людей [3]).

---

[1]) Данныя о священникахъ-чародѣяхъ см. у Аѳанасьева, Поэт. воззр., III, 625—626; Алмазова, Тайная исповѣдь, III, 239 ср. 182 и 183; Р. И. Б. VI, 104. Объ отношеніи монашества къ чародѣйству, см. Алмазова, III, 176—180. Ср. выше стр. 226, 1 пр. О монахѣ волшебникѣ есть разсказъ въ одномъ изъ чудесъ прп. Никиты Столпника Переяславскаго. Буслаевъ, Истор. очерки рус. нар. слов. II, 51.

[2]) Текстъ поученія и обстоятельный комментарій къ нему въ кн. Пѣтухова, Серапіонъ еп. Владимирскій. Проф. Сумцовъ, Культ. переживанія, § 4, 20—21 стр., склоненъ думать, что это (четвертое) поученіе епископа Серапіона явилось плодомъ наблюденій надъ южно-русской жизнью. Аѳанасьевъ, (Поэтич. воззр. III, 507—510) и Потебня (Миѳич. Значеніе нѣкоторыхъ обрядовъ, Чт. О. И. и Др. 1865, 4, стр. 292—293) въ параллель съ этимъ происшествіемъ ставятъ случаи истребленія женщинъ въ Суздали и Ростовской землѣ волхвами XI стол.

[3]) А. А. Э. III, 283.—Въ нашу задачу не входитъ полностью описывать волшебство древне-русскихъ женщинъ на всемъ пространствѣ семивѣковой исторіи: это значило бы поднимать всю сложную исторію нашего древняго волшебства. Мы беремъ лишь древнѣйшую пору и хотѣли бы установить связь между хранителями языческихъ преданій и служителями волшебства въ лицѣ „бабъ богомерзкихъ“, затѣмъ отмѣтить разные виды волшебства въ связи съ изучаемымъ терминомъ.—По исторіи волшебства въ древней Руси существуетъ значительная литература. Рудневъ, Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ рус. церкви, стр. 4—28. Аѳанасьевъ, Вѣдунъ и вѣдьма. Альманахъ „Комета“, 87—164 стр. Его же, Поэтическія воззр. слав. на природу, III т., гл. 26 и 27. Потебня, О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій (Чт. Общ. Ист. и Др. 1865, 4, стр. 287—310). Забѣлинъ, Сыскныя дѣла о ворожеяхъ и колдуньяхъ. Альманахъ „Комета“, 471—492. Его же, Домашній бытъ царицъ

V.

Для интересовъ христіанства и церкви эти бабы богомерзкія — хранительницы языческихъ преданій и волшебной мудрости были крайне вредны: отступницы христіанства, онѣ увлекали къ отступничеству нетвердыхъ вѣрою христіанъ русскихъ. Ихъ работа въ этомъ направленіи успѣшно дополняла противохристіанскую дѣятельность волхвовъ. Волхвы дѣйствовали открыто: являлись въ города, всенародно пророчествовали, предсказывая общественныя бѣдствія, увлекали за собою толпу, возмущая ее противъ пастырей церкви. Такъ выступали волхвы въ эпоху утвержденія христіанства въ томъ или иномъ краѣ—въ XI в. въ Кіевѣ, Новгородѣ и Ростовской землѣ, въ XIV стол. при св. Стефанѣ въ Перми. Открытый характеръ ихъ выступленій облегчалъ борьбу съ ними: князья и воеводы истребляли волхвовъ оружіемъ, лучшіе миссіонеры одолѣвали ихъ моральной силой—силой вѣры во всемогущество христіанскаго Бога.

Совершенно по другому дѣйствовали „бабы богомерзкія“. Тайно хранили онѣ преданья языческой старины глубокой: совершали моленія полузабытымъ божествамъ, знали обрядность, помнили молитвы, разсказывали миѳы („баяли басни“, „бабьи басни“). Двоевѣрныя женщины даже знатныя, призывали ихъ къ себѣ и молились съ ними тайно. Такъ древне-русская женщина долго противилась христіанству. Оно давно сдѣлалось господствующей, государственной вѣрой, но въ домѣ—близъ очага, въ семьѣ жило долго и старое язычество, за которое стояли женщины; а вмѣстѣ съ нимъ держалась и вся обрядность, весь обиходъ до христіанской семейной и домашней жизни. Вмѣстѣ съ

3, стр. 419—447. Костомаровъ. Очеркъ дом. жизни и нравовъ в.-рус. народа въ XVI—XVII стол., Собр. соч., т. 8, стр. 146—175. Антоновичъ, Колдовство. Документы—процессы, изслѣдованіе С.-Пб. 1877 г. Есиповъ, Колдовство въ XVII и XVIII стол. (Древ. и новая Россія, 1878, т. III). Проф. Е. Пѣтуховъ, Серапіонъ Владимирскій, рус. проповѣдникъ XIII в. стр. 56—167, прил. 11—13 стр. Проф. Сумцовъ, Культурныя переживанія, разные §§. П. С. Ефименко, Судъ надъ вѣдьмами (Кіев. Стар. 1883, т. VII, 374—401). А. Селецкій, Колдовство въ юго-зап. Россіи (Кіев. Стар. 1886 г., т. XV, стр. 193—236). Н. Тупиковъ, Ворожея XVII вѣка. (Живая Старина, III (1893 г.), вып. I, стр. 135—136). Н. Рудинскій, Знахарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи (Живая Старина, ч. VI (1896), вып. II стр. 169—201). Труворовъ, Волхвы и ворожеи на Руси въ XVII вѣкѣ (Истор. Вѣстн. 1889, № 6, 701—715. Мордовцевъ, Русскіе чародѣи и чародѣйки конца прошлаго (т.-е. XVIII вѣка. (Заря, 1871, янв. 148—179; Собр. сочиненій Мордовцева, С.-Пб., изд. Мертца т. XX, стр. 2—28). М. Д. Довнаръ-Запольскій, Чародѣйство въ сѣверо-западномъ краѣ въ XVII—XVIII в. (Изслѣдованія и статьи, т. I, Кіевъ 1909 г. стр. 214—231).

религіозными преданіями эти бабы хранили волшебные секреты и опыты врачебнаго вѣдѣнія, а потому были необходимы древне-русскому человѣку, въ особенности женщинамъ и дѣтямъ. Въ своей чародѣйной власти, могущественной и страшной, волшебница держала человѣка отъ колыбели до могилы. Здоровье, счастье, долголѣтіе—все зависѣло отъ ворожеи, все ей было вѣдомо. Силѣ ихъ вредныхъ потворъ приписывали не только личныя несчастія — неудачи, болѣзни, смерть, но и общественныя бѣдствія. Трудно опредѣлить, долго ли служили „бабы богомерзкія“ русскому двоевѣрію, но суевѣрію онѣ служатъ и донынѣ... Борьба съ ними для церкви и гражданскаго правительства была трудна, потому что эти враги христіанства были почти неуловимы, а власть ихъ держалась темнотою народа [1]).

Къ сожалѣнію, въ наукѣ нѣтъ данныхъ относительно тѣхъ средствъ, какія употребляла церковь противъ „бабъ-идоломолицъ“ чистыхъ язычницъ, кромѣ того, что она отлучала ихъ, а на молившихся вмѣстѣ съ ними „богомъ кумирскимъ“ налагала епитиміи (см. гл. III). Но мы знаемъ, какъ боролись церковь, государство и народъ съ „бабами богомерзкими“ — волшебницами. Въ древней Руси не велось систематической борьбы съ волшебницами — не было, напримѣръ, процессовъ противъ вѣдьмъ въ смыслѣ организованнаго преслѣдованія, какіе процвѣтали въ Европѣ съ XIII в. по XVIII. Но разныя мѣры противъ нихъ принимались съ XI в. Судъ по дѣламъ волшебства, какъ и другимъ религіознымъ преступленіямъ, принадлежалъ тогда церкви. Митр. Іоаннъ II предписывалъ творящихъ волхвованія какъ мужей такъ и женъ наставлять и увѣщевать, чтобы обратить ихъ отъ зла; если же не обратятся, строго казнить ихъ, но не до смерти и не членовредительствомъ, какъ предписывало свѣтское византійское законодательство [2]). Судя по этому, наша древняя церковь въ правѣ суда надъ волшебниками обоего пола видѣла подспорье къ своей миссіонерской дѣятельности и обращалась къ нимъ прежде всего съ словомъ увѣщанія.

Если чародѣйка раскаивалась, она подвергалась многолѣтней епитиміи. „Жена, обаваюція туждихъ своихъ, да покаетьс(я) лѣт 9, поклонъ 500“. „Вѣщица аще покается, лѣтъ 9, поклонъ 500“ [3]). „Ать

[1]) Сказанное сейчасъ о „бабахъ богомерзкихъ“, разумѣется, относится и къ тѣмъ древнимъ волхвамъ, которые не выступали открыто противъ христіанства; но волхвы, какъ выше говорилось, были сравнительно малочисленны.

[2]) Р. И. Б. VI², стб. 4, § 7; ср. втор. сч. 331—332 стб. Наказанія за волшебство разнаго вида, предписываемыя древними церковными канонами и византійскимъ законодательствомъ, см. въ *Синтагмѣ Матѳея Властаря*, пер. свящ. Ильинскаго, Симферъ. 1892, стр. 279—285.

[3]) Покаян. номоканонъ Солов. Б-ки XVI в. № 685, л. 117. Послѣднее правило есть въ Дубенскомъ сборникѣ. Срезневскій, Матеріалы для слов. I, 503 „вѣщица“. Правила эти повидимому южно-славянскаго происхожденія.

вѣдьма погубить человѣка зельемъ, что опитемья?—А тое опитемьи 15 лѣтъ“ [1]). Въ сборникѣ XVIII стол. за разные виды волшебства предписывается 20-лѣтняя епитимія какъ мущинамъ, такъ и женщинамъ [2]). Одно древнее правило опредѣляетъ пожизненную епитимію „отравницѣ“: „жена отравница и до скончанія живота своего покаятис(я), поклонъ тьму“ [3]). Конечно, епитимія долголѣтняя, а тѣмъ болѣе пожизненная предполагаетъ, что смертной казни церковь не предавала волшебницъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя раскаялись.

Мѣропріятія, которыя практиковала церковная власть противъ упорныхъ, не раскаявшихся волшебницъ, не были опредѣленны и однообразны. Митрополитъ Іоаннъ II постановляетъ „яро казнить“ ихъ. Митрополитъ Фотій пишетъ въ своемъ посланіи (1410 г.) въ Новгородъ: „Тако жь учите ихъ (дѣтей духовныхъ), чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примолвленіа, ни зелья, ни вороженья, и елика такова, занеже съ того гнѣвъ Божій приходить; и гдѣ таковые лихые бабы находятся, учите ихъ, чтобы престали и каяли бы ся; а не имуть слушати, не благословляйте ихъ и крестьяномъ заказывайте, чтобы ихъ не дръжали межю собя нигдѣ, гонили бы ихъ отъ собя, а сами бы отъ нихъ бѣгали аки отъ нечистоты. А кто не иметъ васъ слушати, и вы тѣхъ такоже отъ церкви отлучайте“ [4]). Подобныя мѣры принимались противъ волшебницъ и въ юго-западной

---

[1]) Пок. Ном. Солов. Б-ки № 685, л. 117.

[2]) Р. И. Б. VI, 862 стб. Въ такъ наз. Уставѣ Георгія за волшебство положена всего 3-лѣтняя епитимія (Голубинскій, Исторія. I, 2 [2], стр. 548 § 147).

[3]) Сборн. Ундольскаго № 668, см. Алмазовъ. III, 291. Любопытно, что въ этомъ сборникѣ вмѣстѣ съ 20-лѣтнею епитиміею и сотнями поклоновъ, отмѣчены градскія казни: „о женахъ“—„смертная казнь“; а противъ грѣховъ мущинъ: „или голову отсѣкутъ, или повѣсятъ или въ землю окопаютъ, или звѣремъ на растерзаніе“.—Въ древней восточной церкви существовали слѣдующія правила, касающіяся волшебствующихъ. Предающійся волхвамъ, т.-е. самъ становящійся волхвамъ, осуждается какъ убійца 20-лѣтней епитиміей (Василія Вел. пр. 72, ср. 53). или же 6-лѣтней, при чемъ упорные извергаются (VI всел. соб. 61). Волхвующіе по суевѣрію несутъ епитимію въ 6 или въ 5 лѣтъ (Василія Вел. 83, Анкир. 24). Если же обращеніе къ чародѣямъ за помощью демоновъ соединялось съ отреченіемъ отъ вѣры, то виновные отлучались какъ отступники (Григ. Нис. 3 пр.). Ср. также Синтагму Матѳея Властаря, пер. свящ. Ильинскаго, 279—283 стр.

[4]) Р. И. Б. I, стб. 274 (ср. А. Э. I. стр. 462; Карамзинъ, V, 252 прим.). То же самое дословно повторяетъ м. Фотій въ грамотѣ своей во Псковъ 1410—1417 гг. (Р. И. Б. VI, 283 стб.). Наконецъ статья эта съ незначительными варіантами читается въ поученіи, извѣстномъ съ именемъ митр. Петра (Памятн. стар. литерат., изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко, вып. IV, стр. 187. Ср. ркп. Волок. Б-ки № 566, л. 385 сл.). Сужденіе объ этомъ поученіи см. у Е. Е. Голубинскаго, Исторія, II, 1, стр. 118—119. Горскаго, Пр. къ Тв. Св. От. II, 84, прим. проф. Никольскаго, Хр. Чт. 1909, авг.—сент., стр. 1110—

церкви [1]). Церковь отлучала бабъ лихихъ, предлагала христіанамъ гнать ихъ отъ себя или избѣгать ихъ. Изгнаніе соединялось иногда съ побоями и ограбленіемъ [2]). Наконецъ въ борьбѣ съ волшебствомъ церковная власть московскаго періода обращалась повидимому и къ свѣтскому суду. Только трудно сказать, съ какого времени это возникло и было ли явленіемъ общимъ или распространеннымъ. Древне-русское святительское поученіе (не позднѣе XVI в.) предписываетъ священникамъ: „а ворожей бы бабъ, ни мужиковъ колдуновъ не было у васъ никого въ приходѣ; а у кого въ приходѣ есть, и вы мнѣ скажите; а кто не скажетъ, а выму, ино священника отлучю, а бабу или мужика (вар. волхву или волхва) колдуна *выдамъ прикащикамъ и они казнятъ градскымъ закономъ*“ [3]).

Но „градской законъ“—древне-русское уголовное законодательство по дѣламъ о волшебствѣ стояло подъ вліяніемъ обычнаго права и византійскаго законодательства, которыя оба шли вразрѣзъ съ приведеннымъ правиломъ митр. Іоанна II и судебной церковной практикой послѣдующаго времени. Въ концѣ XIII в. на Руси народъ жогъ волховей, предполагаемыхъ виновницъ голода [4]). Въ 1411 г., во время моровой язвы „Псковичи сожгоша 12 жонке вѣщихъ“ [5]). Подобные случаи народнаго самосуда надъ вѣдьмами извѣстны даже изъ недавняго времени (отъ 1879 г. [6]). Изъ Византіи перешли къ намъ статьи въ родѣ слѣдующихъ: „срамило человѣческое волхвъ да не живетъ“; „обавникъ и чародѣй умерщвляется: каменіемъ побіете я“ [7]).

1111. Предписаніе, отчасти сходное, содержится въ Домостроѣ: „ни торговки. ни бездѣльные жонки, ни бабы, ни волхвы никакож во дворъ не приходили, понеж отъ тѣх многъ зла чинитца“ (Изд. Забѣлина, 93).

[1]) Въ грамотѣ антіохійскаго патр. Іоакима на основаніе Львовскаго братства (1586 г.) читаемъ: „а еслибы в котором мѣстѣ или в селѣ будеть чаровница или ворожка—сосуды дьявольския, которыхъ досвѣтъчивши оповѣсти братству и епископу, да истребится отъ церкве и тыхъ, которые діаволомъ прельстившися, до чаровницъ и до ворожокъ ходять“. Памятники, изд. комисс. для разб. др. актовъ. Кіевъ 1852, III, 18.

[2]) Въ грамотѣ Троице-Сергіева монастыря (отъ 1555 г.) говорится: „Не велѣли есмя имъ (крестьянамъ) въ волости держати скомороховъ, ни волховей, ни бабъ-ворожей, ни татей, ни разбойниковъ; а учнутъ держати... или бабу ворожею... взяти (съ крестьянъ) пени десять рублевъ денегъ, а скомороха, или волхва, или бабу-ворожею, бивъ да ограбивъ, да выбить изъ волости вонъ“. А. А. Э. I № 244, стр. 267.

[3]) Р. И. Б. VI, 919 стб. Поученіе помѣщено въ Вел. Четь-Минеяхъ Макарія. Ср. Архим. Леонида Опис. ркп. Троиц. Лавры, ч. III, стр. 131.

[4]) См. выше ссылку на поуч. Серапіона еп. Владим.

[5]) П. С. Р. Л. VI 22. Ср. Соловьевъ, Исторія, I кн., 1304 стр.

[6]) Пѣтуховъ, Серап. Владим., 135.

[7]) Избраніе изъ законовъ Моисея. Рус. Достоп. II, 237. Кормчая книга, гл. 45. Дубенскій сборникъ XV, в. Срезневскій, Матеріалы для словаря, II,

Изъ первой половины XIII в. извѣстенъ случай, когда княжескіе слуги заступились за четырехъ волхвовъ, присужденныхъ новгородской толпой къ сожженію, и пытались освободить несчастныхъ [1]). Однако это примѣръ единственный. Въ офиціальныхъ памятникахъ законодательства—какъ кіевскаго, такъ и московскаго періодовъ—нѣтъ точныхъ указаній относительно тѣхъ каръ, какимъ гражданская власть подвергала за преступленія волшебства (вѣроятно потому, что офиціально дѣла эти подлежали церковной юрисдикціи); но многочисленные факты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что нашъ древній судъ вѣка съ XV большею частью руководствовался безчеловѣчнымъ законодательствомъ Византіи. Женщинъ, обвиненныхъ въ волшебствѣ, чаще всего жгли въ срубѣ, рѣже зарывали живыми въ землю. Факты такого рода не разъ приводились въ спеціальной литературѣ [2]).

Иванъ III велѣлъ потопить ночью въ Москвѣ-рѣкѣ лихихъ бабъ, приходившихъ съ зельемъ къ великой княгинѣ Софіи Палеологъ [3]). Котошихинъ разсказываетъ, что въ его время на Руси за волшебство и чернокнижество мущинъ жгли живыхъ, а женщинамъ отсѣкали голову [4]). При розыскахъ несчастныхъ подвергали пыткамъ и настолько жестокимъ, что нерѣдко истязуемыя помирали на нихъ. И это продолжалось до половины XVIII стол. [5]). Впрочемъ въ случаяхъ меньшей степени виновности волшебницъ ссылали куда-нибудь въ дальніе города [6]).

Разумѣется, въ большинствѣ случаевъ эти погубленныя „волхови". „вѣдьмы" были несчастными жертвами темноты и суевѣрія народа, или нервно-больными существами, воображавшими, что онѣ дѣйствительно

---

496. Для сравненія: древнее грузинское законодательство, стоявшее подъ вліяніемъ византійскаго, предписывало чародѣямъ смертную казнь или урѣзаніе носа. А. Хахановъ, Гадатели и чародѣи по грузинскимъ законамъ. *Этногр. Обозр.* XIII—XIV, стр. 232—233.

[1]) Никонов. Лѣтоп. 1227 г. П. С. Р. Л. X, 94.

[2]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. III, 507—513, 523—525 и вся 27 гл.; Пѣтуховъ, Серапіонъ Владим. 134. 138—142; Соловьевъ, Исторія, III, 319—320, 756 См. также вышеуказанныя статьи Антоновича, Ефименка, Селецкаго и Есипова. Едва ли не самый ранній случай въ этомъ родѣ извѣстенъ отъ 1444 г.— сожженіе кн. Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ Мамона съ женою. Соловьевъ, Исторія, I 1303,—1304, ср. Аѳанасьева, III. 611, ср. П. С. Р. Л. VI, 230.

[3]) П. С. Р. Л. VI, 279 стр. г. 1498. „И въ то время опалу положилъ князь великій на жену свою на великую княгиню Софію о томъ, что къ ней приходиша бабы съ зеліемъ; обыскавъ тѣхъ бабъ лихихъ, князь великій велѣлъ ихъ казнити—потопити въ Москвѣ рѣкѣ нощію, а съ нею съ тѣхъ поръ нача жити въ бреженіи".

[4]) О Россіи въ царствов. Алексѣя Михайловича [2], 95—96.

[5]) Владимирскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 308—309.

[6]) Забѣлинъ, Бытъ царицъ [3], стр. 423, 432—446.

входятъ въ общеніе съ языческими божествами или бѣсами. Въ юго-западной Руси наблюдается гораздо болѣе случаевъ истребленія волшебницъ, чѣмъ въ Великороссіи, и здѣсь нельзя не видѣть вліянія Европы. Но къ чести древне-русской исторіи и въ юго-западной Руси процессы о вѣдовствѣ не принимали тѣхъ грандіозныхъ размѣровъ, какіе они имѣли тогда въ Европѣ.

VI.

Въ исторіи первохристіанства женщина выставила сотрудницъ апостоловъ въ дѣлѣ миссіи, предстоятельницъ общинъ, наставницъ вѣры, вдохновенныхъ пророчицъ, славныхъ мученицъ, которыя много содѣйствовали торжеству христіанства надъ политеизмомъ. Въ начальной исторіи русскаго христіанства женщина дала „бабъ богомерзскихъ“, которыя долгое время поддерживали въ народѣ сначала чистое язычество, потомъ его пережитки. Откуда такое различіе? *Чѣмъ объяснить религіозную отсталость древне-русской женщины?*

Это лишь одно изъ многихъ отличій начальной исторіи христіанства на Руси сравнительно съ первыми вѣками христіанства въ греко-римскомъ мірѣ. Въ апостольское и послѣ-апостольское время христіанство, утверждаясь и распространяясь, поднималось со дна общественной жизни, шло снизу вверхъ—отъ римскаго раба до дворца цезаря. На Руси оно шло обратнымъ путемъ: отъ правителей-варяговъ въ народную массу. И почва, на которую падало сѣмя евангельской проповѣди тамъ и здѣсь, была совершенно разная. Въ древнемъ мірѣ евангельская проповѣдь попадала въ среду религіозныхъ исканій, потому что язычество разлагалось, и захватывала человѣка силою необычайнаго одушевленія: на ея зовъ откликнулись алчущіе и жаждущіе правды, труждающіеся и обремененные, откликнулись и увѣровали до готовности терпѣть страданія, идти на смерть за Христа. На Руси христіанство утверждалось главнымъ образомъ вслѣдствіе общекультурнаго вліянія со стороны Византіи, какъ одинъ изъ моментовъ этого вліянія: оно приплыло къ намъ на торговой ладьѣ варяга вмѣстѣ съ цареградской паволокой. Разложенія русскаго язычества, чисто религіозныхъ запросовъ, вызывавшихъ перемѣну одной вѣры на другую—своей на чужую, незамѣтно. И христіанство стало у насъ государственной религіей гораздо ранѣе, чѣмъ народной вѣрой; сначала оно было принято правительствомъ и правящими классами, отложившимися изъ варяговъ, подпавшими вслѣдствіе торговыхъ сношеній разностороннему культурному вліянію Византіи, а потомъ уже долго распространялось въ народѣ не безъ насилія со стороны гражданской власти, до нѣкоторой степени казеннымъ порядкомъ, медленно и малоуспѣшно вытѣсняя изъ народнаго быта, нравовъ и понятій офиціально оставленное язычество.

Женщина, по природѣ своей болѣе тонко организованная, нервно болѣе чувствительная, а потому всегда болѣе религіозная, съ другой стороны поставленная и у насъ и въ классическомъ мірѣ въ положеніе подчиненное, отодвинутая на дно общества, и здѣсь, и тамъ явилась выразительницей господствующаго религіознаго настроенія, передовой представительницей того, во что вѣровала, чему молилась народная мысль и совѣсть. Въ этомъ не было никакого различія. Но въ разное отношеніе къ христіанству въ древнемъ мірѣ и у насъ женщина стала потому, что господствующія религіозныя настроенія тамъ и здѣсь были до противоположности несходныя. Такъ какъ древній міръ жаждалъ обновленія, искалъ невѣдомаго Бога, то, лишь только раздалась проповѣдь Евангелія, женщина стала на его сторонѣ, внесла въ среду его исповѣдниковъ энтузіазмъ и одушевленіе и сослужила ему великую службу. При иныхъ условіяхъ христіанство явилось на Руси. Народъ (разумѣемъ главную массу—славянство) жилъ хотя недостаточно развитой, но богатой задатками своей родной религіей, проникавшей весь его бытъ, весь укладъ жизни, почти не поколебленной вѣрой въ свои божества; и древнерусская женщина служила этому настроенію, храня и тая свои родныя святыни долго и послѣ того, какъ официально и открыто исповѣдывалось христіанство. Въ этомъ исходная причина описываемаго явленія.

Но сверхъ того существовалъ цѣлый рядъ условій, содѣйствовавшихъ религіозной отсталости русской женщины—ея особенной привязанности къ язычеству и суевѣріямъ: не одинаковое отношеніе къ женщинѣ славянскаго язычества и византійскаго христіанства, также бытовое положеніе женщины за весь до-петровскій періодъ русской исторіи.

При неразвитости славянскаго политеизма, при зачаточномъ состояніи культа и ритуала, при господствѣ семейнаго или родового культа женщина-служительница дамашняго очага занимала въ области религіи положеніе равноправное съ мущиной. У западныхъ славянъ дѣвы и старухи бывали даже жрицами. Этого не наблюдается у насъ: на кіевскомъ холмѣ общественное богослуженіе Перуну и другимъ старшимъ божествамъ отправляли не женщины, а князь съ боярами и старцами градскими. Другое дѣло жертвы домашнимъ божествамъ, приносимыя членами одного дома: при жертвоприношеніяхъ домовому главная роль принадлежала женщинѣ, старшей въ домѣ. А бывали и такіе обряды, сохранившіеся по мѣстамъ навѣрно и теперь, которые отправлялись однѣми женщинами, непремѣнно безъ участія мущинъ,—таковъ обрядъ опахиванія селеній для прогнанія „коровьей смерти“. Но надо помнить, что русская до-христіанская религія носила преимущественно домашній характеръ и, значитъ, религіозной дѣятельности женщины она открывала широкій просторъ. По языческимъ представленіямъ, домашняя жрица-женщина преимущественно обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ даромъ

гаданій и чарованій, высшаго вѣдѣнія, проникающаго въ тайны природы, начиная отъ великихъ стихій, благодѣтельныхъ и грозныхъ, и кончая цѣлебнымъ или повторнымъ зельемъ, затерявшимся въ глубинѣ темнаго бора. Взглядъ этотъ, какъ мы видѣли, не чуждъ и лѣтописцу, только онъ получилъ у него христіанскую окраску и библейское обоснованіе. Жреческое достоинство женщины и вѣдовство ея—пережитки глубокой доисторической древности, свидѣтельствующіе о давно минувшей равноправности ея съ мужчиной. Но эти религіозныя права оставались при славянской женщинѣ и въ періодъ родового быта, унизившаго ее до положенія рабыни, и даже послѣ разрушенія родового быта. Естественно, права эти, какъ культурный пережитокъ, сохранились древне-русской женщиной и въ періодъ вліянія византинизма—послѣ того громаднаго культурнаго перелома, который произвело христіанство на Руси, и не смотря на то, что византійское христіанство указывало женщинѣ въ религіозной сферѣ совершенно иное мѣсто.

Византія передала намъ аскетическій идеалъ въ морали, а вмѣстѣ съ нимъ отрицательный взглядъ на женщину, какъ на источникъ грѣха: „отъ жены начало грѣху, и тою вси умираемъ“, по выраженію Пчелы. Такой взглядъ унижалъ женщину морально и отчасти создавалъ невыносимое положеніе „многострадальной матери все выносящаго русскаго племени“. Далѣе Византія передала на Русь мысль о „поганствѣ“—нечистотѣ женщины, мысль, которая слышится уже въ половинѣ XII в. въ вопросѣ новгородскаго духовника о женскомъ платѣ, вшитомъ въ одежду священника. Нечистота періодически удаляетъ женщину отъ христіанской святыни, которая въ сферѣ религіознаго міросозерцанія древне-русскаго человѣка стояла на главномъ мѣстѣ, какъ источникъ очищенія и освященія, и ставитъ въ положеніе гораздо болѣе низкое, отдаленное, чѣмъ мужчину, относительно новой вѣры. Трудно допустить, чтобы первыя русскія христіанки—вчерашнія язычницы не почувствовали больно этой разницы въ отношеніи къ нимъ двухъ вѣръ: своей родной, невольно покинутой, и пришлой, неохотно принятой. А почувствовавъ это, однѣ безсознательно, а другія можетъ быть и сознательно предпочитаютъ старую вѣру новой; русская женщина держится за родную вѣру, долго поддерживаетъ ее во всемъ объемѣ, потому что въ ея ритуалѣ она явилась дѣятельнымъ лицемъ, служительницей божества, проводникомъ высшей воли неба на землю. „Поганство“ женщины обнаруживалось при этомъ съ новой стороны, со стороны ея приверженности къ язычеству и вражды къ христіанству. Это обстоятельство въ глазахъ ревностныхъ христіанъ, признавшихъ язычество бѣсовской прелестью, компрометировало женщину еще болѣе: оставался одинъ шагъ до признанія ея служительницей и помощницей врага нашаго спасенія („много бо бѣсу помощи въ женахъ“,—выраженіе Пчелы).

Бытовое положеніе древне-русской женщины содѣйствовало ея религіозной отсталости. Сказалось это уже въ самомъ началѣ христіанства. Женщина являлась не настолько бывалою какъ мужчина. Послѣдній ходилъ воевать, ѣздилъ торговать, встрѣчаясь съ иностранцами или подолгу проживая въ чужихъ краяхъ,—проводилъ время внѣ дома и освобождался отъ власти традицій. Женщина была въ полной власти этихъ традицій, потому что все время оставалась у очага. Христіанство, явившееся къ намъ плодомъ чужеземнаго культурнаго вліянія, на первыхъ порахъ, понятно, стало вѣрою болѣе бывалой и развитой мужской половины, по крайней мѣрѣ среди высшихъ классовъ, о которыхъ есть извѣстія.

Древне-русская женщина была „домодержцемъ“: на ней лежали хозяйственныя заботы и хлопоты, которыя наполняли ея жизнь. Онѣ отвлекали ее отъ храма точно такъ же, какъ и періодическая нечистота. Женщина рѣже мужчины могла посѣщать храмъ, а между тѣмъ церковное богослуженіе и обрядность были въ древней Руси однимъ изъ важныхъ средствъ христіанизаціи за недостаткомъ другихъ. Извѣстно, что древне-русскіе христіане очень неблагочинно вели себя въ церкви: въ особенности надо это сказать о первыхъ вѣкахъ христіанства. Дѣло началось, кажется, съ того, что къ храмамъ, поставленнымъ на мѣстахъ прежнихъ мольбищъ, христіане приходили въ воскресные дни „на кошуны, на игры, на объяденіе и пьянство“. Въ самыхъ храмахъ было немногимъ лучше. „Въ церкви говоръ многъ и смѣхъ и шепты... паче скоморохъ смѣется и бесѣды и шепты творите“,—обличалъ проповѣдникъ древнихъ христіанъ. И въ этихъ безпорядкахъ были повинны особенно женщины. Архіепископъ новгородскій Илія предписываетъ священникамъ рѣшительно бороться съ безпорядкомъ: „а о церковномъ стояньи сварится на люди, отъ мълчать, наипаче же на женѣ: отинудь бо не вѣдамъ ся, почто ходаче“ [1]). Очевидно новгородскія женщины половины XII стол. и сами не знали, по что онѣ ходятъ въ церковь—не привыкли если не осмысленно, то по крайней мѣрѣ почтительно относиться къ святынѣ храма, его чинамъ и обрядамъ.

Наконецъ не осталось безъ вліянія на степень религіозной сознательности древне-русской женщины и ея подчиненное положеніе. Удаленіе изъ общества,—высокій теремъ для женщинъ княжескаго рода и боярскаго класса, для всѣхъ полная зависимость сначала отъ родителей, потомъ отъ мужа,—все это содѣйствовало и умственной и моральной

---

[1]) Полученіе духовника, изд. въ нашемъ очеркѣ *Древне-русскій духовникъ*, Сер. пос. 1899, стр. 101–103. Слово Іоанна Злат., какъ подобаетъ къ церкви ходити съ вѣрой, проф. Архангельскаго, Твор. отцовъ церкви, IV, 65. Поученіе Иліи—Р. И. Б. VI², 370 стб. втор. сч., § 24.

ной приниженности женщины. Умственная скудость препятствовала хотя бы мало-мальски сознательному отношенію ея къ христіанству и въ то же время питала склонность къ суевѣріямъ—къ сильной вѣрѣ въ волшебство, гаданья, примѣты; а нравственная приниженность, безотвѣтность и беззащитность передъ мужемъ толкали женщину широко пользоваться чарами, потворами или отравами, которыя однѣ оказывались въ ея распоряженіи.

Вся религіозность древней Руси насквозь проникнута была настроеніемъ консерватизма. Новые пути религіозной мысли, новыя переживанія чувства—все это запрещено, осуждено напередъ, какъ злая ересь, и невѣдомо. Съ богатымъ религіознымъ наслѣдствомъ, полученнымъ отъ грековъ, мы сдѣлали, по превосходному сравненію Владимира Соловьева, слѣдующее: положили въ пещеру, привалили камень, запечатали печатью и поставили стражу... Это охранительное настроеніе лучше всего выразилось въ расколѣ старообрядства, самомъ оригинальномъ, безспорно подлинно-русскомъ и чисто народномъ религіозномъ движеніи. И расколовѣдами отмѣчено, что въ судьбахъ старообрядчества едва ли не главную жизненную роль играла и играетъ женщина. Такимъ образомъ женщина древней Руси во всѣ вѣка неизмѣнно была проникнута господствовавшимъ настроеніемъ религіознаго консерватизма: сначала она охраняла старую русскую вѣру, когда на смѣну ея пришла новая греческая, а послѣ „старый“ русскій обрядъ, когда на его мѣсто вводили греческія же „новшества“.

С. Смирновъ.

XI.

Что даетъ „Боярская Дума“ В. О. Ключевскаго для государствовѣдѣнія.

Въ настоящее время, едва ли есть какая нибудь надобность доказывать условность существующаго распредѣленія научныхъ дисциплинъ между отдѣльными факультетами, какъ и условность той грани, которая раздѣляетъ циклы относящіеся къ историческому и юридическому образованію. Настаивать на неразрывной связи между этими двумя циклами, значитъ просто ломиться въ открытую дверь. И въ этомъ смыслѣ конечно ясно, насколько „Боярская Дума“ есть книга неизбѣжная въ научномъ багажѣ всякаго, изучающаго исторію русскаго государственнаго права. Но это значеніе ея далеко не исчерпывается тѣмъ, что она даетъ для пониманія строя и дѣятельности государственныхъ учрежденій до-Петровской Руси. Именно для юриста-государствовѣда заключаетъ она чрезвычайно цѣнный общій методологическій урокъ.

Въ самомъ дѣлѣ одна изъ главныхъ опасностей, угрожающихъ юристу—это чрезмѣрное довѣріе къ тѣмъ категоріямъ, съ которыми такъ свыкается его мысль—нѣкоторое искушеніе придать имъ абсолютный такъ сказать характеръ. Весь юридическій методъ основанъ на томъ, что извѣстныя текучія понятія въ извѣстномъ смыслѣ фиксируются, что между ними устанавливаются совершенно опредѣленныя грани, даже тамъ, гдѣ въ соотвѣтствующихъ жизненныхъ явленіяхъ мы видимъ не грани, а постепенные оттѣнки и переходы. Іеллинекъ весьма картинно говоритъ въ своемъ „Die Lehre von den Staatenverbindungen“, что если бы юриспруденція согласилась раствориться въ гераклитовскомъ потокѣ вещей, она этимъ самымъ уничтожилась бы. Несомнѣнно, что въ области частнаго права ея отъ такого растворенья предохраняютъ могущественныя житейскія потребности—прежде всего потребность судейской практики. Въ публичномъ правѣ онѣ дѣйствуютъ несравненно слабѣе, и потому,

и просторъ для контроверсовъ раскрывается гораздо шире. Достаточно здѣсь сослаться хотя бы на вышеприведенную работу, Іеллинека. Гдѣ юридически кончается государство унитарное и начинается союзное? Какіе незыблемые критеріи позволяютъ различать автономную провинцію и не-суверенное государство? Самое разнообразіе отвѣтовъ, которые давались на эти вопросы въ наукѣ государственнаго права, указываютъ на лежащія въ нихъ трудности.

Такимъ образомъ здѣсь особенно наглядно выступаетъ условный характеръ публично-правовыхъ категорій, ихъ неполная адэкватность дѣйствительности. Конечно обойтись безъ нихъ мы не можемъ. Практически неизбѣжно приходится оправляться отъ какого нибудь опредѣленнаго взгляда на юридическую природу, напримѣръ связи Россіи и Финляндіи, или Австріи и Венгріи. Можно доказывать, что обыкновенно мотивы заставляющіе такъ или иначе создавать конструкціи, вовсе не опредѣлются однимъ исканіемъ отвлеченной истины, что сквозь рамки такой конструкціи явственно просвѣчиваютъ политическія страсти и партійные интересы—но во всякомъ случаѣ онѣ представляютъ необходимое орудіе юридическаго познаванья государства.

Но здѣсь представляется одна существеннѣйшая трудность. Та неадэкватность дѣйствительности, о которой мы говорили, становится все чувствительнѣе по мѣрѣ того, какъ расширяется и становится болѣе разнороднымъ матеріалъ, подлежащій подобному юридическому толкованію. Когда мы переносимъ категоріи выработанныя при изученіи государства конституціоннаго на государство абсолютистическое—хотя бы противоположность закона и указа—намъ трудно воздержаться отъ значительныхъ натяжекъ, какъ ихъ не избѣгъ въ своей классической монографіи Коркуновъ. Тѣмъ болѣе категоріи современнаго государства оказываются совершенно непримѣнимыми къ патримоніальному типу и къ той эпохѣ, когда государь былъ неотдѣлимъ отъ помѣщика, а въ помѣщикѣ вскрывались черты государя. Въ теченіе долгаго періода, въ исторіи средневѣковыхъ политическихъ организацій, современное понятіе суверенитета съ гораздо большимъ правомъ можетъ быть отнесено не къ государственной власти, стоящей на вершинѣ феодальной пирамиды, а къ власти сеньера въ основной ячейкѣ средневѣкового государственнаго быта—въ феодѣ—сеньеріи. Государственное право греческаго полиса представляетъ опять-таки типическія своеобразности.

Отсюда ясно, что „государственнаго права вообще“ быть не можетъ, или что оно сводится къ совершенно общимъ и малосодержательнымъ положеніямъ. Это постоянно обнаруживается, когда историческій вопросъ переводится въ юридическую плоскость. Въ самомъ дѣлѣ былъ ли принципатъ Августа юридически республикой или монархіей? Какъ юридически можетъ быть опредѣленъ тотъ строй, который греческій исто-

рикъ охарактеризовалъ словами: λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ἡ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή? И здѣсь особенно сказывается опасность модернизаціи, угрожающая юристу при изученьи прошлаго учрежденіи. Опасность эта, впрочемъ заключается не только въ искусственномъ пріуроченьи къ неподходящимъ рубрикамъ; она состоитъ еще болѣе въ томъ, что самый механизмъ учрежденій рисуется гораздо болѣе стройнымъ и правильно дѣйствующимъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Мы привыкли думать, что каждому государственному органу соотвѣтствуетъ опредѣленная компетенція, регулированная опредѣленными нормами—и намъ трудно свыкнуться съ мыслью, что органы являются передъ нами часто съ совершенно неотчетливыми функціями, что компетенція вырабатывается путемъ частичныхъ приспособленій, путемъ опытовъ. Именно отучиться искать всюду этотъ послѣдовательный формально-логическій порядокъ въ дѣятельности учрежденій значить сдѣлать первый шагъ къ ихъ историческому пониманію.

И вотъ—въ смыслѣ созданья соотвѣтствующихъ точекъ зрѣнія „Боярская Дума“ книга драгоцѣнная. Съ самаго начала авторъ предупреждаетъ насколько трудно уловить правительственную дѣятельность Думы. „По существу своему она была законодательнымъ учрежденіемъ, устанавливая общія правила, постоянныя нормы; но передъ нами только практическіе результаты ея законодательной работы; мы видимъ эти нормы, насколько онѣ уживались въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ жизни, въ большинствѣ случаевъ знаемъ эти правила, насколько они отражались въ указахъ, инструкціяхъ, въ отдѣльныхъ актахъ подчиненныхъ Думѣ учрежденій. Въ думу „вносили“ свои вопросы и недоумѣнья правительственные органы, съ которыми общество имѣло непосредственное соприкосновенье; изъ Думы выносили они приговоры, выражавшіеся въ тѣхъ актахъ, которые лежатъ теперь передъ изслѣдователемъ, но сама она оставалась въ заоблачной высотѣ, сокрытая и отъ общества, и отъ изслѣдователя; какъ вырабатывались эти приговоры, какіе интересы и мнѣнія боролись при этой работѣ—того почти никогда не видитъ изслѣдователь, какъ въ свое время не видѣло и общество. Столь же неуловимо и политическое значенье Думы. Люди, появлявшіеся въ ней на пространствѣ 8 вѣковъ, князья-государи и ихъ совѣтники, не чувствовали потребности точно опредѣлить свои взаимныя отношенія и закрѣпить эти опредѣленья надлежащимъ актомъ; никогда не были точно обозначены и отношенья этого совѣта къ низшимъ подчиненнымъ ему органамъ управленья. Въ тѣ вѣка политическіе дѣльцы не любили задавать себѣ общаго вопроса, какъ далеко простираются прерогативы верховнаго правителя, князя, государя, и гдѣ начинаются права его совѣтниковъ: политическій глазомѣръ и обычай указывали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предѣлъ власти, избавляя обѣ стороны отъ труднаго дѣла точной

формальной разверстки политическихъ правъ и обязанностей. Ко всякому учрежденью, подобному нашей боярской думѣ мы привыкли обращаться съ вопросомъ имѣло ли оно обязательное для верховной власти или только совѣщательное значенье, а люди тѣхъ вѣковъ не различали столь тонкихъ понятій, возникавшія столкновенья разрѣшали практически въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отдѣльные случаи не любили обобщать, возводить въ постоянные нормы, и не подготовили намъ прямого отвѣта на нашъ вопросъ“ (с. 2—3).

Какъ много было учрежденій въ прошломъ—и Россіи и Западной Европы,—для исторіи которыхъ эти слова могли быть введеньемъ. Развѣ вопросъ о компетенціи и русскихъ земскихъ соборовъ и параллельныхъ имъ сословныхъ штатовъ на Западѣ не получаетъ истинно-историческую постановку лишь съ того момента, когда мы отрѣшаемся отъ привычныхъ для насъ противоположеній совѣщательныхъ собраній и собраній съ рѣшающимъ голосомъ? Не этими юридическими квалификаціями можетъ быть опредѣлено подлинное мѣсто, взвѣшенъ подлинный удѣльный вѣсъ этихъ учрежденій. И характеристику русскихъ земскихъ соборовъ никакъ нельзя было бы свести къ признанью совѣщательности ихъ. Для насъ формула: „съ совѣта и согласія“ какъ бы заключаетъ внутреннее противорѣчіе; между тѣмъ мы постоянно сталкиваемся съ ней въ исторіи всякаго рода коллегіальныхъ учрежденій, окружающихъ монарха. Предѣлъ власти боярской думы очерчивается также юридически весьма неопредѣленной формулой Судебника 1550 г.: вопросы, имъ неразрѣшенные, должны рѣшаться съ государева доклада и со всѣхъ бояръ приговору. И мы видимъ, какъ въ предѣлахъ очерченныхъ этой формулой, дѣйствительная компетенція Боярской Думы достаточно сильно колеблется. Не фактическая дѣятельность опредѣлялась правовой нормой, а правовая норма, пріурочивалась къ ежедневной работѣ учрежденій. Здѣсь мы имѣемъ рядъ примѣровъ процесса, представляющаго глубокій интересъ для пониманья самыхъ основныхъ проблемъ философіи права—какъ фактическое незамѣтно переходитъ въ нормативное.

В. О. Ключевскій чрезвычайно ярко обнаруживаетъ историческую роль Боярской Думы; а между тѣмъ онъ настойчиво предостерегаетъ противъ того, чтобы въ строѣ московскаго государства усматривать дуализмъ царя и Думы, наподобіе того дуализма, который запечатлѣнъ въ англійской формулѣ: „King in parliament“ въ противоположность „King in council“. Напротивъ того нормально эти двѣ силы сливались въ нѣчто единое; правленье безъ Думы въ эпоху опричины сознавалось какъ что-то болѣзненное какъ и правленье бояръ въ эпоху смутнаго времени безъ царя. Древне русское общество видѣло здѣсь, нераздѣльные элементы единой верховной власти; законъ являлся передъ управляемыми и въ видѣ государева указа и боярскаго приговора, и какъ въ боярскомъ

приговорѣ они видѣли государевъ указъ, такъ и за государевымъ указомъ предполагали боярскій приговоръ. Вотъ почему собственно нельзя говорить о правительственномъ вѣдомствѣ боярской думы, какъ о чемъ-то опредѣленномъ, о ея политическомъ авторитетѣ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ государевой власти. Пространство дѣятельности думы совпадало съ предѣлами государевой верховной власти, потому что послѣдняя дѣйствовала вмѣстѣ съ первой и черезъ первую (442).

Именно поэтому, то раздѣленье функцій на законодательную исполнительную и судебную, которое даетъ намъ достаточно удобныя рамки при анализѣ современныхъ учрежденій, здѣсь мало пригодно. Думская практика различалась не по содержанію, а по формѣ дѣлопроизводства, смотря по тому возбуждалось ли оно государевымъ указомъ или приказнымъ докладомъ, или частнымъ челобитьемъ и по тому, вершалось ли оно думской комиссіей, общимъ собраніемъ Думы безъ участья государя, общимъ собраньемъ подъ предсѣдательствомъ государя или наконецъ соборомъ—думой совмѣстно съ духовенствомъ. Можно конечно подмѣтить, что различнымъ способамъ процедуры соотвѣтствовало различіе содержанія, но это распредѣленье исходило изъ мотивовъ удобства, цѣлесообразности, изъ мотивовъ, какъ мы могли бы выразиться, техническаго, а не политическаго характера.

Тамъ гдѣ нѣтъ опредѣленной компетенціи, нѣтъ и суженья ея, нѣтъ превышенья власти, нѣтъ узурпаціи по мотивамъ политическимъ; тамъ не можетъ развиться начало отвѣтственности. И мы видимъ какъ оно не примѣнимо къ дѣятельности Думы. „Слѣдовъ этой отвѣтственности не замѣтно ни въ чемъ, ни въ памятникахъ законодательства, ни въ устройствѣ боярскаго совѣта. Дума не была отвѣтственна передъ государемъ, потому что государь не былъ для нея сторонней властью, а самъ входилъ въ ея составъ, былъ ея главой". (456—7). И это особенно бросается въ глаза при сопоставленьи думы съ петровскимъ сенатомъ; здѣсь компетенціи размежевываются, и сенатъ становится не частью, а орудіемъ монархической власти, и, слѣдовательно появилась потребность обезпечить дѣйствіе этого орудія въ томъ направленіи, въ какомъ желаетъ его руководитель. Конечно такое раздѣленіе соотвѣтствовало болѣе сложному правительственному механизму, гдѣ во избѣжаніи общаго замѣшательства каждому нужно указать его права и обязанности.

Здѣсь мы сталкиваемся съ чрезвычайно важнымъ психологическимъ фактомъ, — съ малымъ развитіемъ въ Московскомъ Государствѣ прямой борьбы за власть, вкуса къ власти. Конечно Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ и публицистика Курбскаго проникнуты, настроеніемъ, которое рѣзко расходится съ политической практикой Василія III и Іоанна Грознаго, но какъ скромны ихъ положительныя пожеланія въ

смыслѣ государственнаго устройства, какъ мало они расходились съ прошлымъ. У нихъ мы не видимъ совершенно той договорной основы, которая выступаетъ въ строѣ Пскова, какъ его характеризовало московскому послу вѣче 1510 г.: „у насъ съ великими князьями крестное цѣлованье положено; намъ не отойти отъ своего государя ни въ Литву ни къ Нѣмцамъ, а ему насъ держать по старинѣ въ добровольи; нарушимъ мы крестное цѣлованье—на насъ гнѣвъ Божій, гладъ, огнь и потопъ и нашествіе племенъ; а нарушитъ его государь нашъ на него тотъ же обѣтъ, что и на насъ". Насъ поражаетъ эта слабость реакціи на усиливающуюся власть великихъ князей и государей—власть, коей послѣднія въ глазахъ иностранцевъ начинаютъ превосходить всѣхъ монарховъ на свѣтѣ. Какая же эта была власть? Юристъ не можетъ примѣнить безъ оговорки къ ней эпитетъ патримоніальной; таково было ея происхожденье, но вѣдь невозможно игнорировать различіе между удѣльнымъ княземъ—помѣщикомъ, окруженномъ дворцовыми слугами—и Василіемъ III; здѣсь нѣтъ уже прежняго отождествленія государственно—и частно—прававого. Но патримоніальное происхожденье сказывается въ чисто—конкретной постановкѣ задачъ, въ нетронутомъ господствѣ дѣйствующаго обычая. „Московскій государь имѣлъ обширную власть надъ лицемъ, но не надъ порядкомъ, не потому что у него не было матеріальныхъ средствъ владѣть и порядкомъ, а потому, что въ кругу его политическихъ понятій не было самой идеи о возможности и надобности распоряжаться порядкомъ, какъ лицемъ. Московскіе государи предоставляли дѣламъ идти своимъ чередомъ, только высматривая въ заведенномъ порядкѣ обстоятельства, которыми можно было-бы воспользоваться съ выгодой и именно потому, что этотъ порядокъ часто давалъ имъ въ руки такія выгодныя обстоятельства, они не любили ломать его или круто повертывать въ свою сторону. Это былъ ихъ фамильный—упорный консерватизмъ преданья; въ нихъ было много наблюдательности и практической сноровки, но очень мало творческихъ идей или, что тоже на изнанку, торопливой наклонности все рвать и кроить по своему (261—2)".

Въ этомъ отношеньи юристъ ислѣдователь поступилъ бы весьма неосторожно, если-бы придалъ преувеличенное значенье вновь явившемуся титулу: „самодержецъ". Неясно, чтобы онъ обозначалъ какое-либо опредѣленное расширеніе государевыхъ правъ—и во всякомъ случаѣ юридически онъ первоначально могъ-бы быть истолкованъ лишь въ смыслѣ внѣшне-государственной независимости. Политическая метафизика вообще была стихіей весьма чуждой всему укладу московской Руси. И „носители верховной власти не любили себя спрашивать, на что они имѣютъ право, и на что не имѣютъ". „Боярство XVI вѣка является какой-то аристократіей безъ вкуса къ власти, безъ умѣнья или охоты вліять на

общество, знатью, которую больше занимали взаимные счеты и ссоры ея членовъ, чѣмъ отношенія къ государю и народу, какъ ея литературнымъ представителямъ легче удавались политическія пророчества, чѣмъ политическіе планы“ (305—305). Дѣятельность боярской думы съ ея столь неопредѣленными очертаніями компетенціи это вполнѣ подтверждаетъ. „Государь ежедневно дѣлалъ мало правительственныхъ дѣлъ безъ участья боярскаго совѣта, какъ и боярскій совѣтъ рѣшалъ мало дѣлъ, безъ участья государя. Но это вызывалось соображеніями правительственнаго удобства, а не вопросомъ о политическихъ правахъ и прерогативахъ, было простымъ раздѣленьемъ труда, а не разграниченьемъ власти“ (456). „По своему историческому складу боярская дума несдѣлалась ареной политической борьбы“ (458). Другими словами строй московскаго государства былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ признанья такъ называемыхъ субъективныхъ публичныхъ правъ; передъ нами только объективный порядокъ, не закрѣпленный при томъ никакими опредѣленными нормами и его рефлексы, столь же измѣнчивые, мало-фиксированные. Какъ характерно, что единственный періодъ въ который выступаютъ политическія притязанья боярской среды, въ который всплываетъ идея договора государя и думы, остался такъ мало освѣщеннымъ въ источникахъ и что по вопросу о кондиціяхъ, предложенныхъ Михаилу Ѳеодоровичу, возможны такіе капитальныя контроверсы. Во всякомъ случаѣ эти притязанья—признаемъ ли мы въ нихъ новыя мысли или новую формулировку стараго правительственнаго уклада,—не привились къ московскому государственному порядку; въ этомъ отношеньи между XVI и между XVII вѣкомъ вовсе не существуетъ какого нибудь капитальнаго различія.—

Мы видимъ здѣсь цѣнное подтвержденье того, насколько обычный споръ—является ли данная норма выраженьемъ права или функціи можетъ быть разрѣшенъ лишь на почвѣ изученья психологической стороны. Одна и та же норма можетъ оцѣниваться и какъ драгоцѣнное право и какъ тяжелая обуза. То, отъ чего бѣжали римскіе куріалы, въ настоящее время является предметомъ напряженнаго состязанья въ избирательной борьбѣ. Московское государство не уничтожало этихъ притязаній на политическую дѣятельность потому, что ихъ вообще не существовало. Была лишь одна область, гдѣ и въ московскомъ государствѣ мы стоимъ передъ наличностью несомнѣннаго субъективнаго публичнаго права — область мѣстничества. Эти притязанья выступаютъ тѣмъ ярче на фонѣ равнодушія къ политической власти. И здѣсь они сталкивались съ тѣми насущными потребностями порядка и цѣлесообразности въ правительственномъ механизмѣ, которыя играли такую преобладающую роль—и здѣсь государство должно было вести съ ними борьбу, которая кончилась реформой Ѳеодора Алексѣевича.

Если мотивы политическаго честолюбія и борьбы за власть играли столь мало замѣтную роль, то тѣмъ сильнѣе высупали мотивы соціально-хозяйственные „Боярская Дума“ даетъ образцовый урокъ такъ сказать постановки вопроса о связи даннаго учрежденія съ общими условіями и показываетъ, насколько такая постановка если она не вырождается въ отвлеченный схематизмъ, можетъ быть плодотворна. Мы видимъ какъ „явленія, очень далекія отъ сферы, гдѣ дѣйствовала боярская дума, оказали могущественное вліяніе на судьбу класса, представители котораго сидѣли въ этомъ учрежденьи, а черезъ него подѣйствовали и на самое учрежденіе. Въ состояніи народнаго хозяйства надо прежде всего искать объясненія равнодушія боярства къ мысли объ упроченьи своего положенья, о расширеньи и обезпеченьи своихъ правъ“ (309). Въ дѣйствительности классъ который представлялъ изъ себя матеріалъ для политической аристократіи, былъ слишкомъ придавленъ землевладѣльческимъ кризисомъ, вытекавшимъ изо всей постановки земледѣльческаго труда въ верхнемъ Поволжьѣ и все его вниманье уходило на обезпеченье себя рабочими руками, на обезпеченье крестьянской осѣдлости. Чрезвычайно характеренъ контрастъ между эвемерностью политическаго пріобрѣтенья Думы въ эпоху Смутнаго времени и успѣшностью въ обезпеченьи экономическаго господства представленнаго въ ней класса, господства, которое закрѣплено въ Уложеньи. И когда мы начинаемъ размышлять, почему борьба за власть не являлась наиболѣе естественнымъ выраженіемъ борьбы за хозяйственную гегемонію, мы сталкиваемся съ тѣмъ давленьемъ потребностей обороны отъ внѣшнихъ враговъ и ея финансоваго обезпеченья, которыя сообщали московскому государству обликъ военнаго стана и которыя вводили дѣятельность различныхъ классовъ въ рамки служило-тяглаго порядка. „Московское государство и было народнымъ лагеремъ образовавшимся изъ боевой Великороссіи, Оки и верхней Волги, и боровшимся на три фронта: восточный, южный и западный. Оно родилось на Куликовскомъ полѣ, а не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты. Военное по происхожденью, оно и устроилось по военному“ (306). И здѣсь коренная причина этого столь слабаго развитія личнаго права и личнаго притязанья, которое бросается въ глаза въ московскомъ государствѣ; когда всѣ общественныя группировки прикрѣплены къ стихійно поставленнымъ государственнымъ задачамъ, для такихъ правъ и притязаній не остается простору.

Такимъ образомъ изученье генезиса боярской думы даетъ такія точки зрѣнія, которыя являются чрезвычайно цѣнными для всей исторіи государственнаго права московскаго періода—и здѣсь особенно интереснымъ методологически является то обстоятельство, что весь этотъ широкій фонъ привлекается для объясненья одного учрежденья. Вѣдь „Боярская Дума“ есть почти характеристика всей до—петровской исто-

ріи Россіи. Извѣстно насколько трудно для юридическаго мышленія не придавать факту формальнаго единства въ развитіи учрежденій преувеличеннаго значенья, насколько психологически трудно разорвать связь опредѣленнаго названія учрежденія и опредѣленной его конструкціи. Трудъ В. О. Ключевскаго позволяетъ оцѣнить, какія реальныя различія покрываются такимъ формальнымъ тождествомъ.

Передъ нами проходитъ боярская дума въ Кіевской Руси XI и XII вѣка, гдѣ она выступаетъ рядомъ съ городовымъ вѣчемъ и съ совѣщаньемъ князя и его дружины: у ней образуется опредѣленный односословный составъ, но компетенція ея остается вполнѣ неопредѣленной и зависитъ отъ всей ежедневной дѣятельностью князя. Когда центръ тяжести русской исторіи подвигается въ Суздальскую землю на сѣверовостокъ, и общество принимаетъ болѣе сельскій характеръ, боярская дума обращается въ совѣтъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ; при чемъ составъ не имѣетъ постояннаго характера: участіе въ совѣтѣ было связано со служилымъ положеніемъ, а не съ фактомъ землевладѣнія. Московская боярская дума XV вѣка отражаетъ на себѣ болѣе сложныя административныя задачи: происходитъ извѣстный подборъ функцій, и на долю думы приходится завѣдыванье недворцовыми дѣлами; вмѣсто прежняго порядка, гдѣ участвовали только управители вѣдомства, къ которому относилось разбираемое дѣло, начинаютъ участвовать всѣ наличные совѣтники. Въ связи съ этимъ происходитъ обособленье „комнаты“ съ ея ближними „комнатными людьми“, на которыхъ обратилъ впослѣдствіе вниманье Котошихинъ, комнаты—которая развертывается въ опричину. Въ теченьи XVI и XVII вѣковъ мы можемъ наблюдать, какъ техника думской работы, опирающейся на организованную канцелярскую работу думскихъ дьяковъ, пріобрѣтаетъ опредѣленность, какъ слагаются отношенія Боярской Думы къ окружающимъ ея приказамъ. И наконецъ съ конца XVII вѣка дума становится тѣснымъ совѣтомъ дѣйствующимъ безъ государя, замѣняющимъ его въ отсутствіи и таковой она переходитъ въ Петровскую эпоху, выдѣляя изъ себя такъ называемую „ближнюю канцелярію“—наиболѣе замѣтное и жизнеспособное учрежденье. Здѣсь исторія ея кончается, но кончается только формально; читая первые указы объ учрежденьи Сената въ 1711 году, можно замѣтить, что онъ имѣлъ близкую родственную связь съ боярскимъ совѣтомъ, собиравшимся въ ближней канцеляріи, и наслѣдовалъ всѣ его особенности. Сенатъ и боярскій совѣтъ—послѣдняя стадія въ исторіи боярской думы—были связаны единствомъ потребности, которой они удовлетворяли, единствомъ функцій, которыя они осуществляли—какъ ранѣе въ исторіи боярской думы разнообразныя функціи, осуществляемыя ею въ различныя эпохи, связывались формальнымъ единствомъ учрежденья.

Нужно ли указывать, насколько этотъ конкретный примѣръ освѣщаетъ цѣлый рядъ спорныхъ вопросовъ теоретическаго государственнаго

права—вопросовъ объ отношеніи органовъ и функцій, о раздѣленьи самыхъ функцій, о роли обычнаго права въ образованьи опредѣленныхъ компетенцій. И главное книга В. О. Ключевскаго помогаетъ тому, что можетъ быть всего здѣсь важнѣе для юриста—правильной постановки вопроса.

Всегда надо помнить, насколько позади каждаго понятія изъ области государственнаго права проходитъ тотъ непрестанно движущійся и все уносящій гераклитовскій потокъ вещей, котораго столь опасался Іеллинекъ. Поэтому, образуя такое понятіе, мы заранѣе миримся съ его извѣстной искусственностью. Но послѣдняя должна во первыхъ оправдываться потребностью въ опредѣленномъ юридическомъ углѣ зрѣнія и во вторыхъ не должна усугубляться игнорированьемъ капитальныхъ политическихъ различій, которыя его покрываютъ. Когда учрежденье переживаетъ вѣка, то и юристу неизбѣжно приходится разбить свое общее представленіе на рядъ разрѣзовъ, охватывающихъ систему дѣятельности даннаго учрежденія въ соотвѣтствующій періодъ.

Въ настоящее время юридическій формализмъ, какъ и всѣ старыя ученья о правѣ, переживаетъ извѣстный кризисъ, и этотъ формализмъ подвергается многочисленнымъ и несправедливымъ нападкамъ. Но именно для отраженья ихъ чрезвычайно важно, чтобы пользущіеся этимъ формальнымъ методомъ не утрировали его, и чтобы въ особенности, когда дѣло идетъ о прошломъ учрежденіи они обставляли всякое догматическое изученье привлеченьемъ широко понимаемаго „историзма“. Только тогда этотъ формальный методъ станетъ благодѣтельнымъ подспорьемъ для познающаго разума и не направитъ его въ опасную сторону безплотныхъ, а потому безплодныхъ абстракцій.

Всѣ эти положенья, взятыя отвлеченно, звучатъ можетъ быть, нѣсколько, банальными и во всякомъ случаѣ не заключаютъ дѣйствительнаго, руководящаго правила. Но надо помнить, что методологическое воспитанье вообще достигаетъ „plus exemplo quam verbo“... И въ этомъ смыслѣ „exemplum“ даваемый „Боярской Думой“ изслѣдователямъ въ области государственнаго права и прошлаго и настоящаго, котораго нельзя понять безъ прошлаго, приходится признать драгоцѣннымъ.

Для подобнаго примѣра нужно было это необычное сочетаніе исчерпывающаго анализа, не боящагося никакихъ деталей, и художественнаго синтеза. И невольно по поводу этой книги, на которой столько людей воспитывали свое научное мышленье, и еще большее число будутъ воспитывать, невольно хочется вспомнить слова Бэкона, что какъ ни велика, заслуга человѣка, открывающаго людямъ новыя знанія, она еще больше если онъ открываетъ пути, которыми можно достигнуть знаній. На страницахъ сборника, который является выраженьемъ благодарности и шетета учениковъ къ учителю и эта сторона учительской дѣятельности В. О. Ключевскаго не можетъ быть обойдена.

С. Котляревскій.

XII.

Къ исторіи сословнаго строя Великаго Княжества Литовскаго. Конные мѣщане Витебскіе въ XVI столѣтіи.

Конные мѣщане —это мѣщане, обязанные служить со своихъ имѣній конемъ, т.-е. обязанные нести ту же службу въ конномъ земскомъ ополченіи во время рушенья, какъ и шляхта. Это та „военная служба", которую землевладѣльцы „сбройно мають служыти" [1]). Ее служатъ бояре— „на войну ѣздять" [2]), ее служитъ шляхта — „службу земскую, войну служать, бо шляхта есть" [3]), ее служатъ земяне — они должны „земянскую службу служыти на кони на добромъ а въ зброи суполной" [4]). Въ болѣе раннее время, когда въ Литовско-Русскомъ государствѣ не развилась вполнѣ дифференціація сословій на почвѣ шляхетскаго принципа съ одной стороны и Нѣмецкаго городскаго права съ другой, „конная служба" могла дѣлаться достояніемъ простого вольнаго человѣка, „прихожаго" откуда-либо и получившаго какую-либо землю „на конной службѣ" отъ мѣстной власти [5]). Земская служба могла оказаться совмѣстимою даже съ ремесломъ. Такъ, въ привилеѣ королевы Боны, выданномъ 2 декабря 1524 года ея Пинскому боярину Ивану Пархвеновичу и его братіи въ подтвержденіе пожалованныхъ имъ раньше дворищъ, земель и угодій, о службѣ ихъ говорится слѣдующее: „и они мають намъ и нашымъ потомкомъ съ того службу земскую служыти и, часу потребы, золотарствомъ и пушкарствомъ". Этотъ Иванъ Пархвеновичъ представлялся особенно цѣннымъ

---

[1]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ..... Вильна 1867. Стр. 302.

[2]) Ibidem. Стр. 241.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem. Стр. 342.

[5]) Ibidem. Стр. 301.

лицомъ, „ижъ есть предмѣстникъ золотаръ и пушкаръ“ [1]). Паномъ еще въ тридцатыхъ годахъ XVI столѣтія могъ называться и мѣщанинъ [2]), притомъ безъ обозначенія его шляхетнымъ въ качествѣ должностного лица Магдебургскаго уряда [3]). Мы не станемъ останавливаться на болѣе подробномъ изученіи явленія, иллюстрируемаго приведенными выписками изъ источниковъ, т.-е. отсутствія опредѣлившейся дифференціаціи сословій Литовско-Русскихъ по отношенію къ ихъ повинностямъ на господаря и государство, какъ оно обнаруживается въ болѣе раннее время. Мы остановимся лишь на одномъ пережиткѣ этого явленія, легко прослѣживаемомъ по актамъ еще въ концѣ XVI-го и въ XVII-мъ столѣтіи,— на конныхъ мѣщанахъ Витебскихъ.

Въ актахъ Витебскаго земскаго суда указаннаго времени эта группа населенія выступаетъ довольно часто, то покупая и продавая земли [4]), то жалуясь на тѣ или другія нарушенія своихъ правъ [5]) и т. д., какъ это дѣлаетъ и Витебская шляхта. Съ имѣнія коннаго мѣщанина „службу господарьскую земъскую военную“ его владѣлецъ „служити маеть“ [6]). Правовое положеніе конныхъ мѣщанъ Витебскихъ лучше всего выясняется документами, рисующими защиту этою группою населенія своихъ правъ отъ ихъ нарушенія. Содержаніе одного изъ такихъ документовъ [7]) слѣдующее. Во время Торунскаго сейма 1576 года къ Стефану Баторію обратились съ жалобою войтъ и четыре Витебскихъ мѣщанина [8]) „сами отъ себе и ото всихъ мещанъ Витебъскихъ, которые ку службе нашой господаръской военъной,“ какъ говоритъ документъ отъ имени короля, „сто коней весполокъ с князи и бояры, шляхтою повету Витебъского, з именей своихъ отъчызныхъ, выслужоныхъ и с купленыхъ ставити повиньни.“ Эти мѣщане, „будучы з

---

[1]) Ibidem. Стр. 226.

[2]) Ср. ibidem, стр. 231: „панъ Василей Ивановичъ, мѣщанинъ Пинскій“.

[3]) См., напр., списокъ „ихъ милостей пановъ маистратовыхъ, на уряде будучихъ, шляхетныхъ пановъ“ Могилева въ 1692 году—Историко-Юридическіе Матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской.....“ IX, стр. 1.

[4]) Ист.-Юр. Мат. XX. Стр. 361.

[5]) Ист.-Юр. Мат. XX. Стр. 352.

[6]) Ист.-Юр. Мат. XX. Стр. 374. Ср. ibidem, стр. 398, 417 и др.

[7]) „Листъ мещаномъ конънымъ Витебъского места до воеводы Витебъского в розныхъ кривдахъ ихъ“. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ лл. 182 об.—184. Дата: Торунь, 23 декабря 1576 года. Этотъ „листъ“ обращается отъ имени Стефана Баторія къ Витебскому воеводѣ, Суражскому державцѣ, пану Станиславу Пацу.

[8]) „Тыхъ часовъ будучы в Торуню при конъченью сойму вального оповедили и жаловали памъ войтъ Витебъский Стефанъ Тимофеевичъ Лускиня и мещане Витебъские Климъ Щуровичъ, Офанасъ Иевлевичъ, Сава Овъсеевичъ а Борысъ Деменътеевичъ Чаглей“.

давных часовъ упривильеваны и уфунъдованы заровно с князи, бояры, шляхтою Витебъскою, одънымъ прывильемъ земскимъ и маючы вольность именьями своими шафовати такъ, яко и вси бояре, шляхта Витебъская, одънымъ земскимъ правомъ, статутомъ старымъ судилися и справовали за позвы в праве кгродъскомъ Витебъскомъ ажъ до теперешнего статуту нововыданого". Но въ настоящее время, жалуются конные мѣщане, [1]) они много терпятъ отъ Витебской шляхты, нарушающей границы ихъ имѣній и чинящей по отношенію къ нимъ захваты ихъ земель, грабежы и насилія [2]). Когда они обращаются къ повѣтовому Витебскому уряду, т.-е. къ воеводѣ или его намѣстнику, и къ повѣтовымъ судамъ, гродскому и земскому, то эти органы управленія и суда разсматриваютъ ихъ какъ простыхъ господарскихъ подданныхъ, мѣщанъ городовъ, не имѣющихъ Нѣмецкаго права, и не даютъ имъ въ дѣлахъ ихъ повѣтовыхъ возныхъ, которыми пользуются въ своихъ судебныхъ и урядовыхъ нуждахъ шляхтичи, но даютъ лишь простыхъ своихъ вижей, которые употребляются повѣтовымъ урядомъ въ „справахъ" простыхъ подданныхъ господарскихъ державы воеводы или старосты. Такое отно-

---

[1]) „То пакъ дей, маючы они именья свои в повете Витебъскомъ сугранъ з бояры-шляхтою повету Витебъского, многие кривды и утиски терпѣпять на маетъностяхъ своихъ ото всихъ бояръ-шляхты, земян повету Витебъского в покаженью границъ межъ и въ забиранью кгрунтовъ земль отъ именей ихъ земскихъ и в ыныхъ многихъ и розныхъ речахъ и тежъ у боехъ, грабежахъ и кгвалтехъ для нечиненья тымъ мещаномъ в маетъностяхъ ихъ земскихъ слушное и ровное справедливости и, кгды дей который мещанинъ позвомъ земскимъ або кгродъскимъ о якую жъ кольвекъ речъ до права належного земенина шляхтича припозоветь, твоя дей милость, пане воевода, або наместъникъ твой замковый, придаеть имъ ку таковымъ позвомъ вижовъ своихъ, а не возныхъ повѣтовыхъ, для которыхъ дей вижовъ вашыхъ мещане собе справедъливости подле статуту у права доводить не могуть; для того дей великое уближенье в праве и въ справедливости ихъ имъ ся деетъ и кгдыжъ дей, для такового ихъ зневоленья отъ враду, не мають ихъ с тыхъ оселостей ихъ земскихъ за суседовъ собе, одно за простыхъ мещан мест неупривильеваныхъ, ижъ дей за ними врадъ твоей милости замковый укривъжонымъ ку и довоженью права вижовъ своихъ придаетъ, такъ, яко за простыми хлопы, праву врадовому належачыми; такъ же дей и о свои кривды земяне водле статуту до права ихъ позвы позывать не хотят, одъно словне, за децъкимъ, передъ врадъ замковый кгродъский ихъ заказывають: а пересуды дей и децъкованье и вижовое твоя милость, пане воевода, наместънику своему замковому и служебъникомъ твоимъ кажешъ з пихъ брати, надъ статутъ права посполитого, отъ копы по шести грошей; што они, яко отъ твоей милости, пане воеводо, отъ врадъниковъ и слугъ твоихъ, такъ тежъ и ото всихъ земянъ-шляхты повету Витебъского прекладають быти собе з великимъ обътяженьемъ и с кривъдою своею, для чого били намъ чоломъ, абыхмо".....

[2]) Примѣръ сосѣдства ряда шляхетскихъ имѣній съ имѣніемъ коннаго Витебскаго мѣщанина см. въ записи Витебскаго земскаго суда отъ 27 іюня 1596 года, напечатанной на стр. 477—484 тома XX Историко-Юридическихъ Матеріаловъ.

шеніе воеводы къ коннымъ мѣщанамъ утверждаетъ и въ средѣ повѣтовой шляхты взглядъ на нихъ, какъ на простыхъ хлоповъ. Шляхта не хочетъ въ тяжбахъ вызывать ихъ передъ повѣтовый шляхетскій судъ, но вызываетъ передъ замковый урядъ воеводы, какъ державцы господарскихъ земель его воеводства-державы. Жалуются конные мѣщане и на размѣры, въ которыхъ съ нихъ взыскивается воеводскимъ урядомъ дѣцкованье, съ нарушеніемъ постановленій статута, какъ они утверждаютъ [1]). Чего же они просятъ у короля? Они бьютъ челомъ о томъ, чтобы Витебскій воевода „таковыхъ трудностей и утисненя надъ право посполитое чинити имъ не казалъ“ и чтобы „в таковыхъ справахъ около именей ихъ, подъ правомъ земскимъ лежачыхъ, водле привилью их спольного, до права земского ихъ допустили [2]) и во чъти ихъ повышъшыли [3]), поровънавшы в томъ з ынъшыми станъми народу шляхетъского“. Король не отказываетъ имъ въ ихъ просьбѣ, но откладываетъ, однако, рѣшеніе вопроса объ ихъ правахъ, т.-е. исполненіе ихъ челобитья, до другого сейма, а пока отдаетъ приказаніе Витебскому воеводѣ, чтобы онъ не дѣлалъ того, на что они жалуются [4]).

Настоящій документъ очень ясно рисуетъ: 1) правовое положеніе конныхъ мѣщанъ, какъ понимаютъ его они сами и какъ склонна понимать его верховная власть, и 2) отношеніе къ коннымъ мѣщанамъ повѣтовой шляхты и мѣстнаго повѣтоваго уряда. Конные мѣщане считаютъ себя равноправными со шляхтою, и выраженіемъ этого ихъ взгляда на

---

[1]) См. статутъ 1566 года, IV, 5.

[2]) Документъ говоритъ отъ имени короля.

[3]) Также.

[4]) „Ино, ачъ колвекъ тое прозбы ихъ на сторону не отъкладаючы, тог[о] есмо не отъмовяли, одножъ, для скороченья часу, на другий пришлый съемъ то отъкладаемъ; а до того часу приказуемъ, абы твоя милость отъ таковыхъ кривдъ, обтяженья неправного, ихъ боронилъ и в речахъ а потребахъ ихъ правъныхъ поступкомъ статутовымъ справоватися и позвы нашы от враду земского брати (не) допустилъ, такъ же возныхъ врадовыхъ ку потребамъ ихъ мети имъ не заборонялъ и ихъ придавати имъ велелъ, а самъ абы твоя милость браньемъ пересудовъ и иныхъ доходовъ врадовыхъ, яко ся то вышей поменило, ихъ не обътежалъ и водле вставы, в статуте описаное, а не большей, отъ вшелякихъ презысковъ, с права сказаныхъ, пересуды отъ нихъ бралъ; по тому жъ бы еси и врадником своимъ ку нимъ заховывати ся казалъ; а который бы мещанинъ мелъ якое дело до земенина повету Витебъского, а належало бы то суду твоей милости кгродъскому, твоя бы милость позвы кгродъские возными поветовыми, а не за вижами замковыми, имъ по таковыхъ земянъ давал и справедливость, водле права и статуту, не отъволочъную имъ делалъ, жебы они обтяженья никоторого въ речахъ судовыхъ и уближенья в справедливости своей надъ право посполитое не приймовали, а намъ о то жалобами своими докуки и набеганья не чинили“. Этотъ „листъ“ имѣетъ „подъпись руки господаръское“ и подпись писаря Андрея Ивановича.

себя является ихъ требованіе судиться шляхетскими повѣтовыми судами, земскимъ и гродскимъ, и пользоваться въ своихъ „справахъ“ шляхетскими возными, которыми пользуется и повѣтовая шляхта. Основаніями для этого требованія являются: 1) земская служба конемъ съ имѣній въ военномъ рушеньѣ повѣта, вмѣстѣ съ повѣтовыми князьями и шляхтою и 2) обладаніе съ давнихъ поръ общими съ Витебскими князьями и шляхтою преимуществами, которыя утверждены за конными мѣщанами вмѣстѣ съ ними общимъ привилеемъ. Что касается до отношенія къ коннымъ мѣщанамъ со стороны повѣтовой шляхты и мѣстнаго повѣтоваго уряда, то оно оказывается рѣзко враждебнымъ: за конными мѣщанами не признается равенства въ правахъ со шляхтою, при чемъ послѣдняя даже какъ будто мститъ коннымъ мѣщанамъ за ихъ притязанія, нарушая границы ихъ имѣній и совершая надъ ними насилія.

20 ноября 1582 года права мѣщанъ Витебскихъ были подтверждены Стефаномъ Баторіемъ. Они получили отъ короля привилей „на потверженье правъ и всихъ волностей ихъ мѣстскихъ“, дарованныхъ имъ великими князьями Александромъ, Сигизмундомъ I и Сигизмундомъ Августомъ [1]). 20 апрѣля 1589 года подтвержденіе привилея Стефана Баторія было сдѣлано Сигизмундомъ III [2]). Конные мѣщане Витебскіе выступаютъ въ этомъ подтвержденіи какъ особая группа, притомъ группа, вновь защищающая тѣ же свои права, которыя она защищала и во время Торунскаго сейма 1576 года. Конные мѣщане въ привилеѣ Сигизмунда III опредѣляются какъ такіе мѣщане, которые, „кгрунты и оселости свои на службѣ копной подъ собою маючи, съ тыхъ земль своихъ службу земскую военную посполъ съ шляхтою обывательми воеводства Витебского, подъ хоругвью повѣтовою служать“. Они просятъ вновь, чтобы „ихъ, мѣщанъ конныхъ, не за дѣцкими, але за позвы на рочкахъ кгродскихъ поступкомъ права посполитого сужоно было“. На сеймѣ 1589 года эту просьбу передъ Сигизмундомъ III поддержали паны-рада Княжества и Витебскіе земскіе послы. Король исполнилъ эту просьбу и далъ коннымъ мѣщанамъ „вольность большую надъ другихъ“ Витебскихъ мѣщанъ. Витебскіе воеводы и ихъ намѣстники „вжо отъ сего часу не маютъ и не будутъ мочы ихъ за дѣцкими своими безъ позвовъ судити“; ихъ должно вызывать позвами на гродскіе рочки такъ же, „яко шляхту обыватели повѣту Витебского“. Они обязаны „за первшими позвы, ничимъ року и позвовъ не сбиваючи, кождому усправедливити, окромъ обложоное хоробы и иньшихъ правныхъ, въ статутѣ описаныхъ оборонъ, вынявши тежъ съ того и тые ре-

---

[1]) А. Ю. и З. Р. I. № 187.

[2]) Ibidem. Выпись этого привилея Сигизмунда III изъ Витебскихъ земскихъ книгъ отъ 21 іюня 1593 года—Ист.-Юр. Мат. I, стр. 315—320. (Внесенъ онъ былъ въ земскія книги 10 іюня 1589 года, а 3 іюня того же года былъ вписанъ въ гродскія Витебскія книги).

чи, еслибы который зъ нихъ на горячомъ учинку, або на кгвалтѣ былъ поиманъ, таковый и безъ позву сужонъ быти маетъ". Если конному мѣщанину будетъ сдѣлана „кривда" князьями, панами, земскими урядниками и шляхтичами, то потерпѣвшій самъ (а не замковый урядъ за него) имѣетъ право „поступкомъ права посполитого справедливости собѣ доводити" въ судахъ земскомъ, гродскомъ и трибунальскомъ и передъ самимъ господаремъ. „Тое вольности", Сигизмундомъ III коннымъ мѣщанамъ „паданое", они „сами и потомки ихъ вѣчными часы уживати и зъ нее се веселити маютъ."

Такимъ образомъ Витебскіе конные мѣщане вышли съ побѣдою изъ ихъ борьбы съ воеводою и Витебскими урядами за свои права. Въ записи привилея 1589 года въ Витебскія гродскія книги въ томъ же году отъ имени воеводы Витебскаго, Велижскаго старосты, державцы Суражскаго, пана Миколая Сапеги сказано: „где жъ я, не спретивляючы ни въ чомъ воли и розказанью его королевское милости на право и волности места тутошнего Витебъскаго", приказалъ вписать этотъ привилей въ гродскія книги своего воеводства [1]). Въ записи въ земскія книги представленной въ 1589 же году войтомъ Савлукомъ и коннными мѣщанами выписи привилея изъ гродскихъ книгъ Витебскій земскій судовый урядъ говоритъ, что онъ вноситъ ее въ книги при заявленіи представившихъ ее, въ которомъ встрѣчаемъ, между прочимъ, такія слова: „ижъ дей свободы нашы меские каждого стану людемъ, обывателемъ воеводства Витебского, яко може быть назначней, до ведомости пришли а оный выписъ кгродскій, отъ его милости пана воеводы намъ выданый, теперъ, яко то на первыхъ рокохъ, до ведомости враду земъского доносимъ, просечы, ижъ бы тотъ выписъ кгродскій до книгъ земъскихъ уписанъ, а намъ жебы того оповеданя нашого другій выписъ съ книгъ земскихъ былъ выданъ" [2]).

Итакъ, верховная и мѣстная власти стали на сторону конныхъ мѣщанъ Витебскихъ и признали за ними права, сближавшія ихъ съ повѣтовою шляхтою, съ которою вмѣстѣ они становились подъ одною повѣтовою хоругвью во время военнаго рушенья повѣта. Сто коней, которые образовывали въ этомъ рушеньѣ конные мѣщане, несомнѣнно служили хорошимъ аргументомъ для верховной власти Княжества, какъ части соединенной Речи Посполитой, — конные мѣщане составляли слишкомъ замѣтную часть повѣтовыхъ „почтовъ", чтобы можно было игнорировать ихъ съ ихъ жалобами. Но, вставъ между остальнымъ Витебскимъ мѣщанствомъ и шляхтою, конные мѣщане отнюдь не хотѣли терять и своихъ правъ въ Витебскѣ, какъ городѣ-мѣстѣ, имѣвшемъ извѣстное самоупра-

[1]) Ист.-Юр. Мат. I. Стр. 317.
[2]) Ibidem. Стр. 316.

вленіе. На этомъ пути они встрѣтились съ противодѣйствіемъ „посполитаго“ мѣщанства Витебскаго, т.-е. остальной массы простого, не коннаго мѣщанства, не желавшей признавать за ними равныхъ съ собою правъ по участію въ городскомъ самоуправленіи, разъ они составили собою группу населенія, отдѣлившуюся по своему положенію отъ остальнаго мѣщанства, притомъ гораздо меньшую по численности своей, чѣмъ это послѣднее. Витебскіе конные мѣщане стали въ положеніе людей, отставшихъ отъ остальныхъ мѣщанъ Витебска и не приставшихъ вполнѣ къ повѣтовой шляхтѣ. Особенно разгорѣлась вражда между ними и „посполитыми“ лѣтомъ 1593 года, вражда, успокоенная было соглашеніемъ ихъ, заключеннымъ раньше [1]). 6 іюня 1593 года Витебскій воевода, староста Велижскій и Суражскій, панъ Миколай Сапега выдалъ къ посполитымъ Витебскимъ мѣщанамъ свой листъ [2]) за своими печатью и подписью, въ которомъ говоритъ слѣдующее. Къ нему явились шесть Витебскихъ конныхъ мѣщанъ [3]), „сами отъ себе и отъ всей братьи своее, мещанъ конъныхъ“, съ жалобою на посполитыхъ мѣщанъ, которые нарушили прежнія соглашеніе и постановленіе обѣихъ группъ Витебскаго мѣщанства, выбрали безъ вѣдома конныхъ себѣ войтомъ Богдана Яковлевича Грома [4]), поотрывали послѣ этого избранія печати конныхъ „отъ справъ скрыны меское“ и одни, „сами безъ ихъ воли и ведомости справы меские справуютъ [5]) и волности меские роздаютъ“ [6]). Жалоба эта принесена воеводѣ предъ лицомъ посланцевъ отъ посполитыхъ [7]), которыхъ къ нему послали „вси посполство“. Желая, чтобы между обѣими группами Витебскаго мѣщанства „болшей бунтовъ и ростырковъ не было“, Сапега постановилъ слѣдующее: „тые мещане конъные, скоро приехавшы до Витебска, за оказаньемъ мого листу до васъ, мещанъ посполитыхъ, и поданья листу до наместника моего, за разомъ черезъ наместника моего маютъ быти припущоны до всякихъ справъ мескихъ, то естъ до скрини меское, печати и привилеевъ и листовъ, важъницы и двора гостиного зо всими пожытъками и маютъ же они сполне зъ вами отъ того часу

---

1) Листъ Витебскаго воеводы отъ 6 іюня 1593 года говоритъ о нарушеніи посполитыми «постановеня» между ними и конными «першаго и порадку местъского, который естъ межы собою мели отъ колъко десять летъ». Ibidem. Стр. 328.

2) Ibidem. Стр. 328—330.

3) Борисъ Дементьевичъ, Иванъ Семеновичъ, Василей Симоновичъ Великанинъ, Богданъ Ивановичъ, Симонъ Котовичъ, Илья Юрей Моисеевичъ Шикъ.

4) Громы въ актахъ Витебскаго земскаго суда выступаютъ какъ люди крупные по достатку. См. Ист. Юр. Мат. XXI, стр. 418 и сл. (завѣщаніе Филона Яковлевича Грома, 1624 г.). XXII, стр. 211 и сл. (завѣщаніе его вдовы, 1625 г.).

5) Въ документѣ второе лицо—«справуете».

6) Также—«роздаете».

7) Войтъ Б. Я. Громъ и три мѣщанина—Есипъ Никипоровичъ Гончаръ Ѳедоръ Драбышъ и Максимъ Ратковичъ Масень.

вси справы местские справовати и вси пожытьки местские отъбирати", выбравъ для этого двѣнадцать человѣкъ изъ своей среды — шесть конныхъ и шесть посполитыхъ, — которые и должны вѣдать всѣ „справы меские" согласно „постановеня стародавняго"; въ виду того, что войта должны „одностайне" обѣ группы мѣщанства „обирати", вмѣсто избраннаго одними посполитыми войтомъ Б. Я. Грома долженъ быть выбранъ другой войтъ, для избранія котораго воевода назначаетъ „въ уряду" своего „воеводъского" [1]) второй день „по святомъ Петре" въ текущемъ 1593 году; Б. Я. Громъ болѣе не можетъ занимать войтовскаго уряда, потому что онъ „не естъ сполне отъ всихъ мещанъ обраный"; до утвержденія вновь избраннаго войта королевскимъ привилеемъ войтовскіе дѣла и доходы будутъ вѣдать вышеназванные двѣнадцать человѣкъ, избранные пополамъ изъ конныхъ и посполитыхъ мѣщанъ. Въ случаѣ, если посполитые мѣщане „для упору своего" не захотятъ выбирать новаго войта сообща съ конными и будутъ сопротивляться листу воеводы, Сапега „на непослушныхъ и противныхъ заложилъ" на короля „вину" въ три тысячи, а на себя въ тысячу копъ грошей. Намѣстнику своему въ Витебскѣ онъ приказалъ не допускать „противити" этому его постановленію „и бунъты и розтырки чинити" подъ угрозою взысканія, обѣщаннаго выше. Если же среди посполитыхъ окажется „бунтовникъ", который „бы все место бунтовать мелъ", то воеводскій намѣстникъ долженъ такового наказывать „винами и везеньемъ".

Такимъ образомъ рѣшеніе дѣла воеводою оказалось вполнѣ въ пользу конныхъ мѣщанъ. Посполитые не могли быть имъ довольны. Уже послѣднія слова воеводскаго листа о бунтахъ, бунтовщикахъ и возможности возбужденія волненій въ городѣ, съ угрозами наказанія за это, говорятъ о томъ, что настроеніе посполитыхъ мѣщанъ было весьма неспокойно. Рядъ документовъ, вошедшихъ въ записи земскихъ Витебскихъ книгъ 1593 года, рисуетъ подробности этого столкновенія двухъ группъ мѣщанства Витебска, которое приняло очень серьезные размѣры.

23 іюня 1593 года Витебскій намѣстникъ воеводы Миколая Сапеги, панъ Тимофей Казаринъ заявилъ Витебскому земскому суду на Троицкихъ рокахъ, что, когда онъ, имѣя съ собою „писанье" къ нему воеводы, требующее отъ него приведенія въ исполненіе изложеннаго выше рѣшенія дѣла Сапегою, приступилъ къ исполненію этого приказанія, произошло слѣдующее [2]). Казаринъ послалъ подвойскихъ по домамъ посполитыхъ

---

[1]) Въ изданіи опечатка: «воеводъскою».

[2]) Заявленіе Казарина напечатано въ I томѣ Историко-Юридич. Матеріаловъ, стр. 321—324 и вторично тамъ же на стр. 332—335. Переиздано *А. Сапуновымъ* на стр. 69—71 I-го тома его изданія «Витебская Старина» (составилъ и издалъ *А. Сапуновъ*. Витебскъ. 1883).

мѣщанъ, созывая ихъ къ себѣ, „до замку вышнего“ [1]), для выслушанія воеводскаго постановленія. Но посполитые „сами не стали“, а лишь послали четырехъ „посланцовъ своихъ“ [2]) съ просьбою о выдачѣ имъ копіи съ листа воеводы. Казаринъ показалъ имъ оригиналъ этого листа, прочиталъ его имъ и сейчасъ же выдалъ копію съ него подъ печатью Витебскаго генералъ-вознаго Юрія Захарчинскаго. На другой день послѣ этого, 22 іюня, посполитые прислали къ Казарину тѣхъ же посланцевъ и черезъ нихъ „отказали“ ему слѣдующими словами: „мы дей яко его милости пана воеводу чъстимъ и важымъ, такъ и листъ его милости, але до справованя важницы и до всихъ инъшыхъ справъ мескихъ мѣщанъ конъныхъ не припустимъ и боронити будемъ до горлъ своихъ“. Отвѣтомъ этимъ Казаринъ, конечно, не удовлетворился. Онъ попросилъ сопровождать себя „пановъ товаришовъ своихъ судовыхъ кгродскихъ и слугъ его милости“ воеводы, пановъ Яна Бритовскаго и Василя Макаровича, т.-е. Витебскихъ гродскихъ судью и писаря [3]), взялъ съ собою Витебскаго генералъ-вознаго „зъ приданя“ земскаго судоваго уряда, въ это время отправлявшаго земскіе роки, а при генералъ-возномъ пятерыхъ шляхтичей [4]) и направился со всѣми ими „до двора гостиного меского, лежачого подле церкви Святого Воскресенья“. Въ гостиномъ дворѣ онъ нашолъ шесть человѣкъ „людей, мещанъ посполитыхъ, зъ великимъ бунтомъ“ [5]), а при нихъ „у томъ дворе люду было не мало, которыхъ могло быти о колка сотъ человекъ“. Казаринъ обратился къ этимъ посполитымъ и сказалъ имъ объ отданномъ ему по челобитью конныхъ мѣщанъ воеводиномъ приказаньѣ, чтобы онъ, „ведле розказанья и писанья листу его милости“ воеводы, „тыхъ мещанъ конъныхъ до важницы и до скрыни съ прывильями, до двора гостиного и до всихъ справъ мескихъ, ведле стародавнаго звычаю и застановенья ихъ, сполне зъ“ посполитыми, „припустилъ и до моцы ихъ у держанье подалъ“. Тутъ же онъ предъявилъ самый листъ воеводы черезъ генералъ-вознаго и шляхту, бывшую при немъ [6]). Листъ былъ прочитанъ вслухъ. Выслушавъ его, посполитые мѣщане повторили Витебскому намѣстнику свои прежнія слова, уже

---

[1]) О Витебскихъ замкахъ см. «Витебская Старина» I, стр. 613 и сл.

[2]) Максимъ Мась, Илья Хомичъ Свѣчка, Иванъ Бѣлый, Иванъ Левушня.

[3]) Макаровичъ извѣстенъ и другимъ актамъ какъ «врадникъ» Витебскаго воеводы Миколая Сапеги (Ист.-Юр. Мат. XX, стр. 395 и сл.), Бритовскій или Брестовскій—какъ «служебникъ» того же воеводы (ibidem, стр. 401).

[4]) Панъ Янъ и панъ Ярошъ Давидовичи Зелепуги, панъ Иванъ Вишекъ, панъ Юрій Якубовичъ Чеплей и панъ Григорій Белновичъ Подвинскій.

[5]) Павелъ Василевичъ Скоробогатый, Иванъ Бѣлый Бландорошковичъ (кравецъ), Богданъ Тарасовъ (рѣзникъ), Кузьма Липинъ, Происпъ Ивановичъ Дроня, Семенъ Тишковичъ Вертосчинъ.

[6]) О «сторонѣ-шляхтѣ» при возномъ см. Ж. М. Н. Пр. 1897, VI, стр. 275—276.

сказанныя ему однажды: „его милости пана нашого поважаемъ, але тыхъ мещанъ конъныхъ до справованья и пожытковъ мескихъ не припущаемъ и до горлъ нашыхъ будемъ боронить". Казаринъ, „осветчывшы" это генералъ-возному и шляхтѣ, бывшей при немъ, пошолъ изъ гостинаго двора „мимо важницы". Но посполитые, полагая, что онъ собирается „важъницу мещаномъ конънымъ подавати", бросились къ нему всѣ толпою, стали его „выпихати и вытиснули" его и его спутниковъ изъ гостинаго двора, а товарищей его, слугъ воеводы [1]), „почали были шарпать". Всѣмъ этимъ посполитые „спротивилисе" листу воеводы и намѣстнику послѣдняго, вслѣдствіе чего „попали" въ ту „заруку", которая воеводою опредѣлена на не повинующихся его постановленію, т.-е. три тысячи копъ грошей [2]) на короля и тысячу на воеводу. Все это Казаринъ довелъ до свѣдѣнія земскаго суда для внесенія въ земскія книги. То же самое сдѣлалъ и генералъ-возный со шляхтою, бывшею при немъ на этомъ дѣлѣ [3]).

Въ тотъ же самый день, когда внесъ свое заявленіе въ земскія книги Казаринъ, т.-е. 23 іюня 1593 года, явились передъ земскій Витебскій судъ и восемнадцать человѣкъ конныхъ мѣщанъ [4]), которые „оповедали и жаловали обътежливе сами отъ себе и ото всее братии своее, мещанъ конъныхъ, на мещанъ посполитыхъ и на помочниковъ ихъ", излагая въ своей жалобѣ то же самое, что заявилъ суду и Казаринъ, добавляя, однако, нѣкоторыя подробности [5]). Конные мѣщане говорятъ, что они также были при Казаринѣ во время его прихода въ гостиный дворъ къ посполитымъ и, когда онъ со своими спутниками направился изъ гостинаго двора вонъ, конные пошли также „при его милости пану наместнику зъ двора гостиного прочъ, мимо важницу, а они, мещане, людъ посполитый, кинулисе вси и начали" конныхъ мѣщанъ „выпыхати и вытиснули" ихъ „зъ двора гостиного, шарпаючы, прочъ". Въ этомъ заявленіи конныхъ приведенъ цѣликомъ и листъ-

---

[1]) Т.-е. Брестовскаго и Макаровича (послѣдній въ этомъ мѣстѣ документа названъ Василіемъ Тисничемъ).

[2]) Въ изданіи документа пропущено слово «три» передъ словомъ «тысечы». Ср. Ист.-Юр. Мат. I, стр. 330.

[3]) Текстъ «квита» генералъ-вознаго Захарчинскаго — Ист.-Юр. Мат. I, стр. 326—332.

[4]) Бородичъ Дементеевичъ, Петръ Волзинъ, Левонъ Волзинъ, Есипъ Симоновичъ Велижанинъ, Иванъ Тютковичъ, Семенъ Ивановичъ, Занко Михайловичъ Волкъ, Хома Сижиковскій, Данила Григорьевичъ Чоска, Василій и Петръ Матвѣевичи Волзины, Иванъ Карниловичъ Дрондя, Осипъ Якимовичъ Корабельникъ, Леонъ Васковичъ, Ѳеодоръ Жлукта, Яковъ Коробанъ, Ѳеодоръ Косьянъ, Яцко Ѳедоровичъ.

[5]) Заявленіе конныхъ, въ которое вошолъ и текстъ листа Захарчинскаго — Ист.-Юр. Мат. I, стр. 324—332.

„сознанье“ генералъ-вознаго Юрія Гавриловича Захарчинскаго, о которомъ упоминаетъ пересказанное нами выше заявленіе Казарина. Захарчинскій излагаетъ то же самое, что намъ уже извѣстно о происшедшемъ въ гостиномъ дворѣ, существенно дополняя дѣло приведеннымъ имъ полностью текстомъ распоряженія Витебскаго воеводы, послужившимъ ближайшимъ толчкомъ для возникновенія всего столкновенія въ средѣ мѣщанства Витебска [1]).

23-го же іюня 1593 года внесъ въ Витебскія земскія книги свое заявленіе и Витебскій возный Михайло Тимофеевичъ Добринецкій [2]). Это заявленіе прибавляетъ еще нѣсколько подробностей, цѣнныхъ потому, что Добринецкій находился при посполитыхъ, въ то время какъ предыдущіе документы, пересказанные нами, идутъ отъ лицъ, встрѣтившихся съ посполитыми лишь въ самый моментъ появленія Казарина въ гостиномъ дворѣ. Добринецкій говоритъ о томъ, какъ онъ вступилъ въ это дѣло, въ своемъ „сознаньѣ“ такъ: 22 іюня 1593 года, „водлугъ нового календару, будучы мне взятому, за листомъ и писаньемъ до мене отъ его милости“ Витебскаго воеводы, „войту господаръскому места Витебъского, пану Богдану Яковлевичу Грому, также мещаномъ посполитымъ Витебъскимъ на вшелякие ихъ права меские“. Со своею „стороною“ [3]), какъ возный, онъ находился въ этотъ день въ мѣстскомъ гостиномъ дворѣ на Завитебномъ посадѣ, гдѣ собрались „мещане и все посполство места Витебского“. Посполитые мѣщане [4]), „будучы того дня“ въ гостиномъ дворѣ „на въспе, зобраномъ для порады своее меское“, отправили „своихъ двухъ братовъ, мещанъ Витебскихъ“ [5]), а съ ними „не мало людей, братю свою“, къ Витебскому намѣстнику Казарину „съ такою справою“—съ отвѣтомъ на копію листа воеводы, которая была выдана Казаринымъ посламъ посполитыхъ для отвѣта на этотъ листъ послѣднихъ [6]). Отвѣтъ этотъ Добринецкимъ передается не такъ кратко, какъ это дѣлаетъ Казаринъ. Онъ заключаетъ въ себѣ мотивировку посполитыми своего поступка. Вотъ этотъ отвѣтъ въ передачѣ

---

[1]) Ист.-Юр. Мат. I, стр. 328—330.

[2]) Ibidem. стр. 335—340.

[3]) Два Витебскихъ шляхтича: панъ Александръ Овдовскій и панъ Яцко Лукашевичъ Буевичъ.

[4]) Иванъ Бѣлый, Ѳедоръ Драбышъ, Власъ Дрошковъ, Онико Матвѣевъ, Богданъ Тарасовъ, Ондрей Никифоровъ, Семенъ Вертошковъ, Сафонъ Спица, Максимъ Олексинъ, Иванъ Озарко, Васко и Юрко Котельники, Богданъ Михалевъ, Иванъ Левушня, Прокопъ Дроня, Кузьма Соколовъ, Юрко, Илья и Артемъ Колесцы, Остапъ Митковъ, Богданъ Сидковъ, Андрей Овсяникъ Кмита, Андрей Войля, Яковъ Девятый, Иванъ Самуйловъ, Яковъ Семеновъ, Ѳедко Вавула, Олексѣй Сидоровъ „и зо всими мещаны посполствомъ места Витебского“,

[5]) Максимъ Масень и Илья Хоминичъ Свѣчка

[6]) См. выше, стр. 262.

Добринецкаго: „милостивый дей пане, мы, яко посланцы отъ братьи своее, мещанъ посполства Витебского, посланыи зъ дому гостиного до твоей милости, яко до враду, на [отказъ] [1]) тое копеи зъ листу его милости пана воеводы Витебского, которую дей ваша панская милость рачылъ намъ дать для порозуменья братьи нашой, мещаномъ посполству Витебскому, которую дей копею прочытавшы оную зъ учътивостью, же дей милостивый панъ наместникъ пишетъ до насъ его милость панъ воевода его милость, жебыхмо мещаномъ конъным важъницу и домъ гостинъный и пе́чать мескую зе вшелякими доходы и пожытки поступити мели, нижли дей, милостивый пане, мещане конъные зъ нами у праве стоятъ. Съ тыхъ дей причынъ, милостивый пане, мещане мы вси, посполство места Витебъского, увязанье у важницу и домъ мескій и во въси пожытки поступити не хочемъ, кгдыжъ дей нашъ Витебскій войтъ, панъ Богданъ Яковлевичъ Громъ и съ посланцами нашими до Витебъска прыедутъ, а мы потуль безъ ведомости ихъ не поступуемъ“. На это Казаринъ отвѣтилъ: „чему дей васъ ко мне мало узышло съ тымъ отказомъ на тую копею на листъ его милости пана воеводинъ, до васъ писаною“. А затѣмъ „повторе“ сказалъ: „прыйдите дей ко мъне зъ болъшею громадою людей на отказъ“. Посполитые „розказанью его милости пана наместникова досыть послушенству чынили“; но, когда они явились къ нему, „зъ болъшою громадою, зъ мещаны своими, посполъствомъ Витебъскимъ“, то шестерыхъ изъ явившихся мѣщанъ Казаринъ посадилъ въ „турму“. Мѣщанинъ Павелъ Васильевичъ Скоробогатый съ вознымъ и его „стороною“ отправился „до замъку господарского Витебъского вышнего“, гдѣ сидѣли шесть заключенныхъ мѣщанъ [2]), и Скоробогатый „сполне зъ мещаны посполствомъ Витебскимъ“ передъ вознымъ и стороною его спросилъ ихъ: „хто дей васъ осадилъ тутъ до везенья“? Заключенные, „седечы у турме“, отвѣтили: „гды дей насъ братья наша, мещане посполство Витебское, посылали до его милости пана Тимофея Казарина, наместника Витебского, зъ двора меского на отказъ тое копеи звышъ мененое зъ листу его милости пана воеводина, ... а его дей милость панъ Тимофей Казаринъ казалъ насъ заразъ слугамъ своимъ до везенья замъкового, до турмы, посадити, не выслухавъшы дей въ насъ мовенья нашого“. Возный Добринецкій со своею стороною на другой день, т.-е. 23 іюня, находился въ гостиномъ дворѣ при всѣхъ посполитыхъ мѣщанахъ, когда пришолъ туда Казаринъ съ генералъ-вознымъ Захарчинскимъ и стороною послѣдняго. Ставъ

[1]) Въ изданіи точки. Основаніемъ для возстановленія въ текстѣ слова „отказъ“ является не только смыслъ фразы, но и стр. 344 того же I-го тома Ист.-Юр. Матеріаловъ.

[2]) Максимъ Масень, Ѳедоръ Драбышъ, Юрко Клинко, Матвѣй Кромковичъ, Илья Свѣчка, Онига Гончаръ.

вмѣстѣ со всѣми ними „подле важницы“, Казаринъ сказалъ Добринецкому: „ты дей, пане возный, за чиимъ приданьемъ, отъ кого естъ ты зъ ураду до тыхъ мещанъ посполитыхъ Витебъскихъ приданымъ“? На это Добринецкій отвѣтилъ, что онъ „приданымъ естъ до вшелякихъ справъ“ Витебскому войту Богдану Грому и всѣмъ посполитымъ мѣщанамъ Витебска по листу воеводы, который онъ раньше показывалъ Казарину, но котораго теперь при себѣ не имѣетъ, и что „въ той копеи зъ листу его милости пана воеводиномъ, до места писаного, признаваемъ за войта Витебъского Богдана Грома“. Послѣ этого намѣстникъ Казаринъ обратился къ мѣщанамъ съ такими словами: „панове дей мещане, хотя дей мне не годилося было прыйти до васъ зъ листомъ его милости пана воеводинымъ, до васъ писанымъ, тутъ, до дому вашого меского, якожъ дей дня третего далъ былъ есми вамъ копею зъ листу его милости пана воеводина, до васъ писаного, для порозуменья, нижли дей на тую копею, выступивши зъ посродку братьи своее Павелъ Васильевичъ Скоробогатый, за прозбою отъ всее братьи своее, мещанъ всего посполства Витебъского, тыми словы мовилъ“. Казаринъ привелъ эти слова: отъ имени всего поспольства мѣщанъ Скоробогатый и посполитые мѣщане, стоявшіе около него, заявили, что чтятъ и „зъ учтивостью“ принимаютъ воеводинъ листъ, но коннымъ мѣщанамъ не хотятъ „поступити“ важницы, мѣстскаго двора и мѣстскихъ доходовъ—ихъ войтъ Богданъ Громъ съ ихъ посланцами поѣхалъ къ королю „на росправу“, и безъ нихъ они не могутъ этого сдѣлать. Тогда Казаринъ сказалъ: „пытаю дей васъ, панове мещане, за симъ листомъ его милости пана воеводинымъ, чы поступуете дей вы [въ] важъницу и доходы меские мещаномъ конънымъ увязанья“? На этотъ вопросъ Скоробогатый вмѣстѣ съ мѣщанами-поспольствомъ отвѣтилъ: „милостивый пане! просимъ покорне вашу панъскую милость, не рачъ ваша милость намъ кривды чынить до приезъду войта нашого пана Богдана Грома и посланъцовъ нашыхъ“. Послѣ этого Казаринъ „далъ покой тымъ мещаномъ посполитымъ и съ того двора гостиного прочъ пошолъ“. Все это Добринецкій удостовѣрилъ своимъ листомъ-„сознаньемъ“, выданнымъ имъ Ивану Ермоловичу Бѣлому, въ это время бывшему „на мейсцу войта господаръского Витебъского“ пана Грома, а также и Витебскимъ посполитымъ мѣщанамъ. Такими выступаютъ подробности дѣла въ оффиціальномъ же заявленіи вознаго, но представленномъ въ земскія книги не со стороны конныхъ мѣщанъ и Казарина, а со стороны мѣщанъ посполитыхъ. Это же самое „сознаніе“ вознаго Добринецкаго внесено въ Витебскія книги и еще разъ, 26 іюня 1593 года [1]).

---

[1]) Ист.-Юр. Мат. I, стр. 343—348.

23-го же іюня 1593 года въ Витебскія земскія книги внесено и другое заявленіе вознаго М. Т. Добринецкаго, которое объясняетъ, почему мѣщанинъ Скоробогатый выступаетъ въ предшествующемъ изложеніи представителемъ всего Витебскаго посполитаго мѣщанства. Въ этотъ самый день 23 іюня, Добринецкій [1]) со своею стороною [2]) былъ „упрошонымъ“ отъ Скоробогатаго „на запытанье мещанъ господарскихъ посполитыхъ“ Витебскихъ, а именно Софона Спицы, Семена Вертошки, Кузьмы Соколовскаго, Алексѣя Масня и Богдана Тарасова. Находясь при Скоробогатомъ „на дворе мескомъ, стоячомъ на посаде Завитебномъ“, Добринецкій видѣлъ и слышалъ слѣдующее. Скоробогатый сказалъ вышеназваннымъ мѣщанамъ, что Казаринъ идетъ къ мѣстскому двору и къ важницѣ, чтобы ихъ „подати“ коннымъ мѣщанамъ „за листомъ“ воеводы; кто же изъ нихъ „речъ мовитъ“ Казарину? Тогда эти мѣщане просили Скоробогатаго говорить отъ имени ихъ и всѣхъ посполитыхъ передъ намѣстникомъ, прибавивъ при этомъ: „а ваги, вашмость, и двора мескаго мещаномъ конънымъ не поступуй, бо мы теперъ зъ ними право ведемъ“. Скоробогатый возразилъ: „панове дей мещане, я чоловекъ молодый, не смею зъ его милостью спротивяти“. Отвѣтомъ на это было: „пане дей Павле, если же вашмости якая шкода отъ кого жъ колвекъ стать мела, або што бы колвекъ наложилъ грошомъ своимъ на потребу нашую мескую, теды дей мы вашмости шлюбуемъ, то все своимъ властнымъ грошомъ заплатимъ, хотя бы ся для насъ будь везенья абы и бою якого терпети мелъ“ [3]).

До 1-го іюля 1593 года посполитые должны были отстаивать себя противъ конныхъ, не имѣя во главѣ себя своего войта. Его замѣщалъ Иванъ Ермоловичъ Бѣлый, который, видимо, не справлялся со своимъ положеніемъ, такъ какъ защищать интересы посполитыхъ передъ Витебскимъ намѣстникомъ былъ ими уполномоченъ Павелъ Васильевичъ Скоробогатый. 1-го іюля вернулся наконецъ въ Витебскъ войтъ Громъ, 9-го еще мая этого года посланный на вальный сеймъ въ Варшаву [4]) „отъ мещанъ и всего посполъства Витебъского для справъ мескихъ“ [5]). Сейчасъ же по возвращеніи въ Витебскъ, 1-го іюля, онъ внесъ въ

---

[1]) Добринецкій о себѣ говоритъ: „будучы приданый за листовнымъ писаньемъ отъ ясневелможного пана его милости, пана Миколая Павловича Сапеги, воеводы Витебъского, старосты Велижъского, державъцы Суражъского“. Ист.-Юр. Мат. I, стр. 341. Ср. ibidem, стр. 343.

[2]) Два шляхтича—панъ Александръ Овдеевскій и панъ Яцко Лукашевичъ Буевичъ.

[3]) Заявленіе Добринецкаго.—Ист.-Юр. Мат. I, стр. 341—342.

[4]) Конституція этого сейма—25 іюня 1593 года (Volumina Legum. Tom II. Petersburg. 1859. Str. 354).

[5]) Ист.-Юр. Мат. I. Стр. 348.

Витебскія земскія книги свое заявленіе, изъ котораго узнаемъ, что Казаринымъ были къ этому времени посажены „до везенья замъкового“ уже не шесть, а двѣнадцать мѣщанъ. Громъ тотчасъ по пріѣздѣ отправился къ Казарину, „хотечы о томъ ведать, хто тыхъ мещанъ, братью“ его, „до везенья осадилъ“. На этотъ вопросъ намѣстникъ отвѣтилъ: „если дей ты, войте, того не зведомъ, тогды пытай се у братьи своее о копіи зъ листу его милости пана воеводиномъ, имъ даной, тамъ же доведаешъся и зъ нее зрозумеешъ, хто и за што ихъ посадилъ, а на остатокъ и поведаю тобе, же они естъ за спротивенъство листу его милости пана воеводы осажоны и еще дей и болшъ сажати буду“. Тогда войтъ попросилъ намѣстника дать для этого дѣла вознаго, но получилъ отказъ. Въ виду этого Громъ воспользовался тѣмъ, что тогда какъ разъ отсуживалась Троицкая сессія земскаго суда, и обратился за вознымъ къ послѣднему. Земскій судъ исполнилъ его просьбу и далъ ему Витебскаго вознаго Войтеха Костеневскаго, который, „тамъ бывъшы и тое справы ихъ местское прыслухавшысе“, подалъ въ земскія книги такое „сознанье“. 1-го іюля 1593 года онъ со стороною [1]) „ходилъ въ замокъ господарскій Витебъскій вышній до наместъника воеводъства Витебъского, пана Тимофея Казарина“. Тутъ войтъ Громъ черезъ него, вознаго, и его сторону „оказовалъ“ Казарину „листъ вспоминальный“, писанный къ Витебскому воеводѣ Миколаю Сапегѣ и выданный изъ господарской канцеляріи за печатью и подписью „руки господарское“. Въ этомъ листѣ король, „навпоминаючы его милость пана воеводу, писати рачылъ, абы его милость самъ, тамъ до Витебъска заехавшы, справъ и вшелякихъ розтырковъ ижъ такъ зъ Семеномъ Савлукомъ [2]), яко и зъ мещаны конъными розъсудкомъ своимъ дойзрелъ о то, все межы ними успокоилъ, такъ же и въходы ихъ меские, которые они зъ давныхъ часовъ, водле правъ и волностей своихъ, въ моцы своей маютъ, къ тому и войтовъство Витебъское—во все то абы се его милость самъ черезъ себе и наместниковъ своихъ не въступовалъ“. Но Казаринъ, принявъ отъ вознаго этотъ листъ и прочитавъ его „съ початку и до конца“, заявилъ, что онъ „ни до кого инъшого естъ писанъ, одно до самого его милости пана воеводы“; поэтому онъ не принимаетъ его, „и, если дей естъ кому потреба, нехай зъ нимъ едетъ до его милости пана воеводы“. Тогда возный „давалъ“ Казарину копію съ этого упоминальнаго королевскаго листа, за своими печатью и подписью, а также за подписями двухъ шляхтичей, но онъ не принялъ и этой копіи. Послѣ этого войтъ Громъ передъ вознымъ и его стороною спросилъ Казарина:

---

[1]) Два шляхтича—панъ Иванъ Жолнеровскій и панъ Андрей Жуковскій.

[2]) Витебскій войтъ Семенъ Савлукъ упоминается въ 1588 году (Ист.-Юр. Мат. XXI. Стр. 403) и затѣмъ опять, послѣ Грома въ 1594 году (Ист.-Юр. Мат. XX. Стр. 411). См. также выше въ текстѣ.

„хто бы дей братью нашу, мещанъ посполитыхъ Витебъскихъ, до везенья замъкового, въ небытности моей, посажалъ?“ Отвѣтомъ Казарина было: они посажены имъ „за спротивенство противъ листу его милости пана воеводиного“. Возный со стороною отправился затѣмъ „до турмы оныхъ посажоныхъ вязневъ на запытанье ихъ, отъ кого бы они таковое везенье терпели“. На его вопросъ всѣ двѣнадцать заключенныхъ [1]) „въ одно слово“ отвѣтили: „коли есмо были пришли до его милости пана наместника, хотячы се прыслухать листу его милости пана воеводиному, тогды панъ Тимофей Казаринъ заразомъ казалъ насъ слугамъ своимъ до того везенья посадити, нетъ ведома для которое причыны, безвинне, и вже дей въ томъ невинномъ везенью седимъ десять дней [2]) и болшъ того не ведаемъ, колко еще седити будемъ въ томъ окрутномъ везенью“ [3]).

Въ напечатанныхъ актахъ Витебскаго земскаго суда не находимъ окончанія всего этого дѣла. Можно, однако, изъ нѣкоторыхъ указаній отдѣльныхъ документовъ этого суда сдѣлать выводъ, что посполитые не вышли изъ столкновенія съ конными полными побѣдителями. Въ 1594 году войтомъ Витебска былъ уже не Богданъ Яковлевичъ Громъ, а Семенъ Семеновичъ Савлукъ, занимавшій войтовскій урядъ и въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ XVI-го столѣтія. Имя этого Савлука встрѣчаемъ въ 1594 году въ числѣ „печатарей“ на завѣщаніи коннаго мѣщанина Витебскаго Игната Селивоновича (съ Кобищъ) вмѣстѣ съ именами нѣсколькихъ мѣщанъ конныхъ [4]). Этотъ же самый Савлукъ былъ Витебскимъ войтомъ въ 1588 году [5]), а упоминаніе его имени въ листѣ Сигизмунда III къ воеводѣ Миколаю Сапегѣ, привезенномъ Громомъ съ Варшавскаго сейма 1593 года [6]), даетъ основаніе думать, что онъ былъ прямымъ предшественникомъ Грома по войтовству, притомъ въ началѣ девяностыхъ годовъ попавшимъ въ „справы и розтырки“, которыя возникли среди Витебскаго мѣщанства. Въ передачѣ содержанія этого листа имя Савлука соединяется съ конными мѣщанами [7]). Въ 1589 году Сигизмунду III-му войтъ съ мѣщанами Витебска бьетъ челомъ о подтвержденіи „правъ и всихъ волностей ихъ мѣстскихъ“, которое дается королемъ съ утвержденіемъ особеннаго привилегированнаго положенія конныхъ мѣщанъ, что было, конечно, сдѣлано въ согласіи

---

[1]) Максимъ Масень, Илья Свѣчка, Кузьма Соколовъ, Юрко Иличъ, Онико Матвѣевъ, Матвѣй Громковичъ, Богданъ Содковъ, Богданъ Тарасовъ, Омельянъ и Онухрей Никипоровичи, Ѳедоръ Парфеновъ, Яковъ Семеновъ.

[2]) Въ изданіи: „дей“.

[3]) Заявленіе войта Грома и „сознаніе“ вознаго Войтеха Костеневскаго— Ист.-Юр. Мат. I. Стр. 348—352.

[4]) Ист.-Юр. Мат. XX. Стр. 411.

[5]) Ист.-Юр. Мат. XXI. Стр. 403.

[6]) Ист.-Юр. Мат. I. Стр. 350.

[7]) См. выше, стр. 259.

съ желаніемъ просителей. [1]) Если сопоставить всѣ эти отдѣльныя черты, получается довольно ясное впечатлѣніе того, что Савлукъ былъ ставленникомъ конныхъ мѣщанъ, желаннымъ для нихъ войтомъ, отстаивавшимъ ихъ интересы. Возвращеніе его на войтовской урядъ въ 1594 году говоритъ о побѣдѣ конныхъ надъ посполитыми въ дѣлѣ замѣщенія этого уряда. Но съ другой стороны не удержался на Витебскомъ намѣстничествѣ и Тимофей Казаринъ, этотъ сторонникъ конныхъ мѣщанъ противъ посполитыхъ, явно враждебно дѣйствовавшій по отношенію къ послѣднимъ. Въ 1594 году Витебское намѣстничество держалъ уже Миколай Яновичъ Дережинскій отъ того же воеводы Миколая Сапеги [2]), между тѣмъ Казаринъ вовсе не такъ задолго до лѣта 1593 года, когда разыгралось вышеизложенное столкновеніе конныхъ и посполитыхъ мѣщанъ въ Витебскѣ, вступилъ въ должность воеводскаго намѣстника [3]).

Иногда въ источникахъ къ словамъ „конные мѣщане“ присоединяется еще слово „поселскіе“. Эти посельскіе конные мѣщане представляютъ собою нѣкоторую группу въ самомъ конномъ мѣщанствѣ, какъ цѣломъ. Въ одной изъ записей Витебскаго земскаго суда 1626 года дается такое перечисленіе группъ, на которыя распадается Витебское конное мѣщанство: „мещане конные—некоторые въ месте Витебъскомъ мешъкаючые, а другие на розныхъ местъцахъ у воеводстве селъка, кгрунты, а некоторые на предместю Витебъскимъ поля свои маючые“. [4]) Такимъ образомъ конные мѣщане естественно распались на двѣ главныя группы: 1) живущіе въ самомъ Витебскѣ или въ его предмѣстьѣ и 2) разбросанные со своими имѣніями по разнымъ мѣстамъ Витебскаго воеводства. Послѣдніе и носили наименованіе посельскихъ [5]). Одинаковое правовое положеніе обѣихъ группъ коннаго мѣщанства не могло создавать одинаковости ихъ дѣйствительныхъ интересовъ. Жившіе въ самомъ Витебскѣ или въ его предмѣстьѣ сохраняли реальную связь съ городомъ и городскою жизнью. Вопросы этой жизни и мѣщанскаго самоуправленія съ его хозяйствомъ представляли для нихъ вопросы крупнѣйшаго значенія, и отъ участія въ ихъ разрѣшеніи съ рѣшающимъ голосомъ они не могли отказаться. Иное дѣло конные посельскіе мѣщане. Живя въ своихъ имѣніяхъ, они утрачивали непосредственныя

---

[1]) А. Ю. и З. Р. I. № 187.

[2]) Ист.-Юр. Мат. XX. Стр. 408, 453.

[3]) Въ 1590 году Витебскимъ намѣстникомъ Сапеги былъ Янъ Война Ромейко. Ист.-Юр. Мат. XX, стр. 401 и сл.

[4]) Ист.-Юр. Мат. I. Стр. 369.

[5]) Въ подтвержденіи земель посельскимъ коннымъ мѣщанамъ отъ Сигизмунда III отъ 24 марта 1626 года читается: „supplikowali nam mieszczanie naszy konni posielscy, nie w miescie, ale w woiewodstwie Witebskim po rożnych miescach iedni od drugich w kilku milach na grunciech swych oyczystych y kupnych wieczystych mieszkaiące“. Ibidem. Стр. 371.

связи съ городомъ, и интересы городской жизни не могли имѣть для нихъ очень существеннаго значенія. На первомъ планѣ для нихъ должны были стать ихъ права въ повѣтѣ, рядомъ съ повѣтовою шляхтою, а не въ средѣ Витебскаго мѣщанства.

Встаетъ естественно вопросъ: почему конное мѣщанство встрѣчаемъ въ Витебскѣ, не встрѣчая его въ другихъ крупныхъ городахъ Западной Руси? Въ другихъ старыхъ городахъ источники также знаютъ мѣщанъ, которые служатъ „конемъ“, подобно боярамъ и шляхтѣ, но которые не образовали группы населенія, выдѣлившейся по своему правовому положенію изъ остального мѣщанства. Такъ, Полоцкая Ревизія 1552 года даетъ длинный перечень мѣщанъ Полоцка, которые выставляютъ коней „ку службе земской“. [1]) Заголовокъ, подъ которымъ дано Ревизіей 1552 года описаніе этихъ мѣщанъ, слѣдующій: „а то суть мещане под тымъ же прысудомъ права майдыборского, которые имене свои маютъ“ [2]) Если присмотрѣться къ этому описанію, въ которомъ перечислены мѣщане, служащіе земскую военную службу, то обнаружится размѣръ ихъ имѣній, не только равный съ размѣрами имѣній шляхтичей, но часто даже ихъ превосходящій. Такъ, Полоцкій бурмистръ Давидъ Панковъ обозначенъ имѣющимъ 7 селъ и селецъ, принадлежащихъ ему вполнѣ по праву покупки, и одно имѣньице въ залогѣ отъ трехъ Полоцкихъ бояръ [3]) Въ его селахъ и сельцахъ обозначены 38 дымовъ вольныхъ людей, одинъ человѣкъ, дающій ему четвертый снопъ со всякаго збожья, одинъ путный слуга, служащій ему конемъ, кромѣ того одна корчма; въ заставномъ имѣніи—9 дымовъ вольныхъ людей [4]). „Ку службе земской“ Давидъ Панковъ долженъ выставлять 3-хъ коней. Если взглянемъ на списокъ Полоцкой шляхты въ той же Ревизіи 1552 года [5]), то замѣтимъ, что лишь 12 шляхетскихъ земельныхъ владѣній выставляли по 3 коня, въ то время какъ 29—по 2 коня, 48—по одному коню [6]). Не забудемъ при этомъ, что по 2 и по 1 коню выставляли 77 изъ 112 шляхетскихъ земельныхъ владѣній, т.-е. цѣлыхъ 69%. Вообще землевладѣніе этой группы Полоцкихъ мѣщанъ своими размѣрами смѣло выдерживаетъ сравненіе съ землевладѣніемъ шляхты, за исключеніемъ, конечно, верхнихъ слоевъ послѣд-

[1]) Полоцкая Ревизія 1552 года. Къ изданію приготовилъ *И. И. Лаппо*. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Р. при Моск. Ун. 1905. II (и отдѣльно М. 1905). Стр. 31—43.

[2]) Полоцкая Ревизія 1552 года. Стр. 31.

[3]) Гаврило, Курило и Андрей Опскушковичи.

[4]) Полоцкая Ревизія 1552 года. Стр. 31—32.

[5]) *И. И. Лаппо*. Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія. Томъ I. СПБ. 1901. Стр. 494.

[6]) Изъ послѣднихъ одно даже лишь „водле можности“. Полоцкая Ревизія 1552 года. Стр. 163.

ней. Но свыше 3-хъ коней изъ 112 шляхетскихъ земельныхъ владѣній Полоцкаго воеводства выставляли лишь 23 владѣнія, т.-е. около 20% общаго числа ихъ.

Такимъ образомъ мѣщанство, владѣвшее имѣніями, несомнѣнно являлось замѣтною частью тѣхъ земскихъ ополченій, въ которыя формировались въ военное время землевладѣльцы областей, обязанные земскою военною службою. Въ эпоху, когда значеніе отдѣльныхъ обывателей земли или стараго повѣта [1]) опредѣлялось не ихъ сословностью и шляхетскою привилегіею, а дѣйствительнымъ, реальнымъ положеніемъ, основаннымъ на размѣрахъ землевладѣнія и связанныхъ съ ними размѣрахъ участія въ земскомъ войскѣ, землевладѣльческое мѣщанство стояло рядомъ со шляхтою-боярствомъ, мѣшаясь съ его рядами. [2]) Участіе мѣщанъ въ земской военной службѣ не только не могло возбуждать недовольства бояръ-шляхты, но было для нихъ желательно и цѣнно, какъ оно было цѣнно и для верховной власти, первымъ—какъ замѣтная помощь, второй—какъ увеличеніе военныхъ силъ. Но въ Полоцкѣ мѣщане, выставлявшіе коней въ рушеньѣ, не образовали особой по своимъ правамъ группы населенія. Не встрѣтились намъ въ источникахъ конца XVI столѣтія указанія на такую группу и въ другихъ крупныхъ городахъ Западной Россіи. Причиною особенности Витебска въ этомъ отношеніи является исторія самоуправленія его, какъ мѣста-города.

Витебскъ до самаго конца XVI столѣтія не имѣлъ Нѣмецкаго городского права, по крайней мѣрѣ въ его полномъ видѣ. Въ перечняхъ городовъ, обладавшихъ Магдебургскимъ или Хелмскимъ правомъ, которые приводятся въ исторической литературѣ, Витебскъ отсутствуетъ [3]), хотя никому и въ голову не можетъ придти выбрасывать его изъ списка самыхъ крупныхъ городовъ Великаго Княжества Литовскаго [4]). И въ

---

[1]) Т. е. до реформы повѣтовъ въ 1566 году.

[2]) Такъ, Полоцкая Ревизія 1552 года называетъ среди мѣщанъ Софійскаго протопопа Ѳеофана, который съ имѣнія (отчина его жены) „ку службе земской поспол зъ земяны конь ставитъ“ (стр. 42).

[3]) См., напр., списокъ у *С. А. Бершадскаго* (Литовскіе Евреи. СПБ. 1883. Стр. 261) и *Ѳ. В. Тарановскаго* (Обзоръ памятниковъ Магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи. Варшава. 1897. Стр. 18—19).

[4]) Гваинни о Витебскѣ пишетъ: „Vitebsk civitas satis ampla, ad Dwinam fluvium insignem et navigabilem, quo merces omnigenae Rigam Livoniae metropoliam deportantur, sita. Arces duas amplissimas natura et oportunitate loci munitissimas habet, quarum una inferior in planitie sita, civitatis formam amplitudine referens dicitur. Altera superior in colle eminentiori condita, utraque propugnaculis et parietibus ex roboribus extructis, terraque et lapidibus impletis suppelectilique bellica, tormentis et bumbardis apprime munita. Eas una cum civitate ab oriente fluvius Dwina oportune praeterlabitur, in quam sub ipsa arce ex altera parte Viczba fluvius exoneratur. Haec arx omnium arcium finitimarum totiusque Lituaniae est fortissimum propugnaculum contra incursum Moschorum“..... *Alexandri Gwagnini.*

самомъ дѣлѣ Витебскъ получилъ Магдебургское право лишь въ 1597 г. [1]). Но въ этомъ городѣ войта встрѣчаемъ очень рано, что, повидимому, должно указывать на наличность Нѣмецкаго права въ городѣ уже въ это время. Съ другой стороны, Витебскъ и до 1597 года значится въ ряду „мѣстъ упривильеванныхъ“ [2]). Но въ его городской, мѣстской жизни до 1597 года выступаетъ лишь войтъ, безъ бурмистровъ и радцевъ, которые были рядомъ съ войтомъ въ городахъ Магдебургскаго и Хелмскаго права [3]). Съ ходатайствами отъ Витебскаго мѣста обращается къ верховной власти войтъ одинъ, притомъ не только вмѣстѣ съ мѣщанами, но и вмѣстѣ съ другими классами населенія. Такъ, подтвержденіе Уставной грамоты Витебской землѣ дано въ 1503 году великимъ княземъ Александромъ по челобитью, которое ему принесли „вси князи и бояре и слуги Витебскіи, и войтъ и мѣщане мѣста Витебского и вся земля Витебская“ [4]). Въ челобитьѣ тому же великому князю отъ Витебска въ 1495 году на насилія Витебскаго намѣстника, князя Михаила Жеславскаго даже не названъ и войтъ, а просто „мѣщане Витебскіи и все поспольство“ [5]). Въ пересказанномъ выше дѣлѣ мѣщанъ конныхъ съ посполитыми въ Витебскѣ не встрѣчаемъ ни лентвойта, ни бурмистровъ, ни радцевъ. А между тѣмъ всѣмъ этимъ должностнымъ лицамъ слѣдовало бы выступать въ такомъ дѣлѣ, которое всколыхнуло все Витебское мѣсто, притомъ въ отсутствіи войта. Самъ войтъ Громъ, этотъ энергичный защитникъ правъ Витебскаго мѣщанства, не говоритъ ни слова

Sarmatiae Europeae Descriptio..... Spirae. MDLXXXI. Стр. 59. Русскій переводъ этого отрывка см. у *А. Сапунова*. — Витебская Старина. Т. I. Витебскъ. 1883. Стр. 619—620. Ср. А. Ю. и З. Р. I, № 125.

[1]) А. З. Р. IV. № 118. Также у *А. Сапунова* Op. cit. Стр. 74—82.

[2]) Напримѣръ, въ записи разсылки листовъ „о поборе поголовномъ“ (Дата: Вильна, 1 февраля 1566 года) значится: „а то листы писаны особливые до мест его кролевъское мл. упривилеваныхъ; тут в месте Виленскомъ розъдано — войту Витебъскому, войту Виленскому“ и т. д. (Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 89). Другой примѣръ—въ записи о разсылкѣ листовъ „о третий грош поголовщизны“ изъ Люблина 29 апрѣля 1566 года: „до местъ упривилеваных — до места Менского, до места Витебского“ (ibidem, л. 104 об.).

[3]) Нпр., „били нам чолом войт мѣста Виленского, бурмистры и рядци и вси мѣщане“. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковна, Трокъ..... Часть I. Вильно. 1843. Стр. 17. Войтъ, бурмистры и радцы по Хелмскому праву—напр., А. З. Р. II. № 123.

[4]) А. З. Р. I. № 204. Ист.-Юр. Мат. II. Стр. 233—236. *М. Ясинскій*. Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. Кіевъ. 1889. Стр. 103.

[5]) А. З. Р. I. № 127. Еще примѣръ. Въ 1589 году Сигизмундомъ III было дано подтвержденіе на „вси права, вольности и привилья“, отъ предшествующихъ великихъ князей „наданые и потвержоные“ Витебскимъ мѣщанамъ, и сдѣлано это по челобитью Витебскихъ войта и мѣщанъ. О Нѣмецкомъ правѣ въ этомъ подтвержденіи нѣтъ ни слова. А. Ю. и З. Р. I. № 187.

даже о компетенціи своего войтовского уряда. Наконецъ, вмѣсто бурмистровъ и радцевъ видимъ лишь 12 выборныхъ. А въ то же самое время пересказанные выше акты знаютъ и мѣстскія дѣла, и важницу, и скриню, которыя вѣдаютъ Витебскіе мѣщане. Но „вѣсы Витебскіе“ знаетъ и Уставная грамота Витебской земли [1]).

Такимъ образомъ до конца XVI столѣтія Витебскъ не имѣлъ ни Магдебургскаго, ни Хелмскаго права, хотя его мѣщане и пользовались элементами самоуправленія. Это и должно было благопріятствовать сохраненію старины въ видѣ неотдѣленія вполнѣ отъ шляхты служившаго земскую службу мѣщанства, которое, стоя между шляхетствомъ и посполитымъ мѣщанствомъ, сохраняетъ право вѣдаться шляхетскимъ повѣтовымъ судомъ и дѣлитъ въ то же время съ остальнымъ мѣщанствомъ участіе въ городскомъ самоуправленіи, отстаивая это право равнаго въ послѣднемъ участія самымъ энергичнымъ образомъ. Нельзя не подчеркнуть тутъ того, что, заявляя себя равноправными въ Витебскомъ мѣстѣ съ остальными мѣщанами, конные не смѣшиваются съ ними и требуютъ для себя права не общаго участія съ остальнымъ мѣщанствомъ въ выборахъ войта и 12-ти уполномоченныхъ, но равнаго участія какъ группы городского населенія Витебска, противополагаемой посполству мѣста, хотя они и были гораздо малочисленнѣе посполитыхъ. Послѣднее и, надо думать, было главною причиною недовольства посполитаго мѣщанства.

Отсутствію въ Витебскѣ до конца XVI столѣтія Магдебургскаго права соотвѣтствуютъ указанія источниковъ на значительное единство земской жизни Витебской земли, выражавшееся и въ участіи мѣщанъ, наравнѣ съ князьями, панами и боярствомъ, въ земскихъ сеймахъ [2]) и въ выработкѣ „уставъ“, обязательныхъ для цѣлой Витебской земли [3]). Городъ Витебскъ еще до конца XVI вѣка не былъ отдѣленъ отъ Витебской земли Магдебургскимъ правомъ. Раздѣленіе въ среду классовъ населенія, участвовавшихъ прежде рядомъ въ земской жизни, до этого времени внесено было шляхетскимъ устройствомъ 1566 года съ созданіемъ

---

[1]) А. З. Р. I. № 204.

[2]) *Е. В. Данилевичъ.* Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1896. Стр. 173 — 176, ср. стр. 183, 212 — 214. *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій сеймъ. М. 1900. Стр. 157 — 159. *Н. А. Максимейко.* Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи 1569 года. Харьковъ. 1902. Стр. 37. Ср. Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства *М. Ясинскаго* (Кіевъ. 1889), стр. 56.

[3]) Нпр., „зволилися“ передъ Витебскимъ воеводою владыка Полоцкій, Витебскій и Мстиславскій „и вси князи и панове, бояре и мѣщане Витебскіе, какъ мають за собою людей своихъ похожихъ вольныхъ держати“. А. Ю. и З. Р. I. № 94 (1531 годъ). О городѣ до его выдѣленія Магдебургскимъ правомъ см. у *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* — Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. Ж. М. Нар. Пр. 1868, IX, стр. 743 и сл.

новыхъ повѣтовъ, повѣтовыхъ корпорацій шляхты съ ихъ значеніемъ военной, политической и судебной организаціи повѣтоваго шляхетства. Это новое явленіе въ жизни Витебской земли и ея населенія и послужило толчкомъ къ тѣмъ осложненіямъ въ жизни мѣщанства вообще и коннаго въ особенности, которое мы старались прослѣдить выше.

Намъ остается только указать, какъ отразилось введеніе въ Витебскѣ Магдебургскаго права [1]) на положеніи Витебскихъ конныхъ мѣщанъ. Въ привилеѣ на это право Витебску читаемъ: „а ижъ тежъ въ томъ мѣстѣ нашомъ Витебскомъ мѣщане тамошніе до сего часу двухъ назвискъ заживали, одны конными, а другіе поспольствомъ ся называли и одны на другихъ ся прекладали, про то мы, имъ всимъ тое право Майдеборское надаючи, всихъ ровнаемъ, такъ, ижъ вжо, назвискъ собе ниякихъ не вынайдуючи, ани одны на другихъ не прекладаючися, вси одное кондицыи быти маютъ, яко и въ иншихъ мѣстахъ нашихъ упривильеваныхъ“. Такимъ образомъ Витебское конное мѣщанство прекращало свое существованіе, какъ особая группа населенія. Всѣ мѣщане должны теперь подлежать одному и тому же Магдебургскому уряду Витебска, не дѣлясь, какъ это было въ періодъ времени между 1566-мъ [2])

---

[1]) Привилей Витебску на Магдебургское право—A. З. Р. IV. № 118 (данъ 17 марта 1597 года). Переизданъ въ I томѣ Витебской Старины (стр. 74—82) съ указаніемъ другихъ его изданій. „Лѣтопись города Витебска“ говоритъ о первыхъ выборахъ членовъ Магдебургскаго уряда 17 марта 1597 года: „tu niżey wyrażone insze rzeczy pisane; wyrażaion sie tu ymiona y nazwiska osob tych, ktorych pierwszy raz do nadaney miastu Witebskiemu magdeburii obierano do rady w roku 1597 marca 17 dnia“ (Имп. Публ. Библіотека. Рукопись Польская. Q. IV. № 105. Л. 35. Ср. русскій переводъ на стр. 473 перваго тома Витебской Старины *А. Сапунова*). Трудно представить себѣ, однако, чтобы выборы эти дѣйствительно совершились въ Витебскѣ въ самый день утвержденія этого привилея, которое имѣло мѣсто въ Варшавѣ. Погрѣшность „Лѣтописи“ имѣется и въ передачѣ именъ первыхъ членовъ Магдебургскаго уряда Витебска. Такъ, войтомъ она называетъ Александра Корвина Сугосова, говоря притомъ, что онъ былъ выбранъ; между тѣмъ привилей Витебску на Магдебургское право говоритъ, что Витебское войтовство было дано пожизненно Витебскому земянину Юрію Лѣтецкому. Въ спискѣ остальныхъ членовъ уряда также неблагополучно, что легко обнаруживается сличеніемъ этого списка (Витебская Старина I, стр. 473) съ составомъ мѣстской рады Витебска въ грамотѣ ея отъ 17 августа 1597 года (ibidem, стр. 84—86); пропущенъ и извѣстный намъ по дѣлу 1593 года Б. Я. Громъ, который былъ въ числѣ радцевъ 1597 года (ibidem). Заглавіе „Лѣтописи города Витебска“ въ рукописи Имп. Публ. Библіотеки слѣдующее: „Dzieje miasta Witebska, ktore sie działy na swiecie dawnych czasow, wypisane tu z xiengi, pisaney renko wł. pana Michała Pancernego, mieszczanina Witebskiego, słowo w słowo przez Stefana Hawriłowicza Awierke, mieszczanina Witebskiego w roku 1768, miesca iulia 13 dnia“.

[2]) Т. е. съ введенія II-го статута и учрежденія повѣтовыхъ шляхетскихъ судовъ.

и 1597 годами, на подлежащихъ юрисдикціи Витебскаго замковаго уряда [1]) и подлежащихъ юрисдикціи городскаго и земскаго судовъ Витебскаго повѣта. „Подъ часъ посполитого рушенья и потребы военной“ теперь все мѣщанство Витебска цѣликомъ должно подъ своею мѣстскою хоругвью становиться при хоругви „земской Витебской“, т.-е. шляхты повѣта, „хоруговъ земскую повѣтовую и станъ рыцерскій шляхетскій въ звыкломъ пошановаю и учтивости маючи“. Итакъ обѣ группы слились въ одно мѣщанство Магдебургскаго права и вмѣстѣ съ этого времени должны нести общую судьбу Витебска, которая принесла черезъ четверть вѣка лишеніе дарованнаго Сигизмундомъ III права. 22 января 1624 года Витебскъ былъ лишенъ Магдебургскаго права за совершенное населеніемъ его убійство Іосафата Кунцевича (12 ноября 1623 года) [2]). Вновь мѣщане города были переданы въ вѣдѣніе и подсудность воеводы и его замковаго уряда, какъ это было до 1597 года. Но теперь и прежніе конные мѣщане должны были стать въ одинаковое положеніе съ посполствомъ: слитые Магдебургскимъ правомъ въ одно цѣлое, они должны были дѣлить и общую судьбу этого цѣлаго.

Въ иномъ положеніи были конные мѣщане посельскіе. Они получили 24 марта 1626 года отъ Сигизмунда III привилей, какъ никѣмъ не обвиненные въ участіи въ убійствѣ Кунцевича, и этимъ привилеемъ были оставлены при своихъ имѣніяхъ, но подъ воеводскою юрисдикціей, а не подъ юрисдикціей гродскаго и земскаго судовъ Витебскаго повѣта [3]). Въ 1644 году Владиславъ IV возвратилъ Витебску Магдебургское право [4]), и этимъ закрѣпилось то сліяніе конныхъ и посполитыхъ мѣщанъ города Витебска, которое совершилось въ 1597 году.

И. Лаппо.

---

[1]) О замковомъ и гродскомъ судѣ см. Ж. М. Н. Пр. 1908. I. Стр. 51—113.

[2]) Витебская Старина. I. № 118.

[3]) Ист.-Юр. Мат. I. Стр. 369—374. Запись въ земскія Витебскія книги этого привилея говоритъ о мѣщанахъ конныхъ, но самый привилей Сигизмунда III исключительно о мѣщанахъ конныхъ посельскихъ. (Документъ переизданъ въ первомъ томѣ Витебской Старины, стр. 108—110).

[4]) Витебская Старина. I. Стр. 131—134.

XIII.

Мѣстничество при дворѣ Людовика XIV.

Если у московскихъ служилыхъ людей XVI и XVII вѣка была аристократическая тенденція, то наиболѣе яркое ея выраженіе приходится видѣть въ мѣстничествѣ. Если послѣ спеціальнаго изученія мѣстническихъ отношеній изслѣдователи приходятъ къ заключенію о слабости аристократической оппозиціи въ московскомъ государствѣ, то этотъ выводъ долженъ обладать большою доказательною силою. А именно таковъ былъ выводъ историковъ московскаго мѣстничества. Я приведу нѣсколько мнѣній, по возможности подлинными словами.

Находившійся подъ вліяніемъ славянофиловъ Д. Валуевъ считалъ мѣстничество отличнымъ отъ всѣхъ аристократій древняго и новаго міра. На Москвѣ ни одинъ человѣкъ и ни одинъ родъ не имѣетъ значенія и права самъ по себѣ, какъ отдѣльная самостоятельная личность, но только извѣстное кандидатство на совокупность правъ и обязанностей, принадлежащихъ вообще всѣмъ служилымъ людямъ. Сами удѣльные князья, переходя на службу къ московскому князю, высшему блюстителю Божьей правды, легко забывали свое княжество, переходили въ народъ. Отличительный признакъ всякой аристократіи—сословная привилегія. Не таково мѣстничество: оно отправляется отъ понятія обязанности передъ обществомъ, не отъ понятія права надъ другими людьми. Правда, московскому государству въ XVII вѣкѣ грозитъ страшное зло, появленіе аристократіи на манеръ польской и подъ вліяніемъ Польши. Въ Москву занесены представленія о старшинствѣ крови, о степени, о разрядахъ чести и правъ, принадлежащихъ извѣстнымъ лицамъ и родамъ по ихъ рожденью. Но соборъ 1682 года и Петръ Великій прогнали этотъ грозный призракъ.

А. Маркевичъ подошелъ къ своей многолѣтней и многословной работѣ съ увѣренностью въ исторической важности своего сюжета. Онъ

кончилъ работу разочарованнымъ. Мѣстничество, это только счетъ служебнаго старшинства, имѣющій весьма немного историческаго значенія. Авторъ признается самъ, что цѣною большого труда купилъ столь малый результатъ. Онъ возстаетъ противъ сравненій мѣстничества съ протестами аристократіи въ западно-европейскихъ государствахъ. Мѣстничество есть вполнѣ оригинальный институтъ, даже въ частныхъ случаяхъ встрѣчающій себѣ очень рѣдкую аналогію въ жизни другихъ народовъ. Мѣстничество есть средство подчинить родовой духъ служилыхъ людей правительственной волѣ въ интересахъ государственной службы, своего рода табель о рангахъ, а вовсе не серіозная политическая привилегія служилаго класса. Мѣстническіе протесты носятъ не политическій, а совершенно частный характеръ, и очень мало мѣшаютъ правительству. По большей части они происходятъ въ Москвѣ и въ самыхъ рѣзкихъ случаяхъ ограничиваются пассивнымъ сопротивленіемъ; правительство имѣетъ время и возможность замѣнить строптивца смирнымъ человѣкомъ.

Пренебрежительная оцѣнка оппозиціоннаго значенія мѣстническихъ протестовъ быть можетъ всего рѣзче выражена въ одномъ учебникѣ по исторіи русскаго права, гдѣ мѣстническіе принципы зовутся полнымъ отрицаніемъ аристократическихъ началъ. Родовая честь на Москвѣ зависитъ отъ служебной: занятіе низшей должности навсегда понижаетъ значеніе рода.

Мѣстничеству удѣлено не мало страницъ и въ „Боярской Думѣ“, страницъ яркихъ, остроумныхъ, глубокихъ. В. О. Ключевскій невысокаго мнѣнія о московской аристократической оппозиціи, но его оцѣнка вовсе не совпадаетъ съ вышеприведенными: она глубже, многограннѣе. Мѣстничество есть единственное надежное и признанное средство охраны служебныхъ и правительственныхъ преимуществъ для бояръ XVI вѣка. Московское боярство XVI вѣка думаетъ про себя послѣ объединенія Великороссіи: „мы сами по себѣ власти всей русской земли“. Московская іерархія должностныхъ лицъ есть правительственная аристократія въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ 1616 г. бояре учатъ неродословнаго кн. Ѳ. Волконскаго: *за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ*. Феодальный баронъ едва ли сумѣлъ бы аристократичнѣе формулировать одно изъ основныхъ воззрѣній политической аристократіи. Надобно отдать справедливость московскому боярству: въ мѣстническихъ спорахъ оно проявило энергію и стойкость. И въ то же время изслѣдователь, сравнивая поведеніе московскихъ бояръ съ поведеніемъ другихъ аристократій, поражается недостаткомъ политической предусмотрительности или излишкомъ политической безпечности въ московскомъ боярствѣ XVI вѣка. Это какая-то аристократія безъ вкуса къ власти, безъ умѣнья или охоты вліять на общество; ее больше занимаютъ взаимные счеты и ссоры ея членовъ,

чѣмъ отношенія къ государю и народу. Даже мѣстничеству бояре не придали ясности, законченности, не установили точнаго отношенія породы къ службѣ. И вотъ власть постепенно ускользаетъ отъ родовитыхъ людей къ неродословнымъ. А родовитые относятся равнодушно къ возвышенію худородныхъ, если только при назначеніяхъ не происходитъ стычки. Оттого въ XVII вѣкѣ іерархія породы постепенно теряетъ житейское значеніе, превращается въ археологическое обремененіе придворнаго церемоніала. Ее оттѣсняетъ отъ живого дѣла дьячья и дворянская аристократія. Чинъ совершенно отрывается отъ отечества.—В. О. Ключевскій останавливается и на причинахъ безсилія московской аристократіи. Мѣстничество держалось еще на родовыхъ основахъ. Оно вносило въ боярскую среду узкій фамильный эгоизмъ и притупляло чуткость къ сословному интересу; оно не давало никакого мѣста заслугѣ. Вспоминая о томъ, какъ кн. Д. М. Пожарскій былъ выданъ головою какому-то Салтыкову, учитель московскихъ историковъ имѣетъ въ виду повидимому англійскую открытую аристократію, когда бросаетъ родной старинѣ горькій упрекъ: „Не такъ воспитываются здоровыя и сильныя аристократіи, способныя создать прочный государственный порядокъ“. И въ то же время эти спесивые аристократы были государевы холопы, ибо въ отличіе отъ уцѣлѣвшаго при Гестингзѣ башмачника изъ Пуату это были не завоеватели, а завоеванные и павшіе. Вдобавокъ въ тотъ моментъ, когда на Москвѣ всталъ во весь ростъ вопросъ объ отношеніи между аристократіей и абсолютизмомъ, смирные потомки побѣжденныхъ встрѣтились лицомъ къ лицу съ призракомъ нищеты, съ разбродомъ земледѣльческаго населенія и должны были думать не о закрѣпленіи своихъ политическихъ притязаній, а о томъ, какъ бы понадежнѣе призадержать своихъ деревенскихъ поильцевъ и кормильцевъ. [1])

Я не имѣю ни права ни намѣренія обсуждать изложенные мною взгляды съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія матеріалу, находящемуся въ распоряженіи спеціалистовъ по русской исторіи. Но всѣ упомянутые мною изслѣдователи сопоставляютъ старо-московскія отношенія съ западноевропейскими и указываютъ на глубокія различія между тѣми и другими. Мнѣ бы и хотѣлось сдѣлать одно замѣчаніе по поводу такихъ сопоставленій и одно указаніе на явленія, въ которыхъ быть можетъ позволительно видѣть нѣчто подобное московскому мѣстничеству.

Если мы сравниваемъ принадлежащія двумъ обществамъ явленія, напримѣръ, дѣйствія аристократическихъ элементовъ, и подмѣчаемъ рѣши-

[1]) *Д. Валуевъ, Симбирскій сборникъ* 1844, особ. стр. 173—180. *А. Маркевичъ. Исторія мѣстничества* (1888). Предисловіе, 486, 587, 492. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права* (1900) 137—139. *В. О. Ключевскій. Боярская Дума* (1902) 287, 242, 216—217, 299, 286, 293, 289—291, 397, 301—303, 294, 314—317.

тельныя совпаденія или различія между двумя рядами, то наше наблюденіе само по себѣ еще не даетъ намъ права дѣлать заключенія о сходствѣ или несходствѣ между данными обществами. У насъ должна быть еще увѣренность въ томъ, что мы наблюдаемъ свои общества въ такой періодъ ихъ бытія, когда они всегда ближе подошли другъ къ другу, когда они являются наиболѣе удобными объектами сравненія. Иначе наши наблюденія врядъ-ли будутъ вполнѣ убѣдительны. Феодальный баронъ, скажемъ какой-нибудь французскій сеньеръ XIII вѣка, и московскій бояринъ XVI вѣка могутъ быть очень похожи другъ на друга своею вѣрою въ свое прирожденное право на власть. Но для насъ болѣе выразительны будутъ сопоставленія русской старины съ такимъ періодомъ въ жизни французскаго общества, когда оно стояло ближе къ старомосковскому быту, нежели при Людовикѣ Святомъ. Удачливый спутникъ Вильяма Незаконнорожденнаго дѣйствительно чувствовалъ себя завоевателемъ въ покоренной странѣ и тѣмъ отличался отъ знатной толпы политическихъ холоповъ, тѣснившейся вокругъ престола московскихъ государей. Но вѣдь этотъ искатель приключеній пожалуй стоитъ ближе даже къ спутнику варяжскихъ вождей, осѣдавшихъ на русской равнинѣ въ IX и X вѣкѣ, нежели къ Θ. И. Мстиславскому или хотя бы пану Судимонту. И ссылка на англійскія политическія настроенія времени Тюдоровъ, на робкое чувство собственнаго достоинства, отличавшее герцога норфокскаго при Генрихѣ VIII или графа эссекскаго при Елизаветѣ, быть можетъ точнѣе установила бы степень несходства между англійскою и московскою политическою обстановкою.

Я боюсь поэтому, что моя попытка отмѣтить въ жизни французскаго высшаго общества при Людовикѣ XIV нѣкоторыя черты сходства съ московскимъ мѣстничествомъ будетъ признана неправомѣрною. Дворъ московскихъ государей XVI, даже XVII вѣка конечно не есть та полоса въ русской исторіи, которая всего менѣе удалена отъ Версаля и Парижа при королѣ-солнцѣ. Петербургская жизнь XVIII, можетъ быть даже первой половины XIX столѣтія, ближе подходитъ къ обстановкѣ „великаго“ и длиннаго царствованія. Съ другой стороны позволительно усомниться въ томъ, чтобы во французской жизни не было промежутка болѣе близкаго къ московскому быту XVII вѣка, чѣмъ время Кольбера и госпожи Ментенонъ. Но можетъ быть за моими ссылками признаютъ силу доказательства *a fortiori*. Вѣдь если въ сопоставленіи французскихъ отношеній конца XVII вѣка съ московскими отношеніями первой половины этого вѣка есть логическій промахъ, онъ несомнѣнно состоитъ въ томъ, что для Франціи слѣдовало бы брать болѣе простыя, болѣе раннія (соціологически, а въ данномъ случаѣ и хронологически) отношенія. За то, если будетъ показано, что французскіе аристократы времени Людовика XIV прибѣгали къ такимъ же устарѣвшимъ пріемамъ борьбы, какъ московскіе

бояре при дворѣ грознаго или типайшаго царя, и находились въ еще менѣе выгодномъ положеніи по отношенію къ верховной власти, то это особенно рѣзко подчеркнетъ политическую слабость французскаго дворянства и заставитъ насъ снисходительнѣе оцѣнивать политическія дарованія отечественнаго боярства. [1])

Въ 1688 при дворѣ Людовика XIV стало извѣстно, что король собирается устроить производство, назначить новыхъ рыцарей ордена св. Духа. Началось большое волненіе. Орденъ былъ высшимъ отличіемъ для дворянина и всѣхъ занималъ вопросъ, кто попадетъ въ производство. Но еще больше волновались по другой причинѣ. Получавшіе орденъ шли на засѣданіе капитула въ опредѣленномъ порядкѣ, который опредѣлялся достоинствомъ получавшаго. И вотъ вопросъ о порядкѣ процессіи представлялся пожалованнымъ, да и всему придворному обществу чрезвычайно важнымъ. По первоначальнымъ статутамъ ордена, учрежденнаго въ 1578, впереди всѣхъ должны были итти дюки—пэры въ порядкѣ старшинства, т.-е. въ порядкѣ полученія пэріи. Но въ 1580 и въ 1582 статуты ордена были измѣнены. Иностранные принцы, члены владѣтельныхъ домовъ, получили мѣсто впереди дюковъ-пэровъ, даже въ томъ случаѣ, если не были пэрами. Дюки даже въ 1688 не желали примириться съ такимъ приниженіемъ своей чести и поручили одному оффиціальному „генеалогисту“, Clairambault, приготовить доказательство своего равенства принцамъ. Принцы для виду подговорили другого „генеалогиста“ защищать ихъ интересы. Но на дѣлѣ главные среди нихъ, лотарингцы, тайкомъ стакнулись съ королемъ, и „производство“ должно было стать для дюковъ источникомъ новаго униженія.

Королю очень хотѣлось выдать свою незаконную дочь, M-lle de Blois, за своего законнаго племянника, дюка шартрскаго. Однако Monsieur, отецъ жениха, при всемъ своемъ страхѣ предъ вѣнценоснымъ братомъ, и особенно его жена—нѣмка, придававшая очень большую цѣну чистотѣ крови, видѣли въ такомъ бракѣ позоръ для своего дома. Чтобы преодолѣть родительское сопротивленіе, гордому королю пришлось итти окольною и грязною дорогою. Онъ прекрасно зналъ объ особаго рода близости между своимъ братомъ и однимъ изъ принцевъ лотарингскаго дома, знаменитымъ chevalier de Lorraine. Король пообѣщалъ пустить принцевъ впередъ въ орденскомъ шествіи и дать лотарингцамъ больше одного мѣста въ „производствѣ“, если chevalier de Lorraine воспользуется своимъ

[1]) Послѣдующее изложеніе опирается на дюка Сенъ-Симона. Его мемуары къ сожалѣнію все еще приходится цитировать по двумъ изданіямъ: по неконченному коментированному изданію Буалиля (цитируется B) и по изданію Шерюеля (цитируется стереотипное изданіе фирмы Hachette въ 13 томахъ). Сокращеніе EI означаетъ Écrits inédits de Saint-Simon I — VIII publiés par. P. Faugère, 1880—1893.

огромнымъ вліяніемъ на Monsieur, уговоритъ его женить сына на незаконной дочери короля. Король требовалъ еще, чтобы лотарингцы пропустили впередъ себя въ процессіи одного „бастарда“, дюка вандомскаго, правнука знаменитой фаворитки Генриха IV, Gabrielle d'Estrées. Возвышеніе этого бастарда должно было явиться ступенью для возвышенія незаконныхъ дѣтей самого Людовика. Но тутъ возникло затрудненіе. Одинъ изъ лотарингцевъ, намѣченныхъ къ „производству“ (M. d'Elboeuf), не пожелалъ итти сзади дюка вандомскаго и упрямо твердилъ, что онъ совсѣмъ откажется отъ ордена, если его не пустятъ впередъ. Начался торгъ. Строптиваго мѣстника устранили отъ производства, но король долженъ былъ дать другимъ лотарингцамъ цѣлыхъ четыре мѣста въ производствѣ за согласіе итти позади бастарда.

Но отказъ дюка эльбефскаго не былъ единственнымъ. Въ протоколъ производства внесены еще четыре случая отказа отъ ордена изъ-за мѣстъ. Графъ суассонскій, старшій представитель савойскаго дома, не могъ сойтись въ рангѣ съ лотарингскими принцами. Принцъ субизскій находился въ томъ же положеніи. Графъ оверньскій и принцъ монакскій были вообще недовольны отведенными имъ мѣстами. Особенно любопытенъ протестъ принца субизскаго [1]). Принцъ заявилъ, что не хочетъ слѣдовать дурному примѣру графа рошфорскаго, который будучи совсѣмъ юнымъ при вступленіи въ орденъ, не могъ знать своихъ настоящихъ интересовъ.—Графъ рошфорскій—старшій братъ принца субизскаго. Онъ получилъ орденъ Св. Духа въ 1619, очень молодымъ, по протекціи мужа своей сестры, всесильнаго тогда дюка люинскаго [2]). И вотъ принцъ субизскій не можетъ допустить, чтобы товарищи по производству 1688 г. устроили себѣ *находку* изъ производства 1619 года, *утягивали* его *потерькой* его рода въ 1619 году. Въ процессіи 1619 графъ рошфорскій шелъ сейчасъ же позади всѣхъ дюковъ. А въ 1688 принцъ субизскій заявлялъ притязаніе на достоинство принца, и хотѣлъ итти впереди дюковъ не—принцевъ, даже впереди младшихъ принцевъ лотарингскаго дома. С. Симонъ, не любившій всѣхъ принцевъ за ихъ желаніе стать выше дюковъ, съ особеннымъ негодованіемъ обрушивается на претензіи роганскаго дома, къ которому принадлежалъ принцъ субизскій. Развѣ въ 1619 отецъ и шуринъ не могли вступиться за недо-

---

[1]) Составленная С. Симономъ родословная дома Rohan, облегчающая пониманіе этого спора, находится въ EI VIII Appendice. Исторія дома Montbazon EI VIII 89—165.

[2]) Графу рошфорскому дано 27 лѣтъ въ выпискѣ изъ протокола производства 1688 года, B V 580—581. Въ работѣ 1711 года S. Simon даетъ ему только 17 лѣтъ, EI III 157 fine. А по EI VIII 151—152 ему 20 лѣтъ. У С. Симона по разному указываются и мѣста въ процессіи 1619 года, C VI 315, EI III 55, 158—159, 275.

росля? И какіе это принцы! Вѣдь въ то же самое производство дядя недоросля, marquis de Marigny, шелъ въ самомъ хвостѣ процессіи, шестидесятымъ, однимъ изъ послѣднихъ даже среди нетитулованныхъ дворянъ! С. Симонъ вспоминаетъ въ 1711 году, что первая жена принца субизскаго никогда не сиживала на табуреткѣ въ присутствіи высочайшихъ особъ, а позже, въ мемуарахъ, постоянно язвитъ субизскую вѣтвь тѣмъ, что ея величіе объясняется больше всего близостью знаменитой красавицы M-me de Soubise къ Людовику XIV.

Король милостиво принялъ всѣ отказы, разрѣшилъ дюкамъ подать протестъ противъ „предсѣданія“ принцевъ, объяснилъ, что придаетъ вопросу о рангахъ большую важность и какъ разъ изъ-за него до послѣдней возможности откладывалъ производство. Но при коронованіи онъ присягалъ хранить измѣненные въ 1580 и 1582 статуты ордена и потому теперь дюки должны итти позади принцевъ. Но порядокъ шествія при производствѣ не долженъ послужить въ пользу принцамъ при другихъ столкновеніяхъ, не долженъ ни въ чемъ умалить права дюковъ [1]).

Каковы же были другія права, связанныя съ préséance, и не объясняютъ ли они волненія, вызваннаго производствомъ 1688 года? Въ числѣ произведенныхъ 1688 года находился знаменитый генералъ, маршалъ люксембургскій. Онъ былъ дюкъ и пэръ, но не пожелалъ итти вмѣстѣ съ товарищами по отечеству и занялъ мѣсто позади ихъ вмѣстѣ съ товарищами по чину, съ другими маршалами Франціи. Откуда такая скромность? Это было конечно смиреніе паче гордости.

По отцу маршалъ (изъ рода Монморанси) не былъ ни дюкомъ ни пэромъ. Но въ 1661 за него вышла замужъ дочь дюшессы пинейской. Сестра маршала, знаменитая Grande dame de la Fronde, и близкій къ ней великій Конде выхлопотали для него по этому случаю новый патентъ на пэрію Piney. Эта пэрія была учреждена еще въ 1581, для прадѣда маршаловой жены, Франсуа люксембургскаго. Но мужская линія пресѣклась въ 1616 сыномъ перваго пэра Piney, оставившимъ двухъ дочерей. Въ патентѣ 1581 года говорилось о successeurs tant mâles que femelles и потому старшая дочь съ 1616 стала дюшессой пинейской. Дюшесса была замужемъ два раза. Первый ея мужъ, Léon d' Albert sieur de Brantes, послѣ женитьбы присвоилъ себѣ люксембургскій гербъ и сталъ дюкомъ пинейскимъ. Отъ этого брака было двое дѣтей: сынъ, четвертый дюкъ пинейскій, идіотъ и діаконъ, котораго пришлось держать въ С. Лазарѣ, и дочь—монахиня. Во второй разъ дюшесса вышла за графа тоннеррскаго и отъ этого брака у нея была дочь, на

---

[1]) Для производства 1688 года B I 310 suiv., II 45, V 569—570, 573—4, 580—1, EI III 47—59, 154—161, 274—275, Spanheim Relation (éd. Bourgeois) 223—224, 253. M-me de Sévigné (éd. Grands écrivains de France) VII 296—7.

которой и женился въ 1661 маршалъ люксембургскій. Идіота—діакона и сестру—монахиню заставляютъ нотаріальнымъ порядкомъ по брачному контракту уступить свои права на пэрію этой младшей сестрѣ, которая съ тѣхъ поръ считаетъ себя дюшессой пинейской и думаетъ передать свои права мужу. Новый патентъ на пэрію выхлопотали въ 1661 только на всякій случай и даже вставили въ патентъ слова en tant que besoin seroit. Притязанія маршала очень скоро вызвали отпоръ со стороны другихъ пэровъ. Всякій пэръ есть членъ парижскаго парламента и долженъ просить о пріемѣ въ парламентъ, гдѣ онъ долженъ занять опредленное мѣсто на пэрской скамьѣ, соотвѣтственно году учрежденія своей пэріи. Маршалъ велъ свою пэрію отъ 1581, а другіе пэры соглашались посадить его лишь на самое послѣднее мѣсто, по разнымъ основаніямъ, между прочимъ потому, что пэрія только разъ можетъ передаваться черезъ женщину. Начался процессъ въ парламентѣ. 20 мая 1662, за два дня до пріема, соединенныя палаты постановили отложить обсужденіе дѣла по существу, но пока вести пэрію Piney только со дня пріема, т.-е. посадить маршала на послѣднее мѣсто. Маршалъ подчинился рѣшенію и сидѣлъ спокойно до 1688, когда его поведеніе при производствѣ обнаружило, что онъ не отказался отъ своихъ притязаній. И дѣйствительно въ 1689 маршалъ возбудилъ въ парламентѣ новый искъ о старшинствѣ, но въ 1695 померъ раньше чѣмъ парламентъ удосужился разсмотрѣть это дѣло. Нужно было принимать въ парламентъ его сына и наслѣдника пэріи. 13 апрѣля 1696 двѣ палаты парламента, какъ и въ 1662, отказались рѣшать дѣло по существу, но постановили на пріемѣ вести пэрію пинейскую только отъ 1662 года.—Полувѣковой споръ рѣшенъ окончательно лишь общимъ королевскимъ эдиктомъ о пэріяхъ въ 1711. Девятая статья эдикта ведетъ пэрію пинейскую не отъ 1581, а отъ 1662 года; статья пятая устанавливаетъ общее правило перехода пэріи черезъ женщину [1]).

Бывали мѣстническіе споры еще длиннѣе. Семьи С. Симонъ и Ларошфуко спорили изъ-за мѣстъ 77 лѣтъ. Пэрія La Rochefoucauld учреждена въ 1622, но ея носитель подвергся опалѣ и былъ принятъ въ парламентъ только въ 1637. Королевскій любимецъ С. Симонъ получилъ патентъ на пэрію въ 1635 и въ томъ же году былъ принятъ въ парламентъ. Два года спустя, при своемъ пріемѣ, Ларошфуко хотѣлъ сѣсть впереди С. Симона, но не получилъ позволенія, какъ по крайней мѣрѣ говоритъ С. Симонъ младшій, авторъ мемуаровъ. Старшинство

---

[1]) Для процесса дюка пинейскаго съ другими пэрами см. B I 42, 232, II 43—47, 61, 65 suiv, III 105, 405—408, EI V 217—229, 392—397. Spanheim 241, 243. Edit du roy portant règlement général pour les duchez et pairies EI III 497—502.

осталось неяснымъ. Но въ 1645 вышелъ королевскій указъ о томъ, чтобы впредь до судебнаго рѣшенія С. Симонъ и Ларошфуко поочереди сидѣли другъ впереди друга въ парламентѣ. При пріемѣ С. Симона младшаго въ парламентъ, въ 1702, споръ разгорается снова и передается семи пэрамъ—посредникамъ, но не подвигается къ разрѣшенію. Въ 1711, въ связи съ подготовкою общаго указа о пэріи, дѣло опять всплыло; обѣ стороны представили королю свои доводы. Однако королевское рѣшеніе стало извѣстно только 18 марта 1714. С. Симонъ получилъ предсѣданіе безъ всякихъ оговорокъ. Ларошфуко былъ увѣренъ, что въ худшемъ случаѣ подѣлятъ préséance при дворѣ и въ парламентѣ и отдадутъ С. Симону первое мѣсто только въ парламентѣ. Такіе дѣлежи бывали, напримѣръ между дюками Uzès и Trémoille. Въ данномъ случаѣ С. Симонъ торжествовалъ по всей линіи [1]).

Какія мысли, какіе интересы кроются за этими длинными пререканіями изъ-за мѣстъ на праздникахъ и засѣданіяхъ? Французскіе принцы и пэры по большей части мѣстничаются гораздо воспитаннѣе и культурнѣе московскихъ бояръ, не лѣзутъ подъ столъ за государевымъ обѣдомъ и выданные головою не осыпаютъ счастливаго противника неприличною бранью. И все же въ Москвѣ намъ легче дойти до пониманія мѣстнической психологіи. Въ Москвѣ оборона „отечества“ на всякаго рода придворной, церемоніальной службѣ не отдѣлима отъ страха передъ потерькой на службѣ гражданской и военной. Прирожденные лицедѣи придворныхъ торжествъ суть въ то же время прирожденные администраторы и генералы. Цѣпляясь за разряды при назначеніи въ поддатни или къ кривому столу, они въ существѣ дѣла отстаиваютъ—пусть неуклюже и неумѣло—очень серьезную политическую привилегію, сословную монополію на высшія государственныя должности. Что защищаетъ Субизъ или Ларошфуко, когда не хочетъ итти или сидѣть позади Марсана или С. Симона?

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ французская борьба за мѣста похожа на московскую. Принцы и пэры отстаивали отеческую честь, какъ нѣчто неприкосновенное для торжествующаго абсолютизма. Правда у нихъ, какъ и у московскихъ бояръ, отечество тѣсно сплеталось съ государевой милостью. Старшинство пэра опредѣляется датою пожалованія пэріи, а не породою. Очень родовитый придворный, если онъ не пэръ, ходитъ и сидитъ позади худороднаго пэра. Но разъ пэрія пожалована, созданное королемъ старшинство становится уже недоступнымъ даже для королевскаго воздѣйствія, и это признается самимъ Людовикомъ XIV. Старшинство не можетъ захудать, какъ на Москвѣ, потому что оно не должно поддерживаться непрерывными служебными назначеніями. Старшинство

[1]) C. VI 44 suiv, 57 suiv, VII 36—37, VIII 199, EI VIII 658—660.

не колеблется отъ случайностей семейнаго состава, потому что оно передается въ порядкѣ первородства и не связано со сложною родовою ариѳметикою: пэрскій родъ можетъ вымереть, но не можетъ понизиться въ рангѣ.

Изъ-за мѣстъ спорятъ не только при дворѣ, но и въ парламентѣ. И пэры, по крайней мѣрѣ болѣе притязательные, хотѣли бы присутствовать въ парламентѣ не только въ качествѣ украшенія торжественныхъ засѣданій. Если послушать многоглаголиваго пѣвца пэріи, С. Симона, то пэрамъ принадлежитъ „законодательная и учредительная власть, необходимая для великихъ государственныхъ санкцій“. Пэръ, держатель самаго благороднаго фьефа, есть въ то же время носитель первой въ королевствѣ должности, прирожденный совѣтникъ короля. Держаніе пэра есть удѣлъ (apanage), искрящійся лучомъ короны, при выморочности возвращающійся къ коронѣ и безъ всякаго спеціальнаго акта способный стать подлиннымъ удѣломъ „дѣтей Франціи“. Пэры конечно принадлежатъ тѣлу второго штата, дворянства, но принадлежатъ ему въ томъ же смыслѣ, какъ принцы крови, сыновья Франціи и самъ король, т.-е. безмѣрно надъ нимъ возвышаясь. На генеральныхъ штатахъ пэры не входятъ ни въ одну палату. Вмѣстѣ съ королемъ, людьми королевской крови и офицерами короны они составляютъ особое тѣло, истекшее изъ короны и долженствующее быть совѣтомъ и опорою короны, нераздѣльнымъ отъ короля посредникомъ между короною и народомъ. И въ парламентѣ пэры—главные люди. Парижскій парламентъ зоветъ себя куріей пэровъ только потому, что въ немъ засѣдаютъ пэры. И несмотря на свои захваты, потомки легистовъ, совѣтники парламента, все еще сидятъ въ ногахъ у пэровъ и въ присутствіи короля подаютъ свой голосъ съ унизительными церемоніями, между тѣмъ какъ пэры имѣютъ право вести себя съ полнымъ достоинствомъ. Чтобы отнять у короны возможность принижать дворянство произвольными пожалованіями, С. Симонъ, въ любопытной запискѣ 1712 года, мечтаетъ фиксировать число титулованныхъ дворянскихъ родовъ, среди которыхъ пэрскихъ должно быть 50. Король можетъ создать новую пэрію лишь тогда, когда угаснетъ одна изъ существующихъ, и можетъ искать новаго пэра лишь среди высшаго титулованнаго дворянства. Для охраны своихъ правъ С. Симонъ въ другой запискѣ совѣтуетъ пэрамъ соблюдать самое послѣдовательное единодушіе. Пэръ, позволяющій другимъ попирать достоинство пэра, долженъ подвергнуться бойкоту со стороны товарищей. Для охраны пэрскихъ правъ надо выбирать на 6 лѣтъ „тайный синдикатъ“ изъ трехъ—четырехъ пэровъ, которому товарищи передаютъ *деспотическую* власть по всѣмъ дѣламъ, касающимся достоинства пэріи; синдикатъ пусть собирается два раза въ мѣсяцъ, какъ будто бы для обѣда или прогулки, и пусть для соблюденія тайны только совѣтъ двѣнадцати пэровъ

(conseil de la dignité) знаетъ личный составъ синдиката. На мысль о тайномъ заговорѣ С. Симона натолкнули вѣроятно случаи открытаго выступленія всѣхъ пэровъ въ защиту интересовъ всей пэріи. Напримѣръ, въ 1664 десять пэровъ, отъ имени всѣхъ пэровъ, выдали довѣренность аббату Le Laboureur вести всякую письменную работу, нужную въ интересахъ пэріи, и положили ему тысячу экю въ годъ на расходы. Въ 1704 пэры дали сходную довѣренность аббату Le Grand [1]).

Эти гордыя притязанія страшно далеко расходились съ дѣйствительностью. Мы знаемъ это прежде всего отъ самого С. Симона. Маленькій дюкъ даже съ преувеличенною рѣзкостью жалуется на политическій упадокъ сословія, на отчужденіе дворянъ и особенно пэровъ отъ верховнаго руководительства государственною жизнью. Вмѣстѣ съ деспотизмомъ устанавливается соціальная мѣщанина. Со времени Мазарини и можетъ быть даже еще раньше, правительство стремится разорять сеньеровъ, пріучать ихъ къ равенству и катить вперемежку съ людьми всякаго званія, rendre toutte seigneurie et toutte noblesse peuple. При Людовикѣ XIV не остается никакихъ преградъ для власти, которая могла все чего хотѣла и слишкомъ часто хотѣла всего что могла. Король боится ума не меньше чѣмъ породы. Если человѣкъ совмѣщаетъ въ себѣ эти два достоинства, всякая дорога для него закрыта. Всего сильнѣе пострадали отъ королевской политики пэры. „Подвергаясь нападеніямъ со всѣхъ сторонъ, сверху, съ равной высоты, снизу, ни въ комъ не находя защиты, подобная тому большому обелиску, который по приказу Сикста V былъ поднятъ изъ подъ развалинъ, но оказался неузнаваемъ, пэрія пала до своего нынѣшняго жалкаго положенія, дошла до столь полной обезображенности, что у нея ничего не осталось нетронутымъ“. Въ 1711 С. Симонъ сочинилъ для дофина очень длинную записку, въ которой пытался подвести счетъ пэрскихъ прибылей и убытковъ съ 1643. Пріобрѣтенія занимаютъ очень мало мѣста въ любопытномъ трактатѣ, но въ немъ безконечной лентой тянутся жалобы на понесенныя пэрами потери. На пепелищѣ пэрскаго величія воздвиглось величіе министерское. Въ анонимномъ письмѣ къ королю 1712 года С. Симонъ сѣтуетъ, что монархъ попалъ въ плѣнъ къ министрамъ, которые держатъ у себя ключи ото всѣхъ подходовъ къ королю. Людовикъ знаетъ лишь то, что ему соблаговолятъ сообщить худородные министры. Засѣданія самого государственнаго совѣта теряютъ значеніе, ибо важнѣйшія дѣла предрѣшаются министромъ и государемъ съ глазу на глазъ на высочайшемъ докладѣ. Но людей хорошей породы не пускаютъ и въ совѣтъ. Пэры

[1]) Притязанія пэровъ C VI 60—64, VII 171—206, EI III 404—406, 201—202 и особенно Mémoire sur la renonciation (août 1712) EI II 202 suiv, 233 suiv, 286, 334 suiv, 359—361. Проектъ фиксаціи числа титулованныхъ родовъ EI IV 224—242. Проектъ синдиката EI III 320—322. Довѣренности EI III 508—510.

постепенно потеряли доступъ въ судебное отдѣленіе совѣта (conseil des parties). Много обидъ терпятъ пэры и въ парламентѣ. При отсутствіи юридической подготовки они рѣдко присутствуютъ на судебныхъ засѣданіяхъ (procèz par escrit, въ отличіе отъ аудіенцій). Фактически они отстранены даже отъ уголовныхъ дѣлъ. Враждебные пэрамъ люди „робы“ придумали такой порядокъ шествія изъ большой палаты въ уголовную, при которомъ пэры не могутъ безъ порухи для своей чести являться въ уголовную палату. Оставшіеся въ рукахъ породистаго дворянства должности областного управленія постепенно превращаются въ „пустыя мѣста“ (vains emplois), интендантъ становится въ провинціи тѣмъ, чѣмъ уже сталъ министръ въ столицѣ, и даже пэру приходится въ деревнѣ ухаживать за всесильнымъ чиновникомъ. Куда ни посмотрѣть, вездѣ первенствующее сословіе оказывается „низвергнутымъ въ бездну“ [1]).

И вотъ передъ нами снова стоитъ вопросъ о смыслѣ французскаго мѣстничества. Если высшее дворянство отстранено отъ серьезнаго государственнаго служенія, то къ чему спорить изъ-за распорядка парадовъ? Московскій бояринъ ревниво глядитъ за своимъ мѣстомъ на придворныхъ церемоніяхъ, потому что къ послѣднимъ примѣняются тѣ же правила, что и къ другимъ разряднымъ назначеніямъ; повышеніе или пониженіе за царскимъ столомъ или въ церковномъ дѣйствѣ немедленно и неизбѣжно отражается на административной и военной карьерѣ служилаго человѣка. Для французскаго куртизана перемѣна мѣста не выходитъ за предѣлы придворнаго церемоніала, ибо французскій аристократъ вовсе не несетъ вліятельной гражданской службы, а на военной не смогъ отстоять мѣстническаго начала. И все-таки онъ упорно держится за свое мѣсто, блюдетъ родовую честь, тѣшится декоративнымъ величіемъ и въ борьбѣ за церемоніальныя привилегіи думаетъ найти удовлетвореніе своему честолюбію. Мелочные споры изъ-за этикета выдвинуты на первый планъ даже у людей, одаренныхъ несомнѣннымъ вкусомъ къ большой политикѣ. Негодованіе на политическое приниженіе высшаго дворянства звучитъ въ душѣ С. Симона слабѣе нежели волненіе изъ-за грозящихъ пэрамъ церемоніальныхъ опасностей. Такъ велико притупленіе политическаго чутья, такъ полна побѣда абсолютной монархіи надъ аристократіей. Радостно возбужденный надеждою скоро увидѣть на тронѣ своего единомышленника, если не выученика, С. Симонъ въ короткій промежутокъ между смертью двухъ дофиновъ безъ устали строчитъ планы государственныхъ преобразованій. Но выросшая въ бутафорской обстановкѣ мысль легко соскальзываетъ съ колеи подлинныхъ, большихъ политическихъ проблемъ и легко возвращается къ привычнымъ декораціямъ.

---

[1]) C VIII 84, 86, 107—108, EI I 232—234, EI III 313—315. Changements arrivéz à la dignité de duc et pair EI III 3—251. EI III 137, 145, EI IV 29—43.

Нужно свалить министровъ и „легитимированныхъ“, замѣнить министерство совѣтами, указать легистамъ ихъ надлежащее мѣсто въ парламентѣ, созвать генеральные штаты, отстоять галликанскія вольности. Но быть можетъ еще нужнѣе отнять табуретъ у не-пэрессъ и велѣть имъ самимъ носить свой шлейфъ, велѣть первому президенту парижскаго парламента сымать шляпу при обращеніи къ пэрамъ, разрѣшить носить зонтикъ надъ пэрессами, какъ его носятъ надъ принцессами, и не заставлять ихъ стоять у гроба принцессъ крови, велѣть стрѣлять изъ пушекъ при проѣздѣ пэровъ мимо крѣпости, разрѣшить надѣвать горностай только вдовамъ пэровъ, разрѣшить пэрамъ не подавать руки людямъ ниже себя, и такъ далѣе безъ конца [1]).

Мелкотѣ мысли соотвѣтствуетъ мелкота дѣла. Прикрѣпленные къ дворцу люди приспособляются къ средѣ и съ воодушевленіемъ сводятъ свои церемоніальные счеты [2]). Пастыри показываютъ примѣръ пасомымъ. Разъ являются ко двору въ С. Жерменъ еп. нойонскій, пэръ Франціи, и арх. парижскій, который еще не былъ пэромъ. Епископъ ѣдетъ въ каретѣ, архіепископъ долженъ пѣшкомъ подойти къ королевскому подъѣзду. Епископъ радостно здоровается съ товарищемъ. Думая, что нойонскій владыка собирается выйти изъ кареты, архіепископъ подходитъ и подаетъ руку. Епископъ заводитъ оживленный разговоръ, но остается въ экипажѣ и съ самымъ невиннымъ видомъ тянетъ гордаго архіепископа за руку вплоть до ступенекъ подъѣзда. — Порою при мѣстническихъ столкновеніяхъ спадаетъ даже пелена внѣшней благопристойности, и мы слышимъ о сценахъ, живо напоминающихъ старомосковскую обстановку. Второй сынъ дюка бульонскаго, воспитанный для церкви, защищалъ диссертацію въ Сорбоннѣ. На диспутъ собирается очень важная публика— прелаты, принцы, дюки, президенты. Принцы, прелаты, дюки сидѣли въ разныхъ рядахъ. Первымъ изъ пэровъ пришелъ деликатнѣйшій Куаленъ, о приторной вѣжливости котораго ходило много смѣшныхъ анекдотовъ. Куаленъ былъ изъ самыхъ младшихъ пэровъ. Предполагая, что послѣ него могутъ притти старшіе, онъ оставилъ впереди себя нѣсколько свободныхъ мѣстъ въ пэрскомъ ряду. Слѣдомъ за нимъ является первый президентъ Новьонъ и проскальзываетъ на первое мѣсто въ пэрскомъ ряду. „Изумленный этимъ безумiемъ“, Куаленъ не растерялся. Улучивъ минуту, когда Новьонъ отвернулся въ другую сторону и сталъ разговаривать съ сосѣдомъ по прелатскому ряду, Куаленъ подымается, беретъ въ руки кресло, идетъ къ мѣсту президента и ставитъ кресло впереди, но такъ близко къ президенту, что тотъ не можетъ двинуться. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній и Новьонъ совершенно не замѣтилъ,

---

[1]) EI III Changements arrivéz à la dignitè de duc et pair, passim.
[2]) Для послѣдующаго C I 133—134, II 388—392, I 417—424.

какъ очутился въ тискахъ, съ Куаленомъ впереди себя. Поднялся шумъ, диспутъ прервали. Глава дома Конде, M.le Prince, идетъ разбирать дѣло. Куаленъ заявляетъ, что примѣрно накажетъ Новьона за дерзость, заставитъ просидѣть въ тискахъ весь диспутъ, и выпускаетъ президента только тогда, когда M.le Prince поручился, что Новьонъ немедленно и съ позоромъ уйдетъ съ диспута. Новьонъ уходитъ, Куаленъ ставитъ свое кресло на прежнее мѣсто. „Все что здѣсь было самаго значительнаго“ поздравляетъ Куалена съ твердою обороною пэрской чести. На другой день король зоветъ пэра въ кабинетъ, заставляетъ изобразить всю сцену, смѣется и выдаетъ президента головою, заставляетъ ѣхать на поклонъ къ пэру.

Въ заключеніе одно дамское столкновеніе. „Иностранныя принцессы“ считали себя выше дюшессъ и старались закрѣпить свое церемоніальное первенство. 6 января 1699 дюшесса бургоньская, тринадцатилѣтняя жена старшаго королевскаго внука, принимаетъ англійскаго посланника. Придворныя дамы собираются къ ея одѣванью. Дюшессы оказались ближе къ дверямъ спальни и вошли первыми, значитъ могли выбирать мѣста. Дюшесса роганская становится на первое мѣсто по правую руку отъ постели. Еще не всѣ дамы успѣли войти, а принцесса аркурская, грубая, грязная и драчливая, уже подошла къ дюшессѣ и велитъ ей убираться на лѣвую сторону. Дюшесса не желаетъ. Рослая и сильная принцесса беретъ ее обѣими руками, подымаетъ на воздухъ и становится на ея мѣсто. Сбитая съ толку дюшесса идетъ налѣво.—Развѣ это не похоже на гораздо болѣе раннее столкновеніе двухъ намѣстницъ въ костромской церкви, Арины, жены Якова Захарьевича, и Аксиньи, жены Судимонта Кондратьевича?

Едва ли возможно считать московское боярство самою безсильною, самою ненужною изъ европейскихъ аристократій. Имя „аристократіи воспоминаній“ еще больше идетъ къ французскимъ куртизанамъ времени Людовика XIV. И эта отчужденность отъ жизни оказалась неизлѣчимою. Политическія выступленія дворянъ въ два послѣдующія царствованія не помогли сословію. Въ наши дни французскіе аристократы развѣ только въ нѣкоторыхъ отрасляхъ спорта выступаютъ вождями своего народа. Московскіе бояре обнаружили все же больше пластичности. Растворившись въ рядовомъ дворянствѣ, вмѣстѣ съ нимъ они и теперь хотятъ быть хозяевами русской жизни, людьми 3 іюня.

А. Савинъ.

XIV.

Азартныя игры, какъ источникъ дохода Московскаго государства въ XVII вѣкѣ.

Въ исторической литературѣ распространенъ взглядъ, что въ XVII вѣкѣ зернь и карты были безусловно запрещены и что тѣмъ болѣе онѣ не были источникомъ дохода для казны. Авторъ статьи „зернь“ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза говоритъ, что зернь и карты лишь однажды были отданы на откупъ въ Сибири въ 1667 году. Авторъ статьи „игральныя карты“ въ томъ же словарѣ утверждаетъ, что Уложенье царя Алексѣя Михайловича приравниваетъ игроковъ зернью и картами къ татямъ. Редакторъ „Памятниковъ Сибирской исторіи“ въ своемъ предисловіи говоритъ, что Петръ Великій „учреждаетъ новые виды пошлинъ (!): съ картежной и костяной зерни. Игра сдается на откупъ“. (Памятн. Сибирск. исторіи, I, XIV стр.)

Однако въ Уложеньѣ мы не находимъ ни прямого запрещенія зерни и картъ, ни особаго наказанія для игроковъ. Въ главѣ о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ (21 гл.) сказано: „А которые воры на Москвѣ и въ городѣхъ воруютъ, карты и зернью играютъ, и проигрався воруютъ, ходя по улицамъ, людей рѣжутъ и грабятъ и шапки срываютъ, и о такихъ ворахъ на Москвѣ и въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ учинити заказъ крѣпкой и бирючемъ кликати по многіе дни, будетъ гдѣ такіе воры объявятся, и ихъ всякихъ чиновъ людямъ, имая, приводити въ приказъ..... и тѣмъ ворамъ чинити указъ тотъ же, какъ писано выше сего о татѣхъ“. (15 ст.)

Изъ этой статьи никакъ нельзя заключить, что игра въ зернь и карты была дѣйствіемъ наказуемымъ само по себѣ. Законодатель предусматриваетъ, повидимому частые, случаи, когда пропившійся и проигравшійся начиналъ воровать, т. е. грабить на улицахъ и срывать съ прохожихъ шапки, въ которыхъ часто прятали деньги, и приравниваетъ этотъ видъ грабежа къ татьбѣ. Ясно, что подобное воровство было на-

казуемо и въ тѣхъ случаяхъ, когда его дѣлалъ человѣкъ и не пропившійся, или только пропившійся, но не проигравшійся. Такъ какъ въ этой формѣ грабежъ производился, быть можетъ, чаще всего пропойцами и несчастными игроками, то Уложенье говоритъ о проигрышѣ, какъ объ обстоятельствѣ, которое побудило вора на воровство. Больше о зерни и картахъ въ Уложеньѣ нѣтъ ничего.

Почти въ каждомъ воеводскомъ наказѣ можно встрѣтить предписаніе „унимать“ всякихъ чиновъ людей отъ всякого дурна, между прочимъ и отъ зерни и картъ. Служилые люди разныхъ чиновъ, казаки, стрѣльцы, пушкари и т. п., поступая на службу, давали по себѣ поручныя записи, въ которыхъ писали, что они не будутъ воровать, не будутъ играть зернью и картами, не пропьютъ и не проиграютъ своей служилой рухляди и т. п. Наконецъ сохранилось множество грамотъ текущаго приказнаго дѣлопроизводства, въ которыхъ азартныя или, какъ ихъ тогда называли, закладныя игры запрещаются категорически. Однако изъ этого еще нельзя заключить, что онѣ дѣйствительно были запрещены на дѣлѣ. Развѣ мало противорѣчій мы можемъ наблюдать въ дѣятельности администраціи Московскаго государства?

Въ 1647 г. голландскіе торговые люди подали государю „Объявленіе“ о тяжелыхъ и незаконныхъ пошлинахъ, которыя съ нихъ берутъ въ городахъ головы и цѣловальники. Въ немъ они между прочимъ говорили, что при взиманіи пошлинъ у нихъ почитаютъ, т. е. приравниваютъ, 2 дюжины картъ 1 пуду. (Москов. Арх. Мин. иностр. дѣлъ, Голландск. дѣла 1647 г., № 10) Стало быть запрещеніе картъ не было безусловно, если были возможны жалобы на притѣсненія въ торговлѣ ими.

Красноярскій воевода жаловался въ 1636 г., что онъ не можетъ унимать служилыхъ людей отъ зерни, такъ какъ она на откупѣ. (см. ниже) Въ такомъ же положеніи были навѣрное воеводы всѣхъ тѣхъ городовъ, гдѣ азартныя игры были на откупѣ, хотя быть можетъ у нихъ въ наказахъ и было предписаніе преслѣдовать зернь и карты.

По поводу противорѣчій, которыя мы можемъ наблюдать въ дѣятельности Московскаго правительства XVII в., мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе, которое имѣетъ довольно близкое отношеніе къ нашей темѣ.

27 іюня 1639 г. Разрядъ разослалъ по приказамъ государевъ указъ, въ которомъ сказано: что государю учинилось вѣдомо—„которые городы вѣдомы въ приказѣ Новгородской чети денежными доходы, и въ тѣхъ де городѣхъ не въ давныхъ лѣтѣхъ учинились въ откупу квасъ, сусло, брага, ботвинья, и хмѣльное и сѣнное трушенье, и мыльное рѣзанье, и овсяной откупъ, и деготь и иные такіе-жъ мелкіе промыслы, о которыхъ промыслѣхъ въ городѣхъ живутъ и кормятся и тягла платятъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди; а въ прежнихъ лѣтѣхъ такіе

мелкіе промыслы николи въ откупу ни за кѣмъ не бывали“... „Отъ откупщиковъ всякимъ людямъ дѣлаются продажи и убытки великіе, и отъ того де посадскіе и всякіе жилецкіе люди оскудѣли“. Государь указалъ тѣ всѣ откупа отставить, а кормиться ими и промышлять всякимъ людямъ по старинѣ. (Р. И. Б., X, 187 и А. М. Г., II, № 175) Въ памяти изъ Разряда въ Устюжскую четь этотъ указъ редактированъ нѣсколько иначе. Въ этой памяти упомянуты такіе „небольшіе промыслы“, какъ площадное письмо, недѣли и пряничный промыселъ, и сказано: „и откупщики тѣ всякіе промыслы, межъ себя откупая, взбили на большіе откупы и въ тѣ въ свои откупные годы въ тѣхъ городѣхъ посадскимъ людямъ тѣмъ своимъ откупомъ чинятъ налоги, и продажи и насильства великія, а молотчимъ всякимъ людямъ безъ тѣхъ промысловъ кормиться нечѣмъ; и державъ тѣ откупы по году, и по 2, и по 3, въ четвертяхъ отказываютъ, а впередъ за собою въ откупу держати не хотятъ, и по государеву указу послѣ откупщиковъ тѣ промыслы учали быть на вѣрѣ, а цѣловальниковъ къ тѣмъ сборамъ выбираютъ тѣхъ же городовъ посадскихъ людей, и у вѣрныхъ цѣловальниковъ въ тѣхъ сборѣхъ чинятся недоборы, и тѣмъ посадскимъ цѣловальникамъ отъ проѣзжихъ людей чинятся продажи, и тѣ недоборы правятъ на нихъ же на посадскихъ людяхъ, и посадскіе люди отъ того и достальные вконецъ оскудѣли и розбрелись врознь, и въ городѣхъ посады стали пусты“. Государь указалъ всѣ эти откупа отставить, а кормиться ими повольно посадскимъ людямъ, „и въ городы къ воеводамъ и къ приказнымъ людямъ о томъ послати государевы грамоты, чтобы въ городѣхъ, которые вѣдаютъ въ Устюжской чети, отъ тѣхъ мелкихъ промысловъ налоги, и продажъ и убытковъ не было, а кормиться тѣми промыслы посадскимъ людямъ потому-жъ, какъ на Москвѣ, и въ городѣхъ“. (Арх. Мин. ин. дѣлъ, Прик. дѣла стар. лѣтъ, 1635 г. № 11)

По нашимъ понятіямъ дѣло—ясно. Мелкія монополіи указано отмѣнить и впредь ихъ не допускать. Посмотримъ, какъ было на самомъ дѣлѣ.

Прежде всего указъ содержитъ неточности и неправильныя утвержденія. Списокъ монополій не полонъ, во вторыхъ монополіи существовали не только въ городахъ Новгородской чети и въ третьихъ заведены онѣ были не „не въ давнихъ лѣтѣхъ“, а много лѣтъ тому назадъ. Если вопросъ объ нихъ возникъ въ 1639 г., то это слѣдуетъ объяснить оскудѣніемъ населенія отъ тяжелыхъ налоговъ, которые были взяты передъ тѣмъ по поводу Смоленскаго похода и послѣ него. Въ приходной книгѣ Владимірской чети 1614 года записанъ цѣлый рядъ мелкихъ монополій. Извозъ сѣна, соли и лѣса—въ Калугѣ, Переяславлѣ Рязанскомъ и Зарайскѣ, сѣнное трушничество—въ Калугѣ, Тулѣ и Зарайскѣ, сусло и квасъ—въ Калугѣ, Тулѣ, Твери и Зарайскѣ, проруби

въ Тулѣ (Арх. Мин. ин. дѣлъ, по Владиміру книга № 1, 11, 15, 20, 21, 63 об., 67 об., 85, 104, 128, 129 л.л. Замѣтимъ, что вообще составить полный списокъ мелкихъ монополій невозможно, такъ какъ доходъ отъ нихъ въ приходныхъ книгахъ и смѣтахъ приказовъ часто былъ списываемъ съ другими доходными статьями.) Въ книгѣ нигдѣ не говорится, что это новые источники дохода, если же принять во вниманіе, что года Смуты были неблагопріятнымъ временемъ для возникновенія новыхъ налоговъ, то можно съ большой вѣроятностью утверждать, что эти мелкія монополіи существовали еще до Смуты.

Сохранившаяся приходная книга Новгородской чети 1615 г. (Тотъ же архивъ, по Нижнему, кн. № 1) содержитъ очень суммарныя указанія доходныхъ статей, но изъ приходной книги той же чети 1620 г. можно видѣть, что въ Новгородской чети мелкія монополіи уже въ то время не были новостью. Сусло и квасъ составляютъ монополію почти во всѣхъ городахъ. Сверхъ нихъ упоминаются еще слѣдующія монополіи: въ Вел. Новгородѣ—темьянъ (былъ еще до разоренья), на Вологдѣ—сѣнная площадка, кабацкая барда и съ винныхъ кубовъ обмазка, въ Нижнемъ—извозъ, въ Арзамасѣ—площадное письмо, русскія, мордовскія и губныя недѣли, проруби и сѣно. Въ приходной книгѣ Новгородской чети 1626 г. сверхъ этихъ монополій упоминается рядъ новыхъ, которыя возникли по отношеніи къ указу 1639 г. дѣйствительно „не въ давнихъ лѣтѣхъ“. Во Псковѣ—извозъ и темьянъ, да въ 1625 году данъ вновь на оброкъ „овощной промыселъ—торговати во Псковѣ о святой недѣлѣ и по праздникамъ и по ярманкамъ въ городѣ и за городомъ, и въ Большомъ и въ Рыбномъ ряду, и у кабаковъ“. Въ Нижнемъ въ 1624 г. данъ въ откупъ торговому нѣмчину И. Бернару уксусъ, а съ 1625 г. былъ отданъ вновь на откупъ „прядильный промыселъ—спускать варовыя снасти“, но въ 1626 г., вѣроятно по челобитью населенія, былъ отмѣненъ. Въ Нижнемъ же упоминается на откупѣ „точильный промыселъ—точить всякое желѣзное дѣло“ и сѣнное трушничество. Въ Арзамасѣ сверхъ прежнихъ монополій уксусъ, яичный бой и воскобойня, въ Чердыни—навозныя кучи (монополія или оброчная статья?), а въ Архангельскѣ—смола. (Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 15, 107—108 об., 240—243, 286, 400, 815 л.л.) Торговля смолой была очень важной отраслью торговли Архангельска и можно думать, что монополія ея сильно затрогивала интересы многихъ торговыхъ людей. Доходъ отъ этой монополіи росъ очень быстро и достигъ весьма значительной цифры. Въ 1625 г. было собрано на вѣрѣ смоляной прибыли 108 руб. 4 алт., въ 1626 г.—157 р. 14 алт., въ 1643—45 годахъ она была въ откупу за голландцомъ Ер. Фенцелемъ за 1200 руб. (Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 29, 125 об., и № 30, 124 об.)

Вообще мелкія монополіи существовали очень во многихъ городахъ Московскаго государства уже въ началѣ XVII в., а въ 1620—1639 годахъ онѣ только стали многочисленнѣе и разнообразнѣе. Возникали эти монополіи очень просто. Выищется какой-нибудь предпріимчивый человѣкъ, захочетъ взять какой-нибудь промыселъ на откупъ и бьетъ челомъ объ этомъ въ городѣ воеводѣ или въ Москвѣ въ приказѣ. И приказы, и воеводы собственной властью, ища государевѣ казнѣ прибыли и радѣя, создаютъ монополіи. Въ 1630 г. устюженецъ посадскій человѣкъ П. Чирковъ билъ челомъ въ Устюжской чети о дачѣ ему на Устюжнѣ въ откупъ мыльной рѣзи и печенія пряниковъ на продажу, „а нынѣ, государь, писалъ онъ въ своей челобитной, на Устюжнѣ мылишко рѣжутъ на лепестъ и пряники пекутъ на продажу, а откупу тебѣ государю съ нихъ не идетъ ничего“. По помѣтѣ дьяка откупъ былъ данъ ему за 3 руб. 5 алтынъ въ годъ, а на Устюжну къ воеводѣ была послана грамота, изъ которой видно, что въ подобныхъ случаяхъ создавалась дѣйствительно мѣстная монополія. Въ грамотѣ сказано: „а опричь его Проньки инымъ стороннимъ людямъ мыла рѣзать и пряниковъ печь на торгъ не велѣлъ.“ (Арх. Мин. ин. дѣлъ, Прик. дѣла ст. л., 1630 г. № 22). Въ откупной грамотѣ 1614 г. изъ Владимірской чети калужскому откупщику сѣнной трухи сказано: „а опричь Ромашка (откупщика) въ Калугѣ на посадѣ въ городѣ и въ острогѣ на торгу и по подворьямъ сѣнной трухи никому держати не велѣли, а кто тое сѣнную труху опричь Ромашки учнетъ на торгу и по подворьямъ держати, и вы-бъ (воевода и дьякъ) на тѣхъ людяхъ велѣли имати заповѣди по нашему указу.“ (Московск. Дворц. Арх., 24 опись, ст-цъ 121 г. № 83)

Посадскіе люди, натерпѣвшись стѣсненій отъ монополіи и притѣсненій отъ откупщиковъ, часто бьютъ челомъ о дачѣ имъ промысла на откупъ на міръ и соглашаются платить ежегодно оброкъ, т. е. прямой налогъ, въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ платили откупщики. Такимъ путемъ монополія весьма часто превращалась въ промысловый налогъ. Грамота на Устюжну о пряничномъ откупѣ, которую мы цитировали выше, предвидитъ такой результатъ. Въ ней сказано, что если посадскіе люди откупъ „похотятъ взять на себя и учнутъ о томъ бить челомъ, что напередъ сего тѣмъ промысломъ промышляли и кормились мелкіе люди, а Пронькѣ бы одному того промысла въ откупъ не отдавать, чтобы имъ посадскимъ людямъ въ томъ утѣсненья и въ торговлѣ помѣшки не было, и ты—бъ (воевода) тотъ мыльной и пряничной промыселъ отдалъ на откупъ посадскимъ людямъ изъ наддачи сверхъ Пронькина откупа“. Иногда приказы принуждали посадскихъ людей за отказомъ откупщиковъ держать мелкую монополію на вѣрѣ, выбирать къ ней цѣловальниковъ и доправляли съ нихъ недоборы противъ откупной суммы. Въ результатѣ получалось то же—посадскіе люди въ концѣ

концовъ соглашались платить прямой налогъ лишь бы только не выбирать лишнихъ цѣловальниковъ и не доплачивать недоборовъ.

Итакъ указъ 1639 г. отмѣнялъ всѣ эти мелкія монополіи. Однако мы видимъ, что на самомъ дѣлѣ посадскіе люди каждаго отдѣльнаго города должны были бить челомъ, ссылаясь на указъ, объ отмѣнѣ у нихъ монополій, причемъ приказъ далеко не всегда соглашался исполнить ихъ просьбу.

Въ декабрѣ 1639 г. нижегородцы били челомъ въ Новгородской чети о томъ, что ихъ искони вѣчные промыслы нынѣ на откупѣ и на вѣрѣ, „а они де посадскіе люди съ тѣхъ торговыхъ промысловъ положены въ сошный окладъ и даютъ сошныя подати“ и всякія службы служатъ. Въ челобитьѣ они между прочимъ писали, что изъ-за извозничьяго откупа „всему городу нужа великая, и многіе де люди за тѣмъ извознымъ откупомъ хоромъ не ставятъ, и запасу де извозные откупщики бѣднымъ людямъ для того извознаго откупу и *на себѣ носить не даютъ*; а сѣнной де промыслъ то-жъ всему городу животинѣ нужа великая, а безъ животины де для малыхъ ребятъ жити невозможно. И многіе де посадскіе люди безъ промысловъ обнищали....“ и т. д. Въ Новгородской чети были выписаны въ докладъ указъ 1639 г. и справки, что откупъ зернового и картоваго суда существуетъ съ 1617 г., откупъ извоза—съ 1618 г., уксуса—съ 1622, точильнаго промысла—съ 1624, сѣнного трушенья—съ 1625. По докладу государь указалъ отставить всѣ монополіи за исключеніемъ уксуса. (Арх. Мин. ин. дѣлъ, Прик. д. ст. л., 1639 г. № 82)

Въ томъ же году въ Новгородской чети о томъ же били челомъ вятчане и арзамасцы. Вятчане въ своемъ челобитьѣ писали: „въ прошлыхъ, государь, годѣхъ давали на Вяткѣ воеводы въ откупъ квасъ, и сусло, и свѣчи сальныя, и харчевни пирожныя, и зерневые откупы и всякіе промыслы, а мы сироты твои безъ промыслишку охудали и одолжали“. Въ иныхъ де городахъ такіе откупа велѣно отставить, писали они, пожалуй государь и насъ. Арзамасцы писали въ своей челобитной: „по твоему государеву указу посланы по городамъ твои государевы грамоты, чтобы мелкихъ откуповъ — квасу, и сусла, и вощеного боя и сѣнной трухи не откупать, держать безъ откупу всякимъ мірскимъ людямъ, и въ Арзамасѣ такой твоей государевой грамоты не бывало“. Они просили дать имъ грамоту „противъ своего государева указа и иныхъ городовъ“. По этому поводу въ Новгородской чети былъ составленъ докладъ государю. Въ началѣ его выписанъ указъ 1639 г., а затѣмъ приведена роспись городовъ, въ которыхъ существуютъ „невеликіе откупы“ разныхъ промысловъ. Оказалось, что откупа даютъ всего во всѣхъ городахъ чети 594 руб. 25 алт. $4^1/_2$ д. Однако изъ сравненія съ приходными книгами видно, что въ докладную выписку были выпи-

саны не всѣ монополіи. Такъ не выписана монополія смолы въ Архангельскѣ вѣроятно потому, что она давала приличный доходъ. Намъ интересно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ городахъ откупа мелкихъ промысловъ оказались замѣненными прямымъ налогомъ по челобитью посадскихъ людей. Такъ вологжане съ 1634 г. платили оброку съ площадного письма по 20 руб. 15 алт. на годъ, съ извозничьей площадки—по 20 руб., съ плавучего моста и перевоза—по 32 руб. Двиняне платили по 6 руб. „за карбасный извозъ“ и по 6 руб. 13 алт. 2 д. за площадное письмо. Гороховляне платили „съ баннаго съ пустого мѣста“ по 1 руб. 16 ал. 4 д.

На докладѣ по статьямъ были сдѣланы помѣты, гдѣ и какія монополіи было велѣно уничтожить. Въ этихъ помѣтахъ намъ интересно отмѣтить двѣ подробности: во первыхъ то, что монополіи были отмѣняемы не по существу, а смотря по тому, какой онѣ давали доходъ; во вторыхъ то, что онѣ были отмѣнены только въ тѣхъ городахъ, изъ которыхъ были челобитчики. Остальные города навѣрное должны были каждый за себя хлопотать о примѣненіи къ нимъ государева указа. Были отставлены: въ Хлыновѣ—зерновой и бражный судъ, который давалъ откупа 8 р. 3 ал. 2 д. и откупъ съ харчевни—2 руб.; въ Шестаковѣ—кабацкій зерновой и бражный судъ—1 р. 6 ал. 4 д. и кваса—1 руб.; въ Котельничѣ то же самое—1 р. 22 ал. 4 д.; въ Слободскомъ откупъ зерновой и шахматной игры и картъ—6 р. 27 ал. 3 д., откупъ сальныхъ свѣчъ—10 алт. Откупа кваса въ Хлыновѣ (давалъ по 42 руб. 16 ал. 4 д.) и въ Слободскомъ (10 руб. 16 ал. 4 д.) были сохранены. Въ Арзамасѣ были отмѣнены: сѣнная труха—2 р. 27 ал. 5 д., проруби—1 р. 6 ал. 4 д., яичный бой—25 ал. 4 д., уксусъ—17 ал. 3 д.; сохранены: площадное письмо—12 р. 17 ал. 2 д., воскобойня—9 р. 30 ал. 5 д., сусло и квасъ—53 р. 16 ал. 4 д.

Въ 1640 г. вятчане снова били челомъ и по ихъ челобитью государь указалъ отставить откупа сусла и кваса въ Хлыновѣ и въ Слободскомъ. (Арх. Мин. ин. дѣлъ, Прик. д. ст. л., 1639 г. № 82 и 1640 г. № 86)

Можно думать, что такъ было вездѣ, т. е. что сами заинтересованныя лица въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должны были бить челомъ и просить исполненія государева указа 1639 года, и далеко не всегда приказъ соглашался примѣнить этотъ невыгодный для государевой казны указъ. Прошло нѣсколько лѣтъ и монополіи даже тамъ, гдѣ онѣ были отмѣнены, возникли вновь. Въ приходной книгѣ Новогородской чети 1644 г. записаны: въ Великомъ Новгородѣ на откупѣ кабацкая зернь (10 руб.), у Соли Камской—сусло, квасъ и зернь, на Вологдѣ—сусло, квасъ и сѣнная площадка, въ Павловѣ острогѣ—сусло, квасъ, баня, проруби, сѣно, воскобойня, деготь, извозъ и точильный промыселъ. (Тотъ же

архивъ, по Новгороду кн. № 28 л.л. 13, 266, 519) Въ приходной книгѣ Галицкой чети 1640 г. записанъ указъ 1639 г., но тутъ же черезъ нѣсколько страницъ записаны откупа, напр., въ Парфеньевѣ мыльной рѣзи, въ Чухломѣ дегтя и т. д. (Тотъ же архивъ, по Галичу кн. № 7) То же самое мы видимъ въ приходной книгѣ той же чети 1644 г., когда, казалось бы, было уже время примѣнить указъ 1639 г. Въ ней упоминаются откупа: сусла и кваса во многихъ городахъ, въ Парфеньевѣ сверхъ мыльной рѣзи деготь и шолкъ, въ Коломнѣ дрожжи и извозъ, въ Бѣлевѣ извозъ лошадиный и соловолокъ и площадное письмо, во Мценскѣ воскобойня, хлѣбный и соляной извозъ. (Тамъ же, по Галичу кн. № 10 л.л. 203, 207, 210 об., 211 и об., 308, 315 и другія)

Въ 1648 г. (29 сентября) духовенство, служилые и жилецкіе люди всякихъ чиновъ Сѣвска посада и уѣзда били челомъ государю на злоупотребленія кабацкаго откупщика. Въ челобитьѣ они между прочимъ писали, что откупщикъ откупилъ въ Сѣвскѣ деготь, квасъ и писчую площадку, которые раньше съ 1619 года съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ они сведены въ Сѣвскъ на житье изъ Новгорода Сѣверскаго, никогда не были на откупѣ. „И онъ де Меркулъ (откупщикъ) съ товарищи продаютъ деготь дорогою цѣною, передъ прежнею продажею вдвое и втрое, прибавливая въ деготь воду, и навозъ мѣшаютъ“. Про монополію писчей площадки они писали: „которые грамотѣ умѣютъ, и отъ ихъ, государь, грозы Меркула съ товарищи писать челобитныхъ не смѣютъ, и, отходя сего свѣта, духовныхъ и всякихъ своихъ нужныхъ дѣлъ писать не смѣютъ, потому, государь, что они ограживаютъ впередъ большою продажею, и убойствомъ и московскою волокитою. А отъ письма, государь, емлютъ отъ челобитной по гривнѣ и больше, а отъ записей и отъ поручныхъ и отъ иныхъ крѣпостей емлютъ по полтинѣ и больше. И многіе, государь, въ городѣ и въ уѣздѣ помираютъ безъ духовныхъ, потому что писать и рукъ прикладывать никто не смѣютъ“. (Москов. Арх. Мин. Юстиціи, Бѣлогородск. стола ст-цъ № 287 л.л. 386—391)

Извѣстный указъ 30 апрѣля 1654 г. о реформѣ таможенныхъ сборовъ и объ отмѣнѣ откупной формы взиманія ихъ гласитъ: „подражающе божественныхъ повелѣній, приклонихомъ милостиво уши наши въ міръ слышанія и слышахомъ нѣчто неполезно, паче-жъ грѣшно и міру досадительно“. Среди этихъ неполезныхъ и міру досадительныхъ вещей указъ перечисляетъ и предписываетъ уничтожить откупа „ѣдомыхъ харчей всякихъ и иныхъ всякихъ мелкихъ промысловъ, кваса, сусла, масла конопляного и коровья, ветчинного сала, солодоращенія, овсяной трухи, хмѣлевой труски, хлѣбного, и соляного, и важеннаго и береговаго извоза, сѣнной трухи, шелку, пищей площадки, на рѣкахъ прорубного, золы всякой, мыльнаго рѣзанья, ворванья сала, свѣчъ сальныхъ, смолы брусковыя на рѣзь, дегтю, уголья, и рогожнаго товару, лаптей, шлей и хо-

мутовъ". (С. Г. Г. и Д. III, № 173) Какъ видно изъ этого указа, къ серединѣ 17-го вѣка, несмотря на указъ 1639 г., образовалась цѣлая сѣть „неполезныхъ и міру досадительныхъ" мелкихъ монополій.

Въ нашъ планъ не входитъ подробное изложеніе исторіи мелкихъ монополій во второй половинѣ 17-го вѣка. Для насъ достаточно привести еще нѣсколько примѣровъ и констатировать, что, несмотря на указы 1639 и 1654 годовъ, мелкія монополіи продолжали существовать, то возникая, то исчезая. Приказы то забываютъ указы объ ихъ отмѣнѣ, то вспоминаютъ объ нихъ, преимущественно тогда, когда слышатъ настойчивыя жалобы населенія.

Повидимому политика правительства, направленная къ обособленію посадовъ отъ уѣздовъ въ правовомъ и экономическомъ отношеніяхъ соотвѣтственно особенностямъ посадскаго тягла, сама создавала благопріятныя условія для возникновенія и существованія монополій. Въ 1674 г. гости Аверкій Кирилловъ, впослѣдствіи вліятельный дьякъ, и Григ. Шустовъ били челомъ государю во Владимірской чети, что въ Калугѣ по 1672 г. извозъ былъ на откупѣ, „и тѣ откупщики съ насъ холопей твоихъ и со всѣхъ соляныхъ промышленниковъ за провозъ съ соляной рогожи имали насильствомъ по 8 денегъ и по 10 денегъ отъ того только — изъ струга на берегъ въ амбаръ перевозить. И въ прошломъ, государь, во 180 году (1672 г.) по челобитью всѣхъ соляныхъ промышленниковъ и всѣхъ калужанъ тотъ соляной откупъ отставленъ и велѣно тѣмъ извозомъ кормиться безъ откупа вольнымъ людямъ и провозъ имати по договору вольному. А нынѣ, государь, умыслили калужане посадскіе люди, стали соль возить *одни* и съ насъ холопей твоихъ за провозъ съ берега въ амбаръ емлютъ насильствомъ со всякой рогожи *дороже и прежнихъ откупщиковъ* по 10 денегъ и по 2 алтына, а стороннихъ твоихъ государевыхъ, и монастырскихъ и помѣщиковыхъ уѣздныхъ крестьянъ подъ соль нанятися не пустятъ и угрожаютъ имъ продажею и боемъ. А твои государскіе, и монастырскіе и розныхъ помѣщиковъ крестьяне съ того извоза хотятъ съ насъ взять за провозъ по 2 деньги съ рогожи". Гости просили, чтобы имъ было разрѣшено нанимать подъ соль всякихъ крестьянъ „невозбранно повольною цѣною". (Арх. Мин. ин. дѣлъ, Прик. д. ст. л., 1674 г. № 234)

Въ 1677 г. откупщикъ дрягильнаго подъема и соляного и хлѣбнаго извоза въ Переяславлѣ Рязанскомъ заявилъ во Владимірской чети о своемъ отказѣ отъ откупа, который онъ держалъ по уговору 3 года. По поводу его челобитья въ чети была составлена любопытная докладная выписка, въ которой приведенъ указъ 1654 г. и сказано, что по этому указу съ 1654 г. въ Переяславлѣ контарный подъемъ, работная пошлина, извозъ, сусло, квасъ, проруби и сѣнная труха „изъ оклада выложены", т.-е. отставлены, а въ 1665 г. въ чети билъ челомъ Ф. Лахинъ и просилъ ему

дать на откупъ хлѣбный извозъ, „а на Москвѣ де нынѣ на откупѣ изъ Большаго Прихода, а хлѣбные извощики оброкъ даютъ въ Земскомъ Приказѣ“. По справкѣ Владимірской чети съ Земскимъ Приказомъ оказалось, что на Москвѣ „съ извощиковъ, которые возятъ въ мучной и въ житной ряды съ струговъ изъ болота рожь, и муку, и солодъ и всякой хлѣбъ, а иные съ Москвы рѣки и изъ лѣсныхъ рядовъ лѣсъ, и изъ гончаровъ кирпичъ и всякіе тяжелые возы, и съ тѣхъ извощиковъ въ Земскій Приказъ емлютъ по рублю съ хомута“. Собственно тутъ не было монополіи, а былъ прямой промысловый налогъ, но Владимірская четь нашла, что есть полное основаніе учредить монополію и откупъ извоза былъ данъ съ 1665 г. Ф. Лахину, „а послѣ его отказа тотъ откупъ по 186 г. (1677—78 г.) былъ на откупѣ-жъ за иными откупщики“.

Выслушавъ докладъ, начальство чети вспомнило указъ 1654 г. Было указано на откупъ извоза не отдавать, а замѣнить откупъ по примѣру Москвы промысловымъ налогомъ—„а которые охочіе люди тѣмъ извозомъ станутъ промышлять и хлѣбъ и соль станутъ возить, и у тѣхъ людей противъ указа великаго государя, каковъ учиненъ на Москвѣ въ Земскомъ Приказѣ, хомуты ихъ записывать въ таможнѣ.... и со всякаго хомута имать въ казну великаго государя въ таможню по рублю на годъ; и тѣмъ, у которыхъ будутъ хомуты запятнаны, велѣть имъ хлѣбъ и соль возить и провозъ имать повольно по договору, а извощикомъ велѣть быть *многимъ* людямъ, сколько къ тому дѣлу охочихъ будетъ, тѣхъ всѣхъ пущать и имать со всякаго по рублю, а которые платить съ хомута не похотятъ, и тѣмъ хлѣба и соли возить не велѣть“. (Тотъ же архивъ, Прик. д. ст. л., 1677 г. № 102) Весьма вѣроятно, что многихъ охочихъ людей въ Переяславлѣ не оказалось и что вслѣдствіе этого образовалась фактическая монополія.

Въ Архангельскѣ то возникала, то была отмѣняема любопытная монополія, монополія барышническаго промысла — „межъ русскихъ людей и иноземцовъ торги сводить“. Въ 1648 г. двинскій воевода кн. В. Г. Ромодановскій отдалъ ее на оброкъ за 85 р., а въ 1650 г. по грамотѣ изъ чети велѣно было откупъ отмѣнить, а барышничать безоброчно. Въ 1672 г. откупъ этого промысла и другихъ мелкихъ статей возникъ снова, но въ 1675 г. по челобитью гостей и торговыхъ русскихъ людей и иноземцовъ былъ отмѣненъ, а было велѣно барышникамъ торги сводить и брать за то вознагражденіе по соглашенію, „а которые торги исторгуются повольно безъ барышниковъ, и съ тѣхъ торговъ барышныя деньги... сбирать барышникамъ не велѣно“. Въ 1683 г. нашлись охочіе люди взять на откупъ этотъ промыселъ и били о томъ челомъ въ чети, но имъ было отказано, такъ какъ отъ того „будетъ русскимъ торговымъ людямъ и иноземцамъ великая тягость и продажа и убытки. Да и для того имъ отказать, что такіе откупы уставною пе-

чатною грамотою (1654 г.) отставлены и великимъ прещеніемъ заказаны, что имъ впредь не быть". (Д. А. И. X, № 105)

Итакъ мы видимъ, что мелкія монополіи, малодоходныя для казны, но чрезвычайно непріятныя для населенія, возникаютъ и существуютъ на протяженіи всего XVII вѣка. Правительство издаетъ общіе и сепаратные указы, отмѣняющіе ихъ, населеніе съ своей стороны жалуется, однако мелкіе промыслы то и дѣло „учиняются" вновь на откупахъ. Выищется предпріимчивый охочій человѣкъ, укажетъ приказу, что такимъ то промысломъ промышляютъ всякіе люди, а дохода отъ него казнѣ нѣтъ, и приказъ большею частью охотно соглашается получать новый доходъ, дѣйствуя въ согласіи съ своимъ основнымъ принципомъ—приноравливаться къ каждому отдѣльному случаю и по возможности использовать всѣ безъ исключенія проявленія хозяйственной дѣятельности и зажиточности населенія.

Монополія азартныхъ игръ возникла тѣмъ же путемъ, какъ и монополіи другихъ мелкихъ промысловъ, но тутъ были нѣкоторыя особенности. Когда приказъ монополизировалъ мелкіе промыслы, которыми кормились посадскіе люди, то онъ затрагивалъ массу интересовъ, онъ лишалъ мелкихъ людей заработка, съ котораго они были положены въ сошное письмо и тянули тягло, и заставлялъ платить косвенный налогъ въ пользу монополиста всѣхъ прочихъ людей. Въ монополіи азартныхъ игръ выступаютъ другія черты. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онѣ не составляли промысла, которымъ могли бы питаться всякихъ чиновъ люди, съ другой стороны онѣ развращали и разоряли населеніе. Вслѣдствіе этого исторія эксплоатаціи азартныхъ игръ въ фискальныхъ цѣляхъ, имѣя много общаго съ исторіей мелкихъ монополій, представляетъ нѣкоторыя особенности.

Въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ источникомъ дохода служили слѣдующія азартныя или, какъ ихъ тогда называли, закладныя игры: кости (зернь), карты, шахматы и яичный бой. Въ чемъ именно состояла костяная зернь (иногда „зернь костарня"), достовѣрно неизвѣстно. Эта игра очень древняго происхожденія была сильно распространена въ Греціи и Римѣ, а позже въ средніе вѣка во всей Западной Европѣ. Сущность ея состояла въ томъ, что игроки подкидывали костяные кубики, 6 сторонъ которыхъ иногда были обозначены цифрами, иногда же однѣ зачернены, а другія оставлены чистыми. Иногда игра происходила на доскѣ, на которой могли быть начерчены тѣ или иныя фигуры. Выигрышъ и проигрышъ опредѣлялися положеніемъ и мѣстомъ паденія кубиковъ. Въ актахъ иногда упоминается „зерновая доска", на которой происходила игра. Возможно, что одно изъ видоизмѣненій игры въ кости на доскѣ представляетъ игра въ гуська, сохранившаяся до сихъ поръ съ небольшими измѣненіями, какъ дѣтская забава. По описанію И. Са-

харова эта излюбленная игра нашихъ предковъ состояла въ томъ, что игроки, кидая кости съ цифрами, передвигали шашки по доскѣ, на которой былъ нарисованъ путь съ числами, гуськами, постоялымъ дворомъ, кабакомъ и темницею. Кто попадалъ на постоялый дворъ, тотъ долженъ былъ платить за постой по условію, кто попадалъ въ темницу, тотъ терялъ очередь до тѣхъ поръ, пока другой игрокъ не смѣнялъ его и т. д. Выигрывалъ тотъ, кто раньше другихъ доходилъ до послѣдняго знака. (И. П. Сахаровъ. Сказанія русскаго народа, I, С.-Пб. 1885 г., 219)

Въ чемъ состояла игра яичный бой, неизвѣстно. Быть можетъ это было сохранившееся до сихъ поръ, но мало распространенное, обыкновеніе бить на споръ яйца на Святой недѣлѣ. Игроки берутъ въ руки по яйцу и ударяютъ ихъ другъ о друга, тотъ, чье яйцо разобьется ранѣе, считается проигравшимъ. Повидимому эта незамысловатая игра уступала мѣсто зерни и картамъ, которыя въ XVI и XVII вв. быстро распространились среди населенія. Несомнѣнно, что яичный бой былъ азартной игрой. Въ 1630 г. по приказу Вологодскаго и Великопермскаго архіепископа былъ произведенъ обыскъ, кто въ Засодимской волости „зернью и карты играютъ и яйца бьютъ“. Старосты и крестьяне сказали въ обыскѣ, что которые люди прежде играли, и тѣ перестали играть послѣ того, какъ въ 1629 г. „отъ государя епископа Варлаама..., была заповѣдь, что зернью и карты не играти“, а крестьяне одного помѣщика прибавили, что у нихъ „зерньщиковъ и картовщиковъ нѣтъ, ни яйца въ деньги не бьютъ“. (Р. И. Б. II, № 267) На игру яичный бой, какъ на бытовое явленіе мы встрѣчаемъ вообще мало указаній. Въ 1590 г. крестьяне Тавренской волости Ильинскаго прихода (Вага) договорились чтить воскресные дни и не работать въ нихъ, „или кто станетъ яйца бити, и на томъ та же заповѣдь доправити—8 алтынъ“. (А. Ю. № 358) Въ началѣ XVII вѣка Ипатьевскій монастырь въ наказѣ своему прикащику предписывалъ унимать всякихъ людей отъ пьянства, сквернословія и разныхъ игръ и наказывать тѣхъ, кто будетъ „зернью играть и всякими игры, и у себя держать, и яйца битися“. (А. Ю. № 334)

За то зернь и карты, какъ бытовое и притомъ чрезвычайно вредное явленіе, встрѣчаются чрезвычайно часто. На это можно было бы привести массу указаній. Закладными играми увлекаются всѣ, свѣтскіе и духовные, служилые и тяглые, посадскіе и уѣздные люди, русскіе и инородцы. Въ 1666 г. власти Шуйскаго Троицкаго монастыря удаляютъ изъ своей среды старца Савватья за то, что онъ „на кабакѣ пьетъ и иноческое платье съ себя пропиваетъ и зернью проигрываетъ“. (Борисовъ. Описаніе гор. Шуи. М. 1851 г., 442 стр.) Въ 1668 г. астраханскимъ воеводамъ „вѣдомо учинилось, что въ Астрахани на кружечномъ дворѣ и въ Солдатской и въ Стрѣлецкихъ слободахъ астраханцы конные и пѣшіе стрѣльцы, и солдаты и всякихъ чиновъ жилецкіе и верховыхъ

городовъ пріѣзжіе всякихъ чиновъ люди зернью и карты играютъ, и отъ тое зерни астраханскимъ всякихъ чиновъ жилецкимъ и пріѣзжимъ людямъ чинятся татьбы и смертное убойство большое". (А. от. до юр. б., II, 696) Вообще среди плохо дисциплинированныхъ, оторванныхъ отъ своихъ семей и хозяйствъ, досужихъ служилыхъ людей зернь и карты были очень распространены и оказывали крайне вредное вліяніе. (См. напр., А. И. IV, № 74. Безчинство въ Коломнѣ въ 1653 г. солдатъ маіора Цея)

Полудикіе инородцы, приходя въ соприкосновеніе съ русскими людьми, быстро перенимали у нихъ все дурное, особенно пьянство и азартныя игры. Приведемъ одно свидѣтельство. Въ 1636 году воевода изъ Верхотурья писалъ, что ясачные инородцы „живутъ промежъ русскихъ людей и русскому обычаю навычны", неисправно платятъ ясакъ, такъ какъ знаютъ, что править на нихъ не велѣно, „а иные многіе ясачные люди играютъ зернью и, что добудутъ въ нашъ ясакъ соболей и лисицъ или иного какого звѣря, то проигрываютъ, и промежъ собою живетъ у нихъ на зерни убойство". (А. И. III, № 193)

Тѣсная связь азартныхъ игръ съ государевыми кабаками сразу обращаетъ на себя вниманіе. Игорный майданъ чаще всего ютился на кабакѣ и пользовался особымъ покровительствомъ вѣрныхъ сборщиковъ и откупщиковъ. Это—понятно. Увлекшійся игрой „питухъ" засиживался на кабакѣ и пилъ съ горя, проигравшись, и на радостяхъ, выигравши. Поэтому вѣрные головы и цѣловальники и откупщики заводили на кабакахъ зернь и карты и покровительствовали имъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ по мѣстнымъ условіямъ не были источникомъ дохода для казны. Въ 1633 г. городецкій воевода отписывалъ въ Устюжскую четь, что кабацкій откупщикъ „на кабакѣ держитъ зерни великія" и что онъ согласно указа хотѣлъ взять зерньщиковъ и посадить въ тюрьму, но откупщикъ учинился силенъ, „зерньщиковъ съ кабака не далъ; а въ городѣ и въ уѣздѣ отъ зерньщиковъ чинятся татьбы и воровство великое". Въ чети было указано послать на эту отписку къ воеводѣ грамоту, чтобы онъ переималъ зерньщиковъ и, бивъ ихъ батогами, посадилъ дня на 2 или на 3 въ тюрьму, а послѣ далъ бы ихъ на поруки въ томъ, что они не будутъ впередъ играть зернью. (Арх. Мин. ин. дѣлъ, Прик. д. ст. л., 1633 г. № 38)

На Тотьмѣ зернь, какъ бытовое явленіе, была очень распространена и держалась очень прочно. Въ 1623 г. крестьяне Стрѣлицкой волости жаловались въ чети на нѣкоторыхъ своихъ односельчанъ въ томъ, что они покидаютъ свои деревни, продавъ лучшія угодья, безъ которыхъ „иные крестьяне изъ тягла въ жило не емлютъ никто"; „да иныхъ де розныхъ волостей многіе крестьяне для воровства, пропоя и зерни такъ же у своихъ деревень угодья продаютъ и закладываютъ и тѣ де они свои

деревни безъ тѣхъ угодей, запустоша, отдаютъ въ міръ съ пометными. Да въ нихъ же держатъ у себя для воровства прихожихъ гулящихъ людей, воровъ зерыщиковъ, и съ ними играютъ зернью и пропиваютъ. Да и живучи тѣ воры въ волостяхъ, зимнею порою провѣдываютъ прожиточныхъ крестьянъ и лѣтнею порою тѣхъ прожиточныхъ крестьянъ розбиваютъ и грабятъ. И отъ того де воровства многія деревни и жеребьи крестьянскіе пустѣютъ". (Тотъ же архивъ, по Устюгу кн. № 117, 2-я часть, 483 л.)

Спустя 7 лѣтъ тотемскій воевода отписывалъ въ четь (въ 1630 г.), что „на Тотьмѣ на посадскомъ и на варничномъ кабакѣ и у варницъ по избамъ ярыжные зернью играютъ и, приходя къ нимъ, посадскіе люди и волостные пашенные крестьяне на кабакахъ пьютъ и зернью играютъ же и жеребьи свои проигрываютъ. И я, холопъ твой, тѣхъ зерыщиковъ безъ твоего государева указу имать не смѣю, что въ твоемъ государевѣ наказѣ, каковъ данъ мнѣ..... за приписью..... дьяка М. Смывалова, о той кабацкой зерни и о питухѣхъ не написано". Въ чети было указано отписать къ воеводѣ, чтобы онъ „унималъ отъ воровства и чтобъ душегубства не было" (Тотъ же арх., Прик. д. ст. л., 139 г. № 57) Изъ другой отписки воеводы того же года выясняется, почему онъ не принялъ никакихъ мѣръ противъ зерыщиковъ. Воевода писалъ, что не въ силахъ сбирать государевы всякіе доходы, такъ какъ многіе крестьяне пьютъ на кабакахъ и зернью играютъ, „и жеребьи свои зернью проигрываютъ. И иные, государь, крестьяне, пропився и проигрався зернью, жеребьи свои мечутъ впустѣ, а сами бредутъ врозь. И по которыхъ, государь, зерыщиковъ пошлю я, холопъ твой, для твоего государева денежнаго сбора, и таможенный и кабацкой голова Ив. Завалинъ тѣхъ зерыщиковъ мнѣ, холопу твоему, не даетъ и розсыльщиковъ съ кабаковъ отъ зерыщиковъ отсылаетъ и впредь похваляется побивать. А по твоему государеву наказу, каковъ мнѣ, холопу твоему, данъ, тотмичъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ велѣно ото всякаго дурна унимать и зернью-бъ не играли". На этой отпискѣ воеводы въ чети сдѣлана слѣдующая любопытная помѣта: „отписать — велѣть ему (воеводѣ) отъ зерни унимать, чтобъ жеребьевъ своихъ не проигрывали мужики, а къ Завалину послать государеву грамоту, чтобъ онъ въ воеводскія дѣла не вступался и за воровъ не стоялъ, а вѣдалъ бы свое дѣло, что ему приказано, таможню и кабакъ". Въ грамотѣ, посланной по этой помѣтѣ, разъясняется, какъ надо унимать мужиковъ отъ зерни и пропоя. Воеводѣ предписывается учинить заказъ крѣпкій на посадѣ и въ уѣздѣ, чтобы „деревень своихъ и у деревень угодій никакихъ на кабакѣ въ кабацкомъ питьѣ не пропивали и зернью не проигрывали. А кому лучится на кабакѣ пить, и тѣмъ людямъ пить на кабакѣ на деньги и подъ заклады. А кабацкимъ головѣ и цѣловальникамъ потому-жъ

въ кабацкомъ пропоѣ ни у какихъ людей жеребьевъ земель не имати, давали-бъ подъ закладъ съ поруками". Ослушниковъ воеводѣ предписывается наказывать, смотря по винѣ, а пропитые и проигранные жеребьи отдавать безденежно ихъ хозяевамъ. (Тамъ же, Прик. д. ст. л., 1630 г. № 72)

Въ 1638 г. другой тотемскій воевода, Т. Дубровинъ, писалъ въ четь, что ему велѣно тотмичь унимать отъ всякаго дурна и не позволять играть зернью, „и на Тотьмѣ, государь, по кабакамъ и въ Тотемскомъ уѣздѣ волостные крестьяне зернью играютъ, а посылаетъ, государь, по волостямъ съ продажнымъ виномъ (это было неоднократно запрещаемо указами) съ Тотьмы таможенный и кабацкой голова Н. Мясниковъ съ товарищами цѣловальниковъ, и у тѣхъ, государь, продажныхъ винъ многое дурно чинится, крестьяне пропиваются и зернью играютъ, и повытья свои пропиваютъ и зернью проигрываютъ. И отъ того твоимъ государевымъ доходамъ въ сборахъ чинится мотчанье великое и отъ зерньщиковъ татьба и многое дурно. (Тамъ же, Прик. д. ст. л., 1638 г. № 10)

Еще лѣтъ 6 спустя третій тотемскій воевода отписывалъ въ четь, что кабацкіе цѣловальники по приказу головы ѣздятъ по волостямъ, ставятся противъ воли крестьянъ на ихъ дворахъ и устраиваютъ тамъ кабаки, „а на кабакахъ де, государь, приходятъ зимою и лѣтомъ всякіе воровскіе незнамые люди, и ярыжки, пропився, валяются и ходятъ наги, и зернь де, государь, костарня живетъ и драки беспрестанныя..... и отъ того, государь, продажнаго вина въ Тотемскомъ уѣздѣ чинятся многія смертныя убойства и татьбы и зерни, и крестьяне пропиваются и зернью проигрываются". (Тамъ же, Прик. д. ст. л., 1644 г. № 13)

Это безсиліе тотемскихъ воеводъ унять зернь на кабакахъ отчасти объясняется тѣмъ, что въ крупныхъ городахъ Устюжской чети въ таможенныхъ и кабацкихъ головахъ служили торговые люди изъ другихъ городовъ и изъ Москвы, снабженные очень широкими полномочіями и совершенно изъятые изъ вѣдомства воеводъ уже въ концѣ первой трети XVII вѣка.

Выслушаемъ свидѣтелество третьей стороны — кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ. Въ 1649 г. двинскій голова отписывалъ въ Новгородскую четь, что торговля сильно сократилась и пріѣзжихъ людей мало. Да въ томъ же де году зимою къ воеводѣ и дьяку прислана грамота, „чтобъ въ городѣ, и въ слободахъ и въ уѣздѣ мірскіе и всякихъ чиновъ люди отъ безмѣрнаго пьянаго питія уклонялись и зернью и карты не играли". Указъ этотъ по многіе дни былъ прочтенъ всякимъ людямъ у церквей, „и послѣ того, государь, на Колмогорахъ, и у города и въ Двинскомъ уѣздѣ по кабакамъ всякихъ чиновъ люди зернью и карты играть и кабацкаго питья пить не смѣютъ". Въ прежніе годы, писалъ голова, было много торговыхъ людей „и на твоихъ государевыхъ двин-

скихъ кабакахъ зернью и карты играли и пигуховъ было много, и потому твоя государева таможенная пошлина и кабацкая прибыль собиралась немалая". (Тотъ же архивъ, Прик. д. ст. л., 1649 г. № 117)

Въ 1668 году тюменцы говорили въ роспросѣ тобольскому воеводѣ: „а въ кое де время бывала на Тюмени съ зернью и картами выимка (т. е. когда по временамъ игры запрещались и игорныя принадлежности были отнимаемы), и въ то де время бьютъ челомъ кружечнаго двора и съ квасной цѣловальники—*какъ де зерни и картъ не будетъ, и государева де питья никто безъ того пить не станетъ, и послѣ де цѣловальничья челобитья живетъ зернь и карты повольно, и въ то де время и питья живетъ больше*". (см. ниже)

Эксплоатація азартныхъ игръ съ фискальными цѣлями принимала различныя формы. Какова бы, впрочемъ, ни была форма, закладныя игры неизмѣнно ютятся на кабакахъ. Въ однихъ мѣстахъ создавалась полная, по мѣрѣ возможности, монополія содержанія игорнаго притона на томъ или иномъ кабакѣ. Монополистъ имѣлъ всѣ игорныя принадлежности и давалъ ихъ игрокамъ за нѣкоторую плату. Иногда, быть можетъ, онъ былъ одновременно майданщикомъ, т. е. самъ принималъ участіе въ игрѣ. Обычно ему же принадлежало право судить игроковъ въ игорныхъ искахъ, по крайней мѣрѣ въ небольшихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игорной монополіи не было, а на откупъ сдавался лишь зерновой и картовой судъ—„что судятъ ярыжныхъ въ зерновыхъ искѣхъ". Судья—откупщикъ или вѣрный сборщикъ—разбиралъ, вѣроятно частыя, драки, и ссоры игроковъ, постановлялъ рѣшеніе и имѣлъ право принуждать виноватаго къ уплатѣ проигрыша и штрафа. За свой судъ судья получалъ съ истца и съ отвѣтчика вознагражденіе, смотря по установившимся обычаямъ. Наконецъ изрѣдка источникомъ дохода служило право писать на кабакѣ „кабацкія поручныя зерновыя записи и кабалы". Здѣсь откупщикъ получалъ исключительное право писать на кабакѣ поручныя записи и кабалы, которыя должны были выдавать на себя проигравшіеся своимъ счастливымъ партнерамъ, когда не были въ состояніи расплатиться наличными деньгами.

Время возникновенія монополіи закладныхъ игръ опредѣлить невозможно за недостаткомъ матеріаловъ. Есть основаніе предполагать, что кое гдѣ монополія возникла еще въ концѣ XVI в. или въ самомъ началѣ XVII-го. Съ конца первой четверти XVII вѣка монополія быстро распространилась и этотъ процессъ стоитъ въ несомнѣнной связи съ напряженіемъ косвеннаго обложенія вообще за этотъ промежутокъ времени.

Какъ мы уже упоминали, существованіе монополіи въ томъ или иномъ городѣ не всегда можно обнаружить, такъ какъ эта мелкая статья дохода въ приходныхъ книгахъ и смѣтахъ приказовъ часто бывала списываема съ другими доходными статьями, большею частью съ кабацкимъ

доходомъ. Судя по этимъ и нѣкоторымъ другимъ приказнымъ документамъ, монополія азартныхъ игръ существовала въ слѣдующихъ городахъ. Въ Великомъ Новгородѣ зернь упоминается въ 1633 г. (Ар. Мин. ин. дѣлъ, по Новгороду кн. № 22, 19 л.) и въ 1639. (Тамъ же, Прик. д. ст. л., 1639 г. № 89, 20 л.) На 1643—44 годъ было „новгородскихъ кабаковъ зернового откупа по окладу 10 руб. съ полтиною". (Тотъ же архивъ, по Новгороду, кн. № 28, 13 л.)

Въ Нижнемъ Новгородѣ зерновой и кабацкій судъ былъ отданъ на откупъ вновь въ 1617 г. за 16 руб. съ полтиною. (Тамъ же, Прик. д. ст. л., 1639 г. № 92) Доходъ росъ быстро и давалъ довольно значительную по тому времени сумму.

Въ 1618 г.—17 руб.
Въ 1619 г.—34 р. 8 ал. 2 д.
Въ 1620 г.—60 руб.
Въ 1621 г.—70 руб.
Въ 1622 г.—75 руб.
Въ 1623—24 г. по 80 р. 14 ал. 4 д. на годъ.
Въ 1625 г.—143 руб. 16 ал. 4 д.
Въ 1626 г.—200 руб.
Въ 1627 г.—201 руб. 10 д.
Въ 1628 г.—202 р. 6 ал. 2 д. (вмѣстѣ съ яичнымъ боемъ). (Тотъ же архивъ, по Нижнему кн. №№ 4, 5 и 9 и по Новгороду кн. № 15) Впрочемъ нужно замѣтить, что такой доходъ давалъ откупъ не одного зерноваго и картоваго суда и яичнаго боя. Изъ жалобы откущиковъ 1626 г. на то, что ихъ заставляютъ держать откупъ противъ воли, видно, что у нихъ на откупѣ были—„кабацкой, и зерновой, и картовой и всякой кабацкой судъ, и отъ головъ поведерныя деньги, и отъ цѣловальниковъ напойныя деньги". (Р. И. Б., II, № 223) Повидимому откущики къ 1626 году такъ взбили цѣну откупа, что держать его стало невыгоднымъ. Воеводы сдѣлали попытку заставить откущиковъ держать откупъ противъ ихъ воли, а въ 1632 году пришлось поручить сборъ этого дохода вѣрнымъ сборщикамъ. Въ 1632—33 году было собрано на вѣрѣ „нижегородскихъ кабаковъ съ зернового и картоваго суда, и съ бань, и съ сусла, и съ кваса и уксусныя прибыли" 642 р. 11 ал. 4 д., а въ 1633—34 г.—609 р. 19 ал. $^1/_2$ д. (Тамъ же, по Новгороду кн. № 22, 110 л.) Въ 1640 г. зерновой и картовый судъ въ Нижнемъ Новгородѣ вмѣстѣ съ другими мелкими монополіями, какъ мы говорили выше, былъ отставленъ по челобитью нижегородцевъ.

На Вяткѣ въ Хлыновѣ зерновой и бражный судъ былъ сданъ на откупъ вновь въ 1614 г. (Тамъ же, по Нижнему кн. № 1, 253 л.) Въ 1620 г. этотъ судъ былъ на откупѣ уже во всѣхъ пяти Вятскихъ городахъ, при чемъ въ Шестаковѣ откупъ данъ вновь, а въ остальныхъ городахъ существовалъ раньше, (Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 14, 320, 329, 337, 345 и 353 лл.) Въ послѣдующіе годы зерновой и картовый судъ упоминается постоянно до 1640 г., а въ 1639 г. въ Слободскомъ вмѣстѣ съ зернью и картами упоминаются на откупѣ шахматы. (Тамъ же, Прик. д. ст. л., 1640 г. № 86) Въ 1640 г. эти от-

купа были уничтожены съ другими мелкими монополіями, такъ же, какъ и въ Нижнемъ, по челобитью населенія.

Изъ другихъ городовъ Новгородской чети откупа азартныхъ игръ упоминаются въ слѣдующихъ: въ 1619 и 1620 гг.—у Соли Камской, въ 1626 г.—въ Чердыни, у Соли Камской, въ Арзамасѣ (только яичный бой) и въ Гороховцѣ (Тамъ же, по Новгороду кн. № 14, 300 л. и кн. № 15,400,444 об., 816,836.); въ 1633 и 1634 гг.—у Соли Камской, въ Гороховцѣ и въ Арзамасѣ. (Тамъ же по Новгороду кн. № 22,207 об., 254 об., 263) Въ 1644 г., несмотря на указъ 1639 г., отмѣнявшій мелкія монополіи, въ Вел. Новгородѣ и у Соли Камской зернь, а въ Арзамасѣ яичный бой были на откупѣ. (Тамъ же, по Новгороду кн. № 28, 13, 519, 805 об.)

Въ смѣтахъ и приходныхъ книгахъ Устюжской чети азартныхъ игръ не упоминается, но это объясняется тѣмъ, что доходъ отъ нихъ былъ списываемъ съ кабацкимъ. У Соли Вычегодской на уѣздныхъ кабакахъ, на Лальскомъ, Ношульскомъ, Обячевскомъ и Ильинскомъ, въ 1628 и 1632 гг. зерновыя доски были на откупѣ, а на Лальскомъ кабакѣ кромѣ того было на оброкѣ письмо кабацкихъ поручныхъ зерновыхъ записей и кабалъ. (Тотъ же архивъ, Прик. д. ст. л., 1628 г. № 39 и 1632 г. № 38).

Ни въ одномъ изъ городовъ Разряда, Галицкой и Владимірской четей, судя по приходнымъ книгамъ, закладныя игры на откупѣ и на вѣрѣ не были. За то въ Сибирскихъ городахъ, которые были вѣдомы сначала въ Приказѣ Казанскаго Дворца, а потомъ въ Сибирскомъ Приказѣ, зернь и карты пользовались особенной любовью населенія и были источникомъ дохода для казны едва ли не повсемѣстно.

На границѣ Сибири, въ Верхотурьѣ, зернь и карты служили доходной статьею втеченіе многихъ лѣтъ. Въ 1624 г. кабацкой зерновой откупъ полъ года былъ за вѣрнымъ кабацкимъ цѣловальникомъ, а на вторую половину года „зерновая и картежная игра“ была сдана на откупъ за 6 р. 16 ал. 4 д. Судныя пошлины, „которыя сбираютъ на кабакѣ съ ярыжныхъ и со всякихъ людей“, собиралъ таможенный и кабацкій голова, т. е. онъ былъ судьей по зерновымъ искамъ. Этихъ пошлинъ было помѣчено собрать противъ 1623 г. 2 р. 17 ал. 4 д. Въ 1628 г. зернь была сдана на откупъ за 13 руб. На откупѣ же за 2 р. 21 ал. былъ сборъ пошлинъ „съ судныхъ дѣлъ, что судятся ярыжные въ зерни.“ Въ тѣхъ же годахъ зернь была на откупѣ въ Тагилѣ и на Невьѣ. На 1636 г. „съ Верхотурскаго кабака зерновыхъ отъ костей и отъ картъ и отъ свѣчной прибыли вѣрнаго бранья помѣчено собрать 37 руб. 12 ал. 3 д.“ Собрано было на вѣрѣ 31 руб. 18 ал. Съ зерновыхъ судовъ, „что судятъ зерьщиковъ въ зерновыхъ искѣхъ“, помѣчено было собрать противъ 1635 г. 11 руб. 27 ал., а собрано за годъ

9 руб. 15 ал. На Тагилѣ и Невьѣ въ эти годы зернь по прежнему была на откупѣ. (Арх. Мин. Юст., Верхотурск. уѣздн. суда, по 1 описи 1 вязка, кн. №№ 1, 5 и 7) Какъ видно, въ Верхотурьѣ также, какъ въ Нижнемъ, доходъ отъ зерни и зернового суда росъ быстро. Если принять во вниманіе, что судья бралъ въ государеву казну съ каждаго зернового иска всего по нѣсколько денегъ (см. ниже), то можно предположить, что въ сороковыхъ годахъ на Верхотурьѣ ежегодно разбиралось не менѣе нѣсколькихъ сотенъ зерновыхъ исковъ.

Въ 1620 г. воеводы гор. Тары отдали вновь на откупъ служилымъ людямъ зернь и всякую закладную игру на 1620—22 гг. за 30 руб. въ годъ, а на 1623 г. за 35 руб. Слѣдующіе воеводы отдали зернь на 1624 г. за 40 руб. и писали въ Тобольскъ, которому они были подчинены, что „опричь де на Тарѣ служивыхъ людей и пашенныхъ крестьянъ никакихъ жилецкихъ людей нѣтъ, и служивые люди держатся зерни и животишка и оружье свое на зерни проигрываютъ. И отъ той зерни чинится татьба и воровство великое, и сами себя изъ самопаловъ убиваютъ и давятся. А безъ нашего (т. е. государева) де указу тое откупныя зерновыя игры отставить они не смѣютъ". Тобольскіе воеводы тоже не рѣшились собственной властью отмѣнить откупа зерни и отписали объ этомъ въ Москву въ приказъ. На ихъ отписку изъ приказа была послана грамота (132 г. 9 апрѣля—1624 г.) съ указомъ отставить откупъ и преслѣдовать азартныя игры. (Арх. Мин. Юст., Сибирск. Прик. кн. № 6, 186—187 лл.) Прошло почти полъ года, пока грамота дошла до Тары, гдѣ были уже новые воеводы. Они, не уничтоживъ откупа, который былъ сданъ уже за 43 руб., опять пишутъ въ приказъ, что отъ зерни чинятся татьбы и воровство и что они не могутъ унимать служилыхъ людей, такъ какъ всякая закладная игра сдана на откупъ. Тогда изъ приказа къ воеводамъ былъ посланъ указъ противоположный первому. Въ немъ сказано: „и вы—бъ на Тарѣ зерновыя и всякія игры изъ окладу не выкладывали, для того что та игра отдана и откупныя деньги емлютъ съ нея въ нашу казну давно. А которые люди на Тарѣ зернью и всякою игрою учнутъ играти, и вы-бъ надъ тѣми людьми велѣли дозирать, чтобы они играли смирно; и отъ всякаго воровства и отъ душегубства служилыхъ людей унимали. А буде въ Тарскомъ городѣ которые служилые люди учнутъ проигрываться или воровать, грабить и красть, или иное воровство учнутъ чинити, и вы-бъ тѣмъ людямъ чинили наказаніе, смотря по винамъ и по воровству". (Тотъ же архивъ, Сибирск. Прик., кн. № 11, 303—304 л.)

Въ томъ же году тарскіе служилые люди передъ воеводой отказались отъ откупа, такъ какъ по ихъ словамъ Тара городъ разореный и держать имъ откупа невозможно, но воевода не принялъ отказа. Тогда откупщики въ 1632 г. били челомъ въ приказѣ и жаловались: „и мы,

холопи твои, по ся мѣста шестой годъ платимъ твои государевы откупныя деньги, стоя на правежѣ съ женишками и съ дѣтишками, служимъ безъ твоего государева жалованья шестой годъ, вконецъ погибли, а твое государево жалованье у насъ, холопей твоихъ, зачитаютъ въ откупныя деньги, а мы, холопи твои, задолжали великими долги". По этому челобитью въ приказѣ былъ составленъ докладъ, въ который по обыкновенію былъ подысканъ прецедентъ. Было выписано, что въ Березовѣ въ 1626 г. зерновая и картовая игра, харчь, квасъ и сусло были сданы на откупъ за 51 р.; откупщикъ, продержавъ годъ, отказался отъ откупа, такъ какъ въ Березовѣ „жилецкихъ тяглыхъ людей никого нѣтъ и гулящимъ людямъ держаться не у чего, а все де служилые люди и тѣ де для государевыхъ частыхъ служебъ бываютъ въ посылкахъ". Такъ какъ иныхъ откупщиковъ не было, то воевода не принялъ отказа и откупщикъ вѣроятно былъ вынужденъ держать откупъ за собой въ ближайшіе годы. По крайней мѣрѣ въ 1631 г. онъ билъ челомъ въ приказѣ о снятіи съ него откупа и приказъ указалъ снять, а зерновую и картную игру сдать на откупъ охочимъ людямъ. На основаніи этого прецедента въ 1632 г. по челобитью тарскихъ откупщиковъ была послана изъ приказа грамота къ воеводамъ, а въ ней велѣно: „тое зерновую и картную игру отдать на откупъ охочимъ людямъ изъ наддачи. А будетъ никто изъ наддачи не возметъ, и тотъ откупъ отдать на старой откупъ. А будетъ никто и на старой откупъ не возметъ, и вы-бъ тотъ откупъ велѣли держать на вѣрѣ". (Тотъ же арх., Сибирск. Прик., 31 ст—цъ, 560—5 лл.)

Въ 1636 г. красноярскій воевода писалъ въ Томскъ, что въ Красноярскѣ зернь въ откупѣ за служилыми людьми за 32 р., „и Красноярскаго, государь, острога служилые люди проигрываются зернью, оружье и платье съ себя проигравъ, съ Краснаго Яру бѣгаютъ. И отъ тое зерни красноярскіе служилые люди стали скудны, а отъ зерни ихъ унять не мочно, что та зернь въ откупѣ за ними красноярскими служилыми людьми. А пріѣзжихъ людей въ Красноярскомъ острогѣ не живетъ, опричь красноярскихъ служилыхъ людей играть зернью некому". На этотъ разъ томскіе воеводы рѣшились собственной властью уничтожить откупъ, а въ свое оправданіе послали въ приказъ челобитье красноярскихъ служилыхъ людей. Красноярцы въ своемъ челобитьѣ писали, что съ 1630 г. зернь на откупѣ, „и нынѣ, государь, мы холопи твои въ дальней твоей отчинѣ отъ тое зерни обнищали, стали наги и босы и холодны, и на твои государевы службы подниматься нечѣмъ. И многіе, государь, на той откупной зерни иззаиграпись донага и задолжали великими долги, и что твое государево хлѣбное жалованье давано, и то на зерни испродавали. И многіе, государь, отъ той откупной зерни, иззаигрався и иззадолжавъ, изъ твоей государевы дальней отчины разбредутся врознь". Въ приказѣ было велѣно выписать это дѣло въ докладъ и доложить, но рѣшенія къ

сожалѣнію мы не знаемъ. (Ар. Мин. Юст., Сибирск. Прик. 53 ст-цъ, 199—201)

Въ эти же годы упоминается откупная зернь и въ другихъ городахъ Сибири. Въ 1628—29 гг.—въ Енисейскѣ. (Сибирск. Прик., 12 ст., 492 л.) Въ 1630 г. въ Мангазеѣ воевода отдалъ на откупъ „баню, и зернь, и картеную, и шахматную и всякую закладную игру, и кислый квасъ, и сусло", а откупщикамъ было велѣно платить съ новой наддачей „отъ майдана, и отъ свѣчъ, и отъ костей, и отъ картъ, и отъ зерновыхъ судныхъ и отъ хоженаго, и отъ всякой закладной игры, и отъ бани, и отъ зернового двора" и т. д. всего 181 руб. съ полтиною на годъ. (Арх. Мин. ин. дѣлъ, Прик. д. ст. л., 138 г. № 71) Въ Туринскѣ на 1623 г. было помѣчено собрать на вѣрѣ противъ сбора 1622 г. „зернового суда пошлинныхъ денегъ, и отъ костей и отъ свѣчъ.... вѣрнаго бранья 25 руб. 8 д.". (А. отн. до юр. быта, III, № 346)

Что же удерживало Сибирскій Приказъ отъ уничтоженія столь вреднаго источника дохода? Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что главной причиной этого было недовѣріе къ сибирскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, злоупотребленія которыхъ своей властью были очень значительны и многочисленны. Повидимому приказъ опасался, и не безъ основанія, что съ отмѣной откупа азартныя игры не прекратятся, казна лишится дохода, а воеводы сами станутъ пользоваться дурными страстями населенія въ своихъ выгодахъ. Чтобы понять это, приказнымъ XVII вѣка не было надобности въ сенаторской ревизіи.

Во второй половинѣ XVII вѣка мы не встрѣчаемъ въ Сибири монополіи азартныхъ игръ, повидимому она была отмѣнена тамъ также, какъ и въ Европейской Россіи, указомъ 1649 г., однако съ отмѣной монополіи азартныя игры не прекратились, а въ 1666 г. государю стало извѣстно, что енисейскій воевода В. Голохвастовъ „для своихъ пожитковъ отдаетъ помѣсечно зернь и корчму и безмужнихъ женъ на блудъ и отъ того емлетъ себѣ откупу рублевъ по 100 и больше". (А. И. IV, № 182) Судя по злоупотребленіямъ сибирскихъ воеводъ вообще, можно думать, что подобный случай, по крайней мѣрѣ относительно азартныхъ игръ, не былъ исключеніемъ послѣ отмѣны правительственной монополіи.

Итакъ мы видимъ, что монополія азартныхъ игръ въ первой половинѣ XVII вѣка существовала во многихъ городахъ Московскаго государства. Сама по себѣ она не давала казнѣ значительнаго дохода и приказы сами, если можно такъ выразиться, не особенно гнались за нимъ, но у монополіи и у азартныхъ игръ вообще были сильные покровители въ лицѣ кабацкихъ головъ и откупщиковъ. Они заводили и поддерживали на кабакахъ игорные притоны, а приказы только пользовались готовымъ источникомъ.

Какъ мы уже говорили, есть основаніе утверждать, что откупа азартныхъ игръ умножились вмѣстѣ съ другими мелкими монополіями въ связи съ напряженіемъ косвеннаго обложенія вообще, которое мы замѣчаемъ приблизительно съ конца первой или съ начала второй четверти XVII вѣка. Ко времени Смоленскаго похода множество промысловъ, которыми промышляли и кормились мелкіе люди, „учинились на откупахъ“. Между тѣмъ по поводу Смоленскаго похода и въ послѣдующіе годы было взято съ населенія много тяжелыхъ чрезвычайныхъ налоговъ. Въ связи съ этимъ, навѣрное подъ вліяніемъ челобитенъ, правительство вспоминаетъ о мелкихъ людяхъ и издаетъ указъ 27 іюня 1639 г. объ отмѣнѣ мелкихъ монополій. Цѣль указа — вернуть посадскимъ людямъ отнятые у нихъ промыслы, съ которыхъ они были положены въ сошное письмо и тянули тягло. Подъ этотъ указъ подошли и азартныя игры. Какъ мы говорили выше, въ нѣкоторыхъ городахъ эта монополія была отмѣнена по челобитью населенія, въ другихъ же, несмотря на указъ, этотъ „промыселъ“ не былъ возвращенъ посадскимъ людямъ, и монополія существовала до 1649 года. Послѣ этого года мы нигдѣ ея не встрѣчаемъ и это обстоятельство нужно поставить въ связь съ извѣстнымъ указомъ 1649 г. Въ этомъ любопытномъ указѣ все смѣшано въ одну кучу и все равно осуждено, непристойное поведеніе въ храмахъ, грубое суевѣріе, остатки языческихъ обычаевъ, пороки населенія, вредныя такъ же какъ и совершенно невинныя развлеченія его, напр., качели, шахматы, домры, гусли, гудки „и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды“. Очевидно, что именно этотъ указъ былъ полученъ на Двинѣ въ 1649 г., прочтенъ во всеуслышаніе при церквяхъ и причинилъ, по словамъ двинскаго кабацкаго головы, ущербъ кабацкому сбору, такъ какъ азартныя игры подверглись гоненію.

Въ заключеніе нашего очерка мы позволимъ себѣ разсказать случай, происшедшій въ Тобольскѣ въ 1668 г. (Арх. Мин. юст., Сибирск. Прик., кн. № 367, 1044—52 лл.) Этотъ случай прекрасно обрисовываетъ намъ бытовыя условія существованія монополіи азартныхъ игръ и пояснитъ намъ нѣкоторыя стороны ея. Тобольскій банщикъ Андрюшка Филишовъ 6-го апрѣля 1668 г. извѣщалъ въ приказной избѣ воеводу П. И. Годунова съ товарищами, что 5 апрѣля пришли въ государеву баню тобольскій конный казакъ Никифорка Цыбыляевъ, да пѣшій казакъ Федоска Васильевъ да гулящій человѣкъ Гришка Харчевниковъ и стали играть въ карты. Онъ, Андрюшка, говорилъ имъ, чтобы они не играли, „и они де играли сильно и каменницы въ банѣ обсыпали, и онъ де Андрюшка взялъ у нихъ карты съ майдана и принесъ въ приказную избу.“ Очевидно игра сопровождалась ссорой и дракой. Воевода съ товарищами послали за игроками и стали ихъ допрашивать. Н. Цыбыляевъ сказалъ, что онъ въ карты не игралъ, а играли тобольскій сол-

датъ Сергушка Черной да какой то Никишка, что карты были его, Никифорки, „а карты де велѣлъ играть баньщикъ Андрюшка Филипповъ и бралъ де съ нихъ по 2 деньги съ кона“, т. е. съ игры. Далѣе изъ разспросовъ выяснилось, что игра происходила не въ первый разъ. Воевода съ товарищами велѣлъ спросить Никифорку и Федоску: „давно ли они карты и зернь держатъ и сколько лѣтъ?“. „И Никифорка Цыбыляевъ да пѣшій казакъ Федоска Куклинъ сказали: „промышляютъ де они тѣмъ промысломъ лѣтъ съ 10 и больше и безъ того де промысла имъ Никифоркѣ и Федоскѣ прокормиться нечѣмъ, *и безъ зерни де въ Тобольскѣ прежъ сего николи не бывало и впредь не будетъ*“. Они тутъ же били челомъ, чтобы было велѣно имъ „зернь и карты противъ прежняго, какъ бывало въ Тобольскѣ издавна, дать на откупъ, а на Тюмени де и нынѣ за зернь и за карты сбираютъ въ ящикъ въ государеву казну“. На вопросъ, сколько они будутъ давать въ государеву казну откупа, они сказали, что если имъ будетъ велѣно „держать зернь и карты и иныхъ охочихъ (людей) прибрать съ ними вмѣстѣ, и они де дадутъ..... откупа по 30 руб. на годъ.“

Тогда воевода съ товарищами, чтобы разузнать всѣ обстоятельства дѣла рѣшили разспросить нѣкоторыхъ наиболѣе свѣдущихъ тобольскихъ жителей. Цѣловальникъ кружечнаго двора въ допросѣ сказалъ: „напередъ де сего на кружечномъ дворѣ и нынѣ всякихъ чиновъ люди зернью и карты играютъ небольшими животы“, и прибавилъ весьма вѣскій аргументъ: „а какъ де играютъ зернью и карты, и въ то де время вина государева въ расходъ идетъ больше“. Начальные люди, полковникъ, полуполковникъ и ихъ товарищи сказали, что „въ Тобольскѣ рейтары и солдаты зернью и карты играютъ, и (они) отъ той зерни ихъ унимали и поученье было—биты кнутомъ, а иные батогами, и никоими мѣрами унять не мочно. А платья и лошадей проиграть они не даютъ, а которымъ людямъ проиграютъ лошадь или платье, и у тѣхъ людей они, начальные люди, лошади и платье возмутъ сильно и отдадутъ тѣмъ людямъ, которые проиграли, безденежно“. (Это былъ обычный въ то время пріемъ лишать пьяницъ и игроковъ кредита.) Бывшій откупщикъ кваса, Федька Красильниковъ, сказалъ: „какъ онъ держалъ квасъ на откупѣ, и у него на квасной всякихъ чиновъ люди зернью и карты играли, и начальные люди рейтаръ и солдатъ отъ зерни унимали и на квасной играть не давали; и они де рейтары и солдаты, убѣгая съ квасной и изъ бани въ лѣсъ, и въ лѣсу зернью и карты играли, а унять де отъ того (начальные люди) никакими мѣрами не могли“. Послѣ этого воеводa съ товарищами пожелали справиться въ прежнихъ дѣлахъ объ отдачѣ на откупъ зерни и картъ, но оказалось, что всѣ дѣла сгорѣли во время пожара. Обратились опять къ сторожиламъ.

Тобольскіе сынъ боярскій Ем. Васильевъ да конные казаки Ден. Рачковской да Ден. Нечаевской сказали: „въ прошлыхъ де годѣхъ при бояринѣ и воеводѣ при князѣ Иванѣ Семеновичѣ Куракинѣ съ товарищами (былъ воеводой въ Тобольскѣ въ 1619 г.) была зернь и карты на откупѣ на государевѣ кабакѣ, и у той де зерни былъ староста изъ тѣхъ же откупщиковъ, и тому де старостѣ велѣно (было), которые люди на зерни какого живота проиграютъ и, не хотя платить, запрутся или учнутъ драться, а которые люди выиграли, а будутъ на нихъ бить челомъ, а откупному старостѣ сказывать не въ большихъ деньгахъ, и староста, допрашивая про то третьихъ, тѣхъ людей судитъ и по суду, которые люди виноваты, и на тѣхъ людяхъ велить править, а съ суда емлетъ староста себѣ съ истца и съ отвѣтчика по 2 деньги съ человѣка. А которые люди будутъ бить челомъ въ большихъ деньгахъ, и про то де приказано было сыну боярскому Савѣ Француженину, и тотъ де Савва въ большихъ деньгахъ судить и виноватыхъ отсылаетъ къ старостѣ и велитъ бить батогами“. Такъ какъ по словамъ Н. Цыбыляева зернь и карты существовали въ то время въ Тюмени, то воевода допросилъ тюменцевъ, бывшихъ въ то время въ Тобольскѣ. Они сказали: „на Тюмени де изъ давнихъ лѣтъ всякіе люди на кружечномъ дворѣ и на квасной зернью и карты играютъ явно при сынѣ боярскомъ, который приставленъ на кабакъ для караула, и заказа де они о зерни и о картахъ не слыхали, а на откупѣ ли та зернь и карты, того они не вѣдаютъ. А кто де въ картахъ и на зерни проигрывался, и тотъ де сынъ боярскій имъ въ томъ и судъ даетъ и проигранныя деньги правитъ. А въ кое де время бывала на Тюмени съ зернью и съ картами выимка, и въ то де время бьютъ челомъ кружечнаго двора и съ квасной цѣловальники: „какъ де зерни и картъ не будетъ, и государева де питья никто безъ того пить не станетъ“, и послѣ де цѣловальничья челобитья живетъ зернь и карты повольно, и въ то де время и питья живетъ больше“.

Тарскіе таможенный подьячій да конные казаки (3 человѣка) въ допросѣ сказали: „на Тарѣ де изъ давнихъ лѣтъ всякіе люди зернью и карты игрывали, и съ тое де зерни и съ картъ сбирали выборные цѣловальники въ государеву казну зерновое и картяное, а кто де на зерни проигрывался, и въ томъ де тѣ цѣловальники и судъ даютъ и проигранныя деньги правятъ“. 26 апрѣля стольникъ и воевода П. И. Годуновъ, „слушавъ сей выписки и сказокъ, приказалъ: зернь и карты отдать на откупъ до указа великаго государя Н. Цыбыляеву съ товарищами, для того что и безъ откупа втай зернью играютъ, а на Тюмени и нынѣ зернь есть, а откупа платить имъ противъ уговора по 30 руб. на годъ, а воровства-бъ на зерни и дракъ не было, и взять по нихъ въ томъ поручную запись“.

Изъ этого дѣла мы видимъ, что воевода подробно обслѣдовалъ дѣло прежде, чѣмъ рѣшился сдать зернь и карты на откупъ. Сама жизнь вызывала существованіе зернового и картоваго дохода и суда, сама же жизнь потребовала и дальнѣйшей регламентаціи этой монополіи.

24 іюня откупщики били челомъ, что бы имъ была дана „судная память на зерньщиковъ, которые будутъ играть и проигрався съ зерни будутъ сильны, картеннаго или кому что проиграютъ, а не будутъ платить, или карты издеретъ и кости забросить“. Они же били челомъ, что ихъ монополія нарушается: „даны де ему Федоскѣ на откупъ зернь и карты, а играютъ де мимо его на государевѣ поварнѣ пивоваръ Фочка, да съ нимъ стрѣлецъ.... да тутъ же былъ Дружинка попъ.... а играютъ де они въ деньги, а кости были Фочкины, и онъ де Федоска кости у нихъ снялъ, а они де почали играть и иными“. Однако воевода и дьякъ М. Постниковъ судной памяти имъ не дали, а велѣли кличъ кликать: „въ нынѣшнемъ въ 176 году откупили въ Тобольскѣ зернь и карты тобольскій пѣшій казакъ Ф. Куклинъ съ товарищами, 4 человѣка, и мимо ихъ въ Тобольскѣ никакимъ людямъ зерни и картъ не держать. А будетъ какіе люди въ Тобольскѣ мимо ихъ откупщиковъ будутъ держать зернь и карты, и тѣ откупщики зернь и карты у нихъ выймутъ, и на тѣхъ людяхъ, у кого зернь или карты возмутъ, на великихъ государей заповѣдь. Да которые-жъ всякихъ чиновъ люди, проигрався, не будутъ зернового или картеннаго платить, учинятся сильны, и тѣхъ людей въ полтинѣ велѣно судить имъ откупщикамъ, Федоскѣ съ товарищами, и наигранныя деньги править, а что будетъ полтины больше, и о томъ великимъ государямъ велѣно имъ бить челомъ въ приказной избѣ“.

Сибирскій Приказъ иначе взглянулъ на это дѣло, чѣмъ Тобольскій воевода П. Годуновъ. 22 сентября 1668 г. была послана въ Туринскъ къ воеводѣ грамота, въ которой сказано: „мы вел. государь указали въ Тобольскѣ зернь и карты отставить и откупъ съ зерни и картъ изъ оклада выложить“. Воевода П. Годуновъ писалъ къ намъ, что по его отпискѣ зернь и карты отданы на откупъ въ Сугутѣ и въ Верхотурьѣ. Если по его же отпискѣ ты въ Туринскѣ сдалъ зернь и карты на откупъ, то, какъ къ тебѣ придетъ эта грамота, ты „зернь и карты въ Туринскомъ острогѣ велѣлъ оставить“, а откупщика, если онъ не туринскій жилецъ, вышли изъ города и вели „впередъ заказъ учинить крѣпкой, какъ у тебя о томъ въ наказѣ писано“. (Пол. собр. зак. № 436)

Прошло много лѣтъ со времени отмѣны монополіи азартныхъ игръ, всякихъ чиновъ люди по прежнему неизмѣнно увлекались ими, но взгляды правительства измѣнились. Строго запрещенный ранѣе табакъ сталъ объектомъ обложенія. Приблизительно въ то же время возродились и откупа зерни и картъ. Мы не знаемъ, долго ли они просуществоволи, не знаемъ,

насколько они были распространены, но это было не новшество. Петръ Великій возстановилъ то, что существовало при его дѣдѣ и было уничтожено при его отцѣ. И опять мы слышимъ старую давно знакомую намъ исторію. Въ 1713 г. прикащикъ Камчадальскихъ остроговъ пишетъ въ Якутскъ: „да извѣстно тебѣ стольнику и воеводѣ..... и дьяку... буди—отъ тѣхъ вышеписанныхъ картеныхъ и костяныхъ откуповъ повсягодно къ Камчадальскихъ острогахъ чинятся промежъ служилыми людьми шатости и убійства и всякіе грабежи, потому что они на тѣ зерни на картахъ и на костяхъ испроигрываются донага и достальную лопоть свою, и обувь, и собакъ, и нарты и всякіе заводы проигрываютъ безъ остатка.... А какъ они проигрываются донага, и они надѣятся на грабежи и убійства, кто богатѣе, того и грабятъ и межъ собой животы дуванятъ“. (Памятники Сибирской исторіи, I т., 546 стр.)

С. Веселовскій.

XV.

Къ вопросу о крестьянской порядной записи и служилой кабалѣ.

Болѣе полстолѣтія длятся усилія и споры, направленные къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи крѣпостного права на крестьянъ. За это время самая тема уже вышла изъ рамокъ той простой схематической постановки, какую она имѣла до появленія статьи Погодина и опубликованія труда Сперанскаго. Все болѣе осложнялась, эта тема уже выросла до значенія „капитальнѣйшаго вопроса русской исторіи“. За послѣднюю четверть вѣка пущенъ въ оборотъ рядъ новыхъ фактическихъ данныхъ и различныхъ точекъ зрѣнія на вопросъ. Но сказать, что въ рукахъ изслѣдователей имѣется уже достаточный матеріалъ для окончательнаго сведенія итоговъ, едва ли возможно. Мало по малу вскрываются новыя данныя, подтверждающія или подрывающія ту или другую постановку вопроса или точку зрѣнія на него.

Настоящая замѣтка имѣетъ въ виду указать нѣсколько мелкихъ фактовъ, относящихся къ одной изъ частныхъ темъ, затронутой въ исторической литературѣ, хотя и встрѣченной отрицательно писателями другихъ направленій въ постановкѣ и рѣшеніи вопроса о происхожденіи крестьянскаго прикрѣпленія. Я говорю о соотношеніи между кабальной крѣпостью и зараждающейся крестьянской неволей и о вліяніи первой на послѣднюю. Такой вопросъ допускаетъ разныя постановки и различныя рѣшенія его. Впервые его поставилъ и предложилъ рѣшеніе его В. О. Ключевскій въ своей статьѣ—„Происхожденіе крѣпостного права“. Его мысль сводится къ тому, что „пока въ правѣ не выработалась идея кабальнаго холопства, серебро издѣльное ничѣмъ юридически не отличалось отъ ростового, было такимъ же имущественнымъ обязательствомъ, не простиравшимся на личную свободу должника, пока послѣдній не объявлялъ себя несостоятельнымъ. Но какъ скоро сложилась мысль, что работа за безпроцентный долгъ ставитъ должника въ личную зависимость отъ заимо-

давца, эта мысль повлекла издѣльнаго крестьянина въ сторону кабальнаго холопа". Такое воздѣйствіе сказалось прежде всего на томъ, что „на крестьянскую ссуду сталъ утверждаться взглядъ, какъ на долговое обязательство, не прекращаемое безъ согласія ссудодателя, почему землевладѣльцы начали считать себя въ правѣ не принимать и правильно сдѣланнаго отказа". Значитъ, два условія служилой кабалы нашли отраженіе въ исторіи крестьянскаго поряда: „служба или работа за ростъ и непрекращаемость службы по волѣ холопа. Работа за ростъ, издѣлье было давнимъ условіемъ крестьянской ссуды; но только съ конца XVI в. ему стали придавать значеніе, какое имѣла кабальная служба за ростъ. Во второй четверти XVII в. если не раньше, явилось и другое условіе, какъ послѣдствіе перваго,—непрекращаемость обязательной работы и личной зависимости по волѣ крѣпостного" (Русск. Мысль 1885, окт., 9—10, 16, 28—29).

Эта интересная догадка встрѣтила рѣшительныя возраженія со стороны другихъ изслѣдователей. По мнѣнію однихъ, „если крестьянинъ состоитъ въ такомъ же договорѣ съ господиномъ, какъ кабальный, то онъ уже не свободный крестьянинъ, а кабальный холопъ; если не состоитъ, то къ нему условій кабальнаго холопства и примѣнить нельзя" (Юрид. древн., I изд. 2, 268). Такая точка зрѣнія отрицаетъ самую возможность постановки вопроса о воздѣйствіи и вліяніи одного института на другой. А можно ли обойтись въ исторіи безъ такихъ пріемовъ изученія? Другое возраженіе мало чѣмъ разнится отъ только что указаннаго. Согласно этому второму мнѣнію, „видѣть основанія крестьянскаго прикрѣпленія непосредственно въ крестьянской задолженности, т.-е. въ томъ, что крестьянинъ обыкновенно (почти всегда) при занятіи участка беретъ ссуду, а, сверхъ того, весьма часто и потомъ вступаетъ въ долгое обязательство къ своему помѣщику", значитъ, признать, что „крестьянство ничѣмъ не отличается отъ кабальнаго холопства" (Обзоръ исторіи русск. права, изд. 4, 143—144). Но откуда же это неизбѣжно слѣдуетъ? Задолженность лежитъ въ основѣ закупничества, кабальнаго холопства, отдачи головой до искупа, по мнѣнію нѣкоторыхъ закладничества и пр. Развѣ это не различные институты?

Помимо этихъ формальныхъ возраженій, предъявлены и возраженія по существу, хотя ихъ къ сожалѣнію немного. Маститный авторъ „Древностей русскаго права", возражая Чичерину, который указалъ, что „крестьянинъ, взявшій ссуду, обязывался „за ростъ пахати, по древнему выраженію", замѣтилъ: „мы не видали ни одной заемной кабалы, въ которой должникъ обязывался бы пахать вмѣсто уплаты процентовъ... Но допустимъ, что крестьяне обязывались „пахать за ростъ", а издѣльное серебро есть ссуда, которая давалась въ виду будущей работы, какъ это думаетъ проф. Чичеринъ; все же сдѣлки этого рода могли имѣть

мѣсто только до Судебника 1550 года, который предписывалъ писать либо служилыя, либо ростовыя кабалы, а другихъ не знаетъ“ (Юрид. древн., I, изд. 2, 271). Значитъ, обязательства „за ростъ пахати“ проф. Сергѣевичъ допускаетъ только до половины XVI в. Быть можетъ, теперь онъ вполнѣ сакціонируетъ такое предположительное допущеніе? Ссылка же его на Судебникъ 1550 г., усвоенная и другими (Ж. М. Ю. 1908, янв., 117: „послѣ изданія царскаго Судебника сдѣлки подъ издѣльное серебро стали невозможными и по закону. Обязательство выполнять за заемное серебро извѣстную работу на владѣльческой землѣ не подходило ни подъ понятіе служилой, ни подъ понятіе ростовой кабалы“), по меньшей мѣрѣ рискованна. Мало ли о чемъ не говоритъ Судебникъ. Даже и то немногое, что знаетъ Судебникъ, формулировано въ немъ далеко не всегда съ достаточной полнотой и ясностью.

Къ тому, что извѣстно объ условіяхъ крестьянскаго поселенія, я имѣю возможность прибавить одну небезынтересную крестьянскую порядную 2-й половины XVI вѣка (Этотъ актъ хранится въ собраніи свитковъ, находящихся въ Вологодскомъ Епархіальномъ Древнехранилищѣ и указанъ во второмъ выпускѣ описанія этого собранія, изд. въ Вологдѣ въ 1900 г. Копія съ этого акта по моей просьбѣ снята и любезно доставлена мнѣ И. Н. Суворовымъ, которому и приношу свою искреннюю благодарность). Вотъ ея полный текстъ:

„Се я^{з} тре^{т}я^{к} исако^{в} снъ д’ я^{з} яко^{в} григо^{р}е^{в} снъ заняли прилу^{ц}ко^{г} монастыря у ка^{з}начия у сер^{г}ия у ста^{р}ца рубль дене^{г} монасты^{р}ски^{х} казены^{х} ге^{н}варя ВІ^{дн} а за ростъ на^{м} жи^{ти} в монасты^{р}ско^{и} о^{т}чинѣ в се^{р}гие^{в}ско^{м} ключе в дере^{в}нѣ на ко^{з}лове в полуплуге а лготы на^{м} ка^{з}начи^{и} ряди^{л} на два годы И в’ те на^{м} лго^{т}ные годы на^{м} (не?) дава^{ти} монасты^{р}ско^{г} оброку (*надъ этимъ словомъ между строками вписано, но зачеркнуто слово* „мнѣ“) и^{и} зди^{л}я не дѣлати а о г^{с}дрьские пода^{ти} ка^{к} за хле^{б}ся примуть та^{к} и потяну^{ти} а поставити на^{м} в тѣ лго^{т}ныя годы во дворе (*надъ этимъ словомъ между строкъ вписано слово* поставити) изба полутре^{ти} сажени да два сен^{н}ика да ови^{н} да сара^{и} да заборы круго^{м} да ворота и земл^{и} не запереложи^{т} и огороды огороди^{ти} а порука по на^{с} в’ жи^{т}е и въ де^{н}га^{х} (*повторено* и в’ де^{н}га^{х}) и въ сѣмяно^{м} хлебе Ѳедо^{т} Е^{в}си^{в}евъ снъ из дере^{в}ни з до^{л}гуши да ма^{к}си^{м} соѳроно^{в} снъ из дере^{в}ни с Мики^{т}кина а не^{ч}у не^{м}мы в то^{и} деревне жити или дво^{р}а не постави^{м} и по^{и}демъ во^{н} и на на^{с} (*повторено*

на^{с}) на порущико^{х} по се^{и} ря^{д}но^{и} записе деся^{т} рубле^{в} А на то послуси теренте^{и} кузми^{н} снъ да тре^{т}я^{к} к^{и}рило^{в} снъ из дерев'ни с Мики^{т}кина а запи^{с} писа^{л} арха^{н}ги^{л}ско^{и} це^{р}ковно^{и} дьяче^{к} ка^{р}пи^{к} ро^{ди}оно^{в} снъ лѣ ҂ЗЧВ^{г}.

На оборотѣ на верху съ боку помѣчено: голо^{в}ная се^{р}гие^{в}ская.

Весь интересъ этой порядной записи представляетъ ея начало: два крестьянина заняли въ монастырской казнѣ всего одинъ рубль денегъ и за ростъ на занятыя деньги обязуются жить за монастыремъ въ монастырской деревнѣ на полуплугѣ пашни. Въ остальномъ условія крестьянскаго поселенія не отличаются какими либо необычными подробностями. Порядчики представили за себя поручителей „въ житьѣ и въ деньгахъ и въ сѣмянномъ хлѣбѣ“, хотя объ этомъ сѣмянномъ хлѣбѣ ранѣе въ записи нѣтъ и намека. Если порядчики не будутъ жить въ деревнѣ или не поставятъ двора и выйдутъ вонъ, то поручители уплачиваютъ неустойку въ 10 руб. Въ теченіе двухъ льготныхъ лѣтъ порядчики освобождены отъ оброка и отъ издѣлья, но за то должны построить избу съ перечисленными усадебными постройками. Въ государское же тягло должны тянуть съ перваго снятаго хлѣба.

Поскольку поселеніе въ крестьяне является результатомъ заключеннаго займа, постольку эта рядная является прародительницей позднѣйшей ссудной крестьянской записи. Но отъ послѣдней она отличается существенно тѣмъ, что по ссудной порядчикъ обязуется жить за такимъ то владѣльцемъ во крестьянѣхъ „за тое ссуду“ или „съ тою ссудою“; а въ разсматриваемой рядной записи поселеніе во крестьяне выговаривается не за самую ссуду, а за ростъ по этой ссудѣ.

Ссуда крестьянамъ арендаторамъ—исконное явленіе въ исторіи крестьянскаго поряда. Давно уже обращено вниманіе на то, что на почвѣ этой ссуды или займа возникаютъ и развиваются издѣльныя крестьянскія повинности. Крестьяне должники еще по указанію памятниковъ XV в. „дѣло дѣлаютъ на серебро“. Отсюда и особый терминъ—„издѣльное серебро“—различаемое въ памятникахъ отъ „ростового серебра“. Полагаютъ, что издѣлье было работой взамѣнъ уплаты роста по ссудѣ. Эта точка зрѣнія, однако, не общепризнанная; предложено и другое объясненіе „издѣльнаго серебра“ (Русск. юр. древн., I, изд. 2, 217). Съ половины XVI в. и даже нѣсколько ранѣе „издѣльное серебро“ перестаетъ упоминаться въ памятникахъ. Крестьянское же издѣлье или барщина сдѣлались обычнымъ условіемъ крестьянскихъ порядныхъ внѣ всякой видимой связи со ссудой. Это можно объяснить или тѣмъ, что связь между ссудой и издѣльемъ, если она когда либо существовала, совершенно утратилась, или же тѣмъ, что ссуда была такимъ же по-

вседневнымъ явленіемъ, какъ и издѣлье, и связь между ними превратилась въ столь неразрывную, что не было нужды объ этомъ и упоминать. Съ послѣдней точки зрѣнія „крестьяне продолжали отрабатывать ростъ за полученную ссуду издѣльемъ, барщиной. Эта отработка роста и стала сближать ссудное крестьянство съ кабальнымъ холопствомъ. Издѣлье крестьянина было такой же личной работой на господина, какъ и служба кабальнаго за ростъ; только послѣдній служилъ во дворѣ, а первый работалъ на дворъ, „ходилъ во дворъ, дворовое дѣло дѣлалъ", какъ писалось въ порядныхъ грамотахъ" (Курсъ русск. ист., III, 216—217).

Приведенная рядная запись 1584 г. является первымъ документальнымъ указаніемъ на то, какую роль въ крестьянской арендѣ игралъ *ростъ* на занятую ссуду. Вмѣсто уплаты роста на ссуду выговаривается обязательство за ростъ жити въ монастырской вотчинѣ въ крестьянствѣ, на участкѣ указанной величины. Это не обязательство за ростъ дѣлать дѣло, хотя объ издѣльи и упомянуто въ рядной, а обязанность болѣе широкая—жить во крестьянствѣ. Можно предположить, что при общераспространенности издѣлья оно сдѣлалось необходимой составной частью крестьянской аренды, а потому было возможно и вполнѣ естественно одно понятіе—за ростъ дѣлать издѣлье, замѣнить другимъ болѣе широкимъ—за ростъ жити во крестьянствѣ.

Въ этой своей характерной особенности настоящая рядная запись сближается съ служилой кабалой въ ея первоначальной формулѣ, когда должникъ принималъ на себя обязательство служить за ростъ. Было бы, однако, слишкомъ поспѣшно, на основаніи этой черты сходства, заключать о тождествѣ этой рядной записи и служилой кабалы. Между ними сохраняются и послѣ указаннаго сближенія существенныя различія: одинъ должникъ служитъ за ростъ во дворѣ кредитора по вся дни и по истеченіи срока займа въ любой моментъ можетъ прекратить свои отношенія уплатою долга; другой живетъ за ростъ во крестьянствѣ и долженъ пахать пашню и издѣлье дѣлать, неизбѣжно ограниченнное временемъ и количествомъ (а не по вся дни), а съ пашни платить государьскія подати; кабальный же слуга не тяглый человѣкъ, и по его профессіи—службѣ въ господскомъ дворѣ—его никакъ нельзя притянуть къ тяглу. Однимъ возвратомъ ссуды ликвидировать въ любой моментъ свои отношенія по крестьянской арендѣ крестьянинъ, конечно, не можетъ.

Рядная запись составлена въ 1584 г. Въ это время еще сохраняли свою силу правила Судебника 1550 г. о служилыхъ и ростовыхъ кабалахъ. Только указъ 1 іюня 1586 г. ввелъ докладъ для служилыхъ кабалъ и могъ кое въ чемъ измѣнить примѣнительно къ нимъ природу старой служилой кабалы. Рядная запись 1584 г. составлена при дѣйствіи правилъ Судебника 2-го о служилыхъ и ростовыхъ кабалахъ, но возникла внѣ этихъ правилъ. Этотъ Судебникъ ни однимъ намекомъ не

упоминаетъ объ условіи за ростъ жити во крестьянствѣ; онъ вообще ни чего не знаетъ о крестьянскомъ порядѣ, а говоритъ только о хрестьянскомъ отказѣ. Его интересуютъ только условія прекращенія договора крестьянской аренды, а не условія его заключенія. Эти условія могли быть и были чрезвычайно разнообразны, и тщетно было бы искать въ Судебникѣ какихъ либо ограниченій такого разнообразія.

Служилая кабала потерпѣла существенныя измѣненія въ своей природѣ по указамъ 1586 и 1597 г.г. Главная перемѣна заключалась въ томъ, что было указано „по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ, быти въ холопствѣ, какъ и по докладнымъ, а отъ государей своихъ имъ не отходити и денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати..., а выдавать ихъ тѣмъ государемъ, по тѣмъ кабаламъ, въ службу до смерти". По смерти же государей ихъ женамъ и дѣтямъ до тѣхъ записныхъ кабальныхъ холоповъ дѣла нѣтъ, „и денегъ по тѣмъ отцовскимъ кабаламъ на тѣхъ кабальныхъ холопѣхъ женамъ и дѣтемъ (умершихъ господъ) не указывати". Во что же превратилась послѣ этихъ указовъ служба кабальнаго холопа? Кабальный человѣкъ служилъ за ростъ по вся дни во дворѣ кредитора независимо отъ величины займа. За что же служилъ кабальный холопъ?

На этотъ вопросъ въ литературѣ предложено нѣсколько отвѣтовъ. Первый В. О. Ключевскій обратилъ вниманіе на то, что „если кабальная неволя прекращалась смертью господина безъ уплаты долга, значитъ, служба за ростъ превращалась въ службу за самый долгъ съ погашеніемъ его, т.-е. холопство по займу превращалось въ личное услуженіе по найму съ выдачей наемной платы впередъ. Такъ, одно изъ послѣдствій прежняго источника кабальнаго холопства, личная служба за ростъ, незамѣтно само превратилось въ источникъ холопства: прежде крѣпила долговая ссуда, соединенная съ личной службой должника; теперь возникла мысль, что *можетъ крѣпить личная служба сама по себѣ*, независимо отъ ссуды. Повидимому эта мысль была примѣненной къ кабалѣ реставраціей стариннаго принципа, по которому служба тіуномъ или ключникомъ безъ уговора дѣлала слугу холопомъ" (Русск. Мысль 1885, авг., стр. 24—25). Лично мнѣ, при сопоставленіи служилой кабалы съ ссудной крестьянской записью, казалось существеннымъ отмѣтить лишь одно: „если послѣ указовъ 1586 и 1597 г.г. нельзя было уплатить долга по кабалѣ, то и самая служба кабальнаго получаетъ иное значеніе: онъ служитъ не за ростъ, а за долгъ пожизненно или по смерть господина" (Оч. сел. нас., 135; ср. Оч. общ. и гос. строя, 387 и 388).

Въ недавно появившемся трудѣ проф. Вс. Удинцева „Исторія займа" только что указанныя наблюденія признаны неправильными. Авторъ полагаетъ, что „юридическій эффектъ превращенія кабальныхъ въ холо-

повъ до живота ихъ государей (и, конечно, до ихъ смерти) заключался въ томъ, что служба кабальнаго теперь уже не была за ростъ, но не шла она и въ погашеніе капитала, такъ какъ указъ воспретилъ деньги по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей имати. А гдѣ нѣтъ возврата взятаго, тамъ, очевидно, нѣтъ болѣе и отношеній по займу. Нѣтъ здѣсь и отношеній по найму, такъ какъ таковыхъ не возникало. Кромѣ того, въ томъ же указѣ 1597 г. о службѣ вольныхъ людей говорится особо. Правда, указъ пытается (?) превратить ее въ кабальную. Послѣдующая законодательная практика обнаруживаетъ склонность къ сохраненію различія между вольными слугами и кабальными, но проявляетъ нѣкоторыя колебанія. Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что какъ Царскій Судебникъ (ст. 83), такъ и Уложеніе (XI, 32) знаютъ личный наемъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, въ основаніе кабальной службы полагается новый титулъ. Самая сдѣлка, по которой люди поступали въ кабальное холопство, усвоиваетъ отличную отъ займа форму. Люди приходятъ теперь въ холопи и кабалы служилыя на себя даютъ; и по тѣмъ кабаламъ люди выдаются въ холопи, они бьютъ челомъ въ холопство и служилую кабалу на себя даютъ—служить во дворѣ по его (государя) животъ. Но не утратилась и прежняя форма служилой кабалы, которая лишь подъ условіемъ записи въ кабальныя и холопьи книги имѣла одинаковый съ новой сдѣлкой эффектъ. Но безъ заявки о холопствѣ служилая кабала сохраняла прежнее значеніе заемнаго письма, осложненнаго соглашеніемъ—за ростъ служити“ (Назв. соч., 181—183).

Эта подробная выдержка, приведенная здѣсь безъ всякихъ сокращеній, заключаетъ въ себѣ, быть можетъ, вслѣдствіе излишней компактности изложенія, чрезвычайно много неяснаго и недоумѣннаго. Ясно только одно, что авторъ не усматриваетъ въ службѣ кабальнаго холопа послѣ указа 1597 г. ни службы за ростъ, ни службы въ погашеніе капитала, послѣднее потому, что деньги по кабаламъ не возвращаются, а гдѣ нѣтъ возврата взятаго, тамъ нѣтъ и отношеній по займу. Но вѣрно ли такое опредѣленіе займа? Въ примѣчаніи къ указанному мѣсту текста авторъ поясняетъ: „говоря, что служба за ростъ превращается въ службу за капиталъ, авторы смѣшиваютъ кабальное холопство съ выдачей кабальнаго головой до искупа; въ послѣднемъ случаѣ, дѣйствительно, служба за ростъ превращается въ службу за капиталъ“. Трудно догадаться, у какихъ писателей авторъ нашелъ непростительное смѣшеніе кабальной службы съ отдачей должниковъ головой до искупа. Но позволительно спросить, въ чемъ онъ усмотрѣлъ „возвратъ взятаго“ отданными головой до искупа? Во всѣхъ случаяхъ неисправности должниковъ по займу нѣтъ на лицо „возврата взятаго“, но отношенія по займу вѣдь не прекращаются. Авторъ утверждаетъ, что „въ основаніе кабальной службы полагается новый титулъ“. Но какой? Авторъ его не опредѣ-

ляетъ; онъ только говоритъ, что это ни заемъ, ни наемъ; самая же сдѣлка усвояетъ отличную отъ займа форму. И онъ проводитъ формулу служилой кабалы безъ займа, установленную указомъ 1680 г. (всѣ приведенныя имъ ссылки на источники позднѣе этого года). Но авторъ, повидимому, увѣренъ, что эта новая форма служилой кабалы вошла въ практику вслѣдъ за указомъ 1597 г. Такое заключеніе надо сдѣлать изъ его дальнѣйшихъ словъ, что „не утратилась и прежняя форма служилой кабалы". Во всемъ этомъ вѣрно, однако, лишь одно: въ практикѣ послѣ 1597 г. появились записи о службѣ „до своего живота"; но указомъ 1608 г. царь Шуйскій запретилъ принимать къ запискѣ въ книги такія записи. Прежняя форма служилой кабалы не только не утратилась, но осталась до 1680 г. единственной формой служилой кабалы. Приводимыя авторомъ указанія памятниковъ о примѣненіи старой формы кабалы всѣ не позднѣе 1668 г.; двѣ же изъ указанныхъ имъ записей 1693 и 1694 гг. вовсе не служилыя кабалы. Поэтому дальнѣйшія указанія автора на то, что прежняя форма служилой кабалы имѣла одинаковый съ новой сдѣлкой эффектъ при условіи записи въ кабальныя и холопьи книги, а безъ этого сохраняла прежнее значеніе заемнаго письма, осложненнаго соглашеніемъ за ростъ служити,—цѣликомъ падаютъ на отвѣтственность автора, обязаннаго подтвердить это документальными данными.

Но хотя вопросъ о формѣ служилой кабалы послѣ указа 1597 г. не возбуждаетъ въ общемъ сомнѣній, но подробности остаются до сихъ поръ не выясненными. Изданный актовый матеріалъ слишкомъ незначителенъ и слишкомъ однообразенъ. Среди изданныхъ служилыхъ кабалъ около 12 относятся къ періоду времени до 1680 г. Всѣ они составлены по обычной формулѣ: „се язъ такой то занялъ у государя своего такого то столько то денегъ на годъ; а за ростъ мнѣ служити у государя своего по вся дни во дворѣ. А полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ потому жъ служить у государя своего во дворѣ по вся дни". Лишь въ одной служилой кабалѣ 1668 г. сказано, что вольный человѣкъ занялъ у Чоглокова 3 руб. на годъ по 25 янв. 177 г., „а за тѣ деньги до того сроку мнѣ Ивашку служить у государя своего" и т. д. (А. Ю. Б. т. II, № 127 XI). Здѣсь служба выговаривается не за ростъ, а за занятыя деньги. Кромѣ того, въ распросѣ вольный человѣкъ говоритъ, что „бьетъ челомъ государю своему изъ воли служить во дворъ", тогда какъ обыкновенно холопы въ распросѣ указывали, что деньги заняли и такія служилыя кабалы на себя дали. Но какіе выводы можно построить на одномъ случаѣ? Между тѣмъ имѣется чрезвычайно богатое собраніе служилыхъ кабалъ въ книгахъ вотчинной конторы по г. Пскову, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юст. Въ этихъ книгахъ записаны сотни служилыхъ кабалъ, начиная съ 7134 г. по конецъ вѣка.

Будетъ не лишне привести здѣсь для образца двѣ записи изъ книги 7150 года.

„Генваря въ день передъ стольникомъ и воеводою передъ княземъ Михайломъ Петровичемъ Пронскимъ да передъ дьякомъ Петромъ Лутохинымъ псковской помѣщикъ Степанъ Парѳеньевъ сынъ Елагинъ положилъ служивую кабалу, а за кабалою поставилъ стариннаго человѣка своего Ивашка Борисова съ женою и съ дѣтьми, а сказалъ, что онъ Ивашко и съ женою билъ челомъ по старинѣ въ холопи ему Степану и служивую кабалу ему на собя и на жену далъ. А человѣкъ сказался Ивашкомъ зовутъ Борисовъ сынъ, старинной Степановъ холопъ Елагина. Въ примѣты ростомъ не великъ, волосы на головѣ русы, въ лицо черменъ, глаза кари, носъ великъ, усъ и бородка чермны, не велики, уши не велики же, лѣтъ впол-четвертатцать. Да жена его вдова Авдотьица Иванова дочь ростомъ середняя, волосы на головѣ русы, глаза сѣры, носъ востръ, лѣтъ въ 17, въ лицо долголика. И Степану Елагину по старинѣ въ холопи служить били челомъ и такову на себя служивую кабалу въ холопствѣ дали. А въ кабалѣ пишетъ: Се язъ Иванъ Борисовъ сынъ съ своею женою съ Авдотьею Ивановою старинные люди Степана Парѳеньевича Елагина заняли есми у государя своего Степана Парѳеньевича Елагина денегъ 6 рублевъ московскихъ отъ дни святого мученика Поліевкта да до такого жъ дни на годъ до сроку и по сроцѣ безъ росту. А за тѣ деньги намъ у него и за ростъ служить во дворѣ до сроку и по сроцѣ по вся дни. А на то послуси: Яковъ Анисимовъ сынъ. А кабалу писалъ Гришка Демидовъ съ площади подъячіе лѣта 7150-го генваря въ 9 день. А назади пишетъ: послухъ Якушко руку приложилъ. Пошлинъ 3 алтына взято“ (Кн. 78/1620, лл. 757—758, № 468).

А вотъ другая запись изъ книги того же года:

„Марта въ 7 день передъ окольничимъ и воеводою передъ княземъ Васильемъ Петровичемъ Ахамашуковымъ-Черкасскимъ да передъ дьякомъ передъ Борисомъ Патрикѣевымъ пусторжевской помѣщикъ Аѳанасій Дубровской положилъ служивую кабалу, а за кабалою поставилъ дѣтину, а сказалъ, что тотъ дѣтина билъ челомъ сыну его Аѳанасьеву Степану Дубровскому во дворъ служить въ холопи и служивую кабалу на собя даетъ. А дѣтина сказался Омелькою зовутъ Ивановъ сынъ, прозвище Казакъ, вольной человѣкъ, въ примѣты ростомъ середній, шея тонка, волосы на головѣ свѣтлорусы, глаза кари, брови велики, уши середніе, носъ востръ не великъ, въ лицо долголикъ, на бѣлѣ румянъ, лѣтъ себѣ сказалъ 17. И пусторжевцу Степану Дубровскому во дворъ служить въ холопи билъ челомъ и такову ему на себя служивую кабалу далъ. А въ кабалѣ пишетъ: Се язъ Омельянко Ивановъ сынъ по прозвищу Казакъ занялъ есми у пусторжевскаго помѣщика у Степана Аѳанасьева сына Дубровскаго денегъ 3 рубля московскихъ марта отъ 7 числа нынѣшняго 150 году да до такого жъ дни на годъ. А за тѣ деньги служить мнѣ Омельянку у него государя своего у Степана Аѳанасьевича до сроку за истину по вся дни во дворѣ; а по сроцѣ полягутъ деньги, и мнѣ Омельянку служити у него государя своего за ростъ потому жъ по вся дни во дворѣ. А на то послуси: Якимъ Шемшаковъ. А служивую кабалу писалъ Иванко Салтановъ съ площади подъячіе лѣта 7150 году

марта въ 7 день. Послухъ Якимка руку приложилъ. И съ тое кабалы пошлинъ 3 алтына взято“ (Тамъ же, лл. 791 об.—793, № 487).

По этимъ служилымъ кабаламъ служба во дворѣ по вся дни выговаривается „за тѣ деньги и за ростъ“ или „за истину и ростъ“. Въ другихъ кабалахъ это условіе выражено такъ: „а за тѣ деньги за истину и за ростъ“. Такихъ кабалъ чрезвычайно много (См. кн. 78/1620, №№ 23, 27, 28, 32—34, 37, 40—44, 50, 54, 56, 59 bis, 62—66, 68, 69, 71, 74—75 bis, 79—81, 85 bis, 86, 90, 91, 94, 96, 98—100, 103—105, 108, 111—115, 402, 403, 405, 406, 410—412, 414—416, 418, 419, 422, 423, 428, 430, 431, 434, 440—442, 445, 453, 454, 457—462, 464, 472, 473, 489, 490 и др.). Но это не единственная формулировка основаній кабальной службы. Наряду съ ней встрѣчается и исконная форма о службѣ лишь за ростъ (Тамъ же, №№ 24, 25, 29, 35, 36, 49, 53, 57, 58 и др.). Наконецъ, встрѣчается и еще одна форма, въ которой служба кабальнаго выговаривается „за тѣ деньги“, безъ всякаго упоминанія о ростѣ (Тамъ же, №№ 20—22, 39, 51, 52 bis, 55, 72, 73, 77, 82, 85, 87—89, 93, 95, 106, 109, 110, 446 и др.). Простое сопоставленіе числа случаевъ обнаруживаетъ, что наичаще встрѣчающейся формулой была первая, по которой кабальный служитъ „за истину и за ростъ“; всего рѣже примѣняется исконная формула службы только за ростъ, и нѣсколько чаще—послѣдняя форма, по которой кабальный обязуется служить „за тѣ деньги“. При этомъ любопытно отмѣтить, что съ теченіемъ времени соотношеніе между этими тремя формами мѣняется: въ послѣднія три десятилѣтія передъ 1680 г. исконная форма службы только за ростъ совсѣмъ не встрѣчается; форма—„служити за истину и за ростъ“ встрѣчается крайне рѣдко, и единственно господствующей остается формула „а за тѣ деньги“ или „а за тѣ заемныя деньги“ служити (Кн. 85/1627, лл. 54, 84, 159, 167, 183, 193, 240—241, 367—368, 378—381, 399—400, 411; кн. 7/1095, лл. 94, 113, 120, 121 об., 136, 141, 161, 181 об. На всѣ эти случаи только разъ встрѣчается иная формула въ кн. 85/1627, л. 72: „А за тѣ деньги за истинну и за ростъ мнѣ Гришки служити у него гдря своего по вся дни“).

Итакъ, въ XVII в. вплоть до 1680 г. сохраняется только старая форма служилой кабалы съ займомъ или ссудой (весьма часто встрѣчается выраженіе: „занялъ есми на ссуду денегъ столько то“). Но въ связи съ измѣненіями положенія кабальныхъ въ концѣ XVI в. служба во дворѣ кредитора лишь сравнительно рѣдко разсматривается какъ служба за ростъ; обыкновенно же она считается службой за истину и за ростъ или просто за занятыя деньги, т.-е. за долгъ, въ которомъ уже не расчленяется капитальная сумма отъ процентовъ на нее.

Совершенно очевидна разница этой кабальной службы за долгъ отъ

работы отданнаго головой до искупа. Послѣдній своей работой „зажинаетъ“ долгъ по установленной средней оцѣнкѣ годового труда мужчины и женщины (Уложен. X, 266). Связь такого должника съ кредиторомъ отнюдь не чисто личная: по смерти кредитора отданный головой до искупа продолжалъ работать и на его наслѣдниковъ до полной отработки долга, если только милость или смерть не прерывали этой неволи. Кабальный холопъ послѣ указа 1597 г. сдѣлался личнымъ холопомъ своего господина и работалъ на него лишь по его смерть. Въ кабальной службѣ, продолжительность которой весьма неопредѣленна и зависитъ отъ многихъ случайностей, нельзя указать никакого мѣрила для зачета работы въ погашеніе долга. Въ служилыхъ кабалахъ рѣчь идетъ о службѣ или работѣ во дворѣ господина „по вся дни“ или даже „днемъ и ночью“, какъ говорится въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, т.-е. установленъ размѣръ поденнаго труда; но вовсе не опредѣлялась и не могла быть опредѣлена длительность этой службы во времени, которое могло видоизмѣняться въ границахъ отъ одного дня до предѣловъ средней продолжительности человѣческой жизни. Кабальная служба кончалась лишь со смертью господина или холопа и не могла быть прекращена уплатой долга, если на то не послѣдуетъ согласія господина, воля котораго могла въ любой моментъ прервать службу кабальнаго отпускомъ его на волю. Отданный же въ отработку до искупа въ любой моментъ прекращалъ свою неволю уплатою долга.

Указанное формальное различіе между этими двумя институтами практикой могло сглаживаться и сглаживалось, а мѣстныя власти не встрѣчали препятствій къ регистраціи такихъ актовъ переходнаго типа и тѣмъ давали имъ санкцію. Для примѣра можно указать на „жилецкую запись въ холопствѣ“ 1640 г., какую предъявилъ въ Псковской приказной избѣ для записки въ книгу архіепископль дьякъ Гаврило Мордасовъ. Одновременно онъ привелъ въ приказъ скупленную съ правежа семью изъ мужа, жены и двухъ дочерей—дѣвочекъ. Допрошеные Карпушка Даниловъ и его жена Марѳушка сказали, что они Мордасову били челомъ „въ тюрьмѣ въ кражѣ въ 19 рубляхъ“, Мордасовъ же ихъ „изъ тюрьмы изъ правежу въ томъ иску окупилъ“ и уплатилъ еще пошлинъ въ губу 2 руб. 4 алт. Сверхъ того по судному дѣлу, по кабаламъ и безкабально Мордасовъ платилъ за нихъ инымъ челобитчикамъ 12 руб. 12 алт. 2 д. Всего онъ заплатилъ за нихъ 33 руб. 16 алт. 2 д. Наконецъ, у Мордасова былъ свой искъ къ Карпушкѣ въ 16 руб., но въ этомъ иску они до суда помирились. И „за тотъ окупъ“ Карпушка съ женою и съ дочерьми обязались „служити у него Гаврила Яковлевича Мордасова во дворѣ до своего живота и отъ него Гаврила не убѣжати и ни къ кому мимо его Гаврила не придатися и на слободу не отойти и никоими мѣрами или заводною какою статьею нибуди отъ него Гаврила не оттяги-

ваться. И по сей записи я Карпушка и съ женою своею съ Марѳицею и съ дѣтьми ему Гаврилѣ Яковлевичу въ холопствѣ крѣпокъ и запись на себя дали“ (Кн. 78/1620, лл. 656—660, № 408).

За долгъ въ 33 р. или даже 49 р. по оцѣнкѣ годового труда мужъ съ женой должны бы работать всего 6 съ половиной лѣтъ. Но кредиторъ ихъ похолопилъ до ихъ живота безъ права выйти на свободу. Такая практика, надо думать, и создала весьма неясное и тяжелое для должниковъ правило Уложенія о скупленныхъ съ правежа должникахъ, крѣпкихъ и наслѣдникамъ кредиторовъ (XX, 46).

Служба за занятыя деньги еще болѣе сблизила служилую кабалу XVII в. (до 1680 г.) съ крестьянской ссудной записью, по которой заимщикъ обязуется „съ тою ссудою“ или „за тое ссуду“ жити во крестьянствѣ за кредиторомъ, какъ кабальный холопъ принимаетъ обязательство „за занятыя деньги“ служити во дворѣ кредитора. Но служилая кабала и крестьянская ссудная запись и теперь не тождественные акты: формально онѣ продолжаютъ различать два разныхъ состоянія въ средѣ невольнаго населенія, отличающихся одинъ отъ другого какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ юридическомъ отношеніяхъ. Различіе въ хозяйственной профессіи сводится къ тому, что крестьянинъ живетъ на пашнѣ, а кабальный служитъ въ господскомъ дворѣ. Разница юридическая между крестьяниномъ и кабальнымъ сохранилась во 1-хъ въ томъ, что до 1679 г. кабальный холопъ еще не тяглый человѣкъ, такъ какъ его нельзя было включить въ тягло ни по сошному окладу, ни по окладу живущей четверти; во 2-хъ въ томъ, что по служилой кабалѣ кабальное холопство прекращается смертью господина, а крестьянская крѣпость по ссудной записи является уже вѣчной.

Однако, практика все больше и сильнѣе сглаживаетъ прежде всего различія въ хозяйственномъ положеніи крестьянъ и кабальныхъ холоповъ, поскольку послѣдніе заполняли собою среду задворныхъ людей или дѣловыхъ, живущихъ особыми дворами. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ приходилось отмѣчать различные моменты этого сближенія крестьянъ съ холопами (Оч. сел. нас., 133—143). Въ частности, тамъ указаны порядная и жилецкая крестьянскія записи, по которымъ выговаривалось обязательство жить въ крестьянахъ или дворовыхъ людяхъ (Тамъ же, приложенія, №№ 10 и 20). Но въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ предполагалась какая либо одна изъ трехъ профессій: крестьянство, бобыльство или дворовая служба. Въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ не безынтересно отмѣтить такія крестьянскія записи, по которымъ въ составъ крестьянскихъ обязанностей включается дворовая работа или служба. Подобныя записи могли все чаще появляться послѣ реформы 1679—1680 гг., когда исчезла и юридическая разница между крестьянами и тѣми изъ кабальныхъ холоповъ, которые въ составѣ задворнаго неселенія по своимъ задвор-

нымъ дворишкамъ положены были въ дворовой окладъ наравнѣ съ крестьянами и бобылями.

Въ одной крестьянской порядной записи, выданной выходцемъ изъ за Польскаго рубежа въ 1697 г. псковскому помѣщику Ивану Ивановичу Кожевникову, сказано, что выходецъ съ своимъ сыномъ „и съ женами своими и съ дѣтьми“ съ 5 марта „и впредь вѣчно“ порядились во крестьянство за упомянутаго помѣщика и за жену его и за дѣтей въ сельцѣ его Порѣчьѣ или гдѣ онъ поселитъ. Обязательства порядчика формулированы слѣдующимъ образомъ: „а мнѣ Михалкѣ съ сыномъ своимъ Петрушкою и съ женами своими и съ дѣтьми и со внучаты жить за нимъ Иваномъ Ивановичемъ и за женою его и за дѣтемъ вѣчно; и въ томъ сельцѣ, или гдѣ индѣ поселитъ, дворъ свой строить и пашня пахать и поля городить, и всякія государскія подати и помѣщиковы платить со крестьяны его врядъ, и съ дворовыми людьми работать врядъ же, и на всякое сдѣлье къ нему Ивану Ивановичу и къ женѣ его и къ дѣтемъ ходить“. Личность порядчика раздвоется: крестьянство онъ отбываетъ врядъ съ крестьянами, а дворовую работу врядъ съ дворовыми людьми.

Въ другомъ случаѣ того же года отпущенный „старинной прирожеиой“ человѣкъ Андрюшка Андреевъ билъ челомъ властямъ Великопустынскаго монастыря, чтобы они поселили его жить за тѣмъ монастыремъ въ вотчинѣ во крестьянствѣ, и въ томъ на себя, жену и дѣтей далъ „служилую порядную запись“. Въ этой „жилецкой записи“ сказано, что „отпущеной дворовой“ человѣкъ съ женою и дѣтьми порядился „жить за тѣмъ Великопустынскимъ Спасскимъ монастыремъ съ сего вышеписаннаго (декабря 205 г.) числа впредь вѣчно и служить въ томъ монастырѣ службу крестьянскую или дружинницкую или какую онъ игуменъ съ братіею заставятъ и всякую монастырскую службу работать, чего они игуменъ съ братіею заставятъ, и всякіе великого государя и монастырскіе подати и оброкъ, чего по приказу его игуменскому съ братіею спросятъ, въ монастырскую казну платить по вся годы безспорно“. Здѣсь крестьянство превратилось уже въ крестьянскую службу, которую надо служить, хотя ниже въ записи предусматривается, что „будетъ по приказу игуменскому велѣно будетъ“ жить въ деревнѣ или вновь на пустоши, или гдѣ они игуменъ съ братіею велятъ, то порядчикъ долженъ „пашня пахать и вновь росчищать и розсѣкать и впусте не заложить“ (Вотч. конт. по г. Пскову кн. 7/1095, лл. 630 об.-634 и 599—602).

Обѣ эти записи вовсе не являются типичными ссудными крестьянскими записями. Первая изъ нихъ названа просто „крестьянскою порядною записью“, другая — „служилой или жилецкой порядной записью“. Лишь въ первой упомянуто, что порядчики „для хоромнаго строенія и всякой животинной покупки взяли денегъ 40 рублевъ, да лошадь, да

корову"; во второй ни о какой ссудѣ нѣтъ и намека. Правда, за неустойку, если порядчики противъ записи „въ единомъ словѣ не устоятъ", въ ней назначено заставныхъ 100 рублей, тогда какъ по первой и при ссудѣ неустойка вдвое меньше—50 р. Но обѣ записи сходны въ томъ, что не содержатъ никакихъ условій объ арендѣ опредѣленнаго участка земли и, упоминая о поселеніи во крестьянство, предоставляютъ землевладѣльцамъ по ихъ усмотрѣнію поселить порядчиковъ, гдѣ и на какомъ участкѣ тѣ найдутъ нужнымъ.

Но главный интересъ обѣихъ записей заключается въ особомъ характерѣ личныхъ повинностей порядчиковъ. Это не только обязанность „здѣлье дѣлать" или „на здѣлье ходить" наравнѣ съ прочими крестьянами, какъ обычно формулируютъ это крестьянскія порядныя, и какъ объ этомъ стереотипно обозначено въ первой изъ записей. На порядчиковъ, сверхъ крестьянской пашни, податей и здѣлья, возложена еще обязанность „съ дворовыми людьми работать врядъ же" или „служить службу крестьянскую или дружинницкую или какую заставятъ и всякую монастырскую службу работать". Надо думать, что дружинницкая служба въ монастырѣ была такою же работой всякихъ монастырскихъ служекъ, дѣтенышей и иныхъ „разночинцевъ", какою была работа дворовыхъ людей въ частныхъ вотчинахъ. По скольку такіе монастырскіе разночинцы не попали въ окладъ по жительству въ особыхъ дворахъ послѣ реформы 1679—1680 г., они представляли массу монастырскихъ дворовыхъ людей, проживавшихъ въ монастырскихъ дворахъ и потому избавленныхъ отъ тягла. Они составляли дружину монастырскихъ работниковъ, трудъ которыхъ и носилъ названіе дружинницкой службы. Эту „службу работаютъ" не только монастырскіе работные люди, но вмѣстѣ съ ними и крестьяне. Крестьяне же работаютъ врядъ и съ дворовыми людьми помѣщиковъ и вотчинниковъ. Благодаря этому, отъ крестьянства съ его характерными особенностями къ дворовому населенію боярскихъ и монастырскихъ дворовъ перекинутъ былъ мостъ крестьянскою дворовою работой и дружинницкою службой, какъ обычными повседневными крестьянскими обязанностями. Отсюда видно, какъ далеко ушелъ этотъ порядокъ отъ того, какой установленъ былъ Уложеніемъ (XIX, 14), и какъ существенно отличались эти обязанности отъ исконнаго крестьянскаго здѣлья.

Реформа 1679—1680 гг. включила въ тягло значительное количество холоповъ полныхъ и кабальныхъ и повысила ихъ до положенія крестьянъ. При этомъ возникло двѣ группы сельскаго населенія—дворовое, свободное отъ тягла по жительству въ господскихъ дворахъ, и тяглое, положенное въ окладъ по дворамъ, въ которыхъ оно проживало. Но между этими юридически различными группами хозяйственныя условія создавали очень много точекъ сближенія, такъ какъ дворовые люди, дѣтеныши и другіе пахали боярскую и монастырскую пашню, а тяглое

сельское населеніе исполняло повседневныя дворовыя работы и несло дружинницкую службу. Если по дворовой окладной единицѣ между этими двумя группами было еще возможно установить различіе, то съ замѣной этой единицы новой подушной грань между ними совершенно стерлась, и Петру Великому не оставалось никакого другого исхода, какъ слить ихъ въ одну общую массу крѣпостныхъ людей.

М. Дьяконовъ.

Петербургъ, Сосновка
5 мая 1909.

XVI.

Новый источникъ по исторіи прибалтійскаго славянства.

Странная судьба постигла разработку исторіи прибалтійскаго славянства, судьба особая: она застыла, не пріобщилась къ той почти лихорадочной переоцѣнкѣ, къ тому грандіозному пересмотру, который совершился въ исторической наукѣ и въ каждой изъ ея областей подъ вліяніемъ новыхъ матеріаловъ и новыхъ методовъ. Получился своего рода историографическій тупикъ, гдѣ non liquet или communis oppinio смѣняютъ другъ друга, а иногда и тѣсно сплетаются.—Что дѣло именно такъ, можно видѣть изъ наиболѣе новой работы (Schulze), премированный къ тому же Яблоновскимъ обществомъ; эта «новая» работа—компиляція, тщательная сводка «старыхъ» работъ, и премія—какъ бы признаніе, что въ этой области иного и сдѣлать было нельзя.

Но чѣмъ объясняется такая остановка въ изученіи предмета?—Прежде всего исторіей самого изученія. Начиная собственно съ XVIII уже вѣка, во всѣхъ сочиненіяхъ на данную тему мелькаютъ тѣ же аргументы и, главное, *тѣ же матеріалы*. Получился своеобразный «канонъ» матеріала—освященный, всѣми признанный maximum свѣдѣній, далѣе котораго итти не приходится: все что лежитъ внѣ его—апокрифъ, «отреченное». А между тѣмъ, многое лежало и лежитъ *внѣ* «канона»: въ него вошла лишь малая доля и, нужно сказать, далеко не безупречная. Стоило разбить эти узкія рамки, и вопросъ принялъ бы иную, «современную» я бы сказалъ, постановку, вышелъ бы изъ вѣкового тупика.—Какъ часто, наприм., недостаточное, эклектико-каноническое *использованіе* матеріала принимается за недостатокъ въ самомъ матеріалѣ, показала вышедшая на-дняхъ книга Dopsch'a объ «альпійскихъ славянахъ». Dopsch приходитъ къ существенно новымъ результатамъ не по новымъ матеріаламъ только, но какъ разъ вслѣдствіе *полной*, тщательной и непредубѣжденной разработки стараго; и ему пришлось вскрыть и, думается, окончательно устранить подобный же «канонъ».

Но, спрашивается, въ силу чего получился все тормозящій прибалтійскій «канонъ»?—Странно было бы думать, что въ основѣ его лежитъ консерватизмъ, а тѣмъ болѣе—удобное лежебочество ученыхъ работниковъ. И этотъ «канонъ», какъ и всякая традиція, установленъ, конечно, крупнымъ авторитетомъ, но это—не современный ученый, и не ученый даже XVIII в., а Helmold, авторъ «Chronica Sclavorum».

Ничто такъ ясно не можетъ опредѣлить безпомощность исторіографіи по прибалтійскому славянству, какъ безпримѣрно-авторитетное положеніе Helmold'а; онъ—«отмѣнный Гельмольдъ», какъ его назвала editio princeps, какъ его называютъ и теперь еще,—и есть законоположительный источникъ; *его* данныя и опредѣлили злополучный «канонъ».

Правда, и для Helmold'а наступилъ «критическій день первой величины»: на него обрушился всею силой знанія, таланта и нетерпимости—Schirren; и можно было думать, что Helmold не устоитъ предъ тонкимъ анализомъ желчнаго, безконечно-остроумнаго «русскаго выходца»; но онъ... устоялъ: какъ разъ доказанная Schirren'омъ *слабость* Helmold'а была его спасеніемъ, ибо—вмѣстѣ съ Helmold'омъ должна была пасть и значительная часть всей предыдущей исторіографіи. Началось поэтому не столько опроверженіе этюдовъ Schirren'а, сколько апологія Helmold'а,—лучшій признакъ, что старый кумиръ медленно наклоняется къ паденію, и что не знаютъ еще, чѣмъ его замѣнить. Опасна была не уничтожающая критика, не паденіе одного изъ средневѣковыхъ историковъ, опасно и несносно было бы то пустое мѣсто, которое не знали чѣмъ заполнить. Helmold'а *нужно* было «спасти». Вѣдь и историкъ, подобно землемѣру, нуждается для измѣренія и опредѣленія «далекихъ, недоступныхъ мѣстъ» «*постоянной* далекой точки», а таковой какъ разъ и служилъ Helmold.

Не даромъ же нѣтъ (мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно) ни одной работы, которая такъ или иначе не *зависѣла* въ самыхъ основныхъ, исходныхъ соображеніяхъ именно отъ Helmold'а. Нѣкоторыя его положенія стали даже аксіомами, и критики бережно и почтительно обходили ихъ. Таковы его положенія о двухъ катастрофахъ, двухъ безпримѣрныхъ революціяхъ въ колонизаціонной территоріи,—полное измѣненіе національности ея засельниковъ и полное же исчезновеніе «старой вѣры».

Обратно тому, какъ нѣкогда нѣмецкій ученый заставилъ всю Грецію «ославяниться», такъ нѣмецкій анналистъ-памфлетистъ конца XII в. заставилъ весь сѣверо-востокъ Германіи *обезславяниться*: «omnis Sclavorum regio.... nunc tota redacta est veluti in unam Saxonum coloniam». Такъ писалъ, указывали потомъ,—«очевидецъ», немудрящій, по тѣмъ болѣе еще достовѣрный, приходскій священникъ сельца Bosau. Изъ

этого положенія *исходили,* и, смотря по темпераменту, большей или меньшей степени національнаго и рѣшительности, заставляли славянъ то эмигрировать, то погибнуть до послѣдняго человѣка, то физически ассимилироваться въ теченіе... менѣе поколѣнія!

Формула Helmold'a наполнялась «живымъ содержаніемъ», ибо къ ней подгоняли остальныя извѣстія. Почти никто не интересовался дѣйствительно-возможнымъ горизонтомъ окраиннаго мелкаго попа, и это своего рода «чудо освѣдомленности» принималось на вѣру, нерѣдко даже подчеркивалось возгласами восхищенія. Но достаточно взглянуть на новое изданіе документовъ («Regesten und Urkunden»—Hasse), чтобъ подобная неестественность исчезла; даже для *ближайшей* окрестности, для маленькой Вагріи (въ ней и лежитъ Bosau), формула—не вѣрна: сквозь славянскую толщу лишь кое-гдѣ пробиваются ростки германской колонизаціи, пробиваются вѣжливо, почти боязливо. Такъ обстояло дѣло въ области *видимаго горизонта* сельца Bosau; ясно, что свѣдѣнія для «*omnis* Sclavorum regio» и того менѣе точны.

Но вотъ и другой фактъ—безпримѣрно быстрая христіанизація, притомъ христіанизація безъ остатка: «et multiplicantur ecclesiae et numerus ministrorum Christi.... пока *вся* земля не стала исповѣдовать «истинную вѣру». И *эта* формула была принята полностью. Навстрѣчу наивно-восторженному пониманію Helmold'a (не даромъ онъ пишетъ для « набожнаго» читателя, «devotus lector»), шло то странное, глубоко антиисторическое трактованіе христіанизаціи, которое и въ самомъ распространеніи богооткровенной религіи готово видѣть чудо. Пришли, убѣдили, крестили—такъ писали не только средневѣковые повѣствователи и агіографы, но и люди XIX в. Если же и становились на реально-историческую точку зрѣнія, то это нисколько не измѣняло общаго результата: быстрота и надежность обращенія оставались тѣми же, взамѣнъ чуда убѣжденія вводили лишь не меньшее чудо, чудо богатаго результатами.... насилія.

Но и для христіанизаціи появляется *иной* матеріалъ, и съ существенно иными выводами: обращеніе было процессомъ постепеннымъ, растянутымъ на.... нѣсколько *вѣковъ*; съ паденіемъ оффиціальнаго язычества не пало народное, земское; церковь не шла на-проломъ, а продвигалась медленно, почти ощупью, во всякомъ случаѣ *безъ* «планомѣрности» и безъ широкаго, творческаго размаха безусловно торжествующей силы. Яркимъ слѣдомъ этого процесса являются прихотливыя, своеобразныя очертанія колонизаціонныхъ «паррохій», необъяснимая, на первый взглядъ, разношерстность ихъ объема, непонятное и «неудачное» расположеніе церквей. Все это явствуетъ изъ Десятиннаго Списка (отъ 1230 г.) Ратцебургской епархіи, и это и есть тотъ новый матеріалъ, который вноситъ не только поправку въ схему Helmold'a и схемати-

зированную ему въ угоду исторію, но вноситъ и значительное количество реальныхъ, вполнѣ надежныхъ *новыхъ* указаній.

Впрочемъ, не переходя пока къ болѣе точному описанію этого, по истинѣ, безцѣннаго памятника, позволю себѣ указать и на общую, апріорную ненадежность Helmold'a, «общую» потому, что онъ ее раздѣляетъ со *всѣми* «писателями» средневѣковья, вплоть до XIV в.

Критическая разработка средневѣковыхъ источниковъ—единственное въ своемъ родѣ явленіе; поразительны трудъ, изящество и тонкость мысли, потраченные въ теченіе всего XIX в. И результаты получились—образцовые; увлеченіе и даже подвижничество (стоитъ вспомнить, вѣрнѣе написать, исторію грандіознаго изданія Monumenta Germaniae) не пропали даромъ, есть на что съ гордостью оглянуться; нашелся и свой Гомеръ въ лицѣ признаннаго, даже французами, источниковѣда Wattenbach'a. Теперь вся эта колоссальная работа если не закончилась, то закончила свою «героическую» эпоху; прошло красивое, но все же и романтическое, время Pertz'овъ, Dahlmann'овъ, Lappenberg'овъ, Waitz'овъ; единоличный починъ, индивидуальные конквистадорскіе набѣги на архивы, замѣнились не менѣе продуктивной, но болѣе планомѣрной, спокойной и дѣловитой коллективной работой. Послышались и голоса критики; то не слабые и завистливые эпигоны тянулись къ лавровому челу эпонимовъ, и вообще не о «развѣнчаніи» здѣсь шло дѣло, а объ увѣчаніи, о *дополненіи*. Все чаще звучатъ также рѣчи и о былой «гиперкритикѣ». Получилось, такимъ образомъ то же, что и въ могучей разработкѣ источниковъ древности; да въ обоихъ случаяхъ и картина во многомъ сходная: теряется красочность, иногда почти фееричность отдѣльныхъ построеній и дивинацій,—появляется трезвое, нѣсколько тяжелое, ступающее на всю ногу, «реальное» изслѣдованіе. Мѣняются и симпатіи: увлеченіе лѣтописью отступаетъ передъ изученіемъ граматъ, на пергаментѣ или на камнѣ; и то и другое отступаетъ далеко передъ «вещественными» источниками. Матеріалъ «грубѣетъ», но пониманіе утончается.

И въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ смѣны интересовъ, предпочтеніе Десятиннаго Списка 1230 г. анналистическому Helmold'у было бы какъ нельзя болѣе «современнымъ». Но не этимъ, конечно, я хочу аргументировать преимущество Списка, тѣмъ болѣе, что не могу согласиться, чтобъ грамота по существу отличалась отъ лѣтописи, отличалась бы даже въ той скромной мѣрѣ, какъ отличаются, положимъ, будничный нарядъ отъ воскреснаго, мастерская отъ выставки тѣхъ же произведеній. Разница, съ точки зрѣнія достовѣрности, не такъ велика, какъ мы увидимъ, и отношеніе не должно поэтому быть существенно различнымъ.

Для меня важно другое положеніе.—Когда заговорили о гипер-

критикѣ, о «слишкомъ придирчивомъ» изученіи, не замѣтили одного: критикъ сошелся съ критикуемымъ въ *одной* плоскости—оба утверждали или отрицали *авторовъ* и *ихъ* способъ изложенія и передачи, но оба проглядѣли.... *эпоху* авторовъ, *языкъ эпохи*. За все время изслѣдованія почти совершенно въ сторонѣ осталось изслѣдованіе языка именно съ этой, не столько филологической (хотя и тутъ сдѣлано поразительно мало), сколько съ *обще-культурной* стороны.

Каждая крупная эпоха вѣдь имѣетъ *свой* языкъ, свои образы, понятія, цитаты, пере- или недоговоренности; имѣетъ ту литературную «атмосферу» (хотя собственно литературы можетъ почти и не быть), внѣ которой немыслимъ писатель- пишущій данной эпохи; и атмосфера эта складывается не только благодаря, но и вопреки желаніямъ и стремленіямъ пишущаго: тутъ и стилистическій или лексическій атавизмъ, и литературная подневольность, вліяніе великихъ примѣровъ и признанныхъ авторитетовъ, и гнетъ «сего дня»—попечительнаго начальства или разборчиваго, требовательнаго читателя. И на этомъ явленіи, на «эпохіальномъ языкѣ», если такъ можно выразиться, вообще слишкомъ мало останавливались. Почему, наприм., можно сразу узнать и опредѣлить писателя Великой революціи, гуманизма, V вѣка Аѳинъ? почему такъ много общаго между роскошнымъ, не только словесно-безпутнымъ, всегда «очаровательнымъ» Мирабо и какимъ-нибудь скудоумнымъ, ходульнымъ, вылощеннымъ Mallet du Pan; кипучимъ, вѣчно взыскующимъ и даже литературно непосѣдливымъ Гуттеномъ и доточнымъ, буржуазно-довольнымъ, геморроидальнымъ Рейхлиномъ; почему такъ трудно отличить предполагаемаго Ѳерамена или Критія? Надъ этимъ слѣдуетъ задуматься.

Въ особенности же нужно задуматься надъ «языкомъ» какъ разъ *среднихъ вѣковъ*, эпохи безпролазныхъ дорогъ и невозможныхъ сообщеній, когда государи двигались со «скоростью» 15 верстъ въ.... сутки, а на верховьяхъ маленькой, въ сущности, рѣченки могъ быть жесточайшій голодъ въ то время, когда на низовьяхъ было изобиліе. Мелкія, малоподвижныя бытовыя условія особенно рѣзко и подозрительно подчеркивали каждое «новшество», особенно благопріятствовали вящему консерватизму и мысли, и ея выраженія; это была лучшая среда для выработки *традиціоннаго языка*, общеобязательнаго, непреложнаго. Не даромъ же въ блестящую увертюру среднихъ вѣковъ, во время великаго Карла былъ сказанъ и программный афоризмъ (Ep. de litt. colendis): отъ «ошибокъ въ словахъ» проистекаютъ «ошибки въ умахъ». «Заблуждаетесь, не зная Писанія»—вотъ другое выраженіе той же мысли. И Писаніе въ средніе вѣка, дѣйствительно, *знали*—до точности, до малѣйшаго стиха, наизусть, вдоль и поперекъ. Вульгата имѣла безконечно большее значеніе, нежели теперь; это была по истинѣ—«*книга*», βίβλιον, един-

ственная, нерѣдко, книга, какъ явствуетъ изъ описей скудныхъ средневѣковыхъ «библіотекъ». Ее не «читали» просто, и не «изучали» даже; ею—*проникались*, она входила въ плоть и кровь: ея образы, ея лексиконъ, ея факты— вотъ общая сокровищница тогдашнихъ грамотѣевъ. Къ тому же на *этой* Книгѣ почіетъ особая благодать—боговдохновенность; она не только нравоучительно повѣствуетъ, но и безпредѣльно авторитетно поучаетъ, она открываетъ сущность и бывшаго, и... будущаго; она своего рода богооткровенная соціологія: въ ней предвосхищенъ весь смыслъ бывшихъ и будущихъ событій, и недаромъ же среди тогдашнихъ начетниковъ не разъ выступаетъ мысль о круговращеніи исторіи, объ ея повторяемости настолько закономѣрной, что по библейскимъ фактамъ можно предсказать грядущія событія XIII и XIV вв.—*Все* проникнуто Библіей, ибо емкость ея неизреченна; она—разъ навсегда законченная энциклопедія; изъ нея, и *только* изъ нея, берутся поэтому аргументы въ любомъ спорѣ, богословскомъ или политическомъ, исключительно библейскіе сюжеты изображаетъ и искусство, и поэзія въ теченіе многихъ столѣтій, ибо она—«prima doctrix», «ultima ratio».

Библіократизмъ—вотъ удачное, недавно лишь пущенное въ оборотъ, слово; библіократизмъ—вотъ знаменіе не однихъ среднихъ вѣковъ, но и послѣдующихъ столѣтій (Реформація—Troeltsch), вплоть до дерзостнаго «историческаго» изученія Книги книгъ «тюбингенской школой».—Поэтому, говоря о «языкѣ среднихъ вѣковъ», будь то языкъ клирика, бюргера, канцелярскаго «скрибы», нельзя упускать изъ виду всепроникающаго вліянія Библіи, *ея* языка.—Вотъ эта сторона и не разработана еще; критическая поправка средневѣковыхъ источниковъ на «языкъ» ждетъ пока своей очереди. А, между тѣмъ, такая критика болѣе чѣмъ необходима: появляются же еврейскіе «сикли серебра» на Нижнемъ Рейнѣ; живописуются же битвы XIII в. деталями библейскихъ сраженій, и современный ученый послѣ исчерпывающаго изученія и памятниковъ, и топографіи поля сраженія, все же нерѣдко стоялъ передъ «неразрѣшимыми загадками», ибо детали и топографію онъ искалъ не тамъ, гдѣ нужно, они—на страницахъ Библіи!—Такимъ образомъ и *фактическая* сторона все время проплетается библейскими узорами и реминисценціями; и трудно даже сказать—вольная ли или невольная тутъ фальсификація; зачастую писавшій, быть можетъ, и не замѣчалъ чудовищнаго плагіата.

Такъ, подъ вліяніемъ библіократизма, писали *всѣ* люди средневѣковья; и чѣмъ ученѣе, начитаннѣе былъ человѣкъ, тѣмъ чаще и больше было у него невольныхъ цитатъ и библейскихъ фрагментовъ. Такъ писали грамату, эпистолу, анналы; и въ *этомъ* смыслѣ, дѣйствительно, нѣтъ разницы между лѣтописью и якобы сухо-дѣловой гра-

матой; и тамъ и здѣсь самый языкъ (формулы—не въ счетъ)—литературный, т.-е. библейскій.

Писалъ такъ, конечно, и Helmold и, быть можетъ, какъ разъ онъ и является наиболѣе типичнымъ образцомъ широкаго, часто нечаяннаго, черпанія и даже злоупотребленіями оборотами и *фактами* Книги книгъ. Находясь на далекой окраинѣ, отрѣзанный отъ захватывающихъ событій центра, замкнутый въ узкія рамки, и все же чуткій, даже горячій, желавшій внести и свою лепту въ дѣло «сѣверной миссіи», онъ невольно поддался болѣе другихъ великому образцу: онъ библеизировалъ, если такъ можно выразиться, свой сюжетъ—изображеніе національной и религіозной аннексіи славянскихъ земель,—библеизировалъ его и драматизировалъ. *Цѣлыя страницы* состоятъ изъ библейскихъ цитатъ и реминисценцій; и онъ эксцерпируетъ Библію такъ же вольно, какъ и другой свой источникъ—Адама Бременскаго, разрывая, раздергивая цитаты, сливая разрозненныя части во-едино. Даже «остроуміе» и то у него занятое. Памятуя выраженіе Ереміи (50, 17): Grex dispersus Israël, *leones* ejecerunt eum, онъ пишетъ и свое bon mot о „львѣ", о Генрихѣ Львѣ, въ когти котораго попались славяне и были «извергнуты».... «eiecti».—Библейскаго же происхожденія и вышеприведенная формула объ «амплификаціи церквей и вѣрующихъ», изъ Библіи же взята (Philipp. 2, 15; Deuteron. 32, 5; Ev. Matth. 7, 17) столь часто встрѣчающаяся у него (I, 27, 41, 47; II, 12) «характеристика» славянъ—natio prava atque perversa», характеристика, которая произвѣла особое впечатлѣніе на ученыхъ и послужила «ключемъ» для выясненія тяжкой расправы съ славянствомъ, т. к. «національная вражда была слишкомъ рѣзка».—Библейскій мотивъ, наконецъ, и все знаменитое сообщеніе Helmold'a объ «eiectio Sclavorum». «Извергнуть», «eicere—любимый и ходкій терминъ Библіи; извергаются плевелы, нечестивцы, грѣшники; извергнуть недостойныхъ—оздоровить остальное....вотъ рецептъ, и Helmold, говоря объ «eiectio Sclavorum» лишь повторяетъ его; «eiectio» для него—утопія, идеалъ, благое пожеланіе, но не фактъ; между тѣмъ эти свѣдѣнія всегда понимали буквально. Ссылались при этомъ и на три мѣста изъ *граматъ*, гдѣ встрѣчается тотъ же терминъ «eiectio». Но вѣдь и составители граматъ, какъ люди своего времени, тоже вольно или невольно «библіизировали»; не даромъ же во всѣхъ трехъ случаяхъ «eiectio» находится въ патетическомъ *началѣ* граматъ, гдѣ составитель всегда рисовался своимъ стилемъ, своей образованностью *). *Фактовъ*

*) Большое значеніе приписываютъ и другому „настойчивому" сообщенію Helmold'a (I, 24, 47 etc.), его характеристикѣ колонизаціонной территоріи какъ „Terra horroris et vastae solitudinis"; и опять при этомъ ссылались на „неоднократное свидѣтельство граматъ" (Meckl. U.-B. №№ 100, 255, 300); но въ *обоихъ* случаяхъ это опять таки... .цитата (Deuteron. I, 1, 10).—Фактическое же об-

же дѣйствительной «eiectio» у насъ нѣтъ.... ни одного! Ссылались на выселеніе обитателей одной малой деревушки (Goldense), но ссылались неосторожно; у насъ сохранился точный перечень выселяемыхъ,—между ними лишь *одинъ* славянинъ; да и самый фактъ выселеніе есть не что иное какъ ранняя практика позднѣйшаго знаменитаго «Bauernlegen»....

Такъ «распадается» и весь остальной Helmold; онъ—несомнѣнно удачный помфлетистъ и поэтому интересенъ какъ разъ своей тенденціозностью, но совершенно ненадеженъ фактически. *Исходить* изъ его изображенія при изученіи колонизаціонной окраины въ XIII в.—нельзя.

Нуженъ *другой* матеріалъ. Даютъ ли его *граматы?* Даютъ, и даютъ во всякомъ случаѣ лучше и надежнѣе, чѣмъ связный, прагматическій разсказъ Helmold'a. Къ тому же, какъ разъ для этой области, граматъ сохранилось необычайно много. Здѣсь (какъ, впрочемъ, и для другихъ мѣстъ) совершенно напрасны жалобы на «потерю» значительной доли драгоцѣннаго матеріала. Старыя описи и копіаріи (вплоть до XIV в.!) указываютъ, что потеря незначительна, почти незамѣтна; граматой дорожили вѣдь не менѣе чѣмъ иконой—въ первую голову ихъ спасали и отъ пожара, и отъ врага. И если граматъ для XIII в. все же, на нашъ взглядъ, «мало», если все же онѣ даютъ отрывочную, неполную картину, то не слѣдуетъ забывать, что время тогда было не только малограмотное, но и неувѣренное еще въ превосходствѣ *письменнаго* закрѣпленія какого-либо факта передъ торжественнымъ, символическимъ его *устнымъ* признаніемъ.

Другое возраженіе противъ грамотъ—неизвѣстно гдѣ начинается фактъ, гдѣ кончается стереотипъ, формула—соображеніе вѣское, значительное (особенно если къ «канцелярской» формулѣ прибавить еще вліяніе библіократизма), но, въ чистомъ видѣ, несомнѣнно преувеличенное. Граматы XIII-го какъ разъ вѣка, притомъ окраинныя, гораздо менѣе подвержены формулѣ. Сохраняются (хотя и путаются) нѣкоторыя внѣшнія формальности, какъ-то распредѣленіе частей граматы, ихъ приблизительно правильное чередованіе, но нѣтъ еще той бездушности, той схематичности, какъ въ XIV в., когда «письменное производство» взяло верхъ надъ всѣмъ остальнымъ и канцеляріи, особенно городскія, составили свою прочную «традицію».—Наоборотъ, грамату XIII в. можно скорѣе, на мой взглядъ, упрекнуть въ недостаточной «торжественности», излишней эмоціональности. Писалъ ихъ не только «ученый клирикъ», насыщая свою рѣчь библейскими «хитростями», но и свой, близкій человѣкъ, другъ дома, облагодѣтельствованный, принимающій близко къ сердцу и *по-своему* (поручитель же—неграмотенъ)

слѣдованіе показываетъ, что количество населенныхъ пунктовъ въ концѣ XII и началѣ XIII в. было даже *больше*, нежели теперь (съ *меньшимъ*, конечно, народонаселеніемъ)

излагающій и мысль, и фактъ.—Стóитъ лишь просмотрѣть предсмертныя даренія и распоряженія: наряду съ кропотливо-точнымъ, поражающимъ насъ своей несвоевременностью, перечнемъ вкладовъ и благихъ даяній, прорываются истинно-человѣческія нотки; и неясно намъ, кому принадлежитъ это чувство—писцу или умирающему *). И такихъ «неопредѣленностей»—много. Грамата XIII в. вообще гораздо болѣе *индивидуальна*, чѣмъ предполагаютъ; но это же налагаетъ и извѣстную сдержку при ея использованіи: нужно отличить не только «фактъ» отъ «формулы», но и чувство, пожеланія отъ дѣйствительно бывшаго. Особенно типичны въ этомъ смыслѣ—даренія церкви со стороны крупныхъ магнатовъ и государей; много чувства вложено въ нихъ, много хорошихъ соображеній высказано о всяческой пользѣ ревностной поддержки «божьихъ домовъ»; получается впечатлѣніе готовности, значительности и *сознательности* этихъ пожертвованій. На провѣрку же большинство «дареній» оказываются.... продажами!

Итакъ, если на грамату и можно положиться, въ общемъ, больше, чѣмъ на свѣдѣнія средняго анналиста, то все же—cum grano. И понятно поэтому, что «отмѣнный» Helmold долго предпочитался граматамъ; за него была полнота, прагматичность, округленность свѣдѣній; тенденція—тоже была, но, принадлежа *одному* лицу, она, казалось, легче вскрывалась, чѣмъ многообразная субъективность граматъ.

Но положеніе должно было сразу измѣниться, когда удалось бы найти источникъ типа же граматъ, но меньшей «одухотворенности» и большей достовѣрности; источникъ простой, почти прѣсный и безвкусный,—вродѣ безцѣнныхъ хозяйственныхъ счетовъ папирусныхъ находокъ; источникъ, притомъ, несомнѣнно *оффиціальный*, реально-дѣловой, обнимающій *множество* фактовъ на протяженіи значительной территоріи.

Такимъ источникомъ и является какъ разъ *Десятинный Списокъ* ратцебургской епархіи отъ 1230 г. Съ *его* данными Helmold'у уже нельзя тягаться. Десятинный Списокъ и есть, думается, та неподъ-

*) Одинъ лишь примѣръ (Meckl. U.-B. № 323).....Ego Heinricus (молодой князь Ростока, безвременно умираетъ), digne animadvertens cum *magno timore* sentenciam extremi iudicii....de mea propria hereditate....in loco.... Guztrowe....conventualem ecclesiam canonicorum ad honorem *dei terribilis*, qui eque potenter principum et pauperum aufert spiritum..... ordinavi. — Характерный примѣръ проникновенія писца чувствомъ умирающаго, всецѣло объятаго страхомъ смерти.

Не даромъ же епископъ, утверждая впослѣдствіи (№ 368) новое учрежденіе, и, беря по обычаю цѣлыя фразы изъ учредительнаго документа-завѣщанія, счелъ нужнымъ *измѣнить и исправить* малоправославный предсмертный вопль о „страшномъ Богѣ“; епископъ пишетъ: „dominis Heinricus.....timorem pre oculis habens divi nominis *et amorem*....

вижная и надежная точка, которую нужно принять за базисъ всяческихъ «историческихъ измѣреній» въ колонизаціонной окраинѣ XIII в.

Десятинный Списокъ—источникъ *не новый*; онъ уже нѣсколько разъ издавался, хотя и всегда неудачно; онъ не новость также и для исторической литературы—имъ пользовались, его даже превозносили (особенно неумѣренно Ernst); и все же глубоко вѣрно замѣчаніе Hellwig'a (1904), что «историки не знаютъ Списка». Дѣйствительно его не знаютъ, т. к. знаютъ слишкомъ поверхностно; его еще ни разу не *изучили*, и послѣднія работы Witte и Hellwig'a хоть и возбудили нѣсколько большій интересъ къ Списку, но не дали пока положительныхъ результатовъ.

Не изучали же Списокъ, быть можетъ, потому, что на первый взглядъ онъ слишкомъ простъ, элементаренъ. Это—перечень десятинныхъ доходовъ-расходовъ епископа, гдѣ указаны: названіе деревни, общее количество земельныхъ единицъ (mansi), платящихъ десятину, количество свободной (идущей епископу) и розданной десятины. Общая формула такова:

XXII. Demere. Godescalcus II. ecclesia Karlowe I. Boleke I. preter quos dimidia decima vacat episcopo.

Такъ тянется Списокъ въ безконечно-скучной, какъ будто, монотонности на протяженіи всѣхъ 32 страницъ оригинала, насчитывая около 500 деревень.—Только изрѣдка появляется замѣчаніе, вродѣ: Villa Elisabet tota sclavica est. nullum beneficium est.

Вотъ эти «исключенія» и привлекли пока все вниманіе изслѣдователей (Neuendorff, Boll, Ernst;); они подсчитали небольшое количество указанныхъ въ Спискѣ «славянскихъ» деревень, подвели сумму «германскихъ» деревень (считая таковыми *всѣ* деревни безъ помѣтки «sclavica»!), и получили—«неоспоримый фактъ колоссальнаго исчезновенія славянства».—О *критикѣ* Списка, объ изученіи его не изъ него самого, а въ связи со всѣми другими данными, не было и рѣчи. Получились и некритическіе результаты; въ источникѣ искали того, чего онъ не *могъ* дать: въ чисто-*хозяйственномъ* документѣ искали прежде всего указанія о....національномъ составѣ населенія!—А, между тѣмъ, тщательное и всестороннее изученіе Списка даетъ, дѣйствительно, разнообразный и, что главное, совершенно надежный матеріалъ.

Предстоятъ поэтому двѣ задачи: возможно точное изданіе оригинала*), нѣкоторыя части котораго грозятъ полнымъ исчезновеніемъ,

*) Любопытно, что болѣе позднія изданія, когда текстъ приходилъ все въ большую ветхость, даютъ, однако, все лучшее чтеніе; въ *послѣднемъ* изданіи Meckl. U.-B. № 375) не прочитано всего лишь 24 названія (не говоря, впрочемъ, о великомъ множествѣ мелкихъ неточностей); мое изученіе оригинала въ Новомъ Стрелицѣ оставило пока *два* „пустыхъ мѣста“; нужно надѣятся, что путемъ сильно увеличенной фотографіи удастся возстановить и ихъ.

а затѣмъ детальное, исчерпывающее изученіе исторіи каждой отдѣльной деревни Списка.—Отъ новаго *изданія* требуется не только точное установленіе текста (расхожденія существующихъ изданій—поразительны), но и воспроизведеніе всѣхъ его *особенностей*. Оригиналъ написанъ *одной* рукой, но въ нѣсколько пріемовъ (нѣсколько «чернилъ»); ясно видны наслоенія, прибавки, поправки; изучая ихъ *), мы получаемъ достаточно точное представленіе не только о *способѣ составленія* Списка, о необычайной акрибіи составителя, выразившейся въ рѣдкой для средневѣкового писца добросовѣстности корректуры и необыкновенномъ ореографическомъ постоянствѣ **), но и о *цѣляхъ* Списка; изъ поправокъ же («черныя чернила») мы можемъ заключить объ его оффиціальности, примѣненности (*). Передъ нами не просто «чистовая» какого-то составителя, какъ полагали до сихъ поръ, но перебѣленная большая сводка, вся основанная на *документальномъ* матеріалѣ епископскаго архива, работа «незаконченная» лишь потому, что и хозяйственно-феодальная практика нигдѣ не каменѣла, а подвергалась постояннымъ измѣненіямъ, поправкамъ, перетасовкамъ.—Словомъ,—передъ нами безусловно надежный, оффиціальный и живой, я бы сказалъ—«живущій», документъ. Значеніе такового ясно a priori.

Что же даетъ этотъ источникъ? Можетъ ли онъ дать отвѣтъ на главнѣйшій вопросъ, на вопросъ о подробностяхъ *колонизаціи*.

По Helmold'у «вся страна превратилась какъ бы въ одну германскую колонію», и это «ясное указаніе очевидца,современника» заставило историковъ вездѣ и всюду чуять именно «колоніи», *ново*поселенія. Вскрыта была до полной очевидности и вся техника новозаселенія: дѣло передается предпринимателю-locator'у, который осуществляетъ обыкновенно «нормальный» поселокъ въ 12 mansi, получая за свой трудъ третью долю, освобожденную отъ всякихъ тяготъ и платежей, не исключая и «десятины». Выходитъ (такова и точка зрѣнія yMeitzen'a «Boden und landwirtsch. Verhältn». VI. 1901), что вся колонизація,

---

*) Hellwig, написавъ (1904) *спеціальный* этюдъ о Спискѣ, посвящая цѣлую главу вопросу о „Beschaffenheit der Handschrift"—*не видалъ оригинала*!

**) Желательно было бы изученіе богатѣйшей номенклатуры Списка языковѣдомъ. Что можетъ дать подобное изученіе показалъ Ed. Schröder (Mitt. d. Inst. f. Oester. G. Forsch" XVIII. 1897) на примѣрѣ лингвистическаго комментарія *Герсфельдскаго* десятинаного списка, который по богатству данныхъ не можетъ итти въ сравненіе съ ратцебургскимъ.

(*) Въ 1231 г. (Meckl. U.-B. №390) три лица фигурируютъ съ *необычнымъ* опредѣленіемъ „vasalli ecclesie"; Списокъ и выясняетъ дѣло: всѣ трое *только что* получили бенефиціи отъ епископа, и имена ихъ занесены въ списокъ *вновь* („черными чернилами").— Такъ Списокъ и остальныя граматы взаимно дополняютъ и объясняютъ другъ друга.

весь Drang nach Osten, держится на locator'ѣ; выходитъ также, что заселеніе является фактомъ *народнымъ*,—мелкій человѣкъ, безымянный герой, тѣснимый на старомъ пепелищѣ нуждой и напастями, завоевалъ своимъ трудомъ, «своимъ германскимъ прилежаніемъ» значительныя земли.

И вотъ, данныя Списка разбиваютъ эту разработанную, казалось, до малѣйшихъ деталей картину. Списокъ, интересуясь какъ разъ «десятиной», тѣмъ самымъ даетъ и цѣнный матеріалъ для провѣрки теоріи «локаторской», «нормальной» деревни.— *Такихъ* деревень въ Спискѣ (изъ числа.... *пятисотъ*!) почти нѣтъ*); locator—не играетъ роли, почти совсѣмъ не встрѣчается, даже въ тѣхъ villae, которыя по своему названію должны бы быть новоселками (рядъ «Nienthorp'овъ; Scethinkesthorp—отъ «settenke», технич. термина для свободной локаторской доли, и т. п.). Красивую картину о нѣмецкихъ піонерахъ, идущихъ какъ-бы въ разбродъ, но все же идейно-сомкнутой фалангой,—приходится оставить.

Съ другой стороны, сопоставленіе данныхъ Десятиннаго Списка со *всѣми* остальными документами даетъ намъ возможность составить себѣ не только вполнѣ опредѣленную картину поземельныхъ отношеній, но и вполнѣ точную *карту владѣній*.—Крупное землевладѣніе безусловно преобладаетъ, и члены отдѣльныхъ именитыхъ родовъ садятся на землю вмѣстѣ, роями; притомъ владѣнія *нѣмецкихъ* пришельцевъ, разныхъ Molsan, Belowe, Bluchere, тянутся непрерывными но узкими, въ общемъ, клиномъ съ запада на востокъ, концентрируясь по теченію какой-нибудь рѣки; владѣнія же *славянскихъ* магнатовъ, разныхъ «Ковалей», Paniz, de Scurlemer (Славоміръ?), Corvi, Dummemaro, Blizemer, Emeco (Chemko), лежатъ болѣе кучно, отнюдь не имѣя тенденціи группироваться въ «далекихъ отъ нѣмцевъ углахъ» (Sommerfeld), а, наоборотъ, выдвигаясь и запружая нѣмецкую волну.

Только при помощи Десятиннаго Списка выясняется и еще одинъ, пока совершенно не освѣщенный, типъ колонизаціи—*городская*, «патриціанская», въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, любекская, въ которой дѣятельное участіе, между прочимъ, принимаетъ и Fredericus Stultus (въ Albrechtesuelde)—«Вредрикъ Доумбѣ» древнѣйшаго ганзейскаго договора Смоленска отъ 1229 г. Эта *городская* колонизація и есть единственная «планомѣрная»: патриціанскія владѣнія фланкируютъ важнѣйшій водный путь отъ Любека къ древнему Бардовіеку,

*) Theodericus Puttlerus („Копатель"; деревня лежитъ въ тряской низинѣ, гдѣ нуженъ былъ основательный дренажъ), locator въ Bandowe, чуть не исключеніе.

путь, который и понынѣ существуетъ въ видѣ канальной системы Эльбы-Травы, гдѣ и до сихъ поръ вкраплены владѣнія вольнаго Любека.

Такимъ образомъ, данныя Списка позволяютъ составить поучительную и *точную* карту владѣній для большой, въ общемъ, территоріи; и въ этомъ отношеніи немногіе изъ средневѣковыхъ источниковъ могутъ быть поставлены на одну доску со Спискомъ. Точныя данныя о владѣніяхъ получаются опять-таки на основаніи тѣхъ же десятинныхъ помѣтокъ; *владѣлецъ* деревни (все равно аллодъ она, или ленъ) требовалъ себѣ *) полностью всю половину десятины, а такъ какъ другая половина шла идеальному владѣльцу «всей земли»—князю, графу, герцогу, то на долю епископа не приходилось никакихъ десятинныхъ прибытковъ, и Списокъ съ щепетильной точностью и нѣкоторой резиньяціей регистрируетъ эти бездоходныя мѣста, фингируя епископскій «бенефицій».

На основаніи Десятиннаго же Списка можно получить и достаточно надежный фундаментъ для вопроса о положеніи и организаціи церкви. Списокъ составленъ по паррохіямъ, приходамъ, и уже приходилось говорить о знаменательной безсистемности распредѣленія сельскихъ церквей, о причудливости и странной неравномѣрности паррохіальныхъ границъ. Нельзя поэтому предполагать «планомѣрность» *былой* христіанизаціи, приходится даже задуматься объ ея... законченности къ 1230 году! Симптоматически важно также полное почти отсутствіе роста церковныхъ владѣній за цѣлый, по меньшей мѣрѣ, вѣкъ (съ 1100 г.), а также и то, что предписанная (еще Генрихомъ Львомъ) минимальная «дотація» сельскихъ церквей (4 mansi) очень нерѣдко не соблюдена,—церкви хирѣли, влачили прекарное вполнѣ существованіе, и оправились только подъ вліяніемъ послѣдующаго свѣтскаго патроната.

Остается, наконецъ, и еще одинъ вопросъ, тотъ *единственный* пунктъ, въ «полномъ разрѣшеніи» котораго сходились изслѣдователи,—вопросъ о *національности* населенія. Я его оставилъ подъ конецъ, т. к. онъ, собственно, *менѣе* всего вытекаетъ изъ Десятиннаго Списка, да и не *долженъ* былъ, какъ я уже замѣтилъ, въ немъ отразиться.—Къ вопросу, между тѣмъ, подходили съ разныхъ сторонъ. Одни хотѣли уже на основаніи факта существованія десятины въ какой-либо villa заключать о *не*славянскомъ ея населеніи. Противъ этого можно лишь замѣтить, что «десятина»—не «германская» повинность, а общехристіанская **); поэтому—либо приходится совершенно отрицать пріобще-

*) Притомъ требовалъ *властно*, какъ утверждаетъ и Списокъ, говоря, что такой-то „имѣетъ *ut dicit* половину десятины“; или—„bona Gerungi....qui tamen bona sua de manu episcopi nunquam recepit“.

**) Вопросъ о спеціально „славянскомъ“ платежѣ, „бископовницѣ“, требуетъ особаго разсмотрѣнія для 30-хъ г.г. XIII в.

ніе славянъ къ христіанству, либо—не аргументировать такимъ образомъ. Другіе подкрѣпляли мнѣніе объ «исчезновеніи славянъ» указаніемъ на «чисто-германскія» названія деревень. Названія вообще даютъ плохую опору для опредѣленія національности, къ тому же въ Спискѣ *славянскія* названія.... значительно преобладаютъ, не говоря уже о такихъ сюрпризахъ, какъ вышеприведенная villa Elisabeth,, которая.... tota sclavica est *). Третьи, наконецъ, произвели, какъ уже указано, простой подсчетъ «славянскихъ» и «германскихъ» деревень, и на основаніи его провозгласили «исчезающее меньшинство» славянскихъ поселеній. Но и въ этой простѣйшей и удобнѣйшей формѣ исторической аргументаціи лежитъ немалая ошибка. Десятинный Списокъ—не географо-статистическая работа: гдѣ не было (какъ въ *чисто*-славянскихъ, не «децимальныхъ» еще деревняхъ) десятины, тамъ нѣтъ и интереса для регистраціи самихъ деревень (*совершенно* не упомянуты поэтому Wokendorpe, Wendorf, Sievershagen, Pieverstorp и т. д); съ другой же стороны цѣлый рядъ деревень, *не* носящія въ Спискѣ помѣтку «sclavica» оказываются таковыми; таково, чтобъ привести лишь *одинъ* примѣръ, Coselowe, въ которомъ по Списку VI mansi, а по граматѣ 1277 г. Meckl. U. B. № 1425) можно насчитать *семь славянъ* хозяевъ.

Но достаточно! Изъ приведеннаго *небольшого* количества примѣровъ въ достаточной, думается, степени явствуетъ первоклассное значеніе Десятиннаго Списка. А вѣдь этими наблюденіями богатое содержаніе Списка далеко не исчерпывается: исходя изъ него и группируя вокругъ него остальной матеріалъ, мы съ необычайной ясностью можемъ прослѣдить даже судьбу отдѣльныхъ людей, головокружительно-удачную карьеру какого-нибудь пришельца-министеріала Wernerus de Slaubrice или, наоборотъ, печальный конецъ неудачника Volquin'a; можемъ вполнѣ отчетливо наблюдать подвижность и непосѣдливость не только рыцарства, но и земледѣльческаго населенія; можемъ раскрыть нѣкоторыя любопытныя формы совладѣнія, остановиться нѣсколько въ недоумѣніи передъ какими-то «матріархальными» пережитками («filius Wernetrudis» какъ *постоянное* имя). Словомъ, вопросовъ и возможностей проникновенія—«ut vix cuique opinabile (т. е. credibile) sit», какъ сказалъ бы Helmold.

Да иначе и быть не можетъ: передъ нами вѣдь не просто «содержательный источникъ», а частичка тогдашней *жизни*, хозяйственно-финансовый разрѣзъ ея для 1230 г.; и кто видѣлъ оригиналъ, его

*) Цѣлый рядъ интересныхъ данныхъ о *славянскомъ* населеніи „нѣмецкихъ“ якобы деревень Sciphorst, Elmhorst и т. п. для *половины XIV в.* даетъ Witte, съ методологическими пріемами котораго, къ сожалѣнію далеко не всегда можно согласиться.

распредѣленіе, слѣды частаго употребленія, значки «для памяти», тотъ легко можетъ себѣ представить его значеніе въ небогатомъ епископскомъ обиходѣ.—Правда, многаго, очень многаго мы *не* находимъ въ Спискѣ; совершенно почти отсутствуютъ, наприм., данныя по соціальнымъ отношеніямъ; но отъ *десятиннаго* списка этого и *нельзя* ожидать. И безъ того Списокъ даетъ очень много, ибо «десятина»—вопросъ жизненный, тѣсно сплетавшійся со многими другими явленіями. Не даромъ Helmold, вкладывая въ уста одного епископа поученіе объ обязанностяхъ *христіанина,* заканчиваетъ предику.... «десятиной»: «Dei enim preceptum est—dabis decimas mihi, ut bene sit tibi, et longo vivas tempore».

Decimam даетъ намъ Десятинный Списокъ, «ut bene sit nobis» въ раскрытіи цѣнныхъ особенностей колонизаціоннаго процесса.

Д. Егоровъ.

Leipzig. Пасха. 1909.

XV.

Русское „некнижное“ житіе Николая Чудотворца.

Съ начала XV вѣка встрѣчаются славянскіе тексты «Повѣсти о погребеніи» св. Николая, вѣроятно Мирликійскаго, которая написана совершенно книжно, съ примѣсью греческихъ словъ и оборотовъ. Х. М. Лопаревъ подъискиваетъ и греческій оригиналъ «Повѣсти о погребеніи» [1]).

Въ славянскомъ спискѣ Ундольскаго № 567 (XV в.), сохранившемъ, по мнѣнію В. О. Ключевскаго, первоначальный видъ «Повѣсти о погребеніи», св. Николай проситъ у Бога сподолѣнія роду греческому и болгарскому, почему В. О. Ключевскій называетъ эту редакцію Повѣсти «болгарскою». Этотъ терминъ, м. б., находитъ подтвержденіе въ Букурештскомъ текстѣ Повѣсти, писанномъ въ нач. XV в. «Аѳонскимъ» почеркомъ съ чертами средне-болгарскаго правописанія [2]).

Въ спискѣ XV в. Ундольскаго № 560 «Повѣсть о погребеніи» изложена проще, чѣмъ въ № 567. На нѣкоторыхъ листахъ № 560 написано сразу два текста ея, построчно одинъ надъ другимъ. Верхній текстъ подобенъ № 567, а нижній близокъ къ русской передѣлкѣ, о которой скажемъ далѣе.

«Повѣсть о погребеніи» была переложена на русскій простой языкъ типа второй редакціи житія Михаила Клопскаго, примѣнительно къ пониманію некнижнаго большинства. При этомъ русскій редакторъ внесъ двѣ прибавки: разсказъ объ участіи св. Николая въ засѣданіяхъ Никейскаго собора и заключительное обращеніе къ русскимъ сынамъ и дщерямъ, имѣющее видъ похвалы святому. Такъ появилось «некнижное» житіе св. Николая Мирликійскаго.

---

[1]) Н. К. Никольскій. Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI вв.). Корректурное изданіе. Спб. 1906, стр. 375.

[2]) А. И. Яцимирскій. Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библіотекъ. Сб. Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., т. 79, Спб. 1905 г., стр. 447 (рк. Національнаго музея древностей въ Букурештѣ № 142, л. 7 об.).

О времени и мѣстѣ происхожденія «некнижнаго» житія, по словамъ В. О. Ключевскаго, ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Настоящая статья представляетъ попытку рѣшить этотъ вопросъ, при помощи новаго списка житія.

Со времени появленія въ свѣтъ «Древнерусскихъ житій святыхъ» (1871 г.), гдѣ было изслѣдовано (стр. 217—220) и напечатано (стр. 453—459) «некнижное» житіе святителя Николая, свѣдѣнія о спискахъ этого житія и его ближайшаго источника значительно увеличились: см. Н. К. Никольскаго «Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій», стр. 374—379 [3]).

Въ перечнѣ Н. К. Никольскаго не нашелъ, однако, себѣ мѣста поздній списокъ Библіотеки Московской Синодальной Типографіи (№ 419, 1530). Этотъ списокъ представляетъ собою еще большее опрощеніе текста «некнижнаго» житія и дальнѣйшее приближеніе его къ рѣчи того края, лексика и говоръ котораго еле замѣтны въ спискахъ XV—XVI вв., указанныхъ В. О. Ключевскимъ.

Рукопись Типографской библіотеки весьма интересна вообще. Писана она въ началѣ XVIII в. (до 1721 г.) полууставомъ, который напоминаетъ такъ называемое «поморское» письмо. Но нѣкоторыя начертанія этого полуустава архаичны, взять, напримѣръ, змѣевидный рисунокъ «земли» и довольно частыя лигатуры буквъ, изъ которыхъ только одна найдена мною въ позднихъ изданіяхъ «Литовской» печати. Нѣкоторыя виды буквъ чужды великорусскимъ, напримѣръ остроугольная прописная «омега», въ родѣ W. Несмотря на разнообразіе типовъ буквъ и на нѣкоторую ихъ щеголеватость, почеркъ Типографской рукописи производитъ впечатлѣніе пережитка—такого, какъ и поморское письмо. Писалъ, очевидно, не образованный южно- или западно-руссъ (о нарѣчіи писца сужу по языку рукописи, см. далѣе), опытный въ латинской грамотѣ, а православный простецъ того края, подражавшій старому русскому полууставу.

Съ 1721 г. и по 1833 г., по крайней мѣрѣ, Типографская рукопись не выходила изъ предѣловъ Курской губерніи (см. записи лл. 1—31, 31 об., 61 об.—62). Первымъ владѣльцемъ книги былъ дьячекъ Миропольской Николаевской церкви, и мѣстный интересъ къ этому сборнику статей, касающихся именно Мирликійскаго Чудотворца, становится яснымъ изъ сопостановленія Миръ Ликійскихъ съ Миропольемъ Курскимъ.

Въ составъ Типографской рукописи входятъ, кромѣ «некнижнаго» житія, Метафрастово житіе Николая Чудотворца съ чудесами, другія чудеса св. Николая, похвалы и слова въ честь святителя. Подборъ

---

[3]) Отрывкомъ изъ этихъ текстовъ слѣдуетъ считать и № 37 Никольскаго (ib. стр. 382)

и порядокъ этихъ послѣднихъ произведеній совершенно сходствуетъ съ житійной частью нѣкоторыхъ старопечатныхъ изданій «Службы, житія и чудесъ» Николая Чудотворца. Изъ сличенія печатныхъ изданій выяснилось, что въ Типографской рукописи на югѣ-западѣ Россіи было скопировано одно изъ Московскихъ изданій типа 1641 г., напечатанное не ранѣе 1641 г. и не позже 1679 г., такъ какъ Типографская рукопись не имѣетъ сходства ни съ Кіевскими изданіями, ни съ Московскимъ 1640 г., ни съ Московскимъ же 1679 г., уже подвергшимся новымъ редакціоннымъ правленіямъ.

Тексты, заимствованные съ печатнаго, раздѣлены въ Типографской рукописи пополамъ помѣщеніемъ «некнижнаго» житія св. Николая Мирликійскаго (л. 32—42 об.), которое имѣетъ здѣсь такое заглавіе: «Мѣсяця декемврія въ 6 день. Слово на святаго Николая Мирлікийскаго чудотворца».

Всѣ безъ исключенія статьи Типографской рукописи носятъ на себѣ слѣды южно-западно-русской рѣчи. Въ статьяхъ, заимствованныхъ изъ печати, слѣды эти рѣдки и выражаются лишь въ грамматическихъ формахъ. А «некнижное» житіе Типографской рукописи обильно представляетъ названныя особенности и въ грамматическихъ формахъ и въ лексикѣ и въ оборотахъ рѣчи.

Приводя далѣе примѣры языка «некнижнаго» житія, обозначаю для краткости Типографскій списокъ черезъ Т, а текстъ, напечатанный В. О. Ключевскимъ по рукописи Ундольскаго № 569 (XVI в.), черезъ К. Такъ какъ послѣдній текстъ изданъ не вполнѣ, то цитаты изъ неизданныхъ его частей обозначаю—Унд. № 569.

Лексика Т: „гды“, „кды(и)“, „пре,-про-тож“, „промежку“, „або“, „албо“, „барзо“, „посполу“, „поки“, „нехай“, „ледво“, „гдеколвекъ“, „едно“ (только), „на едном мѣсцу“, „дѣвчиними“, „валка“, „цеглу“ (кирпичъ), „рицерове“, „пекло“, „оливу“ (елей, масло), „въ тыдню“, „выслухиваешъ“, „слухати“, „чини-шъ,-лъ,-ти“, „шука-ти,-ли“, „мовлю“, „мовили“, „мовячи,-чого“, „мѣлъ“, „бо мѣемъ“, „немашъ“, „маеть“, „кривдиши“, „прохожовалъ“, „во-,-по-, й шолъ“, „увойшли“, „обернулъ в вѣру“.

Мѣна въ Т „и“—„ы“: „нинешнем“ при постоянномъ „Никол-“, „поганихъ“, „строни“ (К „страны“); „ми“ (им. мн.), „мисли“, „зломисльника“; „вишним“, „найвишшій“, „вишолши“, „виступити“, „здоровими“, „Филиппови“ (род. ед. ж.), „слови“ (тв. мн.); „води“ (вин. мн.), „звади“ (вин. мн.), „кди“ при „кды“; „пустиню“, „тисяща“, „ти“, (им. ед.), „работи“ (род. ед.) „сироти“ (им. мн.), „усти“ (тв. мн.), „чистими“, при „выты“, „ос(вя)тыл“ (?, л. 34 об. и 37 об.); „призиваетъ“ при „прозыраютъ“; „синъ“; „быт“, „быть“, „быти“ (неопр. накл., К „бити“).

Т „ри“, „рь“: „которій“ (им. и вин. ед.), „окри“ (К „покры“), „вѣри“ (род. ед.), „пири... свари“ (вин. мн.), „добрих“; „царъ“ (три раза), „Матеръ“.

Т „у“ при „о“: „мугучи“, ср. „оздоровилъ“ при „уздоровилъ“, „уздоровлялъ“, „уздоровъ“ (повел. накл.).

Т „и“ вм. „о“: „тилко“ и м. б. „злим“ (К „лихомъ“).

Т выпаденіе „о“: „с котрой“ (удареніе на послѣднемъ „с“).

Т призвукъ „у“: „увойшли“.

Т „в“ вм. „у“: „вдарили“ (К „ударишася“), „вдареніе“; „вчинил“, „вчинити“, „вчинѣте“ (пов. накл.), „впросилъ“ (т. е. упросилъ).

Т „з“ вм. „с“: „знову“ (К „опять“), „звади“; „з него“, „з ними“, ср. „з святаго“ и „зступилася“. „з“ вм. „из“: „з Риму“ (К „изъ Рима“).

Твердость согласныхъ въ Т: „уздоровъ“ (повел. накл.), „церковъ“ постоянно, при „вь вес родъ“; „даждъ“, „подаждъ“; „помощъ“ постоянно, „ижъ“ при „ижь“.

Т „що“ при „што“; „штобъ“ при „штобъ“, „штобы“.

Т: „памъать“ („ъ“ передаю „паерокъ“); „пют“ (пьють); „побитю“ (побитью); „люде“ (им. мн., 3 раза); „земя“ (земля).

Т: зв. „слугу“, род. „запаху“, „до Риму“, „з Риму“, „на едном мѣсцу“ при „на едином мѣстѣ“.

Глагольныя формы Т: „естем“ (1 ед.); „естес“ (2 ед.); „и| жъ еси |л. 35 об.| жесь пришолъ“ (повтореніе отъ кустоды); „пришлисте“ (дважды); повел. накл. съ „ѣ“: „поидѣмъ“, „посмотрѣмо“, „пойдѣте“, „воздвигнѣте“, „помолѣтеся“, „погрузѣтеся“, „розболочѣтеся“ („роз“- чаще чѣмъ „раз“-: Т „розступилася“ при К „разступися“, Т „розжегши„ при К „разжегше“).

Нѣкоторыя явленія языка въ Т и К одинаковы.

Въ Т есть мѣна „и“—„ѣ“, напр. „нѣхто“ при „нихто“; „началницѣ“, „князѣ“, „мужѣ“ (им. мн.); „увѣдѣлъ“ (К „увидѣлъ“), ср. „исцилилъ“ при „исцѣлилъ“; дат. „Господевѣ“, мѣст. „вѣри“ при „вѣрѣ“, мѣстн. „рицѣ“; см. еще вышеприведенныя повелительныя на „-ѣмъ“, -„ѣмо“, „-ѣте“. Въ К читаемъ: „О бида“! (Т „О бѣда!“)—здѣсь можно видѣть замѣну „ѣ“ черезъ „и“, если только выраженіе не понято, какъ „обида“.

Обоюдная мѣна в и у въ предлогѣ: Т „у Мелетинъскую землю“, К „въ Меленьтейскую рѣку“; Т „у Ефраѳ рѣку“, Унд. № 569 „у Форъфану рѣку“; Т К „в нас“ (у насъ).

„чъ“: Т К „мечъ“, Т „прочъ“, см. выше твердость согласныхъ въ Т.

Въ Т почти исключительно „о“ послѣ „ч“, „ж“, „ш“, „щ“: „мовячого“, „чого“, „прихоживалъ“, „в-, вой-, пой-, про-шолъ“, „отъишолъ“,

„вишолши“, „ащо“. Въ К постоянно: „пошолъ“, „пришолъ“, дважды „вышолъ“.

Им. мн. на „-ове“: Т „рицерове“, К „Грекове“.

ТК дат. „собѣ“, „тобѣ“, Т мѣстн. „собѣ“. ТК „тым“; К „затымъ“, Т „затимъ“.

3 ед. и мн. на „-ть“ въ Т и К встрѣчается чаще, чѣмъ на „-тъ“, напр.: ТК „идеть“, Т „маеть“, К „имаеть“; ТК „пишуть“; ТК „дасть“, К „подасть“. Но въ Т чаще „естъ“, чѣмъ „есть“ (3 ед. вспом. гл.).

1 ед. вспом. гл.: ТК „есмъ“, при К „есмь“ и Т „естем“, „есми“.

1 мн.: ТК „видимо“; Т „приимаимо“, „посмотрѣмо“; ТК „слышали есмо“.

Причастныя формы наст. вр. дѣйств. зал. въ Т почти исключительно на „-чи“, напр: „рекучи“, „плачучи“, „радуючися“, „памятаючи“, „покладаючи“, „прибѣгаючи“, „мовячи“, „видячи“, „хотячи“, „хвалячи“, „молячися“. ТК „идучи“.

ТК „моглъ“, „реклъ“.

Въ приведенныхъ совпаденіяхъ ТК къ наиболѣе яснымъ чертамъ южно-западно-русской рѣчи слѣдуетъ отнести: „в насъ“ (т.е. у насъ), „тымъ“, „затымъ“ (Т „затим“), „Грекове“ К при „рицерове“ Т, „видимо“, „слышали есмо“, „имаеть“ К при „маеть“ Т. Къ той же рѣчи слѣдуетъ отнести слова: К „пораниваяся“, Т „пораняючися“, ср. бѣлорусск. „пораницьца“[4]); К „коли ея праздникъ... пригодитъ“, Т „такъ же ся пригодило“, ср. бѣлорусск. „пригодзило“; К „покладаа ему... писаніе“, Т „покладаючи... писаніе“, ср. бѣлорусск. „покладаць“. Къ словарю той же рѣчи, можетъ быть, относятся: ТК „вринулъ“, ср. бѣлорусск. „вринуць“, ТК „поринулъ“; К „непорушны“, Т „непорчно“ („ч“ выносное), ср. Т „порушилъ“ при К „поринулъ“—бѣлорусск. „непорушно“; ТК „указалися“ т.-е. показались, явились; ТК „реклъ“ и „моглъ“, если эти формы не вести изъ книжной рѣчи. Сопоставимъ также: К „гдѣ коли“, Т „гдеколвекъ“. Не по великорусски звучитъ и „какый“ К; не великорусскими надо признать обороты: ТК „докончавши собора“, К „забыли... смерти“; Т „поиди, дѣмоне, у Мелетинъскую землю што воды в ней немашъ“, К „поиди въ Меленьтейскую рѣку, что воды въ ней нѣтъ“; ТК „о Николае, что (т. е. ты, который) силу имаши надъ бѣсы“; Т „Благословенъ еси, Господи..., што дивъная и неисказанъная дѣла чинишъ“ (въ К „што“ опущено).

Судя по языку К и Т, я думаю, что «некнижное» житіе создалось не въ Великороссіи. Какой нибудь православный житель области, гдѣ

---

[4]) Н. И. Носовичъ. Словарь бѣлорусскаго нарѣчія. Спб. 1870 г.

звучала южно-западно-русская рѣчь, написалъ вѣкѣ въ XV [5]) текстъ житія на литературномъ, хоть и простомъ, языкѣ центральной Россіи, не вполнѣ удержавшись отъ внесенія чертъ областной своей рѣчи. Отъ этого текста пошелъ списокъ, напечатанный В. О. Ключевскимъ (Унд. № 569, XVI в.). Типографскій списокъ XVIII в. представляетъ уже дальнѣйшее опрощеніе и южно-западно-русскую натурализацію текста, хотя и не въ такой степени, какъ, напримѣръ, житіе Конона Исаврійскаго въ сп. XVIII в. библіотеки М. И. Соколова [6]). Отъ «некнижнаго» житія въ томъ его видѣ, который представленъ Типографскою рукописью, пошелъ великорусскій, повидимому, Московскій списокъ Библіотеки Общества Любителей Древней Письменности XVII в., въ которомъ сохранились слѣды южно-западно-русской рѣчи, напримѣръ: «протоже», «в нас» [7]).

Прежде, чѣмъ перейти къ другимъ основаніямъ прикрѣпленія «некнижнаго» житія Николая Чудотворца къ опредѣленнымъ мѣсту и времени, скажемъ о тѣхъ отличіяхъ и измѣненіяхъ этого текста, какими онъ надѣленъ въ Типографскомъ спискѣ (Т).

Въ нѣкоторыхъ чтеніяхъ Т ближе къ «Болгарской» Повѣсти о погребеніи, чѣмъ К (т.-е. Унд. № 569, напеч. В. О. Ключевскимъ), напримѣръ:

К «прилете къ нему съ небеси голубь, глаголя», Болгар. «и пріиде ему гласъ съ небесе глаголющь», Т «и пришолъ к нему гласъ рекучи».

По К св. Николай тайно уходитъ въ городъ «Кургъ», по Болгар. и Т — въ «Кипръ».

Въ иныхъ случаяхъ Т стеръ изобразительныя выраженія и обезличилъ точныя извѣстія К, а именно:

Въ Т опущена фраза К: «и вложилъ свой малый палецъ въ уста его». К «и постыдѣвся бѣсъ, наклонилъ главу свою», Т «и убоявся барзо». К «патріархъ іерусалимьскый Макарей», Т «патриярхъ». Въ Т опущено названіе мѣстности, до которой дошли варвары въ нападеніи на Грековъ (К «до Кесарія») и число прокаженныхъ (К «45»), которыхъ исцѣлилъ св. Николай.

Опрощеніе текста, наблюдаемое въ Т, заключается въ замѣнѣ книжныхъ выраженій, которыхъ не вполнѣ избѣжалъ списокъ К, болѣе простыми и въ сближеніи съ южно-западно-русскою рѣчью. Приведу примѣры.

---

[5]) Старшій списокъ „некнижнаго“ житія—XV—XVI в. (Синод. № 556).

[6]) Н. Н. Дурново. Легенда о заключенномъ бѣсѣ, оттискъ изъ IV т. Трудовъ Слав. Коммиссіи И. М. А. О., М. 1906 г., стр. 27-28.

[7]) Хр. Лопаревъ. Описаніе рукописей И. О. Л. Д. П., ч. I, П. Д. П. № С. Спб. 1892 г., № 97, стр. 170.

К «всю вселенную чудесы своими просвѣтилъ, идеть отъ житіа сего, святительства престолъ оставивъ, и восходить на небеса», Т «землю освятилъ, на небеса идетъ». К «райскіа врата», Т «райскія двери". К „отъ юности", Т „отъ молодости". К „жезла", Т „посоха". К „поправъ", Т „потоптал". К „глаголеть", Т „говорит". К „честнаго благоуханіа и темьяна", Т „запаху". К „благоуханія честнаго отъ мира", Т „запаху мирного". К „пути Божіа", Т „дороги Божія". К „подобіа", Т „вида". К „дщери", Т „дочки".

Иногда въ Т встрѣчаемъ простодушное поясненіе въ интересахъ „народнаго множества": К „и научи люди слову Божію истиннымъ писаніемъ", Т „и уча люди слову Божію, занеже еше изм(л)ада прошолъ и умѣлъ все писаніе".

Образцами примѣненія текста къ южно-западно-русской рѣчи могутъ служить слѣдующія выдержки:

К „а коли ся праздникъ великый пригодитъ, и онъ тогды овощь ѣлъ".

К „Въ тыя лѣта прилучися брань, пришла рать поганыхъ... а св. Николае видѣвъ поганыхъ рать велику, иже не мощи противитися".

К „Тогда Николае пріиде въ рать христіанскую... и начатъ глаголати христіаномъ:.. „не возможетъ прикоснутися вашъ мечъ поганыхъ"... Они же вопросиша: „ты кто еси?"... и ударишася на рать поганыхъ... побиша. И увидѣлъ св. Николае поганыхъ погибель"...

К „Таже въ день недѣльный вошли люди въ церковь... и пришла дѣвица, духомъ нечистымъ одръжима. И начаша людіе пѣти въ церкви, и въ той часъ вшелъ бѣсъ въ дѣвицу и нача мучити и бити ее... началъ... кричати, глаголя... и услышали бѣса гла-

Т „а гды ся прохоживалъ, въ той часъ от овощи садовой мало що вкушалъ".

Т „и в то время прилучилося валка великая, пришла рать силная поганская... и святый великій Ныколае увидѣлъ оную силу великую рать поганскую, щожъ не мугучи противитися".

Т „Тогда святый Ныколае войшолъ в рать христіянскую... и закликалъ голосомъ великим, рекучи: „што есть вѣрныа христіяне... не возможеть к вамъ приступити и доткнутися мечъ поганскій". Онія же рицерове вопросили святаго: „хто естес ты, господи?"... вдарили на войско поганское... и позабиали... И минувши побитю"...

Т „Такъ же ся пригодило, увойшли вси людіе во церковъ... и была едина вдѣвица и мѣла в собѣ духъ нечистій. А кди начали пѣти въ церквѣ, въ той часъ вошолъ былъ злый духъ в дѣвицу и рушилъ нею и почалъ ея барзо мучити... почалъ кричати,

голюща дѣвицы тоя устами и почали дивитися... И избѣжа бѣсъ изъ дѣвицы... рекъ св. Николае: „тебѣ глаголю, душе нечистый, повѣдай ми, какъ еси вшелъ въ дѣвицю сію?“. И бѣсъ рече: „на единомъ мѣстѣ... видѣхъ ю“... И рече ему св. Николае: „поиди въ Меленьтейскую рѣку, что воды въ ней нѣтъ, только одинъ песокъ“.

мовячи... и услышавши людіе мовячого бѣса дѣвчиними усты, почали ся дивити, рекучи... И повернулъ ся бѣсъ из дѣвицею рекъ святый Никола: „тобѣ мовлю, душе нечистый, повѣдай ми, якъ войшолъ еси в дѣвицу сію?“ Бѣсъ же рекъ ему: „нашол есми дѣвицу сію на едном мѣсцу...“ И рекъ ему святый Николае: „пойди, дѣмоне, у Мелетинъскую землю, што воды въ ней немашъ, тилко единъ пѣсокъ“.

Покончивъ съ характеристикой Типографскаго списка, завершимъ попытку опредѣлить мѣсто и время появленія «некнижнаго» житія св. Николая, при чемъ не будемъ упускать изъ вида, что нѣкоторыя совпадающія въ К и Т слова свойственны бѣлорусской рѣчи и что старшіе списки какъ «некнижнаго» житія, такъ и его источника—«болгарской» Повѣсти о погребеніи, не восходятъ ко времени ранѣе XV вѣка.

Основываясь на заключительномъ моленіи «некнижнаго» житія Николая Чудотворца объ избавленіи православныхъ христіанъ «оного поганыхъ насилія и онаго закона» (Унд. № 569—К), Е. Е. Голубинскій рѣшаетъ, что «русское легендарное сказаніе о Николаѣ Чудотворцѣ» «составлено во времена уже Монгольскія» [8]).

Отнести эти слова молитвы именно къ Татарамъ есть много препятствій. Вообще, подобныя неопредѣленныя выраженія безъ подкрѣпленія другими признаками не даютъ точнаго основанія для выводовъ и уже нѣсколько разъ повели къ сомнительнымъ и неустойчивымъ заключеніямъ.

Такъ, преосв. Макарій относилъ «Слово св. Троицы всему міру» къ Монгольскому періоду, опираясь на фразу: «я избавлю васъ отъ муки поганыхъ», противъ чего возразилъ Н. С. Тихонравовъ, видя здѣсь лишь угрозу на случай коснѣнія въ грѣхахъ, которая притомъ заимствована изъ другого памятника [9]).

---

[8]) Е. Е. Голубинскій. Исторія Русской Церкви, I. 1, Чт. въ О. И. и Д. Р. при М. У., 1901 г., кн. 3, стр. 777. Е. Е. почему-то ссылается здѣсь не на полный текстъ житія въ изданіи В. О. Ключевскаго, а только на молитву, отрывочно приведенную въ описаніи рукописей Ундольскаго.

[9]) Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I, М. 1898 г., примѣчаній стр. 38, прим. 102.

Затѣмъ, припомнимъ слова предисловія «Софійскаго временника»: «за наше несытьство навелъ Богъ на ны поганыя, а и скоты наши и села и имѣния за тѣми суть». А. А. Шахматовъ оспариваетъ мнѣніе о возможности прикрѣпить эти слова къ Татарамъ XIII в. и относитъ ихъ къ Половцамъ конца XI в. [10]).

Погаными, безбожными, беззаконными и т. д. въ старой Руси назывались разные народы, ей враждебные—не только язычники и магометане, но и христіане иного исповѣданія, католики и люторы [11]).

Въ «некнижномъ» житіи Николая Чудотворца «погаными» названы: 1) повидимому восточные варвары времени святителя Николая, въ нападеніи своемъ на Грековъ дошедшіе до Кесаріи (К 454 17—40, Т л. 33—34); 2) неопредѣленные насильники, поминаемые въ молитвѣ русскихъ, которая встрѣчается только въ «некнижномъ» житіи, но не въ его источникѣ, т. е. въ «болгарской» Повѣсти о погребеніи.

Это мѣсто молитвы въ разныхъ спискахъ «некнижнаго» житія читается не совсѣмъ одинаково: К 459 21—27, т. е. Унд. № 569 «чтобы насъ грѣшныхъ православныхъ христіанъ избавилъ (Христосъ) онаго (Унд. № 563 вм. «онаго»—«от») поганыхъ насилія и онаго закона, и освяти церкви христіяньскіа и утверди ихъ непорушны (Унд. № 563 «нерушимых») до скончаніа вѣка, и намъ ты подай твердый разумъ во единомъ крещеніи стояти до скончаніа вѣка нашего, поклонятися намъ и славити единосущную Троицу, Отца и Сына и Св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ». Въ Т (л. 42 об.) вмѣсто «онаго поганыхъ насилія и онаго закона» и т. д.: «от людій иноплеменных насилованя, и святыя церкви своя утвердил непор(о)чно, и нам подал утвержденіе во едином крещеніи быти до скончанія вѣка нашего. А мы Тебѣ славу возсылаем со Отцем и Святым Духом нынѣ и присно и во безконечныя вѣки вѣком».

Чтеніе списка Унд. № 569 я считаю лучшимъ, вообще по лучшей сохранности въ немъ текста, почему, вѣроятно, и В. О. Ключевскій избралъ именно этотъ списокъ для своего изданія.

Затруднительно рѣшить, на что ссылается непонятное «онаго» (поганыхъ насилія и закона). Нѣтъ ли въ этомъ словѣ указанія на варваровъ, о нападеніи которыхъ на Грековъ повѣствуется далеко—въ началѣ житія? Не лучше ли поставить это выраженіе въ связь съ недалекимъ по предшествію упоминаніемъ о «Латыньскихъ земляхъ», гдѣ св. Николай «тѣломъ лежитъ»? Если послѣднее вѣрно, то молитва «ру-

---

[10]) А. А. Шахматовъ. Предисловіе къ Начальному Кіевскому своду и Несторова лѣтопись. Изв. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., 1908 г., кн. 1.

[11]) В. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. К. 1901 г., стр. 141. А. Орловъ. Объ особенностяхъ формы русскихъ воинскихъ повѣстей. М. 1902 г., стр. 33.

стихъ сыновъ и дщерей» проситъ объ избавленіи ихъ, православныхъ христіянъ, отъ насилія поганыхъ Латинъ и ихъ закона.

Противъ отнесенія даннаго мѣста къ Монгольскому періоду можно выставить еще одно соображеніе. Едва ли русскимъ людямъ было такъ необходимо молиться объ избавленіи отъ «закона» Татаръ, которыхъ нельзя было упрекнуть въ полной нетерпимости къ вѣрѣ покоренныхъ народовъ.

Основываясь на томъ, что 1) въ спискахъ XVI в. «некнижнаго» житія встрѣчаются слова, отысканныя мною въ словарѣ бѣлорусскаго нарѣчія, 2) въ старшемъ и лучшемъ изъ трехъ извѣстныхъ мнѣ списковъ житія (Унд. № 569—К) мелькаютъ черты говора, нечуждые бѣлорусскому, 3) житіе продолжало переписываться и въ XVIII в. въ области бѣлорусско-малорусской рѣчи, 4) въ XVII в. оно списывалось въ Великороссіи съ бѣлорусскаго списка (О. Л. Д. П. № 97), 5) это житіе помѣщалось съ чудесами, совершенными св. Николаемъ въ Западной Руси при Витовтѣ (рукоп. И. П. Б. Погод. № 863 и Костр. Архивн. Комм. № 101, см. далѣе),—я позволю себѣ сдѣлать предположеніе, что «некнижное» житіе Николая Чудотворца было переработано изъ «болгарской» Повѣсти о погребеніи именно въ западной или юго-западной области, въ Литвѣ или близко къ ней.

Литва зачастую называлась поганою, поганью, безбожною и т. п. [12])

Эти названія примѣнялись къ Литовцамъ, не только тогда, когда всѣ они молились языческимъ богамъ «рекомымъ бѣсамъ», не только во времена Литовскихъ князей, которые—то переходили въ православіе (Войшелгъ, Ромундъ, Наримантъ и Домантъ), то принимали христіанство номинально, «поганство свое явѣ творя» (Миндовгъ, Ольгердъ), и даже считались мучителями «за правовѣрную вѣру христіанскую» (Ольгердъ).

Поганыя, позорныя названія продолжали примѣнять къ Литвѣ и послѣ оффиціально усиленной католической пропаганды, когда Ольгердовичъ Ягелло, женившись въ 1386 г. на Ядвигѣ Польской, соединилъ Литву съ Польшей и изъ православія перекрестился въ латинство вмѣстѣ съ своими братьями и нѣсколькими Литовскими князьями, при чемъ далъ клятву «всѣхъ людей народа Литовскаго, въ какомъ бы они ни были званіи, состояніи и чинѣ, къ вѣрѣ католической (латинской) и святому послушанію Римской Церкви привести, притянуть и всѣми способами присоединить, какой бы секты и различія они ни были» (грамота Ягелла Виленскому Латинскому епископу). Особенно ненавидѣли православные русскіе люди двоюроднаго брата Ягелла, изворотливаго Витовта, который, изъ политическихъ видовъ, изъ желанія быть любезнымъ всѣмъ національностямъ Литвы, перекрестился одновременно съ Ягелломъ изъ православія въ латинство и затѣмъ еще два раза мѣнялъ

[12]) В. Малинин и А. Орловъ оо. сс.

религію. «Былъ убо, говоритъ русская лѣтопись, князь Витовтъ прежде крестьянъ, имя ему Александръ, и отвержеся правовѣрныя вѣрѣ и хрестьяньства и пріятъ Лятьскую вѣру, княженія ради великого, церкви святыя преврати на богомерзское служеніе[13]). И звали Витовта такъ: «отступникъ правыя вѣры христіанския и отметникъ Божій, сынъ діаволь, невѣрникъ правдѣ ни крестному цѣлованію»[14]). Русская монахиня, умершая отъ чумы и воскресшая въ 1427 году, видѣла этого князя въ огнѣ адскомъ, при чемъ даже мучитель его, страшный муринъ называлъ его тамъ: «окаанне»[15]).

Въ «ономъ поганыхъ насиліи» и «ономъ законѣ» «некнижнаго» житія Николая Чудотворца я склоненъ видѣть насиліе поганой Литвы и пропаганду «Лятьской», «Латыньской» вѣры именно временъ Витовта, при которомъ Литва стала издѣваться и поругаться надъ нами[16]), церкви святыя превратились на богомерзское служеніе и св. Николай Мирликійскій странствовалъ изъ Жидичинскаго своего храма въ Лукомль съ жалобой: «тамо (въ Жидичинѣ) не могу быти поганыхъ дѣля, зане умножися беззаконія ихъ»; «а я», грозилъ святой, «еще иду в Полтескъ, зане умножися беззаконія ихъ»[17]). Витовтовымъ превращеніемъ церквей на богомерзское служеніе объясняется и просьба «некнижнаго» житія: «освяти церкви христіяньскіа и утверди ихъ непорушны до скончаніа вѣка». А перекрещиваніе, доходившее въ лицѣ Витовта до трехъ кратъ, вызвало заключительныя слова этой просьбы—о поданіи твердаго разума «во единомъ крещеніи стояти до скончаніа вѣка».

---

[13]) П. С. Р. Л., т. IV—143 (1399 г.), т. III—101 стр.

[14]) П. С. Р. Л., т. V—19 стр. (1406 г.), ср. 25 стр. (1426 г.).

[15]) Повѣсти отца Пафнутія по тексту, напеч. А. Веселовскимъ въ приложеніяхъ къ XII № „Розысканій“ (Сб. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., т. 46, Спб. 1890 г.).

[16]) „Литва съ Ягайломъ побѣгоша назадъ со многою скоростію, никимъ же гоними; не видѣша бо тогда князя великаго (Димитрія Донского), ни рати его, ни оружія его, токмо имени его Литва бояхуся и трепетаху, а не яко при нонѣшнихъ временехъ (по толкованію С. К. Шамбинаго, это—времена Витовтова княженія) Литва надъ нами издѣваются и поругаются“. Лѣтописную повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, цитирую по Новг. IV-ой (П. С. Р. Л. т. IV, стр. 82), см. С. К. Шамбинаго „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ“, Спб. 1906 г., стр. 75-77.

[17]) Чудо Николы Жидицынскаго въ Лукомлѣ въ Литовской землѣ при князѣ Витовтѣ Кейстутовичѣ (1392—1430) и Новгородскомъ владыкѣ Іоаннѣ (1389—1415 г.), по рукописямъ И. П. Б. Погод. № 863 XVI—XVII в. и Костромской Архивной Коммиссіи № 101 XVII—XVIII в., въ которыхъ находится, между прочимъ, и „некнижное“ житіе св. Николая (сосѣдство текстовъ, важное для рѣшенія вопроса о литовскомъ происхожденіи житія). См. Н. К. Никольскаго: „Матеріалы для исторіи древнерусской духовной письменности“ № XX, Сб. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., т. 82, Спб. 1907 г., стр. 145—146, и „Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI вв.)“, Спб. 1906 г., стр. 377, 379, 381.

Святителя Николая, какъ извѣстно, издавна усердно чтили въ Россіи. На вопросъ о степени его почитанія въ Руси западной и южной, въ краѣ, гдѣ явилось «некнижное» его житіе, отвѣчаютъ слѣдующія извѣстія.

Даніилъ, князь Галицкій часто кланялся и молился Николѣ, ѣздилъ на поклоненіе въ Жидичинскій храмъ Святителя и во время такого богомолья не хотѣлъ воевать съ братьею (Ипатьевскій списокъ лѣтописи подъ 1227 и 1235 гг.). О церквахъ св. Николая въ Западной Руси подбираются слѣдующія свѣдѣнія. Въ XIII—XV вв. упоминается церковь Жидичинская; въ XIV в.—Виленская, гдѣ были положены православные, замученные въ Литвѣ [18]); въ XIV—XV вв.—Лутомльская, куда за исцѣленіемъ приходили даже изъ Москвы; въ 1520 г.—Нобельская Пинскаго повѣта; въ 1542 г.—Мѣлецкая; въ 1591 г.—Черейская; въ 1737 г.—Туровская [19]). Въ 1390 г. въ литовской Руси былъ переписанъ Торжественникъ, въ скупомъ статейномъ подборѣ котораго помѣщены два текста о Николаѣ Чудотворцѣ [20]). Въ Бѣлоруссіи до сихъ поръ прославляютъ пѣснями покровительство Николы житу и лошадямъ; ихъ тамъ впервые выгоняютъ въ ночное на вешняго Николу, сопровождая выгонъ играми. Помня о власти Николы надъ водной стихіею, Малороссы начинаютъ купанье съ вешняго его праздника и поютъ: «хто Миколая любитъ», «хто Миколаю служитъ»,—«тому святый Миколае на всякій часъ помогае» [21]).

А. Орловъ.

---

[18]) П. С. Р. Л., т. VII—214, т. V—226, т. II—349 стр.

[19]) П. А. Гильдебрандтъ. Рукописное отдѣленіе Виленской публичной библіотеки. Вильна 1871 г.

[20]) А. Леонидъ. Описаніе рукописей библіотеки гр. А. С. Уварова, № 1045. Позднѣйшіе зап.-русскіе тексты статей о св. Николаѣ см. у Никольскаго въ „Матеріалахъ для повр. списка“, стр. 368, 369, 373 (№ 21 помѣщ. и въ Минеяхъ Димитрія Ростовскаго, откуда заимств. въ Кіевское, печатное изданіе 1700 г. „Службы, житія и чудесъ“ св. Николая).

[21]) И. П. Калинскій „Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси“, Спб. 1877 г. П. В. Шейнъ „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣв.-зап. края“, т. I, ч. 1, Сб. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., т. 41, Спб. 1887. См. еще: А. Вознесенскій и Ѳ. Гусевъ. „Житіе и чудеса св. Николая Чудотворца и слава его въ Россіи“. Спб. 1899 г.

XVIII.

Монастырское землевладѣніе на Вологдѣ по даннымъ 1627—1630 годовъ.

(Историко-статистическій этюдъ).

Едва не полвѣка тому назадъ въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» (1866—1867 г., № 7, стр. 540—574) появилась статья профессора В. О. Ключевскаго «Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ». Написанная главнымъ образомъ на основаніи рукописнаго сборника соловецкихъ грамотъ и частью грамотъ, изданныхъ въ «Описаніи Соловецкаго монастыря» арх. Досиѳея, статья эта представляетъ собою цѣнную попытку нарисовать «любопытный процессъ сосредоточенія въ рукахъ соловецкаго братства обширныхъ и многочисленныхъ земельныхъ участковъ въ Бѣломорьѣ, столь важный по своимъ слѣдствіямъ для исторіи этого края» (стр. 551). Недавно монастырь Поморья вновь привлекъ вниманіе ученаго изслѣдованія, нѣкоторые результаты котораго изложены въ статьѣ проф. М. М. Богословскаго „Сѣверный монастырь въ XVII вѣкѣ“ въ журналѣ [1]) «Вѣстникъ Европы» (1908 г., № 11, стр. 278—306). Монастырское хозяйство вообще и монастырское землевладѣніе въ частности представляютъ собой тему, давно оцѣненную въ нашей исторіографіи и притомъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, но едва ли разработанную систематически и стройно, или исчерпывающимъ образомъ. И если старый слагатель древне-русскаго житія писалъ, что «добро убо и полезно зѣло иже божественныхъ мужей житіе повѣствовати» (срв. у проф. В. О. Ключевскаго «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ». М. 1871 на стр. 196), то для современнаго изслѣдователя быть можетъ еще болѣе «добро убо и полезно зѣло» изучить до тонкостей ту хозяйственную

[1]) Срв. VI-ую главу «Монастырь и общество на сѣверѣ» на стр. 79—97 книги того же автора *Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.* М. 1909.

обстановку, среди которой когда то подвизались «божественные мужи» русской древности. Сущность этой хозяйственной обстановки превосходно рисовалась проф. В. О. Ключевскому, когда въ заключительныхъ строкахъ своей статьи онъ писалъ (стр. 574), что въ 1621-мъ году на соляныхъ варницахъ Соловецкаго монастыря числилось 700 человѣкъ рабочихъ, которые пили, ѣли и носили монастырское, что въ половинѣ XVII в. монастырь продавалъ соли до 130 тысячъ пудовъ въ годъ, платя за это пошлины 658 рублей, и что вообще выплачивалъ въ то же время въ казну сборовъ и оброка до 4 тысячъ рублей, пославъ однажды царю Алексѣю въ подмогу на жалованье ратнымъ людямъ 41.414 рублей и 200 золотыхъ. Крупный интересъ и значеніе поставленной темы, а равно отсутствіе ея исчерпывающей обработки даютъ смѣлость автору настоящаго этюда вновь обратиться къ любопытному вопросу о монастырскомъ землевладѣніи въ древней Руси [1]). Въ основаніе настоящей работы положенъ неизданный матеріалъ писцовыхъ книгъ по Вологдѣ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Взято писцовое описаніе Заозерской половины Вологодскаго уѣзда письма и мѣры Ѳедора Семеновича Вельяминова-Воронцова и дьяка Савина Завѣсина въ 1628—1630-мъ г.г. (7136—7138 г.г.); хронологически отмѣтки въ этомъ описаніи восходятъ до 1633-го г. включительно. Изъ этого описанія (писцоваго архива книги №№ 66, 63, 3, 14725, 14718, 14719, 14725, 14726, 14720 и 14721) выбранъ весь матеріалъ, относящійся къ монастырямъ, сведенъ въ рядъ подробныхъ таблицъ съ детальной провѣркой итоговъ писцовой книги и разработанъ для настоящаго этюда безъ сопоставленія его съ разнообразными историко-статистическими данными предшествующихъ и послѣдующихъ лѣтъ [2]). Вы-

---

[1]) См. матеріалъ изъ приказа Тайныхъ Дѣлъ въ брошюрѣ В. Н. Сторожева „Къ исторіи сельско-хозяйственнаго быта костромскихъ Ипатьевскаго и Богоявленскаго монастырей“ (М. 1894), который далъ основаніе автору поставить запросъ X-му Археологическому Съѣзду въ смыслѣ необходимости предварительно дальнѣйшей систематической разработки вопроса «составить списокъ неизданныхъ актовъ, иллюстрирующихъ сельско-хозяйственный бытъ русскихъ монастырей XVI и XVII вѣковъ» (запросъ № 208 по отдѣленію „памятники археографическіе“); указанный запросъ былъ повторенъ въ отношеніи XII-го Археологическаго Съѣзда. Въ иной редакціи тотъ же запросъ («привести въ извѣстность и составить описаніе неизданныхъ документовъ, представляющихъ собою источники для изученія сельско-хозяйственной исторіи русскихъ монастырей XVI и XVII вѣковъ») былъ обращенъ къ XIII-му Археологическому Съѣзду, но до настоящаго времени не получилъ хотя бы частичнаго разрѣшенія.

[2]) Здѣсь быть можетъ вполнѣ умѣстно припомнить слова С. Б. Веселовскаго о томъ, что «писцовыя книги сами по себѣ не представляютъ достаточнаго матеріала для сколько-нибудь полнаго изображенія экономическаго строя московскаго государства» (стр. 431 въ Жур. Мин. Нар. Просв. за 1908 г., № 2, отд. 2).

бранный изъ указанныхъ книгъ текстъ писцоваго описанія монастырскихъ вотчинъ и подробныя таблицы къ нему имѣютъ быть напечатаны въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ» по историко-филологическому отдѣленію, входя въ составъ второго вышуска археографическаго труда автора «Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду въ XVII вѣкѣ». Писцы Ѳ. С. Вельяминовъ-Воронцовъ и С. Завѣсинъ описывали въ 1628—1630-мъ г.г. Заозерскую половину Вологодскаго уѣзда; другой комплектъ писцовъ Семенъ Гавриловичъ Коробьинъ и подьячій Ѳедоръ Стоговъ въ тѣ же годы описывалъ «первую половину» Вологодскаго уѣзда; это послѣднее описаніе остается пока неизученнымъ и требуетъ кромѣ того предварительнаго его подбора по архивамъ. Этотъ другой комплектъ писцовъ началъ свою работу въ 135-мъ г. и въ иномъ составѣ; по крайней мѣрѣ во введеніи къ одной сотной грамотѣ, выданной по челобитью вологжанъ посадскихъ людей и въ ихъ мѣсто земскаго старосты Богдана Самойлова отъ 15 іюня 1629 года, сказано: „въ прошломъ де во 135-мъ г. были на Вологдѣ писцы князь Иванъ [1]) Мещерской да подьячей Ѳедоръ Стоговъ, и того де своего письма и мѣры книги положили въ *Новгородцкой четверти*, а съ тѣхъ де имъ съ писцовыхъ книгъ государевы сотные грамоты, по чему имъ государевы подати и съ промысловъ оброчные деньги въ государеву казну платить, не дано». Описанія монастырскихъ вотчинъ вошли, конечно, и въ писцовую книгу «первой половины» Вологодскаго уѣзда, составленную С. Г. Коробьинымъ и Ѳ. Стоговымъ. Топографическое пріуроченіе (съ помощью VII-го выпуска «Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи» Спб. 1866 и десятиверстной спеціальной карты европейской Россіи въ изданіи Военно-топографическаго отдѣла Главнаго Штаба №№ 55 и 70) монастырскихъ вотчинъ по описанію Вельяминова-Воронцова и С. Завѣсина падаетъ на мѣстности нынѣшнихъ Вологодскаго и преимущественно Кадниковскаго уѣздовъ Вологодской губерніи. Работа надъ писцовымъ матеріаломъ въ массѣ представляетъ не мало трудностей, будучи къ тому же и кропотливой, и тяжелой до чрезвычайности; ея результаты пріобрѣтаютъ значительную научную цѣну лишь при условіи разработки громаднаго количества описаній, самостоятельнаго подсчета итоговъ и распластыванія данныхъ по опредѣленнымъ категоріямъ. Такимъ образомъ, изученіе писцовыхъ книгъ отдѣльными изслѣдователями далеко не такъ благодарно, какъ то предполагалось во времена К. А. Неволина и Н. В. Калачова, положившихъ наиболѣе прочное начало для ихъ разработки; это изученіе требуетъ спеціальныхъ методовъ изслѣдованія, а равно постояннаго сопоставленія съ картографическимъ матеріаломъ, безъ чего здѣсь невозможно сдѣлать ни одного

[1]) Аѳанасьевичъ, какъ видно изъ дѣлъ Помѣстнаго приказа.

серьезнаго шага. Если поставить своей задачей изслѣдованіе вопросовъ, связанныхъ съ территоріей монастырскихъ вотчинъ, то писцовыя книги представляются для такой цѣли сравнительно легче обозримыми. Опредѣленная и достаточно широкая постановка выводовъ въ такомъ случаѣ возможна для изслѣдованія, которымъ топографически разбитый писцовый матеріалъ изученъ на протяженіи XV—XVII вѣковъ и сопоставленъ съ массой доступныхъ нынѣ для изученія отдѣльныхъ актовъ и частью столбцовъ Помѣстнаго приказа (также приказныхъ книгъ четвертей). Настоящій этюдъ въ виду высказанныхъ замѣчаній можетъ имѣть значеніе только подготовительной работы; изученіе вращается въ немъ въ предѣлахъ одной переписи и независимо отъ актоваго матеріала.

I.

Во второй половинѣ XVI вѣка Вологда, посредница между Поморьемъ и центральными московскими уѣздами, стала играть крупную роль во внѣшней торговлѣ московскаго государства. Не даромъ царь Иванъ IV обратилъ свое вниманіе на Вологду, построилъ въ ней большой каменный кремль и въ 1565 г. взялъ ее въ «опричнину». Въ Смутное время Вологда потерпѣла значительно: писцовая книга уѣзда не разъ отмѣчаетъ запустѣніе дворовъ отъ «московскаго разоренья» и отъ «разбойниковъ», а описаніе города даетъ въ итогахъ не мало пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ. Въ этомъ описаніи города отъ 1626 года есть особый раздѣлъ, въ которомъ перечислены «дворы монастырскіе, и поповскіе, и дьяконскіе». Поскольку монастырь былъ представленъ въ Вологдѣ дворами, является возможнымъ установить для первой четверти XVII в. согласно названному описанію. «Отъ Вознесенскихъ воротъ идучи по Большой улицѣ по лѣвой сторонѣ», встрѣчаемъ *дворы* [1]: 1) Павлова монастыря (15,25 × 8,5), живетъ дворникъ Сенка Семеновъ, ходитъ по міру; 2) Николы-Корельскаго монастыря (11 × 4 1/3), живетъ дворникъ каменщикъ Галактіонка Ждановъ; 3) Печинскаго монастыря, что на Комелѣ (9 × 7), пустъ; 4) Ильинскаго игумена Серапіона (9 × 4,5), пустъ; 5) Троице-Сергіева монастыря крестьянина Тихонка Брызгалова (9 × 5,5). «По Большой улицѣ къ соборной церкви идучи по правой сторонѣ»,— *дворъ*: 6) Прилуцкаго монастыря служки Жданки Обросимова (6,25 × 5,25). «Въ Соловецкой улицѣ»—*дворы*: 7) Сійскаго монастыря (18 × 3,75), живетъ дворникъ Ивашко Ѳедоровъ, дѣлаетъ черное дѣло; 8) Соловецкаго монастыря (16,75 × 12), живетъ дворникъ Ивашко Торопчанинъ, дѣлаетъ черное дѣло; 9) позади того же двора монастырское

[1] Цифры въ скобкахъ далѣе означаютъ въ саженяхъ длину и ширину дворовъ; въ перечисленіи приводятся далѣе дворы монастырскіе, и игуменскіе.

дворовое мѣсто (8×10), т.-е. Соловецкаго монастыря. «Въ Покровской улицѣ»—*дворы*: 10) Угрѣшскаго монастыря села Дюдиковы пустыни крестьянина Степана Казакова съ братьею (10×10); 11) Ильинскаго монастыря, что на посадѣ, (9,5×8,5) пустъ; 12) Каменнаго монастыря (24×9); 13) Спаса Прилуцкаго монастыря (24× 9); 14) Троице-Сергіева монастыря (11×15—«поперегъ по лицу»), пустъ. «По Большой же улицѣ къ соборной церкви идучи по лѣвой сторонѣ», встрѣчаемъ *дворъ*: 15) Корнильева монастыря (16×12), живетъ дворникъ, монастырскій служка Первушка Семеновъ; «въ Рождественской улицѣ *дворъ*: 16) Прилуцкаго монастыря (11×13), живетъ дворникъ софійскій звонарь Васка. «Отъ Каменной башни по Пятницкой улицѣ идучи по правой сторонѣ—*дворы*: 17) Кирилова монастыря бобыля Богдашка Кирилова (7,5×2,5), да по лѣвой сторонѣ той же улицы: 18) Ильинскаго монастыря старца Аврамія Мохова (19×4,75), пустъ; 19) мѣсто дворовое Прилуцкаго монастыря крестьянина Васки Ѳомина (8,5×13); 20) Спаса Прилуцкаго монастыря (23,75×13), живетъ дворникъ Ѳеонка Григорьевъ сынъ Устюженинъ, дѣлаетъ черное дѣло; 21) Каменнаго монастыря (16×13), живетъ дворникъ тюремный сторожъ Поспѣлко Мокѣевъ; 22) Каменнаго монастыря служекъ (15×8), живетъ вдова Анница, ходитъ по міру; 23) Николы-Озерскаго монастыря (28×14), живетъ дворникъ Олешка С.; 24) Кирилова монастыря (24× поперегъ по лицу 13×позади 10) пустъ и 25) Кирилова монастыря служки Васки Исакова (7,5×2,5). Писцовое описаніе подводитъ и общій итогъ выбраннымъ здѣсь изъ него указаніямъ на дворы и мѣста дворовыя въ такихъ выраженіяхъ: «И всего..... да 9 дв. монастырскихъ, а въ нихъ дворниковъ тожъ,—да 6 дв. пустыхъ, да м. дворовое, да 2 дв. пусты игуменовъ да старцовъ,—2 дв. служекъ монастырскихъ, а въ нихъ служка да 1 чел. дворникъ, да дв. пустъ служекъ,—да 2 дв. крестьянскихъ, а людей въ нихъ тожъ, да дв. пустъ, да мѣсто дворовое». Число наименованій дворовъ и мѣстъ, такъ или иначе связанныхъ съ монастырями, точно совпадаетъ съ цифрой 25 предложенной выше выборки, замѣчанія о деталяхъ которой слѣдуютъ ниже.

Кромѣ дворовъ у монастырей и ихъ людей на Вологдѣ были также лавки. Лавки, подобно дворамъ, *не* выдѣлены въ особую группу описанія, а перечисляются въ общей массѣ со всѣми другими; дворы же вообще перечислены въ описаніи 1626 г. по отдѣльнымъ соціальнымъ группамъ. Если при перечисленіи дворовъ важно отмѣтить дворы пустые, то при изученіи лавокъ необходимо отмѣтить и тѣ, которые изъ монастырскихъ рукъ ушли. Описаніе 1626 года поименовываетъ лавки въ «рядахъ», начиная идти «зъ гостина двора идучи къ Пятницкой башнѣ по правой сторонѣ»: 1) Поллавки (такого-то)—«а напередъ тово была Кирила да Митрея, черново дьякона Аммона да черново жъ дьякона

Акима», пріобрѣтена новымъ владѣльцемъ по купчей 121-го г.; 2) полл.[1]) посадскаго человѣка, пріобрѣтена по купчей, а прежде была Кирилова монастыря крестьянина Ѳедки Иванова сына Белегускина; 3) полл. Левонтьевскаго попа Ивана съ посада, пріобрѣтена по купчей, а прежде была Кирилова монастыря крестьянина Пронки Володимерова сына Мѣдника; 4) лавка съ четью монастырская Прилуцкаго монастыря, по лицу $2^2/_3$ саж., а «по чему Прилуцкого монастыря игуменъ зъ братьею владѣетъ, никакихъ крѣпостей не положили и сказки не прислали»; оброка 20 алтынъ; 5) полл. посадскаго человѣка, пріобрѣтена по купчей 132-го г., а прежде была Троице-Сергіева монастыря крестьянина Васки Леденцова; 6) л. безъ чести посадскаго человѣка, пріобрѣтена по купчей 122-го г., а прежде была Кирилова монастыря крестьянина Сергушки Венедиктова; 7) полл. посадскаго человѣка Агапитка Наумова, а напередъ того была тещи его старицы Ѳедоры, владѣетъ по данной 122-го г. «Зъ гостина двора идучи къ таможнѣ по лѣвой сторонѣ» упоминается: 8) полл. Прилуцкаго монастыря старца Симеона, по лицу сажень, а «старецъ Симеонъ по чему владѣетъ, на тое лавку никакихъ крѣпостей не положилъ и сказки не принесъ»; оброка 6 алт. 4 деньги. «Въ Москотильномъ же ряду отъ гостина двора идучи по лѣвой сторонѣ»—9) л. Угрѣшскаго монастыря крестьянина села Дюдиковы пустыни Микифорка Казакова[2]), а прежде была посадскаго человѣка П. Ѳ. Звонарева, по лицу 1,75 саж., владѣетъ по купчей 130-го г.; оброка 16 алт. 4 ден.; 10) л. Угрѣшскаго монастыря крестьянина Степанка Казакова[2]), а прежде была посадскаго человѣка Овд. Ѳ. Хомутинникова, по лицу $1^2/_3$ саж., владѣетъ по купчей; оброка 16 алт. 4 ден.; 11) мѣсто лавочное Троице-Сергіева монастыря крестьянина Васки Леденцова, по лицу 1,5 саж.; оброка 7 алт.; 12) его же л., по лицу $2^2/_3$ саж.; оброка 11 алт. 4 ден.; а «Васка[3]) по чему тою лавкою и мѣстомъ владѣетъ, никакихъ крѣпостей не положилъ и сказки не принесъ». Въ Сапожномъ ряду «отъ Проѣзжіе улицы идучи по правой сторонѣ»—13) полл. Угрѣшскаго монастыря крестьянина села Дюдиковы пустыни Микитки Пашкова, по лицу 1 саж.; оброка 6 алт. 4 ден.; а «Микитка по чему владѣетъ, на тое лавку никакихъ крѣпостей не положилъ и сказки не принесъ»; 14) амбаръ Угрѣшскаго монастыря крестьянъ села Дюдиковы пустыни Кондратка Пашкова съ братьей, владѣютъ по купчей 120-го г., по лицу 4,25 саж.; прежде была посадскаго человѣка Вторушки Кодовина; оброка 8 алт. 2 ден. Въ Мясномъ ряду «отъ Проѣзжей улицы идучи по правой сторонѣ»—

---

[1]) Вездѣ далѣе означаетъ поллавки, а подъ л подразумѣвается лавка.

[2]) Срв. выше въ перечисленіи дворовъ подъ № 10, гдѣ упомянуты тотъ же м—рь, тоже село и та же крестьянская фамилія.

[3]) Срв. выше въ перечисленіи дворовъ подъ № 5 и лавокъ подъ № 5.

15) л. вдовы Ѳедорицы жены разсыльщика, а прежде была Троице-Сергіева монастыря крестьянина Омельянка Терентьева, владѣетъ по купчей 130-го г.; 16) л. Прилуцкаго монастыря крестьянина Троѳимка Яковлева, по лицу 2 саж., крѣпостей не положилъ и сказки не принесъ; оброка 5 алт.; 17) л. Троице-Сергіева монастыря крестьянина Зиновка Ѳедорова, по лицу 2 саж., никакихъ крѣпостей не положилъ и сказки не принесъ; оброка 3 алт. 2 ден. Въ Мясномъ ряду «отъ Проѣзжіе улицы идучи съ лѣвой стороны»—18) л. посадскаго человѣка О. Евсѣвьева, а прежде была Прилуцкаго монастыря крестьянина Микитки Остаѳьева, владѣетъ по купчей 121-го г.; 19) л. Угрѣшскаго монастыря крестьянина Ондрюшки Максимова, по лицу 2 саж., прежде была посадскихъ людей Михѣевыхъ, владѣетъ по купчей 120-го г.; оброка 5 алт.; 20) л. Николы Озерскаго монастыря крестьянина Нестерка Клементьева, по лицу 2,25 саж.; никакихъ крѣпостей не положилъ и сказки не принесъ; оброка 6 алтынъ 4 ден.; 21) полторы л. Троице-Сергіева монастыря крестьянина Зиновка Ѳедорова, а прежде была Иванова крестьянина Салтыкова Жданка Еремѣева сына Третьякова, по лицу 2,75 саж., владѣетъ по купчей 135-го г.; оброка 12 алт.; 22) м. лавочное посадскаго человѣка М. Коростина, а прежде было Угрѣшскаго монастыря крестьянина села Дюдиковы пустыни Ондрюшки Максимова сына Ушакова, владѣетъ по купчей 122-го г.; 23) амбаръ Угрѣшскаго монастыря крестьянъ Степанка да Микифорка Казаковыхъ, а прежде былъ посадскихъ людей Лукиныхъ, по лицу 3 саж.; владѣетъ по купчей 120-го г.; оброка 5 алт. Въ Шапочномъ ряду «отъ Проѣзжіе улицы идучи по правой сторонѣ»—24) л. Ильинскаго монастыря игумена Серапіона, а прежде была архіепископова крестьянина Максимка Гаврилова сына Соляника, по лицу 2 саж., владѣетъ по купчей 113-го г.; оброка 4 алт. 2 ден.; 25) л. Угрѣшскаго монастыря крестьянина села Дюдиковы пустыни Марка Казакова, по лицу $1^5/_6$ саж., владѣетъ по данной 113-го г.; оброка 10 алт.; 26) двѣ л. Угрѣшскаго монастыря крестьянъ Степанка да Марка Казаковыхъ, по лицу 4 саж., владѣютъ по даннымъ 113-го и 127-го гг.; оброка 20 алт. Въ Серебряномъ ряду «отъ Проѣзжіе улицы идучи по правой сторонѣ»—27) полл. Угрѣшскаго монастыря крестьянина села Дюдиковы пустыни Параѳенка Володимерова, владѣетъ по данной 127-го г.; оброка 2 алт. 2 ден. «Промежъ Серебреново и Шапошново ряду»—28) амбаръ Ильинскаго монастыря, по лицу 2,5 саж., а «Ильинсково монастыря игуменъ зъ братьею по чему владѣютъ, никакихъ крѣпостей не положили и сказки не принесли»; оброка 3 алт. «По Большой по Проѣзжей улицы отъ Таможенной площади къ Вознесенскимъ воротамъ идучи по правой сторонѣ» перечислены: 29) двѣ л. кресцовыя на два лица Ильинскаго монастыря, что на посадѣ, (4,75 × 4,5 саж.); «владѣютъ Ильинсково монастыря игуменъ

зъ братьею по грамотѣ великіе государыни иноки Марѳы Ивановны, за приписью дьяка Богдана Кашкина, 124-го году»; оброкъ *не* показанъ; 30) полл. таможеннаго дьячка Калинки Павлова, а прежде была Прилуцкаго монастыря крестьянъ Гаврилка да Осипка Семеновыхъ, владѣетъ по купчей 128-го г.; 31) л. Кирилова монастыря, что на Бѣлоозерѣ, а прежде была предтеченскаго дьякона Никиты Ондрѣева, по лицу 2 саж.; а «Кирилова монастыря игуменъ зъ братьею владѣютъ за въкладъ дьякона Микиты по данной 126-го г.»; оброка 5 алт. «По той же Проѣзжей улицѣ отъ таможни къ Вознесенскимъ воротамъ идучи по лѣвой сторонѣ» обозначена: 32) л. Угрѣшскаго монастыря крестьянина села Дюдиковы пустыни Посничка Левонтьева, прежде была посадскаго человѣка А. И. Дьякова, по лицу 2 саж.; владѣетъ по купчей 135-го г; оброка 6 алт. 4 ден. Въ ряду Иконномъ и Свѣчномъ «отъ Рыбново ряду къ Земской избѣ идучи по правой сторонѣ»— 33) полл. Прилуцкаго монастыря крестьянки вдовы Капетелинки Гавриловской жены Свѣчникова, по лицу 1 саж.; никакихъ крѣпостей не положила и сказки не принесла; оброка 2 алт. 4 ден. Другихъ указаній на монастырскія лавки въ описаніи 1626-го г. нѣтъ, а въ итогахъ онѣ включены въ общую рубрику: «и всего.... монастырскихъ, и церковныхъ, и поповскихъ, и дьяконскихъ, и вдовой попадьи, и пономарскихъ, и монастырскихъ крестьянъ въ городѣ 38 лавокъ, 6 анбаровъ, полтретья мѣста лавочныхъ, да за Пятницкими вороты поллавки дьяконова» (оброка съ нихъ: съ лавокъ 10 руб. 22 алт. 4 ден., съ амбаровъ 21 алт. 2 ден., съ лавочныхъ мѣстъ 9 алт. 4 ден., да съ полулавки дьяконовой 3 алт. 2 ден., а всего: 11 руб. 23 алт. 4 ден.).

Такова представляемая непосредственной выборкой изъ документа картина отношеній монастыря къ владѣнію дворами и лавками въ городѣ Вологдѣ 1626 года. Остается обозначить нѣкоторыя ея подробности, поскольку это представляется возможнымъ, минуя необходимыя сопоставленія. Собственно вологодскіе монастыри въ качествѣ непосредственныхъ владѣльцевъ или черезъ посредство своихъ старцевъ и людей представлены на Вологдѣ слабо. Выдается главнымъ образомъ лишь Спасо-Прилуцкій монастырь, за которымъ значится 2 двора съ дворниками (см. выше №№ 16 и 20), 1 дв. пустой (№ 13), 1 дв. служки монастырскаго (№ 6) и 1 мѣсто дворовое монастырскаго крестьянина (№ 19), 1 лавка съ четью (№ 4), поллавки монастырскаго старца (№ 8) и полторы лавки монастырскихъ крестьянина и крестьянки вдовы (№№ 16 и 33); кромѣ того отмѣчено, что полторы лавки изъ рукъ монастырскихъ крестьянъ перешли въ другія руки (№№ 18 и 30). Монастырь находился всего въ 5 верстахъ отъ города и, очевидно, былъ заинтересованъ въ торговыхъ операціяхъ; отъ 1638 г. есть извѣстіе, что у него былъ дворъ въ Москвѣ въ приходѣ Воскресенія на Никит-

ской улицѣ [1]). Повидимому, наличность одного пустого мѣста дворового монастырскаго крестьянина стоитъ въ связи съ тѣмъ, что полторы лавки въ рядахъ ушли изъ рукъ монастырскихъ крестьянъ. Второе мѣсто занимаетъ Ильинскій монастырь, что на посадѣ: дворовъ у него три, и всѣ пусты (см. выше №№ 4, 11 и 18), при чемъ одинъ дворъ монастырскій, одинъ игумена и одинъ старца; лавокъ за монастыремъ три и 1 амбаръ (№ 28), и одна изъ этихъ лавокъ въ Шапочномъ ряду (№ 24) игуменская; амбаромъ монастырь владѣлъ безъ всякихъ крѣпостей, а двумя лавками (№ 29) безоброчно согласно дару иноки Маѳы Ивановны къ невыгодѣ казны и къ большой, какъ надо полагать, досадѣ и озлобленію посадскихъ людей. Игуменская лавка была пріобрѣтена путемъ купли. Почему монастырскіе дворы стояли пустыми, сказать за неимѣніемъ опредѣленныхъ данныхъ трудно. У такого монастыря, какъ Спасо-Каменный, лавокъ вовсе не было, были только дворы: 1 пустой (№ 12), въ одномъ жилъ дворникъ (№ 21) и одинъ монастырскихъ служекъ (№ 22), въ которомъ жила какая-то вдова и побиралась. Такое крупное торгово-промышленное товарищество, какимъ былъ Соловецкій монастырь, не имѣлъ въ 135-мъ г. ни лавокъ, ни амбаровъ на Вологдѣ. «Двина, справедливо оттѣняетъ проф. В. О. Ключевскій (op. cit., стр. 569), имѣла огромное значеніе въ исторіи Соловецкаго монастыря; она существенно опредѣлила развитіе и направленіе его хозяйственной дѣятельности; отъ нея же много зависѣло и матеріальное существованіе монастыря; ея теченіе служило для него тѣмъ путемъ, которымъ онъ связывалъ свою бѣломорскую, украйную промышленность съ промышленностью внутреннихъ областей государства; по Двинѣ ежегодно ходили монастырскіе насады, возившіе въ Вологду и другіе города десятки тысячъ пудовъ соли изъ монастырскихъ варницъ и возвращавшіеся съ огромными хлѣбными и разными другими запасами, необходимыми для многочисленной братіи монастыря и многочисленныхъ слугъ, работавшихъ на его земляхъ». Очевидно, огромные запасы соли, которой торговалъ монастырь, только проходили черезъ Вологду, направляясь въ центральные уѣзды московскаго государства; монастырю, повидимому, не зачѣмъ было держать на Вологдѣ лавки, а его люди были отвлечены

---

[1]) Въ 1722 г. у него же было въ Москвѣ въ Китай-городѣ на Варваркѣ подворье. Изъ дѣлопроизводства Устюжской четверти видно, что въ 1641—1645 г.г. монастырь велъ процессъ съ гостинной сотни тотмяниномъ Семеномъ Харламовымъ съ товарищами въ томъ, что «отнимаютъ де у нихъ (т. е. у игумена Антонія и келаря Левкія съ братіей) въ тотемскомъ промыслу варничные мѣста и дровяные исады вотчинные старинные своимъ насильствомъ». Соляныя варницы, мѣста варничныя, трубы, исады дровяные (въ томъ числѣ Прилуцкаго и Каменнаго монастырей) перечислены въ тотемской писцовой книгѣ 131—133 г. письма и мѣры Ѳоки Дурова и подьячаго Остафья Колюпанова.

отъ всякихъ интересовъ промысловою работой на варницахъ, за которой былъ необходимъ присмотръ многихъ старцевъ. У Соловецкаго м—ря былъ только большой дворъ на Вологдѣ, въ которомъ жилъ дворникъ происхожденіемъ, какъ показываетъ его прозвище, изъ Торопца; позади этого двора было монастырское дворовое мѣсто. Въ противоположность этому равнодушію, если такъ можно выразиться, Соловецкаго м—ря къ занятію торговыхъ мѣстъ на Вологдѣ надо отмѣтить интересъ къ тому монастырей изъ центральныхъ уѣздовъ, а именно Николо-Угрѣшскаго и Троице-Сергіева монастырей. Прежде всего крестьянская семья Казаковыхъ изъ вотчины Николо-Угрѣшскаго м—ря села Дюдиковы пустыни владѣла дворомъ на Вологдѣ (№ 10); у тѣхъ же Казаковыхъ были и торговыя мѣста на Вологдѣ: 5 лавокъ да амбаръ (№№ 9, 10, 23, 25 и 26); семья крестьянъ Пашковыхъ изъ того же села владѣла поллавкой да амбаромъ (№№ 13 и 14); крестьянинъ того же села А. М. Ушаковъ владѣлъ одной лавкой по купчей 120-го г., а другую продалъ въ 122-мъ г. посадскому человѣку (№№ 19 и 22); наконецъ крестьяне того же села П. Володимеровъ и П. Левонтьевъ владѣли одинъ поллавкой, другой цѣлой лавкой (№№ 27 и 32). Со всѣхъ этихъ 8 лавокъ и 2 амбаровъ крестьяне монастырскаго села Дюдиковы пустыни платили годового оброка 2 руб. 30 алт. 4 д. Николо-Угрѣшскій м—рь представительствовалъ на Вологдѣ только своими торговыми крестьянами села Дюдиковы пустыни. Троице-Сергіевъ м—рь имѣлъ на Вологдѣ одинъ дворъ пустой да одинъ дворъ крестьянина Т. Брызгалова (№№ 5 и 14); какъ указано выше, у Николо-Угрѣшскаго м—ря своего двора совсѣмъ не было. У крестьянина Троице-Сергіева м—ря В. Леденцова были лавка да мѣсто лавочное, а поллавки въ 132-мъ г. онъ продалъ посадскому человѣку (№№ 5, 11 и 12); встрѣчаемъ указаніе, что другимъ крестьяниномъ Троице-Сергіева м—ря Е. Терентьевымъ одна лавка была продана въ 130-мъ г. вдовѣ разсыльщика (№ 15); другой крестьянинъ З. Ѳедоровъ владѣлъ $2^1/_2$ лавками (№№ 17 и 21). Всего оброка Леденцовъ да Ѳедоровъ платили въ годъ 1 руб. 4 ден. Кромѣ только что упомянутыхъ шести монастырей остается оговорить развѣ одинъ Кириловъ монастырь на Бѣлоозерѣ: владѣлъ онъ на Вологдѣ пустымъ дворомъ, да по одному двору имѣли служка его В. Исаковъ да бобыль Б. Кириловъ (№№ 17, 24 и 25); въ рядахъ у м—ря была одна лавка (№ 31), да три раза встрѣчаемъ упоминанія о лавкахъ, проданныхъ монастырскими крестьянами другимъ лицамъ. Всего въ описаніи города (дворовъ и лавокъ) упоминается 13 монастырей, изъ которыхъ только два—Спасо-Прилуцкій да Спасо-Каменный—имѣютъ отношеніе къ монастырскимъ вотчинамъ, изученнымъ въ дальнѣйшей части нашего изложенія. Предложенный выше матеріалъ даетъ представленіе о монастырскихъ владѣніяхъ въ городѣ; за монастыремъ, помимо него са-

мого, владѣютъ дворами и лавками игумены, старцы и служки съ одной стороны, крестьяне и бобыли съ другой, при чемъ замѣтна значительная мобилизація лавокъ, вызванная отчасти, какъ надо думать, явленіями Смутнаго времени. Съ лавки Кирилова м—ря на Бѣлоозерѣ, полученной вкладомъ отъ одного дьякона (№ 31), отмѣчено взиманіе оброка 5 алт.; такого указанія на оброкъ вовсе нѣтъ въ отношеніи Ильинскаго м—ря (№ 29), вслѣдствіе чего и надо полагать, что владѣлъ онъ двумя лавками безоброчно.

Прежде чѣмъ обратиться къ монастырскимъ вотчинамъ, надлежитъ отмѣтить единственный встрѣтившійся пока случай упраздненія одного изъ вологодскихъ монастырей, относящійся къ первой четверти XVII в. Въ Сянжемской трети въ Закушской волости (кн. 14720, л.л. 250—255) описанъ «погостъ Рожественской» на р. Кубенѣ (по «Списку нас. мѣстъ» VII, стр. 129, подъ № 3728—Лысая, Горо-Закушскій пог. на р. Кубенѣ по лѣвую сторону, 2 церкви, въ 1 стану *Кадниковскаго* уѣзда): въ немъ одинъ храмъ «древянъ» во имя Рождества Богородицы, другой «теплой съ трапезою» во имя Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье мирское тоѣжъ Закушскіе волости крестьянъ». «А прежъ сего, продолжаетъ описаніе, исстари тутъ бывалъ монастырь пречистые Богородицы на Лысой горѣ, и тотъ монастырь запустѣлъ изъ давныхъ лѣтъ, а нынѣ тутъ приходная церкви въ приходѣ мирскимъ людемъ». Въ этомъ описаніи 1628—1630 г.г. имѣется приписка 1632 г., которая [1]) говоритъ о трехъ вотчинныхъ пустошахъ внѣ Закушской волости, что «по государеву указу и по памяти исъ Помѣстного приказу, за приписью дьяка Михаила Олѳимова, 140-го году велѣно тѣ монастырскіе вотчинные пустоши написать къ Рожественскому погосту въ церковные земли попрежнему, какъ были прежъ сего къ Лысогорскому м—рю [2]) въ вотчинѣ,—и тѣ пустоши по государеву указу написаны къ Рожественскому погосту въ церковныхъ земляхъ». Съ этого момента м—рь и долженъ считаться офиціально упраздненнымъ, при чемъ послѣднее извѣстное въ писцовомъ матеріалѣ упоминаніе о монастырѣ относится къ марту 1613 г. въ дозорѣ Петра Ушатова да подьячаго Савина Нефедьева. Чтобы имѣть понятіе о размѣрахъ вотчины Пречистенскаго Богородицкаго м—ря, что на Лысой горѣ, можно воспользоваться описаніемъ Рождественскаго погоста, наслѣдника всѣхъ его земель, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что писцы, записывая три пустоши внѣ Закушской волости за погостомъ въ церковныя земли (62,5 чети сер. зем.), ошибочно поло-

[1]) Въ томъ же описаніи 136-138-го гг. имѣется, напр., приписка 141-го г. (ссылка на купчую Дружины Суморокова въ волости село Богословское Заболотье).

[2]) Въ другомъ мѣстѣ м—рь названъ *Пречистенскій, что на Лысой горѣ*.

жили ихъ въ сошное письмо. Сама писцовая книга, подводя итоги церковнымъ землямъ на погостахъ 19 волостей «другихъ» книгъ, оговариваетъ: «а въ сошное писмо церковные земли не положены потому: въ государевѣ наказѣ, каковъ данъ писцомъ за дьячьею приписью, написано: церковныхъ земель въ сошное письмо класть не велѣно» (II, 12). Это правило благодаря забывчивости писцовъ не вездѣ одинаково примѣнено и при описаніяхъ монастырскихъ вотчинъ: иногда церковная пашня выдѣлена особо, иногда нѣтъ; есть случаи, когда она оказывается положенной въ сошное письмо вмѣстѣ съ монастырской. На погостѣ описано 3 двора и 2 кельи церковнаго причта да 5 келей нищихъ, что «питаютца отъ церкви божіи». Пашня, сѣно и лѣсъ могутъ быть сведены въ такую таблицу:

	Пашня.			Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ десятинахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.
	Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.			
I. Въ Закушской волости: а) погостъ	2,5 ц. с.	—	—	25	—	1×0,5 около поль
б) п. Верзилова.	6 ц. с.	1,5 ц. с.	2,5 ц. с.	17	—	1×0,5 болота.
II. Въ Пустораменской волости: п. Игумново Большое.	—	10 ц. с.	15 ц. с.	15	2 непаш.	—
III. Въ Березницкой волости: п. Богородское, Братское тожъ.	—	7,5 ц. с.	10 ц. с.	14	—	1×0,5 чернаго около поль и по р. Кубеницъ.
IV. Въ Грибцовской волости: п. Игумново меньшое, Чернышево тожъ.	—	8 ц. с.	12 ц. с.	12	2 непаш.	—
Всего на погостѣ и въ четырехъ пустошахъ.	8,5 ц. с.	27 ц. с.	39,5 ц. с.	83	4 непаш.	3×1,5 около поль, чернаго и болота [1]).
	Всего 75 ч. въ каждомъ полѣ середней земли.					

Сошнаго письма изъ расчета 700 ч. середней земли въ соху высчитано въ трехъ п.: пол-полчети (43,75 ч.) и пол.-пол.-полчети сохи (21,875 ч.); и не дошло въ сошное письмо 3 ч. съ четвериком (43,750+21,875=65,625; 65,625—62,500=3,125 ч.). Земля Закушской волости въ сошное письмо не введена.

[1]) Въ такой цифрѣ высчитанъ итогъ поверстнаго лѣса самою писцовой книгой, которая всегда въ такихъ случаяхъ примѣняетъ технически невѣрный пріемъ исчисленія: по писцовой книгѣ лѣса 3×1,5 или 4,5 квад. верстъ; высчитывая правильно получимъ 0,5+0,5+0,5 или 1,5 кв. верстъ (на современный счетъ 6 кв. верстъ).

Таблица [1]) указываетъ на полное экономическое разстройство м—ря: съ исчезновеніемъ послѣднихъ рабочихъ рукъ разбрелись и старцы. Любопытно, что пустоши, потерявъ своего владѣльца, не были записаны въ «порожіе земли», а были написаны къ Рождественскому погосту, для котораго ихъ хозяйственное значеніе было ничтожно, ибо воспользоваться въ нихъ онъ могъ только лѣсомъ. На вопросъ о томъ, куда обращались земли исчезнувшихъ монастырей, Ю. В. Готье, авторъ изслѣдованія «Замосковный край въ XVII вѣкѣ» (М. 1906), отвѣчаетъ, что онѣ переходили въ помѣстный земельный фондъ и отдавались въ помѣстья и вотчины, или же передавались другому монастырю (стр. 371—373). Нашъ примѣръ иного порядка: на мѣстѣ м—ря [2]) образовался погостъ съ приходской церковью, къ которой и были приписаны вотчинныя пустоши исчезнувшаго м—ря. Непонятно, впрочемъ, почему онѣ не были записаны въ «порожіе земли».

II.

За Рождественскимъ погостомъ всего пашни, перелога и лѣсной поросли значилось 75 ч. въ полѣ, т.-е. $\frac{75.3}{2}$ или 1126,5 десятинъ земли, бывшей когда-то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, въ томъ числѣ пашни паханой только 12,75 дес. (12,75 : 99,75). Отъ этой цифры и будемъ исходить, постепенно двигаясь къ болѣе крупнымъ земельнымъ владѣніямъ монастырей на Вологдѣ. Такимъ образомъ въ *первую* группу войдутъ м—ри: 1) Александрова пустыня на р. Куштѣ въ Закушской волости (кн. 14720, 1-ая полов., л.л. 282—289), позднѣе Александровъ погостъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ; вотчина м—ря занимала площадь земли въ границахъ устья р. Кубены, берега Кубенскаго оз. и раздѣльной черты нынѣшнихъ Вологодскаго и Кадниковскаго уѣздовъ (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», VII, подъ №№ 3742, 3743, 3744—сц. Горка, д. Лавы и д. Спасское; см. на спец. картѣ с. Полябино). 2) Рѣпная пустыня близъ Вондашскаго озера въ Ухтюжской волости въ Верхораменскомъ станкѣ (кн. 3, подъ № 216), позднѣе Рѣпно-Пустынскій Спасскій погостъ въ Богородской волости Кадниковскаго уѣзда; вотчина м—ря занимала площадь земли вокругъ Вондашскаго озера и нѣсколько на юго-востокъ отъ него въ треугольникѣ,

[1]) Буквы *ц. с.* здѣсь и въ другихъ таблицахъ означаютъ „церковной середней земли“, а *ц. д.*—„церковной доброй земли“.

[2]) По упомянутому въ текстѣ дозору 121-го г. извѣстна еще вотчина въ Пельшемской и Замошской волостяхъ монастыря Николы чудотворца Мокрая пустынь: всего за нимъ было 2 сельца да пустошь (въ сц. Чернетцкомъ описанъ одинъ «дворецъ монастырской»). Въ описаніи 136—138 г.г. Мокрой пустыни намъ *не* встрѣтилось.

образуемомъ рѣчкой, которая течетъ изъ озера, и р. Вондашью (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», VII, подъ №№ 4167—4170—погостъ Спасскій, д. Замошье, д. Гляденово и д. Починокъ). 3) Ферапонтовъ м—рь, что на Бѣлоозерѣ, въ восточной части нынѣшней Новгородской губ., внѣ предѣловъ старой Заозерской половины Вологодскаго уѣзда, владѣлъ здѣсь лишь одной вотчиной въ Замошской волости (кн. 14726, л. л. 550—563) селомъ Ивановскимъ, Востроколье тожъ, съ 2 деревнями и 21 пустошью (срв. на спеціальной картѣ д. д. Ивановскую, Исакову и Амельшину къ востоку отъ р. Пельшмы, въ центрѣ квадрата образуемаго р. Сухоной и впаденіемъ въ нее р. Пельшмы). 4) Спасо-Рабанскій м—рь на р. Сухонѣ въ Боровицкой волости (кн. 14726, л. л. 56—71) съ двумя деревнями въ Засодемской волости (кн. 14726, л. л. 673—683). Вотчина въ Боровицкой волости (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», VII, подъ №№ 221 и 222, 33, 38, 39—42, 44—д. Ершова, с. Спасо-Преображенское, д. Сельцо (Горка), д. Васютина, д. Литяга, д. Ѳедюкова, д. Веретика, д. Середняя и д. Кузнецова) занимала площадь земли въ Вологодскомъ уѣздѣ въ 1-мъ стану по обѣ стороны р. Сухоны (Верхней), при чемъ съ правой стороны рѣки она упиралась въ границы земель Лопотова монастыря, подходя къ нынѣшней раздѣльной чертѣ Вологодскаго и Кадниковскаго уѣздовъ.

Все это м—ри съ небольшими земельными владѣніями (менѣе 500 десятинъ пашни за каждымъ), позднѣе исчезнувшіе. Описаніе 1628—1630 г.г. представляетъ ихъ въ нижеслѣдующемъ видѣ. Въ *Александровой пустыни* описаны одна церковь холодная во имя Успенія Богородицы съ придѣломъ во имя преп. Александра куштскаго чудотворца и другая теплая «съ трапезою» во имя св. Николая, обѣ «древяны»; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье монастырское»; на монастырѣ одна келья игуменская, да пять келей, въ которыхъ жили священникъ да братія; на м—рѣ мельница конская («мелетъ на монастырской обиходъ») да дворъ конюшенный. У м—ря были рыбныя ловли «внизъ по р. по Куштѣ до Кубенского озера, и въ Кубенскомъ оз. и въ р. Кубеницѣ, ловятъ на монастырской обиходъ двема кореводы, и неводомъ, и мрешками, и всякими ловлями». Въ двухъ сельцахъ два двора монастырскихъ (въ одномъ изъ нихъ живетъ старецъ), 1 дв. монастырскихъ дѣтенышей, 1 дв. конюшенный и 1 дв. коровій. У м—ря всего одинъ дворъ крестьянскій да два дв. бобыльскихъ (въ нихъ 1 крестьянинъ да три бобыля); пустыхъ дворовъ два: изъ одного два бобыля сошли въ 137-мъ г., а изъ другого «Тренка Осиповъ сшолъ въ міръ кормитца во 137-мъ г.». Лѣсъ значится только при пустошахъ: при п., что была д. Спасское,—лѣсъ черный и болото (1×0,5 в.) «до рчк. Вахкобалы»; при п. Соколовой—лѣсъ красный боръ, и черный, и болото «отъ д. Горки до Татиньской верети въ длину на

3 в., а поперегъ отъ Матюнина бору черезъ рчк. Кушту вверхъ по рчк. Граворонкѣ до Чистово болота на полторы в.»; при п. Каблуковой количество лѣса не означено, а выражено глухо: «отъ Косые рѣчки вверхъ по рчк. Вахкобоѣ лѣсъ и пожни Олександровы пустыни». Подъ сц. Колябинымъ указана «*потскотина* на р. на Куштѣ по обѣ стороны отъ пожни отъ Синовца до лугу Бордоѣского»... «а животинной пригонъ монастырскою землею межникомъ черезъ болото по мосту на починокъ край рчк. Неюча». Вотчина и рыбныя ловли писаны «за Кушскимъ монастыремъ» по грамотамъ, за приписью дьяка Ивана Болотникова, 122-го г., и Прокофья Пахирева 132-го г. Эта первая грамота, очевидно, была дана м—рю на основаніи письма и дозора 121-го г. П. В. Ушатова и подьячаго Савина Нефедьева. Пашню, сѣно и лѣсъ можно свести въ такую таблицу:

	Пашня: Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.	Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ десятинахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.	
Въ Закушской волости [1].	10 м. с.	3 м. с.	5 м. с.	—	—	—	4×2	Сошнаго письма изъ расчета 600 ч.д.з. и 700 ч.с.з. въ соху можно высчитать въ трехъ поляхъ: пол-полтрети (58⅓ ч. с. з.) и пол-пол-полчети (18¾ ч. д. з.), и не дошло въ сошное письмо 3⅓ ч. с. з. (58⅓—55=3⅓ ч.) и перешло 1¼ ч. д. з. (20—18¾=1¼).
	5 к. с.	10,25 к. с.	21,75 к. с.	—	—	—	и кромѣ того лѣсъ и пожни безъ мѣры подъ п. Каблуковой, см. выше.	
	7 к. д.	3 к. д.	2 к. д.	—	165	—		
	—	1 м. д.	2 м. д.	5 м. д.	—	—		
Всего 2 сц., 2 д. да 3 пустоши.	22 ч.	17,25 ч.	30,75 ч.	5 ч.	165	—	4×2 [2]	
	Всего 75 ч. въ кажд. полѣ, въ томъ числѣ 20 ч. д. з. и 55 ч. с. з.							

Такимъ образомъ земли, бывшей когда то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, за м—ремъ оказалось 112,5 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 33 десят. (33 : 79,5).

Въ *Рѣпной пустыни* описаны одна церковь холодная во имя Спаса Нерукотвореннаго и другая теплая «съ трапезою» во имя св.

---

[1]) Буквы *м. с.*, *к. с.*, *к. д.* и *м. д.* здѣсь и въ другихъ таблицахъ означаютъ „монастырской середней“, „крестьянской середней“, „крестьянской доброй“ и „монастырской доброй“ земли.

[2]) Сама писцовая книга итогъ высчитываетъ въ 3×1,5; это невѣрно, ибо, пользуясь ея пріемомъ исчисленія, получаемъ 4×2. Правильное исчисленіе даетъ 5 кв. верстъ (0,5+4,5=5), а на современный счетъ 20 кв. в.

Николая; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье монастырское»; на м—рѣ въ кельѣ «живетъ старецъ», да «за м—ремъ за оградою противъ святыхъ воротъ черезъ улицу дворъ скотцкой», въ которомъ живутъ служебники и дѣтеныши (число ихъ не указано, и обыкновенно въ описаніяхъ не указывается). За м—ремъ значится 4 двора крестьянскихъ (людей въ нихъ съ однимъ подсусѣдникомъ 10 челов.) и 2 дв. бобыльскихъ (въ нихъ 2 бобыля); одна изъ деревень Любивцова у Вондашскаго озера запустѣла, въ ней два пустыхъ двора: одного крестьянина «убили розбойники», а другой Демка Семеновъ «сидитъ на Вологдѣ въ тюрмѣ въ [та]тяхъ, жена и дѣти кормятца по міру»; во дв. одного крестьянина д. Гледенковой (Гляденовой) живетъ подсусѣдникъ, который документомъ не введенъ въ итогъ людей въ крестьянскихъ дворахъ (по нашему счету всего 10, а по счету самого документа 9). Вотчина писана за м—ремъ по приправочнымъ книгамъ 123-го г., у самого же м—ря никакихъ документовъ на право владѣнія не оказалось. Пашня, сѣно и лѣсъ сводятся въ такую таблицу:

	Пашня.				Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.	Сопшаго письма изъ расчета 600 ч. д. з. и 700 ч. с. з. въ соху высчитано въ трехъ поляхъ: получи (871/2 ч. с. з.) и пол—получети (371/2 ч. д. з.), и перешло сверхъ сопшаго письма 2,5 ч. д. з. (40 − 371/2 = 21/2), и не дошло 9,5 ч. с. з. (871/2 − 78 = 91/2).
	Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.			
Въ Ухтюжской волости въ Верхораменскомъ станкѣ.	8 м. 11 к. д. 3 к. с.	2 м. с. 15 к. д. 22 к. с	2 м. с. 11 к. д. 41 к. с.	— 3 к. д. —	108	7,75×6,25 черный	
Всего 3 дер. живущихъ, 1 дер. пуста да 8 пустошей.	22 ч.	39 ч.	54 ч.	3 ч.	108	7,75×6,25 [1]	
	Всего 118 ч. въ каждомъ полѣ, въ томъ числѣ 40 ч. д. з. и 78 ч. с. з.						

Земли, бывшей когда то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, за м—ремъ оказалось 177 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 33 дес. (33 : 144).

За *Ферапонтовымъ м—ремъ*, находившемся въ Бѣлозерскомъ краѣ и собственно не принадлежавшемъ къ группѣ вологодскихъ монастырей, значится село Ивановское, Востроколье тожъ, съ деревней

[1]) Итогъ самой писцовой книги 8×6; нашъ итогъ по пріему писцовой 7,75×6,25; дѣйствительный итогъ составляетъ 4,8125 кв. верстъ, на современный счетъ 19,25 кв. в.

да съ пустошами. Въ селѣ одинъ храмъ во имя св. Ивана Кушника «шатровой въ верхъ», другой теплый во имя свв. Фрола и Лавра; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье монастырское и приходныхъ людей»; въ селѣ же дворъ монастырскій, въ которомъ живутъ старецъ да монастырскіе дѣтеныши (число ихъ не указано; срв. выше), и два двора съ попомъ (Иванъ Игнатьевъ) да дьячкомъ. Въ вотчинѣ были только два дв. крестьянскихъ (въ нихъ 4 челов.), оба въ д. Исаковой, въ которой кромѣ того показаны два пустыхъ двора; жившіе въ послѣднихъ двое крестьянъ «сошли безвѣсно съ московского розоренья»; затѣмъ показана *пустой* д. Омельшина: крестьянинъ изъ одного двора умеръ, а изъ другого Куземка Ортемьевъ «переведенъ въ д. Исакову», гдѣ его *не* значится, если только этого Куземку не отождествлять съ упомянутымъ тамъ «во дв. Еѳимко Ортемьевъ»; помимо только что указанныхъ 4 пустыхъ дворовъ описаніе упоминаетъ въ 4 пустошахъ 14 мѣстъ дворовыхъ «старые пустоты». Быть можетъ и эта «старая пустота» должна быть отнесена ко времени «московскаго разоренья». Эту вотчину Ферапонтова м—ря описаніе 1628—1630 г.г. застало, очевидно, въ моментъ ея хозяйственнаго замиранія; преобладаютъ упоминанія пустыхъ дворовъ и пустыхъ мѣстъ дворовыхъ; крупную роль, надо полагать, сыграло здѣсь «московское разоренье». Въ данномъ описаніи сѣно не вездѣ показано въ копнахъ, при каждой изъ пустошей Алексѣевой, Нетодѣевой и Назаровой оговорено «сѣна около поль на полверсты»; судя по итогамъ, всего сѣна къ нимъ около поль ставилось 100 копенъ (срв. выраженія «сѣна промежъ пашни и по лугомъ, да на Пучкасѣ промежъ Сергѣевскимъ и Маршинымъ, да за Сухоною на другомъ Пучкасѣ», «на озерѣ за Сухоною»). Игуменъ съ братіей никакихъ крѣпостей на вотчину передъ писцами не положили, и она была написана за м—ремъ по приправочнымъ книгамъ, каковы были даны писцамъ «для приправки», за приписью дьяка В. Махова, письма и дозора П. В. Ушатова и подьячаго Савина Нефедьева 121-го г.; общій итогъ новаго описанія 136—138 г.г. вполнѣ сошелся съ итогами пашни письма и дозора 121-го г. Итоги сѣна и лѣса подводятся въ данномъ описаніи не совсѣмъ обычно и не совсѣмъ сходятся съ итогами самостоятельно подсчитанными. Итоги сѣна не совсѣмъ понятны: «Сѣна церковного 10 коп., да монастырскихъ межъ пашни и на лугахъ 30 коп., да крестьянского сѣна межъ поль и на отхожихъ пожняхъ 117 коп., да у тѣхъ же пустошей у всѣхъ вопчѣ сѣна на озерѣ за Сухоною въ Осовицѣ и на Быстрицѣ 100 коп., да на Быковцѣ 10 коп. И всего сѣна къ деревнямъ и къ пустошамъ 485 коп.». Всего получается не 485, а 267 коп., т.-е. согласно нашему подсчету (срв. далѣе таблицу). Откуда эти 485 копенъ? Что касается лѣса, то въ итогахъ вовсе нѣтъ 2 десятинъ пашеннаго лѣса, а лѣса около поль чернаго и болота сосчитано 14×5, тогда какъ

по нашему счету 15,5×13. Въ общемъ пашню, сѣно и лѣсъ сводимъ въ такую таблицу:

	Пашня. Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.	Сѣно въ кошахъ.	Лѣсъ въ десятинахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.
Въ Замошской волости	2,5 ц.д.	—	—	—	5 цер.		
	14 м.д.	—	1 м. д.	—	30 мон.	2	15,5×13
	5 к.д.	2 к. д.	3 к. д.	—	132 крес.		
	—	20,875 к. с.	69,125 к. с.	5 к. с.	100 крес.		около поль, чер-ный и болото
	—	—	33 1/3 к. х.	—			
Всего 1 село, 1 дер. живущая, 1 дер. пустая да 21 пустошь.	21,5 ч.	22,875 ч.	106 11/24 ч.	5 ч.	267	2	15,5×13 [1]
	Всего, кромѣ 2, 5 ч. церк. земли, 153 1/3 ч. въ каждомъ полѣ, въ томъ числѣ 25 ч. д. з., 95 ч. с. з. и 33 1/3 ч. х. з.						

Сошнаго письма изъ расчета 600 ч. д. з., 700 ч. с. з. и 800 ч. х. з. въ соху высчитано въ трехъ полях: пол-пол-полтрети (25 ч. д. з.), полчети (87,5 ч. с. з.) и пол-пол-полтрети сохи (33 1/3 ч. х. з.), и перешло сверхъ сошнаго письма 7,5 ч. с. з. (95—87,5=7,5). Церковная пашня 2,5 ч. д. з. въ сошное письмо не положена.

Такимъ образомъ земли, бывшей когда то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, насчитано за м—ремъ 230 десятинъ (153 1/3×3 : 2), въ томъ числѣ пашни паханой 28,5 десят. (28,5 : 201,5). Слѣдуетъ имѣть въ виду поправку, что въ цифрѣ 201,5 дес. заключается 7,5 десятинъ пашни наѣздомъ.

Въ *Спасо-Рабанскомъ м—рѣ* описаны одна церковь «шатрова въ верхъ» во имя Преображенія съ придѣломъ на верху во имя преп. Димитрія вологодскаго чудотворца, другая церковь теплая «съ трапезою»; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье монастырское и приходныхъ людей», а кромѣ того на колокольнѣ колоколъ большой благовѣстникъ, вѣсомъ въ 15 пудовъ,—«и данъ де тотъ коло-

[1] Итогъ писцовой книги 14×5; нашъ итогъ по пріему писцовой книги, если мы только правильно понимаемъ ея обозначенія, составляетъ 15,5×13; дѣйствительный же итогъ равенъ 13 квад. верстъ, на современный счетъ 52 кв. в.

колъ при царѣ Борисѣ по царицѣ инокѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ»; на монастырѣ келья игуменская да 7 келей братьи; за м—ремъ дворъ конюшенный да дворъ коровій, въ которыхъ живутъ монастырскіе дѣтеныши (число ихъ не указано; пашутъ они на монастырь пашни 20,5 чети); въ д., что было сц. Ершово, живетъ Рабанскаго м—ря во дв. спасскій попъ Михайло Онтоновъ. Подъ д. Сельцо, Горка тожъ, значится [1]) на р. Сухонѣ монастырскій перевозъ, «а данъ тотъ перевозъ къ Спасу въ домъ, въ Рабанской м—рь, на воскъ и на ѳимьянъ по г—вѣ грамотѣ, за приписью дьяка Дементья Образцова, 136-го г.»; здѣсь же въ р. Сухонѣ у м—ря были рыбныя ловли, «ловятъ на монастырской обиходъ неводомъ, и бродниками, и удами, и всякими ловлями съ верхнево конца отъ д. Лентьевой (Ленеевой, показана на спец. картѣ) отъ рчк. отъ Махранги да внизъ покамѣстъ спаскіе вотчиные земли» (срв. выше въ описаніи Александровой пустыни). Подъ упомянутой выше д. Ершово находилась на рчк. Ершовкѣ монастырская вотчинная мельница, а «мелетъ на монастырской обиходъ весною да въ прибылую воду». При описаніи д. Исаковской въ Засодемской волости оговоренъ «къ д. по конецъ поля выпускъ животинной промежъ Ѳалелѣева и Черепанихою къ р. къ Содимѣ». Сѣно значится за м—ремъ «въ поляхъ, и по лугомъ, и на пожняхъ, и на волокахъ», «промежъ пашенъ» («на р. на Сухонѣ за рощею и противъ м—ря на мысу»), при чемъ указанъ одинъ случай мѣны съ сосѣдями; рѣчь идетъ, повидимому, о прилуцкихъ старцахъ: «да на мѣновной пожнѣ на Круглицѣ, что вымѣнено у прилутцкихъ, сѣна 10 коп. въ межахъ съ верхнево конца Ѳедоровыхъ дѣтей Еѳрѣмовыхъ, а съ нижнею сторону Егорьевская пожня». Въ противоположность м—рямъ, описаннымъ выше, у Спасо-Рабанскаго м—ря въ вотчинѣ находимъ 17 дв. крестьянскихъ (людей въ нихъ 22 челов.) и 16 дв. бобыльскихъ (людей въ нихъ 18 челов.); пустыхъ дворовъ насчитывается 7: изъ д. Веретики крестьянинъ Кирилко Савельевъ «вывезенъ за Глѣба Морозова» да изъ д. Ѳедюковой за него же вывезены два бобыля Ѳетка Семеновъ да Томилка Еѳрѣмовъ; объ одномъ бобылѣ замѣчено, что умеръ,—о другомъ, что «убился до смерти», о третьемъ, что «сшелъ во 136-мъ г.» и наконецъ въ одномъ случаѣ причина пустоты двора вовсе не показана. Вотчина писана за м—ремъ по жалованной вотчинной грамотѣ, за приписью дьяка Прокофья Пахирева, 132-го г. и по игуменской сказкѣ за его рукой. Пашню, сѣно и лѣсъ сводимъ въ нижеслѣдующую таблицу:

---

[1]) Изъ дѣлопроизводства Новгородскаго приказа видно, что въ 1694 году игуменъ Варламъ просилъ, чтобы, согласно пожалованію, воеводы на Вологдѣ *не* брали въ Приказную избу оброка съ перевоза. Пожалованъ былъ освобожденіемъ отъ оброка въ 132-мъ г. при игуменѣ Козьмѣ, а въ 136-мъ г. января 24 дана была игумену Ѳеодосію грамота «съ прочетомъ» изъ Новгородскаго приказа.

	Пашня. Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.	Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.
I. Въ Боровицкой волости (всего 9 деревень да 3 пуст.).	20,5 м. с. 74 к. с.	8 м. с. 18 к. с.	12 м. с. 47 к. с.	— 4 к. с.	357	26,5×20,5
	Всего 183,5 ч. въ каждомъ полѣ.					
II. Въ Засодемской волости (всего 2 дер.).	13,5 к. с.	11 к. с.	16 к. с.	—	85	2×1
	Всего 40,5 ч. въ каждомъ полѣ.					
А всего въ обѣихъ волостяхъ.	108 ч.	37 ч.	75 ч.	4 ч.	442	28,5×21,5 [1]
	Всего 224 ч. въ каждомъ полѣ.					

I. Сошнаго письма изъ расчета 700 ч. с. з. въ соху выстчано въ трехъ поляхъ: четь сохи (175 ч. с. з.), и перешло сверхъ сошнаго письма 8,5 ч. пашни.
II. Сошнаго письма: пол-полчети сохи (43,75 ч. с. з.). и не дошло въ сошное письмо 3,25 ч. пашни.

Согласно таблицѣ всего земли, бывшей когда то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, значится за м—ремъ 336 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 162 десятины (162 : 174). Слѣдуетъ еще замѣтить, что итогъ лѣса въ верстахъ за м—ремъ въ Боровицкой волости по нашему счету 26,5 × 20,5; писцовая же насчитываетъ 15 × 10,5. Между двумя приведенными итогами получается очень рѣзкая разница. Не стоитъ ли она въ связи съ пониманіемъ самаго текста? Выраженіе «лѣсу черного въ длину и поперегъ на три версты» надлежитъ ли изобразить, какъ 3 × 3 или иначе? Однозначуще ли это выраженіе съ такимъ: «лѣсу черного въ длину на три версты, а поперегъ тожъ»? Если эти выраженія однозначущи и должны быть понимаемы, какъ 3 × 3, то въ такомъ предположеніи вѣренъ нашъ итогъ; если же они не однозначущи, то быть можетъ посвоему вѣренъ итогъ самой писцовой книги. Впрочемъ, какой бы изъ этихъ итоговъ ни брать, онъ во всякомъ случаѣ будетъ только выражать извѣстное впечатлѣніе о количествѣ лѣсныхъ угодій м—ря, ибо предположить здѣсь сколько нибудь точное исчисленіе лѣса довольно трудно. Напр., въ писцовыхъ книгахъ рязанскаго края намъ не разъ приходилось встрѣчать отмѣтки самихъ писцовъ, что лѣсъ

[1] Общій итогъ писцовой книги составляетъ 17×11,5; нашъ итогъ по способу писцовой равенъ 28,5×21,5; дѣйствительный итогъ 60,5 кв. вер., а на современный счетъ 242 кв. вер.

не измѣренъ, а исчисленъ, если такъ можно выразиться, на глазъ [1]). Что цифры поверстнаго лѣса въ писцовыхъ книгахъ порою вообще предствляютъ собою нѣчто фантастическое, это аксіома, ставшая общепризнанной въ нашей литературѣ. Если въ самомъ дѣлѣ признать, что за Рабанскомъ м—ремъ въ Боровицкой волости было лѣса 26,5 × 20,5 верстъ, то въ переводѣ на современный счетъ это составитъ 2173 кв. версты (26,5.2×20,5.2=2173). Достаточно самаго грубаго нанесенія на карту вотчины Рабанскаго м—ря, чтобы увидать нелѣпость этого счета (къ тому же и технически невѣрнаго) [2]).

Приведеннымъ матеріаломъ исчерпывается писцовое описаніе четырехъ названныхъ выше м—рей. Цифровыя отношенія пашни паханой, наѣздомъ и пашни перелогомъ съ лѣсомъ поросшей могутъ быть представлены въ такой сводной таблицѣ:

Монастыри.	Пашня въ десятинахъ.			Сѣно въ копнахъ.	Отношеніе пашни паханой къ перелогу съ лѣсомъ пор.
	Паханая.	Наѣздомъ.	Перелогъ и лѣсомъ поросло.		
1. Александрова пустынь (112,5 дес.)	33,0	7,5	72,0	165	45,8%
2. Рѣшная пустынь (177 дес.)	33,0	4,5	139,5	108	23,7%
3. Ферапонтовъ (230 дес.)	28,5	7,5	194,0	267	14,7%
4. Спасо-Рабанскій (336 дес.)	162,0	6,0	168,0	442	96,4%
5. За всѣми вмѣстѣ (855,5 дес.)	256,5	25,5	573,5	982	44,7%

[1]) См. «Писцовыя книги Рязанскаго края», изд. подъ ред. В. Н. Сторожева, гдѣ, напр., на стр. 497 читаемъ, что за такимъ то лѣса „въ длину на версту, а поперегъ на полверсты, инде болши, инде менши".

[2]) Срв. замѣчанія Н. А. Рожкова въ изслѣдованіи „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ" и болѣе новый характерный примѣръ у Ю. В. Готье op. cit., стр. 90; въ Лопатницкой волости, Суздальскаго уѣзда писцы насчитали почти 3 милліона десятинъ лѣса.

III.

Переходимъ къ *другой* группѣ монастырей, въ которую войдутъ нижеслѣдующіе четыре: 5) Подольный м—рь на р. Ухтюгѣ въ волости село Никольское Заболотье (кн. 66, подъ № 131) съ одной деревней да двумя пустошами въ волости село Богословское Заболотье (кн. 66, подъ № 100, л. 418), позднѣе погостъ Успенскій-Подольскій въ Кадниковскомъ уѣздѣ. Кажется, въ виду сосѣдства волостей вотчина м—ря была въ одной межѣ и занимала площадь земли по лѣвому берегу р. Ухтюги отъ д. Прилукъ до впаденія ея въ Кубенское озеро (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», VII, подъ №№ 4025, 4026—4029, 4034, 4049 и 4104—д. Родіонова, пог. Богородскій Подольскій, д. Шабарова, д. Юкова, д. Грезина, д. Филинская, д. Козуева и д. Прилукъ; см. на спец. картѣ д. Прилукъ, д. Юкову, д. Шабарову). 6) Катромскій м—рь на Катромскомъ озерѣ въ Катромской волости (кн. 63, подъ № 462), позднѣе погостъ Катромскій въ Кадниковскомъ уѣздѣ; вотчина м—ря занимала площадь земли вокругъ юго-зап. и юго-вост. береговъ Катромскаго озера, вытянутую на востокъ вплоть до истоковъ р. Камыша и ограниченную съ юга рчк. Костромой (Катромой?), близъ границъ Кадниковскаго и Вельскаго уѣздовъ (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», VII, подъ №№ 5387, 5388, 5391—5394—д. Конечная, д. Харчиха, д. Терешиха, д. Ваулиха, д. Митиха и д. Подрощенье; см. на спец. картѣ тѣ же деревни). 7) Спасо-Прилуцкій м—рь, который находится въ Вологодскомъ уѣздѣ [1]) при р. Вологдѣ, въ Кадниковскомъ уѣздѣ, имѣлъ вотчину въ Троицкой трети въ верхнихъ станкахъ (кн. 14721, 2-ая полов., л.л. 1176—1196) Игумнову слободу на Глубокомъ озерѣ (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», VII, подъ №№ 5339, 5342, 5345, 5348—5350, 5352, 5353, 5355—5359, 5367—пог. Глубоковскій Спасо-Преображенскій, д. Фалинская (Белавинская), д. Шалимова, д. Избная, д. Кремлева, д. Тундриха, д. Чуглокъ, д. Даниловская, д. Верхняя, д. Зеленая, д. Харламовская, д. Паунинская, д. Мотылева и д. Грива). 8) Лопотовъ м—рь, что на р. Пельшмѣ, въ Пельшемской волости (кн. 14726, л.л. 395—406) съ вотчинами въ Замошской (кн. 14726, л.л. 563—575), Засодимской(тамъ же, л.л. 664—673), Двиницкой (кн. 14720, л.л. 120—122) и Боровицкой (кн. 14726, л.л. 72—80) волостяхъ. Вотчины этого м—ря въ названныхъ волостяхъ находились въ Кадниковскомъ уѣздѣ, врѣзываясь однимъ концомъ въ уѣздъ Вологодскій; отсюда съ р. Верхней Сухопы отъ излучины южнѣе д. Селище онѣ, примыкая затѣмъ къ вотчинѣ Рабанскаго м—ря, переходили къ р. Пельшмѣ, гдѣ д. Доръ и самый м—рь, въ Кадниковскій уѣздъ, затѣмъ съ нѣкоторыми перерывами тянулись въ сѣверовосточномъ

[1]) См. у *И. Е. Забѣлина.* Троицкіе походы русскихъ царей. М. 1847 на стр. 4, гдѣ упоминаются походы въ м—ри Ферапонтовъ и къ Спасу на Прилукѣ близъ Вологды.

направленіи къ рр. Двиницѣ и Нодимѣ и соприкасались съ землями старой Корбанской волости (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», VII, подъ №№ 4257, 43, 4221, 4332—4336, 4613, 4643—4645—монастырь, д. Коржа, д. Доръ, д—ни Чурилово, Вотолино, Степанцово, Плетиково и Каликино, д. Покровское, д—ни Кокшарово, Мишаково и Телячье; см. на спец. картѣ м—рь, д. Коржу, д. Селище, д. Доръ, дд. Покровское, Телячье, Кокшары, Быкову и Мишакову). Эту вторую группу м—рей (съ землями въ количествѣ отъ 500 до 1000 десятинъ включительно) описаніе 1628—1630 г.г. представляетъ въ такомъ водѣ.

Въ *Подольномъ м—рѣ* описаны одна церковь «клѣтцки» во имя Успенія Богородицы и другая теплая «съ трапезою» во имя св. Николая; вся церковная обстановка и принадлежности —«строенье» царя Михаила и «прежнихъ государей»; на м—рѣ келья для игумена и десять келей братскихъ; за м—ремъ одинъ дворъ конюшенный да по одному коровьему двору въ сц—ахъ Семкино, Родіоново и Шабарово; въ каждомъ изъ послѣднихъ кромѣ того по одному монастырскому двору, при чемъ въ одномъ случаѣ указано, что во дворѣ живетъ старецъ да монастырскіе служебники, число которыхъ не указано (въ сц. Семкинѣ на рчк. Семкѣ); въ двухъ другихъ сельцахъ особыми дворами жили монастырскіе дѣтеныши [1]), монастырскіе служебники и рыбные ловцы (въ 9 дворахъ 11 человѣкъ). Рыбныя ловли были подъ м—ремъ въ р. Ухтюгѣ да въ Кубенскомъ озерѣ, ловили рыбу «на монастырской обиходъ... двѣма кореводы, и неводомъ, и иными ловлями, и зъ дву лотокъ безоброчно»; кромѣ того за м—ремъ на Копаномъ ручью были мельница да толчея («мелютъ на монастырской обиходъ весною и въ осень прибылою водою») и особо мельница конская. Въ двухъ волостяхъ за м—ремъ оказалось по описанію 11 дворовъ крестьянскихъ (въ нихъ 17 человѣкъ) да 12 дворовъ

---

[1]) Въ обыскныхъ рѣчахъ причта села Никольскаго-Заболотья и восьми крестьянскихъ старостъ отъ 11 мая 1625 г. въ процессѣ вологодскихъ помѣщиковъ Степана и Филата Межаковыхъ упоминается «Подолного м—ря вотчины староста Ѳедосій Васильевъ». Въ числѣ крестьянъ и бобылей описанія 1628—1630 г. имя это *не* встрѣчается, но въ сц. Родіоновѣ значится во дв. монастырскій дѣтенышъ Ѳедоско Васильевъ. Въ сц. Родіоновѣ пахали монастырскую пашню, старостой и былъ здѣсь упомянутый дѣтенышъ, очевидно, хорошо знавшій мѣстный крестьянскій міръ, ибо могъ дать показанія относительно старыхъ крестьянскихъ жеребьевъ въ с. Никольское Заболотье. Крестьяне «Петрушка Булындинъ да Давытко Момотовъ, показывалъ онъ вмѣстѣ съ другими, въ оддѣльные книги (121-го г.) имяны не писаны для того, что съ литовсково разоренія Петрушка Булындинъ жилъ на церковной земли у Николы Великоритцкого въ пономарехъ до помѣсные роздачи, а Давытка Момотова убили литовскіе люди, и дворы ихъ Петрушкинъ да Давытковъ выжгли литовскіе люди до помѣсные жъ роздачи». Еще новое указаніе на роль событій Смутнаго времени для Вологодскаго края.

бобыльскихъ (въ нихъ 15 человѣкъ). Въ д. Ивановской насчитано 3 пустыхъ крест. двора, трое крестьянъ сошли изъ нихъ въ 136-мъ г.; д. Бусыриха запустѣла, изъ одного двора сошло «безвѣстно» двое крестьянъ также въ 136-мъ г. Въ описаніи Подольнаго м—ря поражаетъ чрезвычайное количество сѣна, не обнаруживаемое въ другихъ описаніяхъ (см. далѣе сводныя таблицы). Вотчины писаны за м—ремъ по жалованной тарханной грамотѣ 137-го г., на основаніи «обысковъ 132-го г.» и по скаскѣ игумена Матвѣя зъ братьею за его игуменскою рукою». Въ той же писцовой книгѣ 136—138 г.г. въ описаніи помѣстья князя Ив. Л. Мосальскаго (подъ № 142) въ Троицкомъ станкѣ Ухтюжской волости находимъ указаніе на бобыльскій «дворъ пустъ Ермолки Семенова, сполъ постритца въ Подольной м—рь въ нынѣшнемъ во 136-мъ г.». Что касается пашни, сѣна и лѣса, то они могутъ быть представлены въ такой таблицѣ:

	Пашня. Паханая.	Пашня. Перелогомъ.	Пашня. Лѣсомъ поросло	Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.
I. Во волости село Никольское Заболотье (всего 3 сц., 8 дер. живущихъ, 1 дер. пустая и 9 пустошей.	60 м. с. 69 к. с.	56,5 к. с. 19 к. х.	79,5 к. с. 47 к. х.	1156	5×2,5
II. Въ волости село Богословское Заболотье (всего 1 дер. да 2 пуст).	10 к. с.	12 к. с.	27 к. с.	31	—
А. всего въ обѣихъ волостяхъ.	139 ч.	87,5 ч.	153,5 ч.	1187	5×2,5 [1]
	Всего 380 ч. въ каждомъ полѣ, въ томъ числѣ 314 ч. с. з. и 66 ч. х. з.				

I. Сошаго письма изъ расчета 700 ч. с. з. и 800 ч. худой з. въ соху высчитано въ трехъ поляхъ: треть ($233^1/_3$ ч. с. з.) и полчети сохи ($291/_6$ ч. с. з. и $66^2/_3$ ч. х. з.), и перешло сверхъ сошнаго письма 2,5 ч. с. з. ($233^1/_3+291/_6=262^1/_2$; $265-262^1/_2=21/_2$), а не дошло чети безъ третника х. з. ($66^2/_3-66=2/_3$).

II. Сошнаго письма: пол-полчети сохи (43,75 ч. с. з.), и перешло за сошнымъ письмомъ 5,25 ч. с. з. (49—43,75=5,25).

[1]) Высчитывая технически правильно, получимъ 3,5 кв. вер. (на современный счетъ 14 кв. верстъ),

Изъ данныхъ таблицы явствуетъ, что всего земли, бывшей когда-то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, значится за м—ремъ 570 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 208,5 дес. (208,5 : 361,5).

Въ *Катромскомъ м—рѣ* описаны одна церковь во имя св. Николая «древянна, каменое дѣло» и другая церковь теплая «съ трапезою» въ имя Всѣхъ святыхъ («древянъ въ верхъ»); вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье князя Ивана Пенкова», очевидно, князя Ивана Васильевича Пенкова, упоминаемаго «Древнѣйшею разрядной книгой официальной редакціи», изданной проф. П. Н. Милюковымъ, подъ 1547—1551 г.г.; послѣдній разъ въ этой книгѣ онъ упоминается, какъ воевода въ Нижнемъ Новгородѣ *за городомъ* (М. 1901, стр. 123, 141 и 147). Князь И. В. Пенковъ [1]) извѣстенъ, какъ строитель ружныхъ церквей въ селѣ Никольскомъ Заболотьѣ, въ въ селѣ Егорьевскомъ Заднемъ и на погостѣ Васьяновскомъ («исстари бывало строенье князя Ивана Пенкова»; кн. 66, л. 420 подъ № 100, л. 232 подъ № 59 и кн. 3, л. 515, подъ № 302). На м—рѣ шесть келей, въ которыхъ живутъ игуменъ съ братіей; число послѣдней по обыкновенію не указано. За м—ремъ означены дворъ конюшенный да дв. коровій, и кромѣ того въ селѣ Красковскомъ одинъ дворъ монастырскій, въ которомъ живутъ дѣтеныши (число ихъ не указано), и въ д. Подрощенье одинъ дворъ монастырскаго служки (пашни служни 5 чети, т.-е. 7,5 десятинъ пашни паханой доброй земли); подъ м—ремъ на р. Катромѣ—мельница («колеса нѣмецкіе») да толчея. Въ упомянутомъ с. Красковскомъ находилась церковь во имя Преображенія («древяна клѣтцки»); попъ Кондратій живетъ въ дер. Мартьяновской и тамъ землю пашетъ (5 чети или 7,5 десятинъ доброй земли). Въ монастырской вотчинѣ было 24 двора крестьянскихъ (людей въ нихъ 34) и 12 дворовъ бобыльскихъ (людей въ нихъ 13); пустыхъ дворовъ въ д—яхъ Вислягиной, Конечной и Мишутинской означено три: одинъ за смертью хозяина, о другомъ ничего не замѣчено и въ отношеніи третьяго сказано, что крестьянинъ „сполъ безвѣстно во 133-мъ году“ [2]). Вотчина писана за м—ремъ по выписи съ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Тимоѳея Безобразова и подьячаго Ивана Петрова 128 и 129-го г. г. Въ итогахъ самой писцовой книги по описанію Катромского м—ря крестьянскіе и монастырскіе сѣно и лѣсъ различаются. Сѣно монастырское «межъ поль и на отхожихъ пожняхъ», такъ въ итогахъ; въ самомъ же описаніи «межъ поль, и въ лугѣхъ, и по р. по Катромѣ»; сѣно крестьянское «по

---

[1]) Срв. у проф. В. О. Ключевскаго въ «Боярской Думѣ древней Руси», стр. 224 и 249 по 2-му изданію.

[2]) Въ итогахъ же писцовой книги пустыхъ дворовъ насчитано *пять*, а не три.

заполью и по рчк. по Катромѣ», также «межъ поль, (и) на лугѣхъ, и по рчк. Катромѣ»; въ итогахъ никакой оговорки нѣтъ. Въ описаніи лѣсъ за м—ремъ значится «черный и болото», въ итогахъ «болото» не оговорено; крестьянскій лѣсъ въ описаніи обозначенъ вездѣ «лѣсъ болото», а въ итогахъ «крестьянскій лѣсъ подъ деревнями и на пустошахъ». Не говоря уже о цифрахъ, эти мелочныя оговорки объ итогахъ, подобранныя въ значительномъ количествѣ способны показать, поскольку вообще итогами писцовыхъ книгъ можно пользоваться независимо отъ самаго текста отдѣльныхъ описаній. Въ нашемъ случаѣ итоги сѣна и лѣса, самостоятельно подсчитанные, нѣсколько разнятся отъ итоговъ писцовой книги, также есть разница и въ счетѣ пустыхъ дворовъ. Пашню, сѣно и лѣсъ сводимъ въ нижеслѣдующую таблицу:

	Пашня.			Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.
	Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.		
Въ Катромской волости.	25 м. х. 5 с. д. 5 ц. д. 103 к. д.	6 м. х. 21,25 к. х. 3 ц. д. 57,5 к. д.	4 м. х. 92 к. х. 2 ц. д. 77,25 к. д.	13 мон. и 111 крест. (а по итогу писцовой 117.	4×3,5 мон. и 18×10 крестьян. (а по итогу писцовой 19×10,5).
Всего 1 село, 11 дер. и 10 пустошей.	5 ч. 133 ч.	3 ч. 84,75 ч.	2 ч. 173,25 ч.	124	22×13,5 [1]
	Всего, кромѣ 10 ч. церковной пашни, 391 ч. въ каждомъ полѣ, въ томъ числѣ доброй земли 242,75 ч. и 148,25 ч. х. з.				

Сошнаго письма изъ расчета 600 ч. д. з. и 800 ч. х. з. въ соху можно высчитать въ трехъ поляхъ: пол-сохи, пол-полчети и пол-пол-полчети сохи, и не дошло въ сошное письмо доброй земли 1 четь, а худой 2 ч. безъ полуосмины ($^1/_4$=150 ч. д. з.; $^1/_8$=75 ч. д. з.; $^1/_{32}$=18,75 ч.; 150+75+18,75=243,75 ч.; 243,75 ч.—242,75 ч.=1 ч. д. з.; $^1/_8$=100 ч. х. з.; $^1/_{16}$=50 ч. х. з.; 100+50=150 ч.; 150—148,25=1,75 ч. х. з. Церковная пашня не принята во вниманіе. Въ итогѣ самой писцовой иначе: полсохи, пол-пол-полтреть, и пол-пол-полчети сохи, и перешло доброй земли 2,5 ч., не дошло худой земли 2,75 ч.

[1]) Итогъ писцовой 19×10,5; нашъ итогъ по пріему писцовой 18×10, а вмѣстѣ съ монастырскимъ лѣсомъ 22×13,5; дѣйствительный же итогъ составитъ 28,5 квад. верстъ (на современный счетъ 114 кв. версты).

Такимъ образомъ всего земли, бывшей когда-то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, за исключеніемъ пашни церковной, значилось 586,5 десят., въ томъ числѣ пашни паханой 199,5 дес. (199,5 : 387).

Въ вотчинѣ *Спасо-Прилуцкаго м—ря* была Игумнова слобода на Глубокомъ озерѣ съ сельцомъ Спасскимъ и Ильинскимъ погостомъ на рчк. Вотчицѣ. Въ сц. Спасскомъ описаны одна церковь холодная во имя Спаса Преображенія съ придѣломъ во имя св. Николая и другая теплая во имя Рождества Богородицы, обѣ «древяны клѣцки»; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье Прилуцкаго м—ря монастырскихъ крестьянъ тоѣ жъ слободъскіе волости»; въ сц. былъ дворъ монастырскій да 2 кельи для житья «пріѣзжихъ старцевъ», и кромѣ того дворъ, въ которомъ жилъ попъ Иякимъ. На погостѣ была церковь во имя пророка Ильи «древяна клѣцки», въ ней «церковное всякое строеніе приходныхъ людей тоѣ жъ монастырскіе вотчины слободцкіе волости крестьянъ»; при церкви было три двора и двѣ кельи церковнаго причта, у котораго значилось 7,5 десятинъ пашни паханой и 11,25 десят. перелогомъ и лѣсомъ поросло. Угодій кромѣ сѣна и лѣса никакихъ не показано. Дворовъ крестьянскихъ перечислено 66 (въ нихъ 103 челов.) и бобыльскихъ 40 (въ нихъ 52 челов.). По количеству крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и людей въ нихъ Прилуцкій м—рь среди всѣхъ восьми описанныхъ м—рей занималъ первое мѣсто и, можно сказать, послѣднее по количеству пустыхъ дворовъ и мѣстъ: 1 дв. пустой въ д. Пархаевой, Парѳеновская тожъ, на р. Вели и одинъ въ д. Тундроватой; о первомъ замѣчено, что онъ «старые пустоты», о другомъ нѣтъ никакихъ указаній; кромѣ того значится по одному дворовому мѣсту въ д—яхъ Кремлевой и Тундроватой и два въ д. Паунитской на рчк. Вотчицѣ. Сѣно упоминается «по заполью», «межъ поль», «отхожее», «луговское болото», а лѣсъ «пашенный», «непашенный», «черный и болото». Описаніе не оговариваетъ ничего о документахъ м—ря на право владѣнія Игумновой слободой, а въ концѣ оговариваетъ только, что «по выписи съ писцовыхъ книгъ писма и мѣры Тимоѳея Безобразова да подьячаго Ивана Петрова 128 и 129-го году добрые и худые земли 400 ч. да церковные худые земли 12 чети,—и по новому писму и мѣрѣ прибыло въ той вотчинѣ сверхъ Тимоѳѣева писма Безобразова да, опричь церковные земли, добрые и худые земли 4 ч. съ осминою пашни». По нашему итогу прибыло земли не 4,5 ч., а 6,5 ч., ибо въ частичныхъ итогахъ писцовая книга насчитываетъ 62 ч. крестьянской доброй земли лѣсомъ поросшей, а самостоятельный подсчетъ по деревнямъ и пустошамъ даетъ 64 ч. Кромѣ того церковной земли надо считать не 12 ч., а 12 ч., съ осминою. Пашня, сѣно и лѣсъ сводятся въ нижеслѣдующую таблицу:

	Пашня.			Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ пашенный въ десят.	Лѣсъ въ верстахъ.	Сошнаго письма изъ расчета 600 ч. д. з. и 800 ч. х. з. въ соху можно высчитать полсохи (300 ч. д. з.) и пол-получети (37,5 ч. д. з.), и пол-полтрети ($66^2/_3$ ч. х. з.), и не дошло въ сошное письмо 5 ч. д. з. ($337,5 - 332,5$), перешло худой земли $7^1/_3$ ч. Счетъ писцовой книги иной: полсохи, пол-получети, пол-пол-полтрети и пол-пол-получети, а перешло $5,5$ ч. д. з., и не дошло одной чети худой земли.
	Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.				
Въ Троицкой трети въ верхнихъ станкахъ Игумнова слобода.	5 ц. х. 6,5 м. х. — 214 к. д.	3,5 ц. х. 1,5 м. х. 24 к. х. 54,5 к. д.	4 ц. х. 2 м. х. 40 к. х. 64 к. д.	155 (а по итогу писцовой 146).	21	36×19,25	
Всего 1 сц., 1 погостъ, 19 дер. и 9 пустошей.	5 ч. 220,5 ч.	3,5 ч. 80 ч.	4 ч. 106 ч.	155	21	36×19,25 [1]	
	Всего, кромѣ 12,5 ч. церков. пашни, 406,5 ч. въ кажд. полѣ, въ томъ числѣ 332,5 ч. д. з. и 74 ч. х. з.						

Какъ видно изъ таблицы всего земли, бывшей когда то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, за исключеніемъ пашни церковной, значилось 609,75 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 330,75 дес. (330,75 : 279) [2].

Въ *м—рѣ Лопотова пустыня*, что на р. Пельшмѣ, описаны одна церковь во имя Соборъ пречистой Богородицы холодная, «шатрова въ верхъ», другая во имя Григорія пельшемскаго чудотворца и третья теплая «съ трапезою» во имя Усѣкновеніе главы Ивана Предтечи; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье монастырское». На м—рѣ значится 6 келей, въ которыхъ живутъ игуменъ Серапіонъ да 14 старцевъ (единственное указаніе на число монаховъ, встрѣтившееся при обзорѣ описаній 11 монастырей на Вологдѣ); за м—ремъ 1 дв. конюшенный да 1 дв. коровій, а на р. Пельшмѣ мельница—«мелютъ однѣми жерновы на монастырской обиходъ». Монастыр-

[1] Общій итогъ писцовой книги 36×20,5; нашъ итогъ по способу писцовой 36×19,25; дѣйствительный итогъ составляетъ 56,25 кв. в. (на современный счетъ 225 кв. верстъ).

[2] См. выше въ I-мъ раздѣлѣ замѣчанія о дворахъ и лавкахъ Прилуцкаго м-ря на Вологдѣ, также на стр. 4 въ первомъ выпускѣ «Матеріаловъ по исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго Приказа по Вологодскому уѣзду въ XVII вѣкѣ» (Спб. 1906), гдѣ упоминается отъ 30 мая 135-го г. дѣло вологжанина Ивана Розварина съ игуменомъ Прилуцкаго м-ря Питиримомъ о сц. Пятницкомъ.

скіе ѣзы и рыбныя ловли обложены платежемъ оброка по 14 алтынъ на годъ; описаніе представляетъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ: 1) «монастырскіе рыбные ловли въ р. въ Пелшмѣ подъ м—ремъ и около м—ря вверхъ и внизъ покамѣста монастырская земля и воды» и 2) «къ монастырю жъ на р. на Сухонѣ подъ ихъ монастырскими деревнями, да подъ д. Ползоновою, подъ д. Селищи два ѣза, да рыбные ловли въ р. Двиницѣ покамѣста монастырская вотчина земля и воды, да ѣзъ Быковецъ въ р. въ Двиницѣ». Въ Пельшемской же волости за м—ремъ было сц. Середней Погостъ, въ которомъ были одинъ храмъ холодный «въ верхъ» во имя св. Николая, другой теплый «съ трапезою» во имя св. Димитрія Селунскаго; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье монастырское и приходныхъ людей»; дворовъ церковнаго причта—4 (въ первомъ попъ Иванъ Игнатьевъ, въ послѣднемъ проскурница *старица* Ѳедулѣя), кромѣ того «у церкви 4 кельи, живутъ въ нихъ нищіе, питаютца отъ церкви божіи»; церковной пашни у нихъ 12 десятинъ пашни доброю землей. Въ томъ же сельцѣ у монастыря былъ дворъ, въ которомъ жилъ дворникъ, да 6 дворовъ монастырскихъ дѣтенышей (жило ихъ 7 челов.). Затѣмъ за м—ремъ значится въ Замошской волости село Покровское, что была дер. Вралова; въ немъ описаны одна церковь во имя Покрова Богородицы «древяна патрова», а другая «древяна жъ, теплая, съ трапезою» во имя св. Николая; вся обстановка и церковныя принадлежности—«строенье монастырское и приходныхъ людей тое жъ Замошскіе волости розныхъ помѣстей и вотчинъ крестьянъ». На погостѣ было 3 двора церковнаго причта и одна келья просѳирня, да кромѣ того 16 келей, въ которыхъ «живутъ *старицы* нищіе, питаютца отъ церкви божіи». Церковной пашни означено 12 десятинъ доброю землей. М—рь держалъ въ селѣ Покровскомъ дворъ, въ которомъ жилъ старецъ посельскій; на попеченіи его были пять дворовъ монастырскихъ дѣтенышей. Что касается общаго количества крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ за м—ремъ во всѣхъ пяти волостяхъ, то оно выражается, сравнительно съ общимъ количествомъ земли у м—ря, въ небольшихъ цифрахъ, гораздо меньшихъ, чѣмъ въ описаніи Прилуцкаго м—ря съ меньшимъ количествомъ земли, а именно 15 дв. кр. (людей 32) и 11 дв. бобыл. (людей 15). Пустыхъ дворовъ насчитывается 10, объ одномъ изъ которыхъ замѣчено, что опустѣлъ со 136-го г., о другомъ—,что со 134-го г., о трехъ—,что запустѣли «отъ козачья розоренья», о трехъ,—что «старые пустоты»; наконецъ, о двухъ просто оговорена пустота, а въ пустоши, что было сц. Сторожево, на рчк. Кобылинѣ отмѣчены два мѣста церковныхъ старой пустоты (въ Двиницкой волости). Сѣно описывается въ разнообразныхъ выраженіяхъ: «промежъ пашни», «промежъ пашни около поль», «промежъ пашни и по лугомъ», «озерина». Къ монастырю въ Пельшем-

ской волости приписаны были отдаленныя отхожія пожни, а самое описаніе очень сложно (напр., «сѣно по р. по Пелшмѣ внизъ по обѣ стороны до Холуя и до Долхи до пелшемсково розмежя и до р. до Глушицы...., да на р. на Сухонѣ на лугу...., да посередъ осинника Загосткина перевѣсья...., да на р. на Двиницѣ повыше вывоза Корбанского»); въ отношеніи лѣса разъ встрѣчается уже упоминавшійся выше терминъ «подскотина»: «лѣсу подъ с. Враловымъ черново и *подскотины* [1]) около поль....". Описанная монастырская вотчина въ пяти волостяхъ писана по г—вѣ жалованной грамотѣ великого князя Василья Ивановича всеа Русіи 7035-го года и «на ней же подписано имя г—ря, царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, за приписью дьяка Василья Семенова, 124-го году». Описаніе вотчины Лопотова м—ря нѣкоторыми деталями значительно отличается отъ другихъ описаній. Вопреки другимъ описаніе точно обозначаетъ число монаховъ и монастырскихъ дѣтенышей, отмѣчаетъ при церквахъ цѣлыхъ 20 келей для нищихъ, изъ коихъ 16 образуютъ какъ бы своего рода женскій м—рь; рыбными ловлями и двумя ѣзами м—рь не владѣетъ безоброчно; указанія, что рыбу ловятъ на монастырскій обиходъ нѣтъ, вмѣсто того встрѣчаемъ оговорку о платежѣ м—ремъ годового оброка.

	Пашня. Паханая.	Пашня. Перелогомъ.	Пашня. Лѣсомъ поросло.	Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.	Сошнаго письма изъ расчета 600 ч. доб. земли въ соху высчитано полчети сохи (75 ч.), и не дошло $2_{,5}$ ч.
I. Въ Боровицкой волости (3 дер. и 1 починокъ).	39 к. д.	$22_{,5}$ к. д.	11 к. д.	115	5×3 [2])	
II. Въ Пельшемской волости (1 сц., 1 дер. да 3 пуст.).	8 ц. д.	—	—	429 [3])	15×$10_{,5}$ [4])	Сошнаго письма изъ расчета 600 ч. д. з. и 700 ч. с. з. въ соху можно высчитать во всѣхъ трехъ поляхъ: полтрети сохи, и не дошло въ сошное письмо $9\frac{1}{3}$ ч. с. з. ($\frac{1}{12}$=50 ч. д. з.; $\frac{1}{12}$=$58\frac{1}{3}$ ч. з. с.; $58\frac{1}{3}$—49==$9\frac{1}{3}$ ч. с. з.). Писецъ ошибочно положилъ въ сошное письмо церковную пашню, когда приказано было: „и перешло сверхъ сошнаго письма 8 ч. добрые земли".
	30 м. д.	20 м. д.	—			
	20 м. с.	—	—			
	15 к. с.	4 к. с.	10 к. с.			
Всего....	8 ч. 65 ч.	— 24 ч.	— 10 ч.			
	Всего 99 ч. въ каждомъ полѣ, кромѣ 8 ч. церковн. пашни.					

[1]) См. выше въ описаніи вотчины Александровой пустыни упоминаніе о „подскотинѣ".

[2]) А по итогу самой писцовой книги 3×2 вер.

[3]) „ „ 378 коп.

[4]) „ „ 14×$9_{,5}$ вер.

	Пашня. Паханая.	Перелогъ.	Лѣсомъ поросло.	Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.	
III. Въ Замошской волости (1 село, 2 дер. да 5 пуст.)	8 ц. д. 16 м. д. 30 к. д. —	— — 17 к. д. 15 к. х.	— — 22 к. д. 69 к. х.	198[1])	14×8,5	Сошнаго письма можно высчитать: полтрети (50 ч. д. з. и 66⅔ ч. х. з.), пол-полчети (37,5 ч. д. з.) и пол-пол-полчети (25 ч. х. з.), и не дошло доброй земли 2,5 ч. (50+37,5=87,5; 87,5—85=2,5), а худой земли 7²/₃ ч. (66⅔+25=91²/₃; 91²/₃-84=7²/₃). Писцомъ ошибочно считаны 8 ч. церковной пашни.
Всего....	8 ч. 46 ч.	32 ч.	91 ч.			
	Всего 169 ч. въ каждомъ полѣ, кромѣ 8 ч. церковн. пашни.					
IV. Въ Двиницкой волости (8 пустошей).	2 к. х. (наѣздомъ).	31 к. х.	75 к. х.	63	13,5×9	Сошнаго письма высчитано: полчети сохи (100 ч. х. з)., и перешло сверхъ сошн. письма 8 ч. худой земли.
V. Въ Засодемской волости (3 дер. 7 пустош.)	51 к. д. —	30 к. д. 42,5 к. с.	35 к. д. 79,5 к. с.	183	11,5×6,5	Сошнаго письма изъ расчета 600 ч. д. з. и 700 ч. с. з. въ соху высчитано въ трехъ полихъ: четь сохи (75 ч. д. з. и 87,5 ч. с. з.), пол-полчети (37½ ч. д. з.) и пол-пол-полтрети (29⅙ ч. х. з.), и не дошло доброй земли 3,5 ч. и худой земли 5⅓ ч.
	51 ч.	72,5 ч.	114,5 ч.			
	Всего 238 ч. въ каждомъ полѣ.					
Всего въ 5 волостяхъ.	16 ч. 203 ч. [2])	— 182 ч.	— 301,5	928	64×37,5	
	Всего 686,5 ч. въ каждомъ полѣ, кромѣ 16 ч. церковной пашни.					

Наши итоги самостоятельно подсчитанные не совсѣмъ сходятся съ итогами самой писцовой книги, какъ видно изъ соотвѣтственныхъ примѣчаній къ таблицѣ [3]). Какъ и въ другихъ случаяхъ счетъ лѣса представляется крайне фантастическимъ по своимъ размѣрамъ. Дѣйствительный итогъ лѣса по даннымъ описанія составляетъ 105 кв. в. (на современный счетъ 420 кв. верстъ). Согласно таблицѣ всего земли, бывшей когда-то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, за исключеніемъ пашни церковной, значилось 1029,75 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 301,5 десятинъ (301,5 : 728,25). Исчерпавъ содержаніе писцоваго матеріала 1628—1630 г.г. въ отношеніи *второй* группы

[1]) А по итогу самой писцовой книги 156 коп.

[2]) Здѣсь заключается также 2 ч. земли паханой наѣздомъ.

[3]) Рядъ разнообразныхъ неточностей можно наблюдать и въ итогахъ по статьѣ счетъ сошнаго письма. Оговаривать здѣсь каждую мелочь нѣтъ возможности.

вологодскихъ монастырей, представляемъ цифровыя отношенія пашни паханой и пашни перелогомъ съ лѣсомъ поросшей въ нижеслѣдующей сводной таблицѣ:

Монастыри.	Пашня въ десятинахъ.			Сѣно въ копнахъ.	Отношеніе пашни паханой къ перелогу съ лѣсомъ поросшей.
	Паханая.	Наѣздомъ.	Перелогъ и лѣсомъ поросло.		
1. Подольный (570 дес.).	$208,_{5}$	—	$361,_{5}$	1187	$57,_{7}\%$
2. Катромскій (586,$_{5}$ дес).	$199,_{5}$	—	$387,_{0}$	124	$51,_{6}\%$
3. Спасо-Прилуцкій (609,$_{75}$ дес.).	$330,_{75}$	—	$279,_{0}$	155	$118,_{5}\%$
4. Лопотовъ (1029,$_{75}$ дес).	$301,_{5}$	$3,_{0}$	$725,_{25}$	928	$41,_{6}\%$
5. За всѣми вмѣстѣ (2797 дес.)	$1041,_{25}$	$3,_{0}$	$1752,_{75}$	2364	$59,_{4}\%$

IV.

Переходимъ къ третьей и послѣдней группѣ изученныхъ нами описаній вологодскихъ монастырей. Это—три монастыря, за каждымъ изъ которыхъ значится по описи свыше 1000 десятинъ пашни. 1) Спасо-Еѳимьевъ м—рь, что на Сянжемѣ, въ Халовскомъ станкѣ Сянжемской волости, позднѣе погостъ Ефимовъ м—рь въ Кадниковскомъ уѣздѣ (кн. 14720, 1-ая полов., л.л. 791—804), съ землями кромѣ того въ Рубежскомъ станкѣ той же волости (кн. 14721, л.л. 845—861), въ Ѳедосѣевской волости (кн. 14720, л.л. 631—641), въ Васьяновской волости (кн. 3, подъ № 321) и въ Мануиловской волости въ Ратинѣ (кн. 14721, л.л. 1512 об.—1513). Вотчины Ефимьева м—ря сосредоточивались въ сѣверо-восточномъ углу Кадниковскаго уѣзда, приближаясь къ границамъ Вельскаго и Тотемскаго уѣздовъ и нѣсколько входя въ первый, по рр. Кубенѣ, Сянжемѣ и Нишмѣ (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», т. VII, подъ №№ 4281, 4286, 4289, 4291—4293, 4297, 4299, 4300, 4303—4307, 4039, 4314—4316, 5058—5060, 5375—5377, 5379, 5381—5384; см. на спец. картѣ Евр. Россіи по р. Кубенѣ д.д. Ивановская, Пуронга, Погребное, Худяковская, Коскова, Полуяниха, Кочержиха, Борокъ, по рр. Сянжемѣ и Большому Пунголу д.д. Ларіониха, Бѣлчевская, Бѣлова, Ивановская, Шубачева, Жаръ, Боръ, Оноскина,—у рр. Нишмы и Сондушки д.д. Пирогова, Голузина, Ѣздунья, Сидорова,

Евсютина и близъ р. Бохтюги Райново). 2) Глушицкій м—рь на рр. Глушицѣ и Сосновцѣ въ Бохтюжской волости (кн. 14726, л.л. 199—266) и частью въ Двиницкой волости (кн. 14720, л.л. 122 об.— 125). Вотчина Глушицкаго м—ря сплошною массой расположена была по обоимъ берегамъ р. Глушицы до Сухоны, входя почти въ равныхъ частяхъ въ нынѣшніе Вологодскій и Кадниковскій уѣзды, особо откинута была д. Княжева на востокъ до р. Двиницы (срв. «Списки нас. мѣстъ», т. VII, подъ №№ 145, 178, 182, 183, 186, 188, 189—д.д. Шера, Присѣдкина, *Савкина*, Гладкина, *Алексѣйцова*, Иванкова, *Коншина* и подъ №№3640—3644, 3646—3651, 3653—3664, 3680, 3682, 3696 и 4565—д.д. *Нифанова*, *Заболотье*, *Козмодемьяновское*, Куземкина, Высокая, *Герасимова*, *Безсолова*, *Дресва*, Пустынь, Выползова, *Рыкуля*, *Горка*, *Середняя*, Рылова, *Труфанова*, *Меженина*, *Антуфьева*, *Игумновъ починокъ*, Кромина, Кокошилова, *Великій Дворъ*, Ильинское, *Бильцева*, Семенкова; см. на спец. картѣ названія деревень, напечатанныя выше курсивомъ). 3) Спасо-Каменный м—рь имѣлъ вотчины въ предѣлахъ нынѣшнихъ Кадниковскаго и частью Вологодскаго уѣздовъ вблизи и частью по берегу Кубенскаго озера (низовья Ухтюги, Кубены и Сухоны, по р. Кихтѣ, а также по р. Нодимѣ, впадающей въ Двиницу) въ волостяхъ Уточенской (кн. 66, подъ № 18), Корнской (кн. 66, подъ № 36), Богословское Заболотье (кн. 66, подъ № 99), Грибцовской, Бохтюжской (кн. 14726, л.л. 178—199) и Засодимской (кн. 14726, л.л. 648—664). Топографическое пріуроченіе мѣстами крайне затруднено и очень приблизительно; болѣе грубыя ошибки могутъ быть исправлены лишь при общей разработкѣ исторической карты древняго Вологодскаго уѣзда, въ составъ котораго входили нынѣшніе Вологодскій, Кадниковскій и отдѣльные кусочки Вельскаго и Тотемскаго уѣздовъ. Вообще топографическое пріуроченіе для изученныхъ м—рей въ настоящемъ этюдѣ не окончательное и при дальнѣйшей работѣ можетъ испытать рядъ поправокъ. Однако и при грубомъ нанесеніи монастырскихъ территорій на современную карту получаемъ довольно выразительную картину. Описанія самого Каменнаго м—ря не удалось найти, а въ шести описаніяхъ его вотчинъ нѣтъ даже никакой ссылки на то, гдѣ таковое описаніе слѣдуетъ искать (срв. по «Спискамъ нас. мѣстъ», т. VII, подъ №№ 135, 136, 139—142, 146, 147, 149, 150, 152, 153, 162, 163—д.д. Прилуки, Кузнецово, Верхотина, Зубарева, Линякова, Власьева, Гульева, Тетерина, Пахотина, Кочеватикъ, Клыжова, Большой Дворъ, подъ №№ 3825, 3826, 3828—-д.д. Лагирева, Колябина, Борщева, подъ №№ 3818—3822—д.д. Шилова, Кокошильница, Лебзова, Васильевское, Ивановское, подъ №№ 3816, 3817, 3830, 3832, 3792, 3795, 3827—д.д. Шевцова, Сопятина, Боярское, Лахмукуры, Подольное, Рудина и Наволокъ на р. Кубенѣ), подъ №№ 4019—4023 д.д. Волосова, Сенина,

Кожевникова, Вечеслово, Пантелѣева, подъ №№ 4227—4228—с. Воздвиженское и д. Дементьева). Въ приведенное перечисленіе, какъ вездѣ и ранѣе, входитъ, конечно не весь топографическій матеріалъ писцоваго описанія, а лишь тотъ, который нашелся въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ» и на спеціальной картѣ.

Въ *Спасо-Еѳимьевѣ м—рѣ* на р. Сянжемѣ въ Халовскомъ станкѣ описаны: одна церковь теплая «съ трапезою» во имя Вознесенія, а другая холодная во имя Еѳимія и Харитона сянжемскихъ чудотворцевъ; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье монастырское»; на м—рѣ 11 келей, въ которыхъ живутъ игуменъ и братія, да за м—ремъ дворъ конюшенный; противъ м—ря за р. Сянжемой мельница «объ однихъ колесахъ» да толчея («мелютъ и толкутъ на монастырской обиходъ безоброчно») и кромѣ того солодовня да кузница. Въ четырехъ сельцахъ монастырскихъ значится по одному двору монастырскому (въ сц. Боръ Коровій кромѣ того одинъ дворъ коровій), живутъ въ нихъ старецъ посельскій, старецъ да монастырскіе дѣтеныши; число монастырскихъ дѣтенышей по обыкновенію не указано. Въ Ѳедосѣевской волости указано одно сц. Косиковское «пусто—а въ немъ дворъ пустъ монастырской»; пашню въ немъ пашутъ *наѣздомъ* 9 десятинъ худой земли при 6 десятинахъ перелога и лѣсомъ поросшей. Въ деревняхъ насчитано 10 дворовъ пустыхъ и одно мѣсто дворовое «старые пустоты»: въ томъ числѣ дворовъ «старые пустоты»—3, пустыхъ со 135-го г.—1, со 137-го г.—1, со 138-го г.—2, безъ указанія срока—1; затѣмъ въ д. Пироговѣ одинъ «дворъ пустъ Тимошки Зотикова зъ братьи, живетъ на Вологдѣ на монастырскомъ дворѣ въ дворникахъ» и наконецъ въ д. Погребное одинъ „дворъ пустъ Ермачка [1]) Яковлева, вышелъ въ монастырскую деревню Худяковскую», принадлежавшую тому же м—рю и находившуюся въ той же Ѳедосѣевской волости. Д. Пирогова описана какъ пустая, и пашня въ ней пахалась *наѣздомъ* (7,875 десятины доброй земли). Вотчина Ефимьева м—ря описывалась въ 138-мъ г., городъ Вологда въ 135-мъ г., быть можетъ разницей этихъ сроковъ описанія объясняется то обстоятельство, что въ данныхъ описанія г. Вологды, приведенныхъ выше въ I-мъ раздѣлѣ нашего этюда, не встрѣчаемъ ни дворника Т. Зотикова, ни монастырскаго Ефимьева двора на Вологдѣ. Всего насчитано за м—ремъ 50 дворовъ крестьянскихъ (людей въ нихъ 94 челов.) да 24 двора бобыльскихъ (людей въ нихъ 46 челов.). При описаніи сѣнныхъ угодій въ Ѳедосѣевской волости къ д. Погребное упоминаются двѣ *закладныя* пожни: «сѣна у ѣзу по Кубеницѣ... да на закладной пожнѣ Высокой понижъ Першина ѣзу 3 копны, да на

[1]) Въ дер. Худяковской значатся живущими въ одномъ дворѣ Кирилко Яковлевъ съ братомъ съ *Ермолкою* Яковлевымъ; послѣдній и есть выходецъ изъ д. Погребное, жившій уже не отдѣльнымъ дворомъ.

закладной же пожнѣ на броду 3 копны» (срв. упоминанія о «сокольничьихъ деревняхъ» близъ сц. Боръ Коровій и о «подскотинѣ» и «осиновой площади» у сц. Шишакова). Въ Мануиловской волости въ Ратинѣ у м—ря была д. Райнова, Ратина тожъ. Лѣсъ къ ней описанъ безъ упоминанія какой-либо мѣры, а такъ: «лѣсу чёрного и болота по Рубежской дорогѣ до рчк. до Шиченги, а по другую сторону по рчк. по Бохтюгѣ до тое жъ рчк. до Шиченги». Вотчина писана за м—ремъ «во всѣхъ волостяхъ по г—вѣ жалованной тарханной грамотѣ, за приписью дьяка Прокоѳья Пахирева, 132-го году, а прежнихъ г—выхъ грамотъ и писцовыхъ выписей игуменъ и братія на тоѣ монастырскою вотчину не положили»; съ нѣкоторымъ противорѣчіемъ этой отмѣткѣ въ другомъ случаѣ замѣчено, что вотчина писана также «по приправочнымъ книгамъ, каковы даны писцомъ для приправки, за діячьею приписью, 123-го году» (при описаніи трехъ д—нь на р. Кубенѣ въ Васьяновской волости). Вездѣ при упоминаніи приправочныхъ книгъ значатся именно книги 123-го года. Что касается лѣсныхъ угодій, то таковыя высчитаны въ очень крупныхъ, фантастическихъ размѣрахъ, какъ уже приходилось отмѣчать и ранѣе. Если пользоваться тѣми техническими пріемами исчисленія лѣса, какими обыкновенно пользуется сама писцовая книга, то окажется что за м—ремъ числилось ни много, ни мало какъ 11312,5 квад. верстъ, не считая лѣса при д. Райновой ($62{,}5.2 \times 45{,}25.2 = 11312{,}5$ кв. в.); технически правильно высчитанный итогъ лѣса даетъ 272,75 кв. в. (на современный счетъ 1091 кв. в.). Для окончательнаго уясненія точности или фантастичности разнообразныхъ цифръ, приводимыхъ обыкновенно писцовыми книгами, необходимо не только сопоставленіе ихъ съ цифрами отдѣльныхъ грамотъ и актовъ и съ матеріаломъ столбцовъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлъ Помѣстнаго приказа, но и съ новѣйшими пространственными исчисленіями территоріи Европейской Россіи и дѣтальными по части лѣса, луговъ, болотъ, пашни и т. д. Пашню, сѣно и лѣсъ Ефимьева м—ря сводимъ въ нижеслѣдующую таблицу:

	Пашня.				Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.	
	Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.			
I. Въ Сняжемской волости въ Халовскомъ станѣ (2 сельца, 9 дерев. и 1 починокъ).	9 м. д. 25 к. д. 55,5 к. с.	1 м. д. 11,25 к. д. 25 к. с.	2 м. д. 15,75 к. д. 42 к. с.	— — —	682	$36{,}5 \times 23{,}5$	Сошнаго письма можно высчитать четь ($\frac{1}{8}$ = 75 ч. д. з.; $\frac{1}{8}$ = 87,5 ч. с. з.) и пол-полчети сохи ($\frac{1}{16}$ = 43,75 ч. с. з.), а не дошло 11 ч. д. з. (75 — 64 = 11 ч.) и 8,75 ч. с. з. (87,5 + 43,75 = 131,25; 131,25 — 122,5 = 8,75).
	89,5 ч.	37,25 ч.	59,75 ч.				
	Всего 186,5 ч. въ каждомъ полѣ.						

	Пашня. Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.	Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ верстахъ.	
II. Въ Сяжемской волости въ Рубежскомъ станкѣ (2 сц., 6 дер. живущихъ, 1 дер. пустая и 10 пуст.).	45 м. д. 4 к. д. 77,25 к. с. —	14 м. д. — 32 к. с. 34,75 к. х.	11 м. д. — 35 к. с. 92 к. х.	— 5,25 к. д. — 15 к. х.	328	24,5×19,75	Сошаго письма высчитано полчети (75 ч. д. з.), полтрети (116⅔ ч. с. з.), пол-полтрети (29⅙ ч. с. з.) и полтрети (133 ч. х. з.), что и составить полохи $(\frac{1}{8}+\frac{1}{6}+\frac{1}{6}+\frac{1}{24})$. Перешло доброй земли 4,25 ч., худой земли 8½ ч., и не дошло 17/12 ч. с. з.
	126,25 ч.	80,75 ч.	138 ч.	20,25 ч.			
	Всего 365,25 ч. въ каждомъ полѣ.						
II. Въ Ѳедосѣевской волости (7 дер., 1 сельцо и 5 пуст).	— 27,5 к. д. 35 к. с.	1,5 м. х. 10,5 к. д. 16,625 к. с. 9,5 к. х.	2,5 м. х. 16 к. д. 34,125 к. с. 41,25 к. х.	6 м. х. — — 5 к. х.	199	2×2	Сошаго письма высчитано полчети $(\frac{1}{8}=87\frac{1}{2}$ ч. с. з.), тол-полтрети $(\frac{1}{12}=50$ ч. д. з.) и пол-полчети сохи $(\frac{1}{16}=50$ ч. х. д.), и перешло 4 ч. д. з. и 15,75 ч. х. з.
	62,5 ч.	38,125 ч.	93,875 ч.	11 ч.			
	Всего 205,5 ч. въ каждомъ полѣ.						
IV. Въ Васьяновской волости (3 дер. живущихъ.)	29,5 к. д.	25,5 к. д.	25 к. д.	—	34	—	Сошаго письма высчитано полчети сохи (75 ч. д. з.), и перешло 5 ч. пашни.
V. Въ Мануиловской волости въ Ратинѣ (1 дер.)	6 к. с.	4 к. с	6 к. с.	—	20	Лѣсъ не высчитанъ въ верстахъ.	Сошное письмо въ текстѣ писповой книги *не* высчитано вовсе. Изъ расчета 700 ч. с. з. въ соху можно высчитать полпол-полчети сохи (21⅞ ч. с. з.), и перешло шесть чети безъ четверика пашни.
Всего въ пяти волостяхъ.	313,75 ч.	185,625 ч.	322,625 ч.	31,25 ч.	1263	63×45,25	
	Итого 853,25 ч. въ каждомъ полѣ. [1])						

Согласно таблицѣ всего земли, бывшей когда-то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, значилось 1279,875 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 470,625 десят. (470,625 : 809,25).

Глушицкій м—рь описанъ въ формѣ двухъ отдѣльныхъ м—рей «большого» и «меньшого»: 1) м—рь «большой»—на рчк. Глушицѣ въ память Діонисія и Амфилохія глушицкихъ чудотворцевъ, въ немъ одна церковь во имя Покрова Богородицы и другая во имя св. Николая «съ трапезою», обѣ «древяны въ верхъ», на м—рѣ «колоколница рубленая на пять колоколовъ»; 2) м—рь «меньшой» на рчк. Сосновцѣ, «гдѣ лежать

[1]) Итогъ самой писцовой книги нѣсколько иной, а именно: 186,5+365,5+202+80+16=850 ч. (разница въ 3,25 ч.).

преподобные чюдотворцы Дионисей и Аѳѳилоѳей глушицкіе», въ немъ одна церковь во имя Ивана Предтечи, другая во имя преп. Діонисія глушицкаго чудотворца, обѣ «древяны въ верхъ», да еще третья церковь «съ трапезою» во имя Благовѣщеніе Богородицы, «древянъ клѣцки». Во всѣхъ трехъ церквахъ вся церковная обстановка и принадлежности, не исключая колоколовъ,—«строенье прежнихъ государей». Въ обоихъ монастыряхъ значатся 1 келья игуменская, келья келарская, келья строителева да 10 келей братскихъ и хлѣбня. У «большого» м—ря были одинъ дворъ конюшенный и на рчк. Глушицѣ мельница и толчея («мелятъ и толкутъ на монастырской обиходъ безоброчно»). Рыбныя ловли и три ѣза у Глушицкаго м—ря были на р. Сухонѣ и на Кубенскомъ озерѣ, описаны они съ большою топографической подробностью: «рыбные ловли по р. по Сухонѣ подъ Кабаномъ, и на Козланѣ плесѣ, и на Падѣ, и подъ Гостищемъ и Бояриновымъ, и подъ Василевымъ наволокомъ, и подъ Вострымъ, и на Липѣ усть Совы рѣчки,—да на р. на Сухонѣ подъ Широю деревнею (эта деревня имѣется на спец. картѣ Евр. Россіи) ѣзъ, да у Кубенскова озера въ устьѣ ѣзъ же, да усть рѣчки Нодимки отъ р. Двиницы ѣзъ же; а у тѣхъ рыбныхъ ловель на р. на Сухонѣ на Кабанѣ на Костентиновѣ лугу дворъ монастырской». Рыба ловилась м—рёмъ безоброчно, и описаніе оговариваетъ при этомъ, что «по игуменской скаскѣ зъ братьею въ тѣхъ ловляхъ ловятъ рыбу на монастырской обиходъ безоброчно, а оброчные грамоты на тѣ ловли передъ писцовъ не положили». При описаніи упомянутой выше деревни Ширы на р. Сухонѣ писецъ сдѣлалъ еще особую отмѣтку: «да за р. за Сухоною противъ Ширского поля Глушицкого жъ м—ря въ угодьяхъ истокъ Кабанъ, течетъ изъ Сухоны, обшолъ кругомъ острова на версту и впалъ въ Сухону жъ рѣку, а на острову дворъ монастырской на пріѣздъ ловцомъ, а рыбу ловятъ на монастырской обиходъ». Довольно неясно отношеніе приведенныхъ двухъ отмѣтокъ писца другъ къ другу: говорится ли во второмъ случаѣ о другомъ монастырскомъ дворѣ или же здѣсь просто дальнѣйшее распространеніе предшествующаго описанія, вызванное описаніемъ д. Ширы, которая была ранѣе только упомянута? Скорѣе надо думать, что рѣчь идетъ о двухъ монастырскихъ дворахъ, построенныхъ исключительно на *пріѣздъ* рыбныхъ ловцовъ Это было необходимо въ виду того, что д. Шира находилась нѣсколько вдали отъ главной массы монастырскихъ земель въ Бохтюжской волости, врѣзавшись въ вотчинныя земли Спасо-Каменнаго м—ря. Въ вотчинномъ владѣніи Глушицкаго м—ря, между прочимъ, перечислены: 1) село Кузмодемьянское на рчк. Фофангѣ (см. на спец. картѣ), въ которомъ одна церковь во имя свв. Козмы и Дамьяна «древяна въ верхъ» и другая во имя страстотерпца Георгія «древяна же клѣцки»; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье приходныхъ людей»; въ селѣ значится одинъ

дворъ монастырскій, въ которомъ жили старецъ и дѣтеныши (число ихъ не указано), кромѣ того особо оговорены два двора монастырскихъ дѣтенышей (людей въ нихъ двое) и отмѣчено, что «кузмодемьянской попъ въ д. Кузминѣ», каковая и описывается далѣе подъ именемъ «церковной деревни Куземкиной»: въ ней жили во дворѣ попъ Илья, во дв. церковный дьячокъ, да во дв. монастырскій дѣтенышъ; 2) монастырское село Погостъ Ильинской, Великій Дворъ, съ храмомъ во имя пророка Ильи и съ церковнымъ мѣстомъ Леонтія ростовскаго чудотворца; весь церковный обиходъ—«строенье приходныхъ людей монастырскихъ крестьянъ того жъ сельца и деревень»; въ селѣ поименованы отдѣльными дворами попъ Десятой Ивановъ, попъ Денисъ Ивановъ, дьяконъ Ѳедоръ Ивановъ [1]), понамарь и просвирня, и кромѣ того 4 кельи, «живутъ въ нихъ нищіе, питаютца отъ церкви божіи»; на весь этотъ церковный причтъ приходится пашни доброй земли 30 десятинъ. Описаны затѣмъ три сельца: 1) Горка на рчк. Глушицѣ, гдѣ значились 1 дворъ монастырскій (живетъ старецъ съ дѣтенышами, число которыхъ не показано), и 1 дворъ коровій; Древства на рчк. Глушицѣ, что былъ починокъ,—«въ немъ живетъ старецъ и дѣтеныши» и наконецъ Иванково на р. Бохтюгѣ, въ которомъ также одинъ дворъ монастырскій, живутъ въ немъ монастырскіе дѣтеныши и число ихъ опять не указано, если только о количествѣ вообще монастырскихъ дѣтенышей за Глушицкимъ м—ремъ не представлять себѣ нѣсколько по цифрамъ монастырской пашни (см. далѣе таблицу). Монастырскіе дѣтеныши жили кромѣ того въ монастырской дер. Рыкулѣ на рчк. Глушицѣ (въ трехъ дворахъ; сколько людей неизвѣстно), въ дер. Веретеѣ на рчк. Глушицѣ и Пахтинкѣ (два челов. въ двухъ дворахъ) и въ дер. Кроминой (въ 5 дворахъ шесть челов.); въ этой послѣдней деревнѣ переписано кромѣ того 4 монастырскихъ слуги въ 4 дворахъ; двое монастырскихъ слугъ значатся еще въ двухъ дворахъ д—ни Кокошиловой на рчк. Глушицѣ. Этимъ исчерпывается населеніе, непосредственно входившее въ составъ монастырскаго хозяйственнаго распорядка. Пустыхъ дворовъ значится въ вотчинѣ Глушицкаго м—ря только одинъ въ дер. Куземиной на рчк. Фофангѣ, при чемъ не означено срока, съ котораго онъ запустѣлъ; зато пустыхъ мѣстъ дворовыхъ перечислено 12, и всѣ они въ пустошахъ Кстиловой, Токаревой, Заболотье и Билковой, что *были деревнями*, при чемъ въ двухъ первыхъ изъ нихъ пашню пашутъ *наѣздомъ*. Въ пустоши, что была деревня, Билковой поименованы два мѣста дворовыхъ Спирки Корѣлы да Панки Корѣлы, обращающихъ на себя вниманіе по прозваніямъ крестьянъ, въ которыхъ можно усматривать этнографическій терминъ, если сопоставлять ихъ съ данными источниковъ, говорящихъ о такъ называемомъ «корельскомъ

[1]) Быть можетъ трое братьевъ, съ удобствомъ размѣстившихся въ одномъ селѣ.

выходѣ». Всего жилыхъ крестьянскихъ дворовъ записано за м—ремъ 61 (людей въ нихъ 87) и бобыльскихъ 32 (людей въ нихъ 40); въ числѣ этихъ 40 бобылей выдѣлены три вдовы бобылки (одна изъ нихъ съ сыномъ), жившія особыми дворами. О документахъ, по которымъ вотчина была писана за м—ремъ, писецъ не сдѣлалъ обычной оговорки. Итоги пашни, сѣна и лѣса сводятся далѣе въ таблицу, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что и въ деталяхъ и въ общихъ цифрахъ наблюдается нѣкоторое разногласіе по сравненію съ итогами самой писцовой книги; въ нѣкоторыхъ случаяхъ цифры итоговъ самой писцовой книги явно ошибочны.

	Пашня.				Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ пашенный.	Лѣсъ въ верстахъ.	
	Пахапая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.				
I. Въ Бохтюжской волости (2 села, 3 сельца, 1 дер. церковная, 22 дер. и 58 пустошей).	5 м. д. 112 м. с. 7 сл. с.[1]) 20 ц. д. 301 к. д. 30 к. с. —	1 м. д. 29 м. с. — — 81,75 к. д. 39 к. с. —	1 м. д. 42,25 м. с. — — 113,25 к. д. 195,25 к. с. 421 к. х.	— — — — — 7 к. с. —	890	22	25 десят. 44,5×37,75	I. Сошнаго письма изъ расчета въ соху 600 ч. д. з., 700 ч. с. з. и 800 ч. х. д. высчитано: полсохи (300 ч. д. з.), треть (200 ч. д. з.), полсохи (400 ч. х. з.), пол-пол-полчети (25 ч. х. з.), полсохи (350 ч. с. з.), полтрети ($116\frac{2}{3}$ ч. с. з.), и перешло 3 ч. д. з., не дошло 4 ч. х. з. и $5\frac{1}{6}$ ч. с. з. или 2 сохи и пол-пол-полчети сохи съ указанными поправками.
	20 ч. 455 ч.	— 150,75 ч.	— 772,75 ч.	7 ч.				
	Всего 1385,5 ч.[2]) въ каждомъ полѣ, кромѣ 20 ч. церковной пашни.							
II. Въ Двиницкой волости (1 дер.).	25 к. д.	8 к. д.	7 к. д.	—	35	—	1×1	II. Сошнаго письма высчитано пол-полтрети сохи, и не дошло въ сошное письмо 10 ч. д. з. ($\frac{1}{12}$=50 ч. д. з.; 50 — 40 = 10).
А всего въ двухъ волостяхъ.	20 ч. 480 ч.	— 158,75 ч.	— 779,75 ч.	— 7 ч.	925†	22	25 дес. 45,5×38,75	
	Всего 1425,5 ч. въ каждомъ полѣ, кромѣ 20 ч. церковной пашни.							

†) А по итогу самой писцовой книги 555 копенъ.
[1]) т. е. пашни служни середнею землей.
[2]) А по итогу самой писцовой книги 1315 ч.
[3]) Технически правильно высчитанный итогъ лѣса, кромѣ означенныхъ особо 25 десятинъ, даетъ 75,25 кв. в., а на современный счетъ 301 кв. вер.

Согласно таблицѣ всего земли, бывшей когда-то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, насчитывается за м—ремъ 2138,25 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 720 десят. (720 : 1418,25).

Въ Бохтюжской волости, какъ указано выше, находился Глушицкій м—рь и «большой» и «меньшой». Въ концѣ описанія волости писцовая книга даетъ итоги, высчитывая ихъ для монастырскихъ земель особо. «И всего, читаемъ здѣсь, въ Бохтюжской волости монастырь большой да два монастыря меньшихъ, а въ нихъ семь церквей, келья игуменская, келья келарская, двѣ кельи строителевы, 12 келей братцкихъ, двѣ хлѣбни»... и т. д. Подъ вторымъ меньшимъ м—ремъ здѣсь разумѣется описанный въ *Спаса-Преображенія Каменнаго м—ря* вотчинѣ «монастырь общей во святой лукѣ». Описаніе же «большого» Каменнаго м—ря въ нашемъ источникѣ отсутствуетъ, несмотря на то, что нами изучены всѣ безъ исключенія описанія вотчинъ Каменнаго м—ря за 1628—1630 г.; подобрать ихъ можно было безъ особыхъ затрудненій, ибо описаніе вотчины въ одной изъ волостей обыкновенно сопровождается точнымъ указаніемъ описаній вотчинъ того же м—ря во всѣхъ другихъ волостяхъ вологодскаго края. Въ м—рѣ «во святой лукѣ» описаны одна церковь теплая «съ трапезою» во имя Срѣтенія и другая холодная во имя св. Николая; вся церковная обстановка и принадлежности—«строенье Каменнаго м—ря». На м—рѣ три кельи да хлѣбня, въ которыхъ живутъ Каменнаго м—ря старцы, строитель да хлѣбодаръ; за м—ремъ по одному двору конюшенному и коровьему, дворъ церковнаго дьячка да въ 4 дворахъ по дѣтенышу; попъ Григорій Васильевъ съ братомъ живетъ въ д. Зубаревой, починокъ Стребыковъ тожъ; въ д. Пахатиной на р. Сухонѣ одинъ пустой дворъ слуги монастырскаго. Изъ монастырскихъ угодій въ Бохтюжской волости подъ пустошами Большой Дворъ (Власково) и Мелентьева упоминается только озерко Шелпино: «въ немъ ловъ рыбы на монастырской обиходъ». Описавъ вотчину Каменнаго м—ря въ Корнской волости, писцовая книга, во-первыхъ, прибавляетъ, что за м—ремъ значатся еще сѣнные покосы около Кубенскаго озера «ни въ которой волости, ни къ которымъ селамъ и деревнямъ не приписаны, потому что отъ вотчинъ ихъ отъ волостей удалѣли»: на 8 пожняхъ у Кубенскаго озера сѣна ставилось свыше 248 копенъ. Во-вторыхъ, книга указываетъ здѣсь же на рыбныя ловли, что «ловятъ на монастырской обиходъ». На Кубенскомъ озерѣ «ходитъ неводъ да кореводъ, да двѣ лотки переметныхъ, да двѣ лотки лучебныхъ», на р. Кубеницѣ «ходятъ два невода для нелмушки», наконецъ на р. Сухонѣ «ходитъ неводъ, да два ѣза старыхъ пустыхъ». Эти сѣнные покосы и рыбныя ловли писаны за м—ремъ «по скаскѣ и по росписи за рукою Каменного м—ря архимарита Герасима зъ братьею». Въ числѣ сѣнныхъ покосовъ упоминается у Кубенскаго озера «*подъ монастыремъ*» пожня

Шія. Это указаніе не говоритъ ли за то, что описанія большого Каменнаго м—ря потому и нѣтъ въ нашемъ источникѣ, что м—рь отъ всякихъ волостей «удалѣлъ»? Описывать же его въ такомъ порядкѣ, въ какомъ это сдѣлано съ сѣнными покосами, только что указанными, для писцового описанія московскаго государства не представляло особаго интереса. М—рь стоялъ одиноко, и ни пашни, ни другихъ угодій около него не было (кромѣ, конечно, перечисленныхъ писцовою книгой). Въ волости Уточенской за м—ремъ описаны на оброкѣ старое мельничное мѣсто на р. Кихтѣ, озерко Токша близъ Кубенскаго озера, мельничное мѣсто на рчк. Черной позади д. Лахмукуры, пожня Труба, рѣчка Векса да пустошь Волкова у Соляного озерка; за все это архимандритъ съ братіей уплачиваютъ въ казну стараго оброка 4 руб. и новой наддачи 6 алт. 4 ден. въ годъ; угодья писаны на оброкѣ по г—вой грамотѣ, за приписью дьяка Павла Матюшкина, 125-го г.; грамота эта м—ремъ была предъявлена писцамъ. Въ той же волости за м—ремъ значилось село Дубленое или Кихть на рчк. Кихтѣ, въ которой былъ храмъ во имя Козьмы и Дамьяна «древянъ клѣцкій» съ церковной обстановкой «строенья приходныхъ людей, тое жъ монастырскіе вотчины крестьянъ»; въ селѣ былъ одинъ дворъ монастырскій—жили старецъ и дѣтеныши (число послѣднихъ не указано)—да по одному двору коровьему и конюшенному; церковный попъ Никита жилъ въ дер. Болдино (пашни паханой церковной было 7,5 десятинъ на 6 десятинъ перелога и лѣсной поросли). Кромѣ того за м—ремъ значились еще четыре сельца и село: 1) Кріушево на р. Кубенищѣ (въ Корнской волости), гдѣ во дворѣ монастырскомъ жилъ старецъ да во дворѣ коровьемъ дѣтеныши (число не показано); у с—ца по конецъ поля расположилась слободка Лахмокурья; ея населеніе составляли мастеровые люди и дѣтеныши, «*а пашни подъ ними нѣтъ*», оговариваетъ при этомъ писцовая книга: въ семи дворахъ жило 8 человѣкъ, въ числѣ которыхъ особыми дворами жили двѣ вдовы; 2) Вечеслово, гдѣ во дворѣ монастырскомъ жилъ дворникъ съ сыномъ да въ двухъ дворахъ двое монастырскихъ служекъ; въ волости села Богословское Заболотье Каменный м—рь непосредственно примыкалъ къ землямъ Подольнаго м—ря (см. выше); перечисляя сѣно подъ п. Зародничье писцовая книга говоритъ, что за м—ремъ сѣна у Кубенскаго озера по р. Ухтюгѣ „въ межахъ Подолного [1]) м—ря вотчины зъ д. Ивановскимъ, а зъ другую сторону Рязановская пожня по кустамъ»; 3) Лагирево (въ Грибцовской волости), гдѣ былъ одинъ дворъ монастырскій, а жили въ немъ старецъ посельскій да дѣтеныши (число не показано); 4) Ивановское, гдѣ были одинъ дворъ монастырскій (жилъ дворникъ съ сыномъ) да одинъ дворъ монастыр-

[1]) Срв. д. Подольное въ Уточенской волости за Каменнымъ м-ремъ (на р. Кубенищѣ).

скаго служки; 5) село Воздвиженское (въ Засодимской волости) съ двумя церквами: одна холодная во имя Воздвиженія и другая теплая «съ трапезою» во имя св. Николая; всѣ церковныя принадлежности— «строенье монастырское и мірское тутошнихъ приходныхъ людей»; въ селѣ кромѣ двора монастырскаго и коровьяго насчитано три двора церковнаго причта и два двора монастырскихъ дѣтенышей (людей двое); къ этому селу, между прочимъ, приписана д. Зарѣчье (Зародничье) на рчк. Нодимѣ, въ ней «пашни паханые монастырскіе наѣздомъ, что пашутъ бобыли на монастырскихъ лошадяхъ», 20 десятинъ; въ самой дер. Зарѣчье записанъ только одинъ бобыль; это интересное указаніе на пріемы монастырскаго земледѣльческаго хозяйства вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ о томъ, что тѣхъ или другихъ рабочихъ приходилось командировывать изъ другихъ населенныхъ мѣстъ; пашня *наѣздомъ* здѣсь значится не въ пустоши, а въ дер. живущей. Дворовъ служекъ монастырскихъ въ деревняхъ перечислено 8; изъ восьми людей въ нихъ одинъ служка «увѣчной»; въ дер. Кокошинецъ Корнской волости въ бобыльскихъ дворахъ означенъ одинъ монастырскій дѣтенышъ и въ дер. Дементьевой Засодимской волости во дворѣ крестьянина одинъ пріемышъ. Дворовъ пустыхъ перечислено 4, изъ которыхъ одинъ служки монастырскаго и одинъ Богдашки Нестерова «вышелъ де въ архіепископлю вотчину въ Засодемской волости» (изъ дер. Заболотье той же волости). Всего насчитано за м—ремъ 96 дворовъ крестьянскихъ (людей 161 челов.) и 49 дворовъ бобыльскихъ (людей 57 челов.). Вотчина написана за м—ремъ по выписи съ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Тимоѳея Безобразова да подьячаго Ивана Петрова 128-го и 129-го г.; по этой выписи за м—ремъ значилось 2167 ч. безъ полуосмины въ полѣ (вмѣстѣ съ церковною пашней), а по новому письму—2269 ч. съ осминою. Такимъ образомъ оказывается, что «прибыло сверхъ Тимоѳѣева писма Безобразова» 103 ч. безъ полуосмины въ полѣ. Нашъ итогъ нѣсколько не совпадаетъ съ итогомъ самой писцовой книги; у насъ получается по подсчету 2271,5 чети въ каждомъ полѣ (считая въ томъ числѣ и церковную пашню), а слѣдовательно, примѣрной земли насчитывается не 102,75 ч. въ полѣ, а 104,75 ч. въ полѣ; разница очень ничтожная при столь большомъ земельномъ фондѣ, который оказался у Каменнаго м—ря. Среди изученныхъ 11 монастырей Спаса Преображенія Каменный монастырь по количеству пашни занималъ первое мѣсто. Въ 1665—1676 г.г. было извѣстно подворье Каменнаго м—ря въ Москвѣ за Бѣлымъ городомъ по Срѣтенской улицѣ. По описанію 135-го г. м—рь не былъ сколько-нибудь значительно представленъ на Вологдѣ (см. выше). Пашню, сѣно и лѣсъ сводимъ въ нижеслѣдующую таблицу:

	Пашня.				Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ десятинахъ.	Лѣсъ въ верстахъ (непаш).
	Паханая	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.			
I. Въ Бохтюжской волости (11 дер. и 6 пустошей).	8 м. с. 10 ц. д. 67,5 к. д. 4 к. х.	2 м. с. — 44,75 к. д. 6 к. х.	— — 44,75 к. д. 45,5 к. х.	— — — —	239	20	21 дес. 7,5×5
	10 ч. 79,5 ч.	— 52,75 ч.	— 90,25 ч.	—			
	Всего 222,5 ч. въ полѣ, кромѣ 10 ч. церковной пашни.						
II. Въ Грибцовской волости (1 сц., 3 дер. и 6 пуст.).	12 м. с. 32 к. д. 8 к. х.	3,5 м. с. 6 к. д. 4 к. х.	2,5 м. с. 10 к. д. 55 к. х.	— —	63	6	4×2,5
	52 ч.	13,5 ч.	67,5 ч	—			
	Всего 133 ч. въ каждомъ полѣ.						
III. Въ Засодимской волости (1 село, 3 дер., 15 пуст., да 2 п. займищевы).	11 м. с. 6 ц. с. 46 к. д. — —	7 м. с. — 17,5 к. д. 55 к. с. 10 к. х.	3 м. с. — 12,5 к. д. 154 к. с. 52 к. х.	20 м. д. — — 10 к. с. —	264	7	3,5×3,5
	6 ч. 57 ч.	— 89,5 ч.	— 221,5 ч.	30 ч.			
	Всего 398 ч. въ каждомъ полѣ, кромѣ 6 ч. церковной пашни.						
IV. Въ Корнской волости (2 слц., 1 слободка, 4 дер. и 1 пуст.).	10 м. с. 10 сл. д. 71 к. д. 20 м. х. 3 сл. х.	3,5 м. с. — 18 к. д. 5 м. х.	2,5 м. с. — 12 к. д. 34 м. х.	— — — —	183	8	4×1,5
	114 ч.	26,5 ч.	48,5 ч.	—			
	Всего 189 ч. въ каждомъ полѣ.						

	Пашня.				Сѣно въ копнахъ.	Лѣсъ въ десятинахъ.	Лѣсъ въ верстахъ (непаш).
	Паханая.	Перелогомъ.	Лѣсомъ поросло.	Наѣздомъ.			
V. Въ волости село Богословское Заболотье (1 слц., 4 дер. да 8 пуст.).	20 м. с. 6 сл. д. 12 сл. с. 62 к. д. 18 к. с. —	— — — 55 к. д. 22 к. с. 4 к. х.	— — — 37 к. д. 119 к. с. 49,5 к. х.	— — — — — —	818	2	5,5 дес. 8×6,75
	118 ч.	81 ч.	205,5 ч.	—			
	Всего 404,5 ч. въ каждомъ полѣ.						
VI. Въ Уточенской волости (1 село, 12 дерев., 42 пуст.).	5 ц. д. 20 м. д. 6 сл. д. 149,5 к. д. —	1,5 ц. д. 8 м. д. — 93 к. д. 60,25 к. с. 9,5 к. х.	2,5 ц. д. 5 м. д. — 54,5 к. д. 355,25 к. с. 138,5 к. х.	— — — — —	2470	23	15 дес. 15×5
	5 ч. 175,5 ч.	1,5 ч. 170,75 ч.	2,5 ч. 553,25 ч.	—			
	Всего 899,5 ч, въ каждомъ полѣ, кромѣ 9 ч. церковной пашни.						
А всего въ шести волостяхъ.	21 ч. 596 ч.	1,5 ч. 434 ч.	2,5 ч. 1186,5 ч.	— 30 ч.	4037	66	41,5 дес. 42×24,25 [1]
	Итого по 2246,5 ч. въ каждомъ полѣ, кромѣ 25 ч. церковной пашни.						

Согласно приведенной таблицѣ всего земли, бывшей когда то подъ обработкой, или вообще годной подъ пашню, насчитывается за Каменнымъ м—ремъ 3369,75 десятинъ, въ томъ числѣ пашни паханой 894 десят. (894 : 2475,75).

---

[1]) Технически правильно высчитанный итогъ лѣса даетъ 71,875 кв. в., а на современный счетъ 287,5 кв. вер.

Намъ остается теперь по изученіи *третьей* группы вологодскихъ м—рей въ Заозерской половинѣ древняго Вологодскаго уѣзда представить цифровыя отношенія пашни паханой и пашни перелогомъ съ лѣсомъ поросшей въ одной сводной таблицѣ:

Монастыри.	Пашня въ десятинахъ.			Сѣно въ копнахъ.	Отношеніе пашни паханой къ перелогу съ лѣсомъ пор.
	Паханая.	Наѣздомъ.	Перелогъ и лѣсомъ поросло.		
1. Спасо-Ефимьевъ (1279,875 десят.).	470,625	46,875	762,375	1263	61,7%
2. Глушицкій (2138,25 дес.)	720,0	10,5	1407,75	925	51,1%
3. Спасо-Каменный (3369,75 десят.).	894,0	45,0	2430,75	4037	36,8%
4. За всѣми вмѣстѣ (6787,875 десят.).	2084,625	102,375	4600,875	6225	45,3%

Такимъ образомъ на основаніи всего изученнаго нами писцоваго матеріала является возможнымъ установить, что въ Заозерской половинѣ древняго Вологодскаго уѣзда по письму 1628—1630 г.г. Ѳ. С. Вельяминова-Воронцова и дьяка С. Завѣсина насчитывается 11 монастырей, за которыми намѣрено **10.440,375 десят.** пашни ($855,5+2797+6787,875$) при 9571 копнѣ сѣна ($982+2364+6225$). Въ валовой цифрѣ пашни 10.440,375 десятинъ пашни паханой заключается 3382,375 десятинъ ($256,5+1041,25+2084,625$), пашни наѣздомъ $130,875$ десят. ($25,5+3+102,375$) и пашни перелогомъ да лѣсомъ поросло $6927,125$ десятинъ ($573,5+1752,75+4600,875$). Отношеніе же пашни паханой къ перелогу съ лѣсомъ поросшей составитъ 48,8%. На десятину пашни паханой и наѣздомъ падаетъ въ среднемъ сѣна $2,72$ копны. Всего лѣса за 11 монастырями пашеннаго и непашеннаго насчитано на современный намъ счетъ $156,5$ десятинъ и $2785,75$ кв. верстъ.

V.

Монастырская вотчина въ основахъ своихъ есть та же дворянская вотчина; отличалась она главнымъ образомъ лишь тѣмъ, что станови-

лась внѣ круга земель, подлежащихъ мобилизаціи. Монастырь земель не продавалъ, а разными путями пріобрѣталъ и рѣдко мѣнялъ. Даже наблюденія всего надъ 13 монастырями въ Заозерской половинѣ стараго Вологодскаго уѣзда даютъ намъ указанія на «закладныя пожни» (у Спасо-Ефимьева м—ря), на пожни «мѣновныя» (у Рабанскаго м—ря) и на то, что вотчина исчезнувшаго монастыря (Богородицкаго на Лысой горѣ) пошла не въ общій земельный оборотъ, записана была не въ «порозжіе земли», а зачислена въ церковныя земли «Рожественскаго погоста» на р. Кубенѣ, при чемъ такимъ зачисленіемъ распорядился Помѣстный приказъ, получавшій въ то же время не мало челобитныхъ служилыхъ людей о дачѣ помѣстій на Вологдѣ. Въ 1626-мъ г. объ отписанномъ на государя вологодскомъ помѣстьѣ дьяка Ивана Булыгина д. Лучкину съ деревнями и пустошами въ Кодановской волости, всего 101 четверть доброю землею съ наддачею, били челомъ 30 лицъ, въ томъ числѣ патріаршіе стольники, стряпчіе, сытники, подключники, жильцы, провинціальные дѣти боярскіе и даже «нищей богомолецъ Єиманова монастыря чернецъ Афонасьище Ащиринъ» для «племянничишка своего родного, для Аѳонки Якимова сына Ащирина», при чемъ, какъ видно изъ болѣе позднеи челобитной, «нищей богомолецъ» пользовался личнымъ посѣщеніемъ государя 1 августа Симонова м—ря. Но у него оказался болѣе сильный противникъ—патріаршій стольникъ Ив. Ѳ. Измайловъ, безпомѣстный и безвотчинный (у его отца были помѣстья на Рязани въ Окологородномъ и Понискомъ станахъ), который по особому приговору государя съ патріархомъ и получилъ на Вологдѣ помѣстье, бывшее за Ив. Булыгинымъ. Въ 1627 г. о вологодскомъ помѣстьѣ, бывшемъ за П. Рязановымъ, били челомъ цѣлыхъ 103 лица, самаго разнообразнаго общественнаго положенія. Число примѣровъ подобнаго рода по желанію можно увеличить чуть ли не до безконечности, и матеріалъ этотъ досадно затрудняетъ даже чтеніе столбцовъ Помѣстнаго приказа. Правда, Лысогорская вотчина запустѣла, пустоши не представляли какъ будто особеннаго интереса для челобитчиковъ, тѣмъ не менѣе такое заключеніе далеко не представляется правильнымъ. Въ тѣхъ же столбцахъ Помѣстнаго приказа по Вологдѣ возможно найти сколько угодно приговоровъ—помѣтъ по челобитнымъ о дачѣ въ помѣстье порозжихъ пустошей. На Вологду то и дѣло посылались распоряженія Помѣстнаго приказа о сыскѣ про ту или другую пустошь: «та пустошь въ порозжихъ ли земляхъ, въ помѣстья и въ вотчину кому не отдана ли, къ дворцовымъ селомъ, и къ чернымъ волостямъ, и къ ямскимъ слободамъ, и къ монастырскимъ землямъ не приписана ли». Если нѣтъ, то давалось распоряженіе пустошь описать, измѣрить въ десятины, написать себѣ статьею и отдать челобитчику. Пустоши сами по себѣ не имѣли большого хозяйственнаго значенія, но получать ихъ въ додачу къ

жилому помѣстью было очень важно, и челобитчики, зорко выглядывавшіе каждый свободный клочекъ земли или даже не свободный, а плохо лежавшій, то и дѣло закидывали Помѣстный приказъ челобитными о дачѣ въ помѣстье порожжихъ пустошей. Такимъ образомъ, передача пустой вотчины исчезнувшаго м—ря въ церковныя земли къ погосту, а не въ общій, подлежащій раздачѣ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, земельный фондъ должна обратить на себя особенное вниманіе лишь въ связи съ общимъ порядкомъ раздачи земель. Земля уходила въ мертвыя руки и и переставала обезпечивать служилаго человѣка и приносить хотя бы небольшой доходъ государству. Изъ дѣлопроизводства того же Помѣстнаго приказа мы знаемъ, что порожжія пустоши приносили нѣкоторый доходъ, ибо «ихъ на Вологдѣ воеводы изъ Съѣзжей избы въ *наемъ* погодно» отдавали (срв. еще «отдаютъ де ихъ на Вологдѣ воеводы дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ *на оброкъ*»). Отдавались такія пустоши на оброкъ и крестьянамъ («на Вологдѣ изъ Дьячьи избы»). Такъ изъ дѣла вологжанина Б. З. Раткова видно, что съ половины пустоши Митрополья онъ платилъ оброка на годъ по пять алтынъ, а крестьянинъ вдовы Софьи жены Василія Мартемьянова Сенька Годовикъ съ пустоши Бѣсовой давалъ оброка по гривнѣ на годъ. При такой погонѣ за порожжими пустошами, при возможности отдавать ихъ въ наемъ или на оброкъ какъ мѣстнымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, такъ и ихъ крестьянамъ, фактъ перечисленія пустошей исчезнувшаго Богородицкаго м—ря не въ общій земельный фондъ, а въ церковныя земли, которыя не велѣно класть въ сошное письмо, представляется крайне любопытнымъ [1]). Выступая значительнымъ конкуррентомъ служилыхъ людей въ пріобрѣтеніи и эксплуатаціи земель, монастырь нерѣдко велъ значительные земельные процессы [2]). Въ 135-мъ г. въ Володимерскомъ судномъ приказѣ разбиралось обширное дѣло Спаса-Прилуцкаго м—ря съ вологжаниномъ Иваномъ Розваринымъ о сельцѣ Пятницкомъ. Еще въ 1733 г. указанное дѣло съ нѣкоторыми дефектами имѣлось въ дѣлахъ Вотчинной коллегіи. Къ сожалѣнію, въ настоящее время при обзорѣ столбцовъ этого дѣла не оказалось въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и, повидимому, его надо

[1]) Въ дѣлѣ литвина вологжанина Г. П. Варпоховловскаго 135-го г. упоминаются въ Троицкой трети „оброчная деревенька“ Иконникова; попъ съ церковнымъ дьячкомъ платили „на Вологду въ Розрядъ“ оброка 13 алтынъ на годъ. Варпоховловскій и просилъ себѣ въ помѣстье эту деревеньку, что «написана въ книгахъ на Вологдѣ въ Розрядѣ въ твоихъ государевыхъ въ порожжихъ земляхъ». 20 февраля 135-го г. послѣдовалъ любопытный приказный приговоръ по челобитной: «записать челобитье, а ждать писцовъ, а нынѣ дать не по чему, *по скаскѣ не даютъ*». Всѣ приведенные примѣры заимствованы изъ столбцовъ Помѣстнаго приказа по Вологдѣ, эксплуатированныхъ авторомъ для академическаго изданія «Матеріаловъ».

[2]) Срв. у В. О. Ключевскаго. Боярская Дума, по 2-му изданію стр. 468—470.

считать окончательно утраченнымъ. Въ цѣломъ сосѣди не безъ тревоги должны были смотрѣть на ту сложную паутину, которую плелъ м—рь на Вологдѣ. Монастырскіе земли плотнымъ кольцомъ сжимали тогда мѣстность нынѣшняго Кадниковскаго уѣзда, расположившись по его границамъ и захвативъ себѣ главнѣйшія рыболовныя мѣста: восточный и юго-восточный берега Кубенскаго озера, устья р. р. Верхней Сухоны, Кубены, Ухтюга и др. Почти всегда, правда, встрѣчаемъ оговорку, что рыба ловится на монастырскій обиходъ. Не всегда можно довѣрять такому показанію по существу. Такъ у Глушицкаго м—ря описаны большія рыбныя ловли и цѣлая организація ихъ; м—рь имѣлъ для пріѣзда рыбныхъ ловцовъ особые дворы. Рыбныя ловли Лопотова м—ря были обложены платежомъ оброка въ 14 алтынъ на годъ, при чемъ оговорка о монастырскомъ обиходѣ отсутствуетъ. Земледѣльческое хозяйство, рыбныя ловли, лѣсныя угодья (также соляныя варницы) — предметъ преимущественнаго вниманія монастырей этого уголка стараго Вологодскаго уѣзда. Въ немногихъ случаяхъ встрѣчаемъ указанія на кельи нищихъ. Интересъ представляетъ одно изъ нихъ, уже отмѣченное выше: на погостѣ въ селѣ Покровскомъ Замошской волости у Лопотова м—ря стояло цѣлыхъ 16 келей, въ которыхъ жили нищія *старицы*. Очевидно, то былъ своего рода женскій монастырь, питавшійся, по словамъ писцовой книги, отъ мѣстной церкви Божіей; надо думать, что средства пропитанія доставлялись въ значительной степени монастыремъ. Проф. М. М. Богословскій въ цитованной выше статьѣ приводитъ изъ рукописныхъ источниковъ весьма любопытный образчикъ современной характеристики братіи Печенгскаго монастыря. Почти о каждомъ изъ монаховъ мы встрѣчаемъ здѣсь (стр. 292 и 293) выразительныя приписки: «хмельнаго питья держится не въ малѣ», «живетъ житіе совершенно пьянственное», «пьянства держится съ желаніемъ», или «житіе живетъ къ пьянству желательное, и на кабакъ для напитку бываетъ нерѣдко, *и на ту потребу чинитъ изъ монастырскихъ избытковъ похищеніе*», «мало и съ кабака сходитъ, монастырскаго ничего вѣрить ему невозможно», «житіе преходитъ пьянственное и непотребное». Характеристика составлена была по спеціальному случаю и, быть можетъ, грѣшитъ преувеличеніемъ, но намъ представляется интереснымъ отмѣтить, что эти замѣтки сдѣланы о государѣ—вотчинникѣ. Монастырь, этотъ государь-вотчинникъ, владѣлъ крѣпостными крестьянами и разнаго разряда людьми; весь этотъ людъ несъ на монастырь, какъ бы на государева служилаго человѣка, свой даровой трудъ. Получается картина привольной жизни чернецовъ-вотчинниковъ, которые ежедневно Бога молятъ, но эта свобода и громадность молитвословія опирается всецѣло на рабскій трудъ. Въ монастырь шли постричься и

крестьянинъ, спасавшійся отъ помѣщичьей неволи, и служилый человѣкъ, бѣжавшій отъ тягостей службы, и, говоря нашимъ языкомъ, проворовавшійся чиновникъ. То была своеобразная параллель дворянской вотчинѣ. Въ монастырской вотчинѣ государь-вотчинникъ, преслѣдуя высшія небесныя цѣли, между прочимъ и указанными въ характеристикѣ способами, жилъ за счетъ рабочей части населенія. Стоитъ вглядѣться въ эти сухія писцовыя описанія эксплуатированныя выше до мельчайшихъ деталей, чтобы, идя отъ пашни и угодій, отъ дворовъ и людей во дворахъ, добраться до сути вещей, до этихъ братскихъ келей, въ интересахъ которыхъ создавалась вся эта сложная хозяйственная машина. Государь-вотчинникъ, т.-е. братія, отнюдь не покидали связей съ грѣшнымъ міромъ. Старцы владѣли дворами и лавками въ городахъ, вели торговыя операціи, выпрашивали помѣстья для своихъ родственниковъ и «изъ монастыря въ мірскіе домы ходили почасту». Таже приведенная проф. М. М. Богословскимъ характеристика объ одномъ изъ старцевъ говоритъ, что хотя онъ «въ трудѣхъ послушенъ, только *де къ посестріямъ и къ дѣтемъ его дачею монастырскаго избытка желаніе имѣетъ*»; вообще упоминанія о пристрастіи монаховъ къ посестріямъ, дѣтямъ и родственникамъ не рѣдки, а отлучки братіи изъ монастырей зло, съ которымъ не мало и порою довольно тщетно боролись въ московской Руси. Насъ этотъ фактъ въ данномъ случаѣ интересуетъ менѣе всего съ бытовой стороны. Намъ представляется цѣннымъ замѣтить, что на почвѣ этого факта происходила своеобразная борьба за земли, развивалась сложная судебная кляуза. Передъ нами отъ января—апрѣля 1628 года дѣло смольнянъ А. А. Перфурьева, Г. И. Уварова и вдовы постригшагося смольнянина Кузьмы Скубятина Татьяны, возникшее по челобитью двухъ первыхъ о выгланномъ послѣднею жеребьи на беремя. «Горкая вдова Татьянка Кузминская женишко Скубятина съ дочеришкомъ своимъ зъ дѣвкою съ Манкою» разсказываетъ въ своей челобитной, что въ *126-мъ г.* на государевѣ службѣ подъ Боровскомъ мужа ея «литовскіе люди ранили на смерть, и отъ тое смертные раны» послѣдній постригся. Эта горькая вдова получила вологодское помѣстье своего мужа, ушедшаго въ монастырь, вмѣстѣ съ дочерью «да и зъ беременемъ, что я рожу». «И у меня, государь, у горкіе вдовы судомъ Божьимъ то беремя изошло бездѣтно». Челобитчики на вологодское ея помѣстье (221 четверть) старались уличить вдову въ томъ, что она выгала на беремя, т.-е. что вовсе не была беременна. Это довольно обычный въ практикѣ XVII вѣка пріемъ оттягать у вдовы лишній кусокъ земли, равно какъ и вдовы не стѣснялись объявлять себя беременными, дабы удержать у себя побольше изъ мужнина помѣстья. Но интересъ даннаго дѣла совсѣмъ не въ этомъ и не въ отчаянной жалобѣ вдовы, просившей не вельть истцу владѣть

ея вологодскимъ помѣстьемъ и пустошить его, дабы «я, горкая вдова, отъ ложного челобитья и разоренья и досталь въ конецъ не погибла, и съ дочеришкомъ въ миръ не побрела, и дочеришко бъ мое для бѣдности и разоренья въ дѣвкахъ не засидѣлась». Одинъ изъ истцовъ смольнянинъ Гр. Ив. Уваровъ въ пространной челобитной разсказываетъ Помѣстному приказу, что Татьяна послѣ мужа не осталась беременной и «ничево не роживала», что дочь ея Манка «ещо замужъ не поспѣла, мала, нынѣ десяти лѣтъ», что Кузьма, нынѣ старецъ Корнилій, Скубятинъ постриженъ въ Боровскомъ Пафнутьевѣ монастырѣ, перешелъ потомъ въ вологодскій Спасо-Прилуцкій м—рь и нынѣ за «воровство» изъ м—ря выбитъ, что онъ «къ посестрѣ (т.-е. Татьянѣ Скубятиной) для воровства ѣзживалъ... да и живетъ въ Вологоцкомъ уѣздѣ для воровства съ посестрею своею». «И тотъ, государи, побратимъ ее старецъ Корнило, картинно описываетъ въ своей челобитной Гр. Уваровъ, беспрестанно къ ней пріѣзжаетъ и, съ нею воруя, и живетъ, пріѣзжая, у нее по недѣлѣ, и по двѣ, и платье свое черное, пріѣхавъ къ ней сметываетъ, и наряжаетца въ бѣлые рубашки». Очевидно, обвиненіе Уварова было наиболѣе вѣроятнымъ въ глазахъ Помѣстнаго приказа, не могло вызвать ни особеннаго удивленія, ни крайняго недовѣрія. Справедливымъ оно было въ данномъ случаѣ или нѣтъ, это вопросъ другой, но представляется характернымъ, что такое обвиненіе, связанное съ рѣшительнымъ поступкомъ прилуцкихъ старцевъ, могло быть матеріаломъ для кляузнаго земельнаго процесса.

Василій Сторожевъ.

XIX.

Расправная Палата при Боярской Думѣ.

Въ послѣдней четверти XVII вѣка при Думѣ появилась постоянная комиссія, единственное ея отдѣленіе, получившее названіе «Расправной Палаты». Это учрежденіе, поставленное надъ приказами, естественно, привлекло вниманіе изслѣдователей русскихъ юридическихъ древностей, внимательно использовавшихъ скудный по этому вопросу матеріалъ, состоявшій только изъ разрядныхъ записей о назначеніяхъ въ Расправную Палату и изъ двухъ-трехъ указовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. Оставивъ въ сторонѣ т. XX Русской Исторической Библіотеки и извѣстнаго сочиненія Дмитріева о судебныхъ инстанціяхъ, дающихъ совершенно превратныя понятія о Расправной Палатѣ, укажемъ на двухъ авторовъ, поставившихъ изученіе вопроса на прочное научное основаніе—на проф. Н. Загоскина и на проф. В. О. Ключевскаго.

Проф. Загоскинъ тщательно собралъ весь печатный матеріалъ, касающійся Палаты и опредѣлилъ кругъ дѣятельности этого учрежденія, «возникшаго, вѣроятно, въ виду необходимости придать болѣе твердую и правильную организацію судебно-инстанціонной функціи Думы», при чемъ «уничтожалась необходимость въ учрежденіи особой комиссіи для вѣдѣнія Москвы на случай каждой отлучки царя изъ столицы» [1]).

Проф. В. О. Ключевскій, посвящая Расправной Палатѣ нѣсколько страницъ въ своемъ классическомъ трудѣ «Боярская Дума древней Руси», также вполнѣ опредѣленно указываетъ на роль Палаты, какъ постоянной думской комиссіи для разбора тяжебныхъ дѣлъ, восходившихъ отъ приказовъ «вверхъ»; къ боярамъ, и замѣщенія Думы по текущимъ дѣламъ управленія на время отсутствія царя. Вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) Н. Загоскинъ. Исторія права Московскаго государства, т. II, вып. 1, стр. 84-88.

проф. В. О. Ключевскій высказываетъ догадку о времени возникновенія Палаты и указываетъ дату, когда она прекратила свое существованіе [1]).

Когда было получено ясное представленіе о томъ, что такое Расправная Палата, то ученое изслѣдованіе было обращено на расширеніе свѣдѣній о Палатѣ и на попытки поставить ее въ ряду другихъ учрежденій XVII вѣка. А. А. Голубевъ первую главу своей статьи «Расправная Палата при Сенатѣ» посвящаетъ разсказу о судьбѣ Палаты до учрежденія Сената и даетъ нѣсколько выписокъ изъ неизданныхъ документовъ о лицахъ, сидѣвшихъ «у расправныхъ дѣлъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ А. А. Голубевъ полемизируетъ съ проф. В. О. Ключевскимъ и утверждаетъ, что Расправная Палата непрерывно существовала съ 1681 до 1719 года [2]). Проф. В. Сергѣевичъ, не привлекая новаго матеріала, характеризуетъ дѣятельность Палаты такъ же, какъ и его предшественники, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ интересную попытку указать на генезисъ этого учрежденія и доказываетъ, что исторію Палаты мы должны начинать съ опричнины Іоанна Грознаго [3]). Въ общихъ очеркахъ исторіи русскаго права ни одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей (проф. Владимірскій-Будановъ, проф. Дьяконовъ и др.), конечно, не могъ обойти безъ вниманія такое важное учрежденіе, какъ Расправная Палата, но они повторяютъ то, что сказано проф. Загоскинымъ и проф. Ключевскимъ.

Итакъ, время и характеръ дѣятельности Расправной Палаты въ общихъ чертахъ выясненъ, контуръ очерченъ талантливыми и опытными руками, и мнѣ предстоитъ скромная задача легкими штрихами заполнить детали. Матеріалъ я буду черпать изъ очень интересной, недавно мною найденной, книги дѣламъ, взнесеннымъ въ Расправную Палату изъ Посольскаго и причисленныхъ къ нему приказовъ—Владимірскаго, Галицкаго, Новгородскаго, Устюжскаго и княжества Смоленскаго, отъ 11 октября 1689 года по 13 марта 1694 года. Руководясь этимъ спискомъ, я нашелъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ среди Приказныхъ Дѣлъ Старыхъ Лѣтъ, Монастырскихъ и Смоленскихъ болѣе 30 подлинныхъ дѣлопроизводствъ, изъ которыхъ, однако, далеко не всѣ сохранились полностью.

Небольшой матеріалъ о личномъ составѣ Палаты извлеченъ мною изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи изъ дѣлъ Разряднаго приказа.

---

[1]) В. Ключевскій. Боярская Дума древней Руси. Изд. 2, стр. 425—428.

[2]) Описаніе документовъ и бумагъ хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, книга V.

[3]) В. Сергѣевичъ. Древности русскаго права, т. II.

Первый указъ, въ которомъ комиссія для расправныхъ дѣлъ упоминается, какъ постоянное учрежденіе, извѣстенъ намъ подъ 9 маемъ 1681 года, когда къ кн. Н. И. Одоевскому «у расправныхъ дѣлъ и какъ онъ, великій государь, изволитъ быть въ походахъ, и имъ быти на Москвѣ» назначены въ товарищи 3 боярина, 3 окольничихъ, 3 думныхъ дворянъ и 12 дьяковъ, названныхъ думными, хотя изъ нихъ только Е. И. Украинцевъ носилъ это званіе [1]). Самъ кн. Н. И. Одоевскій, повидимому, былъ и раньше у расправныхъ дѣлъ. Еще въ февралѣ того же 1681 года онъ слушалъ, засѣдая съ боярами, дѣла по докладу изъ приказовъ. Дѣло о наслѣдствѣ кн. И. И. Лобанова-Ростовскаго три раза взносилось къ боярамъ Н. И. Одоевскому съ товарищи въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1681 года. По листамъ этого дѣла находимъ такую запись: «То дѣло по росписи Посолскаго приказу у подьячаго у Ивана Волкова въ Золотую Палату подьячей Ѳедотко Москалевъ взялъ и расписался» [2]). Надо замѣтить, что подьячій Ѳ. Москалевъ служилъ въ Московскомъ Судномъ приказѣ и неоднократно получалъ командировки для занятій «у расправныхъ дѣлъ». До 1681 года попадаются приговоры кн. Н. И. Одоевскаго съ тов.; но надо думать, что это приговоры Думы, въ которой старшимъ былъ именно кн. Одоевскій, тѣмъ болѣе, что имѣемъ не мало дѣлъ, рѣшенныхъ въ приказахъ и потомъ или взнесенныхъ на верхъ къ государю, или пересмотрѣнныхъ въ томъ же приказѣ, который вынесъ первое рѣшеніе. Вѣдалъ Москву въ сентябрѣ 1680 года во время отсутствія царя не князь Никита, а князь Яковъ Одоевскій.

Такимъ образомъ можно съ большой долей увѣренности сказать, что постоянная судная комиссія стала существовать съ начала 1681 года, т.-е. въ періодъ кипучей дѣятельности Московскаго правительства и во внутренней, и во внѣшней политикѣ. Около этого времени уничтожено было мѣстничество, и стала нарождаться новая служилая аристократія. Своеобразнымъ табелемъ о рангахъ долженствовалъ служить уставъ о старшинствѣ бояръ, проектъ котораго сохранился до нашего времени. Въ этомъ уставѣ роль боярина первой степени очерчена въ такихъ выраженіяхъ, что мы въ немъ безъ труда узнаемъ предсѣдателя Расправной Палаты. По уставу онъ дѣйствуетъ не одинъ, «а съ нимъ нашего-жъ Царского Величества боляръ и думныхъ людей дванадесять лицъ», и члены этой коллегіи «въ нашей Царского Величества къ тому устроенной Полатѣ должни всегда пребывати и испытно вѣдати, чтобъ всякій судья исполнялъ нашего Царского Величества повелѣніе и градской судъ праведно и разсудительно; ащелибъ кого неповинно осудили,

---

[1]) Дворцовые Разряды, т. IV, стр. 187.
[2]) Прик. Дѣла Ст. Лѣтъ 1681 г. № 149.

и этой боляринъ съ товарищи своими долженъ того дѣля разсмотрити и безпомощнаго избавити отъ неправды по правдѣ его отъ руки сильнаго»[1]). Дѣйствительно, первый по старшинству бояринъ, кн. Н. И. Одоевскій, занялъ мѣсто болярина первой степени и сталъ во главѣ коллегіи, пересматривавшей рѣшенія судей по челобитьямъ обиженныхъ. И обиженныхъ въ этотъ періодъ было больше, чѣмъ когда-либо прежде, потому-что московская волокита и продажность судей достигла неслыханныхъ размѣровъ.

Созданная въ началѣ 1681 года комиссія, какъ можно прослѣдить по дѣламъ, существовала годъ съ небольшимъ: она выноситъ свои приговоры, пополняется новымъ лицомъ (кн. И. Б. Троекуровымъ)[2]); но съ мая 1682 года, со смутнаго времени, она, повидимому, прекращаетъ свое существованіе, часть ея членовъ разослана по воеводствамъ и полкамъ, а часть назначена присутствовать въ приказахъ. Предсѣдатель ея, кн. Н. И. Одоевскій получаетъ назначеніе на хлопотливый и отвѣтственный постъ — завѣдывать приказомъ Большой Казны. Въ дѣлахъ теперь находимъ тѣ же дьячьи помѣты, которыя часто попадаются въ дѣлахъ до 1681 года, о пересмотрѣ обжалованнаго рѣшенія приказа или въ томъ же приказѣ, или самимъ государемъ. Напримѣръ, Помѣстный приказъ 6 іюля 1682 года подтверждаетъ свое прежнее рѣшеніе[3]). Завѣдывала Москвой въ отсутствіе царей въ іюнѣ 1682 года комиссія подъ предсѣдательствомъ уже не кн. Одоевскаго, а кн. Хованскаго. Ни въ одномъ документѣ намъ не встрѣтилось ни малѣйшаго указанія на существованіе постоянной судной комиссіи.

Только съ іюля 1683 года опять находимъ «въ Палатѣ у расправныхъ дѣлъ» думныхъ людей подъ предсѣдательствомъ кн. М. А. Голицына[4]), по матеріалъ, имѣющійся въ нашемъ распоряженіи, очень скуденъ и ограничивается свѣдѣніями о назначеніи въ Палату товарищей къ кн. Голицыну, назначеніи подьячихъ и истребованіи въ Палату для чего-то Ивана Журковскаго[5]). Можетъ быть, властолюбіе правительницы и ея главнаго помощника кн. В. В. Голицына поставило Палату на второй планъ въ ряду государственныхъ учрежденій, признакомъ чего служитъ назначеніе на предсѣдательское мѣсто кн. М. А. Голицына, занимавшаго далеко не первое мѣсто среди бояръ, а съ другой стороны кн. В. В. Голицынъ, управлявшій Посольскимъ и причисленными къ нему приказами, не стѣснялся съ лицами, недовольными

---

1) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, кн. 1, отд. II, стр. 24.
2) С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. III, стр. 941.
3) С. Шумаковъ. Сотницы и грамоты, вып. IV, стр. 56.
4) Московскаго стола Разряднаго приказа столбецъ № 650, л. 366.
5) Того же стола столбецъ № 670, л. 435.

его рѣшеніями, такъ что отбивалъ всякую охоту жаловаться. Онъ или не принималъ челобитій о взносѣ дѣла въ высшую инстанцію или же составлялъ такой докладъ, что участь челобитчика только отягчалась. Поучителенъ разсказъ поповича А. Войлочникова, который обвинялъ М. Веденіктова въ захватѣ бочки коноплянаго масла. Разсматривавшій дѣло кн. В. В. Голицынъ приказалъ дать отвѣтчику вѣру. Считая такой способъ выясненія истины незаконнымъ и требуя полнаго разслѣдованія, истецъ хотѣлъ подать кн. Голицыну челобитье о взносѣ дѣла на верхъ, но кн. Голицынъ челобитья не принималъ, грозилъ батогами и даже держалъ за рѣшеткой. Однако, улучивъ благопріятный моментъ, Войлочниковъ подалъ царямъ челобитье во время ихъ путешествія въ Троицкій монастырь. Цари приказали рѣшить дѣло думному дьяку Е. И. Украинцеву, а если не мочно, то взнести опять на ихъ разсмотрѣніе. Конечно, Украинцевъ и дѣла не рѣшилъ, и царямъ не докладывалъ, и только послѣ паденія Голицына дѣло перешло въ Расправную Палату [1]). Одинъ челобитчикъ рѣшился принести жалобу на рѣшеніе кн. В. Голицына, но по докладу послѣдняго самъ былъ присужденъ уплатить ему безчестье [2]). Въ апелляціонной жалобѣ Григ. Неклюдова, поданной въ Расправную Палату, откровенно говорится: «а спорить того князя В. Голицына приговору я при немъ не смѣлъ [3]). Не смотря на то, что Палата расправныхъ дѣлъ несомнѣнно существовала, кн. В. Голицынъ самъ пересматриваетъ свои рѣшенія, иногда даже ихъ отмѣняетъ. Можно указать за 1683—1685 годъ множество помѣтъ, которыми поручалось приказу дѣло рѣшить, а если не мочно, то доложить государямъ, но мы не знаемъ ни одной помѣты о взносѣ тяжбы въ Палату расправныхъ дѣлъ. Чѣмъ занималась Палата подъ руководствомъ кн. М. А. Голицына, не ясно. Съ одной стороны, не только дѣла Посольскаго, но и другихъ приказовъ, миновали ее, на что указываетъ помѣта 3 декабря 1684 года на одномъ дѣлѣ, поступившемъ въ Мастерскую Палату, о взносѣ выписки государямъ, если кн. Б. И. Прозоровскій не найдетъ возможнымъ учинить указъ [4]), а съ другой стороны завѣдываніе Москвой не всегда поручалось въ отсутствіе царей кн. М. А. Голицыну. Въ сентябрѣ 1683 года Палата расправныхъ дѣлъ существовала, а цари, отправляясь въ продолжительное путешествіе въ Суздаль, Владиміръ и Троицкую Лавру, оставили въ Москвѣ комиссію подъ предсѣдательствомъ кн. Н. И. Одоевскаго изъ начальниковъ различныхъ приказовъ: Суднаго Владимірскаго, Суднаго Московскаго, Холопья суда и пр. [5]). Энергичное правительство

[1]) П. Д. С. Л. 1687 г. № 153.
[2]) П. Д. С. Л. 1679 г. № 376.
[3]) П. Д. С. Л. 1679 г. № 228.
[4]) Монастырскія дѣла 1683 г. № 18.
[5]) Дворцовые Разряды, т. IV. стр. 247.

царевны Софьи, вѣроятно, съ трудомъ мирилось съ существованіемъ учрежденія, могущаго принимать жалобы на приказы и рѣшать дѣла безъ доклада высшей власти. 30 января 1685 г. Палаты, очевидно, уже не существовало: въ этотъ день состоялось назначеніе трехъ бояръ, составлявшихъ ядро Палаты, кн. М. А. Голицына, кн. М. Г. Ромодановскаго и И. Ѳ. Волынскаго на воеводства въ Курскъ, Псковъ и Астрахань. Характерно назначеніе ихъ всѣхъ въ одинъ день. О новыхъ назначеніяхъ въ Палату нѣтъ никакого слѣда, ея не существовало и дѣла, рѣшенныя въ приказахъ, или разсматривались въ тѣхъ же приказахъ (и въ Посольскомъ, и въ Помѣстномъ), или взносились въ докладъ государямъ. При частыхъ отлучкахъ государей изъ Москвы, столицу вѣдали комиссіи самаго разнообразнаго состава, назначались или новыя лица въ предсѣдатели, или новые къ нимъ товарищи.

Такъ продолжалось до сентябрьскаго переворота 1689 года. Еще 1 сентября этого года кн. В. Голицынъ перерѣшилъ дѣло и отмѣнилъ свой приговоръ отъ 30 апрѣля, а 12 сентября, только что освободившійся отъ опеки сестры, царь Петръ возстановляетъ Расправную Палату подъ предсѣдательствомъ кн. Я. Н. Одоевскаго, который съ этого времени разсматриваетъ поступившія въ Палату вершенныя дѣла и вѣдаетъ Москву въ случаѣ отсутствія высшей власти.

27 августа 1691 года составъ членовъ Расправной Палаты измѣнился и въ главѣ ея былъ поставленъ кн. М. Я. Черкасскій, хотя другой бояринъ, сидѣвшій въ Палатѣ кн. М. Г. Ромодановскій былъ старше предсѣдателя. Въ этомъ составѣ за небольшими измѣненіями Расправная Палата существовала до 17 марта 1694 года, когда былъ изданъ указъ, предписывавшій дѣла невершенныя и опротестованныя разсматривать боярамъ *всѣмъ*, т.-е. не въ особой комиссіи. Послѣдніе годы Расправная Палата работала какъ то вяло, задерживала дѣла подолгу безъ разсмотрѣнія, да и притокъ дѣлъ изъ приказовъ замѣтно уменьшился, можетъ быть, именно вслѣдствіе волокиты. Неразсмотрѣнныя дѣла лежали въ архивѣ Палаты еще въ 1700 г., когда царскимъ указомъ предписывалось такія дѣла разнести по приказамъ, откуда они поступили, при чемъ напоминается, что думными дьяками въ Расправной Палатѣ были П. Прокофьевъ и П. Возницынъ. Послѣднее обстоятельство, кажется, вполнѣ опровергаетъ утвержденіе А. А. Голубева, что Палата продолжала существованіе и послѣ указа 1694 года. Конечно, въ такомъ случаѣ въ ней были бы думные дьяки, имена которыхъ и были бы приведены, а никакъ не имена Прокофьева и Возницына, изъ которыхъ первый ѣздилъ въ 1696 году въ Польшу, а второй входилъ въ составъ знаменитаго великаго посольства и былъ за границей въ 1697—1699 годахъ.

Расправная Палата возродилась только въ 1707 г., когда были назначены и бояре, и низшіе служащіе, а также посланы во всѣ приказы послушныя грамоты [1]).

Число членовъ Расправной Палаты не было постояннымъ: 11—12 думныхъ людей, а въ первое назначеніе даже 22 человѣка, но, какъ выше уже замѣчено, дьяки оказались простыми, а не думными. Совмѣстительство съ другими должностями для членовъ Палаты допускалось, повидимому, какъ исключеніе. Такъ князья Одоевскіе, состоя предсѣдателями Расправной Палаты, въ то же время завѣдывали Аптекарскимъ приказомъ, который отнималъ у нихъ, впрочемъ, немного времени. Кн. И. Б. Троекуровъ краткое время былъ въ Палатѣ, занимая должность начальника Помѣстнаго приказа. Другихъ случаевъ совмѣстительства прослѣдить не удалось. Когда окольничій кн. Д. Н. Щербатый назначенъ былъ въ Владимірскій судный приказъ, то въ тотъ же день въ Расправную Палату назначенъ другой, окольничій И. С. Хитрово. На приговорахъ ставилось только имя предсѣдательствующаго съ обычной прибавкой «съ товарищи».

Кромѣ высшихъ чиновъ при Расправной Палатѣ состоялъ значительный штатъ низшихъ. Во главѣ канцеляріи стоялъ дьякъ, съ приписью котораго посылались изъ Палаты указы. Подъ руководствомъ дьяка находились подьячіе, командированные изъ разныхъ приказовъ. Въ 1683 году у расправныхъ дѣлъ состояли 13 подьячихъ Помѣстнаго приказа, 9 подьячихъ Владимірскаго и Московскаго Судныхъ приказовъ. Въ январѣ 1684 г. командированы въ Палату изъ Московскаго Суднаго приказа 5, Владимірскаго Суднаго 1, Помѣстнаго 2 и Казанскаго Дворца 2 подьячихъ [2]). Въ 1690 г. попадается имя подьячаго изъ Дворцоваго Суднаго приказа [3]). Срокъ командировки полагался мѣсячный, послѣ чего подьячіе возвращались въ свои приказы, а на ихъ мѣсто назначались новые. Эти командировки были для подьячихъ, должно быть, не особенно пріятны, по крайней мѣрѣ, они бьютъ челомъ объ отпускѣ, если ихъ задерживаютъ долѣе назначеннаго срока. Въ девяностыхъ годахъ, повидимому, подьячіе уже не командировались на одинъ мѣсяцъ, а назначались въ Расправную Палату на постоянную должность, и мы встрѣчаемъ одни и тѣ же имена въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подъ рядъ. Для посылокъ къ Расправной Палатѣ прикомандировывались 2 или 3 человѣка изъ дѣтей боярскихъ. Архивъ Палаты былъ очень невеликъ, если въ немъ не залеживались дѣла, и состоялъ, повидимому, только изъ книгъ, въ которыя записывались взнесенныя

---

[1]) Разрядная вязка № 44, дѣло № 48.
[2]) Московскаго стола столбецъ № 650.
[3]) Монастырскія дѣла 1689 г. № 53.

изъ приказовъ дѣла. Приговоры и отпуски указовъ хранятся среди приказныхъ дѣлъ.

Комиссія, вѣдавшая Москву въ отсутствіе царя, засѣдала большею частью въ Столовой или Передней Палатахъ и вела оживленную переписку съ царемъ. Своимъ правомъ рѣшать самостоятельно менѣе важныя дѣла комиссія пользовалась съ большою осторожностью, особенно въ періодъ правленія царевны Софьи и приговоровъ сохранилось очень мало, но зато въ дѣлахъ Разряднаго приказа найдемъ многочисленные доклады царямъ съ препровожденіемъ выписокъ изъ воеводскихъ донесеній или съ приложеніемъ подлинныхъ документовъ, сообщенія о мало-мальски выдающихся событіяхъ; найдемъ и царскіе приказы иногда по очень незначительнымъ дѣламъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти дѣлъ комиссій по завѣдыванію Москвой отъ 1689 по 1694 годъ, когда Расправная Палата засѣдала непрерывно.

Важнѣе дѣятельность Палаты, какъ высшаго судебнаго учрежденія «по расправнымъ дѣламъ». Засѣдала она въ Золотой Палатѣ и потому названія Расправная Палата и Золотая Палата были равнозначущи.

Какія дѣла поступали въ Расправную Палату? По названіямъ намъ извѣстно около 150 дѣлъ, изъ которыхъ больше трети падаетъ на споры о деревняхъ, пустошахъ и пожняхъ. Слѣдующую по количеству группу составляютъ дѣла о неисполненіи обязательствъ, скрѣпленныхъ такими актами, какъ кабальныя, поручныя, закладныя и порядныя записи. Много дѣлъ о бѣглыхъ и спорныхъ крестьянахъ. Далѣе идутъ дѣла о спорныхъ лавкахъ, дворахъ, мельницахъ, взятыхъ товарахъ, нѣсколько дѣлъ о безчестьѣ, разверстѣ между сосѣдними уѣздами расходовъ по ямской гоньбѣ, 4 дѣла о воровскомъ насильномъ наѣздѣ на деревню, 3 дѣла по жалобамъ на воеводъ въ налогахъ и разореніи, по дѣлу о выморочномъ имуществѣ, о завѣщаніи, объ измѣнѣ (очевидно, не политическаго характера), о ябедничествѣ, о справѣ помѣстья мужа за женою послѣ развода, о неправильномъ присвоеніи Иваномъ Строгановымъ этой фамиліи, объ убійствѣ. Какъ видно изъ этого обзора, подавляющая масса дѣлъ принадлежитъ къ числу гражданскихъ и очень немного къ числу уголовныхъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ извѣстны намъ не только по названіямъ, но сохранилось и подлинное дѣлопроизводство, и во всѣхъ этихъ случаяхъ уголовное преступленіе разсматривается только съ точки зрѣнія гражданскаго иска. Равно и воеводское притѣсненіе переводится на опредѣленную сумму убытковъ, понесенныхъ потерпѣвшими. Такимъ образомъ, можно сказать, что Расправная Палата была высшей инстанціей по гражданскимъ дѣламъ. Внушаетъ сомнѣніе только такая запись: «Сентября въ 18 день 199 г. взнесено дѣло въ Расправную Палату

Симонова монастыря архимандрита Гаврила з братьею съ Матвѣемъ Евлаховымъ въ убивствѣ Симонова-жъ монастыря слушки Васки Иванова и въ бою и въ увѣчьѣ крестьянъ и въ грабежѣ». Думается, что и здѣсь все ограничивалось гражданскимъ искомъ, такъ какъ дѣла объ убійствѣ восходили обычно на рѣшеніе верховной власти.

Дѣла въ Расправную Палату взносились или по иниціативѣ приказа, или по челобитью одной изъ тяжущихся сторонъ. Въ первомъ случаѣ приказъ, не рѣшивъ спора по неясности закона или по запутанности дѣла, искалъ компетентныхъ указаній высшей инстанціи. Иниціатива эта проявлялась очень туго; во всѣхъ случаяхъ, когда мы можемъ прослѣдить ходъ дѣла, возбудившаго въ приказѣ сомнѣніе и переданнаго въ Расправную Палату, находимъ дьячью помѣту, что царь указалъ учинить указъ въ томъ или иномъ приказѣ, а «зачѣмъ указу учинить не мочно, и то дѣло взнесть въ Расправную Палату» или «взнесть къ боярамъ ко кн. Н. И. Одоевскому съ товарищи». Помѣты о взнесеніи дѣлъ, которыхъ зачѣмъ вершить не мочно, государямъ за періодъ предсѣдательствованія въ Палатѣ князей Никиты и Якова Одоевскихъ очень рѣдки.

По челобитью сторонъ въ Расправную Палату взносились дѣла, по которымъ приказъ или задерживалъ своимъ рѣшеніемъ, или, по мнѣнію челобитчика, далъ неправильное направленіе, или вынесъ неправильное рѣшеніе. Дѣла, не бывшія на разсмотрѣніи приказовъ, поступали въ Палату очень рѣдко. Дѣло Новгородскаго Духова монастыря съ Новгородскимъ дворяниномъ Аѳ. Базловымъ было рѣшено Новгородскимъ воеводой княземъ Прозоровскимъ, а потомъ прислано въ Новгородскій приказъ, но власти, не жалуясь ни въ чемъ на приказъ, просили взнесть дѣло въ Расправную Палату, и государи удовлетворили просьбу [1]. Другой случай имѣется въ дѣлѣ Ганки и Куземки Солоденниковыхъ, обозвавшихъ Вологодскаго старожила, бывшаго у писцоваго дѣла, воромъ; приговоръ былъ вынесенъ воеводой Борисомъ Змѣевымъ и обжалованъ Солоденниковыми, минуя приказъ, прямо въ Расправной Палатѣ, которая не только отмѣнила приговоръ, но и наказала воеводу взысканіемъ съ него проѣстей и волокиты [2]. Думать, что въ данномъ случаѣ Расправная Палата судитъ по преступленіямъ должностныхъ лицъ въ первой инстанціи, было бы не основательно, такъ какъ жалоба Чарондцевъ на воеводу Лаврентія Змѣева въ разореніи, взяткахъ, мученіи, убійствѣ трехъ человѣкъ (все это оцѣнивалось, какъ убытокъ въ 1070 руб.) направлено по помѣтѣ думнаго дьяка въ Устюжскій приказъ и только въ случаѣ, если думный дьякъ Е. И. Украинцевъ не рѣшится вынести своего приговора, дѣло дол-

[1] Монастырскія дѣла 1687 г. № 17.
[2] П. Д. С. Л. 1691 г. № 242.

жно поступить въ Палату. Вторичное челобитье Чарондцевъ направило дѣло прямо въ Расправную Палату [1]).

Приведенные случаи свидѣтельствуютъ о неустойчивости того общаго правила, которое подчеркивается въ помѣтахъ думныхъ дьяковъ и въ приговорахъ Палаты, что всякое дѣло сперва должно быть на разсмотрѣніи въ приказѣ и только тогда можетъ быть взнесено въ Расправную Палату. Власти Симонова монастыря искали на монастырскомъ служкѣ Борискѣ убытковъ въ 563 руб. Только что дѣло поступило въ Посольскій приказъ, какъ Бориска подалъ челобитье о взносѣ дѣла въ Расправную Палату, которая дѣло разсматривать не стала, а возвратила въ приказъ [2]). Въ спискѣ дѣлъ, взнесенныхъ въ Расправную Палату, находимъ запись, что дѣло Т. Домецкой съ полковникомъ Циклеромъ о спорной вотчинѣ снесено изъ Палаты въ приказъ, потому-что взнесено не вершенное. Пос. ч. Петрушка Кононовъ жалуется, что его тяжба со старцемъ Иринархомъ рѣшена воеводой неправильно и проситъ дѣло взнесть въ Расправную Палату, но государи велѣли указъ учинить д. д. Украинцеву [3]).

Понятіе о волокитѣ, за отсутствіемъ сроковъ разсмотрѣнія дѣлъ въ приказахъ, понимается челобитчиками различно. Бывали случаи, что дѣло залеживалось въ приказѣ до полугода, не вызывая протеста сторонъ, а иногда очень незначительная задержка вызывала жалобу, что приказъ дѣла не вершитъ и указа не учинилъ. 24 декабря 1689 г. д. д. Украинцевъ получилъ порученіе разсмотрѣть челобитную властей Вышеостровскаго Олонецкаго монастыря объ откупѣ рыбныхъ ловель. 3 января 1690 года, т.-е. черезъ 10 дней, власти снова бьютъ челомъ, чтобы дѣло было взнесено въ Расправную Палату, такъ какъ д. д. Украинцевъ и самъ указа не ученилъ и вверхъ не взнесъ [4]). Нѣкоторые челобитчики, зная о недружбѣ судей, старались во избѣжаніе волокиты перенести дѣло въ другой приказъ, и правительство съ эпическимъ спокойствіемъ сознается, что его ближайшіе агенты способны не только затянуть дѣло, но и помѣшать разсмотрѣнію тяжбы въ высшей инстанціи. Царь указалъ думному дьяку Е. И. Украинцеву передать дѣло И. А. Желябужскаго съ И. Ѳ. Окинѳовымъ изъ Новгородскаго приказа въ Стрѣлецкій, соглашаясь съ опасеніемъ Желябужскаго, что «ты Окинѳову другъ и тѣхъ дѣлъ не вершишь и въ Расправную Палату къ боярамъ не взнесешь» [5]).

---

[1]) П. Д. С. Л. 1690 г. № 101.
[2]) Книга Посольскаго приказа № 8, л. 124.
[3]) П. Д. С. Л. 1692 г. № 49.
[4]) Монастырскія дѣла 1689 г. № 53.
[5]) П. Д. С. Л. 1692 г. 62.

Возстановленіе нарушенныхъ процессуальныхъ формъ производилось Расправной Палатой не только по окончаніи, но и въ серединѣ судебнаго дѣла, такъ что имѣется рядъ дѣлъ, поступившихъ въ Палату невершенными, и приговоровъ, въ которыхъ дается указаніе, какъ надо вести процессъ. Въ 1687 г. кн. В. В. Голицынъ, разсматривая дѣло по жалобѣ Бронной слободы тяглеца Я. Еремѣева на иноземца Адольфа Гутмана въ бою и увѣчьѣ, велѣлъ дать исцу вѣру, но тотъ остался этимъ недоволенъ и, боясь жаловаться на кн. Голицына, пріостановилъ ходъ дѣла на 3 года. Только въ 1690 г. Еремѣевъ подалъ жалобу въ Расправную Палату, указывая, что у него съ Гутманомъ была общая ссылка, и потому присяги примѣнять не слѣдовало. Бояре, однако, одобрили распоряженіе кн. Голицына [1]).

Самый обширный разрядъ дѣлъ, поступавшихъ по челобитьямъ сторонъ въ Расправную Палату, это дѣла, вершенныя въ приказахъ, по мнѣнію челобитчиковъ, неправильно. Жалоба обыкновенно была подробно мотивирована съ изложеніемъ хода дѣла. Только изрѣдка находимъ челобитье, глухо заявлявшее, что дѣло рѣшено не противъ указовъ и Уложенья, по недружбѣ, безъ подлиннаго розыска. Ссылка на нарушенныя статьи Уложенія—обычный мотивъ жалобы, или же указывается, что въ дѣлѣ выписаны неподходящія статьи Уложенія. Неправильно сдѣланная въ приказѣ выписка изъ дѣла и внесеніе уже послѣ судоговоренія новыхъ или оставленіе безъ вниманія неопороченныхъ документовъ также даютъ матеріалъ для челобитья.

Если дѣло было на разсмотрѣніи у государя, то Расправная Палата, конечно, отказывалась пересматривать его. Въ одной дьячей помѣтѣ такъ и читаемъ: «в. г. пожаловалъ, велѣлъ, будетъ тѣ дѣла вершены въ приказѣ, а въ докладѣ не были, взнесть къ боярамъ, ко кн. Я. И. Одоевскому съ тов.» [2]). Опочецкіе рейтары жаловались, что земли, пожалованныя имъ вмѣсто кормовъ, у нихъ отписаны на Красногородскихъ солдатъ, а Новгородскій приказъ по этой претензіи не выноситъ своего рѣшенія. Дѣло было взнесено въ Расправную Палату, но оттуда невершенное отослано обратно въ приказъ, такъ какъ передача земель состоялась по именному царскому указу ***). Въ другомъ случаѣ, по тяжбѣ Старорушанъ съ Спасскимъ монастыремъ о пожняхъ и рыбныхъ ловляхъ, рѣшенной именнымъ указомъ, выписка была взнесена въ Расправную Палату и тамъ лежала $1^1/_2$ года, пока по новому челобитью не была возвращена въ приказъ для исполненія приговора по прежнему указу [4]). Можно было жаловаться по подобнымъ дѣламъ

[1]) П. Д. С. Л. 1686 г. № 174.
[2]) П. Д. С. Л. 1689 г. № 235.
[3]) П. Д. С. Л. 1691 г. № 145.
[4]) Монастырскія дѣла 1690 г. № 27.

только въ томъ случаѣ, если челобитчики находили, что царскій указъ приводится въ исполненіе неправильно.

Челобитье подавалось обыкновенно въ томъ приказѣ, гдѣ находилось дѣло, но мы знаемъ нѣсколько случаевъ, когда просители обращались съ своими жалобами въ Золотой Палатѣ къ самому предсѣдателю Расправной Палаты. Челобитье это должно имѣть помѣту думнаго дьяка (подписано) объ указѣ государя взнесть дѣло въ Палату. Подписывали челобитную различные думные дьяки, и тѣ которые засѣдали въ Расправной Палатѣ, и тѣ, которые служили въ приказахъ, но не въ томъ, на дѣйствія котораго направлена жалоба. Значеніе челобитья, которое подписывалось безъ справки съ подлиннымъ дѣломъ, было очень велико. Челобитчикъ, утаивая нѣкоторыя неблагопріятныя для него обстоятельства и документы, могъ привести очень убѣдительные доводы въ защиту своей просьбы. Истецъ проситъ взнесть дѣло въ Расправную Палату, царь указываетъ взнесть; отвѣтчикъ бьетъ челомъ, чтобы дѣло было возвращено въ приказъ, какъ неподлежащее разсмотрѣнію Палаты, царь указываетъ возвратить [1]).

Сроковъ для подачи жалобы на рѣшеніе приказа не было установлено или по словамъ кн. Одоевскаго «въ Уложеньѣ о томъ, какъ исцамъ въ обидахъ своихъ на отвѣтчиковъ бить челомъ, урочныхъ лѣтъ не положено» [2]). Дѣйствительно, послѣ паденія царевны Софьи въ Расправную Палату поступили старыя, казалось, забытыя дѣла. Приговоръ приказа немедленно вступалъ въ силу, если только недовольный не успѣвалъ заявить о своемъ намѣреніи подать жалобу. Посадскій человѣкъ Петрушка Кононовъ, проигравшій тяжбу со старцемъ Иринархомъ, всячески оттягивалъ продажу своего имущества и утверждая, что подалъ жалобу въ Расправную Палату, нѣкоторое время проводилъ такого опытнаго дѣльца, какъ думный дьякъ Е. Украинцевъ [3]). Но вообще, затягивать дѣло, перенося его въ Палату, было невыгодно, такъ какъ преѣсти и волокита съ обвиненнаго взимались съ начала дѣла и до приговора бояръ.

Полученная въ приказѣ подписная челобитная подклеивалась къ выпискѣ изъ дѣла и съ этими бумагами, обыкновенно, въ самомъ непродолжительномъ времени изъ приказа посылали подьячаго, а чаще дьяка въ Золотую Палату, гдѣ дѣло записывалось въ «взносную» книгу и въ пріемѣ выдавалась росписка дьякомъ или подьячимъ Расправной Палаты. Опредѣленныхъ дней для взноса докладовъ изъ того или другого приказа не было, не было опредѣленныхъ дней и для засѣданій бояръ въ Палатѣ.

---

1) Монастырскія дѣла 1690 г. № 27.
2) П. Д. С. Л. 1686 г. № 9.
3) П. Д. С. Л. 1692 г. № 49.

Во время засѣданія выписку читалъ передъ боярами подьячій, большею частію тотъ, который принялъ дѣло. Какъ совѣщались между собою думные люди, какъ рѣшали дѣло, единогласно или большинствомъ голосовъ, какъ улаживались между ними несогласія,—на все это не находимъ въ документахъ никакого отвѣта. Знаемъ только одно, что запрещалось присутствовать при разборѣ дѣла тѣмъ, которые заинтересованы были въ его исходѣ по родству [1]). Одинъ примѣръ несогласія между боярами, вѣдавшими Москву, можемъ привести, но ко времени болѣе раннему, чѣмъ интересующій насъ періодъ. Въ 1659 г. кн. Борисъ Репнинъ жаловался царю, бывшему въ отъѣздѣ, что оставленный съ нимъ въ товарищахъ кн. А. Ѳ. Литвиновъ-Масальскій въ городъ не ѣздитъ, хотя дѣлъ очень много, недовольный тѣмъ, что его имени въ отпискахъ царю не упоминается, а пишутъ только имя старшаго [2]).

Очень часто Палата не ограничивалась только разсмотрѣніемъ выписки, требуя подлиннаго дѣла или по своей иниціативѣ, или по челобитью сторонъ. Напримѣръ, стольникъ А. В. Безобразовъ указываетъ, что по его земляному дѣлу съ посадскими людьми Погорѣлаго Городища «въ Устюжскомъ приказѣ подьячій въ выписку выписывалъ сверхъ суднаго дѣла прибавку своимъ вымысломъ» и просилъ взнесть въ Палату подлинное дѣло [3]). Если приказные люди были очень заинтересованы въ томъ или иномъ приговорѣ, то они стараются скрыть нѣкоторые документы и посылаютъ дѣло не все [4]). Но челобитчикъ зорко слѣдитъ за этимъ и жалуется въ случаѣ злоупотребленія. Но и разсмотрѣніе подлиннаго дѣла не всегда удовлетворяло бояръ, разбиравшихъ тяжбу по существу. Они не были стѣснены ни въ возвращеніи дѣла въ приказъ для дослѣдованія, ни въ самостоятельномъ допросѣ челобитчиковъ. Дѣятельность самой Палаты по разслѣдованію дѣла выражалась въ слѣдующихъ формахъ. Бояре сами допрашиваютъ отвѣтчика: грекъ Панаіотъ Роденъ взятъ въ 1690 г. изъ Посольскаго приказа и въ пріемѣ его выдана росписка [5]); вызываютъ экспертовъ: по тяжбѣ гречанъ Юрія Юрьева съ Іоанникіемъ и Софроніемъ Лихудами въ торговомъ дѣлѣ Расправная Палата вызываетъ черезъ Посольскій приказъ 10 гречанъ же торговыхъ людей самыхъ лучшихъ для счета [6]); по дѣлу Ивана и Григорія Строгановыхъ о родствѣ устраивается передъ боярами очная ставка исца съ отвѣтчикомъ [7]); вслѣдствіе

[1]) Полн. Собр. Зак. т. II, № 885.
[2]) Московскаго стола столбецъ № 289, л. 424.
[3]) П. Д. С. Л. 1688 г. № 274.
[4]) Монастырскія дѣла 1689 г. № 21.
[5]) П. Д. С. Л. 1690 г. № 322.
[6]) П. Д. С. Л. 1691 г. № 123.
[7]) Строгановскія дѣла 1686 г. 18 сент.

спора Еренчанъ съ Сольвычегодцами о разверсткѣ расходовъ по ямской гоньбѣ, Расправная Палата разсматриваетъ Ямскія загонныя книги [1]).

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ Расправная Палата выносила свой приговоръ согласно Уложенію и царскимъ указамъ. Послѣднее постоянно подчеркивается и въ дьячихъ помѣтахъ, и въ челобитныхъ. Подьячій, читавшій выписку или подлинное дѣло, читалъ передъ боярами проектъ приговора, который по утвержденіи скрѣплялся подписью одного изъ думныхъ дьяковъ, засѣдавшихъ въ Палатѣ. Если подтверждалось прежнее постановленіе приказа, то приговоръ былъ, обыкновенно, кратокъ и только иногда содержалъ въ себѣ опроверженія челобитья, по которому дѣло было взнесено. Но если приказный приговоръ измѣнялся, то Палата приводила мотивы своего рѣшенія, иногда кратко, а иногда очень подробно съ ссылками на Уложеніе и на указы. По одному дѣлу, рѣшенному кн. В. В. Голицынымъ, Расправная Палата, вынося иное рѣшеніе, шагъ за шагомъ разбираетъ подробный приговоръ приказа [2]).

Обыкновенно, Расправная Палата не задерживала рѣшенія дѣлъ, но иногда, особенно при кн. Черкасскомъ, дѣла залеживались по цѣлымъ годамъ. Одно дѣло о спорной землѣ взнесено въ Золотую Палату 10 авг. 1692 г., а только 16 окт. 1693 г. бояре приказали рѣшить дѣло на мѣстѣ, осмотрѣвъ межи. По тяжбѣ о спорномъ дворѣ дѣло было взнесено въ Палату 8 февр. 1693 г. и тамъ оставалось безъ движенія до закрытія самого учрежденія, т.-е. болѣе года, хотя въ дѣлѣ не было ничего такого, что затрудняло его рѣшеніе [3]).

Разсматривая приговоры Палаты, находимъ, что большая часть ихъ подтверждаетъ приказныя рѣшенія, а меньшинство ихъ отмѣняетъ. Приговоры эти вскрываютъ намъ, что бояре разсматривали дѣла и въ апелляціонномъ, и въ кассаціонномъ порядкѣ. Процессы перваго рода, конечно, въ значительной степени отступаютъ отъ тѣхъ принциповъ, какіе мы видимъ въ современныхъ судахъ. Даже предметъ судебнаго разбирательства иногда видоизмѣнялся. Въ 1686 г. власти Новгородскаго Духова монастыря, замѣтивъ, что дворянинъ Аѳанасій Базловъ запахалъ часть ихъ вотчинной земли, подали въ судъ жалобу. Базловъ поспѣшилъ кончить дѣло миромъ, и обѣ стороны подписали запись, въ которой точно указанъ срокъ, когда межи должны быть возстановлены и пятый снопъ съ сжатаго на захваченной землѣ хлѣба

---

1) П. Д. С. Л. 1691 г. № 53.
2) П. Д. С. Л. 1686 г. № 9.
3) П. Д. С. Л. 1692 г. № 69.

выданъ монастырю подъ росписку архимандрита. Неисполненіе какого-либо условія влекло за собою уплату неустойки въ 200 р. Когда наступилъ назначенный день, то каждая сторона попыталась «пригнать» другую къ неустойкѣ: архимандритъ утверждалъ, что Базловъ росписки не взялъ, а самъ Базловъ жаловался, что архимандритъ отказался выдать росписку. Хлѣба съ поля никто не бралъ, боясь новаго процесса. Черезъ 4 года дѣло по инстанціямъ дошло до Расправной Палаты, при чемъ успѣхъ былъ на сторонѣ Базлова. За день до разсмотрѣнія дѣла въ Палатѣ монастырскій стряпчій подалъ челобитье, чтобы бояре разсудили и о томъ, о чемъ ничего не говорилось въ низшихъ инстанціяхъ, о томъ, кому принадлежитъ полусгнившій хлѣбъ, лежавшій на полѣ. Хлѣбъ былъ присужденъ монастырю [1]).

Укажемъ также случай, когда рѣшеніе Расправной Палаты совершенно не вызывалось челобитьемъ. На Вологодскаго воеводу, вынесшаго неправильное рѣшеніе по дѣлу о безчестьѣ, потерпѣвшій жаловался боярамъ, которые постановили рѣшеніе воеводы отмѣнить и взять съ него проѣсть и волокиту [2]). Другой подобный случай еще интереснѣе, потому-что Расправная Палата, удовлетворивъ искъ челобитчика, наказала его за неустойчивость характера; въ приговорѣ говорится: «а что онъ, Иванъ поступился было ему, Ѳедору, а после ту поступку спорилъ, и за то ему учинить наказанье, бить батоги для того, что ему того городническаго помѣстья поступатца было не довелось, и доправить на немъ, Иване, проѣсть и волокиту». Кассаціонный процессъ возникалъ или среди разсмотрѣнія дѣла въ низшей инстанціи, о чемъ было сказано раньше, или по окончаніи дѣла въ приказѣ. Вообще же процессы этого рода очень рѣдки. Приведемъ одинъ примѣръ. Новгородецъ посадскій человѣкъ Ѳедка Бабкинъ подалъ жалобу, что кн. В. В. Голицынъ рѣшилъ его дѣло съ кр. Иваномъ Анисимовымъ о спорномъ дворѣ безъ примѣненія очной ставки. Палата постановила: приговоръ кн. Голицына отставить и вернуть дѣло въ низшую инстанцію на Балахну къ воеводѣ, которому предлагалось поставить истца и отвѣтчика на очную ставку и сообразно съ этимъ вынести свое рѣшеніе [3]).

Жалобы на нарушеніе процессуальныхъ формъ часты, но большею частію они влекли за собою не кассацію приговора, а пересмотръ дѣла по существу. Конечно въ XVII в. еще не выработалось понятія ни объ апелляціонномъ, ни о кассаціонномъ процессѣ, и современную терминологію мы приводимъ по тому, что привыкли къ пересмотру рѣшеннаго судебнаго дѣла прибавлять то или другое понятіе.

---

[1]) Монастырскія дѣла 1687 г. № 17.
[2]) П. Д. С. Л. 1691 г. № 242.
[3]) П. Д. С. Л. 1689 г. № 164.

Дѣло съ подписаннымъ къ нему приговоромъ отсылалось въ тотъ приказъ и въ тотъ столъ, откуда поступило. Нарушеніе этого правила считалось злоупотребленіемъ, на которое можно принести жалобу. Такая жалоба была подана на подьячаго Леонтія Матвѣева, который изъ Расправной Палаты отнесъ дѣло съ приговоромъ не въ Владимірскій приказъ, по принадлежности, а въ Аптекарскій приказъ, куда былъ переведенъ этотъ подьячій [1]). Сообразно съ приговоромъ, приказъ составлялъ указъ, который вручался для доставки по назначенію выигравшему процессъ, при чемъ послѣдній долженъ былъ внести печатную пошлину. Были случаи, когда выигравшій дѣло, не имѣя средствъ, чтобы заплатить пошлину, указа не получалъ, и приговоръ Расправной Палаты оставался безъ послѣдствій [2]).

Въ рѣдкихъ случаяхъ грамота посылалась изъ Золотой Палаты за приписью дьяка Палаты, но отпускъ грамоты хранился въ дѣлахъ соотвѣтствующаго приказа. Мы знаемъ также случаи, когда бояре принимали участіе въ исполненіи приговора; напримѣръ, просроченная по кабалѣ сумма вносится въ Палату, Палата же выдаетъ данную на дворы согласно своему приговору [3]). На эти случаи надо смотрѣть, какъ на исключеніе.

Рѣшеніе Расправной Палаты считается окончательнымъ. На это общее правило, какъ вытекавшее изъ царскаго указа, ссылаются туляне посадскіе люди, когда пушкарскій сынъ Меркулко Боковъ задумалъ добиться пересмотра приговора, вынесеннаго Палатой по дѣлу о спорныхъ лавкахъ: «А по ихъ, великихъ государей, указу, которые дѣла въ Расправную Палату передъ бояръ передъ кн. Я. Н. Одоевского съ тов. взношены и вершены, и тѣхъ дѣлъ перевершать не велѣно» [4]). Однако, находимъ нѣсколько случаевъ, когда согласно помѣтѣ, Палата пересматриваетъ и даже отмѣняетъ свое рѣшеніе. Такъ въ 1681 г. кн. Н. И. Одоевскій отмѣняетъ свой приговоръ [5]). Въ 1690 г. именитый человѣкъ Григорій Строгановъ имѣлъ съ Иваномъ Строгановымъ судное дѣло о спорномъ мельницѣ и неправильномъ присвоеніи Иваномъ фамиліи Строгановыхъ. И по тому, и по другому вопросу состоялся приговоръ въ Расправной Палатѣ, но Григорій, проигравшій дѣло, продолжалъ оспаривать принадлежность Ивана къ семейству Строгановыхъ и добился того, что бояре въ Палатѣ стали снова разбирать дѣло и какъ будто склоняться на сторону иска. Конца этого дѣла, къ сожалѣнію, не сохранилось [5]). Въ 1691 г. Палата по новомъ

---

[1]) Книга по Владиміру № 25, л. 126.
[2]) П. Д. С. Л. 1688 г. № 15 и 1689 г. № 164.
[3]) Книга по Владиміру № 25.
[4]) П. Д. С. Л. 1679 г. № 290.
[5]) Строгановскія дѣла 1686 г. 18 сент.

разсмотрѣніи дѣла Чарондцевъ мірскихъ людей со воеводой Л. Змѣевымъ въ разореніи и убыткахъ подтверждаетъ свои пригиворъ [1]).

Но приговоръ Расправной Палаты могъ быть отмѣненъ въ высшей инстанціи—въ Думѣ. Устьянцы съ Тотемцами долго спорили о томъ, какую долю въ ямскихъ расходахъ должны нести тотъ и другой уѣздъ. Палата приговорила, чтобы расходы дѣлились пополамъ. Устьянцы остались недовольны, и по ихъ челобитью дѣло слушалось царемъ съ боярами, которые постановили приговоръ Расправной Палаты отмѣнить [2]).

Какъ высшая судебная инстанція, Расправная Палата своими рѣшеніями создавала прецеденты, которые имѣли въ виду и судьи, и тяжущіеся. Стряпчій Саввина монастыря въ подтвержденіе своего челобитья говоритъ: «въ Расправной Палате и въ Судномъ Дворцовомъ приказѣ съѣздами исцовъ и отвѣтчиковъ винить велено, и дела вершились» [3]). Думный дьякъ Е. И. Украинцевъ разсматривалъ тяжбу между Крестнымъ монастыремъ и крестьянами Биричевской волости Каргапольскаго уѣзда о сѣнныхъ покосахъ. Въ дѣлѣ оказалась выписка «на примѣръ» изъ приговора Расправной Палаты тоже о сѣнныхъ покосахъ, которые не подѣлили Крестный и Кожеезерскій монастыри. Замѣчательно, что приговоръ Украинцева составленъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и приговоръ Расправной Палаты [4]).

Укажу еще на роль Палаты, какъ авторитетнаго учрежденія, поддерживающаго своимъ голосомъ рѣшеніе приказа. Сольвычегодцы чинили Еренчанамъ при проѣздѣ задержаніе и убытки. По челобитью послѣднихъ приказъ посылаетъ въ Сольвычегодскъ грамоту съ запрещеніемъ обижать Еренчанъ. Грамота не подѣйствовала, и обиженные просятъ послать грамоту вторично. Тогда Расправная Палата посылаетъ отъ своего имени послушную грамоту [5]).

Отношеніе Расправной Палаты къ Думѣ мало освѣщается имѣющимся въ нашемъ распоряженіи матеріаломъ. Прежде всего замѣтимъ, что приговоры Палаты не нуждались въ утвержденіи со стороны Думы. Въ Палатѣ засѣдали только думные люди, но это обстоятельство не даетъ ничего положительнаго, потому-что высшіе сановники всѣ принадлежали къ числу думныхъ людей. Выше было указано, что Дума была высшей инстанціей для Палаты и имѣла право отмѣнять ея рѣшенія. Такое подчиненное положеніе подчеркивается еще однимъ интереснымъ документомъ. Въ январѣ 1690 года Палата разсылаетъ по приказамъ боярскій приговоръ о томъ, чтобы всѣ акты судебнаго про-

---

[1]) П. Д. С. Л. 1690 г. № 101.
[2]) П. Д. С. Л. 1686 г. № 183.
[3]) П. Д. С. Л. 1690 г. № 267.
[4]) П. Д. С. Л. 1692 г. № 60.
[5]) П. Д. С. Л. 1691 г. № 53.

цесса во избѣжаніе споровъ скрѣплялись подписями сторонъ [1]). Палата оказалась въ роли передаточной инстанціи между Думой и приказами по судебнымъ дѣламъ. Повидимому, думская комиссія постепенно приближалась къ типу приказовъ и по внутреннему устройству, и по отношенію къ Думѣ, но приказомъ сдѣлаться не могла, такъ какъ была поставлена надъ приказами.

С. Богоявленскій.

---

[1]) Портфель Миллера № 130, XIII. Книга по Новгороду № 124, л. 83.

XX.

Годичныя книги англійскихъ судовъ, какъ историческій источникъ.

Однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и содержательныхъ источниковъ по исторіи англійскаго права являются такъ называемыя «Годичныя книги» (Year Books). Это замѣтки, сдѣланныя присутствовавшими при судоговореніи студентами (apprentices). Такимъ путемъ начинающіе юристы составляли себѣ справочныя книги, къ которымъ они могли впослѣдствіи обращаться за указаніями, когда имъ приходилось выступать уже въ качествѣ служащихъ адвокатовъ (servientes, serjeants). Составители не старались точно передавать внѣшнія обстоятельства различныхъ дѣлъ и ихъ фактическій исходъ—для этого служили офиціальные протоколы судовъ (records). Цѣль была—фиксировать пріемы юридической діалектики. По выраженію Мэтланда эти отчеты напоминаютъ современныя записи шахматныхъ партій, которыя изучаются любителями ради искусныхъ ходовъ, ловушекъ, поучительныхъ дебютовъ.... Между средневѣковой записью и современнымъ отчетомъ (report) та существенная разница, что послѣдній составляется главнымъ образомъ, чтобы облегчить ссылки на состоявшіяся рѣшенія въ связи съ проведенной въ нихъ аргументаціей, между тѣмъ какъ записи (year books)—результатъ работы студентовъ и служатъ педагогическимъ цѣлямъ. Поэтому «отчетъ» (report) долженъ быть точенъ по отношенію къ именамъ, мѣстностямъ и существу рѣшеній, тогда какъ запись (year book) сосредоточиваетъ все вниманіе на доводахъ сторонъ и замѣчаніяхъ судей и, относясь равнодушно къ внѣшней рамкѣ дѣлъ, опускаетъ и искажаетъ имена, передаетъ фактическій составъ процессовъ лишь въ наброскахъ и пренебрегаетъ рѣшеніемъ, поскольку оно касается фактической стороны дѣла. Эта педагогическая особенность «записей» вполнѣ сознавалась ихъ авторами, и бывали примѣры, что сами судьи обращали на нее вниманіе въ теченіе какого-нибудь поучительнаго процесса [1]).

[1]) Напр. Selden Society, Yearb. III, 36: *Bereford*: jeo vous say graunt gree de votre chalenge, et pur les jeovens ceinz, et nent pur nous qe seoms en baunc (Берефордъ, предсѣдатель суда, обращаясь къ одному изъ адвокатовъ, Уесткоту: спасибо за возраженіе, не столько ради насъ, засѣдающихъ на судейской скамьѣ, сколько ради присутствующей молодежи). Ср. Замѣчаніе предсѣдателя Призо (33 Henry VI, f. 41) SS. YBB. III, p. XV.

Записи возникли въ опредѣленный періодъ исторіи англійской юриспруденціи: онѣ начинаются въ царствованіе Эдуарда I, когда основанія «общаго права», заложенныя при Генрихѣ II, Ричардѣ, Іоаннѣ, Генрихѣ III, подверглись существеннымъ измѣненіямъ и планомѣрному развитію вслѣдствіи изданія цѣлаго ряда законодательныхъ актовъ (статутовъ). Значительная часть процессуальнаго матеріала болѣе раннихъ записей посвящена какъ разъ согласованію статутарнаго права съ общимъ.

Первая изданная годичная книга записей относится къ 1292 году (20 Edward I ed. by Horwood, Rollsseries), но въ позднѣйшемъ сокращеніи годичныхъ книгъ, составленномъ Фицгербертомъ, сохранились слѣды болѣе раннихъ записей, напр. замѣтокъ 1284 года [2]). Литература эта постепенно разростается, причемъ записи ведутся частными лицами—учениками, собранными за загородками (Crib) въ зданіи суда [3]). Отъ XIV и XV вѣковъ, несмотря на ихъ чрезвычайно бурную политическую исторію, остались сотни списковъ такого рода. Въ XVI вѣкѣ, послѣ воцаренія Тюдоровъ, наступаетъ ослабленіе работы, записи нѣсколько разъ прерываются, и наконецъ изсякаютъ, но сразу вслѣдъ за этимъ начинается серія «отчетовъ», «reports», которая тянется, все расширяясь, до нашихъ дней. Перерывъ записей объясняется двумя обстоятельствами [4]): во 1-хъ, кризисомъ, который переживали при Тюдорахъ суды общаго права, тѣснимые со всѣхъ сторонъ исключительными трибуналами и королевской администраціей, во 2-хъ, упадкомъ французскаго языка, на которомъ велось судоговореніе въ англійскихъ средневѣковыхъ судахъ: хотя французскіе термины и техническія формулы продолжали быть въ употребленіи и до нѣкоторой степени сохранили свою жизненность до сихъ поръ (напр. chose in action), но адвокаты и записывавшіе за ними ученики постепенно отвыкали отъ живой французской рѣчи, такъ что когда въ царствованіе Елизаветы вмѣсто записей явились отчеты, ихъ пришлось составлять на англійскомъ языкѣ.

Въ виду частнаго происхожденія, годичныхъ книгъ, записи значительно разнятся въ различныхъ рукописяхъ: одинъ выхватывалъ опредѣленные пункты процесса; на другого производили впечатлѣніе другія стороны дѣла: вслѣдствіе этого во многихъ случаяхъ приходится слѣдить за существенными варіантами, а иногда и искаженіями различныхъ записей. Особенно любопытные слѣды сужденій и споровъ, которыми сопровождались въ средѣ студентовъ тяжебныя столкновенія,

---

[2]) См. введеніе Мэтланда къ II тому Year books изданныхъ Сельденскимъ Обществомъ.

[3]) SS. YBB, II, p. XVI и IV, p. XLI.

[4]) *Brunner*, Grundriss der Quellen und Literatur des englischen Rechts, *Maitland*, English law and the Renaissance.

остались въ одной изъ рукописей эпохи Эдуарда II. Это рукопись Британскаго Музея Add. 35116. Составитель ея передаетъ не только ходъ аргументаціи сторонъ и замѣчанія судей, но также разсужденія слушателей по поводу происходившихъ передъ ними состязаній. Напримѣръ, по поводу одного рѣшенія 1312 года (Mich. 4 Edw. II), присудившаго одному изъ двухъ братьевъ половину участка, который онъ искалъ, составитель замѣчаетъ: «я употребилъ всѣ старанія, чтобы выяснить, принадлежитъ ли ему эта половина отдѣльно отъ брата или совмѣстно съ послѣднимъ. Всѣ адвокаты (narratores) были различнаго мнѣнія. А Робертъ Sturtey сказалъ мнѣ, что по подобному же поводу былъ споръ между серомъ Уильямомъ Леборномъ и серомъ Робертомъ Бергешъ: одинъ изъ нихъ желалъ произвести раздѣлъ, но ему не удалось никакими способами добиться удовлетворенія въ этомъ дѣлѣ. И тоже сказалъ Ридиналь; (SS. YBB. IV, № 36, p. 142 cp., ib. p. 146). Приводимыя составителемъ рукописи имена указываютъ на дѣятелей двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ XIV вѣка, которые, очевидно, въ 1311, 1312, 1313 годахъ толпились за загородкой суда Общихъ Тяжбъ, сообщали другъ другу свои впечатлѣнія о ходѣ дѣлъ и справлялись о мнѣніи адвокатовъ [5]).

Другая характерная черта этихъ студенческихъ записей—широкое мѣсто, удѣляемое драматическимъ эпизодамъ, вносившимъ оживленіе и юморъ въ однообразіе техническихъ аргументовъ и утомительныхъ формальностей. Въ этихъ наскоро схваченныхъ наброскахъ воскресаютъ передъ нами живые люди—методическій діалектикъ—адвокатъ Герль, любившій вести счеты своихъ доводовъ и перечислять всѣ логическія возможности, вытекавшія изъ даннаго случая, нетерпѣливый судья Стантонъ, прозванный Гервеемъ Поспѣшнымъ (Hervy le Hasty), въ особенности—остроумный, ученый и тщеславный предсѣдатель суда Общихъ Тяжбъ, серъ Уильямъ Берефордъ. Вотъ напр., сценка изъ одного процесса 1312 года. Повѣренный истца Лоуферъ жаловался на то, что нѣкая Алиса Латимеръ не исполняетъ повинностей, которыя она обязалась исполнять вмѣсто истца въ имѣніяхъ Уайбольдистонъ и Итонъ, вслѣдствіе чего сеньеръ имѣнія Уайбольдистонъ взыскиваетъ эти повинности прямо съ истца. Адвокаты отвѣтчицы обращали вниманіе на

[5]) Введеніе Мэтланда къ III тому Сельденскаго изданія Годичныхъ Записей, p. XXII. Въ дополненіи къ его наблюденіямъ замѣчу, что Ридиналь, о которомъ упоминаютъ записывавшіе, былъ, повидимому, одинъ изъ секретарей суда Общихъ Тяжбъ (IV, 193: Hervi [de Stanton] a Ridenal: entres ceste demande et severez les). Ср. III, 197. Составитель записи упомянутой рукописи Британскаго музея, дважды обращается за разъясненіями къ Дж. Шельтону или Чельтону (IV, 146, 191). Повидимому дѣло идетъ о Джонѣ Шельтонѣ, который упоминается изрѣдка въ числѣ адвокатовъ въ концѣ царствованія Эдуарда I и началѣ царствованія Эдуарда II. См. IV, p. XLIV.

разницу между указомъ объ искѣ, въ которомъ упоминается лишь имѣніе Уайбольдистонъ, и изложеніемъ дѣла въ судѣ (count), въ которомъ повѣренный истца ссылался на обязательства по двумъ имѣніямъ. Въ силу этого формальнаго противорѣчія отвѣтчикъ просилъ въ искѣ отказать. Лоуферъ объясняетъ, что имѣніе зависитъ отъ двухъ различныхъ сеньеровъ и что предъявляетъ требованія относительно повинностей одинъ. Тутъ гнѣвно (cum)—(ira) вмѣшивается предсѣдатель суда: «Съ какого же часа въ году начинается ваше изложеніе, дрянной, ничтожный человѣкъ» (mauvais cheitif)? На это Лоуферъ не сказалъ ни одного слова (non loquebatur unum verbum). «Я полагаю, что сначала вамъ надо отчистить (снять кожу) указъ объ искѣ (escorcher votre bref), а потомъ разсказать, какъ было дѣло. А вы сперва при очисткѣ указа просите объ исполненіи повинностей въ Уайбольдистонѣ, а затѣмъ при изложеніи дѣла разсказываете, что у васъ держанія и въ томъ имѣніи и въ другомъ. Изъ-за этого разнорѣчія они и требуютъ приговора» (съ отказомъ въ искѣ [6]). Въ другомъ процессѣ, когда повѣренный одной изъ сторонъ ссылался на то, что отецъ и дѣдъ его довѣрителя уже взыскивали повинности, составлявшія предметъ спора, Берефордъ разсказалъ, какъ нѣкоему тяжебщику приснилось, что онъ умеръ и что душа его, путешествуя въ загробномъ мірѣ, наткнулась на три висѣлицы. На двухъ болтались тѣла казненныхъ, а третья была пустая. Когда преставившійся спросилъ, кто виситъ на первой висѣлицѣ, ему сказали, что это его дѣдъ, неправильно захватившій чужое имѣніе. На второй оказался отецъ—за ту же провинность. А третья приготовлена была для самого спрашивавшаго. Такъ что, заключилъ предсѣдатель суда, ссылка на юридическое положеніе предковъ не всегда бываетъ удачна [7]).

Къ сожалѣнію эти драгоцѣнные памятники англійскаго правового развитія еще далеко не въ полной мѣрѣ доступны для изученія. Правда уже юристы XVII и XVI вѣка знали имъ цѣну, какъ показываютъ напр. отзывы Сельдена, Геля, Норта. Но конечно пользоваться ими въ рукописи могли лишь весьма немногіе. Большею частью обращались къ изданіямъ XVII вѣка и къ сокращеніямъ Фицгерберта, Брука и др. Между тѣмъ изданы были трудные французскіе тексты въ XVII в. въ высокой степени небрежно и неправильно. Ссылающійся на эти изданія всегда рискуетъ принять какое нибудь отрицательное заявленіе за положительное и т. п. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка Горвудъ положилъ наконецъ начало болѣе точному изданію, напечатавъ въ Rolls Series нѣсколько томовъ годичныхъ книгъ эпохи Эдуарда I. Въ послѣднее время Пайкъ продолжаетъ предпріятіе Горвуда изданіемъ книгъ царствованія Эдуарда III. Его работа значительно точнѣе и акуратнѣе

[6]) Rungeferv Latimer, IV, 132.

[7]) Mareys v. Cogan, II, 117.

нежели работа его предшественника. Но образецъ критической обработки текстовъ данъ былъ Мэтландомъ по отношенію къ книгамъ царствованія Эдуарда II въ изданіяхъ Сельденскаго Общества. Изданныя имъ четыре тома (IV закончены послѣ его смерти Тернеромъ) представляютъ мастерскую обработку записей на основаніе цѣлаго ряда важнѣйшихъ рукописей, съ прекрасными введеніями и коментаріями юридическаго, историческаго и даже филологическаго содержанія[8]). Надо надѣяться что начало, положенное великимъ ученымъ, найдетъ достойныхъ продолжателей: въ настоящее время Сельденское Общество готовитъ къ изданію V томъ послѣдовательныхъ годовыхъ книгъ и любопытный сборникъ записей судебнаго объѣзда въ графствѣ Кентъ 6 года Эдуарда II (1313).

Безъ сомнѣнія, для настоящаго ознакомленія съ этими данными нужно долгое и внимательное изученіе. Топографическія, филологическія и технически правовыя трудности, которыми обставлены занятія нашими памятниками, очень велики. Неопытный читатель едва ли разберется въ сложныхъ ходахъ, обусловленныхъ формулами судебныхъ указовъ, и въ ухищреніяхъ ловкихъ адвокатовъ XIV вѣка. Но мнѣ хотѣлось бы по крайней мѣрѣ на примѣръ нѣсколькихъ болѣе или менѣе доступныхъ процессовъ показать, какъ великъ интересъ этихъ данныхъ по содержанію. Быть можетъ это побудитъ того или другого начинающаго ученаго затратить извѣстное количество времени и усилій, чтобы оріентироваться въ лабиринтѣ упомянутыхъ тяжбъ. Какое реальное значеніе имѣла самая формалистика процессуальныхъ средствъ, показываетъ напр. какъ нельзя лучше событіе, разсказанное Берефордомъ въ 1310 году (Goldington v. Bassingburne, III, 196). Въ царствованіи покойнаго короля Эдуарда былъ посланъ канцеляріей (Chancerie—управленіе Канцлера) указъ шерифу Нортумберланда, чтобы онъ вызвалъ Изабеллу, графиню Албемарль, къ отвѣту передъ королемъ въ слѣдующемъ парламентѣ, и въ указѣ было сказано «по обвиненіямъ, которыя будутъ ей предъявлены» (super sibi obiiciendis). Графиня явилась въ парламентъ, и самъ король прибылъ въ засѣданіе, затѣмъ ей было предъявлено однимъ судьей обвиненіе въ 30 пунктахъ. Графиня черезъ своего адвоката просила отвергнуть указъ на томъ основаніи, что въ указѣ не было упомянуто въ точности никакихъ пунктовъ, а обвиненіе было предъявлено по цѣлому ряду статей. Двое судей хотѣли признать указъ правильнымъ. Тогда серъ Ральфъ Генгамъ (предсѣдатель суда Общихъ Тяжбъ) сказалъ одному изъ судей: «Вы вѣроятно хотѣли постановить здѣсь приговоръ, какъ вы сдѣлали въ С. при «очищеніи тюремъ» (gaol-delivery—сессія уголовнаго суда): укрывателя повѣсили, а главнаго преступника оправдали». А другому судьѣ онъ сказалъ: «Въ N. вы повѣсили

[8]) Въ настоящей статьѣ я пользовался именно этимъ изданіемъ.

человѣка, объявленнаго внѣ закона. А потомъ король по своей милости даровалъ его наслѣдство преемнику. Такъ что эти приговоры совсѣмъ не соотвѣтствовали закону страны». Затѣмъ Генгамъ сказалъ: «Законъ требуетъ, чтобы никого въ королевскомъ судѣ не захватывали врасплохъ, а если слѣдовать вамъ, госпожа эта будетъ въ отвѣтѣ на судѣ по инымъ пунктамъ нежели тѣ, которые перечислены въ указѣ. Она должна быть предупреждена указомъ о пунктахъ, по которымъ ее будутъ обвинять— таковъ законъ страны». Мудрый король всталъ и сказалъ: «Мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ споровъ, но, клянусь Божьей кровью, вы не выйдете изъ засѣданія, пока не составите мнѣ указа, какой требуется». Коментаріи по этому характерному эпизоду излишни. Изъ него явствуетъ, во-первыхъ, что засѣданія парламента, какъ судебнаго мѣста, были обставлены тѣми же юридическими гарантіями, какъ процедура обыкновенныхъ судовъ. А главное ясно, что, несмотря на злоупотребленія отдѣльныхъ лицъ, судебное сословіе Англіи уже шестьсотъ лѣтъ тому назадъ было проникнуто сознаніемъ великаго принципа законности и необходимости ограждать права всякаго обвиняемаго на обставленный юридическими гарантіями судъ.

Въ другомъ любопытномъ случаѣ ревнивое и щепетильное отношеніе къ судебнымъ гарантіямъ вызываетъ вопросъ о разграниченіи сферы дѣятельности различныхъ судовъ. Громадное большинство дѣлъ, о которыхъ мы читаемъ въ годичныхъ записяхъ, производились въ судѣ Общихъ Тяжбъ (Common Pleas, Common Bench), который въ силу извѣстнаго постановленія Великой Хартіи (17) засѣдалъ въ Уестминстерѣ. Рядомъ съ этимъ трибуналомъ дѣйствовалъ такъ называемый судъ Королевской Скамьи (King's Bench), переѣзжавшій вмѣстѣ съ королемъ и считавшійся судомъ въ «Высочайшемъ присутствіи» (Coram Rege), хотя на практикѣ король самъ рѣдко засѣдалъ въ немъ. Въ трибуналѣ Королевской скамьи производились дѣла, имѣвшія какое-нибудь отношеніе къ интересамъ короны и изъ общихъ гражданскихъ дѣлъ—нѣкоторыя тяжбы, вытекавшія изъ нарушенія обязательствъ (personal actions, напр. detinue). Въ извѣстныхъ случаяхъ могли происходить конфликты юрисдикціи между двумя судами, какъ показываетъ дѣло Knoville v. Plukenet, Mich. 4 Edw. II, 27 SS. YBB. IV, 115). Истецъ просилъ присудить ему имѣнія, находившіяся во владѣніи отвѣтчика, на томъ основаніи, что онъ, истецъ, ближайшій родственникъ умершаго собственника по боковой линіи. Отвѣтчикъ просилъ въ искѣ отказать, такъ какъ ранѣе того, тотчасъ послѣ смерти Джона Уальронда (прежняго собственника) обѣ стороны обратились въ канцелярское управленіе съ просьбами ввести ихъ во владѣніе его землями. Сначала были произведены административныя изслѣдованія на мѣстѣ въ силу указа «diem clausit extremum», но эти разслѣдованія привели къ противо-

рѣчивымъ результатамъ. Тогда стороны были вызваны въ судъ Королевской Скамьи и каждая изъ нихъ формулировала свои притязанія. Вопросъ былъ подвергнутъ разсмотрѣнію состава присяжныхъ изъ мѣстностей, гдѣ находились спорныя имѣнія, и присяжные дали вердиктъ въ пользу Алана Plukenet. Этотъ вердиктъ былъ засвидѣтельствованъ протоколами суда Королевской Скамьи.—Герль, повѣренный истца, возражалъ на это, что разслѣдованіе, произведенное судомъ Королевской Скамьи было лишь административнымъ разслѣдованіемъ, а не судебнымъ производствомъ, такъ какъ ему не предшествовалъ вызовъ въ судъ въ силу одного изъ судебныхъ указовъ, вчиняющихъ тяжбу (bref original). Поэтому истецъ требуетъ разбора дѣла за ново на основаніи Общаго права и въ судѣ Общихъ Тяжбъ. Берефордъ и его товарищи, однако, отказались удовлетворить это требованіе и притомъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ, потому что отвѣтчикъ не предъявилъ своего возраженія во время разбирательства въ судѣ Королевской Скамьи, а напротивъ принялъ въ немъ участіе и обжаловалъ его лишь послѣ того, какъ вердиктъ состоялся не въ его пользу, во 2-хъ, была выставлена теорія, что присутствіе самого короля закрываетъ возможность подчиненныхъ судебныхъ мѣстъ пересмотрѣть дѣло, рѣшеніе котораго вытекаетъ изъ королевской прерогативы (стр. 122). Контрастъ юридическихъ принциповъ знаменателенъ, хотя дѣло и не получило еще рѣшенія, соотвѣтствующаго позднѣйшимъ конституціоннымъ взглядамъ. Во всякомъ случаѣ уже въ началѣ XIV в. намѣчаются противоположности, такъ ярко выразившіяся впослѣдствіи въ спорахъ между Эллесмиромъ и Бекономъ, съ одной стороны, Кокомъ, съ другой [9]).

Интересные слѣды оставило въ этихъ документахъ постепенное ограниченіе государственной властью правъ, вытекавшихъ изъ захвата и давности. Такъ называемыя изслѣдованія Quo warranto были направлены къ тому, чтобы по возможности сузить и сократить примѣненія права сильнаго, не обоснованнаго опредѣленнымъ пожалованіемъ или договоромъ. По отношенію къ свѣтскимъ магнатамъ, однако, даже Эдуардъ I принужденъ былъ иногда признавать завоеваніе и захватъ, какъ источникъ привилегіи. Но по отношенію къ духовнымъ корпораціямъ выработалось правило, что въ оправданіе своихъ привилегій онѣ обязаны ссылаться на опредѣленныя пожалованія короны (SS. YBB. II, 73), и правила. Это получило хорошую иллюстрацію въ дѣлѣ Prior of Coventry v. Grauntpie. Пріоръ монастыря въ Ковентри жаловался, что Уильямъ Grauntpie и другіе торгуютъ сукномъ, пряностями и т. п. въ части города, которая зовется Erleshalfe (Графская половина), въ ущербъ рынку, который монастырь съ незапамятныхъ временъ держалъ

[9]) Ср. Pollock & Maitland History of English law, I, 510.

по Пятницамъ въ мѣстности, называемой Priorshalf (пріорова половина). Судъ не придалъ значенія ссылкѣ на давнее пользованіе этой рыночной привилегіей, а потребовалъ точнаго упоминанія объ ограниченіяхъ въ жалованной грамотѣ [10]). Тѣмъ не менѣе воспретили впредь отвѣтчикамъ торговать въ перебой пріору по пятницамъ и присудили ихъ къ уплатѣ убытковъ.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить отвѣтственное и затруднительное положеніе судей въ дѣлахъ, гдѣ формальное право и справедливость сталкивались. Сплошь и рядомъ споръ между адвокатами вертѣлся вокругъ какого нибудь техническаго упущенія или противорѣчія, и суду предстояло рѣшить, слѣдовать ли буквѣ закона или пренебречь до нѣкоторой степени формою ради духа и смысла (нап. SS. YBB. I, 107, 112, 114, 117, 141; III, 35 etc.). Но иногда дѣло было еще сложнѣе. Одна изъ сторонъ могла опираться на юридически неоспоримые доводы и всетаки преслѣдовать несправедливую цѣль. Въ дѣлѣ Thorgrein v. Bishop of Hereford, епископъ наложилъ арестъ на скотъ, принадлежавшій одному изъ его держателей, чтобы добиться исполненія повинностей, которыя были выкуплены истцомъ у предшественника Епископа. Предсѣдатель Берефордъ открыто заявилъ въ судѣ, что безчестно со стороны порядочнаго человѣка требовать того, что уступилъ его предшественникъ (IV, 67). По другому отчету онъ высказался весьма нелестно о поведеніи духовенства въ подобныхъ дѣлахъ: «У членовъ святой церкви удивительный образъ дѣйствій. Если они ступятъ ногой на чью либо землю, то имъ непремѣнно нужно влѣзть туда всѣмъ тѣломъ». Несмотря на явное неудовольствіе судей епископъ все таки добился своего въ данномъ случаѣ.

Но бывали дѣла, въ которыхъ судьи отказывали въ удовлетвореніи явно несправедливыхъ претензій, прибѣгая при этомъ иногда къ любопытному ухищренію. Берефорду случилось отложить рѣшеніе по такому дѣлу на нѣсколько лѣтъ. Формальный законъ нарушенъ не былъ, а неправая сторона тѣмъ не менѣе не получила удовлетворенія.

Я ограничиваюсь на этотъ разъ приведенными немногими примѣрами, но надѣюсь, что и ихъ достаточно, чтобы показать какъ богаты содержаніемъ годичныя записи англійскихъ судовъ бозпокойной эпохи Эдуарда II.

Павелъ Виноградовъ.

---

[10]) SS. YBB. II, 71: Scrop (Justice): gentz de religion n'ount rien par conqueste, mei tut du grant le Roy, le quel grant est a nuli prejudicciel en tiel cas. Par qey si vous les voillez fere venir a votre marché, il vous covent mettre avant especiauté de grant le Roy.

XXI.

Начало византиновѣдѣнія въ Россіи.

Знакомство съ прошлымъ и современнымъ состояніемъ Европы съ очевидностію убѣждаетъ безпристрастныхъ изслѣдователей ея судебъ, что успѣхами своей цивилизаціи и гражданственности обязана она не однимъ своимъ передовымъ людямъ («культуртрегерамъ»), но и христіанской *Византіи*, которая со времени Константина Великаго въ продолженіе тысячелѣтія сдерживала разноплеменныя варварскія полчища, устремлявшіяся на юго-западъ Европы, и въ то же время питала ее своими духовными благами. Христіанское просвѣщеніе, глубоко пустившее свои корни въ Византіи, уже отсюда расходилось по другимъ странамъ Европы. Такъ, западное богословіе, мораль, юриспруденція, общественное устройство издавна и долгое время стояли подъ руководствомъ Византіи. Она же питала своими сюжетами и снабжала формами свѣтскую литературу и изобразительныя искусства Европы [1]).

Если таково было вліяніе Византіи на западную Европу, то, безспорно, громадное вліяніе имѣла она на славянскій міръ, бывшій у нея подъ бокомъ, и особенно на нашу Русь. Съ начала своего историческаго бытія (съ конца IX в.) до Петра Великаго она стояла въ самыхъ живыхъ и близкихъ отношеніяхъ къ Византіи.

Со временъ Олега, который, по лѣтописному сказанію, повѣсилъ свой щитъ на вратахъ Царя-града, русскіе не разъ предпринимали туда походы, жили тамъ по торговымъ дѣламъ, заключали съ греками торговые и военные договоры, а также принимали грековъ въ Кіевѣ въ качествѣ пословъ и купцовъ, которые привозили къ намъ шелковыя ткани, парчу, ювелирныя издѣлія, вина и т. п. въ обмѣнъ на наши мѣха, медъ и воскъ. Начавъ съ XI в. путешествовать, и часто—большими артелями, на поклоненіе палестинскимъ святынямъ, русскіе паломники (напр., Антоній, архіеп. Новгородскій, Игнатій, еп. Смоленскій) нерѣдко захо-

---

[1]) Ѳ. Ив. Успенскій.—Византія. Ст. въ Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона. т. 14, стр. 250—275. Поповъ Н. Г., свящ.—Заслуги Византіи предъ Европой. М. 1905. Стр. 1—49. Krumbacher—Geschichte d. byzantin. Litteratur, München, 1897. S.S. 1078, 1098, 1123.

дили и въ Константинополь, о которомъ послѣ и разсказывали своимъ соотечественникамъ. Со временъ князя Владиміра русскіе князья охотно женились на греческихъ царевнахъ и также посѣщали Босфоръ. И чѣмъ дальше развивалась русская исторія, тѣмъ короче и прочнѣе становились наши отношенія къ Византіи [1]).—«Многочастны и многообразны связи, соединяющія русскую исторію съ византійской, говоритъ одинъ нашъ современный ученый. Основанная на достовѣрныхъ источникахъ, а не на народныхъ преданіяхъ, наша древняя исторія есть въ сущности часть византійской» [2]).

Древняя Русь, по выраженію одного изъ послѣднихъ ея представителей (Ѳеофана Прокоповича), «на грековъ смотрѣла, отъ нихъ чину и обычаю училась» [3]), хотя не всегда и не во всемъ. Византійская исторія иногда научала нашихъ предковъ то одному, то совершенно противоположному, въ зависимости отъ того, куда преднамѣренно направлялась ихъ собственная историческая логика. Однако и при этомъ они всетаки не сходили, такъ сказать, съ византійской почвы. Вниманіе къ Византіи и подражательное отношеніе къ ней сильно ослабѣло на Руси лишь со времени Петра Великаго, когда началось наше сближеніе съ западной Европой, далеко опередившей насъ и политически отжившую Византію, главнымъ образомъ, въ области техники и государственной экономіи. Конечно, и прежде на Руси иногда понимали, что «греки для насъ не евангеліе»; но съ эпохи Петра такое недовѣріе къ грекамъ перешло уже въ полное пренебреженіе къ нимъ. Теперь въ византійской исторіи вовсе перестали видѣть образцы для подражанія; если на нее и обращали иногда вниманіе, то лишь съ отрицательной цѣлью,—научиться на основаніи примѣровъ, чего должно избѣгать, «дабы не имѣть жребія монархіи греческой“ [4]). Съ теченіемъ времени русское общество и совсѣмъ стало игнорировать Византію, представляя ее себѣ лишь въ мрачныхъ чертахъ. Но забывать Византію или искажать ея исторію намъ совершенно нельзя. Для насъ Византія—ощутительный предметъ, важный для познанія нашей собственной исторіи, которая не можетъ быть понята безъ близкаго знакомства съ византійской, потому что нашъ государственный строй, общественный бытъ, искусство, законодательство, народная и книжная мудрость развивались подъ вліяніемъ Византіи. Ей мы безгранично обязаны. Вѣдь, почти только ея культурными началами жила древняя Русь, и многія изъ этихъ началъ вошли въ плоть и кровь русскаго народа и сказываются въ немъ доселѣ,

[1]) Терновскій Ф.—Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Вып. 2, стр 37—40. Поповъ, ор. с., стр. 50—51.

[2]) Лѣтоп. истор.-филолог. Общ. при Новороссійск. Унив., византійск. отд., I стр. 100 (хроника).

[3]) Терновскій, ор. с., стр. 265, 112—113, 175.

[4]) Терновскій, ор. с., стр. 264.

содѣйствуя упроченію нашего историческаго бытія[1]). Поэтому, если нужно намъ понять духъ своего народа, узнать, на сколько онъ самобытенъ, если важно для насъ предусматривать его дальнѣйшее развитіе, мы должны знакомиться съ источникомъ тѣхъ вліяній, подъ которыми онъ воспитался.

Однако, научная разработка у насъ византійской исторіи началась сравнительно поздно,—конечно, въ зависимости отъ уровня нашего общаго образованія. Тогда какъ на западѣ, который съ эпохи возрожденія усиленно питался философіей и культурой Византіи[2]), уже извѣстны были имена Іерон. Вольфа, Стеф. Герлаха, Леунклавія, Меурсія (XVI в.), Дюканжа, Гоара, Монфокона, Лекьена Бандури и мн. др. [3]), собиравшихъ, изучавшихъ и издававшихъ въ печати памятники византійской исторіи (въ широкомъ смыслѣ этого слова), въ Россіи еще и не помышляли о научномъ знакомствѣ съ нею. Вниманіе науки въ Россіи обратилось къ византійской исторіи,—какъ ни странно это на первый взглядъ,—лишь съ эпохи Петра Великаго, когда у насъ стали искать идеаловъ уже не въ Византіи, а на романо-германскомъ западѣ. При томъ, и первые шаги по византиновѣдѣнію были сдѣланы у насъ не природными русскими, а иностранцами, изъ среды которыхъ, главнымъ образомъ, избиралъ себѣ сотрудниковъ и исполнителей своихъ предначертаній нашъ великій преобразователь.... Иностранцы и научили насъ цѣнить отжившую Византію и ея исторію, въ то время, какъ мы искали для себя руководства исключительно въ образцахъ западно-европейской дѣйствительности, которые доживали иногда уже и тамъ свое послѣднее время (напр., феодализмъ, сословное устройство).

Подъ вліяніемъ знакомства съ Лейбницемъ и членами французской академіи наукъ, подъ конецъ своей преобразовательной дѣятельности, Петръ Великій рѣшилъ создать въ Россіи въ своемъ родѣ collegium sapientiae, которое бы объединяло и развивало различныя отрасли русской науки [4]). По заключеніи мира съ Персіей, Петръ Великій и поручилъ своему личному врачу Л. Блументросту († 1755) составить регламентъ такого учрежденія въ Россіи. Самому великому преобразователю не суждено было дожить до осуществленія его просвѣтительнаго плана. Но и на смертномъ одрѣ умирающій государь умолялъ свою преемницу, Екатерину I, выполнить этотъ планъ и вдохнуть жизнь въ учрежденіе, которое,—болѣе, чѣмъ всѣ его завоеванія,—заслужило бы ему благодарность потомства. Екатерина I свято выполнила завѣтъ

---

[1]) Поповъ, op. c., 52—64.

[2]) Поповъ—Заслуги Византіи предъ Европой. стр. 42—49.

[3]) В. Г. Васильевскій.—Обозрѣніе трудовъ по визант. исторіи. СПБ. 1890.

[4]) Пекарскій.—Исторія Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ 1870. Т. I, XXI—XXXVII.

своего почившаго супруга[1]). 27 Декабря 1726 г. уже состоялось первое торжественное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ[2]), которая до сихъ поръ и господствуетъ въ научной жизни русскаго народа.

Занимая такое почетное мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія, Императорская Академія Наукъ не могла, конечно, не обратить своего вниманія, между прочимъ, и на наши исконныя отношенія къ Византіи. Какой же вкладъ внесла Академія въ русскую науку по части византиновѣдѣнія?

Желая создать на прочныхъ основахъ зданіе русской исторіи, Академія, уже въ лицѣ своихъ первыхъ членовъ,—иностранцевъ, приглашенныхъ русскимъ правительствомъ къ участію въ развитіи у насъ науки, скоро поняла значеніе Византіи въ минувшихъ судьбахъ Россіи. Приступая къ критическому изученію нашей національной «Несторовой» лѣтописи, сокровища, которому завидуютъ государства запада[3]), русская академическая наука увидѣла, что ключъ къ выясненію лѣтописи можно получить лишь отъ византійской исторіи[4]). Въ сознаніи этого первые члены Академіи и стали посвящать свои силы установленію отношенія «Несторовой» лѣтописи къ византійскимъ источникамъ, и уже первые опыты въ этомъ направленіи увѣнчались великимъ успѣхомъ.

На поприще византиновѣдѣнія впервые вступилъ въ Россіи *Зигфридъ Байеръ* († 1738), бывшій профессоромъ греческой литературы въ Кёнигсбергскомъ университетѣ и въ 1725 г. перебравшійся въ Петербургъ въ качествѣ профессора Академіи по исторіи и филологіи. Создавъ Museum sinicum (1730), историко-литературную энциклопедію Китая, Байеръ остановилъ затѣмъ свое вниманіе на русско-византійскихъ отношеніяхъ. Его перу, между прочимъ, принадлежатъ работы: De Varagis, De russorum prima expeditione constantinopolitana, Origines russicae, Geographia Russiae vicinarumque regionum и мн. др., своевременно помѣщенныя въ академическомъ изданіи (Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae), отчасти переведенныя на русскій языкъ (Кондратовичемъ, Таубертомъ) и напечатанныя отдѣльно[5]). Въ названныхъ работахъ Байеръ старался установить первоначальную географію Россіи и освѣтить вопросъ о происхожденіи русскаго народа, пользуясь произведеніемъ Константина Порфирогеннита De administrando imperii, откуда и заимствовалъ неожиданные аргументы для отрицанія славянскаго происхожденія Руси. Этими работами Байеръ и положилъ основаніе такъ

---

[1]) P. Aurelio Palmieri.—Gli Studi Bizantini in Russia. Roma. 1900. P. 11.
[2]) Пекарскій, ор. с., стр. XXXVIII.
[3]) Погодинъ.—Древняя русская исторія. М. 1871. Т. II, стр. 668.
[4]) P. Aurelio Palmieri.—Gli Studi Byzantini in Russia. Roma. 1900. P. 13.
[5]) Пекарскій, ор. с., стр. 194—196

называемой „скандинавской теоріи“ [1]), которая впослѣдствіи стала пользоваться все большими и большими симпатіями ученыхъ въ области исторіи Россіи.

Непосредственнымъ продолжателемъ изслѣдованій Байера о русско-византійскихъ отношеніяхъ былъ *Герардъ-Фридрихъ Мюллеръ* († 1783), родившійся въ 1705 г. въ Гердорфѣ, учившійся въ Лейпцигѣ, съ 1725 г. студентъ С.-Петербургской Академіи, потомъ преподаватель академической гимназіи, редакторъ академическихъ изданій, изслѣдователь Сибири, профессоръ, академикъ и, наконецъ, «исторіографъ россійскаго государства». Между прочимъ, съ 1732 г. при участіи Байера и др. имъ было выпущено въ свѣтъ многотомное изданіе Sammlung russischer Geschichte,—первый опытъ полной исторіи Россіи, а въ 1749 г. къ торжественному собранію Академіи приготовлена рѣчь: «*Происхожденіе народа и имени россійскаго*», напечатанная потомъ въ Гёттингенѣ, въ V части Allgemeine historische Bibliotheck. Въ этой рѣчи Мюллеръ съ особенной рѣшительностью и,—даже по отзыву его враговъ,—«съ большою ученостію» развилъ «скандинавскую теорію» Байера, чѣмъ и возбудилъ неудовольствіе большинства членовъ Академіи, не только не допустившихъ произнесенія рѣчи, но и уничтожившихъ рукописные и корректурные ея экземпляры, такъ какъ въ ней будто бы напослось „оскорбленіе русской славѣ“ [2]).

Но этимъ уже нельзя было заглушить идей Байера и Мюллера. Надъ выясненіемъ происхожденія Руси при свѣтѣ византійскихъ источниковъ неутомимо работалъ въ Академіи *Августъ-Людвигъ Шлёцеръ* († 1809 г.), родившійся (въ 1735 г.) и изучавшій филологію въ Гёттингенѣ, въ 1761 г. прибывшій въ Петербургъ по приглашеніи Мюллера и вскорѣ назначенный его адъюнктомъ по Академіи[3]), а затѣмъ (въ 1764 г.) и ординарнымъ академикомъ [4]). Главнѣйшимъ предметомъ его изслѣдованій была «Несторова» лѣтопись. Очищая, исправляя и разъясняя текстъ ея, Шлёцеръ въ этой критической своей работѣ съ богатой эрудиціей пользовался финскими, западно-европейскими, славянскими и византійскими хрониками, постоянно указывая и другимъ на пользу и важность византійскихъ авторовъ для изученія русской исторіи. Уже въ 1764 г. онъ представилъ въ Академію свою статью Periculum antiquitatis russicae graecis collustratae luminibus, гдѣ далъ образчикъ возстановленія двухъ мѣстъ «Нестора» при помощи греческаго текста

---

[1]) Ibidem, стр. 57.
[2]) Пекарскій, ор. c., стр. 56—57, 359—360, 405.
[3]) Ibid., стр. 374—375, 379.
[4]) Ibid., стр. 390.

Кедрина и объяснилъ по византійскимъ же источникамъ нѣкоторыя малопонятныя выраженія нашей лѣтописи (напр., судъ, дымъ, кувара и др.).—«Главною моею темою, говоритъ Шлёцеръ въ автобіографіи по поводу этой статьи, было неслыханное со временъ Байера дѣло, что русскій изслѣдователь исторіи долженъ знать по-гречески и преимущественно предъ всѣми изучать византійцевъ“ [1]). Послѣ нѣсколькихъ другихъ работъ о русско-византійскихъ отношеніяхъ, (по смерти ихъ автора изданныхъ въ Германіи), въ 1773 году Шлёцеръ выступилъ въ наукѣ съ изслѣдованіемъ «Askold und Dir—eine russische Geschichte», а въ 1802—1809 г.г. выпустилъ въ свѣтъ въ Гёттингенѣ (въ 4 т.) «Nestor-russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt und erklärt.». Это произведеніе, изданное въ 3 т. въ 1809 г. въ Петербургѣ и на русскомъ языкѣ (въ переводѣ Д. Языкова), доставило самому Шлёцеру неувядаемую славу. Хотя онъ и ошибался въ указаніяхъ источниковъ, вліявшихъ на «Несторову» лѣтопись,—честь вѣрнаго рѣшенія этого вопроса принадлежитъ позднѣйшимъ его изслѣдователямъ, Кругу и Муральту,—однако никогда не утратится въ русской наукѣ память о Шлёцерѣ потому, что онъ настойчиво побуждалъ Академію проникнуть въ неизслѣдованное поле „византинизма“ [2]).

Убѣжденная въ дѣйствительной важности этого для изученія судебъ не только русскаго народа, но и ближайшихъ его сосѣдей, сама Академія Наукъ, наконецъ, выразила желаніе видѣть собраніе (въ хронологическомъ порядкѣ) свѣдѣній, сообщаемыхъ византійскими писателями о древнихъ обитателяхъ Руси. Выполненіе этого труда было возложено Академіей на *Іоанна-Готлиба Стриттера* (1740—1801), бывшаго конректоромъ академической гимназіи и потомъ управлявшаго архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ. При содѣйствіи Шлёцера, Мюллера и Фишера, онъ издалъ въ Петербургѣ свой обширный трудъ «Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, paludem Maeotidem, Caucasum, mare Caspium et inde magis ad Septentrionem incolentium, e scriptoribus historiae byzantinae erutae et digestae» (T. I—IV, 1771—1779), впослѣдствіи переведенный и на русскій языкъ Василіемъ Прокоф. Свѣтовымъ, переводомъ котораго [3]), впрочемъ, нужно пользоваться съ большой осторожностью. Предварительно сдѣлавъ очеркъ исторіи Византіи и ея литературы по Лаббе

[1]) Пекарскій, ор. с., т. II, стр. 826 A. L. Schlözer's Öffentliches und Privat—Leben. Göttingen, 1802, S. 202.

[2]) Palmieri, ор. с., 26—28.

[3]) „Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія россійскую исторію древнихъ временъ и переселеніе народовъ; собраны и хронологическимъ порядкомъ расположены Иваномъ Штриттеромъ“. Въ СПБ. 1770—1775. 4 ч., in 8⁰. —Учен. Записки Акад. Н., 1852, I, LXXV. Сухомлиновъ. Исторія россійской Академіи. СПБ. 1878, Вып. 4, стр. 306.

(Apparatus historiae byzantinae), Фоссіусу (De historicis graecis, 1624) и Ганке (De byzantinarum rerum scriptoribus), Стриттеръ въ хронологическомъ порядкѣ привелъ изъ византійскихъ авторовъ массу цѣннаго историческаго матеріала, касающагося древнихъ обитателей Руси и сосѣднихъ съ ней племенъ—вандаловъ, готовъ, гунновъ, славянъ, турокъ, татаръ, печенѣговъ, скиѳовъ, варяговъ, аланъ, иверовъ и др. Хотя хронологія Стриттера иногда явно ошибочна, латинскій переводъ текста византійскихъ авторовъ не точенъ и лишь изрѣдка сопровождается (подстрочно и безъ ударенiй) греческимъ оригиналомъ, а комментаріи къ нимъ—ненадежны, однако колоссальный и въ своемъ родѣ единственный трудъ этого ученаго весьма значительно подвинулъ у насъ впередъ знакомство съ византійской исторіей. Драгоцѣнное пособіе пріобрѣли въ немъ изслѣдователи русской исторіи. Благодаря указателю, которымъ снабжено названное изданіе, оно и теперь еще можетъ служить удовлетворительнымъ справочникомъ при историческихъ работахъ, когда нужно отыскать то или другое свидѣтельство византійскихъ авторовъ [1]; пельзя только при этомъ полагаться на текстъ ихъ, напечатанный въ изданіи. Критическій анализъ этого текста не входилъ въ задачу Стриттера, да и былъ для него одного непосильнымъ, въ особенности въ то время, когда византиновѣдѣніе лишь зарождалось въ Россіи. Восполнить недостатки «Memoriae populorum» предстояло другимъ.

Одной изъ слабыхъ сторонъ византиновѣдѣнія не только въ Россіи, но и на западѣ всегда была неопредѣленность и шаткость хронологіи византійской исторіи. У насъ это почувствовалось вскорѣ же, какъ только приступлено было къ изслѣдованію «Несторовой» лѣтописи. Разнорѣчіе и сбивчивость хронологическихъ датъ у византійскихъ писателей ясно видѣлъ уже Стриттеръ. Но при осуществленіи главнѣйшей цѣли своего труда онъ не находилъ для себя возможнымъ бороться съ такимъ неудобствомъ своего громаднаго историческаго матеріала [2].

Задачу спеціальнаго изслѣдованія византійской хронологіи и построенія ея на устойчивыхъ основаніяхъ принялъ на себя *Іоаннъ-Филиппъ Кругъ* († 1844 г.), который своей работой въ этой сферѣ расчистилъ путь для болѣе плодотворныхъ занятій другихъ историковъ. Онъ родился 20 января 1764 г. въ г. Галле (въ Саксоніи) и по окончаніи курса въ знаменитомъ университетѣ этого города, съ жаждою видѣть таинственныя для западныхъ людей области Россіи, въ 1795 г. прибылъ

[1] *Memoriae populorum* дали матеріалъ даже такому авторитетному русскому историку, какъ Е. Е. Голубинскій (см., напр., стр. 14, 38, 42, 46 и 66 его 1-й половины 1 тома „Исторіи русской церкви“. М. 1880).

[2] In singulos annos, ad quos res gestae tot populorum pertineant, tanta inquirere diligentia, quanta, si historiam unius et alterius eorum scribere suscepissem, expectari poterat, res immensi fere laboris fuisset.—Memoriae populorum, p. XIII.

въ Москву въ качествѣ воспитателя дѣтей гр. Ив. Григор. Орлова [1]). Въ короткое время онъ усвоилъ здѣсь русскій языкъ, отдавая въ то же время силы изученію русскихъ монетъ, такъ какъ еще съ дѣтства увлекался нумизматикой. Страсть къ этой наукѣ привела его въ 1803 г. въ Петербургъ, гдѣ, занимаясь въ Эрмитажѣ, могъ онъ найти обширныя и еще неиспользованныя учеными коллекціи русскихъ монетъ. Плодомъ нумизматическихъ изслѣдованій Круга была его монографія о русскихъ монетахъ, появившаяся въ свѣтъ въ 1805 г. и вскорѣ съ нѣкоторыми измѣненіями переведенная на русскій языкъ [2]). Она открыла Кругу и доступъ въ Академію, обративъ на него вниманіе ученыхъ [3]).

Успѣхъ этой монографіи измѣнилъ и сферу дальнѣйшихъ занятій Круга. Побуждаемый Шлёцеромъ, онъ направилъ свою энергію на другую, не менѣе неизслѣдованную научную область, на хронологію первоначальной русской исторіи. Но при этомъ Кругъ, естественно, не могъ не видѣть, какъ важно для такой цѣли установить достоинство хронологическихъ указаній и византійскихъ авторовъ, соприкасавшихся съ нашей исторіей на значительномъ ея протяженіи. И вотъ, въ 1809 г., по предложенію Круга, Академія Наукъ объявила премію для работы, въ которой была бы вполнѣ подвергнута сравненію, по возможности исправлена и провѣрена хронологія византійскихъ авторовъ отъ основанія Константинополя до завоеванія его турками [4]). Но лишь въ 1854 г. библіотекарь Петербургской Публичной Библіотеки, швейцарецъ *Эдуардъ Муральтъ* получилъ половину преміи изъ Демидовскаго капитала Академіи за свой «*Опытъ византійской хронографіи*» (Essai de chronographie byzantine pour servir a l'examen des annales du Bas-Empire et particulierement de chronographes Slavons. S.-Petersbourg, 1855—1871, T. I—II), обнимающій время съ 395 по 1453 г.[5]). Въ ожиданіи же подобной работы самъ Кругъ не остался спокойнымъ. Въ ушахъ его, какъ говорилъ онъ, звучали слова Шлёцера, призывавшаго любителей русской исторіи вырыть богатыя сокровища, погребенныя въ византійскихъ хроникахъ[6]). Постоянно памятуя этотъ призывъ, въ 1810 г. Кругъ и издалъ въ свѣтъ небольшой по объему, но капитальный по своему значенію

---

[1]) Krug—Forschungen in der ältern Geschichte Russlands, S.—Petersburg, 1848. P. I. S. X.

[2]) Zur Münzkunde Russlands. St.—Petersburg. 1805. 200 S. S. Критическія разысканія о древнихъ русскихъ монетахъ. СПБ. 1807.

[3]) Krug—Forschungen in der ältern Geschishte Russlands, S.-Petersburg, 1848 P. I, S. II, IX, XVI, XXIII, XXIV, XXVIII. Palmieri, op. c., Roma, 1901. P. 3—4.

[4]) Krug, op. c., S. XC. Palmieri, op. c., p. 4—5. Куникъ—Объ обработкѣ византійской хронографіи. Учен. Записки Ак. Н., по I и III отд., т. III, 1855 г., стр. 467.

[5]) Уч. Записки Ак. Н., I и III Отдѣл., т. III, вып. 3, стр. 465—478.

[6]) Schlözer—Nestor..... III, S. 327.

для того времени трудъ «Kritischer Versuch zur Aufklärung der bizantinischen Chronologie» (S.-Petersburg), касающійся, впрочемъ, очень ограниченнаго періода времени византійской жизни, съ 886 г. до 992 г., отъ императора Льва VI Мудраго до половины царствованія Василія II Болгаробойцы, современника нашего князя Владиміра, крестившаго русскій народъ. Но и такой опытъ византійской хронологіи былъ встрѣченъ единодушными похвалами иностранныхъ и русскихъ ученыхъ, какъ явленіе чрезвычайной важности[1]). Руководясь главнымъ образомъ Θеофаномъ, Никифоромъ и Симеономъ Логоѳетомъ, Кругъ въ своемъ трудѣ разбираетъ ихъ даты, опредѣляетъ историческіе періоды и бросаетъ яркіе лучи свѣта на русскую и византійскую хронологію. Въ результатѣ этой работы оказались серьезныя поправки къ изслѣдованіямъ Паги, Лаббе, Дюканжа, Шлёцера и др.[2]). Въ своей „Исторіи государства россійскаго» Н. М. Карамзинъ уже пользовался выводами Круга.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшая его учено-литературная дѣятельность въ области византиновѣдѣнія ограничилась лишь небольшими статьями о положеніи варяговъ при византійскомъ дворѣ, о жизни готовъ и русскихъ купцовъ въ Константинополѣ, о походахъ русскихъ противъ Византіи[3]) и другими малозначительными трактатами, хотя при своей эрудиціи, послѣ неоднократнаго чтенія византійскихъ хроникъ, онъ могъ бы дать здѣсь наукѣ нѣчто и болѣе капитальное.

Но Кругъ всегда живо интересовался успѣхами византиновѣдѣнія въ Россіи, побуждалъ другихъ къ работамъ въ этой области и руководилъ послѣдними. Онъ, напр., высказывался противъ перевода византійскихъ хроникъ на русскій языкъ, полагая, что для диллетантовъ такой переводъ оказался бы мало интереснымъ, а для ученыхъ, которые должны знать греческій языкъ, совершенно безполезнымъ. За то Кругъ всячески содѣйствовалъ изданію этихъ хроникъ въ подлинникѣ[4]). Когда знаменитый канцлеръ гр. Николай Петр. Румянцевъ предложилъ Академіи 25000 рублей на критическое изданіе русскихъ лѣтописей и она обратилась къ Кругу, приглашая его къ выполненію этого предпріятія, онъ отклонилъ отъ себя столь лестное и въ то же время трудное порученіе[5]). Но, пользуясь своей близостью къ гр. Румянцеву,

[1]) Krug—Forschungen.... S. XCIX. Goett. Gel. Anz., 31 ott. 1811, n. 173, Куникъ—Учен. Зап. Ак. Н., 1855 г., по I и III отд., т. III, стр. 467. Palmieri, op. c., p. 5.

[2]) Forschungen, S. CXXXV.

[3]) *Ueber die Bäder der russischen Geschäftsträger zu Kpel im X Iahrhund.—Ascold und Dir. Ihre Einwanderung mit Rurik, Herkunft, Trennung von Rurik, Besitznahme von Kiev, ihr Zug gegen die Griechen, ihr Tod und Begräbniss.*—Forschungen, S.S. 315—396, 559—566.

[4]) Forschungen, S. CXXXIV—CXXXVI. Palmieri, op. c., p. 6—7.

[5]) Иконниковъ.—Опытъ русской исторіографіи, Кіевъ, 1891 г., т. I, стр. 149. Ж. М. Н. Пр., LXV, V, стр. 11.

Кругъ расположилъ его къ изданію византійскихъ источниковъ по исторіи славянъ, въ особенности—хроникъ Георгія Амартола и Льва Діакона, давшихъ, по мнѣнію ученаго, матеріалъ и образецъ для «Несторовой» лѣтописи. Въ тревожное для Европы время 1813—1814 г.г. Кругъ сносился съ Парижскимъ эллинистомъ *Газе* (B. Hase) относительно критическаго изданія хроники Льва Діакона за счетъ русскаго мецената [1]). Въ 1819 г. эта хроника въ качествѣ послѣдняго тома парижскаго изданія византійскихъ историковъ, дѣйствительно, вышла въ свѣтъ, съ образцовыми комментаріями Газе. Къ сожалѣнію, экземпляры этого изданія вскорѣ же стали большой рѣдкостью, такъ какъ судно, на которомъ отправлено было въ Россію 150 экземпляровъ изданія, погибло во время бури. Впрочемъ, хроника Льва Діакона почти со всѣми комментаріями Газе вошла въ «Corpus scriptorum historiae byzantinae», въ 1829 г. предпринятый *Нибуромъ* (Bonnae), а затѣмъ повторена была *Минемъ* въ его «Patrologiae cursus completus» (ser. gr., t. 117 [2]). Неудача съ этой хроникой однако не смутила ни Круга, ни гр. Румянцева, которыхъ Газе извѣщалъ потомъ, что имѣетъ уже приготовленныя къ печати произведенія Михаила Пселла, Георгія Амартола, Никифора Григоры, Григорія Паламы и др. Гр. Румянцевъ опять послалъ Газе щедрую субсидію, предлагая ему прежде всего сдѣлать критическое изданіе Георгія Амартола, къ которому, по изслѣдованіямъ Круга, ближе всего стоитъ „Несторова“ лѣтопись [3]). Но смерть гр. Румянцева пріостановила осуществленіе мечты Круга [4]). Однако послѣднее обстоятельство не ослабило его энергіи и онъ съ прежней неутомимостью, не смотря на свои преклонныя лѣта, продолжалъ заниматься собираніемъ новыхъ матеріаловъ для освѣщенія раннѣйшей русской исторіи. Свои изслѣдованія въ этой области Кругъ передалъ передъ смертью Куніку, который въ 1848 г. и издалъ ихъ въ Петербургѣ въ 2-хъ частяхъ, съ приложеніемъ своихъ статей,—объ этеріи хазаръ въ Византіи и о сношеніяхъ дронитовъ и русскихъ съ византійской имперіей,—и съ большимъ предисловіемъ, въ которомъ изображается жизнь самаго Круга и его выдающіяся заслуги предъ русской исторической наукой [5]).

---

[1]) Forschungen, S. CLXV.

[2]) Krumbacher—Geschichte der Byzantinischen Litteratur. München, 1897. S. 268.

[3]) Forschungen, S. CLXVI. Журналъ Мин. Нар. Пр.,—Содѣйствіе Круга канцлеру гр. Румянцеву въ пользу русской исторіи. 1850, т. LXV, отд. V, стр. 4,24 и слѣд.

[4]) При жизни его, въ 1838 г., хроника Георгія Амартола далеко не въ совершенномъ видѣ вошла въ Боннскій Corpus scriptorum historiae byzantinae.—Krumbacher, op, c., S. 356.

[5]) Krug—Forschungen, S. CLXVII. Palmieri, op. c., p. 8.

Эрнестъ-Эдуардъ Кунинъ († 1899), обычно именовавшійся Аристомъ Аристовичемъ, былъ не только литературнымъ наслѣдникомъ ученаго достоянія Круга, но и истиннымъ «патріархомъ» византиновѣдѣнія въ Россіи.—Родившійся въ 1814 г. въ силезскомъ городѣ Лигницѣ, онъ проходилъ филологію въ Бреславльскомъ и Берлинскомъ университетахъ, а въ 1839 г. прибылъ въ Москву, гдѣ и изучалъ русскій языкъ, сотрудничая въ то же время въ «Москвитянинѣ» Погодина. Въ этомъ журналѣ, знакомя русскихъ людей съ произведеніями западной исторической литературы, Куникъ стремился примирить и сблизить идеи германства и славянства, доселѣ враждовавшихъ между собой, вмѣсто того, чтобы опираться другъ на друга въ достиженіи своихъ провиденціальныхъ цѣлей. Собравъ въ такомъ направленіи огромный историко-филологическій матеріалъ, для изданія его молодой ученый отправился въ Германію, но, встрѣтивъ тамъ повсюду среди ученаго міра холодный пріемъ, разочарованный и утомленный, по совѣту Погодина снова возвратился въ Россію. Въ поискахъ занятій, которыя давали бы возможность продолжать историческія изслѣдованія, Куникъ однако и здѣсь встрѣтился съ тягостнымъ разочарованіемъ, хотя ему и обѣщали свое покровительство Кругъ и министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ. Кунику было отказано даже въ должности библіотекаря Румянцевскаго музея, потомучто онъ былъ иностраннымъ подданнымъ и не имѣлъ оффиціальнаго диплома. Лишь въ февралѣ 1844 г., удалось Кунику получить должность сверхштатнаго хранителя въ нумизматическомъ музеѣ Императорской Академіи Наукъ. И съ тѣхъ поръ начался періодъ его широкой научно-литературной извѣстности.

Въ 1844—1845 г.г. въ Петербургѣ появился въ печати капитальный и геніальный трудъ Куника «Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven, eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates» (I—II Abtheilung, XXVIII—182 + XVI—496 S. S.), окончательно разрѣшавшій въ пользу «скандинавской теоріи» давнишній и запутанный споръ о варягахъ и о происхожденіи Руси. Этотъ трудъ, заключающій въ себѣ и полный эрудиціи критическій комментарій къ византійскимъ хроникамъ, открылъ автору и двери Академіи: онъ былъ избранъ адъюнктъ-профессоромъ русской исторіи. Другой безцѣнной заслугой Куника было то, что онъ, можно сказать, до осязательности выяснилъ въ наукѣ важность Византіи и ея литературы для русской исторіи. Въ длинномъ ряду его работъ, которыхъ насчитывается свыше 130[1]), кромѣ вышеупомянутаго изданія сочиненій Круга, къ области византиновѣдѣнія еще относятся: «Der Raubzug und die Bekeh-

[1]) Ernesti Eduardi Kunik—Index operum omnium, составленный академикомъ К. Г. Залеманомъ, былъ напечатанъ, по желанію самого Куника, лишь въ 3-хъ экземплярахъ (Petropoli, 1894, 1—36 р.). Визант. Временникъ, 1899, т. V, стр. 632.

rung eines Russenfürsten nach der Biographie des Bischoffs Georg vom Amastris» (Bull. hist.-phil., III, p. 33; 1845), нѣсколько статей о рѣчахъ патр. Фотія (Bull. hist.-phil., VI—VIII = Mél. russes, I, 1849—1850), «*Почему Византія донынѣ остается загадкой во всемірной исторіи?*» (Учен. Зап. Имп. Ак. Н., по I и III Отдѣл., т. II, 1853), «*О трудахъ византиниста Тафеля*» (ibid), «*Основаніе трапезунтской имперіи въ 1204 г.*» (Учен. Зап. Имп. Ак. Н., по I и III Отдѣл., т. II, 1854), «*О связи трапезунтско-сельджукской войны 1223 г. съ нашествіемъ татаръ на сѣверное Черноморье*» (ibid), «*Дополненія къ статьямъ о трапезунтскихъ и татарскихъ дѣлахъ*» (ibid.), «*О трудахъ византиниста Муллаха*» (Учен. Зап. Имп. Ак. Н., по I и III Отд., т. III, 1855), «*Объ обработкѣ византійской хронографіи*» (по поводу сочин. Э. Муральта,—ibid.), «*Доказательство, что текущій XIV великій индиктіонъ начинается 1 марта 6917 мартовскаго и сентябрьскаго года отъ с. м. (= 1 марта 1409 юліанскаго г.), въ пятницу*» (Ж. М. Н. Пр., ч. 96, 1857), «*О запискѣ безъимяннаго таврическаго*» (Anonimus Tauricus,—Отч. о четырнадцат. присужд. наградъ гр. Уварова, СПБ. 1872), «*О запискѣ Готскаго топарха*» (Зап. Имп. Ак. Н., т. 24, кн. I, 1875), «*Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ*» (СПБ. 1878), «Ergänzende Bemerkungen zu den Untersuchungen über die Zeit der Abfassung des Lebens Hl. Georg vom Amastris» (Bull. hist.-phil., XXVIII, p. 338=Mél. russes, V, p. 8; 1881) и мн. др.

Сюда же можно причислить и работы Куника по нумизматикѣ. Занявши по избранію Академіи въ 1859 г. должность хранителя музея Эрмитажа, онъ вскорѣ же выпустилъ въ свѣтъ и свои изслѣдованія: «*О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича съ изображеніемъ св. Георгія*» (СПБ., 1860) и «*Розысканія о славяно-византійскихъ монетахъ*» (Изв. Император. Археол. Общ., т. III, 1861), въ которыхъ, обосновывая догадки Круга, доказалъ возможность обращенія въ Россіи монетъ русско-византійской чеканки еще въ до-монгольскій періодъ, въ X—XI в.в. Это положеніе и теперь пока господствуетъ въ наукѣ [1]).

Плодотворно было и то вліяніе, какое оказывалъ Куникъ на другихъ, направляя ихъ ученыя занятія. «А. А. Куникъ, говоритъ проф. В. Гр. Васильевскій, былъ человѣкъ почина; въ его головѣ постоянно слагались новые планы и кипѣли живыя мысли, которыя онъ развивалъ съ одушевленіемъ и жаромъ; одушевляя другихъ, онъ долго не остывалъ и самъ. Есть цѣлый рядъ солидныхъ работъ, приведенныхъ болѣе или менѣе благополучно къ концу подъ его руководствомъ...

[1]) Визант. Временникъ, 1899, т. VI, стр. 627—628.

По его вызову работали надъ арабскими текстами такіе большіе люди въ наукѣ какъ Ильминскій, какъ бар. В. Р. Розенъ» [1]). По внушенію Куника и Эд. Муральтъ взялся за свой трудъ «Опытъ византійской хронографіи», достоинства котораго были привѣтствованы прежде всѣхъ самимъ руководителемъ. При участіи Куника въ 1895 г. возникъ въ Петербургѣ при Академіи Наукъ и спеціальный журналъ «Византійскій Временникъ», хотя по преклонности лѣтъ самъ онъ уже и не могъ сотрудничать въ этомъ высоко-ученомъ изданіи. Вообще, своими учеными работами и личнымъ вліяніемъ Куникъ во второй половинѣ минувшаго столѣтія воспиталъ значительный кругъ солидныхъ ученыхъ, обратившихъ свои силы на изученіе Византіи и ея литературныхъ сокровищъ.

Ученая дѣятельность Куника еще при жизни его вполнѣ заслуженно была оцѣнена не только Академіей Наукъ, но и другими высшими просвѣтительными учрежденіями въ Россіи. Такъ, Новороссійскій и Кіевскій Университеты избрали его въ число своихъ почетныхъ членовъ и второй въ 1871 г. присудилъ ему степень доктора русской исторіи [2]) А вскорѣ послѣ его смерти (19 февр. 1899 г.) во всѣхъ отношеніяхъ „первый“ русскій византинистъ—проф. Вас. Гр. Васильевскій, скончавшійся въ томъ же году, успѣлъ посвятить его памяти краснорѣчивый некрологъ, въ которомъ выставилъ въ блестящемъ свѣтѣ громадную ученость своего «незабвеннаго товарища» и его безспорныя заслуги предъ исторической наукой въ Россіи. По отзыву проф. Васильевскаго, Куникъ былъ не только ученымъ, обладавшимъ неисчерпаемымъ сокровищемъ свѣдѣній, но и высокоблагороднымъ и доброжелательнымъ человѣкомъ, котораго въ этомъ отношеніи цѣнили даже люди, несочувствовавшіе его научнымъ воззрѣніямъ [3]).

Со смертію Куника, можно сказать, и закончился начальный періодъ византиновѣдѣнія въ Россіи, когда въ этой научной области у насъ впервые стала выясняться тѣсная связь между русской и византійской дѣйствительностью, были сдѣланы первые опыты изслѣдованія разнообразныхъ взаимныхъ отношеній той и другой, давшіе плодотворные результаты для освѣщенія важныхъ вопросовъ русской исторіи, и намѣчался методъ и отчасти планъ дальнѣйшихъ подобныхъ изслѣдованій. Все это было дѣломъ ученыхъ иностранцевъ, стоявшихъ въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ Императорской Академіи Наукъ приблизительно за первое столѣтіе ея существованія. Какъ бы отъ лица всѣхъ этихъ ученыхъ Куникъ въ 1853 г. говорилъ, что и для русскихъ людей наступило время освободиться отъ свинцовой тяжести равнодушія къ

[1]) Визант. Времен., 1899, т. VI, стр. 620, 629.
[2]) Byzantin. Zeitschrift, 1899, VIII, S. 610.
[3]) Визант. Временникъ, 1899, т. VI, стр. 620.

историческому прошлому Византіи, бросающему яркіе лучи свѣта и на исторію Россіи, которой теперь нельзя оставаться праздной въ виду научной дѣятельности Европы, давно уже рѣшившейся разрѣдить мракъ, скопившійся надъ Византіей [1]). Эти слова Куника, какъ завѣщаніе авторитетнѣйшаго представителя ученыхъ иностранцевъ, посвящавшихъ свои силы насажденію у насъ византиновѣдѣнія, были приняты, наконецъ, съ должнымъ вниманіемъ русскими учеными. Трудами проф. В. Г. Васильевскаго, директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ Ѳ. И. Успенскаго, проф. Д. Ѳ. Бѣляева, академ. Н. П. Кондакова, проф. Н. В. Покровскаго, проф. Ал. П. Лебедева, проф. Скабалановича, еп. Порфирія (Успенскаго) и др., пользующихся широкой научной извѣстностью и на западѣ, у насъ началось самостоятельное всестороннее изученіе византійской исторіи. Число талантливыхъ и трудолюбивыхъ русскихъ византинистовъ ежегодно растетъ, и ихъ теперь нужно считать не единицами, а уже цѣлыми десятками [2]) И это любителямъ византиновѣдѣнія даетъ основаніе питать надежду, что въ недалекомъ будущемъ изученіе Византіи въ трудахъ русскихъ ея изслѣдователей пойдетъ уже равномѣрно съ развитіемъ всей русской исторической науки.

Свящ. Н. Поповъ.

---

[1]) Ученыя Зап. Импер. Акад. Наукъ по I и III Отд., т. II. *Почему Византія донынѣ остается загадкой во всемірной исторіи?*—Стр. 444.

[2]) Визант. Временникъ, т. VI, 1899. Приложеніе.

XXII.

Страница изъ исторіи англійскаго средневѣкового города.

Около 1326 года, немедленно по низложеніи Эдуарда II, когда государство еще шаталось („adhuc regni statu vacillante"), и миръ новаго короля, Эдуарда III, еще не былъ оповѣщенъ по графствамъ, лондонскіе горожане, „обуянные дерзостной смѣлостью" (temeraria abutentes audacia), принудили, по словамъ сэнтъ-албанскаго хроникёра Томаса Уолсингэма, [1]) всѣхъ прибывавшихъ по какой бы то ни было надобности въ Лондонъ представителей духовной и свѣтской знати („omnes regni proceres, tam praelatos ecclesiae quam laicos") заключить съ ними клятвенный договоръ („illos per corporalis juramenti vinculum astrinxerunt"), чтобы вмѣстѣ отстаивать какія то вольности („nescio quas libertates tuendas communiter cum eisdem") „Слѣдуя ихъ примѣру, общины городовъ, мѣстечекъ и деревень (civitatum, burgorum, et villarum communitates), набравшись необузданной смѣлости, пытались силой и насиліемъ исторгнуть у своихъ сеньеровъ грамоты и вольности, благодаря которымъ они стали бы совсѣмъ свободны".

Послѣдовали ихъ опасному примѣру, („perniciosum exemplum") и горожане Сентъ-Альбанса. „Подняли они свою пяту противъ аббатства (contra Abbathiam erexerunt calcamen suum)" послѣ праздника Богоявленія. Во второй половинѣ января (1326 г.) собрались низшіе слои сентъ-албанскаго населенія („inferiores villae") и заключили между собою клятвенный союзъ („et sese mutuo confoederaverant per fidei sacramentum"). Въ теченіе трехъ дней число ихъ настолько возросло, что они заставили открыто перейти на ихъ сторону всѣхъ нотаблей города. („omnes majores dictae villae in eorum sectam publice transire compellerent"), которые, по словамъ хроникера, и сами имъ сочувствовали и даже потакали, хотя и притворялись преданными монастырю.

[1]) *Gesta Abbatum Monasterii Sancti, Albani, a Thoma Walsingham,* Regnante Ricardo Secundo, ejusdem Ecclesiae praecentore, compilata. Edited by Henry Thomas Riley. Vol. II. A. D. 1290—1349. London. 1867 (изъ серіи Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores).

Какъ разъ въ это время долженъ былъ проѣзжать черезъ Сентъ-Альбансъ направлявшійся въ Лондонъ дядя короля и глава учрежденнаго при королѣ временнаго совѣта Генрихъ, графъ Ланкастерскій. Боясь, какъ бы не стряслась надъ ними бѣда, если аббатъ вздумаетъ пожаловаться на нихъ графу, сентъ-албанскіе горожане отправили къ аббату Гугону двѣнадцать городскихъ нотаблей (duodecim de villae majoribis) съ просьбой не сообщать графу объ ихъ заговорѣ („ne. . . .hujus conjurationis mentionem faceret“) и не жаловаться ему, обѣщая уладить все это дѣло законнымъ и мирнымъ путемъ[1]). Аббатъ согласился. Графъ уѣхалъ.

Въ самый день отъѣзда графа Ланкастерскаго одному изъ слугъ аббата случилось быть въ городѣ по монастырскимъ дѣламъ. Горожане схватили его и съ угрозами потребовали, чтобы онъ присягнулъ ихъ дѣлу. Тотъ не соглашался. Его стали колотить. Убѣгая, онъ нанесъ ударъ одному изъ преслѣдовавшихъ его горожанъ, отъ котораго тотъ палъ мертвымъ („unum ex illis ictu unico peremisset“). Поднялся весь городъ. На рыночной площади горожане поставили эшафотъ и къ нему веревкой привязали большой топоръ, чтобы рубить головы всѣмъ, кто не согласится быть съ ними за одно. [2])

На другой день явились къ аббату уже извѣстные намъ двѣнадцать городскихъ нотаблей (duodecim villae majores) и отъ имени всей общины (nomine totius communitatis) обратились къ нему сначала съ просьбой, а потомъ съ сопровождавшимся страшными угрозами требованіемъ („verbis primo supplicibus, deinde minacibus, et furore plenis“) утвердить за ними и за ихъ преемниками на вѣчныя времена нѣкоторыя вольности, которыя они здѣсь и изложили аббату. Аббатъ, посовѣщавшись съ членами монастырскаго совѣта, предложилъ горожанамъ явиться къ нему за отвѣтомъ на четвертый день и попросилъ ихъ представить ему свои требованія въ письменной формѣ. Горожане согласились. Но уже на другой день они явились въ монастырь, представили аббату уже готовую петицію и шумно потребовали отъ него немедленно отвѣта. Вотъ эта петиція:

„Община города св. Альбана (communitas villae Sancti Albani) проситъ аббата и монастырь выдать имъ грамоты ихъ вольностей (Chartas libertatis eorum), по которымъ названный городъ и его горожане сдѣлались свободными какъ вольный городъ и горожане (quibus dicta villa, et ejusdem burgenses, fiebant ita liberi sicut burgus et bur-

---

[1]) „. . .promittentes fideliter ad hoc se rem perducturos, ut per vim legum regni villani suas querelas modeste exequerentur“. *Gesta Abbatum*, II, 156—7.

[2]) „Erexerant nempe villani truncum quemdam in foro; cui per catenam alligaverant grandem securim; ut qui nollent consentire illorum molitionibus, ibidem capite plecterentur“. Ibid., 157.

genses), каковыми вольностями они пользовались со времени составленія названныхъ грамотъ, пока не встрѣтили помѣхи со стороны названнаго аббата и его ближайшаго предшественника, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ хартія вольности (charta libertatis) и нѣкая книга въ королевскомъ казначействѣ, которая по-англійски называется „*Domusday*“.

„Сверхъ того, просятъ, чтобы позволено имъ было выбирать людей, то есть двухъ горожанъ, по собственному выбору, которые бы отправлялись въ парламентъ королевства отъ названнаго города согласно вольности, уступленной (всякому) другому городу (alii burgo), какъ они пользовались этимъ въ прошломъ. [1])

„Сверхъ того, чтобы позволено имъ было отвѣчать передъ разъѣздными судьями и при всякихъ другихъ разслѣдованіяхъ и судебныхъ разбирательствахъ черезъ посредство двѣнадцати горожанъ названнаго города, безъ примѣси постороннихъ, какъ этимъ пользовались они въ прошлое время. [2])

„Сверхъ того, чтобы ассиза хлѣба и пива названнаго города впредь охранялась двѣнадцатью присяжными горожанами, какъ это было издревле въ обычаѣ. [3])

„Сверхъ того, чтобы они имѣли общинныя права на земляхъ, въ лѣсахъ, водахъ, рыбныхъ ловляхъ и въ другихъ угодьяхъ, какъ это содержится въ *Domusday*, и какъ они ихъ издревле обыкновенно имѣли въ силу тѣхъ же вольностей. [4])

„Сверхъ того, чтобы имъ позволено было имѣть ручныя мельницы (molas manuales), какъ они обыкновенно ихъ имѣли, и чтобы имъ были возмѣщены убытки, которые они потерпѣли, когда ихъ у нихъ не было.

„Сверхъ того, чтобы присяжный бэйлиффъ города св. Альбана впредь приводилъ бы въ исполненіе всѣ распоряженія, касающіяся названнаго города, безъ посредничества бэйлиффа иммунитета или какого другого.“ [5])

---

[1]) „Item, quaerunt quod liceat eis homines eligere, videlicet, duos burgenses, electione propria adeundi gratia ad Parliamenta regni pro dicta villa, secundum libertatem alii burgo concessam; sicut usi sunt temporibus retroactis“, Gesta Abbatum, II, 158.

[2]) „Item, quod liceat eis respondere in Iustitiis Itinerantibus, et omnibus aliis inquisitionibus et placitis, per duodecim burgenses dictae villae, sine commixtione forinsecorum; sicut usi sunt tempore retroactro“. Ibid., 158.

[3]) „Item, quod assisa panis et cervisiae dictae villae de caetero per duodecim burgenses juratos custodiatur, sicut antiquitus consuevit“. Ibid., 158.

[4]) „Item, quod habeant commune in terris, boscis, aquis, piscariis, et aliis commoditatibus, sicut continetur in *Domusday*; et sicut antiquitus habere solebant per easdem libertates“. Ibid., 158.

[5]) „Item, quod ballivus villae sancti Albani juratus faciat omnes executiones dictae villae de caetero, absque interpositione ballivi, libertatis vel alicujus alterius“. Ibib., 158.

Аббатъ и его совѣтъ устно отвѣтили на каждый параграфъ петиціи, [1]) но отказались закрѣпить документально свое вынужденное согласіе на требованія сентъ-албанцевъ. Горожане въ негодованіи покинули монастырь. Въ тотъ же день вооруженные отряды сентъ-албанцевъ, пѣшіе и конные, сдѣлали нападеніе на гэлиуэллскія ворота аббатства; но взять воротъ имъ не удалось: кромѣ монаховъ ихъ защищалъ находившійся въ распоряженіи монастыря отрядъ изъ двухъ сотенъ превосходно вооруженныхъ людей, который аббатъ содержалъ, вообще опасаясь горожанъ, а въ особенности послѣ того, какъ среди нихъ началось движеніе къ свободѣ („quorum malitias Abbas praecavens, praecipue a principio confoederationis eorum et dementiae"). Не взявъ воротъ приступомъ, горожане подвергли монастырь правильной осадѣ; преградивъ подвозъ къ монастырю съѣстныхъ припасовъ, они разсчитывали голодомъ заставить монаховъ согласиться на ихъ требованія.

Вѣсть обо всемъ этомъ дошла до слуха новаго короля Эдуарда III-го, и онъ отправилъ шерифу гертфодрскаго графства приказъ созвать ополченіе графства (posse Comitatus sui) и идти на выручку аббатства, оповѣстивъ предварительно въ предѣлахъ своего округа его королевскій миръ, и если послѣ объявленія королевскаго мира найдутся какіе либо бунтовщики, немедленно ихъ арестовать и держать въ королевской тюрьмѣ впредь до особыхъ распоряженій о нихъ со стороны короля. Въ началѣ февраля королевское повелѣніе было оповѣщено въ городѣ Сентъ-Альбансѣ, и горожане сняли осаду и прекратили военныя дѣйствія, „но злословія, угрозъ и богохульства и сношеній какъ съ сосѣдними городами, такъ и съ лондонскими гражданами, съ которыми были соединены узами клятвы, не прекратили". [2])

Не добившись цѣли съ помощью вооруженной силы, сентъ-албанцы рѣшили перенести дѣло на почву судебнаго состязанія. На средства, взятыя изъ общей кассы, учрежденной ими теперь во время борьбы за городскія вольности, они наняли адвокатовъ и предложили аббату (черезъ посредство шестерыхъ нотаблей города, дѣйствовавшихъ совмѣстно съ нѣсколькими жителями сосѣднихъ мѣстностей какъ друзьями посредниками („velut amicis intermediis") отъ имени всей общины города) устроить совѣщаніе въ Лондонѣ въ церкви св. Павла для мирнаго улаженія дѣла. Аббатъ согласился.

Когда представители сторонъ отправились въ Лондонъ, сентъ-албанскіе горожане опять заволновались, опять осадили монастырь, опять

---

[1]) „...ab Abbate, et suo consilio, singula singulis articulis verbo tenus data sunt responsa". Ibid., 158.

[2]) „De convitiis tamen, minis, et blasphemiis, ac confoederationibus, tam collateralium villarum, quam Londoniensium civium, quibis se confoederabant per vinculum juramenti, non cessabant". Ibid., 160.

собрались у гэлиуэллскихъ воротъ и произвели аттаку на монастырь, громко обзывая монаховъ разбойниками и ворами („ribaldos fures turpiter acclamantes“). Хотя нападеніе было сдѣлано ночью, но оно не застали монаховъ врасплохъ, и вмѣстѣ съ вооруженными людьми, находившимися въ аббатствѣ, они успѣшно отбили аттаку.

Между тѣмъ отправившіеся въ Лондонъ представители сентъ-албанскихъ горожанъ, „не щадя издержекъ“, очень энергично принялись за дѣло. Имъ удалось добиться того, что аббату былъ посланъ королевскій приказъ слѣдующаго содержанія. Сентъ-албанскіе горожане довели до свѣдѣнія короля („nobis est ostensum“), что они и ихъ предшественники, съ незапамятныхъ временъ („a tempore quo non extat memoria“) имѣли въ названномъ городѣ нѣкоторыя вольности и свободные обычаи (quasdam libertates et liberas consuetudines), а между тѣмъ аббатъ и его бэйлиффы несправедливо (minus juste) всякими способами препятствуютъ (molestatis et multipliciter inquietatis) этимъ горожанамъ пользоваться этими вольностями и свободными обычаями, какъ пользовались ими сами они и ихъ предшественники, къ немалому ущербу самихъ горожанъ (in ipsorum burgensium damnum non modicum) и въ противность смыслу Великой Хартіи о вольностяхъ Англіи, которая должна быть соблюдаема твердо и нерушимо во всѣхъ и каждой изъ своихъ статей (et contra tenorem Magnae Chartae de libertatibus Angliae, quam in omnibus et singulis suis articulis firmiter et inviolabiliter observari volumus), и въ одной изъ статей которой содержится, что всѣ города (civitates, burgi et villae) должны имѣть всѣ свои вольности и свободные обычаи. Не желая, чтобы названные выше горожане терпѣли несправедливость, король требуетъ, если дѣйствительно все это такъ, чтобы и самъ аббатъ совсѣмъ пересталъ чинить горожанамъ затрудненія и безпокойства въ пользованіи ими ихъ вольностями или свободными обычаями (ab hujusmodi molestationibus et inquietationibus praefatis burgensibus, super libertatibis seu liberis consuetudinibus, inferendis, penitus desistentes) и запретилъ ихъ чинить своимъ бэйлиффамъ названнаго выше города и позволилъ горожанамъ безъ всякой помѣхи пользоваться (uti et gaudere, absque impedimento aliquo) этими своими вольностями и вольными обычаями, какъ имъ надлежитъ пользоваться ими въ названномъ выше городѣ, и какъ обыкновенно пользовались ими и сами они, и ихъ предшественники. Приказъ помѣченъ восьмымъ февраля. Одновременно съ этимъ приказомъ (breve) былъ отправленъ приказъ въ Палату Шахматной Доски (Thesaurario et Camerario Scaccari) произвести разслѣдованіе о томъ, дѣйствительно ли городъ Сентъ-Альбансъ есть вольный бургъ и его жители свободные горожане, или же нѣтъ („utrum villa de Sancto Aebano sit liber burgus, et homines ejusdem villae liberi burgenses existant, necne“), для этого разсмотрѣть Книгу Страшнаго

Суда (inspecto libro nostro de *Doumsday*) и результаты разслѣдованія безъ замедленія отчетливо и открыто (distincte et aperte) сообщить королю.

Едва ли справка изъ Книги Страшнаго Суда могла дать много сентъ-албанскимъ горожанамъ. Изъ нея можно было узнать, что городъ (villa) святого Альбана „защищаетъ себя“ за десять гайдъ (pro decem hidis se defendit), что земли здѣсь шестнадцать карукатъ, что въ домент (in dominio) три гайды, и что здѣсь есть двѣ карукаты, и можетъ быть образована третья (et tertia potest fieri), что въ Сентъ-Альбансѣ четверо Francigenae и шестнадцать вилланов (villani) съ тринадцатью бордаріями (cum tresdecim bordariis), и земли у нихъ тринадцать карукатъ; что здѣсь сорокъ шесть горожанъ (burgenses); что рыночнаго сбора и другихъ поступленій (de theolonio et de aliis redditibus villae) ежегодно получается съ города одиннадцать фунтовъ и четырнадцать шиллинговъ (solidi); что есть три мельницы съ доходомъ въ сорокъ шиллинговъ, лугъ въ двѣ карукаты (pratum duarum carrucatarum), лѣсъ на тысячу свиней съ доходомъ въ семь шиллинговъ; что въ этомъ городѣ (villa) есть еще двѣнадцать котаріевъ (cotarii), есть также паркъ, населенный лѣсными звѣрями (unus parcus ibi est bestiarum sylvaticarum) и рыбный садокъ (unum vivarium piscium), и что горожане (burgenses) владѣютъ полгайдой.

Собравшись въ соборѣ св. Павла въ Лондонѣ, стороны соглашаются назначить двѣнадцать третейскихъ судей какъ изъ рыцарей, такъ и изъ юристовъ (dudecim fidedignos, tam milites quam legisperitos) Эти третейскіе судьи вмѣстѣ съ тремя присланными королемъ джентельменами (tribus proceribus) удаляются для совѣщанія и приходятъ, по словамъ хроникера, къ соглашенію, неблагопріятному для интересовъ монастыря. Послѣ этого былъ назначенъ день для новой встрѣчи сторонъ, на этотъ разъ въ самомъ Сентъ-Альбансѣ, въ церкви св. Альбана. Когда въ назначенный день (6-го марта 1326 года) явились сюда „безъ шума оружія (sine armorum strepitu)“ стороны, имъ показана была грамота короля Генриха Второго о вольностяхъ и владѣніяхъ церкви св. Альбана. Въ грамотѣ этой говорилось между прочимъ о пожалованіи церкви св. Альбана города св. Альбана съ рынкомъ и всякой вольностью, которую долженъ имѣть бургъ („in qua continetur quod inter caeteras libertates et possessiones, contulit Ecclesiae Sancti Albani villam Sancti Albani cum foro et omni libertate quam burgus debet habere“). Эта послѣдняя фраза и въ особенности слово *burgus* произвели на горожанъ сильное впечатлѣніе („quibus verbis pronunciatis, mox villani scandalizati sunt in hoc verbo „burgus“), и они стали требовать, чтобы за ними было утверждено званіе горожанъ (illis statum burgensium confirmari) и скрѣплено грамотой и общей печатью

монастыря (scripto et sigillo communi Conventus communiri). Это грозило монастырю величайшимъ ущербомъ (quia hoc in eccesiae praejudicium maximum verti videretur), и поэтому дѣло было перенесено въ Уэстминстеръ на 10-е марта.

Въ Уэстминстеръ, куда явились представлять интересы сентъ-албанскаго аббата три монаха и магистръ Тѳмасъ Пайротъ, „профессоръ римскаго права (et Magistrum Thomam Pyrot, Iuris Civilis Professorem)“, дѣло приняло крайне неблагопріятный для аббатства оборотъ. Представители аббата должны были въ сущности капитулировать предъ сентъ-албанскими горожанами. Стороны согласились на томъ, чтобы горожане избрали изъ своей среды 24 болѣе заслуживающихъ довѣрія (magis fideles) людей, которые бы провели новыя границы города Сентъ-Албанса (perambularent villae limites, et antiquas metas fideliter consideratas et notatas, praesentarent), а аббатъ и монастырь общей своей печатью утвердили бы за горожанами Сентъ-Альбанса и ихъ преемниками эти границы, введя предварительно ихъ во владѣніе этими границами (et quod Abbas et Conventus sigillo suo communi confirmarent burgensibus Sancti Albani, et eorum successoribis, data prius eis seisina, praedictas metas et bondas), „а также и нѣкоторыя иныя церкви святого Альбана крайне отяготительныя вещи“ (et quaedam Ecclesiae Sancti Albani nimium onerosa).

Комиссія двадцати четырехъ была выбрана (изъ людей болѣе пожилого возраста, provectioris aetatis), и 15-го марта каждый изъ ея членовъ отдѣльно принесъ въ присутствіи аббата и его совѣта присягу, что добросовѣстно будетъ исполнять возложенное на него порученіе (quod fidelem facerent perambulationem dictae villae). Въ тотъ же день они приступили къ работѣ и на слѣдующій день уже окончили ее. Въ документѣ, озаглавленномъ хроникеромъ *Indentura super perambulatione, et libertatibus villanorum praedictorum*, [1]) мы находимъ описаніе этой perambulationis. Но мы находимъ въ этомъ соглашеніи, состоявшемся между сентъ-албанскимъ аббатамъ Гугономъ de Everisdene и монастыремъ съ одной стороны и „добрыми людьми, горожанами того же города святого Альбана, съ другой (et les bones gentz, burgeis de mesme la ville de saint Alban, dautre part), и болѣе интересныя вещи, именно тѣ, которыя были „крайне отяготительны для церкви святого Альбана“. Съ момента этого соглашенія городъ Сентъ-Альбансъ долженъ быть и считаться бургомъ (soit Burgh, et pur Burgh tenu), и всѣ держанія внутри названныхъ границъ (должны быть и считаться) городскими держаніями (et touz le tenementz dedlinx les dites .boundes, burgages), и всѣ добрые люд (toutz les bones gentz), обитающіе (demoerantz) внутри названныхъ

[1]) Gesta Abbatum, II, 166—170.

границъ, ихъ наслѣдники и преемники (lur heirs, et lur successours) должны быть горожанами и считаться горожанами на всегда (soient burgeys, et pur burgeys tenuz au touz jours); и чтобы они сами могли избирать двухъ горожанъ (deus borgeys) въ каждый парламентъ (daler au chescun Parlement); и чтобы они сами избирали изъ своей среды двѣнадцать (присяжныхъ) безъ смѣшенія съ посторонними или постороннихъ съ ними (et quil ayent dozeyne de eaux mesmes, sanz medler ove foreyns, ou foreyns ov eaux), исключая только то, что они должны отправляться въ сотенный суда аббата, когда въ силу приказа они призываются сюда, какъ это они дѣлали обыкновенно въ прежнія времена (sauve quils veignent al Hundred lAbbe, quant par bref serront enpledez, sicom ils soloient auncienement faire); и что ассиза хлѣба и пива и прочіе пункты, касающіеся названной Ассизы, будетъ составляться и охраняться по представленію двѣнадцати горожанъ города, принесшихъ присягу, какъ это было въ старину; и что бэйлиффъ города будетъ приводить въ исполненіе приказы внутри названнаго города, такъ что если будетъ обнаружено небреженіе съ его стороны, будетъ приводить ихъ въ исполненіе на этотъ разъ бэйлиффъ сотни". Все это не должно наносить никакого ущерба церкви сентъ-албанской, ея правамъ и вольностямъ („issint nequident, qe par la grant avandit riens ne destrece ne tourne en prejudice de lour esglise avantdite, mes davoir et useer toutes lours autres franchesis, et lours droitures qe a lour esglise appendent"). Въ частности, не должно это нарушать права аббата и монастыря требовать, чтобы сентъ-албанскіе горожане мололи свой хлѣбъ на монастырскихъ мельницахъ и не заводили собственныхъ ручныхъ мельницъ („ne que ceo graunt ne tourne au lour esglise en prejudice, en droit des mainmoiles, etde suyte qe les avaunditz Abbe et covent demandent des ditz burgeys de moudre au lur molyns").

Аббату и его совѣту волей—неволей пришлось пойти на всѣ эти уступки, „подчиниться наглой волѣ своихъ супостатовъ" (cedere... importunae voluntati adversariorum suorum, licet inviti), „принимая въ Ѧваженіе бурныя времена (ad saeculum tempestuosum habentes respectum) и въ виду того, что государство было лишено почти всякой помощи права". Едва ли, впрочемъ, не рѣшающее значеніе имѣлъ полученный аббатомъ отъ короля приказъ утвердить соглашеніе и приложить къ нему общую печать аббата и монастыря. Было созвано аббатомъ общее собраніе монаховъ (conventus), былъ прочитанъ текстъ соглашенія, и было предложено аббатомъ присутствующимъ приложить къ нему общую монастырскую печать. Всѣ монахи единодушно и рѣшительно протестовали противъ требованія аббата, открыто заявляя, что они скорѣе умрутъ, чѣмъ скрѣпятъ подобную рукопись общей печатью. Отъ имени ихъ сталъ говорить архидіаконъ монастыря, указы-

вавшій на то, что исполненіе требованія аббата грозитъ разореніемъ монастырю и полнымъ его разрушеніемъ (in exhaeredationem Monasterii tenderet, et dilapidationem, in futurum). Тогда аббатъ прочелъ приказъ короля и настаивалъ на своемъ требованіи, ссылаясь на долгъ повиновенія. Тогда всѣ присутствовавшіе на собраніи монахи „изъ страха передъ приказомъ короля и долгомъ повиновенія (prae timore mandati regii et obedientiae, territi)“ поднялись и оставили собраніе, рѣшительно протестуя. Въ концѣ концовъ имъ пришлось, скрѣпя сердце, согласиться на требованіе аббата, выставлявшаго на видъ опасности, грозившія монастырю отъ ихъ упорства; но предварительно они заявили свой оффиціальный протестъ у нотаріевъ, заявивъ въ присутствіи свидѣтелей, что дѣлаютъ эту уступку, подчиняясь давленію и страху (per vim et metum), а не по доброй волѣ.

Горожане торжествовали. Немедленно же они потребовали, чтобы имъ были переданы общинныя права въ Барнетскомъ лѣсу, которыхъ они давно добивались. Они рѣшительно отказались давать свое согласіе на предложеніе аббата предварительно обсудить это дѣло въ комиссіи выборныхъ отъ той и другой стороны и требовали „угрожающими и надутыми словами (verbis comminacibus et ampullosis)“ передать имъ эти права теперь же, безъ всякаго замедленія. Аббату ничего другого не оставалось, какъ, заручившись согласіемъ нѣкоторыхъ изъ братіи, велѣть своему сенешалу ввести сентъ-албанцевъ во владѣніе барнетскимъ лѣсомъ. Толпами, точно одержимые, тронулись горожане въ лѣсъ и, наломавъ, въ знакъ ввода во владѣніе (nomine seisinae) буковыхъ вѣтвей, съ торжественнымъ крикомъ (cum clamore pomposo) носили ихъ по городу. Кромѣ того они сравняли съ землею рвы и сломали живыя изгороди возлѣ барнетскаго и сосѣдняго съ нимъ лѣса и луга. Они стали съ этихъ поръ ловить рыбу въ прудахъ аббата безъ всякаго ограниченія (ad libitum) и въ теченіе послѣдующихъ пяти лѣтъ гоняли зайцевъ и кроликовъ въ заповѣдныхъ мѣстахъ (in garenna) и выстроили въ окрестностяхъ города до восьмидесяти ручныхъ мельницъ (molas manuales). И до конца своей жизни не могъ аббатъ Гугонъ положить предѣлъ всему этому и заставить горожанъ возмѣстить столько ущербовъ, причиненныхъ ими монастырю, жалуется сентъ-албанскій монахъ—хроникёръ и съ облегченнымъ чувствомъ собирается разсказывать о томъ, какъ все это удалось сдѣлать преемнику аббата Гугона, сумѣвшему вернуть сентъ-албанскихъ горожанъ въ ихъ прежнее положеніе (ad pristinum gradum) и заставить ихъ хоть отчасти возмѣстить нанесенные ими ущербы.

Дмитрій Петрушевскій.

XXIII.

Проблема роста производительныхъ силъ въ теоріи соціальнаго развитія.

Къ числу тѣхъ историковъ XIX вѣка, которые совершенно самостоятельно, повидимому помимо какихъ-либо прямыхъ книжныхъ или «идеологическихъ» вліяній, дѣйствіемъ собственнаго углубленнаго изученія фактовъ и собственной интуиціей пришли къ признанію важности «экономическаго» фактора въ процессѣ соціальнаго развитія, принадлежитъ и В. О. Ключевскій. Про свое поколѣніе я смѣло могу сказать, что экономическому объясненію исторіи оно училось не только изъ «Капитала» Маркса, но и изъ «Боярской Думы» Ключевскаго, гдѣ вліяніе хозяйственныхъ силъ и побужденій на соціальную эволюцію русскаго допетровскаго общества было изображено съ такой классической пластичностью, которою никогда не располагалъ Марксъ. И этотъ фактъ да послужитъ оправданіемъ тому, что въ сборникѣ статей, посвящаемомъ почитаемому всей образованной Россіей мастеру русской исторической науки, читателямъ будутъ предоставлены критическія соображенія объ одномъ изъ тѣхъ основныхъ вопросовъ соціальнаго развитія, которые можно объединить подъ общимъ названіемъ конечныхъ или предѣльныхъ проблемъ хозяйственнаго развитія общества. Я имѣю въ виду проблему производительныхъ силъ и роста ихъ, какъ опредѣляющаго момента всего соціальнаго развитія. Для того, чтобы сразу перейти къ самому существу дѣла, войти in medias res, я буду отправляться отъ ставшаго классическимъ мѣста у Маркса въ его «Zur Kritik der politischen Oekonomie» (предисловіе). Вотъ оно (въ моемъ собственномъ переводѣ):

«Въ общественномъ производствѣ своей жизни люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, независимыя отъ ихъ воли отношенія, отношенія производства, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру

общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ вообще соціальный, политическій и духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями или, что̀ является лишь юридическимъ выраженіемъ таковыхъ, съ отношеніями собственности, въ предѣлахъ которыхъ они до тѣхъ поръ двигались. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія превращаются въ ихъ путы. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономической основы преобразуется быстрѣе или медленнѣе вся громадная надстройка. При разсмотрѣніи такихъ переворотовъ необходимо всегда различать между матеріальнымъ, съ естественно-научной точностью могущимъ быть констатированнымъ переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства и юридическими, политическими, религіозными, художественными или философскими, говоря коротко, идеологическими формами, въ которыхъ люди сознаютъ этотъ конфликтъ и проводятъ его. Такъ же, какъ нельзя судить объ индивидѣ по тому, что онъ самъ о себѣ мнитъ, точно такъ же нельзя объ эпохѣ такого переворота судить на основаніи его сознанія; наоборотъ, надлежитъ это сознаніе объяснить изъ противорѣчій матеріальной жизни, изъ существующаго конфликта между общественными производительными силами и производственными отношеніями. Никакая общественная формація не погибаетъ, прежде чѣмъ не разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она достаточно широка, и новыя, болѣе высокія производственныя отношенія не являются на ея мѣсто, прежде чѣмъ не будутъ подготовлены матеріальныя условія ихъ существованія въ нѣдрахъ стараго общества. Поэтому человѣчество ставитъ себѣ только такія задачи, которыя оно можетъ разрѣшить, ибо при болѣе точномъ разсмотрѣніи всегда скажется, что самая задача возникаетъ только тамъ, гдѣ матеріальныя условія ея разрѣшенія имѣются уже налицо, или, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ своего возникновенія. Въ крупныхъ очертаніяхъ можно въ качествѣ послѣдовательныхъ эпохъ общественнаго развитія назвать азіатскій, античный, феодальный и современно-буржуазный способъ производства. Буржуазныя производственныя отношенія—послѣдняя антагонистическая форма общественнаго производственнаго процесса, антагонистическая не въ смыслѣ индивидуальнаго антагонизма, а въ смыслѣ антагонизма, вырастающаго изъ общественныхъ условій жизни индивида. Но развивающіяся въ нѣдрахъ буржуазнаго общества производительныя силы создаютъ въ то же время

матеріальныя условія для разрѣшенія этого антагонизма. На этой общественной формаціи заканчивается поэтому доисторическая эпоха (die Vorgeschichte) человѣческаго общества».

Въ этомъ разсужденіи Маркса содержится, въ сущности говоря, два основныхъ тезиса: во-первыхъ, утвержденіе, что совокупности данныхъ производительныхъ силъ соотвѣтствуетъ въ каждый данный моментъ тотъ или иной строй общества; во-вторыхъ, что весь вообще процессъ развитія общества обусловливается ростомъ производительныхъ силъ: когда производительныя силы въ процессѣ своего роста приходятъ въ несоотвѣтствіе и въ противорѣчіе съ данной структурой общества, то происходитъ переворотъ, вновь устанавливающій нарушенное въ обществѣ равновѣсіе. Для насъ особенно важна эта вторая динамическая часть формулы Маркса.

Если первую половину формулы можно принять или отвергнуть, можно толковать такъ или иначе, то о второй приходится сказать, что она возбуждаетъ принципіальныя недоумѣнія.

Процессъ развитія общества ставится въ ней въ зависимость отъ роста производительныхъ силъ. Дается притязающая быть всеобъемлющей теорія соціальныхъ измѣненій, но въ основу ея полагается лишь одинъ возможный случай зависимости. Теорія соціальнаго развитія или, еще общѣе, соціальныхъ измѣненій должна принимать во вниманіе не только случаи роста или прогресса, но и случаи умаленія или регресса производительныхъ силъ. Этого теорія Маркса не дѣлаетъ. Самая мысль о томъ, что эволюція и основной ея рычагъ, приспособленіе, есть понятіе нейтральное съ точки зрѣнія человѣческихъ оцѣнокъ, совершенно чужда соціологической концепціи Маркса. Между тѣмъ, такова на самомъ дѣлѣ идея эволюціи въ той дисциплинѣ, въ которой произошло ея научное рожденіе: въ біологіи (дарвинизмъ). Въ біологіи приспособленіе, въ силу котораго происходитъ переживаніе извѣстныхъ особей, вовсе не есть синонимъ усовершенствованія; оно даже не синонимъ ни усложненія, ни дифференціаціи. Приспособленіе есть понятіе нейтральное: наиболѣе приспособленныя особи могутъ быть наименѣе совершенныя особи, наиболѣе простыя организаціи, наименѣе дифференцированныя образованія.

Такимъ образомъ динамическій тезисъ соціологическаго ученія Маркса обнаруживается передъ нами не какъ теорія развитія или эволюціи, а какъ самая недвусмысленная теорія прогресса или усовершенствованія общества. Въ немъ заключается допущеніе, что выживаетъ, т.-е. оказывается наиболѣе приспособленнымъ къ жизни, экономически наиболѣе производительное, т.-е. экономически наиболѣе разумное. Въ этомъ допущеніи содержатся два момента, тѣсно между собою связанные. Во-первыхъ, оно означаетъ внесеніе

телеологическаго, чисто «человѣческаго» критерія экономической раціональности въ схему эволюціи. Во-вторыхъ, такое допущеніе окрашиваетъ всю эту схему въ оптимистическій цвѣтъ, который вообще характеренъ для всѣхъ теорій прогресса. Совершенно ясно, что наибольшая производительность (или наибольшая экономическая раціональность) вовсе *не должна* («должна» въ смыслѣ естественной необходимости) означать наибольшую приспособленность къ жизни; это въ данномъ отрѣзкѣ времени можетъ быть, но можетъ и не быть, это—частный случай эволюціи, который принципіально невозможно возвести въ ея общій законъ. «Производительность» (въ экономическомъ смыслѣ) стоитъ въ связи съ другими психическими качествами, и ея повышеніе означаетъ повышеніе этихъ качествъ, утонченіе всей духовной организаціи, означаетъ, словомъ, усовершенствованіе человѣка. Но усовершенствованіе организаціи съ такой человѣческой точки зрѣнія вовсе не логически и вовсе не всегда исторически означаетъ лучшее приспособленіе къ жизни, если разсматривать вопросъ именно съ позитивно-научной точки зрѣнія. Біологія учитъ насъ, что приспособленіе къ жизни иногда сопровождается упрощеніемъ и пониженіемъ организаціи съ точки зрѣнія «человѣческой». Уэльсъ въ одномъ изъ своихъ фантастическихъ романовъ изобразилъ борьбу низшей, но болѣе приспособленной къ жизни породы людей съ культурнымъ человѣчествомъ. Въ этомъ фантастическомъ образѣ воплощенъ именно внѣшній, независимый отъ человѣческихъ критеріевъ характеръ того біологическаго процесса, который принято называть приспособленіемъ къ жизни.

Итакъ, мысль объ опредѣляющемъ значеніи въ соціальномъ развитіи роста производительныхъ силъ сознательно или безсознательно опирается на два предположенія: 1) что развитіе человѣчества есть необходимо улучшеніе, ростъ положительныхъ (съ человѣческой, телеологической точки зрѣнія) силъ и 2) что во всякую эпоху экономически наиболѣе разумное преодолѣваетъ, переживаетъ экономически неразумное.

Тутъ вскрывается нѣчто весьма любопытное: соціологическая концепція, лежащая въ основѣ такъ называемаго «научнаго соціализма» обнаруживается, какъ оптимистическій раціонализмъ. Убѣжденіе, что развитіе общества «управляется» развитіемъ производительныхъ силъ, покоится на мысли: дѣйствительность раціональна. Между тѣмъ—и всякій историкъ, думается мнѣ, долженъ настаивать на этомъ—она часто совершенно ирраціональна. Прежде всего, власть есть—по своему происхожденію всегда и вообще и по своему психологическому содержанію и смыслу часто и по крайней мѣрѣ очень долгое время—факторъ ирраціональный, и дѣйствуетъ она часто совершенно ирраціонально. Мы наблюдаемъ это въ рѣзкой формѣ въ такъ называемомъ примитив-

номъ обществѣ. (Тутъ часто власть должна быть расточительна: вожди бразиліанскихъ лѣсныхъ племенъ «не должны быть бережливы» въ интересахъ сохраненія своего реномэ и своей власти; у новогвинейцевъ «скупецъ» есть величайшее поношеніе, которое можетъ быть только высказано о вождѣ). Далѣе, мы имѣемъ въ исторіи грандіозные примѣры экономически нераціональныхъ дѣйствій власти—религіозныя преслѣдованія въ католическихъ государствахъ, какъ достаточно извѣстно, были съ точки зрѣнія роста производительныхъ силъ въ высшей степени нераціональны. Личная и имущественная необезпеченность, характеризующая отсталыя общества, есть не болѣе и не менѣе, какъ свободное дѣйствіе въ обществѣ фактора физическаго превосходства одного лица или одного хозяйствующаго субъекта надъ другимъ или другими. Факторъ этотъ внѣэкономическій и экономически ирраціональный. А между тѣмъ значеніе этого фактора можетъ быть чрезвычайно велико для всего соціальнаго уклада. Почему въ средніе вѣка не могло быть независимой мелкой земельной «собственности»? Если не исключительно, то въ значительной мѣрѣ оттого, что безъ «покровительства» такой мелкій собственникъ или, вѣрнѣе, владѣлецъ не былъ ни лично, ни имущественно обезпеченъ. Господство права, которое намъ въ извѣстныхъ предѣлахъ кажется теперь естественнымъ, необходимымъ реквизитомъ всякаго общежитія, есть такой порядокъ, который въ извѣстной мѣрѣ р а ц і о н а л и з и р у е т ъ общественную дѣйствительность и тѣмъ даетъ возможность въ болѣе чистомъ видѣ проявляться въ ней, въ частности, и раціональности хозяйственныхъ актовъ, а тѣмъ самымъ на ея основѣ открываетъ просторъ дѣйствію отбора экономически наиболѣе приспособленныхъ.

Но и этотъ отборъ экономически наиболѣе приспособленныхъ, который кажется столь простымъ факторомъ соціальной эволюціи, таитъ въ себѣ на самомъ дѣлѣ сложнѣйшія проблемы. Пусть переживаетъ наиболѣе приспособленный типъ, пусть таковымъ будетъ экономически наиболѣе производительный типъ. Но что это значитъ? Тутъ возникаютъ двѣ проблемы.

I. Мыслима-ли экономическая производительность, какъ конечное, далѣе неразложимое понятіе?

II. Во-вторыхъ, къ какому единству должно быть отнесено это понятіе—къ индивиду или къ обществу?

По первому вопросу мы можемъ сказать: экономическая производительность индивида не есть какое-то изолированное свойство, она стоитъ въ тѣсной связи съ иными свойствами личности. Другими словами: проблема экономической производительности индивида упирается въ болѣе общую проблему личной годности (efficiency, Tüchtigkeit, Leistungsfähigkeit). Тутъ мостъ между экономикой, съ одной стороны,

моралью и религіей, съ другой, не тотъ мостъ практическаго подчиненія экономикѣ морали и религіи, который предносится разнымъ школамъ соціальной политики, разнымъ соціализмамъ, а мостъ объективной психологической связи. Тѣ свойства, которыя необходимы для экономической производительности, по своей солидарной связанности съ другими свойствами личности, неотдѣлимы отъ нихъ въ общемъ и цѣломъ. Выдержка, самоограниченіе, расчетливость—всѣ эти свойства по общему правилу или, иначе, въ массовомъ своемъ проявленіи связаны съ извѣстными моральными свойствами личности, а эти моральныя свойства въ свою очередь исторически, какъ мы это знаемъ, связаны съ извѣстнымъ религіознымъ міросозерцаніемъ. Теперь, послѣ блестящихъ изслѣдованій Макса Вебера трудно отрицать, что духъ капитализма и капиталистическаго обогащенія стоитъ въ извѣстной исторической связи съ той укрѣпленной на религіозной вѣрѣ методикой жизни, которую выработали нѣкоторыя, и притомъ радикальныя, теченія реформаціи.

Проблема личной годности есть въ то же время біологическая проблема и въ качествѣ таковой ее выдвинулъ знаменитый англійскій изслѣдователь наслѣдственности Гальтонъ въ своей «евгеникѣ» или ученіи о благорожденіи: «Евгеника есть наука, которая занимается всѣми тѣми вліяніями, которыя совершенствуютъ прирожденныя свойства расы, а также тѣми, которыя подымаютъ ихъ на высшую ступень»[1]).

При обсужденіи въ Лондонскомъ Соціологическомъ Обществѣ проблемы «евгеники», поставленной Гальтономъ, другой извѣстный англійскій соціологъ Бенжаменъ Киддъ сдѣлалъ одно вѣрное, прямо бьющее въ точку замѣчаніе: «Много неясностей остается въ настоящее время въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ вслѣдствіе смѣшенія двухъ совершенно различныхъ вещей, а именно годности индивидуальной и годности соціальной». Киддъ иллюстрировалъ эту мысль на слѣдующихъ примѣрахъ: «Хорошо извѣстно, что всѣ свойства пчелъ направлены на достиженіе возможно болѣе высокой годности пчелиныхъ обществъ. Между тѣмъ, эти свойства отнюдь не являются такими, которыя мы были бы склонны разсматривать, какъ свойства совершеннаго индивида. Если бы пчелы въ одну изъ болѣе раннихъ стадій развитія понимали «евгенику» такъ, какъ мы теперь понимаемъ эту проблему—съ какимъ нарочитымъ осужденіемъ онѣ, напримѣръ, отнеслись бы къ пчелиной маткѣ, которая посвящаетъ свою жизнь исключительно произведенію потомства! Я боюсь также, что съ этой точки зрѣнія любопытные

---

[1]) Francis Galton. Eugenics; its definition, scope and aims. Sociological papers published forthe Sociological Society. London 1905.

нравы трутней подверглись бы осужденію со стороны елейныхъ блюстителей нравственности того времени. Что подумали бы тогда и о пчелахъ-рабочихъ, чѣмъ съ точки зрѣнія совершенства индивида представились бы онѣ съ ихъ неразвитыми тѣлами и недоразвитыми инстинктами? А между тѣмъ всѣ эти явленія въ высокой степени содѣйствовали годности общества и несомнѣнно обусловили данному типу успѣхъ въ процессѣ эволюціи», т.-е., иными словами, представляя полезное приспособленіе для вида, содѣйствовали его переживанію.

Въ замѣчаніяхъ Кидда обрисовывается вторая изъ формулированныхъ нами проблемъ, самая постановка которой выясняетъ одно кардинальное противорѣчіе въ обычной (или классической) формулировкѣ «матеріалистическаго пониманія исторіи». Допустимъ, что наибольшая производительность обезпечиваетъ наилучшее приспособленіе. Чье? Классическій текстъ Маркса не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ имѣетъ при этомъ въ виду в с е общество. Но именно въ этомъ пунктѣ заключается грандіозная проблема именно съ точки зрѣнія Марксовой соціологіи. Пусть наиболѣе производительная система обезпечиваетъ наилучшее сохраненіе и воспроизведеніе жизни всего общества. Но изъ этого допущенія или изъ этого пониманія, единственно соотвѣтствующаго и данному тексту Маркса и общему смыслу той концепціи, которая лежитъ въ основѣ его историческаго матеріализма— изъ этого пониманія вытекаетъ съ логической неизбѣжностью выводъ, стоящій въ рѣзкомъ, прямо кричащемъ противорѣчіи со всѣмъ содержаніемъ Марксовой соціологіи. А именно, если наиболѣе производительная система обезпечиваетъ наилучшее сохраненіе и воспроизведеніе жизни в с е г о общества, то, значитъ, въ поддержаніи этой системы, пока она остается наиболѣе производительной системой, солидарно или гармонически заинтересовано все населеніе б е з ъ р а з л и ч і я к л а с с о в ы х ъ д ѣ л е н і й.

Противоположность классовыхъ интересовъ погашается въ общемъ гармоническомъ интересѣ поддержанія жизни, обезпечиваемаго данной системой производительныхъ силъ. Такимъ образомъ, теорія историческаго развитія, которая основнымъ своимъ понятіемъ имѣетъ производительныя силы и ихъ развитіе, необходимо опирается на идею извѣстной общественной г а р м о н і и въ періоды н о р м а л ь н а г о, неревоюціоннаго существованія общества. И это вполнѣ понятно потому, что теорія общественныхъ производительныхъ силъ относитъ понятіе этихъ силъ ко всему обществу, какъ къ ихъ носителю.

Огромная роль, приписываемая марксизмомъ классовой борьбѣ, съ ученіемъ объ опредѣляющемъ значеніи производительныхъ силъ, какъ это ученіе формулировалъ именно самъ Марксъ, не можетъ быть объединена въ одно стройное цѣлое.

Иначе это можно формулировать такъ: теорія «производительныхъ силъ» есть не только плохо замаскированная теорія прогресса, но и теорія предустановленной общественной гармоніи.

Нельзя сказать, чтобы Марксъ совершенно не понималъ, что тутъ заключается огромная трудность и глубочайшая проблема соціальной философіи. Эту трудность и эту проблему онъ самъ обрисовываетъ въ одномъ мѣстѣ своихъ «Theorien über den Mehrwert»[1]) и даетъ ей такое разрѣшеніе, которое всецѣло подтверждаетъ нашу критическую характеристику теоріи производительныхъ силъ и въ то же время вскрываетъ ея основной философскій мотивъ.

Противопоставляя «честнаго» Рикардо «подлому» попу Мальтусу, Марксъ такъ характеризуетъ перваго: «Рикардо справедливо для своего времени разсматриваетъ капиталистическій способъ производства какъ наиболѣе выгодный для производства вообще, какъ наиболѣе выгодный для созданія богатства. Рикардо желаетъ производства ради производства, и это правильно[2]). Если утверждаютъ, какъ это дѣлаютъ сентиментальные противники Рикардо, что производство какъ таковое не есть цѣль, то забываютъ, что производство ради производства не означаетъ ничего иного какъ развитіе человѣческихъ производительныхъ силъ, т.-е. развитіе богатства человѣческой природы, какъ цѣль въ себѣ. Когда противополагаютъ, какъ это дѣлаетъ Сисмонди, благо индивидовъ этой цѣли, то утверждаютъ, что развитіе рода должно быть задержано, дабы обезпечить благо индивидовъ, что напримѣръ не слѣдуетъ вести войнъ, въ которыхъ во всякомъ случаѣ гибнутъ индивиды. Сисмонди правъ только, когда выступаетъ противъ экономистовъ, которые затушевываютъ, отрицаютъ эту противоположность. Тутъ, не говоря уже о безплодности подобныхъ разсужденій, обнаруживается непониманіе того, что это развитіе способностей рода человѣка, хотя оно сперва совершается на счетъ большинства человѣческихъ индивидовъ и нѣкоторыхъ классовъ людей, въ концѣ концовъ пробиваетъ брешь въ этомъ антагонизмѣ и совпадаетъ съ развитіемъ отдѣльнаго индивида, т.-е. что высшее развитіе индивидуальности достается цѣной историческаго процесса, въ которомъ индивиды приносятся въ жертву. Ибо выгоды рода въ человѣческомъ царствѣ, въ царствѣ животномъ и растительномъ всегда осуществляются[3]) на счетъ выгодъ индивидовъ. Прямолинейность[4]) Рикардо была, стало быть, не только научно-честной, но и научно-необходи-

[1]) Herausgegeben von Karl Kautsky. Stuttgart 1905 II, 1. SS. 309—310.
[2]) „Er will die Produktion der Produktion halber und dieses mit Recht".
[3]) „Setzen sich durch".
[4]) „Die Rücksichtslosigkeit".

мой [1]) для его точки зрѣнія. Поэтому для него (Рикардо) совершенно безразлично, что и кого убиваетъ развитіе производительныхъ силъ, земельную собственность или рабочихъ. Если этотъ прогрессъ обезцѣниваетъ капиталъ промышленной буржуазіи, то онъ это такъ же привѣтствуетъ. Если развитіе производительныхъ силъ труда обезцѣниваетъ вдвое наличный основной капиталъ [2]), какая въ этомъ важность, говоритъ Рикардо. Производительность человѣческаго труда удвоилась. Вотъ это—научная честность. Если пониманіе Рикардо въ общемъ соотвѣтствуетъ интересу промышленной буржуазіи, то только потому и постольку, что и поскольку ея интересъ совпадаетъ съ таковымъ производства, или производительнаго развитія человѣческаго труда. Поскольку буржуазія вступаетъ въ противорѣчіе съ этимъ развитіемъ, Рикардо также рѣшительно выступаетъ противъ нея, какъ въ другихъ случаяхъ онъ рѣшительно становится противъ пролетаріата».

Мысль Маркса состоитъ съ одной стороны въ томъ, что интересъ рода, прикрѣпляющійся къ развитію производительныхъ силъ, осуществляется на счетъ индивидовъ и цѣлыхъ общественныхъ классовъ во всякой «антагонистической» системѣ хозяйства и общества. Но этотъ интересъ «рода» потому и является «родовымъ», что онъ интересъ всего общества, передъ которымъ должны склоняться всѣ отдѣльные, индивидуальные и классовые, интересы. За эмпирической рознью интересовъ стоитъ общій интересъ производства или производительныхъ силъ. Этотъ общій интересъ для Маркса есть не метафизическое понятіе, не имѣющее никакого эмпирическаго значенія и примѣненія, а, наоборотъ, нѣчто эмпирически-реальное; онъ есть жизненная инстанція, господствующая надъ отдѣльными интересами, индивидуальными и классовыми, и ихъ себѣ подчиняющая. При этомъ, конечно, классовый интересъ «прогрессивнаго» класса можетъ совпадать съ этимъ интересомъ производства, какъ такового, интересомъ, который сводится къ «развитію богатства человѣческой природы». Но во всякомъ случаѣ, этотъ послѣдній интересъ есть реальная сила, движущая впередъ общество и его производительныя силы. Въ осуществленіи этого интереса реально выражается единство общества, какъ нѣкоего цѣлаго.

Наличность этого общаго интереса, носителемъ котораго и во всякой «антагонистической» системѣ хозяйства и общества, характеризующейся борьбой классовъ, является общество, какъ цѣлое, есть на-

---

[1]) „Die Rücksichtslosigkeit Ricardos war also nicht nur wissenschaftlich ehrlich, sondern wissenschaftlich geboten für seinen Standpunkt“.

[2]) „Das vorhandene fixe Kapital“.

[3]) „Wo sie in Gegensatz dazu tritt ist er ebenso rücksichtslos gegen die Bourgeoisie, als er sonst gegen das Proletariat und die Aristokratie ist“.

личность реальной опредѣляющей весь историческій процессъ надклассовой инстанціи, въ которой погашается вся классовая дисгармонія антагонистическаго общества. Такимъ образомъ даже наиболѣе раздираемое антагонизмами общество заключаетъ въ себѣ для Маркса примиряющій элементъ общаго надклассоваго интереса. И этотъ интересъ совпадаетъ въ схемѣ Маркса съ самой движущей силой историческаго процесса, съ ростомъ производительныхъ силъ.

Въ этомъ подчеркиваніи «родового» или «общественнаго» интереса, какъ реальной силы, существующей рядомъ съ интересами индивидуальными и классовыми и надъ ними господствующей, обнаруживается одинъ изъ основныхъ философскихъ мотивовъ, проходящихъ черезъ всю систему Маркса. Я имѣю въ виду его «универсализмъ» (или «реализмъ» въ логическомъ смыслѣ) [1]. Совершенно ясно, что для Маркса общество было не «именемъ», а реальностью, независимо отъ «составляющихъ» его индивидовъ и классовъ. И эта реальность по своимъ интересамъ можетъ для Маркса находиться въ противорѣчіи съ индивидами и классами.

Чему, такъ сказать, на сторонѣ человѣка соотвѣтствуетъ ростъ производительныхъ силъ? Марксъ, какъ мы видимъ, говоритъ о «производствѣ ради производства». Но это «производство ради производства» все-таки не есть совершенно отвлеченное отъ нуждъ и потребностей человѣка созданіе благъ. У «производства ради производства» есть «дестинатаръ», и мы уже видѣли, что такимъ «дестинатаромъ» является въ построеніи Маркса «родъ» или «общество». Если такъ, то ясно, чему же служитъ «производство», въ чемъ оно должно черпать критерій своей «производительности». «Производство» въ цѣломъ тѣмъ производительнѣе, чѣмъ большее количество «жизни» общества оно можетъ поддерживать. Поддержаніе и умноженіе жизни есть «цѣль», къ которой стремится развитіе (ростъ) производительныхъ силъ. Наибольшая производительность означаетъ наилучшее приспособленіе къ жизни, когда она наиболѣе обезпечиваетъ сохраненіе и умноженіе жизни. Послѣднее есть цѣль, а производительныя силы и ихъ ростъ—средства. А то, что есть «цѣль» и «средство» въ порядкѣ телеологическомъ, то можетъ быть и часто бываетъ «причиной» и «слѣдствіемъ» въ порядкѣ каузальномъ.

Тутъ въ «ростѣ производительныхъ силъ» вскрывается новая проблема.

Марксъ никогда не задавался вопросомъ о соотношеніи между «ростомъ производительныхъ силъ» и «ростомъ населенія». Въ этомъ

---

[1] На универсализмъ Маркса я указалъ въ своей статьѣ „О нѣкоторыхъ основныхъ философскихъ мотивахъ въ развитіи экономическаго мышленія. Реализмъ и номинализмъ въ политической экономіи“, напечатанной въ „Извѣстіяхъ СПБ. Политехническаго института“. Томъ X, вып. 1. 1908 г.

вопросѣ онъ былъ наивнымъ «гармонистомъ», для котораго не существовало и самой проблемы.

Это отразилось и на его историческихъ построеніяхъ. Игнорируя проблему населенія, Марксъ, тотъ самый Марксъ, который вмѣстѣ съ Энгельсомъ такъ возставалъ противъ Дюринговой теоріи насилія, какъ фактора общественнаго развитія, въ основу своей концепціи генезиса капитализма положилъ насильственную экспропріацію непосредственныхъ производителей [1]). Происхожденіе того безземельнаго пролетаріата который былъ нуженъ для развитія современной промышленности, получило у него, можно сказать, чисто политическое объясненіе. Такую постановку вопроса у Маркса, конечно, можно отнести въ извѣстной мѣрѣ на счетъ того обстоятельства, что въ распоряженіи Маркса находилось сравнительно мало фактическаго матеріала, освѣщающаго и частный вопросъ о происхожденіи безземельнаго пролетаріата, и процессъ историческаго происхожденія капитализма вообще. А съ другой стороны въ созданіи этой теоріи сыграла крупную роль политическая и соціальная тенденціозность Маркса, его симпатіи и антипатіи, какъ революціонно настроеннаго соціалиста. Но главную роль тутъ всетаки сыграло то обстоятельство, что проблемы населенія, какъ конечной соціологической проблемы, для Маркса вовсе не существовало.

Теперь вопросъ о происхожденіи пролетаріата долженъ быть подвергнутъ всестороннему пересмотру на основѣ новаго фактическаго матеріала. Попытка такого пересмотра была сдѣлана русскимъ ученымъ И. Н. Гранатомъ еще въ 1899 г. въ докладѣ, прочитанномъ имъ въ Московскомъ Юридическомъ обществѣ и обратившемъ на себя гораздо меньше вниманія, чѣмъ онъ того заслуживалъ. Недавно тотъ же ученый, стоящій на почвѣ марксистской соціологіи и пользующійся, какъ принято говорить (впрочемъ, философски не только неточно, но и прямо невѣрно) марксистскимъ м е т о д о м ъ, опубликовалъ изслѣдованіе по вопросу объ обезземеленіи крестьянства въ Англіи, совершенно расшатывающее выставленную Марксомъ теорію происхожденія безземельнаго пролетаріата путемъ насильственной экспропріаціи. Я имѣю въ виду книгу: «Къ вопросу объ обезземеленіи крестьянства въ Англіи» вышедшую въ Москвѣ въ 1908 году. Изъ этой работы явствуетъ во всякомъ случаѣ, что процессъ обезземеленія крестьянства въ Англіи былъ гораздо болѣе постепеннымъ, болѣе эволюціоннымъ и болѣе «экономическимъ», чѣмъ это представлялось Марксу, что насиліе не играло въ немъ той роли, которую ему Марксъ приписывалъ. По мнѣнію Маркса, «громадное большинство населенія Англіи состояло

---

[1]) Въ извѣстной XXIV главѣ перваго тома „Капитала“, озаглавленной: „Такъ называемое первоначальное накопленіе“.

въ концѣ XIV-го, а еще болѣе въ XV-мъ столѣтіи изъ свободныхъ крестьянъ, имѣющихъ собственныя хозяйства все равно подъ какими бы феодальными правами ни скрывалось ихъ право собственности... Земледѣльческіе наемные рабочіе состояли частью изъ крестьянъ, которые употребляли свое свободное время на работу у крупныхъ землевладѣльцевъ, частью изъ самостоятельнаго, какъ относительно, такъ и абсолютно немногочисленнаго класса настоящихъ наемныхъ рабочихъ. Но и послѣдніе фактически были въ то же время крестьянами съ собственнымъ хозяйствомъ, такъ какъ они кромѣ платы получали коттеджъ съ четырьмя и болѣе акрами земли»[1]). По даннымъ изслѣдованія Граната оказывается, что еще въ концѣ XI вѣка существовали малоземельные и безземельные крестьяне, составлявшіе 45% всѣхъ несвободныхъ крестьянскихъ дворовъ, не считая рабовъ, что эта категорія крестьянъ уже тогда, «когда, конечно, ни о какомъ капитализмѣ не могло быть и рѣчи», вынуждена была въ значительной степени разсчитывать на сторонніе заработки, на продажу своей рабочей силы [2]). Резюмируя собранный имъ матеріалъ, цитируемый нами авторъ говоритъ: «во всякомъ случаѣ, принимая численность необезпеченнаго сельскаго населенія въ треть всего крестьянства, мы будемъ не выше дѣйствительности, а скорѣе ниже ея. Статистика землевладѣнія показываетъ, такимъ образомъ, что широко распространенное представленіе, будто до возникновенія капиталистической промышленности все крестьянство въ Англіи было обезпечено землей, совершенно ошибочно. Для цѣлой трети населенія своя земля могла имѣть вспомогательное и часто очень ничтожное значеніе, главнымъ же источникомъ средствъ долженъ былъ быть трудъ по найму. За нѣсколько вѣковъ до возникновенія капитализма въ странѣ уже существовалъ обширный классъ наемныхъ рабочихъ и съ развитіемъ обрабатывающей промышленности оставалось только перевести этихъ безнадѣльныхъ крестьянъ изъ деревни въ городъ, побудить ихъ окончательно порвать слабую связь, которая у нихъ была съ землей [3]). Причину такого значительнаго обезземеленія цитируемый нами авторъ видитъ въ особенностяхъ строя англійской общины, характеризуемаго нераздѣльностью участковъ и единонаслѣдіемъ, тѣмъ, что нераздѣльный участокъ переходилъ всегда къ младшему сыну. Эти же особенности строя англійской общины были обусловлены въ свою очередь необходимостью для крестьянскаго хозяйства значительнаго живого инвентаря, что̀ стоитъ въ связи съ качествами англійской почвы. «Не недостатокъ земли, говоритъ онъ, а недостатокъ скота порождалъ громадный безхозяйный пролетаріатъ,

[1]) Гранатъ. Назв. соч. стр. 1—2.
[2]) Тамъ же, стр. 5.
[3]) Тамъ же, стр. 26.

столь поражающій въ англійской средневѣковой деревнѣ; не земля, а сельскохозяйственный капиталъ, наличность живого инвентаря являлась рѣшающимъ моментомъ въ жизни англійскаго крестьянина феодальной эпохи, ...только во вліяніи этого фактора, въ необходимости обезпечить хозяйство извѣстнымъ минимумомъ скота, а не въ малоземельѣ... должны мы искать причину, вызвавшую къ жизни систему недѣлимости крестьянскаго двора и единонаслѣдіе. Тяжелая англійская почва требовала особенно много рабочаго скота. Это кардинальный фактъ всего аграрнаго развитія Англіи. Дворы могли складываться скотомъ для обработки своей земли и дѣйствительно широко практиковали супрягу. Но этимъ вопросъ не рѣшался; и при супрягѣ всякій дворъ, для сколько-нибудь правильнаго веденія хозяйства все же долженъ былъ имѣть больше скота, чѣмъ въ другихъ странахъ, врядъ-ли менѣе, чѣмъ пару воловъ, и потому живой инвентарь двора не могъ дѣлиться и вмѣстѣ съ землей въ полномъ составѣ переходилъ къ одному сыну. Другіе сыновья должны были искать себѣ землю гдѣ могли... Но искать землю они должны были на сторонѣ не потому, что въ родномъ селѣ не было земли, а потому что имъ нужна была не одна земля, а прежде всего скотъ для обработки земли: они должны были искать землю со скотомъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ источникахъ сохранилось очень много слѣдовъ снабженія крестьянъ—вѣроятно новоселовъ—скотомъ и вообще инвентаремъ отъ вотчинника» [2]).

Итакъ, Гранатомъ констатировано существованіе большого числа безземельныхъ въ Англіи еще въ раннее средневѣковье и дано вполнѣ удовлетворительное объясненіе этого явленія, сводящее его къ дѣйствію такихъ основныхъ факторовъ, какъ характеръ почвы и вытекающая изъ него техника хозяйства. Изслѣдованіе Граната отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ «экономическаго матеріализма». Эти новые факты и эти новыя соображенія заставляютъ внести очень и очень существенныя поправки въ ту картину «первоначальнаго накопленія»,которую такъ ярко и выпукло нарисовалъ Марксъ. Но эти же фактическія поправки скрываютъ за собой проблему, которую можно формулировать слѣдующимъ образомъ: каковы тѣ основныя условія, при которыхъ могъ вообще возникнуть «капитализмъ»? Очевидно одно изъ этихъ основныхъ условій, одна изъ необходимыхъ предпосылокъ капиталистическаго строя—это наличность «диспонибельнаго для капитала» рабочаго. Какъ фактически показываетъ изслѣдованіе Граната, для того, чтобы такой слой населенія существовалъ въ моментъ возникновенія капиталистическаго строя, нужна наличность докапиталистическаго перенаселенія. Еще Ф. А. Ланге въ своей знаменитой книгѣ о «рабочемъ вопросѣ» указывалъ на то,

---

[2]) Тамъ же, стр. 75.

что капитализмъ вырастаетъ на основѣ докапиталистической нужды, того, что я называю «докапиталистическимъ перенаселеніемъ». Я иду дальше: тѣ новыя фактическія указанія, которыя даетъ г. Гранатъ и которыя свидѣтельствуютъ о наличности такого перенаселенія именно въ Англіи, логически приводятъ къ существенному расширенію общей схемы Маркса какъ разъ въ томъ направленіи, на которое я уже указалъ выше. Я говорю о введеніи въ эту схему фактора роста населенія. Вводя въ эту конструкцію факторъ роста населенія, мы нащупываемъ моментъ, который можетъ относиться къ росту производительныхъ силъ, какъ «причина» къ «слѣдствію». Во многихъ случаяхъ — нельзя однако сказать, чтобы всегда—именно такая связь этихъ двухъ факторовъ способна дать намъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе экономической эволюціи. Въ частности этими двумя факторами, быть можетъ, удовлетворительно объясняется именно происхожденіе капитализма.

Значеніе роста населенія, какъ основного момента экономической эволюціи, неоднократно выдвигалось въ соціологической литературѣ. Въ сущности эта мысль implicite заключена во всемъ построеніи Мальтуса. Въ особенности ясно и рѣзко высказалъ эту мысль швейцарскій экономистъ Герреншвандъ (1730—1807). Онъ уже памѣтилъ то положеніе, которое дальше нашло себѣ плодотворное развитіе, а именно, что всякой «хозяйственной системѣ» соотвѣтствуетъ извѣстная емкость территоріи по отношенію къ населенію. Эту мысль блистательно развилъ Фридрихъ Листъ въ своей «Національной Системѣ Политической Экономіи». Вслѣдъ за Листомъ ее развивалъ и обосновывалъ Дюрингъ; изъ новыхъ экономистовъ ее проводитъ грацскій профессоръ Рихардъ Гильдебрандъ (сынъ Бруно Гильдебранда); въ частности онъ примѣнилъ ее къ аграрной эволюціи. Извѣстный итальянскій соціологъ и экономистъ Лоріа сводитъ къ тому же моменту всѣ измѣненія хозяйственныхъ формъ. Такую же соціологическую концепцію мы находимъ у Максима Ковалевскаго. Вопросъ о ростѣ населенія фигурировалъ и въ спорѣ объ условіяхъ возникновенія и развитія капитализма въ Россіи, происходившемъ между «народниками» и «марксистами». Огромное значеніе роста населенія и соотношенія между его размноженіемъ и хозяйственнымъ строемъ было положено мною въ основу объясненія новѣйшаго экономическаго развитія Россіи въ книгѣ: «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» (1894 г.). Это была та мысль, которая клала рѣзкую грань между моимъ пониманіемъ процесса новѣйшаго экономическаго развитія Россіи и пониманіемъ какъ народническимъ, такъ и ортодоксально-марксисткимъ.

Народническая теорія экономическаго развитія Россіи видѣла только р а з р у ш е н і е натурально-хозяйственнаго строя капитализмомъ. Въ частности, въ построеніи автора «Очерковъ нашего поре-

форменнаго общественнаго хозяйства» (Н. Даніельсона) паденіе крестьянскаго хозяйства объяснилось вытѣсненіемъ продуктовъ домашняго труда (въ частности предметовъ одѣянія) продуктами капиталистическихъ фабрикъ (вытѣсненіе домашнихъ льняныхъ и пеньковыхъ тканей хлопчатобумажными!). Конкуренція фабрики убила домашній трудъ. На самомъ дѣлѣ паденіе домашняго производства никогда одной только конкуренціей капиталистическаго производства объяснено быть не можетъ. Въ частности наши крестьяне, поскольку они сокращали посѣвы льна и конопли, дѣлали это отчасти ради расширенія посѣвовъ хлѣба, т.-е. площади идущей непосредственно на питаніе населенія, отчасти вслѣдствіе расширенія этой площади и соотвѣтственнаго сокращенія кормовой площади и содержанія скота, который давалъ удобреніе, столь необходимое, напримѣръ, для культуры конопли; кромѣ того самая пищевая площадь по мѣрѣ истощенія земли требовала удобренія, которое отнималось у другихъ культуръ. Совершенно ясно, что въ основѣ всего этого процесса лежало не просто «торжество капитализма», а гораздо болѣе фундаментальный фактъ роста населенія. Игнорированіе этого факта и фактора было грѣхомъ одинаково какъ марксистовъ-народниковъ, такъ и правовѣрнаго марксизма, хотя ученіе объ опредѣляющемъ значеніи роста населенія есть лишь одинъ изъ варіантовъ экономическаго объясненія исторіи. Ростъ населенія есть факторъ столь же матеріальный, сколько и ростъ производительныхъ силъ, но несомнѣнно по существу болѣе первичный, и потому въ учетѣ причинныхъ моментовъ его слѣдуетъ, разсуждая отвлеченно, поставить раньше, чѣмъ ростъ производительныхъ силъ. Ростъ производительныхъ силъ есть какъ бы процессъ приспособленія къ тому положенію, которое для той или иной человѣческой группы создается ростомъ населенія. Такимъ образомъ—какъ это ни представляется на первый взглядъ страннымъ въ виду извѣстнаго крайне отрицательнаго отношенія Маркса къ Мальтусу и его ученію—въ основу экономическаго матеріализма въ смыслѣ Маркса должна быть положена та же мысль, которая является основой и для ученія Мальтуса. Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ, что, расширяя кругъ своихъ экономическихъ размышленій, Энгельсъ въ извѣстной обработкѣ книги Моргана о первобытномъ обществѣ вынужденъ былъ признать значеніе роста населенія рядомъ съ ростомъ производительныхъ силъ. Въ указанной обработкѣ Энгельсъ выставилъ положеніе, что, согласно матеріалистическому пониманію исторіи, опредѣляющимъ моментомъ въ исторіи является производство и воспроизведеніе непосредственной жизни. Оно же двоякаго рода: 1) производство средствъ жизни и средствъ для ихъ производства и 2) производство самого человѣка, размноженіе рода. Однако Энгельсъ не уяснилъ себѣ

смысла этого признанія роста населенія, какъ соціологическаго фактора, и не сдѣлалъ изъ него никакихъ выводовъ.

Поскольку Марксъ отрицалъ начисто построеніе Мальтуса, въ этомъ отрицаніи заключалась мысль, что ростъ производительныхъ силъ всегда приспособляется къ росту населенія, что населеніе никогда не опережаетъ производительныхъ силъ. Это, конечно, вообще и въ частности для «капиталистической эпохи»—доктринальное предположеніе, не могущее быть эмпирически оправдано. Но, съ другой стороны, и Мальтусъ и мальтусіанство чисто доктринально утверждаютъ, что ростъ населенія всегда опережаетъ (или имѣетъ тенденцію опережать) ростъ производительныхъ силъ. Однако нѣтъ вовсе никакой абсолютной необходимости даже въ томъ, чтобы населеніе вообще росло. Основная ошибка Мальтуса именно въ томъ и заключалась, что онъ считалъ ростъ населенія чѣмъ-то абсолютнымъ и неизбѣжнымъ. Вовсе не неизбѣжно, чтобы росло населеніе, такъ же какъ, съ другой стороны, отнюдь не неизбѣжно, чтобы возрастали производительныя силы общества.

Фактическая зависимость между ростомъ производительныхъ силъ и ростомъ населенія чрезвычайно сложна. Населеніе само есть одинъ изъ элементовъ производительныхъ силъ и въ то же время ростъ населенія означаетъ давленіе нужды, принужденіе къ совершенствованію хозяйства. Тотъ фактъ, что населеніе есть одна изъ производительныхъ силъ, является главной теоретической основой всѣхъ оптимистическихъ ученій о населеніи, самымъ характернымъ образчикомъ которыхъ является ученіе Генри Джорджа, утверждающаго, что ростъ числа людей означаетъ ipso facto ростъ производительныхъ силъ и средствъ существованія. Въ этихъ теоріяхъ ростъ населенія есть непосредственная матеріальная основа роста производительныхъ силъ. Это значеніе фактора населенія не слѣдуетъ смѣшивать съ давленіемъ, оказываемымъ ростомъ населенія на всю «экономику» общества. Тутъ населеніе дѣйствуетъ не непосредственно какъ «производительная сила», а «психологически» черезъ «нужду», какъ плетка или бичъ, со стороны «потребностей» или «потребленія».

Зависимость между ростомъ населенія и ростомъ производительныхъ силъ можетъ быть разсмотрѣна и иллюстрирована на примѣрахъ, взятыхъ изъ современности. Во Франціи населеніе остается стаціонарнымъ, оно не растетъ. Несомнѣнно въ связи съ этимъ находятся очень многія особенности хозяйственнаго строя Франціи. Этимъ объясняется то обстоятельство, что здѣсь замѣчается извѣстный застой и въ хозяйственной жизни, и въ техникѣ сравнительно съ сосѣдними съ Франціей странами, которыя при быстро растущемъ населеніи быстрѣе прогрессируютъ и въ техническомъ, и въ экономическомъ отношеніи. Такимъ образомъ тутъ передъ нами интереснѣйшій и своеобразнѣйшій экономическій «эксперп-

ментъ», продѣлываемый исторіей и позволяющій прослѣдить вліяніе роста населенія на всю общественную жизнь страны. Ибо различное развитіе въ смыслѣ роста населенія имѣетъ значеніе, выходящее далеко за предѣлы одной лишь «экономики». Именно то обстоятельство, что во Франціи населеніе остается стаціонарнымъ, въ то время какъ въ сосѣдней съ нею Германіи оно растетъ, снимаетъ съ очереди вопросъ о «реваншѣ и, въ извѣстномъ смыслѣ, опредѣляетъ политическое положеніе Франціи. И обиліе во Франціи капиталовъ, ищущихъ приложенія за ея границами, можно поставить въ связь со стаціонарностью ея населенія. Если бы во Франціи росло населеніе, она ни въ коемъ случаѣ не могла бы такъ обильно снабжать другихъ странъ своими капиталами. Внѣ всякаго сомнѣнія эти капиталы находили бы приложеніе внутри страны. При такомъ исторически обусловленномъ накопленіи капиталовъ, какое наблюдается во Франціи, въ случаѣ роста населенія, безъ сомнѣнія быстро развивалась бы хозяйственная жизнь и росли производительныя силы самой Франціи. Но французскій крестьянинъ «воздерживается» отъ дѣторожденія и потому не развиваетъ того потребленія, которое способствовало бы развитію производительныхъ силъ страны и расширяло бы внутренній рынокъ. Его «воздержаніе» играетъ роль въ томъ, что французскіе капиталы усиленно выбрасываются заграницу. Такимъ образомъ на примѣрѣ Франціи мы убѣждаемся въ огромномъ значеніи роста населенія для экономическаго развитія. И если мы обобщимъ положеніе Франціи, то мы тѣмъ самымъ зададимся общимъ соціологическимъ вопросомъ: чѣмъ человѣчество могло бы замѣнить давленіе, которое производитъ приростъ населенія, давленіе, которое толкаетъ человѣчество впередъ и преобразуетъ его хозяйственную жизнь, принуждая къ совершенствованію производительныхъ силъ?

Въ отношеніи къ проблемѣ роста населенія, какъ движущей силы соціальнаго развитія, скрывающейся за «производительными силами» и ихъ «ростомъ», встаетъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ вопросъ: есть-ли сохраненіе и умноженіе жизни «рода» нѣчто реальное именно въ отличіе отъ сохраненія и умноженія жизни индивидовъ и отдѣльныхъ общественныхъ группъ? Съ «универсалистической» точки зрѣнія Маркса тутъ нѣтъ вопроса. Для сознательно-критическаго, позитивно-эмпирическаго изслѣдованія, которое не признаетъ никакихъ «универсалій» a priori, тутъ возникаютъ проблема и даже не одна. Нѣкоторыя изъ этихъ проблемъ я намѣчу здѣсь въ самой общей формѣ.

«Наибольшая производительность» можетъ обезпечивать сохраненіе и умноженіе жизни вовсе не всего общества, а только одной какой-нибудь его группы. Для Маркса эта возможность не существуетъ или, вѣрнѣе, не существенна именно потому, что «универсальный» интересъ такихъ реальныхъ цѣлыхъ, или существъ, какъ «родъ» или «общество»,

для него заранѣе данъ, а priori установленъ, какъ верховная инстанція, которой подчиняется весь историческій процессъ—онъ въ немъ не можетъ сомнѣваться.

Съ другой стороны, «наибольшая производительность» въ производственномъ смыслѣ можетъ вовсе не совпадать съ умноженіемъ и сохраненіемъ жизни, какъ таковой. «Экономическая» (а также культурная и духовная) производительность можетъ не совпадать съ біологической. Этотъ случай Марксъ видѣлъ и выдвигалъ даже какъ аргументъ противъ Мальтуса. Онъ только не видѣлъ того, что между прочимъ именно этотъ случай упраздняетъ всеобщность его теоріи соціальнаго развитія. Общество съ низкимъ развитіемъ производительныхъ силъ, но энергично размножающееся можетъ своей массой задавить общество съ высоко развитыми производительными силами, но не умножающее непосредственной жизни. Будучи экономически болѣе слабыми, извѣстныя низшія формы могутъ, какъ «родъ», оказаться біологически сильнѣе формъ болѣе высокихъ, и это соотношеніе можетъ оказаться рѣшающимъ моментомъ въ экономическомъ состязаніи и тѣмъ самымъ въ соціальномъ развитіи. Таковъ общій смыслъ вопроса о вторженіи китайцевъ и вообще желтокожихъ въ экономическую среду высшихъ расъ, ибо дешевизна труда опредѣляется массой труда, т.-е. въ конечномъ счетѣ размноженіемъ населенія.

Сводя воедино наши критическія замѣчанія о теоріи соціальнаго развитія, центральнымъ понятіемъ которой является ростъ производительныхъ силъ, мы можемъ сказать, что въ этомъ понятіи, которое на первый взглядъ кажется простымъ и основнымъ, скрывается цѣлый рядъ сложныхъ проблемъ. При этомъ, анализируя Марксову теорію соціальнаго развитія, мы нашли, что въ ея основѣ лежатъ, съ одной стороны, нѣкоторыя предположенія раціоналистическаго оптимизма, въ силу которыхъ она является не теоріей нейтральной эволюціи, а теоріей прогресса, и, съ другой стороны, не подвергшійся никакой критической провѣркѣ общій философскій мотивъ, а именно соціологическій универсализмъ, родственный логическому реализму и съ нимъ переплетающійся. Этотъ послѣдній мотивъ побуждаетъ Маркса a priori признавать объективную реальность и объективный приматъ универсальнаго «родового» или «общественнаго» интереса надъ интересами «партикулярными», индивидуальными и групповыми. Этотъ апріорный соціологическій универсализмъ Маркса, придающій извѣстный, если угодно, метафизическій характеръ всему его построенію, на мой взглядъ несомнѣнно восходитъ къ универсализму (или «реализму») Гегеля и его школы. Отъ универсализма такихъ новѣйшихъ соціологовъ, какъ Киддъ, универсализмъ

Маркса отличается тѣмъ, что для Маркса дисгармонія «родового» или «общественнаго» интереса съ индивидуальными и групповыми въ процессѣ историческаго развитія разрѣшается въ гармонію. Соціальный процессъ движется въ направленіи къ гармоніи, осуществляемой «соціализмомъ». Но болѣе того: въ каждую данную эпоху въ наличности универсальнаго «родового» интереса, господствующаго надъ интересами партикулярными, заключается примиряющій, погашающій всякую рознь интересовъ моментъ. Поэтому въ извѣстномъ отвлеченномъ, или теоретическомъ смыслѣ, Марксъ такой же несомнѣнный соціальный «гармонистъ», какимъ былъ Гегель.

Чѣмъ же объясняется скрытый раціоналистическій и оптимистическій характеръ теоріи соціальнаго развитія Маркса? Тутъ мы должны и имѣемъ полное право примѣнить къ этой «идеологіи» тотъ принципъ объясненія идеологій, который выставленъ самимъ Марксомъ. Его теорія соціальнаго развитія есть обобщеніе на весь историческій процессъ весьма реальныхъ и мѣтко наблюденныхъ чертъ новѣйшаго экономическаго, т.-е. капиталистическаго развитія. Въ примѣненіи къ этому частному случаю экономическаго и соціальнаго развитія можно съ извѣстнымъ правомъ утверждать, что бо́льшая приспособленность совпадаетъ съ большей производительностью. И это—потому́, что тутъ экономическая раціональность есть могущественное дѣйствующее въ жизни начало, ее изнутри и на всѣхъ пунктахъ регулирующее. Марксъ постоянно настаивалъ на томъ, что экономическія построенія и идеологіи слѣдуетъ объяснять исторически, видя въ нихъ «отраженіе» реальныхъ экономическихъ отношеній и условій. Съ этой точки зрѣнія онъ неоднократно толковалъ воззрѣнія классической политической экономіи. «Абстракціи» классической политической экономіи, съ его точки зрѣнія, отражали общественно-психологическую природу «капиталистическаго» человѣка. То же всецѣло примѣнимо и къ «матеріалистическому объясненію исторіи» въ цѣломъ. Въ основѣ его лежитъ «экономически раціональная» природа капиталистическаго человѣка. Стоитъ подставить другого человѣка, другія соціально-психологическія предпосылки—и все построеніе теряетъ смыслъ. «Экономическое» объясненіе исторіи потому не можетъ быть всеобъемлющимъ, что самое понятіе «экономическаго» (=«экономически раціональному») есть, такъ сказать, историческая категорія. Тутъ въ самомъ «историзмѣ» Маркса открывается неожиданная родственная связь его съ классической политической экономіей; связь эта дается неосознанною «раціоналистическою» основою самого историзма Маркса.

Такимъ образомъ, одна черта «экономическаго матеріализма»—лежащій въ его основѣ «универсализмъ»—восходитъ къ нѣмецкой классической философіи. Другая его черта—раціонализмъ (и тѣсно связанный съ

нимъ оптимизмъ) восходитъ къ англо-французской политической экономіи и къ тѣмъ философскимъ источникамъ, изъ которыхъ послѣдняя питалась. Всего менѣе въ созданіе «экономическаго матеріализма» вложился типическій философскій матеріализмъ, не потому, чтобы Марксъ не былъ подверженъ его вліянію (въ дѣйствительности дѣло обстояло наоборотъ), а потому, что, по скудости своего идейнаго содержанія, философскій матеріализмъ могъ всего менѣе внести въ ту соціологическую концепцію, которая для Маркса была въ одно и то же время и фундаментомъ его соціальной философіи, и основой его практической вѣры въ грядущее царство соціализма.

Апрѣль 1909 г.

Петръ Струве.

XXIV.

Пушкинъ и римскіе историки [1]).

Современникъ великихъ переворотовъ, совершавшихся по всей Европѣ въ первую четверть 19-го вѣка, Пушкинъ съ юныхъ лѣтъ относился съ большой впечатлительностью къ крупнымъ политическимъ явленіямъ своего времени.

Еще на лицейской скамьѣ его вниманіе поглощено было фигурами двухъ великихъ противниковъ, приковывавшихъ къ себѣ взоры всего міра—Александра I и Наполеона I; въ послѣднемъ юный Пушкинъ готовъ былъ видѣть тиранна во вкусѣ ложноклассической трагедіи («Наполеонъ на Эльбѣ») и узурпатора, посягнувшаго на права законнаго наслѣдника престола (сказка о Бовѣ). Интересъ къ Наполеону у Пушкина никогда не ослабѣвалъ; въ частности для періода (1825 г.) созданія «Бориса Годунова» (а это былъ періодъ напряженія критической мысли у нашего поэта) характерно, что Пушкинъ желаетъ уяснить себѣ Наполеона, какъ *политика*, по его собственнымъ запискамъ, а также по запискамъ Фуше (*Саитовъ*, Переписка № 128,—дальше будемъ цитировать «Саит. № . . .»).

Естественно, что еще сильнѣе и жизненнѣе было впечатлѣніе, производимое на Пушкина Александромъ I и его политикой. «Дней Александровыхъ прекрасное начало» смѣнилось мрачной реакціей, слишкомъ сурово и незаслуженно покаравшей молодого поэта.

Подневольное пребываніе на югѣ и послѣдовавшая затѣмъ ссылка на сѣверъ заставили его не только серьезно задуматься о своемъ личномъ отношеніи къ русской монархіи, но и углубиться въ болѣе сложный вопросъ о монархіи вообще и о типахъ монарховъ.

Это было тѣмъ болѣе естественно, что республиканскія и даже умѣренно-либеральныя движенія были повсюду въ Европѣ шагъ за шагомъ подавлены побѣдоносной монархіей и реакціей.

---

[1]) Нѣкоторые пункты настоящаго этюда входятъ—подъ другимъ угломъ зрѣнія—въ другую работу автора („О шекспиризмѣ Пушкина"), которая появится въ IV томѣ изданія Пушкина подъ редакціей С. А. Венгерова.

Уже въ 1822 г. («Историческія замѣчанія») Пушкинъ далъ очень мѣткую характеристику политики преемниковъ Петра Великаго, кончая Екатериной II. Позднѣе, въ Михайловскомъ,—отчасти подъ вліяніемъ увлеченія историческими драмами Шекспира,—онъ расширяетъ и углубляетъ свой историческій и политическій горизонтъ: теперь его очень занимаетъ и самъ Петръ [2]) и его сподвижники и послѣдователи [3]); помимо другихъ вліяній, уже исторія его собственнаго рода и фамильныя преданія [4]) являются для него однимъ изъ толчковъ къ внимательному изученію не только новой Россіи, начиная съ династіи Романовыхъ [5]), но и Россіи до-Романовской. Интересно, что въ «Борисѣ Годуновѣ» довольно опредѣленно очерчены съ одной стороны предшественники Бориса (Ѳедоръ, Иванъ Грозный и Иванъ III, «смиритель бурь, разумный самодержецъ»), а съ другой его преемники—царевичъ Ѳедоръ съ его жаждой къ просвѣщенію, Лже-Димитрій и Шуйскій—оба одаренные политическими талантами, хотя, конечно, каждый въ своемъ родѣ.

Общій интересъ къ теоріи и исторіи монархіи естественно привелъ Пушкина, бывшаго всегда тонкимъ цѣнителемъ и знатокомъ римской литературы, къ спеціальному изученію исторіи римскаго принципата, въ которой онъ нашелъ съ одной стороны отзвукъ на свои собственныя настроенія, а съ другой—великолѣпный матеріалъ для иллюстраціи темъ о царяхъ, тираннахъ, узурпаторахъ, народныхъ вождяхъ и самозванцахъ.

---

[2]) Очень интересная характеристика дѣятельности Петра I дана въ „Стансахъ“ къ Николаю I. Правда, „Стансы“ хронологически относятся къ 1826 г, но въ нашей статьѣ о шекспиризмѣ Пушкина (упомянутой въ прим. 1) будетъ показано, что ихъ идеи волновали Пушкина именно въ 1825 году.

[3]) Ср. похвалу свободолюбивому сподвижнику Петра Долгорукому въ стихотвореніи „Н. С. Мордвинову“ (1825 г.—см. также „Стансы“ и предыдущее примѣчаніе), или, напр., продуманную и прочувствованную характеристику Ломоносова въ статьѣ „О предисловіи Г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова“ (1825 г.).

[4]) Сант. № 128 (въ началѣ февраля 1825 г.): „Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы“. Ср. стихотвореніе „Къ Языкову“: „Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ.... скрывался прадѣдъ мой арапъ“....

[5]) Сант. № 170, первая половина іюня 1825 г.): „видѣлъ ли ты Н. М. (Карамзина)? идетъ ли впередъ его исторія? гдѣ онъ остановится? не на избраніи ли Ром.? Неблагодарные! 6 Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту, да двое руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я?...“ Здѣсь какъ бы сквозитъ субъективная, такъ сказать, автобіографическая тенденція оцѣнить политику Александра I въ связи со всей исторіей династіи Романовыхъ....

Можно сказать, съ первыхъ же дней невольнаго пребыванія на югѣ Пушкинъ проникается особой симпатіей къ Овидію не только какъ къ блестящему поэту, но и какъ къ политической жертвѣ Августа; и уже въ стихотвореніи «Къ Овидію» поэтъ прямо сравниваетъ себя съ знаменитымъ римскимъ изгнанникомъ, добродушіе и слава котораго не могли тронуть холоднаго Августа.

Т.-е. параллель между *Августомъ и Александромъ I* въ ихъ отношеніи къ людямъ, незаслуженно ими сосланнымъ, сама собой вытекаетъ изъ смысла стихотворенія.

Позднѣе, наканунѣ ссылки на сѣверъ (Саит. № 82—середина іюня 1824 г.), Пушкинъ уподобляетъ *Александра I* уже не Августу, но *Тиберію:* «я поссорился съ Воронцовымъ..., но чѣмъ кончатъ власти, еще неизвѣстно. Тиверій радъ будетъ придраться; а европейская молва о европейскомъ образѣ мыслей графа Сеяна обратитъ всю отвѣтственность на меня».

Такимъ образомъ Тиберій интересуетъ Пушкина даже лично, и въ слѣдующемъ году, въ Михайловскомъ, Пушкинъ читаетъ «Анналы» Тацита, чтобы понять Тиберія (какъ человѣка и политика) и тѣмъ самымъ понять Александра I. Весьма характерно, что Пушкинъ неоднократно защищаетъ Тиберія отъ нападокъ Тацита. Умерщвленіе (№ 1) внука Августа Агриппы Постума, имѣвшаго право на власть, онъ считаетъ не злодѣяніемъ, какъ Тацитъ, но политическимъ убійствомъ, которое «въ самодержавномъ государствѣ можетъ быть извинено государственной необходимостью». Запутанность и скрытность Тиберія (№ 2) въ отношеніяхъ только къ сенату Пушкинъ готовъ объяснить «подлостью» многихъ членовъ самого сената. Скептически относится Пушкинъ и къ предположенію Тацита о зависти Августа (№ 3) къ своему преемнику и о зависти самого Тиберія къ своимъ провинціальнымъ намѣстникамъ (№ 10), а также къ почестямъ своей матери Ливіи (№ 7) и къ преторамъ, числа которыхъ онъ не пожелалъ увеличить (№ 7).

Въ противоположность Тациту Пушкинъ отдаетъ предпочтеніе сухому, нѣсколько жесткому Друзу передъ гуманнымъ и пылкимъ Германикомъ въ дѣлѣ усмиренія бунта Паннонскихъ и Германскихъ легіоновъ и становится на сторону Тиберія, который съ большей откровенностью похвалилъ Друза, чѣмъ Германика (№ 4).

При всемъ томъ Пушкинъ долженъ былъ вслѣдъ за Тацитомъ отмѣтить (№ 8), что Тиберій тотчасъ же по вступленіи на престолъ показалъ себя настоящимъ самодержцемъ, уничтоживъ республику уничтоженіемъ народныхъ (избирательныхъ) собраній на Марсовомъ полѣ («народъ рощетъ, сенатъ охотно соглашается; тѣнь правленія перенесена на сенатъ»).

До сихъ поръ въ «Замѣчаніяхъ» Пушкина чувствуется критическій, довольно безпристрастный тонъ. Но одинъ отрывокъ изъ этихъ «Замѣчаній» прямо поражаетъ своей съ перваго взгляда неожиданной страстностью: «Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заключенію на какомъ-то безводномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что *человѣка, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способовъ къ поддержанію жизни.* Слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго! Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ умовъ древности».

Любопытно, что въ данномъ случаѣ Пушкинъ не вчитался въ разсказъ Тацита (IV 30), изъ котораго слѣдуетъ, что Вибій осужденъ былъ неправильно, подъ давленіемъ злопамятства Тиберія, и Тиберій лишь для приличія ходатайствовалъ о смягченіи приговора.

По всѣмъ признакамъ эта курьезная ошибка имѣетъ для Пушкина автобіографическое значеніе.

Самый разсказъ этотъ помѣщенъ Пушкинымъ въ письмѣ къ Дельвигу отъ 23 іюня 1825 г. (Саит. № 178), а около этого времени Пушкинъ изливался въ жалобахъ на жестокость Александра I-аго, отправившаго его въ ссылку, гдѣ нельзя ни работать, ни лѣчиться. Вотъ что пишетъ онъ Вяземскому въ первой половинѣ сентября 1825 г. (Саит. № 207): «Мнѣ нуженъ англійскій языкъ—и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: *не имѣю способовъ учиться*, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ!»

Еще энергичнѣе пишетъ онъ ему же 13 сент. 1825 г. (Саит. № 208): «Царская милость огорчила меня... Псковъ для меня хуже деревни, гдѣ по крайней мѣрѣ я не подъ присмотромъ полиціи... И вдругъ послѣдняя моя надежда разрушена проклятымъ дозволеніемъ *ѣхать лѣчиться въ ссылку*... Гораздо ужъ лучше отъ нелѣченія умереть въ Михайловскомъ.—По крайней мѣрѣ могила моя будетъ живымъ упрекомъ... Моеръ, конечно, можетъ совершить операцію и въ сибирскомъ рудникѣ».

Почти столь же энергично звучитъ 1-ая редакція чернового письма къ Александру I-му, проектированнаго въ концѣ мая или началѣ іюня 1825 г. (Саит. № 167):

„Un anevrisme de coeur exige une prompte opération, un traitement prolongé; la ville qui m'en était assignée *ne peut me procurer aucun secours*. Je supplie V. M..... de m'ordonner un endroit de l'Europe où *je puis prendre soin de mon existence*".

Сходныя чувства,—правда, въ болѣе мягкой формѣ,—изложены и въ «Воображаемомъ разговорѣ съ Императоромъ Александромъ I» (1825 г.).

Вообще Пушкинъ въ это время не можетъ отдѣлаться отъ мысли о томъ, что̀ такое монархія Александра I-го, или, лучше сказать, что́ такое самодержавіе въ Россіи сравнительно съ самодержавіемъ у другихъ народовъ. Надо прибавить, что самое письмо къ Дельвигу, въ которомъ помѣщенъ отрывокъ изъ Тацита, написано очень осторожно, въ видѣ намековъ, и вотъ въ началѣ его и въ концѣ, передъ отрывкомъ изъ Тацита, Пушкинъ намекаетъ на неудачу ходатайства объ освобожденіи изъ ссылки. Ср. также прим. 5 (выдержка изъ письма къ Дельвигу—Сит. № 170—о династіи Романовыхъ и объ исторіи рода Пушкиныхъ).

Итакъ мысль Пушкина ясна: *римскій Тиберій выше и гуманнѣе русскаго.*

Если Тиберій въ изображеніи Тацита занималъ Пушкина по отношенію къ Александру I, то почти въ такой же степени и Тиберій и его изобразитель Тацитъ были важны Пушкину для пониманія западнаго самодержца Наполеона I.

Въ концѣ тѣхъ же замѣчаній на Анналы Тацита мы читаемъ (№ 10): «съ таковыми сужденіями неудивительно, что Тацитъ, *бичъ тирановъ*, не нравился Наполеону,—но удивительно чистосердечіе Наполеона, въ томъ признававшагося, не думая о добрыхъ людяхъ, готовыхъ видѣть тутъ ненависть тиранна къ своему мертвому карателю».

Здѣсь Пушкинъ имѣетъ въ виду чрезвычайную популярность Тацита—какъ изобличителя «тайнъ деспотіи» (secreta dominationis)—среди французскихъ республиканцевъ конца 18-го и начала 19-го вѣка, приводившую въ негодованіе Наполеона I. Такъ, Ла-Гарпъ писалъ, что тираны представляются читателю наказанными, когда ихъ обрисовываетъ Тацитъ; Марія-Жозефъ-Шенье находилъ, что книга Тацита—это верховный трибуналъ, произносящій приговоръ въ послѣдней инстанціи и притѣсненнымъ и притѣснителямъ; онъ же поплатился при Наполеонѣ отставкой отъ учебной должности за свои знаменитые стихи на тему, что уже одно произнесеніе имени Тацита заставляетъ тирановъ блѣднѣть («et son nom prononcé fait pâlir les tyrans»); въ отместку за это онъ написалъ трагедію «Тиберій», которая, разумѣется, не могла быть своевременно поставлена на сцену.

Въ свою очередь, Наполеонъ старался изгнать Тацита изъ школы и замѣнить его Ю. Цезаремъ, а въ бесѣдахъ съ разными лицами, между прочимъ, съ Виландомъ, признавалъ, правда, за Тацитомъ извѣстное искусство, или, скорѣе, ловкость, но при этомъ находилъ, что Тацитъ, какъ риторъ, слишкомъ гонится за эффектами, что онъ искажаетъ исторію, для того чтобы изображать краснорѣчиво [6]) и т. д.

---

[6]) См. *F. Ramorino* Cornelio Tacito nella storia della coltura (Milano, 1898), стр. 70, 71, 73 и примѣчанія 125 и 126.

Сопоставляя все вышесказанное, мы видимъ, какимъ сложнымъ путемъ подходилъ Пушкинъ къ созданію своего Бориса: индивидуальная характеристика этого царя сплетается съ размышленіями о самодержавіи вообще, и при томъ размышленіями не холодными, но въ значительной степени основанными на личномъ тяжеломъ опытѣ.

Этотъ пріемъ творчества вообще характеренъ для хроники Пушкина. Собирательный элементъ засвидѣтельствованъ имъ самимъ для фигуры Пимена (Саит. № 312): «въ немъ *собралъ я черты*, плѣнившія меня въ нашихъ лѣтописяхъ,—простодушіе, умилительная кротость» и т. д.

Вполнѣ правдоподобно, что такимъ же способомъ работалъ Пушкинъ и надъ своимъ главнымъ персонажемъ—Лже-Димитріемъ. По крайней мѣрѣ онъ самъ подчеркиваетъ извѣстное родство своего Димитрія съ Генрихомъ IV (Саит. № 379). Сверхъ того, отдѣльныя черты Самозванца впослѣдствіи повторяются то въ Карлѣ XII, то въ Донъ-Жуанѣ. Вообще индивидуальная характеристика Лже-Димитрія легко могла быть соединена съ изученіемъ типовъ самозванцевъ во всемірной исторіи. Между прочимъ, исторія римской имперіи какъ разъ была богата самозванцами, и по этому вопросу однимъ изъ интереснѣйшихъ источниковъ является опять-таки Тацитъ.

Въ «Замѣчаніяхъ» на его Анналы Пушкинъ, по всѣмъ признакамъ, обратилъ на это вниманіе.

То, что пишетъ онъ объ упомянутомъ выше Агриппѣ Постумѣ, невольно напоминаетъ концепцію Лже-Димитрія: «первое злодѣяніе Тиберія (замѣчаетъ Тацитъ) было умерщвленіе Постума Агриппы, внука Августова... Агриппа, родной внукъ Августа, имѣлъ право на власть и нравился черни необычайной силой, *дерзостью* и *простотой* ума. Таковыя лица всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника [7])».

Во всякомъ случаѣ умерщвленіе Агриппы Постума имѣло своимъ послѣдствіемъ появленіе самозваннаго Агриппы—одного изъ рабовъ убитаго,—и лѣтами и наружностью имѣвшаго сходство съ господиномъ. Романтическій разсказъ Тацита объ этой политической авантюрѣ (Ann. II 39—40), можно сказать, такъ и просится въ рамки «Бориса Годунова».

Упомянутый рабъ задумалъ хитростью или силой похитить Агриппу и увезти его къ германскимъ арміямъ, но случайно опоздалъ: Агриппа былъ уже убитъ. Тогда предпріимчивому рабу приходятъ въ голову болѣе отважные, до безразсудства фантастическіе планы: онъ

[7]) „Ей нравится безумная отвага“ (Шуйскій о толпѣ). „За мной гнались—я духомъ не смутился и дерзостью неволи избѣжалъ“ (Самозванецъ). „А говорятъ о милости твоей, что ты—дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ и молодецъ“ (русскій плѣнникъ).

начинаетъ съ того, что похищаетъ прахъ убитаго (а этимъ въ глазахъ легковѣрнаго народа парализуется слухъ объ убійствѣ), самъ скрывается въ потаенныхъ мѣстахъ и, чтобы болѣе походить на Агриппу, отпускаетъ себѣ волосы и бороду; затѣмъ черезъ подходящихъ людей распространяетъ слухъ о томъ, что Агриппа живъ. Слухъ заинтересовываетъ толпу; сначала говорятъ о немъ тайкомъ; мало по малу усиливаясь, слухъ этотъ находитъ себѣ вѣру среди людей невѣжественныхъ, а также безпокойныхъ и потому жаждущихъ переворота [8]). Наконецъ и самъ самозванецъ начинаетъ появляться въ разныхъ городахъ, но съ романтическими предосторожностями: онъ заходитъ въ городъ въ сумерки, избѣгаетъ, чтобы его видѣли на народѣ, не остается долго въ одномъ мѣстѣ; куда уже проникла молва о немъ, оттуда онъ спѣшитъ уйти въ другой городъ, гдѣ о немъ еще не говорили. Истина, замѣчаетъ Тацитъ, усиливается зрѣніемъ и временемъ, а ложь—поспѣшностью и неопредѣленностью [9]).

Кончилось дѣло тѣмъ, что и въ Римѣ стали вѣрить въ спасеніе Агриппы и даже говорить объ этомъ на тайныхъ собраніяхъ [10]). Тиберій находился все время въ колебаніи: обуздать ли раба военной силой [11]), или дать пустому легковѣрію разсѣяться отъ времени [12]); колеблясь между стыдомъ и страхомъ, онъ то полагалъ, что ничего не слѣдуетъ презирать, то полагалъ, что не всего слѣдуетъ бояться [13])....

Въ VI книгѣ Анналъ (гл. 10) Пушкинъ могъ прочесть о появленіи Ліже-Друза [14]), а въ «Исторіяхъ» Тацита (II 8—9, если Пушкинъ ихъ

---

[8]) „Безсмысленная чернь измѣнчива, *мятежна*, суевѣрна, легко пустой надеждѣ предана, мгновенному внушенію послушна“ (Шуйскій).

[9]) (Чернь) „для истины глуха и равнодушна, а баснями питается она“ (Шуйскій).

[10]) Ср. тайную бесѣду Шуйскаго съ Пушкинымъ.

[11]) „Возможно ли? Растрига, бѣглый инокъ на насъ ведетъ злодѣйскія дружины, дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно, пора смирить безумца!“ (Борисъ).

[12]) „Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ, и замолчитъ и слухъ о самозванцѣ; его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря заморскаго“ (Басмановъ). Это однако удалось Тиберію и другимъ римскимъ Цезарямъ, но не Борису Годунову.

[13]) „Кто на меня? Пустое имя, тѣнь! Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру, иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства? Безумецъ я! чего жъ я испугался? На призракъ сей подуй—и нѣтъ его. Такъ рѣшено: не окажу я страха—но презирать не должно ничего“.

[14]) Позволительно считать вполнѣ допустимымъ знакомство Пушкина съ VI книгой Анналъ: какъ разъ первыя шесть книгъ этого произведенія заняты характеристикой Тиберія, котораго Пушкинъ желаетъ поглубже разгадать („чѣмъ *болѣе* читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ“).

Бо́льшая часть замѣчаній Пушкина на Анналы относится, правда, къ 1-ой книгѣ, но есть важныя замѣтки и къ другимъ, даже и послѣднимъ, книгамъ: кромѣ упомянутаго выше разсказа о Вибіи Серенѣ (IV 30) ср. разсказъ о смерти Мессаллины (XI 37—38), о самоубійствѣ Сенеки и о покушеніи на самоубійство его жены Паулины (XV 3).

читалъ, въ чемъ впрочемъ нѣтъ ничего невозможнаго) о Лже-Неронѣ (отдѣльныя черты этой послѣдней авантюры напоминаютъ авантюру Лже-Агриппы).

Въ этой связи любопытно сохранившееся въ запискахъ Смирновой (стр. 38) слѣдующее воспоминаніе Пушкина о своей ссылкѣ: «въ деревнѣ я перечитывалъ *Тацита и другихъ римскихъ историковъ*. Въ Римѣ преторіанцы кончили тѣмъ, что избрали *Геліогабала;* это— упадокъ».

О Геліогабалѣ Пушкинъ могъ прочесть главнымъ образомъ у Лампридія, одного изъ шести Scriptores historiae Augustae (Uitae diversorum principum ac tyrannorum). Характерно самое имя. Вѣдь Геліогабалъ (или Элагабалъ) былъ своего рода самозванецъ. До возведенія на престолъ онъ нравился солдатамъ своей красотой, ростомъ и жреческимъ саномъ; а главное, они вѣрили въ то, что онъ сынъ Антонина Каракаллы, и силой посадили его на престолъ въ виду популярности самой фамиліи Антониновъ (ср. у Пушкина: «опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ: онъ именемъ ужаснымъ ополченъ»).

Между прочимъ, въ деревнѣ собесѣдница Пушкина П. О. Осипова была большой любительницей римской исторіи, и въ ея библіотекѣ, въ которой Пушкинъ любилъ работать, до сихъ поръ сохранились книги по римской исторіи, и въ частности «Шесть писателей исторіи о Августахъ» (СПтб. 1775), Кая Светонія Транквилла «Жизнь двѣнадцати первыхъ Цесарей Римскихъ» (СПтб. 1776) и т. д. («Пушкинъ и его современники», вып. I. Б. Л. *Модзалевскій.* Поѣздка въ село Тригорское въ 1902 г., стр. 12 и 45).

Это свидѣтельство Смирновой мы считаемъ правдоподобнымъ какъ потому, что оно ладитъ съ другими фактами изъ жизни Пушкина въ 1825 г., такъ и потому, что оно довольно оригинально: вѣдь имя Геліогабала извѣстно въ сущности только тѣмъ, кто спеціально занимается (съ ученой или иной цѣлью, безразлично) исторіей римской имперіи.

Впрочемъ Пушкинъ самъ даетъ намъ доказательство того, что его интересовалъ не одинъ только Тацитъ, но и другіе историки Рима, такъ или иначе группирующіеся около Тацита. Уже Анненковъ (Матеріалы[2], 159) отмѣтилъ, что вошедшее въ составъ «Египетскихъ ночей» стихотвореніе «Чертогъ сіялъ» было написано въ 1825 г. съ помѣткой въ черновой тетради сбоку: Aurelius Victor.

Черновые наброски «Египетскихъ ночей» (правда, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ импровизація «Чертогъ сіялъ») показываютъ, что Пушкинъ читалъ Аврелія Виктора въ связи съ Тацитомъ и сумѣлъ выдѣлить изъ него, какъ и изъ Тацита, наиболѣе существенное (разумѣется, въ согласіи съ своими текущими настроеніями и литературными

планами): «Аврелій Викторъ»—писатель IV столѣтія... Сочиненія его приписываютъ Корнелію Непоту и даже Светонію. Онъ написалъ книгу De viris illustribus... Книжонка его довольно ничтожна, но въ ней находится то сказаніе (о Клеопатрѣ), которое меня такъ поразило; и—что замѣчательно!—въ этомъ мѣстѣ сухой и скучный Аврелій Викторъ силой выраженія равняется Тациту: haec tantae libidinis fuit, ut saepe prostiterit; tantae pulchritudinis, ut multi noctem illius morte emerint.

«Прекрасно! воскликнулъ Вершневъ: это напоминаетъ мнѣ Саллюстія—помните? Tantae».... (2-ое изд. Морозова, стр. 542).

Михаилъ Покровскій.

XXV.

Къ Саксонской Правдѣ (Неудачная разгадка статьи XIV).

Конечно каждый помнитъ изящныя и *простыя* разгадки, темныхъ мѣстъ въ источникахъ, Василія Осиповича; по закону контраста пишущему эти строки вспоминается, хотя не лишенная остроумія, но крайне *сложная* разгадка Геккa. Критическій разборъ разгадки Геккa и составитъ предметъ настоящей замѣтки.

Въ Саксонской Правдѣ ст. XIV, qui nobilem occiderit 1440 solidos componat; ruoda dicitur apud Saxones 120 solidi, et in praemium 120 solidi, издавна привлекала вниманіе изслѣдователей[1]). Оригинальное толкованіе предложено Геккомъ [2]).

Въ Саксонской Правдѣ по Геккy три загадочныхъ явленія:

I. Отношеніе между вергельдами эделинговъ (1440 sol.) и лита (120) 12:1; между тѣмъ при пеняхъ мы находимъ отношеніе 12:3[3]) или 12:4[4]). Подобное отношеніе вергельдовъ не пояснимо спеціальнымъ саксонскимъ миромъ, ибо по аналогіи съ Фризской Правдой и по даннымъ саксонскихъ экстравагантовъ [5]) это едва ли мыслимо.

II. Бросается въ глаза, что такса штрафовъ для эделинга дана подробно, для лита кратко, а для фрилинга совершенно пропущена.

---

[1]) Главнѣйшія мнѣнія приведены мной въ прим. 23 къ Саксонской Правдѣ (Сборникъ законодательныхъ Памятниковъ древняго западно-европейскаго права, издаваемый подъ редакціей П. Г. Виноградова и М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Выпускъ II).

[2]) Heck Die Gemeinfreien der Karolingischen Volksrechte.

[3]) Capitulatio de partibus Saxoniae ст. 19,20,21. Capitulare Saxonicum 797 г. ст. 5.

[4]) Lex Sax. ст. 36 Cap. Sax. 797 г. ст. 3.

[5]) Подъ этимъ Геккъ разумѣетъ 70-ый капитулярій въ изданіи Боретіуса (часть I стр. 160).

III. До сихъ поръ не разъяснены слова: „ruoda dicitur apud Saxones 120 solidi, et in praemium 120 solidi“. Если эти слова даже и признать за глоссу, то все-таки они нуждаются въ объясненіи.

I. Геккъ предлагаетъ попытку рѣшенія всѣхъ трехъ загадокъ слѣдующей гипотезой: 1) всѣ вергельды и ихъ части имѣли двойную градацію: а) въ зависимости отъ сословія потерпѣвшаго (Passivrelation) б) совершившаго (Activrelation), 2) въ Правдѣ сокращенно выражена эта система.

Фризская Правда даетъ намъ наглядную картину системы съ двойной шкалой, правда, не вергельдовъ, но числа соприсяжниковъ.

Затѣмъ Геккъ вводитъ обозначенія эделинга черезъ E, фрилинга черезъ F и лита черезъ L; для отличія пострадавшаго отъ посягнувшаго-знакъ′ и получаетъ таблицу числа соприсяжниковъ при очистительной клятвѣ въ убійствѣ, по Фризской Правдѣ[6]):

$$EE' = 12 \quad FE' = 18 \quad LE' = 36.$$
$$EF' = 8 \quad FF' = 12 \quad LF' = 24.$$
$$EL' = 4 \quad FL' = 6 \quad LL' = 12.$$

Такъ какъ эти 9 комбинацій повторяются при всѣхъ деликтахъ, то полное проведеніе системы было бы черезчуръ растянутымъ; да оно и вполнѣ излишне. Если извѣстны отношенія какъ полученія, такъ и уплаты (Empfangs und Pflichtrelation), то достаточно дать сумму при одной комбинаціи, чтобы фиксировать всѣ остальныя. Обозначивъ черезъ e, f, l, числа уплаты (Leistungszahlen) черезъ e′, f′, l′ числа полученія (Empfangszahlen), тогда, если дана сумма w за убійство при комбинаціи E E′, мы находимъ результатъ[7]) $E\ E' = e \times \left(\frac{w}{e}\right)$; $F\ E' = f \times \left(\frac{w}{e}\right)$; $L\ E' = l \times \left(\frac{w}{e}\right)$.

Число $\frac{w}{e}$, служащее для опредѣленія вергельдовъ, приходящихся сословію E, Геккъ называетъ „основными деньгами сословія E“ (Grundgebühr des Standes E) и обозначаетъ черезъ Re. Вергельды рядовъ F′ и L′ выразятся черезъ соотвѣтственныя вспомогательныя количества Rf и Rl, находящіяся къ Re въ отношеніи чиселъ полученія (Empfangszahen, Passivrelation).

Можно получить значеніе ряда E посредствомъ аналогичнаго вспомогательнаго числа, которое названо Геккомъ “основной платой“ (Grundleistung) сословія E, и которое получается изъ дѣленія w на

---

[6]) Въ книгѣ дана не самая таблица числа соприсяжниковъ, но §§ первой статьи Фризской Правды, въ которыхъ находятся эти числа.

[7]) У Гекка всѣсто F E′ и L E′ напечатано E F′ и E L′.

число полученія сословія E (e′). Очевидно рядъ для E будетъ[8]): E E′ = $= e' \times \left(\frac{W}{e'}\right)$; E F′ = $f' \times \left(\frac{W}{e'}\right)$; E L′ = $l' \times \left(\frac{W}{e'}\right)$. Основную плату Геккъ обозначаетъ черезъ Pe, Pf, Pl.

Если мы имѣемъ систему съ двойной шкалой и намъ извѣстны отношенія, то достаточно имѣть даннымъ одинъ изъ девяти вергельдовъ, чтобъ вычислить всѣ остальные. Однако вычисленія облегчатся, если для основного сословія будутъ даны основныя деньги (R) и основная плата (P). Въ качествѣ, такъ сказать, повѣрки можно еще дать заключительный случай LL′.

Геккъ и считаетъ, что въ приведенной въ началѣ статьѣ (XIV) Саксонской Правды мы имѣемъ сокращенную схему вергельдовъ съ двойной шкалой, гдѣ даны EE′ и LL′, между которыми вставлены значенія для Re и Pe.

Раньше чѣмъ послѣдовать за дальнѣйшей аргументаціей Геккa, считаю нужнымъ обратить вниманіе, что для рѣшенія задачи тѣмъ пріемомъ, какимъ желаетъ Геккъ, необходимо знать не только отношенія полученія и уплаты, но и самыя числа полученія и уплаты (точнѣе одно изъ двухъ, такъ какъ второе при данномъ первомъ или первое при данномъ второмъ опредѣлится дѣленіемъ), ибо безъ этого числа R и P неопредѣлимы. Числа уплаты, по мнѣнію Геккa, даны въ ст. XXVI Правды[9]) и въ ст. III саксонскаго капитулярія 797 г.[10]) Въ обоихъ случаяхъ штрафъ эделинга относится къ штрафу лита какъ 12:4 (In beiden Angaben *verhält sich*[11]) die Leistung des Edelings zu der des Liten wie 12:4).

Поэтому Re = $\frac{W}{e} = \frac{1440}{12} = 120$ солидамъ; Rl = $\frac{120}{4}$[12]) = 30 солидамъ. Слѣдовательно вергельды EL′ = 12.30 = 360 солидамъ; LE′ = 4.120 = = 480 солидамъ.

Здѣсь очевидное пренебреженіе математической истиной, ибо изъ того, что намъ извѣстно отношеніе между двумя числами, нельзя заключить, что извѣстны самыя числа.

Я нарочно не указываю, что въ другихъ памятникахъ намъ даны другія отношенія, ибо имѣю въ виду прослѣдить аргументацію Геккa о разгадкѣ данными только того памятника, въ которомъ находится загадка.

---

[8]) У Геккa вмѣсто E F′ и E L′ напечатано на F E′ и L E′.
[9]) pro fredo si nobilis fuerit solidas 12, si liber 6, si litus 4.
[10]) nobiliores Saxones solidos 12, ingenui 5, liti 4 conponant.
[11]) Курсивъ мой.
[12]) Вергельдъ лита по ст. 16 Правды 120 солидовъ.

II. Приведенными разсужденіями, думаетъ Геккъ, рѣшается и недоумѣніе о томъ, что въ Правдѣ не упоминается фрилингъ, ибо при сокращенномъ изложеніи, имѣющемъ въ виду начальную и конечную комбинаціи, средніе члены ряда должны были исчезнуть.

III. Становятся, по Гекку, понятными и слова: „ruoda dicitur apud Saxones 120 solidi et in praemium 120 solidi„. Слово ruoda означаетъ земельную мѣру, именно часть гуфы; въ нашемъ случаѣ—сумму денегъ. Поэтому цѣлое, часть коего составляетъ ruoda, тоже должно быть количествомъ денегъ. Непосредственно передъ этимъ упомянутъ вергельдъ въ 1440 солидовъ, котораго двѣнадцатую часть и составляютъ 120 солидовъ. Поэтому Геккъ считаетъ возможнымъ переводить ruoda черезъ часть вергельда (Wergeldtheil, Wergeldquote).

Praemium въ каролингскихъ источникахъ имѣетъ кромѣ значенія вознагражденія и значеніе синонимическое съ pretium. А мы знаемъ, что было представленіе о вергельдѣ, какъ о pretium sanguinis. Къ словамъ „et in praemium 120 solidi“ надо безъ сомнѣнія подразумѣвать какъ сказуемое dabuntur и тогда возможно понять приведенныя слова такимъ образомъ: „и будутъ какъ деньги“ уплачиваться 120 солидовъ (und auf das „Geld“ werden von ihm 120 Shillinge gezahlt). Конечно и здѣсь имѣется въ виду nobilis, о которомъ была рѣчь во всѣхъ предыдущихъ статьяхъ. Окончательный переводъ загадочнаго мѣста тогда будетъ слѣдующій: Основныя деньги (эделинга) у саксовъ 120 солидовъ, и онъ платитъ при вергельдѣ, какъ основную плату, 120 солидовъ (Die Grundgebühr [des Edelings] wird bei den Sachsen auf 120 Schillinge fixirt und er hat auf das Wergeld [als Grundleistung] 120 Schillinge zu zahlen).

Результатъ изслѣдованія Гекка: Въ Правдѣ даны основныя числа Re и Pe, изъ которыхъ посредствомъ умноженія на числа полученія и уплаты можно получить ряды E′ и E. При этомъ понятно, почему эта замѣтка находится между вергельдами EE′ и LL′.

Разгадку Гекка нельзя признать удачной, не говоря уже о ея крайней сложности и искусственности, ибо разрѣшеніе всѣхъ трехъ недоумѣній не состоятельно.

Совершенно „оптическимъ явленіемъ“, употребляя выраженіе Гекка, оказывается его разгадка словъ, такъ какъ, если даже признать его толкованіе правильнымъ, то окажется вполнѣ непонятнымъ, зачѣмъ понадобилось въ сокращенномъ изложеніи давать количество Pe (praemium), которымъ воспользоваться невозможно[13]).

---

[13]) Цыфры полученія (e′, f′, l′) совершенно неизвѣстны.

Пропускъ фрилинга нисколько не поясняется Геккомъ. Если мы имѣемъ въ Правдѣ сокращенное изложеніе системы, то по всѣмъ вѣроятіямъ лицо, умѣющее производить всѣ тѣ выкладки, о которыхъ говоритъ Геккъ, сообразило бы, что по тому сокращенію, которое оно даетъ въ Правдѣ, нельзя опредѣлить тотъ рядъ, въ которомъ пострадавшимъ оказывается фрилингъ.

Наконецъ первое недоумѣніе разрѣшено, какъ показано выше, цѣной игнорированія положенія, что, если $\frac{e}{l} = C$, то и $\frac{em}{lm} = C$.

Въ настоящей замѣткѣ отнюдь не имѣлось въ виду затрагивать значеніе и общую тенденцію книги Гекка. Это выяснено вполнѣ въ статьяхъ Шрёдера, Бруннера и П. Г. Виноградова.

В. Протопоповъ.

XXVI.

Отношеніе населенія и областной администраціи къ выборамъ на земскіе соборы въ XVII в. [1]).

Когда нужно было въ XVII в. созвать земскій соборъ, тогда изъ Разряда отправлялись въ разные города Московскаго государства грамоты съ предписаніемъ произвести выборы и съ указаніемъ количества и качества депутатовъ отъ каждаго чина и срока явки выборныхъ въ Москву. Воевода, получивъ подобный указъ, принималъ мѣры къ тому, чтобы его содержаніе сдѣлалось извѣстнымъ «всякихъ чиновъ людямъ». Съ этой цѣлью онъ приказывалъ биричю «кликати», т.-е. громко читать грамоту въ городѣ «по многіе торговые дни», а въ уѣздъ отправлялъ курьеровъ, которые должны были объѣхать вотчины и помѣстья и сообщить содержаніе указа ихъ владѣльцамъ—служилымъ людямъ.

Какъ же населеніе принимало вѣсть о созывѣ новаго земскаго собора и о новыхъ выборахъ? Была ли эта вѣсть для него радостной, а выборы—крупнымъ, серьезнымъ событіемъ въ его жизни? Охотно ли служилые люди покидали свои деревенскіе дома и ѣхали въ городъ, чтобы тамъ выбрать изъ своей среды депутатовъ на земскій соборъ?

Едва ли теперь можно дать полные, вполнѣ удовлетворительные отвѣты на поставленные вопросы; но кое-что отвѣтить все-таки можно. Я и попытаюсь сдѣлать это въ дальнѣйшемъ изложеніи.

---

3 декабря 1636 г., галицкій воевода Петръ Щетининъ получилъ изъ Разряда грамоту съ предписаніемъ «разослать во весь Галицкій

[1]) Рефератъ, прочитанный въ засѣданіи Общ. ист. и древн. рос. при Москов. Универ. 25 окт. 1908 г. Документы, послужившіе главнымъ матеріаломъ для этого реферата, хранятся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Въ скоромъ времени они будутъ мною опубликованы. Нѣкоторые изъ нихъ я далъ для напечатанія въ изданіи *Н. Н. Клочкова* „Акты, относящіеся къ исторіи земскихъ соборовъ“ (№№ X, XI, XIII—XV.).

уѣздъ разсыльщиковъ и пушкарей и затинщиковъ, а велѣть дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ галичаномъ и бѣляномъ галицкимъ помѣщикомъ учинить срокъ съѣхатца въ Галичъ для государева и земского дѣла». Съѣхавшіеся служилые люди должны были выбрать изъ своей среды 6 депутатовъ на земскій соборъ, которые обязаны были пріѣхать въ Москву къ 25 декабря. Воевода Щетининъ въ тотъ же день, когда получилъ грамоту, т.-е. 3 декабря, разослалъ по уѣзду курьеровъ; и черезъ нѣкоторое время въ Галичъ съѣхались помѣщики *«немногіе»*— всего только 20 человѣкъ, которые и выбрали 6 депутатовъ [1]).

По десятнѣ 1635 г., составъ служилыхъ людей Галицкаго уѣзда представляется въ такомъ видѣ:

1) „выбору“	28	чел.
2) „дворовыхъ“	63	„
3) „городовыхъ“	204	„
4) „новиковъ“	159	„
Всего	454	„ [2])

Такимъ образомъ, въ выборахъ 1636 г. принимали участіе только 4,4% галицкихъ служилыхъ людей.

Еще болѣе любопытныя свѣдѣнія имѣемъ мы о выборахъ, которые происходили въ 1648 г. въ Переславлѣ—Рязанскомъ.

9 августа 1648 г., воевода названнаго города получилъ изъ Разряда грамоту о выборѣ депутатовъ на земскій соборъ; при чемъ отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ большихъ становъ приказано было выбрать по два человѣка, а изъ меньшихъ становъ—по одному, отъ бордаковскихъ новокрещенъ и отъ бѣлозерцевъ—рязанскихъ помѣщиковъ тоже по одному человѣку. Значитъ, отъ 8 становъ, на которые дѣлился рязанскій уѣздъ, требовалось выбрать болѣе 8 депутатовъ; кромѣ того—и это слѣдуетъ отмѣтить—такіе малочисленные группы служилыхъ людей, какъ бордаковскіе новокрещены (нѣсколько болѣе 17 человѣкъ) и бѣлозерцы, испомѣщенные въ Каменскомъ стану рязанскаго уѣзда (15 чел.), должны были послать на земскій соборъ каждая по одному депутату.

Потревоженные въ своемъ деревенскомъ уединеніи, служилые люди собирались медленно и неохотно.

---

[1]) Стт. Новгородскаго стола, № 68, л.л. 543—546.

[2]) Въ это число не вошли: 4 челов. „городовыхъ“ (1 въ губныхъ старостахъ, 1 въ Кирилловѣ монастырѣ въ служкахъ, 1 „написался въ житье“ и 1 „бѣденъ и безпомѣстенъ, онъ же одержимъ чернымъ недугомъ)“ и 6 человѣкъ „городовыхъ“ и 1 „новикъ“, написанные въ рейтары; всего 11 чел. М. А. М. Ю. Дѣла десятенъ, № 220, л.л. 1—134.

20 августа «объявилось» въ съѣзжей избѣ всего только 11 челов., которые вполнѣ основательно заявили воеводѣ, что «имъ малыми людьми выборныхъ людей выбрать не умѣть, потому: городъ-де большой». По-видимому, воевода согласился съ такимъ доводомъ и рѣшилъ подождать, когда соберется побольше служилыхъ людей. Черезъ недѣлю (27 авг.), пріѣхало еще 10 челов.; кромѣ того, нѣсколько избирателей прибыло въ сентябрѣ. Ждать дольше было нельзя, потому что срокъ явки депутатовъ въ Москву (1 сент.) давно истекъ—и вотъ 24 сент. рязанцы дворяне и дѣти боярскіе «немногіе люди» (не болѣе 25) выбрали 7 депутатовъ, т.-е. меньше того количества, которое было предписано правительствомъ. Десятня 1648 г. насчитываетъ въ 8 станахъ рязанскаго уѣзда 1627 служилыхъ людей [1]). Слѣдовательно, въ выборахъ участвовало всего 1,5%.

Бордаковскіе новокрещены выбрали изъ своей среды одного депутата, а группа бѣлозерцевъ—рязанскихъ помѣщиковъ вмѣсто «выбора» подала воеводѣ челобитную любопытнаго содержанія. Въ этой челобитной они указываютъ на два обстоятельства: во-первыхъ, на то, что изъ 24 человѣкъ, испомѣщенныхъ въ Каменскомъ стану рязанскаго уѣзда, ихъ осталось теперь только 15: 9 человѣкъ «на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ побиты и померли»; во-вторыхъ, на то, что служилые люди Бѣлозерскаго уѣзда уже выбрали двухъ депутатовъ. Челобитная заканчивается просьбой «челобитье записать». Цѣль приведеннаго челобитья, мнѣ кажется, выступаетъ довольно ясно: она заключается въ томъ, чтобы оправдать нежеланіе челобитчиковъ выбрать изъ своей среды депутата на земскій соборъ. [2]) Итакъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться очень цѣннымъ, казалось бы, правомъ послать представителя на земскій соборъ, группа бѣлозерцевъ, испомѣщенныхъ въ Рязанскомъ уѣздѣ, отказалась отъ этого права, какъ отъ тяжелаго бремени.

Приведенные примѣры выясняютъ до нѣкоторой степени отношеніе къ выборамъ, если не всего населенія, то, по крайней мѣрѣ, той его части, представители которой имѣли численный перевѣсъ на земскихъ соборахъ, т.-е. провинціальныхъ служилыхъ людей.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что они относились къ выборамъ болѣе, чѣмъ равнодушно: они тяготились выборами, смотрѣли на нихъ, какъ на лишнее бремя, взваленное на ихъ плечи правитель-

---

[1]) *В. Н. Сторожевъ.* Составъ рязанскаго дворянства по десятнямъ XVII в. Рязань 1891, стр. 8.

[2]) Стт. Владимірскаго стола, № 138, л.л. 170—172, 179—188, 209—212 и 224—229.

ствомъ. По всей вѣроятности, на выборы являлись обыкновенно «немногіе люди» [1]).

Я думаю, что подобное отношеніе къ выборамъ является прямымъ результатомъ того взгляда на участіе въ земскихъ соборахъ, который сложился въ обществѣ—по крайней мѣрѣ, въ той его части, которая обыкновенно посылала депутатовъ на земскіе соборы, т.-е. въ средѣ служилыхъ людей и посадскихъ. Въ этой части общества установился взглядъ на участіе въ земскихъ соборахъ, какъ на *службу*. Напримѣръ, иноземецъ Иванъ Маировъ говоритъ въ своей челобитной, что онъ «у государева дѣла на соборехъ (1648—49 г.г.) былъ и за свою братью иноземцевъ государю объ всякихъ нуждахъ билъ челомъ съ своею братьею съ выборными людьми вмѣстѣ; и за ту де ихъ *службу* государева жалованья выборнымъ людемъ прибавлено помѣстнаго окладу по сту чети, денегъ по 5 рублевъ» [2]). Точно также жилецъ Дмитрій Еремѣевъ сообщаетъ въ своемъ челобитьѣ: «Въ нынѣшнемъ, государь, въ 157 г. ноября въ 20 день судомъ Божіимъ не стало на Москвѣ новгородскаго помѣщика Антонья Иванова сына Лихарева; а былъ онъ, Антоній, на Москвѣ *на твоей государевѣ службѣ* изъ Великаго-Новгорода изъ Вотской пятины въ выборныхъ у твоего государева, у земскаго дѣла» [3]). Ни откуда не видно, чтобы въ приведенныхъ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, подъ службой понималось служеніе обществу или что-нибудь въ этомъ родѣ. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно думать, что, съ точки зрѣнія служилыхъ и посадскихъ людей XVII в., участіе въ земскихъ соборахъ не отличалось по существу отъ другихъ службъ, лежавшихъ на этихъ двухъ классахъ населенія. Такъ, напр., депутатъ отъ служилыхъ людей Верейскаго уѣзда Григорій Левшинъ, желая быть записаннымъ «по выбору», перечисляетъ въ челобитной свои «службы» въ Курскѣ и въ Карповѣ сторожевьѣ, гдѣ онъ «городовое дѣло дѣлалъ, на городъ лѣсъ возилъ и земляной валъ валилъ»; тутъ же онъ упоминаетъ, что теперь (т.-е. въ концѣ 1648 г.) онъ живетъ въ Москвѣ «у государева и земскаго дѣла въ выборѣ» [4]). На такой же точкѣ зрѣнія стоитъ и жилецъ Никита Ивановъ сынъ Хвостовъ: онъ говоритъ въ своей челобитной, что его отецъ служилъ «всякія государскія службы выборныя и рядовыя» и, между прочимъ, былъ «у государева, земскаго дѣла и въ Уложенной книги» [5]). Что касается посадскихъ людей, то

---

[1]) *В. Латкинъ.* Мат. для исторіи зем. оборовъ XVII ст. Спб. 1884, стрр. 104 и 120. Ср. *И. И. Дитятинъ.* Къ вопросу о зем. оборахъ XVII ст. Рус. М. за 1883 г., XII, стрр. 98—99.

[2]) *А. Н. Зерцаловъ.* Новыя данныя о зем. соб. 1648—49 г.г. М. 1887, стр. 20

[3]) *В. Латкинъ.* Мат. для истор. земств. собор. XVII ст., стрр. 72—73.

[4]) Ibid., стр. 67: см. также стрр. 53 и 70—71.

[5]) *А. Н. Зерцаловъ.* Новыя дан. о зем. соб. 1648—49 г.г., стр. 40.

въ нашемъ распоряженіи нѣтъ прямыхъ указаній на отношеніе ихъ къ выборамъ на земскіе соборы, но есть указанія косвенныя: мы знаемъ, что и посадскіе люди, подобно служилымъ, смотрѣли на участіе въ земскихъ соборахъ, какъ на службу и службу, повидимому, нелегкую; отсюда, мнѣ кажется, можно сдѣлать выводъ, что и они должны были относиться къ выборамъ съ тѣмъ-же равнодушіемъ, какое мы отмѣтили въ средѣ служилаго люда [1]).

Итакъ, служилые и посадскіе люди смотрѣли на участіе въ земскихъ соборахъ не какъ на цѣнное право, а какъ на тяжелую обязанность, какъ на лишнюю повинность, наваленную на нихъ правительствомъ; если только была возможность, они старались отдѣлаться отъ этой повинности. Вполнѣ естественно, что они отправляли эту повинность далеко не охотно: они дѣйствовали въ данномъ случаѣ не столько по доброй волѣ, сколько подъ давленіемъ привычнаго страха передъ правительствомъ, «бояся государева страху», хотя за уклоненіе отъ участія въ земскихъ соборахъ, повидимому, не полагалось наказанія [2]).

Слѣдуетъ отмѣтить еще одно любопытное обстоятельство. Служилые люди, съѣхавшись на выборы, обыкновенно избирали депутатовъ не изъ своей среды, не изъ среды присутствовавшихъ на выборахъ, а изъ числа отсутствовавшихъ; при этомъ не замѣтно, чтобы избранный имѣлъ право отказаться.

Какими соображеніями руководствовались при избраніи въ члены земскихъ соборовъ? Повидимому, депутатами старались выбирать такихъ людей, которые легче другихъ могли нести депутатскую повинность, т.-е. либо наиболѣе состоятельныхъ, либо тѣхъ, которые по той или другой причинѣ были освобождены отъ личной военной службы; самымъ подходящимъ депутатомъ считался такой человѣкъ, который удовлетворялъ обоимъ названнымъ условіямъ. Съ этой точки зрѣнія идеаломъ своего рода былъ дворянинъ Федоръ Федоровъ сынъ Кривцовъ, котораго мы видимъ въ качествѣ одного изъ депутатовъ отъ служилыхъ людей Болховского уѣзда на земскихъ соборахъ 1648—49 и 1651 г.г. Въ десятнѣ 1622 г., гдѣ онъ написанъ «по выбору», т.-е. въ высшемъ разрядѣ, про него сказано, что у него «руки нѣтъ по плечо», почему «службы служить ему не велѣно, а быть у приказныхъ дѣлъ».

Такъ какъ, съ точки зрѣнія служилыхъ и посадскихъ людей, участіе въ земскихъ соборахъ являлось службой и службой тягостной, то вполнѣ понятно, что они старались получить за эту службу и дѣйствительно получали тѣ же виды вознагражденія, какіе они получали за другія службы. Служилые люди за отбываніе депутатской повин-

---

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи земскихъ соборовъ, подъ ред. *Ю. В. Готье*, №№ XVI—XVIII.

[2]) *В. Латкинъ*. Матеріалы для ист. зем. соб. XVII ст. стр. 51.

ности повышались въ рангѣ, получали прибавки къ помѣстнымъ и денежнымъ окладамъ, жаловались «по воеводствамъ и по приказамъ» и проч. [1]).

Что касается посадскихъ людей, то имъ служба въ депутатахъ зачитывалась за другія службы; кромѣ того, они награждались за отбываніе депутатской повинности нѣкоторыми привиллегіями: напр., освобождались отъ постоя и пользовались правомъ «питье—вино и пиво—держать про себя безъявочно и безпошлепно» [2]). Это тѣ самыя привиллегіи, которыми пользовались, между прочимъ, гости.

Равнодушное отношеніе населенія къ выборамъ влекло за собой энергичное вмѣшательство воеводъ; намъ пока извѣстна одна только форма этого вмѣшательства и форма очень рѣзкая: въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, далеко не рѣдкихъ, выборовъ совсѣмъ не было, а воеводы своей властью *назначали* депутатовъ.

Такъ было, напр., въ Карачевѣ въ 1651 г. По приглашенію воеводы, въ городъ съѣхались служилые люди «немногіе» и вмѣсто того, чтобы или подождать пріѣзда большаго числа избирателей, или тотчасъ же приступить къ выборамъ, они заявили воеводѣ, что у нихъ въ спискѣ числится «по выбору» 12 человѣкъ такихъ-то. Воевода распорядился послать за этими «выборными» дворянами; но посланные не застали ихъ дома; черезъ нѣкоторое время пріѣхали въ городъ только двое: Романъ Брасовъ да Іовъ Бошинъ. Воевода этихъ двухъ «выборныхъ» дворянъ и назначилъ депутатами на земскій соборъ и вмѣстѣ съ депутатомъ отъ посадскихъ людей «выслалъ» въ Москву 12 февраля [3]).

Также, повидимому, поступилъ и ливенскій воевода въ томъ же 1651 г. Въ Ливнахъ посадское населеніе состояло изъ бобылей и дворниковъ. Воевода назначилъ депутатомъ кузнеца Кондрашку Лобова, который и поѣхалъ въ Москву въ качествѣ представителя торгово-промышленнаго населенія г. Ливенъ [4]).

Крапивенскій воевода Василій Астафьевъ точно такъ же назначилъ своей властью требуемое количество депутатовъ отъ обѣихъ группъ населенія: 2 отъ служилыхъ людей и 2 отъ посадскихъ. Такъ какъ въ Крапивнѣ было только три посадскихъ человѣка—«и тѣ худы», то онъ въ качествѣ представителей торгово-промышленнаго населенія города отправилъ въ Москву боярскаго сына Ѳедоса Богданова по тѣмъ соображеніямъ, что онъ жилъ на посадѣ и часто исполнялъ обязанности полковаго подьячаго, да пушкаря Ивана Ѳомина. За свой произвольный поступокъ Астафьевъ получилъ изъ Москвы строгій выговоръ [5]).

[1]) *В. Латкинъ.* Мат. для ист. зем. соб. XVII ст. стрр. 67—71.
[2]) Акты относящіеся къ исторіи зем. соборовъ, подъ ред. *Ю. В. Готье*, №№ XVI–XVIII.
[3]) *В. Латкинъ.* Мат. для ист. зем. соб. XVII ст. стр. 104.
[4]) Ibid., стр. 108.
[5]) Ibid., стр. 103. *А. Н. Зерцаловъ.* Новыя дан. о зем. соб. 1648—49 г.г. стр. 4.

Что касается населенія, то оно отнеслось къ дѣйствіямъ воеводы довольно спокойно, не найдя, повидимому, въ нихъ ничего особеннаго, необычнаго. Мы убѣждаемся въ этомъ послѣ знакомства съ документами, имѣющими отношеніе къ двумъ изъ крапивенскихъ депутатовъ—къ Роману Иванову сыну Сатину и Ѳедосу Богданову.

Между этими лицами загорѣлась вражда, превратившаяся потомъ въ смертельную ненависть, по крайней мѣрѣ съ одной стороны—со стороны Романа Сатина, который грозилъ убить Богданова и «мяса его ѣсть».

Если вѣрить Ѳедосу Богданову, вражда возникла изъ-за того, что Романъ Сатинъ вмѣстѣ со своими дѣтьми завладѣлъ имуществомъ Богданова на сумму 35 руб. Желая спокойно пользоваться незаконно пріобрѣтеннымъ имуществомъ, онъ рѣшилъ добиться того, чтобы Ѳедоса Богданова сослали «въ украинные городы на черту». Съ этой цѣлью Романъ Сатинъ «съ друзьями своими и совѣтники» составили челобитную, въ которой Богдановъ обвинялся въ цѣломъ рядѣ мошенничествъ. Нужно замѣтить, что челобитная была написана отъ имени соловлянъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, крапивенскихъ казаковъ, стрѣльцовъ, пушкарей и затинщиковъ и людей всякихъ чиновъ. Богданова обвиняли, между прочимъ, въ томъ, что онъ, «стакався съ вѣдомымъ воришкомъ и смертнымъ убойцомъ съ приказнымъ человѣкомъ съ Васильемъ Остафьевымъ, вмѣсто посадскихъ людей пріѣхалъ» въ Москву «по его Васильевой отпискѣ къ государеву великому царственному и земскому и литовскому дѣлу *будто въ выборныхъ*»; но «дворяне и дѣти боярскіе и городскіе всякихъ чиновъ люди такова воришка и составщика и понамаренка къ государеву великому дѣлу не выбирали и выбору не давали, и такому воришку Ѳедоску Степанову у такова государева царственнаго дѣла быть нельзя».

Челобитье оканчивается просьбой: 1) удалить Богданова изъ Крапивны, 2) вычеркнуть его изъ списка соловлянъ и 3) исключить изъ числа членовъ земскаго собора. Два послѣдніе пункта были исполнены. На челобитной находится помѣта думнаго дьяка Семена Заборовскаго такого содержанія: «Государь пожаловалъ: не велелъ ему (т.-е. Богданову) у своево дела быть—велелъ ево отставить». Далѣе, онъ, повидимому, былъ исключенъ изъ списка соловлянъ и записанъ по Звенигороду. И первый пунктъ просьбы былъ близокъ къ осуществленію: сначала рѣшили было сослать Богданова въ Козловъ, но вскорѣ, вслѣдствіе челобитья обвиняемаго, исполненіе этого рѣшенія было пріостановлено впредь до разсмотрѣнія дѣла.

Въ разсмотрѣнномъ случаѣ мы видимъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ борьбы сильнаго, какимъ былъ Романъ Сатинъ, со слабымъ, какимъ является Ѳедосъ Богдановъ. Борьба имѣла обычный исходъ:

сильный одержалъ верхъ надъ слабымъ, разорилъ, унизилъ его и выжилъ изъ Крапивны, хотя право было не на сторонѣ перваго. И смѣшно, и грустно читать, какъ Богдановъ, не смотря на то, что ему удалось добыть въ Москвѣ цѣлыхъ три грамоты и въ томъ числѣ «опасную съ большою заповѣдью», принужденъ былъ, испугавшись сильныхъ угрозъ энергичнаго врага, поспѣшно уѣхать опять въ Москву «съ женишкою и съ дѣтишками», бросивъ въ Крапивнѣ на произволъ Р. Сатина «свое домишко и всѣ свои животишка».

На челобитную Р. Сатина, конечно, нельзя смотрѣть, какъ на выраженіе мнѣнія всего или даже большей части населенія Крапивны съ уѣздомъ: челобитная эта—дѣло рукъ Р. Сатина и его «друзей и совѣтниковъ». Едва ли подъ вліяніемъ благородныхъ побужденій эта компанія интересовалась вопросомъ о томъ, какъ Ѳедосъ Богдановъ пріобрѣлъ депутатскія полномочія—путемъ ли выбора, или путемъ воеводскаго назначенія: она освѣтила этотъ вопросъ въ своей челобитной съ той единственной цѣлью, чтобы выставить лишній аргументъ противъ «воришка, ябедника и составщика» Ѳ. Богданова; быть можетъ, при этомъ имѣлось также въ виду столкнуть воеводу, чтобы посадить на его мѣсто Р. Сатина; подтвержденіе этой догадки какъ будто можно видѣть въ томъ, что уже во второй половинѣ 1651 г. мы видимъ Р. Сатина крапивенскимъ воеводой. Едва ли Р. Сатинъ и его пріятели имѣли что-нибудь противъ того способа пріобрѣтенія депутатскихъ полномочій, на который они указали въ своей челобитной: вѣдь и самъ Р. Сатинъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Никитой Хрипковымъ сдѣлались депутатами не по выбору своей братьи, а по воеводскому назначенію. Судя по тому, что воевода Астафьевъ называется въ челобитной Р. Сатина «вѣдомымъ воришкомъ и смертнымъ убойцомъ», нужно думать, что отношенія между этими двумя господами не были проникнуты теплотой и нѣжностью. Значитъ, воевода Астафьевъ, назначая депутатами отъ служилыхъ людей Р. Сатина и Н. Хрипкова, руководился не пріятельскими отношеніями, а чѣмъ-то другимъ: можетъ быть, выборъ воеводы остановился на указанныхъ лицахъ потому, что они уже были депутатами на земскомъ соборѣ 1648—49 г.г. [1]).

Любопытно, что Ѳедосъ Богдановъ въ двухъ своихъ контръ-челобитныхъ, которыя намъ извѣстны, ни словомъ не обмолвился о томъ, что и его врагъ, Р. Сатинъ, пріобрѣлъ свои депутатскія полномочія совершенно такимъ же способомъ, какимъ получилъ ихъ онъ, Ѳ. Богдановъ; значитъ, послѣдній не придавалъ никакого значенія вопросу о способахъ пріобрѣтенія депутатскихъ полномочій.

Итакъ, Ѳ. Богдановъ былъ исключенъ изъ числа членовъ земскаго собора 1651 г. не потому, что онъ былъ назначенъ воеводой, а потому,

[1]) *В. Латкинъ*. Мат. для ист. зем. соб, XVII ст., стр. 40.

что у него нашелся сильный врагъ; не будь этого врага—онъ, по всей вѣроятности, спокойно засѣдалъ бы на упомянутомъ соборѣ вмѣстѣ со многими другими членами, такимъ же путемъ, какъ и онъ, получившими свои депутатскія полномочія [1]).

Нѣсколько иную, чѣмъ сейчасъ описанная, но тоже любопытную и довольно красочную картину выборовъ рисуютъ намъ документы, относящіеся къ собору 1648—49 г.г. Воеводская отписка сообщаетъ, что выборы въ г. Ельцѣ прошли вполнѣ гладко и обычнымъ порядкомъ: служилые люди съѣхались въ городъ, «выбрали къ Москвѣ ельчанъ Дениса Ермолова сына Шилова да Григорья Кузмина сына Перцова» и дали на нихъ «выборъ за руками».

Челобитная елецкихъ служилыхъ людей свидѣтельствуетъ, что выборы происходили совсѣмъ не такъ, какъ доносилъ воевода: оказывается, что выборовъ совсѣмъ и не было, а воевода Алексѣй Хрущовъ своей властью назначилъ депутатовъ.

Сначала воевода, «по наговору» стрѣлецкаго головы Ивана Буженинова, назначилъ депутатами на земскій соборъ ельчанъ дѣтей боярскихъ Дмитрія Снетина и Василья Козлова. Служилые люди, конечно, должны были бы указать воеводѣ на незаконность его поступка и настаивать на своемъ правѣ избирать депутатовъ. Вмѣсто того они «били челомъ» Алексѣю Хрущову, что назначеннымъ Дмитрію Снетину и Василью Козлову нельзя быть у государева и земскаго дѣла, потому что названныя лица—«ушники»: они заодно съ воеводами «продаютъ» свою братью—служилыхъ людей и «наговариваютъ» на нихъ «небылыя слова». Не смотря на то, что заявленіе было сдѣлано въ довольно почтительной формѣ, воевода отнесся къ нему очень недружелюбно: онъ набросился на вожаковъ ельчанъ—на дѣтей боярскихъ Мокея Андреева и Василья Насонова, билъ ихъ ослопомъ да полусмерти, а потомъ «вметалъ въ разбойную тюрьму», приговаривая: «вы заводъ заводите недобрый, и запись у васъ межи себя написана заговорная съ заводу». Воевода эту «запись» отнялъ и взялъ себѣ, а затѣмъ рѣшилъ сдѣлать уступку служилымъ людямъ и, вмѣсто прежнихъ лицъ, назначилъ депутатами двухъ другихъ: Дениса Шилова и Григорья Перцова. Чтобы оформить дѣло, Хрущовъ приказалъ написать «выборъ» «и къ тому выбору уѣздныхъ поповъ заставилъ руки прикладывать сильно, а не по велѣнью» служилыхъ людей. Ельчане остались недовольны и новыми депутатами на томъ основаніи, что они—люди «отводные»: когда елецкіе служилые люди били челомъ государю на «ушниковъ» Дмитрія Снетина «съ товарыщи», тогда Денисъ Шиловъ и Григорій Перцовъ были «написаны въ отводѣ, потому что они съ ними, ушниками, въ заговорѣ и во всемъ имъ помогаютъ». Чтобы имѣть вѣрное представленіе о разобранной чело-

[1]) Стт. Бѣлгородскаго ст., № 332, л.л. 3—5 и 204—207.

битной, нужно замѣтить, что ея содержаніе не ограничивается тѣмъ, что приведено выше: послѣ разсказа о выборахъ, идетъ довольно длинный перечень злоупотребленій воеводы и стрѣлецкаго головы. Очевидно, главная цѣль челобитной—добиться смѣщенія названныхъ должностныхъ лицъ.

Итакъ, протестъ елецкихъ служилыхъ людей былъ направленъ не противъ права воеводы назначать депутатовъ на земскій соборъ—они, повидимому, не отрицали за нимъ такого права — а противъ лицъ, выбранныхъ воеводой. Но если, какъ я старался доказать выше, служилые люди тяготились депутатской повинностью, то не было ли для нихъ все равно, на кого бы эта повинность ни пала? Повидимому, нѣтъ. Въ разсмотрѣнномъ случаѣ ельчане, вѣроятно, боялись, какъ бы назначенные воеводой депутаты, враждебно къ нимъ настроенные, не повредили имъ тамъ, въ Москвѣ: эти «отводные» люди могли, напр., поступить такъ же, какъ поступилъ курскій депутатъ Гавріилъ Малышевъ—могли «огласить весь городъ всякимъ дурномъ».

Любопытно, что въ Москвѣ, судя по помѣтѣ на разсмотрѣнной челобитной, обратили вниманіе на слѣдующіе три пункта: 1) на подозрительную «заводную запись», 2) на примѣненіе воеводой мучительной пытки (вбиваніе спицъ за ногти) и 3) на насильственную смерть пятисотнаго дьяка Григорья Бѣлозорова, смерть, виновниками которой были, повидимому, воевода и стрѣлецкій голова. Что касается *назначенія* дворянскихъ депутатовъ воеводой, то обстоятельству этому не придали въ Москвѣ серьезнаго значенія, даже болѣе — оставили его безъ вниманія [1]).

Мы видѣли, что нѣкоторые воеводы, отличавшіеся, должно быть, благоразуміемъ, считали нужнымъ скрывать передъ правительствомъ свое вмѣшательство въ выборы депутатовъ; другіе же не придерживались такой осторожной тактики, были болѣе откровенны и прямо заявляли въ своихъ отпискахъ, что депутатовъ назначили именно они своей властью. Вопреки мнѣнію одного изслѣдователя [2]), я думаю, что многія воеводскія отписки о выборахъ на земскій соборъ 1651 г. нужно понимать *буквально*.

Итакъ, въ результатѣ предыдущаго изложенія можно, мнѣ кажется, придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) у служилыхъ и посадскихъ людей сложился взглядъ на участіе въ земскихъ соборахъ, какъ на тяжелую службу, какъ на своего рода повинность и повинность нелегкую.

---

[1]) Стт. Бѣлгородскаго ст. № 275, л.л. 136—141 и 152—154.

[2]) *М. А. Дьяконовъ.* Очерки общ. и государ. строя др. Руси, I стр. 491. *И. И. Дитятинъ.* Къ вопросу о зем. соборахъ XVII ст. Рус. М. за 1883 г., XII, стрр. 96—97.

2) Подъ вліяніемъ такого взгляда они относились къ выборамъ довольно равнодушно, что выразилось, между прочимъ, въ абсентеизмѣ избирателей.

3) На почвѣ равнодушія избирателей выросло и окрѣпло энергичное вмѣшательство въ выборы воеводъ, которые, повидимому, нерѣдко своей властью назначали членовъ земскаго собора; поэтому многіе члены были не избранниками населенія, а депутатами по воеводскому назначенію.

Гр. Шмелевъ.

XXVII.

Историческія переживанія въ старинахъ о Суханѣ.

Въ раннихъ записяхъ старинъ,—въ Сказаніи о походѣ русскихъ богатырей на Царьградъ, XVII в. и въ Сборникѣ Кирши Данилова, XVIII в.—упоминается среди «русскихъ могучихъ богатырей» Суханъ Домантьевичъ. Эти раннія записи ограничиваются регистраціей одного имени, спеціальнаго же повѣствованія о богатырѣ нѣтъ.

Пѣсни о подвигахъ Сухана записаны гораздо позже, съ голоса сказателей, притомъ въ незначительномъ количествѣ варіантовъ. Эти устные пересказы, удаленные по времени отъ основной пѣсни, многое забыли, иное поняли и объяснили иначе, иное исказили. Порча прежде всего сказалась въ имени: Суханъ, очень распространенное въ XVI—XVII вв. имя и для старинъ отмѣченное древнѣйшими записями, въ устной передачѣ измѣнилось на: Сухмана, Сухмантія, Сухматія; Домантьевичъ дало послѣдовательно отчества: Долмантьевичъ, Одихмантьевичъ, Замантьевичъ.

По содержанію дошедшія до насъ старины о Суханѣ дѣлятся на двѣ редакціи. Къ первой слѣдуетъ отнести записи, сдѣланныя Рыбниковымъ (I, 6) и Гильфердингомъ (№ 63) въ Шальскомъ погостѣ Пудожскаго уѣзда. Ко второй—сибирскую запись на Сузунскомъ заводѣ, помѣщенную въ сборникѣ Тихонравова и Миллера (№ 54) [1].

Обѣ старины первой редакціи совпадаютъ по схемѣ, но полнѣе и красочнѣе рыбниковская запись. Обѣ онѣ дѣлятся на двѣ части. Передамъ сначала содержаніе старины Рыбникова. Первая часть начинается описаніемъ обычнаго пира на всѣхъ князей, бояръ, богатырей,

---

[1]) Къ этому перечню слѣдуетъ прибавить: 1) двѣ старины, записанныя г. Григорьевымъ въ Архангельской г., но еще ненапечатанныя. Ими пользовалась г-жа Якубъ въ своей статьѣ о Суханѣ, помѣщенной въ Этногр. Обозрѣніи 1904. кн. 1. 2) Двѣ въ сборникѣ старинъ новой и недавней записи, изъ Саратовской г. и Якутской области. Эти пересказы безнадежно далеки отъ разбираемаго сюжета.

«и на всю паленицу удалую». Всѣ на пиру пьяны-веселы, всѣ расхвастались. Молчаливъ одинъ Сухмантій Одихмантьевичъ. Князь Владиміръ выпытываетъ, почему онъ такъ пригорюнился:

26. Али чара ти шла не рядобная,
Или мѣсто было не по отчинѣ,
Али пьяница надсмѣялся ти?

Въ отвѣтъ Сухмантій рѣшается похвастать,—обѣщаетъ привезти князю «лебедь бѣлую», не раненую, не кровавленую, а «живьемъ въ рукахъ».

Вторая часть описываетъ сборы Сухмантія на охоту. Но охота не удачна: куда онъ ни пріѣдетъ, нигдѣ нѣтъ дичи. Сухмантій призадумался: отъ исхода охоты, оказывается, зависитъ его участь, князь Владиміръ не очень то ласковъ:

61. Какъ поѣхать мнѣ ко славному городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Поѣхать мнѣ,—живу не бывать.

Тогда богатырь держитъ путь къ Нѣпрѣ рѣкѣ. Подъѣзжая, видитъ, что рѣка течетъ не по старому,—«вода съ пескомъ помутилася». Нѣпра разсказываетъ Сухмантію о несмѣтной силѣ татарской, что стоитъ на берегу и мосты моститъ для переправы:

81. Днемъ мостятъ, а ночью я повырою:
Изъ силъ матушка Нѣпра рѣка повыбилась!

Сухмантій напускается на татарскую силу, вырваннымъ дубомъ избиваетъ всѣхъ, кромѣ трехъ, укрывшихся въ прирѣчныхъ ракитахъ. Эти бѣглецы дожидаются возвращающагося съ боя богатыря и пускаютъ въ него стрѣлы. Сухмантій выдергиваетъ стрѣлы, закладываетъ кровоточивыя раны маковыми листочками, а татаръ убиваетъ.

Затѣмъ Сухмантій возвращается въ Кіевъ, гдѣ князь ждетъ не дождется бѣлой лебеди. Богатырь объясняетъ, что ему было «не до лебедушки»,—онъ отвратилъ татарское нашествіе. И вотъ, вмѣсто благодарности, князь отдаетъ приказъ—засадить героя въ глубокій погребъ. Для провѣрки разсказа Сухмантія на мѣсто побоища посылается Добрыня, который подтверждаетъ, что «правдой хвасталъ» богатырь; какъ доказательство, онъ привозитъ окровавленную «дубиночку»—оружіе Сухмантія. Тогда князь, спохватившись, велитъ вывести героя изъ темницы, обѣщаетъ за услугу миловать-жаловать

176. Городами его съ пригородкамы,
Али селамы со приселкамы,
Аль безсчетной золотой казной до люби.

Но обиженный Сухмантій замѣчаетъ, что жаловать надо во-время; онъ выдергиваетъ маковые листочки, кровь льется ручьями, и богатырь умираетъ, приговаривая:

196. Потеки Сухманъ рѣка
Отъ моя отъ крови отъ горючія,
Отъ горючія крови отъ напрасныя!

Другая старина этой редакціи, запись Гильфердинга,—плохой сохранности. Первая часть передаетъ нѣсколько сокращенно все то же, что и первая часть предыдущей. И здѣсь Сухманъ Долмантьевичъ обѣщаетъ привезти лебедушку князю «живьемъ въ руки».

Схема второй части—та же, что у Рыбникова: неудачная охота, мутное теченье матушки Нѣпры рѣки, невѣрная сила, мостящая мосты, для того чтобы Кіевъ градъ

49. ..... огнемъ пожгать,
А Владимира-того во полонъ-тотъ взять.

Отъ татаръ уцѣлѣло только двое: они убѣжали и спрятались «за кустья».

Далѣе слѣдуетъ: возвращеніе Сухмана въ Кіевъ, разочарованье князя, увидавшаго богатыря съ пустыми руками, разсказъ Сухмана о подвигѣ, заключенье его въ погреба глубокіе, посылка Ильи Муромца «ослѣдовать» дѣло, подтвержденіе разсказа Сухмана и привозъ его «дубиночки», освобожденіе Сухмана изъ темницы и обѣщаніе милостей-жалованья. Одинаковъ и конецъ героя: выдернувъ маковыя листочки изъ ранъ, онъ говоритъ:

198. Протеки отъ ранъ отъ великіихъ,
Протеки Сухманъ рѣка ты кровавая!

Совпадая по схемѣ, пересказъ этотъ, однако, сильно искаженъ. Во-первыхъ пѣвецъ забылъ упомянуть о томъ, что скрывшіеся въ кустьяхъ два татарина пустили въ богатыря стрѣлы, и онъ, выдернувъ ихъ, приложилъ къ ранамъ маковые листочки. Иначе неожиданное упоминаніе въ концѣ старины о «маковыхъ листочкахъ» и о приговорѣ Сухмана рѣкѣ крови, потекшей изъ ранъ, совершенно непонятны. Чувствуя пропускъ и желая дать роль двумъ скрывшимся татарамъ, пѣвецъ между 116 и 151 стихами совершенно некстати заставляетъ ихъ встрѣтиться и вступить въ разговоръ съ Ильей Муромцемъ, при чемъ весь этотъ вставочный эпизодъ является простымъ повтореніемъ извѣстнаго мотива встрѣчи и разговора Ильи Муромца съ Идолищемъ. Подъ этимъ вліяніемъ Илья Муромецъ и заступилъ мѣсто развѣдчика Добрыни. Весь эпизодъ, такимъ образомъ,—простое повтореніе этого мотива.

Эта старина утрируетъ разочарованіе Владимира: Сухманъ

освободилъ князя отъ возможнаго полона, а тотъ негодуетъ, говоря съ ироніей:

72. Ѣздилъ ты да трои суточки,
Привезъ ты ко мнѣ нынь лебедушку,
Обѣщался кою да живьемъ въ руки,
А ни сѣраго ни малаго утеныша!

По сравненію съ предыдущей въ этой старинѣ можно отмѣтить одну подробность: князь опаляется на Сухмана и велитъ отвести его въ темницу не столько по личному побужденію, сколько по «наговору» князей-бояръ:

88. Ахъ ты, Владимиръ столенъ-кіевской!
Не надъ нами Сухманъ насмѣхается,
Надъ тобою Сухманъ нарыгается,
Надъ тобой ли нынь какъ Владимиръ князь.

Этого навѣта достаточно, чтобы князь засадилъ Сухмана въ «погреба глубокіе».

Представителямъ миѳологической школы сказаніе о Суханѣ было знакомо только въ первой редакціи. Какъ извѣстно, это эпическое лицо причислялось миѳологами къ разряду богатырей «старшихъ», но даже О. Миллеру такое опредѣленіе Сухана казалось невѣроятнымъ. Изслѣдователь этотъ находилъ въ Рыбниковской старинѣ яркіе слѣды «подновленія», выразившіеся прежде всего въ коренномъ измѣненіи характера князя Владимира. Владимиръ здѣсь скорѣе «грозный царь», чѣмъ ласковый князь. Дожидаясь лебеди на столъ княженецкій и увидя Сухана съ пустыми руками, князь приказываетъ слугамъ засадить его въ погребъ. Здѣсь, по мнѣнію О. Миллера, князь представленъ барномъ самодуромъ, сторонникомъ произвола, явившагося результатомъ измѣненія «порядка вещей подъ вліяніемъ Московщины». Владимиръ—московскій грозный царь, вотъ параллель, предложеная главою миѳологической школы. Такимъ же, какъ въ старинѣ о Суханѣ, изображенъ Владимиръ въ старинѣ о Данилѣ Ловчанинѣ, у котораго онъ пожелалъ отнять жену. Князь, стремящійся жениться при живой женѣ, О. Миллеру казался соотвѣтствующимъ именно «многоженцу Ивану Грозному».

Черты Московщины О. Миллеръ находилъ и въ бытовыхъ деталяхъ старины. Въ полномъ, безпрекословномъ подчиненіи «вѣрныхъ слугъ» князю, одинаково исполняющихъ приказы о заключеніи въ тюрьму и объ освобожденіи, изслѣдователь видѣлъ холопство и отраженіе исторической опричнины. Въ способѣ жалованья городами съ пригородками—начало помѣстной раздачи. «Грозный» князь похожъ на историческаго Грознаго и своей подозрительностью: молчаливость Сухана на пиру для него не безразлична. Но О. Миллеръ пошелъ далѣе: все «положенье» въ старинѣ напомнило ему ту пору, когда спаситель Руси отъ

крымскихъ татаръ—кн. Воротынскій—былъ изжаренъ на углях Иваномъ IV. И историческій и старинный богатыри спасли родную землю и за это оба подверглись опалѣ и казни.

Отказавъ Сухану въ древнѣйшемъ, миѳологическомъ происхожденіи, О. Миллеръ, независимо отъ себя, раскрылъ весьма позднюю композицію сказанія. Къ указаннымъ имъ чертамъ Московщины можно прибавить только еще указаніе на мѣстничество, навѣты бояръ, вызывающіе опалу и, пожалуй, на самое описаніе пира, отражающее скорѣе пиры Грознаго, чѣмъ совершенно неизвѣстные пиры Владимира.

Главѣ миѳологической школы, однако, необходимо было признаніе въ пѣснѣ о Суханѣ древней основы, осложнившейся поздними чертами. Но разборъ этихъ наслоеній покажетъ, что и вся композиція пѣсни принадлежитъ позднему періоду.

Первая редакція старинъ о Суханѣ, какъ указано, дѣлится на двѣ части. Послѣднія соединены механически, и въ первой части замѣчается что-то недоговоренное. Дѣйствительно непонятно, почему такой могучій богатырь, какъ Суханъ, побивающій, не хуже Ильи Муромца, несмѣтную силу татарскую кряковистымъ дубомъ, вырваннымъ съ корнемъ, можетъ похвастаться только тѣмъ, что привезетъ князю бѣлую лебедь. И князь съ удовольствіемъ отпускаетъ его на охоту. Охота въ старинахъ или вводится какъ простая забава богатырская (Илья Муромецъ, Добрыня), или является особымъ видомъ промышленности (Чурило), но представленіе могучаго Сухана, собирающагося удивить князя охотой, странно [1]).

Въ дошедшихъ до насъ пересказахъ приходится считаться съ обычнымъ явленіемъ въ жизни старинъ—буквальнымъ пониманіемъ и отсюда—затемнѣніемъ поэтическаго образа. Поймать бѣлую лебедь значило—найти невѣсту. Тогда ясно, что поѣздка Сухана за бѣлой лебедью означала отправленіе за трудно достижимой и желанной добычей. Въ одной изъ старинъ о Дунаѣ (Гильфердингъ № 108), Владимиру желательна такая невѣста:

11. Походочка у ней чтобъ была павлиная,
Разговоръ чтобъ былъ лебединый.

Въ старинахъ о Данилѣ Ловчанинѣ Илья Муромецъ, укоряя князя за то, что онъ беретъ отъ живого мужа жену, говоритъ:

Изведешь ты яснова сокола,
Не пымать теѣ бѣлой лебеди.

---

[1]) Роль охотника, которую беретъ на себя Суханъ, кажется странной и г-жѣ Якубъ, пытавшейся объяснить этотъ мотивъ „однимъ изъ общихъ эпическихъ пріемовъ“; въ первоначальной редакціи, по ея мнѣнію, подробность объ охотѣ имѣла случайный характеръ.

Владимиръ поэтому и разсердился на Сухана, что тотъ похвасталъ, но не досталъ ему лебеди-невѣсты.

Сказатели позабыли символику бѣлой лебеди, отправили Сухана на реальную охоту и скомкали всю первую часть разбираемой редакціи, трактующую, слѣдовательно, какъ и многія старины—женитьбу князя Владимира. Отсюда первая часть является слабымъ воспоминаніемъ мотива о сватовствѣ, почему не можетъ считаться органичной для первой редакціи, говорящей о незаслуженной гибели спасителя-героя. Схема этой редакціи, слѣдовательно, можетъ быть представлена въ такомъ видѣ: Герой выступаетъ противъ несмѣтной татарской силы, пытающейся перейти рѣку. Бой кончается полнѣйшимъ разгромомъ врага, но побѣдитель раненъ. Остановивъ кровь, онъ возвращается въ городъ, чтобы разсказать о подвигѣ. Князь не желаетъ вѣрить разсказу и приказываетъ заключить въ темницу. Когда посланные на развѣдки подтверждаютъ справедливость показанія, князь собирается осыпать героя милостями, но—поздно. Обиженный слуга не желаетъ болѣе стоять за князя: онъ разбережаетъ раны и умираетъ отъ потери крови.

Причиной, почему къ этому сказанью присоединилось представленіе о Суханѣ—сватѣ является, повидимому, одинаковая участь его со сватомъ Владимира—Дунаемъ: оба погибаютъ, и кровь обоихъ течетъ рѣкою, носящею имя героя (Суханъ-рѣка, Дунай).

Большинство сказателей поняли и этотъ поэтическій образъ буквально и представили, что рѣка протекла *отъ крови* богатыря. Миѳологи въ причети Сухана (и Дуная) видѣли даже намекъ на миѳъ о происхожденіи рѣкъ отъ крови героевъ. Между тѣмъ здѣсь обычный мотивъ, часто встрѣчающійся въ воинскихъ повѣстяхъ: кровь изъ ранъ льется рѣкою. Въ повѣсти о разореніи Рязани Батыемъ сказано: «Течаше кровь крестьянская, яко рѣка сильная». Еще ближе къ старинѣ описаніе въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ: «сильни полки съступишася, *изъ нихъ же вытекаютъ кровавые ручьи*... лющеся кровемъ, аки рѣчнымъ быстринамъ на всѣ страны».

Въ основѣ первой редакціи сказанія о Суханѣ лежитъ, слѣдовательно, мотивъ опалы князя на побѣдителя и смерти послѣдняго. Чему же поэтической иллюстраціей можетъ служить это сказаніе? Отвѣтъ слѣдуетъ искать въ воспоминаніи о любомъ изъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ эпохи Грознаго, которымъ даетъ общую оцѣнку князь Андрей Курбскій: «Побіени жъ отъ него стратилаты, або ротмистры мнози, *мужіе храбрые и искусные въ военныхъ вещахъ*... (слѣдуютъ имена). Такожде и отъ рязанскія шляхты благородныхъ мужей, зацныхъ въ родѣхъ, мужественныхъ же и храбрыхъ и славными заслугами украшенныхъ, Данила Чулкова и *другихъ нѣкоторыхъ искусныхъ полянцъ* и воеводителей, *вкратцѣ же рещи,—пагубниковъ басурман-*

скихъ, а оборонителей крайнъ христіанскихъ, и ротмистра, нарочитаго въ мужествѣ Ѳеодора Булгакова съ братіями ихъ и со другими многими единоплеменными всѣроднѣ погублено...»

Еще болѣе близокъ къ разсматриваемой редакціи передаваемый Курбскимъ эпизодъ съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ, эпизодъ, о которомъ вскользь упомянулъ О. Миллеръ. Перекопскій царь со всей силой бусурманской пошелъ на Русь, желая разорить ее окончательно. Грозный бѣжалъ въ Новгородъ, (гдѣ пировалъ на свадьбѣ своего шурина Колтовского), а землю боронить повелѣлъ Воротынскому. Крѣпкій и мужественный воевода началъ великую битву «съ тѣмъ такъ сильнымъ звѣремъ бусурманскимъ». Нѣсколько дней длился бой, кончившійся полнѣйшимъ разгромомъ татаръ и плѣненіемъ знатныхъ вельможъ. Добытые трофеи князь отправилъ къ тому «хоронякѣ и бѣгуну», который былъ храбръ только съ тѣми, кто ему не противился. «Что же воздалъ за сію ему службу?»—спрашиваетъ Курбскій. Подыскавъ лжесвидѣтеля, Иванъ IV по навѣту его предалъ героя лютому мученью, а потомъ повелѣлъ отвезти «въ темницу на Бѣлое озеро», но князь умеръ. И вотъ, «за оную пресвѣтлую побѣду надъ бусурманы, ее же произвелъ еси и поставилъ мужествомъ храбрости своея..., сподобился еси мзду премногую получити, еже пострадалъ еси неповиннѣ отъ онаго кровопійцы».

Не являясь отраженіемъ именно этого факта, сказанье о Суханѣ все же является болѣе близкимъ отголоскомъ подобнаго рода поступковъ Ивана Грознаго, чѣмъ того лѣтописнаго извѣстія о Демьянѣ Куденевичѣ, съ которымъ сближали Сухана сначала проф. Халанскій, потомъ г-жа Якубъ [1]).

Сказаніе о подвигахъ переяславскаго богатыря Демьяна Куденевича занесено въ видѣ двухъ отрывковъ въ Никоновскую лѣтопись. Съ стариной о Суханѣ сближается, обыкновенно, второй отрывокъ, разсказывающій о смерти переяславскаго героя.

Къ Переяславлю подошли половцы, ночью, неожиданно. Демьянъ Куденевичъ одинъ выѣхалъ изъ города, безъ оружія, много убилъ враговъ, но и самъ, бывъ раненъ, вернулся въ городъ. Враги со страху убѣжали. Когда Демьянъ почувствовалъ себя хуже, великій князь Мстиславъ Изяславичъ поспѣшилъ къ нему съ дарами и «властью», но герой умеръ со словами: «О суетія человѣческаго! кто мертвъ сый желаетъ дарованья тлѣннаго и власти погибающія!»

Халанскій усматривалъ параллель между Суханомъ и Демьяномъ въ томъ, что оба они, безъ ратнаго вооруженія, съ первымъ попавшимся оружіемъ, вышли на бой съ врагами и побѣдили, оба получили раны,

[1]) Первый въ своей диссертаціи: „Великорусскія былины кіевскаго цикла“, глава V; вторая—въ указанной раньше статьѣ.

обоимъ была обѣщана награда. Суханъ былъ обиженъ княземъ и отказался отъ чести; въ отвѣтѣ Демьяна изслѣдователю чувствовалось какое-то недовольство, разочарованье.

Но въ сказаніи о Демьянѣ нѣтъ какъ разъ главнаго мотива—недовѣрія князя къ совершенному подвигу. Психологія Сухана опредѣляется обидой на незаслуженную опалу. Пѣсня именно эту обиду желала подчеркнуть причетью Сухана ручьямъ текущей изъ ранъ крови. Демьянъ между тѣмъ—признанный герой: онъ сражался на виду у города, по немъ былъ «отъ всѣхъ» великій плачъ. Его отказъ отъ награды—самолюбиво-смиренный. Впрочемъ и проф. Халанскій признавалъ мало убѣдительнымъ выставленное имъ сходство, считая сказанье о Демьянѣ не «историческимъ подлежащимъ» старинъ о Суханѣ, а отраженіемъ одного общаго эпическаго мотива.

Другой изслѣдователь старины о Суханѣ [1]) не согласенъ съ осторожнымъ предположеніемъ проф. Халанскаго и категорически утверждаетъ, что народное сказанье XII вѣка о Демьянѣ Куденевичѣ послужило основаніемъ для разсматриваемой старины, куда вошло со многими основными подробностями. Въ основѣ сказанья о Суханѣ лежитъ, такимъ образомъ, не эпическій мотивъ, а историческій фактъ—битва Черниговскихъ князей и половцевъ съ великимъ княземъ Ярополкомъ Владимировичемъ на рѣкѣ Супоѣ въ 1136 г. Въ этой битвѣ погибъ какой-то кіевскій храбръ, по имени Демьянъ, который долженъ быть, по мнѣнію изслѣдователя, однимъ лицомъ съ Демьяномъ Куденевичемъ. Вышеприведенный разсказъ о послѣднемъ авторъ считаетъ вполнѣ совпадающимъ по схемѣ со старинами о Суханѣ.

Однако самъ авторъ долженъ былъ признать, что сказанія о Демьянѣ нѣтъ въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ,—Лаврентьевскомъ и Ипатьевскомъ. Въ нихъ всего естественнѣй слѣдовало бы ему находиться, между тѣмъ онъ читается только въ поздней Никоновской лѣтописи. Главное же—авторъ не обратилъ вниманія на хронологію: Демьянъ погибъ на рѣкѣ Супоѣ въ 1136 г., а Демьянъ Куденевичъ умеръ отъ ранъ въ Переяславлѣ въ 1148 году. Отсюда вытекаетъ, что Демьянъ обѣихъ лѣтописныхъ записей не одно и то же лицо, или что Никоновская лѣтопись воспользовалась какимъ-то эпическимъ матеріаломъ для иллюстраціи событій 1136 и 1148 гг.

Перехожу ко второй редакціи.

Первая редакція сказанія о Суханѣ для сказателей представляла два интересныхъ момента: 1) битву съ врагами, разгромъ ихъ и пораненіе героя; 2) недовѣріе князя и опалу, вызвавшія обиду и смерть героя. Въ послѣдовательной жизни старины второй моментъ, какъ за-

---

[1]) Г-жа Якубъ.

ключавшій въ себѣ извѣстную мотивировку, долженъ былъ забываться легче, чѣмъ первый, внѣшняя красочность котораго не только легко удерживалась въ памяти, но и охотно подновлялась. Примѣромъ такого подновленія сюжета служитъ единственная старина, представляющая вторую редакцію.

Суханьшѣ Замантьеву, выѣхавшему на охоту, случилось доѣхать «до быстра Днѣпра». Днѣпръ течетъ не по старому, разгулялся, какъ въ половодье, несетъ на себѣ лѣсъ и коней «со всей приправой молодецкою». На вопросъ Суханьши Днѣпръ сообщаетъ о несмѣтной силѣ «Мамая безбожнаго», который идетъ на Кіевъ и на домъ Пресвятыя Богородицы. Сила Мамаева—громадна:

23. Черному ворону въ ночь силы не скаркати,
Сѣрому волку въ ночь не обрыскати,
Доброму молодцу въ день не объѣхати.

У Суханьши расходилось сердце: онъ напускается на силу, бьется трое сутокъ,

33. Навалитъ труповъ коню до стремени,
Горячей крови до подчереза.
Въ трупахъ конь не можетъ поскакивати,
Горячей крови прорыскивати.

Самъ герой—раненъ; много получилъ онъ ударовъ и среди нихъ—три кровавыхъ сердечныхъ раны. Онъ удаляется съ побоища

43. На то болото зыбучее,
Ко той кочкѣ болотинной.
Клалъ сѣделышко черкасское
На ту кочку болотную,
Подъ облако поплавучее,
И клалъ свою буйну голову
На сѣделышко на черкасское.

Въ такомъ состояніи находитъ его Владиміръ князь. Узнавъ, кто—этотъ раненый герой, князь «соскакивалъ съ добра коня» и «велъ» героя въ Кіевъ, къ соборной церкви, гдѣ Суханьша переставился.

Старина этой редакціи не касается вовсе отношеній князя къ Сухану, и самъ Владиміръ выступаетъ здѣсь въ исключительной роли. Найдя Сухана, онъ обращается къ нему съ такими словами:

54. Какой ты есть и откудова?
Если вѣрной силы, побратаемся,
А невѣрной силы, перевѣдаемся.

Это обычное обращеніе богатырей при встрѣчахъ другъ съ другомъ нигдѣ не прилагается ко Владиміру.

Въ виду единственнаго пересказа нельзя судить, въ какой мѣрѣ вторая редакція сохранила основную пѣсню. Со схемой первой редакціи

она совпадаетъ въ представленіи Днѣпра разлившейся рѣкою, въ разсказѣ Днѣпра, битвѣ и пораненіи Сухана. Причиной забвенія другихъ частей схемы, какъ было указано, послужило перенесеніе центра вниманія на бой богатыря съ врагами и его пораненіе. Редакторъ занялся спеціальной отдѣлкой этого мотива и ввелъ въ старину нѣсколько любопытныхъ подробностей.

Прежде всего, рать, идущая на Кіевъ и домъ Пресвятой Богородицы названа въ этой редакціи силой Мамая безбожнаго. О Мамаѣ безбожномъ существуетъ сказка, источникомъ для которой послужила одна изъ редакцій повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Упоминаніе о Мамаѣ—не случайно. Въ разбираемой старинѣ отразились какъ вообще книжные мотивы, такъ и въ частности—повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ.

Описаніе многочисленности татарской силы весьма близко къ соотвѣтствующему описанію силы Батыя, обступившей Кіевъ, въ старинахъ о Василіи Игнатьевичѣ и Батыѣ:

45. А той ли той да силы счету нѣтъ,
А той ли той да силы смѣту нѣтъ:
Соколу будетъ летѣть да на меженный долгій день,
А малою то птички не облетѣть [1]).

Этой многочисленностью рати и объясняется, почему рѣка Днѣпръ выступила изъ береговъ своихъ, какъ весною въ половодье.

Оба эти мотива постоянны въ воинскихъ повѣстяхъ. Параллель первому можно найти въ 3 редакціи поэтической повѣсти объ Азовскомъ сидѣніи: «Отъ крыку ихъ бусорманскаго и отъ конскаго ржанія, отъ такихъ ихъ великихъ силъ не можетъ *птица ни мала, ни велика вверхъ подятися*» [2]). Второе описаніе—очень часто въ различныхъ редакціяхъ повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ: «Великое жъ то поле Куликово прегибающеся; рѣкы жъ выступаху изъ мѣстъ своихъ». Или: «река Непрядна аки весною разлияся».

Горы труповъ, среди которыхъ не можетъ конь поскакивать, но въ крови по колѣна бродитъ,—мотивъ также частый. Въ Повѣданіи о Мамаевомъ побоищѣ (писаніе Софоніи): конь «въ крови по колѣни бродитъ». Въ Сказаніи о томъ же: «черезъ трупы борзъ конь не можетъ скочити, а въ крови по колѣни бродяху».

Книжный характеръ старины никакъ не можетъ заставить считать ее наиболѣе древнимъ изводомъ. Подходя по формальнымъ особен-

---

[1]) У Гильфердинга № 60 Ср. дальнѣйшую переработку мотива:
35 Колько было де въ лиси лѣсу стоячево,
На лѣсочку то прутья вѣсучево,
Да на прутьицахъ листьица зеленешькаго,
Только у Батыги было силы нагонено. (Гильф. № 258).

[2]) Текстъ съ комментаріями изданъ А. С. Орловымъ.

ностямъ вообще къ книжнымъ воинскимъ повѣстямъ, разбираемая старина кромѣ того можетъ указать на опредѣленный источникъ. Недаромъ въ ней, какъ я говорилъ, упоминается о Мамаѣ безбожномъ.

Въ повѣстяхъ о Мамаевомъ побоищѣ, въ различныхъ редакціяхъ, почти одинаково разсказывается эпизодъ о пораненіи Дмитрія Ивановича въ бою съ татарами. Не смотря на уговоры князей-бояръ, великій князь рѣшилъ биться съ врагами, какъ простой воинъ, въ первыхъ рядахъ. Во время боя онъ былъ раненъ «тремя татарами» и «нужею склонился съ побоища»,—изнемогая отъ ранъ, вышелъ изъ рядовъ сражающихся. Битва кончилась побѣдой, но виновника торжества не находилось. Воины разсыпались по побоищу, долго искали великаго князя среди труповъ. Наконецъ двоимъ удалось увидать его, вдали отъ поля, прилегшимъ подъ «сѣченымъ деревомъ березою», раненымъ, но живымъ. Быстро дали знать двоюродному брату великаго князя, и князь Владиміръ Андреевичъ поспѣшилъ къ уединенной березѣ, чтобы помочь и поздравить Дмитрія съ побѣдой.

Раненый Суханъ также склоняется съ побоища въ уединенное мѣсто, къ болотинной кочкѣ, т.-е. туда, куда трудно проникнуть. Тамъ онъ кладетъ «буйну голову» на черкасское сѣделко. Ситуація одна и та же. Параллель можно продолжить указаніемъ на то, что и Сухана находитъ «князь Владиміръ», охарактеризованный иначе, чѣмъ вообще въ старинахъ.

Популярное сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ было особенно распространено въ той редакціи, которая помѣщена въ Синопсисѣ. Изъ послѣдняго вышла сказочная переработка. Приведенный разсказъ о пораненіи великаго князя Дмитрія въ народной сказкѣ еще ближе къ соотвѣтствующему въ разбираемой старинѣ [1]).

Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ напускается на силу Мамая безбожнаго, какъ острая коса въ мягкой травѣ въ пору сѣнокосную: куда проѣдетъ на конѣ—тамъ улица, поворотится—переулочекъ, оборота на конѣ даетъ—площадью силу сдѣлаетъ. (Это общее мѣсто характерно потому, что оно—постоянно при описаніи боя Сухана). Не въ моготу стало биться задонскому князю: забрызгалъ онъ свои очи поганою кровью татарскою, тутъ у него и свѣтъ выбрало—отемнѣлъ. (Такъ сказка объясняетъ пораненіе Дмитрія тремя татарами). Закопался онъ своему коню доброму: «Увези ты меня конь отъ скорыя смерти!» Поднимался конь—только топъ стоитъ. Привозилъ онъ князя въ поле чистое, къ кудрявой березѣ, а опричь той кудрявой березки въ полѣ нѣтъ ни лѣсинки. Закопался тогда князь своему коню: «Побѣгай мой добрый конь въ чистыя поля, въ широкіе луга, ѣшь шелкову траву,

---

1) См. Сказки Аѳанасьева № 182. „Про Мамая безбожнаго“.

пей свѣжую воду; не достанься мой добрый конь поганому Мамаю безбожному, псу смердящему». «На этой березѣ» и нашелъ великаго князя «русскій посолъ Захарій Тютринъ». (Сказка вмѣсто князя Владимира, двоюроднаго брата Дмитрія, пользуется именемъ излюбленнаго героя редакціи Синопсиса, посла Захарія Тютрина).

Такимъ образомъ изображеніе раненаго въ бою богатыря подновлялось матеріаломъ книжной повѣсти, разсказывавшей также о пораненіи бившагося съ татарами героя. Вторая редакція, сохранившая эпизодъ боя и пораненія, обработала его согласно соотвѣтствующему книжному,—говорившему о такомъ же боѣ и пораненіи героя Куликовской побѣды. Обычнаго конца—причети Сухана—нѣтъ въ этой редакціи, такъ какъ она совершенно не касается отношеній служилаго богатыря къ своему князю. Завися отъ книги, эта обработка въ широкой степени воспользовалась вообще книжными мотивами для своихъ описаній.

Изложенная сказка записана въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, т.-е. почти тамъ же, гдѣ записана г. Марковымъ старина о Суханѣ [1]). Записанная отъ сказательницы Крюковой, старина эта, какъ и всѣ ея репертуара, своеобразна. Многословная и, если можно такъ выразиться, со склонностью растолковывать сюжетъ старина эта, какъ ни странно, представляетъ сводку всѣхъ представленныхъ выше мотивовъ. Сказательница сама дала понять свою работу, какъ сводчика, заявленіемъ: «Думаю, не всю спѣла, гдѣ все запомнить». По схемѣ пересказъ Крюковой вполнѣ соотвѣтствуетъ рыбниковской записи первой редакціи, подлинныя выраженія которой часто повторяетъ. Сухматій Сухматьевичъ сидитъ на пиру—всѣ хвастаются—вопросъ князя Владимира, почему Сухматій молчитъ—вызовъ привести живую лебедь. Та же схема и во второй части: сборы на охоту—разговоръ о татарахъ съ Нѣпрой, которая вырываетъ мосты—бой съ татарами дубиночкой—пріѣздъ въ Кіевъ—разочарованье князя—отвѣтъ Сухматія, почему ему было «не до лебедушки» (ср. Рыбникова)—приказъ посадить въ темницу — посылка Добрыни — обѣщанье милостей — выдергиваніе листковъ—причеть рѣкѣ крови.

Совпадая съ основной стариной о Суханѣ, разбираемая пѣсня имѣетъ двѣ особенности.

Вмѣсто укрывшихся татаръ, подстерегающихъ Сухана, здѣсь фигурируетъ «Идолишо поганое», которое ранитъ богатыря. Эта вставка во-первыхъ не складна по изложенію:

71. Онъ стрѣлялъ то все въ дородня добра молодца
А въ того ли то въ Сухматія Сухматьевича;

---

[1]) Въ его собраніи № 11.

Онъ направилъ свою все *калену стрѣлу*,
Онъ просьтрѣлилъ у ево да все какъ правой бокъ;
Ише вышла *пуля-та* все въ лѣвой бокъ.

Во-вторыхъ,она помѣщена не на мѣстѣ. Оказывается, что раненый Суханъ «спалъ» съ коня, обложилъ раны листьями, а потомъ взялъ дубину, и побилъ татаръ всѣхъ до единаго.

Въ-третьихъ, присутствіе Идолища поганаго здѣсь странно потому, что выше, при разборѣ 1 редакціи, мною указано на вставочный эпизодъ разговора татаръ съ Ильей Муромцемъ, заимствованный какъ разъ изъ старины объ Идолищѣ поганомъ. Органической вставка эта быть не могла въ старинѣ Гильфердинга, совпаденіе же реминисценцій кажется подозрительнымъ.

Вторую особенность представляетъ конецъ разбираемой старины. Неучествованный Суханъ выражаетъ желаніе ѣхать «во чисто поле». Тамъ онъ отдергиваетъ отъ ранъ листочки и приговариваетъ:

151. Ужъ ты гой еси, мои раны кровавыя!
Протеки-тко се изъ ранъ да все Сухманъ-рѣка.

Вслѣдъ за этимъ (кстати сказать совершенно непонятымъ) образомъ, Суханъ обращается къ своему коню со словами, *буквально* повторяющими обращеніе къ коню въ сказкѣ Аѳанасьева, цитированное выше:

160. Ужъ ты конь, ты все конь, моя лошадь добрая!
Ты не стой, не плащь у тѣла богатырьского,
Ты поди ко се, бѣги да куды хошь поди,
Во луга ступай поди да во зеленыя,
Ты питайсе-ко все травой шелковою,
Ходи пей-ко-се ключову-ту сьвѣжу воду.

Здѣсь — примѣръ продолжающагося вліянія обработокъ Мамаева побоища на старины о Суханѣ. Внѣ этого эпизода въ пересказѣ Крюковой нѣтъ ни малѣйшаго указанія на обработку, подобную второй редакціи.

Незначительное количество варіантовъ не позволяетъ провести далѣе анализа этой очень интересной старины. Весьма вѣроятно только, что первая редакція представляетъ пѣсню наименѣе разрушенной и отразившей на себѣ отношенія Грознаго къ своимъ воеводамъ. Волльнеръ (съ мнѣніемъ котораго не согласился проф. Халанскій), исходя изъ сантиментальнаго характера этой старины, признавалъ на ней «литературное вліяніе и притомъ, вѣроятно, позднѣйшаго времени». Съ извѣстной точки зрѣнія это приложимо именно ко 2 редакціи.

С. Шамбинаго.

XXVIII.

Земельныя нужды русской деревни по крестьянскимъ наказамъ въ Екатерининскую законодательную Комиссію 1767 г.

Для изслѣдователей русскаго общества второй половины XVIII в. депутатскіе наказы въ Екатерининскую законодательную комиссію 1767 г. являются богатѣйшимъ источникомъ для характеристики сословныхъ отношеній въ Россіи на порогѣ царствованія Екатерины II. Въ этихъ наказахъ свободное русское населеніе должно было дать императрицѣ руководящую нить для составленія проекта новаго Уложенія и познакомить правительственныя сферы съ коренными недостатками провинціальной жизни.

Привезенные депутатами изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ имперіи, наказы дѣйствительно развертываютъ передъ нами грандіозную картину разнообразныхъ житейскихъ отношеній, какъ они сложились къ серединѣ 60-хъ г.г. XVIII в. При чтеніи ихъ передъ нами встаетъ тогдашняя провинціальная Россія безъ всякихъ оффиціальныхъ прикрасъ во всей своей неприглядной, но вполнѣ конкретной дѣйствительности. Подобное же впечатлѣніе отъ изученія матерьяловъ своей законодательной комиссіи получила и сама императрица Екатерина, выразивъ его въ одной изъ своихъ записокъ слѣдующими словами: „Комиссія Уложенія подала Намъ совѣтъ и свѣдѣнія съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно“.

Воспитанная на твореніяхъ западно-европейской просвѣтительной философіи, всецѣло проникнутой принципами раціонализма, Екатерина мечтала дать Россіи новое законодательство, составленное по указаніямъ разума. Для того же, чтобы новые законы были въ духѣ народнаго умоначертанія, она предписала депутатамъ привезти отъ избирателей наказы о ихъ нуждахъ и недостаткахъ. Призванное къ выборамъ манифестомъ 14 декабря 1767 г., свободное русское населеніе и постаралось высказать въ наказахъ свои сословныя пожеланія, можетъ быть иногда сгу-

щая краски при характеристикѣ бытовыхъ отношеній, существовавшихъ въ то время въ русской провинціи. Никогда еще до этого времени отдѣльныя сословія въ Россіи не имѣли возможности одновременно такъ полно и подробно изложить свои горести и печали и выразить правительственнымъ сферамъ свои общественные идеалы.

Русская историческая наука только съ конца 60-хъ г.г. XIX в., получила возможность ознакомиться во всей полнотѣ съ матерьялами законодательной комиссіи 1767 г., когда Имп. Рус. Ист. Общество взяло на себя ихъ изданіе. Постепенно были опубликованы сперва дворянскіе, городскіе и, лишь въ самое послѣднее время, крестьянскіе наказы. Этимъ сравнительно позднимъ изданіемъ депутатскихъ наказовъ отъ свободнаго крестьянскаго населенія и объясняется тотъ фактъ, что еще до сихъ поръ основныя пожеланія русской деревни середины XVIII в. не подвергнуты были спеціальной обработкѣ въ нашей исторической литературѣ. Правда, В. И. Семевскій для IIт. своего капитальнаго изслѣдованія, „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“ пользовался отчасти крестьянскими наказами 1767 г., но онъ не изучалъ ихъ во всей полнотѣ, выбирая изъ нихъ только отдѣльныя мѣста для иллюстраціи положенія различныхъ группъ тогдашняго сельскаго населенія.

Въ настоящей статьѣ мы и дѣлаемъ попытку восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ, пользуясь тѣми наказами, которые вошли въ составъ 115 и 123 т. т. Сборника Рус. Ист. Общ., хотя этотъ матерьялъ и далеко не охватываетъ всего громаднаго количества присланныхъ въ комиссію крестьянскихъ наказовъ. Однако и по этой сравнительно небольшой части изданныхъ крестьянскихъ наказовъ можно составить довольно полное впечатлѣніе о существенныхъ нуждахъ и пожеланіяхъ свободнаго сельскаго населенія Европейской Россіи [1]), начиная съ отдаленныхъ уѣздовъ поморскаго сѣвера и кончая предгорьемъ Кавказа и южными частями Астраханской губерніи. *).

По составленному императрицей Екатериной обряду выборовъ слѣдующіе разряды свободнаго сельскаго населенія должны были прислать отъ себя депутатовъ въ законодательную комиссію: 1) однодворцы, 2) пахотные солдаты и старыхъ службъ служилые люди, содержащіе ландмилицію, 3) черносошные и ясачные крестьяне, 4) инородцы крещеные и некрещеные и 5) казацкія и запорожскія войска. Отъ каждой изъ этихъ группъ сельскихъ обывателей долженъ былъ быть избранъ одинъ депутатъ отъ каждой провинціи. Для его избранія прежде всего выби-

---

[1]) Наказы отъ инородческаго и русскаго земледѣльческаго населенія Сибири пока еще не изданы. Рус. Ист. Общ.

*) Въ своемъ очеркѣ мы сосредоточиваемъ преимущественно наше вниманіе на анализѣ поземельныхъ отношеній въ русской деревнѣ XVIII в., поскольку они выясняются изъ изученія крестьянскихъ наказовъ 1767 г.

рался уѣздный повѣренный, а для выбора сего послѣдняго назначался повѣренный отъ каждаго погоста. Выборъ погостнаго повѣреннаго дѣлался сообразно обыкновеніямъ каждой мѣстности; но погостамъ предоставлялось на ихъ волю присылать или не присылать повѣреннаго. Право выбора имѣлъ всякій, владѣвшій въ погостѣ домомъ и землею; въ повѣренные же избирались лица, имѣвшіе недвижимую собственность, и сверхъ того, женатые и имѣющіе дѣтей, не моложе 30 лѣтъ, и не бывшіе въ наказаніяхъ, подозрѣніяхъ, ябедахъ и явныхъ порокахъ, но добраго и незазорнаго поведенія [2]). Погостные повѣренные получали отъ своихъ избирателей довѣренныя письма за подписью священника и не менѣе, чѣмъ семи домохозяевъ погоста. Эти письма съ изложеніемъ нуждъ и недостатковъ даннаго погоста вручались уѣздному повѣренному, который въ свою очередь передавалъ ихъ провинціальному депутату.

По словамъ проф. В. И. Сергѣевича „дѣйствительность не оправдала предначертаній императрицы. Однодворцы тоже содержали ландмилицію, а потому писали иногда наказы вмѣстѣ со служилыми людьми старыхъ службъ и съ пахотными солдатами, а черносошные крестьяне — отдѣльно отъ ясашныхъ, крещеные инородцы также отдѣльно отъ инородцевъ некрещеныхъ, такъ какъ ихъ нужды и недостатки не во всемъ совпадали“ [3]). Такимъ образомъ на практикѣ отдѣльныя группы сельскаго населенія не были такъ разграничены другъ отъ друга, какъ то предполагала императрица, и при выборахъ одна избирательная курія нерѣдко сливалась съ другой. Что касается тѣхъ наказовъ, которые должны были отразить въ себѣ основныя пожеланія русской деревни въ моментъ производства выборовъ, то ихъ было прислано въ Комиссію болѣе 1000, что объясняется отсутствіемъ сводныхъ наказовъ по цѣлой провинціи.

„Повѣренные отъ волостей и погостовъ, говоритъ В. И. Семевскій, просто передавали свои довѣренности уѣзднымъ повѣреннымъ, а тѣ въ свою очередь—выбранному ими провинціальному депутату, иногда, впрочемъ, присоединяя къ тому и довѣренности отъ крестьянъ всего уѣзда, своднаго же наказа отъ цѣлой провинціи не было представлено ни одного“ [4]). Такимъ образомъ каждый изъ провинціальныхъ депутатовъ привозилъ съ собой цѣлый ворохъ погостныхъ и уѣздныхъ наказовъ, изъ которыхъ многіе часто буквально были сходны между собой. Такъ, депутатъ Велико-Устюжской провинціи привезъ 192 наказа, или довѣренности отъ черносошныхъ крестьянъ, да еще 16 отъ половниковъ [5]).

---

[2]) См. Сб. Р. И. О. IV, 7 стр.

[3]) Сб. Р. И. О. CXV, стр. I.

[4]) В. И. Семевскій „Крестьяне въ царств. Имп. Ек. II“ т. II, стр. 434. СПБ. 1901 г.

[5]) Ibid. стр. 604. Всего крестьянскихъ наказовъ въ Комиссію было подано 1093.

Конечно, не всѣ села и деревни одинаково откликнулись на призывъ Екатерины, тѣмъ болѣе, что сама императрица предоставляла на волю избирателей принять участіе въ выборахъ или уклониться отъ нихъ. Естественно, что нѣкоторые погосты и волости воспользовались этимъ разрѣшеніемъ и не отправили своихъ уполномоченныхъ на общеуѣздный съѣздъ. Но отъ этого нисколько не тускнѣютъ яркія краски той картины крестьянскихъ жалобъ и пожеланій, которая развертывается передъ нами при чтеніи депутатскихъ наказовъ. Слишкомъ много было общихъ больныхъ мѣстъ въ жизни русской деревни XVIII в., такъ что то, что замалчивалось наказами однихъ погостовъ или волостей, дополнялось довѣренными письмами другихъ сосѣднихъ избирательныхъ единицъ. Иногда жители погоста даже мотивировали тѣмъ или инымъ способомъ свое уклоненіе отъ участія въ выборахъ: „Въ нашемъ Семежскомъ Усольѣ“,— читаемъ въ одномъ заявленіи черносошныхъ крестьянъ Мезенскаго уѣзда,—„погоста не имѣется, только черносошныхъ крестьянъ и съ записными раскольниками всего пятнадцать душъ, и по такому малоимѣнію для выбору уѣзднаго повѣреннаго, мы отъ себя повѣреннаго не желаемъ, а о нуждахъ и недостаткахъ во всемъ утверждаемся на Кузнецовую слободку [6]). Рядомъ съ указаніемъ на малолюдство поселка избиратели нерѣдко выставляли и другіе мотивы для объясненія своего нежеланія избрать погостнаго повѣреннаго и составить ему наказъ о своихъ нуждахъ. Такъ, въ наказъ уѣзднаго повѣреннаго Двинскаго уѣзда было включено представленіе сотскаго и крестьянъ бывшей вотчины Антоніева Сійскаго монастыря о томъ, „что у насъ никакихъ нуждъ къ проекту новаго уложенія не имѣется; въ томъ мы сотскій и крестьяне подъ симъ и подписуемся“. [7]).

Какъ извѣстно, за единицу, отъ которой должны были производиться выборы и составляться наказы, „Обрядъ“ принималъ погостъ, но это предписаніе не могло быть выполнено на практикѣ, такъ какъ погосты, какъ административныя подраздѣленія уѣзда, встрѣчались только въ Новгородскомъ краю и были совсѣмъ неизвѣстны остальнымъ провинціямъ Екатерининской Россіи. Поэтому большинство крестьянскихъ наказовъ составлено не отъ погостовъ, а отъ селъ и деревень. Дворцовые крестьяне Важескаго уѣзда Шенкурской четверти подали свой наказъ отъ „Афанасьевской и Есиповской боярщинъ“ [8]). Этотъ бытовой терминъ „боярщина“, сохранившійся въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ, мысленно переноситъ насъ изъ второй половины XVIII в. въ эпоху новгородской вольницы, когда въ Важескомъ и Шенкурскомъ краю, какъ и въ другихъ

---

[6]) Сб. Р. И. О. CXXIII стр. 51. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ римской цыфрой мы будемъ обозначать данный томъ Сборника, а арабской—страницу.

[7]) CXXIII, 22.

[8]) CXXIII, 68.

мѣстностяхъ поморья, было разбросано много крупныхъ владѣній новгородскихъ бояръ, которыя въ актовомъ матерьялѣ обыкновенно носятъ названіе „боярщинъ“.

Среди наказовъ даже попадаются единоличныя заявленія, напр. вродѣ наказа Устюжскаго уѣзда отъ мельника Прозоровскаго при деревнѣ Пенье, живущаго въ услуженіи у устюжскихъ купцовъ и деревенскихъ владѣльцевъ Вас. Кабкова и Ѳед. Онушкова [9]).

Уполномоченные выбирались на „мирскомъ воловомъ сходѣ“, и имъ давались наставленія „со изъясненіемъ о нашихъ крестьянскихъ нуждахъ и недостаткахъ и отягощеніяхъ“ [10]). При составленіи наказовъ крестьяне всецѣло проникнуты были значительностью того новаго положенія, въ которое поставилъ ихъ избирательный манифестъ 14 декабря 1766 г., и объявляли „состоящія въ народѣ нужды и отягощенія въ силу присяжной должности, памятуя будущую жизнь“ [11]).

Далеко не всѣ сельскіе избиратели одинаково ясно представляли себѣ, на какихъ началахъ должно покоиться зданіе обновленнаго русскаго законодательства. Въ нѣкоторыхъ наказахъ вполнѣ откровенно высказывается мнѣніе, что составленіе законовъ вовсе не по плечу сѣрой массѣ деревенскаго люда тогдашней Россіи. Становясь втупикъ передъ такимъ неслыханнымъ и важнымъ дѣломъ, какимъ являлось сочиненіе проекта новаго уложенія, обитатели отдаленныхъ медвѣжьихъ угловъ, какъ сѣверной, такъ и южной Россіи, нерѣдко возлагали эту новую, вышавшую на ихъ долю, трудную обязанность на свое ближайшее начальство. Такъ, черносошные крестьяне трехъ волостей Важескаго уѣзда дали довѣренность своему погостному выборщику, избранному „для выбора къ сочиненію проекта новаго уложенія уѣзднаго повѣреннаго въ томъ, что всѣ нынѣ мы свои нужды и недостатки полагаемъ на наши главныя команды, въ чемъ и подписуемся“. [12]) Ту-же мысль, только еще болѣе якро формулированную, встрѣчаемъ въ наказахъ Гребенскаго, Кизлярскаго и Терскаго казачьихъ войскъ, при чемъ составители ихъ стараются подчеркнуть, что сочиненіе новаго законодательнаго кодекса цѣликомъ входитъ въ компетенцію высшихъ правительственныхъ сферъ. „Что же касается до сочиненія проекта новаго уложенія, то мы, всеподданнѣйшіе рабы, повергаемъ себя въ высочайшее Е. И. В. Матернее соизволеніе, и какою матернею оное для всего государственнаго общества и пользы утверждено и освящено будетъ, оное зависитъ отъ высокаго соизволенія“. [13]).

---

[9]) CXXIII, 94.
[10]) Ibid. 78, 79.
[11]) Ibid. 286.
[12]) CXXIII, 67.
[13]) CXV. 469, 491.

Если въ нѣкоторыхъ избирательныхъ округахъ сельскіе обыватели всячески старались избавиться отъ трудной и непривычной роли законодателей и подавали заявленія о своемъ нежеланіи взять на себя эти непривычныя обязанности, то въ другихъ селахъ и деревняхъ тогдашней Россіи попадались составители наказовъ, которымъ удавалось подняться до принципіальной высоты и съ общегосударственной точки зрѣнія опредѣлить основныя положенія будущей Уложенной книги. „Нечего больше сказать къ прямому сохраненію закона“,—читаемъ въ наказѣ ясашныхъ татаръ Казанскаго уѣзда,—„когда онъ только въ томъ состоять будетъ, чтобъ кто себѣ чего не хочетъ, того бъ другому не дѣлалъ; а преступникъ онаго, въ какомъ бы то не было видѣ, такъ наказанъ долженъ быть, какъ пренебрегатель вышней надъ нимъ власти. И отъ того наказанія ни честь, ни званіе и ни другія какія преимущества ко избавленію никогда-бъ не приписывались. Ибо, преступая безъ всякой нужды волею, больше долженъ наказанъ быть, нежели подлый человѣкъ, невѣдѣніемъ впадшій въ погрѣшеніе“. [14]).

Въ нѣкоторыхъ наказахъ можно уловить то радостное впечатлѣніе, которое произвелъ на русскую деревню избирательный манифестъ 1766 г. Въ темное царство безправія и невѣжества, въ которомъ пребывало сельское населеніе Екатерининской Россіи, онъ вносилъ лучъ надежды на болѣе свѣтлое и отрадное будущее. Наиболѣе ярко обнаружилось это приподнятое настроеніе деревенскаго люда въ началѣ избирательной кампаніи 1766—67 г. въ наказѣ крестьянъ, приписанныхъ къ Ягошихинскому и Мотовилихинскому заводамъ гр. Воронцева въ Кунгурскомъ уѣздѣ. „Какъ же мы, нижайшіе, Е. И. В. нынѣ матерняго милосердія и обнародованнаго манифеста дождались и выслушали, по полученіи, въ церкви и со страхомъ Божіимъ, велія радости наполнилися и Всевышняго Господа Бога прославляемъ. И безъ всякаго мы, нижайшіе, пристрастія свои нужды и недостатки въ вышеписанныхъ пунктахъ съ жалобою приносимъ, отъ самой своей всекрайней нищеты и убожества, и ожидаемъ матерняго о насъ, нижайшихъ милосердія“ [15]).

Въ нѣкоторыхъ заводскихъ районахъ рабочее населеніе возлагало на избранныхъ депутатовъ обязанность просить объ освобожденіи отъ заводскихъ работъ, и надежда на успѣшный исходъ этой просьбы, замѣчаетъ В. И. Семевскій, была даже однимъ изъ поводовъ къ волненію среди приписныхъ къ заводамъ Походяшина и Чернышева. [16]).

Такимъ образомъ, гдѣ въ радостномъ, гдѣ въ возбужденномъ настроеніи, а гдѣ съ нѣкоторой робостью и недоумѣніемъ многомилліонная масса свободнаго крестьянства приступала къ выборамъ весною 1767 г.

[14]) Ibid., 378.

[15]) CXV, 285.

[16]) В. И. Семевскій „Крест. въ царств. Ек. II“, т. II, 435 стр.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ крестьяне откликнулись на призывъ императрицы и подробно остановились на своихъ сословныхъ нуждахъ и пожеланіяхъ, систематически изложивъ ихъ въ наказахъ и заявленіяхъ, данныхъ погостнымъ и уѣзднымъ повѣреннымъ. На этомъ безбрежномъ морѣ крестьянскихъ горестей и печалей, которое раскрывается передъ нами при чтеніи депутатскихъ наказовъ и инструкцій, мы и остановимъ теперь свое вниманіе.

Центральное мѣсто въ крестьянскихъ наказахъ, какъ и слѣдовало ожидать, отведено вопросамъ чисто экономическаго характера. Земледѣліе и промыслы являлись главными устоями хозяйственнаго благополучія крестьянской массы, и поэтому сельскіе избиратели возлагали на своихъ представителей обязанность довести до свѣдѣнія законодательной Комиссіи и самой императрицы, въ какомъ безотрадномъ положеніи находился русскій земледѣлецъ и крестьянинъ—промышленникъ въ серединѣ XVIII в.

Такъ какъ чисто земледѣльческаго населенія среди тогдашнихъ государственныхъ крестьянъ было больше, чѣмъ промышленнаго, то и въ перечнѣ жалобъ, характеризующихъ тяжелое хозяйственное положеніе русской деревни, земельныя нужды выступаютъ на первый планъ. Наказы подробно останавливаются на крестьянскомъ малоземельѣ, всесторонне выясняютъ его причины и выставляютъ цѣлый рядъ пожеланій, отъ осуществленія которыхъ аграрный вопросъ могъ бы получить благопріятное разрѣшеніе. Земельный голодъ не былъ, какъ видно изъ крестьянскихъ заявленій, чисто случайнымъ или мѣстнымъ явленіемъ. Онъ былъ затяжнымъ хроническимъ недугомъ, которымъ подтачивались силы хозяйственнаго организма русской деревни. Аграрный вопросъ являлся жизненной, соціально-экономической проблемой и для черносошнаго крестьянина поморскихъ уѣздовъ, и для однодворцевъ и пахотныхъ солдатъ центральныхъ провинцій государства, и для пріуральскихъ инородцевъ и приписанныхъ къ партикулярнымъ заводамъ поссесіонныхъ крестьянъ, и даже для представителей казачьяго войска, живущаго въ своихъ станицахъ по Тереку и нижней Волгѣ. Со всѣхъ сторонъ несутся жалобы на скудное земельное обезпеченіе, и наказы даютъ не мало яркихъ иллюстрацій для характеристики горемычной доли земледѣльческаго населенія.

Конечно, всего труднѣе приходилось земледѣльцамъ Поморскаго сѣвера, гдѣ и климатъ былъ крайне суровый, и почвенныя условія мало подходили для земледѣльческой культуры. У крестьянъ Шемогодской волости Устюжскаго уѣзда пахатной земли приходилось всего „по пяти осминъ четверти“ на душу, при этомъ только половина этой земли унаваживалась, а остальная засѣивалась безъ удобренія. Въ Ихалитскомъ улусцѣ Тотемскаго уѣзда на крестьянскій дворъ съ населеніемъ въ 5 душъ высѣвалось всего по одной четверти ржи, а на дворъ въ 7 душъ

всего по 2 четверти, т. е. подъ ржанымъ посѣвомъ въ первомъ случаѣ было не больше одной десятины, а во второмъ— не больше двухъ, при этомъ, по словамъ наказа, „въ урожаѣ бываетъ вдвое, а въ хорошій годъ втрое“.[17]) Довольно ярко рисуютъ тѣ трудности, которыя приходилось преодолѣвать поморскому земледѣльцу, крестьяне Лохоцкаго погоста Важескаго уѣзда. „Дворцовыя важескія волости“,—пишутъ они въ своемъ наказѣ,—состоятъ въ поморской холодной сторонѣ и имѣется у насъ пахотной сѣвчей земли не съ удовольствіемъ и то песчаная и болотная между мокрыми мѣстами.., а сѣнокосной земли, за неимѣніемъ большой рѣки, по рѣчкамъ и ручьямъ имѣется малое число и затѣмъ расплодить скота къ хлѣбопашеству невозможно, и отъ того хлѣбу имѣется оскудѣніе“ [18]). Недостатокъ въ сѣнныхъ угодьяхъ заставлялъ крестьянъ сокращать до minimum'а количество рогатаго и рабочаго скота, а нѣкоторыхъ изъ нихъ принуждалъ даже распродавать на сторону весь свой домашній скотъ. По словамъ наказа волости Сидоровы едомы „есть такіе крестьяне, и не единой скотины у себя не имѣютъ“. Такіе безлошадные крестьяне, конечно, доходили до крайне тяжелаго матерьяльнаго положенія и старались, какъ могли, изобразить его въ своихъ наказахъ. „И крестьяне нужные и скудные и въ хлѣбѣ имѣютъ великій недостатокъ, а въ продажу хлѣба никогда не бываетъ, а иные крестьяне и сами прикупаютъ“. [19]).

Если мы мысленно перенесемся изъ лѣсистой и болотистой мѣстности сѣвернаго Поморья въ область древнихъ заоцкихъ и замосковныхъ городовъ, гдѣ имѣло мѣсто землевладѣніе однодворцевъ, старыхъ службъ служилыхъ людей, пахотныхъ солдатъ и городовыхъ казаковъ, то и здѣсь мы неизбѣжно столкнемся все съ той-же грустной картиной земельной нужды. „И какъ въ землѣ, такъ и въ сѣнныхъ покосахъ претерпѣваемъ нужду“,—говорятъ Алексинскіе, Пушкарскіе и Стрѣлецкіе слобожане,—„и приходимъ въ несостояніе и скудость“. Малоземелье и отсутствіе собственныхъ лѣсовъ заставляли старыхъ службъ служилыхъ людей г. Козельска нанимать у мѣстныхъ обывателей пашенныя земли и луговыя угодья „на собственные свои деньги дорогими цѣнами, и отъ того только мало пропитанія съ домовными имѣть“. На крайній недостатокъ отведен-

---

[17]) CXXIII, 108, 295,

[18]) Ibid. 77. Сѣнокосы также находились па сѣверѣ не въ благопріятныхъ условіяхъ, что затрудняло разведеніе скота. Въ наказѣ Николаевск. погоста Устюж. у. читаемъ: „сѣнокосная страда ежели бываетъ поставкою къ ведру, въ то время и ставимъ сѣно, буде къ дождевой страдѣ, то сѣна у насъ сноситъ дождевою водою, а досталную траву не просушиваетъ солнцемъ, и отъ того гніетъ вся, и отъ безсѣнницы остаемся въ недовольствіи пашенной земли навозомъ, отчего мы черносошные крестьяне и пришли въ крайнюю скудость“. (CXXIII, 113).

[19]) CXXIII, 119, 141.

ной пахотной земли жалуются и старыхъ службъ служилые люди г. Пензы. [20]).

Въ районѣ инородческихъ поселеній въ Поволжьѣ и въ Прикамьѣ, а также въ области горныхъ Уральскихъ заводовъ земельный голодъ давалъ себя чувствовать не менѣе остро деревенскому земледѣльческому населенію. Наказы крещеныхъ и некрещеныхъ инородцевъ, а также приписанныхъ къ казеннымъ и частнымъ заводамъ государственныхъ крестьянъ всесторонне освѣщаютъ намъ положеніе аграрнаго вопроса въ этихъ восточныхъ провинціяхъ. Скорбными нотами звучитъ заявленіе ясашныхъ черемисъ Казанскаго уѣзда: „ко удовольствію пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ и протчихъ угодій имѣемъ весма мало, и за такимъ неудовольствіемъ къ насѣянію хлѣбовъ пашенной земли, и сѣнныхъ покосовъ, и всякихъ угодій, приходимъ въ великую скудость и убожество". [21]) Почти аналогичное мѣсто съ изображеніемъ тѣхъ убійственныхъ почвенныхъ условій, въ которыхъ находилось крестьянское землевладѣніе въ Приуральѣ встрѣчаемъ въ наказѣ государственныхъ крестьянъ Чардынскаго уѣзда, приписанныхъ къ партикулярнымъ горнымъ заводамъ. Ежегодно затрачивая громадное количество непосильной работы на борьбу со скупой и суровой природой, чардынскіе крестьяне, какъ и большинство крестьянъ сосѣднихъ уѣздовъ, едва могли существовать на своихъ скудныхъ земельныхъ участкахъ. „Во всемъ же Чердынскомъ уѣздѣ у насъ, крестьянъ", говорятъ составители наказа,—„пахотныя земли имѣются при низменныхъ, мокрыхъ, болотныхъ и боровыхъ и лѣсныхъ, а особливо каменистыхъ и песчаныхъ мѣстахъ, на которыхъ не токмо въ урожаѣ хлѣба по спаханіи земли по два или по три года, но и въ первое лѣто недородъ бываетъ". Конечно, при такихъ скудныхъ урожаяхъ крестьянамъ трудно было прокормиться собственнымъ хлѣбомъ и приходилось больше довольствоваться покупнымъ. [22]).

Приведенныя выше выдержки изъ крестьянскихъ заявленій наводятъ читателя на самыя мрачныя размышленія и рисуютъ въ самыхъ сѣрыхъ тонахъ положеніе земледѣльческаго населенія въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ крестьянамъ приходилось жить исключительно доходами съ земли. На ряду съ жалобами на малоземелье и безкормицу, на ряду съ указаніями на тѣ громадныя затрудненія, которыя приходилось пре-

---

[20]) CXV. 56, 23, 171. Называя себя мірскими людьми, яранскіе пахотные солдаты пишутъ въ наказѣ: „И есть такіе, что многіе не токмо скота и пажити имѣютъ, но и ежедневнаго пропитанія себѣ не имѣютъ, а питаются мірскимъ подаяніемъ". (CXV, 182).

[21]) CXV, 382. Новокрещеные отяцкіе жители Слободскаго у. включаютъ въ свой наказъ слѣд. мѣсто: „земля и покосы почти всѣ къ дорогамъ въ отгороду отошли и хлѣба сѣять не начѣмъ". (CXV, 447).

[22]) CXV, 300.

одолѣвать крестьянамъ земледѣльцамъ, въ большинствѣ наказовъ довольно опредѣленно вскрыты тѣ причины, которыя являлись источникомъ земельной нужды, а подчасъ и прямо земельнаго голода въ русской деревнѣ изучаемой эпохи. Причинъ этихъ было очень много, и онѣ давали себя чувствовать крестьянскому населенію повсемѣстно.

Въ однихъ мѣстахъ главная вина падаетъ на суровую и не гостепріимную природу, стихійныя проявленія которой иногда въ нѣсколько часовъ уничтожали многолѣтнюю работу пахаря, въ другихъ же мѣстностяхъ источникомъ земельной тѣсноты были сильные и властные сосѣди, которые безнаказанно захватывали крестьянскія земли и доводили многихъ деревенскихъ обывателей почти до нищеты. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ и природными, и соціальными условіями, крестьяне, находясь на краю хозяйственной бездны, измученные, разоренные и обнищавшіе, нерѣдко, махнувъ на все рукой, уходили на всѣ четыре стороны, питаясь Христовымъ именемъ. Въ яркихъ, взятыхъ прямо изъ жизни, краскахъ рисуетъ намъ подобную картину наказъ пахотныхъ солдатъ разныхъ слободъ г. Михайлова. „Имѣются намъ, именованнымъ, всѣмъ бѣднымъ и безпомощнымъ, какъ въ землѣ, такъ и во всякихъ угодіяхъ великіе недостатки, и въ недопашкахъ хлѣба суще крайне пришли къ убожеству, и за недородомъ хлѣба весьма нужно имѣемъ себѣ и дневной пищи; а вдовы и сироты наши ходятъ по міру, питаются Христовымъ именемъ, а протчіе многіе съ великаго ужасу нестерпимости, оставя все имѣніе и домы свои, разошлись по разнымъ городамъ съ пашпортами, а нищіе разбѣжались и безъ пашпортовъ“. [23]).

На дикомъ сѣверѣ природныя условія всего сильнѣе оказывали вліяніе на крестьянскія земли, разбросанныя рѣдкими участками среди безбрежнаго моря дремучихъ лѣсовъ и топкихъ болотъ. Особенно пагубныя послѣдствія имѣли весенніе разливы и лѣтніе паводки многоводныхъ сѣверныхъ рѣкъ. Цѣлый рядъ крестьянскихъ наказовъ Устюжскаго уѣзда какъ разъ съ этой стороны освѣщаетъ вопросъ о деревенскомъ малоземельѣ. Крестьянамъ Бѣлослуцкаго стана приходилось изъ за смыва и свала земель переносить свои дворы на другія болѣе безопасныя мѣста. „А сѣнные покосы валитъ, а у иныхъ жителей и все свалило и снесло все безъ остатка, а у другихъ и скотскіе выпуски“. Экономическіе крестьяне Спасскаго погоста въ своемъ наказѣ также сѣтуютъ на рѣчные разливы: „Деревни Строкинской два поля пашенной земли вешнею большою водою снесло и сѣнныхъ покосовъ на сто на пятьдесятъ копенъ“. [24]). Если такія громадныя бѣдствія причиняли небольшія рѣчки, вродѣ Слудки, то можно себѣ представить, какъ приходилось страдать жителямъ селъ

---

[23]) CXV, 75.
[24]) CXXIII, 110—111, 186.

и деревень, расположенныхъ по берегамъ многоводной сѣверной Двины, этой главной питательной артеріи Поморья. Въ живыхъ и яркихъ краскахъ изображены тѣ непоправимыя бѣдствія, которыя причиняетъ Двина своими весенними разливами, въ наказѣ черносошныхъ крестьянъ Ракульской волости. [25]).

Но не весенніе разливы и паводки были основной причиной земельной скудости крестьянства! Такой коренной причиной являлись земельные захваты, и въ этихъ захватахъ повинны были всѣ, кто только считалъ, что можетъ безнаказанно обидѣть крестьянина—земледѣльца. На сѣверѣ и отчасти на сѣверо-востокѣ, гдѣ помѣстнаго землевладѣнія не было, черносошная деревня страдала отъ кущовъ и посадскихъ людей; въ Поволжьѣ и въ Прикамьѣ главную обиду наносили крестьянамъ владѣльцы горныхъ заводовъ и представители чиновной приказной массы; на Нижней Волгѣ и въ Прикаспійскихъ степяхъ главной язвой для осѣдлаго земледѣльца были кочующіе инородцы, а въ центральныхъ и южныхъ уѣздахъ государства деревенскому люду всего больше приходилось терпѣть отъ дворянъ—землевладѣльцевъ. Крестьяне двухъ погостовъ Быканурскаго стана Устюжскаго уѣзда жалуются на Устюжскихъ кущовъ, „которые оброчныя угодныя земли и при рѣчкахъ сѣнные покосы изобрали по торгу къ себѣ во владѣніе, оставя только пашенную пустую землю“ [26]). На завладѣніе лучшими деревнями посадскими купеческими людьми указываютъ и черносошные крестьяне Стриленской волости [27]). Въ Алексинскомъ станѣ Усольскаго уѣзда посадскіе отобрали у крестьянъ ихъ печишные сѣнные покосы, такъ что, по словамъ составителей наказа, „токмо оставлено намъ малое число для прокормленія нашего скота, въ чемъ повсегодно имѣемъ скудость“ [28]). Шеномскіе крестьяне Яренскаго уѣзда терпѣли не столько отъ кущовъ, сколько отъ своей же братіи сосѣднихъ крестьянъ, которые „невѣдомо по какому виду завладѣли пашенной землею и сѣнными покосами“[29]). Не только сосѣдніе крестьяне тѣснили иногда жителей

---

[25]) „Многія у насъ деревни ни копны печишнаго, т.-е. крѣпостного сѣна не имѣютъ, по причинѣ что которое сѣно по писцовымъ дачамъ было все силнымъ стремленіемъ въ вешнія времена лежащей мимо той нашей Сакульской волости подъ пашенною землею, рѣки Двины и несеніемъ лда, по низкости и слабости береговъ, снесло не малое число пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ, печишныхъ, такъ и оброчныхъ много снесло и безъ остатка; а оброки платятся спуста не малое число“. (CXXIII, 123).

[26]) CXXIII, 142.

[27]) Ibid. 177. На прописки Устюжскихъ и Соль-Вычегодскихъ кущовъ и посадскихъ, и служителей господъ бароновъ Строгановыхъ жалуются черносошные крестьяне Почеозерской волости Усольскаго уѣзда. Всѣ эти лица забрали крестьянскія земли и насильственно ими владѣютъ. (CXXIII, 217).

[28]) CXXIII, 223.

[29]) CXXIII, 235.

сѣверныхъ погостовъ и деревень, въ наказахъ нерѣдко можно встрѣтить жалобы и на обиды со стороны своихъ—же односельчанъ, крестьянъ—богатѣевъ. Такіе хозяйственные мужички, напр. въ Молской волости „завладѣли оброчными пустошами и порожними землями, на которыхъ и поселились, и называютъ тѣ земли своими“. Погостные повѣренные дворцовыхъ крестьянъ Важескаго уѣзда пространно говорятъ въ своемъ наказѣ о захватѣ ихъ земель черносошными и экономическими крестьянами Холмогорскаго и другихъ сосѣднихъ уѣздовъ; на разоренія своихъ рыбныхъ ловель и лѣсныхъ угодій экономическими крестьянами Галицкаго уѣзда приносятъ жалобу Вохомскіе крестьяне смежнаго Устюжскаго уѣзда [30]). Такимъ образомъ земледѣльческое населеніе почти все время должно было находиться въ оборонительномъ положеніи, ведя долгую и упорную борьбу, какъ съ деревенскими владѣльцами изъ сосѣднихъ посадовъ, такъ и съ крестьянами другихъ вѣдомствъ и смежныхъ уѣздовъ. Въ этой борьбѣ съ каждымъ годомъ уменьшалась площадь крестьянскаго землепользованія, и хозяйственный бытъ сѣверной деревни долженъ былъ неминуемо ухудшаться.

Еще болѣе рельефно выступаетъ передъ нами картина соціальнаго антагонизма въ наказахъ восточныхъ провинцій, гдѣ подъ широкимъ покровительствомъ придворныхъ и правительственныхъ сферъ безгранично царили вельможные заводчики и крупные промышленники. Въ этомъ царствѣ соляной и горно-заводской промышленности правительственные концессіонеры эксплоатировали не только природныя богатства страны, но и рабочія руки мѣстнаго русскаго и инородческаго населенія. Эта упорная борьба между капиталомъ и трудомъ, перевѣсъ въ которой всегда выпадалъ на долю капиталистовъ, сопровождалась массовымъ захватомъ крестьянскихъ и инородческихъ земель, на что горько жалуются всѣ безъ исключенія наказы этого района.

Черносошные крестьяне Соликамскаго уѣзда заявляютъ въ своемъ наказѣ: „Да и многія нашего владѣнія пашенныя земли и сѣнные покосы города Соликамска соляные промышленники насильствомъ своимъ завладѣли и никакого платежа и оброка намъ не даютъ“ [31]). Очень ярко, изображая свою земельную тѣсноту, приписные крестьяне Кунгурскаго уѣзда характеризуютъ захватную политику владѣльцевъ горныхъ заводовъ. „Да и оные заводчики“,—говорятъ они,—сверхъ тѣхъ проданныхъ и закладныхъ отъ татаръ имъ земель и лѣсовъ завладѣли крестьянскаго владѣнія немалое число. И тѣмъ насъ нижайшихъ крестьянъ землями и лѣсами умалили“ [32]). Самую беззастѣнчивую экспропріацію своихъ земель-

---

[30]) CXXIII, стр. V, 35, 168.
[31]) CXV, 291—292.
[32]) Ibid, 269.

ныхъ владѣній подъ желѣзные заводы отмѣчаютъ и новокрещены отяцкіе жители Слободскаго уѣзда. Обиды владѣльцевъ желѣзныхъ заводовъ составители этого наказа изображаютъ такъ: „изъ тѣхъ нашихъ дачъ лѣсу, пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ къ тѣмъ заводамъ отобрано безъ нашего дозволенія и договору на нѣсколько верстъ, изъ коего лѣсу ни на какія наши надобности рубить намъ не даютъ, а изъ пашенныхъ земель и изъ сѣнныхъ покосовъ, кромѣ рудниковъ, не только-жъ отгородили для выпуску и пасбы своего скота, но и тѣмъ не удовольствуясь, и въ поляхъ нашихъ вытравляютъ скотомъ хлѣбъ и луга“ [33]). Оброчные черемисы Кунгурскаго уѣзда приносятъ пространную жалобу на дворянина Александра Демидова, одного изъ богатѣйшихъ заводчиковъ Приуралья, приказчики котораго отмежевали себѣ самовольно большое пространство лѣсныхъ угодій, чѣмъ лишили инородцевъ ихъ звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ [34]).

Рядомъ съ обидами отъ владѣльцевъ желѣзныхъ и мѣдеплавильныхъ заводовъ наказы Казанской губерніи заключаютъ въ себѣ много цѣнныхъ данныхъ для выясненія тѣхъ гибельныхъ послѣдствій, какія имѣла русская колонизація восточной окраины для судебъ землевладѣнія заволжскихъ инородцевъ. Служилые мурзы и татары, указавъ на беззастѣнчивый захватъ русскими помѣщиками татарскихъ земель, требуютъ въ своемъ наказѣ возврата ихъ „въ наше иновѣрческое владѣніе“ [35]) и свода съ нихъ поселенныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Если татары жаловались на русскихъ помѣщиковъ, то новокрещены изъ чувашъ Симбирскаго уѣзда сѣтовали на обиды и земельные захваты со стороны инородцевъ, а именно ординскихъ калмыковъ. Во время пріѣзда ихъ для продажи и мѣны скота „отъ тѣхъ калмыковъ — пишутъ составители наказа — чинится намъ немалая обида, потому что имѣемъ мы дачи за Волгою рѣкою и тѣ калмыки нашъ хлѣбъ и сѣнные покосы травятъ и вытаптываютъ своимъ скотомъ и заготовленные нами стога пожигаютъ. И отъ того приходимъ мы въ крайнія обиды“ [36]). Нерѣдки бывали столкновенія изъ-за захвата земель и угодій между самими инородцами, при этомъ обидчиками обыкновенно являлись тѣ изъ нихъ, которые, перейдя въ православіе, чувствовали за собой силу и могли при случаѣ найти покровительство у мѣстнаго начальства. Вмѣстѣ съ такими новокрещенами насильничали надъ инородцами и русскіе помѣщичьи крестьяне, разсчитывая на покровительство своихъ вельможныхъ господъ. Въ наказѣ новокрещенъ изъ чувашъ Царево-Кокшайскаго уѣзда довольно правдиво изображено, какъ новокрещены изъ сосѣднихъ селъ и крестьяне изъ смежныхъ помѣстій

---

[33]) CXV, 449.
[34]) Ibid. 367.
[35]) CXV, 322, 329.
[36]) Ibid. 355.

„денно и нощно въ наши лѣсныя дачи и въ заповѣдныя на нашей землѣ казенныя и дубовыя рощи ѣздятъ, и чинятъ во оныхъ заповѣдному лѣсу порубку и подточку“ [37]). Даже казаки, поселенные на юго-восточной окраинѣ, въ цѣляхъ охраны границъ государства, жалуются на насильственное завладѣніе инородцами ихъ земельными угодьями. Такъ въ наказѣ отъ войскового атамана, старшинъ и всего Волжскаго войска помѣщена просьба о разрѣшеніи владѣть лугами на другой сторонѣ Волги противъ городовъ Саратова, Дмитріевска, Царицына и Чернаго Яра, „понеже мы войско волское такую несносную отъ калмыкъ, какъ въ потравленіи травъ, такъ и кошенаго въ стогахъ сѣна, несемъ крайнюю нужду, что почти всѣ отъ того обезкотили и разорились [38]).

Если земельный захватъ на окраинахъ государственной территоріи достигалъ довольно крупныхъ предѣловъ, то еще больше приходилось терпѣть земледѣльческому населенію отъ сильныхъ и властныхъ сосѣдей въ коренныхъ русскихъ уѣздахъ, тамъ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ пустило глубокіе корни частное дворянское землевладѣніе. Крѣпостная атмосфера, насыщенная произволомъ и безправіемъ, здѣсь гораздо ярче давала себя чувствовать, чѣмъ въ заволжскихъ инородческихъ провинціяхъ. Наказы однодворцевъ, пахотныхъ солдатъ, государственныхъ крестьянъ и другихъ представителей земледѣльческаго люда даютъ обильный матеріалъ для изображенія классоваго антагонизма, который въ этихъ срединныхъ областяхъ государства достигъ своего апогея. Можно сказать, нѣтъ ни одного наказа, который обходилъ бы молчаніемъ этотъ острый и больной вопросъ въ жизни сельскаго населенія, и жалобы на дворянъ-самоуправцевъ красной нитью проходятъ черезъ всѣ крестьянскія печалованія центральнаго района. Насильственному завладѣнію чужими пашнями и угодьями способствовала та продажность, которой отличались провинціальные суды XVIII в. Во многихъ наказахъ безнаказанность дворянскихъ насилій ставится въ связь съ укоренившимся въ общественномъ сознаніи безсудіемъ и судебной волокитой. Подъ покровомъ продажныхъ [39]) судебныхъ чиновниковъ сильные и богатые люди творили въ провинціи, что хотѣли, и только скорбныя крестьянскія жалобы вскрываютъ теперь передъ нами мрачную картину этого грубаго произвола, царившаго не только въ провинціальной глуши, но и вблизи отъ первопрестольной столицы.

---

[37]) Ibid. 439. На обиды со стороны какого-то Ивана Алексѣева сына Корякина и протчихъ яранскихъ купцовъ жалуются въ своемъ наказѣ сотники разныхъ старокрещеныхъ волостей Яранскаго у. (CXV, 444).

[38]) CXV, 515—516.

[39]) Погостные повѣренные отъ однодворцевъ Одоевскаго уѣзда мотивируютъ невозможность оттягать у сосѣднихъ помѣщиковъ свои земли судебной волокитой и продажностью гражданскаго суда. (CXV, 14—15).

За предками однодворцевъ села Левенскаго Одоевскаго уѣзда по писцовымъ книгамъ 20-хъ гг. XVII в. числилось $1016^1/_2$ четвертей пашни и 1130 копенъ сѣна, „но токмо, говорятъ Левенскіе однодворцы въ своемъ наказѣ, изъ оной пожалованной земли и со всѣми принадлежащими угодьи изъ давнихъ лѣтъ завладѣли насильствомъ разные помѣщики“ [40]). Въ перечнѣ этихъ помѣщиковъ попадаются лица и титулованныя, и въ генеральскихъ чинахъ, вродѣ генерала Зыбина и кн. Ѳ. Ю. Ромодановскаго, при чемъ послѣдній, завладѣвъ нѣсколькими пустошами лѣтъ 70 тому назадъ, успѣлъ передать ихъ генералу Карабанову, за которымъ онѣ и числились въ моментъ составленія наказа. Довольно яркую бытовую картину дворянскихъ насилій даетъ наказъ пахотныхъ солдатъ Шечкѣевскаго острога Саранскаго уѣзда: „да сверхъ того,—жалуются его составители,—сосѣдственный съ нами, нижайшими и вѣрноподданными В. И. В. рабами, надворный совѣтникъ Николай Михайловъ сынъ Агаревъ приказными и всѣми крестьянами озорнически въ нашихъ жалованныхъ лѣсныхъ дачахъ въѣзжать запрещаетъ и грабительски также все отнимаетъ, какъ лошадей, такъ и всякую-жъ сбрую и одежду безъ остатка. А насъ именованныхъ домой нагихъ пускаютъ“ [41]). Однодворцы Калужской провинціи, сославшись на неправильныя дѣйствія межевщика Юренева, продавшаго земли Мосальскихъ однодворцевъ разныхъ чиновъ людямъ, указываютъ, что покупщики захватили сверхъ того уже безо всякихъ крѣпостей „сами собой насильно“ много однодворческой земли. Въ длинномъ перечнѣ этихъ обидчиковъ, приложенномъ къ жалобѣ, встрѣчаются канцелярскіе служители, разсыльщики, кущы, мѣщане и другіе городскіе обыватели [42]). Для уплаты лежащихъ на однодворцахъ податей и повинностей имъ приходилось нерѣдко продавать сосѣднимъ помѣщикамъ „не малое число земель“, жалованныхъ ихъ предкамъ за службу. „А оные купя“,—говорятъ повѣренные отъ Одоевскихъ

[40]) CXV, 19 Ср. наказъ уѣздныхъ повѣренныхъ отъ Пензенскихъ новокрещенъ, гдѣ изложены жалобы на насильственные захваты помѣщиками множества десятинъ жалованной земли и на незаконное владѣніе мельницами и угодьями со стороны крѣпостныхъ крестьянъ этихъ помѣщиковъ. (CXV, 418). Интересныя добавленія къ той-же картинѣ безправія даетъ наказъ новокрещенъ изъ мордвы и чувашъ Пензенской, Саранской и Петровской провинціи „и на тѣхъ нашихъ крѣпостныхъ дачахъ другихъ и съ мѣста сбили, усилствомъ же построили мельницы и винокуренные заводы. А мы бѣдные, яко безгласные, принуждены земли наймовать; и чинятъ оные помѣщики, намъ неописанныя изнурительныя разоренія такъ безчеловѣчно, что уже своего скарбишка лишаемся напрасно, отчего пришли въ разореніе, что уже на платежъ податей принуждены занимать“. (CXV, 422).

[41]) CXV, 163.

[42]) Ibid. 7. На громадный недостатокъ земель „противъ тѣхъ, которыми владѣли дѣды и отцы“ вслѣдствіе дворянскихъ захватовъ жалуются старыхъ службъ служилые люди Аптеморскаго острога Саранскаго у. (CXV, 160).

однодворцевъ,—„увѣдавъ однодворческое изнеможеніе, не токмо проданною имъ, но и оставшею дачею, за продажею, жалованною предкамъ нашимъ землею, многимъ людямъ, завладѣли сильно“ [43]).

Такимъ образомъ поземельныя отношенія въ русской деревнѣ середины XVIII в. были запечатлѣны яркимъ проявленіемъ классовой розни, и этотъ призракъ соціальной вражды придавалъ экономическому быту земледѣльческаго населенія какой-то болѣзненный отпечатокъ. Въ постоянной борьбѣ за землю крестьянское населеніе тратило свои нравственныя и физическія силы, а беззастѣнчивый захватъ сильныхъ сосѣдей уменьшалъ и безъ того скудную площадь крестьянскаго землепользованія. Но не слѣдуетъ думать, что крестьяне на своихъ избирательныхъ сходахъ только составляли жалобы и печалованія на свою горемычную долю. Въ своихъ наказахъ они дѣлаютъ не мало вполнѣ конкретныхъ предложеній и съ этой положительной стороной аграрной программы сельскихъ избирателей намъ теперь и слѣдуетъ познакомиться. Всѣ многочисленныя крестьянскія требованія, такъ или иначе касающіяся разрѣшенія земельнаго вопроса, могутъ быть разбиты на слѣдующія три группы:

1) просьбы о дополнительномъ надѣленіи землею;

2) ходатайства объ огражденіи крестьянской земельной собственности

и 3) стремленія урегулировать поземельныя отношенія среди самаго сельскаго населенія.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ сѣверной и восточной Россіи, гдѣ господствовала подсѣчная, или лядинная система землепользованія, крестьяне просятъ въ наказахъ о свободной расчисткѣ лѣсныхъ зарослей подъ пашню и сѣнные покосы, такъ какъ безъ этого они не имѣютъ возможности расширить площадь своего землепользованія [44]).

Тамъ, гдѣ было много пустыхъ казенныхъ земель, сельскіе обыватели просятъ о сдачѣ имъ этихъ земельныхъ угодій на льготныхъ, не обременительныхъ условіяхъ. Такъ можайскіе однодворцы, прося, чтобы казенныя земли сдавались въ оброкъ исключительно имъ, съ платою по 10 коп. за десятину, указываютъ, что отъ этого „Высочайшему интересу имѣетъ быть пополненіе“ [45]). Но всего чаще въ наказахъ можно встрѣтить требованіе о дополнительномъ надѣленіи сельскихъ жителей

---

[43]) CXV, 14.

[44]) Въ наказѣ Сяменжевской волости Тотемскаго у. встрѣчаемъ просьбу „дабы повелѣно намъ въ тѣ лѣса входить и владѣть и подсѣки сѣчь подъ хлѣбъ для пропитанія“. (CXXIII, 322). Крестьяне цѣлаго ряда волостей Яренскаго у. ходатайствуютъ „состоящія въ нашей волости дикія и въ дачахъ ни у кого небывалыя лѣсныя мѣста просить дозволенія расчищать подъ хлѣбопашество и сѣнокосы, кому сколько по семействамъ своимъ возможность, допустить безденежно“. (CXXIII, 231, 255, 271).

[45]) CXV, 98.

казенной землею [46]), при чемъ нерѣдко избиратели устанавливаютъ даже необходимую норму земельнаго надѣла на душу. Это надѣленіе слѣдовало, по мнѣнію крестьянъ, произвести по наличнымъ ревизскимъ душамъ, а величина надѣла на каждую мужскую душу должна была равняться 15 дес. Необходимость надѣленія землею именно въ такомъ количествѣ крестьяне села Никольскаго Петровскаго у. мотивируютъ слѣдующими соображеніями: „и если болѣе онаго числа десятинъ не послѣдуетъ, то въ землѣ имѣетъ быть крайній недостатокъ, п. ч. земля не хлѣбородная, и не болѣе какъ засѣяна и хлѣбъ сниманъ бываетъ лѣтъ десять. А потомъ оставя, распахиваемъ въ другихъ мѣстахъ“ [47]).

Стремясь расширить площадь своихъ земельныхъ угодій, сельскіе обыватели естественно прилагали всѣ усилія, чтобы сохранить въ цѣлости свои земельные надѣлы и обезпечить ихъ со стороны сильныхъ сосѣдей, склонныхъ прибирать къ своимъ рукамъ чужую земельную собственность. Такъ какъ часть земель уходила изъ рукъ крестьянъ путемъ заклада и продажи, то въ наказахъ нерѣдко встрѣчается требованіе „и впредь оныхъ нашихъ земель въ продажѣ и въ закладѣ отъ нашей братіи постороннимъ владѣльцамъ запретить“. Покупая крестьянскія однодворческія земли, сосѣдніе землевладѣльцы тотчасъ же проявляли свои хищническіе инстинкты и начинали чинить обиды деревенскимъ обывателямъ. Для того, чтобы хоть немного оградить себя отъ этихъ обидъ, составители наказовъ и предлагали воспретить отчужденіе крестьянскихъ земель. Такъ погостные повѣренные отъ однодворцевъ Одоевскаго у. пишутъ: „когда однодворцамъ помѣщику свои земли не продавать, то оному въ однодворческую округу вступить и черезъ то таковой-же обиды учинить уже не можетъ“ [48]). Но наибольшій ущербъ крестьянскому землевладѣнію наносился не путемъ продажи и залога, а беззастѣнчивымъ освоеніемъ ихъ надѣловъ, какъ со стороны дворянъ, такъ и со стороны разночинцевъ и посадскихъ, поэтому вполнѣ умѣстно было ходатайство наказовъ: „отобрать отъ всѣхъ силно-владѣльцевъ нашу усадебную землю“ съ тѣмъ, чтобы отобранныя земли отдать въ вѣчное владѣніе крестьянамъ „въ тѣ мѣста, гдѣ тѣ ихъ пашенныя земли и сѣнные покосы состояли“ [49]). При плохомъ состояніи межевого дѣла въ XVIII в. земельныя ссоры встрѣчались, конечно, довольно часто и только путемъ правильнаго размежеванія можно было положить предѣлъ систематическимъ

---

[46]) „Соблаговолено бъ было намъ опредѣлить, намѣрить изъ государевой пашенной земли, или не соблаговолено-ль будетъ изъ казенной государевой засѣки“, читаемъ въ наказѣ жителей казачьихъ дачъ г. Козельска. (CXV, 30). Ср. CXV, 172, 188—89.

[47]) CXV, 11, 221.

[48]) CXV, 11, 16.

[49]) CXV, 11, 227.

массовымъ захватамъ. Въ наказѣ приписанныхъ къ партикулярнымъ заводамъ государственныхъ крестьянъ Кунгурскаго уѣзда и выставлено требованіе о необходимости скорѣйшаго размежеванія, „дабы болѣе со владѣльцы ссоръ происходить не могло“ [50]).

Многія изъ положительныхъ требованій крестьянской аграрной программы были уже отчасти затронуты поземельной политикой русскаго правительства первой половины XVIII в. Особенно подробно останавливаются правительственныя мѣропріятія на вопросѣ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель. Еще въ 1749 г. издано было запрещеніе крестьянамъ заонежскихъ погостовъ продавать и закладывать свои земли, а проданныя велѣно было отобрать назадъ безденежно. Въ 1751 г. велѣно было отобрать въ казну у посадскихъ людей поморскихъ городовъ всѣ тѣ земли, которыми они владѣли не по жалованнымъ грамотамъ и писцовымъ книгамъ, а пріобрѣли по купчимъ и закладнымъ отъ черносошныхъ крестьянъ. Межевая инструкція 1754 г. идетъ еще дальше и предписываетъ отобрать назадъ земли, отчужденныя черносошными крестьянами въ руки приказныхъ служителей и разныхъ лицъ, неположенныхъ въ подушный окладъ [51]).

Такимъ образомъ правительство старалось, по словамъ В. И. Семевскаго, „собрать воедино разсыпанную храмину крестьянскаго владѣнія землями, которыя окончательно признавались казенною собственностью“. По удачному выраженію П. Н. Милюкова „аграрная политика XVIII в. стала инстинктивно можетъ быть на вѣрный путь націонализаціи крестьянской земли“ [52]).

Но, какъ всегда бываетъ, законы и указы не сразу положили конецъ мобилизаціи крестьянской поземельной собственности, и Сенату въ 1768 г. пришлось подтвердить запрещеніе черносошнымъ крестьянамъ, чтобы они не совершали купчихъ крѣпостей на землю [53]). И въ депутатскихъ наказахъ 1767 г. нерѣдко попадаются мѣста, въ которыхъ крестьяне ходатайствуютъ о разрѣшеніи дозволить имъ производить между собою всякаго рода поземельныя сдѣлки. „Крайнее желаніе у всѣхъ крестьянъ есть, говорятъ черносошные крестьяне Каргопольскаго уѣзда, чтобы государственнымъ крестьянамъ между собою деревенскихъ участковъ продажу и мѣну дозволить по прежнему“ [54]). Просьба эта во мно-

---

[50]) CXV, 270.

[51]) Ср. В. И. Семевскій „Крестьяне въ царствованіе Имп. Ек. II“. т. II, стр. 623—624.

[52]) В. И. Семевскій наз. соч. т. II стр. 626; П Н. Милюковъ „Русская аграрная политика прошлаго столѣтія“. (Рус. Мысль 1890 г. № 5; стр. 213).

[53]) П. С. З. т. XVIII, № 13114.

[54]) CXV, 148. Ср. стр. 39.

гихъ наказахъ сопровождается мотивировкой, какъ семейно-бытового, такъ и фискально-податнаго характера [55]).

Другимъ больнымъ мѣстомъ крестьянскихъ поземельныхъ отношеній, на которое обращаютъ вниманіе наказы, былъ вопросъ о формѣ землепользованія. Два принципа—общинный коллективный и личный индивидуальный—находили себѣ сторонниковъ и противниковъ среди сельскихъ избирателей 1767 г. На сѣверѣ въ Архангельской губерніи, по словамъ проф. В. И. Сергѣевича, общинное землевладѣніе не старѣе половины XVIII в. [56]). Оно возникаетъ тамъ, благодаря правительственной дѣятельности въ связи съ урегулированіемъ податныхъ отношеній, которыя послѣ введенія подушной подати оторваны были вполнѣ отъ земли и формы землепользованія. На сѣверѣ, какъ видно изъ крестьянскихъ наказовъ, наиболѣе распространенной формой землевладѣнія была личная собственность. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого могутъ служить указанія на различные способы отчужденія земельныхъ участковъ и на владѣніе землею на наслѣдственномъ правѣ. Распространенность личной формы землевладѣнія приводила къ тому, что наиболѣе сильные въ экономическомъ отношеніи элементы сѣвернаго поморскаго крестьянства захватывали для хозяйственной эксплоатаціи наибольшее количество земли въ ущербъ маломощнымъ своимъ односельчанамъ [57]). Стремясь превратить земельныя владѣнія государственныхъ крестьянъ въ казенную собственность, правительство старалось также привить къ крестьянскому землепользованію общинную форму съ періодическими передѣлами. Межевыми инструкціями 1754 и 1766 гг. положено было начало переходу на черносошномъ сѣверѣ крестьянскаго земельнаго владѣнія отъ личнаго къ общинному. Эти аграрныя мѣропріятія преслѣдовали преимущественно цѣли фискальнаго характера, такъ какъ уравнительными передѣлами старались достигнуть болѣе равномѣрнаго распредѣленія податного бремени. Для болѣе слабыхъ въ хозяйственномъ отношеніи представителей деревенскаго населенія уравнительно общинное землепользованіе было несомнѣнно выгоднымъ, но прин-

---

[55]) Наказъ крестьянъ Ягрышской волости Уст. у. говоритъ: „а въ здѣшнемъ мѣстѣ многіе приходятъ въ несостояніе. Не имѣювые дѣтей, а сами за слабымъ здоровьемъ, или за старостью, домашнею экономіею управлять и состоящую за ними пашенную землю работою снабдѣвать въ несостояніи, а продавать недозволено, отчего тѣ за ними состоявыя деревни приходятъ въ крайнее несостояніе и запустѣніе, и написанныя на тѣхъ деревняхъ души располагаются на протчихъ той волости крестьянъ, отчего и происходитъ общественная нужда и отягощенія“. (CXXIII, 129). Иного рода соображеніями мотивируютъ требованіе о свободѣ земельной мобилизаціи кр-не Ужгинской вол., Яренск. у.: „дабы въ случаѣ, которые кр-не придутъ въ упадокъ, то бы могли для поправленія себя подъ закладъ земель деньги займывать, а другой надѣясь на закладъ охотнѣе давать изнеможенію“. (Ibid. 255).

[56]) CXXIII, стр. III.

[57]) См. CXXIII, стр. V.

ципъ періодическихъ земельныхъ передѣловъ долженъ былъ неизбѣжно возбудить противъ себя деревенскихъ богатѣевъ, такъ называемыхъ „хозяйственныхъ мужичковъ“, захватившихъ въ свои руки болѣе доходные участки земли. Депутатскіе наказы отражаютъ въ себѣ эти противоположныя теченія хозяйственной жизни деревни, констатируя этимъ совершившееся разслоеніе сельскихъ обывателей на деревенскую буржуазію и земледѣльческій пролетаріатъ. Тамъ, гдѣ на избирательномъ сходѣ брали верхъ „мужики-горланы“, т.-е. богачи-міроѣды, наказъ ратуетъ за сохраненіе наслѣдственнаго подворно-участковаго землевладѣнія; въ тѣхъ же погостахъ, гдѣ перевѣсъ голосовъ былъ на сторонѣ деревенской бѣдноты, въ наказъ удавалось провести требованія объ уравнительныхъ передѣлахъ земельныхъ угодій по внесеннымъ въ ревизскія сказки мужскимъ душамъ. Обѣ стороны сопровождали свои пожеланія рядомъ соображеній и аргументовъ, и наказы нерѣдко развиваютъ высказанную на избирательномъ сходѣ мотивировку.

Нѣсколько примѣровъ изъ крестьянскихъ наказовъ лучше всего помогутъ намъ освѣтить соціальныя противорѣчія въ русской деревнѣ, возникшія на фонѣ предвыборной борьбы сельскихъ избирателей 1767 г. за болѣе пригодную форму пользованія земельными угодьями. Дворцовые крестьяне Лецкаго стана Важескаго уѣзда просятъ въ наказѣ „имѣющіеся нынѣ за нами во владѣніи (земли), по писцовымъ книгамъ и по крѣпостямъ и по другимъ сдѣлочнымъ письмамъ, повелѣно-бъ было владѣть по прежнему порядку безотъемлемо“ [58]). Жители Шеномской волости Яренскаго уѣзда выражаютъ желаніе, чтобы землямъ, находящимся въ смежности со владѣніями трехъсосѣднихъ волостей „какъ издревле и нынѣ, во владѣніи общемъ состоять“. Та-же общинная тенденція ясно выступаетъ и въ наказѣ крестьянъ Молской волости Тотемскаго уѣзда [59]). За поземельную общину стояли не только многіе изъ сѣверныхъ крестьянъ, но также и нѣкоторые изъ крестьянъ восточной окраины. Такъ новокрещены изъ чувашъ Цывильскаго уѣзда Богоявленскаго погоста, указавъ, что у нихъ земля разверстывается и на малолѣтнихъ и на престарѣлыхъ, которые не въ силахъ обрабатывать ее и уплачивать подушную, выражаютъ желаніе, чтобы „на

---

[58]) CXXIII, 73. Наказъ крестьянъ Рождественскаго погоста дворц. Химаневской вол. Важ. у. возстаетъ противъ тунеядцевъ, которые „всегда обращаются въ лѣности и мотовствахъ, и отъ того участки свои размотали, и пришли въ скудость и къ платежу податей въ несостояніе“. Указавъ, что при раздѣлѣ земли на души на каждаго придется по 1 дес. съ небольшимъ, составители наказа замѣчаютъ, что при этомъ никто не будетъ заботиться объ усовершенствованіи земледѣлія, п. ч. „какъ рачительные распахивать, а лѣнивые въ готовое входить и также опять проматывать и запустошать будутъ“ (CXXIII, 63—64).

[59]) CXXIII, 237, 310.

малолѣтнихъ и престарѣлыхъ земли и сѣнныхъ покосовъ не отводить“ [60]), а распредѣлять ее только на взрослыя работоспособныя души. Изрѣдка высказываются даже пожеланія, чтобы опредѣленъ былъ законодательнымъ путемъ минимальный срокъ для земельныхъ передѣловъ. Напр. въ наказѣ ясашныхъ крестьянъ Свіяжскаго у. встрѣчаемъ просьбу о томъ, чтобы разрѣшено было „для лучшаго въ хлѣбопашествѣ порядка... полевую пашенную землю и сѣнные покосы дѣлить между собою отъ переписи до переписи, а не погодно, дабы всякій хозяинъ, проча себѣ, землю свою новозилъ“ [61]).

Такимъ образомъ крестьянскіе наказы во всей конкретности развертываютъ передъ нами сложную картину поземельныхъ отношеній, сложившихся въ русской деревнѣ ко второй половинѣ XVIII в.

Крестьянское малоземелье, нерѣдко граничившее съ полнѣйшимъ безземельемъ, обиды и притѣсненія со стороны сильныхъ и полновластныхъ сосѣдей-землевладѣльцевъ, разладъ среди самой крестьянской массы— вотъ о чемъ намъ говорятъ сельскіе избиратели и ихъ погостные повѣренные. Призванные къ избирательнымъ урнамъ весною 1767 г., крестьяне можетъ быть нѣсколько и сгустили краски, характеризуя тѣ тяжелыя хозяйственныя условія, въ которыхъ жила русская деревня. Но, читая печальную повѣсть на скорбныхъ страницахъ депутатскихъ наказовъ, мы не можемъ не отмѣтить, что въ ней вполнѣ правдиво изображено то тяжелое экономическое положеніе, въ которомъ находилось свободное не закрѣпощенное русское крестьянство къ началу царствованія Екатерины II. Однако, изученные нами наказы не только пространно излагаютъ земельныя нужды деревенскаго люда, но и выставляютъ рядъ положительныхъ требованій, направленныхъ къ благопріятному разрѣшенію аграрнаго вопроса. Аграрная политика первой половины XVIII в. не внесла успокоенія въ русскую деревню, и она ждала разрѣшенія земельной проблемы отъ созываемой императрицей законодательной комиссіи. Но когда съ роспускомъ Уложенной комиссіи у сельскаго населенія была отнята послѣдняя надежда на улучшеніе его хозяйственнаго быта, и внутренняя политика Екатерины II начала пріобрѣтать чисто дворянскій характеръ, крестьяне дружно откликнулись на призывъ Пугачева и его сообщниковъ и насильственнымъ революціоннымъ путемъ рѣшили исправить все то зло, на которое они такъ открыто указывали въ своихъ скорбныхъ челобитьяхъ 1767 г.

В. Бочкаревъ.

---

[60]) CXV, 430.
[61]) CXV, 412.

XXIX.

Сербское житіе Феодосія Печерскаго.

Взаимныя отношенія русской и югославянскихъ литературъ, какъ извѣстно, представляются обычно для до-петровскаго времени въ такомъ видѣ: втеченіи всего времени, начиная съ появленія письменности и христіанства на Руси и до XVII вѣка, югославянскія литературы, въ частности преимущественно болгарская, оказываютъ свое вліяніе на младшую русскую, являясь однимъ изъ крупнѣйшихъ проводниковъ христіанско-византійскаго міросозерцанія въ содержаніи нашей письменности; этотъ источникъ—югославянство—то обильнѣе, то слабѣе вливается въ нашу письменность—рѣже, въ устную словесность—въ зависимости, съ одной стороны, отъ состоянія литературы и общественной жизни на самомъ югѣ славянства, на Балканскомъ полуостровѣ, съ другой стороны, въ зависимости отъ тѣхъ условій и внутреннихъ культурныхъ факторовъ, которые имѣютъ мѣсто на Руси за этотъ долгій періодъ времени. Однако, все это разнообразіе условій развитія литературы тамъ и здѣсь, на Руси и на югѣ славянскомъ, можетъ быть сведено болѣе или менѣе къ опредѣленнымъ перипетіямъ въ жизни литературъ русской и югославянскихъ: наиболѣе интенсивнымъ югославянское вліяніе должно быть признано для старѣйшаго, кіевскаго, періода нашей литературы; къ концу этого періода оно замѣтно слабѣетъ, въ XV вѣкѣ опять становится замѣтнѣе, но за то является кратковременнымъ, и къ половинѣ XVI-го оно, видимо, начинаетъ замирать: въ московской Руси къ этому времени начинаетъ формулироваться вліяніе западно-европейское, которому и суждено было вывести русскую жизнь и литературу на тотъ новый путь, которымъ она идетъ до сихъ поръ, и по которому русская литература дошла теперь до признанія ея мірового значенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если мы заглянемъ на югъ славянства, мы замѣтимъ ясно намѣчающуюся, хотя до сихъ поръ не вполнѣ ясно опредѣленную со стороны своего значенія и размѣровъ, новую черту во взаимныхъ отношеніяхъ славянскаго юга и Руси на полѣ литературы; именно: въ югославянской письменности, сербской и болгарской, замѣчается присутствіе русскаго источ-

ника развитія въ видѣ памятниковъ, частью русскихъ оригинальныхъ, входящихъ въ оскудѣвающую югославянскую литературную среду, частью же памятниковъ, по происхожденію хотя и югославянскихъ (оригинальныхъ въ ней, или переводныхъ—безразлично), но оказывающихся здѣсь на югѣ въ редакціи русской по составу или по языку, т.-е., какъ будто совершившихъ круговой путь, на Русь и возвращающихся, не рѣдко уже въ измѣненномъ видѣ, опять на родину. Это „обратное“ теченіе изъ Руси на югъ славянства въ XVII и XVIII вѣкахъ становится насколько уже замѣтнымъ, что можетъ быть учтено по своему значенію для югославянъ, въ частности для исторіи ихъ національнаго возрожденія[1]).

Иначе обстоитъ дѣло съ выясненіемъ взаимоотношеній между русской и югославянскими литературами въ кіевскомъ періодѣ первой изъ нихъ: при несомнѣнно преобладающемъ теченіи съ юга славянства на Русь, мы встрѣчаемъ разрозненные факты, значеніе коихъ, особенно значеніе общее, не легко поддается учету: это—факты, аналогичные упомянутымъ за XVI-XVIII вѣка: присутствіе русскихъ по происхожденію памятниковъ въ югославянской письменности до начала XV вѣка. Факты эти рѣдки, вѣроятно, не только потому, что югославянскія литературы IX-XIV вв. намъ извѣстны, въ силу судебъ своихъ, слишкомъ мало въ своемъ первоначальномъ видѣ[2]), но и потому, что факты этого рода и на самомъ дѣлѣ были не часты, хотя бы въ силу культурнаго преобладанія старшаго югославянства надъ младшей Русью. Такихъ фактовъ—русскихъ памятниковъ на югѣ славянства—за древній періодъ этихъ литературъ до сихъ поръ извѣстно такъ мало, что до сихъ поръ они оставались почти незамѣченными изслѣдователями русской и югославянской литературъ; а самая ихъ малочисленность въ связи съ трудностями, встрѣчаемыми обыкновенно изслѣдователемъ, разъ онъ берется за изученіе древнѣйшаго періода этихъ литературъ, была, повидимому, и остается причиной отсутствія объясненія факта присутствія русскаго памятника у югославянъ, объясненія, хотя бы такого, какое мы въ состояніи дать для эпохи болѣе поздней для аналогичныхъ фактовъ XVI, XVII-го и XVIII вѣковъ.

---

[1]) Нѣсколько фактовъ этого порядка сгруппировано было въ моей статьѣ въ Рус. Фил. Вѣстн. 1896 г. № 3—4, въ моей же замѣткѣ по поводу надписей, собранныхъ Л. Стояновичемъ (Чтенія въ Общ. Нестора лѣт., XVI (1903)), въ статьяхъ: Л. Милетича (Сборникъ за нар. умотв.—министерск., XII), А. Теодорова (Къмъ история на бълг. езикъ—Соф. Пер. Спис., XXXI и сл.), И. Шишманова (Наченки отъ руско влияние въ бълг. книжнина—Бълг. Прѣгледъ, V, 9—10), П. Кулаковскаго (Начало русской школы у сербовъ—Изв. отд. р. я. и сл. И. А. Н., VIII, 2, 3) и др.

[2]) Т.-е., въ сербскихъ и болгарскихъ текстахъ, а не русскихъ, по которымъ мы главнымъ образомъ и знакомимся съ славянскими литературами древнѣйшаго періода.

Такимъ образомъ, по отношенію къ интересующей насъ сторонѣ взаимоотношеній русской и югославянской литературъ древняго періода, ясно, мы находимся пока въ періодѣ накопленія матеріала, который, при томъ, еще не достигъ той степени полноты, которая давала бы право сдѣлать болѣе или менѣе прочную попытку объясненія этого явленія въ цѣломъ, давала бы право не ограничиваться признаніемъ этихъ фактовъ лишь случайностью. Поэтому то, думается, всякій новый фактъ присутствія русскаго памятника въ древнее время на югѣ славянства представляетъ извѣстный интересъ: онъ приближаетъ насъ къ рѣшенію проблемы о значеніи русской литературы древнѣйшаго періода для югославянства, расширяя въ тоже время наше представленіе и о русской литературѣ кіевскаго періода. Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ оправданія и настоящая замѣтка: она обращаетъ вниманіе изслѣдователя древнерусской старины на одинъ до сихъ поръ почти не замѣченный фактъ: присутствіе въ югославянской, сербской и м. б. болгарской, письменности житія Феодосія Печерскаго, памятника, восходящаго къ труду Нестора, какъ къ первоисточнику.

Это житіе извѣстно намъ въ югославянскомъ текстѣ давно: оно отмѣчено было уже А. Х. Востоковымъ въ его извѣстномъ „Описаніи русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума“ (Спб. 1842), гдѣ въ описаніи Пролога (№ 319) южнаго (т. е. югославянскаго) письма XIII-XIV в. подъ 3 мая (л. 110 об.) отмѣчено житіе Феодосія Печерскаго[3]). Другой, также „южный“, текстъ XIV вѣка того же житія, опять таки въ Прологѣ, но подъ 4-мъ мая, отмѣченъ А. Н. Поповымъ въ „Описаніи рукописей А. И. Хлудова“ (М. 1872) по рукописи № 189 (л. 141)[4]). Больше югославянскихъ списковъ этого житія, при томъ древнихъ, мнѣ не извѣстно.

При первой попыткѣ объяснить появленіе русскаго житія въ переводномъ съ греческаго Прологѣ, возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи это житіе Феодосія находится къ остальнымъ житіямъ, какъ греческимъ, такъ и не греческимъ, составляющимъ древнѣйшую редакцію славянскаго Пролога? Уже А. Х. Востоковъ (у. с., стр. 452) замѣтилъ необычный для Пролога объемъ житія Феодосія въ рук. Рум. Муз. 319: это „есть пространнѣйшая въ настоящемъ Прологѣ статья, ибо занимаетъ въ ономъ $6^1/_2$ страницъ; статьи о греческихъ святыхъ[5]) заклю-

[3]) Ранѣе А. Х. Востокова упомянулъ глухо объ этомъ житіи К. Калайдовичъ въ своемъ „Іоаннѣ Экзархѣ“ (Спб. 1820, стр. 90—91). Изъ послѣднихъ упоминаній о немъ, вмѣстѣ съ Хлудовскимъ текстомъ № 189, можно указать на Н. К. Никольскаго въ его „Матеріалахъ для поврем. списка“, стр. 411.

[4]) Подобныя перемѣщенія памятей на ближайшее число—дѣло случайности, замѣчаются и въ другихъ случаяхъ въ Прологахъ и значенія не имѣютъ. Житіе въ Хлуд. 189 почти буквально совпадаетъ съ помѣщеннымъ въ Рум. 319.

[5]) Прибавимъ отъ себя: и о другихъ русскихъ святыхъ.

чаются обычно въ нѣсколькихъ строкахъ и рѣдко болѣе полустраницы занимаютъ". Это замѣчаніе А. Х. Востокова, уже одно, наводитъ на предположеніе о томъ, что житіе Феодосія въ югославянскихъ Прологахъ является *вставнымъ*.

Предположеніе это, дѣйствительно, находитъ себѣ оправданіе и въ другихъ фактахъ, касающихся исторіи Пролога: 1) не смотря на всѣ отличія и измѣненія въ текстѣ, сербское житіе Феодосія ясно сохранило свою связь съ извѣстнымъ трудомъ Нестора[6]) (что опять таки, не называя, впрочемъ, имени автора, отмѣтилъ А. Х. Востоковъ, сопоставивши его съ разсказомъ Печерскаго патерика, ibid.); стало быть, вставной характеръ сербскаго житія Феодосія не подлежитъ сомнѣнію и съ этой стороны; греческихъ текстовъ житія Феодосія не извѣстно; его память въ греческомъ Прологѣ отсутствуетъ. 2) Обращаясь къ другимъ югославянскимъ и русскимъ Прологамъ (какъ извѣстно, въ древнѣйшей своей редакціи восходящимъ по переводу къ одному греческому оригиналу), найдемъ и еще подтвержденіе нашему предположенію. Въ древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ югославянскихъ (да и вообще, пожалуй, славянскихъ) Прологѣ половины XIII вѣка Югославянской Академіи (въ Загребѣ, III, с. 6[7]), подъ 3 мая (л. 195 с.) имѣемъ *только память*: „Въ тьжде дьнь паметь прѣподобнаго отьца нашего Ѳеодосия игоумена печерскааго монастыря вь Роусии". Въ томъ же видѣ память Феодосія отмѣчена и въ другихъ югославянскихъ простыхъ (не стишныхъ) Прологахъ[8]) стараго состава, каковы: Хлудова 191 (конца XIV или нач. XV в. среднеболгарскій) л. 135, Уваровскій 973 (70) (XIII вѣка, болгарскій[9]), Бѣлградскій (Народн. библ., 19, XIV в.) л. 56[10]), извѣстный Лѣсновскій (Сербской Акад. Наукъ, 23, XIV в. л. 211 и др.[11]) 3) Наконецъ, если обра-

---

[6]) См. Чтенія Общ. И. и Др. р. 1876 г. кн. 1 или *В. Яковлева* Памятники русской лит. XII и XIII в. (Спб. 1872), стр. 1 и сл.

[7]) Русскіе списки Пролога, мнѣ извѣстные, далѣе конца XII в. (каковъ, напр., Лобковскій—Хлудова 1262 года № 187) не идутъ. Древнѣйшій датированный русскій Прологъ (проф. Баузе 1229 года), какъ извѣстно, погибъ 1812 г.; ср. Н. Каразинъ „Каталогъ сл.-рос. рук. проф. Баузе"—Чтенія О. И. и Д. р. 1862 г., II, стр. 10 (№ 122).

[8]) Въ стишныхъ древнѣйшихъ (XIV в.) этой памяти и вовсе нѣтъ.

[9]) Ср. *Леонидъ*. Опис. рукоп. гр. А. С. Уварова, II (1893), стр. 291.

[10]) О немъ см. *Ю. Даничича* „Пролог на кожи" (Гласник Српског уч. др., X).

[11]) О немъ см. *В. И. Ламанскаго* О нѣкоторыхъ славянск. рукописяхъ... (Спб. 1864), 19 и сл. Въ томъ же видѣ память Феодосія въ дружкѣ Лѣсновскаго Пролога (писанъ той же рукой, тамъ же, вѣроятно, въ Печи), принадлежащемъ проф. Л. Ковачевичу (Бѣлградъ), но съ любопытной припиской, отсутствующей въ Лѣсновскомъ: „пролог писань напрѣдь на конци сихь книгь", Объ этой рук. нѣсколько словъ см. П. А. Сырку „Очерки изъ литер. сношеній сербовъ и болгаръ" (Спб. 1901), стр. CXC, прим. 1; съ хронологическимъ опредѣленіемъ

тимся къ русскимъ спискамъ древнѣйшей редакціи Пролога, то и здѣсь найдемъ косвенное подтвержденіе данному предположенію: вездѣ на это число (3 мая) отмѣчается не просто „память“ Феодосія, а точно: „Оуспение преподобнаго отца нашего Феодосия игоумена печерскаго монастыря“ (Прол. XIII-XIV в. Синод. Моск. библ. 246, л. 85а); и подъ этимъ заголовкомъ помѣщается *иная* статья о Феодосіи, нежели въ упомянутыхъ двухъ сербскихъ спискахъ; эта „иная“ статья вездѣ въ древнѣйшихъ русскихъ спискахъ Пролога одна и таже[12]). Ясно, что въ югославянскихъ текстахъ статья, насъ интересующая, явилась независимо отъ аналогичной (обѣ говорятъ преимущественно о послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ Феодосія) статьи русскаго Пролога. Въ этомъ отношеніи житіе сербское не даетъ и аналогіи къ другимъ русскимъ памятямъ святыхъ, явившимся въ русскихъ текстахъ Пролога, а также въ югославянскихъ: въ тѣхъ и другихъ Прологахъ встрѣчаемъ краткія сказанія: объ убіеніи Глѣба подъ 5 сент.[13]), о кн. Мстиславѣ подъ 15 апр.[14]), о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба подъ 2 мая[15]), о кн. Ольгѣ подъ 11 іюля[16]), о Борисѣ и Глѣбѣ подъ 24 іюля[17]); всѣ эти сказанія, разъ они встрѣчаются въ Прологахъ древняго состава, одинаковы и въ русскихъ и въ

П. А. Сырку этой рукоп. согласиться нельзя: рукоп. Ковачевича онъ считаетъ „подобной“ Рыльскому Панегирику № 62 (а этотъ—1483 г.).

[12]) Напр., мы её находимъ въ Прологахъ: Моск. Типогр. библ. XIII—XIV в. и XIV в. № 168, 171, (л. 27б—28г), 172 (л. 57в,) 173, 179 (л. 76б—77б), Синод. М. библ. 246 (л. 85а), 240 и т. д.. Ея начало: „Въ святыхъ отецъ нашъ преп. Ѳеодосіи бѣ отъ града Василева, бѣста бо родителя его въ вѣрѣ христіанстіи живущи“.... (Синод. 246). Въ сербскомъ начало: „Сь блажены отьць нашь Теодосие бѣ оть единого роустекыхь (sic!) градь нарицаемы Василевьскые роупіскіе области. Юноу же семоу соущоу прѣстависе отьць его“... (Рум. 319, л. 110 об.). О происхожденіи русской статьи о Феодосіи здѣсь говорить не мѣсто; достаточно отмѣтить, что и она восходитъ въ концѣ концовъ къ труду Нестора, что и она, какъ не греческая, внесена въ переводный Прологъ или позднѣе или при переводѣ его; сербская статья не стоитъ, однако, въ зависимости отъ русской проложной статьи.

[13]) Загр. III, с. 6, л. 7 об; Лобков. (Хлуд. 187), л. 2 об., Синод. 839, л. 66 об. Лѣсновск., л. 7 об.; издано по ряду текстовъ русскихъ у Пономарева (Прологъ ч. I.).

[14]) Хлуд. 191, л. 119; Рум. 319, л. 100 об. (издано у Востокова, у. с., стр. 452), Бѣлгр. 19, л. 31, Лѣсновск,, л. 192 об. (издано у Ламанскаго, у. с., стр. 114—115); Типогр. 177, л. 53; Загр. III. с. 6, л. 179.

[15]) Бѣлг. 19, л. 54; Загр. III с. 6, л. 194; Хлуд. 191, л. 134. Въ Рум. 319 лишь *память*.

[16]) Типогр. 173, л. 157 об., Рум. 319, л. 132 (изд. Востоковымъ, у. с., стр. 452—453), Лѣснов., л. 244 (издано Ламанскимъ, у. с., стр. 113). Въ Рум. 319 и Хлуд. 189 сказаніе помѣщено подъ 11 іюня.

[17]) Синод. 240, л. 148 об; Типогр. 177, л. 83; Лѣсн. л. 284 (напечатано у Ламанскаго, у. с., стр. 113-114). Въ Загр. III, с. 6 и Бѣлгр. 19 лишь *память*.

югославянскихъ текстахъ, т.-е. указываютъ на одинъ общій, ближайшій при томъ, источникъ-Прологъ, отъ котораго идутъ дошедшіе до насъ списки.

Т. о. сербское проложное житіе Феодосія можно считать, несомнѣнно, вставнымъ не только по его объему сравнительно съ остальными статьями Пролога, но и по отсутствію для него аналогіи съ другими русскими наслоеніями въ югославянскихъ текстахъ греческаго Пролога. Тѣ же югославянскіе списки Пролога даютъ возможность намѣтить, хотя бы приблизительно, и путь, какимъ это житіе Феодосія могло войти въ упомянутые два списка, Румянцовскій и Хлудовскій: за исключеніемъ этихъ двухъ списковъ, какъ мы видѣли, въ извѣстныхъ до сихъ поръ югославянскихъ Прологахъ отмѣчается лишь *память* Феодосія; т.-е., въ первоначальный переводный съ греческаго текстъ Пролога внесена была подъ 3 мая только память Феодосія, а затѣмъ стало кое-гдѣ извѣстно и его житіе, и оно тогда было помѣщено подъ краткой этой памятью позднѣе, стало быть, и въ тотъ лишь оригиналъ (уже славянскій), съ котораго писались Рум. 319 и Хлуд. 189. Отсутствіе въ первоначальномъ переводномъ текстѣ житія Феодосія находитъ себѣ подтвержденіе въ тѣхъ типахъ, или редакціяхъ, какія представляетъ уже древній югославянскій Прологъ по наличнымъ его текстамъ; присматриваясь внимательно къ этимъ текстамъ[18]), мы найдемъ въ нихъ двѣ разновидности: а) старшую, представляемую Загр. рук. III, с. 6., Бѣлград. 19, Хлудова 191 и др., въ томъ числѣ большинствомъ русскихъ древнѣйшихъ текстовъ[19]), и б) младшую, представителями которой можно счесть: Рум. 319, Хлуд. 189, Лѣсновскій и Ковачевичевскій текстъ и др.[20]). Разница между этими типами старѣйшей редакціи Пролога сводится главн. обр. къ устраненію въ младшей версіи отдѣльныхъ памятей, преимущественно славянскихъ святыхъ, и во внесеніи иныхъ памятей и тропарей въ честь другихъ славянскихъ же святыхъ, преимущественно болгарскихъ, или такихъ, которыхъ память связана съ исторіей второго Болгарскаго царства[21]); есть

---

[18]) Подробнаго анализа ю. сл. и русскихъ текстовъ не привожу: это должно составить предметъ спеціальной работы; привожу лишь тѣ результаты анализа, которые мною получены, и то только тѣ изъ нихъ, которые нужны для настоящей замѣтки.

[19]) Всѣ извѣстные русскіе тексты Пролога уже осложнили первоначальную основу нарощеніями въ видѣ нравоучительныхъ разсказовъ, поученій, размѣщенныхъ подъ числами; но основа эта ясно еще видна, если удалить эти наслоенія; въ рѣдкихъ спискахъ (напр., Типогр. библ. 171) это особенно наглядно: поученіи и разсказы помѣщены въ видѣ 2-й части Пролога въ концѣ его.

[20]) Архіеп. Сергій (Полный мѣсяцесловъ Востока, 2 изд. (Владимиръ 1901), I, 304) этихъ разновидностей не различаетъ.

[21]) Напр., добавлены въ Рум. 319: Ахиллій Ларисскій (подъ 15 мая), Іоаннъ Рыльскій (19 окт.), св. Петка (14 окт.), Петръ, царь болг. (30 янв.); отпущены;

различія и въ чтеніяхъ самыхъ сказаній, хотя и младшая версія сохраняетъ въ основѣ старый переводъ; эти различія производятъ впечатлѣніе пересмотра, редактированія стараго текста примѣнительно къ новымъ условіямъ и въ связи съ новой справой по греческимъ текстамъ, нѣсколько отличнымъ въ чтеніяхъ отъ стараго оригинала. Житіе Феодосія нашлось, какъ разъ, въ младшей разновидности Пролога, и то не во всѣхъ его спискахъ; стало быть, внесено оно было уже послѣ образованія этой версіи. Время же образованія ея опредѣляется приблизительно эпохой второго Болгарскаго царства (конецъ XII и начало XIII в.) и объясняется условіями литературы болгарской этого времени. Это даетъ terminus post quem для времени внесенія житія Феодосія въ югославянскій Прологъ; terminus же ante quem опредѣляется пока временемъ дошедшихъ до насъ текстовъ: обѣ рукописи, Рум. 319 и Хлуд. 189, относятся къ первой половинѣ XIV вѣка [22]).

Путь, которымъ житіе Феодосія проникло къ югославянамъ, отчасти опредѣляется опять таки тѣми же двумя рукописями: обѣ онѣ по письму — сербскія, но съ явными чертами болгаризма въ языкѣ (что и было въ свое время отмѣчено для Рум. 319 А. Х. Востоковымъ); м. б. писаны онѣ съ болгарскаго оригинала, или же, подобно Лѣсновскому и Ковачевичеву текстамъ, въ мѣстности, гдѣ обѣ струи, сербская и болгарская, смѣшивались и слабо разграничивались въ языкѣ и письмѣ, напр., тамъ же въ Печи, гдѣ возникли Лѣсновскій и Ковачевичевскій тексты, того же времени и отчасти того же характера по языку. Эта черта языка проходитъ и въ житіи Феодосія по обоимъ спискамъ. Отсюда съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можно заключать, что и наше житіе перешло или черезъ болгарскій текстъ, или же попало прямо изъ русскихъ текстовъ въ младшую версію Пролога путемъ переработки въ той мѣстности, куда ведутъ перечисленныя рукописи Прологовъ, гдѣ то на юго-западѣ Болгаріи, близъ Македоніи. Какое рѣшеніе дилеммы надо считать лучшимъ, пока сказать затрудняюсь; несомнѣнно одно: это—болгарское посредство въ томъ или иномъ видѣ.

Изъ сказаннаго выше ясно еще и то, что появленіе житія Феодосія на югѣ славянства ближайшимъ образомъ связано съ наличностью памяти Феодосія подъ 3-мъ мая въ основномъ, старшемъ, типѣ Пролога.

Кириллъ Словянскій, Савва Сербскій и др.. Тропари (стало быть въ связи съ церковнымъ празднованіемъ) старые опущены, частію замѣнены новыми, частью добавлены.

[22]) Опредѣленіе А. Х. Востокова (у. с., стр. 447), относящаго рук. къ концу XIII или началу XIVв., должно быть исправлено; Хлуд. текстъ, писанный, если не тѣмъ же писцомъ, то несомнѣнно въ то же время, относится къ первой половинѣ XIV в.. Кстати: въ болгар. текстѣ XIII в. (Уваровскомъ 973)— житія еще нѣтъ.

Какъ память не греческая, она должна быть считаема, подобно другимъ упомянутымъ русскимъ и славянскимъ памятямъ въ Прологѣ, привнесенной въ греческій текстъ при его переводѣ или вскорѣ послѣ этого: въ греческихъ текстахъ эта память отсутствуетъ [23]). Если эта сторона вопроса о житіи и памяти Феодосія представляется болѣе или менѣе ясной, то вопросъ о томъ, *гдѣ* и *когда* внесена эта память въ славянскій Прологъ, остается открытымъ: внесена ли она на Руси и отсюда перешла на югъ, или независимо явилась на Руси и у югославянъ, или же наконецъ она явилась при самомъ переводѣ Пролога на славянскій? Вопросъ этотъ осложняется еще однимъ общимъ, до сихъ поръ не рѣшеннымъ вопросомъ, именно: о времени и условіяхъ перевода самого Пролога. Особенности языка, въ частности лексики, перевода Пролога [24]) дѣлаютъ этотъ послѣдній вопросъ еще труднѣе: при общемъ характерѣ перевода, указывающемъ на XI—XII вѣкъ югославянства (даже, б. м., точнѣе Болгаріи) въ текстахъ *переводныхъ* его статей (напр. подъ 14 янв.—объ отцахъ, въ Синаѣ убіенныхъ) находимъ во всѣхъ югославянскихъ текстахъ несомнѣнные руссизмы [25]). Отлагая на будущее время окончательное рѣшеніе этого важнаго вопроса, ограничусь лишь указаніемъ, что въ старѣйшемъ намъ доступномъ путемъ реконструкціи намѣченныхъ списковъ текстѣ перевода (совершеннаго, какъ я полагаю, на югѣ славянства, или въ Константинополѣ, или на Аѳонѣ, колективно нѣсколькими лицами, въ числѣ коихъ былъ и русскій человѣкъ) текстѣ, послужившемъ источникомъ дошедшихъ до насъ рукописей, были уже русскія памяти, по крайней мѣрѣ двѣ—три, а въ числѣ ихъ и Феодосія и кн. Мстислава. Внесеніе этихъ памятей могло произойти не ранѣе начала XII вѣка, потому что въ 1108 г. установлено общее соборное празднованіе Феодосію Печерскому [26]),

---

[23]) Сужу по послѣднему капитальному изданію греческаго Пролога, сдѣланному *Hyp. Delehaye* (Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae—Propylaeum ad A. SS. Novembris—Bruxell. 1902).

[24]) О нихъ см. *А. Х. Востокова* у. с., стр. 454; ср. *П. А. Сырку* Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в., I, (Спб. 1899), стр. 467; *П. А. Лаврова*, Научная дѣят. Сырку—Ж. М. Н. П. 1906., II, 71.

[25]) Это обстоятельство дало поводъ архіеп. *Сергію* (см. Св. Андрей, Христа ради юродивый, и праздникъ Покрова—въ „Странникѣ“ 1898 г. и отд. стр. 57) утверждать положительно, но неубѣдительно, что переводъ Пролога совершенъ на Руси въ половинѣ XII в.. *Е. Е. Голубинскій* (Ист. ц., изд. 2-е, I, 1, стр. 915) осторожно, но неопредѣленно въ то же время, предполагаетъ, что переводъ сдѣланъ „болгарами или нами самими въ самое первое время нашего христіанства“.

[26]) *Е. Е. Голубинскій*. Исторія канонизаціи рус. св., изд. 2, стр. 51. Впрочемъ, по словамъ того же Е. Е., мѣстное, монастырское чествованіе Феодосія въ Печерскомъ мон. могло имѣть мѣсто и ранѣе, вскорѣ послѣ кончины Феодосія († 1074): житіе его написано Несторомъ, какъ извѣстно, до 1091 года. Ср. *Сергія*, Прав. мѣсяц. Востока, изд. 2, II, 129.

а Мстиславъ канонизованъ вскорѣ послѣ смерти († 1132)[27]. Стало быть, если Прологъ и переведенъ въ Россіи, память Феодосія скорѣе всего внесена въ него въ Россіи же и отсюда вмѣстѣ съ Прологомъ перешла къ югославянамъ; если же переводъ сдѣланъ на югѣ славянства въ XII вѣкѣ (какъ я предполагаю), то память Ф. придется признать внесенной при переводѣ, м. б.; однимъ изъ русскихъ участниковъ перевода, и уже такой Прологъ перешелъ на Русь; этимъ то (если принимать мое предположеніе) и объяснится то, что въ русскихъ Прологахъ и югославянскихъ чтенія о Феодосіи оказались различными: когда на Руси стали пополнять Прологъ сказаніями (и м. б. поучительными статьями), русскіе редакторы вставили упомянутое выше свое сказаніе о Феодосіи къ памяти 3-го мая, а югославяне либо сперва ничего не вносили, либо добавили иное сказаніе, но лишь какъ индивидуальную особенность какой либо группы текстовъ, къ которой относятся знакомые уже намъ Рум. 319 и Хлуд. 189.

Приблизительно въ такомъ видѣ, конечно, въ видѣ лишь предположенія, представляется мнѣ исторія памяти и связаннаго съ нею житія Феодосія Печерскаго у югославянъ. Интересующее насъ житіе по своему составу представляетъ, несомнѣнно, передѣлку извѣстнаго житія, написаннаго Несторомъ: не смотря на сильное сокращеніе, которому подвергся оригиналъ (это сокращеніе сказалось прежде всего въ устраненіи риторики житія, концентраціи содержанія съ его фактической стороны, приспособленіи этого содержанія къ дню памяти—разсказу о кончинѣ Феодосія, празднуемой 3-го мая), не смотря на это текстъ сербскій сохранилъ даже текстуальную связь во многихъ мѣстахъ съ трудомъ Нестора[28]. Составитель сербской редакціи, ясно, имѣлъ въ виду дать житіе того же типа и характера, какія находятся въ Прологѣ; поэтому, напр., онъ опускаетъ такія, чисто мѣстныя черты, какъ отношенія Феодосія къ великому князю, кромѣ того, мало говорящія югославянину; при всемъ томъ ему не удалось достичь той краткости, которой отличаются греческія проложныя житія: его трудъ вышелъ, хотя и стройнымъ, но объемистымъ сравнительно съ нормой. Русскія проложныя сказанія о Феодосіи, слѣдуя той же тенденціи сокращать, сохранили свои, такъ сказать, болѣе интимныя подробности оригинала; таковы, напр., обстоятельства самой кончины Феодосія.

Въ результатѣ настоящей замѣтки о сербскомъ житіи Феодосія, мы

---

[27]) *Е. Е. Голубинскій* у. с., стр. 58. Память Мстислава, неизвѣстно почему, вскорѣ исчезаетъ изъ Прологовъ; и изъ ряда русскихъ Прологовъ XIII—XIV в. она мнѣ извѣстна въ одномъ только (Типогр. 177), но за то она есть въ цѣломъ рядѣ югославянскихъ—фактъ, нуждающійся еще въ объясненіи.

[28]) Болѣе подробный сравнительный анализъ долженъ найти мѣсто при изданіи сербскаго текста, мною подготовляемаго.

приходимъ къ заключенію: передъ нами довольно древній фактъ перехода оригинальнаго русскаго произведенія кіевской литературы въ югославянскую письменность, т. е., еще одинъ изъ немногочисленныхъ пока случаевъ, на основаніи коихъ вмѣстѣ съ другими подобными, намъ придется, опредѣлять точнѣе взаимныя отношенія между русской литературой и югославянскими древняго періода, придется внести поправку въ нѣсколько одностороннее, до сихъ поръ господствующее представленіе объ этихъ взаимоотношеніяхъ, рисующихъ русскую литературу только получающею отъ югославянъ, а югославянскую только снабжающею новымъ матеріаломъ русскую. Житіе Феодосія, такимъ образомъ, входитъ въ рядъ такихъ памятниковъ, каковы: изъ переводныхъ древняя „Пчела“, изъ оригинальныхъ—сочиненія Кирилла Туровскаго [29]) и упомянутыя статьи и памяти о русскихъ святыхъ въ томъ же переводномъ Прологѣ.

М. Сперанскій.

---

[29]) О той и другихъ см. мое изслѣдованіе „Переводные сборники изреченій“ (М. 1904), стр. 344 и сл..

XXX.

Очеркъ исторіи ландратской переписи (1715—1721 г.).

Первое общее распоряженіе о ландратской переписи относится къ концу 1715 г. По указу 10-го декабря велѣно было ландратамъ «переписать дворы крестьянскіе и бобыльскіе и въ нихъ людей по именомъ». Никакихъ нововведеній эта перепись не вносила, такъ какъ предлагалось переписывать «противъ прежнихъ посланныхъ въ губерніи Его Великаго Государя указовъ въ правду безо всякія утайки и понаровки».

Цѣль новой регистраціи такова: чтобы не было «утайки и понаровки». А для побужденія переписчиковъ къ добросовѣстному исполненію возложеннаго на нихъ дѣла въ указѣ было прибавлено: «для свидѣтельства той ихъ переписки, каково они переписывали, правдою ль, присланы будутъ другіе люди». По окончаніи переписи переписныя книги, съ табелью изъ нихъ, нужно было «прислать въ канцелярію сената немедленно» [1]).

Однако прошелъ весь 1716 г., но ниоткуда не поступало переписныхъ книгъ и сенатъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій объ ускореніи переписи, хотя генералъ-ревизоръ В. Н. Зотовъ дѣлалъ неоднократныя представленія по этому поводу. Такъ по поводу указа 10 декабря въ своемъ изъявленіи отъ 21 февраля 1716 г. Зотовъ запрашивалъ сенатъ: «Другими указами подтвержено ль, понеже въ ближнихъ губерніяхъ по се время переписною управитца мочно» [2]).

---

[1]) Указъ 10 декабря 1715 г. (П. С. З., № 2964); разосланъ былъ онъ по губерніямъ за время съ 15 до 21 декабря, именно, въ Сибирскую губ.—15, Московскую, Архангелогородскую, Азовскую—17, Кіевскую—18, С.-Петербургскую, Казанскую, Нижегородскую—19, въ Рижскую—21 декабря (А. М. Ю., дѣла сената, № 37, л. 1118), такъ что фактически общая перепись не могла начаться раньше 1716 года, хотя до того времени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дворы уже переписывались (Милюковъ, Госуд. хозяйство, 2-ое изд., 407).

[2]) Изъ доношенія В. Зотова Государю (Государ. Архивъ, Каб. Петра, II, № 23 л. 435).

Въ другой разъ, когда сенатъ въ отвѣтъ на челобитье нижегородскихъ посадскихъ людей «о переписке дворового числа вновь по случаю пожарнаго разоренія» опредѣлилъ (1716 г., мартъ): перепись чинить согласно указу 10 декабря, В. Зотовъ снова въ «изъявленіи» обращается съ запросомъ къ сенату: «О полученіи указовъ отвѣтствовано ль, а имянному указу о переписке въ губерніяхъ дворовъ и въ нихъ людей шесть мѣсяцевъ, которой переписке въ ближнихъ губерніяхъ и окончатца было мочно» [1]).

Но уже въ самомъ началѣ 1717 г. сенатъ, имѣя «нужду» въ новой переписи и видя неприсылку «оныхъ переписныхъ книгъ», 2 января постановляетъ: «изъ губерней съ переписныхъ книгъ лантратскихъ копіи и изъ нихъ перечневыя выписки прислать въ канцелярію сената немедленно, понеже въ той переписи обстоитъ нужда» [2]).

Это постановленіе о присылкѣ въ сенатъ копій съ ландратскихъ книгъ было подтверждено указами въ томъ же «717 г. въ разныхъ мѣсяцахъ и числѣхъ» [2]); въ іюлѣ же, очевидно, для ускоренія дѣла прежній указъ былъ нѣсколько видоизмѣненъ: требовалось доставить въ сенатъ уже не копіи, а «подлинныя переписныя ландратскія книги», «учиня изъ нихъ перечневыя выписки и табели со всякою очисткою», «а въ губерніяхъ съ тѣхъ подлинныхъ книгъ и съ выписокъ и съ табелей оставить копіи» [4]). Копіи для своего домашняго употребленія не требовали такой тщательности и аккуратности въ составленіи, какъ экземпляры, которые нужно было по январскому указу представить въ сенатъ.

Не смотря на неоднократные указы, мѣстныя власти переписныхъ книгъ въ сенатъ не присылали. Это дошло до свѣдѣнія Государя, и вотъ онъ самъ изъ Дорта (1717 г., августа отъ 25) посылаетъ сенату указъ: «чтобъ губернаторы всѣхъ лантратовъ по первому зимнему пути выслали въ С.-Петербурхъ съ переписными книгами, что имъ по указу велѣно переписывать крестьянскіе дворы» [5]).

Какъ только этотъ указъ былъ полученъ сенатомъ (25 сент.), сенатъ дѣлаетъ распоряженіе «о высылкѣ изъ губерней лантратовъ

---

1) Тамъ же, № 27, л. 143.

2) А. М. Ю., № 37, л. 1119 и сл.; соотвѣтствующіе указы по губерніямъ были разосланы немедленно же, 3 и 4 января. Примѣрный текстъ указа можно видѣть въ указѣ Архангелогор. вице-губ. П. Лодыженскому (№ 83, л. 566).

3) О подтвердительныхъ указахъ узнаемъ изъ послѣдующихъ указовъ (іюльскаго 1717 г. и январскаго 1720), но текста этихъ указовъ или соотвѣтствующаго сенатскаго постановленія мнѣ найти не удалось.

4) Сенатскій приговоръ отъ 21 іюня (А. М. Ю., № 37, л. 1121 и сл.). Текстъ указа Воронежскому губернатору—тамъ же, № 63, л. 168; Нижегородскому вице-губ. кн. С. П. Путятину—№ 131, л. 697.

5 Взято изъ сенатской выписки (№ 68, л. 65).

въ С.-Петербурхъ съ переписными книгами», указывая, что слѣдуетъ «по отбытіи ихъ въ доляхъ управлять велѣть кампсарамъ» [1]).

Не довольствуясь этимъ, сенатъ принимаетъ и другія мѣры къ тому, чтобы указъ о высылкѣ ландратовъ неукоснительно былъ исполненъ. Такъ, по приказу сената, «посыланъ на дворъ къ московскому губернатору К. А. Нарышкину дьякъ Семенъ Ивановъ и сказалъ ему Великаго Государя указъ, чтобъ онъ, губернаторъ, для исправленія всякихъ губернаторскихъ дѣлъ, ѣхалъ къ Москвѣ и по самому первому зимнему пути той губерніи лантратовъ всѣхъ съ переписными книгами выслалъ въ С.-Петербурхъ, а потомъ ѣхалъ и онъ, губернаторъ, въ С.-Петербурхъ же» [2]).

Также и нижегородскому вице-губернатору кн. Степану Путятину, въ бытность его въ столицѣ, въ канцеляріи сената «былъ сказанъ Е. В. Государя указъ», «о высылкѣ въ С.-Петербурхъ всѣхъ лантратовъ изъ Нижегородской губерніи» «по первому зимнему пути сего 717 году, а потомъ и самому ему въ С.-Петербурхъ быть же» [3]).

Всѣ эти указы не успѣли еще произвести своего дѣйствія, ландраты еще не съѣхались, какъ сенатъ, потверждая свой прежній указъ (отъ 27 сентября), вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ отъ ландратовъ представленія разныхъ вѣдомостей о сборахъ. «Нынѣ же, читаемъ изъ сенатскаго приговора 10 октября, съ собою привесть вѣдомости 715, 716 г. всякимъ денежнымъ зборамъ какъ таможеннымъ и кабацкимъ и табашнымъ, такъ и другимъ оброчнымъ зборамъ и съ купечества и съ крестьянства порознь по зборамъ, прописавъ оклады, и въ томъ числѣ, что въ которомъ году взято и въ доимкѣ» [4]).

Не было ничего удивительнаго, что ландраты, отъ которыхъ потребовали новыхъ и довольно сложныхъ вѣдомостей, въ Петербургъ не являлись и переписныхъ книгъ не присылали. Тогда сенатъ 23 января 1718 г. постановляетъ: «въ губерніи къ генералъ-губернаторамъ и къ губернаторамъ и къ вице-губернаторамъ послать еще указы, чтобъ они по прежде посланнымъ къ нимъ указамъ ландратовъ съ переписными книгами каждой своей доли выслали въ С.-Петербурхъ немедленно,

---

[1]) Сенатскій приговоръ отъ 27 сентября (№ 68, л. 65—6). Соотвѣтствующій указъ уже 28 сент. былъ посланъ въ Нижегород. губ. (№ 631, л. 699).

[2]) Подъ приведенными словами рукою Нарышкина подписано: «октября 2 дня сей Великаго Государя указъ слышалъ губернаторъ Нарышкинъ» (тамъ же, № 126, л. 744).

[3]) Отъ 2 окт. 1717 г. (А. М. Ю., № 131, л. 696).

[4]) А. М. Ю., дѣла сената, № 518, л. 209. Соотвѣтствующій указъ былъ посланъ въ Нижегородскую губернію 31 окт. и подтвержденъ 30 ноября (№ 131, л. 700—2).

и которые поѣдутъ чрезъ Москву, и они-бъ явились въ Москвѣ правительствующему сенату, а которые нынѣ въ Москвѣ, и тѣхъ спросить, что у нихъ тѣ переписные книги готовы ль и изъ нихъ перечневыя выписки и табели учинены ль» [1]).

Но и этотъ указъ успѣха не имѣлъ, давно уже прошелъ «первый зимній путь», а ландраты не пріѣжали. Кромѣ того, что составленіе нѣсколькихъ различныхъ вѣдомостей отнимало много времени и труда, постоянныя текущія дѣла требовали ихъ присутствія на мѣстахъ. На это указывали и сами губернскіе управители. Такъ вышепомянутый Нижегородскій вице-губернаторъ въ доношеніи сенату (отъ 15 декабря 1717 г.) указывалъ, что по высылкѣ ландратовъ и по его отбытіи въ Петербургъ, какъ того требовало сенатское распоряженіе, некому будетъ «отправлять» «всякіе окладные настоящіе и повсягодные и запросные зборы и рекрутскій наборъ» и другія дѣла, «понеже, пояснялъ онъ, въ осталкѣ одинъ лантрихтеръ и тотъ у многихъ особыхъ дѣлъ». Потому кн. С. Путятинъ просилъ сенатъ опредѣлить, «кому (въ канцеляріи Нижегородской губ.) всякое управленіе чинить», такъ какъ своею властью замѣстить себя какимъ-либо «знатнымъ человѣкомъ изъ царедворцовъ» онъ «не смѣетъ» [2]).

Сенатъ въ этотъ разъ не проникся доводами Нижегородскаго вице-губернатора и въ своемъ приговорѣ отъ 24 января 718 г. опредѣлилъ: «князю Путятину и лантратомъ о бытіи въ С.-Петербурхъ чинить по прежде посланнымъ Е. В. Государя указомъ о всемъ неотмѣнно, а по отъѣздѣ ихъ государевы и всякія дѣла управлять лантрихтеру, а въ доляхъ опредѣленнымъ камиссарамъ» [3]).

Однако указаніе Путятина на неудобства при вызовѣ въ сенатъ всѣхъ ландратовъ сразу не было одиночнымъ, а потому въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ сенатское распоряженіе было измѣнено въ томъ смыслѣ, что ландратовъ высылать требовалось не всѣхъ сразу, а въ половинномъ количествѣ. Указъ объ этомъ (отъ 17 февраля) гласилъ слѣдующее: «Губернаторамъ и вице-губернаторамъ, которые одни въ губерніяхъ, быть въ С.-Петербурхъ по прежнему Е. В. Государя указу, а лантратовъ изо всѣхъ губерней въ С.-Петербурхъ съ переписными книгами нынѣ выслать по половинѣ, по ихъ губернаторскому разсмотрѣнію, а другую половину для отправленія всякихъ въ губерніяхъ дѣлъ оставить въ тѣхъ губерніяхъ; а какъ помянутые лантраты изъ С.-Петер-

---

[1]) Тамъ же, № 523, л. 12—14.
[2]) А. М. Ю., № 131, л. 706.
[3]) Тамъ же, л. 707.

бурха будутъ отпущены, и потомъ выслать безо всякого мотчанія и другихъ, которые нынѣ въ губерніяхъ будутъ оставлены» [1]).

Только съ 1718 г. ландраты начинаютъ медленно съѣжаться въ Петербургъ и привозить съ собой требуемыя книги и вѣдомости. Къ концу сентября 1718 г., годъ спустя послѣ указа о высылкѣ ландратовъ, когда близокъ былъ новый «зимній путь», въ сенатѣ перебывала лишь незначительная часть ландратовъ, а именно изъ С.-Петербургской губерніи—1, изъ Архангелогородской—2, изъ Рижской—3, Казанской—6, Московской—9, всего—21 человѣкъ; а изъ другихъ губерній никто не явился [2]).

Въ ближайшіе мѣсяцы ландраты продолжали пріѣжать, но пріѣздомъ своимъ далеко не всѣ исправились. Это было замѣчено генералъ-ревизоромъ В. Зотовымъ, и онъ, зная, что «по многимъ указомъ не исполнено», «господамъ сенаторамъ о такихъ неисправахъ не токмо словесно, но и письменно неоднократно доносилъ». Однако сенаторы не обращали вниманія на его представленія: «тѣ мои доношенія, пишетъ Зотовъ, уничтожены». Тогда В. Н. Зотовъ, по долгу своей службы, обратился къ Государю съ доношеніемъ о «неисправахъ», среди которыхъ, упоминая о переписи, пишетъ: «Перепись ландрацкая началась съ 715 году, чему уже три года, и не только по указу лантраты съ тою переписью по первому зимнему пути 717 году сюда не пріѣхали, но и по се число многіе не бывали» [3]).

Ландратскія книги, не смотря на неоднократные подтвердительные указы [4]), поступали медленно и въ слѣдующемъ 1719 г., хотя сенатъ кромѣ того напоминалъ губернскимъ властямъ послѣ каждаго пріѣзда ландрата. Обычно бывало такъ. Ландратъ, пріѣхавши въ Петербургъ, подавалъ въ сенатъ доношеніе, въ которомъ давалъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ходѣ переписнаго дѣла въ своемъ ландратствѣ, иногда приводилъ итоги своей переписи, сравнивая ея результаты съ числомъ дворовъ и людей переписи 1678, 1710 и другихъ годовъ, въ которые бывала перепись въ его мѣстности; все это дѣлалось въ зависимости отъ того, были у него подъ руками такія свѣдѣнія или нѣтъ.

---

[1]) Въ концѣ указа прибавлено: «также тѣмъ лантратомъ привесть съ собою вѣдомость о зборѣ провіантскихъ денегъ по прежнимъ указамъ» (тамъ же, № 523, л. 136—139).

[2]) Болѣе подробныя указанія о томъ, кто именно въ сенатъ къ концу сент. 1718 г. явился и какого рода распоряженіе отдавалъ сенатъ послѣ такихъ явокъ, можно найти въ сенатской выпискѣ, имѣющейся въ дѣлѣ № 641, л. 331 и сл.

[3]) Доношеніе отъ 10 декабря 1718 г. (Г. А., Каб. П., II, № 36, л. 99).

[4]) «Въ подтвержденіе (указа 25 сент. 1717 г.) послано указовъ: въ Московскую губ.—2, въ С.-Петерб.—4, Архангелогор.—4, Сибир.—4, Казанск.—3, Нижегород.—5, Кіев.—2, Рижскую—5, Азовскую—2» (Изъ сенат. выписки—А. М. Ю., № 660, л. 411).

А затѣмъ шла просьба о томъ, чтобы переписныя книги были приняты и онъ былъ отпущенъ въ свою губернію. Въ канцеляріи сената книги просматривались и если все было въ порядкѣ, то дѣло о явившемся ландратѣ шло въ докладъ, и сенатъ дѣлалъ постановленіе: такого то ландрата «отпустить въ (такую то) губернію по прежнему» [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ всякій разъ напоминалъ: «а достальныхъ лантратовъ... высылать въ С.-Петербурхъ, не мотчавъ».

Но и такія напоминанія не всегда дѣйствовали. Близился къ концу 1719 годъ, переписи съ начала ея истекалъ четвертый годъ, однако она была еще далека до завершенія. Тогда сенатъ приступилъ къ болѣе крутымъ мѣрамъ. Чтобы выяснить неисправныхъ, 1-го октября отдается распоряженіе: «сенатскимъ канцеляристамъ подъ симъ подписать, изъ которыхъ доль и кто лантраты переписныя книги въ сенатъ подали и сколько книгъ и откуда такихъ же книгъ не подано и зачѣмъ, о томъ отвѣтствовано ль» [2]). Со сводкой сообщеній, представленныхъ канцеляристами по отдѣльнымъ губерніямъ, дѣло нѣсколько замедлилось; въ декабрѣ мѣсяцѣ было отдано второе подобное же распоряженіе: «подписать немедленно», кто изъ ландратовъ съ переписными книгами въ Петербургѣ не бывали.

По справкамъ выяснилось, что «изъ губерней въ присылкѣ 344 книги», не прислано же: изъ С.-Петербургской губ. изъ 11 доль, Азовской—изъ 21 города, Рижской—изъ 3-хъ городовъ, Архангелогородской—изъ 3-хъ доль, Московской—изъ 8 городовъ, Казанской—изъ одного города. А изъ Кіевской и Сибирской губерній не только никто изъ ландратовъ не пріѣзжалъ, но и не было сообщено въ сенатъ, кто былъ у переписи [3]).

---

[1]) Ландратамъ давался изъ канцеляріи сената «отпускъ», въ которомъ предписывалось «по городамъ комендантомъ и на заставахъ управителемъ онаго (N) отъ С.-Петербурха до N губерніи пропущать безъ задержанія" (А. М. Ю., № 78, л. 766).

[2]) Тамъ же, № 660, л. 436.

[3]) «А по справкѣ въ сенатѣ переписныхъ книгъ подано: изъ С.-Петербурхской въ присылкѣ изъ 8 доль, подлинныхъ—18, перечневыхъ 8 книгъ.

Не прислано изъ 11 доль, а имянно: изъ Нова-Города и Шелон: пятины—отъ лантрата Ив. Мякинина, изъ Бѣжецкой и Деревской пятинъ—отъ Г. Квашнина-Самарина, изъ Пскова и изъ уѣзду—отъ Вас. Милюкова, изъ Ярославля и Ярославскаго у., изъ Ярославскаго жъ у. Гороцкого и Слюжны становъ—отъ Никиты Квашнина-Самарина, изъ Ярославскаго жъ у. Верховского стану—отъ Льва Мусина-Пушкина, изъ Ярославского жъ у. Едомской и Череможской волостей отъ лантрата Парѳена Захарова, изъ Романова и уѣзду отъ князя Димитрія Нерыцкаго, изъ Торопца и Великихъ Лукъ отъ лантрата Льва Челищева, изъ Пошехонья и уѣзду отъ Ѳедора Сикорскаго, изъ Ямбурга и Копорья и уѣздовъ отъ камисара Рукина.

Отсюда видно, что добрая половина ландратовъ и къ началу 1720 года переписью не исправились. Тогда сенатъ прибѣгаетъ къ экстреннымъ мѣрамъ: 11 января 1720 года, «слушавъ выписки» о неявившихся переписчикахъ, сенатъ приказалъ:

«Лантратовъ, которые переписывали въ губерніяхъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы... выслать въ С.-Петербургъ за карауломъ скованныхъ», а губернскимъ властямъ было сдѣлано предупрежденіе, что за всякое «умедленіе» въ исполненіи этого указа, на нихъ самихъ будетъ «взыскано жестоко» [1]).

Январскій указъ 1720 г. повлекъ за собой усиленный пріѣздъ ландратовъ; если же ландраты не могли по какимъ либо причинамъ пріѣхать сами, то высылались въ сенатъ переписныя книги съ комисса-

---

Изъ Азовской: въ присылкѣ подлинныхъ—39, да перечневыхъ I книга. Не прислано изъ 19 городовъ, а имянно: изъ Чугуева, Шацка, Керенска, Троицкаго Острогу, Верхняго Ломова, Урыва, Красной Слободы, Наровчаторскаго Городища, съ Черни, изъ Новаго Оскола, изъ Тополей, изъ Волуйки, изъ Усерда, изъ Верхососенка, и изъ Полатова, и изъ Костенска. А отъ кого лантратовъ имянемъ не прислано, о томъ въ сенатѣ невѣдомо.

Изъ Рижской: въ присылкѣ подлинныхъ и перечневыхъ изъ 9 лантратствъ 29 книгъ. Не прислано изъ 3-хъ городовъ, а имянно: изъ Зубова, изъ Старицы, изъ Погорѣлого Городища, отъ кого имянемъ лантрата въ присылкѣ нѣтъ, о томъ въ сенатѣ невѣдомо.

Изъ Архангелогородской: въ присылкѣ изъ 7 доль—27 книгъ. Не прислано изъ 3 доль, а имянно, изъ Вологодской отъ Андрея Курбатова, изъ Тотемской отъ Карпа Неелова, изъ Галицкой отъ Петра Лыкова (на поляхъ: „присланы“)

Изъ Московской: въ присылкѣ изъ 19 городовъ—108 книгъ. Не прислано изъ 8 городовъ, а имянно: изъ Ярославца Малого, изъ Можайска, изъ Борисова, изъ Звенигорода, изъ Гремячева, изъ Крапивны, изъ Богородицкаго, изъ Дѣдилова. А отъ кого лантрата имянемъ не прислано, о томъ въ сенатѣ невѣдомо.

Изъ Казанской и изъ бывшей Нижегородской въ присылкѣ подлинныхъ и перечневыхъ 120 книгъ. Не прислано изъ Болохонскаго у., изъ Боровской доли отъ лантрата Степана Нестерова.

Изъ Кіевской: переписныхъ книгъ ничего не прислано, а губернаторъ отвѣтствовалъ, что лантраты забраны въ Курскъ къ Головину многіе и держались за карауломъ. Кто лантраты у переписи были, о томъ невѣдомо.

Изъ Сибирской: переписныхъ книгъ не прислано и не отвѣтствовано. Кто лантраты у переписи были, о томъ невѣдомо.

Итого изъ губерней въ присылкѣ—344 книги. Не прислано: С.-Петербургской изъ 11 доль, Азовской изъ 21 города, Рижской изъ 3-хъ городовъ, Архангелогородской изъ 3-хъ доль, Московской изъ 8 городовъ, Казанской изъ 1 города.

А изъ Кіевской и изъ Сибирской ничего не прислано и кто были у переписи, о томъ въ сенатъ вѣдѣнія не прислано“. (Изъ сенатской выписки, послужившей основаніемъ для приговора 11-го января 1720 г.— А. М. Ю., № 660, л. 411—415).

[1]) Сенатскій указъ отъ 15 января 1720 г. (А. М. Ю., № 191, л. 1).

рами, дворянами—переписчиками, а иногда и просто съ подьячими, бывшими у переписи. Къ іюлю мѣсяцу переписныя книги уже были «въ присылкѣ изо всѣхъ городовъ» Московской губ., Архангелогородской и Смоленской. Изъ Казанской и Нижегородской, Азовской были присланы почти всѣ книги, за исключеніемъ двухъ мѣстъ (Балахонскаго у. Боровской доли и города Ливенъ). Болѣе неисправными оказались Кіевская губернія, не прислављая переписныхъ книгъ изъ 7 мѣстъ, и Петербургская—изъ 9 долей. Сибирская же губернія не прислала ни одной переписной книги [1]).

Этимъ и закончилась присылка книгъ. О неисправныхъ переписчикахъ еще долгое время продолжалась переписка: сенатъ требовалъ ихъ высылки, а губернскія власти или не могли этого сдѣлать по разнымъ причинамъ или оттоваривались и представляли въ С.-Петербургъ длинныя объясненія. Изъ этой переписки видно, что нѣкоторые ландраты, переписывавшіе дворы, умерли, не докончивъ начатаго дѣла, на другихъ тамъ же возложены были иныя обязанности, а многіе были

---

[1]) Изъ Кіевской губ. было прислано 26 книгъ, а «не прислано книгъ изъ городовъ: бѣлевскихъ, болховскихъ, чернскихъ, орловскихъ, мценскихъ».

Изъ С.-Петербурга были доставлены книги изъ Романова и Пошехонья, изъ остальныхъ же 9 долей, указанныхъ въ прежнемъ реестрѣ, книги не были присланы (№ 660, л. 423—432, гдѣ помѣщенъ «Реестръ о лантратскихъ книгахъ», въ которомъ по губерніямъ сообщается о томъ, откуда и сколько переписныхъ книгъ прислано и откуда не прислано).

Ландратскія книги, согласно сенатскому постановленію отъ 4 марта 1719 г., должны были быть отправлены на храненіе въ камеръ-коллегію. Однако онѣ до іюня мѣсяца 1721 г. все еще лежали въ канцеляріи сената, и только послѣ просьбы со стороны камеръ-коллегіи (доношеніе отъ 31 марта) состоялся 19 іюня приговоръ сената, подтверждавшій его прежнее постановленіе: „переписныя ландратскія книги и перечневыя выписки и табели по прежнему ихъ прав. сената приговору отослать въ камеръ-коллегію“; куда былъ посланъ (21 іюня) соотвѣтствующій указъ съ сообщеніемъ, что «переписныя ландратскія книги посылаются при семъ указѣ съ особыми по губерніямъ реестрами».

Изъ сенатской справки, предшествующей сенатскому приговору, видно, что къ тому времени въ канцеляріи сената переписныхъ книгъ изъ губерній оказалось «въ присылкѣ: изъ Кіева переписныхъ 24, перечневыхъ 2; изъ СПБургской—подлинныхъ 27, перечневыхъ 11; изъ Арханг.—подлин. 38, перечн. 5; Казанской—подлин. 70, перечн. 32; изъ Нижегород.—подлин. 19, перечн. 12; Смоленск.—подлин. 19, перечн. 12; Москов.—подлин. 66, перечн. 51, табелей 54; Азовской—подлин. 59, перечн. 3. Всего подлинныхъ 322, перечн. 129». (А. М. Ю., № 660, л. 420, 434—5).

Въ настоящее время ландратскія переписныя книги хранятся въ Москов. Архивѣ Мин. Юстиціи; по списку, имѣющемуся въ Архивѣ, ихъ насчитывается до 330 (нѣсколько меньше сравнительно съ числомъ, указаннымъ Ивановымъ въ Описаніи разр. архива старыхъ дѣлъ); на самомъ же дѣлѣ ихъ гораздо меньше: добрая половина книгъ „ландратскихъ“ по времени и по содержанію не соотвѣтствуютъ своему названію.

или совсѣмъ удалены отъ должности или же переведены въ другіе города и уѣзды. Какъ разъ годы собиранія переписныхъ книгъ (1718—1721) совпали съ ломкой провинціальной администраціи, когда одни учрежденія и должности упразднялись, другія же вводились въ жизнь; старый порядокъ прекращался, а новый еще не былъ введенъ, когда, по словамъ московскаго губернатора, «все стало въ остановкѣ, и не точію по новому манеру, но и по старому сбирать стало невозможно» [1]).

Особенно много хлопотъ доставила сенату Великолуцкая провинція, изъ которой, не смотря на неоднократныя распоряженія, переписныхъ книгъ не присылали, а представляли пространныя объясненія. Послѣ одного изъ такихъ объясненій, отчаявшись завершить дѣло, а также зная, что со взятіемъ подушныхъ сказокъ дворовая перепись уже теряетъ свое прежнее значеніе, сенатъ въ сентябрѣ 1721 г. опредѣлилъ: «оную перепись отставить», переписныя книги—присылать въ камеръ-коллегію, а «которыхъ городовъ, селъ и деревень той переписи не учинено, о томъ въ ту коллегію прислать вѣдомости» [2]).

Такъ не совсѣмъ удачно окончилась ландратская перепись. Тянулась она почти 6 лѣтъ (считая съ 10 декабря 1715 г. по сентябрь 1721); благодаря своей продолжительности она пережила ту цѣль, для которой предназначалась: если бы даже ландратская перепись и показала въ своихъ итогахъ дѣйствительное количество дворовъ, то ея цифры уже не были необходимы для обложенія, такъ какъ въ 1721 г. заканчивался пріемъ сказокъ о душахъ мужскаго пола и вскорѣ предполагалось ввести новую податную систему.

Однако собирая цифры о душахъ, правительство думало объ итогахъ и ландратской переписи. Еще въ 1717 и въ 1718 г. оно неоднократно въ своихъ распоряженіяхъ указывало, что въ этой переписи «обстоитъ нужда»; позднѣе же, въ 1719 и 1720 году, когда сказки о душахъ собирались у В. Н. Зотова, сенатъ одновременно торопилъ ландратовъ съ представленіемъ переписныхъ книгъ и заявлялъ, что эти книги нужны «для сочиненія генеральной табели». Была ли «сочиняема» такая табель или нѣтъ—неизвѣстно, скорѣе всего—нѣтъ, но что сенатъ хотѣлъ подвести итоги ландратской переписи и узнать точно цифры дворовъ и людей—это ясно видно изъ его указа 15 января 1720 года и изъ дальнѣйшихъ многочисленныхъ указовъ, когда сенатъ, въ отвѣтъ на представленія изъ губерній, отдавалъ приказъ—всѣми мѣрами перепись окончить и переписныя книги представить въ сенатъ. Эта настойчивость сената разбилась лишь послѣ долгой мелочной переписки, когда выяснилась вся трудность сбора остальныхъ неприсланныхъ ландратскихъ книгъ.

М. Клочковъ.

---

[1]) См. объ этомъ у М. М. Богословскаго, Областная реформа, 74—75.
[2]) А. М. Ю., № 191, л. 278.

XXXI.

Къ исторіи русской грамматики и грамматической терминологіи.

Схемы, термины и опредѣленія русской грамматики восходятъ, какъ извѣстно, къ двумъ источникамъ. Съ одной стороны, южные славяне и древняя Русь получили наслѣдіе греческой науки непосредственно путемъ перевода соотвѣтственныхъ трактатовъ на славянскій языкъ, а, съ другой стороны, въ XVI в. попала въ Москву въ переводѣ толмача Дмитрія Герасимова латинская элементарная грамматика, такъ называемый Донатъ. На западѣ существовалъ рядъ учебниковъ латинскаго языка въ діалогической формѣ извѣстныхъ подъ этимъ именемъ, ставшимъ нарицательнымъ изъ собственнаго, принадлежавшаго ученому IV в. (Ягичъ, Разсужденія старины о церковно-славянскомъ яз.—Изслѣдованія по русскому яз., изданіе Отд. р. яз. и слов., Спб. 1895, стр. 812 сл.). Одно изъ такихъ руководствъ и было переведено Дмитріемъ Герасимовымъ. Было бы, однако, ошибочнымъ мнѣніе, что эта новая струя грамматической мудрости была чѣмъ-то совершенно новымъ для русскихъ книжниковъ того времени. Латинская грамматика является, какъ намъ хорошо извѣстно, перенесеніемъ результатовъ греческой науки на италійскую почву съ нѣкоторымъ приспособленіемъ къ особенностямъ латинскаго языка. Съ теченіемъ времени работа римскихъ ученыхъ перешла къ новымъ европейскимъ народамъ, которые получили наслѣдіе античной греческой мысли въ области грамматики въ отличіе отъ южныхъ и восточныхъ славянъ не непосредственно. По отношенію къ этимъ послѣднимъ возникаетъ интересный вопросъ, какіе результаты имѣла здѣсь встрѣча двухъ теченій, двухъ варіантовъ, восточнаго и западнаго. Не имѣя возможности представить въ настоящее время исчерпывающаго изслѣдованія на эту тему, я ограничусь разсмотрѣніемъ лишь нѣкоторыхъ характерныхъ явленій въ предѣлахъ грамматики русскаго языка и ея предшественницы—грамматики церковно-славянской.

Въ переводной съ греческаго статьѣ „о восьми частяхъ слова“, авторомъ которой считали безъ достаточныхъ основаній, какъ мы это теперь знаемъ *), Іоанна Дамаскина, между тѣмъ какъ самый переводъ нерѣдко приписывали Іоанну экзарху, мы находимъ слѣдующіе термины, обозначающіе части рѣчи: имя, рѣчь, причастіе, различіе, мѣсто имени (мѣсто имене), предлогъ, нарѣчіе (нарѣченіе), союзъ. Во избѣжаніе недоразумѣній спѣшу оговориться, что я привожу здѣсь термины въ современной намъ орѳографіи и въ скобкахъ указываю лишь словесные (не орѳографическіе) варіанты рукописей. Точно такъ же я оставляю въ сторонѣ вопросъ о подлинникѣ упомянутой статьи и отсылаю къ изслѣдованію Ягича, который на основаніи имѣвшихся въ его распоряженіи данныхъ считаетъ ее компиляціей изъ позднихъ греческихъ источниковъ, составленной въ Сербіи въ XIV в. Дѣлаю это потому, что для меня въ данный моментъ важенъ только несомнѣнный фактъ греческаго происхожденія нашего источника.

Принимая тѣ же восемь частей рѣчи, которыя опредѣляла для своего языка греческая грамматическая традиція, книжникъ-славянинъ, переносившій схему своего источника на новую почву, естественно долженъ былъ очутиться въ затрудненіи, какъ быть съ частью рѣчи, именуемою ἄρθρον. Въ своихъ источникахъ онъ находилъ указаніе на то, что ἄρθρον извѣстно двоякаго рода: προτασσόμενον (предчинное) и ὑποτασσόμενον (подчинное). Подъ послѣднимъ греческая грамматика понимала относительное мѣстоименіе, существующее и въ славянскомъ языкѣ; „предчинному“ же члену на славянской почвѣ соотвѣтствія не оказывалось, поэтому пришлось для спасенія схемы искусственно считать то же самое подчинное **иже, иже, іеже** предчиннымъ. Далѣе, какъ уже указалъ Ягичъ (l. c. 352—353), славянскій переводчикъ слѣдовалъ той школѣ, которая считала главною ролью члена обозначенія рода имени, противъ чего особенно сильно возражалъ Аполлоній Дисколъ: 1) нѣтъ вообще ни одной части рѣчи, которая бы служила для устраненія двусмысленности другой части рѣчи, и 2) членъ въ нѣкоторыхъ формахъ не даетъ указаній на родъ имени, напр. τῶν (*Steinthal, Gesch. d. Sprachw.* II², p. 307). Указанною выше теоріею объясняется, надо думать, и самъ терминъ „различіе“. Слабый проблескъ самостоятельной наблюдательности переводчика, по выраженію Ягича, сказался при этомъ въ томъ, что онъ признаетъ ненужность члена при имени въ косвенныхъ падежахъ.

Различіе, какъ особая часть рѣчи, продолжала фигурировать вплоть до Мелетія Смотрицкаго, который выбросилъ за бортъ эту несвойственную славянскому языку категорію (Ἄρθρον: сирѣчь часть слова, различіе называемую, Славенскому языкови не свойственну оставихомъ, мѣсто-

*) Ягичъ, Разсужденіе, стр. 327 сл.

имѣнію долгъ ея доволнѣ исполняющу). Интересно отмѣтить, что московская передѣлка грамматики Смотрицкаго вновь ввела различіе, устранивъ введенное Смотрицкимъ междометіе.

О междометіи этотъ послѣдній говоритъ: „Во осмую же слова часть, междометіе, Латински *interiectio* называемую, свойственнѣ пріяхомъ". Въ упомянутомъ выше Донатѣ мы находимъ терминъ различіе въ соотвѣтствіи съ латинскимъ *interiectio*. Очевидно, Дмитрій Герасимовъ воспользовался извѣстнымъ ему словомъ, давъ ему при этомъ новое значеніе. Интересно отмѣтить, что у Ломоносова мы находимъ „междуметіе", тогда какъ „междометіе" Смотрицкаго образовано по типу славянскихъ сложныхъ словъ съ сложными основами, гдѣ первая основа оканчивается на *о*. Выдѣленіе междометія въ особую часть рѣчи было сдѣлано на римской почвѣ, и съ этихъ поръ оно фигурируетъ во всѣхъ грамматикахъ, хотя, какъ мы теперь знаемъ, междометіе, какъ классъ знаковъ языка, не можетъ быть соотносительно съ классами: имя, глаголъ и т. д., уже по той причинѣ, что сюда относятся знаки чувствъ, а то—знаки предметовъ мысли.

Что касается причастія (μετοχή), то эта часть рѣчи является и у латинскихъ грамматиковъ (participium). Еще Ломоносовъ сохранилъ причастіе въ качествѣ особой части рѣчи, хотя и съ другимъ опредѣленіемъ „причастіе для сокращенія, соединеніемъ глагола и имени въ одно реченіе". Греческая и латинская традиція опредѣляла причастіе, какъ часть рѣчи, участвующую въ свойствахъ глагола и имени, при чемъ латинская грамматика пошла дальше, указывая точнѣе, что̀ именно является у причастія общаго съ глаголомъ и съ именемъ. Затрудненіе, въ которомъ находится грамматическая традиція объясняется очень просто: причастіе по однимъ формамъ принадлежитъ къ прилагательнымъ, по другимъ къ глаголамъ; ясно поэтому, что оно и не будетъ находить себѣ надлежащаго мѣста, пока не будетъ устранено изъ ученія о частяхъ рѣчи недопустимое смѣшеніе принциповъ дѣленія (форма, значеніе, роль въ предложеніи). Впрочемъ, нужно сказать, современная школьная теорія послѣдовательнѣе греческой въ одномъ пунктѣ: причастіе, какъ и неопредѣленная форма, одинаково относятся къ глаголу, тогда какъ греки выдѣляли причастіе въ особый классъ, оставляя неопредѣленную форму при глаголѣ.

Терминъ мѣстоименіе мы находимъ уже у Смотрицкаго. Зизаній пробовалъ замѣнить прежнее реченіе мѣсто имени сложнымъ словомъ мѣстоимя. Въ Донатѣ мы находимъ вслѣдствіе невѣрнаго пониманія латинскаго слова *pronomen*—проименіе.

Терминъ рѣчь, соотвѣтствующій греч. ῥῆμα, въ Адельфотисѣ замѣненъ терминомъ глаголъ, который мы находимъ у Мелетія Смотрицкаго

и въ дальнѣйшей грамматической литературѣ. Въ Донатѣ при рѣчь мы находимъ и терминъ слово (лат. verbum).

Что касается терминовъ предлогъ, нарѣчіе и союзъ, то они ведутъ свое начало отъ статьи о 8 частяхъ словъ (греч. πρόθεσις, ἐπίῤῥημα, σύνδεσμος). Въ Донатусѣ была сдѣлана попытка передѣлать латинскіе термины *adverbium* и *propositio* словами „предлогъ слову“ и „представленіе“.

Античная грамматика не выдѣляла, какъ мы знаемъ, прилагательныхъ въ особую грамматическую категорію по той причинѣ, что она свои опредѣленія базировала на предшествующей работѣ философовъ, исходившихъ для имени изъ понятіи ποιότης, т. е. изъ обозначенія предмета по его качествамъ.

Новая грамматическая теорія, плохо воспринимающая выводы научнаго языкознанія, различаетъ, какъ мы знаемъ, въ качествѣ особыхъ частей рѣчи „имя прилагательное“ и „имя числительное“. Послѣдняя категорія, является плодомъ чистаго недоразумѣнія, при чемъ русская грамматика XIX в. послѣдовала здѣсь за западными образцами. Слова числительныя—это или существительныя, или прилагательныя. Несклоняемыя числительныя должны быть, понятно, отнесены къ тому классу полныхъ словъ (не частичныхъ, которыми являются предлогъ, союзъ и часть нарѣчій), не имѣющихъ ни падежныхъ, ни личныхъ формъ; сюда же принадлежатъ по этому признаку неопредѣленная форма (отнюдь не наклоненіе) глагола и дѣепричастіе.

Рабское слѣдованіе греческому оригиналу заставило переводчика признать и для славянскаго языка только 5 „падежей“, т. е. падежи: правый, родный, виновный, дательный, звательный (въ подлинникѣ вслѣдствіе иного согласованія: права и т. д.). Что касается перваго термина, то онъ передаетъ греческій терминъ ὀρθή (εὐθεῖα); терминъ „виновный“ соотвѣтствуетъ греческому обозначенію αἰτιατική, которое и римлянами было понято аналогичнымъ образомъ; *accusandi casus* или *accusativus* у Варрона повторяетъ или, лучше сказать, предвосхищаетъ ошибку славянскаго переводчика. Это и неудивительно, такъ какъ сами греческіе грамматики толковали слово αἰτιατική (*sc.* πτῶσις) неправильно, забывъ скоро истинное его значеніе въ данномъ употребленіи и указывая своимъ подражателямъ ложный путь. Штейнталь (*Geschichte der Sprachwissenschaft* I², *p.* 302) совершенно справедливо полагаетъ, что правъ Тренделенбургъ, сопоставляющій этотъ терминъ, введенный еще философами, у которыхъ взяли его грамматики, съ словомъ αἰτιατόν „причиненное“: „*is erit casus qui ad actionis effectum indicandum ratus est, ut eum non accusativum, sed potius effectivum vel causativum reddi opportuerit*“, говоритъ Тренделенбургъ. Интересно отмѣтить, что латинскій грамматикъ Присціанъ, опираясь на греческое толкованіе, вы-

водившее названіе разсматриваемаго падежа между прочимъ изъ такого выраженія, какъ αἰτιῶμαι Ἀρίσταρχον, предлагалъ два термина: *accusativus, sive causativus: accuso hominem et in causa hominem facio* (*Steinthal*, II² p. 266). Что касается слова „родный“, то оно передаетъ греч. γενική, при чемъ и здѣсь греческіе источники, вышедшіе изъ грамматической школы александрійцевъ, навели на ложный путь. Первоначальнымъ значеніемъ этого термина у стоиковъ было, вѣроятно: падежъ, обозначающій родъ (γένος) (*Steinthal*, 265); въ основаніи такого опредѣленія лежатъ извѣстныя въ широкой мѣрѣ въ греч. яз. случаи употребленія этого падежа въ значеніи такъ называемомъ (неправильно) родит. раздѣлительнаго. Діонисій Ѳракійскій терминъ γενική поясняетъ словами κτητική и πατρική. У латинскихъ грамматиковъ являются соотвѣтственно обозначенія: *patricus casus*; *patrius*; *possessivus et paternus*. Такимъ образомъ и здѣсь греческая традиція сама пошла по ложной дорогѣ, на которую естественно вступали и затѣмъ ея переводчики и перелагатели.

Итакъ, славянскій грамматическій трактатъ, о которомъ идетъ рѣчь, воспользовался въ отношеніи ученія о падежахъ готовой схемой, механически пересадивъ ее на родную почву и не замѣтивъ того, что въ данныя рамки не укладывается все разнообразіе соотвѣтствующихъ явленій своего языка. Римляне поступили иначе. Уже Варронъ прибавилъ одинъ падежъ: *sextus casus, qui est proprius Latinus*; впослѣдствіи онъ получилъ названіе *ablativus*, встрѣчающееся у Цезаря, на которомъ и остановились окончательно, послѣ попытки ввести терминъ comparativus. Впрочемъ, какъ указываетъ Штейнталь (II², p. 266), римляне, исходя изъ разнообразія случаевъ употребленія своего „шестого“ падежа, пытались выдѣлить изъ него еще 7 и 8 падежи.

Посмотримъ теперь, какъ отнеслись на Руси къ тому факту, что латинская грамматика, съ которой познакомились, благодаря Димитрію Герасимову (см. выше), знала особый падежъ—*ablativus*, не имѣвшій эквивалента въ греческой теоріи. Въ „Донатусѣ“, изданномъ Ягичемъ по Казанскому списку, мы находимъ слѣдующія названія „падежей“: именовательное, или правое по гречески; родственное, дательное; виновное; звательное и отрицательное. Послѣдній соотвѣтствуетъ латинскому отложительному и поясняется примѣромъ: отъ сего учителя. Изъ дальнѣйшаго обзора склоненій, представляющаго въ дошедшемъ до насъ спискѣ безтолковое, по выраженіи Ягича, перечисленіе латинскихъ формъ въ переводѣ на русскій съ сохраненіемъ кое-гдѣ латинскихъ словъ, написанныхъ славянскими буквами, вытекаетъ съ полною очевидностью, что переводчикъ имѣлъ въ виду именно латинскій аблативъ; въ значеніи творительнаго падежа, латинское magistro и было передано на славянскій языкъ „отъ учителя“, чему конечно способствовало латинское *a*,

ab при творит. ед. въ сочетаніи съ страдательною формою глагола. Само собою разумѣется, что передѣлка „Доната“ имѣла первоначальною цѣлью дать учебникъ латинскаго языка, и только въ рукахъ позднѣйшихъ писцовъ она стала „безтолковымъ“ созданіемъ, не дающимъ знанія ни латинской, ни русской грамматики. Интересно отмѣтить по отношенію къ тому пункту, который насъ интересуетъ въ данное время, что въ концѣ „Донатуса“, въ отдѣлѣ синтактическихъ наставленій, механически передано правило оригинала: *hos casus de pre coram socieque gubernant;* въ латинскомъ текстѣ мы находимъ указаніе на отрицательный падежъ, зависящій отъ предлоговъ, напр., отъ дому, за страхъ, предъ свѣдѣніемъ. Здѣсь слв. *отъ*, очевидно, не въ томъ значеніи, въ какомъ оно дано было раньше.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что знакомство съ латинской грамматикой заставило задуматься людей XVI в. надъ приведеніемъ въ бо́льшій порядокъ и въ бо́льшее соотвѣтствіе съ фактами языка системы склоненій, взятой изъ греческаго. Когда именно и у кого впервые появился терминъ „творительный“ падежъ, сказать трудно. У Лаврентія Зизанія, грамматика котораго вышла въ Вильнѣ въ 1596 г., мы находимъ уже „творительный“ падежъ. Находимъ мы его и въ рукописной передачѣ статьи о восьми частяхъ слова (см. выше), напечатанной у Ягича подъ № 24.

Терминъ „именовательный“ (Донатусъ) падежъ, передающій лат. *nominativus* *), вытѣсняетъ прежнее названіе „правый“, соотвѣтствующее, какъ мы видѣли, греческому ὀρθή; „именовный“ въ Адельфотисѣ и въ грамматикѣ Зизанія замѣненъ уже у Смотрицкаго нынѣ обычнымъ терминомъ „именительный“. „Винительный“ вм. прежняго „винованый“ является у Зизанія. Наконецъ, „родительный“ вм. „родный“ переводныхъ съ греческаго трактатовъ и „родственный“. Донатуса мы находимъ у Смотрицкаго. Наконецъ, у Смотрицкаго является еще сказательный падежъ: „Сказательный есть, имже сказуемъ: яко, о человѣцѣ“. Изъ этого поясненія видно, какимъ образомъ возникъ самый терминъ; путь былъ все тотъ же, знакомый намъ уже по греческимъ образцамъ: названіе для падежа образовывалось на основаніи того или другого случая его употребленія, частью произвольно выхваченнаго изъ ряда другихъ случаевъ. Ломоносовъ въ § 58 своей грамматики говоритъ: „Россійскій языкъ избыточествуетъ передъ прочими, для нѣкоторыхъ предлоговъ, седьмымъ особливымъ падежомъ, который безъ нихъ нигдѣ не употребляется. Напримѣръ: *городѣ, городахъ, рукахъ, побѣдахъ* просто сказать нельзя; но съ предлогами: *въ городѣ, при городахъ, на рукахъ, въ побѣдахъ*. Въ Сла-

*) Лат. *nominativus* передаетъ греч. ὀνομαστική какъ между прочимъ назывался этотъ падежъ.

венской грамматикѣ названъ онъ *сказательнымъ;* но свойственнѣе названъ быть можетъ *предложнымъ*". Любопытно отмѣтить, что въ предшествующемъ § Ломоносовъ, исходя изъ соображеній столь популярной въ XVIII в. „общей грамматики", писалъ: „По самой натурѣ человѣческаго слова всѣ сіи падежи (т. е. 6 падежей латинской грамматики) потребны, при томъ и довольны". Далѣе однако, оказывается, что нѣкоторые языки имѣютъ въ нихъ недостатокъ: „и для того имъ одинъ падежъ вмѣсто двухъ служитъ", а „иные имѣютъ въ томъ избытокъ; и что у протчихъ одинъ падежъ изображаетъ, то въ два раздѣляютъ". Въ этихъ дополнительныхъ замѣчаніяхъ въ сущности содержится опроверженіе общаго соображенія, однако, настолько были сильны предразсудки „философской грамматики", что трезвый умъ Ломоносова не остановился передъ явною несообразностью: всѣ 6 падежей потребны по самой натурѣ человѣческаго слова и ихъ довольно, и, съ другой стороны, въ однихъ языкахъ падежей меньше, въ другихъ больше.

На этомъ мы пока остановимся. Быть можетъ, въ будущемъ представится возможность остановиться и на другихъ сторонахъ русской школьной грамматической теоріи, которая и въ самой жизни должна же наконецъ сдѣлаться предметомъ, имѣющимъ лишь историческое значеніе, уступивъ свое мѣсто новой наукѣ, подобно тому какъ аристотелевская физика уже давно замѣнилась новымъ естествознаніемъ.

В. Поржезинскій.

Май 1909 г.

XXXII.

Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в.

Предметомъ настоящаго очерка является попытка обрисовать одну сторону дѣятельности русскихъ князей XV и первой половины XVI в., дѣятельности ихъ, не какъ владѣтельныхъ государей, а какъ крупныхъ землевладѣльцевъ, хозяевъ и эксплоататоровъ обширныхъ земельныхъ богатствъ и угодій, попытка обрисовать размѣры ихъ хозяйства и характерныя черты ихъ хозяйственныхъ пріемовъ. Я имѣю въ виду при этомъ не мелкія княжества XIII и XIV вв., а тѣ крупные удѣлы, которые сложились къ началу XV в. и отчасти еще существовали въ первой половинѣ XVI. Характерныя стороны этого крупнаго удѣльно-княжескаго хозяйства сохранились и до болѣе поздняго времени, послѣ того какъ всѣ княжества слились въ одно Московское, такъ какъ на мѣстахъ хозяйственный бытъ не сразу измѣнялся, и съ переходомъ того или другого княжества подъ власть великаго князя, княжескія имѣнія мѣняли только хозяина, сохраняя свою прежнюю администрацію и организацію.

Резиденція князя въ XV в., будь то Москва, Переяславль-Рязанскій, Можайскъ или Галичъ, являлась не только политическимъ центромъ государства, но и центромъ обширнаго княжескаго хозяйства, тѣмъ, чѣмъ въ частной вотчинѣ является хозяйскій дворъ, хозяйская усадьба. Въ духовныхъ грамотахъ московскихъ князей Москва-усадьба нерѣдко даже заслоняетъ собою Москву-столицу княжества. Москва XV в. окружена кольцомъ разсыпанныхъ по берегамъ Москвы-рѣки и Яузы селъ, деревень и починковъ, принадлежащихъ великимъ и удѣльнымъ князьямъ; на посадѣ и въ городѣ расположены ихъ дворы, сады и псарни, цѣлыя слободы княжескихъ мастеровъ, огородниковъ, садовниковъ; на Яузѣ, на Неглинной, на Клязьмѣ рядами тянутся княжескія мельницы. Вдоль низкихъ береговъ Москвы-рѣки и Ходынки раскинуты обширные заливные луга и покосы, принадлежащіе имъ. Окрестности Москвы заселены

княжескими оброчниками и купленными людьми, княжескими промышленниками—бобровниками, сокольниками, псарями, конюхами. За Москвой-рѣкой тянутся бортные лѣса Добрятинская борть съ разбросанными по нимъ деревнями княжескихъ бортниковъ (пчеловодовъ). Среди всѣхъ этихъ селъ и деревень, садовъ и огородовъ, псаренъ и мельницъ, Кремль, наполовину застроенный княжескими дворами, съ ихъ службами-дворцами и житницами, съ сокольней и съ дворами портныхъ и мастеровъ, носитъ яркія черты большой усадьбы, господствующей надъ всей этой пестрой картиной княжескаго хозяйства. Такой же характеръ большой усадьбы носили и прочія княжескія резиденціи: въ Переяславлѣ, столицѣ Рязанскаго княжества, тотъ же рядъ княжескихъ дворовъ; подъ городомъ княжескія мельницы, поля и луга; на посадѣ сидятъ принадлежащіе князьямъ рыболовы и ястребники, за городомъ—ихъ бортники окологородные.

Такова общая картина княжескаго хозяйства XV в. На первомъ планѣ въ немъ стоитъ сельское хозяйство. Князья владѣли многочисленными селами съ уѣздами, съ нивами, съ покосами и съ пашнею. Уже Иванъ Калита перечисляетъ болѣе 50 принадлежащихъ ему селъ [1]). У его преемниковъ ихъ было гораздо больше; въ своихъ духовныхъ вел. кн. Василій Васильевичъ упоминаетъ болѣе 125 селъ или даже группъ селъ, принадлежавшихъ ему и членамъ его семьи, не считая тѣхъ которыхъ онъ не называетъ по имени [2]). Такія-же крупныя владѣнья были и у удѣльныхъ князей: Владиміръ Андреевичъ Серпуховской оставилъ своимъ наслѣдникамъ 38 селъ [3]); Юрій Васильевичъ, братъ Ивана III, князь Дмитровскій—31 село [4]); Иванъ Борисовичъ Волоцкій болѣе 50 [5]). Подъ самой Москвой у князей было нѣсколько очень крупныхъ селъ, какъ-то Воронцовское, Воробьевское, Красное село, Семчинское и много другихъ. Отъ Можайской дороги до Тверской, т. е. отъ теперешняго Смоленскаго рынка до Тріумфальной-Садовой, разбросаны были деревни, тянувшія къ селу Кудрину, принадлежавшему въ XV в. удѣльному князю Владиміру Андреевичу, двоюродному брату Дмитрія Донского. Надъ этой сѣтью деревушекъ господствовалъ на Трехъ Горахъ большой дворъ князя съ построенной при немъ церковью [6]). Таковъ обычный типъ княжескихъ селъ въ XV в. Село не представляетъ изъ себя нѣчто цѣлое, это только центръ цѣлой группы выдѣлившихся изъ него починковъ и деревень; деревеньки и селища раскинуты на боль-

---

[1]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 21, 22.
[2]) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 86—87.
[3]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
[4]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 96.
[5]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 132.
[6]) Акты Юрид. Быта II № 178 (II).

шомъ пространствѣ въ его окрестностяхъ. Деревни и починки обычно основывались какимъ-нибудь однимъ выходцемъ изъ княжескаго села и часто носили поэтому названіе своего основателя, напримѣръ Митинъ починокъ, Савельевскій починокъ [7]). Основывались они гдѣ-нибудь на сторонѣ, на дикомъ мѣстѣ, въ лѣсу, очищенномъ, выжженномъ подъ пашню, на что указываютъ такія названія какъ „Паншина гарь“ [8]). Эти деревни, состоявшія по большей части изъ одного или двухъ дворовъ, были связаны съ селами лишь происхожденіемъ, общей администраціей и общей службой. Село съ тянувшими къ нему деревнями и починками образовалъ сельскій „уѣздъ“, который въ административномъ отношеніи группировался вокругъ княжескаго двора, резиденціи княжескаго приказчика-дворскаго. Непосредственное завѣдываніе княжескимъ хозяйствомъ въ селахъ лежало на ключникахъ и на посельскихъ, которые въ теченіе всего XV в. были, по большей части, люди несвободные, холопы князя. Они вели все хозяйство, собирали оброки, хранили запасы хлѣба, судили сельчанъ и причтъ сельской церкви, а сами были подсудны князю; они дѣйствовали вполнѣ самостоятельно, наряжали мельницы (такъ, напримѣръ посельскій великой княгини Маріи Ярославовны нарядилъ ей мельницу подъ Можайскомъ на Москвѣ-рѣкѣ [9]), прикупали даже деревни на имя князя и, вѣроятно, на доходы съ тѣхъ селъ, которыя были подъ ихъ управленіемъ: „что мои ключники некупленые“, пишетъ Владиміръ Андреевичъ Серпуховской: „купили деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтямъ пенадобны, а деревни ихъ тому, въ чьемъ удѣлѣ“ [10]). Ближе, чѣмъ посельскіе и ключники, были къ сельскому населенію старосты, тоже холопы, но, вѣроятно, назначавшіеся изъ числа самихъ сельчанъ [11]). Первоначально княжескія села были населены холопами, „страдниками“; эти „люди полные въ селахъ“ и воздѣлывали княжескую землю. Отъ князя имъ выдавался скотъ, „животина“. „А что у страдныхъ моихъ людей животины, у кого что будетъ моей животины, тому и есть“, пишетъ въ своей духовной верейскій князь Михаилъ Андреевичъ [12]); при всѣхъ пожалованіяхъ „животина“ упоминается какъ принадлежность княжескихъ селъ. На ряду со страдниками на княжеской землѣ упоминаются свободные крестьяне-издѣльники или серебрянники. Ихъ обязанности по отношенію къ землевладѣльцу опредѣляются этими двумя названьями: они обязаны ему работой „издѣльемъ“, и, кромѣ того, уплатой денежныхъ повинностей—„серебра“. Повинности крестьянъ въ XV в. не поддаются точному опредѣленію. Въ се-

---

[7]) Собр. Г. Гр. и Д. 1 № 34.
[8]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
[9]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 87.
[10]) Собр. Г. Гр. и Д. I, № 40.
[11]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 24.
[12]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 121.

лахъ князя Андрея Васильевича волоцкаго, на Вологдѣ и въ Торусѣ за крестьянами числилось княжеское серебро издѣльное и ростовое, сверхъ жита оброчнаго и заемнаго [13]); точно такъ же у Михаила Андреевича верейскаго въ селахъ были „деньги въ ростахъ и въ пашнѣ“ [14]). Изъ этихъ извѣстій явствуетъ, что, садясь на княжескую землю, крестьяне брали у него взаймы денегъ—серебро ростовое („деньги въ ростахъ“) и хлѣбъ—„заемное жито“; кромѣ того платили ему оброкъ хлѣбомъ. Является ли издѣльное серебро („деньги въ пашнѣ“), оброкомъ за пользованіе княжеской землей или формой долга, не можетъ быть выяснено вполнѣ опредѣленно, тѣмъ болѣе, что обѣ формы денежныхъ повинностей, смѣшивались подъ общимъ названіемъ „серебра“. Право выбирать изъ крестьянъ „серебро“ являлось однимъ изъ важнѣйшихъ доходовъ съ селъ и передавалось по наслѣдству и при сдѣлкахъ вмѣстѣ съ селами. Умирая, князья освобождали своихъ страдниковъ и даже надѣляли ихъ скотомъ, а крестьянамъ прощали ихъ долги или недоимки. Такъ великая княгиня Софія Витовтовна велѣла своимъ наслѣдникамъ „половину издѣльнаго серебра христіанамъ-издѣльникамъ отдать, а страдники пойдутъ на свободу“; о своемъ серебрѣ она приказала учинить по обыску: „кто будетъ отъ тѣхъ издѣльниковъ охудѣлъ, а и половины не взможетъ заплатить, и сынъ мой тому велитъ отдать (простить) все серебро, а не охудѣлъ, можетъ заплатить все серебро, и на томъ сынъ мой велитъ издѣльное серебро все взять“ [15]).

Издѣльники и страдники получали участки земли и за это обрабатывали княжескую пашню. О величинѣ княжеской запашки за изучаемый періодъ имѣется очень мало данныхъ; во всякомъ случаѣ она была очень разнообразна: въ началѣ XVI в., Василій Ивановичъ, давъ обѣтъ основать Дѣвичій монастырь, обѣщалъ приписать къ нему одно или два села дворцовыхъ, такъ чтобы получилось 2000 четвертей въ двухъ поляхъ [16]); при селѣ Орудьевѣ великаго князя Ивана IV было только 91 четверть въ полѣ, а всего въ двухъ поляхъ 182 [17]). Урожай весь шелъ въ собственность князя. „А что будетъ въ тѣхъ моихъ селахъ хлѣба стоячаго на полѣ ржи и яри, опричь сѣмянъ ярныхъ, сынъ мой тотъ хлѣбъ велитъ весь продать“, говорится въ духовной великой княгини Софіи [18]). Князья жалуютъ и передаютъ свои деревни „съ хлѣбомъ стоячимъ“ и „съ хлѣбомъ, что въ земли“. Къ работамъ на княжеской пашнѣ привлекались иногда сосѣдніе крестьяне, жившіе на черныхъ зем-

---

13) Собр. Г. Гр. и Д. I № 112.
14) Собр. Г. Гр. и Д. I № 122.
15) Собр. Г. Гр. и Д. I № 83.
16) Собр. Г. Гр. и Д. I № 150.
17) Акты Юридич. Быта I № 30 (IV).
18) Собр. Г. Гр. и Д. I № 83.

ляхъ; дворьскій и старосты и ихъ „заимаютъ“ на „княжее дѣло“ [19]); поэтому въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ, оговаривается, что ихъ крестьяне селъ княжескихъ не пашутъ [20]). Когда наступало время молотьбы, то присылался въ село княжескій подьячій, или сытникъ, или хлѣбникъ, или прикащикъ княжескаго хлѣба молотить и муки крупичатой дѣлать [21]); къ молотьбѣ привлекались окрестные крестьяне: они хлѣбъ княжескій возятъ и молотятъ [22]). Во время молотьбы княжескій, посыльщикъ живетъ на счетъ мѣстныхъ крестьянъ, которые впрочемъ „кормятъ его тѣмъ, что сами ѣдятъ“ [23]). Въ связи съ полевымъ хозяйствомъ князья заводили собственныя мельницы; такъ у московскихъ князей было нѣсколько мельницъ на Неглинной, на Яузѣ (въ селахъ Лучинскомъ и Воронцовскомъ и на устьѣ Яузы) и на Клязьмѣ Черкизовская мельница, къ которой было приписано одиннадцать деревень [24]).

Вмѣсто барщины, а иногда на ряду съ барщиной, въ селахъ собиралось огромное количество „оброчнаго жита“ или „хлѣба посопнаго“ [25]), отчего и сами княжескія села нерѣдко назывались „посопными“. Кромѣ того съ селъ шло много „мелкихъ доходовъ“, т. е. продуктовъ сельскаго хозяйства [26]); такъ съ села Сижковъ князь Константинъ Дмитріевичъ, сынъ Дмитрія Донского получалъ сыры и масло [27]); съ одной изъ деревень Тверского уѣзда въ XVI в. шло съ выти по барану, по полтѣ мяса свиного, по 2 сыра кислыхъ, по 2 гривенки масла коровья, по 2 курицы, по 40 яицъ, по сажени дровъ и по копнѣ сѣна [28]). Собиравшійся въ княжескихъ селахъ хлѣбъ ссыпался въ княжескія житницы; такіе житничные дворы у московскихъ князей стояли въ Кремлѣ [29]); много жита было у верейскихъ князей въ ихъ житницахъ на Бѣломъ озерѣ [30]). Здѣсь хранились подъ вѣдѣніемъ княжескаго дворецкаго, ключника или спеціальныхъ житничныхъ (или городовыхъ) прикащиковъ большіе запасы ржи, овса, пшена русскаго, муки ржаной (простой и ситной), муки овсяной и пшеничной, муки толченой и крупитчатой, крупъ овсяныхъ и гречневыхъ, солода ржаного и ячнаго, отрубей, толокна и т. д.

---

19) А. А. Э. I № 5.

20) Д. А. И. I № 17.

21) А. А. Э. I № 201.

22) А. И. I № 192. (Грамота Ивана IV отъ 1572 г. съ ссылкой на грамоту Василія III).

23) А. А. Э. I № 201.

24) Дух. грамоты князей въ I т. С. Г. Гр. и Д. и въ I т. Д. А. И.

25) Собр. Г. Гр. и Д. I № 112; А. А. Э. I № 276.

26) А. А. Э. I № 276.

27) Карамзинъ, V прим. 122.

28) Сергѣевичъ, Рус. Юр. Др. III стр. 126.

29) Собр. Г. Гр. и Д. I № 83.

30) Собр. Г. Гр. и Д. I № 122.

Все это шло для княжеской кухни: овесъ на браги и на кисели, ржаная мука на кислыя щи. Многочисленные княжескіе хлѣбники, нерѣдко холопы, пекли на весь дворъ хлѣбы черные, калачи и ковриги [31]). Кромѣ того, изъ тѣхъ же запасовъ производились выдачи хлѣба на церкви и на монастыри. Напримѣръ, князь Константинъ Дмитріевичъ далъ Симонову монастырю въ Ржевскомъ уѣздѣ въ своемъ селѣ въ Сижкахъ по вся годы по 20 кадей ржи, да по 10 кадей овса, да по 5 кадей пшеницы [32]). Иногда прикащикъ получалъ приказъ, смоловъ рожь, отвозить ее прямо въ монастырь при посредствѣ тѣхъ же селъ крестьянъ, которые тотъ хлѣбъ пахали [33]). Иногда князь давалъ монастырю грамоту на право „имать хлѣбъ ежегодь“; съ этой грамотой являлся старецъ къ посельскому, который, прочтя грамоту, бралъ съ нея списокъ счета для, а самую грамоту возвращалъ и рожь выдавалъ, хотя и неохотно, судя по тому, что бывали случаи, когда посельскіе старались удержать у себя грамоту [34]). Въ другихъ случаяхъ надо было непосредственно обращаться въ городъ къ дворецкому или ключнику [35]). Выдачи хлѣба даютъ представленье о количествѣ хлѣбныхъ запасовъ въ княжескомъ дворцѣ: Воскресенскому собору на Волокѣ Василій Ивановичъ выдавалъ въ общемъ 118 четв. ржи, столько же овса и 20 четв. пшеницы. Андрей Васильевичъ Углицкій выдавалъ ежегодно въ Кирилловъ монастырь въ Петровъ день 150 четв. ржи и 50 четв. овса [36]); опальной старицкой княгинѣ Евфросиніи въ 1563 г. было послано 119 четвертей различной муки [37]); при Иванѣ III устюжанамъ въ награду за службу было послано 700 четвертей муки [38]).

Въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ князей умѣстнѣе всего упомянуть о княжескомъ огородничествѣ и садоводствѣ. Въ XV в. московскимъ князьямъ принадлежало много садовъ въ Москвѣ и на посадахъ: Глѣбковъ садъ, Бутовъ садъ, Моравіевскій, Чичаковъ, Тереховъ садъ за Неглинной и много другихъ [39]). Работа въ княжескихъ садахъ и огородахъ производилась садовниками и огородниками княжескими, которые упоминаются уже въ договорахъ московскихъ князей въ XIV и XV в.в. и первоначально были, вѣроятно, холопы [40]). Такіе же садов-

---

31) А. И. I № 171, Рус. Ист. Б. II № 32.
32) Карамзинъ V, прим. 122.
33) Р. И. Б. II № 32.
34) Д. А. И. I № 199.
35) А. А. Э. I № 127; Сб. Муханова № 519.
36) А. А. Э. I № 127.
37) А. И. I № 171.
38) Карамзинъ VI, прим. 26.
39) Дух. грамоты князей въ I т. С. Г. Гр. и Д.
40) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 23, 40, 78.

ники были у рязанскихъ князей [41]). Судя по нѣкоторымъ духовнымъ грамотамъ, сады могли также быть какъ бы въ помѣстьѣ за княжескими слугами, въ видѣ награды за службу. Въ садахъ разводились ягоды и плодовыя деревья. Фрукты и ягоды шли въ княжескомъ хозяйствѣ на различные меды, напримѣръ вишни и малина, и на дессертъ—„сласти“; въ великокняжескихъ кладовыхъ хранились цѣлыя ведра яблокъ, грушъ, вишенъ и сливъ [42]). Въ огородахъ разводились овощи: огурцы, дыни, которыя сѣялись съ особеннымъ искусствомъ и заботливостью: складывали въ высокія грядки землю, смѣшанную съ навозомъ, и въ нее зарывали сѣмена [43]); изъ другихъ огородныхъ растеній упоминается конопля, макъ, лукъ, судя по всему—капуста, которая шла на щи [44]).

Говоря о хозяйствѣ въ княжескихъ селахъ, мы уже упоминали о княжескомъ скотѣ. Въ числѣ княжескихъ владѣній нерѣдко встрѣчаемъ обширные заливные луга, которые позволяли князьямъ вести скотоводство, какъ самостоятельную отрасль хозяйства. Подъ Москвою имъ принадлежали большіе луга по Москвѣ рѣкѣ, подъ Крутицами, противъ города (напротивъ княжескаго двора), Самсоновскій лугъ, луга у села Ногатинскаго, Томашинскій лугъ у Перервы [45]). Верейскій князь Михаилъ Андреевичъ владѣлъ обширными пожнями вдоль по Шекснѣ и сосѣднимъ рѣчкамъ [46]). Рязанскому князю Федору Васильевичу принадлежали около Переяславля „поле у города и лугъ [47]). Эти покосы тянулись либо вдоль рѣкъ, представляя изъ себя пространства, заливаемыя водою во время половодья,—„наволоки“, либо низменные берега озеръ—„озерскія пожни“, въ родѣ тѣхъ, что были у Колычевской деревни волоцкаго князя Андрея Васильевича [48]); отличные сѣнокосы были въ болотахъ, наконецъ въ лѣсахъ, въ бору. Эти сѣнокосы давали значительное количество сѣна; такъ на Коневскомъ наволокѣ у кн. Михаила Андреевича верейскаго была пожня—400 копенъ [49]); въ серединѣ XVI в. при селѣ Орудьевѣ, пожалованномъ Иваномъ IV Новинскому монастырю, былъ сѣнокосъ—875 копенъ сѣна [50]).

Покосы организовались князьями посредствомъ дарового труда крестьянъ, которые обязаны сѣна княжескія косить, лугъ или боръ княжескій

---

41) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 127.

42) А. И. I 171 и 174.

43) Замысловскій „Герберштейнъ и его историко-географическія свѣдѣнія о Россіи, стр. 221“.

44) А. И. I № 171; Карамзинъ VI, прим. 26.

45) Дух. завѣщанія князей.

46) А. И. I № 163.

47) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 127.

48) Д. А. И. I № 17.

49) А. И. I № 163.

50) А. Ю. Б. I № 30 (V).

косить [51]). Эта обязанность косить княжескіе луга въ нѣкоторыхъ грамотахъ XV в. носитъ названіе „закоса“, и отъ нея, можетъ быть, можно было откупиться уплатой „закоснаго“ или „лугового“ [52]). Въ рязанскомъ княжествѣ покосы производились подъ наблюденіемъ княжескихъ закосниковъ и боровщиковъ или боровниковъ [53]). Въ другихъ мѣстахъ для производства сѣнокосовъ присылались княжескіе конюхи; пока шелъ сѣнокосъ, конюха содержали и кормили тѣ же крестьяне, которые сѣно косили [54]).

Тѣ же луга служили мѣстомъ выгона для княжескаго скота. По договору Василія Дмитріевича съ дядей Владиміромъ Андреевичемъ относительно слободы Боровской оба князя условились луга не косить и не пахать по гору и уговорились объ общемъ выгонѣ: „а земля наша, а животинѣ ходити опче“ [55]). Мы имѣемъ мало свѣдѣній о княжескомъ скотоводствѣ; знаемъ, что во дворцѣ были большіе запасы молочныхъ продуктовъ: масла коровья, сыровъ кислыхъ и сметанныхъ; въ 1469 г. Иванъ III послалъ отличившимся въ бою устюжанамъ 300 пудовъ масла [56]). Изъ княжескаго же дворца снабжали иностранныхъ пословъ баранами, курами и прочими припасами, при чемъ Иванъ III, какъ рачительный хозяинъ требовалъ обратно овчины съ зарѣзанныхъ барановъ [57]); эти овчины шли на тулупы, которыхъ хранилось много въ княжескихъ кладовыхъ: вмѣстѣ съ угощеніемъ устюжанамъ было послано 300 шубъ бараньихъ [58]).

Нѣсколько больше свѣдѣній имѣемъ мы о княжескомъ коневодствѣ. Князь содержалъ коней сѣдельныхъ, ѣздовыхъ, предназначавшихся подъ верховую ѣзду, и стада жеребцовъ, кобылъ и лошаковъ, которые упоминаются очень часто въ ихъ духовныхъ. Великій князь Семенъ Ивановичъ велѣлъ дать своей супругѣ изъ коней ѣздовыхъ—50 коней и изъ стадъ его—стадо Коломенское и другое стадо Дѣтино [59]). Дмитрій Ивановичъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ коней своихъ и жеребцовъ и стада свои [60]); у Владиміра Андреевича было стадо сѣдельное и стадо кобылье [61]); у Василія Дмитріевича—стада кобыльи [62]); у Ивана Борисо-

---

51) А. И. I № 4, А. А. Э. I №№ 17, 74, 218 и др.
52) А. А. Э. I № 39; А. Ю. Б. I № 31 (II) и др.
53) А. И. I № 13, 14; А. Юпк. № 111 и др.
54) А. А. Э. I № 201.
55) Собр. Г. Гр. и Д. I № 35.
56) Карамзинъ VI, прим. 26.
57) Соловьевъ т. V.
58) Карамзинъ VI, прим. 26.
59) Собр. Г. Гр. и Д. I № 24.
60) Собр. Г. Гр. и Д. I № 34.
61) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
62) Собр. Г. Гр. и Д. I № 41.

вича Волоцкаго—въ селѣ Щитникахъ стояли кобылы съ жеребятами, не считая коней, ходившихъ подъ сѣдломъ [63]). Упоминаются въ завѣщаньяхъ и отдѣльные кони разныхъ мастей: гнѣдые, курые, чалые, бурые, сѣрые, голубые, вороные, пѣгіе, игрень, и разныхъ достоинствъ: иноходцы, проиноходцы, татарскія лошади, аргамаки [64]); турецкихъ лошадей—аргамаковъ, которыхъ держали для великокняжеской охоты, отмѣчаетъ Герберштейнъ [65]).

Забота о княжескихъ лошадяхъ возлагалась на особую группу княжескихъ слугъ—на конюховъ; конюхи за свой трудъ получали деревни и по своему положенью были мелкими помѣщиками и вели хозяйство въ своихъ деревняхъ крестьянскими руками. Такія деревни „за конюхами“, деревни „конюховы“, безпрестанно упоминаются въ Московскомъ, въ Тверскомъ и другихъ княжествахъ. На обязанности конюховъ лежало содержаніе извѣстнаго количества княжескихъ лошадей, что дѣлалось, впрочемъ, чрезвычайно просто: кони ставились на кормъ по окрестнымъ деревнямъ. Конюхи въѣзжали въ сосѣднія деревни съ своими конями, ставили у крестьянъ коней, брали съ нихъ поборы—либо деньгами (конюшее), либо житомъ [66]). Первоначально обязанность кормить княжескаго коня не распространялась на все населеніе: въ Рязанскомъ княжествѣ еще въ XV в. существовалъ особый классъ конокормовъ [67]); въ Москвѣ въ XIV в. „коней ставить на станамъ“ считалось прерогативой старшаго въ княжеской семьѣ [68]). Позднѣе кормить княжескаго коня дѣлается общей повинностью всѣхъ крестьянъ во всѣхъ княжествахъ.

На ряду съ сельско-хозяйственной промышленностью, князья производятъ въ своихъ владѣніяхъ въ широкихъ размѣрахъ эксплоатацію природныхъ богатствъ—пчелиныхъ бортей, охотничьихъ и рыбныхъ угодій, соляныхъ угодій. На этихъ промыслахъ приходится остановиться нѣсколько дольше, потому что въ хозяйствѣ князей они играли очень важную роль.

Князьямъ XV—XVI в.в. принадлежало много бортныхъ угодій, бортныхъ земель, бортныхъ вотчинъ и околицъ, на которыхъ росли бортные лѣса. Это были сосновые и дубовые лѣса, кишащіе дикими пчелами, которыя устраивали свои ульи въ дуплахъ старыхъ деревьевъ,—бортяхъ,—своего рода громадныя, тянувшіяся на много верстъ дикія пасѣки, богатство, о которомъ сейчасъ мы не имѣемъ представленія. Иностранцы, бывшіе въ Россіи при Иванѣ III, разсказываютъ, что въ дремучихъ лѣ-

---

63) Собр. Г. Гр. и Д. I № 132.
64) Ib. I №№ 96, 132, 151.
65) Замысловскій, op. cit. стр. 286.
66) А. А. Э. I №№ 56, 131 и др.
67) Собр. Г. Гр. и Д. I № 127.
68) Собр. Г. Гр. и Д. I № 23.

сахъ и рощахъ вѣтви деревъ бываютъ усѣяны роями пчелъ, эти дикія пчелы складываютъ въ огромномъ количествѣ отличный медъ не въ искусственныхъ крестьянскихъ ульяхъ, а въ древесныхъ дуплахъ, въ которыхъ нерѣдко находятъ множество сотовъ стараго меда: поселяне не успѣваютъ осмотрѣть каждаго дерева; поэтому весьма часто встрѣчаются пни громадной толщины, наполненные медомъ [69]). „Мнѣ самому приходилось часто видѣть въ Россіи", пишетъ Бохъ, бывшій въ Россіи въ 1578 г.,—„какъ безъ всякаго труда со стороны людей накапливается большое количество меда, поразительной величины соты скрываются въ дуплахъ деревьевъ". Эти бортные лѣса, по большей части дубовые (бортное дубье) или сосновые, изобилующіе бортными деревьями,—разсоховатыми дубами и соснами, часто упоминаются въ грамотахъ XV – XVI в.в. Бортное деревье въ заповѣдныхъ лѣсахъ охранялось отъ истребленія: окрестнымъ жителямъ заповѣдывалось бортное деревье по полямъ, заполицамъ и лѣсамъ съ пчелами и безъ пчелъ беречь, не сѣчь и не поджигать и пчелъ не выдирать, чтобъ тотъ государевъ бортный лѣсъ не запустѣлъ, какъ говорится въ одной грамотѣ Ивана Грознаго отъ 1565 года [70]). Цѣнность представляли не только бортное деревье съ пчелами, но и безъ пчелъ, какъ представляющее дупло удобное для устройства улья. На ряду съ естественными дуплами попадались „выдѣланные" искусственно, подготовленные для будущихъ роевъ [71]).

Особенно богаты были бортнымъ лѣсомъ берега Оки, княжества Рязанское и Нижегородское. Большая часть этихъ угодій принадлежала князьямъ, часть на правѣ частнаго владѣнья путемъ покупки, мѣны и т. д., часть на томъ общемъ основаніи, что всѣ земли и лѣса, не находящіеся въ документально завѣренномъ владѣніи у частныхъ лицъ считались княжескими и эксплоатировались на князя, и борти съ'приписанными къ нимъ деревнями бортниковъ являются одной изъ важныхъ доходныхъ статей въ хозяйствѣ князей.

Рязанскимъ князьямъ въ XV в. принадлежали бортники въ Карабушинскомъ уѣздѣ, въ Пластиковѣ, въ Бовыкинѣ, въ Воронежѣ, Пронскіе бортники, бортники около города Переяславля, Перевитскіе, Рязанскіе, Ясеновскіе и Киструйскіе бортники [72]), у нихъ была громадная бортная вотчина на рѣкахъ Тынордѣ и Воржѣ—лѣсъ Глѣбовскій и бортныя околицы съ бортями за Глѣбовскимъ лѣсомъ [73]). Нижегородскіе князья владѣли бортными угодьями въ Курмурскомъ лѣсу и въ Стрѣлицѣ за

---

[69]) Библ. иностр. пис. о Россіи.
[70]) Ключевскій Боярская Дума, стр. 102, (ср. А. А. Э. I № 199).
[71]) Д. А. И. I № 26.
[72]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 127.
[73]) А. Иск. № 2.

Окою. Подъ Москвою московскіе князья владѣли сообща Добрятинскою бортью съ селомъ Добрятинскимъ и бортниками въ городскихъ станахъ. Кромѣ того московскимъ князьямъ великимъ и удѣльнымъ, принадлежали борти въ окрестностяхъ Коломны, Ржевы, Можайска, Звенигорода, Рузы, Нерехты и Козлова Брода, волость Смоляные съ бортью и съ бортниками вышегородскими, Кремична съ кремиченскими бортниками, Крапивна съ бортниками крапивенскими, исменскими и городошевскими и рудьскими, Юлотцкіе бортники, бортники Радонежскіе, Торусскіе и т. д. [74]). Эти богатства они безпрестанно увеличивали не только путемъ присоединенія къ своимъ владѣньямъ сосѣднихъ княжествъ, но и путемъ покупокъ у частныхъ лицъ.

Первоначально въ XIV в. князья эксплоатировали свои бортныя угодья посредствомъ холоповъ, „купленныхъ бортниковъ и оброчниковъ“, о которыхъ говорится въ духовныхъ завѣщаніяхъ Ивана Калиты и его сына Ивана [75]). Но эта система эксплоатаціи была возможна лишь въ хозяйствѣ небольшихъ размѣровъ. Уже въ духовной князя Владиміра Андреевича [76]) опредѣленно говорится, что большая часть его бортниковъ—люди свободные, обязанные службой лишь по скольку они живутъ на княжеской землѣ: „а не захочетъ кто изъ нихъ жить въ тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойдетъ прочь, а сами сыну князю Ивану не надобны“; только, какъ объ исключеніи говорится о тѣхъ изъ нихъ, на комъ есть грамота полная. Бывшіе холопы постепенно сами теряли черты холопства и сливались съ общей массой прочихъ оброчниковъ. Въ XV и XVI в.в. бортники—свободные люди, которые получаютъ отъ князя землю съ обязанностью за право пользованія ею—эксплоатировать въ пользу князя княжескую борть и доставлять ему опредѣленное количество меда. Бортный, „земецкій“, промыселъ вовсе не являлся для бортниковъ средствомъ пропитанія, а скорѣе обязанностью, платой за пользованіе княжескими землями и угодьями. Жили они, какъ всѣ крестьяне, отъ земли, также рыбной ловлей и охотой. Указаній на такого рода хозяйство въ бортничьихъ деревняхъ можно найти очень много. Такъ въ Рязанскомъ княжествѣ бортники, промышлявшіе на берегахъ озеръ Бокина и Бобровaго, пользовались не только земецкими—бортными жребіями, но и рыбными жребіями изъ тѣхъ озеръ [77]); Кистpуйскіе бортники били бобровъ и ловили рыбу на озеркѣ Болоньѣ и показывали на судѣ (вел. князя Василія III), что это озерко, и истокъ Ваганьскій, и займища вплоть до Оки рѣки, и рыба, и бобры въ томъ озерѣ и истокѣ изстари ихъ, Кистpуй

---

[74]) Дух. Завѣщанія Князей.
[75]) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 21, 22, 25.
[76]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
[77]) А. Лихачева II № 15.

скихъ бортниковъ [78]). Еще любопытнѣе свѣдѣнія, почерпаемыя изъ одной грамоты Ивана III: онъ отнялъ у Спасо-Евѳиміева монастыря и отписалъ земли монастырскія къ своему перевѣсью—покосовъ 3 дес., да пашенной земли $12^1/_2$ дес., а далъ онъ ту землю своему бортнику Гридькѣ къ перевѣсью [79]). Не менѣе точныя данныя даетъ выписка изъ писцовыхъ книгъ 1510 г. объ одной изъ бортныхъ деревень въ Стрѣлицѣ, къ которой было придано пашни пол-пол-пол-четьи сохи, да 200 копенъ сѣна на берегахъ Плоскаго озера [80]). Таковъ обычный видъ собственнаго хозяйства бортниковъ: оно мало чѣмъ отличалось отъ простого крестьянскаго хозяйства, и въ немъ бортничій промыселъ игралъ второстепенную роль: бортное угодье эксплоатировалось на князя, а сами бортники кормились пашней, сѣнокосомъ, охотой на птицъ и на бобровъ, рыбной ловлей.

Земельные участки раздавались бортникамъ отъ имени князя его чиновниками—его волостелями, его дворецкими, его писцами, которые отводили имъ деревни [81]). Бортники селились въ пожалованныхъ имъ деревняхъ обычно по одиночкѣ, и есть цѣлый рядъ указаній на то, что „борть дѣлаетъ“ одинъ бортникъ, и что бортничьи деревни числятся за отдѣльными семьями. Такова напримѣръ бортничья деревня въ Стрѣлицѣ—Марьина: въ 1510 г. она была за Андрейкою Шуменевымъ, нѣсколько позднее мы находимъ ее записанной за его братомъ Лучкой Шуменевымъ, при которомъ живутъ два племянника, сыновья покойнаго Андрейки, въ ней всего два двора; въ 1547 г. эта-же деревня числится на оброкѣ за Соромомъ да за Жилой за Шуменевыми, да за вдовою за Ульяною за Кусковой женой Шуменева-жъ да за ея сыномъ Романомъ [82]). Такимъ образомъ въ теченье сорока лѣтъ деревня находится за одной семьей бортниковъ. Подобное явленье мы встрѣчаемъ и въ болѣе ранній періодъ: въ одной мѣновной великаго князя Дмитрія Ивановича говорится, напримѣръ, опредѣленно о бортныхъ деревняхъ, въ которыхъ живутъ бортники въ одиночку: деревня на Чюдницѣ Карпова Филиппова сына, деревня на Чюдницѣ-жъ Мануилова Беркашина и т. д. [83]). Однако, сѣвъ на пожалованную землю, бортникъ имѣлъ право призывать къ себѣ въ село „товарищей“. Такъ бортникъ Сатя Остафьевъ показывалъ за себя и за своихъ товарищей на судѣ рязанскаго великаго князя Василія, что они раньше жили въ селѣ у частнаго лица: „и послѣ отца твоего преставленія—великаго князя—вышли мы въ твое, великаго князя, село къ

---

[78]) А. Лихачева II № 8.
[79]) А. И. I № 102.
[80]) А. Ѳед.-Чех. I № 75.
[81]) А. Лихачева II № 7, А. Ю. Быт. II № 175 (I).
[82]) А. Ѳед.-Чех. I № 75.
[83]) А. Ю. Б. I № 52 (I).

Ескѣ Черному“ [84]). Слѣдовательно, княжескій бортникъ Еска Черный перезвалъ ихъ къ себѣ. Товарищества бортниковъ упоминаются очень часто въ грамотахъ; иногда товарищей было всего двое, напримѣръ въ Стрѣлицѣ одна деревня была за Лукою за Власовымъ, да за Истомою за Прасковьинымъ [85]). Рѣже встрѣчаются болѣе многолюдныя товарищества: Курмурскую бортъ эксплоатировали, „ходили“, какъ тогда говорили, въ первой четверти XVI в. Васюкъ, сынъ Сидоровъ съ тремя сыновьями и внукомъ и съ двумя товарищами, и еще три бортника съ двумя товарищами; послѣдніе работали самостоятельно, но жила вся эта группа однимъ селомъ [86]). Кромѣ полноправныхъ товарищей, у бортниковъ могли быть наймиты, которые работали изъ части добычи; въ мѣновной Дмитрія Ивановича упоминается пять деревень, изъ которыхъ „ужика ходитъ“, что именно означаетъ такихъ работниковъ изъ части добычи [87]).

Такъ или иначе образовывался у окраинъ бортнаго лѣса, на раменьѣ, рядъ поселковъ, населенныхъ либо отдѣльными семьями бортниковъ, либо небольшими группами „товарищей“. Во главѣ такихъ поселковъ стоялъ староста бортный, самъ жившій своей деревнею; возможно, что это былъ тотъ бортникъ, который первый поселился въ этомъ мѣстѣ и сталъ призывать товарищей [88]).

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ производилась самая эксплоатація бортныхъ угодій бортниками. Съ наступленіемъ времени сбора меда, бортники отправлялись на промыселъ, „ходили по лѣсамъ“; они, по словамъ Боха, „въ поискахъ меда обходили обширные лѣса и доставали его изъ дупловъ безъ малѣйшаго труда“. Шли, конечно, къ знакомымъ бортнымъ деревьямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ искали новыхъ бортей. На найденное вновь „бортное деревье“ бортникъ ставилъ свою отмѣтку, „знамя“, обычно состоявшее изъ всевозможныхъ комбинацій условныхъ надрубовъ на корѣ подъ замысловатыми названіями „заячьихъ ушей“, „теса“, „черты“, „вилъ“, „рубежа“, „сапога“, „скамьи“, „мотовила“ и т. п. Каждый бортникъ или каждая группа бортниковъ имѣла свое опредѣленное знамя. Въ Курмурскомъ ухожаѣ ходили лѣсъ бортный названный выше Васюкъ Сидоровъ съ товарищами, „а ходятъ два знамени: знамя на чертѣ крестъ съ вилками, да заячьи уши (v Y), да знамя тесъ съ чертою да съ двумя рубежами (I=), а Труфаникъ Петрушинъ ходитъ одно знамя: дуга съ ру-

---

[84]) А. Лих. II № 15.

[85]) А. Өед.-Чех. I № 75.

[86]) А. Ю. Б. II № 175. (I).

[87]) А. Ю. Б. I № 52 (I).

[88]) А. Ю. Б. I № 52 (II), „деревня бортничья старосты Игната Жижнева“; А. А. Э. I № 53.

бежами да заячьи уши (—) ⋀), а Злоба Ивановъ ходитъ два знамени: тесъ съ вилками, да съ чертою, да съ двумя рубежами (⩛), да знамя мотовило (⩛) и т. д. [89]). Въ бортныхъ лѣсахъ попадалось много „знаменныхъ деревьевъ“, обозначенныхъ условными надрубками того или иного бортника: „дубъ, а на немъ борть Памфилова, а знамя скамья“.. „сосна, а на ней борть Ефима Малахова, а знамя на ней двѣ дуги врозь, а поперекъ ихъ прутъ“ и т. д. [90]).

Въ поискахъ новыхъ бортей бортники заходили иной разъ очень далеко, забродили въ лѣса, принадлежавшіе частнымъ лицамъ, вступались въ ихъ бортное дубовье и въ ихъ ухожаи. При неопредѣленности границъ и владѣльческихъ правъ, они всегда могли производить опустошительные набѣги на сосѣднія частновладѣльческія рощи и, можетъ быть, не только обирали медъ, но и выдирали пчелъ. Поэтому землевладѣльцы, имѣвшіе борть въ сосѣдствѣ съ княжескимъ лѣсомъ, выхлопатывали у князя особую грамоту съ указаніемъ на то, что его бортники въ „тѣ лѣса не ходятъ и въ ту борть не вступаются ни во что“. Но, какъ долго такой грамоты не было, княжескіе бортники считали себя въ правѣ „въѣзжать“ въ чужую бортную околицу, брать въ селахъ крестьянъ „на свое дѣло“; требовать у нихъ кормовъ и подводъ. Такая подмога считалась само собою разумѣющейся, разъ дѣло шло о княжеской службѣ [91]).

При всемъ этомъ „медовый доходъ“ князя не могъ быть особенно великъ. Иностранцы отмѣчаютъ, что очень много меда пропадало даромъ: бортники не успѣваютъ осмотрѣть каждаго дерева. Отсутствіе интенсивности въ эксплоатаціи бортныхъ богатствъ выражается отчасти въ указанномъ выше стремленіи княжескихъ бортниковъ расширить районъ своей дѣятельности. Въ результатѣ доходъ бортничій въ сравненіи съ обширностью угодій былъ незначителенъ и случаенъ. Съ каждаго угодья шло установленное разъ на всегда количество меда. Вотъ, напримѣръ, Курмурскій лѣсъ; это очень богатая борть, ее ходили 12 человѣкъ бортниковъ, а между тѣмъ съ нея шло до 1533 г. всего 5 пуд. меда; и оброкъ былъ повышенъ лишь послѣ того какъ сосѣдній землевладѣлецъ Иванъ Любовниковъ, желавшій отдѣлаться отъ сосѣдства съ княжескими бортниками, „наддалъ передъ старымъ оброкомъ другую 5 пудовъ“, хотя прежніе бортники и находили, что съ тѣхъ бортей „по 10 пудовъ меда давать имъ немочно“. Все это извѣстье крайне характерно и подтверждаетъ мысль о совершенной случайности бортничьяго дохода [92]). Обычно количество меда, поставляемаго отдѣльными борт-

[89]) А. Юр. Б. II № 175 (II).
[90]) А. Лихачева II № 15; см. также А. Писк. № 2.
[91]) См. Жалов. грамоты въ I т. А. А. Э.
[92]) А. Ю. Б. II № 175. (I).

ничьими поселками, варьировалось въ зависимости не столько отъ богатства бортнаго угодья, сколько отъ количества земли, занимаемой бортниками: съ деревни Марьиной въ Стрѣлицѣ шло въ началѣ XVI в. 2 пуд. оброка, но когда занимавшіе ее бортники расчистили еще лѣса подъ пашню, то имъ надбавили третій пудъ меда [93]). Другая деревня въ Стрѣлицѣ „по старѣ“, какъ значится въ грамотѣ отъ 1534, давала оброка по 5 пудовъ меда, да пошлинъ съ пуда 5 денегъ; [94]) въ 1529 г. крестьяне Гороховской волости, опричь денежнаго оброка, давали $1^1/_2$ п. меда; [95]) съ княжеской борти пожалованной великой княгиней рязанскою Анною — Солотчинскому монастырю, шло по 5 пудовъ рязанскихъ меда въ годъ [96]). Трудно сказать, въ какомъ видѣ доставлялся медъ къ княжескому двору. Подъ Москвою въ XIV вѣкѣ были княжескія медовыя вари, о которыхъ говорится и въ княжескихъ договорахъ и духовныхъ грамотахъ [97]). Есть указаніе, что московскіе князья посылали своихъ деньщиковъ по варямъ, очевидно собирать оброчный медъ [98]). Точно такъ-же Тверскіе князья посылали въ Ладогу собственнаго медовара [99]). Въ Рязанскомъ княжествѣ еще въ XV вѣкѣ существовали особые медовые подвозники [100]). Варка меда на мѣстахъ и доставка его ко двору такъ или иначе средствами самого князя возможна была лишь при условіи очень сравнительно небольшого бортнаго хозяйства, каковымъ оно было еще въ XIV в. При тѣхъ обширныхъ размѣрахъ, которые оно приняло въ княжествахъ XV в., дѣло должно было измѣниться. О варяхъ медовыхъ при бортяхъ ничего не говорится въ позднѣйшихъ грамотахъ; судя по всему, меды варились въ княжеской резиденціи его сытниками и варились не сразу, а по мѣрѣ надобности. Такъ Иванъ Грозный, выѣзжая на богомолье въ монастырь, высылалъ впередъ своего сытника къ его пріѣзду меды ставить; монастырскія власти отводили сытнику келы, гдѣ ему меды и квасы ставить, и пивоварни, гдѣ пиво варить, да погреба, гдѣ ему меды и пива ставить, и къ ставленью медовъ и къ пивамъ давали сытнику котлы и чаны, и бочки, и рѣшета, и дрова [101]). Сытниковъ для варки меда князья держали большое число; первоначально это были холопы, позднѣе, какъ и прочіе дворцовые слуги, люди свободные, получавшіе за свою службу земли и

---

[93]) А. Өед.-Чех. I № 75.
[94]) А. Ю. Б. I № 30 (IV).
[95]) А. Лихач. II № 15.
[96]) Акты Пискарева № 7.
[97]) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 21, 22, 23, 25.
[98]) Сбор. Г. Гр. и Д. I № 27.
[99]) Сбор. Г. Гр. и Д. I № 1 и др.
[100]) Сбор. Г. Гр. и Д. I № 127.
[101]) А. А. Э. I № 270.

деревни въ помѣстье. Точно также измѣнился способъ доставки меда. Въ XV—XVI в.в. онъ привозился самими оброчниками на княжескій дворъ. Въ Москвѣ медъ сдавался „погребному ключнику“ на Большой дворецъ [102]). Такой-же порядокъ существовалъ и въ другихъ княжествахъ, и, когда удѣльныя княжества были присоединены къ Москвѣ, то мѣстные бортники продолжали вѣдаться администраціей прежнихъ князей: такъ бортныя деревни въ Стрѣлицѣ еще при Иванѣ IV платили свой оброкъ „по старѣ“, „въ Нижнемъ-Новгородѣ ключникамъ“ [103]). Такихъ-же ключниковъ погребныхъ встрѣчаемъ въ XVI в. и въ Твери [104]). Подъ ихъ наблюденьемъ хранились въ княжескихъ погребахъ запасы меда. Несмотря на незначительные размѣры медоваго дохода съ каждой отдѣльной борти, въ общемъ итогѣ меда здѣсь накапливалось очень много, если имѣть въ виду общее число бортей, принадлежавшихъ князьямъ, особенно великому князю въ первой половинѣ XVI в. Достаточно привести въ видѣ примѣра, что въ 1563 г. опальной княгинѣ Ефросиніи Старицкой было послано изъ великокняжескаго погреба 56 п. меда прѣснаго на квасъ, 1 ведро меда стараго и 2 ведра фруктоваго меда [105]).

Общее управленье бортничьими угодьями лежало на тѣхъ же княжескихъ чиновникахъ, въ вѣдѣньѣ которыхъ находился княжескій погребъ—на погребныхъ ключникахъ и чашникахъ. Какъ часть дворца, погребъ и все бортное вѣдомство очень рано было подчинено дворецкому. Надо замѣтить, что такая административная организація складывалась только въ крупныхъ княжествахъ. Въ XIII и началѣ XIV в. Московскіе бортники образовывали всего одну тяглую сотню; эта сотня носитъ обычно названіе Васильцева ста—архаизмъ, сохранившійся до времени Ивана Грознаго. Объясненіе этому названію даетъ духовная грамота Ивана Калиты, гдѣ говорится объ оброкѣ медовомъ городскомъ Васильцева вѣданья; очевидно при немъ или не задолго до него сборъ медоваго оброка находился въ рукахъ опредѣленнаго лица, и съ тѣхъ поръ оставались выдѣленными подъ названьемъ Васильцева ста тѣ бортныя угодья, которыя первоначально были „Васильцева вѣданья“. Въ это Васильцево сто входили, вѣроятно, кромѣ городского медового оброка, всѣ тѣ бортныя угодья, которыя еще до Калиты принадлежали московскимъ князьямъ; такъ Иванъ III въ своемъ завѣщаніи упоминаетъ о деревняхъ дѣловыхъ бортныхъ Васильцева ста въ московской волости Селгѣ. Такимъ образомъ Васильцево сто является тѣмъ вѣдомствомъ, которое первоначально вѣдало сборъ со всѣхъ бортей, принадлежавшихъ

---

[102]) А. Ю. Б. II № 175. (I).
[103]) А. Ю. Б. I № 30 (V).
[104]) Лаппо. Тверской уѣздъ въ XVI в.
[105]) А. И. I № 171.

московскимъ князьямъ, въ то время, когда московское княжество было еще очень мало, хозяйство московскихъ князей, какъ вообще, такъ въ частности бортное, было еще очень незначительно; но уже Иванъ Калита на ряду съ медовымъ оброкомъ Васильцева вѣданья, который долженъ по старой памяти итти его сыновьямъ всѣмъ вмѣстѣ, говоритъ о бортникахъ, подѣленныхъ между его сыновьями и очевидно не имѣвшихъ ничего общаго съ тѣмъ „стомъ“, который вѣдался Васильцемъ; далѣе это Васильцево сто, дававшее раньше самый крупный доходъ, теряется среди массы вновь пріобрѣтенныхъ бортей. Я остановился на общей организаціи бортнаго хозяйства, чтобъ лишній разъ отмѣтить ту разницу, которая существовала между мелкимъ хозяйствомъ князей XIII и XIV в.в. и болѣе позднимъ крупнымъ хозяйствомъ князей XV и XVI в.в. Эту разницу я буду имѣть нѣсколько разъ случай указывать и въ дальнѣйшемъ.

Тѣ-же лѣса, которые представляли такое богатство въ смыслѣ бортныхъ угодій, и въ другомъ отношеніи представляли для князей источникъ дохода, какъ мѣсто охоты на всевозможную дичь. Нѣтъ нужды останавливаться на томъ, насколько богаты дичью были русскіе лѣса въ тѣ времена; еще въ XVII в. Россія представляла, по отзывамъ иностранцевъ, во всей своей совокупности какъ-бы громадный звѣринецъ: нигдѣ въ мірѣ не ловится большее количество бѣлокъ, сѣрыхъ и рыжихъ, горностаевъ, куницъ, лѣсныхъ кошекъ, рысей и т. д. [106]). Подъ самой Москвою рѣчки кишмя кишѣли бобрами, напримѣръ Клязьма, Воря и другія. Рысиными, горностаевыми и бѣличьими мѣхами славились въ XVI в. Галицкое и Углицкое княжества; въ XV в. около Углича еще попадались соболи. Лучшіе куньи мѣха шли изъ Муромскихъ лѣсовъ. Особенно много медвѣдей было, судя по нѣкоторымъ грамотамъ, въ Дмитровскихъ и въ Каширскихъ лѣсахъ. Охота на лосей упоминается повсемѣстно, но больше всего ихъ водилось около Мурома. Не удивительно, что охотничій промыселъ—„звѣриное“—представлялъ одну изъ существенныхъ отраслей княжескаго хозяйства На оленей и лосей организовались правильныя облавы—„воры“; хищниковъ травили собаками, это называлось: „итти на волчьи, на лисьи или на медвѣжьи поля“. Для травли медвѣдей устраивались загоны изъ полусрубленныхъ и переплетенныхъ стволовъ деревьевъ, „медвѣжьи осѣки“, куда загоняли звѣря. Есть извѣстье, что медвѣдей ловили живьемъ [107]).

У князей были особые охотники, ловчіе или ловчане (у рязанскихъ князей), чаще подлазники или подлазщики, которые завѣдывали всей охотой; кромѣ того было много спеціальныхъ загонщиковъ „осочниковъ“

---

[106]) Рейтенфельсъ.

[107]) См. ниже ссылки на жалован. грамоты; Флетчеръ; Соловьевъ т. IV.

и всякаго рода охотниковъ, но при обширныхъ размѣрахъ княжеской ловли своихъ осочниковъ не хватало и тогда прибѣгали къ принудительной помощи окрестныхъ крестьянъ. Во время охоты княжескіе подлазники и ловчіе въѣзжаютъ въ деревни, ставятся и ночуютъ въ нихъ, берутъ подводы на лисьи и медвѣжьи поля, проводниковъ и даже сторожей, вѣроятно, для наблюденія за звѣремъ [108]). Крестьяне должны устраивать загоны, съ княжескимъ ловчимъ медвѣжьи осѣки осѣкать, [109]) должны участвовать въ облавахъ, „ходить въ воры на лосей и на волчьи и на медвѣжьи и лисьи поля“ [110]). Такъ деревня Присѣки была обязана высылать на ловлю бѣжецкаго князя Семена, „на медвѣдей и на лосей и на оленей по 5 человѣкъ съ сохи“ [111]).

Въ поискахъ дичи княжескіе ловчіе не особенно стѣснялись, заходили въ лѣса, принадлежавшіе частнымъ владѣльцамъ, и только въ видѣ привиллегіи Федоръ Борисовичъ волоцкій обезпечилъ Симонову монастырю: „а въ лося у нихъ мои подлазники не вступаются“ [112]). При этомъ могли происходить столкновенія съ окрестными владѣльцами; въ сказаніи о Лукѣ Колоцкомъ разсказывается, что онъ, бывало, нападалъ на ловчихъ можайскаго князя, билъ и грабилъ ихъ и отнималъ у нихъ медвѣдей [113]). Такія столкновенія сами собою понятны, если вспомнить, съ какими неудобствами для окрестнаго населенія были связаны охотничьи экспедиціи князей. Помимо прочаго, вся княжеская охота кормится на счетъ мѣстныхъ крестьянъ; не только берутъ у нихъ кормъ княжескіе ловчіе, псари, охотники, но княжескіе псари ѣздятъ по окрестнымъ деревнямъ съ собаками полдничать, вообще кормятъ собакъ на счетъ крестьянъ, а также своихъ лошадей, травятъ крестьянское сѣно и овесъ травятъ [114]).

Для княжеской охоты необходимо было содержать много собакъ. Гербенштейнъ упоминаетъ при описаніи охоты великаго князя Василія на зайцевъ собакъ трехъ породъ: canes molossi, odoriferi (гончія) и Kurtzi; о послѣднихъ онъ говоритъ, какъ о красивыхъ псахъ съ пушистыми хвостами и ушами, смѣлыхъ, но неспособныхъ къ долгой гонкѣ [115]); это, вѣроятно, борзыя, старо-русское названіе которыхъ было „хорты“ [116]). У московскихъ князей въ XV в. въ селѣ Лучинскомъ на Яузѣ подъ

---

[108]) А. А. Э. I №№ 34, 35, 81, 86, 132 и др.
[109]) А. А. Э. I № 175.
[110]) А. И. I № 178, А. А. Э. I № 201.
[111]) А. А. Э. I № 117.
[112]) А. А. Э. I № 108.
[113]) Соловьевъ V, гл. 3.
[114]) А. А. Э. I №№ 56, 86, 96, 132 и др.
[115]) Замысловскій, op. cit. стр. 286.
[116]) Даль.

самой Москвой была псарня [117]). Но, какъ общее правило, княжескія псарни были разбросаны въ различныхъ углахъ княжествъ. Князья размѣщали по деревнямъ своихъ псарей, поручали имъ содержаніе собакъ и предоставляли имъ за это рядъ привиллегій. Такія псарскія деревни, деревни за псарями, упоминаются и въ Московскомъ, и въ Рязанскомъ и въ Тверскомъ княжествахъ. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ межевыхъ грамотъ, данныхъ Иваномъ III своему сыну Юрію въ 1506 г., названо семь деревень, бывшихъ за псарями [118]). Псари не были простыми крестьянами и ближе подходили къ типу мелкихъ помѣщиковъ; нѣкоторые изъ нихъ держали въ помѣстьѣ нѣсколько деревень, такъ въ межевой грамотѣ 1506 г. за однимъ псаремъ Данилкой въ помѣстьѣ помѣчено три деревни. Самое выраженіе „быть въ помѣстьѣ за псаремъ“ показываетъ, что въ началѣ XVI в. на псарей смотрѣли именно какъ на помѣщиковъ; позднѣе указъ 1602 г. относитъ ихъ, дѣйствительно къ числу таковыхъ. Въ своихъ деревняхъ они вели сельское хозяйство (псарскія деревни упоминаются съ поземомъ и съ рожью) [119]), вѣроятно, при помощи крестьянъ, призываемыхъ со стороны. Сельское хозяйство и являлось для псарей средствомъ прочитанія для нихъ самихъ и содержанія порученныхъ имъ княжескихъ своръ. Кромѣ того, они имѣли право требовать извѣстныхъ субсидій съ окрестныхъ деревень, корма для себя и для собакъ, ѣздить по селамъ и просить жита [120]); эти права, вѣроятно, первоначально ограниченныя сезономъ охоты, вслѣдствіе злоупотребленій съ ихъ стороны, дѣлали псарей бичемъ для прочаго населенія.

Приблизительно такое же положеніе, какъ и псари, занимали и прочіе слуги князей, занятые въ ихъ охотѣ. Въ писцовыхъ книгахъ Тверского уѣзда въ серединѣ XVI в. упоминаются помѣстья за охотниками, осочниками, стрѣльцами и трубниками; помѣстье за стрѣльцомъ упоминается въ межевой грамотѣ 1506 г. [121]). Указы царя Бориса охотниковъ, трубниковъ и сурначеевъ причисляютъ также къ мелкимъ помѣщикамъ, на землѣ которыхъ могутъ жить крестьяне.

Помимо охоты на крупную дичь, князья производили въ широкихъ размѣрахъ охоту на пушного звѣря, спеціально на бобровъ. Въ XV и XVI в.в. на большинствѣ рѣчекъ средней Россіи можно было найти цѣлые поселки бобровъ, „бобровые гоны“, какъ тогда называли мѣста бобровой охоты, огражденные сдѣланной самими бобрами плотиной — „боб-

---

[117]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 144.
[118]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 140.
[119]) А. А. Э. I № 218.
[120]) А. А. Э. I № 217.
[121]) Лаппо, Тверской уѣздъ въ XVI в.

ровой перекопью“ [122]). На бобровъ и производилась ожесточенная охота со стороны княжескихъ охотниковъ, производилось систематическое ихъ истребленіе, которое и привело очень скоро къ полному ихъ исчезновенію. Для охоты на бобровъ у князей были спеціальные бобровники. Какъ и бортники, бобровники первоначально были, по большей части, люди несвободные, но въ XV в. они утратили черты холопства. Какъ и бортники, они жили на княжеской землѣ, въ пожалованныхъ имъ „бобровыхъ деревняхъ“. Они точно такъ же селились и работали по одиночкѣ, семьями—отецъ съ сыновьями, дѣдъ съ внукомъ или очень небольшими группами, вдвоемъ, втроемъ; такъ по рѣкѣ Увоти ловили бобровъ въ первой половинѣ XVI в. крестьяне Плесской волости Исачка Захаровъ да Семка Павловъ вдвоемъ [123]). Въ Уставной грамотѣ Ильмехотскимъ бобровникамъ 1537 г. упоминаются 24 бобровыя деревни и 1 погостъ: въ 15 изъ этихъ деревень расположились либо отдѣльные бобровники, либо съ семьями; въ остальныхъ деревняхъ 2—3 человѣка или семей. Иногда можно прослѣдить самый процессъ образованія болѣе обширной деревни: такъ въ Елпатскомъ жили Андрейка Елпатскій, старожилъ, по имени котораго названъ поселокъ, и очевидно болѣе поздній пришелецъ Ивашко Якуновъ [124]).

Жили бобровники отъ земли, и сельское хозяйство преобладало въ бобровыхъ деревняхъ. Такъ бобровыя деревни князя Юрія Ивановича въ Каменскомъ станѣ обязаны были давать княжескимъ чиновникамъ кормъ соразмѣрно съ тѣмъ, „которая деревня больше пашнею и угодьемъ“. Самый кормъ, а также штрафы въ пользу тѣхъ же чиновниковъ выражались въ продуктахъ земледѣлія—жито, овесъ, рожь, хлѣбъ, возъ сѣна, или скотоводства—баранъ, мясо, сыръ. Въ числѣ возможныхъ судебныхъ казусовъ указывается, когда „кто у кого межу переоретъ — бобровникъ у бобровника“ [125]). Упоминаются сѣнокосы, которыми пользовались бобровники. „Мы помнимъ, господине“, говорятъ старожилы на одномъ процессѣ въ 1493/4 г.: „въ деревнѣ въ Ильинской жилъ Гридя Батинъ, княгини великой бобровникъ, и тотъ наволокъ Андреевскій косилъ“ [126]). Всѣ эти данныя показываютъ, что сами бобровники жили отнюдь не охотой, а сельскимъ хозяйствомъ. Ловля бобровъ для бобровниковъ, какъ для бортниковъ эксплоатація княжескихъ угодій,—первымъ дѣломъ княжеская служба, которой они заслуживали право на занимаемыя ими земли и угодья, форма натуральной повинности за пользованіе княжеской землей. Князь жаловалъ своихъ бобровниковъ бобровыми деревнями [127]).

---

[122]) Акт. Өед.-Чех. I № 14.
[123]) А. Ю. Б. I № 41 (II).
[124]) А. А. Э. I № 183.
[125]) А. А. Э. I № 150 и 183.
[126]) А. Ю. Б. I № 105.
[127]) А. А. Э. I № 183.

Если кто изъ нихъ не всхочетъ жить въ тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойдетъ прочь [128]); но если бобровники живутъ въ княжескихъ деревняхъ, то обязаны „вѣдать съ тѣхъ деревень“ великаго князя службу—бобровую ловлю, ловить имъ бобровъ“ [129]). Иванъ IV въ грамотѣ Плесскимъ крестьянамъ въ такихъ именно выраженіяхъ говоритъ о бобровникахъ, которымъ „велѣно было нашу службу служить, бобры ловить, да ловя бобровъ привозить къ Москвѣ, къ нашей казнѣ“ [130]). Такимъ образомъ на бобровниковъ возлагалась обязанность эксплоатировать извѣстный районъ, который обычно обозначался чрезвычайно неопредѣленно, что давало имъ возможность „вступаться“ даже въ бобровые гоны частныхъ владѣльцевъ. Ежегодно бобровники ѣдутъ на княжескую службу, на бобровую ловлю, идутъ на ловлю съ бобровою снастью, со всѣми приспособленіями для ловли бобровъ [131]); они ходятъ по окрестнымъ рѣкамъ; какъ идущіе на княжескую ловлю, они имѣютъ право ставиться въ деревняхъ и брать съ крестьянъ кормъ: „бобровники мои гдѣ станутъ, и они кормъ емлютъ“, говорится въ княжескихъ грамотахъ. Кромѣ того, они имѣютъ право требовать проводниковъ и подводы для переѣздовъ [132]). Все это объясняется мыслью, что бобровники промышляютъ не на себя, а на князя. Эти набѣги княжескихъ охотниковъ, сопровождавшіеся рядомъ поборовъ, ложились тяжелымъ бременемъ на окрестныхъ владѣльцевъ, которые избавлялись отъ нихъ только жалованными грамотами. Охота на бобровъ производилась преимущественно осенью, когда подростали бобрята: „на бобровъ въ осенинѣ ходили“ [133]); въ осенину по случаю начала охоты бобровники давали мѣстному ловчему, который вѣдалъ ихъ, какъ и прочихъ охотниковъ,—особое приношеніе—„осеннее“ [134]). Охота производилась небольшими группами, какъ жили въ деревняхъ, или даже въ одиночку; за то бобровники имѣли право брать на дѣло окрестныхъ крестьянъ въ селахъ и брать съ нихъ „бобровое“, можетъ быть, въ качествѣ откупа въ случаѣ уклоненья отъ участія въ охотѣ [135]). Охотничьи пріемы, судя по всему, были очень примитивны: забивались истоки, т.-е. выходъ изъ рѣки, и бобровъ загоняли въ сѣти [136]). При всей безцеремонности этихъ способовъ охоты, они далеко не доставляли князю такого значительнаго дохода, какъ мо-

---

128) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
129) А. А. Э. I № 183.
130) А. Ю. Б. I № 41 (II).
131) А. А. Э. I № 83.
132) А. Ю. Б. I № 30 (II), А. А. Э. I № 13 и др.
133) А. А. Э. I № 11.
134) А. А. Э. I № 183.
135) А. А. Э. I №№ 34, 83 и др. жал. грам.
136) А. А. Э. I № 11.

жно было бы ожидать. Плесскіе крестьяне, которымъ была предоставлена охота по рѣкѣ Увоти отъ Шуйской дороги до Клязьмы до Увотскаго устья, представляли всего три шкурки: одинъ бобръ карій и два бобра—ярца темнокарихъ (ярцами звались годовалые бобрята), а коли они бобровъ не добудутъ, они должны привозить къ великокняжеской казнѣ деньгами по рублю въ годъ [137]). Другіе, напримѣръ, Ильмехотскіе бобровники во Владимірскомъ уѣздѣ, которые ловили бобровъ въ рѣкѣ Клязьмѣ, да по рѣкѣ Судогдѣ отъ верховья до устья, да по рѣкѣ Колакшѣ, доставляли всю добычу на княжескій дворъ, „что добудутъ бобровъ и имъ бобровъ возить къ Москвѣ, къ казнѣ великаго князя перстью, а не добудутъ бобровъ и имъ давать съ году на годъ $2^1/_2$ рубля“ [138]). Вотъ во что оцѣнивался результатъ годовой охоты Ильмехотскихъ бобровниковъ. Въ концѣ концовъ это было очень немного. Тѣмъ не менѣе въ общемъ итогѣ въ казну, какъ великаго князя, такъ и болѣе мелкихъ князей ежегодно свозилось громадное количество самыхъ разнообразныхъ шкуръ и мѣховъ. Въ XV вѣкѣ въ Рязанскомъ княжествѣ существовали особые подвозники мѣховые, которые обязаны были подвозить въ княжескую резиденцію оброчные мѣха [139]). Такимъ образомъ, накоплялось изъ года въ годъ на казенномъ дворѣ князя подъ вѣдѣньемъ его казначеевъ масса мягкой рухляди. Нѣкоторое отдаленное представленье объ этихъ богатствахъ, хранившихся въ княжеской казнѣ, мы можемъ себѣ сдѣлать изъ духовныхъ грамотъ князей, которые, впрочемъ, упоминаютъ въ нихъ лишь самое цѣнное. Михаилъ Андреевичъ верейскій, помимо прочихъ портъ и рухляди, оставилъ своимъ наслѣдникамъ 10 шубъ (изъ нихъ одна лисья), 2 кортеля горностаевыхъ, одинъ кортель бѣлій и одинъ куній [140]). Иванъ Борисовичъ волоцкій завѣщалъ раздать по монастырямъ 4 собольи шубы, одинъ кожухъ на бѣльихъ черевахъ и одинъ на лисьихъ [141]). Его братъ, кн. Федоръ Борисовичъ нуждаясь въ деньгахъ, заложилъ нѣкоему Вепрю и нѣкоторымъ другимъ лицамъ 4 шубы на соболяхъ, двѣ шубы на рысяхъ, шубу на черевахъ бѣльихъ и шубу на горностаяхъ [142]); ихъ мать кн. Іуліана оставила 4 шубы на соболяхъ, одну шубу кунью, одинъ кожухъ на соболяхъ, другой на черевахъ бѣльихъ, кортели горностаевый и бѣлій, каптуръ соболій и свою лисью душегрѣйку [143]).

---

137) А. Ю. Б. I № 41 (II).
138) А. А. Э. I № 183.
139) Собр. Г. Гр. и Д. I № 127.
140) Сбор. Г. Гр. и Д. I № 122.
141) Сбор. Г. Гр. и Д. I № 132.
142) Сбор. Г. Гр. и Д. I № 151.
143) Сбор. Г. Гр. и Д. I № 131.

Въ сравненіи съ охотой на крупнаго и на пушного звѣря, охота на птицъ играла по понятнымъ причинамъ второстепенную роль въ княжескомъ хозяйствѣ; мѣста птичьей охоты, перевѣсища, гдѣ развѣшивались между деревьями сѣти-перевѣсы, безпрестанно упоминаются при селахъ и деревняхъ, принадлежащихъ князьямъ; но обычно самостоятельнаго значенья они не имѣли и эксплоатировались на себя лицами, державшими деревню въ помѣстьѣ или въ оброкѣ—псарями, бортниками и т. д. Впрочемъ, встрѣчаются спеціальныя перевѣсныя деревни, населенныя перевѣсниками, промышлявшими этимъ видомъ охоты. Перевѣсы ставились преимущественно на болотныхъ птицъ; упоминаются, напримѣръ, „чирячьи перевѣсы“. Выдѣлена была охота на тетеревовъ; существовала особая группа тетеревниковъ или тетеревичей, но въ общемъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни объ организаціи охоты на князя, ни объ доставкѣ битой дичи ко двору его, и остается предположить, что въ XV вѣкѣ она утратила то значенье, которое могла имѣть въ небольшихъ княжествахъ XIV в.; большинство перевѣсищъ, вѣроятно, сдавалось на оброкъ, а въ серединѣ XVI в. деревни перевѣсниковъ и тетеревичей были пущены въ раздачу дворянамъ [144]).

Наряду съ указанными видами охоты, близъ княжескихъ резиденцій сосредоточивалась охота съ соколами, производившаяся не только на птицъ, но и на зайцевъ; послѣднее обстоятельство объясняетъ важное мѣсто соколиной охоты въ княжескомъ хозяйствѣ. Широко поставленная соколиная охота требовала большого числа охотничьихъ птицъ: соколовъ, кречетовъ, ястребовъ. Въ Москвѣ въ XV в. въ самомъ центрѣ города „надъ площадью у большой улицы“ стояла великокняжеская сокольня [145]). Поставка птицъ для княжеской охоты являлась обязанностью спеціальнаго класса охотниковъ на соколовъ: сокольниковъ, кречетниковъ и ястребниковъ. Въ XIV в., можетъ быть, преобладала та форма сокольничьяго промысла, указанье на которую мы находимъ въ грамотѣ Ивана Калиты Печерскимъ сокольникамъ, а именно охотничьи экспедиціи въ мѣстности, изобиловавшія цѣнными соколами: восемнадцать сокольниковъ образуютъ артель, во главѣ которой стоитъ „ватаманъ“; у нихъ въ услуженіи наемные рабочіе, которые участвуютъ въ экспедиціи на хозяйскихъ лошадяхъ: „наймиты, кто страждетъ на готовыхъ коняхъ“; среднее положеніе между наймитами и „другами“ ватамана занимаютъ третники, очевидно работающіе изъ трети добычи. Въ пути они въ качествѣ княжескихъ промышленниковъ пользуются особымъ покровительствомъ двинскихъ властей: „занеже мнѣ люди тѣ надобны“, сказано въ грамотѣ [146]). Въ другой грамотѣ того-же Ивана

[144]) А. А. Э. I № 187; Д. А. И. I № 31, Акт. Юшкова I № 178.

[145]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 130. Объ охотѣ на зайцевъ съ соколами см. Замысловскій, op. cit., стр. 469.

[146]) А. А. Э. I № 3.

Калиты говорится о нѣкоемъ Михаилѣ, который ходитъ въ море съ артелью въ 20 человѣкъ, очевидно также на соколиный промыселъ, потому что двинскимъ боярамъ запрещено вступаться въ его „гнѣздныхъ птицъ“ и „мѣста“ (охоты) [147]). Еще ранѣе одна грамота великаго князя Андрея Александровича говоритъ о посылкѣ на море трехъ ватагъ съ ватаманомъ Андреемъ Критскимъ во главѣ; тутъ дѣло также идетъ о ловлѣ соколовъ и, когда промышленники возвращаются съ „данными птицами“, то пользуются съ погостовъ подводами и кормомъ по пошлинѣ [148]). Такая система охотничьихъ экспедицій на сѣверъ имѣла смыслъ, какъ долго наиболѣе богатыя охотничьими птицами области не принадлежали великимъ князьямъ, и лишь путемъ особыхъ договоровъ съ Новгородомъ (какъ опредѣленно сказано въ грамотѣ Андрея Александровича) можно было высылать въ заповѣдныя мѣста княжескихъ охотниковъ. Позднѣе извѣстій о подобныхъ экспедиціяхъ мы не встрѣчаемъ. Въ XV и XVI в.в. охота на соколовъ организовалась иначе. Сокольники сидятъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ по деревнямъ, такъ называемымъ деревнямъ сокольнича пути. Нерѣдко сокольники выбирали себѣ сами подходящее мѣсто для жительства и для охоты, „на лѣсу на дикомъ“, и просили разрѣшенья въ томъ лѣсу сѣсть жить и лѣсъ на пашню расчищать и дворы ставить. Селились они, какъ и прочіе промышленники княжескіе, по одиночкѣ или небольшими поселками; такъ въ половинѣ XVI в. на рѣкахъ Юдѣ, Шохмѣ и Лежѣ въ Вологодскомъ уѣздѣ основываются два брата Митя да Лева Артемовы, да ихъ товарищъ Сенка Блазновъ. Поселившись на новомъ мѣстѣ, они имѣли право призывать желающихъ „на тотъ лѣсъ жити“, заводили крестьянское хозяйство, расчищали пашню, пользовались всѣми угодьями; такъ угличкій князь Юрій Ивановичъ упоминаетъ въ одной изъ своихъ грамотъ деревню, что была за Митею за Березниковымъ за сокольникомъ въ помѣстьѣ, съ лугами, съ покосами и со всѣмъ, что къ той деревнѣ потягло, куда изъ той деревни соха, и плугъ, и коса, и топоръ ходятъ. Свое хозяйство сокольники вели посредствомъ призываемыхъ крестьянъ; такъ, по крайней мѣрѣ, можно полагать на основаніи того, что жалованная грамота Ивана IV вологодскимъ сокольникамъ распространяетъ даруемыя ею привиллегіи также на ихъ „людей“, и что указы царя Бориса о крестьянскомъ свозѣ говорятъ о кречатникахъ, ястребникахъ и сокольникахъ. Какъ прочіе княжескіе охотники, они были на положеніи мелкихъ помѣщиковъ, державшихъ свои деревни на помѣстномъ правѣ [149]).

На разселенныхъ по лѣсамъ сокольникахъ лежала обязанность поставлять на княжескую сокольню охотничьихъ птицъ: соколовъ, кречe-

147) А. А. Э. I № 1.

148) А. А. Э. I № 2.

149) А. И. I № 295. Сб. Муханова № 321.

товъ и ястребовъ. Охота производилась посредствомъ ловушекъ: ставились „сѣдбища на соколовъ и по болотамъ напорцы". Мѣста, гдѣ ловились хищныя птицы, „сокольи и кречатьи сѣдбища", „сокольи помчища"—были по большей части, болотистые и лѣсистые берега озеръ и рѣчекъ, „лѣсъ, дичь, мхи, болота". На прокормленье пойманныхъ соколовъ брали куръ въ окрестныхъ деревняхъ: „въ ихъ деревняхъ на моихъ соколовъ куръ не емлютъ", какъ объ исключеніи говорится въ грамотѣ углицкаго князя Андрея Васильевича о деревняхъ св. Троицы [150]). Съ году на годъ сокольники были обязаны доставлять въ Москву опредѣленное число оброчныхъ соколовъ: такъ вологодскіе сокольники давали великому князю „оброкомъ съ году на годъ 3 сокола" [151]). Впрочемъ въ XVI в., когда соколиная охота, какъ промыселъ, стала терять свое значенье, они могли откупаться отъ обязанности представлять соколовъ „перомъ"—особымъ денежнымъ оброкомъ; въ срединѣ XVI в. каждый соколъ оцѣнивался въ полтину [152]). Привозить птицъ въ Москву сокольники были обязаны сами: они везли ихъ въ особыхъ повозкахъ, запертыхъ по пяти-шести вмѣстѣ [153]); при проѣздѣ, „коли они поѣдутъ съ оброчными соколами" они пользовались правомъ постоя въ деревняхъ, и лишь въ видѣ привиллегіи пожаловалъ названный углицкій князь братію св. Троицы: „какъ ко мнѣ мои сокольники соколовъ принесутъ, и они въ ихъ деревняхъ не ставятся" [154]). Оброчными соколами пополнялась княжеская сокольня, богатству которой удивлялись иностранцы—самымъ богатымъ государямъ древности, по ихъ словамъ, не были извѣстны всѣ эти породы кречетовъ и соколовъ [155]); особенно славились красные и чрезвычайно рѣдкіе бѣлые кречеты; большое число такихъ кречетовъ бѣлаго и ярко-краснаго цвѣта видѣлъ Герберштейнъ на великокняжеской охотѣ на зайцевъ; онъ дивился ихъ величинѣ и смѣлости [156]). Содержаніе и обученіе княжескихъ соколовъ лежали на поселенныхъ близъ города сокольникахъ. Таковы ястребьи въ Переяславлѣ [157]), Скориновскіе сокольники въ Углицкомъ княжествѣ [158]), Доблинскіе сокольники подъ Москвой [159]). Эти сокольники образовывали близъ города цѣлыя слободы, память о которыхъ до сихъ поръ сохраняется въ названіяхъ московскихъ улицъ: напримѣръ, Кречетниковскій переулокъ, Сокольники, Сокольничья слобода, Соколиная улица. Среди этихъ сокольниковъ были спеціальные помытчики, т. е.

150) А. А. Э. I № 81. (о мѣстахъ охоты на соколовъ Д. А. И. V № 101).
151) и 152) А. И. I № 295.
153) Замысловскій, op. cit. стр. 298.
154) А. И. I № 295 и А. А. Э. I № 81.
155) Библ. Иностр. пис. о Россіи.
156) Замысловскій, op. cit. стр. 298.
157) Собр. Г. Гр. и Д. I № 127.
158) А. А. Э. I № 81.
159) Собр. Г. Гр. и Д. I № 51.

сокольники, умѣвшіе напускать соколовъ на дичь [160]). Эти подгородные сокольники производили охоту на князя. Такъ кн. Андрей Дмитріевичъ можайскій посылалъ своихъ сокольниковъ съ ястребами и соколами на ловлю. Охотничьи поѣздки княжескихъ сокольниковъ сопровождались поборами и притѣсненьями и вызывали столкновенія съ окрестными жителями; иногда дѣло доходило до того, что княжескихъ сокольниковъ били, грабили, отнимали у нихъ ястребовъ и соколовъ [161]). Позднѣе, когда охотничій промыселъ сталъ терять свое значенье въ княжескомъ хозяйствѣ, сокольники сохранялись только для развлеченія государя. Первоначально эти жившіе возлѣ княжескаго двора сокольники были холопы; еще въ грамотѣ кн. Бориса Васильевича волоцкаго упоминается одинъ сокольникъ въ числѣ холоповъ [162]). Позднѣе они слились по своему юридическому положенію и по своимъ занятьямъ съ общей массой посадскаго населенія: среди нихъ встрѣчаемъ мелкихъ ремесленниковъ, сапожниковъ [163]). Общее завѣдыванье княжеской соколиной охотой принадлежало его сокольничему. Какъ лица, служившія по дворцовому хозяйству, всѣ сокольники пользовались судебной экстерриторіальностью: „А коли будетъ до тѣхъ оброчныхъ сокольниковъ и до ихъ людей каково дѣло, ино я ихъ сужу, великій князь, или мой сокольничій“, говорится въ одной грамотѣ Ивана IV [164]).

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ эксплоатаціи рыбныхъ богатствъ въ княжескихъ владѣніяхъ. „Въ Московіи“, пишутъ иностранцы въ началѣ XVI в.—„очень много большихъ озеръ и рѣкъ и безъ числа небольшихъ рѣчекъ и ручейковъ, впадающихъ въ нихъ; всѣ они обильны рыбой, такъ что въ тѣхъ странахъ гдѣ вода — тамъ рыба, и рыба при томъ гораздо болѣе вкусная, чѣмъ у насъ; подобнаго богатства нѣтъ во всей Европѣ“ [165]). Понятно, какое важное мѣсто долженъ былъ занимать рыбный промыселъ въ хозяйствѣ князей. Они владѣли большими водными угодьями. Нижегородскимъ князьямъ принадлежали рыбныя ловли по Сурѣ и всѣ озера отъ Курска внизъ Сурою, источные и глухіе, и глубокія стрежена [166]); рязанскимъ — Донъ [167]), который, по словамъ Герберштейна, „славился множествомъ превосходной рыбы“ и рыбныя ловли на немъ [168]). Въ Москвѣ рѣкѣ, не слишкомъ рыбной, водилась только дешевая и обыкновенная рыба [169]); впрочемъ и тутъ князья завели въ Ногатинскомъ

160) А. А. Э. I № 147.
161) Соловьевъ т. V, гл. 3.
162) Собр. Г. Гр. и Д. I № 106.
163) А. А. Э. I № 147.
164) А. И. I № 295.
165) Замысловскій, op. cit. стр. 274, прим.
166) Сб. Муханова № 117.
167) Собр. Г. Гр. и Д. I № 127.
168) и 169) Замысловскій, op. cit., стр. 299—301. Ср. Флетчера.

селѣ заводь, искусственно образованную заборьемъ [170]). Нѣсколько далѣе отъ Москвы имъ принадлежало село Косино съ тремя озерами [171]), до сихъ поръ богатыми рыбой, и рыболовныя деревни на Пахрѣ [172]). Но очень рано московскіе князья стремятся развить рыбный промыселъ на рѣкахъ, болѣе богатыхъ рыбой: на Волгѣ, на Шекснѣ и на Бѣломъ озерѣ. Обиліемъ рыбы славилась Волга, гдѣ ловили множество рыбы огромной величины и отличнаго вкуса, въ особенности сомовъ; по словамъ иностранцевъ въ ней водится бѣлорыбица или бѣлая семга, которая, по мнѣнію русскихъ, вкуснѣе красной, бѣлуги 4—5 аршинъ длины, севрюги, стерляди, осетры. Вкусомъ славилась рыба рѣки Шексны и Бѣлаго озера на столько, что образовалась легенда, будто рыбаки, поймавъ рыбу въ Волгѣ, по вкусу узнавали сколько времени она пробыла въ Шекснѣ [173]). Со времени Дмитрія Донского московскіе князья утверждаются на Шекснѣ и на Бѣломъ озерѣ и пріобрѣтаютъ цѣлый рядъ ѣзовъ, мѣстъ, огороженныхъ для рыбной ловли. Самому Дмитрію здѣсь принадлежалъ Милолюбскій ѣзъ [174]); его невѣстка купила у Шехонскихъ князей Усть-Шехонскій ѣзъ [175]). На Волгѣ его двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ владѣлъ рыбными ловлями подъ Городцемъ; оставляя ихъ своимъ двумъ сыновьямъ, онъ велѣлъ имъ бить ѣзъ подъ Городцемъ наполы, „а захочетъ князь Семенъ ѣзъ себѣ забить на Волгѣ, инъ ѣзъ затеннетъ ниже Городца, а захочетъ князь Ярославъ, инъ затеннетъ выше Городца подъ Юрьевымъ“ [176]). На Волгѣ же принадлежали московскимъ князьямъ Инопажъ съ ѣзомъ подъ Рыбною слободою, Борисоглѣбская волость съ рыбными ловлями, Заволжскія волости съ ѣзами, Пошехонье съ ѣзовыми деревнями, притокъ Волги—Нерль, Молога и т. д. Имъ же принадлежали озера Галицкое и Переяславское, славившееся сельдями. Мѣстами гдѣ водилось много рыбы, считались „стрежена“, глубокія впадины въ рѣкѣ, омуты, „коротины“. Гдѣ воды были мелки, тамъ князья искусственно углубляли ихъ; такъ волоцкій князь Иванъ Борисовичъ перекопалъ Нерль рѣку, учинилъ „глушицу“, чтобъ ловить рыбку [177]). Кромѣ того, въ княжескихъ имѣньяхъ было много искусственныхъ прудовъ, очевидно тоже для разведенія рыбы; таковъ великій прудъ подъ Краснымъ Селомъ у Москвы (только недавно засыпанный), прудъ у Сущева [178]).

---

170) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
171) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
172) Собр. Г. Гр. и Д. I № 83.
173) Замысловскій, op. cit. стр. 300.
174) Собр. Г. Гр. и Д. I № 34.
175) Собр. Г. Гр. и Д. I № 42.
176) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.
177) Завѣщанія князей; А. А. Э. I № 143, 142, А. И. I № 55.
178) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 86, 136.

На крестьянъ, жившихъ вблизи отъ княжескихъ дворовъ, возлагалась въ числѣ прочихъ повинностей обязанность копать княжескіе пруды [179]).

Для эксплоатаціи водныхъ угодій князья держали особыхъ рыболововъ, ловчанъ, неводчиковъ. Эти рыболовы, подобно бортникамъ и бобровникамъ, совершали обходы окрестностей для промысла, своего рода рыболовныя экспедиціи; тверскіе князья посылали, напримѣръ, своего осетренника въ Ладогу [180]). Обычно во главѣ рыболовныхъ экспедицій стоятъ княжескіе ватаманы, рыбники или подлещики; такъ на Бѣлое озеро ходилъ ватаманъ верейскаго князя Михаила Андреевича на княжескомъ суднѣ [181]); когда княжескіе рыболовы ѣдутъ съ неводами — поѣздами, то сосѣдніе землевладѣльцы посылаютъ вмѣстѣ съ ними своихъ рыболововъ, за что платятъ оброкъ князю, очевидно за тѣ преимущества, которыя они пріобрѣтаютъ при ловлѣ вмѣстѣ съ княжескимъ ватаманомъ [182]). Княжескіе ловчане и рыболовы ходятъ по сосѣднимъ рѣкамъ, въѣзжаютъ въ озера, въ заводи, въ рѣчки, бродятъ по нимъ съ бреднями и курицами, если только прибрежные владѣльцы не успѣли выхлопотать себѣ грамоту о томъ, что рыболовы князя „туды на него рыбъ не ловятъ“, „до той рѣки имъ дѣла нѣтъ“ [183]). При этомъ, когда княжескіе подлещики поѣдутъ рыбу ловить, то на подмогу они берутъ у сосѣднихъ землевладѣльцевъ и ихъ крестьянъ — неводы на ловлю, самихъ ихъ зовутъ на княжескую ловлю, ставятся въ близъ лежащихъ деревняхъ и емлютъ кормъ, а крестьяне обязаны ихъ принимать [184]). Во время рыбной ловли на князя его рыболовы возбраняютъ постороннимъ ловить рыбу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сами ловятъ, и за право ловить ватаманы и заказщики берутъ съ неводовъ чужихъ рыболововъ—пошлину рыбой [185]). Отъ позднѣйшаго времени, когда этотъ сборъ сталъ сдаваться на откупъ, мы имѣемъ извѣстье, что на Варзугѣ откупщикъ собиралъ съ улова десятую рыбу—семгу „въ тоняхъ, и въ рѣчныхъ заборахъ, и на морскомъ берегу, со всякихъ ловцовъ съ неводчиковъ, съ харовъ, съ рыбныхъ заборовъ и съ поѣздовъ“ [186]). Въ послѣдней четверти XV в. эта пошлина, „рыбное“, взималась не только рыбой, но и деньгами, и даже мѣхомъ; такъ рыбники Михаила Андреевича на Бѣломъ озерѣ брали съ монастырскихъ и съ городскихъ неводовъ по 20 бѣлъ съ невода [187]).

---

179) А. А. Э. I №№ 158, 215, 218.
180) Собр. Г. Гр. и Д. I № 1.
181) А. А. Э. I № 67.
182) А. А. Э. I № 102.
183) А. А. Э. I № 76, А. Ю. Б. II № 41 (I), А. И. I № 192 и др.
184) А. А. Э. I №№ 43, 76, 107.
185) А. А. Э. I № 107.
186) А. А. Э. I № 377.
187) А. А. Э. I № 67, А. Ю. Б. II № 156 (VII).

Наряду съ такого рода поѣздками промышленнаго и фискальнаго характера, развиваются слободы и деревни рыболовныя или ѣзовыя, жители которыхъ спеціально заняты ловлей рыбы въ опредѣленномъ мѣстѣ. Таковы Галицкіе, Переяславскіе рыболовы, рыболовы Борисоглѣбской слободы. Наиболѣе намъ извѣстна организація корпораціи рыболововъ на посадѣ въ Переяславлѣ въ первой половинѣ XVI в.: во главѣ дворовъ рыболовлихъ стоитъ староста рыболовль; вся корпорація состоитъ въ вѣдомствѣ стольнича пути и пользуется исключительнымъ правомъ ловить рыбу на великокняжескомъ озерѣ Переяславскомъ, за что и платитъ опредѣленный оброкъ деньгами и рыбой. Въ противоположность прочимъ княжескимъ промышленникамъ, рыболовы жили тѣмъ промысломъ, который былъ имъ предоставленъ княжеской администраціей, и служба ихъ носитъ характеръ аренды водныхъ угодій на условьѣ уплаты оброка; наряду съ оброкомъ натурой, они поэтому платятъ еще самостоятельный оброкъ деньгами, между тѣмъ какъ прочіе промышленники платили деньги только въ томъ случаѣ, если не могли доставить положеннаго числа продуктовъ [188]).

Что касается до способовъ ловли рыбы на князя, то обыкновеннымъ пріемомъ является „бить ѣзъ“, т. е. во время хода рыбы загораживать ей путь „заборьемъ“, для чего въ дно рѣки вбивались шесты, между ними дѣлалось „плетенье“ изъ прутьевъ, оставляя только нѣсколько проходовъ, въ которыхъ вставлялись верши. За устройствомъ ѣзовъ и за самой ловлей наблюдалъ княжескій ѣзовщикъ; такъ у Михаила Андреевича верейскаго былъ на Быстрой тони ѣзовщикъ Сава Поповъ, а на Милобудскомъ ѣзѣ—ѣзовщикъ Жданъ; у Василія Темнаго на Окѣ былъ ѣзовщикъ Глядко [189]). Ѣзовщикъ бьетъ княжескій ѣзъ на рѣкахъ; при этомъ онъ можетъ требовать подмоги отъ окрестныхъ крестьянъ, онъ собираетъ къ тому ѣзу монастырскихъ и другихъ людей, которые, если они не освобождены спеціальной княжеской грамотой, обязаны ѣзъ княжескій бить. Вѣроятно, они могли освобождаться отъ обязанности лично работать на ѣзу посредствомъ уплаты особаго оброка; таково, очевидно, происхожденіе „ѣзоваго“ [190]). Ѣзы бились обычно весной, когда шла рыба; это были ѣзы—„вешняки“, „ѣзы вешніе“ [191]). Кромѣ того, бьютъ ѣзъ зимній. Трудно сказать, является ли зимній ѣзъ тѣмъ же, что и подледная или поледная ловля, которая считалась особенно доходной. Впрочемъ, можно предположить, что подъ послѣднимъ названьемъ подразумѣвается та форма зимней ловли, которая до сихъ поръ практикуется на Волгѣ:

---

[188]) А. А. Э. I №№ 142, 143, 324 (грам. Ѳеодора Ивановича рыболовамъ Борисоглѣбской слободы съ ссылкой на грамоты Василія III и Ивана IV).

[189]) Д. А. И. I № 192. А. Лихачева II № 7.

[190]) А. А. Э. I № 17, 120. А. Лихачева II № 7.

[191]) А. Ѳед.-Чех. I № 50, А. А. Э. I № 11, А. Лихачева II № 7.

въ началѣ зимы, когда ледъ сравнительно тонокъ, рыболовы, прослѣдивъ начало хода рыбы, бьютъ палками по льду, оглушаютъ рыбу и баграми достаютъ ее изъ прорубей; возможно также, что просто черезъ двѣ проруби пропускали сѣти и такимъ образомъ ловили рыбу. За подледной ловлей рыбы на князя наблюдали особые княжескіе подледчики; при этомъ въ случаѣ нужды они наряжаютъ постороннихъ крестьянъ на княжескую ловлю и берутъ съ нихъ пошлины; крестьяне обязаны бить поледное. Часть рыбы идетъ въ пользу самого подледчика, который является во время ловли представителемъ интересовъ князя [192]). Помимо подледной ловли и ѣзовъ, ловили, особенно на озерахъ, запорнымъ неводомъ или сѣтью, бредникомъ, котцами или иною рыбною ловлею. Для пристанища, гдѣ имъ неводы и сѣти сушить, рыболовамъ предоставлялось нѣсколько сажень отъ воды на берегу рѣки или озера; такъ переяславскимъ рыболовамъ было дано кругомъ озера отъ воды берегу суши по 10 саж. Лѣтняя рыбная ловля неводомъ начиналась, „какъ вода пойдетъ“, и производилась „отъ льда и до льда“, приблизительно отъ Благовѣщенія до Николина дня; борисоглѣбскихъ рыболововъ въ теченіе всего этого времени не могъ безпокоить дворцовый приставъ, потому что они ловятъ тогда на обиходъ великаго князя [193]).

Доходъ съ княжескихъ ѣзовъ и тонь не весь шелъ въ пользу князя. Обычно въ его пользу шла извѣстная часть улова, которая опредѣлялась иногда одной или нѣсколькими ночами ловли, такъ называемыми „княжими ночами“ [194]). Такъ Шехонскіе князья пожаловали вмѣстѣ съ монастыремъ св. Николая въ домъ св. Троицы принадлежавшія имъ двѣ ночи въ Выячевскомъ язу Никольскія [195]). Бѣлозерскіе князья имѣли въ Островскомъ ѣзу одну ночь „княжую“ [196]). Переяславскіе рыболовы по Уставной грамотѣ 1506 г. обязаны были на поледной ловлѣ ловить на двухъ намѣстниковъ, по ночи на намѣстника, и на волостеля ловить ночь на поледной на ловлѣ, а по сотной книгѣ 1562 г. они ловятъ на поледной ловлѣ двѣ ночи на царя, ночь на царицу, на поледчика ночь, да на двухъ намѣстниковъ двѣ ночи [197]). О томъ, какое количество рыбы можно было выловить въ теченіе одной ночи даетъ приблизительное понятіе грамота Михаила Андреевича, данная имъ братіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (въ 1485 г.): вмѣсто того, чтобъ выдавать имъ ежегодно рыбу въ количествѣ 4 осетровъ, 120 стерлядей, 200 судаковъ и 200 лещей онъ пожаловалъ игумену въ Островскомъ ѣзу черезъ годъ свою ночь; слѣ-

---

192) А. А. Э. I №№ 120, 136, 161 и др.
193) А. А. Э. I №№ 142, 143, 261, 324.
194) А. Ю. № 5.
195) А. Ю. Б. I № 63 (VIII).
196) А. И. I № 163, А. А. Э. I № 114.
197) А. А. Э. I №№ 143, 261.

довательно, княжая ночь давала по приблизительному разсчету уловъ вдвое большій, чѣмъ указанный выше ежегодный даръ князя рыбой въ монастырь [198]). Наряду съ княжей ночью были другія средства опредѣлить часть князя. Такъ по грамотѣ 1506 г. переяславскіе рыболовы, кромѣ оброка и поледной ловли, давали на дворецъ неводъ—100 саженъ, да двѣ матицы [199]). Въ другихъ случаяхъ князь еще проще дѣлился съ своими рыболовами доходами съ водныхъ угодій — отдавалъ имъ лѣтнюю добычу, а себѣ бралъ зимнюю. Галицкіе рыболовы ловили, напримѣръ, рыбу на Галицкомъ озерѣ и въ рѣкѣ Вексѣ лѣтомъ отъ льда и до льда, а что ихъ ловля по рѣчкамъ падучимъ, и по тѣмъ рѣкамъ рыбу ловятъ тѣ же рыболовы по старинѣ, а за эту рыбную ловлю за лѣтнюю они обязаны давать съ году на годъ на великокняжескій дворецъ извѣстный денежный оброкъ и всю подледную ловлю [200]). При этомъ ежегодно опредѣлялось, сколько должно итти свѣжей поледной рыбы, „иного года больше, иного года меньше, какъ Государь укажетъ“, говорится въ одной позднѣйшей грамотѣ [201]). Поледная ловля давала значительное количество рыбы: по позднѣйшимъ извѣстіямъ отъ 1580 г. съ Ладожскаго озера, съ оброчныхъ рыбныхъ ловель, съ рядковъ, оброчной поледной рыбы шло 640 сиговъ, 640 лодогъ и 640 сыртей [202]). Впрочемъ, не со всѣхъ своихъ „водъ“ получали князья такую значительную добычу: въ 1562 г. съ богатыхъ усть-волхонскихъ тонь, кромѣ оброка по рублю въ годъ, да пошлинъ 10 московокъ, рыболовы обязаны были тѣмъ же неводомъ ловить въ Ильменѣ-озерѣ рыбы на государя 5 щукъ, да 5 судаковъ [203]). Нѣкоторые сорта рыбы, напримѣръ, сельди на Переяславскомъ озерѣ, ловились „безурочно“ въ зависимости отъ потребности двора [204]). При пріемѣ оброчной рыбы по счету обращалось вниманіе на длину доставленной рыбы; судя по одной грамотѣ Ивана Грознаго, каждый разъ опредѣлялась длина каждой рыбы, которая должна была быть „по государеву указу въ мѣру, а какъ мѣра не придетъ по государеву указу въ мѣру, и за одну рыбу давать по полтора и по двѣ больше, смѣчая противъ указанной мѣры“ [205]).

Оброчная рыба доставлялась на княжескій дворъ и должна была итти на княжескую поварню, къ которой поэтому и тянули рыболовы. Для сохраненія рыбы ее солили въ большомъ количествѣ, а также хранили въ свѣжемъ видѣ во льду; ледъ на княжескіе погреба поставлялся окре-

198) А. А. Э. I № 114, А. И. I № 163.
199) А. А. Э. I № 143.
200) А. А. Э. I № 142.
201) и 202) А. А. Э. I № 327.
203) А. А. Э. I № 265.
204) А. А. Э. I № 143.
205) А. А. Э. I № 265.

стными крестьянами, которые колятъ ледъ и возятъ его на княжескій дворъ [206]). На Бѣломъ озерѣ большіе запасы рыбы находились подъ вѣдѣньемъ ѣзовщиковъ и рыбниковъ, т.-е. тѣхъ самыхъ лицъ, которыя ее ловили или собирали для князя. Уже изъ данныхъ объ оброкѣ съ рыбныхъ ловель можно судить о томъ, какіе запасы рыбы, „свѣжей и разсола“, накоплялися въ княжескихъ погребахъ. Здѣсь хранились цѣлыя бочки бѣлужины, сиговины, ладожины, щучины, тешъ бѣлужьихъ, тешъ осетрьихъ мокрыхъ; лукошки мокрыхъ осетрьихъ пушковъ; стерляди, осетры косячные, шехонскіе длинные осетры, бѣлыя рыбицы, спины, теши и прутъ бѣлужьи; семжина, сельди, снетки, мазюны, икра луконная (зернистая) и паюсная, пучки визиги и проч. и проч. [207]). Нѣкоторое представленье объ этихъ запасахъ рыбы даютъ выдачи, которыя производились изъ княжескихъ погребовъ монастырямъ. Выдачи эти были оформлены: монастырю выдавалась грамота съ указаніемъ сколько рыбы и гдѣ могъ онъ получить; съ этой грамотой отправлялся въ указанное мѣсто къ ѣзовщику или къ рыбнику самъ игуменъ или старецъ, кого онъ пришлетъ; ѣзовщикъ, прочтя грамоту, отдавалъ ее обратно игумену, который держитъ ее „прока для“ [208]). Много рыбы давалъ, напримѣръ, Михаилъ Андреевичъ верейскій въ монастырь къ св. Кириллу, на престольный праздникъ Успенья и на Кириллову память: въ одной грамотѣ онъ велитъ съ Быстрой тони давать ежегодно въ монастырь 2 осетра и столько же съ Милобудскаго ѣза; въ другой грамотѣ—120 стерледей, 200 судаковъ да 200 лещей [209]). Изъ этихъ же запасовъ шло содержаніе опальнымъ вельможамъ: такъ мы знаемъ, что Михаилу Ивановичу Воротынскому при Иванѣ Грозномъ посылали изъ Москвы рыбу осетровъ свѣжихъ и севрюгъ. Въ 1563 г. княгинѣ Евфросиніи Андреевнѣ Старицкой и ея двору было послано на 130 блюдъ рыбы свѣжей и на 130 блюдъ разсола—38 осетровъ, 11 стерлядей, бѣлорыбицъ и лососинъ, болѣе 8 бочекъ разсола, 500 сельдей, не считая пудовъ икры и семги, снетковъ и т. д. [210]).

Само собою понятно, что при такихъ запасахъ рыбы требовалось большое количество соли, и въ княжескомъ хозяйствѣ соль играла немаловажную роль. Такъ верейскій князь Михаилъ Андреевичъ, многократно упоминавшійся владѣтель рыбныхъ промысловъ на Бѣломъ озерѣ и Шехони, покупалъ очень много соли и оставилъ значительные запасы ея на Бѣломъ озерѣ. Пріобрѣтая соль, онъ даже вошелъ въ неоплатные

---

206) А. А. Э. I № 158.

207) А. И., I №№ 171, 178; также жалованныя грамоты Михаила Андреевича верейскаго Кириллову монастырю.

208) Д. А. И. I № 192 (II).

209) Д. А. И. I № 192 (I и II), А. А. Э. I № 64.

210) А. И. I №№ 171 и 174.

долги, задолжавъ по монастырямъ 64 рубля за свою соль [211]). Понятно, что тѣ князья, во владѣньяхъ которыхъ имѣлись соляныя коши, должны были усердно ихъ эксплоатировать. Къ сѣверо-востоку отъ Москвы московскимъ князьямъ принадлежала очень богатая солью область. Отъ отца къ сыну передавался Галичъ съ солью и съ варницами (въ частности при Иванѣ III упоминаются соляныя варницы въ Чухломѣ) [212]). Далѣе на Волгѣ имъ принадлежали соляные промыслы у Городца; уже Владиміръ Андреевичъ оставилъ соль на Городцѣ своимъ двумъ сыновьямъ, велѣвъ имъ вѣдать ее съ одного, а дѣлить себѣ на-полы [213]). На Волгѣ же была у нихъ Нерехта съ варницами [214]), накопецъ, южнѣе, Ростовская соль [215]). Объ общемъ видѣ промысловъ даетъ представленіе одна жалованная грамота Дмитрія Ивановича — Симонову монастырю: здѣсь упоминаются соляные колодцы и варницы, а при нихъ дворище да дворъ [216]). Во главѣ дѣла стояли княжескіе соловары. Какъ обычно, окрестные крестьяне должны были оказывать всякую помощь княжескимъ промышленникамъ; вѣроятно, обязанность дрова гнать, относится именно къ обслуживанію варницъ. Трудно сказать, какая часть добычи шла князю, какая его соловару; трудно далѣе сказать, сколько ея продавалось на мѣстахъ, а сколько оставалось на нужды дворца. Торговля солью въ пользу князя была, во всякомъ случаѣ, значительная, судя по тѣмъ мѣрамъ, которыя принимались для того, чтобы убить конкурренцію: въ однѣхъ только княжескихъ варницахъ соль варятъ безъ череду и безъ стояльницъ (безъ остановокъ) черезъ весь годъ; коль княжескій соловаръ закличетъ продавать княжескую соль, то продавать постороннимъ соловарамъ запрещено; исключеніе представляютъ только привилегированные монастыри, прочимъ княжескіе соловары, какъ учнутъ сами соль продавать, продавать заповѣдуютъ [217]). На ряду съ продажею соли большіе запасы ея хранились на дворцѣ, въ Москвѣ у дворецкаго Большого Дворца. Запасы эти были очень велики. Евфросиніи Андреевнѣ въ 1563 г. въ одинъ разъ было послано 30 пудовъ соли [218]). Отсюда же выдавалась руга солью церквамъ: причту Воскресенскаго собора на Волокѣ отпускалось въ началѣ XVI в. ежегодно 19 пуд. соли, двумъ монастырямъ въ Переяславлѣ 23 пуда; иныя церкви получали меньше, напримѣръ, церковь во Владимірѣ всего 3 пуда [219]).

---

[211]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 122.

[212]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 51 и др. А. И. I № 85.

[213]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 40.

[214]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 41 и др.

[215]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 144.

[216]) Кар. V, прим. 122.

[217]) А. И. I № 85, А. А. Э. I № 51, А. Ю. Б. I № 31 (II) (объ обязанности гнать дрова тамъ-же I № 31).

[218]) А. И. I. № 171.

[219]) А. А. Э. I. № 191, Сб. Муханова № 519.

Мой очеркъ княжескаго хозяйства былъ бы неполонъ, если бы я въ заключеніе не отмѣтилъ роли въ немъ мелкихъ ремеселъ; къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія объ нихъ чрезвычайно ограничены. Въ теченіе всего XV в. упоминаются въ Москвѣ на посадѣ и въ городѣ княжескіе мастера, нѣкоторые изъ которыхъ сидятъ на княжескихъ дворахъ [220]). Въ частности упоминаются въ Рязани княжескіе гончары [221]). Изъ другихъ мастеровъ чаще всего встрѣчаются портные: въ концѣ XV в. княжескіе портные продолжаютъ жить при княжескомъ дворѣ, въ Кремлѣ, по Новую улицу, что идетъ отъ площади къ Фроловскимъ воротамъ (Спасскимъ); они, очевидно, не утратили своего значенья дворовыхъ мастеровъ, хотя каждый изъ нихъ имѣетъ свой собственный самостоятельный дворъ [222]). Помимо работы на князя на его дворѣ, практиковался сборъ съ крестьянъ домодѣланныхъ холстовъ; отсюда, очевидно, объясняется происхожденіе сбора „портного“, который въ XV в. существуетъ въ большинствѣ княжествъ, при чемъ наряду съ нимъ упоминается „скатертное“. Надо полагать, что первоначально „тянуть въ портное“ означало поставлять свою работу — холсты, скатерти, на княжескій дворъ [223]).

Я сдѣлалъ общій очеркъ княжескаго хозяйства въ XV—XVI столѣтіяхъ. Хозяйство крупныхъ княжествъ въ изучаемую эпоху обращаетъ на себя вниманіе своими размѣрами, и въ этомъ отношеніи оно очень рѣзко отличается отъ того хозяйства, какое вели въ своихъ маленькихъ удѣлахъ князья XIII и XIV вѣковъ. Раньше узкія границы налагали особый отпечатокъ на весь складъ хозяйственной жизни во владѣніяхъ этихъ мелкихъ князей, который не могъ сохраниться впослѣдствіи въ тѣхъ крупныхъ княжествахъ, какими въ XV вѣкѣ были великія княженія: Московское, Рязанское, Тверское, Нижегородское и зависѣвшіе отъ нихъ удѣлы вродѣ Пронскаго, Кашинскаго, Верейскаго, Дмитровскаго, Галицкаго и другихъ. Небольшіе размѣры княжескихъ владѣній въ XIII—XIV вѣкахъ являлись причиной тому, что при неумѣніи вести раціонально хозяйство, не всѣ потребности княжескаго двора могли быть удовлетворены эксплоатаціей собственныхъ земель и угодій князя. При господствѣ натуральнаго хозяйства, затрудненіе разрѣшалось посылкой промышленныхъ экспедицій въ болѣе отдаленныя мѣстности, въ чужіе предѣлы. Такъ тверскіе великіе князья посылали своего медовара и своего осетренника въ Ладогу и выговорили себѣ у новгородцевъ право ѣздить осенью въ Русу звѣря гонять; въ нѣкоторыхъ договорахъ точно опредѣлялось, что въ Русу они могли ѣхать охотиться на третью зиму, а

220) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 78, 144.
221) Собр. Г. Гр. и Д. I № 127.
222) Собр. Г. Гр. и Д. I, № 144.
223) А. Ю. Б. I № 31 (II), А. А. Э. I №№ 131, 199.

въ Ладогу на третье лѣто [224]). Точно также великіе князья Андрей Александровичъ и Иванъ Калита посылали свои ватаги на море и въ Печору за соколами. Въ Москвѣ, когда великій князь посылалъ своихъ даньщиковъ по медовымъ варямъ, то удѣльные князья выговаривали себѣ право вмѣстѣ съ ними посылать и своихъ даньщиковъ [225]). Такія экспедиціи въ чужіе предѣлы, понятнымъ дѣломъ, могли имѣть мѣсто лишь путемъ соглашенія — „докончанія“ съ сосѣдомъ. При болѣе обширныхъ владѣніяхъ князей въ XV вѣкѣ необходимость въ нихъ постепенно утрачивалась.

Небольшіе размѣры княжескихъ хозяйствъ въ XIII и въ XIV столѣтіяхъ позволяли организовать ихъ по типу частновладѣльческихъ. Хозяйство князей въ эпоху, предшествующую той, которую я описывалъ, велось руками несвободной челяди — холоповъ. Въ первой половинѣ XIV вѣка упоминаются подъ Москвою купленные бортники. Изъ духовной Владиміра Андреевича явствуетъ, что еще въ началѣ XV вѣка среди его бортниковъ, садовниковъ, псарей, бобровниковъ были холопы, на которыхъ онъ имѣлъ грамоты полныя [226]); еще въ духовной Бориса Васильевича волоцкаго упоминается сокольникъ—холопъ [227]). Казначеи, тіуны и посельскіе въ теченіе всего XV вѣка были, по большей части, рабами [228]); мастера тоже долгое время были несвободные [229]). Такая форма эксплоатаціи угодій рабскимъ трудомъ была возможна лишь въ небольшихъ сравнительно хозяйствахъ, гдѣ она сохранялась и въ позднѣйшее время. Это хозяйство частнаго владѣльца, вродѣ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева, у котораго среди холоповъ мы находимъ охотниковъ (трубника, стрѣлка, сокольника, утятника), поваровъ, хлѣбниковъ, мельниковъ, садовника и огородниковъ, многочисленныхъ мастеровъ (портныхъ, бронниковъ, плотника, серебряника) [230]). Въ крупныхъ княжескихъ владѣніяхъ пользованіе несвободнымъ трудомъ, наоборотъ, постепенно выходитъ изъ употребленія. Иванъ Калита еще передавалъ своимъ сыновьямъ рабовъ—бортниковъ и цѣлый рядъ холоповъ, записанныхъ въ большомъ „сверткѣ“ [231]), но уже сыновья его начинаютъ отпускать на волю людей своихъ дѣловыхъ, купленныхъ и доставшихся имъ за долгъ или охолопившихся благодаря браку съ дочерью княже-

---

[224]) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 1 и 2.

[225]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 27.

[226]) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 40. (О купленныхъ бортникахъ, I №№ 21, 22 и 25).

[227]) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 106.

[228]) Завѣщанія князей въ I т. Собр. Г. Гр. и Д.

[229]) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 73.

[230]) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 130.

[231]) Собр. Гос. Гр. и Д. I №№ 21 и 22.

скаго холопа [232]), и съ тѣхъ поръ, какъ общее правило, князья передъ смертью отпускаютъ на свободу своихъ холоповъ съ женами и съ дѣтьми. Холопы сохраняются въ очень небольшомъ числѣ для услугъ по дому; такъ Василій Дмитріевичъ далъ дочерямъ изъ своихъ холоповъ по пяти семей каждой [233]); Борисъ Васильевичъ волоцкій оставилъ своей женѣ трехъ хлѣбниковъ, повара, сокольника, посельскаго и еще девять или десять холоповъ съ семьями, а всѣхъ прочихъ освободилъ [234]). Итакъ въ XV вѣкѣ княжеское рабовладѣнье сильно сократилось; холоповъ, страдниковъ, мы видимъ только въ селахъ, но и тѣхъ обычно освобождаютъ передъ смертью; промыслы эксплоатируются исключительно посредствомъ свободныхъ оброчниковъ. Этотъ переходъ отъ рабскаго труда къ свободному является результатомъ той децентрализаціи въ хозяйствѣ, необходимость которой вызывалась территоріальнымъ ростомъ княжескихъ владѣній. Но сорганизовать хозяйство въ крупныхъ размѣрахъ было для князей нелегкой задачей, и неумѣніе справиться съ ней заставило обратиться къ той формѣ оброчнаго труда, съ которою мы познакомились, и вмѣстѣ съ тѣмъ привлечь къ работамъ по хозяйству постороннихъ крестьянъ. Эксплоатація угодій—сѣнокосовъ, бортей, сокольихъ сѣдбищъ, бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ ловель, охота и связанныя съ нею обязанности поручаются оброчникамъ, свободнымъ дѣловымъ людямъ, которые въ награжденіе получаютъ отъ князя земло; это мелкіе помѣщики, очень похожіе на тѣхъ, которые со своихъ помѣстій несли военную службу, съ тою разницей, что ихъ служба заключалась не въ участіи въ войнѣ, а въ работахъ по княжескому хозяйству. При этихъ работахъ они пользуются субсидіями, кормомъ и содѣйствіемъ со стороны окрестныхъ крестьянъ. Вотъ какъ въ общихъ чертахъ рисуется организація княжескаго хозяйства позднѣйшаго періода; это очень характерная ступень въ хозяйственномъ бытѣ. Неудобства подобной системы лишь очень медленно сознавались; однако, уже съ начала XVI вѣка замѣтны попытки замѣнить ее простой сдачей угодій въ аренду и одновременно съ этимъ стремленіе переводить натуральные сборы и повинности на деньги. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ описанной системы эксплоатаціи владѣній посредствомъ оброчниковъ являлась, конечно, малая ея производительность: во-первыхъ, цѣлый рядъ земель и угодій отдавался самимъ оброчникамъ въ вознагражденіе за ихъ трудъ; во-вторыхъ доходъ съ угодій былъ всегда случаенъ: нѣсколько пудовъ меда, три бобровыя шкурки, пять щукъ или судаковъ, какъ мы видѣли, опредѣляютъ иногда ежегодный доходъ съ княжескихъ владѣній; невозможно было

---

[232]) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 24, 26.
[233]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 41.
[234]) Собр. Г. Гр. и Д. I № 106.

даже приблизительно установить дѣйствительную доходность того или иного ухожая, сколько „мочно“ съ него получить медоваго или иного оброка, и совершенно остается не выясненнымъ, на какихъ основаніяхъ опредѣлялось то количество продуктовъ, которое вносилось оброчниками въ казну или на дворецъ княжескій. Однако малая производительность княжескаго хозяйства въ XV и въ XVI вѣкахъ не была основнымъ его недостаткомъ; при обширности и многочисленности принадлежавшихъ князю угодій, запасы на его дворцѣ даже при указанныхъ условіяхъ были въ сущности неистощимы. Въ основѣ крупнаго княжескаго хозяйства этой эпохи лежалъ другой гораздо болѣе существенный недостатокъ, который и препятствовалъ правильному развитію дѣла и привелъ къ полному разоренію князей-землевладѣльцевъ. Этотъ недостатокъ заключается въ томъ, что крупное хозяйство XV—XVI вѣковъ продолжало строиться на основахъ того мелкаго хозяйства, которое оно смѣнило, и при всей рѣзкой разницѣ въ условіяхъ, въ пріемахъ и въ организаціи, сохранило многія черты, характерныя для прежняго хозяйничанья въ границахъ небольшой вотчины. Даже при бѣгломъ знакомствѣ съ источниками легко убѣдиться, насколько мало измѣнилась общая постановка всего хозяйства въ княжескихъ владѣніяхъ; рѣзко бросается въ глаза одна черта, унаслѣдованная княжескими вотчинами позднѣйшаго времени отъ вотчинъ XIII—XIV вѣковъ. Въ вотчинахъ XIII и XIV вѣковъ все хозяйство велось съ такимъ разсчетомъ, чтобы снабжать дворъ князя всѣмъ необходимымъ; всѣ хозяйственныя продукты шли исключительно на потребленіе двора, и это было естественно при небольшихъ размѣрахъ тогдашнихъ княжескихъ владѣній, которыя, какъ мы видѣли, даже не всегда могли удовлетворить всѣхъ нуждъ княжескаго обихода. При новыхъ обстоятельствахъ крупныя вотчины князей XV и XVI столѣтій не измѣняютъ въ этомъ отношеніи нисколько своего характера; хозяйство въ нихъ продолжаетъ служить исключительно на удовлетвореніе нуждъ двора; какого-либо сбыта на сторону, если не считать продажи соли, мы не видимъ. Въ княжескомъ дворѣ скоплялось поэтому громадное количество продуктовъ сельскаго хозяйства и промысловъ: мѣха, шубы, кортели, тулупы, холсты, бочки рыбы соленой и свѣжей, кади ржи и овса, пуды меда, сливочнаго масла, ведра сливъ и яблокъ... Все это шло на содержаніе самого князя и его дворни, отчасти тратилось на монастыри и на церкви, но правильнаго сбыта не находило. Между тѣмъ въ XV вѣкѣ являются на княжескомъ дворѣ новые запросы, которыхъ удовлетворить не могло натуральное хозяйство, центромъ котораго онъ былъ. Втеченіе XV вѣка въ экономической жизни Россіи отмѣчаются очень явственныя перемѣны, и конецъ этого столѣтія знаменуется очевиднымъ оживленіемъ денежнаго обращенія въ странѣ, которое

было отмѣчено уже сооременниками—иностранцами [235]). Объективнымъ показателемъ можетъ служить паденіе цѣны на деньги, которое отмѣчается въ первой половинѣ XVI вѣка. Это явленіе находится въ связи съ усиленіемъ иностранной торговли. Россія втягивалась черезъ посредство Новгорода въ торговыя сношенія съ Западной Европой, а черезъ посредство Орды и Крыма—съ Востокомъ. Характерно въ этомъ отношеніи планомѣрное стремленіе московскихъ князей открывать новые рынки, напримѣръ, попытка завязать торговыя сношенія съ Персіей и шаги частныхъ лицъ, купцовъ, въ томъ-же направленіи (извѣстнаго Афанасія Никитина). Не случайно впервые въ духовной грамотѣ Ивана III въ числѣ доходныхъ статей упоминаются въ Москвѣ торги, лавки и дворы гостинные [236]). Въ связи съ развитіемъ торговли, начинаютъ создаваться въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и корпорацій капиталы, и капиталы очень крупные; какъ во всѣхъ странахъ въ моментъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному ссуда является на ряду съ иностранной торговлей наиболѣе выгодной формой помѣщенія капитала. Монастыри уже играли ту роль крупныхъ банковъ, которую они сохраняли втеченіе XVI вѣка, снабжая частныхъ лицъ и даже князей деньгами; въ числѣ кредиторовъ послѣднихъ въ концѣ XV вѣка мы находимъ рядъ монастырей: Высоцкій, Серпуховской, Левкѣевъ, Возмицкій, Селижаровъ, Покровскій, Юрьевскій; одинъ Михаилъ Андреевичъ верейскій былъ долженъ Кириллову монастырю 120 рублей (почти 12 тысячъ на наши деньги), не считая другихъ долговъ въ Мартемьяновомъ и Пафнутьевомъ монастырѣ [237]); большія дѣла дѣлалъ извѣстный старецъ Іосифъ Волоцкій [238]). Деньги скоплялись, понятнымъ образомъ, также въ рукахъ торговыхъ корпорацій: великій князь Василій Васильевичъ бралъ крупныя суммы взаймы у московскихъ гостей и у суконниковъ [239]); князь Федоръ Борисовичъ занималъ у городскихъ людей у волочанъ и у ржевичей, вѣроятно, тоже мѣстныхъ торговыхъ сотенъ: первымъ онъ былъ долженъ 20 рублей, а вторымъ—тридцать два рубля безъ четверти [240]). Наконецъ, значительные капиталы складывались въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, торговцевъ и ростовщиковъ, вродѣ того Вепря, который, судя по всему, торговалъ матеріями и имѣлъ довольно денегъ, чтобъ снабжать удѣльныхъ князей очень крупными суммами (160 рублей князю Ивану Борисовичу и 300 рублей его брату, всего около 46 тысячъ на наши деньги), Григорія Бобыни (ему должны были братья Ивана

---

235) Библ. Иностр. писат. о Россіи (Кампензе, гл. 5).
236) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 144.
237) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 122.
238) Собр. Гос. Гр. и Д. I №№ 132 и 151.
239) Собр. Гос. Гр. и Д. I №№ 49—50.
240) Собр. Г. Гр. и Д. I № 151.

III до 280 рублей), Бахтеяра Дубоваго Носа, семьи Владиміра Григорьевича, или позднѣе того Протопопова, который ссужалъ деньгами разорившуюся служилую знать [241]). Всѣ эти примѣры очень знаменательны и указываютъ на рядъ новыхъ явленій въ экономической жизни Русской земли: въ концѣ XV вѣка уже создаются капиталы, и въ нихъ есть большой спросъ. Этотъ фактъ первостепенной важности, однако, не оказалъ никакого непосредственнаго вліянія на хозяйство во владѣніяхъ князей. Въ этомъ отношеніи княжеское хозяйство оставалось значительно позади своего времени; оно сохраняло яркія черты типичнаго натуральнаго хозяйства, когда рядомъ уже завязывался обмѣнъ денегъ. Между тѣмъ, явленія, отмѣченныя нами, не могли не отразиться на жизни княжескаго двора. Подъ вліяніемъ развивавшейся иностранной торговли, отмѣчается здѣсь все возрастающій спросъ на иностранные товары, преимущественно предметы роскоши. Иванъ III всюду на востокѣ скупалъ драгоцѣнные камни и ковры: онъ поручалъ, напримѣръ, своему послу въ Крымъ не забыть сказать отъ него нѣкоему Хозѣ Асану, что, если у него будутъ лалы, яхонты дорогіе и жемчугъ добрый, то чтобъ непремѣнно пріѣхалъ въ Москву и привезъ съ собою; узнавъ, что жена Менгли Гирея владѣетъ жемчужиной Тохтамыша, онъ не успокоился, пока не получилъ ея [242]); неудивительно, что своимъ наслѣдникамъ онъ оставилъ такую массу драгоцѣнныхъ камней, о которой его предшественники не имѣли понятія [243]). За великимъ княземъ тянулись удѣльные князья; въ ихъ духовныхъ грамотахъ мы находимъ предметы восточной роскоши: сабли гирейскія булатныя, ковры, колпаки ордынскіе, шубы татарскія, серьги и ожерелья съ лалами—зернами гурмысскими, однорядки и шубы, саженныя жемчугомъ гурмысскимъ и т. д. Наряду съ товарами, шедшими съ востока, упоминаются предметы новгородской торговли: жемчугъ новгородскій и нѣмецкіе товары, преимущественно матеріи: поставы Ипскаго сукна, платье изъ камки бурской и венедицкой или изъ атласа венедицкаго, шубы ипскія и лунскія. На удовлетвореніе этой потребности въ предметахъ роскоши у князей при всей обширности ихъ владѣній денегъ не было; все это бралось въ долгъ, потому что деньгами княжеское хозяйство, повторяю, не было богато. Иванъ Борисовичъ волоцкій въ разное время взялъ въ долгъ у Вепря опашень изъ венедицкой камки, четыре сукна, двѣ камки, еще два сукна, червчатую бурскую епанчу, всего болѣе чѣмъ на 18 руб. 4 алтына, которыхъ онъ такъ и не заплатилъ до смерти; у Бориса Кутузова

---

[241]) Собр. Г. Гр. и Д. I №№ 96, 112, 132, 152. О Протопоповѣ у Рождественскаго: „Служилое землевладѣнье“.

[242]) Соловьевъ V, гл. 5.

[243]) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 144.

онъ взялъ саблю гирейскую, а у Ивана Михайловича коверъ намазный [244]). Братъ его Федоръ взялъ въ долгъ въ Левкѣевомъ монастырѣ шубу на червчатомъ атласѣ венедицкомъ, цѣною въ 8 рублей; у Ивана Фомина сына Иванова гирейскую саблю, колпакъ ордынскій, охабень зуфенъ, да и у другихъ лицъ онъ бралъ кое-что изъ платья [245]). На ряду съ спросомъ на иностранные товары, можно отмѣтить и другого рода нужды князей, не находившія себѣ удовлетворенія ни въ одной изъ формъ дворцоваго хозяйства; а именно нужды военныя. Развитіе военнаго дѣла находится въ извѣстной зависимости отъ отмѣченнаго выше развитія иностранной торговли; сношенія съ Востокомъ и съ Западной Европой, вѣроятно, и тутъ сыграли свою роль, повысивъ требованія на качество оружія. Еще больше значенія имѣла та аггрессивная политика по отношенію къ своимъ сосѣдямъ, русскимъ и иностраннымъ, которую, особенно энергично начинаетъ вести великій князь московскій и въ которую втягивалась его братья,—удѣльные князья. Усилившаяся потребность въ хорошемъ оружіи не могла найти теперь удовлетворенія въ работахъ доморощенныхъ мастеровъ, какіе могли быть при дворахъ мелкихъ князей; приходилось обращаться къ спеціалистамъ—мастерамъ, вѣроятно, къ москвичамъ, работавшимъ на великаго князя. Очевидно, такимъ мастеромъ своего дѣла былъ тотъ Сенька бронникъ, которому Иванъ Борисовичъ оставался долженъ 44 рубля, а братъ Ивана III—Андрей Васильевичъ—51 рубль. Иванъ Борисовичъ, кромѣ того, задолжалъ сѣдельнику Филѣ и кузнецу Лагутѣ [246]). Очевидно, нужда въ хорошемъ оружіи заставляла князей обращаться къ опытнымъ бронникамъ и кузнецамъ; дѣйствительно князья даже брали въ долгъ у своихъ приближенныхъ то саблю, то наколѣнники, то рогатину. Тѣ-же военныя потребности объясняютъ, вѣроятно, спросъ на хорошихъ, породистыхъ лошадей,—татарскихъ, аргамаковъ,—которыхъ князья брали въ долгъ у кого и гдѣ могли; князь Иванъ Борисовичъ забралъ такимъ образомъ 11 коней разныхъ мастей и достоинствъ не считая одного чалаго жеребца, забраннаго его женою [247]).

Таковы тѣ новыя потребности, которыя росли на княжескомъ дворѣ, не находя себѣ удовлетворенія въ княжескомъ хозяйствѣ. Это хозяйство, какъ было указано, продолжало носить характеръ чисто натуральнаго. Денежный обмѣнъ развивался своимъ чередомъ, не затрагивая хозяйственнаго строя княжескихъ вотчинъ. Въ результатѣ оказалось, что этотъ строй не могъ уже отвѣчать вновь народившимся потребностямъ. Князья стали искать денегъ и не находя достаточныхъ денежныхъ доходовъ въ

---

[244]) Собр. Гос. Гр. и Д. I, № 132.
[245]) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 151.
[246]) Собр. Гос. Гр. и Д. I №№ 112 и 132.

своемъ хозяйствѣ, стали должать. Въ ихъ кладовыхъ безъ всякаго движенія лежали громадные запасы жита, меда и рыбы; въ ихъ казнахъ скоплялись драгоцѣнные мѣха, а сами они должны были занимать по нѣсколько рублей у своихъ подданныхъ, закладывали свое серебро, свои собольи шубы и горностаевые кортели, какъ тотъ волоцкій князь Иванъ Борисовичъ, который, заложивъ все, что могъ, сталъ закладывать мониста и обручи своей племянницы, истерялъ все ея приданое, ея платье, посуду, словомъ, всю ея рухлядь [248]). Стоитъ взглянуть въ духовныя князей верейскихъ и волоцкихъ, чтобъ убѣдиться, съ какимъ трудомъ сколачивали они деньги для расплаты съ кредиторами: тотъ-же Иванъ Борисовичъ по нѣкоторымъ долгамъ не платилъ процентовъ втеченіе пяти лѣтъ; одинъ изъ кредиторовъ Юрія Васильевича, брата Ивана III, успѣлъ умереть, не дождавшись расплаты, и въ своей духовной князь просилъ свою мать внести тѣ 10 рублей, которые онъ ему задолжалъ за коня, къ Троицѣ за упокой его души. Нѣкоторые князья не могли расплатиться за долги своихъ родителей, такъ въ завѣщаніи одного волоцкаго князя фигурируетъ рядомъ съ его собственными долгами „маткинъ долгъ“ [249]).

Въ общемъ итогѣ мы имѣемъ страшную задолженность удѣльныхъ князей въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI. Юрій Васильевичъ передъ смертью былъ долженъ 717 рублей, т. е. болѣе 71 тысячи на наши деньги; Андрей Васильевичъ—громадную сумму въ 31.050 рублей приблизительно (болѣе трехъ милліоновъ и ста тысячъ), Иванъ Борисовичъ болѣе 600 рублей, Федоръ Борисовичъ болѣе 840 рублей [250]).

Всѣ эти данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что княжеское хозяйство переживало въ концѣ XV вѣка чрезвычайно тяжелый кризисъ, обусловливавшійся трудностью приспособить его къ ощущавшейся потребности въ деньгахъ. Кризисъ этотъ, судя по нѣкоторымъ указаніямъ источниковъ, отражался не на однихъ княжескихъ хозяйствахъ; это было повсемѣстное явленіе, которое объяснялось переходнымъ моментомъ въ экономической жизни страны. Кризисъ этотъ переживался всѣми землевладѣльцами; чѣмъ мельче были ихъ владѣнія, тѣмъ труднѣе приходилось имъ. Съ выгодой для себя вышелъ изъ кризиса самый крупный землевладѣлецъ, великій князь московскій. Великій князь сумѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ торговые пути, онъ держалъ въ своей власти такіе торговые центры, какъ Новгородъ и Москва, и руководилъ торговыми сношеніями съ Востокомъ; далѣе, онъ присвоилъ себѣ единственную существовавшую въ удѣльный періодъ дань деньгами—Ордынскій выходъ, который давалъ ему очень значительныя суммы.

---

[247]) и [248]) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 132.

[249]) Собр. Гос. Гр. и Д. I №№ 96 и 132.

[250]) Собр. Гос. Гр. и Д. I №№ 96, 112, 132 и 151.

Хозяйственная неприспособленность удѣльныхъ князей отдавала ихъ совершенно въ руки экономически болѣе сильному московскому великому князю. Уже Василій Темный платилъ въ Орду за своего дядю Юрія Дмитріевича Галицкаго 600 рублей [251]). Братъ Ивана III Андрей Васильевичъ былъ долженъ ему, своему старѣйшему брату, 30 тысячъ рублей, которые онъ за него въ Орды давалъ и въ Казань и въ городокъ Царевичу и которые онъ бралъ на самого себя [252]). Другой братъ великаго князя Юрій Васильевичъ, не будучи въ состояніи уплатить своихъ долговъ, просилъ свою мать великую княгиню и господина своего князя великаго, чтобъ они взяли дань съ его вотчины да его должникамъ заплатили его долгъ и закладъ его выкупили [253]); точно также Иванъ Борисовичъ завѣщалъ свою вотчину Рузу и половину Ржевы великому князю съ тѣмъ, чтобы онъ „съ той моей вотчины долгъ мой пожалуетъ заплатить и душу помянетъ“ [254]).

Задолженность удѣльныхъ князей позволяла поэтому великому князю распоряжаться совершенно свободно ихъ удѣлами. Супруга Владиміра Андреевича въ своемъ завѣщаніи разсказываетъ печальную исторію своей вотчины Лужи: она заиновала 280 рублей, чтобы уплатить за вотчину внука своего за князя Василія и еще 500 рублей за собственную свою вотчину Лужу; великій князь взялъ тогда вотчинку ея Лужу и отдалъ ея внуку съ тѣмъ, чтобы онъ заплатилъ всѣ 780 рублей [255]).

Итакъ крупные размѣры хозяйства въ княжескихъ владѣніяхъ XV—XVI столѣтій не спасли князей отъ полнаго экономическаго оскудѣнія; это оскудѣніе и отдало князей въ кабалу тому изъ нихъ, который былъ самый богатый, великому князю московскому.

При томъ экономическомъ кризисѣ, который переживался страной, удѣльнымъ князьямъ, ведшимъ свое хозяйство еще на началахъ натуральнаго хозяйства XIII вѣка спорить съ финансовой силой великихъ князей было еще труднѣе, чѣмъ съ ихъ войсками. Ихъ завѣщанія открываютъ намъ яркую картину того, какъ постепенно рушился удѣльный порядокъ и какъ неумѣнье вести хозяйство при новыхъ обстоятельствахъ дѣлало ихъ беззащитными передъ притязаніями богатаго родича.

С. Бахрушинъ.

---

251) Собр. Гос. Гр. и Д. I №№ 49—50.
252) Собр. Г. Гр. и Д. I № 112.
253) Собр. Г. Гр. и Д. I № 96.
254) Собр. Г. Гр. и Д. I № 132.
255) Собр. Г. Гр. и Д. I № 82.

XXXIII.

Литовско-польскія уніи и отношеніе къ нимъ литовско-русской шляхты.

Вопросъ о литовско-польскихъ уніяхъ неоднократно трактовался въ ученой литературѣ. Историки, русскіе и польскіе, давно обратили вниманіе на этотъ кардинальный вопросъ въ литовско-польскихъ отношеніяхъ и старались прослѣдить, насколько благодѣтельны или вредны были слѣдствія уній для литовско-русскаго государства. Само собой понятно, что оцѣнка результатовъ уній была далеко неоднородна. Въ то время, какъ рядъ крупныхъ польскихъ историковъ (Левицкій, Прохацка) нѣсколько преувеличиваютъ культурныя слѣдствія уній и совершенно замалчиваютъ вопросъ объ отрицательномъ вліяніи Польши на Литву, русскіе историки тоже далеко не всегда объективны и спокойны (Антоновичъ, Дашкевичъ) въ своихъ оцѣнкахъ результатовъ уній, замѣтно преувеличивали ихъ отрицательное вліяніе. Отсюда временами неясное и неточное представленіе о ходѣ историческаго процесса литовско-русскаго государства и стремленіе многія его особенности объяснять исключительно польскимъ вліяніемъ. Съ другой стороны, ставя вопросъ объ уніяхъ предметомъ своей ученой любознательности, историки больше заняты изученіемъ результатовъ уній, а не тѣхъ условій, кои имъ предшествовали, и, volens-nolens, заставляли оба государства тяготѣть къ другъ другу и тѣмъ самымъ не снимать съ очереди вопросъ объ уніи.

И другая сторона въ унитарномъ вопросѣ была отчасти забыта—отношеніе къ ней господствующаго класса, а между тѣмъ это вопросъ первостепенной важности, такъ какъ, только анализируя его, можно понять дѣянія Люблинскаго сейма 1569 г. Правда, этотъ вопросъ уже отчасти трактовался въ ученой литературѣ. Его касались Малы-

---

1) Малышевскій—„Холмская Русь“, стр. 122. *Дашкевичъ* Замѣтки по исторіи л.-рус. госуд., стр. 162.

шевскій и Дашкевичъ [1]) ставя политическій ростъ шляхты въ тѣсную связь съ уніей.

Впрочемъ, существуетъ и другая точка зрѣнія по этому поводу. М. В. Довнаръ-Запольскій считаетъ шляхетскія привилегіи только слѣдствіями того религіозно-политическаго движенія въ средѣ низшей шляхты, которое началось еще въ сороковыхъ годахъ [1]), уступки получались медленно, и треть вѣка прошедшая въ борьбѣ, дала, наконецъ, благопріятные результаты. Едва-ли можно принять это мнѣніе. Конечно, развитіе самосознанія въ шляхтѣ имѣло огромное значеніе для роста ея привилегій, но этимъ однимъ еще дѣло не объясняется. Остается открытымъ вопросъ, почему уступки шляхтѣ дѣлались всякій разъ, когда на исторической сценѣ появлялся вопросъ объ уніи? Если бы внѣшнія отношенія Литвы во время Ливонской войны приняли бы другой характеръ, то литовская аристократія нашла бы силы задержать на время ростъ шляхетской демократіи.

Впрочемъ, послѣднее время замѣчается нѣсколько иное отношеніе къ трактуемому вопросу. Авторъ «литовско-русскаго сейма», слѣдя за эволюціей «вальнаго сейма» довольно подробно касается литовско-польскихъ отношеній, поскольку они вызывали къ жизни изученное имъ учрежденіе. Не ставя вопроса объ уніяхъ предметомъ своей работы, М. К. Любавскій освѣтилъ его съ совершенно новой точки зрѣнія и, на нашъ взглядъ единственно правильной, тѣмъ не менѣе, все-таки этотъ вопросъ требуетъ пересмотра не столько въ анализѣ внѣшнихъ политическихъ условій, вліявшихъ на унію, такъ какъ этотъ вопросъ засмотрѣнъ въ литературѣ съ исчерпывающей полнотой, сколько въ опредѣленіи роли шляхетства въ унитарномъ вопросѣ и установленіи параллелизма между вопросомъ объ уніяхъ и ростомъ шляхетскаго сословія.

Начало литовско-польскимъ уніямъ было положено въ 1385 году, когда Ягайллу пришлось занять польскій престолъ. Историческая литература [2]) изучила этотъ моментъ въ высшей степени детально, и намъ остается только сказать, какъ отнесся правительствующій классъ къ этому факту.

Приходится отмѣтить, что моментъ для переговоровъ объ уніи былъ выбранъ удачно. Ослабленная Литва и Польша нуждались въ взаимной поддержкѣ и помощи, а воинствующій германизмъ толкалъ ихъ въ братскія объятія. И тѣмъ не менѣе унія 1385 г. не долго опре-

---

[1]) Довнаръ-Запольскій—Литовско-польская унія, стр. 25.

[2]) Антоновичъ: Монографіи. *Дашкевичъ*, Замѣтки по исторіи литов.-рус. госуд., Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 11.

дѣляла собою польско-литовскія отношенія. Крупная знать и нѣкоторые удѣльные князья не признали условій заключеннаго трактата, подписаннаго, на свой страхъ и рискъ, Ягайллой и группой удѣльныхъ князей. Причина лежитъ въ непопулярности самого акта. Вѣдь унитарныя условія говорили о полной инкорпораціи Литвы. Литовское боярство, конечно, объ этомъ и не думало, разсматривая отношенія Литвы и Польши, какъ личную унію. Всеобщее недовольство заставило в. к. Ягайллу даже нѣсколько ослабить патріархальный характеръ своей власти и опубликовать извѣстный привилей 1387 г. [1]). Подымая правовое положеніе литовскихъ магнатовъ, принявшихъ католицизмъ, в. к. надѣялся, что воспользовавшіеся этимъ привилеемъ несомнѣнно станутъ на сторону непопулярной уніи. Но разсчеты Ягайлла не оправдались. Боярство, не смотря на заманчивыя обѣщанія привилея, крестилось очень неохотно.

Само собою понятно, что объ отказѣ отъ своей національной самобытности, цѣною привилея, магнатство и не думало.

Отношеніе его къ уніи отчетливо сказалось въ борьбѣ Витовта съ Ягайллой; и поддержка оказанная боярствомъ Витовту въ его борьбѣ за національную независимость, заставила Ягайллу пойти на уступки, въ результатѣ чего явилось Островское соглашеніе.

Новая унія радикально расходилась съ актомъ 1385 г. Она, ни слова не говоритъ объ инкорпораціи Литвы, признавала Витовта в. княземъ, потребовавъ только отъ него присягу «никогда не покидать королевы и короны польской». Великій князь, хотя и зависѣлъ отъ польскаго короля, какъ верховнаго господаря, все-таки на рялу съ нимъ, принимаетъ присягу отъ другихъ литовско-русскихъ князей, назначаетъ на должности. Конечно, это было не то, о чемъ мечтала польская политическая мысль, но приходилось примириться, хотя бы временно, съ новымъ положеніемъ дѣла.

Временное соглашеніе гарантировало Литвѣ автономный государственный режимъ и даже не безъ нѣкоторой выгоды, такъ какъ отчасти обезсиленное княжество пріобрѣтало въ лицѣ Польши сильнаго союзника. Вполнѣ понятно, что условія Островскаго соглашенія, скрѣпленнаго подписями магнатства, были вполнѣ пріемлемы для литовскихъ націоналистовъ.

Когда въ концѣ XIV в. пошатнулось международное положеніе Витовта, поляки, не упуская изъ виду удобнаго момента, опять поставили на очередь вопросъ объ уніи. Не чувствуя себя въ состояніи активно противодѣйствовать планамъ поляковъ, Витовтъ и его

---

[1]) Zbior praw litewskich, стр. 1—7.

бояре пошли на уступки и подписали предложенный имъ трактатъ. Условія уніи 1401 г. нѣсколько расходились съ содержаніемъ двухъ предшествовавшихъ трактатовъ, являясь своеобразнымъ компромиссомъ ихъ крайнихъ положеній. Витовтъ, князья и боярство даютъ обѣщаніе помогать полякамъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, заботиться объ ихъ интересахъ и, по смерти Витовта, не искать другого господаря помимо польскаго короля. Такія же обязательства давали и поляки по отношенію къ Литвѣ: безъ согласія литовцевъ и Витовта не избирать новаго короля въ случаѣ смерти Ягайллы [1]). Новая унія не отказывала Литвѣ въ признаніи за нею извѣстнаго рода самостоятельности, хотя бы и связанной съ Витовтомъ, и ставила ее въ союзныя отношенія къ Польшѣ. Литовская знать временно ничего не имѣла противъ такой постановки вопроса, но едва-ли это соотвѣтствовало интересамъ и планамъ польскаго правительства.

Обстоятельства вскорѣ начали складываться не въ пользу Польши. Положеніе Витовта скоро упрочилось къ лучшему. Онъ попрежнему занимаетъ видное мѣсто въ международныхъ отношеніяхъ, вмѣшиваясь въ дѣла татарскія, литовскія и сѣверо-восточныя [2]). Ливонскій орденъ заискиваетъ передъ Витовтомъ, а имп. Сигизмундъ даже предложилъ ему королевскій вѣнецъ. При такомъ положеніи дѣла условія уніи 1401 г. признававшія за Литвой право на самобытный государственный режимъ только до смерти Витовта, не соотвѣтствовали положенію дѣлъ, и Литва явно стремится къ разрыву съ Польшей. Для поляковъ сепаратизмъ Литвы былъ невыгоденъ въ виду агрессивныхъ дѣйствій со стороны ордена. Начинаются вновь переговоры объ возобновленіи уніи, и для этого въ 1413 г. собрались на съѣздъ въ Городлѣ, на которомъ присутствовали не только литовская знать, но и военно-служилый классъ, какъ условія, характеризующія прочность уніи. Сеймъ 1413 г. [3]) возобновилъ снова унію, но внесъ значительныя измѣненія въ союзный договоръ сравнительно съ договоромъ 1401 года.

Новый трактатъ признавалъ за Литвой право на самобытный государственный режимъ. Литва впредь будетъ имѣть своего особаго государя, которому польскій король делегируетъ свою власть. Ставилось только условіемъ, чтобы „barones et nobiles post mortem Alexandri alias Witoldi magni ducis moderni, nullum habebunt aut eligent pro magno principe et domino Litwaniae, nisi quem rex Poloniae vel ipsius successores, cum consilio praelatorum et baronum Poloniae, et terrarum Littwaniae duxerint eligendos statuendos et locandos“ [4]).

---

[1]) Любавскій Л.-Р. Сеймъ, стр. 28. Monumenta medii aevi. VI. № 234.
[2]) Барбашевъ: Витовтъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ княженія, стр. 103—113.
[3]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 33—35.
[4]) Zbior praw litewskich, 15, XIII ст.

Такія же обязательства давали и поляки въ случаѣ прекращенія династіи Ягайлла. Помимо уступокъ литовскому сепаратизму, въ цѣляхъ привлеченія боярскихъ симпатій и болѣе широкихъ слоевъ къ уніи. Ягайлло даровалъ баронамъ и шляхтѣ рядъ новыхъ правъ и вольностей. которыми до сихъ поръ пользовалась только польская шляхта. Привилей 1413 года является дополненіемъ къ первому привилею Ягайлла, но кругъ лицъ, на которыхъ онъ распространяется, значительно шире, чѣмъ въ привилеѣ 1387 г. Послѣдній имѣлъ въ виду только боярство (baro-nes)" городельскій привилей данъ, nobilitati Lituanice". Онъ имѣетъ въ виду всю „nobilitas", а не только одно боярство, которое, по смыслу привилея, является только частью шляхетскаго сословія. Новый привилей, значительно, расширяя правовое положеніе шляхтича, освобождалъ его также отъ всякаго рода натуральныхъ повинностей, за исключеніемъ военной службы (vias expeditionales facere) и замковой повинности, по заставлялъ „tributadare juxta antiquam consuetudinem".

Впрочемъ, кругъ дѣйствія привилея былъ сначала не широкъ. Пользованіе его благами связывалось съ принадлежностью къ католическому вѣроисповѣданію. Привилей устанавливалъ должности по польскому образцу, но на всѣ новые уряды могли назначаться только «fidei catholicae cultores et subjecti sanctae romanae ecclesiae», а также вводилъ сеймы для совѣщаній о благѣ и пользѣ обоихъ государствъ, съ правомъ участія пановъ, прелатовъ и шляхты королевства Польскаго и земель литовскихъ» (pro commodo et utilitate regni Poloniae et terrarum Litwaniae praedictarum meliori).

Опубликуя свой привилей, Ягайлло, можно предполагать, хотѣлъ связать унитарный вопросъ съ интересами широкихъ слоевъ шляхты. Дальнѣйшіе факты отчасти оправдали намѣреніе Ягайллы. Сближеніе съ Польшей и знакомство съ ея политическимъ строемъ заставляетъ шляхту стремиться къ большему расширенію своихъ правъ. Шляхта не могла не видѣть, что реализація ея желаній только возможна притѣсномъ союзѣ Литвы съ Польшей. Какой характеръ примутъ литовско-польскія отношенія—для шляхты это имѣло существенное значеніе. Дѣйствительно, апологеты уніи нашли въ литовской, а потомъ и русской шляхтѣ вѣрнаго союзника.

Привилей 1413 г. наносилъ сильный ударъ литовскимъ магнатамъ, отчасти уравнивалъ ихъ со шляхтой въ сферѣ гражданской правоспособности и политическихъ правъ. За магнатами остались только обычныя служебныя прерогативы, и они прекрасно понимали, что дальнѣйшее сближеніе съ Польшей можетъ повлечь за собою потерю боярствомъ своего политическаго вліянія и положенія. Этимъ отчасти и объясняется національстическое настроеніе литовской знати, не соглашавшейся на предлагаемые унитарные проекты.

Собственно говоря, больной вопросъ принималъ нѣсколько иную физіономію и сводился къ вопросу борьбы знати со шляхтой на почвѣ расширенія политическихъ и юридическихъ правъ послѣдней. Въ шляхтѣ польскіе дипломаты получили вѣрнаго союзника, но воспользоваться имъ однако пришлось не скоро. Въ XV в. шляхта еще не играла никакой роли въ разнаго рода обще-государственныхъ дѣлахъ. Ея активное выступленіе рѣзко бросается въ глаза только въ правленіе обоихъ Сигизмундовъ. Поляки при заключеніи уніи, учли существующее соотношеніе силъ, взявъ отъ бояръ особую запись, въ которой еще лишній разъ подчеркивались союзныя обязательства Литвы по отношенію къ Польшѣ [1]). Подобнаго рода запись была выдана и поляками литовцамъ.

Но унія 1413 года оказалась такой же непрочной, какъ и предыдущія соглашенія Литвы съ Польшей. Литовское боярство отнюдь не желало признавать единства обоихъ государствъ, даже съ отдѣльнымъ государемъ для Литвы, и, послѣ смерти Витовта, литовско-русское княжество не признавая никакихъ обязательствъ, стало прямо-таки во враждебныя отношенія къ Польшѣ.

По крайней мѣрѣ такъ себя держалъ в. кн. Свидригайлло по отношенію къ сосѣднему народу. Сепаратисткія стремленія [2]) Свидригайллы обратили на себя вниманіе поляковъ, да къ тому же онъ выступалъ противъ Польши, опираясь на аннексированыя русскія земли, на которыя не распространялось дѣйствіе привилеевъ 1387 г. и 1413 г. Свидригайлло, конечно, всячески покровительствовалъ русскому элементу, но этимъ была недовольна собственно Литва. Ея боярство, изъ боязни наплыва русскаго элемента и потери своего правительствующаго положенія признала в. кн. Сигизмунда, который, какъ обязанный престоломъ боярству, конечно будетъ опираться на литовскій элементъ въ своей правительственной политикѣ. Но польская дипломатія учла значеніе русскаго элемента въ княжествѣ, и въ интересахъ давно лелѣянной уніи приступила къ уравненію литовской и русской шляхты въ правовомъ отношеніи. Приходится отмѣтить ея затруднительное положеніе: уравненіе въ правахъ необходимо для торжества уніи, но это можетъ вызвать движеніе собственно въ Литвѣ. Этимъ вѣроятно, и объясняется половинчатость мѣръ со стороны поляковъ, что такъ рѣзко обнаружилось въ содержаніи привилея 1432 г.

Опубликованный Ягайллой привилей въ моментъ государственнаго переворота 1432 года, уравнивалъ въ правахъ литовскую и русскую шляхту, такъ какъ по смыслу привилея его дѣйствіе распространялось

---

[1]) Zbior praw litewskich 31—23, Любавскій, Л. Р. Сеймъ, стр. 35.

[2]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 65—69.

на «predictos principes, nobiles et bojaros Ruthenorum»[1]). Новый привилей, не давая никакихъ новыхъ правъ въ сравненіи съ Городельской хартіей, предоставлялъ русскимъ брать гербы у литовцевъ, тѣ самые гербы, которые они получили отъ поляковъ, а литовцамъ вмѣнялось въ обязанность принимать русскую знать въ свои гербовыя братства, по сношеніи съ своими польскими одно-гербовниками. Въ концѣ привилея указывается и на мотивъ всѣхъ этихъ уступокъ русской знати: «дабы на будущее время между обоими народами не было розни или какого-нибудь неравенства, коими можетъ наноситься ущербъ государству, чтобы всѣ утѣшенные одинаковыми милостями, единодушно и согласно, съ одинаковымъ рвеніемъ и постоянствомъ, радѣли о благѣ и преуспѣяніи государства, ревностно и вѣрно исполняли повелѣнія короля Ягайллы и брата его вел. кн. Сигизмунда».

Впрочемъ, для польской политики опубликованный привилей не могъ имѣть большого значенія: его дѣйствіе распространялось не на всю Русь, а только на Русь—Литовскую, да къ тому же пользованіе правами связывалось съ принадлежностью къ опредѣленному вѣроисповѣданію, которое среди русской шляхты XV в. еще было слабо распространено. Вслѣдствіе этого русская шляхта, и послѣ полученія привилея, не могла стать сторонницей уніи. Поэтому едва ли правъ М. К. Любавскій[2]), разсматривая вышеприведенный привилей, какъ уравненіе въ правахъ русскихъ безъ различія вѣроисповѣданія, съ отмѣной соотвѣтствующихъ ограничительныхъ статей Городельскаго привилея, касающихся вѣроисповѣднаго вопроса. Только привилей 1563 г. почти наканунѣ Люблинской уніи, отмѣнилъ указанныя ограниченія. Дѣйствіе привилея 1432 г. не распространялось на обывателей другихъ русскихъ областей, державшихся Свидригайллы, но и тутъ польское правительство предприняло нѣкоторые шаги въ смыслѣ уравненія ихъ въ правахъ съ литовцами, хотя и не по отношенію ко всѣмъ аннексированнымъ русскимъ землямъ. Будучи во Львовѣ, Ягайло выдалъ Луцкой землѣ отдѣльный привилей—князьямъ, боярамъ, прелатамъ и рыцарямъ земли Луцкой, какъ римской, такъ и греческой вѣры. Права и вольности шляхты королевства Польскаго распространялись привилеемъ на соотвѣтствующіе станы Луцкой земли[3]). Впрочемъ, привилей не имѣлъ практическаго значенія: Луцкая земля перешла на сторону Свидригайллы, но онъ любопытенъ, какъ фактъ, указывающій на ближайшій курсъ политики польскаго правительства по отношенію къ русскимъ областямъ.

---

[1]) Вар. Унив. Изв. 1893. III, стр. 22—24 Любавскій, Л.-Р. Сеймъ. стр. 75.
[2]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 77.
[3]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 76., Monumenta medii aevi tomus II № 82.

Съ возведеніемъ на престолъ Сигизмунда вопросъ объ уніи снова выдвигается на первый планъ, и обѣ стороны въ Гродно подписали новое унитарное соглашеніе [2]), при участіи литовскихъ прелатовъ и пановъ, какъ и въ 1413 году. Новый трактатъ признавалъ Сигизмунда пожизненнымъ соправителемъ польскаго короля по избранію прелатовъ, пановъ и шляхты обоихъ государствъ.

Послѣ его смерти великое княжество переходитъ къ Ягайллѣ, за исключеніемъ отчинныхъ владѣній, поступающихъ въ законное распоряженіе наслѣдниковъ Сигизмунда. Подолье уступалось Польшѣ. Та же судьба постигала и Волынь, но присоединеніе послѣдней встрѣтило пока существенныя препятствія: она была на сторонѣ Свидригайллы. Поэтому, сначала приходилось отнять ее у Свидригайллы, а потомъ думать о присоединеніи къ Польшѣ. Какъ бы уступая литовскимъ націоналистамъ, новый трактатъ обусловливалъ присоединеніе Волыни только послѣ смерти Сигизмунда. Великій князь обязывался также быть вѣрнымъ союзникомъ и защитникомъ Польши, а чтобы отнять у литовцевъ всякую надежду на самостоятельность, заставили Сигизмунда пообѣщать, не обольщаться ничьими подговорами и не хлопотать о королевскомъ вѣнцѣ безъ вѣдома и согласія короля, его преемниковъ и короны Польской. Союзный договоръ скрѣплялся подписями литовскихъ магнатовъ—свидѣтелей переговоровъ.

Новая унія была дѣломъ рукъ литовскаго панства, боявшагося наплыва русскаго элемента, а, слѣдовательно, и потери пріобрѣтеннаго вліянія. Сравнительно съ условіями уніи 1413 г. новый договоръ былъ менѣе выгоденъ литовскому боярству: въ немъ вопросъ о литовской самобытности въ сферѣ государственныхъ отношеній былъ связанъ съ личностью Сигизмунда и носилъ такимъ образомъ временный характеръ, что являлось отчасти возвращеніемъ къ условіямъ третьей литовско-польской уніи.

Это была измѣна національному дѣлу, но на нее литовская знать рѣшилась, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, въ цѣляхъ подавленія и униженія выступившаго на историческую сцену русскаго элемента.

Положеніе Сигизмунда въ Литвѣ не отличалось прочностью. Русскія земли были по прежнему на сторонѣ Свидригайллы, не признавая ни уніи, ни новаго господаря. Да и литовское магнатство не подчинялось князю и не признавало унизительной для національнаго самолюбія уніи. Такое стеченіе обстоятельствъ заставило Ягайллу пріѣхать въ Литву и лично вручить ему княженіе, приказывая литовцамъ повиноваться

---

1) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 73.

ему, какъ законному великому князю, а чтобы еще болѣе упрочить унію, рѣшено было подтвердить ее новымъ договоромъ. Новое подтвержденіе уніи было только повтореніемъ предшествовавшихъ актовъ. Обѣ стороны выдали соотвѣтствующіе документы, скрѣпленные подписями туземныхъ пановъ.

И вторичное согласіе на унію литовское магнатство было вынуждено дать, такъ какъ положеніе дѣлъ внутри оставалось старое, Русь оставалась вѣрна Свидригайллѣ, и Литвѣ грозило полное поглощеніе Русью, если послѣдняя добьется самостоятельности. Во избѣжаніе послѣдней литовскіе потентаты и протягивали руку Польшѣ, въ надеждѣ, съ ея помощью, подчинить возставшія русскія земли. Такъ, намъ кажется, можно объяснить вторичное согласіе, данное боярствомъ на унію.

Вслѣдъ за подписаніемъ уніи, Сигизмундъ опубликовалъ новый привилей, долженствующій привязать населеніе къ уніи и великому князю. Въ большинствѣ статей привилей 1434 г. является повтореніемъ хартіи, изданной два года назадъ, но впрочемъ, съ нѣкоторыми существенными дополненіями. Новый государь обѣщалъ никого не карать и не наказывать по тайному или явному доносу, иначе какъ по суду, отправленному по обычаю земли. Это чрезвычайное важное дополненіе въ духѣ польскаго «meminemcaptabimus» впослѣдствіи подтверждалось его преемниками, и, конечно, вошло въ Литовскій Статутъ, въ видѣ первой статьи, перваго раздѣла. Затѣмъ привилей освобождаетъ, князей и подданныхъ княжескихъ и боярскихъ отъ дякла, что еще требовалось (tributa dare) привилеемъ 1413 г.

Несмотря на стремленіе примирить враждующее населеніе, Сигизмунду этого не удалось. Рознь католиковъ и православныхъ, впервые введенная въ жизнь привилеемъ 1413 г., была закрѣплена и новой хартіей, польско-католической по духу.

Сигизмундъ не удержался на престолѣ, хотя и удалось осилить Свидригайллу [1]). Тираническій его характеръ и крупныя территоріальныя уступки погубили его. Великій князь скоро былъ убитъ, и снова старые вопросы стали очередными. Если поляки настаивали на уніи съ Литвой, хотя она дважды была возобновляема въ 1437 и 1439 гг. съ отчужденіемъ Волыни и Подолія, то для Литвы весь спорный вопросъ заключался въ возвращеніи уступленныхъ Польшѣ земель и укрѣпленіи государственной самобытности.

Отсюда, живое стремленіе Литвы имѣть великимъ княземъ не ставленника Польши, а избраннаго отдѣльно. Литва не могла прими-

---

[1]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 95.

риться съ мыслью, что Польша разсматривала ее, какъ подчиненное ей государство. Благодаря прекращенію внутренней войны, Литва могла поступать смѣлѣе, настойчивѣе, не дѣлая Польшѣ никакихъ излишнихъ уступокъ.

Поляки пока предоставили литовцамъ полную свободу, внимательно слѣдя за ихъ внутренними отношеніями.

Внутри же шла партійная борьба изъ-за кандидатовъ на престолъ, ихъ было не мало, но, въ концѣ концовъ, взяла верхъ партія, выдвигавшая кандидатуру Казимира Ягеллончика.

Приглашеніе Казимира на велико-княжескій престолъ сразу измѣняло отношеніе къ Польшѣ. Поляки это сознавали и, конечно, не сочувствовали поведенію литовскихъ пановъ. Не даромъ король соглашался отпустить его въ Литву только въ качествѣ намѣстника, хотя это было бы нарушеніемъ условій уніи 1413 и 1432 гг.

Въ виду такихъ дѣйствій короля, литовскіе паны объявили о расторженіи уніи и призвали на престолъ Казимира, чѣмъ свели на нѣтъ рядъ братскихъ договоровъ.

Поляки отнюдь не теряли надежды на возстановленіе уніи, и на окончательное оставленіе за собой части литовской территоріи тѣмъ болѣе, что польскіе государственные дѣятели уже въ это время прекрасно учитывали ту роль, которую можетъ сыграть литовско-русская шляхта въ дѣлѣ соединенія Польши съ Литвой.

Впрочемъ и обстоятельства складывались въ пользу поляковъ. Польскій престолъ сталъ вакантнымъ и поляки рѣшили пригласить на престолъ литовскаго велик. князя. Актомъ избранія Казимира на польскій престолъ сразу создавались подходящія условія для возобновленія уніи на началахъ инкорпораціи. Предложеніе поляковъ поставило Казимира въ затруднительное положеніе. Принять престолъ—значитъ измѣнить автономическимъ стремленіямъ Литвы. Поэтому вполнѣ понятно колебаніе Казимира, что и было отмѣчено современниками и болѣе поздними хроникерами [1]). Да и самъ литовскій сеймъ высказался противъ принятія польской короны [2])

Впрочемъ, литовцы недолго упорствовали въ своемъ отказѣ, такъ какъ кандидатура Болеслава Мазовецкаго на престолъ польскій грозила такими осложненіями для Литвы, что въ принципѣ было рѣшено согласиться на вторичное предложеніе короны, но не соглашаться на унію на основаніи старыхъ трактатовъ. И дѣйствительно, литовскимъ панамъ удалось взять у короля особую клятвенную запись, въ которой Казиміръ признавалъ существованіе только оборонительнаго союза

---

[1]) *Довнаръ-Запольскій*, Литовско-польская унія, 2.

[2]) Любавскій, Л. Р. Сеймъ, стр. 111.

между Литвой и Польшей и считалъ земли Луцкую, Подольскую, Ратно, Ветлы, Лопатинъ и Олеско—территорію, на которую заявляла притязанія Польша, землями литовскими. Литовцы отстояли свой государственный самобытный режимъ и получили право послѣ смерти Казимира избрать отдѣльно или съ поляками особаго великаго князя, что было возвращеніемъ къ договору объ уніи 1413 года. Правда эта запись не была подтверждена поляками, и съ ней поляки никогда не считались [1]). Наоборотъ, какъ только состоялся первый сеймъ въ присутствіи короля, поляки потребовали подтвержденія, что Подолія и часть Волыни—остаются за Польшей. Петроковскія сеймовыя событія вызвали негодованіе со стороны литовскихъ магнатовъ, смотрѣвшихъ на требованія сейма, какъ на вызовъ Литвѣ. Вѣроятно этимъ негодованіемъ литовскихъ магнатовъ объясняется отъѣздъ Казимира въ Литву, и отказъ подтвердить права и вольности поляковъ, пока поляки не выяснятъ своихъ отношеній къ Литвѣ и откажутся отъ притязаній на Литовскую территорію. Въ общемъ положеніе Казимира было затруднительно. Литовскіе магнаты недовѣряли своему господарю и обвиняли его въ измѣнѣ національному дѣлу, а русскіе аннексированныя земли, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Литвы, стремились къ полному отдѣленію отъ Литвы. Въ цѣляхъ примиренія Руси и Литвы и привлеченія на свою сторону болѣе широкихъ слоевъ русской шляхты, Казиміръ въ 1447 г. опубликовалъ новый привилей. Его содержаніе значительно шире предыдущихъ привилеевъ. Права и вольности шляхты приближаются, если не совсѣмъ, то отчасти къ Польскимъ, что какъ бы являлось иллюстраціей необходимости унитарныхъ отношеній Литвы съ Польшею. Любопытно то, что этотъ привилей данъ не только литовско-русской nobilitati, но также и мѣщанамъ. Привилей 2-го мая 1447—имѣлъ огромное значеніе и для политическаго строя Литвы и для уніи. Если съ этого времени боярство, а потомъ шляхта выступаютъ въ качествѣ вершителей по нѣкоторымъ государственнымъ вопросамъ, и тѣмъ самымъ положили начало расширенію компетенціи «вальнаго сейма», то отнынѣ шляхта рѣзко становится на сторону уніи, въ интересахъ полнаго уравненія съ поляками и ослабленія вліянія литовскихъ магнатовъ: опубликованіемъ привилея 1447 г. было заранѣе выиграно дѣло уніи. Впрочемъ, при чтеніи привилея можно думать, что онъ пропитанъ анти-польскимъ духомъ, какъ это думаетъ Леонтовичъ [2]).

Дѣйствительно, вк. литовскій обѣщаетъ раздавать уряды, держанія и владѣнія только литовско-русскимъ туземцамъ, какъ не уменьшать

---

[1]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, стр. 114.
[2]) Ж. М. Н. Пр. 1908, III, 76.

dominia et terras magni ducatus nostri praedicti sed in limitibus suis, quemadmodum praedecessores nostri et praesertim felicis recordationis magnus dux Alexander Vitoldus patruus noster predictus tenuit. В. Князь обязывается in eisdem limitibus integre et plenarie tenere et defendere [1])

Конечно, въ этихъ статьяхъ сказалось отрицательное отношеніе къ польскимъ тенденціямъ и является уступкой общественному мнѣнію, которое можетъ быть увѣрено въ томъ, что господарь не унизитъ своего государства, хотя бы поляки и не выдали соотвѣтствующаго обѣщанія. Казимиру нужно было вырвать согласіе на престолъ безъ соотвѣтствующаго обязательства со стороны поляковъ по отношенію къ Литвѣ. Нельзя видѣть также отрицательное отношеніе къ польскому вліянію въ полномъ молчаніи привилея о православныхъ, и въ тоже время посвятить рядъ статей, трактующихъ о вольностяхъ костеловъ и замѣщеніи въ нихъ пастырскихъ должностей. Если же прибавить, что всѣ статьи, измѣняющія юридическое и экономическое положеніе шляхты, заимствованы изъ Польши, то, въ общемъ, приходится признать, что привилей проникнутъ всецѣло польскими правовыми идеями и тенденціями. Антипольскія статьи это ловкій шагъ для усыпленія патріотической бдительности литовскаго магнатства. Впрочемъ, несмотря на полное молчаніе послѣднихъ привилей о правахъ православной шляхты, послѣдняя на практикѣ пользовалась всѣми правовыми нормами, предоставленными, католической шляхтѣ, впрочемъ за исключеніемъ возможности занимать должности. Молчаніе привилея о православныхъ—это дань католической Польшѣ, чего не отрицаетъ и Леонтовичъ, только въ этихъ статьяхъ увидѣвшій польскія симпатіи [2]).

Настроеніе поляковъ опредѣлилось на общемъ сеймѣ въ Люблинѣ 1448 г. Позиціи поляковъ и литовцевъ были тѣ же. Никто не хотѣлъ итти на уступки. Литовцы не допускали и мысли объ инкорпораціи, хотя поляки предлагали сліяніе Литвы и Польши въ одно государство, распространеніе въ Литвѣ польскихъ вольностей, но это предложеніе, унижавшее національную гордость Литвы, было отвергнуто, и Люблинскій сеймъ окончился ничѣмъ. И другія сеймовыя совѣщанія такъ же ни къ чему не привели. Въ теченіе всего господарства Казимира отношенія Литвы къ Польшѣ оставались неопредѣленными, но спорныя земли поляки разсматривали какъ присоединенныя къ Польшѣ. Польская политика Казимира встрѣчала всеобщее неудовольствіе. Патріотическое чувство Литвы не успокоили антипольскія статьи въ привилеѣ. Была даже сдѣлана попытка убійствомъ отдѣляться отъ полонофильствующаго короля. Когда это не удалось, литовцы въ 1478 г. просятъ Казимира дать имъ отдѣль-

---

[1]) Zbior praw litewskich 28—35.
[2]) Ж. М. Н. Пр. 1908, III, 77.

наго князя въ лицѣ одного изъ своихъ сыновей. Казиміръ далъ отрицательный отвѣтъ на просьбу литовцевъ, и Литвѣ оставалось ждать съ нетерпѣніемъ смерти Казимира. Смерть послѣдняго приподняла нѣсколько упавшій духъ литовцевъ. Игнорируя поляковъ, они избираютъ на престолъ Александра. Эта была большая побѣда со стороны литовскихъ и русскихъ сепаратистовъ. Не даромъ глава русскихъ сепаратистовъ кн. М. Глинскій принималъ такое участіе въ избраніи в. к. Александра. Избирая на престолъ Александра, магнаты заставили новаго господаря выдать привилей, который подтвердилъ бы прежнія хартіи и также закрѣпилъ за магнатами то положеніе, которое они фактически занимали въ средѣ государственной дѣятельности благодаря постояннымъ поѣздкамъ Казимира въ Польшу.

Привилей 1492 г.[1]) не далъ шляхтѣ никакихъ новыхъ правъ, и все его содержаніе относится къ литовско-русской аристократіи, за исключеніемъ статьи о неповышеніи людей низшаго званія надъ шляхтой. Закрѣпляя за аристократіей, какъ членами «господарской рады» активное участіе въ сферѣ внутренней и внѣшней политики, новый господарь существенно ограничивалъ прерогативы своей власти.

Для литовскихъ націоналистовъ—подобнаго рода привилей являлся необходимостью. Поведеніе Казимира являлось прямымъ доказательствомъ того, насколько заслуживали довѣрія королевскія слова и обѣщанія. Только взявъ кормило правленія въ свои руки—магнаты могли быть увѣрены въ сохраненіи литовской независимости.

По мнѣнію Леонтовича, привилей 1492 г. положилъ начало уравненію политическихъ правомочій литовско-русскихъ пановъ съ польскими. Отчасти эта мысль вѣрна. Положеніе литовской рады и ея отношенія къ своему государю напоминали подобныя же отношенія польскаго сената къ своему королю. Но это уравненіе было не заимствованіемъ изъ Польши новаго института, а юридическимъ конструированіемъ положенія боярства, создавшагося на почвѣ бытовыхъ отношеній князя и боярства. Отношенія князя и боярства, основанныя на обычаѣ, смѣнялись отношеніями, скрѣпленными прочными правовыми гарантіями. Общность институтовъ Литвы и Польши—результатъ нѣкотораго единства и отчасти однообразія въ ходѣ историческаго процесса въ Литвѣ и Польшѣ.

Но затруднительныя внѣшнія и внутреннія обстоятельства давали литовской политикѣ иной тонъ и направленіе заставляя искать союза съ Польшей, и въ 1499 году оба государства подписали новое соглашеніе. Впрочемъ, польская дипломатія, въ виду затруднительнаго внѣшняго

---

[1]) Zbior praw litewskich, 58—66.

положенія, не была особенно настойчива въ своихъ требованіяхъ, и актъ 1499 г. признавалъ за литовцами право на самостоятельный государственный режимъ, причемъ Литва становилась по отношенію къ Польшѣ въ тѣ же отношенія въ какихъ она находилась раньше согласно трактатамъ 1413 и 1432 г.[1]). Во всякомъ случаѣ магнаты могли быть довольны результатами своихъ дипломатическихъ переговоровъ.

Но политика магнатства вызывала большое недовольство въ шляхтѣ, которая находилась отъ него, можно сказать, въ нѣкоторой зависимости, такъ какъ почти всѣ вопросы, касающіеся государства, рѣшались имъ, какъ членами рады. Эта зависимость сказывалась особенно въ назначеніи новыхъ сборовъ для военныхъ нуждъ, и тутъ магнаты могли поступать по собственному усмотрѣнію.

Недовольство было повсемѣстное, но особенно рѣзко обнаружилось, когда вспыхнуло на югѣ сепаратистское движеніе Мих. Глинскаго; уже послѣ смерти короля Александра. Населеніе, вѣрнѣе шляхта была не только противъ политики магнатовъ, ее не могло не волновать, что всѣ мѣста въ княжеской радѣ и по управленію государствомъ попали въ руки литовцевъ, не дававшихъ хода русскому элементу, основываясь на привилеѣ 1413 г. Вотъ причины всеобщаго недовольства.

Возстаніе Глинскаго интересно и съ другой стороны, какъ вѣрный показатель, насколько шляхта оцѣнила благо польскаго права, какъ слѣдствіе литовско-польскихъ уній. Выяснилось, что тѣ земли, гдѣ преобладало мелкое и среднее землевладѣніе, тамъ возстаніе не встрѣтило поддержки. Все сѣверо-западное земянство, уже окатоличенное и воспользовавшееся привилеями, оставалось вѣрно Сигизмунду.

Наоборотъ, кіевское земянство, на которое, какъ православное, блага польскаго права еще не вполнѣ распространились—поддержало Глинскаго [2]).

Такимъ образомъ, это движеніе ясно обнаружило симпатіи части шляхты къ Польшѣ и отрицательное отношеніе къ аристократіи, а сочувствіе православнаго земянства Глинскому намѣчало польской дипломатіи дальнѣйшій планъ дѣйствій для привлеченія на свою сторону и православнаго земянства: надо было уравнять въ правахъ православную шляхту съ католической и тѣмъ уничтожить соотвѣтствующія статьи городельскаго привилея. Впрочемъ, на послѣднее рѣшились не скоро—только въ 1563 г., когда къ этому времени выяснилось, что безъ поддержки русской шляхты немыслимо инкорпорированіе части территоріи.

Въ княженіе Александра внѣшнее положеніе Литвы было очень тяжелымъ. Борьба съ Москвой продолжалась безъ устали. Какъ разъ

---

1) Zbior praw litewskich, стр. 75—76.

2) *Антоновичъ*, Монографіи, 244.

въ разгарѣ военныхъ дѣйствій умираетъ польскій король. Теперь не поляки хлопочутъ о приглашеніи литовскаго князя на польскій тронъ, а литовцы, въ цѣляхъ еще большаго сближенія съ Польшей для пріобрѣтенія надежнаго союзника для борьбы съ Москвой.

Поляки учли положеніе дѣлъ въ Литвѣ и настроеніе шляхты, переносившей всѣ тяжести военныхъ невзгодъ и рѣшили воспользоваться настоящимъ моментомъ для реализаціи давнишнихъ политическихъ мечтаній. Правда, у поляковъ были и другіе кандидаты, но перспектива соединенія двухъ народовъ въ одно государство доставила корону Александру.

Новая унія, по своему содержанію, рѣзко отличается отъ предыдущихъ братскихъ трактатовъ. Она напоминаетъ собою проэктъ уніи 1446 г.[1]). Тогда его отвергли, но теперь, въ виду войны, приходилось уступить и согласиться на всѣ предложенныя усилія.

Литовскіе послы, скрѣпя сердце, подписали договоръ. Чины польскаго сейма утвердили его присягой. Послы уѣхали домой, обѣщая склонять в. князя и своихъ братьевъ къ принятію уніи, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ[2]): отнынѣ Литва и Польша сливаются въ одно государство, будутъ имѣть общаго государя, общій польско-литовскій сеймъ, одну монету, но разные суды и должности. Оба государства будутъ неразлучны въ счастіи и несчастіи, признавая за прежними договорами обязательную силу. Новая унія, какъ подписанная только по необходимости, конечно, въ чистомъ видѣ была непріемлема въ Литвѣ. Дать согласіе на унію 1501 г.—это значитъ разъ навсегда отказаться отъ національной независимости, лишиться своего національнаго лица, изъ за котораго было столько несогласій и споровъ между братскими народами.

Да и статья, настаивающая на обязательности старыхъ трактатовъ толковалась не въ пользу Литвы, и спорная территорія укрѣплялась за Польшей.

Помимо всего, литовское боярство, которое съ 1492 г. почувствовало себя крупной политической силой, должно было бы лишиться своего авторитета и значенія если бы унія 1501 г. превратилась бы въ реальный фактъ. Вѣдь къ этому времени обострившіяся отношенія въ Польшѣ между знатью и шляхтой вели къ вѣрной побѣдѣ послѣдней. Унія 1501 г. уравняла бы права польской и литовско-русской шляхты, лишивъ радныхъ пановъ того значенія, которое они пріобрѣли по вышеприведенному привилею. Но политическій моментъ былъ слишкомъ тяжелъ для

---

[1]) *Довнаръ-Запольскій*, Литовско-польская унія, стр. 2.

[2]) *Любавскій*, Л.-Р. Сеймъ, стр. 144. Zbior praw litewskich, 77—81.

Литвы, чтобы отказываться отъ условій новозаключенной уніи, и вк. Александру, и бывшимъ съ нимъ боярамъ оставалось одно—скрѣпить своими подписями написанный трактатъ, но вк. не рѣшился созвать сеймъ для подтвержденія условій заключенной уніи. Впрочемъ, условія уніи на практикѣ не были осуществлены. Польша слабо помогала Литвѣ въ ея войнѣ съ Москвой, а литовское правительство, несмотря на Мельницкую унію, продолжало разсматривать себя какъ представителя независимой въ политическомъ смыслѣ Литвы. Поэтому, унія 1501 г. интересна только, какъ показатель, къ какимъ конечнымъ результатамъ стремилась польская дипломатія. Въ 1506 году вопросъ объ уніи снова сталъ животрепещущимъ, но пока обѣ стороны не ставили его ребромъ; и хотя Литовцы не поѣхали на общій сеймъ для избранія государя, и самостоятельно на сеймѣ «едностайною волею»[1]) избрали вк. Сигизмунда—поляки сдѣлали тоже самое у себя дома, не затрагивая и не обсуждая никакихъ вопросовъ изъ области государственнаго права. Съ избраніемъ Сигизмунда на польскій престолъ независимо отъ нежеланія литовцевъ осуществить условія Мельницкой уніи, фактически она отчасти осуществилась—оба государства имѣли одного государя, а остальныя условія можно постепенно ввести въ жизнь, не обостряя отношеній.

Дѣйствительно, въ первые годы правленія Сигизмунда польско-литовскія отношенія были приличны, и ни одна изъ сторонъ не подымала вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ. Такъ складывались отношенія Литвы и Польши не столько на почвѣ права, сколько факта. Избирая Сигизмунда вел. княземъ, литовское боярство било ему челомъ объ утвержденіи въ особомъ привилеѣ правъ и вольностей, пожалованныхъ прежними господарями[2]). Такая просьба пановъ понятна. Имъ нужно было укрѣпить за собою вліяніе, на государственныя дѣла, пріобрѣтенное предыдущимъ привилеемъ, удержать шляхту на старыхъ позиціяхъ. Дѣйствительно, новый привилей ничего не прибавляетъ къ общешляхетскимъ правамъ, но зато расширяетъ компетенцію пановъ рады, безъ согласія которой вк. князь не могъ издавать никакихъ постановленій въ области внутренней и внѣшней политики. Этимъ привилеемъ рада по закону получила законодательныя функціи. Такъ борьба панства за литовскую независимость вела къ увеличенію правъ того же панства, какъ участниковъ велико-княжеской думы. Но подобное повышеніе не могло нравиться шляхтѣ, начинавшей играть все болѣе видную роль въ государствѣ.

---

[1]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, 149.
[2]) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, 148.

Шляхта не могла быть довольна своимъ положеніемъ. Война требовала отъ нея личной службы и матеріальныхъ пожертвованій, знать распоряжалась въ странѣ, ведя часто узко-эгоистическую экономическую политику. Поэтому понятно то негодованіе, которое овладѣло шляхтой и которое особенно рѣзко выражалось на сеймахъ временъ Сигизмунда I, а особенно Сигизмунда-Августа. На сеймахъ шляхта неоднократно высказывала и свои политическія требованія. Въ изслѣдованіи Любавскаго собранъ громадный матеріалъ, фактически иллюстрирующій ея желанія. Собственно, шляхта желаетъ быть тѣмъ, чѣмъ были паны рады. Она желаетъ стать такой же крупной государственной силой, какой къ этому времени стала шляхта—польская, которая съ 1505 г. держала въ своихъ рукахъ все законодательство страны. Но таже шляхта на сеймахъ убѣдилась, что при самостоятельномъ существованіи литовскаго государства, внѣ унитарныхъ связей съ Польшей, реализація ея плановъ немыслима: литовское боярство никогда не согласится на расширеніе вольностей шляхты. Отсюда въ шляхтѣ XVI в. особенно сильно замѣтны полонофильскія симпатіи, Правительство на этотъ разъ оцѣнило значеніе шляхты и рядомъ законодательныхъ мѣръ, расширившихъ права шляхты, постепенно подготовило унію 1569 г. А пока въ Литвѣ назрѣвалъ конфликтъ между двумя станами знати—Польшѣ и Литвѣ приходилось жить вмѣстѣ, не подымая никакихъ щекотливыхъ вопросовъ. Только тогда, когда Литва въ минуту тяжелаго военнаго положенія, обратилась къ братскому народу за помощью, Литовцамъ пришлось выслушать много непріятнаго. Поляки обвиняютъ Литовцевъ въ нежеланіи быть въ дружбѣ съ ними. Но это пустяки въ сравненіи съ другимъ замѣчаніемъ ихъ, они согласны оказать помощь для борьбы съ Москвой, но войска отдадутъ въ распоряженіе общаго главы народовъ, такъ какъ военныя дѣйствія въ сущности направлены противъ короля [1]). Послѣднее мимолетно-брошенное замѣчаніе было непріятнымъ напоминаніемъ о Мельницкомъ трактатѣ, но литовскому боярству было не до теоретическихъ разговоровъ съ поляками, и литовцамъ пришлось молча согласиться съ сказанными словами. На самомъ дѣлѣ—литовское боярство думало по иному. Настоящее ихъ настроеніе отчетливо видно въ самомъ фактѣ возведенія Сигизмунда-Августа на в. княжескій престолъ въ 1522 году, тѣмъ самымъ наглядно не признало «слушной едности» между обоими народами. Тогда же они потребовали отъ новаго господаря подтвержденія старыхъ привилеевъ. Конечно, литовская знать здѣсь имѣла въ виду столь выгодное для ея общественнаго значенія привилеи 1492 и 1506. Подтвердительный привилей 1522 г., выданный

---

[1]) *Довнаръ-Запольскій*, Литовско-Польская унія, 24—25.

отъ имени короля и сына, гарантировалъ неприкосновенность литовской шляхты всѣхъ «jura, tam publica, quam privata» [1]).

Въ заключеніе Сигизмундъ обѣщалъ, что его сынъ «postquam ad aetatatem legitimam pervenerit» выдастъ такую же запись подъ своей личной присягой (nec non juramento etiam suo corporali).

Подтвердительнымъ привилеемъ Сигизмунда—короля обезпечивалась и независимость Литвы и высокое положеніе пановъ—рады; которая до сихъ поръ сохраняла за собою руководящую роль, несмотря на активныя выступленія рядовой шляхты. Радные паны вообще въ это время прислушиваются къ заявленіямъ шляхты. И когда на Виленскомъ сеймѣ 1514 г. раздавались голоса о необходимости кодификаціи шляхетскаго права, аристократія пошла навстрѣчу желаніямъ шляхты. Вѣдь кодификація права, объединяя всѣ предыдущіе законодательные акты въ одно цѣлое, фактически закрѣпляла существующія отношенія и правовыя нормы, являлась орудіемъ, направленнымъ противъ дальнѣйшаго расширенія шляхетскаго права. Опубликованіе Статута 1529 г. было временной побѣдой магнатства надъ литовско-русской шляхтой.

Въ правленіе Сигизмунда, хотя вопросъ объ уніи подымался нѣсколько разъ, литовскимъ магнатамъ все-таки удалось заключить новый договоръ, въ которомъ ни единымъ словомъ не упоминалось объ уніи. Новый трактатъ отъ 26 марта 1532 г. устанавливалъ оборонительный союзъ между обоими государствами, пропорціонально раздѣляя между ними военныя издержки. Новыя условія предполагали общую защиту отъ враговъ, особенно отъ татаръ. Оба государства обязуются помогать другъ другу въ случаѣ нападенія врага на одного изъ нихъ; въ оборонѣ границъ, литовцы и поляки помогаютъ другъ другу посылкою небольшихъ отрядовъ; оба государства обязуются добывать оружіемъ всякую область, отнавшую отъ нихъ [2]). Нельзя не признать эти условія большой побѣдой литовской дипломатіи. Какъ будто ея вѣковыя усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Забыты условія Мельницкаго трактата, и Литва разсматривается, какъ самостоятельное государство, связанное съ Польшей только лишъ дружественными отношеніями [2]).

Впрочемъ, дальнѣйшій ходъ дѣлъ показалъ, что польская дипломатія только временно отказалась отъ своихъ плановъ и готова была каждую минуту снова выступить со своими предложеніями. Да и обстоятельства въ Литвѣ начали складываться въ пользу поляковъ.

На аренѣ исторической жизни въ Литвѣ выступила посольская изба, шляхта, недовольная магнатами и старавшаяся измѣнить свое

---

[1]) Zbior praw litewskich, стр. 124—125.

[2]) *Довнаръ-Запольскій,* Литовско-Польская унія, стр. 6.

общественное положеніе, оттѣснивъ магнатство и занявъ его мѣсто. Нельзя не признать, что польскіе дипломаты правильно оцѣнили тогдашнее политическое положеніе. Выяснивъ соотношеніе общественныхъ силъ, они взяли устойчивый и вѣрный курсъ политики, курсъ, который, въ концѣ концовъ, долженъ привести къ давно желаннымъ результатамъ.

Когда въ 1547 г. на первомъ вальномъ сеймѣ, бывшемъ при Сигизмундѣ-Августѣ, паны сейма, паны рады и посольская изба обратились къ господарю съ просьбой, «зъласки и добротливости своей панской» «вказати» всѣ права и вольности, пожалованныя ихъ господарямъ за ихъ прежнюю и вѣрную службу, то Сигизмундъ второй сочувственно отнесся къ просьбѣ становъ сейма.

Въ своемъ отказѣ онъ призналъ справедливыми требованія сейма и Сигизмундъ приказалъ: „tyie priwilia i listy wolnosty waszich wzowam okasati pered wami ich wyczesti roskasati“ въ цѣляхъ лучшаго ознакомленія съ ними всѣхъ членовъ сейма. Затѣмъ государь обѣщалъ „wodle zachowania prodkow svoich i wodle opisania i obwiazania otca jego milosti i swosjho“—подтвердить старые привилеи. Давая согласіе на подтвержденіе старыхъ привилеевъ Сигизмундъ, впрочемъ, сдѣлалъ большое отступленіе отъ обычаевъ предковъ. Онъ обѣщалъ подтвердить вольности „пановъ радъ обоего стану, духовнаго и свѣтскаго, римскаго и греческаго, княжатъ, панятъ и всего рыцарства[1]).

Значеніе этого привилея огромно. Имъ окончательно уравнивалась русская шляхта съ литовской. Отнынѣ принадлежность къ православію не могла быть причиною непользованія шляхетскими правами со стороны русской шляхты. Такъ пало правовое различіе между католиками и православными. Впрочемъ и этотъ привилей не отмѣнилъ соотвѣтствующихъ статей Городельскаго привилея о правѣ только католиковъ занимать разныя должности. Нельзя не признать этотъ актъ, съ точки зрѣнія сторонниковъ уніи, актомъ полнымъ дипломатическаго смысла и значенія. Имъ создавались совершенно новыя отношенія въ Литвѣ, и вопросъ объ уніи принималъ иной характеръ. Если на сеймахъ въ княженіе Сигизмунда-Августа — русская шляхта не противъ уніи и какъ будто забыла о недавнихъ своихъ сепаратистскихъ стремленіяхъ, то это было слѣдствіемъ подтвердительнаго привилея 1547 г. Если привилей 1547 г. отчасти сблизилъ русскую шляхту съ поляками, то привилей 1563 г. отмѣнившій статьи Городельскаго привилея о предоставленіи урядовъ и участія въ радѣ господарской только католикамъ— превратилъ русскую шляхту въ ярую сторонницу уніи, столь благодѣ-

---

[1]) Zbior praw litewskich, 419.

тельной для шляхты. Отнынѣ пользованіе шляхетскими правами соединялось съ принадлежностью только къ христіанской религіи [1]).

На сеймахъ бывшихъ въ господарство Сигизмунда II бросается въ глаза настойчивое и вызывающее поведеніе шляхты. Въ изслѣдованіи М. К. Любавскаго собрано обиліе данныхъ, иллюстрирующихъ вышесказанное положеніе [2]). Приведемъ нѣкоторыя изъ требованій шляхты, рисующихъ ея политическое настроеніе. Въ 1544 г. шляхта требуетъ, чтобы духовные греческаго и латинскаго закона не занимали гражданскихъ должностей, на сеймѣ 1547 г.—требуется удаленіе духовенства изъ свѣтскихъ судовъ, требуется привлеченіе духовенства къ несенію военной службы; тогда же шляхта подаетъ жалобу на воеводъ и старостъ по поводу всякаго рода «кривдъ» при отправленіи правосудія; на сеймѣ 1544—шляхта настаиваетъ на присутствіи шляхетскихъ присяжныхъ засѣдателей на воеводскомъ судѣ. На сеймѣ 1547 г.—безконечныя жалобы на администрацію и требованіе контроля со стороны шляхты въ сборѣ и расходываніи панами земскихъ финансовъ. На другихъ сеймахъ выставляются требованія экономическаго и финансоваго характера и, какъ постоянный лейтъ-мотивъ, жалобы на урядниковъ. На сеймѣ 1557 г. раздаются требованія волынскихъ землевладѣльцевъ о выборномъ судѣ, о подчиненіи князей и пановъ юрисдикціи мѣстныхъ судей [1]). Всѣ эти безчисленныя требованія направлены, конечно, противъ духовнаго и свѣтскаго магнатства, какъ сословія, пользовавшагося особымъ покровительствомъ закона. Такое поведеніе шляхты нельзя не поставить въ связь съ ея полонофильскими симпатіями и недовольствомъ фактическимъ положеніемъ знати. Если послѣдняя въ первой половинѣ XVI в. сумѣла сохранить за собою руководящее положеніе, сдерживая порывы шляхты, то теперь она была безсильна противостоять сплоченному натиску объединеннаго шляхетства. Сеймовыя засѣданія фактически были заняты не органической работой, а превратились въ безконечныя препирательства съ панами-радой и королемъ. Рѣчи, произнесенныя въ посольской избѣ, вскрывали потрясающую картину анархіи въ странѣ, отсутствіе какого-нибудь административнаго порядка. Такіе нападки понятны; разъ администрація и судъ были фактически въ рукахъ аристократіи, и послѣдняя пользовалась особыми привилегіями [3]).

Чѣмъ рѣзче критиковалось настоящее положеніе дѣлъ въ странѣ, тѣмъ яснѣе подчеркивалась мысль о необходимости демократизаціи ли-

---

1) А. З. Р. III. № 32.

2) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ стр. 508—734.

3) Любавскій, Литовско-Русскій Сеймъ, стр. 428—508. Д.-Запольскій, opus cit. стр. 19—20.

товскаго государственнаго строя по образцу польскому, съ предоставленіемъ суда и управленія въ руки всего шляхетскаго сословія.

Это настроеніе было учтено польскими дипломатами. Если къ внутренней партійной борьбѣ прибавить затруднительное внѣшнее положеніе, то приходится отмѣтить, что въ Литвѣ складывались такъ удачно обстоятельства, при которыхъ рѣшеніе вопроса объ уніи могло принять желательный характеръ. До 1562 года вопросъ объ уніи былъ поставленъ на очередь польской шляхтой, но его какъ то обходили и замалчивали. Литовско-русская шляхта, занятая борьбой съ магнатами, не принимала близко къ сердцу трактуемаго вопроса, и литовскому правительству удавалось игнорировать вызывающее поведеніе поляковъ [1]).

Единственная уступка, сдѣланная Польшѣ литовскимъ правительствомъ, выразилась въ отдачѣ ей Бѣльской и Подляшской земель, строй которыхъ давно напоминалъ Польшу.

Совершенно иначе начинаютъ складываться польско-литовскія отношенія въ эпоху Ливонской войны, когда выяснилась невозможность отстоять Ливонію собственными силами тѣмъ болѣе, что сеймовая шляхта въ этотъ критическій моментъ жизни литовскаго княжества была непатріотично настроена, занимаясь на Виленскихъ сеймахъ 1559 и 1561 гг., не столько обсужденіемъ вопроса о защитѣ страны и сохраненіи ея единства и цѣльности, сколько стремленіемъ использовать данный моментъ въ интересахъ упроченія своего положенія. Заявленія, дѣланныя шляхтой, были безконечны; король и паны-рады дѣлали ей уступку за уступкой, но послѣднія отнюдь не уменьшали аппетитовъ шляхты, а, наоборотъ, еще болѣе увеличивали.

Полная невозможность воевать собственными силами съ Москвой— заставила литовскихъ сепаратистовъ обратиться къ Польшѣ. Положеніе дѣлъ было приблизительно такое же, какъ и въ моментъ заключенія Мельницкаго трактата. Польская дипломатія могла надѣяться на увѣнчаніе ея вѣковыхъ усилій, и дѣйствительность оправдала ожиданія всѣхъ сторонниковъ уніи. Уже на Виленскомъ сеймѣ 1561 г., на которомъ рѣшалась судьба Ливоніи, литовско-русская шляхта проявила свои полонофильскія симпатіи [2]). Этими симпатіями и нежеланіемъ нести большіе военные и финансовые поборы можно объяснить присоединеніе Ливоніи, къ Литвѣ и Польшѣ, будто бы составляющимъ одно государство [1]). Еще рѣзче немного раньше опредѣлилось настроеніе шляхты въ лагерѣ подъ Витебскомъ, когда шляхта, недовольная ходомъ военныхъ дѣйствій, рѣшила игнорировать магнатовъ, составивъ актъ, въ которомъ

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Литовско-польская унія стр. 3—15.
[2]) Любавскій: Л.-Р. Сеймъ, стр. 620.

она заявляла о своемъ желаніи скорѣе заключить унію съ Польшей «дабы имѣть возможность сообща сеймовать съ поляками, сообща избирать государя въ виду бездѣтности нынѣшняго государя, пользоваться одинаковыми съ ними правами и вольностями и сообща обороняться отъ враговъ». Конфедерація требовала созыва общаго сейма. Участниковъ конфедераціи обязывали не отказываться отъ этого требованія и не поддаваться никакимъ обѣщаніямъ, какъ бы ни старались отклонить ее отъ этого новымъ статутомъ, а также и не ухвалять серебщинъ и другихъ податковъ, пока не будетъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ объ уніи [1]). Это активное выступленіе шляхты—новый фазисъ въ польско-литовскихъ отношеніяхъ. Шляхта, до сихъ поръ шедшая за магнатами во всякаго рода политическихъ вопросахъ, начинаетъ дѣйствовать самостоятельно, стараясь направить политику государства въ желательную для нея сторону. Литовско-русское магнатство давно предвидѣло наступавшую коллизію и пыталось всячески сохранить за собой первенство. Только этимъ и объясняется, почему паны-рады согласились исправить статутъ 1529 г., когда шляхта оцѣнила его аристократическій характеръ. На сеймъ 1561 г. даже былъ уже предложенъ проектъ исправленнаго статута. Подобную политику магнатовъ шляхта прекрасно оцѣнила. Не даромъ она потребовала отъ участниковъ Витебской конфедераціи присяги не идти ни на какія уступки съ магнатами, своекорыстную и эгоистическую политику которыхъ шляхта давно подмѣтила. Витебская конфедерація не прошла безслѣдно для политическаго настроенія шляхты. Петроковскій сеймъ 1562 г. открылся заявленіемъ о необходимости уніи. Этого требуетъ правовое положеніе шляхты, но практически рѣшеніе этого вопроса впередъ не подвинулось. Иными результатами кончился Виленскій сеймъ 1563 г. Шляхта добилась отмѣны статей Городельскаго привилея, лишавшихъ возможности некатолическую шляхту занимать различныя государственныя должности и засѣдать въ панской радѣ. Кромѣ того было рѣшено отправить особую сеймовую делегацію для разговоровъ объ уніи.

Делегація получила отъ сейма соотвѣтствующій наказъ, являющійся такимъ образомъ важнымъ документомъ для характеристики политическаго настроенія становъ сейма.

Наказъ делегаціи во многомъ сходится съ постановленіями Витебской конфедераціи. Слѣдоватедьно, на посылкѣ посольства настояла шляхта, перетянувшая политическіе вѣсы на свою сторону. Конечно, это была большая ея побѣда. Но и побѣжденные магнаты, идя за шляхтой и соглашаясь, подъ давленіемъ текущаго момента, на унію, постарались

---

1) *Любавскій*. Л.-Р. Сеймъ, стр. 435—436.

придать такой характеръ уніи, при которой за Литвой сохранялась извѣстная доля самостоятельности. Впрочемъ, можно было заранѣе предполагать, что поляки отвергнутъ эти пожеланія, такъ какъ за ними не стояло общественное мнѣніе шляхты, да къ тому же Литва была просящей стороной. Не передавая содержанія всей инструкціи [1]), приходится отмѣтить, что сеймъ, соглашаясь на унію, разсматривалъ ее не въ видѣ инкорпораціи Литвы, а въ смыслѣ сближенія обоихъ государствъ на почвѣ военной защиты и единства королевской власти, выбираемой на общихъ совмѣстныхъ сеймахъ. Допускались и иного рода совмѣстные сеймы, но только для рѣшенія дѣлъ, имѣющихъ отношеніе къ обѣимъ сторонамъ. Дѣла же, касающіяся того или другого государства въ отдѣльности, рѣшаются на своихъ мѣстныхъ сеймахъ, не говоря о томъ, что сохраняется полная автономія каждаго государства во внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Литовцы соглашались, для скрѣпленія заключаемой уніи, разрѣшить полякамъ пріобрѣтать имѣнія въ Литвѣ. Можно согласиться съ мнѣніемъ М. К. Любавскаго [2]). что содержаніе инструкціи проникнуто стремленіями отстоять цѣлостность и обособленность государства, но едва ли можно видѣть въ этомъ особую побѣду магнатства. Для шляхты—пока вопросъ о внутреннемъ устройствѣ въ Литвѣ не имѣлъ никакого значенія. Настоявъ на посылкѣ посольства по поводу уніи и выяснивъ ея основныя положенія въ духѣ Витебской конфедераціи, шляхта предоставила разработку деталей магнатамъ. Безразличіе шляхты къ внутренней организаціи объясняется тѣмъ, что съ уравненіемъ въ правахъ съ польской шляхтой положеніе магнатства въ Литвѣ, и при его особности, перестало бы быть доминирующимъ.

Но для поляковъ и такая унія была непріемлемой: по мнѣнію ихъ сущность уніи должна заключаться въ инкорпораціи литовскаго княжества въ польское государство. Начиная съ Ягайллы—польская дипломатія держится по отношенію къ Литвѣ опредѣленнаго плана, и если отступала отъ него, то это зависѣло отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Уступая моментами, шляхетскіе дипломаты отнюдь не отказывались отъ старой мысли «втѣленія» великаго княжества въ Польшу.

Противорѣчіе во взглядахъ на унію со стороны двухъ договаривающихся сторонъ вскрылось съ особенной рѣзкостью на Варшавскомъ сеймѣ 1563 г. Полякамъ не приходилось скрывать своихъ истинныхъ намѣреній въ виду затруднительнаго положенія литовцевъ и партійной борьбы внутри самого княжества.

---

[1]) Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, 662.
[2]) Любавскій. Л.-Р. сеймъ, стр. 662.

Поляки ѣхали на сеймъ, вооруженные всякаго рода историческими справками подкрѣплявшими ихъ требованія [1]). Поведеніе на сеймѣ было вызывающее, и литовскимъ посламъ приходилось обнаруживать много выдержки, чтобы не уѣхать домой до рѣшенія больного вопроса. На Варшавскомъ сеймѣ была охотно формулирована и формула уніи: одинъ король, одинъ законъ для всѣхъ, одинъ народъ подъ однимъ скипетромъ и печатью; причемъ свои требованія поляки основывали на Мельницкомъ трактатѣ. Вынесена была она посольской избой. Первоначальная формула сената не отличалась такой опредѣленностью и отчасти щадила національное чувство литовцевъ.

Само собою понятно, что подобная формула для литовцевъ была непріемлемой. Приходилось себя сдерживать, не разрывать переговоровъ, пытаясь въ то же время склонить поляковъ въ сторону отказа отъ столь рѣзкой формулы.

Только затруднительнымъ политическимъ положеніемъ можно объяснить, почему литовцы рѣшились вступить въ переговоры на почвѣ условій договора 1501 г.

Переговоры были малоуспѣшны. Поляки не шли на уступки, а литовцы не рѣшались на политическое самоубійство. Все таки въ виду тяжелаго положенія дѣла, литовцы сдѣлали кое какія уступки полякамъ, согласившись имѣть общаго государя, избираемаго на литовско-польскомъ сеймѣ. Самъ великій князь для ускоренія переговоровъ былъ готовъ отказаться отъ своихъ династическихъ правъ на Литву, что и было выражено извѣстной Варшавской декларацією.

Давая согласіе на вольную элекцію государя, литовскіе послы ни за что несоглашались на отказъ отъ собственныхъ урядниковъ, своей печати, отдѣльнаго скарба и т. д., такой, по словамъ кн. Радивила отказъ отъ всего этого повлечетъ за собою потерю величія государства [1]).

Во время засѣданій сейма военныя дѣйствія были для литовцевъ удачны, и это сразу отразилось на переговорахъ. Теперь литовскіе послы не соглашаются на общіе сеймы, признавая общіе сеймы только лишь по общимъ дѣламъ, касающихся обоихъ государствъ, какъ это было въ старину и вообще еще рѣзче подчеркнули свою самостоятельность въ внутреннихъ дѣлахъ.

Такъ Варшавскій сеймъ кончился ничѣмъ. Впрочемъ поляки не унывали; если переговоры въ 1563 г. не привели къ желаннымъ результатамъ, то было полное основаніе надѣяться что въ будущемъ они кончатся согласно желанію поляковъ. Бѣльскій сеймъ 1564, на который

---

1) Любавскій, Л.-Р. Сеймъ, 663.
2) Любавскій Л.-Р. Сеймъ 663 стр.

пріѣхало не мало поляковъ, показалъ имъ, что вся шляхта на сторонѣ уніи, предложенной поляками, а противники—только аристократія, упорство которой было сломить очень трудно.

Сочувственное отношеніе литовско-русской шляхты къ уніи заставило аристократію и господаря прислушиваться къ ея заявленіямъ. Раньше правительствующіе чины мало обращали вниманія на желанія шляхты имѣть исправленный статутъ и земскій выборный судъ съ подчиненіемъ его юрисдикціи землевладѣльцевъ шляхетскаго званія безъ исключенія. Аристократія противилась всему этому, пока было возможно да и в. кн. не хотѣлъ уменьшать ни своихъ доходовъ, ни прерогативъ своей власти.

Иное отношеніе встрѣтила шляхта теперь: ее боятся и передъ ней заискиваютъ, какъ передъ крупной политической силой, держащей въ своихъ рукахъ и судьбы уніи, и автономію Литвы. Если великій князь согласился на всѣ требованія шляхты, имѣя въ виду окончательное рѣшеніе уніи, то аристократія уступая шляхтѣ, расширяя ея права, предполагала такой политикой пріобрѣсти въ лицѣ шляхты союзника для борьбы за литовскую автономію. Дѣйствительно, реформы 1564—1565 кореннымъ образомъ измѣнили строй литовско-русскаго государства и даровали шляхтѣ новыя сословныя привиллегіи[1]), учреждались земскіе и городскіе суды по польскому образцу.

Нѣсколько расширился составъ господарской рады, благодаря увеличенію числа «урядовъ», измѣнился радикально самый порядокъ верховнаго управленія благодаря расширенію компетенціи великаго сейма и новой организаціи шляхетскаго представительства на сеймахъ. Въ общемъ, послѣ этихъ реформъ шляхетство стало во главѣ государства, держа въ своихъ рукахъ управленіе имъ, и политическій строй Литвы сталъ походить на Польскій. Литовская аристократія лишилась своего значенія, хотя и новый статутъ сохранялъ за аристократіей нѣкоторыя почетныя права, не имѣвшія для шляхты какого бы то ни было практическаго значенія.

Преобразованіе политическаго строя литовскаго государства почти уничтожило препятствія къ соединенію Литвы съ Польшей: въ обоихъ государствахъ господствовала шляхетская демократія, были почти одинаковыя государственныя учрежденія, а такъ какъ литовско-русская шляхта, по пртійнымъ соображеніямъ, всегда была на сторонѣ уніи, то этотъ вопросъ уже почти былъ рѣшенъ, тѣмъ болѣе, что литовско-русской шляхтѣ у себя дома предстояла большая работа: дѣйствительно занять мѣсто аристократіи и оттѣснить ее на второе мѣсто. Такъ па-

---

[1]) Статутъ 1566 г. Рзд. III, стр. 4. Любавскій Л.-Р. Сеймъ 718 стр.

дали постепенно всѣ препятствія къ заключенію уніи[1]). Въ то самое время, когда въ Литвѣ происходили реформы политическаго строя, поляки съ удивительнымъ упорствомъ на своихъ сеймахъ, настаивали на уніи[2]). Посольская изба особенно торопилась окончить всѣ переговоры до окончанія войны съ Москвой, такъ какъ тогда въ виду прекращенія войны, Литва можетъ уклониться отъ уніи. Надо торопиться съ уніей—вотъ припѣвъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ въ посольской избѣ.

Король послушно шелъ за посольской избой. Уступая ея требованіямъ, король созвалъ сеймъ въ Люблинѣ для окончательнаго рѣшенія больного вопроса. Въ тоже время Литовцы засѣдали въ Брестѣ, откуда посылали пословъ для переговоровъ. Послѣдніе кончились ничѣмъ: унія снова была отсрочена. Литовцы никакъ не соглашались на инкорпорацію, на которой настаивали польскіе послы. Съ своей стороны, литовская делегація предлагала унію, опираясь на переговоры, бывшіе на Варшавскомъ сеймѣ. Литовцы согласны имѣть общаго государя, общіе сеймы, собирающіеся по очередно, то въ Литвѣ, то въ Польшѣ; соглашались имѣть общихъ съ ними друзей и враговъ и сообща защищаться отъ непріятелей, но требовали для Литвы особой администраціи и суда, особыхъ законовъ и установленій. Конечно, эта личная унія была непріемлема, и неудивительно, что поляки ее отвергли. Очевидно, и здѣсь магнаты одержали верхъ, явившись сторонниками національной независимости Литвы. Но едва ли была не послѣдняя побѣда магнатства. Событія складывались для Литвы неблагопріятно, и вопросъ объ уніи сталъ очереднымъ. Люблинскій сеймъ 1568—1569 гг. и явился завершеніемъ того политическаго плана, который столько вѣковъ приводился въ исполненіе. Если на сеймѣ 1568 года, упорство потентатовъ задержало рѣшеніе вопроса объ уніи, то на новомъ сеймѣ судьбу уніи рѣшила шляхетская демократія, неоднократно требовавшая уніи. Передъ ея натискомъ вопросъ объ уніи былъ рѣшенъ въ утвервительномъ смыслѣ[3]). Впрочемъ и новая унія не была инкорпораціей Литвы въ Польшу. Правда, Литва лишилась части территоріи; къ тому же Подляшье, Волынь, Кіевщина и литовское Подолье были инкорпорированы, но урѣзанное литовское княжество сохранило въ нѣкоторомъ отношеніи автономію въ видѣ права имѣть свои уряды, законы, суды. Поляки послѣ долгихъ споровъ согласились на это, но за то добились уступки и себѣ: поляки и литовцы—равноправные народы, а потому оба народа могутъ свободно занимать должности въ обѣихъ странахъ и пріобрѣтать недвижимое

---

1) Любавскій. Л.-Р. Сеймъ, стр. 734.
2) Довнаръ-Запольскій, Литовско-польская унія.
3) *Любавскій* Л.-Р. Сеймъ, стр. 838.

имущество, противъ чего еще недавно высказался Берестейскій сеймъ 1566 года. Несомнѣнно, что если на основаніи Люблинской уніи Литва пользуется отчасти внутренней независимостью, то это дѣло магнатства. Демократическая же шляхта была настроена менѣе патріотично. Такъ усиліями шляхты была заключена парламентарная унія, отдавшая судьбу Рѣчи Посполитой въ руки шляхетской демократіи и положившая начало тѣмъ новымъ отношеніямъ, которыя, въ концѣ концовъ, повели къ полному сліянію обоихъ государствъ въ одно.

В. Пичета.

XXXIV.

Время образованія Слободскихъ черкасскихъ полковъ.

Вопросъ о времени образованія Слободскихъ черкасскихъ полковъ принадлежитъ къ числу наименѣе выясненныхъ въ исторіи управленія Слободской Украйны. Часть ученыхъ совсѣмъ обходитъ его, не указывая никакой даты для этого событія [1]). Наоборотъ, другіе историки опредѣляютъ приблизительно, когда возникли Слободскіе черкасскіе полки, при чемъ въ послѣднее время согласно относятъ этотъ фактъ ко времени около 1668—1669 годовъ [2]). Впрочемъ, вопросъ о времени образованія Острогожскаго, Изюмскаго и малоизвѣстнаго Балаклейскаго полковъ не вызываетъ затрудненій у изслѣдователей [3]). Но это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что относительно возникновенія ука-

---

[1]) *Г. Ѳ. Квитка.* Записки о Слободскихъ полкахъ. Х. 1883, с. 7. *И. И. Срезневскій.* Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны. Х. 1883, с. с. 7—8. *Преосв. Филаретъ.* Историко—Статистическое описаніе Харьковской епархіи. Отд. II. М. 1857, с. с. 7 и 51 и Отд. III. М. 1857, с. с. 11 и 279—281. *Н. И. Костомаровъ.* Собраніе сочиненій. Кн. IV. Спб. 1904, с. 483. *Н. Гербель.* Изюмскій Слободской казачій полкъ. Спб. 1852, с. с. 12—13. *К. П. Щелковъ* Харьковъ. Х. 1881, с. с. 4—6 и 9. *П. Головинскій.* Слободскіе казачьи полки. Спб. 1864, с. с. 57—65.

[2]) *Д. И. Багалѣй.* Исторія города Харькова. Х. 1905, с. 82. *Е. Альбовскій.* Исторія Харьковскаго Слободскаго казачьяго полка. Х. 1895, с. 34. Впрочемъ, въ „Очеркахъ изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Т. I. М. 1887“ (с. 446) проф. Д. И. Багалѣй указываетъ, что „въ 1659 г. говорится уже о Сумскомъ Слободскомъ полку“. По П. Головинскому (Слоб. каз. полки, с. 64), Ахтырскій, Сумской и Харьковскій полки существовали уже въ 1656 г.

[3]) *Д. И. Багалѣй.* Очерки, с. с. 417—421 и 440—441. *П. Головинскій.* Слоб. каз. полки, с. с. 57—63. *Е. Альбовскій.* Ист. Хар. Слоб. каз. полка, с. с. 18—19, 34—35 и 61—63. *Д. И. Багалѣй.* Ист. гор. Харькова, с. с. 80 и 83. *Н. Гербель.* Изюм. Сл. каз. полкъ, с. с. 12 и 24—25. *Н. И. Костомаровъ.* Собр. соч., кн. IV, с. 483. *Д. Я. Склобовскій.* Лѣтопись города Острогожска и семи церквей онаго. Воронежъ. 1902, с. с. 9—12.

занныхъ полковъ документы даютъ вполнѣ опредѣленныя данныя[4]). Такимъ образомъ въ нашей исторической литературѣ вопросъ о времени образованія Слободскихъ полковъ сводится къ вопросу о времени возникновенія только трехъ изъ нихъ: Ахтырскаго, Сумского и Харьковскаго, такъ какъ Воронежскій полкъ совсѣмъ неизвѣстенъ въ наукѣ. Правда, существуетъ точка зрѣнія, что былъ еще особый полковникъ «Мерефянскихъ, Зміевскихъ и Печенѣжскихъ черкасъ», но несостоятельность ея доказана нами въ другой статьѣ[5]). Поэтому мы ограничимся только тѣми полками, существованіе которыхъ несомнѣнно, и образованіе которыхъ не изслѣдовано еще достаточно въ нашей исторіографіи.

Нельзя не замѣтить, что трудность рѣшенія разсматриваемаго вопроса заключалась не только въ недостаткѣ нужныхъ для этого данныхъ, но и въ установившихся въ наукѣ взглядахъ на количество полковъ и время образованія ихъ. Правда, всѣ ученые къ одному времени относятъ возникновеніе только трехъ полковъ: Ахтырскаго, Сумского и Харьковскаго. Зато вопросъ о томъ, сколько ихъ было въ разное время, не принадлежитъ къ числу ясно и точно формулированныхъ историками, хотя и тутъ наблюдается извѣстная склонность къ единообразной системѣ сначала четырехъ, а потомъ пяти полковъ. Но неясность сразу устранится, если припомнить, что отношенія начальствованія, съ одной стороны, и подчиненія, съ другой, могли существовать между двумя слободскими полковниками лишь въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, если правительство назначало при жизни одного полковника другого для совмѣстнаго командованія полкомъ, какъ было, напримѣръ, въ Изюмскомъ полку[6]), во-вторыхъ, если одинъ изъ полковниковъ былъ наказнымъ. Впрочемъ, легко замѣтить, что въ первомъ случаѣ позже назначенный полковникъ обыкновенно былъ только наказнымъ. Но въ томъ случаѣ, когда два полковника имѣли пребываніе въ разныхъ мѣстахъ, то и они, и подчиненныя имъ территоріи были совершенно самостоятельны, при чемъ каждая территорія представляла особый полкъ. Уже П. Головинскій правильно замѣтилъ, что полковники, начальствовавшіе надъ Слободскими полками «не записѣли одинъ

---

[4]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1530, л. л. 607—612. Москов. ст. Разряда, столб. 445, л. л. 134—137. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1085, л. л. 1—4 и № 1199, л. 734. *Преосв. Филаретъ.* Ист.—стат. оп., отд. V, с. 18. *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Х. 1886, с. 180.

[5]) Нові дані для біографії звана Сірка (Записки Українського Наукового Товариства въ Київі. Кн. 3. К. 1909, с. с. 142—144).

[6]) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы, с. 180.

[6a]) Слоб. каз. полки, с. 64.

отъ другого: каждый изъ нихъ въ своемъ полку былъ маленькимъ гетманомъ»[6а]. Такимъ образомъ о подчиненіи ихъ другъ другу не можетъ быть и рѣчи. Съ другой стороны, данныя о возникновеніи Острогожскаго, Балаклейскаго и Изюмскаго полковъ позволяютъ допустить, по аналогіи, что и другіе полки могли возникнуть неодновременно, при чемъ число ихъ въ разное время могло быть неодинаковымъ. Исходя изъ этихъ общихъ положеній, мы можемъ перейти теперь къ первому вопросу сколько было полковъ въ Слободской Украйнѣ въ различное время.

Всѣ ученые единогласно признаютъ существованіе пяти полковъ: Острогожскаго, Ахтырскаго, Сумского, Харьковскаго и Изюмскаго. Но уже проф. Д. И. Багалѣй указалъ, что существовалъ еще особый Балаклейскій полкъ[7]. Дѣйствительно, относительно полковника Якова Черниговца извѣстно, что «со 178 году, по разсмотрѣнью боярина и воеводы, князя Григорія Ромодановскаго, былъ онъ, Яковъ, у Булыклейскихъ черкасъ полковникомъ»[8], а «во 185 годе, по разсмотрѣнью боярина и воеводы, князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго, Булыклейской полковникъ Яковъ Черниговецъ отъ полковничества отставленъ, а велѣно тотъ Булыклейской полкъ вѣдать Харьковскому полковнику Григорью Донцу, и соединить воединъ полкъ Харьковской, и писатца однимъ Харьковскимъ полковникомъ»[9]. При этомъ изъ одного документа 179 года явствуетъ, что Я. Черниговецъ «былъ Черниговскимъ полковникомъ», послѣ измѣны И. Выговскаго «пріѣхалъ... въ Бѣлогородской полкъ съ Иваномъ Безпалымъ полковникомъ и служилъ... въ полку... полковникомъ». Но «полку... ему, Якову,... число не дано, потому что всѣхъ городовъ черкасы росписаны были по полкамъ», и только въ 177 году велѣно «у него, Якова, въ полку быть новопостроенныхъ городовъ Болыклѣйскимъ, Змѣевскимъ, Двурѣчинскимъ, Царевоборисовскимъ, Мояцкимъ черкасомъ», такъ какъ они «нигдѣ въ полкъ были не написаны». При этомъ кн. Г. Г. Ромодановскій сообщаетъ чрезвычайно любопытную вещь: «да и прежъ, государь, сего», говоритъ онъ, «...въ новопостроенныхъ черкаскихъ городѣхъ полковниковъ строили и черкасъ къ нимъ въ полки приказывали мы... по своему разсмотрѣньишку»[10]. Такимъ образомъ мы видимъ, что нѣкоторые полки были образованы распоряженіемъ Бѣлгородскаго воеводы, при чемъ изъ процитированнаго документа можно заключить, что такихъ полковъ было нѣсколько. Относительно черкасъ, пришедшихъ въ 161 году съ

---

[7]) *Д. И. Багалѣй.* Ист. гор. Харькова, с. 80.
[8]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1530, л.л. 607—612.
[9]) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы, с. 180.
[10]) А. М. Ю. Москов. ст. Разряда, столб. № 445, л.л. 134—137.

полковникомъ Иваномъ Дзинковскимъ, документы говорятъ, что къ нимъ «приписаны Бѣлогородскаго полку изъ городовъ, которые къ Острогожску податны, полковые службы черкасы, и учиненъ особымъ Острогожскимъ черкасскимъ полкомъ» [11]). Слѣдовательно, Острогожскій полкъ можно присоединить къ числу полковъ, упоминаемыхъ княземъ Г. Г. Ромодановскимъ. Но относительно перваго Сумского полковника Г. Кондратьева мы имѣемъ вполнѣ опредѣленное показаніе документа XVII ст., что «за его службу блаженныя памяти великій государь (т.-е. царь Алексѣй Михайловичъ) пожаловалъ его, по челобитью полку его козаковъ, въ полковники» [12]), т.-е. инициатива образованія полка исходила въ Сумахъ отъ населенія, и полкъ былъ учрежденъ не воеводой, а верховной властью. Кромѣ того, Изюмскій полкъ былъ выдѣленъ изъ Харьковскаго по иниціативѣ центральнаго правительства [13]). Только о способѣ образованія Ахтырскаго и Харьковскаго полковъ въ документахъ не находимъ никакихъ данныхъ. Наконецъ, указъ изъ Разряда отъ 6 іюня 7168 года былъ первоначально адресованъ «Воронежскому черкаскому полковнику Еуфиму Выдренку съ товарищи», но потомъ эти слова зачеркнуты [14]). Если бы этотъ указъ былъ адресованъ просто Воронежскому черкасскому полковнику, безъ обозначенія имени послѣдняго, то существованіе черкасскаго полковника въ Воронежѣ было бы весьма сомнительно, такъ какъ нигдѣ больше не попадались намъ другія данныя по этому предмету, и нашъ документъ въ этомъ отношеніи стоитъ совершенно одиноко. Но то обстоятельство, что въ немъ названы имя и фамилія Воронежскаго полковника, заставляетъ признать, что въ Воронежѣ дѣйствительно былъ одно время черкасскій полковникъ, а слѣдовательно былъ и особый Воронежскій полкъ. Съ другой стороны, отсутствіе свѣдѣній о Воронежскомъ полку и его полковникѣ въ другихъ актахъ и устраненіе приведенныхъ выше словъ изъ нашего документа могутъ указывать на то, что ко времени написанія даннаго указа Е. Выдренко не былъ уже Воронежскимъ полковникомъ. Конечно, появленіе и исчезновеніе Воронежскаго черкасскаго полка можно допустить уже по одному тому, что образованіе полковъ производилось распоряженіемъ не только центральнаго правительства, но и Бѣлгородскаго воеводы. При этомъ нужно припомнить, что въ Слободской Украйнѣ

---

[11]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1085, л.л. 1—4 и № 1199, л.л. 734—736.

[12]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1017, л. 188. Въ XVIII ст. полученіе Г. Кондратьевымъ полковничества представлялось какъ награда за заслуги, а о роли самихъ полчанъ уже успѣли забыть. *Д. И. Багалѣй.* Очерки, с. 444.

[13]) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы, с. 180.

[14]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 414, л. 267.

бывали случаи, когда атаманы отдѣльныхъ городовъ пользовались полной независимостью отъ черкасскихъ полковниковъ, и города, въ которыхъ они правили, представляли особыя административныя единицы, отдѣльныя отъ полковъ. Напримѣръ, указомъ 191 года жителей города Новаго Полатова велѣно «вѣдать ихъ атаману Василью Ливенцу..., а Острогожскому полковнику Ивану Сасову того городка ничѣмъ вѣдать не велено», хотя раньше городъ входилъ въ составъ Острогожскаго полка и лежалъ въ предѣлахъ послѣдняго. При этомъ любопытно то, что, въ силу указа 189 года, въ теченіе 15 лѣтъ жители Новаго Полатова пользовались льготами, при чемъ «въ тѣ годы приказнымъ людемъ у нихъ не быть, а вѣдать ихъ полковнику, кого они выберутъ». Правда, указомъ отъ 27 апрѣля 190 года они были подчинены Острогожскому полковнику, а по истеченіи льготныхъ 15 лѣтъ должны были войти въ составъ Острогожскаго полка. Но тѣмъ не менѣе въ слѣдующемъ году они предстаютъ предъ нами въ видѣ автономной административной единицы, хотя и не образуютъ особаго Полатовскаго полка [15]). Во всякомъ случаѣ все это показываетъ, что число Слободскихъ черкасскихъ полковъ въ теченіе XVII столѣтія было въ различное время неодинаково, и, кромѣ тѣхъ пяти полковъ, которые дожили до реформы 1765 года, можно признать существованіе, по крайней мѣрѣ, еще двухъ: Балаклейскаго и Воронежскаго, такъ какъ Ново-Полатовскій полкъ, по нашему крайнему разумѣнію, не успѣлъ образоваться. При этомъ отдѣльные полки образовались различно: или по иниціативѣ населенія, или по распоряженію Бѣлгородскаго воеводы, или по предписанію центральнаго правительства. Перейдемъ теперь къ вопросу о времени образованія Слободскихъ черкасскихъ полковъ, при чемъ ограничимся только пятью изъ нихъ: Ахтырскимъ, Сумскимъ, Харьковскимъ, Балаклейскимъ и Воронежскимъ, такъ какъ относительно двухъ другихъ въ документахъ имѣются точныя данныя.

Легко замѣтить, что даже въ документахъ XVII столѣтія существуетъ нѣкоторое разногласіе относительно времени образованія Балаклейскаго полка. Въ то время какъ въ одномъ актѣ мы читаемъ, что Я. Чернговецъ былъ Балаклейскимъ полковникомъ со 178 года [16]), другой говоритъ объ образованіи Балаклейскаго полка уже въ 177 году [17]). Въ то же время г. Е. Альбовскій относитъ возникновеніе Балаклейскаго полка къ 1663 году [18]). Если мы обратимъ вниманіе на данныя указанныхъ документовъ, то увидимъ, что постройка Балаклеи

---

[15]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1690, л.л. 165—167.
[16]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1530, л.л. 607—612.
[17]) А. М. Ю. Москов. ст. Разряда, столб. № 445, л.л. 134—137.
[18]) Ист. Харьк. Сл. каз. полка, с. 35.

и образованіе Балаклейскаго полка произошли разновременно, да и Я. Черниговецъ былъ сначала лишь Балаклейскимъ атаманомъ [18б]). Такимъ образомъ 1663 годъ нельзя принять ни въ коемъ случаѣ. Но 178 годъ даетъ приказная выписка, между тѣмъ какъ актъ, исходящій отъ того кн. Г. Г. Ромодановскаго, распоряженіемъ котораго образованъ Балаклейскій полкъ, приводитъ 177 годъ. По нашему мнѣнію, преимущество тутъ должно быть отдано послѣдней датѣ, такъ какъ больше гарантій имѣется за то, что въ Бѣлгородѣ лучше знали годы своихъ распоряженій, чѣмъ въ Московскомъ приказѣ. Поэтому болѣе доказаннымъ годомъ образованія Балаклейскаго полка мы считаемъ 177 (1668—9) годъ.

Гораздо хуже обстоитъ дѣло съ другими полками, такъ какъ о времени образованія ихъ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ. Только относительно Сумского полка можно сдѣлать довольно точные выводы. Дѣло въ томъ, что въ разрядной выпискѣ о жалованьѣ 7167 года въ Сумахъ показанъ полковникъ, при чемъ имя его не названо [19]). Но свѣдѣнія объ этомъ жалованьѣ въ другой разрядной выпискѣ заставляютъ признать, что этимъ полковникомъ былъ Герасимъ Кондратьевъ [20]). Это предположеніе дѣлается тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что до Г. Кондратьева мы не знаемъ полковниковъ въ Сумахъ, и во всѣхъ документахъ за время послѣ 7167 года въ качествѣ Сумского полковника мы видимъ его, при чемъ на службѣ Московскаго правительства онъ былъ со 166 года [21]). Но на инструкціи М. И. Малишевскому изъ Сумской городовой ратуши отъ 2 декабря 7167 года Герасимъ Кондратьевъ подписался Сумскимъ городовымъ атаманомъ. При этомъ М. И. Малишевскій былъ посланъ «новое поселеніе населять, для учрежденія Слободского Сумскаго полку войсковой службы казаковъ» [22]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ выпискѣ изъ межевыхъ книгъ отъ 20 октября 7166 года Г. Кондратевъ именуется атаманомъ [23]). Такимъ образомъ не только въ 1657, но и въ теченіе всего 1658 года Г. Кондратьевъ не былъ полковникомъ, такъ какъ въ декабрѣ 1658 года состоялъ атаманомъ. Но изъ инструкціи явствуетъ, что въ это время дѣло шло уже объ учрежденіи Сумского полка. Такимъ образомъ это учрежденіе можно датировать скорѣе всего концомъ 1658 или началомъ 1659 года, когда

[18б]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 599, л.л. 219—221.

[19]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 480, л. 260.

[20]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 769, л. 336.

[21]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 1017, л. 188.

[22]) *Преосв. Филаретъ.* Ист.—стат. описаніе, Отд. III, с. с. 363—368 Въ инструкціи 7167 годъ неправильно переданъ 1659 годомъ отъ Р. Х., такъ какъ декабрь сентябрьскаго 7167 года падаетъ на 1658 годъ отъ Р. Х.

[23]) Тамъ же, с. 335.

впервые упоминается въ Сумахъ полковникъ, потому что въ выпискѣ 1659 года дѣло идетъ о жалованьѣ за этотъ годъ.

Нѣсколько раньше превращается въ полковой городъ Ахтырка. Еще въ спискѣ Ахтырскихъ черкасъ 1655 года мы видимъ во главѣ ихъ атамана Дмитрія Иванова [24]), а уже въ 1658 году въ Ахтыркѣ былъ полковникомъ Иванъ Гладкой [25]). Такимъ образомъ Ахтырскій полкъ образовался когда-то въ періодъ между 1655 и 1658 годами. Конечно, о Воронежскомъ полку можно сказать лишь, что онъ образовался до 6 іюня 1660 года, такъ какъ въ эту пору онъ прекратилъ уже свое существованіе, судя потому, что имя его полковника вычеркнуто въ указѣ. Зато легче опредѣлить время образованія Харьковскаго полка. Дѣло въ томъ, что въ теченіе всего 1659 года во главѣ Харьковскихъ черкасъ стоитъ атаманъ Тимоѳей Лавриновъ, и ни о какомъ полковникѣ нѣтъ и рѣчи въ документахъ [26]). Между тѣмъ 11 апрѣля 1660 года Ѳедоръ Пестриковъ подалъ Бѣлгородскому воеводѣ кн. Г. Г. Ромодановскому составленныя имъ разборныя книги черкасъ въ Зміевѣ, Чугуевѣ, Салтовѣ, Харьковѣ, Колонтаевѣ и Городномъ [27]), при чемъ въ «росписи служилыхъ козаковъ по разбору» показано: «въ Харковскомъ черкасъ съ полковникомъ и съ началными людми тысяча триста пятдесятъ семъ человѣкъ» [28]). Если мы примемъ во вниманіе, что послѣдній документъ съ именемъ атамана Т. Лавринова помѣченъ 5 августа 1659 года, то получимъ тотъ періодъ, въ теченіе котораго могъ образоваться Харьковскій полкъ. Это будетъ время отъ 5 августа 1659 года по 11 апрѣля 1660 года. Весьма возможно, что самый разборъ черкасъ Ѳ. Пестриковымъ стоялъ въ связи съ образованіемъ Харьковскаго полка и является однимъ изъ дѣйствій, превращавшихъ разрозненныя до этого поселенія черкасъ въ единый Харьковскій полкъ. А въ такомъ случаѣ указанное нами время придется еще нѣсколько сократить, такъ какъ разборъ черкасъ долженъ былъ занять значительное количество времени. Впрочемъ, отмѣченный нами срокъ и такъ нужно немного уменьшить, потому что между днемъ составленія названной росписи и днемъ подачи ея должно было пройти нѣкоторое количество времени, нужное для переѣзда Ѳ. Пестрикова изъ Слободской Украйны въ Бѣлгородъ. Такимъ образомъ Харьковскій полкъ

---

[24]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 392, л. 143.

[25]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 605, л. 262.

[26]) *Д. И. Багалѣй*. Матеріалы для исторіи г. Харькова въ XVII вѣкѣ (Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. XVI. X. 1905, с.с. 413—423).

[27]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 414, л. 131.

[28]) А. М. Ю. Бѣлгор. ст. Разряда, столб. № 414, л. 132.

учрежденъ или въ самомъ концѣ 1659 года или въ самомъ началѣ 1660 года.

Подводя итогъ сказанному выше, мы приходимъ къ заключенію, что Слободскіе черкасскіе полки образовались разновременно въ теченіе второй половины XVII столѣтія. Мнѣніе, будто Ахтырскій, Сумской и Харьковскій полки возникли одновремено съ Острогожскимъ полкомъ, не подтверждается данными документовъ. Способы учрежденія полковъ были неодинаковы, а потому, нужно думать, и причины, вызвавшія появленіе того или иного полка, до извѣстной степени были различны. Кромѣ тѣхъ пяти полковъ, которые просуществовали до 1765 года, въ теченіе XVII столѣтія въ Слободской Украйнѣ въ разное время возникали и другіе полки, вошедшіе потомъ въ составъ указанныхъ пяти полковъ.

Прив.-доц. В. Е. Данилевичъ.

Ворзель.
Іюль 1909 года.

XXXV.

Нѣсколько замѣчаній о происхожденіи церкви.

Въ греческомъ обществѣ, начиная съ гомеровскаго времени, замѣтно бросается въ глаза отсутствіе церковнаго строя, идеи церкви, отсутствіе вліятельнаго духовенства. Эта черта рѣзко отличаетъ античную Грецію отъ стариннаго Востока, Вавилона, персовъ, іудеевъ, отъ римской имперіи, отъ Европы въ Средніе Вѣка и Новое время.

Въ греческихъ общинахъ обряды, гаданія совершаются скромными выборными должностными лицами; религіозныя обязанности переходятъ отъ одного къ другому и относятся къ очереднымъ функціямъ смѣняющейся администраціи. Нѣтъ могущественныхъ, богатыхъ священническихъ корпорацій. Есть, правда, вліятельные оракулы, какъ напримѣръ Дельфійскій, но ихъ авторитетъ въ остальныхъ частяхъ Греціи чисто моральный, не принудительный; Дельфы, это—община среди другихъ общинъ, и при томъ очень слабая, предметъ спора для сосѣдей. Время отъ времени появляются предсказатели, пророки (Эпименидъ Критскій, Эмпедоклъ), знакомящіе общество съ новымъ очистительнымъ исцѣляющимъ обрядомъ или помогающіе общинѣ очнуться послѣ какой-нибудь тяжелой катастрофы, напримѣръ чумы. Но ихъ значеніе—индивидуальное, преходящее, они не столько священники, сколько учителя и врачи (Эмпедоклъ, напримѣръ, уже прямо составляетъ переходъ къ типу софиста).

Правда, въ Аѳинахъ V в. мы встрѣчаемъ религіозные процессы (Анаксагора, Сократа, гермокопидовъ). Но въ сущности это—политическій судъ, въ разбирательствѣ нѣтъ рѣчи о догматахъ, обрядовой чистотѣ; карается вовсе не возстаніе противъ священническаго авторитета. Судятъ о политической благонадежности; спорящія на судѣ стороны—политическія партіи, радикалы и консерваторы; рѣшается—въ критическій моментъ, революціи или реакціи, или подъ впечатлѣніемъ опасности для государства—вопросъ о вѣрности общинѣ того или другого гражданина.

Церкви, духовенства, догматики, принудительной организаціи, ца-

рящей надъ духовной жизнью, нѣтъ. Старинная гомеровская Греція въ этомъ отношеніи не отличается отъ позднѣйшей. Въ поэмахъ нѣтъ упоминанія о священникахъ. Есть гадатели (Калхасъ Иліады), но гадать могутъ вообще начальники и вліятельные люди, старѣйшины родовъ, басилеи, вожди. Они—божьи сыновья или потомки, и ихъ близость къ богамъ кажется естественной. Это ихъ привилегія, ихъ счастливая способность; она не основывается на принадлежности къ какой-либо общей организаціи; въ этомъ смыслѣ они предшественники очередныхъ и выборныхъ начальниковъ позднѣйшихъ городскихъ общинъ.

Стоитъ обратить вниманіе на сцену всенароднаго празднества въ Пилосѣ, идиллическомъ царствѣ старика Нестора, куда пріѣзжаетъ сынъ Одиссея. Народъ собрался на мѣстѣ агоры, т.-е. политическихъ сходокъ, и демократичность религіознаго празднества во всемъ ясно выступаетъ. Здѣсь всѣ равны, іерархіи нѣтъ, всѣ принимаютъ активное участіе, басилей и его сыновья предсѣдательствуютъ, сидя въ серединѣ народа, ихъ приближенные, въ качествѣ распорядителей, рѣжутъ и распредѣляютъ жертвенное мясо.

Очень характерна въ томъ же смыслѣ сцена въ III пѣснѣ Иліады, гдѣ воюющія стороны, греки и троянцы, соглашаются остановить бой, предоставить рѣшеніе поединку двухъ ближайше заинтересованныхъ лицъ, Менелая и Париса. Присмотримся къ подробностямъ. Вся подготовительная работа, оповѣщеніе въ городѣ осажденномъ и въ лагерѣ осаждающихъ, приготовленіе и раздача всенародной жертвы, необходимой для торжественнаго скрѣпленія договора—все это исполняютъ не священники, а κήρυκες, тѣ же низшіе служащіе, которые выступаютъ при созывѣ политической сходки, при организаціи судебнаго разбирательства. Когда все готово, вожди обмѣниваются въ присутствіи и съ одобренія обоихъ войскъ обѣщаніями и клятвами. Затѣмъ вожди возносятъ молитвы къ небу, призываютъ боговъ въ свидѣтели и мстителя на того, кто осмѣлится нарушить договоръ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ чертой, которую нельзя назвать иначе, какъ демократической. Вмѣстѣ съ вождями громко молятся простые люди, все тѣ же λαοί, которые заполняютъ сходку, окружаютъ судъ, которые организованы въ морской союзъ, И λαοὶ здѣсь не простой темный фонъ, на которомъ выдѣляются главные актеры, а дѣятельный элементъ.

Народъ прямо обращается къ богамъ, съ тѣмъ же жестомъ воздѣванія рукъ къ небу, какъ вожди. Онъ также громко призываетъ боговъ въ мстители, онъ ясно выражаетъ ту же основную мысль, составляющую сущность предстоящаго состязанія или испытанія судьбы и воли боговъ, и также непосредственно. Гомеръ два раза въ той же сценѣ приводитъ всенародную громкую молитву. Во-первыхъ, когда рѣчь идетъ о заключеніи уговора и, во-вторыхъ, когда секунданты, Гекторъ и Одиссей,

размѣривъ мѣсто для поединка, бросаютъ жребій, что бы рѣшить, кому достанется право перваго удара. По этому поводу грекамъ и троянцамъ вложены въ уста любопытнѣйшія слова: у Бога просятъ; ἡμῖν δ' αὖ φιλότητα καὶ ὅρκια πιστὰ γενέσθαι, дай намъ, Боже по (окончаніи поединка въ ту или другую сторону) заключить между собою—тѣсный союзъ и дружбу и обмѣняться нерушимыми клятвами. Ἡμῖν, намъ, т.-е. обоимъ народамъ, а не державнымъ властителямъ.

Всѣ эти сцены и подробности какъ нельзя болѣе краснорѣчивы. Посредниковъ между богами и людьми нѣтъ. Общество имѣетъ лишь организацію свѣтскую, народъ непосредственно сносится съ богами.

Итакъ на греческой почвѣ нѣтъ вовсе условій для возникновенія церкви, духовенства, іерархіи, догматики, и ихъ нѣтъ до конца самостоятельной греческой исторіи. Большая и значительная культура обходилась безъ этихъ формъ, столь важныхъ въ послѣдующей исторіи. Этотъ выводъ позволяетъ поставить общій вопросъ о томъ, какъ и гдѣ возникла церковь вообще, церковь, какъ соціальная организація, церковь, какъ соціальное явленіе?

Въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ смѣнилось нѣсколько разныхъ концепцій историческаго процесса. Можно разсматривать государство, церковь, аристократію, демократію, какъ послѣдовательныя и всюду необходимыя или неизбѣжныя ступени развитія всего человѣчества. Это была точка зрѣнія старой философіи исторіи, которая выводила одну единственную линію развитія человѣчества. Въ вопросѣ о происхожденіи церкви она примыкала прямо къ традиціи христіанства: церковь возникла тогда-то и тамъ-то, когда человѣчество для этого созрѣло, и въ эту общую культурную форму стали вступать одна за другой отставшія и доспѣвавшія группы человѣческаго общества, новые народы. Будущее также ясно. Объединеніе будетъ совершаться до тѣхъ поръ, пока великая община не охватитъ весь родъ человѣческій: конечно, это былъ только идеалъ, постоянно блѣднѣвшій, но все-таки сохранявшійся.

Болѣе новая, соціологическая теорія, основная на сравненіи повторяющихся явленій, измѣнила постановку. Она разбила человѣчество на самостоятельныя группы, Общество съ большой буквы, на общества съ малой буквы. То, что разсматривалось въ видѣ разъ пройденныхъ ступеней роста и развитія, то стали считать много разъ повторенными въ отдѣльныхъ обществахъ формами. Соціологическая теорія уже потому должна допустить такое дробленіе соціальнаго процесса человѣчества, что ея матеріалъ былъ несравненно шире и разнообразнѣе. Прибавилось знакомство съ культурой восточно-азіатской, большой и самостоятельной, которую можно было поставить почти наравнѣ съ западно-азіатско-европейской, между тѣмъ какъ раньше эту послѣднюю считали един-

ственно «всемірной». Изучили старую американскую культуру и замѣтили, какой она занимала большой кругъ, и въ какую старинную пору она заходитъ. Затѣмъ прибавился обширный этнологическій матеріалъ, знакомство съ бытомъ современныхъ народовъ, отставшихъ въ культурѣ. Получилась масса аналогій, несомнѣнныхъ доказательствъ того, что развитіе совершается самостоятельно въ параллельныхъ группахъ. Пришлось признать, что въ исторіи идетъ не одна большая рѣка цивилизаціи, а множество потоковъ, которые начинаютъ сливаться въ немногіе крупные лишь въ болѣе поздніе времена.

Въ примѣненіи къ нашему вопросу о развитіи и возникновеніи церкви, какъ соціальной организаціи, соціологическая теорія должна была выставить другіе взгляды. Можно было предположить, что церковь—форма мѣстнаго общества, всюду одинаково способная возникнуть на опредѣленной ступени развитія. Традиція христіанской церкви, правда, очень громко говорила о распространеніи идей и организаціи изъ одного центра; сначала небольшая, община расширилась потомъ завоеваніемъ, пріобрѣтеніемъ новыхъ приверженцевъ.

Можно было однако представить себѣ встрѣчу двухъ процессовъ, мѣстнаго и общаго: посторонняя церковь, новая вѣра всякій разъ являлась въ то время, когда въ мѣстномъ обществѣ сложилась аналогичная группировка и складъ понятій, когда возникла іерархія, выработалась мысль о великомъ спасеніи или катастрофѣ, предстоящей народу. На такую ступень поднялъ друидизмъ кельтовъ, а религія Тора и Бальдра—скандинавовъ. Въ такомъ случаѣ «принятіе христіанства» было бы ничѣмъ инымъ, какъ отвѣтомъ на поставленные въ мѣстномъ обществѣ вопросы, или даже повтореніемъ уже полученныхъ отвѣтовъ, но только въ новой болѣе увѣренной формулировкѣ, или просто перемѣной терминологіи. Можно представить себѣ, что и корпораціи священниковъ перешли почти незамѣтно одна въ другую. Важная роль жречества у германцевъ и кельтовъ уже давно бросалась въ глаза новымъ изслѣдователямъ. Еще реакціонеръ начала XIX в. Жозефъ де Местръ, не колеблясь, назвалъ друидовъ прямыми предшественниками христіанскихъ епископовъ. Одна организація легко могла перейти въ другую. Такимъ образомъ вездѣ совершался особый мѣстный процессъ развитія, похожій на другіе сосѣдніе.

Еще одно наблюденіе какъ будто подтверждало эти догадки. Въ отдѣльныхъ странахъ христіанство заявило себя крайне индивидуальными формами: въ Африкѣ, въ Египтѣ, въ Греціи, Римѣ, Ирландіи, не говоря уже о несторіанахъ, катарахъ и вообще сектантскихъ общинахъ. Почти неудобно говорить въ единственномъ числѣ «христіанство», христіанская церковь, когда представляешь себѣ Средніе Вѣка; хочется говорить о нѣсколькихъ христіанскихъ церквахъ, о «христіанствахъ».

Передъ нами какъ будто группа схожихъ религій, одинаковыхъ по формѣ, разныхъ по содержанію. Причина понятна: въ дѣйствительности вѣдь продолжаются старыя религіозныя традиціи, идетъ свое мѣстное развитіе подъ новой общей терминологіей въ родѣ того, какъ подъ организаціей римской имперіи продолжали жить мѣстныя культуры.

Въ этихъ толкованіяхъ соціологической исторіи много вѣрнаго, но они грѣшатъ все-таки тѣмъ, что не считаются съ разнообразіемъ культуръ, коренящимся въ физическихъ, въ географическихъ отличіяхъ. Всюду они предполагаютъ одинъ и тотъ же ходъ вещей, одно и тоже органическое развитіе. А между тѣмъ человѣческія общества можно только въ очень общемъ смыслѣ сравнивать съ организмами. Они не такъ рѣзко отграничиваются другъ отъ друга, какъ организмы, изучаемые біологіей; они не связаны въ такой мѣрѣ опредѣленными сроками существованія. Когда мы видимъ, что греческое общество съ начала и до конца осталось при своихъ характерныхъ чертахъ, египетское и вавилонское—въ свою очередь, тогда мы начинаемъ думать, что, помимо смѣны ступеней развитія, въ жизни обществъ есть еще другой, противоположный элементъ, элементъ неподвижности, сохраненія типа, свойственнаго данному обществу и не встрѣчающагося въ другомъ. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ считать демократію, городскую, кантональную автономію—національнымъ продуктомъ Греціи. Въ этомъ же смыслѣ мы можемъ назвать церковь—національнымъ продуктомъ старинаго Востока, точнѣе Вавилона, при посредствѣ іудейской пропаганды перешедшимъ въ новую культуру, и на западъ, въ то время какъ на старой почвѣ изъ него возникло мусульманство.

Не трудно показать, какъ стара форма неограниченной монархіи, и въ какой мѣрѣ она связана съ большими государствами Востока. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на то, что между абсолютизмомъ и церковью тѣснѣйшая связь, что они съ самаго начала идутъ изъ одного круга понятій, развиваются параллельно, въ союзѣ или во враждѣ, но не обходятся одинъ безъ другого.

Въ старомъ Вавилонѣ, какъ потомъ въ его копіяхъ и воспроизведеніяхъ, въ персидской монархіи, въ халифатѣ, нѣтъ самостоятельной церковной организаціи. Государь получаетъ отъ Бога законы, править надъ тѣлами и душами. Происхожденіе власти здѣсь иное, чѣмъ въ Греціи: уже ранніе князья на равнинѣ Евфрата, такъ называемые патеси,—первосвященники, между тѣмъ какъ гомеровскій басилей—военный вождь. Въ кодексѣ Гаммураби часто идетъ рѣчь о монахахъ и особенно о монахиняхъ, но не видно вліятельнаго священничества. Гаммураби распоряжается властно въ религіозныхъ вопросахъ: онъ запрещаетъ колдовство, т.-е. указываетъ предѣлы гадателямъ, ограничиваетъ ритуалъ, обряды. Всѣ великія и важныя сношенія съ богами

происходятъ черезъ царя. Царь—священная особа и глава церкви, иначе говоря, церковь и государство совпадаютъ, какъ въ современныхъ державахъ съ государственной церковью. Въ такой комбинаціи церковь — только другой терминъ для выраженія неограниченности власти.

Въ Вавилонѣ этотъ терминъ пріобрѣлъ особый теоретическій смыслъ; онъ былъ связанъ съ господствовавшимъ астрономическимъ ученіемъ. Теорія говорила, что земной міръ—копія небеснаго оригинала; земныя судьбы слѣдуютъ вполнѣ точно происшествіямъ небеснымъ. Земной правитель также слѣдуетъ за своимъ небеснымъ образцомъ. Стоитъ посмотрѣть типичную оффиціальную біографію великаго восточнаго царя. Она движется въ рамкахъ небесной драмы. Будущій царь рождается чудеснымъ образомъ такъ же, какъ молодой богъ—спаситель міра, временно сокрывается во тьмѣ и неудачахъ и вновь воскресаетъ въ побѣдахъ. Царь долженъ поэтому самъ воспроизводить великій міровой циклъ, ежегодное потускнѣніе или страданіе бога и его возрожденіе. Въ христіанской Византіи сохранилось еще довольно живое отраженіе этой драматической роли правителя. Пасхальный обычай требовалъ, чтобы царь явился передъ народомъ съ аттрибутами похороненнаго божества, со знаками пребыванія Христа въ могилѣ, съ крестообразнымъ скипетромъ, указывавшимъ символически на пройденныя страданія и смерть; въ то же время его бѣлая одежда, его торжественное выступленіе среди свѣтлыхъ гимновъ свидѣтельствовали о возрожденіи. Вѣроятно, въ Вавилонѣ все это было еще гораздо опредѣленнѣе и драматичнѣе. Придворные чины, высшая бюрократія, которая потомъ повторяется въ поздней римской имперіи, въ Карловой монархіи, въ Сициліи, въ Англіи эпохи Плантагенетовъ, тоже, повидимому, представляла копію небеснаго двора; она, согласно теоріи, воспроизводила іерархію свѣтилъ, подвижныхъ и неподвижныхъ фигуръ небеснаго свода.

Характеръ этого священно-политическаго строя можно было бы еще иначе выразить. Въ Вавилонѣ на землѣ, реально господствуетъ свѣтское государство, церковь есть научное построеніе, сумма философіи, на землѣ нѣтъ противоположности свѣтской власти и духовной, церкви и государства. Храмы и священники не противополагались свѣтской власти и правительственнымъ учрежденіямъ; это были ея органы и совѣтчики; это были своего рода бюрократическіе кадры. Можно думать, что вторая бюрократія была довольно значительна. Нѣкоторое понятіе объ этомъ мы получаемъ изъ данныхъ устройства новоперсидскаго государства, продолжавшаго, повидимому, почти на той же территоріи вавилонскія традиціи. Тамъ существовало множество мобедовъ, священниковъ, соединенныхъ въ іерархію и имѣвшихъ во главѣ

верховнаго мобед-ин-мобеда. Онъ вѣнчалъ шаха. Но это былъ все-таки только чинъ высшей бюрократіи, котораго вѣрнѣе будетъ сравнивать не съ католическимъ римскимъ папой, а съ патріархомъ въ Византіи.

Эта форма и перешла потомъ въ христіанскую Европу, но рядомъ съ ней постоянно жила и обнаруживала свое вліяніе церковь независимая. Какъ она возникла?

Въ старинномъ Вавилонѣ не видно противоположности церкви и государства. Ея вообще нѣтъ до тѣхъ поръ, пока не нарушена цѣлость господствующей общественной среды. Но политическая жизнь въ странахъ стариннаго Востока была полна превратностей. Культурная страна нѣсколько разъ подвергалась разгрому и завоеванію изъ степей и горныхъ областей. Само государство династіи Гаммураби было уже результатомъ завоеванія, составляло надстройку надъ болѣе старой организаціей, отъ которой были усвоены техническіе пріемы, богатство, наука и вѣрованія. Мы не знаемъ, какими послѣдствіями во всемъ кругѣ вѣрованій могли отразиться болѣе старинныя катастрофы, происходившія въ этомъ краю. Но то, что случилось позднѣе, особенно судьбы іудейскаго народа, позволяетъ догадываться о переворотахъ раннихъ.

Въ началѣ VI в. до Р. Х. вавилонскій царь Навуходоносоръ завоевалъ Іерусалимъ и переселилъ часть іудеевъ въ равнину Евфрата. Отсюда плѣнники и эмигранты принесли потомъ назадъ въ Сирію ученіе о Мессіи, благую вѣсть о предстоящемъ спасеніи міра или о міровой катастрофѣ. Эти идеи самостоятельной церкви, враждебной или, по крайней мѣрѣ, чуждой государству, іудеи нашли, повидимому, готовыми на вавилонской почвѣ. Тамъ были уже многочисленныя группы общества, находившіяся въ положеніи, аналогичномъ новымъ вынужденнымъ колонистамъ. Вавилонъ много разъ подчинялся чуждому завоевателю; страну покоряли то эламиты, то ассиріяне, то халдеи. Вавилонъ долго былъ вассаломъ Ассиріи, оставаясь священнымъ городомъ въ родѣ средневѣковаго Рима или арабской Мекки въ турецкой державѣ или Царьграда въ рукахъ невѣрныхъ. Самъ завоеватель Іерусалима, Навуходоносоръ, былъ представитель чуждаго старому Вавилону халдейскаго элемента. Всѣ эти завоеватели приблизительно также относились къ Вавилону, какъ въ свое время германцы къ Риму. Масса вавилонянъ была такимъ же подчиненнымъ классомъ у себя дома, какъ и насильственно къ нимъ переселенные іудеи. Двѣ покоренныя придавленныя группы встрѣтились и объединились во взглядахъ.

Теперь можно себѣ представить, какія идеи нашли іудеи у своихъ собратьевъ по несчастью. Подчиненный завоевателями, культурный народъ потерялъ самостоятельное отечество. У власти сидятъ невѣрные.

Слѣдовательно, уже нельзя земное государство считать копіей небеснаго царства. Гармонія двухъ міровъ нарушилась, и небесный оригиналъ не имѣетъ болѣе соотвѣтствующаго повторенія на землѣ. Но въ его реальности нельзя сомнѣваться; если на землѣ происходитъ кризисъ, то надо обратно заключить о кризисѣ на небесахъ. Видимо, это затянувшаяся катастрофа потускнѣнія, которая разрѣшится новымъ возрожденіемъ. А тѣмъ временемъ небесный оригиналъ, небесное царство остается объединяющей идеей для разгромленнаго общества, его идеальнымъ отечествомъ. Прежняя теорія учила, что возвраты свѣтлыхъ дней должны повторяться періодически, что вѣка, чередуясь, отдѣляются другъ отъ друга катастрофами и просвѣтлѣніями. Это—неизбѣжный и вѣрный ходъ вещей. Поэтому теперь, во время долгаго кризиса, съ небеснымъ царствомъ соединяются большія, но отдаленныя ожиданія. Оно далеко, оно оторвалось отъ земли, но оно придетъ, спустится на землю, снова воплотится въ идеальномъ правителѣ или избавителѣ, и народъ называетъ его Мессіей, махди, мистическимъ Фридрихомъ (т.-е. царемъ мира) и т. п.

Среди угнетенія даннаго момента мысль о желанномъ наступленіи новаго вѣка получаетъ особенно острый характеръ. Все сдвигается въ одинъ великій ожидаемый актъ, въ одно рѣшительное и окончательное просвѣтленіе послѣ долгаго мрака: небесное царство опять войдетъ въ свои права на землѣ, его представители непосредственно низойдутъ на землю и поднимутъ къ счастью, силѣ и власти подавленный, покинутый народъ. Люди, конечно, не только вѣрятъ, ждутъ въ тайнѣ; но они повѣряютъ другъ другу свои ожиданія, соединяются въ общины посвященныхъ, пропагандируютъ, пріобрѣтаютъ прозелитовъ. У нихъ являются новые вожди и учителя, конечно тайные.

Вотъ когда можно говорить о возникновеніи настоящей реальной церкви, самостоятельной и независимой отъ государства. Церковь теперь—организація, связанная съ кругомъ ожиданій стѣсненной массы. Мы могли бы назвать церковь предварительной организаціей будущаго возрожденнаго національнаго государства. Можно найти еще иную формулу опредѣленія, можно сказать, что церковь образуетъ рамки или цѣль для своего рода мистическаго патріотизма.

Организація будущаго, конечно, во всемъ копируетъ организацію настоящаго, т.-е. свѣтское государство. У нея есть свои руководители, но они занимаютъ совершенно другое положеніе. Если въ обществѣ порабощенномъ остались старые священники, то они конечно, не чиновные іерархи, не бюрократія, получающая отблескъ власти свыше, а тайные, можетъ быть, даже преслѣдуемые вожди вѣрующихъ.

Въ ранней христіанской церкви на почвѣ имперіи, вѣроятно, повторились порядки и идеи старинной вавилонской церковной оппозиціи.

Очень характерно поведеніе руководителей оппозиціонной церкви. Они подчиняются по виду свѣтскимъ властителямъ («нѣтъ власти, кромѣ какъ отъ Бога»; «надо терпѣть и дурныхъ правителей» и т. д.). Но они не служатъ этой власти; они принадлежатъ къ другой, высшей общинѣ. Они готовы соединиться около Мессіи, Махди и т. д. и они готовы выдать новымъ пришельцамъ своихъ повелителей, навязавшихся имъ господъ. Іудейская община передается отъ персовъ въ подчиненіе македонянамъ, христіанская церковь безъ спора предоставляетъ римскую имперію варварамъ и т. д.

Съ теченіемъ времени оппозиціонные круги выработали стройную увѣренную теорію двухъ царствъ, небеснаго и земного. Вполнѣ отчетливо эта теорія выражена въ книгѣ пророка Даніила, которая возникла, повидимому, въ эпоху національной борьбы іудейства съ греческимъ государствомъ Селевкидовъ. Въ этомъ произведеніи поздней, до извѣстной степени, революціонной іудейской литературы можно видѣть въ свою очередь прототипъ знаменитаго «Государства Божія» Августина, книги, служившей какъ бы каноническимъ завѣщаніемъ ранняго христіанства всему Средневѣковью.

У Даніила двѣ малхутъ, два царства, въ греческомъ переводѣ, двѣ βασιλεῖαι. Одна — земная: это страшная, чуждая, вызывающая ненависть языческая государственная сила. Ей противополагается Божья малхутъ, т.-е. торжество израильскаго Бога на землѣ; но ея торжество лишь ожидается въ будущемъ; прошлое и современность принадлежитъ темной чуждой земной державѣ.

Для патріотовъ, для сторонниковъ независимости тутъ была опора, была ясная цѣль въ перспективѣ. При наличности такого ученія, такой вѣры, никогда нельзя было положиться на спокойствіе массы, и мы видимъ, что исторія Іудеи при греческихъ Антіохахъ и за два вѣка римскаго владычества полна непримиримой національной борьбы, полна ожесточенныхъ возстаній. Программа движенія звучитъ неизмѣнно: установить на землѣ царство небесное, т.-е. дать торжество церкви. Борьба эта до тѣхъ поръ длится, пока народъ ждетъ Мессію, или привѣтствуетъ Его именемъ возставшаго избавителя, пока господствующая сила послѣ колоссальнаго истребленія не счищаетъ съ мѣста всю непокорную оппозиціонную націю въ буквальномъ смыслѣ слова.

Однако вмѣстѣ съ волнами вынужденной эмиграціи на западъ, въ среду самихъ завоевателей идетъ идея церкви, идеалъ небеснаго царства, таинственная организація, въ которую слагаются подчиненные и угнетенные. Достаточно извѣстно, въ какой мѣрѣ христіанство составлялс іудейскую секту, насколько оно держалось первое время почти исключительно элементами іудейскаго происхожденія, евреями діаспоры. Также давно замѣчено, что господствующій народъ, римляне, вплоть

до своей гибели съ приходомъ варваровъ, т.-е. даже послѣ оффиціальнаго торжества христіанства, оставались враждебны восточному ученію о близкой катастрофѣ міра, о Мессіи, избавителѣ людей отъ страданій и т. д. Въ этомъ національномъ различіи ясно отразились два настроенія, двѣ психологіи, господъ и подчиненныхъ.

Цезарь, Августъ и послѣдующіе римскіе властители находились подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ восточныхъ теорій о божественности власти; культъ императоровъ вѣдь прямо заимствованъ оттуда. Всѣ ихъ преемники, византійскіе цари, средневѣковые западные императоры, московскіе цари жадно усвоивали тѣ же теоріи. Но въ самой римской имперіи масса новыхъ подданныхъ вовсе не раздѣляла ихъ. Порабощенный Востокъ отмстилъ за себя: одновременно съ абсолютизмомъ пришла въ имперію и распространилась его оппозиціонная копія, идея церкви, вѣра въ будущее небеснаго царства; она организовалась, консолидировалась въ видѣ большого союза христіанскихъ общинъ. Не даромъ главный нервъ этой организаціи—ожиданіе катастрофы міра, т.-е. паденія языческаго государства, ожиданіе великаго переворота, послѣ котораго должно наступить тысячелѣтнее царство, т.-е. счастливый вѣкъ. Это ожиданіе необыкновенно сильно въ первые вѣка христіанства, оно играетъ большую роль и въ средневѣковыхъ европейскихъ народныхъ возстаніяхъ вплоть до великой крестьянской войны въ Германіи въ 1525 г. Во всякомъ сектантскомъ движеніи непремѣнно есть мысль о судѣ Божьемъ на землѣ, т.-е. о великой перестановкѣ отношеній власти и имущества, о великомъ передѣлѣ земли, о низверженіи богопротивной темной силы, держащей господство. Черезъ цѣлый рядъ вѣковъ, государствъ, націй, культуръ тянется и проявляется та же близость двухъ теорій, государственной и церковной, и обнаруживается ихъ взаимная вражда.

Правители считаютъ свою власть отраженіемъ небеснаго свѣта, выраженіемъ небесной гармоніи; оппозиція, недовольные, притѣсненные считаютъ напротивъ гармонію нарушенной, признаютъ, что земная власть досталась дьявольской силѣ, и что истинное Божье царство впереди, въ будущемъ. Тѣ и другіе читаютъ свою вѣру въ небесныхъ знакахъ, строютъ свою систему на астрологіи. Оттого и получаются двѣ церкви, такъ рѣзко непохожія: одна оффиціальная, бюрократическая, опирающаяся на знаки согласія божьяго и земного царства; другая тайная, независимая, или еретическая, сектантская,—организація будущаго: она читаетъ и видитъ другіе знаки: смыслъ ихъ тотъ, что темныя силы настоящаго на землѣ свергли, отодвинули Божье царство; но оно должно придти, ему принадлежитъ будущее.

Соціологическія построенія пріучили насъ видѣть въ политическихъ и общественныхъ учрежденіяхъ, въ монархіи, республикѣ, ры-

царствѣ, судѣ присяжныхъ и т. п. общечеловѣческія формы, которыя какъ будто бы могутъ возникать въ любой физической, т.-е. географической и расовой средѣ, и которыя лишь отвѣчаютъ опредѣленнымъ ступенямъ общаго культурнаго развитія. Мы не всегда замѣчаемъ, что наши опредѣленія эволюціоннаго мѣста того или другого учрежденія однобоки, страдаютъ недосказанностью. Мы забываемъ нерѣдко, что формы общественнаго быта имѣютъ опредѣленное географическое или національное происхожденіе такъ же, какъ финиковая пальма, пшеница, верблюдъ, лошадь и т. п.—не общіе типы земной поверхности, а виды опредѣленнѣйшаго района, хотя съ теченіемъ времени они и могутъ быть занесены далеко отъ первоначальной своей родины.

Разсматривая историческія формы съ этой соціально-географической точки зрѣнія, мы можемъ считать республику, демократію, теорію народнаго верховенства, народный судъ, обычай ежегоднаго избранія очередныхъ правителей—продуктомъ кантональнаго быта островковъ и приморскихъ долинокъ Балканскаго и Апеннинскаго полуострововъ. Съ той же точки зрѣнія можно считать абсолютную монархію и всемірную церковь продуктомъ большихъ организацій, неизмѣнно слагавшихся на широкихъ аллювіальныхъ равнинахъ Передней Азіи и опиравшихся на сложную старинную науку звѣздочетства. Для объясненія такой своеобразной теоріи, какъ ученіе о божественности власти, едва-ли можно найти какую-нибудь другую опору, кромѣ астрологической философіи. Но изъ той же культурно-географической среды, отъ аргументовъ той же науки о небесныхъ циклахъ идетъ ученіе о спасителѣ міра и о торжествѣ великой справедливой общины на землѣ, которое способно по временамъ принимать такой грозный общественный смыслъ.

Р. Випперъ.

XXXVI.

„Безумное молчаніе“.

(Причины Смуты по взглядамъ русскихъ современниковъ ея).

«Божіимъ праведнымъ судомъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго христіанства»...

«Иное сказаніе».

«Отъ кихъ разліяся грѣхъ земля наша, не безсловеснаго ли ради молчанія?»...

Иванъ Тимоѳеевъ.

«И яко сихъ ради Никитичевъ Юрьевыхъ вскорѣ, тогожде лѣта 7111, и за всего міра безумное молчаніе, еже о истинѣ къ царю не смѣюще глаголати о неповинныхъ погибели»...

Авраамій Палицинъ.

Эпохѣ Смутнаго времени посчастливилось въ нашей исторіографіи. Историки настойчиво и успѣшно изучали богатый запасъ памятниковъ русскихъ и иностранныхъ, сложившійся около Смуты. На Смуту потрачено, пожалуй, болѣе вниманія и изучена она глубже, чѣмъ какая-либо другая эпоха русской исторіи. Смутное время, казавшееся Карамзину несчастной случайностью, вызванной „послабленіемъ“ Ѳеодора и „злодѣяніями“ Бориса, „небесной карой“ и „развратомъ народа“, представляется современной научной исторіографіи (назову имена С. М. Соловьева, В. О. Ключевскаго и С. Ѳ. Платонова) слѣдствіемъ глубокихъ внутреннихъ болѣзней—кризисовъ, долго разлагавшихъ общество Московскаго государства. Два десятилѣтія тяжкихъ потрясеній, пережитыхъ русскими людьми въ началѣ XVII вѣка, были не нечаянной случайностью, а порожденіемъ цѣлаго ряда органическихъ условій — такъ смотритъ современный историкъ, и тѣмъ усерднѣе изслѣдуетъ онъ эти подготовительныя условія, перенося центръ тяжести изученія на явленія, предшествовавшія Смутѣ и подготовившія ее.

Но сравнительно менѣе современная исторіографія удѣляла вниманія тому, что можно назвать психологическимъ перерожденіемъ общества, тѣмъ внутреннимъ процессамъ, которые выражались въ переработкѣ общественнаго сознанія, болѣе отчетливомъ выдѣленіи однѣхъ чертъ душевнаго облика русскихъ людей того времени и исчезновеніи, стираніи другихъ. Между тѣмъ, историческій матеріалъ актовъ и сказаній, оставшійся отъ Смуты, открываетъ намъ нѣкоторую возможность къ этому.

Русскіе люди пережили въ Смуту сложный психологическій переломъ, сказавшійся въ нѣкоторомъ перерожденіи основныхъ понятій, опредѣлявшихъ ихъ отношеніе къ государственному порядку. Начавъ Смуту очень безпечно, съ легкимъ сердцемъ пустившись въ авантюры самозванщины, они кончили Смуту съ прояснившимися въ ихъ сознаніи понятіями общаго блага, отечества и государства. Этотъ переломъ выразился въ нарожденіи новой, раньше мало имъ знакомой категоріи понятій общественной отвѣтственности и общественныхъ правъ. Какъ русскіе люди сами выражались, они Смутой „наказались“.

Процессъ проясненія важнѣйшихъ общественныхъ понятій можно вскрыть по косвеннымъ признакамъ. Въ сказаніяхъ и многочисленныхъ грамотахъ Смутнаго времени есть много разсужденій о томъ, какъ и откуда возникла смута. Почти нѣтъ сказанія, которое не пыталось-бы отвѣтить на этотъ вопросъ, но интересны не столько эти разрозненные отвѣты, сколько ихъ сопоставленіе. Въ настойчивыхъ усиліяхъ изслѣдовать эту, повидимому, отвлеченную тему отразился процессъ ихъ работы надъ своими политическими понятіями и сужденіями.

Фразы о томъ, что судьбы человѣческаго общества управляются волею Промысла, что несчастья падаютъ на головы отдѣльныхъ людей или даже цѣлаго народа въ наказаніе и назиданіе, мы найдемъ почти въ каждомъ повѣствовательномъ произведеніи древней Руси. Положительная мысль о награжденіи добра, о водительствѣ Провидѣнія съ какими-нибудь благими цѣлями развивается плохо, но на страницахъ лѣтописей можно найти обильный матеріалъ на тему о грѣхахъ, возмездіи, наставленіи заблуждающагося человѣчества. „По грѣхамъ нашимъ“— обычный застывшій вздохъ лѣтописи, встрѣчающійся въ ней на каждомъ шагу. Иногда эти одинокія фразы развиваются въ цѣлую историческую философію. Подъ 1068 годомъ мы читаемъ: „Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ, въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываеть отъ соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощеть зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому убийству и кровипролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, и клеветы. Земли же согрѣшивши которѣй любо, казнить Богъ смертью, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусѣницею, ли инѣми казньми, аще ли покаявшеся будемъ, въ немже ны Богъ велить

жити, глаголеть бо пророкомъ намъ: обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемь вашимъ, постомъ и плачемъ. Да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възвращаемся, акы свинья в калѣ грѣховнѣмь присно калающеся, и тако пребываемъ“.... [1]).

Такая философія исторіи развивается и приспособляется къ фактамъ туго, обычно входя въ повѣствованіе въ качествѣ простого механическаго прибавленія, стилистическаго „нароста“, на условленныхъ мѣстахъ. Это механически присоединяемое къ лѣтописному разсказу заключеніе плохо вступаетъ съ нимъ въ логическую связь, оставаясь болѣе реторическимъ орнаментомъ, декораціей, чѣмъ обобщающимъ сужденіемъ. Но и въ лѣтописи эта философія поддается по временамъ развитію, вліяя на повѣствованіе или поддаваясь вліянію повѣствованія, вбирая въ себя разное конкретное содержаніе. Иногда мы наблюдаемъ, какъ повѣствователь вставляетъ въ разсказъ прекрасную библейскую метафору, увлекающую его своимъ кипучимъ содержаніемъ, иногда это просто вздохъ и примиреніе съ неизбѣжнымъ, но иногда сужденія эти пріобрѣтаютъ устрашающій или назидательный характеръ, врѣзая въ сознаніе людей понятія религіозныя, политическія и т. д. Понятія Промысла, грѣха и искупленія вины обрабатываются втеченіе многихъ вѣковъ и принимаютъ всевозможныя окраски.

Перечитывая сказанія о Смутѣ и грамоты этой эпохи, мы встрѣтимъ тѣ же лѣтописныя фразы о томъ, что Смута была наказаньемъ за какую то большую вину всего народа, которую они усиленно стараются опредѣлить: „и аще не бы Богу за умноженіе нашихъ согрѣшеній попущающу, не возможно бяше ему (Самозванцу) треклятому совершити таковаго великаго начинанія“, „Божіимъ праведнымъ судомъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго христіанства“, „Богу попущающу, а сотонѣ дѣйствующу“.... причитаетъ „Иное сказаніе“ [2]). Почти каждая грамота, каждый отдѣльный разсказъ содержатъ или краткое упоминаніе о грѣхахъ или разсужденія о сущности этихъ грѣховъ, но не вездѣ разсужденія эти одинаковы. Они не ускользнули отъ вниманія такихъ изслѣдователей, какъ С. М. Соловьевъ и С. Ѳ. Платоновъ, отмѣтившихъ наглядно пестроту и невыдержанность точекъ зрѣнія, проводимыхъ разными сказаніями и даже однимъ и тѣмъ же сказаніемъ. Особенно зоркія и мѣткія наблюденія сдѣланы въ этомъ направленіи С. Ѳ. Платоновымъ [3]).

---

[1]) Лаврентьевская лѣтопись, изд. 1897 г., с. 163—4,

[2]) Русская Историческая Библіотека, XIII т., стр. 1, 32, 66—7, и др. Въ дальнѣйшихъ цитатахъ цыфра XIII означаетъ всегда этотъ томъ Рус. Ист. Библіотеки.

[3]) Авторъ не цитируетъ пособій, но лица знакомыя съ исторической литературой увидятъ, какъ часто онъ опирается на превосходный трудъ проф. С. Ѳ. Платонова «Древне-русскія сказанія о Смутномъ времени, какъ историческій источникъ».

Но эти разрозненныя и разбросанныя сужденія сказаній и грамотъ интересно сопоставить и сравнить: то, что представляется случайнымъ и произвольнымъ завиткомъ мысли, нечаянно оброненнымъ замѣчаніемъ отдѣльнаго сказанія, можетъ оказаться звеномъ въ цѣпи послѣдовательнаго развитія какой-нибудь одной мысли. Кромѣ формальнаго смысла привычныхъ провиденціалистическихъ разсужденій о грѣхахъ, въ нихъ откроется еще внутренній смыслъ, заключенный въ условную оболочку и стремящійся выбиться изъ нея. Этотъ внутренній смыслъ и важно выдѣлить и изучить.

Смута ниспослана въ наказаніе и въ назиданіе—такъ смотритъ на вещи неизвѣстный авторъ начальнаго отрывка „Иного сказанія“, писавшій лѣтомъ 1606 года вскорѣ послѣ торжественнаго перенесенія царемъ Василіемъ мощей царевича Димитрія въ Москву „....Малымъ бо понаказа насъ, а великая даровалъ намъ, много должни бо славу и хвалу всегда воздавати и обратитися къ Нему истинно душами и сердцами своими и заповѣди Его хранити, и злобъ и лукавыхъ нравъ своихъ прежнихъ да отстанемся, сребролюбія и посулоиманія и всякаго неправеднаго собранія удалятися, и не на лица судяще, сира и вдову пріемлемъ и правду стяжемъ“ [1]).

Но этимъ „малымъ“ наказаніе не ограничилось, надежды автора „Повѣсти 1606 года“ (цитированнаго отрывка „Иного сказанія“) не оправдались, Смута снова разгорѣлась на югѣ, и началось движеніе, связанное съ именемъ Болотникова. Прежній авторъ или его продолжатель еще увѣреннѣе развиваетъ ту же провиденціалистическую точку зрѣнія. Междоусобіе разыгрывается „Богу попущающу, а сотонѣ дѣйствующу“. Въ эту часть сказанія вставленъ разсказъ о видѣніи въ Успенскомъ соборѣ. Въ разсказѣ о видѣніи мы читаемъ мрачное обличеніе, исполненное библейской силы.

„О Мати“, обращается Спаситель въ концѣ видѣнія къ Богоматери, „о Мати, не стужай Ми, и ты, друже Мой, Крестителю Иванне, и вси Мои святіи! Не рѣхъ ли вамъ, яко нѣсть истинны во царѣхъ же и патріарсѣхъ и во всемъ церковномъ чину, ни во всемъ народѣ Моемъ, новомъ Израили, яко не ходятъ по преданіи Моемъ и заповѣдей Моихъ не хранятъ; многажды бо хотѣхъ помиловати ихъ, но раздражаютъ утробу мою всещедрую своими ихъ окаянными и студными дѣлы; *и сего ради*, Мати Моя, изыди отъ мѣста сего и всѣ святіи съ Тобою; Азъ же предамъ ихъ кровоядцемъ и немилостивымъ разбойникамъ, *да накажутся* малодушніи и пріидутъ въ чувство, и тогда пощажу ихъ“ [2]).

---

[1]) XIII т., с. 96.

[2]) XIII т., с. 104 курсивъ вездѣ нашъ.

Русскіе люди начали Смуту весьма бодро, и виноватыми себя они почувствовали лишь въ концѣ 1606 года. Первымъ замѣтнымъ выраженіемъ сознанія своей вины является видѣніе протопопа Терентія, только что цитированное. Эти сильныя обличенія суть первый переходъ къ новой мысли, къ мысли о виновности въ смутѣ русскаго общества, но въ этомъ своемъ фазисѣ новая мысль лишена законченности и опредѣленности. Если они отчасти и пытаются отвѣтить на вопросъ о томъ, чѣмъ здѣсь можно помочь, то это мистическій отвѣтъ: помощь должна притти отъ покаянія и отъ заступничества святыхъ. У этихъ иногда прекрасныхъ образовъ, какъ и у всякихъ образовъ, нѣтъ логическаго фронта и логической твердости, но первое ощущеніе русскимъ обществомъ своей вины мы наблюдаемъ именно въ видѣніяхъ. Они еще не ставятъ отчетливо вопроса о томъ, *кто же* собственно виновенъ въ смутѣ, *въ чемъ* состоитъ вина и *чѣмъ* можно помочь. Въ этихъ трехъ направленіяхъ мысль будетъ двигаться впередъ въ другихъ произведеніяхъ Смутнаго времени.

Въ разсказѣ о перенесеніи мощей царевича Димитрія, передѣлкѣ „Повѣсти 1606 года“, составленной вскорѣ за нею, повторяется тотъ же лѣтописный вздохъ: „Содержащу же ему (Борису) скипетръ Россійскаго царствія седмь лѣтъ, во осмое же лѣто царства его, многихъ ради грѣхъ нашихъ и неправдъ, еже ко Господу и ко своей братіи сихъ ради Богу насъ наказующу, да быхомъ познали заповѣди его и отвратилися бы отъ всѣхъ золъ своихъ, пустившу на насъ грѣхъ ради нашихъ, за наше беззаконіе, богомерскаго, безбожнаго досадителя, развратника пламенно-образному аггельскому образу, Гришку зовомаго Отрепьева“.

Нѣсколькими строками ниже этой заученной торжественной тирады авторъ неожиданно и безсвязно приписываетъ: „Сего же злочестиваго богоборца мню бо, яко на отмщеніе крови праведнича посла Богъ, да отмщеніе убившему его сотворитъ, яко же пророкъ глаголетъ: „возвеселится праведникъ, егда видитъ отмщеніе“ [1]).

Это уже не заученная фраза, а несовсѣмъ ловкое и удачное усиліе мысли: они стали размышлять.

Итакъ, на страницахъ „Иного сказанія“, самаго ранняго изъ произведеній Смутнаго времени въ первой его части мы встрѣтили и заученныя фразы лѣтописнаго провиденціализма и наполненіе ихъ новыми и яркими образами въ видѣніи, а въ передѣлкѣ этой повѣсти мы встрѣтили своеобразный изломъ мысли: усиліе отыскать дѣйствительнаго виновника смуты. „Все случилось по грѣхамъ нашимъ,—нѣтъ, виноватъ Борисъ“, такъ можно формулировать этотъ переломъ.

---

[1]) XIII т., с. 886, 7.

Въ „Иномъ Сказаніи“ уже чувствуется жалость къ гибнущей родинѣ. Еще громче слышится голосъ этой жалости въ такъ называемой „Новой повѣсти“. „Новая повѣсть“ написана на Рождествѣ 1610 года. Это было тяжелое Рождество, и „Новая повѣсть“ есть самое живое и непосредственное произведеніе Смуты. Въ этотъ роковой годъ русскіе люди видѣли многое. Весна обнадежила, было, ихъ: пало Тушино, разнеслись ободрительныя извѣстія объ успѣхахъ Скопина, но едва успѣла распуститься первая зелень этой весны, произошли крупныя событія: таинственно скончался Скопинъ, промелькнуло Клушинское пораженіе, царя Василія свели съ престола, постригли и отдали въ плѣнъ, москвичамъ пришлось увидать Кремль въ рукахъ поляковъ... Наконецъ, въ декабрѣ, пронеслась вѣсть о смерти Вора.

Кончалась первая половина Смуты. Первое затѣявшее ее поколѣніе героевъ и ея жертвъ исчезло съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться, и на исторической сценѣ появляется новая очередь новыхъ жертвъ и новыхъ героевъ. Много бѣдъ готовили впереди два слѣдующихъ года, впереди еще было все „Московское раззореніе“. Въ этомъ трудный переходный моментъ и написана „Новая повѣсть“. Авторъ ея—горячій поклонникъ Гермогена. „Вѣстно и дерзостно достоитъ рещи, убѣжденно говоритъ онъ о Гермогенѣ, *аще бы такихъ великихъ и крѣпкихъ столповъ было у насъ немало*, никакоже бы въ нынѣшнее злое время отъ такихъ душепагубныхъ волковъ, отъ видимыхъ враговъ, отъ чюжихъ и отъ своихъ святая и непорочная вѣра наша не пала, наипаче бы просіяла, и великое бы наше море безъ колебанія и безъ волненія стояло“[1]). Недостатокъ стойкости въ русскихъ людяхъ—вотъ что было причиной смуты. Мысль эта прямо вытекаетъ изъ предположительнаго допущенія автора повѣсти.

„Новая повѣсть“ пробуетъ показать, какими оказались въ эти трудныя минуты русскіе люди, пробуетъ дать и подсчетъ итоговъ за первую половину Смуты.

Авторъ винитъ въ смутѣ бояръ, съ такой готовностью примкнувшихъ къ Сигизмунду. Эти „землесъѣдцы“ (игра словами—вмѣсто „земледержцы) „умъ свой на послѣднее безуміе отдали и къ нимъ же, ко врагомъ, пристали и ко инымъ къ подножію своему припали, и государьское свое прироженіе премѣнили въ худое рабское служеніе, и покорилися и поклоняются невѣдомо кому,—сами вѣдаете... Горше же намъ всего учинили, что насъ всѣхъ выдали, да не токмо выдали, ино за едино съ ними, со враги, вооружилися вкупѣ и хотятъ насъ всѣхъ погубити и вѣру христіаньскую искоренити“.[2])

---

[1]) XIII т., с. 208.

[2]) XIII т., с. 208, 9.

Не менѣе бояръ виновато и остальное населеніе. Изобразивъ Москву во власти поляковъ, авторъ „Новой повѣсти“ обращается къ русскимъ людямъ съ горячимъ призывомъ: „То ли вамъ не вѣсть, то ли не повелѣніе, то ли вамъ не наказаніе, то ли вамъ не писаніе? Охъ, охъ! увы, увы! горе, горе! лютѣ, лютѣ! и гдѣ идемъ и камо бѣжимъ? Како не восплачемся, како не возрыдаемъ, како отъ сердца не воздыхаемъ, како въ перси не біемъ? Како сами себе презираемъ и не радимъ о себѣ, видя за великія и безчисленныя грѣхи наша отъ Саздателя и Зижителя всѣхъ конечное на насъ смиреніе, и ихъ, тѣхъ враговъ чюжихъ и своихъ, попущеніе и всякое отъ нихъ на себѣ руганіе и смѣяніе? А аще и плачемъ, аще и рыдаемъ, аще и въ перси біемъ, аще и отъ сердца воздыхаемъ и зѣлно ему досаждаемъ, а подвигу и радѣнія не сотворяемъ, и къ Богу не прибѣгаемъ и Его не умоляемъ, и надъ ними, враги, ничего не промышляемъ, а все въ презорство пущаемъ и сами въ свою землю и вѣру злое сѣмя вкореняемъ“ [1]).

Это первый подсчетъ итоговъ за Смуту. Шаткость всего общества, шаткость боярства,—вотъ въ чемъ причины смуты по мнѣнію составителя „Новой повѣсти“.

Обличенія перемежаются въ ней съ призывами. „А вы, православніи, не помогаете ему, государю (т. е. Гермогену) ни въ чемъ: говорите усты, а въ дѣлѣхъ вашихъ, государь (Господь?) вѣсть, что у васъ будетъ. Паки молю вы съ великими слезами и сокрушеннымъ сердцемъ: не нерадите о себѣ и о всѣхъ насъ! мужайтеся и вооружайтеся и совѣтъ межу собою чините, како бы намъ отъ тѣхъ враговъ своихъ избыти! Время, время пришло, во время дѣло подвигъ показати и на страсть дерзновеніе учинити, какъ васъ Богъ поставитъ и помощь вамъ поподастъ. Прибѣгнемъ къ Богу и Пречистѣй Его Матери и къ великимъ чюдотворцемъ и ко всѣмъ святымъ, припадемъ къ нимъ съ теплою вѣрою и со умилнымъ сердцемъ и зъ горящими слезами: некли намъ милость свою подадутъ. И препояшемся оружіемъ тѣлеснымъ же и духовнымъ, сирѣчь молитвою и постомъ и всякими добрыми дѣлы, и станемъ храборски за православную вѣру и за все великое государство, за православное христіяньство, и не подадимъ того пастыря нашего и учителя и крѣпкаго поборателя по вѣрѣ православной, и того нашего преславнаго града, иже за всѣхъ за насъ тако же состоитъ и сопостата нашего держитъ [2]). Сами все вѣдаете, что аще не нынѣ умремъ, всяко умремъ; а некли за правду нашу соблюдетъ ны Господь невредимы, и живы будемъ отъ нихъ, враговъ своихъ. Аще ли нынѣ терпимъ, время длимъ,—сами отъ себя за свое нерадѣніе и за недерзновеніе погибнемъ.

---

[1]) XIII т., с. 213.

[2]) Авторъ разумѣетъ Смоленскъ.

Что стали? что оплошали? чего ожидаете и враговъ своихъ на себя попущаете и злому коренію и зелію даете въ землю вкоренятися и паки, аки злому горкому, распложатися?“ [1])

„Новая повѣсть“ смотритъ не столько назадъ, отыскивая причины, сколько впередъ, ставя цѣли; она ищетъ не столько причинъ смуты, сколько средствъ отъ нея, но въ ней мы наблюдаемъ отчетливый переходъ къ новой мысли: виноватъ въ смутѣ не Борисъ или кто-нибудь другой, виноваты мы сами.

Въ „Новой повѣсти“ эта мысль развита эпизодически по частному поводу, а не въ видѣ общаго положенія.

„Плачъ о плѣненіи и о конечномъ раззореніи превысокаго и пресвѣтлѣйшаго Московскаго государства, въ ползу и наказаніе послушающимъ“, вѣроятно, и написанъ во время этого раззоренія въ 1611 или 1612 году. „Плачъ“ задумывается надъ причинами смуты настойчивѣе, нежели „Иное сказаніе“ и „Новая повѣсть“.

„Начну же сице бесѣдовати вкратцѣ богоизбранному стаду, словеснымъ овцомъ беззлобиваго пастыря Спаса Христа. *Сего ради* падеся превысокая Россія и разорися толикій твердый столпъ: сущіи въ немъ живущіе царіе вмѣсто лѣствицы къ Богу возводящеи спасительныхъ словесъ, еже раждаются отъ книгородныхъ догматовъ, пріяша богоненавистныя бѣсовскія козни, волшбу и чарованіе; и вмѣсто духовныхъ людей и сыновъ свѣта возлюбиша чадъ сатаниныхъ, иже отводятъ отъ Бога и отъ неблазненаго свѣта во тму; и не даша мѣста умному видѣти своему слуху словеси правдива, но клевету на благородныхъ ненависти ради ясно послушающе, и крови многочисленнаго народа того ради, яко рѣка изліяша; и вмѣсто непобѣдимаго жезла богоподражателныя кротости и правды гордость и злобу возлюбиша, ея же ради иже преже бысть пресвѣтелъ, яко денница, съ превысочайшаго небеси спаде и ангельскія свѣтлости и славы отпаде. Къ сему же отъ великихъ благородныхъ, отъ премудрыхъ и до простыхъ, и вкратцѣ реку, отъ главы и до ногу вси неисцѣлными струпы обязашася и Содома и Гомора и прочихъ безчисленныхъ бѣсовскихъ язвъ исполнишася. И *того ради* прежде гладомъ, встягновенія ради, отъ Бога наказани быша, и ни мала взыдоша отъ пути погибели на путь спасенія. Потомъ толикое наказаніе и гнѣвъ воздвижеся, еже немалому удивленію, паче же и слезамъ достойно“. [2])

Виноваты не одни цари, виновато все населеніе, и наказаніемъ за эти вины была смута. „Плачъ“ — моментъ превращенія формулы „по

---

[1]) XIII т., с. 209—210.

[2]) XIII т., с. 224—5.

грѣхамъ“ въ реальное сужденіе. Они вернулись въ „Плачѣ“ къ привычному логическому понятію, но на этотъ разъ понятіе—уже не безжизненная формула и не присказка: подъ нимъ бьется свѣжее живое содержаніе. Сейчасъ мы увидимъ, какъ эта концепція будетъ развиваться и очищаться, и новое содержаніе станетъ проступать въ ней все рельефнѣе.

Понятіе „грѣха“ здѣсь дифференцировано, но связь между „грѣхами“ и „смутой“ все еще трансцендентна, это мистическая связь „преступленія и наказанія“. Согрѣшили цари, а за грѣхи ихъ наказано все общество. Дальнѣйшее размышленіе сблизило и связало „грѣхи“ и дѣйствія русскихъ людей въ эпоху Смуты. На самомъ любопытномъ памятникѣ Смутнаго времени, „Временникѣ“ дьяка Ивана Тимоѳеева, мы можемъ прослѣдить, какъ постепенно таетъ промежуточная провиденціалистическая туманность.

Дьякъ Тимоѳеевъ дописывалъ свой „Временникъ“ уже послѣ Смуты и, быть можетъ, отчасти поэтому, имѣя возможность спокойно окинуть взоромъ все теченіе событій, онъ мыслитъ глубже, чѣмъ авторы предыдущихъ сказаній. Онъ объяснитъ то, чего не досказали или что неясно сказали другіе. Надъ причинами смуты онъ задумывается очень сосредоточенно. На страницахъ „Временника“ онъ трижды пытается разрѣшить безпокоящій его вопросъ о томъ, откуда пошла смута въ Московскомъ государствѣ. Откуда смута?

„И якоже Адамови прежде преступленія ему дивіи вси быша самопокорни о всемъ, сице, сему подобнѣ, во временахъ послѣднихъ и наша Самодержавніи во своихъ державахъ обладаху нами всѣми, отъ вѣка рабы своими, дондеже они сами держахуся повелѣній, даныхъ Богомъ, егда къ Нему не у еще въ конецъ согрѣшиша.... Егда же къ концу лѣта грядяху, предержателе наша поелику начаша древняя благоуставленія законная и отцы преданая превращати и добрая обычая на новосопротивныя измѣняти, потолику и въ повинующихся рабѣхъ естественный страхъ къ покоренію владыкъ оскудѣваше исчезая, яко же и земля къ первому угобзенію сѣмянъ нынѣ по премногу своимъ несравняема плодоносіемъ“.[1])

Вслѣдствіе грѣховъ правителей разстроились отношенія между ними и подданными, а отсюда бѣда смуты: такова исходная мысль Тимоѳеева. Но въ чемъ же вина правителей? Ходъ разсужденія въ этомъ первомъ приступѣ Тимоѳеева къ вопросу близко напоминаетъ ходъ мысли въ „Плачѣ“, но Тимоѳеевъ крѣпче автора „Плача“ держится за мысль о реальной связи грѣховъ и несчастій смуты.

Начало бѣдъ въ томъ, что „восхотѣша бо обдержителе ушеса свои сладцѣ преклоняти къ ложнымъ шепотныхъ глаголомъ...., лжевный же

[1]) XIII т., с. 261—3.

недугъ и горкій плевелъ тернія, посреди всего царствія израстая, умножашеся и истинствующія пшеницы класы являя превосходя". Шептатели-первое горе. Это и было „матп всему злу". А затѣмъ виновато и само общество: „рабопослушныя же мнози отъ сего быша самослабостни и страшиви естества обычаи, и на кождой часъ измѣнуемы и словопревратни удобь, и всяко неутвержени ни въ чемъ, въ дѣлѣхъ же и словесѣхъ нестоятелни, по всему вертяхуся, яко коло, и другъ другомъ защищающеся въ находящихъ. Приходящіи же въ державу нашихъ господъ отъ странъ иноземныя многи посолницы и купцы *ползское естества наше премѣненіе*, иже отъ древнія крѣпости въ худость сошедшее, прилежно разсмотряюще,.... крѣпцѣ проразумѣша о насъ доволнѣ, *яко нѣсть отнюдъ мужества никоего въ насъ до единого*, зане отъ грѣхъ готову въ себѣ пристяжахомъ слабость во всяку прелесть"....[1])

Тимоѳеевъ опредѣленно высказалъ здѣсь ту мысль, которая начинала прорѣзаться въ предшествующихъ сказаніяхъ: въ смутѣ виновато само русское общество, лишенное силы сопротивленія и твердости. „Грѣхи", проступки и наказаніе, своеобразная формула связи между причиной и слѣдствіемъ утрачиваетъ свой мистическій смыслъ, связь пріобрѣтаетъ реальный характеръ.

Окончивъ повѣствованіе о „Богопустномъ на ны царствѣ ростригиномъ беззакономъ", Тимоѳеевъ оглянулся назадъ и, оглянувшись, еще разъ изложилъ свой взглядъ на причины смуты. „Взыщемъ, спрашиваетъ онъ, ... отъ кихъ разліяся грѣхъ земля наша, *не безсловеснаго ли ради молчанія?...*" Тимоѳеевъ тщательно изслѣдуетъ, за какіе грѣхи могли быть *наказаны* (отъ этой формулы онъ все еще не можетъ отдѣляться) русскіе люди—за одинъ какой-либо грѣхъ или за многіе. Склонившись ко второму выводу, Тимоѳеевъ перечисляетъ длинный синодикъ прегрѣшеній: клятвопреступленіе, надменность, безнравственность, лицемѣріе, подкупность, криводушіе, пьянство, развратъ и т. д., въ перечисленіи этихъ грѣховъ онъ указываетъ на „любовнаго между собою союза лишеніе" и съ особымъ удареніемъ на *„злопомнѣніе ко искреннимъ"*. Это все тотъ-же мотивъ, который прозвучалъ и въ первомъ его разсужденіи о причинахъ смуты—отсутствіе въ общественномъ сознаніи тѣхъ элементовъ, которые цементируютъ общественную волю, отсутствіе политическаго интереса и политическаго смысла. Эта мысль полностью развертывается въ примыкающемъ къ перечисленію грѣховъ длинномъ разсужденіи Тимоѳеева о взаимной связи событій.

„Аще не быхомъ Борису первѣе умолчали благородныя (вѣроятно Шуйскихъ) погубляти", то онъ на дерзнулъ-бы на второе убійство—

---

[1]) XIII т., с. 263—4.

царевича Димитрія, а затѣмъ на новое преступленіе—„вящщую часть всего царствія во время то запалителми пожещи“, повторяетъ Тимоѳеевъ извѣстную клевету на Бориса. Не допусти мы этихъ злодѣйствъ, Борисъ не умертвилъ бы Ѳедора и не захватилъ бы престола. Итакъ, вотъ гдѣ корень зла—„смолчали“!, т.-е. не рѣшились, не посмѣли, не поняли своего долга. За это мы и въ отвѣтѣ: „къ смотрительну суду“ привлечены и „дерзающій и попускающіе ему“. Центръ тяжести въ изслѣдованіи причинъ смуты теперь рѣшительно перенесенъ съ шептателей и правителей на само общество. Конечно, оболочка мысли—все тѣ-же провиденціалистическія посылки, но реальная мысль проступаетъ гораздо явственнѣе.

Тимоѳеевъ развертываетъ свой взглядъ очень послѣдовательно далѣе. Не смолчи мы передъ Борисомъ, онъ не истребилъ бы благородныхъ и престоломъ не завладѣлъ бы Разстрига. Не будь Разстриги, не было бы и другихъ самозванцевъ, не будь самозванцевъ, не къ кому было бы пристать и нашимъ разбойникамъ, и не могли-бы вмѣшаться въ наши дѣла иноземные враги (поляки). Не призови мы сами враговъ, они не захватили бы Москву, „гнѣздо орле“. Не пришлось-бы тогда переносить и остальныхъ униженій: взятія въ плѣнъ русскаго царя, расхищенія царской казны, призыва на помощь иноземцевъ (шведовъ) [1]).

Не каждое послѣдующее въ длинной цѣпи условныхъ предложеній, развернутой Тимоѳеевымъ, изъ которой мы выбираемъ лишь главные звенья, вытекаетъ изъ одного условія. Во всемъ этомъ построеніи не хватаетъ логической симметріи и логической перспективы. Если мы сожмемъ эти условныя предложенія, то основная мысль Тимоѳеева выразится коротко и просто: не смолчи мы въ свое время передъ злодѣяніями Бориса, не было бы и золъ Смутнаго времени. „Зачѣмъ смолчали!“—въ этомъ новомъ оборотѣ вопроса о винѣ, которая привела къ смутѣ, уже вполнѣ отчетливо поставленъ вопросъ о политическихъ свойствахъ Московскаго общества. Однако и здѣсь причина связана со слѣдствіемъ мистической связью, связью „грѣха и возмездія“, хотя формулѣ этой приданъ уже почти реальный смыслъ.

Дописывая „Временникъ“, Тимоѳеевъ въ третій разъ остановился на вопросѣ о причинахъ Смуты. На этотъ разъ его мысль получила совершенно отчетливое и законченное выраженіе.

Въ Смутѣ виновато наша неумѣніе дѣйствовать дружно: „*мужественныя же крѣпости не бѣ въ насъ отдавна*“, мы не умѣли никогда согласиться и дѣйствовать дружно; всякій заговоръ противъ нашихъ враговъ немедленно разглашался, а „таковое бо за страхъ невозможное совокупленіе въ насъ новообладателе наша, вѣрныя же и нечестивыя,

---

[1]) XIII т., с. 377—383.

ясно издавна узрѣша ко еже ихъ ползѣ и къ хотимому удобь веществіе-составленію". Отсюда и возможность насилій надъ нами. *„Толикъ въ насъ отъ слабости страхованія несогласнаго нашего разгласія и небратолюбнаго разстоянія вогнѣздился недугъ: яко же градъ отъ града отстоитъ или мѣста нѣкая многими между себе поприщи разни, тако и мы другъ друзъ любовнымъ союзомъ растояхомся, къ себѣ кождо насъ хрепты обращахомся, овіи къ востоку зрятъ, овіи же къ западу".* [1])

Сами мы виноваты, а не кто либо другой во всѣхъ бѣдахъ, заключаетъ Тимоѳеевъ, *мы сами* изъ-за нашей безпомощности, а въ этой безпомощности виновата наша трусость, наша неспособность къ организаціи, — *„наше разньствіе на вкупное сложеніе"*.

Оглянемся на все сказанное Тимоѳеевымъ и возстановимъ вкратцѣ всю схему его разсужденій. Начиная „Временникъ", онъ видѣлъ зло въ шептателяхъ, и этотъ „лжевный недугъ и горкій плевелъ" былъ началомъ злу. Задумавшись надъ грѣхами общества, Тимоѳеевъ добросовѣстно исповѣдалъ ихъ, не объяснивъ, однако, непосредственной связи грѣховъ съ несчастьями Смуты. Задавъ въ концѣ „Временника" вопросъ о томъ, почему же Русскіе люди не могли сладить съ иноземцами, Тимоѳеевъ вернулся къ тѣмъ-же шепотникамъ, но объяснилъ и дѣйствительную причину того, почему они были такъ сильны. Зло было не въ иноземныхъ врагахъ, а въ неумѣніи русскихъ людей прійти къ сознательному рѣшенію, необходимому для единодушныхъ дѣйствій.

Нельзя сказать, чтобы на всемъ протяженіи „Временника" Тимоѳеевъ держался на уровнѣ мысли, столь отчетливо развитой имъ въ заключеніи,—иногда онъ разсуждаетъ совсѣмъ въ прежнемъ духѣ: за разгромъ Грознымъ Новгорода у него наказуется пожаромъ Москва, добродѣтели Ѳедора, правда, могли предотвратить многія бѣды, но и ихъ оказалось недостаточно: „единаго добродѣтель не можетъ спокрыти всѣхъ человѣкъ прегрѣшенія" и т. д., но мы видѣли, какія громадныя усилія онъ употребилъ на то, чтобы усвоить и выразить новую мысль, сложившуюся въ его мышленіи.

На „Временникѣ" мы можемъ отмѣтить, какъ далеко ушли русскіе люди въ своихъ размышленіяхъ отъ первоначальной глухой жалобы на грѣхи общества. „Иное сказаніе" только журило это общество, Тимоѳеевъ составилъ противъ него тяжелый обвинительный актъ. „Грѣхи" „Иного сказанія", если не пустая присказка,—что-то случайное и почти мимолетное, „Грѣхи" Тимоѳеева уже хроническая и почти неизлѣчимая язва, съ которой, быть можетъ, не справятся столѣтія. Косноязычіе

[1]) XIII т., с. 462—465.

„Временника“, похожаго на непоправленный черновикъ, всѣхъ его читателей приводило въ недоумѣніе, даже раздражало. Мысль Тимоѳеева, невполнѣ ясная сама по себѣ, съ большимъ трудомъ пробивается сквозь пелену окутывающихъ ее словъ, и отъ невыносимо длинныхъ фразъ стараго дьяка у читателя часто захватываетъ дыханіе. Но особенно неяснымъ Тимоѳеевъ становится тогда, когда переходитъ къ отвлеченному объясненію причинъ смуты: тогда его слогъ коснѣетъ еще больше, и мысль его грозитъ окончательно запутаться въ складкахъ длиннополаго приказнаго языка. Источникъ болѣзненной неясности Тимоѳеева, одинаково мучительной и для автора и для читателя, не столько, кажется, въ желаніи Тимоѳеева что-то спрятать въ намекахъ и что-то недоговорить, сколько въ его желаніи высказать что-то такое, чего онъ не въ состояніи выразить, въ его стремленіи при помощи тѣхъ словъ, какими онъ располагалъ, передать несуществовавшія въмышленіи древнерусскаго человѣка понятія. Ему просто не хватило словъ для обозначенія всѣхъ вскрывшихся отношеній и свойствъ общества.

Несравненно искуснѣе Тимоѳеева умѣетъ расказать Авраамій Палицынъ, оставившій знаменитое полубеллетристическое повѣствованіе объ осадѣ Троицкой Лавры, но за то онъ и размышляетъ гораздо меньше Тимоѳеева. Палицынъ говоритъ о тѣхъ же преступленіяхъ русскаго общества, что и Тимоѳеевъ. „И врази суще и ласкателе, великимъ бѣдамъ замышленицы, въ десятерицу лжи составляюще, съ симъ подходятъ велможъ, паче же сего Бориса, и отъ многія смуты ко грѣху низводятъ, его же краснѣйшаго юношу (т.-е. Димитрія) отсылаютъ нехотяща въ вѣчный покой. Память же его великою кровью неповинною во всей Росіи торжествовася. Се первый грѣхъ да разумѣется, та же по семъ и другій: *ни во что же положиша сю кровь неповинную вся Росія.* Но се всякъ гласъ просторѣчіе: кто убо въ дѣлѣ, той и въ отвѣтѣ, уже тому Богъ судилъ быти“ [1]).

Итакъ, первой грѣхъ—убійство царевича, а второй грѣхъ то, что Тимоѳеевъ уже назвалъ „молчаніемъ“—тупая апатія общества.

„О началѣ бѣды во всей Россіи“—такъ называется слѣдующая глава Палицына. „И яко сихъ ради Никитичевъ Юрьевыхъ вскорѣ, начинаетъ онъ ее, тогожде лѣта 7111, *и за всего міра безумное молчаніе, еже о истинѣ къ царю не смѣюще глаголати о неповинныхъ погибели*, омрачи Господь небо облаки, и толико дождь пролися, яко вси человѣцы во ужасть впадоша“ [2]).

„Всего міра безумное молчаніе“—здѣсь Палицынъ встрѣтился съ Тимоѳеевымъ. Онъ просто, но ярко выразилъ въ этой метафорѣ

[1]) XIII т., с. 475.
[2]) XIII т., с. 479.

ту громадную и тяжелую мысль, которая съ такими усиліями шевелилась и пробивалась въ сознаніи Тимоѳеева.

Но и о Палицынѣ нельзя сказать, что онъ усвоилъ себѣ эту новую мысль прочно и твердо. Сумѣвъ ярко и лучше Тимоѳеева, выразить ее, онъ легко разстается съ ней. Только что цитированнаго отрывка мы совсѣмъ не найдемъ во второй редакціи его сказанія. Палицынъ живой примѣръ того, что не столь трудно схватить и оформить идею, сколь трудно ее прочно удержать. На немъ мы видимъ, какъ некрѣпко держалась эта идея въ ихъ сознаніи.

Разсужденія на ту же тему, откуда пошла Смута и кто виноватъ въ ней, мы найдемъ и во многихъ другихъ сказаніяхъ, но они обычно замыкаются все въ ту же безжизненную застывшую формулу, являясь варіаціями на одну и ту же тему о Промыслѣ, діаволѣ и грѣхахъ. Дальше этихъ мистическихъ метафоръ они обычно не идутъ. Характерно, что никакихъ самостоятельныхъ усилій разрѣшить этотъ вопросъ нѣтъ у такихъ двухъ авторовъ, какъ князья Хворостинынъ и Катыревъ. Оба они пережили Смуту, оба размышляли надъ ней, оба оставили повѣствованія толково, иногда нарядно написанныя. Кн. Катыревъ умѣетъ разсказать прекрасно. Чѣмъ этотъ пробѣлъ объяснить? Можетъ быть и тѣмъ, что оба они принадлежали къ средѣ, которая больше дѣлала смуту, чѣмъ страдала отъ нея, можетъ быть и тѣмъ, что среда эта вообще меньше размышляла, чѣмъ приказные дѣльцы, вродѣ Тимоѳеева, или монастырскіе управляющіе, вродѣ Палицына. Можетъ быть и тѣмъ, наконецъ, что по мѣрѣ отдаленія отъ Смуты, они все менѣе пытались осмыслить ее. Составленныя около 30-хъ годовъ „Рукопись Филарета“, „Лѣтопись о многихъ мятежахъ“ и другія болѣе позднія произведенія довольствуются снова, подобно „Иному сказанію“ шаблономъ лѣтописной присказки „по грѣхамъ нашимъ“. Даже и эта присказка систематически выметается изъ позднѣйшей редакціи „Лѣтописи о многихъ мятежахъ“—такъ называемаго „Новаго лѣтописца“. Разсужденія о причинахъ смуты гаснутъ и замираютъ такъ же постепенно, какъ они и нарождались.

„Гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи“,—такова ихъ первоначальная формула. „За попустительство злодѣяніямъ“—второй шагъ ихъ мысли. „Отъ неумѣнья сплотиться и дѣйствовать дружно“—ихъ третье положеніе. Въ сказаніяхъ начинаетъ развиваться и ярко развернутое въ другихъ памятникахъ Смуты, — въ грамотахъ, положительное требованіе дѣйствовать въ „любви и соединеніи“. Мысли эти проясняются постепенно и подъ конецъ образуютъ, какъ у Тимоѳеева, цѣлую груду разнородныхъ сужденій и понятій, сросшихся вмѣстѣ. При анализѣ понятія „грѣха“ все замѣтнѣе выдѣляется важный осадокъ—мысль объ общемъ благѣ, „грѣхи“ становятся элементарной формулой—пріемникомъ этой идеи. Мысль объ отвѣтственности за

государственный порядокъ попадала въ ихъ сознаніи какъ-бы рикошетомъ, отраженная отъ понятія „грѣховъ“. Развитіе понятія „грѣховъ“ показываетъ явственно, что идея общественнаго долга и общественной отвѣтственности окрѣпла настолько, что опираясь на нее, они могли уже оцѣнивать самихъ себя и свои проступки. На „Новой повѣсти“ мы отмѣтили и нахожденіе дальнѣйшаго вывода: чтобы прекратить смуту, надо организоваться и дѣйствовать дружно. Съ момента признанія вины на всемъ обществѣ вопросъ могъ развиваться на два фронта: можно было смотрѣть *назадъ* и спрашивать себя *отчего* случилась смута и можно было смотрѣть *впередъ* и, учитывая сдѣланныя относительно прошлаго наблюденія, разсуждать о томъ, *какъ* можно помочь бѣдѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ разсужденіе приводило, хотя и съ разныхъ сторонъ, *къ идеѣ общественной организаціи*. Въ обоихъ направленіяхъ мысль могла работать далѣе или равномѣрно, развивая симметрично оба положенія, или дѣлая удареніе на одномъ изъ нихъ. Мы не встрѣтили этого равномѣрнаго развитія въ сказаніяхъ: они лучше обосновываютъ свои выводы, чѣмъ дѣлаютъ ихъ, больше думаютъ, чѣмъ хотятъ, мы не встрѣтимъ этой равномѣрности и въ грамотахъ. При самомъ бѣгломъ просмотрѣ актовъ, дошедшихъ до насъ отъ Смутнаго времени, мы замѣчаемъ, что въ нихъ встрѣчаются тѣ же формулы и тѣ же идеи, что и въ сказаніяхъ, мы встрѣтимъ въ нихъ и фразы о „грѣхахъ“ и призывы къ общественной организаціи. Какъ развивается эта идея въ грамотахъ и чѣмъ отличается ея образованіе въ грамотахъ отъ того же процесса въ сказаніяхъ?

Грамоты Смутнаго времени, послѣдовательно придерживаются провиденціализма. „Видя Божеское на насъ, за грѣхи наша, праведное прещеніе“[1])..., пишетъ царь Борисъ въ іоньскомъ приговорѣ 1604 года, сообщающемъ о появленіи перваго самозванца „Богъ милосердный злокозненнаго его (Бориса) помысла не восхотѣ исполнити и меня, господаря вашего прироженнаго, Богъ невидимою рукою укрылъ и много лѣтъ въ судбахъ своихъ сохранилъ“[2]), пишетъ Самозванецъ въ своемъ манифестѣ къ жителямъ Московскаго государства, грозя „праведнымъ судомъ Божіимъ“ за непризнаніе себя. „Противъ своего злодѣйственнаго дѣла принялъ (Самозванецъ) отъ Бога возмездіе, злѣ животъ свой скончалъ, а насъ всѣхъ православныхъ Христіанъ милосердый Богъ, по своей неизреченной милости, отъ его злодѣйственнаго умысла, отъ осквернения избавилъ.... И всесильный въ Троицѣ славимый Богъ нашъ на насъ и на васъ

[1]) С. Г. Г. и Д., II, № 78.
[2]) С. Г. Г. и Д., II, № 26 и А. А. Э., II, № 34.

милость Свою показалъ, объявилъ государя на Московское Государство, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи Самодержца“ [1])..., пишутъ бояре въ окружной граматѣ въ маѣ 1606 года, сообщая о воцареніи Шуйскаго. „Праведнымъ судомъ Божіимъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго крестіянства, богоотступникъ, еретикъ, ростригa, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, своимъ воровствомъ и чернокнижствомъ назвавъ себя Царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ“...., повѣствуетъ одновременно въ своей грамотѣ царь Василій, приглашая „о такомъ великомъ неизреченномъ милосердьѣ Божіи воздали-бъ естя хвалу всесилному въ Троицѣ славимому Богу, что насъ и васъ всѣхъ православныхъ крестьянъ не предалъ въ руцѣ врагу и богоотступнику, и что непорочная истинная наша крестьянская вѣра не порушилась“ [2]).... Тѣми-же словами повѣтствуютъ о воцареніи и сверженіи перваго Самозванца и грамоты разосланныя царемъ Василіемъ отъ имени царицы инокини Маѳы. „И сумнѣньябъ, обращается эта грамата въ заключеніе къ воеводѣ, еси себѣ въ томъ никакого не держалъ, что по грѣхомъ насъ и васъ всѣхъ прельстилъ (т.-е. Самозванецъ), то сдѣлалося по грѣхомъ по нашимъ, судомъ Божіимъ“. [3])

„Писали есмя къ вамъ напередъ сего, что Божіимъ праведнымъ судомъ, за грѣхъ всего православнаго крестьянства, страдникъ, вѣдомой воръ, богоотступникъ, еретикъ, ростригa, Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, отступя отъ Бога и по совѣту дьяволю и лихихъ людей, которые всегда Московскому государьству хотятъ разоренья и кроворозлитья назвалъ себя“.... пишетъ царь Василій въ грамотѣ отъ 6 іюня 1606 года, отправленной Пермскому воеводѣ князю Вяземскому, сообщая о томъ, что, „милосердый въ Троицы славимый Богъ нашъ, по своей святой милости, надъ нами и надо всѣмъ православнымъ крестьянствомъ милость свою показалъ, умыслъ ихъ (самозванца съ приближенными) злодѣйской всѣмъ людемъ объявилъ и гнѣвъ свой отъ православныхъ крестьянъ отвратилъ, и святыхъ Божьихъ церквей и православныя, крестьянскія вѣры до конца въ разоренье и православныхъ крестьянъ въ расхищенье и въ работу не далъ, противъ его злыхъ и скаредныхъ дѣлъ“. „Милосердый Богъ, призря своею милостью на Російское государьство, не давъ въ разоренье и расхищенье крестьянскаго роду, и не попустилъ на долгое время того вора и богоотступника, вскорѣ злобѣсную его душу испровергъ, а на Російское государьство изобравъ насъ великого Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича, всеа Руси Само-

---

[1]) С. Г. Г. и Д., II, № 142.
[2]) А. А. Э., II, № 44.
[3]) С. Г. Г. и Д., II, № 146.

держца", продолжаетъ та-же грамота ниже. Грамота повѣствуетъ и объ Углицкомъ событіи: „въ прошломъ въ 99 году, за грѣхъ всего православнаго крестьянства, великого Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи сынъ, благовѣрный Царевичь Князь Димитрей Ивановичь, по зависти Бориса Годунова, яко агня незлобивое заклася...; а злодѣемъ его и убійцамъ Богъ милосердый, по своей святой волѣ, мстя неповинную кровь праведнаго, воздалъ месть по ихъ дѣлу, злой смерти предалъ и для ихъ злодѣйского умыслу на Російское государьство послалъ свой праведной гнѣвъ къ познанію истинная, проявляя терпѣніе и злострадания страстотерпца своего".... [1])

„Божіимъ попущеніемъ, за безчисленные наши всенароднаго множества грѣхи, пишетъ въ своей богомольной грамотѣ конца того-же 1606 года патріархъ Гермогенъ, надъ Московскимъ государьствомъ и на всей Великой Російской земли учинилась неудобьсказаема напасть: въ прошлыхъ годѣхъ, вражіимъ совѣтомъ, отступникъ православныя нашія крестьянскія вѣры и злый льстецъ, сынъ дьяволь, еретикъ, чернецъ, ростригa Гришка Отрепьевъ, бѣсосоставнымъ своимъ умышленіемъ назвавъ себя".... [2])

Голосъ населенія начинаетъ слышаться въ грамотахъ Смутнаго времени приблизительно съ 1608 года. Отъ конца этого года у насъ сохранились слѣды самостоятельныхъ сношеній между городами. Въ одной изъ ноябрьскихъ грамотъ этого года, отправленной изъ Вологды въ Пермь съ цѣлымъ рядомъ важныхъ извѣстій, устюженцы съ откровенной наивностью подаютъ свой совѣтъ пермичамъ: „будетъ послышемъ то, что Богъ пошлетъ гнѣвъ свой праведный на всю рускую землю, ино еще до насъ далеко, успѣемъ съ повинною послати"... Грамоты, исходящія отъ населенія и отъ ополченій, проникнуты провиденціализмомъ вообще не меньше сказаній. Въ отпискѣ вологжанъ устюжанамъ, отправленной въ концѣ декабря 1608 года, приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ грамоты, только что цитированной, есть характерная фраза. Упоминая о какомъ то намъ неизвѣстномъ эпизодѣ съ разсыльщикомъ Офонкою Реутовымъ, которому очевидно вмѣняли въ вину участье въ событіяхъ послѣдняго времени, вологжане нравоучительно прибавляютъ: „А розсыльщика Офонку Реутова отпустили на Вологду: то, господине, сдѣлалось по діаволѣ смутѣ, за умноженіе грѣхъ всего міра, а не для розсыльщиковъ, на розсыльщикѣхъ пытати нечего".

27 ноября 1608 года устюженцы сообщали вычегодцамъ о раззореніи Ростова, плѣненіи митрополита Филарета, о присягѣ Ярославля, Вологды и Тотьмы Лжедимитрію, о рѣшительномъ намѣреніи устюжанъ не измѣнять царю Василію, о присылкѣ выборныхъ людей изъ Усольской земли

[1]) А. А. Э., II, № 48.
[2]) А. А. Э., II, № 58.

для принятія мѣръ противъ мятежниковъ и о взаимной присягѣ дѣйствовать заодно. Раззореніе Ростова случилось, по разсказу этой грамоты, „Божіимъ изволеніемъ, грѣхъ ради нашихъ.... пришедъ Литовскіе люди въ Ростовъ, ихъ плоштвомъ, потому что жили просто, совѣту де и обереганья не было....“, „а про Московское государьство они же (т.-е. люди, принесшіе извѣстія) и иные люди сказывали, что Московское государьство, далъ Богъ, стоитъ по старому здорово.... А наша мысль то: будетъ вы къ намъ пріѣдете *и стоять съ нами заодинъ похотите*, и намъ вамъ въ томъ крестъ цѣловати межъ собя, а вамъ также крестъ цѣловати, что *намъ съ вами, а вамъ съ нами ожить и умереть вмѣстѣ*“ [1]).

Такъ постепенно зарождается и складывается мысль объ общественной организаціи, безъ всякой логической связи сочетаясь съ провиденціалистическими фразами общихъ разсужденій о событіяхъ. Черезъ полтора года, извѣстная окружная грамота о сведеніи царя Василія съ престола, содержащая перечисленіе его винъ,—быть можетъ самая характерная изъ грамотъ этой эпохи,—повторяетъ то-же не совсѣмъ удачное сочетаніе мыслей: „За грѣхъ всего православнаго крестьянства въ Московскомъ государьствѣ многое время кровь крестьянская льется межусобною бранью и, видя межъ православныхъ крестьянъ межусобье, Полскіе и Литовскіе люди пришли въ землю государьства Московского и многую крестьянскую кровь пролили“... Сообщая о сведеньѣ царя Василія съ престола, грамота продолжаетъ: „И дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, и гости, и торговые люди, и стрѣлцы, и казаки, и посадскіе и всякихъ чиновъ люди всего Московского государьства, поговоря межъ себя и услыша украинныхъ городовъ ото всякихъ людей, что Государя Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всеа Русіи на Московскомъ государьствѣ не любятъ, и къ нему къ Государю не обращаются, и служити ему не хотятъ, и кровь крестьянская межусобная льется многое время, и всталъ отецъ на сына и сынъ на отца, другъ на друга, и видя всякіе люди Московскому государьству такое конечное разоренье, били челомъ ему Государю всею землею, всякіе люди, чтобъ Государь государьство отставилъ для межусобныя брани и для того, которые отъ него Государя, боясь опалы, или которые его Государя не любя, и къ нему къ Государю и ко всему Московскому государьству не обращаются, и тѣ бъ *всѣ были въ соединеньѣ и стояли бъ за православную крестьянскую вѣру всѣ заодно*“. „И вамъ бы всѣмъ, всякимъ людямъ, обращается эта грамота къ населенью, стояти *съ нами вмѣстѣ заодно и быть въ соединеньѣ*, чтобъ наша православная крестьянская вѣра не разорилась, и матери бы наши и жены и дѣти въ Латынской вѣрѣ не

[1]) А. А. Э., II, № 88.

были". „И во весь бы Пермской уѣздъ (грамота отправлена въ городъ Пермь) вамъ ко всякимъ людямъ отъ себя отписати, чтобъ они, памятуя Бога и нашу православную крестьянскую вѣру, *къ Московскому государьству вспомогали и были съ нами всѣ вмѣстѣ*, и противъ бы Полскихъ и Литовскихъ людей и отъ воровъ *съ нами заодно стояли*"... и т. д. [1]).

„...Возплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ, аще пощадитъ и аще помилуетъ, аще отовратитъ отъ насъ Свой праведный гнѣвъ, нанесенный намъ по праведному суду. Онъ есть Царь Царствующимъ и Господь Господствующимъ, и всѣ мы вси человѣколюбіе Его и щедроты превосходяща всякаго совершенья; не ото многихъ бо предателей Крестьянскихъ вся земля погибла, которые нашу Крестьянскую вѣру въ разоренье и всѣмъ Крестьянамъ погибель, для своего несытнаго граблення, свое учитно дьяволомъ предательство совершити хотя, къ погибели Крестьянской", обращается къ москвичамъ такъ называемая призывная грамота смольнянъ 1611, приглашая „естьли которые еще хотятъ въ православной Крестьянской вѣрѣ скончатись, начните таковому дѣлу душами своими и головами, *чтобъ быть всѣмъ Крестьянамъ, обще всѣмъ въ соединеньи, оставте свой страхъ, или которымъ милосердіемъ и ласкою прельщаютъ, и все ли чаете жити въ миру и въ покоѣ?..*" „*Для Бога*, приглашаетъ та же грамота, положите о томъ *крѣпкой совѣтъ межъ себя*, пошлите въ Новгородъ и на Вологду и въ Нижній нашу грамоту, списавъ, и свой совѣтъ къ нимъ отпишите, чтобъ всѣмъ было вѣдомо, *всею землею общею стати за православную Крестьянскую вѣру*, покамѣста еще свободны, а не въ работѣ и не въ плѣнѣ розведены; а то вы сами вѣдаете, что дѣлается въ Смоленскѣ, не на Божію ли помощь надѣятся? Стали за православную Крестьянскую вѣру и сидятъ крѣпко и несумнѣнно, и милосердый Богъ и пречистая Богородица не заступаетъ ли ихъ" [2])?

Другая призывная грамота того же момента, обращенная изъ Москвы въ разные города, упомянувъ о „неизцѣльной язвѣ, Богопустномъ гнѣвѣ праведномъ за наше согрѣшеніе", обращается съ призывомъ: „Для Бога, Судіи живымъ и мертвымъ, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего рыданія; *будьте съ нами обще, заодно* противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; *помяните одно: только коренье, основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только коренье не будетъ, къ чему прильпиться?..* Пощадите насъ бѣдныхъ, къ концу погибели пришедшихъ; *душами и головами станьте съ нами обще* противъ враговъ креста Христова"... [3])

---

[1]) А. А. Э., II, № 162.
[2]) С. Г. Г. и Д., II, № 226.
[3]) С. Г. Г. и Д., II, № 227.

„За умножение грѣха всего православнаго Крестьянства, повѣствуетъ апрѣльская грамота перваго ополченія (1611 года), искони вѣчные враги креста Христова, Ариянские и Каталиянские и иныхъ злыхъ ересей Полские и Литовские люди, по повелѣнию Короля своего... пришли к царствующему граду Москвѣ“... „И сия вся нашедшая на ны злая, грѣхъ ради нашихъ, въ настоящее время вси испиша чашу ярости праведнаго гнѣва Божия“, продолжаетъ та же грамота, призывая „всѣмъ стати за образъ Пречистые Богородицы і великихъ чюдотворцовъ и за истинную вѣру православную противъ злыхъ разорителей вѣры Крестьянской, Полскихъ и Литовскихъ людей“, грозя: „*а толко, господа, с нами вмѣсте не соединитесь и за Государство Московское не станете, а что надъ Государствомъ Московскимъ конечное разорение учинитца, и то Богъ взыщетъ на васъ*“ [1]).

„Божіимъ праведнымъ судомъ, за умноженіе грѣховъ всего православнаго Христіанства, въ прошлыхъ годѣхъ учинилося въ Московскомъ государьствѣ межуусобіе, не токмо межу общаго народа христіанскаго, но и самое сродное естество пресѣчеся, отецъ на сына и сынъ на отца и братъ на брата воста, единородная кровь въ межуусобіи проливалася“... пишутъ Діонисій и Авраамій изъ Троицкой обители. „И вамъ бы, государемъ нашимъ, отцемъ и братіямъ и всѣмъ православнымъ Крестьянамъ, общему народу христіанскому всея Великой Пермскія земли и съ уѣзды и съ пригороды (цитируемый списокъ грамоты адресованъ въ Пермь), яко вси есма родихомся отъ Крестьянскихъ родителей, и знаменовахомся печатію Небеснаго Царя, святымъ крещеніемъ, и обѣщахомся вѣровати въ святую и животворящую и нераздѣлимую Троицу, Богу живу истинну; и прося у всесильнаго Бога милости и возложа упованіе на силу животворящаго Креста Господня, *стати съ ними* (княземъ Д. Т. Трубецкимъ, Заруцкимъ и собиравшимися отрядами ополченія) *обще заодно* противъ предателей Крестьянскихъ и богоотступниковъ, Михайла Салтыкова, да Ѳедьки Андронова и ихъ совѣтниковъ, противъ вѣчныхъ враговъ Креста Христова, Польскихъ и Литовскихъ людей“. Описывая яркими красками сцены раззоренія, грамота заключаетъ: „Не пощадиша бо ся престарѣвшихся возрастомъ и не усрамишася сѣдинъ старецъ многолѣтнихъ и не сжалишася на ссавшихъ млеко младенцевъ, незлобивая душа; не вси ли испиша чашу ярости и гнѣва Божія? Помяните и смилуйтесь подъ видимою нашею смертною погибелію, да васъ самихъ та же лютая не постигнетъ смерть: Бога ради, положите подвигъ своего страданія, чтобы вамъ всему общему народу, молите служилыхъ людей, *чтобы всѣмъ православнымъ Христіанамъ быти въ соединеньи*, и служилые бы люди однолично, безо всякаго мѣшканья, поспѣшили подъ

---

[1]) С. Г. Г. и Д., II, № 251.

Москву въ сходъ, ко всѣмъ боярамъ и воеводомъ и всему множеству народа всего православнаго Крестьнства". „И аще совокупленнымъ единогласнымъ моленіемъ прибѣгнемъ ко прещедрому Богу и пречистой Богородицѣ, заступницѣ вѣчной рода Христіанскаго, и ко всѣмъ святымъ, отъ вѣка Богу угодившимъ, и обще обѣщаемся подвигъ сотворити, аще и до смерти пострадати за православную истинную Христіанскую сущую нашу вѣру, неотложно милостивый Владыка человѣколюбецъ отвратитъ праведный Свой гнѣвъ, и избавитъ нашедшія лютыя смерти и вѣчнаго порабощенія безбожнаго Латынскаго" [1]), призываетъ Троицкая грамота на выручку Москвы.

„За умноженіе (грѣховъ) всего православнаго христіанства, пишутъ нижегородцы вологжанамъ въ 1612 году, воздвижеся на насъ праведный гнѣвъ Божій въ долгое время не преста, даже и до нынѣшняго времяни. Сами убо вѣсте, что по общему грѣху всѣхъ насъ православныхъ христіанъ учинилася междуусобная брань въ Россійскомъ государствѣ, не мало время, по навѣту искони человѣконенавистнаго сатаны". Этимъ междуусобіемъ воспользовались враги „и за грѣхъ всего православнаго христіянства Господь Богъ, праведнымъ своимъ судомъ и гнѣвомъ, ихъ злокозненному смыслу попусти свершиться, царственный преименитый градъ Москву лестію и преступленьемъ крестнымъ до основанія разорили и неисчетнаго народа христіанскаго отъ великихъ чиновъ и до малыхъ степеней всеядному мечу предали, необоримаго и твердаго адаманта святѣйшаго Ермогена Патріарха Московскаго всея Русіи съ престола вселенскаго извергли и неисчетныя бѣды нанесли нашему роду христіанскому и разоренье. И такую ихъ неправду видя, всѣ городы Московскаго государства, сослався межъ себя, утвердилися на томъ крестнымъ цѣлованьемъ, что *быти намъ всѣмъ православнымъ христіаномъ въ любви и въ соединеніи*, и прежняго междуусобства не счинати... И вамъ бы, господа, Вологодскимъ дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ и стрѣлцамъ и всякимъ ратнымъ людемъ, помнити *общее свое*, на чемъ мы всѣ животворящій крестъ цѣловали, чтобъ было намъ за надежи нашія пресвятыя Богородицы и за цѣлбоносные мощи великихъ Московскихъ Чюдотворцевъ и за непорочную христіанскую вѣру противъ враговъ нашихъ, Полскихъ и Литовскихъ людей, до смерти своей стояти... *А нашимъ будетъ нерадѣньемъ*, продолжаютъ нижегородцы, *учинится конечное разоренье Московскому государству и угаснетъ корень христіанскія вѣры и испразднится крестъ Христовъ и благолѣпіе церквей Божіихъ, который отвѣтъ дадимъ въ страшный день суда Христова, еже толико множественнаго народа не пощадивъ, врагомъ креста Христова, Полскимъ и Литовскимъ людемъ, въ плѣнъ и въ расхищеніе предати?*"

[1]) С. Г. Г. и Д., II, № 275.

„По умноженію грѣховъ всего православнаго крестьянства, по праведному прещенію неутолимый гнѣвъ на землю нашу наведе Богъ, повѣствуютъ грамоты второго ополченія, разсылавшіяся изъ Ярославля въ апрѣлѣ 1612 года: первое прекротилъ благородный корень царьскаго поколѣнія; потому же произволи владѣти Великою Росіею, изъ синклиту Царьского Величества, Царю Борису, его же державьство скоро прекроти. Потомъ же, за умноженіе грѣха, а по дѣйству дьяволю, возста на насъ предотеча богоборнаго Антихриста, отъ чина иноческого Гришка Отрепьевъ и своимъ злымъ умысломъ и по вражью дѣйству избѣжалъ въ Полшу и тамо безчисленныхъ и богомерскихъ ересей исполнился, и вмѣсто крестьянскія вѣры Греческаго закона Люторскую и проклятую вѣру возлюбилъ и безстудно нарекъ себя Царемъ Дмитреемъ, и своимъ злымъ чародѣйствомъ наскочивъ на царьскій престолъ и хотѣлъ нашу православную крестьянскую вѣру попрати и превратить въ Латынство, и вмѣсто апостолскихъ церквей проклятые Римскіе костелы учинить; милосердый же Богъ, по своему неизреченному милосердію, не хотя его злого помыслу исполнити, вскорѣ его пагубной смерти предалъ“... повѣствуетъ въ своихъ грамотахъ изъ Ярославля кн. Пожарскій [1]).

„А будетъ вы, обращается къ населенію окружная грамота, посланная изъ Ярославля въ іюнѣ 1612 года, отъ того вора и отъ Марины и отъ сына ея не отстанете, *и съ нами и со всею землею будете не въ соединеньи*, и враги наши Польскіе и Литовскіе люди царствующій градъ Москву и всѣ грады Московскаго государства доконца разорятъ, и всѣхъ васъ и насъ конечно погубятъ, и землю нашу пусту и безпамятну учинятъ, и *того всего взыщетъ Богъ на васъ, что вы своимъ развратьемъ съ нами не въ соединеньи, да и окрестныя всѣ Государства назовутъ васъ предатели своей вѣрѣ и отечеству; но и паче всего, каковъ вамъ дати отвѣтъ на второмъ пришествіи предъ праведнымъ Судіею?* Молимъ васъ, господа, и просимъ со слезами единородную братью свою, православныхъ Христіанъ, *пощадите сами себя и свои души*, отступите отъ таѣого злопагубнаго начинанія и отстаньте отъ вора и отъ Марины и отъ сына ея, *и будьте съ нами и со всею землею въ соединеньи*, чтобы вашимъ съ нами развратьемъ, Польскіе и Литовскіе люди всѣхъ васъ и насъ конечно не погубили“ [2]).

Итакъ, въ грамотахъ мы наблюдаемъ, какъ традиціонная формула „по грѣхамъ“ начинаетъ постепенно сочетаться съ глубоко прочувствованной идеей общественной отвѣтственности и общественной организаціи.

„За грѣхи наша“, пишетъ царь Борисъ, „праведнымъ судомъ Божіимъ, за нашъ грѣхъ и всего православнаго крестіянства“, пишетъ

[1]) А. А. Э., II, № 203.
[2]) С. Г. Г. и Д, II, № 281.

царь Василій, прибавляя, что Господь Богъ „послалъ свой праведный гнѣвъ къ познанію истинная, проявляя терпѣніе и злострoданія страстотерпца своего (т. е. царевича Димитрія)“. „Божіимъ попущеніемъ за безчисленные наши всенароднаго множества грѣхи надъ Московскимъ государьствомъ на всей Великой Російской земли учинилась неудобосказаема напасть“, пишетъ во своей грамотѣ Гермогенъ. „Восплачемся предъ Господомъ, приглашаетъ такъ называемая призывная смоленская грамота, сотворшимъ насъ, аще пощадитъ и аще помилуетъ, аще отвратитъ отъ насъ Свой праведный гнѣвъ, нанесенный намъ по праведному суду“. О „неизцѣльной язвѣ, Богопустномъ гнѣвѣ праведномъ за наше согрѣшеніе“ пишетъ окружная Московская грамота. „И сия вся нашедшая на ны злая, грѣхъ ради нашихъ, въ настоящее время вси испиша чашу ярости гнѣва Божія“, говорятъ грамоты перваго ополченія. „За умноженіе грѣховъ всего православнаго христіанства воздвижеся на насъ праведный гнѣвъ Божій въ долгое время не преста даже и до нынѣшняго времяни“, обращаются нижегородцы къ вологжанамъ въ 1612 году. „По умноженію грѣховъ всего православнаго крестьянства по праведному прещенію неутолимый гнѣвъ на землю нашу наведе Богъ“..., пишутъ изъ второго ополченія.

Языкъ ихъ ищетъ новыхъ и болѣе яркихъ образовъ, формула мгновеніями начинаетъ жить, они что-то находятъ въ ней, ждешь что вотъ-вотъ въ ней вспыхнетъ свѣжее содержаніе, но лучъ ихъ мысли на ней останавливается лишь на мгновеніе, ихъ помыслы устремляются къ конечному практическому выводу о пользѣ и значеніи общественной организаціи для спасенія родины. Традиціонная формула „за грѣхи“, претворенная въ яркій библейскій образъ, остается нераскрытой, и размышленіе о свойствахъ общества вызвавшихъ смуту отсутствуетъ.

„Умноженіе грѣховъ“ и „праведный гнѣвъ Божій“ свободно уживаются въ грамотахъ съ горячими обращеніями къ народному чувству, съ приведенными призывами „стояти заодинъ“, „душами и головами стать съ нами обще“, „жить и умереть вмѣстѣ“, „пощадить самихъ себя и свои души“, съ угрозами „дать отвѣтъ за раззоренье Московскаго государства въ страшный день суда Христова предъ Праведнымъ Судіею“, со всѣми безчисленными призывами грамотъ 1608—12 годовъ къ „твердости разума“, „утверженію и совѣту“, „любви и совѣту безо всякихъ сердечныхъ злобъ“, „любви, совѣту и соединенію“, „совѣту и единачеству“, „всемірному совѣту и соединенью“, „общему совѣту, неподвижной правдѣ и соединенью“, „всей земли соединенью, братству, любви и цѣломудрію“, „совершенной правдѣ и радѣнію ко всей землѣ“ и т. д. и т. д. Замѣчательно, что чѣмъ отчетливѣе становится мысль объ организаціи общества, тѣмъ закругленнѣе и образнѣе дѣлается и параллельно развивающаяся формула грѣховъ.

Сказаніямъ далеко до этой законченности и отчетливости мысли объ общественной организаціи и до вдохновенной убѣжденности призыва грамотъ. Между тѣмъ существенные логическіе элементы сказаній и грамотъ какъ-будто одинаковы,—въ чемъ же здѣсь сходство и въ чемъ разница?

Въ грамотахъ нѣтъ того послѣдовательнаго развитія идей, которое мы наблюдаемъ въ сказаніяхъ, нѣтъ промежуточнаго ряда разсужденій о виновности общества, нѣтъ разложенія понятія „грѣховъ“: призывъ къ организаціи появляется отрывисто и сразу. Грамоты думаютъ болѣе о томъ, *какъ помочь* бѣдѣ и *чѣмъ* восполнить недостатки русскихъ людей, породившіе смуту, смотрятъ болѣе впередъ, чѣмъ назадъ.

Грамоты задаютъ вопросъ не о „причинахъ смуты“, а о „средствахъ“ борьбы съ нею. Но общій выводъ въ сказаніяхъ и грамотахъ одинаковъ, хотя онъ развитъ и несовсѣмъ равномѣрно. Сказанія говорятъ о томъ, *чего не хватаетъ* русскимъ людямъ, о ихъ недостаткахъ, а грамоты о томъ, *что имъ нужно*, о желательныхъ добродѣтеляхъ. Въ грамотахъ разрабатывается тотъ-же мотивъ о значеніи общественной организаціи, что̀ и въ сказаніяхъ, но на иной ладъ: эти призывы и увѣщанія въ грамотахъ суть моменты воли, а не отвлеченыя разсужденія, какъ въ сказаніяхъ. Въ обоихъ случаяхъ исходная точка одинакова, какъ-будто одинаково и количество расходуемой энергіи мысли, но энергія, затраченная сказаніями на послѣдовательность разсужденія, въ грамотахъ ушла на формулировку вывода. Въ грамотахъ нѣтъ средняго логическаго момента, за то энергично развитъ крайній.

Грамоты дѣлаютъ, такъ сказать, логическій прыжокъ отъ формулы грѣховъ къ выводу о потребности въ организаціи. У сказаній какъ-будто не хватило энергіи на формулированіе вывода, они едва добрели до него и вяло его высказали, а у грамотъ не хватило времени и терпѣнія на умозаключенія. Энергія мысли шла въ разные историческіе моменты въ разныхъ направленіяхъ,—въ Смуту люди думали о томъ, какъ прекратить смуту, а послѣ Смуты разсуждали о томъ, отчего случилась она. Въ сказаніяхъ больше пытливости мысли, а въ грамотахъ—силы воли. Это двѣ стороны одного и того-же процесса развитія ихъ общественнаго сознанія. Основная мысль въ обоихъ случаяхъ одинаково—это новая для русскаго человѣка XVII вѣка идея общественной отвѣтственности за политическій порядокъ, идея общественной организаціи и идея общественнаго сознанія, необходимаго для защиты этого порядка.

И грамоты и сказанія должны были претворять нравственно-религіозныя начала въ политическіе и соціальные принципы: въ этомъ и состояла мыслительная работа людей, оборонявшихъ свое отечество въ Смутное время.

Изъ грамотъ мы видимъ, какъ опредѣленно и отчетливо они сдѣлали конечный выводъ, а благодаря матеріалу сказаній мы можемъ уловить, какъ преемственно и послѣдовательно развивались ихъ новыя понятія. „Грѣхи“ развертываются постепенно: едва уловимая разница оттѣнковъ этого понятія въ разныхъ сказаніяхъ отмѣчаетъ постепенное усвоеніе ими новой идеи общественной отвѣтственности за политическій порядокъ, другими словами—идеи общаго блага. Изъ декораціи „грѣхи“ становятся постепенно двигающей силой. Русскіе люди почувствовали сердцемъ и поняли умомъ, что ихъ связываетъ съ Московскимъ государствомъ не одно механическое подчиненіе, но что-то еще, болѣе прочное и болѣе надежное, чѣмъ это подчиненіе, это „что-то“ было идеей нравственнаго обязательства передъ „общимъ благомъ“, а отсюда уже недалеко и до мысли объ общественной организаціи.

Характерно своеобразіе этого перваго ростка общественнаго сознанія, своеобразное выраженія идеи общественной отвѣтственности и общественнаго долга. Она вылилась въ оригинальной теоріи возмездія, падающаго за грѣхи немногихъ на головы всѣхъ, виновныхъ и невинныхъ, въ наказаніе *за попустительство*. Это мысль о своего рода круговой отвѣтственности, хорошо знакомая имъ по всему обиходу ихъ жизненныхъ отношеній,—той круговой отвѣтственности, при которой добрые отвѣчаютъ за зло, совершенное злыми, если они, добрые, не сумѣли предупредить и пресѣчь зла. Оболочка этого сужденія слажена при помощи привычнаго для нихъ цѣлаго понятія „грѣха“, взятаго изъ той области, въ которой были самыя твердыя, быть можетъ, единственныя твердыя понятія древне-русскаго человѣка,—изъ области религіозно-нравственныхъ понятій.

Наблюденія надъ перерожденіемъ ихъ провиденціалистической философіи исторіи приводятъ насъ къ нѣсколькимъ соображеніямъ. Перерожденіе этихъ понятій интересно не столько само по себѣ, сколько какъ симптомъ и показатель логической схемы мощнаго переворота, совершавшагося въ настроеніяхъ, чувствахъ и умахъ всего общества. Не всѣ люди Смутнаго времени, одушевленные желаніемъ добра своей родинѣ, мыслили такъ послѣдовательно, какъ нѣкоторыя сказанія, (грамоты мыслили даже совсѣмъ непослѣдовательно!), но процессы, совершавшіеся въ умахъ человѣческихъ массъ, вѣроятно, были однородны съ наблюденнымъ. Не даромъ всѣ сказанія и грамоты исходятъ изъ понятія „грѣховъ“, развивая его въ разныхъ темпахъ, но, если такъ можно выразиться, параллельными путями.

Мы наблюдаемъ русскихъ людей Смутнаго времени въ моментъ ихъ работы надъ своими общественными понятіями, когда понятія эти не успѣли еще вполнѣ проясниться и окрѣпнуть. Мы видимъ, какъ они хлопочутъ и трудятся, усердно уясняя ихъ себѣ, добывая общественно-политическую идею изъ религіозно-нравственныхъ понятій. Организующую

мысль о „единачествѣ“ они вырабатывали медленно, но искренно и добросовѣстно, настойчиво отвлекая ее отъ тысячелѣтняго наслѣдственно воспринятаго запретительнаго понятія „грѣха“. „Единачество“, „любовь и совѣтъ“ пришли не сразу, пришли не какъ удачная мысль, а путемъ долгой и упорной работы надъ волей, надъ самими собой. Чувства жалости, любви, состраданія, стыда, безформенныя стихіи человѣческой души, надо было связать съ идеями долга и права, претворяя ихъ въ ту амальгаму, которая называется политическимъ сознаніемъ и гражданскимъ чувствомъ. Эту мысль въ видѣ практическаго лозунга событія могли подсказать просто и грубо, какъ инстинктивный импульсъ, она могла быть усвоена слѣпо, какъ догматъ съ чужихъ словъ, но для пониманія динамическаго момента важно понять, какъ отъ чувства горя, обиды и жалости къ гибнущей родинѣ они перешли къ твердо сформированной *мысли* объ обязанности ей служить, важно прослѣдить, какъ эта мысль была ими оправлена *въ идею долга и отвѣтственности*. Сказанія и грамоты и даютъ нѣкоторый косвенный отвѣтъ на эти вопросы.

Здѣсь важно не столько самое заключеніе, всегда являющееся болѣе или менѣе статическимъ моментомъ, не столько логическій итогъ, который служитъ точкой опоры въ дѣйствіяхъ, а процессъ раскрытія и реализаціи понятій, вскрывающійся изъ сравнительнаго изученія памятниковъ. Теченіе впечатлѣній, настроеній и чувствъ, перестраивающихъ понятія, уловить трудно, но за то можно уловить процессъ перерожденія понятій, этотъ послѣдній процессъ и отражаетъ теченіе незримыхъ для насъ впечатлѣній и настроеній.

Характерна кустарная несложность и простота ихъ понятій: вся эта философія „грѣха“ столь же неуклюжа и примитивна, какъ орудія ихъ хозяйства, но за то они и владѣютъ этими понятіями какъ кустари, умѣющіе однимъ и тѣмъ же топоромъ вырубить срубъ и сдѣлать мелкій предметъ домашняго обихода.

Для оцѣнки успѣховъ, ими достигнутыхъ въ *развитіи* этихъ понятій, надо помнить, что они вырабатывались и получали свое законченное и продуманное выраженіе, какъ звенья послѣдовательно развиваемой логической цѣпи не столько втеченіе Смуты, сколько послѣ нея, съ большимъ опозданіемъ, надо принять во вниманіе, какъ еще неясны и какъ хрупки эти понятія.

Проясненіе въ руководящихъ элементахъ русскаго общества идеи отвѣтственности сдѣлалось, вѣроятно, поворотнымъ моментомъ въ развитіи событій Смуты. Какъ мы видѣли изъ „Новой повѣсти“ и грамотъ, къ этой мысли объ организаціи они приходили иногда какъ-будто довольно просто, какъ будто инстинктивно, но въ этихъ случаяхъ отъ нашего наблюденія, вѣроятно, просто ускользаютъ нѣкоторыя звенья цѣпи ихъ заключеній, недостаточно отчетливо опредѣлившіяся въ ихъ сознаніи или

не успѣвшія найти своего словеснаго выраженія. Навсегда останется скрытымъ для насъ, *какъ* переживили эти чувства и мысли люди, поднявшіеся въ ту пору на защиту родины, — Ляпуновы, Діонисіи, Пожарскіе, Минины и тысячи друихъ русскихъ людей, не писавшихъ, даже не говорившихъ, а дѣйствовавшихъ и умиравшихъ за свой народъ и свою страну, — именъ ихъ мы никогда и не узнаемъ, — но изъ разсужденій сказаній, изъ сопоставленія ихъ съ грамотами мы приблизительно можемъ уловить схему и этапы этого процесса. Въ сказаніяхъ и грамотахъ сохранился только отблескъ этихъ грандіозныхъ явленій.

Въ Смуту русскіе люди поняли, что политическій и общественный порядокъ находится *и на ихъ попеченіи и совѣсти*, (вотъ почему они съ такой горечью и обвиняютъ себя въ давно забытой смерти невѣдомаго царевича), а сами они, когда „Московское государство и всѣ города Россійскаго царствія“ перешли на ихъ отвѣтственность, оказались такими неискусными и безпомощными, что не смогли прикрыть и защитить ихъ. Когда они впервые почувствовали, что своды государственнаго зданія, только что выведеннаго надъ ихъ головами и казавшагося имъ, вѣроятно, незыблемымъ, заколебались и задрожали, первымъ ихъ чувствомъ было чувство ужаса передъ чѣмъ-то непонятнымъ и непредотвратимымъ. Ужасъ Смуты слышится въ видѣніяхъ-галлюцинаціяхъ, увѣщаніяхъ, обличеніяхъ, проклятіяхъ, вопляхъ, мольбахъ, стонахъ, огласившихъ ихъ раззоренныя пепелища: это ужасъ передъ померкнувшимъ солнцемъ, ужасъ передъ небесными тѣлами, сорвавшимися со своихъ орбитъ.

Когда они поняли, что отвѣтственность за эту катастрофу падаетъ не на кого-либо другого, а на нихъ самихъ, что отъ нихъ самихъ зависѣло предотвратить ее, они почувствовали себя виновными въ этомъ несчастіи. Вотъ смыслъ ихъ горькаго вопля—„домолчались!“. Они сдѣлали тотъ неизбѣжный выводъ, что самая неспособность защитить государственный порядокъ есть уже соучастіе преступленію, они *сами* назвали преступленіемъ свое вѣчное желаніе отмолчаться. Но, почувствовавъ себя отвѣтственными за политическій порядокъ, они не могли не почувствовать себя и хозяевами его. Таковъ медленный, тяжелый, но поступательный и послѣдовательный ходъ развитія ихъ мысли, и едва ли эта медленность поступательнаго движенія мысли въ смѣнѣ принциповъ поведенія есть исключительное явленіе.

Давленіе на волю и черезъ волю на дѣйствія этого новаго сужденія о правѣ и обязанности всякаго общества слѣдить за своимъ политическимъ порядкомъ и отвѣчать за него невозможно, конечно, вычислить никакому эксперту, но нетрудно наощупь почувствовать и взвѣсить всю его силу.

Какъ опредѣлить ту логическую операцію, которую они совершали надъ понятіемъ „грѣха“? Иногда получается впечатлѣніе, что политическій выводъ они *отвлекаютъ* отъ этого понятія путемъ своеобразнаго его расширенія, иногда кажется, что этотъ самостоятельно сложившійся выводъ они стараются только *прикрыть*, какъ броней, старымъ привычнымъ понятіемъ, одареннымъ гипнотической силой непостижимости. Какъ же коротко обозначить ту работу, которую они совершали надъ понятіемъ „грѣха“? Есть ли это „раскрытіе, развитіе, разложеніе, пополненіе“ стараго понятія? Едвали можно подобрать пространственную или иную метафору, которая могла-бы достаточно ясно объяснить намъ своеобразный процессъ совершавшагося здѣсь взаимодѣйствія....

Итакъ, современники Смуты видѣли источникъ ея не столько въ политическомъ или экономическомъ кризисахъ XVII вѣка,—выводъ, къ которому пришла современная исторіографія,—а въ „грѣхахъ“, въ той нравственной неурядицѣ, которой, по ихъ мнѣнію, страдало русское общество. Если вслушаться въ ихъ неясную рѣчь, если вникнуть въ эти странные термины „злопомнѣніе ко искреннимъ“, „ползское естества премѣненіе“, „страшивство“, „безумное молчаніе“ и т. д., то скрытая мысль этихъ сужденій будетъ ясна и можно согласиться съ нею: источникъ смуты, по мнѣнію современниковъ, въ политической незрѣлости, апатіи, индифферентизмѣ, малодушіи общества, дѣйствительно въ его „грѣхахъ“. Политическая незрѣлость—это вялость и бѣдность чувствъ, неясность и неразвитость понятій, направленныхъ къ охраненію общихъ интересовъ, общаго блага. „Грѣхами“ русскіе люди хотѣли обозначить то, что мы теперь назовемъ болѣе гибкимъ терминомъ—„политическими свойствами“ общества. Вправѣ ли мы оставить ихъ точку зрѣнія безъ вниманія?

Вотъ что намъ пытались объяснить современники Смуты,—пытаясь это объяснить, они дали характеристику тогдашняго русскаго общества.

Алексѣй Яковлевъ.

XXXVII.

Политическая доктрина „Наказа“ П. И. Пестеля.

(П. И. Пестель. „Русская Правда, наказъ Временному верховному правленію“).

Литература о декабристахъ за послѣднее время замѣтно и быстро возрастаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и интересъ къ самому видному и благороднѣйшему представителю декабризма—П. И. Пестелю. Въ условіяхъ историческаго момента, переживаемаго нынѣ Россіей, жертвы возстанія и заговора 14-го декабря съ ихъ надеждами и идеями, понятнымъ образомъ, должны были вновь привлечь къ себѣ общественное вниманіе и какъ бы возродиться въ политическомъ сознаніи освободительной эпохи. Такъ декабристы еще разъ сдѣлались близки возмущенной русской дѣйствительности.... На этой почвѣ и возникъ рядъ новѣйшихъ попытокъ переоцѣнки міросозерцанія декабристовъ въ отношеніи къ идеаламъ и задачамъ нашего времени, попытокъ, отразившихъ въ себѣ многообразные оттѣнки современныхъ политическихъ переживаній[1]). Несомнѣнно, этимъ обстоятельствомъ въ значительной мѣрѣ объясняются также и нѣкоторыя характерныя особенности во взглядахъ, установившихся въ наши дни, на Пестеля, а равно и тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ разсматривается теперь его политическое завѣщаніе. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательный «Наказъ Временному верховному правленію», начертанный твердой рукой Пестеля, привлекаетъ

---

[1]) На этой почвѣ и возникли опыты критики „идеологіи“ декабристовъ, съ одной стороны, съ точки зрѣнія подведенія подъ нее основъ „буржуазнаго либерализма“ (*Исторія Россіи въ XIX в.* изд. Граната, вып. 2), съ другой—въ цѣляхъ установленія преемственной связи между декабристами (черезъ Пестеля) и „соціально-революціоннымъ соціализмомъ послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка и начала XX-го“ (*Н. Русановъ. Вліяніе европейскаго соціализма на декабристовъ*, „Минувшіе годы“, 1908 г. № 12, стр. 170). При этомъ главное вниманіе обращается на „коммунистическія“ и „соціалистическія“ воззрѣнія Пестеля, съ отводомъ всего, что такъ или иначе плохо съ ними вяжется. См. напр. *Н. Русановъ* op. cit. стр. 176, прим. 1.

къ себѣ вниманіе современныхъ изслѣдователей, главнымъ образомъ, тѣми своими сторонами, которыя болѣе всего сближаютъ автора «Русской Правды» съ текущимъ моментомъ русской жизни. Пестеля разсматриваютъ, такъ сказать, повернувъ лицомъ къ нашей трагической современности, поскольку «многими сторонами своихъ воззрѣній онъ тѣсно примыкаетъ къ намъ, опережая насъ на три четверти столѣтія»[1]). Не отрицая законности и значенія подобнаго рода пріема изслѣдованія, мы склонны думать, однако, что пріемъ этотъ чреватъ нѣкоторыми опасностями и можетъ привести, въ концѣ концовъ, къ искаженію перспективныхъ точекъ зрѣнія одностороннимъ освѣщеніемъ сюжета. Съ Пестеломъ отчасти нѣчто подобное уже случилось, какъ, впрочемъ, и съ другими декабристами[2]). Духовный образъ Пестеля въ наши дни иногда выписываютъ въ такихъ тонахъ, что типическія черты этого яркаго образа, какъ бы отдѣляясь отъ историческаго фона, начинаютъ терять живое сходство съ оригиналомъ. Современный художникъ-реставраторъ, увлеченный своей работой, самъ того не замѣчая, принимается «раскрашивать» дорогія ему черты въ зависимости отъ своего собственнаго настроенія, овладѣвшаго имъ въ данный моментъ. Въ результатѣ цѣльность художественной гармоніи разстраивается, а модернизированный портретъ перестаетъ быть портретомъ. Вотъ почему, быть можетъ, теперь было бы вполнѣ своевременно вернуть декабристовъ прежде всего ихъ эпохѣ...

Въ настоящемъ бѣгломъ этюдѣ, мы дѣлаемъ попытку дать сжатый анализъ политической доктрины «Русской правды» Пестеля въ свѣтѣ его собственныхъ основныхъ руководящихъ идей, тѣсно роднившихъ автора «Наказа» съ *русской политической традиціей XVIII столѣтія*[3]) *и философскими теченіями вѣка.*

I.

До сихъ поръ не подвергался сомнѣнію тотъ общепризнанный нынѣ фактъ, что Пестель, какъ и его товарищи, вышелъ изъ той же самой политической школы, въ которой выросла и воспиталась, какъ на Западѣ, такъ и у насъ, общественная мысль XVIII столѣтія. Однако фактъ этотъ не остановилъ на себѣ должнаго вниманія изслѣдователей,

---

[1]) *М. Ковалевскій. Русская Правда Пестеля, стр. 18* („Минувшіе годы", 1908 г. № 1). Ср. также *Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли*, т. I (*изд. 2-ое*). *стр. 130.*

[2]) См. статью *А. А. Кизеветтера* въ жур. „Русская Мысль". 1908 г. № 1.

[3]) При характеристикѣ взглядовъ Пестеля по „Наказу" мы воспользуемся также и его „Запиской о государственномъ управленіи", которая тѣсно связана съ „Русск. правдой". Нельзя не пожалѣть только, что до сихъ поръ мы не имѣемъ еще вполнѣ удовлетворительнаго научнаго изданія трудовъ Пестеля.

тогда какъ, казалось бы, онъ долженъ былъ послужить отправнымъ пунктомъ при изученіи идеологіи декабристовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если присмотрѣться пристальнѣе къ движенію декабристовъ, вѣрныхъ сыновъ своего времени, не трудно притти къ тому заключенію, что это движеніе, по существу, представляло изъ себя не что иное, какъ послѣднюю манифестацію *политическаго раціонализма и радикализма «просвѣтительнаго вѣка» на русской почвѣ*. Въ этомъ смыслѣ, мы могли бы сказать, что декабристы ликвидировали наслѣдіе Петра Преобразователя. Дѣйствительно, отъ перваго дебюта «революціонера на тронѣ» до роковой даты «14-го декабря», эпохи бурнаго натиска и преобразовательныхъ утопій, русская политическая мысль совершила огромный пробѣгъ въ замкнутомъ кругу идей отъ «Правды воли Монаршей» Ѳеофана Прокоповича черезъ «Наказъ» Екатерины II и «язвительную» книгу А. Радищева, чтобы закончить «Правдой» П. Пестеля! *Раціонализмъ* философскій и политическій—вотъ тотъ центръ, изъ котораго исходитъ и вокругъ котораго вращается весь сложный комплексъ идей, связавшихъ въ своемъ исходномъ и конечномъ моментахъ двѣ «Правды» начала двухъ вѣковъ. Глубокій *историческій* смыслъ этой идейной эволюціи заключался, именно, въ постепенномъ превращеніи «правды» начала XVIII ст. въ свою полную противоположность—«правду» начала XIX вѣка, идеала монархическаго въ идеалъ республиканскій. Ближайшіе этапы развитія указанныхъ идей и взаимнаго ихъ соотношенія намѣчаются какъ бы сами собой. «Въ книгѣ Екатерины—писалъ недавно Павловъ-Сильванскій [1])—отразился первый, болѣе умѣренный, періодъ развитія этихъ идей, въ книгѣ Радищева—второй, предреволюціонный» и въ книгѣ Пестеля, скажемъ мы, третій и послѣдній, *революціонный*. Здѣсь замыкается кругъ развитія руководящихъ идей великаго столѣтія.

Просвѣтительная философія XVIII вѣка съ ея культомъ Разума, вѣрой во всеспасающую силу *государственнаго абсолютизма, съ его полицейско-педагогической опекой надъ «гражданами» во имя «всеобщаго блаженства», и революціонной тактикой*—такова была, въ дѣйствительности, основа соціально-политическаго міросозерцанія «осьмаго-надесять вѣка» [2]), основа, на которой была воздвигнута у насъ послѣдняя *утопія* послѣдняго талантливѣйшаго представителя раціона-

---

[1]) *П. Сильванскій. Жизнь Радищева, стр. XII*, вступ. статья въ книгѣ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева“, СПБ., 1905 г.

[2]) Toute la politique des philosophes—говоритъ А. Сорель, характеризуя настроеніе эпохи—se ramène á mettre l' omnipotence de l' Etat au service de l' infaillibilité de la raison, á faire, si l' on veut, de la raison pure une nouvelle raison d' Etat. Sur ce principe toutes les sectes s' accordent. Voltaire donne la main aux encyclopédistes; les physiocrates, dissidents sur le reste, reviennent ici á l' orthodoxie“. L' Europe et la révolution, par. *1, p. 107*.

листической школы [1])—П. Пестеля. Справедливость требуетъ признать, что эта раціоналистическая субстанція идеологіи Пестеля, столь рѣзко бьющая въ глаза при чтеніи его «Наказа [2]), уже не разъ была отмѣчена біографами и историками декабризма [3]), однако, все же думается намъ, послѣдняя не получила до сихъ поръ должной оцѣнки, а, главное, не была раскрыта съ достаточной полнотой и послѣдовательностью въ конструкціяхъ доктрины «Русской Правды». А между тѣмъ, только подвигаясь по указанному пути, можно уразумѣть истинный смыслъ какъ политической, такъ и соціально-экономической программы Пестеля.

Пестель—раціоналистъ чистой воды. Въ своихъ построеніяхъ идеальнаго государства онъ исходитъ изъ популярнѣйшихъ предпосылокъ философіи просвѣтительной эпохи. Поэтому во главу угла своей нравственно-политической теоріи онъ полагаетъ прежде всего «основное» понятіе «естественнаго разума», изъ котораго въ дальнѣйшемъ уже и выводитъ путемъ логическихъ умозаключеній цѣлый рядъ «коренныхъ правилъ» или нормъ единаго общечеловѣческаго и неизмѣннаго, равно примѣнимаго во всякое время ко всякому народу, «естественнаго права» [4]). Но, такъ какъ въ сознаніи Пестеля категоріи «разумнаго» и «нравственнаго», въ качествѣ необходимыхъ элементовъ идеальнаго «естественнаго» права, сливаются въ одну категорію «божественно-разумнаго», то, въ конечномъ итогѣ, между «законами природы» и откровеннымъ «закономъ» [5]) онъ устанавливаетъ полную гармонію. Такимъ об-

---

[1]) Въ записной книжкѣ Пестеля съ выписками изъ прочитаннаго мы встрѣчаемъ знакомыя намъ имена апостоловъ философіи XVIII ст.—Вольтера, Дидро, Гольбаха, Руссо и др. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ отмѣтить также и *физіократическія* симпатіи Пестеля. Извѣстно, что школа физіократовъ своеобразно сочетала принципы экономическаго либерализма съ началами „просвѣщеннаго абсолютизма“ въ политикѣ. См. *В. И. Семевскій. Вопросъ о преобразованіи госуд. строя Россіи, стр. 151* („Былое“, 1906, III), *Ивановъ-Разумникъ, op. cit., т. I, стр. 124—125*. Ср. также *Н. Карѣевъ. Западно-европейская абсолютная монархія, стр. 361—363*.

[2]) Послѣдовательность и прямолинейность Пестеля въ указанномъ направленіи нерѣдко смущаетъ современныхъ критиковъ его взглядовъ, которые съ помощью различныхъ оговорокъ пытаются обойти нѣкоторыя мало симпатичныя *имъ* заключенія автора ради сохраненія за нимъ званія „соціалиста до соціализма“, по выраженію А. Герцена.

[3]) *См. Павловъ—Сильванскій. Декабристъ Пестель передъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ, стр. 4. Ивановъ—Разумникъ, op. cit., т. I, стр. 126—127*.

[4]) *Русская Правда, изд. подъ ред. Щеголева, § 5 и 6*. Естественные законы „глубоко *впечатлѣны въ сердцахъ нашихъ*—говоритъ Пестель—никто не въ силахъ ихъ исторгнуть“. „Сей законъ Божій поставленъ *для всѣхъ людей въ равной мѣрѣ*“, *ibid., стр. 6*. „*Истина политическая* будучи *истиною нравственною* или отвлеченною, *всегда одна и та же*“, *ibid., стр. 38*.

[5]) *Ibid., § 6, стр. 4*. Этотъ откровенный законъ или „святые законы вѣры“ начертаны для всѣхъ, по мнѣнію автора, въ „священномъ писаніи“.

разомъ «разумъ» и «добродѣтель», «истина» и религіозная «заповѣдь», «законъ» и «справедливость» оказываются идентичными понятіями, а «коренныя правила» разума получаютъ значеніе морально-правовой нормы, становятся источникомъ нравственнаго поведенія и совершеннаго правопорядка [1]). И Пестель думаетъ, что воплощеніе въ жизнь означенныхъ «коренныхъ правилъ» божественнаго естественнаго права должно привести ко всеобщему «благоденствію», верховной цѣли бытія [2]). «Средствомъ» для достиженія этой высокой и, можно сказать, самой задушевной цѣли просвѣтительнаго вѣка [3]), по убѣжденію автора «Наказа», является *общество*, которое есть ничто иное, какъ «соглашеніе въ цѣли» [4]). Но подобнаго рода соглашеніе, общественный договоръ во имя «благоденствія всего общества въ цѣломъ и каждаго изъ его членовъ въ особенности», само собою разумѣется, необходимо предполагаетъ установленіе незыблемыхъ и точныхъ на все «правилъ», т.-е., говоря иначе, предполагаетъ организацію *государства* [5]). Какова должна быть эта организація на основаніи всего выше сказаннаго, предугадать не трудно. Государство Пестеля, возникшее, какъ онъ утверждаетъ, «отъ общихъ и одинаковыхъ свойствъ природы человѣка», очевидно, и должно по-

---

[1]) „*Справедливость* законовъ въ томъ состоитъ, что они должны въ полной мѣрѣ соотвѣтствовать кореннымъ свойствамъ *природы человѣческой*. —Сіи коренныя свойства суть *законы, данныя человѣку отъ Всевышняго существа*, и, слѣдовательно, опредѣляющіе природныя обязанности и права частныхъ лицъ. Вся *цѣль гражданскаго общества* состоитъ единственно въ *обезпеченіи сихъ правъ*“, *ibid., стр. 100, 165—166*. „Законы политическіе—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ—должны утверждать и обезпечивать законы *духовные и естественные*, а не нарушать оныхъ“ *ibid., стр. 204 и 89*.

[2]) *Ibid.*, § *3 стр. 6 и 60*. „Быть добродѣтельными и счастливыми“—таково призваніе людей согласно „закону Божію“ и „природнымъ законамъ“

[3]) Идея „всеобщаго блага“, „всеобщаго благоденствія“ или „блага народа“, которое одновременно оказывалось и „благомъ государственнымъ“ — commune civitatis bonum—это, можно сказать, не только самая популярная идея эпохи господства политическаго раціонализма, но и основной тезисъ теоріи „просвѣщеннаго деспотизма“, широко господствовавшей въ XVIII ст. Доктрина „всеобщаго блага“, по справедливому замѣчанію Г. Еллинека, можетъ съ полнымъ правомъ считаться, поэтому, „классической теоріей государственнаго абсолютизма и полицейскаго государства“. На ней въ то время сходились одинаково, какъ коронованные, такъ и некоронованные философы и политическіе мыслители самыхъ различныхъ оттѣнковъ и толковъ, начиная Фридрихомъ Великимъ, Вольтеромъ и Х. Вольфомъ и кончая якобинцами. *Г. Еллинекъ. Право современнаго государства* (*СПБ. 1903*) *г. стр. 155—156. М. А. Рейснеръ Общественное благо и абсолютное государство*. („Государство и вѣрующая личность“), *стр. 278* и сл.

[4]) „Члены всякаго общества могутъ единодушно согласиться въ цѣли“—говоритъ Пестель, *Русская Правда* § *1*.

[5]) Государство—по опредѣленію Пестеля—есть „устроенное и приведенное въ порядокъ“ *гражданское* общество, *ibid.* § *3, стр. 2*.

коиться на тѣхъ самыхъ «неизмѣнныхъ» естественныхъ законахъ, которые диктуетъ намъ суверенный Разумъ и Воля Всевышняго. Оно, это идеальное государство, становится, слѣдовательно, носителемъ естественно-правовой идеи и тѣхъ задачъ, которыя предопредѣляются послѣдней, ибо «обязанности въ государствѣ истекаютъ изъ цѣли государства», а цѣль эта, по опредѣленія Пестеля, заключается въ «благоденствіи гражданскаго общества» [1]). Здѣсь мы и подходимъ къ самому основанію политической доктрины «Наказа».

«Естественный разумъ» съ его постулатомъ всеобщаго благоденствія, по мысли Пестеля, долженъ стать *разумомъ государства*, т.-е., говоря иначе,—«законы политическіе должны утвердить и обезпечить законы духовные и естественные». Въ этомъ Пестель видитъ единственное оправданіе самой государственной власти и ея безусловнаго авторитета [2]), полагая, что иначе послѣдняя неизбѣжно выродится въ «зло-

---

[1]) *Ibid.*, § *6, стр. 4—5.* „Цѣль же государственнаго устройства должна быть—возможное благоденствіе всѣхъ и каждаго“ или „возможно большее благоденствіе многочисленнѣйшаго числа людей въ государствѣ“. Эти крылатыя слова Бентама Пестель не устаетъ повторять на всѣ лады, подчеркивая въ то же время, что „благоденствіе общественное должно считаться важнѣе благоденствія частнаго“, *ibid., стр. 5, 13, 60 и 67.*

[2]) Идея общаго блага, такимъ образомъ, была не только самой распространенной идеей XVIII ст. на Западѣ, но и у насъ, въ моментъ расцвѣта теоріи и практики „просвѣщеннаго“ имперскаго деспотизма. Пестель, въ данномъ случаѣ, продолжалъ, слѣдовательно, нашу собственную политическую традицію. Еще Ѳ. Прокоповичъ изъ естественнаго права выводилъ основную норму, что „единственная цѣль установленія какой бы то ни было формы правленія есть всенародная польза“ и что поэтому монархъ можетъ повелѣвать своимъ подданнымъ все, „что ему ни поправится: только бы народу не вредно и волѣ Божіей не противно было“. Екатерина II въ своемъ „Наказѣ“ развивала тѣ же мысли. „Предлогъ самодержавнаго правленія“, по ея словамъ „не тотъ, чтобы у людей отнять естественную ихъ вольность: но чтобы *дѣйствія ихъ направити* къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра“ или „къ достиженію самаго большаго для людей блага“, см. *Наказъ Е. И. В. Екатерины В., ст. ст. 13, 42-44, 520—521.* Исходя изъ тѣхъ же предпосылокъ, и кн. М. Щербатовъ выдвигалъ идею „общей выгоды“, „блаженства“ и „благосостаянія каждаго“, какъ основное руководящее начало для истинной монархіи, которая, по его мнѣнію, тѣмъ отличается отъ тираніи, что „въ монархіи Государь есть для народа“, напротивъ, „въ самовластномъ правленіи народъ является быть здѣланъ для Государя“. *Собраніе сочиненій т. I, стр 228, 343—44, 421, 924 и др. Ср. Русская Правда, § 4.* Тѣже тенденціи встрѣчаемъ мы и у Радищева. Государственная власть призвана и у него, въ сознаніи „обширности своихъ обязанностей“, блюсти „пользу общую“ ради „достиженія блаженства общественнаго“, *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, стр. 156—161, 49, 199—203 и др.* На той же точкѣ зрѣнія „легальнаго деспотизма“ абсолютистовъ-традиціоналистовъ стоялъ и Н. М. Карамзинъ, выводившій изъ идеи „общественнаго блага“ и „общественнаго договора“ („завѣта“) понятіе объ „обязанностяхъ“ монарховъ и даже „границахъ“ ихъ полномочій. *Карамзинъ.*

властіе» или, какъ сказалъ бы кн. Щербатовъ, въ «деспотичество»[1]). Такимъ путемъ на долю государственной власти, согласно «Русской Правдѣ», выпадаетъ высокая миссія реализовать раціоналистическій идеалъ *совершеннаго общества*, которое у нашего автора всецѣло покрывается понятіемъ *государства*. Для Пестеля рѣшеніе этой проблемы не представляетъ серьезныхъ затрудненій. Игнорируя вполнѣ историческое прошлое и конкретную соціальную среду, авторъ «Наказа» усматриваетъ въ настоящемъ случаѣ чисто *техническую* задачу. Онъ разсуждаетъ формально, абстрактно, какъ математикъ, и производитъ свои выкладки такъ, какъ будто бы передъ нимъ вмѣсто живого общественнаго организма находился чистый листъ бумаги. Поэтому и на государство онъ смотритъ какъ на механическую силу, которая призвана перестроить общество въ своеобразную геометрическую фигуру, при чемъ за центръ построенія, конечно, принимается абсолютный, властно-регламентирующій авторитетъ правительственной власти[2]). Поэтому же и вопросъ о коренной реорганизаціи общества у него сводится къ вопросу объ измѣненіи *формы правленія*, т.-е. реформѣ *политической*, однимъ изъ результатовъ которой является и самая соціальная программа Пестеля[3]). *Организація «правительства»* — такова основная тема «Русской Правды», какъ «*наказа* временному верховному правленію». И дѣйствительно, на «образъ управленія» Пестель возлагаетъ всѣ свои надежды[4]).

По мнѣнію автора «Наказа», государство и его органъ правительство, располагая всей полнотой верховной власти имѣютъ широкую и завидную возможность путемъ законодательныхъ предписаній свободно распоряжаться общественными силами страны. «Самые дѣйствительные

Записка о древней и новой Россіи, стр. 2272, 2251—2. См. также *A. Lemaire Les lois fondamentales et la monarchie française*, p. III, p. *102–103, 279*; *Hitier. La doctrine de l'absolutisme, p. 116—128*; *Koser. Die Epochen der absoluten Monarchie, S. S. 278, 279.*

[1]) *Русская Правда*, § *10. Ср. кн. М. Щербатовъ, op. cit., т. I, стр. 343, 383, 387—389.*

[2]) „Я сдѣлался въ душѣ республиканцемъ,—говорилъ Пестель на допросѣ—и ни въ чемъ не видѣлъ большаго благоденствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ Республиканскомъ правленіи". *Павловъ—Сильванскій, op.cit., стр. 29.* Передъ этимъ въ своихъ отвѣтахъ коммиссіи Пестель подвергъ суровой критикѣ „конституціонную монархію", въ которой онъ усматривалъ лишь „покрывало" абсолютизма, „неограниченности".

[3]) *Русская Правда, гл. 1, § 8 и гл. II, § 2.*

[4]) Авторъ сознательно устраняетъ при этомъ всякое вмѣшательство „народа" въ дѣло преобразованія „правленія". Диктаторское временное правительство должно провести у него всю реформу, разъ навсегда опредѣливъ *взаимныя* отношенія „государства" и „народа". Въ опредѣленіи этихъ отношеній мы и находимъ ключъ къ пониманію всей политической доктрины Пестеля.

наставники народовъ суть законы государственные (формулируетъ Пестель свое profession de foi): *они образуютъ и, такъ сказать, воспитываютъ народы и по нимъ нравы, обычаи, понятія, видъ свой и дѣятельность свою получаютъ. Отъ нихъ исходитъ направленіе умовъ и волей и потому утвердительно сказать можно, что политическіе и гражданскіе законы содѣлываютъ народы таковыми каковыми они суть*»[1]). Этимъ и опредѣляется призваніе и роль государственной власти, власти распорядительной и регламентирующей по преимуществу. Заявляя, что «правительство» во всякомъ государствѣ «учреждено для блага народнаго»[2]), Пестель отсюда выводитъ и соотвѣтствующую «обязанность» правительства—«доставлять народу благоденствіе»[3]). Лучшимъ же и надежнѣйшимъ средствомъ для «водворенія благоденствія»[4]) онъ считаетъ установленіе на все «коренныхъ правилъ»[5]). Съ этой цѣлью онъ и пишетъ свою «Русскую правду». «Русская Правда—говоритъ Пестель—приводитъ государственное преобразованіе въ положительные ходъ и дѣйствіе тѣмъ, что *все опредѣляетъ и на всѣ предметы коренныя правила издаетъ*»[6]). Съ помощью этихъ «правилъ» авторъ «Наказа» надѣется «водворить» всеобщее блаженство, вѣруя во всеспасающую силу предписывающей нормы благожелательнаго «закона»[7]). «Опыты всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ—настойчиво повторяетъ онъ—доказали, что *народы вездѣ бываютъ*

---

[1]) *Ibid., стр. 38.* „Я видѣлъ (говорилъ Пестель передъ слѣдственной комиссіей), что благоденствіе и злополучіе царствъ и народовъ зависитъ по большей части отъ правительствъ“, *Павловъ—Сильванскій, op. cit., стр. 27.*

[2]) *Русская Правда, стр. 6.*

[3]) *Ibid., стр. 6, § 8, и стр. 7 и 62.* Абсолютисты—монархисты точно также говорили о „должности“ монарха, подобно тому какъ сами коронованные философы имѣли обыкновеніе величать себя „первыми слугами“ своего народа.

[4]) *Ibid., стр. 13.*

[5]) „Но поелику понятія о благоденствіи бываютъ весьма различны и разнообразны, то и нужно сему положить нѣкоторыя основанія или коренныя правила“, *ibid., стр. 4, § 6.* Это и есть правила естественнаго, разумнаго и равнаго для всѣхъ права, которое должно быть декретировано государствомъ.

[6]) *Ibid., стр. 11.* Нельзя по этому поводу не вспомнить оригинальной утопіи XVIII ст., принадлежащей перу кн. М. Щербатова „Путешествіе шведскаго дворянина С. въ Офирскую землю“. Въ идеальномъ полицейскомъ государствѣ Щербатова также установлены „на все подробныя узаконенія“ и въ тѣхъ же цѣляхъ всеобщаго блаженства. Въ основѣ всѣхъ этихъ разсужденій лежитъ, очевидно, убѣжденіе, весьма удачно формулированное въ 241 ст. Екатерининскаго „Наказа“, гдѣ говорится, что „хорошее законоположничество... не что иное есть, какъ искуство приводитъ людей къ самому совершенному благу, или оставлять между нами, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло“.

[7]) „Коль скоро—говоритъ Пестель—всѣ дѣянія, какъ правительства, такъ и частныхъ людей на сихъ правилахъ основаны будутъ, то государство несомнѣнно пользоваться будетъ возможнымъ благоденствіемъ“, *Русская Правда стр. 5, 10.*

таковыми, каковыми ихъ содѣлываютъ правленіе и законы, подъ коими они живутъ»[1]). Поэтому Пестель и стремится цѣликомъ завладѣть *личностью* гражданина-подданнаго, превративъ его въ послушное орудіе государственной власти съ тѣмъ, чтобы, говоря словами Екатерининскаго «Наказа», «вселить узаконеніями добрые нравы въ гражданъ[2]) и сдѣлать ихъ такимъ путемъ счастливыми и добродѣтельными[3]). Для Пестеля государство, дѣйствительно, превращается въ «Zwangsanstalt für das Glück der Völker», какъ мѣтко назвалъ Л. Штейнъ «полицейское государство» западной Европы. При такихъ условіяхъ понятно, почему авторъ «Русской Правды» готовъ былъ такъ безпредѣльно расширять опекающую и направляющую роль «правительства». Законы государства, по его мнѣнію, должны давать «направленіе умовъ и волей»[4]) и такимъ путемъ создавать единообразіе «понятій и образа мыслей»[5]) въ головахъ гражданъ, что, въ свою очередь, будетъ способствовать утвержденію «высшей степени крѣпости» государственнаго союза[6]). Но, что особенно важно, «одинаковые гражданскіе законы на цѣломъ пространствѣ государства» будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе рѣшительнымъ образомъ содѣйствовать «къ дарованію всѣмъ частямъ онаго одинаковаго оттѣнка нравственности, а тѣмъ самымъ и произведутъ ту совершенную крѣпость и истинно тѣсную политическую связь въ государствѣ, коея существованіе столь благодѣтельно»[7]). Нравственное *воспитаніе* гражданъ съ помощью «законовъ» и «правилъ» является, такимъ образомъ, конечной задачей «правительства», ибо для Пестеля «истина политическая» и «истина нравственная»—одно и то же[8]). Отсюда же слѣдовалъ и дальнѣйшій выводъ, формулированный Пестелемъ въ бесѣдѣ съ Бурцовымъ, что прежде всего «надлежитъ исправить правленіе, отъ коего

---

[1]) *Ibid., стр. 56.*

[2]) *Наказъ Е. И. В. Екатерины Вторыя ст. 83.*

[3]) Указавъ, что „коренныя правила“, установленныя „Правдой“, должны быть введены въ жизнь „Временнымъ верховнымъ правленіемъ“, Пестель добавляетъ: „а народъ обязанъ сему введенію не только не противиться, но напротивъ того временному Верховому правленію усердно всѣми силами содѣйствовать и неумѣстнымъ нетерпѣніемъ не вредить преуспѣванію народнаго возрожденія и государственнаго преобразованія“, *Русская Правда, стр. 11.*

[4]) Законы должны, такимъ образомъ, опредѣлить „то, что каждому *надлежитъ хотѣть*“, см. *Е. И. В. Екатерины В., ст. 37.*

[5]) *Русская Правда, стр. 22.*

[6]) *Ibid., стр. 36.*

[7]) *Ibid.. стр. 38.* „Нравственность (говоритъ Пестель въ другомъ мѣстѣ) утверждается въ народѣ совокупностью духовныхъ, естественныхъ и политическихъ законовъ“, *ibid., стр. 237, § 17.* „Всѣ постановленія государственныя должны быть въ связи и согласіи съ обязанностями человѣка въ отношеніи къ вѣрѣ и Всевышнему создателю міровъ“, *ibid., стр. 4, § 6.*

[8]) *Ibid., стр. 38.*

уже и нравы исправятся»[1]. Но, понимая столь всеобъемлюще и широко призваніе «государства», авторъ «Наказа» естественно долженъ былъ включить и «вѣру» въ число орудій государственной власти, обязанной, такъ сказать, привести къ одному знаменателю «образъ мыслей», нравы и совѣсть «всѣхъ и каждаго». Признавъ, что «нравы народные зависятъ вездѣ отъ вѣры и правительства»[2]. Пестель прямымъ путемъ пришелъ къ признанію другой руководящей «истины» философскаго вѣка, что религія должна быть служанкою государства[3]. Вмѣстѣ съ великими «отцами» раціоналистической церкви онъ закончилъ провозглашеніемъ ея *государственнаго* характера: «а посему—говоритъ Пестель—духовенство должно быть признано *частью правительства*, и частью самою наипочетнѣйшею. Оно есть вѣтвь государственнаго управленія, отрасль чиноначальства и чѣмъ тѣснѣе связь между духовными и мірянами, тѣмъ счастливѣе народъ, тѣмъ благополучнѣе государство.—Сами же духовныя лица суть чиновныя особы и вмѣстѣ съ тѣмъ россійскіе граждане, какъ и всѣ вообще чиновники[4].

---

[1]) *Павловъ—Сильванскій. Декабристъ Пестель, стр. 9.*

[2]) *Русская Правда, стр. 38.*

[3]) „Государственная религія“ и „государственная церковь“— это одинъ изъ самыхъ священныхъ догматовъ философіи XVIII ст., которому одинаково присягали на вѣрность и Рейналь, и Вольтеръ, и Монтескье, и Руссо, и Гельвецій, и Вольфъ, и Зонненфельсъ, и Мирабо, и Робеспьеръ. Пестель въ этомъ отношеніи нерѣдко почти буквально воспроизводитъ наиболѣе яркія формулировки виднѣйшихъ европейскихъ авторитетовъ и знаменитостей, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ же направленіи и нашу собственную „россійскую“ традицію имперскаго періода. Понятно, что и выводы, къ которымъ приходитъ въ концѣ концовъ Пестель будутъ тѣ же, что и у его учителей. См. *М. А. Рейснеръ. Духовная полиція въ Россіи, гл. II и III.* Отмѣченный взглядъ особенно ярко былъ выраженъ у насъ Н. Карамзинымъ: „Исторія—писалъ онъ—подтверждаетъ истину, предлагаемую всѣми политическими философами, и только для однихъ легкихъ умовъ сомнительную, что Вѣра есть особенная сила государственная“, *Исторія, т. V, стр. 372.*

[4]) *Русская Правда, стр. 62, 64 и 91.* „А посему и должно церковное богослуженіе входить въ кругъ государственныхъ предметовъ“, *ibid., стр. 172.* Авторъ „Наказа“ имѣлъ въ виду создать также особое „министерство духовныхъ дѣлъ“, гдѣ и должна была быть сосредоточена названная выше „вѣтвь государственнаго управленія“, *ibid., стр. 63.* Характерно, что Пестель подчеркиваетъ при этомъ, что „духовенство“ отнюдь не образуетъ „сословія“, а есть лишь „отрасль“ чиноначальства, *ibid., стр. 61.* Не трудно видѣть, что и въ данномъ случаѣ Пестель только повторяетъ ходячія „истины“ философскаго вѣка. Онъ какъ бы переписываетъ слова Мирабо, что „духовныя лица это только оплачиваемые государствомъ чиновники морали и просвѣщенія“, или положеніе Робеспьера, что „священники—это настоящіе чиновники“. Въ формулировкахъ Пестеля мы слышимъ также и голосъ Гельвеція, когда онъ резюмируетъ, что „священникъ не можетъ

(курсивъ П.). Понятно, что при такихъ условіяхъ государство Пестеля, въ качествѣ носителя абсолютной «политической истины» и органа воли Всевышняго, само должно было превратиться въ непогрѣшимый, абсолютный авторитетъ, высоко вознесенный надъ «народомъ», обществомъ и каждымъ индивидомъ въ отдѣльности [1]). Идея *государства*, обожествленнаго въ своей цѣли [2]), претворившись въ идею государственнаго *интереса*—«блага государственнаго»—становилась теперь тѣмъ кумиромъ, который деспотически требовалъ себѣ «жертвы всесожженія» и передъ которымъ должна была покорно склониться всякая воля. Монополизируя въ своихъ рукахъ задачу насажденія всеобщаго «благоденствія», государство тѣмъ самымъ становилось на мѣсто общества, цѣликомъ поглощая послѣднее въ своемъ правительственномъ аппаратѣ. Оно присвоивало себѣ исключительное право на «дѣйствіе отъ лица всего общества», противопоставляя этому праву, право одинокой личности, т.-е. права «частныхъ

принести дѣйствительной пользы иначе, какъ въ качествѣ чиновника для нравственнаго ученія" и т. д. Отсюда не трудно было уже вывести и требованіе „духовной полиціи", которую признавъ, конечно, и Пестель, оговорившись, однако, что „инквизиція не должна... существовать", *ibid., стр. 239, 237*. См. *Рейснеръ. Духовная полиція въ Россіи, гл. III, стр. 59—60, 73*. Весьма умѣстно будетъ вспомнить въ настоящемъ пунктѣ и Офирское государство кн. Щербатова, гдѣ религіозный культъ также разсматривается какъ одна изъ функцій правительства и гдѣ богослуженіе и проповѣдничество отправляется „офицерами полиціи" (благочинными—санкреями), призванными внѣдрять нравственныя заповѣди въ сердца счастливыхъ „гражданъ" *Сочиненія, т. I, стр. 787 и сл., гл. IV*. Особенно видная роль, какъ у Щербатова, такъ и у Пестеля выпадаетъ на долю „сельскихъ священниковъ", которые должны были соединять въ себѣ искусство „врачеванія нравственнаго съ врачеваніемъ тѣлеснымъ", *Русская Правда стр. 61; Сочиненія кн. М. Щербатова, т. I, стр. 737—733 и д.*

[1]) *Русская Правда, стр. 199*. Свой трактатъ Пестель начинаетъ прежде всего обоснованіемъ или, лучше сказать, утвержденіемъ столь характернаго для „политическихъ наукъ" его времени положенія о необходимости рѣзкаго раздѣленія общества „на повинующихся и повелѣвающихъ", общество или „народъ", съ одной стороны, и „государство" или „правительство"—съ другой. „Сіе раздѣленіе неизбѣжно—говоритъ онъ—потому что происходитъ отъ природы человѣческой", *ibid.*, § *2—4, 7 и 12*. Какъ извѣстно, на этомъ фундаментѣ покоилось, можно сказать, все зданіе государственнаго абсолютизма. *Ср. Наказъ Е. И. В. Екатерины В., ст. 250; кн. Щербатова, op. cit., стр. 222*. См. также *М. А. Рейснеръ. Общественное благо, стр. 291, 311 и сл., 387*.

[2]) Это также была одна изъ типическихъ чертъ теоріи абсолютизма. Царь и императоръ всероссійскій „Божіею милостью" смѣнялся у Пестеля *государствомъ* „волею Всевышняго". Слѣдуетъ вообще сказать, что всѣ основные принципы абсолютизма *монархическаго* нашли свою санкцію въ республиканскомъ государственномъ абсолютизмѣ Пестеля.

лицъ», «повинующихся»[1]). «Правительство—по опредѣленію Пестеля—есть совокупность *всѣхъ* лицъ, *занимающихся отправленіемъ дѣлъ общественныхъ*»[2]). Оно одно дѣйствуетъ отъ лица общества, во имя общественныхъ интересовъ и за общество[3]). Внѣ правительства, по существу, нѣтъ и общества, а только отдѣльные «граждане», на которыхъ лежитъ обязательство «доброхотнаго», какъ сказалъ-бы Ѳ. Прокоповичъ, повиновенія. Поэтому, если «обязанность» перваго—«доставлять народу благоденствіе» всѣми возможными средствами, то обязанность послѣднихъ—повиноваться и всячески содѣйствовать «видамъ» правительства[4]). Исходя изъ указанныхъ принциповъ государственнаго абсолютизма, Пестель заявляетъ себя горячимъ и крайнимъ *централистомъ*. Единое «государство», единая власть, единый законъ, единая территорія, единый народъ, единый «образъ мыслей» и, наконецъ, единая вѣра—таковъ его боевой лозунгъ[5]). Все дальнѣйшее будетъ лишь прямымъ выводомъ изъ этой формулы. И надо отдать должное автору «Русской Правды», онъ съ рѣдкой прямолинейностью начерталъ свой планъ идеальной *полицейской республики*, которую онъ столь же

---

1) *Русская Правда*, § *3, стр. 3—4.*

2) *Ibid*, § *8.*

3) Здѣсь сказались тѣ же тенденціи просвѣщеннаго деспотизма, которыя такъ превосходно были формулированы въ одномъ баварскомъ эдиктѣ 1804 г: „истинное благо государства, такъ же какъ и благо гражданъ, можетъ быть насаждаемо только правительствомъ, такъ какъ никому другому не предоставлено обозрѣвать отношенія вообще (im Allgemeinen durchblicken) и черезъ это соображать благополучіе цѣлаго". Такимъ образомъ, *общественная* дѣятельность является „предметомъ вѣдѣнія" правительства, которое не терпитъ въ этой сферѣ никакой конкуренціи. См. *Рейснеръ. Общественное благо и т. д., стр. 302.*

4) „Правительство—говоритъ Пестель—не сможетъ выполнить своей обязанности и *государству доставить благоденствіе*, если не будетъ имѣть власти, *соразмѣрной важности и обширности цѣли гражданскаго общества*.... сія власть распространяетъ свои дѣйствія *по всѣмъ предметамъ на цѣлое государство*, имѣя при томъ много подчиненныхъ властей", *Русская Правда, стр. 7.* „Исполненіе приказаній верховной власти есть всегдашняя, непремѣнная обязанность каждаго частнаго общественнаго человѣка", *ibid., стр. 235. Рейснеръ, op. cit. стр. 322.*

5) «Государство должно въ политическомъ отношеніи *цѣлое* составлять», —говоритъ Пестель; а это возможно, по его мнѣнію, „только тогда, когда, *одни и тѣ же законы, одинъ и тотъ же образъ управленія во всѣхъ частяхъ государства* существуетъ" и когда „всѣ губерніи будутъ одинаковыми правами наслаждаться и правленіе во всѣхъ будетъ одинаковымъ образомъ устроено", *ibid., стр. 36—37, 39.* Въ результатѣ, думаетъ Пестель, „вся Россія, на цѣломъ своемъ пространствѣ, являла бы видъ *единородства, единообразія и единомыслія*", *ibid., стр, 55. Ср. П. Митрофановъ. Политическая дѣятельность Іосифа II, стр. 229, 249 и др.*

послѣдовательно намѣревался ввести въ жизнь путемъ установленія длительной диктатуры революціоннаго «временнаго» правительства.

Стремясь всюду установить неограниченное господство центральной верховной власти, «правительства», авторъ «Наказа», въ первую очередь, долженъ былъ, конечно, отвергнуть федеративный принципъ, горячимъ сторонникомъ котораго, какъ извѣстно, былъ Н. Муравьевъ. Въ федерализмѣ Пестель видитъ опасное «сѣмя къ разрушенію» государства, возвратъ къ «удѣльной системѣ, которая (по его словамъ) также не что иное было, какъ родъ федеративнаго устройства государства»[1]. «Погубнѣйшій вредъ и величайшее зло»[2] федеративнаго строя—по существу авторъ имѣетъ въ виду конфедерацію[3]—Пестель усматриваетъ въ томъ, что *правовое* обособленіе отдѣльныхъ автономныхъ областей неминуемо повлечетъ за собой полный внутренній распадъ государства, создавъ вмѣсто одного множество центровъ средоточія политическихъ силъ, «маленькихъ отдѣльныхъ государствъ»[4]. «Особые законы, особый образъ правленія и особыя *оттого происходящія понятія и образъ мыслей* еще болѣе ослабятъ связь между разными областями»[5]—говоритъ Пестель. Поэтому онъ смѣло объявляетъ, что «*частное* благо области» должно быть принесено въ жертву «общему благу *всего* государства»[6], совершенно такъ, какъ благо индивидуальное—благу того же государства, ибо «благоденствіе общественное должно считаться важнѣе благоденствія частнаго»[7]. При семъ, отвергая совершенно автономическій принципъ, Пестель продолжаетъ стоять на своей нравственно-политической точкѣ зрѣнія. Централизація политическая и юридическая для него является только средствомъ централизаціи внутренней или, лучше сказать, психологической: единое государство въ сознаніи «гражданъ» должно создать, по мнѣнію автора, понятіе единаго «отечества», сплотивъ, такимъ путемъ, всѣхъ въ общемъ чувствѣ государственнаго *патріотизма*. Напротивъ, разсуждаетъ Пестель, «любовь къ одной *своей* области», при федераціи, необходимо убьетъ любовь къ «цѣлому», т.-е. государству, какъ таковому. Конечный выводъ напрашивается самъ собой: такъ какъ служить одновременно двумъ господамъ нельзя, а

---

[1]) *Ibid., стр. 22—23.*

[2]) *Ibid., стр. 23.*

[3]) *Ibid., стр. 21—22*: „Верховная власть, по существу дѣла, въ федеративномъ государствѣ не законы даетъ, но только совѣты: ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе, какъ посредствомъ областныхъ властей, не имѣя особенныхъ другихъ принудительныхъ средствъ". Ср. *М. Ковалевскій. Русская Правда Пестеля, стр. 10—14.*

[4]) *Русская Правда, стр. 22*, § 4.

[5]) *Ibid., стр. 22.*

[6]) *Ibidem.*

[7]) *Ibid., стр. 5.*

государство Пестеля стремится завладѣть личностью гражданина вполнѣ и безусловно, то автору «Наказа» и не остается ничего иного, какъ «объявить Россійское государство... *единымъ* и *нераздѣльнымъ*»[1] (курсивъ П.).

Подходя съ этой точки зрѣнія къ вопросу о способахъ образованія и «предѣлахъ» единой территоріи Россійскаго государства, Пестель намѣчаетъ два руководящихъ начала въ указанномъ направленіи: «правило народности» и «правило благоудобства»[2]. Въ силу перваго изъ нихъ народы, пользовавшіеся когда либо «самостоятельной политической независимостью», должны быть отдѣлены отъ Россіи и возстановлены въ своихъ первоначальныхъ правахъ, какъ напр., Польша[3]; въ силу второго—«народы» и «племена», которые «никогда не пользовались и никогда пользоваться не могутъ самостоятельною независимостью», должны «соединиться *духомъ и обществомъ* съ большими государствами» и слить «свою народность съ народностью господствующаго народа»[4], забывъ разъ навсегда «свою прежнюю безсильную народность» и переставъ «безполезно мечтать о дѣлѣ невозможномъ и несбыточномъ»[5], т.-е. о своей автономіи. Къ этой категоріи народностей Пестель относитъ, напр., Финляндію, которая, согласно его проекту, должна утратить свою обособленность и всецѣло войти въ государственный составъ Россіи[6].

---

[1]) *Ibid., стр. 23, 36.*

[2]) *Ibid., стр. 13—14, 15 и 18.*

[3]) *Ibid., стр. 16 и 18.* „По *правилу* народности должна Россія даровать Польшѣ независимое существованіе“, говоритъ Пестель. М. М. Ковалевскій, поэтому, не точно передаетъ мысль Пестеля, говоря, что послѣдній, высказываясь за „централизованное государство“, „дѣлаетъ исключеніе“ для Польши. Никакого „исключенія“, въ дѣйствительности, Пестель не дѣлаетъ; напротивъ, Польша отдѣляется отъ Россіи, по его проекту, на томъ же основаніи, почему всѣ другія земли и, въ частности, Финляндія подлежатъ полной ассимиляціи со стороны господствующей „величественнѣйшей народности“ русской, т.-е. въ силу того общаго „правила“, которое авторъ „Русской Правды“ устанавливаетъ для любого конкретнаго случая. См. *М. Ковалевскій, op. cit., стр. 14—15.*

[4]) *Русская правда, ст. 14.*

[5]) *Ibid., стр. 14—15.* Объявивъ, что „слабыя“ народности должны быть поглощены сильнѣйшими по праву „благоудобства“, Пестель, несмотря на свой взглядъ, что Россіи „не о распространеніи предѣловъ помышлять“ слѣдуетъ, положительно высказался за завоевательную политику. Онъ настаивалъ на томъ, что къ Россіи „необходимо надобно присоединить“ Молдавію, Кавказъ, Киргизовъ и, наконецъ, Монголію, которая, по его словамъ, находится „подъ мнимымъ владычествомъ Китая “и съ успѣхомъ можетъ быть инкорпорирована нами, *ibid., стр. 16—18.* Захваты эти нужны Пестелю „для твердаго установленія государственной безопасности“ извнѣ, *ibid., стр. 16. Ср. Митрофановъ, op. cit., стр. 103.*

[6]) *Ibid., стр. 15* и *41.* Пестель опасается, что при сохраненіи автономіи „областное правительство будетъ *разсуждать*, что оно гораздо лучше устроило

Но, отрицая столь категорически право автономіи, Пестель, однако, не ограничился однимъ утвержденіемъ общаго принципа. Связавъ заранѣе вопросъ о политической централизаціи съ вопросомъ о правахъ «народностей», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ высказался и весьма рѣшительно въ пользу *господствующей* народности, т.-е. великороссійской [1]). На пути къ осуществленію поставленной задачи Пестель не останавливается ни передъ чѣмъ: его девизъ—одинъ народъ, одна вѣра, одинъ языкъ [2]), т.-е. единство народнаго «духа»! Политика «обрусѣнія», поэтому, является направляющимъ принципомъ національной политики автора «Наказа». Такъ, говоря о Финляндіи, Литовскомъ краѣ, Бессарабіи, иностранцахъ-колонистовъ и прочихъ инородцахъ, онъ заявляетъ, что «всѣ средства *должны быть приняты*, дабы дать возможность» перечисленнымъ областямъ «совершенно обрусѣть и сдѣлаться однородными частями одного и того же цѣлаго, т.-е. государства Россійскаго» [3]). Тѣ же мѣры рекомендуются имъ и по отношенію къ кочующимъ народамъ и татарскимъ племенамъ, къ которымъ Пестель предполагаетъ высылать миссіонеровъ съ тѣмъ, чтобы «ихъ склонять къ воспринятію св. крещенія [4]).

бы государственныя дѣла въ отношеніи къ *своей области* безъ участія Верховной власти" и тогда явится „новое сѣмя къ разрушенію" государственнаго единства. Въ республикѣ же Пестеля, какъ увидимъ ниже, „разсуждать" не полагается, *ibid., стр. 22.*

[1]) „Всѣ племена должны быть слиты въ одинъ народъ", такъ гласитъ заголовокъ § 16 гл. II-ой „Русской правды". Верховное правленіе, по словамъ Пестеля, должно поэтому „непремѣнную цѣль имѣть въ виду, чтобы составить изъ нихъ (племенъ) всѣхъ только *одинъ* народъ и всѣ различныя оттѣнки въ одну общую массу слить такъ, чтобы обитатели цѣлаго пространства россійскаго государства *всѣ были русскіе*". Поэтому необходимо, чтобы „господствовалъ одинъ только языкъ россійскій", чтобы самыя имена племенъ были уничтожены и всѣ назывались бы одинаково „русскими", *ibid., стр. 55, 41—42, 44.*

[2]) *Ibid., стр. 39.*

[3]) *Ibid., стр., 43, § 7, стр., 44, 56, 58.*

[4]) *Ibid., стр., 45.* Духовенство вообще играетъ видную роль въ этомъ обрусительномъ процессѣ и авторъ не разъ напоминаетъ читателю, что необходимо „особенное же приложить стараніе правильнаго дѣйствія духовнаго чина" (*ibid., стр. 42, 45, 46*), такъ какъ „усиленіе вѣры въ истинно христіанскомъ духѣ наиболѣе можетъ способствовать къ смягченію суровыхъ нравовъ и введенію просвѣщенія и образованности", *ibid., стр. 50.* Для цыганъ Пестель прямо ставитъ альтернативу: „или, оставить Россію, или, принявъ вѣру православную, распредѣлиться по волостямъ", *ibid., стр. 46.* Такимъ образомъ націоналистическія симпатіи автора, стоящаго на точкѣ зрѣнія государственнаго „самодержавія", проникнуты ярко исповѣдными тенденціями, при чемъ принципъ „народности" у него соединяется съ принципомъ „православія", *ibid., стр. 39, 50—53* „*Христіанская православная, греко-римская вѣра признана быть должна*—говоритъ Пестель—*господствующею вѣрою великаго государства Россійскаго*", *ibid., стр. 239.*

Но особенно непримиримо относится нашъ диктаторъ къ кавказскимъ народамъ и евреямъ. Кавказъ, можно сказать, онъ обрекаетъ полному разгрому [1]), евреевъ же готовъ былъ бы выселить изъ Россіи «въ какую либо часть Малой Азіи», предоставивъ имъ право «учрежденія особеннаго отдѣльнаго государства [2]). Всѣми этими мѣропріятіями Пестель надѣется сплотить русское государство и обезпечить ему истинное «благоденствіе».

Отвергнувъ послѣдовательно политическую автономію и права подчиненныхъ «народностей» внутри централизованнаго такимъ путемъ «россійскаго государства», Пестель естественно допускалъ лишь одну единственную систему государственнаго дѣленія, систему чисто механическаго, единообразнаго раздѣленія политической территоріи на

---

[1]) *Ibid.*, *стр. 47—48*. Авторъ требуетъ, 1) полнаго покоренія „всѣхъ народовъ“ Кавказа 2) насильственнаго переселенія („силою переселить“) „буйныхъ“ племенъ „во внутренность Россіи“ и 3) выселенія на Кавказъ „русскихъ переселенцевъ“. Этими мѣропріятіями Пестель надѣется „изгладить на Кавказѣ даже всѣ признаки прежнихъ ея обитателей и обратить сей край въ спокойную и благоустроенную область русскую“, *ibid.*, *стр. 48*. Насильственное разселеніе авторъ рекомендуетъ и въ другихъ случаяхъ, напр., для иностранныхъ колонистовъ, запрещая дальнѣйшее образованіе подобныхъ колоній и предписывая „вводить ихъ въ составъ русскихъ волостей, уже существующихъ, дабы они удобнѣе и скорѣе могли обрусѣть“, *ibid.*, *стр. 44*, *45*. Такимъ образомъ Пестелю племена, народы, наконецъ, вся вообще масса „гражданъ“ представляется какъ бы въ видѣ колоды картъ, которыя онъ перетасовываетъ и раскладываетъ по своему собственному „благомнѣнію“, „яко самовластный государь“, въ полной увѣренности, что всѣ эти мѣропріятія оправдываются „всенародною пользою“.

[2]) Пестель раздѣлялъ общую многимъ декабристамъ непріязнь къ евреямъ. Возможно, что на его отношенія къ еврейству вліяли и нѣкоторыя западныя теченія (см. *В. Семевскій, op. cit, стр. 170—171*), однако, нельзя сомнѣваться, что, формулируя свои взгляды по еврейскому вопросу, Пестель главнымъ образомъ исходилъ все изъ тѣхъ же основныхъ предпосылокъ своей политической доктрины, Онъ прежде всего, говоря о евреяхъ, отмѣчаетъ самую „опасную“ черту ихъ характера: крайнюю обособленность, отчужденность еврейства отъ христіанскаго общества. Автору „Наказа“ особенно не нравится то, что евреи „неимовѣрно тѣсную связь между собою сохраняютъ, никогда другъ друга не выдаютъ ни въ какихъ случаяхъ“ и выше всего цѣнятъ интересы своего „общества“, своей національности. Благодаря всему этому, по словамъ Пестеля, евреи „составляютъ *въ государствѣ*, такъ сказать, *государство*“. Своей сплоченностью и религіозной исключительностью они рѣзко выдѣляются „противу христіанъ“, рѣшительно сопротивляясь процессу ассимиляціи. „Вышеозначенное зло“, резюмируетъ авторъ, должно быть „прекращено“ и замѣнено „такимъ, порядкомъ.. который бы *соотвѣтствовалъ въ полной мѣрѣ общимъ кореннымъ* правиламъ, имѣющимъ служить основаніемъ политическому зданію Россійскаго государства“. Правительство въ правѣ этого требовать, пока евреи остаются въ предѣлахъ россійскаго государства, т. е. пока „Россія не выгоняетъ евреевъ“, какъ выражается Пестель, *ibid.*, *гл. II § 14*.

искусственные правительственные округа напередъ установленнаго размѣра—губерніи, уѣзды, и волости. Но такъ какъ унитарное государство Пестеля должно было непремѣнно состоять «изъ частей... въ политическомъ смыслѣ однородныхъ и однообразныхъ»[1]), то въ основу своего дѣленія онъ и положилъ простой ариѳметическій разсчетъ[2]). Диктаторское правительство «Русской Правды» уполномачивалось, поэтому, согласно «наказному» проекту, не стѣсняясь ни бытовыми, ни хозяйственными условіями страны, ни интересами отдѣльныхъ лицъ, расписать все государство по намѣченнымъ округамъ, предпринимая, «гдѣ нужно или удобно переноску или перестройку обывательскихъ домовъ и симъ способомъ соединяя нѣсколько селеній въ одно селеніе»[3]) и т. д Вмѣстѣ съ тѣмъ, попутно, авторъ высказывается и противъ крупныхъ волостей, такъ какъ онѣ, по его мнѣнію, могутъ способствовать образованію большихъ городовъ, «а большіе города—говоритъ онъ—чрезвычайно вредны, особенно для нравственности, которая признана быть должна первымъ богатствомъ каждаго народа»[4]). Такимъ образомъ и въ настоящемъ случаѣ Пестель не забываетъ *воспитательной стороны дѣла*! Его «регулярное» государство, превращавшее каждаго обывателя въ простую принадлежность колоссальной правительственной машины, призванной вырабатывать всеобщее «благоденствіе», должно было въ тѣхъ же цѣляхъ представлять изъ себя своеобразную систему государственныхъ «поселеній», въ которой какъ бы причудливо отразилась несчастная идея «военныхъ поселеній» печальной памяти Аракчеева. Государство-фаланстеръ Пестеля, дѣйствительно, какъ увидимъ и далѣе, благодаря указаннымъ обстоятельствамъ принимало всѣ характерныя

---

[1]) *Ibid., стр. 36* § *2*.

[2]) *Ibid., стр. 24*. Каждая волость состоитъ изъ „1000 обывателей мужского пола“,

[3]) *Ibid., стр. 24—25*. „Таковые переносы деревень часто нынѣ дѣлаются и потому не встрѣтитъ мѣропріятіе сіе большихъ затрудненій“, говоритъ авторъ.

[4]) *Ibid., стр. 24*. Города у Пестеля отличаются отъ прочихъ селеній только тѣмъ, что они являются „мѣстопребываніемъ уѣзднаго начальства“! Сынъ крѣпостной земледѣльческой Россіи, физіократъ Пестель вообще несочувственно относится къ „капиталу“ и городской культурѣ. Его симпатіи всецѣло на сторонѣ „земледѣлія“, главное же „богатство“ онъ видитъ въ „нравственности“ и простотѣ жизни, *ibid., стр. 117—118, 45, 50, 73, 74, 78, 91, 206*. Богатство и „деньги“, говоритъ авторъ, „производятъ не минуемую порчу въ нравахъ“ *ibid. стр. 59*. „Поврежденіе нравовъ“, какъ причина и симптомъ разложенія государства, это—одна изъ любимыхъ тѣмъ публицистовъ XVIII ст. Во избѣжаніе подобнаго рода „поврежденія“ Пестель готовъ былъ „обратить въ первобытно земледѣльческое состояніе“ всѣхъ россійскихъ гражданъ и самое это состояніе сдѣлать „общимъ“. Поэтому и въ основу гражданскихъ правъ онъ кладетъ земельную собственность или земельный надѣлъ изъ общественнаго земельнаго фонда, *loc. cit*.

черты и особенности «принудительнаго заведенія для счастія народовъ», т.-е. настоящаго полицейскаго государства. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшительный противникъ политической автономіи, Пестель съ тѣмъ же недовѣріемъ относится и къ органамъ мѣстнаго окружнаго самоуправленія. На послѣдніе онъ смотритъ исключительно какъ на органы «правительственнаго» характера, отвѣтственные передъ центральной властью и какъ бы обязанные передъ ней круговой порукой за точное исполненіе предписаній «верховнаго правленія». Центральное правительство, говоритъ Пестель, «будетъ знать только волость и волостное правленіе, отъ сего послѣдняго требовать *частнаго исполненія* всѣхъ правительственныхъ дѣйствій и распоряженій и съ него *взыскивать за всякія упущенія*, въ личный же разборъ входить только тогда, когда волостное правленіе содѣйствія просить будетъ» [1]). Такимъ образомъ, въ глазахъ Пестеля, органы мѣстнаго самоуправленія являются только орудіемъ верховной власти, подчиненными органами «чиноначальства», какъ выражается онъ, призванными точно исполнять волю дирижирующаго центра [2]). Въ этомъ своемъ качествѣ намѣстныя собранія «Русской правды» уподобляются тѣмъ «малымъ протокамъ, сирѣчь правительствамъ, черезъ которые—по выраженію Екатерининскаго «Наказа»—изливается власть государственная» [3]). Съ точки зрѣнія идеала Пестеля такой взглядъ былъ вполнѣ послѣдователенъ. Авторъ «Русской Правды» не могъ признать за мѣстнымъ обществомъ права самостоятельнаго сужденія объ областныхъ нуждахъ; на долю этого общества оставалось, въ дѣйствительности, только одно исполненіе безъ «разсужденія», такъ какъ никто лучше верховнаго правительства не могъ знать, въ чемъ заключается секретъ «удобнѣйшаго доставленія общественнаго блага всему народу» [4]). Провинціальная система Пестеля привлекала его самого, именно, тѣми своими сторонами, что такимъ путемъ устранялись всякія *посредствующія* силы между центральной властью и народомъ,

---

[1]) *Ibid.*, *стр. 211.* На земское самоуправленіе авторъ смотритъ, такимъ образомъ, какъ на „повинность“, а не какъ на право или „вольность“.

[2]) „Совокупность всѣхъ сихъ особенныхъ или частныхъ властей составляетъ *государственное правленіе*, которое даже названо быть можетъ *чиноначальствомъ*... Почему и раздѣляется всякое начальство на *верховную власть и на государственное правленіе или чиноначальство*“ (курсивъ П.). Эти „необходимыя власти“—говоритъ далѣе авторъ—„должны... *совершенно зависѣть* отъ верховной и дѣйствовать *по направленію*, отъ нея исходящему“, *ibid.*, *стр. 7.* Установленіе частныхъ властей, съ раздѣленіемъ государства на „области“ должно, по плану Пестеля, замѣнить прежнее дѣленіе народа на сословія и ввести стройную систему „государственнаго чиноначальства“, основанную на іерархической „постепенности“, *ibid.*, *стр. 57—58, 197—199, 234.*

[3]) *Наказъ Е. И. В.*, *ст. 20.*

[4]) *Русская Правда*, *стр. 59—60.*

какъ напр., сословія или какіе-либо иные автономные союзы и корпораціи[1]). Между «народомъ» и «государствомъ» не должно быть никакихъ «средостѣній»—такова основная мысль абсолютиста Пестеля. Набросавъ, поэтому, общую схему областного дѣленія страны, авторъ «Наказа» заключаетъ свои выкладки весьма характернымъ замѣчаніемъ: «сему раздѣленію отвѣтствуетъ образованіе правленія и установленіе *степеней чиноначальства. Въ верху надъ всѣми оными находится верховная власть, а внизу подъ оными весь народъ*. Верховная власть *управляетъ цѣлымъ пространствомъ* государства, а *народъ* весьма естественнымъ образомъ *распредѣляется по волостямъ*, т.-е. по различнымъ единицамъ государственнаго пространства»[2]). Областное дѣленіе Пестеля, такимъ образомъ, предназначено для равномѣрнаго распредѣленія по математически равнымъ «единицамъ государственнаго пространства» единой для всѣхъ верховной воли центральнаго правительства[3]). Органы мѣстнаго *самоуправленія* трактуются Пестелемъ просто какъ *исполнительные правительственные органы*[4]). Противникъ не только *общественной* но и всякой вообще *самодѣятельности*[5]).

---

[1]) Задача Пестеля заключалась въ томъ, чтобы очистить, такъ сказать, „политико-отвлеченное пространство, отдѣляющее массу народную отъ верховной власти“ отъ какихъ либо промежуточныхъ элементовъ съ самостоятельною сферою правъ, *Ibid., стр. 3 § 2 (стр. 197, § 5.)*

[2]) *Ibid. стр. 199*. Эти „единицы государственнаго пространства“, поскольку они являются правительственными силами, авторъ называетъ „политическими семействами“, *ibid., стр. 191, 210*.

[3]) *Ibid., стр. 193, § 2*, По существу къ этому и сводится у нашего автора весь вопросъ „объ образѣ и порядкѣ, коимъ народъ имѣетъ участвовать въ общественныхъ *или* правительственныхъ дѣлахъ“ *ibid.*, § *14—18*.

[4]) *Ibid., стр. 237—238* „Вышнее и областное начальство, состоя изъ чиновниковъ, отъ правительства назначенныхъ,—говоритъ авторъ—будетъ требовать точнаго исполненія“ своихъ приказаній отъ земскихъ органовъ низшихъ степеней, „которыя будутъ состоять изъ *чиновниковъ*, отъ самихъ обывателей выбранныхъ“. Въ случаѣ не исполненія этихъ приказовъ правительство можетъ „посредствомъ внутренней стражи къ оному принудить“ любого „чиновника“, *ibid., стр. 118*.

[5]) Тамъ гдѣ индивидуальное самоопредѣленіе можетъ обнаружить себя въ качествѣ явнаго конкурента авторитету власти государства или связать послѣднюю своей безусловной волей, Пестель напередъ пресѣкаетъ всякую возможность подобнаго явленія. По этимъ соображеніямъ онъ высказывается, напр., противъ института адвокатуры, такъ какъ, по его словамъ, «краснорѣчіе адвоката великое можетъ имѣть вліяніе» на судъ. Впрочемъ авторъ идетъ еще дальше, и «чтобы зло пресѣчь» категорически высказывается за письменное судопроизводство и противъ состязанія сторонъ: «не дозволять говорить въ судѣ рѣчей,—декретируетъ онъ совершенно въ духѣ Петра В.—но опредѣлить производству дѣлъ быть письменнымъ, а не словеснымъ», *ibid., стр. 102 и 104*. Онъ высказывается также и противъ *толкованія* закона. Не можетъ наконецъ авторъ

Пестель естественно вездѣ и всегда говоритъ объ «устройствѣ и образованіи *государственнаго* правленія»[1]), при чемъ въ земскихъ выборныхъ властяхъ онъ видитъ только «чиновниковъ»[2]), которые, по его выраженію, «назначаются» земскими «народными собраніями»[3]), а въ «намѣстныхъ собраніяхъ»—органы «чиноначальства», непосредственно связующіе «народъ» съ «верховнымъ правленіемъ» въ порядкѣ іерархической «постепенности»[4]) или подчиненности.

Такимъ вырисовывается намъ въ основныхъ своихъ очертаніяхъ огромное зданіе идеальнаго государства Пестеля. Посмотримъ теперь, какіе порядки господствуютъ въ этомъ своеобразномъ «заведеніи», предназначенномъ воспитывать счастливыхъ гражданъ счастливой россійской республики.

примириться и съ «послѣднею волею» умирающаго, а «посему и постановляется,—читаемъ мы на 226 стр.—что законы никакого не должны завѣщанія допускать». Мѣру эту Пестель мотивируетъ тѣмъ, что «поелику право собственности основано быть должно на полномъ обладаніи, мертвый же ничѣмъ не обладаетъ, то и не свойственно ему продолжать имѣть вліяніе на имущество живыхъ», *ibid.*, *стр. 226—227*.

[1]) *Ibid.*, *стр. 12, 193*.

[2]) Намѣстныя собранія, говоритъ авторъ, замѣщаютъ „вакантныя мѣста въ волостныхъ и уѣздныхъ правленіяхъ выборомъ *новыхъ чиновниковъ*“, *ibid.*, *стр. 216*.

[3]) *Ibid.*, *стр. 215*. Терминологія эта въ высшей степени характерна для нашего автора и его политической доктрины. Земскіе „чиновники“ Пестеля, „назначенные прямо и непосредственно отъ земскихъ собраній“, т.-е. *избранные* ими, дѣйствительно, представляютъ изъ себя своеобразную „бюрократію“, отвѣтственную передъ центральнымъ правительствомъ, дѣйствующую въ его интересахъ и подчиненную ему. Эти „чиновники“—агенты „верховнаго правленія“, у котораго они „въ службѣ находятся“, а вовсе не представители мѣстнаго общества и его интересовъ. *Ср. Митрофановъ, op. cit., стр. 222 и сл.*

[4]) „Истинную постепенность образуетъ въ государствѣ чиноначальство состоящее изъ тѣхъ чиновниковъ, которые въ службѣ находятся, разныя должности исполняютъ и разными званіями другъ отъ друга отличаются“, *ibid.*, *стр. 198*, ср. также *стр. 7, 9, 57—58, 89, 90, 265*. Кругъ дѣятельности этихъ лицъ опредѣленъ точно напередъ и разъ навсегда „кореннымъ правилами“, которыя все вообще опредѣляютъ въ просвѣщенной и мудрой республикѣ Пестеля: „законы опредѣляютъ—говоритъ онъ—кругъ дѣйствія каждаго чиноначальства или правительственнаго мѣста, а *граждане обязаны* всѣ безъ всякаго изъятія каждому чиноначальству въ кругѣ его дѣйствія одинаковымъ образомъ въ *полной мѣрѣ повиноваться и оное съ должнымъ почтеніемъ уважать*“ *ibid.*, *стр. 234*. Послѣднее замѣчаніе особенно характерно для идеологіи „просвѣщеннаго деспотизма“, который всегда имѣлъ претензію управлять самыми душами „гражданъ“, предписывая имъ всегда имѣть при себѣ, въ указанныхъ случаяхъ, „уваженіе“, „почтеніе“, „любовь“ и проч. высокія чувства.

II.

Установивъ «непреложный законъ гражданскаго общества, что каждое государство состоитъ изъ народа и правительства» и что «слѣдовательно народъ не есть правительство»[1]), Пестель въ дальнѣйшемъ бранируетъ всемогущество своего централизованнаго государства на типичномъ либеральномъ принципѣ «всеобщаго равенства». Передъ лицомъ его государства, дѣйствительно, всѣ должны быть *равны*. Авторъ, какъ мы видѣли, положительно не допускаетъ никакихъ различій въ правахъ по народностямъ, сословіямъ, состоянію, областямъ или какимъ-либо инымъ «степенямъ». Требованіе же одинаковаго *подчиненія* всѣхъ и каждаго абсолютному авторитету «верховнаго правленія», логически приводило къ признанію уравнительнаго принципа, полной нивелировкѣ общества въ политическомъ отношеніи. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ еще разъ подчеркнуть вѣрность нашего автора раціоналистической доктринѣ просвѣтительнаго вѣка, въ которой абсолютистскія тенденціи тѣсно, органически связаны съ идеей равенства. Въ самомъ дѣлѣ, на эту доктрину въ то время одинаково опирались и идеологи просвѣщенной монархіи и якобинцы, равно исповѣдывавшіе теорію неограниченнаго, недѣлимаго и неотчуждаемаго суверенитета государственной власти, безразлично принадлежитъ ли она одному лицу или всему народу[1]). Для мыслителей XVIII ст., по справедливому замѣчанію Л. Дюги, государство являлось въ образѣ Левіаѳана Гоббса: «Оно все поглощаетъ; оно все уравниваетъ; оно всѣмъ распоряжается; «оно не терпитъ рядомъ съ собой никакой независимой жизни» и подъ предлогомъ равенства, оно желаетъ, чтобы подъ нимъ была лишь пыль безсильныхъ и безоружныхъ индивидовъ»[2]).

---

[1]) „Это—та доктрина, которая нѣмецкимъ легистамъ служитъ для того, чтобы обосновать всемогущество императора, якобинцамъ, чтобы оправдать всемогущество Конвента, и коллективистамъ, чтобы требовать отъ всемогущаго государства конфискаціи орудій производства“, *Л. Дюги. Соціальное право, индивидуальное право и преобразованіе государства (М. 1909 г.), стр. 45. Ср. Рейснеръ. Государство и вторгающая личность, стр. 311—312.*

[2]) *Л. Дюги, op. cit., стр. 46.* Въ этомъ сказывалась характерная черта *всякаго абсолютнаго* государства; въ одномъ случаѣ только неограниченныя полномочія верховнаго властвованія переносились на короля, въ другомъ—на „олицетворенную націю“. „Революція—говоритъ тотъ же авторъ,—взяла понятіе государственной власти въ томъ видѣ, въ какомъ заимствовали его изъ римскаго права и реставрировали въ пользу короля легисты старой Франціи, при чемъ революція приняла эту государственную власть со всѣми ея характерными признаками“, *ibid, стр. 13.*

Именно, на такой точкѣ зрѣнія и стоитъ Пестель, когда онъ проповѣдуетъ начала «равенства».

Исходнымъ пунктомъ для Пестеля принципіально является его естественно-правовая точка зрѣнія. По его мнѣнію, «всѣ люди» получили «отъ природы равныя права», а такъ какъ «въ гражданское общество» они соединились «для одной и той же цѣли», то отсюда слѣдуетъ, что всѣ они имѣютъ «одинаковое право на всѣ выгоды» [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ и «равное право на исполненіе закона» [2]). Но равенство правъ и «выгодъ», въ свою очередь, предполагаетъ «равныя обязанности нести всѣ тягости, нераздѣльныя съ государственнымъ устроеніемъ» [3]), т.-е. одинаковое подчиненіе всѣхъ волѣ «верховнаго правленія», ибо только при «равновѣсіи взаимныхъ обязанностей и взаимныхъ правъ» возможно существованіе и самаго государства [4]). Такимъ путемъ Пестель приходитъ къ установленію одного изъ основныхъ своихъ положеній, что «всѣ граждане въ государствѣ должны имѣть одни и тѣ же права и *быть передъ закономъ всѣ равны*» [5]). Утвердившись на этой позиціи легальнаго «равенства», авторъ «Русской Правды» рѣшительно отвергаетъ, конечно, какъ сословный принципъ, такъ и какія бы то ни было классовыя привилегіи [6]). «Всѣ люди въ государствѣ—говоритъ онъ—должны составлять только одно сословіе, могущее называться гражданскимъ» [7]), напротивъ, всякія правовыя преимущества, опирающіяся на право рожденія или богатство, не могутъ быть терпимы и должны быть окончательно уничтожены. Поэтому Пестель не разъ категорически высказывается какъ противъ господства «феодальной аристократіи» [8]), т.-е. привилегированнаго дворянства и крѣпостного права [9]), такъ, особенно, и противъ «гораздо вреднѣйшей аристократіи богатствъ», которая, по его словамъ, «начинаетъ возникать» на развалинахъ «системы

---

[1]) *Русская Правда, стр. 6, 60, 166* „Люди всѣ рождены во благо, ибо они суть всѣ творенія Всевышняго", говоритъ Пестель въ другомъ мѣстѣ, *ibid., стр. 69.*

[2]) *Ibid., стр. 6.*

[3]) *Ibid., стр. 60.* Ср. *Радищевъ. Путешествіе, стр. 81—82, 136—138.*

[4]) *Ibid., стр. 3, 65.*

[5]) *Ibid., стр. 60.* „Изъ сего явствуетъ—читаемъ на той же страницѣ—что всѣ люди въ государствѣ должны непремѣнно быть передъ закономъ совершенно равны и что всякое постановленіе, нарушающее сіе *равенство всѣхъ передъ закономъ*, есть нестерпимое зловластіе", *Ср. тамъ же стр. 70, 166.*

[6]) *Ibid., стр. 71—75, 195—196.*

[7]) *Ibid., стр. 60, 74—75, 195, 199.*

[8]) *Ibid., стр. 57, 59, 78, 194, 197, 212 и сл.* Авторъ вездѣ отожествляетъ понятіе „дворянства", какъ сословія, съ „феодализмомъ".

[9]) *Ibid., стр. 66, 84, 88—90.*

феодальной»[1]). Только «люди, зловластіе любящіе», говоритъ онъ, могутъ поддерживать подобный порядокъ вещей, «съ истиной не согласный»[2]). Авторъ съ большимъ жаромъ въ виду сего громитъ современный ему сословный строй Россіи, который онъ считаетъ особенно вреднымъ въ интересахъ государственныхъ. Онъ не забываетъ и на этотъ разъ повторить главный свой аргументъ, такъ настойчиво выдвигавшійся имъ, какъ мы видѣли выше, противъ правъ народностей и принципа автономіи. «Отличительная черта всякаго сословія», говоритъ Пестель, состоитъ въ томъ, «что оно имѣетъ цѣлью своего существованія *собственное благо своихъ членовъ* отдѣльно и независимо отъ массы народа»[3]). При такихъ условіяхъ сословія превращаются какъ бы въ государства въ государствѣ, раздробляя послѣднее «на нѣсколько *отдѣленій*, имѣющихъ совсѣмъ *различные виды и выгоды, а слѣдовательно и образъ мыслей*», что, очевидно, «противно цѣли государственнаго существованія»[4]), какъ понимается она авторомъ «Правды». Ниспроверженіе сословій во-имя принципа «равенства» должно было, такимъ образомъ,— по мысли Пестеля—послужить идеѣ политической централизаціи, распыляя наряду съ другими и этотъ видъ общественнаго соединенія построеннаго на началахъ «собственнаго блага» гражданъ. Единственное «сословіе», которое согласенъ признать авторъ «Наказа», это—какъ мы видѣли—государственное «сословіе гражданъ» или «сословіе гражданское», представляющее изъ себя механическое соединеніе массы индивидовъ, какъ бы «прикованныхъ», по удачному выраженію Пестеля, къ «цѣлому составу государства»[5]). Эти вѣчно-обязанные государственной барщиной на «общее благо» крѣпостные-граждане, лишенные всѣхъ правъ на «собственное благо», являются лучшимъ воплощеніемъ идеи

---

[1]) *Ibid., стр. 59.* „Отличительная черта нынѣшняго столѣтія (говоритъ Пестель) ознаменовывается явною борьбою между народомъ и феодальной аристократіей, во время коей начинаетъ возникать аристократія богатства, гораздо вреднѣйшая аристократіи феодальной". *Ср. также, стр. 59, 60, 65, 70, 72, 79, 199.* См. *Павловъ—Сильванскій. Декабристъ Пестель, стр. 29.*

[2]) *Русская Правда, стр. 57, 61, 70, 197.*

[3]) *Ibid., стр. 61.*

[4]) *Ibid., стр. 60.* Призракъ сепаратизма племенного, областного, сословнаго или классоваго положительно преслѣдуетъ автора „Наказа". Любопытно отмѣтить, что тѣ же самыя соображенія, которыя онъ высказываетъ по поводу сословій, повторяются имъ и въ главѣ о военныхъ поселеніяхъ. Пестель находитъ, что военныя поселенія „пагубны" для „государства", именно, тѣмъ, что образуютъ „въ ономъ другое, *совсѣмъ особое государство*, которое имѣетъ совсѣмъ *отдѣльныя и различныя выгоды*" сравнительно „съ остальными частями" страны., *ibid., стр. 77.*

[5]) *Ibid., стр. 210, 60.*

«равенства», какъ понималъ ее Пестель [1]). Здѣсь мы и должны подчеркнуть самую характерную сторону доктрины Пестеля, которая сказывалась въ томъ, что идея равенства понималась имъ исключительно съ формальной стороны, именно какъ *равенство передъ закономъ*, т.-е. съ точки зрѣнія либеральной эгалитарной теоріи XVIII ст. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль «всеобщаго благоденствія» въ полицейской республикѣ Пестеля достигается единственно съ помощью политической централизаціи, утвержденной на принципѣ «равенства всѣхъ передъ закономъ». Пестель положительно думаетъ, что достаточно провозгласить *юридическое* равенство всѣхъ, чтобы великая задача «водворенія» народнаго блаженства была разрѣшена [2]). Проблема *общественнаго неравенства* его почти вовсе не интересуетъ, такъ какъ ему остаются совершенно не ясны политическія и соціальныя послѣдствія *экономическаго* неравенства въ жизни народа [3]). Въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній авторъ «Наказа» готовъ, поэтому, успокоиться на классическомъ принципѣ либеральной политической экономіи: laissez faire, laissez passer [4]). Вполнѣ понятно, при такихъ условіяхъ, что будучи

---

[1]) Въ высшей степени знаменательно, что, говоря настойчиво и много о „равенствѣ", Пестель почти нигда не говоритъ о политической *свободѣ*. Съ точки зрѣнія политическихъ правъ „граждане" представляются ему всегда какъ „новинующіеся". Въ этомъ смыслѣ Пестель обычно противопоставляетъ „правительство", какъ силу политическую, „народу", какъ „совокупности людей", частныхъ лицъ, образующихъ „гражданское общество", ibid., *стр. 5, § 7*.

[2]) *Ibid., стр. 60 и 70*.

[3]) Временами авторъ не могъ, конечно, не замѣтить отрицательныхъ сторонъ „богатства" (гл. обр. „денежнаго" хозяйства) и „нищеты" (*ibid., стр. 58, § 3; 208 и др.*), но въ большинствѣ случаевъ, принципіально, онъ выступаетъ съ критикой не „богатства", какъ такового, а „зловластія" богатства, когда послѣднее соединяется съ „политическими правами и преимуществами", что онъ и называетъ „аристократіей" или „сословіемъ богатства", *ibid., стр. 214, 218 и др*.

[4]) *Ibid., стр. 58*. „Каждый человѣкъ долженъ имѣть полную и совершенную свободу заниматься тою отраслью промышленности, отъ которой наиболѣе ожидаетъ для себя выгоды и прибыли, лишь бы честенъ былъ и къ законамъ исполнителенъ. Правительство должно, конечно, способствовать всѣми мѣрами къ усовершенствованію народнаго богатства". —„Извѣстно, что лучшій способъ для доставленія народному богатству возможности процвѣтать, состоитъ въ *свободѣ*... какъ то ясно и неоспоримо доказано политическою экономіею", *ibid., 71—72, 73, 91, 195*. Что касается свободы гражданскаго „договора", то авторъ „Русской Правды" устапавливаетъ на этотъ случай „два главныя правила": „первое состоитъ въ елико возможно сильнѣйшемъ утвержденіи *святости* всякихъ договоровъ, въ отношеніи къ исполненію оныхъ. Второе состоитъ въ дарованіи *полной свободы* къ заключенію всякихъ договоровъ, лишь бы они не были противны общественному благу и порядку и не наносили бы вреда другимъ гражданамъ", *ibid., стр. 228*.

рѣшительнымъ противникомъ «присоединенія къ богатству» какихъ-либо «другихъ политическихъ правъ и преимуществъ за исключеніемъ бѣдныхъ», Пестель *ничего не имѣетъ противъ самаго* «богатства» и «бѣдности» [1]). Онъ вооружается только—и въ этомъ вся суть его доктрины—противъ «сословія богатыхъ» [2]), признавая въ то же время, что «всѣ не могутъ быть богатыми» [3]) и что преимущества его системы заключается, именно, въ томъ, что «богатые не лишаются своихъ правъ, бѣдные пріобрѣтаютъ оныя» [4]). Болѣе того, признавая право собственности «правомъ священнымъ и неприкосновеннымъ» [5]), Пестель прямо заявляетъ, что «богатые всегда будутъ существовать, и это очень хорошо» [6])!.. Всѣ эти и подобныя имъ положенія автора «Наказа» вовсе, однако, не противорѣчатъ его «аграрной» реформѣ, въ которой нѣкоторые изслѣдовали декабризма видятъ «соціалистическія» тенденціи «Русской Правды», «грандіозный планъ частичной соціализаціи земли» [7]). Въ дѣйствительности Пестель стоялъ и въ настоящемъ случаѣ гораздо ближе къ своему «вѣку»—собственно къ XVIII ст.—чѣмъ то полагаютъ обыкновенно, когда усиленно подчеркиваютъ мысль, что въ данномъ случаѣ «онъ опередилъ полусотнею лѣтъ всѣхъ своихъ современниковъ» [8]). При этомъ основательно забываютъ, что Пестель вовсе не

---

1) *Ibid., стр. 214.*

2) *Ibidem. стр. 214 и 217.* Авторъ полагалъ, что въ такомъ случаѣ устанавливается „*насильственная* зависимость отъ богатыхъ". Что же касается вопроса о правовыхъ и политическихъ послѣдствіяхъ *естественной* „зависимости" бѣдныхъ отъ богатыхъ въ условіяхъ „свободнаго" договора и при господствѣ принципа „равенства" передъ закономъ, то этого вопроса авторъ даже и не ставитъ.

3) *Ibid., стр. 214.*

4) *Ibid., стр. 217.*

5) *Ibid., стр. 224 и 227.* Ср. также *стр. 202—210, § 9—12.*

6) *Ibid., стр. 214.* Авторъ даже поощряетъ ростъ частной земельной собственности и ничего не имѣетъ противъ скопленія многихъ участковъ „общественной земли" въ однѣхъ рукахъ, *ibid., стр. 209, 206, 85 и 45.*

7) *Ивановъ—Разумникъ, op. cit., стр. 121, 123,* ср. у него же, *стр. 124.* Какъ извѣстно, всѣ земли авторъ „Наказа" дѣлилъ на двѣ категоріи: 1) „земли частныя" принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ и государству на правѣ собственности и 2) „земли общественныя" или „волостныя" находящіяся въ частномъ „обладаніи„ и образующія земельный фондъ, изъ котораго каждый гражданинъ могъ требовать себѣ надѣла („тягла") для „пропитанія". *Русская Правда, стр. 202—211.*

8) *Op. cit., стр. 121.* Самъ Пестель не видѣлъ, однако, большой новости и чего либо „грандіознаго" въ своемъ проектѣ. Онъ прямо говоритъ въ „Русск. правдѣ", что въ „Россіи, гдѣ понятія народныя весьма къ оному склонны... съ давнихъ временъ уже привыкли къ *народному раздѣленію* земли на двѣ части" *Русская Правда, стр. 215.* Авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду крестьянскую тяглую общину. Другое утвержденіе г. Иванова—Разумника, что Пестель „опередилъ.."

оцѣнилъ значенія экономическаго «фактора» въ общественныхъ отношеніяхъ и роли института частной собственности въ особенности, что такъ прекрасно понялъ однако, напр., уже его ближайшій предшественникъ Г. де Мабли. Къ своему проекту частичнаго обобществленія земли Пестель пришелъ чисто *раціоналистическимъ* путемъ и при томъ какъ *политическій* реформаторъ, исходя изъ основного своего принципа, что «законы политическіе должны утверждать и обезпечивать законы духовные и естественные» [1]). Его аграрныя преобразованія являются собственно говоря, лишь результатомъ, рефлексомъ, сказали бы мы, реформы политической. Авторъ отъ *политическаго* приходитъ къ *соціальному и экономическому*, при чемъ первое относится у него ко второму не какъ *средство* къ *цѣли*, а какъ *причина* къ *слѣдствію*. Такъ какъ всѣ люди «отъ природы» равны въ своихъ «правахъ»,— разсуждаетъ Пестель— а «земля есть собственность всего рода человѣческаго», то каждому въ силу того уже, что онъ—«человѣкъ» [2]), должно быть гарантировано *право* на все «необходимое», и, именно, на землю, такъ какъ «человѣкъ можетъ только на землѣ жить и *только отъ земли* пропитаніе получать» [3]). Итакъ, каждый *имѣетъ право* быть собственникомъ [4]), а потому «охраненіе правъ собственности—по

всѣхъ своихъ современниковъ" также преувеличено и неточно. Стоитъ хотя бы вспомнить Г. Мабли, ближайшаго предшественника Пестеля, соціалистическіе принципы котораго нашли достаточно яркое выраженіе въ его трактатахъ и хорошо были извѣстны у насъ въ Россіи. Съ ними считался уже А. Радищевъ Ср. также *В. Семевскій*, *Op. cit.*, *стр. 182—186.* („Былое", 1900 г., III).

[1]) *Русская правда стр. 204, 210.*

[2]) *Ibid., стр. 204* .

[3]) *Ibid., стр. 203—204.* Нельзя не отмѣтить здѣсь же одной характерной черты всѣхъ этихъ разсужденій, въ которыхъ, несомнѣнно, ярко сказалась *современность* той эпохи: это—провозглашеніе „земли" единственной хозяйственной цѣнностью и признаніе права недвижимой земельной собственности основнымъ правомъ гражданина и человѣка. При этомъ достаточно хотя бы временно человѣку оторваться отъ земли (поступленіемъ въ услуженіе, въ работу и т. п.), чтобы онъ утратилъ свои гражданскія права, *ibid., стр. 202.*

[4]) *Ibid., стр. 203.* Авторъ говоритъ, именно, о *правѣ* на землю, какъ необходимомъ обезпеченіи „насущнаго хлѣба", но не объ *обязательномъ* надѣленіи всѣхъ и каждаго опредѣленной квотой общественной земли. Каждому, согласно „Наказу" предоставлено право требовать себѣ „необходимаго для житія", въ чемъ ему не можетъ быть отказано со стороны волости. „Каждый членъ волостного общества имѣетъ право столько требовать участковъ, сколько пожелаетъ; принужденъ же къ тому никто быть не можетъ", *Ibid., стр. 206, 210.* „Каждый россіянинъ (поясняетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ) будетъ совершенно въ необходимомъ обезпеченъ и увѣренъ, что въ своей волости всегда клочекъ земли найти можетъ, который ему пропитаніе доставитъ... Гдѣ бы онъ ни *странствовалъ, гдѣ бы счастья ни искалъ, но всегда въ виду имѣть будетъ*, что ежели

заявленію автора «Правды»—есть главная цѣль гражданскаго бытія и священная обязанность правительства» [1]). Но при столь тѣсномъ сліяніи правъ «гражданина» съ правами собственника или имущественнаго «обладателя», Пестель невольно вернулся какъ бы къ *цензовому* принципу въ вопросѣ о политическихъ правахъ, какъ ни покажется, быть можетъ, съ перваго взгляда парадоксальной данная мысль. Цензовой принципъ реституируется Пестелемъ, однако, не въ томъ смыслѣ, что онъ основываетъ политическія права на правахъ по имуществу—«аристократія богатства» рѣшительно была отвергнута авторомъ «Наказа»—а въ томъ, что изъ политическихъ правъ онъ выводитъ требованіе имущественнаго ценза, имущественнаго «обладанія» [2]). Понятіе «гражданина», говоря иначе, включаетъ у него въ себя понятіе «собственника». Ясно, какіе выводы должны были слѣдовать изъ этихъ предпосылокъ: кто не состоитъ «гражданиномъ» россійскаго государства, тотъ не можетъ «имѣть въ Россіи какое-бы то ни было недвижимое имущество»—таково, положенія *иностранцевъ* въ республикѣ Пестеля [3]), и, наоборотъ, лицо, хотя бы «временно» утратившее «обладаніе» недвижимостью теряетъ и свое «россійское гражданство»—таково положеніе по «Русской Правдѣ» всѣхъ, находящихся «въ личномъ услуженіи» или нанявшихся ради «удовольствія или выгоды», какъ замѣчаетъ авторъ, «на какую нибудь работу» [4]). Но при такихъ условіяхъ мы въ правѣ заключить, что для Пестеля, какъ и для его современниковъ, быть *гражданиномъ* значило имѣть *недвижимую (земельную) собственность*, и, обратно, *обладаніе «недвижимостью»* предполагало *обладаніе политическими правами*. Что же касается самой цѣли реформы, то, какъ мы это видѣли уже выше, авторъ «Русской правды» вовсе не задавался задачей уничтожить такимъ путемъ *соціальное неравенство* въ обществѣ. Его аграрная реформа, по существу, являлась лишь новымъ утвержденіемъ все того

успѣхи стараніямъ измѣнять, то въ волости своей, въ семъ политическомъ своемъ семействѣ, всегда *пристанище и хлѣбъ насущный* найти можетъ", *ibid.*, *стр. 207.*

[1]) *Ibid.*, *стр. 204.*

[2]) *Ibid.*, *стр. 209—210.* „Вся Россія будетъ слѣдовательно состоять изъ *однихъ обладателей земли* и не будетъ у нея ни одного гражданина, который бы не былъ обладателемъ земли".

[3]) *Ibid.*, *стр. 54—55.*

[4]) *Ibid.*, *стр. 202, 210.* Очевидно, что въ эту группу должены быть отнесены и лица лишенныя „общественнаго" надѣла по волѣ волости. „Такъ какъ общественная земля устанавливается для доставленія каждому необходимаго для житья, то и долженъ каждый заниматься своимъ участкомъ съ усердіемъ и прилежаніемъ, а по сему волостное общество и сохраняетъ власть за гласный и доказанный развратъ (?) лишать права на общественные земскіе участки". *Ibid.*, *стр. 207.*

же принципа *равенства передъ закономъ*. Въ данномъ случаѣ Пестель не шелъ далѣе *признанія* за каждымъ «гражданиномъ» *права* на полученіе отъ государства «необходимаго на пропитаніе»: «надлежитъ только—говоритъ Пестель—дать обезпеченіе и совершенную свободу пріобрѣтенія и сохраненію изобилія» [1]). Такимъ путемъ авторъ и надѣется достигнуть основной своей цѣли привязать крѣпчайшими узами каждаго индивида къ *государству*. Авторъ прямо заявляетъ, что благодаря указаннымъ мѣрамъ «будетъ каждый гражданинъ сильнѣе къ *цѣлому составу государства* приверженъ и такъ сказать прикованъ. Каждый будетъ видѣть, что онъ въ государствѣ находится для своего блага, что *государство о благоденствіи каждаго помышляетъ*... На таковомъ *образѣ мыслей* будетъ основана любовь къ Отечеству, сей источникъ всѣхъ *государственныхъ* добродѣтелей и сія сильнѣйшая подпора существованія и благоденствія царствъ» [2]). Характерно, что и въ настоящемъ случаѣ Пестель все время мыслитъ своихъ «гражданъ» исключительно въ ихъ непосредственномъ отношеніи къ «государству». Внѣ этого отношенія «россійское государство» Русской Правды представляетъ изъ себя совершенно аморфную массу индивидовъ, ничѣмъ *внутренне* между собой не связанныхъ. Это, въ полномъ смыслѣ слова, «человѣческая пыль», по удачному выраженію Дюги. Понятія *общества* для Пестеля какъ бы вовсе не существуетъ.

Въ заключеніе мы и позволимъ себѣ остановиться спеціально на вопросѣ объ отношеніи государства Пестеля къ личности и обществу. Мы уже знаемъ, что Пестель присвоиваетъ «государству» монополію на дѣйствія въ общественномъ интересѣ и что государство для него является не только верховнымъ, суверенным носителемъ идеи всеобщаго «благоденствія», но и единственной силой, призванной и обязанной «водворить» это благоденствіе на землѣ съ помощью «коренныхъ правилъ» все регламентирующаго закона. Авторъ «Наказа», дѣйствительно, видитъ въ «гражданахъ» россійской республики только сырой матеріалъ для стройки своего идеальнаго зданія. Общество [3]), граждане, съ его точки зрѣнія, это—«посторонніе люди» въ дѣлѣ государственнаго домостроительства, люди, къ которымъ авторъ не питаетъ никакой «до-

---

[1]) *Ibid.*, *стр. 204, 206, 209—210.*

[2]) *Ibid.*, *стр. 210.*

[3]) Объ „обществѣ“, собственно говоря, Пестель никогда не говоритъ. Общество у него всецѣло слито съ государствомъ, которое, въ свою очередь, вмѣщено въ „правительствѣ“ или „правленіи“. Поэтому, если Пестель рѣшительно осуждаетъ порядокъ, когда „народъ россійскій“ являлся „собственностью или принадлежностью державныхъ властителей“, то самъ онъ, по существу, превращаетъ этотъ народъ въ „собственность“ *государства*, *ibid.* § 10.

вѣренности» [1]) и которыхъ онъ беретъ, поэтому, разъ навсегда подъ подозрѣніе и самую суровую *опеку* государственной власти. Въ этомъ пунктѣ утопія Пестеля особенно жизненна и потому эта ея сторона имѣетъ особую цѣнность для пониманія политической доктрины «Русской Правды». Здѣсь Пестель подаетъ руку, своему антиподу, кн. М. М. Щербатову, цѣлостно преломляя въ то же время въ своемъ міросозерцаніи и живую россійскую дѣйствительность эпохи торжествующаго режима «полицейскаго государства» и философскія и политическія мечтанія «просвѣтительнаго» вѣка съ его вѣрой въ *революціонное чудо* и всемогущество *государственнаго абсолютизма*.

Не допуская никакой конкуренціи съ государственной властью на поприщѣ насажденія «самаго большаго ото всѣхъ добра», Пестель необычайно ревниво относится къ ея прерогативамъ. Малѣйшее проявленіе общественной иниціативы или самодѣятельности ему представляется уже посягательствомъ на «цѣлость» государства, заговоромъ, бунтомъ. Неумолимый диктаторъ не терпитъ, поэтому, никакихъ организацій, союзовъ или обществъ, ибо каждое такое соединеніе образовавшееся ради «собственнаго блага своихъ членовъ», по его мнѣнію, будетъ или безполезно, или вредно [2]). «Всякія частныя общества съ постоянною цѣлью учрежденныя, должны быть совершенно запрещены—говоритъ Пестель—какъ открытыя, такъ и тайныя, потому что первыя безполезны, а вторыя вредны. Первыя потому безполезны,—продолжаетъ авторъ—что они *такихъ только предметовъ касаться могутъ, которые входятъ въ кругъ дѣйствія правительства и для которыхъ правительство уже учреждено со всѣми отраслями, частями и подраздѣленіями*... Вторыя же потому вредны, что они *такихъ только касаться могутъ предметовъ, которые не могутъ быть сдѣланы гласными, а таковые предметы не могутъ быть иначе признаны какъ зловредными*, ибо государственный порядокъ... не только ничего добраго и полезнаго не принуждаетъ скрывать, но даже напротивъ того всѣ средства даетъ на ихъ *введеніе и обнародованіе законнымъ порядкомъ*» [3]).

[1]) *Ibid.*, *стр. 237*. Въ этомъ нельзя не видѣть характерной особенности абсолютистской теоріи. *Рейснеръ. Государство и вѣрующая личность, стр. 313, 366, 367.*

[2]) Мы уже видѣли, что въ такихъ случаяхъ авторъ опасается конфликта межу „частными“ интересами и интересами „всего государства“.

[3]) *Ibid.*, *стр. 237—238*. Приведенныя выше разсужденія Пестеля съ изумительной ясностью вскрываютъ передъ нами *абсолютистскія* начала политической доктрины „Наказа“. Абсолютное государство, выросшее на развалинахъ феодальнаго „расчлененія“, въ своихъ „собирательныхъ“ или централистическихъ тенденціяхъ отличалось рѣзко выраженнымъ отрицательнымъ отношеніемъ къ политической и общественной традиціи феодализма съ его многообразіемъ формъ всякаго рода союзовъ, корпорацій, общинъ, сословными привилегіями, свободой договорныхъ связей и т. п. Разрушая всѣ подобныя „средостѣнія“, абсолютное,

Въ этомъ замѣчательномъ фрагментѣ *всепоглощающая* роль государства формулирована съ изумительной силой и исчерпывающей полнотой. *Общество*, можно сказать, уничтожено въ самыхъ интимныхъ своихъ стремленіяхъ и интересахъ: «правительство» все знаетъ, все «уже» дѣлаетъ, все устанавливаетъ; за предѣлами его «круга дѣйствія», въ самомъ дѣлѣ на долю общества не остается ничего! Внѣ правительства мы видимъ, дѣйствительно, какую-то «гражданскую» пыль или... «не законныя сообщества» завѣдомо преступныя. «Гражданинъ» Пестеля, поэтому, долженъ жить открыто; ничего сокровеннаго отъ «всевидящаго ока» государства-опекуна у него не можетъ и не должно быть [1]). Даже «увеселенія и забавы» поставлены у нашего автора подъ «бдительный и строгій надзоръ» [2]) правительства, которое, какъ тѣнь, слѣдуетъ по пятамъ каждаго со своей «мудрой» указкой, непрерывнымъ надзоромъ и непремѣннымъ «нравоученіемъ». Иначе, конечно, и быть не можетъ, если вспомнить, что съ точки зрѣнія Пестеля, «ничто столь не дѣйствуетъ на благоденствіе царствъ и народовъ какъ *воспитаніе*». А кто же, спрашивается, лучше просвѣщеннаго «правительства» въ силахъ перевоспитать «народъ», чтобы подготовить его побѣдоносное вступленіе въ обѣтованную страну, гдѣ царитъ «русская правда». Для Пестеля это былъ реторическій вопросъ. Поэтому вмѣстѣ съ церковью,

---

государство забирало, такъ сказать, къ себѣ въ плѣнъ „всѣхъ и каждаго“, поднимая на свои плечи всю тяжесть государственныхъ, соціальныхъ и даже индивидуальныхъ задачъ. Оно стремилось „освободить“ лицо отъ какихъ-либо связей, кромѣ единственной связи съ *государствомъ*, усиливая такимъ путемъ послѣднюю ad maximum... Пестель тоже строитъ свое „единое“ униформированное государство, исходя изъ критики „феодальной системы“, съ которой онъ, повидимому, сближаетъ „удѣльную“ Русь съ ея „федеративнымъ“ раздробленіемъ. Онъ особенно нетерпимо, поэтому, относится къ „феодальной аристократіи“ дворянства, сословному принципу вообще, выдвигая въ противовѣсъ имъ—систему „чиноначальства“, *Русская Правда, стр. 57, 59, 78.* Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, онъ отвергаетъ всѣ виды общественныхъ свободныхъ соединеній, всякую автономію, всѣ привилегіи, даже титулы, и все это—во имя идеала „единаго“, „цѣлаго“ государства. Въ результатѣ подобнаго разгрома общества Пестелю, въ концѣ концовъ, удается установить неограниченное господство государственной власти надъ массою гражданъ-атомовъ механически связанныхъ между собой по волѣ и плану „верховнаго правленія“. *Ср. П. Митрофановъ, op. cit., стр. 210—211 и сл.*

[1]) *Ibid., стр. 238.* „Скрывать нечего добро“, говоритъ авторъ и отсюда же дѣлаетъ выводъ, что, слѣдовательно, все что происходитъ помимо вѣдома государства является какъ бы преступленіемъ противъ него и „чистѣйшей нравственности“. Въ республикѣ Пестеля не можетъ быть никакихъ секретовъ отъ „правительства“.

[2]) *Ibid. стр. 238.* Инициативу и въ данномъ случаѣ авторъ передаетъ правительству, которое должно подвергнуть „мудрому обдумыванію“ вопросъ объ организаціи „народныхъ празднествъ“.

онъ объявилъ, *государственной* и школу. «Частныя лица—говоритъ онъ—не должны имѣть права заводить ни пансіоновъ ни другихъ учебныхъ заведеній, куда бы граждане дѣтей своихъ отдавали, *потому что правительство обязано о воспитаніи юношества много заботиться и неупустительно надъ онымъ надзирать*»[1]). Рядомъ съ государственной школой, правда, авторъ «Наказа» соглашается еще допустить домашнее воспитаніе, которое онъ предоставляетъ «старанію» родителей[2]), однако, и здѣсь дѣло не обходится безъ вмѣшательства правительства и наставленій съ его стороны. Во имя тѣхъ же интересовъ «воспитанія» Пестель вынужденъ, такимъ образомъ, вторгнуться на этотъ разъ уже въ самую семью, и онъ дѣлаетъ это совершенно въ духѣ Екатерининскаго «Устава благочинія», устанавливая цѣлый рядъ «коренныхъ правилъ», какъ выражаетъ онъ, «въ отношеніи къ власти родительской и сопряженнымъ съ оною соотношеніямъ». Насъ не должно удивлять, что авторъ «Русской Правды» вновь встрѣтилъ на своемъ пути автора «Устава благочинія». Намъ неоднократно приходилось уже отмѣчать, что абсолютистскія тенденціи и на полярныхъ своихъ точкахъ сохраняютъ сущность своей природы и единство руководящихъ принциповъ. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ возможность убѣдиться лишній разъ въ справедливости старой истины. Въ самомъ дѣлѣ, въ «Правдѣ» Пестеля мы находимъ хорошо знакомыя намъ положенія: «1) дѣти обязаны глубочайшимъ и нижайшимъ высокопочтеніемъ противу своихъ родителей въ продолженіе всей своей жизни и во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, 2) родители имѣютъ надъ дѣтьми полную личную власть и т. д»[3]). Словомъ, классическія «прописи» полицейскаго государства! Тѣ же тенденціи продолжаетъ развивать авторъ и въ приложеніи къ брачному праву, гдѣ у него, съ одной стороны, фигурируетъ «предварительное согласіе родителей или опекуновъ» на бракъ и свободная воля брачущихся, а съ другой—упоминается, что «наставленіе нравственное (!) приглашаетъ всѣхъ и каждаго, *никогда противъ воли родителей бракомъ не сочетаться*, а вмѣстѣ съ тѣмъ приглашаетъ родителей *не противиться сердечному влеченію ихъ дѣтей*»[4]).

---

[1]) *Ibid.*, *стр. 237.*

[2]) *Ibid.*, *стр. 237.* „Но какъ скоро родители не имѣютъ времени, средствъ или охоты... то должно *правительство ихъ мѣсто заступать* и не дозволять, чтобы сіе было предоставлено *постороннимъ лицамъ*..., тѣмъ болѣе, что надзоръ правительства за таковыми частными заведеніями всегда будетъ слабъ и недостаточенъ".

[3]) *Ibid.*, *стр. 221 § 3.* Ср. *Уставъ благочинія* 1772 г., ст. 41, пт. X и XI. Власть родителей, однако, прекращается съ 20 лѣт. возрастомъ дѣтей, которыя, сдѣлавшись гражданами, становятся непосредственно подъ власть государства.

[4]) *Ibid.*, *стр. 222.* Интересно самое опредѣленіе брака у автора: „бракъ есть сочетаніе двухъ лицъ разныхъ половъ съ цѣлью народонаселеніе умножить и дѣтей породить".

Однако, авторъ не ограничивается высказанными сентенціями и правилами, онъ устанавливаетъ на ряду съ ними цѣлую группу законовъ «о дѣлахъ и предметахъ *нравственныхъ*, касающихся: 1) воспитанія 2) нравоученія и 3) новыхъ открытій и сочиненій»[1]). Это по преимуществу та сфера отношеній, гдѣ по выраженію Пестеля, законодатель «долженъ поступать не какъ жестокій властелинъ, но какъ добрый отецъ»[2]). «Посредствомъ законовъ, касающихся нравоученія—читаемъ мы на 173 стр. нашего изданія,—стремится законодательная власть *удержать гражданъ* отъ всякаго разврата, соблазна и обиды. Запрещая пьянство, карточную игру, непотребную жизнь, ученіе развратное, законамъ противное, поступки соблазительные, составленіе тайныхъ обществъ, опредѣляя правила для поединковъ и т. д»[3]). Очевидно съ тѣми же цѣлями «нравоученія» Пестель вводитъ и особый обрядъ пріема лицъ, достигшихъ пятнадцатилѣтняго возраста, въ «россійское гражданство». Посвящаемые выслушиваютъ сначала молебенъ послѣ чего «священникъ говоритъ приличную проповѣдь и выставляетъ недорослямъ всю важность состоянія, въ которое они нынѣ вступаютъ и всю святость той присяги отечеству, которую они потомъ и произносятъ»[4]). Но не только юноши, но и взрослые «граждане» не оставляются «мудрымъ» законодателемъ безъ назиданія. Опекая на каждомъ шагу «непокоривыхъ человѣковъ», «верховное правленіе» Пестеля, идя по пути указанному еще Петромъ Великимъ, считаетъ своей обязанностью разъяснять вѣрнымъ своимъ подданнымъ благодѣтельное значеніе каждаго своего регламента, сопровождая съ указанной цѣлью текстъ законовъ особыми «предисловіями». «Законы—говоритъ Пестель—должны быть внятны, т.-е. должны быть основаны на явственной причинѣ, почему и полезно при изданіи каждаго закона помѣщать въ видѣ предисловія всѣ причины, побудившія къ изданію онаго для доказательства: 1) что законъ сдѣланъ по надлежащему соображенію всѣхъ пользъ... 2) для того, чтобы таковое

---

[1]) *Ibid., стр. 173.*

[2]) *Ibid., стр. 188.* Авторъ ссылается при этомъ на авторитетъ Платона.

[3]) *Ibid., стр. 173.* Эти законы, касающіеся „нравоученія“, очевидно должны были служить той же цѣли „вкорененія добродѣтельныхъ мыслей въ народѣ“, что и „два катихизма, единый нравственный, а другой законный“ обязательно заучиваемые каждымъ гражданиномъ Щербатовскаго Офирскаго государства. *Сочиненія кн. М. Щербатова, т. I, стр. 922.* На ряду съ этимъ, законодатель достигаетъ такимъ путемъ и другой своей цѣли, чтобы „каждый зналъ, что каждому человѣку позволено или запрещено въ его естественномъ и гражданскомъ состояніи“, *ibid.*

[4]) *Русская Правда, стр. 201, § 8.* Священникъ, очевидно, играетъ въ настоящемъ случаѣ ту же самую роль, что и офицеры полиціи, отправляющіе богослуженіе у кн. Щербатова въ Офирскомъ государствѣ. И тѣ и другіе наставляютъ юношество въ гражданскихъ добродѣтеляхъ.

разсужденіе служило наставленіемъ для будущихъ законодателей»[1]). «Таковыя предисловія (разъясняетъ далѣе авторъ) будутъ *просвѣщать, успокаивать и убѣждать гражданъ*, будутъ служить наставленіемъ для правовѣдцевъ и законодателей, могущихъ посредствомъ оныхъ пользоваться опытностью и мудростью своихъ предшественниковъ»[2]). Тѣ же «педагогическіе» мотивы руководятъ авторомъ, очевидно, и тогда, когда онъ устанавливаетъ авторитетную санкцію правовыхъ нормъ новой «русской правды». Законъ, по его мнѣнію, долженъ не только карать за нарушеніе велѣній государственной власти, но и поощрять наградами за доблести и добродѣтель: «законы повелѣваютъ и запрещаютъ— говоритъ Пестель—*посредствомъ награжденій и наказаній*, которыя слѣдовательно, должны въ полной мѣрѣ отвѣтствовать подвигамъ и преступленіямъ»[3]). При такой точкѣ зрѣнія, понятно, что говоря о наказаніи, авторъ менѣе всего интересуется личностью преступника; для него и здѣсь на *первомъ* мѣстѣ—«благо общественное», такъ что и наказаніе «устанавливается» имъ «единственно для примѣра»[4]), чтобы «другимъ не повадно было», говоря языкомъ нашего законодательства эпохи господства устрашающихъ каръ. Поэтому же авторъ высказался весьма рѣшительно, какъ за «всенародность» т.-е. публичность[5]), наказаній, такъ и противъ помилованія преступниковъ[6]).

---

[1]) *Ibid., стр. 99.*

[2]) *Ibid., стр. 168.* Ср. *П. Митрофановъ, op. cit., стр. 8.*

[3]) *Ibid., стр. 190, 187 и 100.*

[4]) *Ibid., стр. 188.* „Цѣль наказанія не есть страданіе преступника, но есть исправленіе его, а *еще болѣе удержаніе другихъ посредствомъ примѣра* отъ подобныхъ дѣяній. Посему и должно быть наказаніе соображено преимущественно съ *дѣйствіемъ на посторонннихъ людей*“, *ibid., стр. 67.* Наказаніе, такимъ образомъ, должно падать какъ бы на третьихъ лицъ, зрителей. Полагая, что преступленіе есть результатъ „злонамѣренной воли или злыхъ качествъ“ человѣка, Пестель и надѣялся при посредствѣ угрозы и исполненія наказанія повліять на эту злую волю (*ibid., стр. 108, 100, 170*). При этомъ для него на первомъ планѣ, повторяемъ, стояло устрашающее значеніе наказанія, чтобы „страхъ подать людямъ“, какъ любилъ выражаться Петръ.

[5]) *Ibid., стр. 190.* „*Всенародно* должно быть наказаніе, какъ то само собой разумѣется, потому, что оно устанавливается единственно для примѣра, какъ то выше было показано... Между наказаніями надлежитъ всегда выбирать такія, которыя будучи соразмѣрны преступленію, производятъ самое сильное впечатлѣніе на другихъ людей“ *(Курсивъ П.) стр. 188.* Авторъ удерживаетъ, между просимъ, наказаніе „сквозь строй“ (стр. 155) и высказывается за приписку преступниковъ къ заводамъ: „всѣхъ крестьянъ на заводахъ работающихъ, замѣнить—говоритъ онъ—вольнонаемными или, что еще (!) лучше преступниками разнаго рода“, *ibid., стр. 91.*

[6]) „Никогда не должны бы преступленія быть прощены“, *ibid., стр. 189.*

Однако всѣ перечисленныя мѣропріятія представляются автору «Наказа» далеко не достаточными для прямого и удобнѣйшаго достиженія всеобщаго «благоденствія». Мало опредѣлить, приказать, пригрозить и даже наказать, необходимо прежде всего и послѣ всего *наблюдать*, какъ исполняются предписанія власти, т.-е. достаточно-ли твердо усвоены гражданами «коренныя правила» политическаго поведенія. Опираясь на теорію просвѣщеннаго государственнаго деспотизма, полагая въ основу всей системы управленія начала централизаціи и «чиноначальства», не довѣряя, наконецъ, ни въ чемъ и обществу, Пестель, естественно, долженъ былъ разрѣшить поставленную проблему въ пользу классической «управы благочинія» [1]), т.-е. долженъ былъ всецѣло принять знаменитый девизъ: «полиція есть душа гражданства» [2]). И дѣйствительно, по проекту Пестеля полиція является своего рода государствомъ въ государствѣ, своеобразнымъ учрежденіемъ, призваннымъ, какъ онъ выражается, «входить во *всѣ подробности* гражданской жизни» [3]), непрестанно руководить «гражданами», тайно и явно надзирая за каждымъ ихъ шагомъ. «Государственный приказъ благочинія» [4]), въ качествѣ верховнаго органа полиціи, призванъ играть въ государствѣ Пестеля, можно смѣло сказать, роль махового колеса всей системы правительственнаго механизма. Авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается, поэтому, на выясненіи великой миссіи этого «приказа», миссіи, которую послѣдній призванъ выполнять почти непрерывно. «Правленіе сего приказа—говоритъ онъ—есть самое благодѣтельное и необходимѣйшее для всякаго государства... Непонятно послѣ того, отчего всегда такъ сильно противу полиціи всѣ вооружаются и учрежденіе оной столь язвительно порицаютъ. Единственная причина сего—отвѣ-

---

[1]) *Ibid., стр. 93.* Историки декабризма, обыкновенно, какъ бы извиняясь за автора, обходятъ или молчаніемъ, или какими либо оговорками, именно, эти части набросковъ проекта Пестеля, предпочитая говорить болѣе о „зачаткахъ соціализма“ у автора „Наказа“, главнымъ образомъ, въ связи съ его аграрной реформой. Но обычныя заявленія о томъ, что проектъ „управы благочинія“ находится въ болѣе раннихъ рукописяхъ Пестеля, по существу, мало разъясняетъ дѣло. Обязанность историка—*объяснить*, въ какой мѣрѣ эти взгляды были характерны для Пестеля и въ какомъ смыслѣ они соотвѣтствуютъ его общему міросозерцанію. Полагаемъ, что намъ удалось показать, что основные принципы и „правила политическихъ наукъ“, положенныя авторомъ „Правды“ въ основаніе его плана государственнаго преобразованія, не только не противорѣчатъ его проекту „приказа благочинія“, но, можно сказать, прямо предполагаютъ наличность столь „благодѣтельнаго“ учрежденія.

[2]) *Регламентъ главному магистрату, гл. X (П. С. З. № 3708).* Ср *П. Митрофановъ, op. cit., стр. 10—11.*

[3]) *Русская Правда, стр. 109.*

[4]) *Ibid., стр. 107 и сл.*

чаетъ, впрочемъ, Пестель—состоитъ въ томъ, что полиція на каждомъ почти шагу бываетъ чувствительна и во всякое время должна удерживать каждаго въ предѣлахъ законной свободы..., отчего ее и терпѣть не могутъ»[1]). Но такое отношеніе къ полиціи Пестель считаетъ несправедливымъ. «Въ сихъ-то дѣйствіяхъ—говоритъ онъ—состоитъ именно неоцѣненная ея польза, что она неусыпно и безпрестанно заботится о благѣ общества, которое обязано ей сохраненіемъ благоустройства и по оному самымъ существованіемъ своимъ. Если бы народъ вникнулъ въ необходимость полиціи (резюмируетъ авторъ), то всѣ благомыслящіе благословили бы тогда ея учрежденіе и дѣйствіе, и одни злонамѣренные люди могли бы противу нея возставать»[2]). Опредѣливъ такъ роль и значеніе полиціи, Пестель далѣе подробно останавливается на ея устройствѣ, подраздѣляя органы «приказа благочинія» на три разряда: внутреннюю стражу, обыкновенную полицію и, наконецъ, высшее благочиніе[3]). «Внутренняя стража—по опредѣленію Пестеля—есть та сила, которая, превышая всѣ частныя силы, принуждаетъ всѣхъ и каждаго къ исполненію повелѣній правительства»[4]). Авторъ находитъ, что «для составленія» этой стражи «50.000 жандармовъ будетъ для всего государства достаточно, считая по 5.000 жандармовъ на область»[5]). Что касается «обыкновенной» полиціи, которая включаетъ въ себѣ полицію «исполнительную», «распорядительную» и «расправную»[6]), то она должна представлять изъ себя основные кадры полиціи «явной» и, будучи призвана «неусыпно и безпрестанно заботиться о благѣ общества», естественно, по словамъ «Наказа», «должна казаться докучливою»[7]). Вѣнцомъ всей системы является, такъ называемое, «вышнее благочиніе» или полиція *тайная*, главную обязанность которой составляетъ охрана правительства. Организація этой части полиціи въ высшей степени характерна. «Внѣшнее благочиніе—говоритъ Пестель—требуетъ *непроницаемой тьмы* и потому должно быть поручено единственно государственному главѣ сего приказа... Государственный глава

---

[1]) *Ibid., стр. 118.*

[2]) *Ibid., стр. 118.*

[3]) *Ibid., стр. 109—117.* Въ помощь полиціи имѣетъ быть призываема военная сила... когда будетъ то отъ полиціи требовано", *ibid., стр. 230.*

[4]) *Ibid., 116, 113.*

[5]) *Ibid., 107.* По разсчету автора на каждую губернію достаточно 1000 жандармовъ, кромѣ *столичныхъ* губерній, гдѣ необходима усиленная (двойная) охрана (2000 жанд.) „Содержаніе жандармовъ... должно быть втрое противъ полевыхъ войскъ,—говоритъ Пестель—ибо сія служба столь же опасна... а между тѣмъ вовсе не благодарна".

[6]) *Ibid., стр. 113.*

[7]) *Ibid., стр. 118.*

имѣетъ обязанность учредить вышнее благочиніе такимъ образомъ, чтобы оно *никакого не имѣло наружнаго вида* и казалось бы даже совсѣмъ несуществующимъ; слѣдовательно образованіе канцеляріи по сей части должно никому не быть извѣстно кромѣ его одного и верховной власти». Также и имена чиновниковъ высшаго благочинія «должны быть никому не извѣстны». «Изъ сего явствуетъ, что весьма было бы неблагоразумно *обнародывать образованіе вышняго благочинія*»[1]). Такимъ образомъ, тайная полиція, дѣйствительно, по проекту Пестеля, должна представлять изъ себя какъ бы сверхъ-государственное учрежденіе со строго конспиративной, «подпольной» организаціей. Авторъ въ лицѣ «вышняго благочинія» организуетъ, такъ сказать, *заговоръ* противъ общества, конечно, во имя собственнаго же «блага» послѣдняго. Въ число обязанностей тайныхъ агентовъ «приказа» входитъ, поэтому, главнымъ образомъ, ихъ обязанность «узнавать, какъ *располагаютъ свои поступки частные люди:* образуютъ-ли тайныя и вредныя общества, готовятся-ли бунты, дѣлаются-ли вооруженія частными людьми... распространяются-ли соблазнъ и ученіе, противное законамъ и вѣрѣ, появляются-ли новые расколы и, наконецъ, происходятъ-ли запрещенныя собранія и всякаго рода развратъ». Всѣ эти многообразныя обязанности агентовъ высшаго благочинія исполняются особымъ штатомъ «тайныхъ вѣстниковъ»[2]) «посредствомъ тайныхъ розысковъ»[3]). «Тайныя розыски или *шпіонство*— говоритъ авторъ—суть посему не только позволительное и законное, но даже и надежнѣйшее и почти, можно сказать, единственное средство, коимъ вышнее благочиніе поставляется въ возможность достигнуть предназначенной ему цѣли»[4]). Само собою разумѣется, что столь деликатная и высокая миссія предполагаетъ, по мысли автора «Наказа», и совершенно особыхъ исполнителей. «Глава государственнаго благочинія—говоритъ Пестель—долженъ быть человѣкъ величайшаго ума, глубочайшей прозорливости, совершеннѣйшей благонамѣренности и отличнѣйшаго дарованія узнавать людей»[5]). Въ свою очередь и «тайные вѣстники» или шпіоны также должны быть «люди умные и хорошей

---

[1]) *Ibid., стр. 110.*

[2]) *Ibid., стр. 112.*

[3]) *Ibid., стр. 111.* Агенты слѣдятъ также и за чиновниками правительства, а равно и за иностранными посланниками и вообще иностранцами.

[4]) *Ibid., стр. 111.* Тайный надзоръ оправдывается тѣмъ, по мнѣнію автора, что враги государства всегда тоже дѣйствуютъ тайно. „Сія необходимость происходитъ отъ усилій зловредныхъ людей содержать свои намѣренія и дѣянія въ самой глубокой тайнѣ, для открытія которой надлежитъ употребить подобное же средство".

[5]) *Ibid., стр. 110.*

нравственности... уваженія достойные» [1]). Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что подобнаго рода требованія, хотя, быть можетъ, и болѣе скромнаго характера, предъявляются авторомъ ко всѣмъ вообще «чиновникамъ», съ помощью которыхъ, какъ мы знаемъ, просвѣщенное правительство полицейскаго государства предполагало разрѣшить всѣ стоящія передъ нимъ «коренныя» проблемы. Говоря вообще о «чиноначальствѣ», Пестель, поэтому, никогда не забываетъ прибавить, что «въ чиновникѣ нужны способности, знаніе и добродѣтели» [2]), тѣмъ болѣе что на гражданъ имъ возлагается обязанность не только повиноваться «начальству», но и «оное съ должнымъ почтеніемъ уважать». Намъ приходится, такимъ образомъ, еще разъ отмѣтить тѣсное родство доктрины Пестеля съ традиціонной реальной политикой нашего имперскаго правительства XVIII и нач. XIX ст. Но такова уже судьба всякой «утопіи»: она не въ силахъ перелетѣть и въ «идеальномъ» за черту современности, породившей ее...

Приведенный только что взглядъ Пестеля на качества и значеніе агентовъ правительственныхъ силъ заслуживаетъ нашего вниманія еще и съ другой стороны. Дѣло въ томъ, что этотъ взглядъ автора стоитъ въ органической связи съ его взглядомъ на общество и государство, а имъ, въ конечномъ счетѣ, объясняется не только политическая «программа» Пестеля, но и его *тактика*, на которой мы и остановимся въ заключеніе нашей характеристики политической доктрины «Наказа». Не коснуться этого вопроса значило бы допустить крупный пробѣлъ.

Соображая все сказанное выше, мы не рѣшились бы назвать Пестеля «демократомъ». И дѣйствительно, его отношеніе къ обществу или «народу», который для него всегда остается только «чернью», сѣрой и безразличной «массой», обличаетъ въ авторѣ «Наказа» типичнаго представителя эпохи «просвѣщенія» [3]), «либералиста», какъ говорилъ Н. М.

---

[1]) *Ibid., стр. 112.* „Но—прибавляетъ авторъ—дабы люди, уваженія достойные, соглашались на принесеніе государству сей пользы, не должны они никогда, ни подъ какимъ видомъ или предлогомъ народу таковыми быть извѣстны, а тѣмъ еще менѣе быть жертвою частныхъ случаевъ и причинъ". Принимая во вниманіе тяжесть и отвѣтственность службы по „тайнымъ розыскамъ", авторъ неоднократно повторяетъ, что чины тайной полиціи должны „великое получать жалованье", *ibid, стр. 112, 117.* То же самое Пестель говоритъ и о „духовномъ" чинѣ, т.-е. содержаніи духовенства, *ibid., стр. 65.*

[2]) *Ibid., стр. 58, 198.*

[3]) Пестель съ полнымъ правомъ могъ бы повторить слова Вольтера: „мы должны радоваться, что всѣ *порядочные люди* въ Европѣ все болѣе освобождаются отъ суевѣрій... Никогда не претендовали мы на то, чтобы просвѣщать сапожниковъ и горничныхъ... Разумъ долженъ завоевать себѣ мѣсто сперва въ наиболѣе выдающихся головахъ; затѣмъ онъ постепенно станетъ достояніемъ и

Карамзинъ. Пестель, раціоналистъ и заговорщикъ, совершенно послѣдовательно, вмѣстѣ съ философами и политическими писателями XVIII ст., смотритъ на «народъ» сверху внизъ, не довѣряя ему и не вѣря въ него. Для него народъ—«толпа», которая или буйствуетъ, когда ее угнетаютъ, или мирно пасется, «пребываетъ въ спокойствіи», если у ней есть добрый пастырь [1]). Такимъ пастыремъ могутъ и должны быть—по мысли Пестеля—конечно лишь немногіе «истинно благомыслящіе и вмѣстѣ даровитые» [2]) или, какъ называли ихъ на Западѣ, «порядочные» люди [3]) (honnêtes gens), призванные руководить «непросвѣщенной чернью». Наканунѣ самаго возстанія 14-го декабря Пестель откровенно заявлялъ: «la masse n'est rien, elle ne sera que ce que voudront les individus qui sont tout». И для него «народъ», дѣйствительно, какъ политическая сила «ничего не значилъ». Въ революціонныя «превращенія», т.-е. народное «возмущеніе» и его цѣлесообразность, Пестель, поэтому, какъ и его товарищи, не вѣрилъ, какъ не вѣрилъ и въ творческія силы народа [4]). Примѣръ французской революціи въ указанномъ смыслѣ

менѣе совершенныхъ натуръ". *Вольтеръ (изд. Знанія), стр. 139.* Декабристы, дѣйствительно, обращались со своей пропагандой исключительно „къ порядочному" обществу, высшимъ сферамъ, и, въ частности, къ первенствующему сословію—дворянству. Стремленіе привлечь на свою сторону дворянство сказывается особенно явственно въ первоначальныхъ наброскахъ проекта Пестеля и даже въ окончательной редакціи „Наказа", гдѣ авторъ старается убѣдить „добрыхъ дворянъ, истинныхъ сыновъ отечества" отречься добровольно отъ „гнуснаго и неистоваго распорядка вещей", т.-е. крѣпостного права, *Русская Правда, стр. 71, 89 и 96.* Вся политическая реформа Пестеля покоится, можно сказать, на принципѣ, что „толпа", говоря словомъ Дидро, должна быть лишь „отголоскомъ, повторяющимъ мнѣнія немногихъ умныхъ людей, которые заранѣе подготовляютъ мнѣніе потомства" и которые, подобно членамъ „верховнаго правленія" Русской Правды, одни только знаютъ, въ чемъ заключается „благоденствіе" народа и какъ „водворить" это благоденствіе въ жизни. *См. Морлей. Дидро и энциклопедисты, стр. 164.* Якобинецъ Пестель, такимъ образомъ, и въ своей „Русской Правдѣ" продолжается оставаться заговорщикомъ, членомъ „союза спасенія". Здѣсь же должны мы искать объясненія революціонной тактики Пестеля, который, подобно французскому республиканскому правительству 1793 г., въ „отмѣну" своей конституціи, вводитъ временную диктатуру „верховнаго правленія". *Ср. Минье. Исторія французской революціи, стр. 208.*

[1]) *Ibid., стр. 218.*

[2]) *Ивановъ-Разумникъ, op. cit., стр. 101.*

[3]) Въ настоящемъ случаѣ Пестель выступаетъ передъ нами со всѣми характерными чертами просвѣтителя-революціонера и „вольтерьянца".

[4]) Возставая противъ народной революціи, Пестель высказался такимъ образомъ за переворотъ путемъ заговора съ цѣлью установленія длительной диктатуры (10—15 л.) „временнаго правленія", которое и должно было *постепенно* ввести въ дѣйствіе конституцію „Русской Правды". Согласія народа на всѣ эти мѣропріятія вовсе не требуется. Народъ долженъ только повиноваться.

представляется Пестелю особенно поучительнымъ: «всѣ происшествія въ Европѣ, въ послѣднемъ полустолѣтіи случившіяся, доказываютъ, что народы, возмечтавшіе о возможности внезапныхъ дѣйствій и отвергнувшіе постепенность въ ходѣ государственнаго преобразованія, впали въ ужаснѣйшія бѣдствія и вновь покорены игу самовластія и беззаконія». Желая предотвратить подобные «безпорядки, волненія и превращенія, которыя вмѣсто улучшенія могли-бы только ввергнуть государство въ гибель», авторъ «Наказа» предлагаетъ, старое, испытанное средство, столь хорошо знакомое нашей политической исторіи XVIII ст.,—*дворцовый, военный переворотъ*, т.-е. говоря иначе, вмѣсто *революціи* онъ высказывается въ пользу «заговора». Понятно, что при такихъ условіяхъ онъ долженъ былъ отвергнуть и идею «представительнаго собора», т.-е. народнаго учредительнаго собранія: «представительный соборъ не можетъ быть созванъ—замѣчаетъ онъ—ибо (?) начала представительнаго верховнаго порядка въ Россіи еще не существуютъ». Но, если народъ долженъ быть во всякомъ случаѣ отстраненъ при рѣшевопроса о его будущихъ судьбахъ, то спрашивалось: «кому можетъ быть поручено исполненіе сего важнаго дѣла»? Отвѣтъ былъ ясенъ: такъ какъ «прежняя верховная власть довольно уже доказала враждебныя свои чувства противу народа русскаго», а самъ «народъ русскій» оказывался политически мертвой или анархической силой, то дѣло освобожденія Россіи приходилось передать немногимъ избраннымъ «благомыслящимъ» людямъ, вручивъ имъ въ то же время *диктаторскую* власть [1]). Такимъ путемъ и возникла мысль о «временномъ верховномъ правленіи», которое, по проекту Пестеля, должно было *постепенно* осуществить преобразовательный планъ «Наказа», построенный, какъ мы знаемъ, на «умозрительныхъ соображеніяхъ» и «правилахъ политическихъ наукъ» раціоналистическаго вѣка [2]). Это «верховное правленіе»,

---

[1]) *Ibid., стр. 9 и 11.* Нельзя не отмѣтить, что личный характеръ Пестеля, властный, диктаторскій, какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ поставленной задачѣ. Любопытно, что любимымъ героемъ Пестеля былъ Наполеонъ. Въ этомъ отношеніи интересенъ одинъ разговоръ автора „Правды“ съ Рылѣевымъ. По слѣдній довольно остро замѣтилъ какъ-то Пестелю относительно его восклицанія по адресу Наполеона—„вотъ истинно-великій человѣкъ“: „въ наше время даже и честолюбецъ, если только онъ благоразуменъ, пожелаетъ лучше быть Вашингтономъ, нежели Наполеономъ“, *Павловъ-Сильванскій. Декабристъ Пестель, стр. 151; ср. тоже, ibid., стр. 5—6.*

[2]) *Русская Правда, стр. 10. Павловъ-Сильванскій, op. cit., стр. 27—30.* На допросѣ Пестель говорилъ, что „первые вольнодумныя и либеральныя мысли“ явились у него, когда занявшись „политическими науками“, онъ задался вопросомъ: „соблюдены ли въ устройствѣ Россійскаго правленія *правила* политическихъ наукъ“.

слѣдуя точнымъ указаніямъ «Русской правды», призывалось выполнить отвѣтственную миссію правительства-Провидѣнія, которое, направляя всѣхъ и все по пути добродѣтели, въ концѣ концовъ, должно было создать идеальное государство и всеобщее «благоденствіе». Итакъ, Пестель оставался вѣренъ основнымъ принципамъ своей доктрины не только тогда, когда онъ устанавливалъ «коренныя правила» своей республиканской конституціи, но и тогда, когда онъ говорилъ о тѣхъ путяхъ и средствахъ съ помощью которыхъ эта конституція должна была быть введена въ жизнь и приведена въ дѣйствіе. И государственный абсолютизмъ, и крайняя централизація власти, и общественная нивеллировка во имя естественнаго «равенства», и мелочная полицейская опека надъ «гражданами», и полное поглощеніе личности государствомъ и, наконецъ, диктатура, «верховнаго правленія», утвержденная на вѣрѣ въ великую роль немногихъ «просвѣщенныхъ» головъ—все это были непогрѣшимыя «апоѳегмы», извлеченныя авторомъ «Наказа» изъ философскаго катехизиса просвѣтительнаго вѣка. Здѣсь и находитъ свое оправданіе, какъ утопическій по своимъ построеніямъ характеръ политическаго идеала Пестеля, такъ и самая близость этого идеала не только теоріи, но и *исторической* практикѣ полицейскаго государства. Эта черта была одинаково свойственна и политическимъ мечтаніямъ дворянскаго публициста кн. М. Щербатова и декабриста П. Пестеля, и реформаторскимъ desiderata Петра I и Екатерины II. Стоя на точкѣ зрѣнія *государственнаго абсолютизма* Пестель на мѣсто самодержавія государя поставилъ самодержавіе государства, т.-е. перенесъ идею «просвѣщеннаго деспотизма» отъ монархіи на республику. Въ результатѣ съ нимъ случилось тоже, что и съ западными теоретиками «народнаго суверенитета» революціонной эпохи, по поводу которыхъ авторъ «Соціальнаго права» справедливо замѣтилъ, что они «не видѣли, что подвергаютъ индивида еще болѣе грозной тиранніи, чѣмъ тиранія короля»[1]). Государство Пестеля, дѣйствительно, отрицая и поглощая въ себѣ понятіе «общества», тѣмъ самымъ рѣшительно *закрѣпощало* себѣ каждаго «гражданина», опутывая его цѣлою сѣтью «правилъ», которыя должны были не только опредѣлять его внѣшнее поведеніе, но и «образъ мыслей». Республика Пестеля, воздвигнутая на развалинахъ монархическаго принципа въ основѣ своей, такимъ образомъ, сохранила всѣ предпосылки абсолютизма, а потому и вылилось, въ конечномъ итогѣ, въ типическія формы полицейскаго государства.

Б. И. Сыромятниковъ.

---

[1]) *Л. Дюги*, op. cit., стр. 125.

XXXVIII.

Служилыя кабалы позднѣйшаго типа.

Исторія кабальнаго холопства давно обратила на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей: уже авторъ «историческаго извѣстія о старинныхъ чинахъ въ Россіи» высказалъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о кабальныхъ холопахъ; тема, затронутая имъ, не перестаетъ интересовать и современныхъ ученыхъ; но исторія той «крѣпости», которая называлась служилой кабалой, все еще очень мало изучена; главная цѣль предлагаемаго очерка состоитъ въ томъ, что бы попытаться выяснить нѣкоторые изъ моментовъ въ развитіи ея формуляра.

Можно думать, что формуляръ служилыхъ кабалъ представлялъ меньше колебаній, вызванныхъ мѣстными и временными условіями, чѣмъ формуляръ многихъ другихъ актовъ. Такое относительно большее единообразіе текста служилыхъ кабалъ, вѣроятно, объясняется не только тѣмъ, что онѣ укрѣпляли сравнительно простую и часто повторявшуюся сдѣлку, но и другими обстоятельствами; въ числѣ послѣднихъ нельзя не придавать существеннаго значенія и законодательству: съ теченіемъ времени оно оказало нѣкоторое вліяніе на формуляръ служилыхъ кабалъ.

Тѣмъ не менѣе служилыя кабалы не отличались полнымъ единообразіемъ своего текста. Древнѣйшія изъ извѣстныхъ намъ служилыхъ кабалъ—рязанскія представляютъ типъ (R), далеко не вполнѣ однородный съ позднѣйшими—московскими [1]). Впрочемъ и служилыя кабалы позднѣйшаго времени также потерпѣли нѣсколько измѣненій: хотя о старѣйшихъ изъ нихъ судить трудно, такъ какъ подлинные ихъ тексты почти вовсе не сохранились, но легко замѣтить, что и служилыя кабалы, писанныя послѣ извѣстныхъ указовъ 1586 и 1597 гг., все еще довольно разнообразны: обыкновенно не обнимая всѣхъ условій сдѣлки, онѣ содержатъ скорѣе изложеніе послѣдовательныхъ моментовъ въ развитіи даннаго рода зависимости, чѣмъ строгій анализъ ея элементовъ и состоятъ изъ клаузулъ, формулировка которыхъ часто колеблется.

---

[1]) Акты, собр. и изд. А. Юшковымъ, №№ 78, 93, 98, 102, 106—108. (1510—1519 гг.); ср. *М. Дьяконовъ*, Очерки общест. и госуд. строя древней Руси, т. I. (1907 г.), стр. 379—380.

Въ исторіи формуляра служилыхъ кабалъ того времени можно различать два главныхъ періода: до и послѣ 1680 года. Служилыя кабалы, писанныя до этого года, я буду называть служилыми кабалами старшаго типа, а писанныя послѣ этого года—служилыми кабалами позднѣйшаго типа. Служилыя кабалы старшаго типа характеризуются тѣмъ, что обыкновенно содержатъ условіе о займѣ съ обязательствомъ заемщика служить во дворѣ господина за ростъ или «за деньги»; служилыя кабалы позднѣйшаго типа заключаютъ добровольно принятое на себя обязательство даннаго лица служить во дворѣ господина по его смерть. Само собою разумѣется, что типы и формы служилыхъ кабалъ приходится различать по клаузуламъ, содержащимъ такія условія, а не по удостовѣрительной части актовъ; формулировка послѣдней въ служилыхъ кабалахъ старшаго и позднѣйшаго типовъ довольно устойчива [1]).

Служилыя кабалы старшаго типа представляютъ гораздо болѣе разнообразныхъ формъ, чѣмъ служилыя кабалы позднѣйшаго типа. Нисколько не имѣя въ виду въ настоящей замѣткѣ перечислить всѣ ихъ разновидности, я, однако, остановлюсь на характеристикѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы разнообразіемъ ихъ оттѣнить сравнительно большое единообразіе служилыхъ кабалъ, установившееся въ позднѣйшее время, и указать хотя бы на нѣсколько переходныхъ формъ, предшествовавшихъ образованію того типа, который господствуетъ послѣ 1680-го года.

На основаніи общаго формуляра легко было бы составить себѣ понятіе о служилой кабалѣ старшаго типа, но о существованіи его мы ничего не знаемъ; при помощи актовъ, извѣстныхъ до сихъ поръ, можно попытаться, тѣмъ не менѣе, построить сводный формуляръ, по которому они вообще писаны и представить его себѣ въ видѣ схемы, состоящей изъ слѣдующихъ клаузулъ [2]). Въ основномъ текстѣ первая клаузула назы-

---

[1]) Въ отличіе отъ клаузулъ, характеризующихъ сдѣлку, я называю удостовѣрительной частью тѣ предложенія, которыя начинаются словами: „А на то послуси...“; „А кабалу писалъ...“

[2]) Нижеслѣдующія замѣчанія основаны, главнымъ образомъ, на изученіи записныхъ кабальныхъ холопьихъ книгъ по Новгороду и Нижнему Новгороду, хранимыхъ въ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, такихъ же книгъ по Пскову за 7127, 7134—7136, 7151—7152, 7157—7167 гг., находящихся въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи, собранія служилыхъ кабалъ И. Д. Бѣляева въ Моск. Публич. и Румянц. Музеѣ и нѣкоторыхъ другихъ рукописныхъ документовъ, а также печатнаго матеріала; послѣдній въ значительной мѣрѣ собранъ въ каталогѣ частныхъ актовъ, который составляется подъ моимъ наблюденіемъ; отдѣлъ служилыхъ кабалъ составленъ В. И. Веретенниковымъ, Г. М. Котляровымъ, Н. И. Сидоровымъ, И. Ѳ. Чирцевымъ и А. А. Шиловымъ.

ваетъ имена договаривающихся лицъ и указываетъ на сущность кабальнаго холопства, возникавшаго изъ договора займа: она содержитъ условіе о займѣ, заключаемомъ обыкновенно на годовой срокъ. Вторая и третья клаузулы отличаютъ заемъ по служилой кабалѣ отъ займа по кабалѣ, въ силу которой заемщикъ только «давалъ ростъ на деньги», но «жилъ о себѣ», а именно: вторая клаузула опредѣляетъ условіе о службѣ кабальнаго человѣка во дворѣ господина за ростъ или «за деньги» до истченія срока займа; третья—условіе о такой же его службѣ, въ случаѣ неуплаты долга «по сроцѣ»; вторая и третья клаузулы встрѣчаются и въ слитномъ видѣ. Основной текстъ такихъ актовъ дополняется иногда клаузулами, довольно обычными въ заемныхъ кабалахъ; четвертая начинается словами: «а въ займехъ есьмы едины» или: «кой насъ...въ лицѣхъ»; пятая же—словами: «а не отниматца мнѣ»..., что въ достаточной мѣрѣ указываетъ и на ихъ содержаніе. Наконецъ, удостовѣрительная часть («а на то послуси...; а кабалу писалъ»...) съ указаніемъ времени написанія акта обыкновенно заключаетъ собою его формуляръ.

Внимательно вглядываясь въ текстъ служилыхъ кабалъ старшаго типа, легко замѣтить, однако, что составители ихъ придерживались такого формуляра лишь въ самыхъ общихъ чертахъ: они не всегда пользовались всѣми его клаузулами и часто формулировали ихъ, придерживаясь различныхъ образцовъ. Слѣдовательно, при группировкѣ служилыхъ кабалъ старшаго типа можно имѣть въ виду или перемѣны въ ихъ клаузальномъ составѣ, или измѣненія въ формулировкѣ отдѣльныхъ клаузулъ; удостовѣрительная же часть сохраняется въ немъ безъ существенныхъ перемѣнъ, почему и можетъ быть оставлена безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія.

Съ точки зрѣнія состава легко различать два вида служилыхъ кабалъ старшаго типа: съ сложнымъ и упрощеннымъ составомъ. Служилыя кабалы съ сложнымъ составомъ содержатъ, кромѣ первыхъ трехъ клаузулъ (или двухъ, изъ которыхъ послѣдняя объединяетъ вторую и третью), еще, въ случаѣ нужды, четвертую клаузулу съ пятой или одну пятую клаузулу; служилыя кабалы съ упрощеннымъ составомъ состоятъ изъ однѣхъ только первыхъ трехъ клаузулъ; остальныя клаузулы текста въ нихъ отпадаютъ.

Служилыя кабалы сложнаго состава, благодаря вышеуказаннымъ клаузуламъ, ближе къ заемнымъ, чѣмъ остальныя, и представлены уже древнѣйшими изъ извѣстныхъ намъ служилыхъ кабалъ: рязанскими; послѣднія помимо формулъ, составляющихъ ихъ особенность, при извѣстныхъ условіяхъ, содержатъ обѣ клаузулы: четвертую (если деньги запимаются мужемъ съ женою, родителями съ дѣтьми и т. п.) и пятую [1]; но въ служилыхъ кабалахъ позднѣйшаго времени онѣ

[1] Акты..., собр. и изд. А. Юшковымъ, №№ 102, 107; ср., однако, ib., № 106.

встрѣчаются рѣдко и, въ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ, порознь, а не вмѣстѣ, въ большинствѣ же ихъ вовсе отсутствуютъ. Если такое явленіе не находится въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ (напримѣръ, числа сохранившихся актовъ), то оно, можетъ быть, свидѣтельствуетъ въ пользу того предположенія, что формуляръ древнѣйшихъ служилыхъ кабалъ отличался болѣе сложнымъ составомъ и что онъ упрощался въ позднѣйшихъ; такое предположеніе подтверждается и изученіемъ исторіи текста служилыхъ кабалъ въ XVII-мъ вѣкѣ: лишь очень ограниченное число ихъ отличается сравнительно сложнымъ составомъ; въ позднѣйшихъ текстахъ онъ упрощается.

Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ служилыхъ кабалъ XVI—XVII-го вв., въ числѣ прочихъ, содержатъ или четвертую или пятую клаузулы. Среди такихъ актовъ можно даже различать нѣсколько разновидностей; но число до сихъ поръ извѣстныхъ экземпляровъ служилыхъ кабалъ съ сложнымъ составомъ настолько мало, что на основаніи ихъ изученія трудно придти къ какимъ-либо общимъ заключеніямъ относительно степени устойчивости ихъ состава. На основаніи состава формуляра можно различать служилыя кабалы съ сложнымъ составомъ отъ упрощенныхъ формъ; но для установленія разновидностей сложныхъ формъ приходится уже имѣть въ виду тѣ измѣненія въ формулировкѣ клаузулъ, которыя даютъ возможность образовать нѣсколько второстепенныхъ типовъ служилыхъ кабалъ съ упрощеннымъ составомъ, и въ каждомъ изъ нихъ различать нѣсколько формъ. Съ такой точки зрѣнія удобнѣе, не придавая самостоятельнаго значенія нижеуказываемымъ разновидностямъ M_1r_1, M_2r_1, M_1r_2, N_1l, N_2l и P_4l, разсматривать ихъ въ связи съ формами $M_1 \ldots M_4$, $N_1 \ldots N_4$ и $P_1 \ldots P_4$.

Итакъ, можно различать служилыя кабалы старшаго типа по клаузальному ихъ составу; но для дальнѣйшаго изученія ихъ различій нужно принять во вниманіе и различія въ формулировкѣ отдѣльныхъ ихъ клаузулъ.

Съ такой точки зрѣнія, однако, не всѣ клаузулы вышеприведеннаго своднаго формуляра въ одинаковой мѣрѣ пригодны для установленія разновидностей служилыхъ кабалъ.

Вообще можно сказать, что первая клаузула представляетъ довольно значительное единообразіе главныхъ своихъ элементовъ, и, значитъ, по ея варіантамъ едва ли можно составить себѣ надлежащее понятіе о такихъ разновидностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ старѣйшихъ служилыхъ кабалахъ, извѣстныхъ намъ по новгородскимъ книгамъ, первая клаузула имѣетъ довольно постоянный видъ и часто формулируется слѣдующимъ образомъ:

1. *Се язъ* [имярекъ] *занялъ есьми у* [имярекъ] *денегъ... отъ дни... да до того жъ дни... на годъ...*

Такая формула конечно измѣняется въ зависимости отъ реальнаго ея содержанія, напримѣръ, отъ семейнаго или общественнаго положенія заемщика, отъ того, у кого онъ беретъ деньги, отъ цѣнности занимаемыхъ имъ денегъ: новгородскихъ или московскихъ, отъ размѣровъ долга и т. п. [1]).

Впрочемъ, и способы обозначенія срока займа, обыкновенно годового, не всегда одинаковы: въ вышеприведенной формулѣ онъ точно опредѣлялся лишь въ связи съ послѣдней удостовѣрительной частью: «а кабалу писалъ...», въ которой составитель акта проставлялъ годъ, мѣсяцъ и число его составленія; но иногда подьячіе уже въ первой клаузулѣ обозначали тотъ же срокъ точнѣе, указывая мѣсяцъ и день, или, можетъ быть, въ нѣсколько позднѣйшее время,—годъ, мѣсяцъ и день, напримѣръ: «[мѣсяцъ] отъ... числа до того же дни на годъ», или «нынѣшняго... году [мѣсяцъ] въ... день до [мѣсяцъ] же по... день [слѣдующаго] году» и т. п. [2]). Добавленія подобнаго рода не измѣняютъ, однако, основного смысла формулы: они только придаютъ ей болѣе точное выраженіе. Можно было бы указать и на многіе другіе болѣе мелкіе варіанты той же клаузулы; но и они не свидѣтельствуютъ о томъ, что значеніе ея измѣнилось, а только показываютъ, что текстъ ея въ служилыхъ кабалахъ старшаго типа, еще не получилъ окончательной формулировки. Итакъ, несмотря на то, что первая клаузула продолжаетъ упоминать о годовомъ срокѣ займа и все еще допускаетъ возможность для

---

[1]) Въ рѣдкихъ случаяхъ въ составъ первой клаузулы включали еще и примѣты заемщика, обыкновенно помѣщаемыя при изложеніи результатовъ „осмотра“; см., напр., А. Ю. Б., т. II, № 127, VIII. Ср. с. 739, прим. 1.

[2]) Въ одной изъ записей новгородской кабальной холопьей книги 7106-го года срокъ займа вовсе не указанъ; въ остальномъ служилая кабала обычной формы M_1 (ср. ниже). см. Рус. Ист. библ., т. XV, с. 47; въ одной подлинной служилой кабалѣ 1677 года срокъ указанъ только словами: „августа отъ третьяго на десять числа“; въ остальномъ служилая кабала обычной формы M_3 (ср. ниже); см. А. Ю. Б., т. I, № 93, IV. Впрочемъ, такіе случаи крайне рѣдки и, можетъ быть, простыя описки; въ служилыхъ кабалахъ формы M_3 послѣ слова „денегъ“, иногда стоитъ „прямыхъ безъ приписи“, что можетъ быть слѣдуетъ ставить въ связь и съ другимъ варіантомъ, встрѣчающимся, напримѣръ, въ служилыхъ кабалахъ формъ N_1 и P_1; здѣсь можно отмѣтить еще одинъ варіантъ въ 1-й клаузулѣ: послѣ словъ „служити.... до таково жъ дни на годъ“ слѣдуетъ: „безъ росту“, т.-е., надо полагать, безъ денежнаго росту (что напоминаетъ о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя кредиторы могли практиковать относительно своихъ должниковъ, служившихъ за ростъ); см. Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Гор. кн. по Новгороду, № 35, лл. 140 и 141. Я не указываю здѣсь на болѣе мелкіе и многочисленные варіанты, которые легко подыскать хотя бы въ однѣхъ только напечатанныхъ служилыхъ кабалахъ.

заемщика уплатить долгъ послѣ годового срока, она сохраняется въ служилыхъ кабалахъ старшаго типа, къ какой бы разновидности его онѣ не принадлежали, и долгое время остается безъ существенныхъ измѣненій. Слѣдовательно, первая клаузула не можетъ служить для характеристики главнѣйшихъ формъ служилыхъ кабалъ того же типа.

Въ теченіе вышеуказаннаго періода времени можно, однако, замѣтить въ формулировкѣ служилыхъ кабалъ старшаго типа измѣненія, которыя имѣютъ гораздо больше значенія для выясненія его разновидностей; во второй и третьей его клаузулахъ составители такихъ актовъ, напримѣръ, иногда различаютъ вторую клаузулу отъ третьей, иногда сливаютъ оба условія въ одну клаузулу; иногда они говорятъ о службѣ во дворѣ за ростъ, а иногда о службѣ во дворѣ за «деньги»; иногда они упоминаютъ о службѣ во дворѣ до срока и «по сроцѣ», а иногда только о службѣ во дворѣ «по вся дни»; иногда они признаютъ службу во дворѣ повседневной, а иногда «вѣчной»; иногда они пишутъ условіе о службѣ кабальнаго человѣка во дворѣ по смерть господина, а иногда о такой же его службѣ до его собственной смерти и т. п. Измѣненія подобнаго рода придаютъ разный смыслъ всему акту; значитъ, по нимъ можно установить нѣсколько разновидностей того типа служилыхъ кабалъ, которыя пишутся до 1680-го года и то общее направленіе, въ которомъ измѣненіе ихъ формы приближаетъ ихъ къ новому типу 1680-го года.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ служилыхъ кабалахъ, кромѣ вышеуказанныхъ клаузулъ, можно встрѣтить и другія, а именно: четвертую клаузулу о томъ, что «деньги и служба за ростъ» заемщика, если онъ занялъ ихъ вмѣстѣ съ женою, съ дѣтьми и т. п., «на томъ изъ нихъ», кто окажется «въ лицѣхъ», или же на всѣхъ ихъ вмѣстѣ, и пятую о томъ, чтобы «не отниматца отъ... кабалы»; такія клаузулы отличаются, однако, нѣкоторымъ единообразіемъ формулировки; въ ихъ текстѣ, конечно, можно было бы указать нѣсколько варіантовъ, но они большею частью маловажны и, значитъ, мало пригодны для характеристики главнѣйшихъ разновидностей служилыхъ кабалъ старшаго типа.

Итакъ, можно придти къ заключенію, что, если различать служилыя кабалы по формулировкѣ текста отдѣльныхъ клаузулъ, слѣдуетъ преимущественно обращать вниманіе на измѣненія во второй и третьей изъ нихъ. Такой критерій имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что въ XVII-мъ вѣкѣ служилыя кабалы съ упрощеннымъ составомъ замѣтно преобладаютъ, а для установленія ихъ типовъ и формъ достаточно имѣть въ виду различную формулировку второй и третьей клаузулъ: изучая измѣненіе въ ихъ текстѣ, можно намѣтить нѣсколько типовъ и формъ служилыхъ кабалъ, преимущественно съ упрощеннымъ составомъ; они

имѣютъ значеніе и для установленія нѣсколькихъ разновидностей служилыхъ кабалъ съ сложнымъ составомъ.

Разнообразіе такихъ актовъ легко обнаружить при обозрѣніи тѣхъ изъ нихъ, которыя я буду, хотя бы условно, называть служилыми кабалами «московскаго» типа и обозначу знакомъ М: будучи въ общихъ и главныхъ чертахъ сходными между собою, они все же представляютъ не мало существенныхъ различій.

Типъ М характеризуется тѣмъ, что въ немъ вторая и третья клаузулы не сливаются и что, значитъ его текстъ содержитъ особую клаузулу о службѣ во дворѣ по просрочкѣ уплаты долга. Подъ такой типъ можно подвести нѣсколько формъ, которыя я обозначу знаками $М_1$, $М_2$, $М_3$ и $М_4$.

Въ числѣ подобнаго рода актовъ слѣдуетъ прежде всего упомянуть о служилыхъ кабалахъ формы $М_1$, писанныхъ по схемѣ, вторая и третья клаузулы которой содержатъ условіе о службѣ за ростъ; онѣ обыкновенно получаютъ слѣдующій видъ:

2. *А за... ростъ мнѣ у государя своего у* [имярекъ]... *служити во дворъ.... по вся дни.*

3. *А полягутъ деньги по сроцѣ и мнѣ... у государя своего у* [имярекъ] *за ростъ... служити по тому жъ по вся дни во дворъ...*

Такимъ образомъ, служилыя кабалы формы $М_1$ продолжаютъ съ нѣкоторою послѣдовательностью упоминать о службѣ за одинъ только ростъ и до срока, и «по сроцѣ», чего нельзя утверждать относительно другихъ формъ. Слѣдовательно, можно сказать, что форма $М_1$ болѣе другихъ соотвѣтствуетъ понятію о «кабалѣ за ростъ служити». Во всякомъ случаѣ она пользовалась довольно широкимъ распространеніемъ: она часто встрѣчается въ новгородскихъ, а иногда и въ псковскихъ холопьихъ кабальныхъ книгахъ [1]); можно отнести къ тому же типу и нѣсколько извѣстныхъ намъ служилыхъ кабалъ другихъ мѣстностей: вологодскую, костромскую, переяславльскую, рязанскую, карачевскую и шацкую [2]).

Съ теченіемъ времени, однако, форма $М_1$, кажется, становится гораздо менѣе употребительной. Можно высказать такое предположеніе прежде всего на томъ основаніи, что большинство извѣстныхъ слу-

---

[1]) Рус. Ист. Библ., т. XV, с. 19 и др. А. Ю. Б. т. II, № 127. V (?); № 131, II.

[2]) Моск. Публ. и Румянц. Муз. Соб. актовъ И. Д. Бѣляева; здѣсь, кромѣ того, есть служилая кабала, въ которой кредиторъ названъ „дорогобужениномъ“. А. Ю. Б., т. I, № 93, I; т. II, № 127, IV. Акты Воронежской и сосѣднихъ губ., в. XIV, № 691; послѣдняя, судя по имени и фамиліи воеводы, кн. Романа Ивановича Гагарина, вѣроятно, была записана въ карачевскія книги; ср. *А. Барсуковъ*, Списки воеводъ...., с. 461.

жилыхъ кабалъ формы M_1, писано въ первой половинѣ XVII вѣка [1]; правда ихъ очень мало, но онѣ относятся къ разнымъ мѣстностямъ. Во всякомъ случаѣ такой же выводъ можно сдѣлать и на основаніи болѣе обильнаго матеріала, касающагося одной и той же мѣстности. Если сравнить, напримѣръ, новгородскія кабальныя книги болѣе ранняго времени съ позднѣйшими, легко замѣтить, что служилыя кабалы формы M_1 часто встрѣчаются въ книгахъ 1597—1600 гг. и дѣлаются уже рѣдкими въ книгахъ 1646—1650 гг. Этотъ выводъ провѣряется и наблюденіями другого рода, основанными на изученіи псковскихъ служилыхъ кабалъ. Въ псковскихъ книгахъ 7127-го года, напримѣръ, можно найти формулы съ упоминаніемъ о службѣ за ростъ, а въ позднѣйшихъ книгахъ тѣ же формулы взамѣнъ службы за ростъ упоминаютъ о службѣ за деньги.

Новыя формы, отчасти, кажется, замѣнявшія прежнюю (M_1), продолжаютъ, подобно ей, сохранять трехчленный составъ своего текста, но отличаются отъ формы M_1 главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ, упоминаніе о ростѣ постепенно исчезаетъ: здѣсь рѣчь идетъ уже о службѣ за «деньги», или «за истину и за ростъ», а не за одинъ только «ростъ». Такое измѣненіе обнаруживается или въ одной только третьей клаузулѣ, или во второй и третьей клаузулахъ. Сюда можно отнести значительное число служилыхъ кабалъ, а образуемую ими группу разчленить на нѣсколько подгруппъ, которыя я обозначу черезъ M_2 и M_3.

Служилыя кабалы формы M_2 отличаются отъ предшествующей только въ формулировкѣ третьей клаузулы. Площадные подьячіе часто писали служилыя кабалы, въ которыхъ первая и вторая клаузулы обыкновенно подходятъ къ вышеприведенной схемѣ M_1, но третью клаузулу формулируютъ слѣдующимъ образомъ:

3. *А полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ у своего государя* [имярекъ] *по тому жъ служити по вся дни во дворѣ* [2].

Только что указанное различіе въ терминологіи иногда обнаруживается и въ болѣе рѣзкой формѣ. Въ кабальной холопьей книгѣ Вотской пятины 7155 года, напримѣръ, можно встрѣтить служилыя кабалы, въ которыхъ клаузулы вторая и третья формулированы слѣдующимъ образомъ:

2. *А до того сроку за ростъ мнѣ* [имярекъ] *служити у* [имярекъ] *по вся дни во дворѣ.*

---

[1] См. выше с. 725; только одна изъ служилыхъ кабалъ формы M_1 изъ собранія И. Д. Бѣляева, писанная въ Переяславлѣ Рязанскомъ, относится къ 1668 году.

[2] Рус. Ист. Библ. т. XV, Каб. кн. 1597 г., сс. 4—5, 34, 42. Площадные подьячіе: „Семейка“ Наумовъ, „Третьячко“ Никитинъ, а иногда и „Кирилко“ Трызновъ пишутъ служилыя кабалы съ такою же клаузулой.

3. *А полягутъ деньги по сроцъ и мнѣ* [имярекъ] *такожъ служити у государя своего* [имярекъ] *по вся дни во дворѣ* [1]).

Такимъ образомъ, составители служилыхъ кабалъ формы M_1 упоминаютъ «деньги», т.-е., надо думать, занятый капиталъ, когда въ M_1 3 ведутъ рѣчь о просрочкѣ уплаты долга, но на ряду съ ними, въ той же формулѣ оставляютъ и обязательство «за ростъ... служить по вся дни во дворѣ»; напротивъ, опуская въ формулѣ M_2 3 слова «за ростъ», составители этой клаузулы какъ будто ставятъ въ связь «деньги» съ «службою по вся дни во дворѣ». Итакъ, можно толковать нашу клаузулу въ томъ смыслѣ, что человѣкъ, поступившій въ кабальные, обязывался по просрочкѣ уплаты долга, отрабатывать господину «деньги».

Трудно сказать, однако, какое именно значеніе имѣлъ употребляемый въ третьей клаузулѣ терминъ: «деньги». Въ старѣйшихъ заемныхъ кабалахъ слово «деньги» часто употребляется для обозначенія занятаго капитала, въ отличіе отъ «роста», напримѣръ, въ выраженіяхъ: «се язъ занелъ есми... пять рублевъ денегъ, а росту дати...»; или: «а росту мнѣ ему на тѣ деньги дати...» [1]). Въ служилыхъ кабалахъ старшаго типа «деньги» въ такомъ же смыслѣ обыкновенно отличаются отъ «роста»; заемщикъ, обыкновенно, занимаетъ нѣсколько рублей «денегъ» или «денегъ безъ росту», а за «ростъ» обязуется служить у господина во дворѣ; то-же различіе чувствуется и въ словахъ: «а полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ... за ростъ служити». Тѣмъ не менѣе нельзя сказать съ увѣренностью, что составители формулы M_2 3 подъ терминомъ «деньги» дѣйствительно разумѣли одинъ только занятый капиталъ. Въ псковскихъ служилыхъ кабалахъ тотъ же терминъ употребляется иногда съ его разъясненіемъ: оно показываетъ, что слово «деньги» можно было употреблять, по крайней мѣрѣ въ псковской области, для обозначенія и капитала, и капитала съ процентами; составители служилыхъ кабалъ иногда писали: «а за тѣ деньги, за истину служити мнѣ...», или едва ли не чаще: «а за тѣ деньги, за истину и за ростъ, служити мнѣ...» [2]). Въ разбираемой формулѣ M_2 3 новгородскихъ служилыхъ кабалъ, подъ деньгами, значитъ, можно было бы разумѣть или одинъ капиталъ, или, судя по большему числу случаевъ, капиталъ съ процентами. Если толковать, однако, упоминаніе въ третьей клаузулѣ разбираемаго вида о службѣ за деньги въ смыслѣ отработки капитала, то вторая клаузула текста окажется въ нѣкоторомъ разногласіи съ третьей. Напротивъ, если принять, что составители подобнаго рода актовъ въ

---

[1]) Акты XIII—XVII вв., представленные въ Разрядный приказъ, собр. и изд. А. Юшковъ, ч. I, №№ 32, 35 и др.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Вотч. Конт. по г. Пскову кн. №№ 78/1620 и 83/1625; ср. о нихъ ниже с. 731.

M_2 3 разумѣли подъ «деньгами» капиталъ съ процентами, т.-е. истину и ростъ, то смыслъ совокупной формулировки клаузулъ M_2 2 и M_2 3 окажется болѣе однороднымъ. Впрочемъ, въ той же третьей клаузулѣ еще одно выраженіе требуетъ истолкованія, отъ котораго отчасти зависитъ то, а не иное пониманіе термина «деньги». Слова «по тому же», можно понимать различно: или они относятся къ предшествующему условію о работѣ за ростъ и тогда, указываютъ на то, что кабальный человѣкъ обязывается и по просрочкѣ долга служить такъ-же («по тому же»), какъ и до его просрочки, т.-е. за ростъ; или они касаются лишь рода службы и, значитъ, даютъ понять, что кабальный человѣкъ обязуется и по просрочкѣ долга служить такъ-же («по тому же»), какъ и до его просрочки, т.-е. по вся дни во дворѣ господина. Нельзя не замѣтить, что извѣстныя намъ служилыя кабалы того времени обыкновенно включаютъ въ составъ интересующей насъ клаузулы особо упоминаніе о службѣ во дворѣ, что даетъ основаніе толковать слова «по тому жъ» въ смыслѣ службы за ростъ [1]); но и въ формѣ M_1 3, упоминающей о службѣ за ростъ, и въ формѣ M_2 3, не упоминающей въ данномъ мѣстѣ о ростѣ, слова «по тому жъ» одинаково встрѣчаются; значитъ, можно толковать ихъ и въ смыслѣ тавтологіи, касательно службы во дворѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ новгородскихъ кабалъ та-же клаузула представляетъ варіанты, имѣющіе интересъ: вмѣсто словъ «по тому-же служити по вся дни во дворѣ» можно встрѣтить слова: «тако-же служити по вся дни во дворѣ» и даже слова: «служить тоже по вся дни во дворѣ», что̀ даетъ нѣкоторое основаніе толковать и выраженіе: «по тому же» во второмъ изъ вышеприведенныхъ значеній: оно могло относиться не къ службѣ за ростъ, а къ службѣ по вся дни во дворѣ [2]).

При просмотрѣ служилыхъ кабалъ XVII вѣка легко убѣдиться, что форма M_2 пользовалась значительнымъ распространеніемъ: она встрѣчается и въ новгородскихъ кабальныхъ книгахъ 1597—1600 гг.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ служилыхъ кабалахъ поступающій въ кабальные холопы обязуется служить во дворѣ, „гдѣ государь велитъ“; костромитинъ Григорій Ѳедоровъ съ женою и дѣтьми обязуется, напримѣръ, въ силу служилой кабалы, составленной въ 1602 году: „а за ростъ мнѣ, Григорью и съ своею женою и з детьми въ монастырскомъ въ селѣ на Высокомъ или гдѣ архимаритъ велитъ, на монастырскомъ дворце служити и всякое дѣло дѣлати...“; см. *Н. Павловъ-Сильванскій*, Акты о закладчикахъ, с. 253.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Город. кн. по г. Новгороду, № 35; см., напримѣръ, акты 7155 г. на лл. 2 об., 35 об., 37, 50 об.; Вотской пят. Корѣльской пол., ib., лл. 103, 104 об., 105 об.; 7156 г. Новгородскія кабалы ib., л. 300 об.; Вотскія—ib., л. 373; Шелонскія—ib., л. 405 (слова: „служить тоже“... и проч.).

и 1646—1650 гг. и, нѣсколько позднѣе, въ псковскихъ книгахъ; въ книгѣ 7127 года, въ которой мнѣ не попадалось служилыхъ кабалъ формы M_1, можно, напримѣръ, указать цѣлый рядъ актовъ, или подходящихъ къ формѣ M_2 или близкихъ къ ней по формулировкѣ третьей клаузулы [1]); такая же форма часто встрѣчается въ псковскихъ книгахъ 7134—7136 гг. и другихъ годовъ, въ томъ числѣ и въ нѣсколько позднѣйшихъ, напримѣръ, 7151—7152 гг. [2]); судя по отдѣльнымъ экземплярамъ, можно указать сходныя формы и среди служилыхъ кабалъ: московскихъ, коломенскихъ, костромскихъ, ярославскихъ, кашинскихъ, хлыновскихъ, каширскихъ, тульскихъ, бѣльскихъ, зарайскихъ, арзамасскихъ и астраханскихъ. Такая распространенность формы M_2 уже даетъ основаніе предполагать, что она отличалась довольно значительною устойчивостью и во времени. Дѣйствительно при сопоставленіи новгородскихъ кабальныхъ книгъ 1597—1600 гг. съ такими же книгами 1646—1650 гг. легко замѣтить, что въ старѣйшихъ книгахъ форма M_1 часто встрѣчается; въ позднѣйшихъ книгахъ, напротивъ, можно сказать, что форма M_2 преобладаетъ не только въ главномъ центрѣ, но и въ большинствѣ пятинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и среди вышеперечисленныхъ служилыхъ кабалъ M_2 легко разыскать акты позднѣйшаго времени, напримѣръ, бѣльскую служилую кабалу 1646 г., бѣжецкую—1655 г., зарайскую—1656 г., арзамасскую—1659 г., ярославскія—1663 г., хлыновскую—1664 г., обонежскую—1665 г., коломенскія—1648, 1649 и 1669 гг., тульскую—1672 г., кашинскія—1656 и 1674 гг., московскія—1654, 1655, 1657, 1665, 1669, 1670, 1671 и 1674 гг. и, наконецъ, костромскую—1676 г. [3]).

Тѣмъ не менѣе и форма M_2, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, съ теченіемъ времени, становится менѣе употребительной:

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 76/1618; см., напримѣръ, №№ 4, 10, 18, 20, 25, 26, 36—39, 41, 44, 59, 60 а, 62—64. Въ той же книгѣ можно указать цѣлый рядъ служилыхъ кабалъ, въ которыхъ вторая клаузула пишется: „А за ростъ мнѣ.... до срока и по сроце служити по вся дни во дворѣ“, а третья обыкновенно сходна съ M_1 3; см. ib., №№ 1, 5, 6 (съ варіантами), 27 и др.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 78/1620; №№ 21, 22, 24, 25, 29, 31, 35, 36 и мн. др.; №№ 502, 503, 505, 506, 514, 518.

[3]) Моск. Публ. и Рум. Муз., Собр. актовъ И. Д. Бѣляева. А. Ю. Б., т. I. №№ 9 и 93, II; т. II, № 127, I, II, III, VI—IX; № 131, III. Акты г. Шуи, № 75; ср. *В. Борисовъ*, Оп. г. Шуи, с. 398. Тр. Орловской губ. ученой арх. ком. 1889 г., в. VI, с. 17. Врем. Демид. Лиц., кн. 52, с. 194. Сбор. бум. Щукина, т. II, с. 121. *И. Бѣляевъ*, Законъ и акты о крѣпостномъ состояніи въ древней Руси въ Арх. ист. и практ. свѣд. Н. Калачева 1859 г., кн. II, с. 98. *Н. Селифонтовъ*, Оп. Линев. Арх., ч. I, ст. 31 и 32, №№ 176 и 179; ч. II, ст. 19, № 80.

въ псковскихъ кабальныхъ книгахъ, напримѣръ, можно, кажется, замѣтить постепенное ея исчезновеніе; она уступаетъ мѣсто новымъ разновидностямъ: въ старѣйшихъ извѣстныхъ намъ книгахъ 7127 года, форма M_2 (иногда съ сравнительно маловажными варіантами) преобладаетъ; но въ книгахъ 7157—7167 гг. она почти уже совсѣмъ исчезла; въ нихъ собственно псковскія формы служилыхъ кабалъ замѣтно господствуютъ.

Впрочемъ, къ той же формѣ M_2 примыкаетъ еще одна разновидность, извѣстная намъ изъ тѣхъ же новгородскихъ и псковскихъ книгъ. Подобно M_2, основное содержаніе ея обыкновенно исчерпывается тремя клаузулами, но замѣна словъ «за ростъ» словами «за деньги» проведена здѣсь съ большей послѣдовательностью: и во второй, и въ третьей клаузулахъ этой новой формы рѣчь идетъ о службѣ «за деньги», а не за «ростъ».

Служилыя кабалы подобнаго рода извѣстны въ различныхъ формулировкахъ: или безъ объясненія, что именно разумѣется подъ терминомъ «деньги», или съ такимъ дополненіемъ; я обозначу ихъ знаками M_3 и M_4.

Въ служилыхъ кабалахъ формы M_3, съ упоминаніемъ только о службѣ за деньги, но безъ дальнѣйшихъ разъясненій, формулировка второй и третьей клаузулъ получаетъ приблизительно слѣдующій видъ:

2. *А за тѣ деньги... мнѣ* [имярекъ] *служити у государя своего у* [имярекъ] *по вся дни во дворѣ.*

3. *А полягутъ деньги по срокѣ, и мнѣ...* [имярекъ] *у государя своего у* [имярекъ] *по тому жъ служить во дворѣ по вся дни.*

Впрочемъ, служилыя кабалы, писанныя по такому образцу, пока извѣстны мнѣ въ довольно маломъ числѣ экземпляровъ: старшія изъ нихъ относятся не къ замосковнымъ городамъ, а записаны въ кабальныхъ книгахъ новгородской области, 7156-го и 7157 годовъ [1]); но аналогичная формулировка встрѣчается (съ маловажными варіантами) и въ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ московскими подьячими въ 1650-хъ годахъ и въ серединѣ 1670-хъ годовъ [2]).

Въ числѣ псковскихъ служилыхъ кабалъ можно указать на такія, которыя писаны по формѣ, очень близкой къ M_3, хотя онѣ и представляютъ особенность, вѣроятно, мѣстнаго происхожденія: въ такихъ

---

[1]) Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Город. кн. по Новгороду № 35, лл. 408—408 об. (изъ книги Деревской пятины Григорьевой половины Морозова); тоже № 36, лл. 127; ср. лл. 356 и сл., 369 и сл., 379 об., 382, 384. А. Ю. Б., т. II № 127, XI.

[2]) Моск. Публ. и Рум. Муз., Собр. И. Д. Бѣляева, сл. каб. 7166 г. нояб. 7 и 7179 г., утв. авг. 7. А. Ю. Б., т. I, № 93, III и IV. Труды рязанской арх. ком. за 1902 г. Ряз. 1903 г., сс. 182—183 (1675 г.).

кабалахъ, форму которыхъ я, въ виду ея близости къ M_3, условно обозначу знакомъ M_4, терминъ «деньги» получаетъ дальнѣйшее разъясненіе; вторая и третья клаузулы формулируются въ нихъ слѣдующимъ образомъ.

2. *А за тѣ деньги служить мнѣ* [имярекъ] *у него государя своего у* [имярекъ] *до сроку по вся дни во дворѣ.*

3. *А по срокѣ полягутъ деньги и мнѣ у него государя своего за истину и за ростъ служити по тому жъ по вся дни во дворѣ.*

Приведенныя формулы M_4 2 и M_4 3 отличаются отъ соотвѣтствующихъ имъ формулъ M_3 2 и M_3 3 только выраженіями «за истину и за ростъ», употребленными вмѣстѣ, можетъ быть, для поясненія предшествующаго термина: «деньги», который могъ имѣть нѣсколько значеній. Судя по псковскимъ актамъ, его все еще приходится понимать въ смыслѣ занятаго капитала съ процентами; но въ порховскихъ тоже слово употребляется только въ смыслѣ занятаго капитала, что находилось уже въ большемъ соотвѣтствіи и съ указами о службѣ кабальнаго человѣка до смерти его господина.

Впрочемъ, форму M_4 можно отнести и къ псковскимъ кабаламъ, хотя типъ послѣднихъ обыкновенно отличается двухчленнымъ составомъ своего текста.

Въ формулировкѣ M_3 2 и M_3 3 нельзя не замѣтить дальнѣйшаго шага въ сторону указовъ 1586 и 1597 годовъ. Если понимать слово «деньги» въ смыслѣ занятаго должникомъ капитала (или капитала съ процентами) и принять во вниманіе, что здѣсь уже нѣтъ рѣчи о работѣ «за ростъ», новую формулировку придется толковать въ смыслѣ уже болѣе подходящемъ и къ духу вышеназванныхъ указовъ: должникъ, судя по актамъ подобнаго рода, обязуется отрабатывать свой долгъ, или долгъ съ процентами, а не одни только проценты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ формѣ M_3 вторая клаузула уже согласована съ третьей: въ извѣстномъ условіи о займѣ денегъ на годовой срокъ, съ обязательствомъ работать во дворѣ господина, слова «за ростъ» замѣнены словами «за деньги», что повторяется и въ слѣдующей клаузулѣ о службѣ «по срокѣ» «по тому жъ» и также «за деньги». Число извѣстныхъ намъ кабалъ формы M_3 къ сожалѣнію, настолько незначительно, что нельзя съ достовѣрностью судить о томъ, когда эта форма установилась; извѣстные мнѣ тексты

---

[1]) Въ кабалахъ того же типа во второй клаузулѣ, вслѣдъ за словами: „а за тѣ деньги“... иногда еще добавлено: „за истину и за ростъ“, но тогда этихъ словъ обыкновенно нѣтъ въ третьей клаузулѣ. Впрочемъ третья клаузула иногда формулируется и безъ упоминанія о ростѣ: въ порховскихъ служилыхъ кабалахъ, напримѣръ, она содержитъ условіе о службѣ „за тѣ деньги, за истину,“ а не „за истину и за ростъ;“ см. Моск. Арх. Мин. Юст. Вотч. конт. по г. Пскову, № 83/1625, записи №№ 356, 357, 358, 360, 362.

относятся къ позднѣйшему времени, начиная съ середины 1640-хъ годовъ; но форма M_3 находится въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ формою M_4, которая встрѣчается и въ служилыхъ кабалахъ болѣе ранняго времени.

Итакъ, на основаніи вышесдѣланныхъ сопоставленій можно придти къ заключенію, что служилыя кабалы старшаго типа, которыя писались въ разныхъ городахъ Московскаго государства до 1680 года, далеко еще не отличались единообразіемъ: даже пользуясь довольно ограниченнымъ числомъ служилыхъ кабалъ типа M, можно насчитать нѣсколько формъ, по которымъ онѣ составлялись и легко замѣтить, что послѣднія не отличались устойчивостью.

Такое разнообразіе усиливалось еще тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ областяхъ, на ряду со многими изъ вышеприведенныхъ формъ существовали еще спеціальные виды, можетъ быть характерные для данной мѣстности. Съ указанной точки зрѣнія служилыя кабалы новгородскаго и псковскаго происхожденія представляютъ большой интересъ. Кромѣ нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ формъ типа M, можно встрѣтить въ новгородской и псковской области нѣсколько особыхъ типовъ и формъ.

Между служилыми кабалами новгородско-псковской области нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства. Въ отличіе отъ «московскаго» типа, напримѣръ, основной ихъ текстъ состоитъ обыкновенно только изъ двухъ клаузулъ: вторая и третья клаузулы сливаются здѣсь воедино, благодаря чему и смыслъ ихъ нѣсколько измѣняется. Тѣмъ не менѣе между обѣими группами нѣтъ полнаго сходства: въ новгородскихъ актахъ выраженіе «за ростъ» часто встрѣчается, въ псковскихъ—оно, кажется, вытѣсняется другимъ, а именно: «за деньги»; такое предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что псковскія формы (а именно тѣ, въ которыхъ имѣются пояснительныя указанія на «истину и ростъ») соотвѣтствуютъ формамъ съ выраженіемъ: «за деньги».

Въ новгородской области особыя формы мнѣ удалось замѣтить не въ ея центрѣ, гдѣ уже пишутся служилыя кабалы преимущественно московскаго типа, а въ пятинахъ. Вообще обозначая новгородскія формы черезъ N, я буду различать ихъ знаками N_1, N_2 и т. д.

Форма N_1 содержитъ, конечно, первую клаузулу о займѣ денегъ на годовой срокъ; но остальныя, слитыя вмѣстѣ, получаютъ слѣдующій видъ:

$N_1 2$. *А за ростъ мнѣ* [имярекъ] *у государя своего у* [имярекъ] *на тѣ деньги служити до того сроку и по срочъ по всякъ день во дворъ* [1]).

---

[1]) А. Ю. Б., т. II, № 131, стб. 117—124; В. И. Веретенниковъ обратилъ мое вниманіе на особенность этихъ кабалъ. Вмѣсто „по всякъ день“ можно встрѣтить и: „по вся дни“.

Такимъ образомъ, сливая вышеуказанныя клаузулы въ одну, составители новой формулы попадали въ нѣкоторое противорѣчіе съ первой клаузулой о займѣ денегъ на годовой срокъ; въ самомъ дѣлѣ, они все же начинаютъ писанныя ими служилыя кабалы съ обычныхъ словъ: «се язъ [имярекъ] занялъ есми у государя своего у [имярекъ] [столько то рублей] денегъ отъ [такого то дня] до того же дня на годъ». Между тѣмъ они же формулируютъ послѣдующій текстъ тѣхъ же актовъ въ такомъ видѣ, что поступившій въ кабальную зависимость обязанъ служить своему «государю» до срока и по его истеченіи «по всякъ день во дворѣ», и, значитъ, какъ будто уже не предусматриваютъ для него возможности уплатою долга черезъ годъ получить свободу. Вышеприведенная клаузула и сама по себѣ взятая представляется не особенно удачной: изъ нея неясно, служитъ ли кабальный холопъ «за ростъ» или «за деньги»; въ виду, можетъ быть, сліянія въ ней двухъ условій, составителямъ новой формулы, пришлось говорить одновременно и о «ростѣ», и о «деньгахъ»; трудно думать, что слова «за ростъ» относятся къ службѣ «до сроку», а слова «на тѣ деньги»—къ службѣ «по сроцѣ»; менѣе искусственно толковать новую формулировку въ томъ смыслѣ, что кабальный холопъ, обязуется служить во дворѣ своего господина «по всякъ день» «за ростъ на тѣ деньги», т.-е. за ростъ съ взятаго имъ капитала [1]). Во всякомъ случаѣ, нельзя не замѣтить, что новая клаузула, нѣсколько больше предшествующихъ приближается къ требованіямъ указовъ 1586 и 1597 гг. въ томъ отношеніи, что, видимо, уже не придаетъ существеннаго значенія прежней статьѣ о годовомъ срокѣ займа и, не употребляя выраженія: «а полягутъ деньги по сроцѣ», какъ будто, не устанавливаетъ существеннаго различія между службою до срока и «по сроцѣ».

Форма N_1, слагающаяся изъ двухъ клаузулъ и характеризуемая формулою $N_1 2$, представляетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что служилыя кабалы такой именно формы преимущественно писались, насколько мнѣ извѣстно, въ одной мѣстности, а именно въ Шелонской пятинѣ. Даже не въ обѣихъ «половинахъ» Шелонской пятины можно встрѣтить ее: служилыя кабалы Залѣсской половины преимущественно сходны съ типомъ M_3 и только въ Заруссской онѣ пишутся согласно формѣ N_1; но тутъ она держится въ теченіе по крайней мѣрѣ нѣсколь-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ изъ кабалъ, писанныхъ тѣмъ же площаднымъ подьячимъ, слова „на тѣ деньги“ отсутствуютъ; онъ ограничивается формулой: „а за ростъ мнѣ у него до того сроку и по сроцѣ служити по вся дни во дворѣ“, что, какъ будто, говоритъ въ пользу послѣдняго толкованія; выраженіе „за тѣ деньги за ростъ...“ встрѣчается и въ псковскихъ книгахъ; см. № 76/1618, записи №№ 6,19; № 83/1625, запись № 315.

кихъ десятилѣтій; уже судя по книгамъ 1598 года земской дьячокъ «Тимоха» Михайловъ писалъ такія кабалы (N_1); тѣ же правила соблюдаются разными «дьячками» при составленіи служилыхъ кабалъ, записанныхъ въ книгѣ той же половины въ 1646 — 1647 гг.; только слова «на тѣ деньги» въ нихъ, обыкновенно, уже не встрѣчаются, что придаетъ болѣе ясный смыслъ формулировкѣ второй клаузулы. Впрочемъ, аналогичная форма встрѣчается въ записныхъ книгахъ Деревской пятины Григорьевой половины Морозова, а также въ порховскихъ и въ псковскихъ кабальныхъ холопьихъ книгахъ [1]).

Къ формѣ N_1 близко подходитъ и другая, встрѣчающаяся въ книгахъ Бѣжецкой пятины Тверской половины, тѣхъ же 1646—1647 гг., почему ее можно обозначить черезъ N_2. Въ ней формула $N_2 2$, также заканчивающая собою текстъ, обыкновенно читается слѣдующимъ образомъ:

$N_2 2$. *А за ростъ мнѣ* [имярекъ] *у государя своего у* [имярекъ] *до того сроку и по сроцѣ служити по вся дни во дворъ безъ сходу и всякое дѣло дѣлать* [2]).

Легко замѣтить, что послѣдняя клаузула $N_2 2$ отличается отъ предшествующей $N_1 2$ начальными словами: «а полягутъ деньги по сроцѣ...», въ сущности однозначущими съ словами: «а за ростъ...» и еще дополнительными условіями: «безъ сходу и всякое дѣло дѣлати»; выраженія: «безъ сходу» или «безвыходно» и «всякое дѣло дѣлати» могли, конечно, имѣть въ виду интересъ «государя»—рабовладѣльца; но слова «безъ сходу» или «безвыходно» могли отражать въ себѣ и вліяніе указа 1597 года, гдѣ сказано: «и тѣмъ всѣмъ людемъ... отъ государей своихъ... не отходити».

Наконецъ, къ формѣ N_2 естественно примыкаетъ и третья форма новгородскихъ кабалъ, N_3, впрочемъ существенно нарушающая требованія указовъ 1586 и 1597 гг.: я имѣю въ виду служилыя кабалы, записанныя въ книги Бѣжецкой пятины 7157—7158 гг., и притомъ одной только Тверской ея половины. Такая форма N_3, вслѣдъ за обычной клаузулой о займѣ, содержитъ слѣдующую двойную клаузулу:

---

[1]) Вот. конт. по г. Пскову № 76/1618, записи №№ 8, 11, 12; я не рѣшаюсь называть эту форму особою псковскою формой, такъ какъ она очень близка къ N_1 и рѣдко встрѣчается, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ мнѣ книгахъ, да и N_2 можно придавать условное значеніе.

[2]) Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Город. кн. по Новгороду, № 35, лл. 177—201, 436 и сл.; въ книгѣ текстъ служилыхъ кабалъ только пересказывается; вмѣсто словъ; „а за ростъ...“ писали также: „а полягутъ деньги по сроцѣ“, но тогда ниже послѣ слова: „мнѣ“ помѣщали „за ростъ“ и т. д.

$N_3$2. *А за ростъ мнѣ* [имярекъ] *у государя своего у* [имярекъ] *до того сроку и по сроцы служити по вся дни во дворъ безъ сходу и всякое дѣло дѣлати до своей смерти*[1]).

При сличеніи N_3 2 съ N_2 2 легко замѣтить, что N_3 2 отличается отъ N_2 2 только послѣдними тремя словами: «до своей смерти»; но они существенно измѣняютъ смыслъ всей клаузулы и ставятъ ее въ явное противорѣчіе съ законами 1586 и 1597 годовъ, установившими, что кабальный холопъ долженъ служить до смерти его «государя», а не «до своей смерти»[2]).

Впрочемъ, въ новгородскихъ книгахъ можно найти и такія формы, которыя ближе подходили къ требованіямъ закона: въ нѣкоторыхъ порховскихъ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ по формѣ, сходной съ N_1, легко замѣтить, однако, въ формулировкѣ послѣдней клаузулы текста довольно существенный пропускъ; въ такой формѣ, которую я обозначу черезъ N_4, послѣдняя клаузула уже теряетъ прежній слитный характеръ и получаетъ приблизительно слѣдующій видъ:

$N_4$2. «*А за ростъ мнѣ служити у государя своего у* [имярекъ] *во дворъ по вся дни*»[3]).

Благодаря пропуску, сравнительно съ N_1 2, словъ: «до сроку и по сроцѣ» въ N_4 2, различіе между службою до срока и «послѣ срока» въ сущности уже уничтожается; въ виду такой особенности форма N_4, хотя и сохраняетъ слова «за ростъ», но все же, пожалуй, ближе другихъ, перечисленныхъ выше N_1... N_3, стоитъ и къ формуляру служилыхъ кабалъ позднѣйшаго времени.

Въ тѣсную связь съ только что указаннымъ типомъ служилыхъ кабалъ новгородской области легко поставить и псковской типъ, который я обозначу знакомъ Р. Типъ Р также содержитъ всего двѣ клаузулы, характеризующія сдѣлку: одну о займѣ, а другую—о службѣ «за тѣ деньги... по вся дни во дворѣ»; но послѣдняя клаузула выражается различно: или съ дополнительнымъ толкованіемъ значенія слова «деньги», или безъ него; кромѣ того, та же вторая клаузула устанавливаетъ службу «за тѣ деньги» или оговаривая, что заемщикъ долженъ служить господину «до срока и по сроцѣ», или безъ такой оговорки, что еще болѣе упрощаетъ формулировку всей сдѣлки. Такимъ обра-

---

[1]) Моск. Глав. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Городск. кн. по Новгороду, № 36, лл. 146 и сл., л. 490 об. и сл.; формула „А за ростъ мнѣ...“, въ служилыхъ кабалахъ той же формы иногда получаетъ слѣдующій видъ: „А полягутъ деньги по сроце, и мнѣ...“

[2]) См. ниже. сс. 753—754 прим.

[3]) Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Город кн. по Новгороду № 36, л. 193 об. и сл., л. 228, л. 267 об.

зомъ, въ псковскихъ книгахъ можно встрѣтить по крайней мѣрѣ четыре довольно устойчивыхъ формы второй клаузулы, а именно:

P_1 2. *А за тъ деньги, за истину и за ростъ, мнѣ* [имярекъ] *служити у государя своего у* [имярекъ] *до сроку и по сроцѣ по вся дни во дворѣ.*

P_2 2. Слова: *до сроку и по сроцѣ* въ такой клаузулѣ иногда опускаются, что и даетъ форму P_2 2.

P_3 2. *А за тъ деньги мнѣ до сроку и по сроцѣ служить у государя своего у* [имярекъ] *по вся дни во дворѣ.*

P_4 2. *А за тъ деньги мнѣ* [имярекъ] *у государя своего у* [имярекъ] *служити во дворѣ по вся дни*; слова: *«а за тъ деньги»* въ этой клаузулѣ иногда замѣняются словами: *а полягутъ деньги по сроцѣ и мнѣ* [имярекъ] *за тъ деньги...* [1]).

При просмотрѣ псковскихъ холопьихъ кабальныхъ книгъ, въ которыхъ записаны служилыя кабалы указанныхъ формъ P_1... P_4, можно, кажется, замѣтить, что онѣ получаютъ видимое преобладаніе въ позднѣйшихъ книгахъ, относящихся къ 7157—7167 гг.; здѣсь больше всего служилыхъ кабалъ, писанныхъ по образцу P_1, а затѣмъ и такихъ, которыя составлены по формамъ P_3 и P_4; но служилыхъ кабалъ послѣднихъ формъ все же значительно меньше и число ихъ едва ли не возрастаетъ къ концу указаннаго промежутка времени [2]).

Послѣдняя изъ вышеприведенныхъ формъ, а именно P_4, очевидно, оказывается наиболѣе упрощенной: въ ней уже нѣтъ упоминаній ни о ростѣ, ни о службѣ до срока и послѣ срока; вмѣстѣ съ тѣмъ она уже ближе другихъ, разсмотрѣнныхъ выше, подходитъ и къ позднѣйшему типу служилыхъ кабалъ, появляющемуся съ 1680-го года: стоило только упразднить въ ней упоминаніе даже о «деньгахъ», и отмѣтить, что бьющій челомъ въ холопство долженъ служить господину по его смерть, чтобы получить форму служилыхъ кабалъ позднѣйшаго типа.

Наконецъ, разнообразіе служилыхъ кабалъ усиливалось еще тѣмъ, что типы M, N, P... въ различныхъ своихъ формахъ осложнялись иногда вышеуказанными дополнительными клаузулами: четвертой и пятой; слѣдовательно, и въ осложненномъ видѣ служилыхъ кабалъ можно, пожалуй, въ зависимости, главнымъ образомъ отъ измѣненій въ формулировкѣ первыхъ трехъ клаузулъ, различать нѣсколько слож-

---

[1]) Аналогичная форма изрѣдка встрѣчается въ новгородскахъ записныхъ книгахъ, а именно въ книгахъ Деревской пятины, Григорьевской половины Морозова; см. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Городск. кн. по Новгороду, № 36, лл. 134 об.—135.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 83/1625.

ныхъ формъ; впрочемъ, отличающія ихъ клаузулы—четвертая и пятая также обнаруживаютъ нѣкоторыя колебанія текста.

Дѣйствительно, можно указать на нѣсколько служилыхъ кабалъ московскаго типа, содержащихъ кромѣ первыхъ трехъ клаузулъ,— четвертую. Такую комбинацію я буду обозначать знакомъ M r, гдѣ M—одна изъ упрощенныхъ формъ служилыхъ кабалъ московскаго типа, а r—четвертая клаузула общей схемы.

Сложная форма $M_1 r_1$ представлена старѣйшей изъ извѣстныхъ намъ подлинныхъ, вѣроятно, московскихъ служилыхъ кабалъ 1596-го года, заключенной отъ имени Осипа Юрьева сына Васильева съ дѣтьми: тремя сыновьями и одною дочерью; ихъ служилая кабала, кромѣ вышеуказанныхъ первыхъ трехъ клаузулъ содержитъ еще клаузулу, формулированную слѣдующимъ образомъ:

4. *А кой насъ заимщикъ въ лицѣхъ, на томъ деньги и служба*[1]).

Само собою разумѣется, что типъ Mr могъ получать и другія сложныя формы: $M_2 r_1$ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, записная книга Обонежской пятины 1599—1600 гг. содержитъ нѣсколько служилыхъ кабалъ, близкихъ къ формѣ M_2, осложненной (въ аналогичныхъ случаяхъ) четвертой клаузулой r_1; но послѣдняя формулирована нѣсколько точнѣе, чѣмъ въ актѣ 1596-го года, а именно:

4. *А которой насъ заимщиковъ въ лицехъ, на томъ деньги и за ростъ служба*[2]).

Типъ Mr могъ получать, однако, разныя значенія и въ зависимости отъ колебаній въ значеніи r: четвертая клаузула не всегда формулировалась въ видѣ r_1. Сложная форма $M_1 r_2$, представлена нѣкоторыми позднѣйшими служилыми кабалами: въ случаяхъ, подобныхъ вышеуказаннымъ, касимовскіе подьячіе и «холопьихъ дѣлъ дьячокъ», въ 1630-хъ годахъ, напримѣръ, близко придерживались такого образца, т.-е. присоединяли къ обычнымъ первымъ тремъ клаузуламъ M_1 еще и четвертую—r_2; они формулировали ее нѣсколько иначе чѣмъ r_1, но, кажется, придавали ей аналогичный смыслъ:

---

[1]) А. Ю. N 252. Редакторъ „Актовъ“ назвалъ этотъ актъ „заемной служилой кабалой“; въ помѣтѣ на оборотѣ онъ названъ, однако, просто „служилой кабалой“; изъ текста кабалы не видно, гдѣ она писана; но заемщики подвергались распросу „передъ Пятымъ Кокошкинымъ“, что и указано въ помѣтѣ на оборотѣ; тамъ же и его скрѣпа; а Пятой Кокошкинъ былъ въ то время дьякомъ приказа холопьяго суда.

[2]) Имп. Публ. Библ., Q II 9, лл. 161—178; всѣ акты формы $M_2 r_1$ писаны земскимъ дьячкомъ „Ушачкомъ“ Семеновымъ. Въ записныхъ книгахъ пятинъ: Вотской и Бѣжецкой (Бѣлозерской половины) типъ Mr мнѣ не попадался.

4. *А въ займахъ есьми въ деньгахъ и за ростъ въ службѣ я* [имярекъ]... *з женою* [и т. п.] *едины*[1]).

Служилыя кабалы подобныя акту 1596 г., или только что приведенному акту 1638 года, заключены отъ лица мужа съ женой или родителей съ дѣтьми и т. п., чѣмъ и объясняется, конечно, появленіе въ нихъ четвертой клаузулы; но такое условіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, роднитъ изучаемую форму съ формой заемныхъ кабалъ: подобно имъ, и служилыя кабалы, въ видѣ особой клаузулы, содержатъ условіе о томъ, что «кто насъ заимщикъ въ лицѣхъ, на томъ деньги и служба»; или о томъ, что «въ займахъ (мы) есьми, въ деньгахъ и за ростъ въ службѣ... едины»; только, вмѣсто того, чтобы говорить «деньги и ростъ», служилыя кабалы говорятъ «деньги и служба», или «деньги и за ростъ служба» и т. п.[2]).

Сложные типы могли получаться и изъ комбинаціи упрощенныхъ съ пятой клаузулой общей схемы, которую я обозначу знакомъ l. Такіе типы встрѣчаются въ новгородскихъ и псковскихъ служилыхъ кабалахъ сложнаго состава, но въ маломъ числѣ экземпляровъ: извѣстные мнѣ тексты отличаются отъ упрощенныхъ только тѣмъ, что вслѣдъ за клаузулами, обычными для формъ N_1, N_2 и P_4, они заключаютъ пятую, помѣщаемую на третьемъ мѣстѣ, что и даетъ сложныя формы: N_1l, N_2l и P_4l. Аналогично съ заемными кабалами пятая клаузула и въ служилыхъ обыкновенно формулируется слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Моск. Публ. и Рум. Муз. Собраніе актовъ И. Д. Бѣляева, сл. каб. 7146 г., утв. февр. 22 (ихъ двѣ) и 7165 г., утв. апр. 29 (?). Въ псковскихъ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ по другимъ образцамъ, можно встрѣтить особаго рода выраженія: въ одной изъ нихъ, напримѣръ, заемщикъ съ женою занимаетъ у помѣщика деньги „обоего намъ изъ одное пословицы“; см. Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову № 78/1620, л. 69. Проф. В. О. Ключевскій замѣчаетъ, что „въ нѣкоторыхъ новгородскихъ кабалахъ 1650 г. холопы откровенно признаются, что они заняли деньги у государей своихъ: „съ одное пословицы“ и прибавляетъ: „т.-е. какъ принято писать въ кабалахъ, а не на самомъ дѣлѣ“ (ib., с. 29); слова „обоего намъ изъ одное пословицы“ едва ли легко поддаются такому толкованію и требуютъ дальнѣйшихъ разъясненій. Ср. слѣд. прим.

[2]) Акты.., собр. и изд. А. Юшковымъ, №№ 32, 41 и др. А. Ю., №№ 235, 239, 247, 252, 253. А. Ю. Б., т. II. № 125. Родство обѣихъ формулъ обнаруживается изъ слѣдующаго текста одной заемной кабалы 1524 года: „а въ серебрѣ есмя и въ росту всѣ насъ одинъ человѣкъ, который насъ въ лицѣхъ, на томъ денги и ростъ на любомъ“; въ другой, 1608-го года та же клаузула содержитъ слѣдующее: „а гдѣ насъ заимщиковъ по сей кабалѣ застанетъ на коимъ городѣ или въ коей волости, подъ коимъ судомъ ни буди, тутъ по сей кабалѣ судъ и правежъ, а кои насъ заимщиковъ въ лицѣхъ, на томъ деньги съ росты и съ убытки, всѣ сполна“.

5. *А не отниматися мнѣ... отъ сей кабалы отнюдь ничемъ никоторыми дѣлы* [1]).

Кромѣ древнѣйшихъ рязанскихъ служилыхъ кабалъ и нѣсколькихъ вышеупомянутыхъ, значительное большинство извѣстныхъ мнѣ актовъ, при только что указанныхъ условіяхъ займа, все же не содержитъ четвертой клаузулы и обыкновенно лишено пятой клаузулы; если это— не случайность, можно думать, что формы, содержавшія ихъ были мало употребительны въ XVII вѣкѣ.

Хотя вышесдѣланныхъ указаній, конечно, слишкомъ мало для того, чтобы исчерпать все разнообразіе формъ служилыхъ кабалъ съ сложнымъ или упрощеннымъ составомъ, но ихъ, можетъ быть, достаточно для другой цѣли: просматривая сборники и собранія служилыхъ кабалъ, составленные послѣ 1597 года, легко придти къ заключенію, что и въ XVII-мъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, до 1680-го года, служилыя кабалы отличались значительнымъ разнообразіемъ своей формулировки: законъ, видимо, не оказалъ на нее вполнѣ уравнивающаго вліянія: въ разныхъ мѣстахъ, а отчасти и въ разное время служилыя кабалы продолжали писать по разнымъ образцамъ, можетъ быть, постепенно обнаруживавшимъ на себѣ вліяніе указовъ 1586 и 1597 гг., а также послѣдующихъ узаконеній и приближавшимся къ формѣ, которая получила видимое преобладаніе съ 1680-го года.

Въ задачи настоящей работы не входитъ детальное изслѣдованіе всѣхъ причинъ, дѣйствіемъ которыхъ можно было бы объяснить такое разнообразіе: бытовыя условія, напримѣръ, въ особенности интересы владѣльцевъ, могли, конечно, приниматься въ расчетъ площадными подьячими, дьячками и т. п. лицами, при составленіи служилыхъ кабалъ, хотя и не всегда ясно, какое значеніе могли имѣть разнообразныя уклоненія ихъ формы. Съ такой точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ, кое какія изъ отступленій становятся понятными. Условіе о службѣ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ служилыхъ кабалахъ формулируется съ

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., ib., № 76/1618, записи №№ 3 (1618 г.) и 48 (7127 г.); № 78/1620, запись №№ 51 (1627 г.), 52а; № 83/1625, запись № 359 (1658 г.); послѣдній актъ—сравнительно поздній; но онъ вообще представляетъ нѣкоторыя особенности; ср. ниже. Формулу заемныхъ см., напримѣръ, въ Актахъ, собр. и изд. А. Юшковымъ, №№ 32, 41 и др; А. Ю., № 247; А. Ю. Б., т. II, № 125 и др. Точками я обозначаю тѣ мѣста текста, которыя или заполнялись варіантами, не всегда встрѣчающимися (напр., „и мнѣ заимщику“ или: „а за тѣ намъ деньги за ростъ“, или: „служити во дворѣ и всякое дворовое дѣло дѣлати“, или „во дворѣ жить и служить“, или „служить по вся дни во дворѣ по сей служилой кабалѣ“ и т. п.), или реальнымъ содержаніемъ (наприм. указаніями на время заключенія сдѣлки, размѣры долга и т. п., ср. выше замѣчанія о первой клаузулѣ), о чемъ легко заключить изъ контекста.

видимой настойчивостью: въ одной изъ псковскихъ служилыхъ кабалъ 1658 года, довольно близкой къ типу P_4, вторая клаузула формулирована съ любопытнымъ варіантомъ: въ силу ея кабальный человѣкъ Андрей Савельевъ, за занятыя имъ деньги, «за истину и за ростъ», принимаетъ на себя обязательство служить у Алексѣя Аѳанасьевича Вельяминова «по вся дни во дворѣ днемъ и ночью безотступно»[1]). Вообще въ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ до 1680 года, условіе о службѣ холопа «по животъ» господина обыкновенно еще не упоминается: опущеніе такого условія, можетъ быть, согласовалось съ стремленіемъ господъ къ смѣшенію кабальнаго холопства съ полнымъ: имъ выгодно было не упоминать о томъ, что служба кабальнаго человѣка прекращается со смертью господина и фактически распоряжаться кабальными людьми, какъ полными, чему вышеуказанное опущеніе въ формѣ служилыхъ кабалъ могло придавать кажущееся основаніе[2]). «Служилыя кабалы» иногда даже прямо содержали условія, противорѣчившія закону и, очевидно, выгодныя для владѣльцевъ. Служилыя кабалы, внесенныя въ записную книгу Тверской половины Бѣжецкой пятины отличаются, напримѣръ, вышеуказанной особенностью: условіемъ о службѣ кабальнаго человѣка «до своей смерти»[3]); не говоря о томъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о службѣ за одинъ только ростъ, условіе о службѣ кабальнаго человѣка «до своей смерти», очевидно, формулировано въ виду выгодъ господъ, которые, благодаря ему, фактически, иногда получали возможность оставлять своихъ кабальныхъ людей своимъ наслѣдникамъ. Возможно, что господа стремились

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 83/1625, запись № 395; въ запискѣ № 394—тѣ же слова, но безъ слова „безотступно“.

[2]) Древ. Рос. Вивл., ч. XX, сс. 255—256. Уложеніе, гл. XX, ст. 15, 61, 64 и др.

[3]) Арх. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Город. кн. по Новгороду № 36, лл. 14 и сл. лл. 489 и сл.; эти служилыя кабалы писаны земскимъ дьячкомъ Тверской половины Ортюшкой Парѳеньевымъ, но онъ же писалъ служилыя кабалы и другого образца. Въ одной псковской служилой кабалѣ 1648 года сказано, что Семенъ-Константиновъ занимаетъ деньги у псковской помѣщицы Ѳедосьи Степановны Ушаковой, съ обязательствомъ „служить во дворѣ за истину до сроку и по сроце до еѣ смерти,“ что, въ другихъ случаяхъ, соотвѣтствуетъ выраженію „до его смерти“; см. Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову № 83/1625, запись № 196. Такая терминологія даетъ основаніе усматривать иной смыслъ въ словахъ: „до своей смерти“, употребляемыхъ въ бѣжецкихъ актахъ; ср. еще порядную 1628 г., въ которой вольный человѣкъ обязуется „за государемъ своимъ жить въ крестьянехъ по свой животъ безвыходно;“ она приведена проф. В. О. Ключевскимъ, но, къ сожалѣнію, безъ указанія на мѣстность; см. *В. Ключевскій*, Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи въ Рус. Мысли 1885 г., кн. X, с. 28.

глухо формулировать нѣкоторыя изъ условій, для того, чтобы, при случаѣ, истолковывать ихъ въ свою пользу: имъ легче было подчинять своимъ произвольнымъ распоряженіямъ кабальныхъ людей, едва ли всегда знакомыхъ съ закономъ и не находившихъ въ своихъ служилыхъ кабалахъ достаточно ясныхъ условій, на основаніи которыхъ они могли бы «бить челомъ государю» на своихъ господъ.

Впрочемъ, колебанія въ формѣ служилыхъ кабалъ находились въ нѣкоторой зависимости и отъ мѣстныхъ, а также, отчасти, и отъ временныхъ условій: достаточно припомнить вышеуказанныя различія, напримѣръ, между служилыми кабалами «московскими» и шелонскими или бѣжецкими; или «московскими»-же и «псковскими» и т. п.; или различія въ степени употребительности, въ разные періоды времени, нѣкоторыхъ формъ, напримѣръ M_1 и M_2 и т. п., чтобы убѣдиться, что въ разныхъ мѣстахъ, а отчасти и въ разное время служилыя кабалы писались различно.

Нельзя, однако, ставить различія въ формѣ служилыхъ кабалъ въ зависимость отъ однихъ только общихъ имъ мѣстныхъ и временныхъ условій: вѣдь въ одномъ и томъ же пунктѣ и въ одно и тоже время писались служилыя кабалы далеко не одинаковой формы, и, наоборотъ, иногда въ разное время одна и таже форма переживала довольно долго. Такія особенности, кажется, приходится изучать въ связи и съ канцелярскими пріемами тѣхъ подьячихъ, дьячковъ и т. п. лицъ, которыя занимались составленіемъ служилыхъ кабалъ[1]).

На основаніи наблюденій, уже сдѣланныхъ выше, можно придти къ заключенію, что площадные подьячіе до того времени или не имѣли общаго образца, по которому каждый изъ нихъ долженъ былъ писать служилыя кабалы, или, во всякомъ случаѣ, не пользовались имъ, одинаково, такъ какъ не соблюдали одной и той же формы при составленіи акта. Судя по тому, что при внесеніи разнородныхъ формъ въ записныя книги крѣпостныхъ актовъ, дьяки не дѣлали затрудненій и

---

[1]) *Н. Оглоблинъ,* Происхожденіе провинціальныхъ подьячихъ въ XVII в., гл. III: площадные и таможенные подьячіе въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г., сентябрь, сс. 141—147 и др. Впрочемъ, служилыя кабалы пишутся въ XVII в. не только подьячими такой то площади, но и „губныхъ дѣлъ подьячими (напр., въ Переяславлѣ Рязанскомъ; см. сл. каб. собранія И. Д. Бѣляева 7176 г., утв. апр. 11, 7200 г., іюль 14), или „холопьихъ дѣлъ дьячками“ (въ Касимовѣ см. ib. служ. каб. 7146 г., утв. фев. 22); въ новгородскихъ пятинахъ служилыя кабалы часто пишутся земскими дьячками; такіе же акты, наконецъ, составляются и стрѣльцами (пятидесят. и т. п.) и казаками (напр. въ Опочкѣ), и посадскими людьми (напр. въ Порховѣ) и т. п.; „дьячки“ при церквахъ иногда поступали въ площадные подьячіе; см. *Н. Оглоблинъ,* Op. cit.. ib., октябрь, сс. 229, 232.

не требовали соблюденія одной и той же формы, можно предполагать, что обязательнаго для всѣхъ образца служилыхъ кабалъ не существовало.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ колебаніяхъ формы служилыхъ кабалъ XVI—XVII вв. можно замѣтить и нѣкоторое единообразіе, если принять во вниманіе, что одинъ и тотъ же подьячій обыкновенно придерживался въ писанныхъ имъ кабалахъ одной и той же формы. Дѣйствительно, наблюдая колебанія въ текстѣ вышеприведенныхъ формулъ о службѣ во дворѣ, можно усмотрѣть, что они въ довольно значительной степени зависятъ отъ личности подьячаго. Въ новгородскихъ кабальныхъ книгахъ 1597 года, напримѣръ, записано до 9 служилыхъ кабалъ, а въ книгахъ 1599—1600 до 14 служилыхъ кабалъ, составленныхъ подьячимъ «Ондрюшкою» Ѳедоровымъ: всѣ онѣ содержатъ одну и ту же формулу о службѣ за ростъ (M_1); 32 служилыхъ кабалы, писанныя подьячимъ «Третьячкомъ» Захарьевымъ и занесенныя въ тѣ же книги, содержатъ такую же клаузулу (M_1). Служилыя кабалы другого подьячаго, «Третьячка» Никитина — немногочисленны; ихъ, въ тѣхъ же книгахъ записано только двѣ; одна—въ книгѣ 1597 года, другая—въ книгѣ 1599—1600 года; но каждая изъ нихъ содержитъ клаузулу о службѣ безъ роста (M_2). Служилыя кабалы, писанныя «Тимохою» Михайловымъ, также обнаруживаютъ нѣкоторое единообразіе: въ извѣстныхъ намъ актахъ онъ обыкновенно сливаетъ двѣ клаузулы (2-ю и 3-ю) въ одну, содержащую условіе о службѣ до срока и послѣ срока (N_1). Служилыя кабалы подьячаго Максима Петрова, записанныя въ псковскія книги 7135—7152 гг., числомъ до 17-ти, всѣ составлены по одному образцу P_1; а служилыя кабалы подьячего псковской же площади Ѳедора Самойлова, которыхъ въ тѣхъ же книгахъ можно насчитать до 12, всѣ, кромѣ одной, относятся къ типу P_3 и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мелкіе варіанты служилыхъ кабалъ могли находиться въ зависимости и отъ индивидуальныхъ особенностей канцелярскаго стиля даннаго подьячего. Впрочемъ, нельзя сказать, что служилые кабалы одного и того же составителя всегда отличались полною устойчивостью своего текста. Служилые кабалы, писанныя Тимохою Михайловымъ, напримѣръ, обнаруживаютъ нѣкоторое колебаніе: онъ не всюду выдерживаетъ одну и ту же формулу въ выраженіи: «за ростъ на тѣ деньги» (N_1). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно указать на одинъ общій идеальный типъ, котораго данный составитель преимущественно придерживался, но допуская въ разныхъ случаяхъ нѣкоторыя уклоненія, которыя, однако, по крайней мѣрѣ иногда, сами представляютъ извѣстное постоянство. Судя по записнымъ псковскимъ книгамъ 7134—7152 годовъ, напримѣръ, служилыя кабалы подьячего псковской площади «Иванка» Тимоѳѣева Салтанова

писаны обыкновенно по образцамъ, близкимъ къ типу М, а именно къ формамъ M_2 и въ особенности M_3; кромѣ того, тотъ же подьячій употреблялъ особую форму, близкую къ M_1 и M_3; она слагается изъ обычной клаузулы о займѣ, далѣе изъ клаузулы, сходной съ M_3 2, но съ выраженіемъ: «за тѣ деньги, за истину» и безъ упоминанія словъ «и за ростъ» и изъ клаузулы, сходной съ M_1 3, послѣ чего онъ и помѣщалъ обычную удостовѣрительную часть; кромѣ того въ рѣдкихъ случаяхъ тотъ же подьячій составлялъ служилыя кабалы типа Р; но послѣднихъ еще меньше; служилыхъ же кабалъ формъ P_3 и P_4, если я не ошибаюсь, онъ вовсе не представлялъ къ запискѣ въ вышеназванныя книги[1]). Такимъ образомъ, можно сказать, что «Иванко» Тимоѳѣевъ Салтановъ придерживался, главнымъ образомъ, типа М, а именно образцовъ M_2 и M_3, а также смѣшанной формы (M_1, M_3): на общее число 54 служилыхъ его кабалъ, попавшихся мнѣ въ вышеозначенныхъ книгахъ, если я не ошибаюсь, 7+31+11=49 можно отнести къ типамъ M_2, M_3 и (M_1, M_3). Напротивъ, другіе подьячіе той же псковской площади, напримѣръ Степанко Борисовъ преимущественно придерживались типовъ P_1... P_4 и т. п.[2]).

На основаніи имѣющагося у насъ матеріала трудно объяснить такія уклоненія; они могли находиться въ зависимости и отъ происхожденія, и отъ личныхъ вкусовъ или прежняго мѣста службы самихъ составителей служилыхъ кабалъ[3]). Возможно, что такія колебанія зависѣли, однако, и отъ того, что данный подьячій или дьячекъ сообразовывалъ форму служилой кабалы, которую онъ писалъ, съ условіями поступленія въ кабальную зависимость, которыхъ его кліенты—господа придерживались въ то время при заключеніи подобнаго рода

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Вот. конт. по г. Моску, № 78/1620. Служилыя кабалы за №№ 457, 458, 460 и 491, писанныя тѣмъ же лицомъ, содержатъ варіантъ: слова „за истину и за ростъ“ переставлены въ нихъ во 2-ю клаузулу и выключены изъ 3-ей; см. выше о формѣ M_3. Въ той же книгѣ можно найти также нѣсколько служилыхъ кабалъ, писанныхъ „Иванкомъ Тимоѳѣевымъ сыномъ“; но трудно пользоваться ими при производствѣ расчета, такъ какъ нельзя быть увѣреннымъ въ принадлежности ихъ Салтанову.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Вотч. конт. по г. Пскову, № 78/1620.

[3]) Вообще, просматривая записи служилыхъ кабалъ одного и того же подьячаго, трудно услѣдить, чѣмъ онъ руководствовался, видоизмѣняя ихъ форму псковской площадной подьячій Салтановъ, напримѣръ, писалъ служилыя кабалы на вольныхъ людей 25—35 лѣтъ придерживаясь разныхъ формъ, включая и форму съ условіемъ о службѣ до смерти господина; тотъ же подьячій писалъ служилыя кабалы одного и того же типа, для разныхъ случаевъ: и для вольнаго человѣка лѣтъ 30-ти, и для «старинаго» человѣка 30 лѣтъ съ женою, и для служившаго безкабально у отца господина дѣтины лѣтъ въ 18, и для «послужильца» отца господина, возрастомъ въ «полпятадесять» лѣтъ и т. п.

сдѣлокъ съ людьми, поступавшими къ нимъ на службу. Во всякомъ случаѣ, на основаніи вышесдѣланныхъ наблюденій можно, кажется, придти къ заключенію, что, если площадные подьячіе, при писаніи служилыхъ кабалъ, и послѣ указа 1597 года не соблюдали одной и той же для всѣхъ равно обязательной формы, то все же, по крайней мѣрѣ, каждый изъ нихъ могъ имѣть нѣчто въ родѣ частнаго «образцоваго письма», которому онъ и слѣдовалъ при писаніи составляемыхъ имъ актовъ; впрочемъ и въ такомъ случаѣ, онъ не всегда придерживался одной и той же формы.

Уклоненія подобнаго рода врядъ ли представлялись московскому правительству желательными; но оно, кажется, долго не принимало рѣшительныхъ мѣръ для того, чтобы бороться съ ними: приказныя власти безпрепятственно вносили въ записныя книги служилыя кабалы весьма разнородныхъ типовъ. Такія отступленія становились тѣмъ болѣе возможными, что городовые воеводы и приказные люди, а также губные старосты не всегда исполняли извѣстное предписаніе Уложенія о ежегодной присылкѣ «кабальныхъ записныхъ книгъ» въ Москву, чѣмъ и избавляли себя отъ своевременной провѣрки ихъ записей. Въ одномъ царскомъ указѣ, посланномъ на Елецъ въ 1680 году, напримѣръ, воеводѣ было приказано «прошлыхъ со 160 по нынѣшній 188 годъ кабальные и полонные книги и по книгамъ пошлинные деньги, взявъ у прежнихъ воеводъ и губныхъ старостъ и у подьячихъ, кто въ которыхъ городѣхъ и [у?] того дѣла были», прислать въ Москву съ подьячимъ или съ кѣмъ доведется тотчасъ, не замотчавъ...»; елецкіе воеводы и другое начальство, какъ видно, въ теченіе почти тридцати лѣтъ не присылали кабальныхъ холопьихъ книгъ въ столицу, что и вызвало энергичныя мѣры со стороны центральнаго правительства [1]).

Число извѣстныхъ намъ подлинныхъ старѣйшихъ служилыхъ кабалъ слишкомъ незначительно для того, что бы можно было съ увѣренностью сказать, что колебанія подобнаго рода до того времени вовсе не существовали. Тѣмъ не менѣе, предположеніе, что нѣкоторыя измѣненія въ ихъ формѣ, совершались подъ вліяніемъ указовъ 1586 и 1597 гг. и послѣдующихъ узаконеній не лишено основаній. При формулировкѣ первой клаузулы, напримѣръ, можно замѣтить, что служилыя кабалы довольно часто удовлетворяютъ требованіямъ извѣстнаго указа 7 января 1606 года, особенно послѣ того, какъ онъ былъ

---

1) Уложеніе, гл. XX, ст. 73. Царская грамота елецкому воеводѣ Саввѣ Лукьяновичу Васильчикову отъ 1680 г. мая 15-го въ Тр. Орловской уч. арх. ком. за 1891 г., в. I, Орелъ (1891 г.), сс. 33—35. Краткое сообщеніе объ этой грамотѣ было сдѣлано А. А. Шиловымъ въ одномъ изъ засѣданій Русской секціи Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1906 г.

подкрѣпленъ Уложеніемъ [1]). Тоже можно отчасти, но съ гораздо меньшимъ основаніемъ сказать и про остальныя клаузулы. Въ теченіе XVII-го вѣка форма служилыхъ кабалъ, правда, измѣнялась очень постепенно: даже въ концѣ того же вѣка еще писали «записи за ростъ служити»; онѣ по условіямъ своимъ, кажется, близко подходили къ тому значенію, какое служилыя кабалы имѣли до закона 1597 года, и содержали клаузулу о работѣ должника за ростъ до срока, а также о продолженіи ея, въ случаѣ неуплаты въ срокъ, «до расплаты», хотя бы и у жены и дѣтей кредитора [2]); но записи подобнаго рода, насколько намъ извѣстноо, тогда уже чуть ли не утрачиваютъ названіе служилыхъ кабалъ и рѣдко встрѣчаются; такая терминологія, обнаруживаетъ, что названіе «служилая кабала» вообще уже имѣло иное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что многія изъ вышеуказанныхъ измѣненій въ текстѣ служилыхъ кабалъ, хотя бы онѣ и были писаны разными площадными подъячими, направлены въ одну и ту же сторону, что не говоритъ въ пользу ихъ случайнаго происхожденія: если разные площадные подъячіе обнаруживали общую склонность видоизмѣнять прежнюю форму служилыхъ кабалъ, замѣнять слова: «за ростъ» выраженіемъ «за деньги» и смягчать различіе, проводимое раньше между положеніемъ должника до просрочки и послѣ просрочки уплаты долга, то, значитъ, можно предполагать, что такія колебанія были вызваны какою-либо постоянно дѣйствовавшею причиною, а таковою естественно признать дѣйствіе закона. Постепенность, въ какой такія измѣненія обнаруживались, также, кажется подтверждаетъ только что сдѣланное заключеніе: выше, при разборѣ нѣкоторыхъ разновидностей служилыхъ кабалъ, мнѣ уже пришлось отмѣтить, что съ теченіемъ времени, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, форма M_2 въ извѣстной мѣрѣ получаетъ преобладаніе надъ формой M_1, а типы $P_1 \ldots P_4$ надъ формами M_1, M_2 и т. п.; между тѣмъ форма M_2 нѣсколько болѣе подходитъ къ новымъ требованіямъ правительства, чѣмъ форма M_1, а формы $P_1 \ldots P_4$ болѣе, чѣмъ формы M_1, M_2 и т. п. Наконецъ, и разсмотрѣніе отдѣльныхъ случаевъ приводитъ къ тому же предположенію. Можно замѣтить, что, въ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ

---

[1]) А. И., т. II, № 63. Уложеніе, XX, 9, 47 и 48; послѣдняя статья, однако, начинается со словъ: „а будетъ у кого на холопей такія служилыя кабалы взяты до сего государева указу... (т. е. взяты не порознь, а „двумя людьми вмѣстѣ, отцомъ съ сыномъ“ и т.), и хотя требуетъ „на тѣхъ холопей имати новыя кабалы по сему государеву указу“, но и не разрѣшаетъ „воли по тѣмъ старымъ кабаламъ тѣмъ ихъ холопемъ давати“; ср. *В. Ключевскій*. Op. cit. въ Рус. Мысли 1885 г., № VIII, с. 25.

[2]) *В. Ключевскій*, Происхожденіе крѣпостного права въ Рус. Мысли 1885 г. кн. VIII, с. 33; актъ 1694 года называетъ себя: «заемной кабалой».

однимъ и тѣмъ же лицомъ, форма M_2, принятая имъ, какъ бы устанавливается въ концѣ XVI-го вѣка: «Гаврилка» Вѣшерскій въ двухъ изъ составленныхъ имъ кабалъ, напримѣръ, сохранилъ форму M_1, но въ большинствѣ случаевъ соблюдаетъ уже другую форму, т.-е. M_2, что, можетъ быть, намекаетъ на сравнительно недавнее ея появленіе [1]). Псковскій подъячій «Иванко» Салтановъ, сравнительно долгое время писавшій на площади, въ болѣе раннихъ своихъ служилыхъ кабалахъ преимущественно придерживался формы M_2, а затѣмъ также формы M_3; нѣсколько позднѣе онъ еще имѣетъ въ виду типы (M_1, M_3) и P [2]). Такимъ образомъ, можно думать, что правила, выраженныя уже въ указахъ 1586 и 1597 гг. и подтвержденныя Уложеніемъ, оказывали нѣкоторое дѣйствіе на формуляръ служилыхъ кабалъ, хотя и не требовали, при составленіи ихъ, соблюденія одной и той же формы.

Впрочемъ, служилыя кабалы, писанныя до 1680-го года, насколько извѣстно, сохраняютъ двѣ характерныя особенности, существенно отличающія ихъ отъ служилыхъ кабалъ позднѣйшаго типа: онѣ начинаются съ клаузулы о займѣ и, большею частью, умалчиваютъ о службѣ кабальнаго человѣка «по животъ господина». Лишь постепенно, по мѣрѣ развитія личной крѣпостной зависимости кабальнаго человѣка отъ его господина, клаузула о займѣ теряетъ свое значеніе, а условіе о службѣ «по его животъ», наоборотъ, получаетъ опредѣленную формулировку.

Трудно сказать, съ какого времени клаузула о займѣ стала утрачивать свое реальное значеніе: если судить по записнымъ книгамъ всякихъ крѣпостей, уже служилыя кабалы XVI-го вѣка могли иногда и не содержать условія о займѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, само законодательство стало придавать ему болѣе формальный смыслъ.

Въ самомъ дѣлѣ, судя по записнымъ книгамъ крѣпостныхъ актовъ дьяка Д. Алябьева, между ними были, пожалуй, такіе, въ которыхъ указаніе на «деньги», взятыя въ долгъ, вовсе не встрѣчается. Въ данномъ случаѣ, правда, мы имѣемъ не подлинныя служилыя кабалы, а только записи ихъ въ книгѣ; но и въ такихъ записяхъ составитель ея большею частью отмѣчаетъ, что предъявленная ему кабала—«въ трехъ рублехъ», «въ пяти рублехъ», что «деньги занялъ» такой то человѣкъ и т. п. Между тѣмъ, одна кабала 7072-го года, напримѣръ, записана слѣдующимъ образомъ: «кабала на Олексика Омельянова сына, Григорьева да на его жену Окулину Иванову дочь Селохина. Послуси въ кабалѣ и у кабалы рука Степана Карпова сына Костина, да Нечая Васильева

---

1) Р. И. Б., т. XV, Каб. кн. 7106 г., сс. 3, 35; такое же колебаніе можно замѣтить и въ кабалахъ, писанныхъ Семеномъ Наумовымъ и „Кирилкою“ Трызновымъ; см. ib., сс. 4, 5, 27, 28, 52; Каб. кн. 7108 г., сс. 22, 30, 54, 64.

2) См. выше стр. 736.

сына Жерновскаго руки нетъ. Кабалу писалъ Ѳеонка Борисовъ Михайловъ сынъ, земской дьячокъ Липетцкой лѣта 7072-го». Въ началѣ записи актовъ, предъявленныхъ Григоріемъ Петровымъ сыномъ Есиповымъ, сказано, что онъ вмѣстѣ съ другими документами «положилъ къ запискѣ» пять «служилыхъ кабалъ», въ числѣ которыхъ дьякъ, очевидно, считалъ и вышеприведеную, вмѣстѣ съ другими составляющую указанное число. Въ той же книгѣ можно указать и на другія записи подобныхъ же «кабалъ» отъ 7091 (1583), 7093 (1585) и 7097 гг.[1]). Хотя такихъ указаній въ вышеназванной книгѣ очень мало и всѣ они относятся къ служилымъ кабаламъ, писаннымъ до указа 1597 года, но возможно, что «записи» подобнаго рода не исчезли и въ послѣдующее время.

Тѣмъ не менѣе, судя по извѣстнымъ намъ даннымъ, служилыя кабалы и послѣ смуты обыкновенно писались съ тѣмъ же условіемъ о займѣ. Можно даже думать, что въ то время оно еще не вполнѣ утратило своего реальнаго значенія: служилыя кабалы иногда называются, вмѣстѣ съ тѣмъ и «заемными»[2]). Не говоря о намекахъ на реальное значеніе условія займа, встрѣчающихся въ кабалахъ XVI-го вѣка[3]), легко замѣтить, что и впослѣдствіе размѣры денежнаго долга колеблются и что, значитъ, они еще не стали вполнѣ условными[4]). Въ актахъ того же времени можно встрѣтить и другія подробности, свидѣтельствующія въ пользу того же предположенія: сами вольные люди, поступающіе въ кабальное холопство, иногда признаютъ себя въ своихъ служилыхъ кабалахъ «заимщиками»[5]); на допросѣ они также называются иногда «заимщиками» и заявляютъ, что, поступая въ холопство

---

[1]) Рус. Ист. Библ., т. XV, Зап. кн. Д. Алябьева, №№ 23, 74, 155, 498. Въ такихъ же книгахъ можно указать на записи, въ которыхъ размѣры долга не упомянуты, хотя сказано: „деньги занялъ“ и т. п.; см., напримѣръ, Арх.Ист.-Юр. Свѣд. Кн. 2, 1; зап. кн. Д. Алябьева, с. 59 № 36 и др.

[2]) Моск. Публ. и Рум. Муз., Собр. актовъ И. Д. Бѣляева, сл. каб. 7167 г. февр. 21 („служилая заемная кабала“); 7183 г. дек. 2 (эта „служилая кабала“ въ рукоприкладствѣ названа „заемной кабалой“).

[3]) Рус. Ист. Библ., т. XVII, Зап. кн. Д. Алябьева, № 387; Арх. Ист.—Юр. Свѣд.. т. II, кн. I, Зап. кн. Д. Алябьева, с. 48, № 3 (въ обѣихъ кабалахъ люди занимаютъ не только деньги, но и хлѣбъ); ср. еще Рус. Ист. Библ. т. XVII, Зап. кн. Д. Алябьева, № 144.

[4]) Рус. Библ., т. XVII; здѣсь въ зап. кн. Д. Алябьева въ кабалахъ, писанныхъ въ 1597 году размѣры займа большею частью доходятъ до 3 или 5 р. ib., т. XV; здѣсь въ каб. кн. Д. Алябьева 1597 г. кабалы въ 5 рубл., а въ зап. кн. 1599—1600 гг.—кабалы въ 2 рубл. преобладаютъ. Въ зап. кн., напечатанной Лакіеромъ, служилыхъ кабалъ, писанныхъ послѣ указа 1 февраля очень мало.

[5]) Тр. Орлов. уч. арх. ком. 1889 г., в. V, с. 17; ср. выше с. 737.

«деньги заняли»—заявленіе, которое можно встрѣтить и при запискѣ позднѣйшихъ кабалъ [1]); въ тѣхъ же актахъ заемщики въ нѣкоторыхъ случаяхъ пишутъ, что деньги или серебро они заняли у «человѣка» такого то «государя», называя его по имени и отчеству, или по фамиліи [2]). Въ одной служилой кабалѣ 1651-го года, записанной въ псковскія книги и близкой къ типу P_3, клаузула о займѣ формулирована слѣдующимъ образомъ: «се язъ... занялъ есми на ссуду денегъ три рубли московскимъ числомъ...» и т. п. [3]).

Съ теченіемъ времени, однако, условіе о займѣ, кажется, стало, терять свое реальное значеніе, что не замедлило отразиться и въ законодательствѣ. Почти дословно воспроизводя въ одной изъ своихъ статей старинный законъ объ искахъ по кабаламъ заемныхъ денегъ или [по кабаламъ] «за ростъ служити», Уложеніе уже вводитъ любопытную перемѣну въ терминологію: оно говоритъ не о кабалахъ, а о «записяхъ за ростъ служити»; оно имѣетъ въ виду случаи, когда «кто на комъ ищетъ по кабаламъ заемныхъ денегъ или по записямъ за ростъ служити»; здѣсь Уложеніе какъ будто предпочитаетъ называть служилыя кабалы, по которымъ можно искать заемныя деньги, «записями»; но такое словоупотребленіе едвали успѣло вполнѣ утвердиться [4]). Впрочемъ, если даже не придавать большого значенія намекаемъ подобнаго рода, все же въ Уложеніи можно указать и на другія статьи, свидѣтельствующія о совершающейся перемѣнѣ: сильно понизивъ высшій предѣлъ долга по служилой кабалѣ, (съ 15 рубл. 1550 г. до 3-хъ рубл. 1649 г.), Уложеніе точно опредѣлило его размѣры; оно повелѣваетъ, кажется, согласно установившейся практикѣ, «писати служилыя кабалы площаднымъ подъячимъ на одного человѣка въ трехъ рублѣхъ, а больше и меньше не писати; а пошлинъ имать въ государеву казну съ рубля по алтыну». Такое правило уже приравнивало пошлины съ служилыхъ кабалъ къ поголовнымъ: величина

---

[1]) *В. Борисовъ*, Описаніе г. Шуи, М. 1851 г., сс. 398—399, № 75, (служилая кабала 1676 года).

[2]) Рус. Ист. Библ., т. XVII, Зап. кн. Д. Алябьева, №№ 170, 402, 403 и др.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 83/1625, запись № 278.

[4]) А. И., т. I, № 154, ст. XVI; здѣсь сказано: „кто на комъ ищетъ по кабаламъ заемныхъ денегъ или за ростъ служити да сносовъ и которые заимщики учнутъ въ исцовыхъ искѣхъ по кабаламъ и въ сносѣхъ внитися"..., тѣхъ выдавать въ искахъ головою до искупа; слова „въ исцовыхъ искѣхъ по кабаламъ", надо думать относятся и къ заемнымъ, и къ служилымъ кабаламъ; а Уложеніе говоритъ о томъ, кто на комъ ищетъ по кабаламъ заемныхъ денегъ (т.-е. по заемнымъ кабаламъ) и по записямъ за ростъ служити; ср. *В. Ключевскій*, Op. cit., ib., с. 31 и *В. Сергѣевичъ*, Op. cit., с. 169. Ср. еще ниже л. 753.

пошлинъ, которыя взимались съ служилыхъ кабалъ, писанныхъ на одного человѣка, оказывалась равной величинѣ пошлинъ, уплачиваемыхъ съ холопьихъ крѣпостей, съ которыхъ издавна взимали съ головы по три алтына; такое правило, значитъ, въ данномъ отношеніи, уже сближало служилую кабалу съ безденежною холопьею крѣпостью [1]). Во всякомъ случаѣ вышеприведенное правило указываетъ на то, что условіе о размѣрахъ займа стало подвергаться дальнѣйшимъ формальнымъ ограниченіямъ и что оно, слѣдовательно, начинало терять свой реальный смыслъ для каждаго отдѣльнаго случая. Хотя условіе о займѣ продолжаетъ повторяться даже въ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ во второй половинѣ 1670-хъ годовъ [2]), но со времени появленія указовъ 1586 и 1597 гг., значеніе его должно было измѣниться. Указъ 1597-го года содержитъ постановленіе о томъ, чтобы «денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати» и даже «челобитья ихъ въ томъ не слушати по старымъ кабаламъ». Уложеніе заявляетъ, что кабальный человѣкъ крѣпокъ по кабалѣ тому, на чье имя та кабала написана, и запрещаетъ нѣкоторыя злоупотребленія господъ также на томъ основаніи, что кабальные люди «всякихъ чиновъ людемъ крѣпки по кабаламъ по смерть бояръ своихъ» [3]). Съ такой точки зрѣнія, кабальный человѣкъ какъ бы погашалъ службою по смерть своего «государя» то, что онъ былъ долженъ ему. «Службу во дворѣ» можно было, однако, представить себѣ и безъ займа денегъ, а за одинъ только «прокормъ» и проч. Въ самомъ дѣлѣ, поступленіе на службу во дворъ на такомъ господскомъ содержаніи ставилось въ связь съ кабальной зависимостью. Уже указъ 1597 года не совсѣмъ чуждъ подобнаго рода точки зрѣнія: онъ повелѣваетъ на того, который добровольно прослужитъ у господина «съ

---

[1]) Уложеніе, гл. XX, ст. 19; эту статью можно понимать въ томъ смыслѣ, что при поступленіи въ кабальное холопство одного человѣка долгъ его долженъ быть означенъ въ служилой кабалѣ въ размѣрѣ трехъ рублей; но если въ холопство поступаетъ не „одинъ человѣкъ“, а человѣкъ съ женою или съ женою и дѣтьми, то и размѣры долга могутъ быть соотвѣтственно увеличены. По крайней мѣрѣ въ такомъ смыслѣ понимали означенную статью подьячіе, и послѣ Уложенія писавшіе, напримѣръ, служилую кабалу на человѣка съ женою и сыномъ въ 9 рубляхъ, на вдову съ 2 сыновьями и 1 дочерью въ 12 рубляхъ, на человѣка съ женою и 3 сыновьями въ 15 рубляхъ, на человѣка съ женою, съ 4 сыновьями и 3 дочерьми въ 27 рубляхъ и т. п.; см., напр., А. Ю. Б., т. I, № 93, III и IV; т. II, № 127, X. П. С. З., т. II, № 1293. Собр. И. Д. Бѣляева, сл. каб. 7179 г. марта 18. Ср. *И. Бѣляевъ*, Законы и Акты и проч., ib., с. 107. *В. Ключевскій*, Op. cit. въ Рус. Мысли 1885 г., Кн. VIII, с. 29.

[2]) *В. Борисовъ*, Оп. Шуи, сс. 398—399, № 75; ср. *В. Ключевскій*, Op. cit., въ Рус. Мысли 1885 г., кн. VIII, сс. 29—30.

[3]) Уложеніе, XX, 63; ср. ib., XX, 9, 10, 14, 15, 47, 48, 52, 61, 81 и еще статью о добровольныхъ холопахъ ib., XX, 16.

полгода и больше», «давать служилую кабалу и челобитья его въ томъ не слушать, потому что тотъ человѣкъ того добровольнаго холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ»; въ приведенной статьѣ о добровольныхъ послуживцахъ законъ вовсе не упоминаетъ о займѣ и считаетъ службу вольнаго человѣка во дворѣ за «прокормъ» и проч. въ теченіе извѣстнаго срока условіемъ, достаточнымъ для того, чтобы, принимая во вниманіе давность его службы, выдать на него служилую кабалу, хотя бы онъ самъ и не пожелалъ идти въ холопы[1]). Послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ законодательствѣ, вызванныхъ, можетъ быть, стремленіемъ устранить двойственность въ источникахъ кабальной зависимости, Уложеніе подтвердило правило 1597 года и даже сочло возможнымъ еще болѣе сократить срокъ добровольной службы, ограничивъ ее тремя мѣсяцами; съ того времени, значитъ, понятіе о тѣсной связи между личною службою во дворѣ на господскомъ содержаніи и выдачею служилой кабалы должно было еще болѣе утвердиться [2]). Между тѣмъ условіе, касательно «прокорма» холопа и проч. вообще не встрѣчается въ извѣстныхъ намъ служилыхъ кабалахъ ни старѣйшаго, ни позднѣйшаго типовъ: оно, вѣроятно, зависѣло отъ усмотрѣнія господъ и регулировалось, главнымъ образомъ, обычаемъ и ихъ интересомъ, а не служилою кабалой или закономъ [3]). Слѣдовательно, допуская, что «служба во дворѣ» могла обезпечиваться только «прокормомъ» и проч., но не вводя условія о его выдачѣ въ текстъ служилой

---

[1]) А. И., т. I, № 221, ст. 1; ср. Рус. Ист. Библ., т. XV, Холоп. каб. кн. 7108 г., с. 53 и А. Ю. Б., т. II, № 127, VIII.

[2]) Уложеніе, XX, 16; ср. ст. 30; указъ 1681 г. повелѣваетъ: „буде кто изъ васъ (всякихъ чиновъ людей, имѣющихъ право держать кабальныхъ людей), принявъ человѣка съ отпускною, а кабалы... не возьметъ, а тѣ люди послѣ году отъ кого изъ васъ отойдутъ и дадутъ на себя кабалы... инымъ людямъ, и тѣ люди отданы будутъ по кабаламъ..., а по отпускнымъ въ тѣхъ людяхъ... вамъ отказывати“; тотъ же указъ установлялъ извѣстные сроки для записки подобнаго рода актовъ; см. П. С. З., т. II, № 869. Ср. №№ 1073, 1246, 1278; т. III, №№ 1364, 1490, 1499. Въ дѣлахъ позднѣйшаго времени, когда клаузула о займѣ уже исчезла изъ формуляра служилой кабалы, можно также встрѣтить указанія на связь между службою кабальнаго человѣка во дворѣ и его прокормомъ и проч.: въ 1704 году, напримѣръ, Иванъ Ломовъ билъ челомъ великому государю на Дмитрія Соймонова въ томъ, что послѣдній кабалы на него не беретъ незнамо для чего и не поитъ ево, и не кормитъ, и не обуваетъ и не одѣваетъ“...; см. *К. Побѣдоносцевъ*, Ист. изсл., СПБ., 1876 г., приложеніе № 5.

[3]) А. И., т. II, № 44. Уложеніе, XX, 41, 42, 65 и 92 Ср. П. С. З., т. II, № 992; впрочемъ, условія касательно прокорма и проч. въ жилыхъ и т. п. встрѣчаются; см., напримѣръ, одну „запись“ 1700 года: см. *Н. Калачовъ*, Договоры вольныхъ людей XVII и начала XVIII вѣка и проч. въ Арх. Ист. и Практ. свѣд. 1859 г., кн. I, стр. 90.

кабалы, можно было замѣнить въ ней клаузулу о займѣ клаузулой о простомъ челобитьѣ въ холопство.

Впрочемъ, выраженіе «бить челомъ въ службу» или «бить челомъ въ холопи» могло имѣть и широкое значеніе, приблизительно одинаковое съ значеніемъ выраженія: «давать на себя [служилую] кабалу». Въ Судебникѣ 1550 года извѣстная статья, ограничивающая размѣры долга по служилой кабалѣ, начинается со словъ: «а которые люди вольные учнутъ бити челомъ княземъ и боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ людемъ...» Далѣе, задолго до появленія Уложенія вольные люди, поступавшіе въ кабальную зависимость, при распросѣ, часто объявляли, что они «бьютъ челомъ въ службу» къ господину «волею» или что они «бьютъ челомъ въ холопи» къ нему «волею» и т. п.; но служилыя ихъ кабалы все же писались по прежнему образцу и начинались обычною клаузулою о займѣ [1]). Въ Уложеніи также можно указать нѣсколько статей, въ которыхъ рѣчь идетъ о челобитьѣ въ холопство: «а будетъ къ кому придутъ какіе люди и учнутъ бити челомъ въ холопство, а скажутся, что они вольные люди и тѣмъ людемъ, къ кому они придутъ, [въ случаѣ они дѣйствительно, по распросѣ ихъ въ холопьемъ приказѣ, окажутся вольными]... велѣти на нихъ давать служилыя кабалы» [2]). Не говоря о томъ, что само Уложеніе упоминаетъ здѣсь о челобитьѣ въ [кабальное] холопство лишь мимоходомъ, въ связи съ «распросомъ», а въ статьѣ объ искѣ по служилымъ кабаламъ все еще имѣетъ въ виду «заемныя деньги», естественно предположить, что, если бы оно дѣйствительно разрѣшило писать служилыя кабалы безъ займа, то многіе пожелали бы воспользоваться такимъ разрѣшеніемъ, а это не замедлило бы отразиться и на формѣ служилыхъ кабалъ: но и по обнародованіи Уложенія извѣстныя намъ служилыя кабалы обыкновенно пишутся съ клаузулою о займѣ и только съ 1680 года она окончательно выходитъ изъ употребленія [3]).

---

[1]) Рус. Ист. библ., т. XV, Новг. хол. каб. кн. 7106 г., сс. 9,45; Новг. хол. каб. кн. 7108 г., сс. 2, 3, 4, 8, 9, 76, 77 и др.; сс. 40, 41, 74 и др.; еще А. Ю. Б., т. II, № 127, xi; *И. Бѣляевъ*, Законы и акты о кр. сост. въ Арх. Ист. и Прак. св. 1859 года кн. II, с. 98. Ср., однако, *В. Сергѣевичъ*, Юр. Др., т. I, изд. 3, сс. 170—171. Впрочемъ, люди, поступавшіе въ кабальное холопство, при распросѣ употребляли и другія выраженія, напримѣръ: «деньги занялъ и кабалу на себя такову далъ» или соединяли послѣдній способъ выраженія съ указаннымъ въ текстѣ, напримѣр: «деньги занялъ и кабалу на себя далъ и въ службу ему билъ челомъ» и т. п.; см. Сб. бумагъ Щукина, т. II, с. 121 и др.

[2]) Уложеніе, XX, 7.

[3]) См. ниже с. 758. Впрочемъ, Рейтенфельсъ, жившій въ Москвѣ въ началѣ 1670-хъ годовъ, характеризуетъ компетенцію холопьяго приказа слѣдую-

Другое условіе—о службѣ «по животъ» господина также постепенно и сравнительно поздно проникаетъ въ текстъ служилыхъ кабалъ. Въ сущности такое правило было давно уже высказано примѣнительно къ полоняникамъ; законъ 1556 года повелѣваетъ: «а кто ищетъ полоняника въ холопи, котораго полону ни буди, и утяжетъ его многими свидѣтели и тотъ полоняникъ ему холопъ до его живота, а дѣтемъ его не холопъ; а будутъ дѣти у того полоняника, и тѣ полоняниковы дѣти ему не холопи и дѣтемъ его не холопи же»; лишь въ томъ случаѣ, если «полоняникъ пойметъ робу или какову крѣпость на себя дастъ, и тотъ полоняникъ, какъ и прочеи, холопъ»; но указъ 21 августа не перешелъ въ Уложеніе и едва-ли могъ имѣть большое значеніе для изучаемаго процесса. Позднѣйшій его истолкователь заявляетъ, въ въ состояніе холоповъ, служившихъ «токмо до смерти господина» «входили добровольно изъ вольныхъ людей какъ то изъ чужестранцевъ, изъ мѣщанъ, изъ дѣтей боярскихъ и другихъ чиносостояній, кромѣ только крестьянъ... и, договорясь о платѣ, давали на себя записи, чтобы имъ служить до смерти того, кому они запись дали»[1]). Трудно сказать, въ какой мѣрѣ такое показаніе заслуживаетъ довѣріе; но аналогичное условіе можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ записяхъ XVII-го вѣка, хотя и не относительно всѣхъ вышеуказанныхъ разрядовъ вольныхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, въ записяхъ, которыя иногда назывались «заемными жилыми кабалами» и «заживными», заемщики обязывались работать на хозяевъ или до ихъ смерти, или въ теченіе «урочныхъ лѣтъ», «въ заживъ», погашая долгъ работой; но и по «житецкой записи» вольный человѣкъ иногда обязывался работать на господина «по его смерть» за одинъ только «прокормъ» и проч. и т. п.[2]). Уложеніе допускаетъ довольно разнообразныя формы составленія «записей»: «а которые люди, по его словамъ, учнутъ

щимъ образомъ; „холопій приказъ заботится о рабахъ, записываетъ имена тѣхъ, которые отдаютъ самихъ себя на извѣстное время или совсѣмъ продаютъ себя другимъ въ рабство, что у русскихъ называется кабалою"; но изъ текста, въ которомъ полное холопство смѣшивается съ кабальнымъ, трудно съ достовѣрностью заключить, что служилыя кабалы писались въ то время безъ упоминанія о займѣ; см. *Я. Рейтенфельсъ*, Сказанія, пер. А. Станкевича въ Чт. М. О. И. Др. 1905 г., кн. III, с. 113.

[1]) А. И., т. I, № 154, V, ст. 17 (с. 257). Древ. Рос. Вивл., ч. XX. сс. 254—255.

[2]) А. Ю. Б. т., II, № 127, XIX. *В. Татищевъ*, Лексиконъ, ч. III (1793 г.), s. v. *И. Бѣляевъ*, Законы и акты о кр. сост. въ Арх. Ист. и практ. свѣд. Н. Калачова 1859 г., кн. II, с. 103 («житецкая запись 1646 г.); ср. «данную запись» 1647 г., ib. 101; жилыя записи, заключенныя на срокъ см. ib., сс. 104, 106. *К. Побѣдоносцевъ*, Ист. изсл., прил. № 6. *В. Ключевскій*, Op. cit. въ Рус. Мысли 1885 г., кн. VIII, сс. 31, 32, 33; авторъ называетъ ихъ «заемными заживными», «примѣняясь къ ихъ собственной терминологіи». См. слѣд. прим.

у кого жити во дворѣхъ по записямъ, а въ записи написано будетъ имя того одного, кому запись будетъ дана, а жити имъ у нихъ по ихъ животъ или урочныя лѣта, а не доживутъ урочныхъ лѣтъ: и на нихъ взяти по записи зарядъ; а женъ и дѣтей тѣхъ, кому они на себя такія записи дадутъ, въ тѣхъ записяхъ будетъ не написано, и они по такимъ записямъ женамъ и дѣтемъ тѣхъ, кому они такія записи на себя дадутъ, не крѣпки: и жити имъ по тѣмъ записямъ у тѣхъ людей, кому они тѣ записи на себя дадутъ, по ихъ животъ; а по смерти ихъ женамъ ихъ и дѣтемъ до нихъ дѣла нѣтъ»[1]). Такія записи, значитъ, судя по приведенной статьѣ, могли быть написаны на имя одного хозяина, съ условіемъ жить «по его животъ» или на урочныя лѣта; записи подобнаго рода иногда назывались «служилыми»[2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже указъ 9 марта 1608 года запретилъ принимать и записывать въ приказѣ холопьяго суда «записи на вольныхъ людей, что имъ служити до своего живота у всякихъ людей»[3]); Уло-

---

[1]) Уложеніе, XX, 44; ср. еще *Г. Котошихинъ*, О Россіи, VII, 31: «кто кого окупити похочетъ, тому и холопъ вѣчной, по его животъ или женѣ его и дѣтей».

[2]) Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древ. кн. 25, Смѣсь, сс. 2—4: „служивая запись“ иконописца Ивана Драпшникова, данная имъ Хутынскаго монастыря архимандриту, Кипріяну 7123 года сентября въ 3 день. Въ своей записи Ив. Драпшниковъ обязуется «во всякихъ службахъ черныхъ служити ему... до Кипріянова живота, ... а на сторону,... не писати»; но за свою безотходную службу онъ выговариваетъ себѣ жалованіе и мѣсечину; въ случаѣ же онъ «не похочетъ у архимандрита жити и служити»..., онъ обязуется уплатить ему 100 руб. Впрочемъ, «служилыя записи» заключались и на срокъ, не «до живота» государя; см., напримѣръ, запись, которая называется въ текстѣ «жилой», а площаднымъ подьячимъ, писавшимъ ее, «служилой»: она заключена въ 1686 г. на урочные годы, а именно на 10 лѣтъ. А. Ю. Б., т. II, № 127, XV (здѣсь она напрасно причислена къ служилымъ кабаламъ); см. еще „служилую запись“ 1695 года, въ силу которой крестьянскій сынъ помѣщика Ѳомы Елисеевича Веревкина, Гаврила Артемьевъ обязуется «жить» съ капитаномъ съ Григорьемъ Черевинымъ «на службѣ» въ Воронежѣ и «изъ Воронежа, куда великіе государи укажутъ,... покамѣстъ та великихъ государей служба минется»... въ Рус. Вивл. изд. Н. Полевымъ, т. I, сс. 397—398. и т. п. Ср. выше с. 748.

[3]) А. И., т. II, № 85, ст. 3. Выраженіе „до своего живота“ приведенныя въ текстѣ, кажется, надо понимать въ смыслѣ службы кабальнаго человѣка до его смерти, а не до смерти его господина, что уже и было предложено проф. В. О. Ключевскимъ. (Op. cit., Рус. Мысль, 1885 г., кн. VIII, сс. 30-31). Самое выраженіе „до его живота“ и т. п. въ такомъ смыслѣ употребляется, напримѣръ, въ Уложеніи, XVI, 9 и XVII, 12; въ бѣжецкихъ служилыхъ кабалахъ выраженіе «до своей смерти» надо, вѣроятно, толковать, въ смыслѣ смерти кабальнаго человѣка; въ противномъ случаѣ, т. е. желая выразить, что онъ долженъ служить до смерти господина, въ служилыхъ кабалахъ обыкновенно писали: «до его

женіе, въ вышеприведенныхъ статьяхъ, также разрѣшало заключеніе записей по животъ господина, а не по смерть холопа.

Несмотря на то, что указы 1586 и 1597-го годовъ, а также послѣдующія узаконенія, казалось, должны были содѣйствовать введенію такого же условія и въ текстъ служилыхъ кабалъ [1]), оно долгое время въ большинствѣ изъ нихъ не встрѣчается: самъ законъ не настаивалъ на томъ, чтобы оно было включено въ формуляръ служилой кабалы; въ то время послѣдній измѣнялся медленно и далеко не всегда соотвѣтствовалъ дѣйствительности. Любопытная запись въ одной изъ старѣйшихъ новгородскихъ кабальныхъ холопьихъ книгъ показываетъ напримѣръ, что вышеприведенное условіе могло дѣйствовать и помимо служилой кабалы: 4 апрѣля 1600 года Нечайко Трубановъ подалъ челобитную новгородскимъ приказнымъ властямъ, а сказалъ: «служилъ деи онъ по служилой кабалѣ з докладу з женою и з дѣтьми у подьячего Петра Ансина по его животъ»; подьячій умеръ въ 7108-мъ году, а его жена «моритъ голодомъ» челобитчика съ его семьею и «отъ собя ихъ не отпущаетъ»; челобитная его, надо думать, содержала просьбу о выдачѣ ему отпускной; взамѣнъ ея вдова Петра Ансина «выдала» Не-

---

смерти», или «по его животъ»; въ образцовомъ письмѣ 1680-го года, гдѣ рѣчь идетъ о службѣ кабальнаго холопа до смерти «его государя», также сказано «по его животъ»; см. выше сс. 735 и др. Нельзя не имѣть въ виду также, что указъ 9 марта велѣно было «написать къ прежнимъ указамъ», въ томъ числѣ и къ указу царя Ѳедора Ивановича, т. е. надо думать, къ извѣстному указу 1597 года, съ которымъ, однако, указъ 9 марта находился бы въ разногласіи, если его понимать въ смыслѣ запрещенія составлять записи о службѣ по смерть господина. Наконецъ, указъ 9 марта ссылается въ подкрѣпленіе, на «первый указъ и Судебникъ», а ниже упоминаетъ о Судебникѣ и объ указѣ царя Ѳедора Ивановича. Впрочемъ, въ указѣ 9 марта можно отмѣтить и другіе тексты, вызывающіе сомнѣніе въ правильности предлагаемаго толкованія. Въ началѣ указа, напримѣръ, сказано: «Государь...указалъ, которые люди всякихъ чиновъ учнутъ приносити вамъ въ холопей приказъ къ записке записи на вольныхъ людей, что тѣмъ вольнымъ всякимъ людемъ у тѣхъ людей служити по тѣмъ записямъ до своего живота, и тѣхъ записей... въ холопьи записные книги записывати не велѣлъ...»; здѣсь слово «своего», казалось бы можно относить къ словамъ «всякихъ чиновъ люди»; но въ данномъ текстѣ составитель указа видимо передаетъ содержаніе самихъ записей, а онѣ, конечно, писались отъ лица «вольныхъ людей», поступавшихъ въ кабальные холопы; да и относить слово «своего» можно, пожалуй, и къ словамъ: «вольнымъ всякимъ людемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ указъ повелѣваетъ «имати записи на вольныхъ людей всякимъ людемъ на урочные лѣта, по прежнему уложенію», что, какъ будто, также не согласуется съ законами 1586 и 1597 гг.: но указъ 9 марта, въ сущности, говоритъ о «записяхъ», а не о «служилыхъ кабалахъ»; Уложеніе проводитъ различіе между «записями» на «урочные годы» и служилыми кабалами; см. Уложеніе XX, 105.

[1]) См. выше л. 739.

чайкѣ Труѳанову его прежнюю служилую кабалу за дьячею приписью. Содержаніе акта приведено въ той же записи; но онъ писанъ по обычной формѣ M_1, безъ всякаго упоминанія о томъ, что Нечайка Труѳановъ обязывается служить Петру Аисину «по его животъ». Воевода и дьяки новгородскіе, «выслушавъ кабалу, велѣли «тое служилую кабалу въ отпускные мѣсто записати въ книги», а, записавъ, отдать ее Нечайку Труѳанову [1]).

Впрочемъ, въ нѣсколько позднѣйшихъ служилыхъ кабалахъ можно уже встрѣтить выраженія, намекающія на измѣнявшіяся отношенія между кабальными людьми и ихъ господами: въ одной изъ псковскихъ служилыхъ кабалъ, напримѣръ, послуживица Аѳанасія Ивановича Дубровскаго «Пелагѣйка» Яковлева, занимая три рубля денегъ у жены его, Авдотьи Григорьевны, обязуется служить ей во дворѣ «своею головою вѣчно» [2]). Постепенное упраздненіе реальнаго значенія клаузулы о займѣ, еще фигурирующей въ подобнаго рода актахъ, также могло оказать вліяніе на появленіе въ нихъ условія о службѣ до смерти господина: по крайней мѣрѣ указъ, упразднившій въ служилыхъ кабалахъ клаузулу о займѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ ввелъ въ ихъ формуляръ условіе о службѣ кабальнаго человѣка во дворѣ господина «по его животъ». Съ такой точки зрѣнія, кажется легче было бы объяснить, почему условіе о службѣ «по животъ» господина, лишь сравнительно поздно проникаетъ въ текстъ служилыхъ кабалъ.

Въ самомъ дѣлѣ, извѣстныя намъ служилыя кабалы старшаго типа съ категорическимъ условіемъ о службѣ «по животъ» «государя» рѣдки; но можно указать цѣлый рядъ переходныхъ ступеней въ обозначеніи того же понятія. Въ вышеуказанной служилой кабалѣ, которую Пелагея Яковлева дала на себя Авдотьѣ Григорьевнѣ Дубровской въ 1658-мъ году, третья клаузула формулирована слѣдующимъ образомъ: «а будетъ я, Пелагѣйка, на срокъ тѣхъ денегъ еѣ, Овдотьи, не отдамъ, и я у ней Пелагѣйка служить во дворе завсегда прочна»; въ данномъ случаѣ выраженіе: «служить по вся дни во дворѣ» замѣнено выраженіемъ «служить во дворѣ завсегда прочна» [3]). Въ другихъ актахъ подобнаго рода то же выраженіе—«служить по вся дни во дворѣ» замѣняется выраженіемъ «служить вѣчно во дворѣ», что, напримѣръ, можно встрѣтить въ псковскихъ и въ великоустюжской служилыхъ кабалахъ

---

[1]) Рус. Ист. Библ., т. XV Зап. кн. 7108 г., с. 53; въ началѣ записи Нечайка Труѳановъ названъ: „Петровской послужилецъ Аисина“, но затѣмъ говорится, что онъ служитъ по служилой кабалѣ и т. д.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 83/1625, запись № 359.

[3]) Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 83/1625, запись № 359.

1657—1658 гг. [1]). Въ одной изъ сравнительно позднихъ служилыхъ кабалъ, орловской—1674-го года, послѣдняя мысль выражена болѣе точно: въ силу ея «Васька» Исаевъ обязуется служить Игнатью Никитичу Логвинову и всякую работу работать «по ево вѣкъ»; тоже словоупотребленіе сохранилось и въ нѣкоторыхъ служилыхъ кабалахъ позднѣйшаго типа [2]). Впрочемъ, уже въ болѣе раннихъ служилыхъ кабалахъ та же мысль выражается въ нѣсколько иной формѣ, съ теченіемъ времени окончательно утвердившейся: вмѣсто того, чтобы писать: «служить по его вѣкъ» стали писать: «служить по его животъ». Въ одной изъ псковскихъ служилыхъ кабалъ 1628-го года такая формула уже встрѣчается; ею «вдова Анница Микитина дочь Яковлевское женишко Омашново» обязуется за занятыя ею у Сергѣя Гурьева сына Воронцова деньги «служити у нево государя своего у Сергѣя Гурьевича до сроку по вся дни по ево животъ во дворѣ», «а по сроце»... «у нево государя своего служити потому жъ по вся дни во дворѣ» [3]). Самая форма, въ которой условіе о службѣ «по животъ государя» выражено въ этомъ актѣ, показываетъ, однако, что въ то время оно, вѣроятно, еще не утвердилось: означенное условіе включено во вторую клаузулу о службѣ до истеченія годового срока, что, разумѣется, плохо вяжется съ условіемъ о службѣ «по животъ государя», которое должно было бы занять мѣсто въ третьей клаузулѣ. Со времени Уложенія, упоминающемъ о «крѣпостныхъ» (кабальныхъ?) холопахъ, которые служатъ у господъ по ихъ смерть, то же условіе, кажется, начинаетъ чаще встрѣчаться [4]). Въ одной изъ служилыхъ кабалъ 1648 года, напримѣръ, Михѣй Ивановъ Курба, бывшій послуживецъ Петра Ногина, занимаетъ деньги у пусторжевскаго помѣщика Дмитрія Даниловича Алексѣева и обязуется служить ему «до его смерти», но считаетъ нужнымъ присовокупить: «а Богъ его душу возметъ, и я чѣловѣкъ вольной» [5]); такая прибавка, можетъ быть, указываетъ на то, что сама формула еще не отлилась въ окончательную форму. Впрочемъ, служилая ка-

---

[1]) Моск. Публ. и Румянц. Музей, Собраніе актовъ И. Д. Бѣляева, сл. каб. 7166 г. ноября 7. Арх. Мин. Юст., ib., №№ 361, 362. ср. выше объ условіи о службѣ „до своей смерти“ сс. 735, 753—754.

[2]) Моск. Публ. и Румянц. Музей, Собр. И. Д. Бѣляева, ib., сл. каб. 7183 г. дек. 2; ср. *В. Ключевскій*, Op. cit., въ Рус. Мысли 1885 г., кн. VIII, с. 29.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 78/1620, запись №№ 93; почти тоже въ №№ 115, 517 („по смерть“ государя).

[4]) Уложеніе, XX, 114; Уложеніе иногда противупоставляетъ стариннаго холопа кабальному, или старину—кабалѣ, а кабалу называетъ „крѣпостью,“ ср. ib., XX, 81, 87, 108, 115 и др.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову, № 85/1625 записи №№ 196 и 199; объ 1648-го года.

бала Михѣя Курбы писана по формѣ P_2 и условіе о его службѣ до смерти господина, помѣщенное въ концѣ второй и послѣдней клаузулы текста, лучше согласовано съ его содержаніемъ. Наконецъ, та же формула попадается и въ болѣе упрощенной формулировкѣ, напримѣръ, въ служилой кабалѣ 1659 года, также записанной въ псковскія книги: ею вольный человѣкъ Микула Алексѣевъ обязуется за занятыя имъ у псковскаго помѣщика Елисѣя Ѳролова сына Полибина деньги «до сроку и по сроце по ево Елисѣевъ животъ жить и служить во дворѣ по вся дни». Такая форма уже близко подходитъ къ тому образцу, по которому съ 1680-го года стали писать служилыя кабалы: но и въ ней клаузула о займѣ еще не уступила мѣста клаузулѣ о челобитьѣ въ холопство и слова «до сроку и по сроцѣ» еще не исчезли, хотя формула о повседневной службѣ по просрочкѣ долга уже замѣнена формулой о такой же службѣ кабальнаго холопа «по животъ его государя» [1]). Возможно что въ то время составленіе служилыхъ кабалъ подобнаго рода стало уже входить въ нѣкоторое употребленіе: знатокъ московскаго приказнаго дѣлопроизводства, характеризуя вѣдомство приказа холопьяго суда, пишетъ, что «на кабальныхъ людей даютъ кабалы вѣчные, будетъ бьетъ челомъ кому во дворъ, на ево имя самого или жены его или дѣтей по ихъ вѣкъ, а не на урочные лѣта» [2]).

Такимъ образомъ, можно сказать, что въ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ во время Уложенія, клаузула о займѣ еще обыкновенно встрѣчается, а условіе о службѣ «по животъ» господина попадается рѣдко. Сочетаніе же въ формулярѣ служилой кабалы новой клаузулы о челобитьѣ въ холопство съ клаузулой о службѣ во дворѣ господина «по его животъ», надо думать, пока еще вовсе не установилось или употреблялось крайне рѣдко; но сочетаніе подобнаго рода могло уже попадать въ нѣкоторыя записи даже болѣе ранняго времени. Въ записной книгѣ крѣпостныхъ актовъ, явленныхъ дьяку Д. Алябьеву, напримѣръ, имѣется «запись» 1596 года, слѣдующаго содержанія: «Осипъ Игнатьевъ сынъ билъ челомъ въ службу Борису Ѳедорову сыну Вельяшеву по его животъ...» [3]). Въ новгородской кабальной книгѣ позднѣйшаго времени, а именно 1647 года, можно также отмѣтить «житейскую запись», въ которой «послуживецъ» подьячаго, послѣ его смерти оставшійся жить во дворѣ его вдовы безъ займа, бьетъ челомъ послѣдней

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., Вотч. конт. по г. Пскову № 83/1625, запись № 399; вм. словъ „жить и служить,“ иногда встрѣчающихся въ служилыхъ кабалахъ того времени, въ образцовомъ письмѣ сказано только: „служить“.

[2]) *Г. Котошихинъ*, О Россіи, VII, 31.

[3]) Рус. Ист. Библ., т. XVII: Зап. кн. Д. Алябьева, № 148; ср. выше сс. 752—753.

«во дворѣ служить до ея смерти» [1]). Итакъ судя, по вышеуказаннымъ примѣрамъ, можно думать, что въ то время писали и такія записи, которыя не содержали условія о займѣ и заключались по животъ господина, т.-е. существенно приближались къ той формѣ служилыхъ кабалъ, которая была установлена въ образцовомъ письмѣ, приведенномъ въ указѣ 1680 года.

Указъ, установившій новый формуляръ служилыхъ кабалъ появился вскорѣ послѣ производства новой переписи и послѣ извѣстнаго указа о томъ, что-бы «всякія дѣла вѣдать однимъ воеводамъ» [2]). Этотъ указъ, надо думать, былъ вызванъ и желаніемъ московскаго правительства ввести, наконецъ, въ формуляръ служилой кабалы условія, соотвѣтствующія измѣнившемуся положенію кабальныхъ холоповъ, а также правиламъ, давно уже высказаннымъ въ прежнихъ узаконеніяхъ, и его стремленіемъ сдѣлать такой формуляръ общеобязательнымъ. Въ царскомъ указѣ елецкому воеводѣ отъ 15 мая 1680-го года, говорится, что «въ городахъ записывали служилыя кабалы... въ губныхъ избахъ губные старосты, а нынѣ указали мы, великій государь, служилыя кабалы... записывать въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людямъ по нашему, великаго государя указу и по Уложенію, распрашивая передъ собою на лицо и въ рожи и въ примѣты, описывать именно, а въ служилыхъ кабалахъ денегъ и росту не писать». Такимъ образомъ, указъ 1680-го года, упраздняя клаузулу о займѣ, въ то время, вѣроятно, уже имѣвшую скорѣе фиктивное, чѣмъ реальное значеніе, не подкрѣпляетъ этой мѣры ссылками на какой либо предшествующій указъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указъ 1680-го года вводитъ въ устанавливаемую форму служилыхъ кабалъ извѣстное условіе о службѣ «по животъ» господина, что видно изъ приложеннаго къ нему «образцоваго письма», въ которомъ было указано, «какъ служилые кабалы писать». И дѣйствительно, къ грамотѣ 1680 года присоединено образцовое письмо слѣдующаго содержанія:

Се азъ имярекъ въ нынѣ дана во сто восемьдесятъ осьмомъ году мая въ.....день билъ челомъ въ холопство имярекъ и служилую кабалу ему на себя даю волею своею, а служити мнѣ у него во дворѣ по его животъ.

А на то послухи.

А служилую кабалу писалъ... [3]).

---

[1]) *В. Ключевскій*, Op. cit. въ Рус. Мысли 1885 г., кн. VIII, с. 31. Ср. еще выше сс. 753—754.

[2]) П. С. З., т. II, № 779.

[3]) Тр. Орловской уч. арх. ком. за 1891 г., в. I, Орелъ (1891 г.), с. 35. Въ виду того, что чтеніе текста этой грамоты въ томъ видѣ, въ какомъ онъ напечатанъ въ трудахъ Орловской комиссіи, вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія, я пытался

Время, когда вышеприведенное образцовое письмо, было составлено, точно не указано; но оно, во всякомъ случаѣ, уже разсылалось весною 1680 года, о чемъ и свидѣтельствуетъ царская грамота елецкому воеводѣ отъ 15 мая того же года. Чтеніе текста письма въ томъ видѣ, въ какомъ оно было напечатано, къ сожалѣнію, вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія: слова «въ нынѣ дана...» не имѣютъ смысла; можетъ быть, слѣдуетъ читать: «въ нынѣшнемъ...»; далѣе, издатели грамоты не сообщаютъ, соблюдены ли красныя строки въ самомъ подлинникѣ, или онѣ установлены ими въ печатномъ текстѣ для облегченія чтенія; наконецъ, интерпунктуація текста можетъ быть также требовала бы маленькаго видоизмѣненія: составители старинныхъ грамотъ часто пользовались союзомъ «а» въ смыслѣ: «потомъ, затѣмъ» и начинали съ него изложеніе новой мысли и т. п.; въ разсматриваемомъ нами актѣ слова «а служити мнѣ...» также представляютъ особую клаузулу, которую можно было бы начинать съ прописной буквы: «А служити мнѣ...» и т. д. Заключительныя слова образцоваго письма: «а служилую кабалу писалъ» приведены въ сокращеніи, вѣроятно, въ самомъ документѣ: послѣ «писалъ» надо было означить: такой то подьячій, напримѣръ: «Ивановские площади подьячей имярекъ». Судя по тому, что вышеприведенное образцовое письмо слѣдуетъ за грамотою, уже послѣ ея датировки, можно думать, что оно составляло особый документъ, текстъ котораго случайно сохранился въ приложеніи къ царской грамотѣ елецкому воеводѣ.

Впрочемъ, вышеуказанныя сомнѣнія не имѣютъ особенно важнаго значенія и текстъ служилыхъ кабалъ, позднѣйшаго типа, самъ по себѣ, понятенъ. Новая форма во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманіе: она не содержитъ никакого упоминанія о займѣ, которое замѣнено условіемъ о челобитьѣ «въ холопство» даже безъ указанія на то, что оно кабальное; условія о службѣ «за ростъ» или «за деньги» «до сроку», и «по сроцѣ» также исчезаютъ, а взамѣнъ его рѣчь идетъ только о томъ, что еще было предусмотрѣно указами 1586 и 1597 гг., т.-е. о службѣ «по животъ государя», значитъ, о пожизненномъ его правѣ на кабальнаго человѣка. Благодаря такимъ перемѣнамъ форма служилой кабалы стала значительно проще; она содержитъ двѣ клаузулы: 1) челобитье въ холопство: «се азъ имярекъ въ нынѣшнемъ... году такого то мѣсяца въ такой то день билъ челомъ въ холопство», съ добровольной дачей на себя служилой кабалы «государю»: «и служи-

---

нѣсколько лѣтъ тому назадъ черезъ посредство Академіи Наукъ, выписать подлинникъ въ Отдѣленіе Рукописей Академической Библіотеки „срокомъ хотя бы на мѣсяцъ“; но до сихъ поръ ходатайство Академіи Наукъ, насколько мнѣ извѣстно, не было удовлетворено. Ср. выше с. 751.

лую кабалу ему на себя даю волею своею»; 2) обязательство служить во дворѣ «государя по его животъ»: «а служити мнѣ у него во дворѣ по его животъ»; удостовѣрительная-же часть—прежняя: «а на то послухи такіе то»; «а служилую кабалу писалъ такой то площади подьячій имярекъ».

Порядокъ совершенія акта, кажется, также остался безъ существенныхъ измѣненій, но пошлины съ него окончательно получили характеръ поголовныхъ; указъ 1680-го года содержитъ правило о томъ, что-бы «пошлинъ имать по прежнему: со всякаго человѣка мужскаго и женскаго полу по три алтына» [1]).

Появленіе новой обязательной формы составленія служилыхъ кабалъ не замедлило повліять и на практику площадныхъ подьячихъ. Уложеніе уже повелѣло «мимо площадныхъ подьячихъ и безъ послуховъ никому ни на кого крѣпостей (въ большихъ дѣлѣхъ) не писати» [2]); такіе подьячіе находились въ нѣкоторой зависимости отъ правительства, и, слѣдовательно, должны были содѣйствовать осуществленію его указовъ, касавшихся составленія служилыхъ кабалъ; въ наказной памяти астраханскому «старостѣ» площадныхъ подьячихъ, напримѣръ, ему было предписано «указныя памяти и записныя книги принять» и наблюдать за тѣмъ, что-бы «всякія крѣпости и постороннія письма» писали съ его «вѣдома...»; а за ослушаніе указъ грозилъ тому, на кого староста подастъ «докладныя письма, за руками, въ приказной палатѣ», отказать «отъ площеди» [3]). Естественно, что при такихъ условіяхъ площадные подьячіе уже не могли допустить прежняго разнообразія формъ служилыхъ кабалъ: дѣйствительно, тѣ изъ нихъ, которыя намъ извѣстны, съ 1680 года обыкновенно пишутся по новому образцу. Служилая кабала, писанная Ивановской площади подьячимъ «Ивашкой» Богдановымъ 17 мая 1680 года, т.-е. два дня спустя послѣ царскаго указа елецкому воеводѣ, напримѣръ, уже соотвѣтствуетъ новымъ тре-

---

[1]) Тр. Орлов. уч. арх. ком., за 1891 г., в. I, с. 33; указъ 6 ноября 1705 года предписываетъ брать „съ крѣпостей и на людей въ домы служилыхъ и съ ссудныхъ на крестьянъ по 5 алтынъ съ крѣпости“; см. П. С. З., т. IV, № 2080.

[2]) Уложеніе, X, 246, 250; ср. XX, 19.

[3]) А. И., т., V, № 149; ср. П. С. З., т. I, №№ 272 и 374. *Н. Оглоблинъ*, Op. cit. въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1894 г., сентябрь, с. 141: площадные подьячіе „особенно часто фигурируютъ въ роли кандидатовъ на подьяческія мѣста воеводскихъ учрежденій“; они „опредѣлялись“ воеводами, иногда даже „по государеву указу“, въ „указанномъ числѣ“, и исполняли воеводскія порученія; одинъ площадный подьячій жаловался на то, что съ него продолжаютъ взимать „площадной откупъ“, хотя онъ уже пересталъ „писать на площади“ и т. п.; ср. ib. сентябрь, сс. 129, 131, 132, 135, 136, 141—147; октябрь, сс. 225, 231, 233, 237, 241. См. еще о жалованьи площаднымъ подьячимъ и проч. П. С. З., т. IV, №№ 1836, ст. 13; 1848 и 1850.

бованіямъ [1]). Несмотря на то, что число извѣстныхъ намъ служилыхъ кабалъ, писанныхъ послѣ указа 1680-го года, довольно ограничено, можно думать, что онъ вообще оказалъ существенное вліяніе на ихъ форму [2]): подьячіе, писавшіе на площадяхъ разныхъ городовъ, или одной и той же мѣстности, но въ разное время обыкновенно придерживаются вышеприведеннаго оффиціальнаго образца; уклоненія отъ него въ большинствѣ извѣстныхъ мнѣ случаевъ маловажны и не вносятъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ обычный текстъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можно указать, напримѣръ, на служилыя кабалы, писанныя по такой формѣ и на Ивановской площади въ Москвѣ, и въ замосковныхъ городахъ: Переяславлѣ Залѣсскомъ, Суздалѣ, Угличѣ, Кашинѣ, Галичѣ, Костромѣ и Лухѣ; и въ многихъ южныхъ, преимущественно украинныхъ городахъ: Тулѣ, Каширѣ, Алексинѣ, Бѣлевѣ, Болховѣ, Перемышлѣ, Козельскѣ и Землянскѣ; и въ рязанскихъ и понизовыхъ городахъ: Переяславлѣ Рязанскомъ и Зарайскѣ, а также въ Нижнемъ Новгородѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ легко замѣтить, что подьячіе одного и того же поселенія въ теченіе разсматриваемаго времени почти не уклонялись отъ формы, изложенной въ указѣ 1680 года. Можно привести, напримѣръ, цѣлый рядъ служилыхъ кабалъ, писанныхъ разными подьячими Ивановской площади въ 1680—1685, 1687, 1690—1694 и 1698 гг. и не обнаруживающихъ существенныхъ уклоненій отъ оффиціальнаго образца [3]); то же единообразіе и въ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ, напримѣръ, въ Кашинѣ въ 1682 и 1689 гг. [4]), въ Суздалѣ — въ 1687 и 1693 гг. [5]), въ Болховѣ въ 1684 и 1688 гг. и въ Бѣлевѣ въ 1689 и 1697 гг. [6]). Подьячіе нижегородской площади: «Ѳедька» Андре-

---

[1]) Моск. Румянц. и Публ. Музей, Собр. актовъ И. Д. Бѣляева, служ. каб. 7188 г. мая 17.

[2]) Въ собраніи актовъ И. Д. Бѣляева въ Моск. Рум. и Публ. Муз., сохранилась до 23 служилыхъ кабалъ, писанныхъ въ 1680—1701 гг.; печатныхъ можно насчитать до 25, считая одну служилую кабалу въ Оп. Линев. Арх., ч. I, № 183, напечатанную въ сокращенномъ видѣ и не считая „сказки“ въ А. Ю., № 405.

[3]) Моск. Рум. и Публич. Муз., Собр. актовъ И. Д. Бѣляева, служ. каб. 7188 г. мая 17—7202 г. мая 30-го. А. Ю. Б., т. I, № 193, VIII, IX; т. II, № 127, XII, XIV, XVIII. Лѣт. зан. Археогр. Ком., в. V, с. 98. Дѣйствія Нижегород. губ. уч. арх. ком. за 1889 г., в. VI, с. 237. *Н. Селифонтовъ*, Оп. Линев. Арх., ч. I, № 181; ч. II, № 81.

[4]) А. Ю. Б., т. I, № 93, V; т. II, № 127, XVII.

[5]) Моск. Рум. и Публ. Музей, Собр. актовъ И. Д. Бѣляева, служ. каб. 7202 г. дек. 4. *Н. Селифонтовъ*, Оп. Линев. арх., ч. II, №№ 82 и 83.

[6]) Тр. Орловской губ. уч. арх. ком. 1889 г., в. VI, сс. 16 и 17.

[7]) А. Ю. Б., т. I, № 93, VII. Рус. Вивл., изд. Н. Полевымъ, т. I, М. 1833 г., с. 404.

евъ, «Родька» Гавриловъ, Николай Колмаковъ, «Ивашко» Кроминъ и «Андрюшка» Павловъ въ 1686—1687 гг., видимо придерживались одного и того же образца [1]).

Такія совпаденія даютъ основаніе предполагать, что указъ, подобный тому, который былъ адресованъ елецкимъ воеводамъ, вмѣстѣ съ «образцовымъ письмомъ» служилой кабалы былъ также разосланъ въ другіе города и оказалъ замѣтное вліяніе на составленіе служилыхъ кабалъ позднѣйшаго типа: можно думать, что ихъ писали согласно одному, общеобязательному образцу, а потому и различія между актами подобнаго рода послѣ 1680-го года уже не могли быть значительными [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, въ извѣстныхъ мнѣ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ съ 1680-го года, отступленія отъ оффиціальнаго образца состоятъ скорѣе въ разъясненіяхъ его текста, чѣмъ въ уклоненіяхъ отъ

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Городск. кн. по Нижнему Новгороду, № 41.

[2]) Въ числѣ извѣстнымъ мнѣ служилыхъ кабалъ изъ собранія И. Д. Бѣляева, правда, можно указать одну, 7190 г. янв. 15, которая отличается отъ обычнаго типа кабалъ позднѣйшаго времени тѣмъ, что не содержитъ словъ: „и служилую кабалу ему на себя даю волею своею.“ Въ данномъ случаѣ такой пропускъ, можетъ быть, объясненъ простою случайностью: служилую кабалу 7190 г. янв. 15 писалъ Ивановской площади подьячій „Аврамка“ Кириловъ; но въ служилыхъ кабалахъ отъ 7190 г. янв. 4 и янв. 15, а также 7191 г. февр. 13 (ихъ всего 5), писанныхъ тѣмъ же площаднымъ подьячимъ, такого пропуска нѣтъ. Составитель примѣчаній къ указу елецкому воеводѣ С. Л. Васильчикову указывалъ на „отступленія“ отъ „образцоваго письма“, ссылаясь на А. Ю. Б., т. II, 127, XV, XIX и XX (см. Тр. Орловской губ. уч. арх. ком. 1891 г., в. I, с. 35); но при ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ актовъ легко убѣдиться, что № XV, по словамъ писавшаго ея площадного подьячего,—„служилая запись“ (въ текстѣ она названа также „жилою записью“), которую слѣдуетъ отличать отъ служилой кабалы; № XIX,—по словамъ поручителей, „заимная и жилая кабала;“ а № XX, по словамъ послуховъ,—„заемная кабала“; редакторъ „Актовъ“ напрасно отождествилъ ихъ съ служилыми кабалами, чѣмъ ввелъ, въ заблужденіе и другихъ. Въ А. Ю. также напечатанъ документъ 1687 г., озаглавленный: „служилая кабала на холопство Прокопія Полуектова“ (№ 405); въ немъ нѣтъ третьей клаузулы о службѣ „по животъ“ господина; но № 405 заканчивается словами: „то моя и сказка. А сказку писалъ Углецкіе площади подьячей Сергушка Микифоровъ;“ значитъ, и въ данномъ случаѣ редакторъ Актовъ Юридическихъ напрасно назвалъ напечатанный имъ документъ „служилой кабалой,“ а не „сказкой“, сказанной Прокопіемъ Полуектовымъ въ съѣзжей избѣ передъ углечскимъ воеводой при поступленіи своемъ въ кабальное холопство; въ такихъ сказкахъ, дѣйствительно, содержаніе третьей клаузулы могло не упоминаться, хотя бы она и входила въ составъ самого акта, въ чемъ легко убѣдиться, напримѣръ, заглянувъ въ А. Ю. Б., т. II, № 127, XIII или въ Дѣйствія Нижегород. губ. уч. арх. ком. 1889 г., в. VI, с. 237 и др.; но условіе о службѣ „по животъ“ господина могло быть включено и въ „сказку“; см. А. Ю. Б., т. II, № 127, XVII.

него [1]). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, правда, указаніе на время заключенія сдѣлки, помѣщенное въ клаузулѣ 1-ой, («се азъ имярекъ въ нынѣ[шнемъ] во сто восемьдесятъ осьмомъ году мая въ.....день» и т. д.) отсутствуютъ; но оно замѣняется упоминаніемъ о времени написанія акта, послѣ словъ: «а кабалу писалъ такой то площади подьячій...», вслѣдъ за которыми онъ и указывалъ годъ, мѣсяцъ и число составленія служилой кабалы. Остальныя отличія представляются еще менѣе существенными. Въ 1-ой клаузулѣ, напримѣръ, въ многихъ извѣстныхъ мнѣ служилыхъ кабалахъ, въ особенности писанныхъ послѣ 1687 года вмѣсто словъ: «билъ челомъ въ холопство» стоитъ: «билъ челомъ въ кабальное холопство»; иногда та же формула встрѣчается съ добавленіемъ: «билъ челомъ съ воли въ кабальное холопство» или просто «билъ челомъ съ воли въ холопство», а въ тѣхъ случаяхъ, когда поступавшій въ кабальную службу былъ отпущеннымъ на волю, слова «съ воли» иногда замѣняются словами «съ отпускною» или «съ отпускною послѣ смерти» такого-то и т. п. [2]). Въ 2-ой клаузулѣ также иногда можно встрѣтить варіанты: вмѣсто «а служить мнѣ у него во дворѣ по его животъ»—«а служить во дворѣ его въ холопствѣ по его животъ»; или: «а служити мнѣ во дворѣ его въ кабальномъ холопствѣ по его животъ»; или: «а служити мнѣ въ холопствѣ по его государя своего вѣкъ» и т. п. [3]). Такія колебанія, однако, едва ли существенно нарушаютъ смыслъ вышеприведенныхъ формулъ и скорѣе подтверждаютъ предположеніе, что новая форма служилыхъ кабалъ отличалась довольно значительною устойчивостью: установленіе «образцоваго письма» для служилыхъ кабалъ повело, значитъ, къ упраздненію прежняго ихъ разнообразія и пресѣкло въ данной области слабые проблески творчества тѣхъ доморощенныхъ нашихъ юристовъ, которые стремились приспособить ихъ форму къ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ русской жизни.

«Премѣненіе», въ организаціи «письма всякихъ крѣпостей», происшедшее въ началѣ эпохи преобразованій, едва ли оказало существенное вліяніе на формуляръ служилыхъ кабалъ: по крайней мѣрѣ, ни «обрядъ», ни «наказъ крѣпостныхъ дѣлъ подьячимъ» не содержатъ указаній на какія либо измѣненія въ немъ [4]); наказъ «особливо прибраннымъ Ивановской площади подьячимъ» только требуетъ, что бы писцы писали крѣпости «противъ образцовъ крѣпостямъ писемъ, каковы имъ даны изъ оружейной палаты за дьячьею приписью»; а боярскій приговоръ

---

[1]) См. выше 745.

[2]) См. сс. 761—762.

[3]) См. сс. 761—762.

[4]) П. С. З., т. III, № 1732; т. IV, №№ 1740, 1833 (здѣсь упоминается и указъ 9 декабря 1699 г.), 1838, 2228; о приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ см. ib., т. IV, №№ 2163, 2164, 2167 и др.; ср. № 2446; т. V, №№ 3436 и 3455.

нѣсколько позднѣйшаго времени предписываетъ въ грамотахъ воеводамъ или бурмистрамъ и въ наказахъ, «гдѣ будутъ особливо посланные, писать въ установленіи тѣхъ крѣпостныхъ дѣлъ письма» [1]). Во всякомъ случаѣ, эти мѣры вѣроятно, продолжали поддерживать единообразіе въ формѣ служилыхъ кабалъ, составляемыхъ въ Москвѣ, да и въ другихъ городахъ.

Такимъ образомъ, новый моментъ въ исторіи кабальнаго холопства отразился, наконецъ, и въ новой оффиціально установленной и общеобязательной формѣ служилыхъ кабалъ: вмѣсто договора займа съ обязательствомъ «за ростъ служити», онѣ теперь уже содержатъ одно только челобитье о добровольной отдачѣ себя въ холопство подъ условіемъ служить во дворѣ у «государя» «по его животъ». Благодаря такому условію, подкрѣпленному и позднѣйщими указами, кабальное холопство все еще продолжало отличаться отъ полнаго [2]); но, послѣ подушной переписи, кабальное холопство, въ качествѣ особаго вида крѣпостной зависимости, должно было прекратиться, а служилая кабала окончательно утратила свое значеніе [3]): съ того времени достаточно было одной только ревизской записки для того, чтобы сдѣлать вольнаго человѣка крѣпкимъ его господину.

А. Лаппо-Данилевскій.

---

[1]) П. С. З., т. IV, №№ 1838, 1850, 1786; указъ 8 января 1709 г. объ изъятіи крѣпостныхъ дѣлъ изъ вѣдомства воеводъ и о присоединеніи такихъ дѣлъ къ вѣдомству городовыхъ ратушъ см. ib., т. IV, № 2087; ср. № 2099.

[2]) П. С. З., т. III, № 1383; т. IV, № 2035 (им. ук. 1705 г. февр. 19); VII, № 5161. Впрочемъ, нѣкоторые указы эпохи преобразованій о принятіи господскихъ слугъ на военную службу давали возможность кабальному человѣку, за исключеніемъ развѣ „выученнаго мастерскому дѣлу“, прекратить свою зависимость отъ господина до смерти послѣдняго и промѣнять ее на военную службу; но указы о томъ, что-бы негодные въ службу въ гулящихъ не были, показываютъ, что и по смерти господина бывшій его кабальный холопъ долженъ былъ опредѣляться „въ другія службы или къ кому въ дворовое служеніе“; см., напримѣръ, П. С. З., т. IV, № 1820, ст. 11; т. VI, №№ 3754, 4023 и др.

[3]) П. С. З., т. VI, №№ 3481, 3492, 3657 и др.; т. VIII № 5392.

XXXIX.

Преподаваніе исторіи въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ (1786—1802) [1]).

Преподаванію исторіи составители учебнаго плана главнаго народнаго училища придавали большое образовательное и воспитательное значеніе [2]) и поэтому предоставили преподавателю исторіи довольно значительное число уроковъ. Такъ какъ курсъ IV класса былъ двухгодичный, то, при четырехъ урокахъ исторіи въ III классѣ и шести въ IV, на предметъ исторіи приходилось за весь пятилѣтній курсъ главнаго народнаго училища 16 недѣльныхъ уроковъ. Такимъ образомъ по отношенію къ недѣльному числу уроковъ по предмету исторіи главное народное училище было поставлено въ лучшія условія, чѣмъ классическія гимназіи 1871—1901 г.г. [3]).

Изъ 16 недѣльныхъ часовъ, удѣлявшихся въ главномъ народномъ училищѣ на предметъ исторіи, 12 посвящались всемірной исторіи и 4 „краткой россійской исторіи“. Изъ 12 недѣльныхъ уроковъ, назначен-

---

[1]) Эта статья, представляющая собою отрывокъ изъ приготовляемаго къ печати изслѣдованія о Московскомъ главномъ народномъ училищѣ, составлена отчасти на основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ хранящихся въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія отчетовъ по Московской дирекціи училищъ за время съ 1786 г. и документовъ по ревизіи Московскаго главнаго народнаго училища, совершенной въ 1788 г. О. П. Козодавлевымъ, главнымъ же образомъ на основаніи указаній, полученныхъ при изученіи учебниковъ, бывшихъ въ употребленіи въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ.

[2]) „Паче всего долженъ учитель стараться руководствовать учениковъ своихъ къ тому, чтобы они понимали, что было главною причиною великихъ перемѣнъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ и какъ истинная любовь и приверженность къ отечеству пособствовали благосостоянію согражданъ въ древнія и нынѣшнія времена“. (Всемірн. исторія, ч. I, предисловія, стр. 4, безъ пагинаціи); „наше сердце примѣрами, въ исторіи приводимыми, склоняется къ подражанію дѣламъ добродѣтельнымъ и къ отвращенію отъ пороковъ. Читая исторію, мы употребляемъ ее къ распространенію прочихъ нашихъ знаній“ (ibid. стр. 2).

[3]) Въ классическихъ гимназіяхъ съ 1871 по 1890 годъ на предметъ исторіи полагалось всего 12 недѣльныхъ часовъ, а въ періодъ времени съ 1890 по 1901 г.—13.

ныхъ для всеобщей исторіи, восемь уроковъ (4 урока въ III классѣ и 4 урока въ IV классѣ въ теченіе 1-го года) посвящалось разучиванію учебника, а остальные 4 часа (въ IV классѣ въ теченіе второго года повторенію той части курса всеобщей исторіи, отчетливое знаніе которой было, по мнѣнію составителей объяснительной записки къ учебному плану, наиболѣе важно, т. е., новой исторіи [1]).

При изданіи учебнаго плана для главныхъ народныхъ училищъ и объяснительной къ нему записки [2]) предполагалось, что учебнаго матеріала, заключающагося въ приготовленныхъ тогда Комиссіею о народныхъ училищахъ къ печати I и II частяхъ учебника всемірной исторіи вполнѣ достаточно для курса главнаго народнаго училища. Содержаніе этихъ двухъ частей, вышедшихъ въ свѣтъ вскорѣ послѣ напечатанія Устава училищъ [3]), слѣдующее: ч. I: введеніе въ исторію (стр. 1—5), описаніе человѣческаго рода вообще (стр. 5—8), евреи (стр. 8—38), вавилоняне, ассиріяне, мидяне (стр. 38—49), финикіяне (стр. 49—57), карѳагеняне (стр. 57—66), сиріяне (стр. 66—70), египтяне (стр. 70—87), персы (стр. 87—106), греки (стр. 106—211), македоняне (стр. 211—243), народы и царства Малой Азіи (стр. 243—247), римляне (стр. 247—367); Ч. II, Новая всемірная исторія: О Пруссіи (стр. 1—11), Швеціи (стр. 11—79), Даніи (стр. 79—132), Великобританіи (стр. 132—214), Португаліи (стр. 214—233), Испаніи (233—287) и Франціи (стр. 287—363).

Согласно учебному плану и объяснительной къ нему запискѣ I часть учебника,—древняя исторія должна была проходиться въ III классѣ, II часть—новая исторія—въ IV классѣ, но ни въ учебномъ планѣ, ни въ объяснительной запискѣ не заключается требованія проходить указанный учебникъ безъ пропусковъ. Такъ какъ учебникъ довольно объемистый (въ обѣихъ частяхъ 730 страницъ, правда, малаго формата) и въ то же время онъ не представляетъ собою связнаго историческаго разсказа, а состоитъ изъ отдѣльныхъ очерковъ по исторіи того или

---

[1]) Всемірн. исторія, ч. I, предисл. стр. 2; Уставъ народнымъ училищамъ въ Росс. Имперіи, Спб. 1786, стр. 6—8, ст. 6—9. По вопросу о томъ, какой отдѣлъ всемірной исторіи слѣдуетъ повторять въ выпускномъ классѣ, различныхъ взглядовъ держалось у насъ учебное вѣдомство въ концѣ XVIII и XIX вѣковъ. Въ 1786 г. Комиссія о народныхъ училищахъ заявляетъ, что въ теченіе второго года ученія въ четвертомъ классѣ главн. нар. училища слѣдуетъ повторять новую исторію, „яко важнѣйшую“, въ 1890 г. Министерство Народнаго Просвѣщенія требуетъ, чтобы въ VIII классѣ гимназіи изъ всеобщей исторіи повторялась древняя.

[2]) Уставъ, ст. 6—9. Всемірная исторія, ч. I, предисловіе стр. 3.

[3]) Уставъ напечатанъ въ 1786 г., первыя двѣ части „Всемірной исторіи“ въ 1787 г. (Гр. Д. А. Толстого, Городскія училища въ царствованіе имп. Екат. II, стр. 68, сравн. Сопиковъ, Опытъ россійской библіографіи, ч. III, стр. 209, № 4723—о первой части); у насъ подъ руками было только второе изданіе, вышедшее въ свѣтъ въ 1789).

другого народа или государства, то для сокращенія подлежащаго разучиванію учебнаго матеріала преподававшій исторію въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ учитель Дружининъ, съ перваго же года по введеніи учебника всемірной исторіи, призналъ нужнымъ пропускать при разучиваніи учебника нѣкоторыя статьи. Такъ, въ первое полугодіе 1790 года въ третьемъ классѣ пройдено было нѣсколько болѣе половины назначенной къ прохожденію въ этомъ классѣ I-ой части учебника, а именно, кончая статьею о грекахъ (стр. 1—211), но съ пропускомъ слѣдующихъ статей: о карѳагенянахъ (стр. 57—66), сиріянахъ (стр. 66—70) и египтянахъ (70—87).

Если ничего нельзя возразить противъ пропуска статей о карѳагенянахъ и сиріянахъ, то страннымъ кажется пропускъ статьи объ египтянахъ, о которыхъ авторъ учебника говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Египетъ въ древнія времена славился своими законами, кои не токмо греками, но и многими другими народами были приняты“. Объяснить пропускъ статьи объ египтянахъ въ 1790 г. можно, сравнивъ пройденное въ этомъ году съ тѣмъ, что было пройдено въ 1789 г. Въ первое полугодіе 1789 г. была пропущена только статья о сиріянахъ, статьи же о карѳагенянахъ и египтянахъ были пройдены, но за то въ теченіе I полугодія не удалось закончить статьи о грекахъ и на курсъ второго полугодія, менѣе продолжительнаго, чѣмъ курсъ перваго осталось болѣе половины учебника [1]).

Особенно сильно стала ощущаться необходимость въ тщательномъ выборѣ тѣхъ статей учебника всеобщей исторіи, которыя разучивались бы учениками, съ того времени, какъ вышла въ свѣтъ третья часть учебника всемірной исторіи [2]). Дѣло въ томъ, что, хотя по выходѣ въ свѣтъ этой третьей части „Всемірной исторіи“, по прежнему обязательно было проходить въ главномъ народномъ училищѣ только 1 и 2 части учебника [3]), однако въ третьей части были такія статьи, прохожденіе которыхъ было крайне необходимо для достиженія возможныхъ при монографическомъ

---

[1]) Архивъ Министерства Нар. Просв. карт. № 308, дѣло № 37063, полугодичные отчеты, Московской дирекціи, карт. 1278, дѣло № 38494—докладъ Моск. приказа общ. призрѣнія ревизору Козодавлеву отъ 15 марта 1788 г.

[2]) Новая всемірная исторія о происшествіяхъ въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ, изданная въ пользу народныхъ училищъ Россійской Имперіи, ч. III. СПБ. Въ нашемъ распоряженіи было изд. 3, 1806 г. Если вѣрить Сопикову (Опытъ Рос. библ. т. III, стр. 209—210), то первое изданіе 3-й части вышло въ 1798 г.

[3]) Когда спустя уже нѣсколько лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ 3 части „Всемірной Исторіи“, была напечана четвертымъ изданіемъ (1804) объяснительная записка къ учебному плану исторіи, то въ ней оставлено было безъ измѣненія то распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ, которое было установлено въ 1-мъ изданіи, т.-е. I часть „Всемірной исторіи“ для III класса и вторая для IV класса, о III части и не упоминается.

характерѣ изложенія учебника полноты и цѣльности курса. Таковы, напримѣръ, статьи объ арабахъ (ч. III, стр. 235—251), о туркахъ (ibid. стр. 207—235), о Швейцаріи (ibid. стр. 116—121) и Германіи (ibid. стр. 44—116).

Внося въ курсъ IV класса эти и нѣкоторыя другія статьи [1]) изъ III части учебника „Всемірной исторіи", учитель Дружининъ долженъ былъ пропускать нѣкоторыя статьи второй части; такъ, не встрѣчается въ отчетахъ указаній на то, что въ IV классѣ проходились статьи о Пруссіи (ч. II, стр. 1—11), Швеціи (ibid. стр. 11—79) и Даніи (ibid. стр. 79—132); изъ этихъ пропускавшихси статей особенно трудною и, пожалуй, совершенно безполезною для учащихся была бы обширная (53 стр.) статья о Даніи съ длиннымъ рядомъ именъ и годовъ.

Если во 2-й части „Всемірной исторіи", въ которой помѣщены были очерки исторіи либо важнѣйшихъ государствъ Европы (Великобританіи, Испаніи съ Португаліей и Франціи), либо тѣхъ, которыя имѣли непосредственное отношеніе къ исторіи Россіи (Швеція, Данія и Пруссія), нѣсколько статей не безъ пользы пропускались, то гораздо болѣе статей вовсе непригодныхъ для курса главнаго народнаго училища было въ третьей части учебника, заключающей въ себѣ очерки исторіи всѣхъ тѣхъ изъ числа существовавшихъ въ концѣ XVIII в. въ Европѣ государствъ, о которыхъ не было сообщено во 2-й части, а также очерки исторіи государствъ Азіи, Африки и Америки.

На ряду съ необходимыми для курса главнаго народнаго училища статьями о Германіи, Швейцаріи, Нидерландахъ, Арабахъ и Туркахъ, въ третьей части „Всемірной исторіи" помѣщено много довольно подробно изложенныхъ статей, изученіе которыхъ вовсе не представляетъ необходимости при прохожденіи такого элементарнаго курса, какимъ является курсъ главнаго народнаго училища; таковы статьи о Китаѣ (стр. 277—289), Индіи (стр. 251—275). Японіи (стр. 275—277), Египтѣ со времени Клеопатры (стр. 302—306), Алжирѣ (стр. 309—311), Марокко и Фецѣ (стр. 311—318), Абессиніи (стр. 318—320), Тунисѣ (стр. 306—309). Южной Америкѣ (стр. 348—355), Средней Америкѣ (стр. 344—348), отдѣльныя статьи о каждомъ изъ итальянскихъ государствъ третьей четверти XVIII в. и др. Надо полагать, что многія изъ этихъ статей были помѣщены въ третьей части „Всемірной исторіи" не столько потому, что составитель книги считалъ нужнымъ проходить эти статьи въ главномъ пародномъ училищѣ, сколько потому, что книга предназначалась не только для народныхъ училищъ, какъ это напечатано на выходномъ листѣ, но также для чтенія и справокъ уже прошедшимъ курсъ училища,

[1]) Встрѣчается, напримѣръ, указаніе на то, что въ IV классѣ проходилась и статья о монголахъ, находящаяся въ III части, стр. 289—302. (Архивъ Мин. Нар. Просв., карт. № 308, дѣло № 37063).

а также и тѣмъ любознательнымъ читателямъ, которые и не проходили курса народныхъ училищъ.

Къ сожалѣнію въ отчетахъ не сохранилось полнаго списка статей, выбиравшихся изъ II и III частей „Всемірной исторіи“ для составленія курса IV класса, такъ какъ перечисленіе пройденныхъ статей имѣется только въ отчетахъ за первое полугодіе каждаго года, въ отчетахъ же за второе полугодіе указывается только на то, что „предметъ надлежащимъ образомъ оконченъ“. Въ отчетахъ о пройденномъ за 1-е полугодіе упоминаются слѣдующія статьи: изъ 2-й части „Всемірной исторіи“ Англія, Франція, Испанія, Португалія и изъ 3-й части арабы, Германія, Голландія, монголы и турки. Нѣкоторыя изъ этихъ статей, а именно Германія и Франція проходились въ IV классѣ ежегодно, другія черезъ годъ поперемѣнно; такъ, напримѣръ, статьи объ арабахъ, монголахъ и туркахъ были пройдены въ 1796 и 1798 гг.; въ эти годы не проходились статьи объ Испаніи и Португаліи, которыя проходились въ 1797 и 1795 годахъ, когда не проходились статьи объ арабахъ, туркахъ и монголахъ [1]).

Очевидно, преподаватель Московскаго главнаго народнаго училища старался исполнить требованіе Комиссіи объ учрежденіи училищъ о томъ, чтобы въ IV классѣ проходился ежегодно одинъ и тотъ же курсъ, и въ то же время старался расширить курсъ, пользуясь тѣмъ, что ученики IV класса должны были учиться въ этомъ классѣ два года. Монографическій характеръ изложенія учебника всеобщей исторіи давалъ возможность именно такъ расположить курсъ и при этомъ пропускать тѣ статьи, которыя представляли въ учебникѣ излишній балластъ. Такимъ образомъ, Дружининъ, исполняя требованіе Комиссіи объ учрежденіи училищъ, проходилъ въ IV классѣ ежегодно нѣкоторыя статьи, считавшіяся наиболѣе важными; эти статьи проходились дважды тѣми учениками IV класса, которые согласно уставу учились въ этомъ классѣ два года. Другія статьи учебника, считавшіяся менѣе важными, вносились въ курсъ IV класса черезъ годъ поперемѣнно, эти статьи разучивались всѣ и только по одному разу лишь тѣми учениками, которые оставались въ IV классѣ на 2-й годъ; учившіеся же въ IV классѣ одинъ годъ разучивали лишь тѣ изъ второстепенныхъ статей, которыя проходились въ годъ ихъ пребыванія въ IV классѣ.

Монографическій способъ изложенія учебнаго матеріала въ учебникѣ всемірной исторіи представлялъ удобство въ томъ отношеніи, что давалъ возможность при прохожденіи курса пропускать безъ всякихъ затрудненій тѣ историческіе очерки, которымъ мѣсто было не столько въ элементарномъ учебникѣ, сколько въ большой энциклопедіи; но такое изложеніе представляло и много существенныхъ неудобствъ. Во первыхъ,

[1]) Ibid.

при такомъ изложеніи отъ вниманія учащихся совершенно ускользали общія явленія, замѣчавшіяся въ ту или другую эпоху у разныхъ народовъ. Такъ, напримѣръ, разучивъ даже всѣ три части „Всемірной исторіи“, учащіеся не только не могли составитъ себѣ понятія о „февдальномъ правѣ“, но даже не могли и вообразить, что оно существовало въ одно и тоже время въ разныхъ государствахъ.

Самый терминъ „февдальное право“ употребленъ только однажды въ введеніи къ статьѣ, посвященной исторіи Германіи; давъ крайне сжатое и не совсѣмъ точное опредѣленіе термина,[1]) авторъ сообщаетъ, что „*февдальное* право“ *утвердилось* въ государствѣ Меровинговъ въ VI в. Затѣмъ уже во всей обширной статьѣ, посвященной исторіи Германіи,[2]) не упоминается ни о феодализмѣ, ни о феодальныхъ порядкахъ; сообщается только объ установленіи Конрадомъ II „покоя Господня“, при чемъ необходимость этого учрежденія объясняется тѣмъ, что „сила знатнѣйшихъ вельможъ въ Германіи столько увеличилась, что они во всякое время, изъ укрѣпленныхъ своихъ замковъ выбѣгая съ войскомъ, нечаянно безъ всякой причины нападали на сосѣдей своихъ и на проѣзжихъ по дорогамъ“[3]). Кромѣ того въ разсказѣ о „великомъ междуцарствіи“ послѣ прекращенія династіи Гогенштауфеновъ упоминается о томъ, что „герцоги, графы, маркграфы, простые дворяне и многіе города содѣлались независимыми и присвоили себѣ всѣ права верховной власти“[4]).

Въ обширной статьѣ, посвященной исторіи Франціи,[5]) вовсе не упоминается о феодализмѣ и „февдальномъ правѣ“, хотя и сообщается глухо, что при Карлѣ Толстомъ „отъ частыхъ возмущеній, жестокихъ набѣговъ норманцевъ и усиленія вельможъ королевская власть столько умалилась, что сильнѣйшіе правители областей явно принимали титулъ королей и, управляя самодержавно своими землями, препоручали ихъ своимъ потомкамъ“[6]); кромѣ того, упоминается о борьбѣ Людовика VI съ „вазаллами“, о томъ что Іоаннъ Безземельный былъ „вазаллъ Франціи“,[7]) но нѣтъ указанія на то, что такое „вазаллъ“.

---

[1]) „По смерти Клодовея начались пагубныя въ его потомствѣ междоусобія... за малолѣтствомъ государей намѣстники областей тѣмъ болѣе имѣли случаевъ утверждать свою независимость и такимъ образомъ началось въ Германіи февдальное или помѣщичье право, по коему отецъ доставлялъ всегда наслѣдственно дѣтямъ своимъ ввѣренныя ему области. (Всем. Ист. ч. III, стр. 51).

[2]) Ibid. стр. 57—115.

[3]) Ibid. стр. 62.

[4]) Ibid. стр. 73—74.

[5]) Ibid. т. II стр. 287—363.

[6]) Ibid. стр, 304.

[7]) Ibid. стр. 311—314.

Не только такое сложное явленіе политическаго устройства, какъ феодализмъ, не могло быть усвоено при монографическомъ способѣ изложенія „Всемірной исторіи“, но даже о „крестныхъ“ походахъ невозможно составить ясное представленіе по тѣмъ бѣглымъ замѣчаніямъ объ отдѣльныхъ походахъ, которыя разбросаны по всѣмъ тремъ томамъ учебника [1]). Далѣе, при монографическомъ способѣ изложенія часто приходится автору „Всемірной исторіи“ повторять разсказъ объ одномъ и томъ же въ разныхъ статьяхъ. Такъ, напримѣръ, подробный разсказъ о Карлѣ Великомъ имѣется и въ статьѣ, посвященной исторіи Франціи [2]), и въ очеркѣ исторіи Германіи [3]), разсказъ о Ѳермопильскомъ сраженіи приведенъ и въ статьѣ объ аѳинянахъ [4]) и въ статьѣ о „лакедемонской республикѣ“ [5]). Благодаря такимъ многочисленнымъ повтореніямъ, учебникъ такъ разросся, что занимаетъ въ трехъ частяхъ 1085 страницъ.

Учебникъ „Всемірная исторія“ получилъ большіе размѣры не только отъ того, что въ немъ часто повторяется разсказъ объ одномъ и томъ же событіи, но также вслѣдствіе изобилія совершенно излишнихъ въ учебникѣ подробностей, вслѣдствіе увлеченія автора описаніемъ безчисленныхъ войнъ, вслѣдствіе перечисленія всѣхъ государей той или другой страны, при чемъ очень часто учебникъ о многихъ лицахъ не сообщаетъ ничего кромѣ имени, которое одно не могло остаться въ памяти учащихся, такъ какъ съ нимъ не соединялось никакого представленія о какомъ нибудь достопамятномъ событіи [6]). Такое изобиліе подробностей и при томъ такихъ, при усвоеніи которыхъ работала только память, должно было дѣлать разучиваніе нѣкоторыхъ страницъ

---

[1]) Сравн. Ibid. ч. I, стр. 341, 343—344; ч. II, стр. 311—314, 316, 318; ч. III, стр. 69—70, 72, 179.

[2]) Ibid. ч. II, 299—301.

[3]) Ibid. ч. III стр. 53—55.

[4]) Ibid. ч. I стр. 140.

[5]) Ibid. стр. 166.

[6]) Напримѣръ, въ очеркѣ исторіи Даніи: „князь Готіи или нынѣшней южной Швеціи Ифавръ Видфаленей (780 г.) прославился своими завоеваніями и владѣлъ въ одно время и Даніей.... сіи земли также подвластны были преемникамъ его *Гаральду I, Зигварду I* и *Рагнару Лодброгу*, по смерти котораго дѣти его раздѣлили обширное сіе государство, такъ что *Зигвардъ* II получилъ Данію вмѣстѣ съ Готскими областьми *Шоніею, Галандомъ* и *Блекингіею*. Преемникъ Зигварда II *Гормонъ Гаммунъ* (850) Ютландію присовокупилъ къ Даніи. При сынѣ Гормоновомъ Гаральдѣ II датчане были столь сильны, что воевали съ Англіею и Франціею и покорили себѣ Нормандію“. Далѣе слѣдуютъ столь же нужные для русскаго школьника Свено I, Канутъ II, Свенъ, Гаральдъ, Канутъ III, Магнусъ, Свенъ Эстрадзонъ, Канутъ IV, Олавъ II, Ерикъ I, Николай, Свено III, Вальдемаръ I, Вальдемаръ II, Христоферъ II, Вальдемаръ III, Аттердагъ, Олавъ IV, и такъ далѣе до Христіана VII (1790) включительно; о дѣятельности многихъ изъ этого безконечнаго ряда государей сообщается не болѣе 2—3 строкъ. (Всеобщая истор. ч. II изд. 1806 г. стр. 82—129).

учебника весьма труднымъ, а удержать надолго въ памяти разученное врядъ ли было возможно. Правда, современному педагогу особенно страннымъ кажется изобиліе подробностей и мелочей въ статьяхъ, посвященныхъ исторіи второстепенныхъ и даже еще менѣе важныхъ государствъ; но и въ капитальныхъ статьяхъ, напримѣръ, въ очеркахъ исторіи Германіи, Франціи и Англіи авторъ не всегда умѣетъ освободить изложеніе отъ излишняго балласта, старается дать подробный разсказъ о дѣятельности лицъ, о которыхъ самъ же утверждаетъ, что они ничего замѣчательнаго не совершили [1]) и заполняетъ цѣлыя страницы одними никому ненужными именами и годами [2]).

Такимъ образомъ къ „Всемірной исторіи“, изданной въ концѣ XVIII в., вполнѣ подходитъ характеристика, сдѣланная для западно-европейскихъ учебниковъ исторіи въ XVII и въ XVIII в.: при отсутствіи дѣленія на періоды по внутреннимъ признакамъ, при отсутствіи какой либо руководящей идеи, въ изслѣдованіяхъ по исторіи отдѣльныхъ государствъ не встрѣчалось иной связующей мысли, кромѣ узко-національной, историческій разсказъ представлялъ груду непереваренныхъ мелочныхъ событій безъ всякаго выдѣленія важнаго и неважнаго [3]); надо, впрочемъ, замѣтить, что въ отдѣльныхъ статьяхъ „Всемірной исторіи“, посвященныхъ отдѣльнымъ народамъ, исторія каждаго народа дѣлится на періоды, нѣтъ только раздѣленія на періоды исторіи всего, вообще, культурнаго міра.

Вообще, авторъ „Всемірной исторіи“ отдаетъ безусловный перевѣсъ въ своемъ изложеніи прагматическому повѣствованію, хотя и не забываетъ культурной стороны, удѣляя ей, впрочемъ, сравнительно мало мѣста.

Посвятивъ, напримѣръ, семь страницъ [4]) царствованію Людовика XIV, авторъ останавливается преимущественно на внѣшней политикѣ

---

[1]) Въ очеркѣ исторіи Франціи Филиппу III Смѣлому дается такая характеристика: „не взирая на данное ему прозваніе, былъ слабъ, скупъ, легковѣренъ и никакимъ мужественнымъ дѣяніемъ не ознаменовалъ своего правленія“. Это не мѣшаетъ всетаки автору „Исторіи“ добросовѣстно разсказать о неважныхъ подвигахъ Филиппа III: о томъ какъ овъ перевезъ тѣло отца своего въ монастырь св. Діонисія, о томъ, какъ онъ самъ умеръ въ Перпиньянѣ (Ibid. стр. 319).

[2]) Такъ, напримѣръ, въ исторіи Франціи повѣствуется обо всѣхъ почти короляхъ франкскихъ и французскихъ; въ полное распоряженіе учениковъ IV класса русской школы предоставляются: Фарамондъ, Клодіонъ, Меровей, Хлодебальдъ, Клодовей I, Θеодорикъ I, Клодомиръ, Хильдебертъ, Клотаръ I, Клотаръ II Дагобертъ I, Клодовей II, Клотаръ III, Θеодорикъ III, Пипинъ Дебѣлый, Карлъ Мартелъ, Пипинъ Короткій, Карлманъ, Хильдерикъ III и т. д., хотя о весьма многихъ изъ нихъ ученикъ ничего кромѣ имени не узнаетъ.

[3]) Милюковъ, Главныя теченія русской исторической мысли, т. I, М. 1897 г., стр. 64.

[4]) Всемірн. Истор. ч. II, изд. 1806 г. стр. 350—357.

этого короля, упоминаетъ обо всѣхъ почти его побѣдахъ и пораженіяхъ подробнѣйшимъ образомъ перечисляетъ всѣ территоріальныя пріобрѣтенія и потери [1]), а внутренней дѣятельности удѣляетъ менѣе двухъ страницъ, на которыхъ упоминаетъ о дѣятельности Кольбера и Лувуа и объ уничтоженіи „нантесскаго узаконенія“ со всѣми его вредными послѣдствіями, о проведеніи лангедокскаго канала, объ учрежденіи торговыхъ компаній, о дѣятельности академій и успѣхахъ литературы.

Свѣдѣнія о развитіи культуры того или другого народа нерѣдко излагаются во „Всемірной исторіи“ отдѣльными очерками, иногда же эти свѣдѣнія сообщаются въ перемежку съ данными прагматической исторіи.

Очерки культурной исторіи, къ сожалѣнію, настолько же отличаются сжатостью и краткостью, насколько прагматическая исторія отличается изобиліемъ подробностей. Въ очеркѣ развитія греческой культуры всѣ свѣдѣнія, касающіяся греческой философіи отъ Ѳалеса до Аристотеля включительно, умѣщаются на одной страничкѣ, при чемъ авторъ и здѣсь нерѣдко ограничивается сообщеніемъ одной номенклатуры; вотъ что сообщается, напримѣръ, о философскомъ ученіи Анаксагора: „ученикъ же Анаксименовъ Анаксагоръ превзошелъ въ наукахъ всѣхъ своихъ предшественниковъ“. Немногимъ больше свѣдѣній сообщаетъ „Всемірная Исторія“ объ ученіи Аристотеля, которому посвящены слѣдующія строки: „Отъ ученика Платонова Аристотеля сверхъ разныхъ философическихъ сочиненій сохранилось до нашихъ временъ десять книгъ преизящной его Зоологіи, кои сочинилъ онъ по повелѣнію Александра Великаго“ [2]).

Въ той главѣ очерка греческой культуры, которая посвящена „свободнымъ художествамъ“ [3]), упоминается о греческомъ „зодчествѣ“ и о живописи, о скульптурѣ же нѣтъ и упоминанія, хотя и есть указаніе на то, что „Фидій былъ не только искусный строитель, но также *ръщикъ*

---

[1]) „Нидерланды заключили съ Англіею и Швеціею тройный союзъ и принудили Людовика къ Ахенскому миру, уступивъ ему въ Нидерландахъ *Шарлероа, Атъ, Дуе, Лилль, Уденарде, Арманътеръ, Куртре*, и др. мѣста“. „Въ Нимвегенѣ король получилъ славный для себя миръ. Отъ Испаніи тогда пріобрѣлъ онъ *Валансіеннь, Конде, Менень, Камбре, Сентъ-Омеръ, Мобежъ, Шарлемонтъ* —и другія мѣста въ Нидерландахъ, такожъ весь *Франшконте* или графство Бургундское и цѣлое герцогство *Лотарингію*; отъ Германіи Фрейбургъ, разные имперскіе города въ *Алзаціи*“. (Всемірн. Исторія ч. II изд. 1806 г. стр. 352—353).

[2]) Всемірн. Истор. ч. I изд. 1804 г. стр. 204. Не сообщивъ ничего объ ученіи Анаксагора въ очеркѣ развитія греческой философіи, составитель „Всемірн. Исторіи“ призналъ все-таки нужнымъ изложить вкратцѣ ученіе этого философа въ подстрочномъ примѣчаніи къ другой статьѣ—характеристикѣ Перикла, между учителями котораго названъ и Анаксагоръ (ibid. стр. 148).

[3]) Ibid. стр. 208—209.

и живописецъ". Кромѣ этого упоминанія еще въ слѣдующихъ словахъ сообщаются свѣдѣнія о греческой скульптурѣ: „Александръ Великій выдалъ указъ, дабы никто не представлялъ его изъ мѣди кромѣ Лизиппа. Въ сіи же времена жилъ и Пракситель, одинъ изъ знатнѣйшихъ рѣщиковъ". Вотъ и все, что сообщено во „Всемірной исторіи" о греческой скульптурѣ.

Наличность свѣдѣній по культурной исторіи, хотя и не всегда въ достаточномъ количествѣ—одно изъ достоинствъ „Всемірной Исторіи"; благодаря этому свойству учебника, учитель исторіи при главномъ народномъ училищѣ имѣлъ возможность слѣдовать тому указанію объяснительной записки къ учебному плану [1]), согласно которому необходимо было при усвоеніи исторіи того или другого народа обращать вниманіе на „богослуженіе, законы, обычаи, нравы, науки, художества, торговлю и все то, что возводило или низвергало благосостояніе народовъ".

Немаловажнымъ достоинствомъ „Всемірной исторіи" слѣдуетъ считать то, что она въ достаточной степени объективна и весьма рѣдко приспособляетъ изложеніе къ какой-либо политической тенденціи. Высокая степень культуры грековъ объясняется тѣмъ, что „свобода грековъ, на здравомъ разумѣ основанная, рождала въ нихъ остроту и даръ изобрѣтенія, который, подкрѣпляемъ будучи снискиваемыми чрезъ торговлю богатствами, возводилъ на высшую степень совершенства науки" [2]). Англійская революція половины XVII вѣка объясняется такимъ образомъ: „за *излишнее* распространеніе королевской власти возродилось противъ Карла I великое въ народѣ негодованіе, умножавшееся особливо за то, что... подати на народъ налагаемы были безъ согласія парламента. Наконецъ, *насильное* введеніе въ Шотландію епископскаго церкви правленія произвело въ Шотландіи мятежъ, къ которому пристали и англичане" [3]).

Разсматривая причины паденія персидской монархіи, авторъ приводитъ между прочимъ и слѣдующую причину: „всѣ Персами покоренные народы не имѣли къ нимъ искренней приверженности, потому что Персы презирали богослуженіе ихъ и какъ въ бномъ, такъ и въ правленіи ихъ притѣсняли, Александръ же, вступая въ земли сіи, не токмо всѣ законы и обряды тѣхъ народовъ возстановилъ, но и самъ участвовалъ въ ихъ богослуженіи" [4]).

Составитель „Всемірной исторіи", повѣствуя о какомъ-нибудь событіи, имѣющемъ важное значеніе, старается по мѣрѣ возможности уяснить

---

[1]) Ibid. предисл. стр. 1.
[2]) Ibid. стр. 209—210.
[3]) Ibid. ч. II, изд. 1806 г. стр. 198.
[4]) Ibid. ч. I, изд. 1804 г. стр. 223.

причины событія и указать его слѣдствія [1]). Хотя далеко не всегда во „Всемірной исторіи“ вѣрно изъясняются причины событій, однако такой характеръ изложенія тоже слѣдуетъ признать однимъ изъ достоинствъ учебника; благодаря этому его качеству, учитель могъ заботиться не только о томъ, чтобы учащіеся запоминали факты, но также учились и разсуждать о нихъ: пользуясь „Всемірной исторіей“, учитель могъ согласно требованію объяснительной записки къ учебному плану исторіи „*паче всего* стараться руководствовать учениковъ своихъ къ тому, чтобы они *понимали*, что было главною причиною великихъ перемѣнъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ“ [2]).

Учитель, преподававшій исторію въ главномъ народномъ училищѣ, долженъ былъ, согласно объяснительной запискѣ къ учебному плану, заботиться не только о томъ, чтобы преподаваніе исторіи будило мысль учащихся, но также содѣйствовало ихъ нравственному совершенствованію; учитель старался при всякомъ удобномъ случаѣ уяснить ученикамъ, „какъ истинная любовь и приверженность къ отечеству способствовали благосостоянію согражданъ въ древнія и нынѣшнія времена“ [3]); вообще, вниманіе учащихся возможно чаще обращалось на „великія дѣла гражданъ, оказавшихъ истинную любовь къ своему отечеству“ [4]). Чтобы облегчить эту работу учителю, составитель „Всемірной Исторіи“ удѣляетъ на страницахъ этого учебника не мало мѣста характеристикѣ великихъ историческихъ дѣятелей. Такъ, послѣ разсказа о грекоперсидскихъ войнахъ помѣщены характеристики Ѳемистокла, Аристида и Кимона, за изложеніемъ событій Пелопонесской войны слѣдуютъ характеристики Перикла, Алкивіада и Сократа; глава объ установленіи въ Греціи македонской гегемоніи заканчивается характеристиками Хабрія, Ификрата и Фокіона; изложивъ событія исторіи Греціи и Македоніи до смерти Александра Великаго, авторъ „Всемірной Исторіи“ даетъ довольно подробную характеристику этого царя.

Характеристики выдающихся дѣятелей разбросаны по всѣмъ тремъ томамъ „Всемірной исторіи“ и, если авторъ съ особенной любовью останавливается на добродѣтельныхъ „ироляхъ“ [5]), то все-таки онъ не считаетъ возможнымъ скрывать отъ учащихся и отрицательныя стороны

---

1) Сравн., напр., Всем. Ист. ч. I, изд. 1804 г. стр. 64—65 (причины паденія Карѳагена), 94 (причины паденія Персіи), 196—199 (причины благосостоянія и упадка греческихъ республикъ), 209 (причины, благопріятствовавшія развитію греческой образованности), 282—283 (слѣдствія войнъ римлянъ въ Италіи). 296 (причины 3-й пунической войны), 353,355 (причины благосостоянія римлянъ), 355—357 (причины упадка римлянъ) и т. д.

2) Ibid. предисл. стр. 1—3.

3) Ibid. стр. 4 (безъ пагинаціи)

4) Ibid стр. 1.

5) Сравн. характеристику Густава Адольфа (ibid. ч. II. изд. 1806 г. стр. 41).

прошлаго: нерѣдко на страницахъ „Всемірной Исторіи“ встрѣчаются характеристики и тѣхъ дѣятелей, дурныя качества которыхъ принесли вредъ ихъ отечеству.

Хотя принятый въ московскомъ главномъ народномъ училищѣ учебникъ всеобщей исторіи и былъ нелишенъ большихъ недостатковъ, хотя нѣкоторыя статьи его не только представляли большія трудности для усвоенія, но и вовсе были лишними въ элементарномъ руководствѣ, однако нельзя не признать, что тѣ статьи, которыя касаются народовъ, наиболѣе поработавшихъ для развитія культуры, составлены удовлетворительно [1]).

Полагаютъ [2]), что „Всемірная исторія“ составлена Янковичемъ де-Миріево и представляетъ собою передѣлку и *сокращеніе* „Всемірной Исторіи“ (Die Weltgeschichte für Kinder) извѣстнаго историка Іог. Мат. Шрекка, считавшейся въ свое время „классическимъ руководствомъ“ [3]) и вышедшей въ свѣтъ въ то именно время, когда въ Петербургѣ составляли учебный планъ по исторіи для главнаго народнаго училища и занимались сочиненіемъ подходящаго учебника по этому предмету [4]). Но сравненіе „Всемірной исторіи“ Янковича съ руководствомъ Шрекка показываетъ, во-первыхъ, что руководство Янковича даетъ гораздо больше фактическаго матеріала, чѣмъ „Weltgeschichte“ Шрекка; далѣе, у Шрекка не встрѣчаемъ того строго монографическаго способа изложенія, благодаря которому „Всемірная исторія“ Янковича является *всемірною* только по заглавію, а на самомъ дѣлѣ представляетъ собою сборникъ вполнѣ самостоятельныхъ, нисколько между собою не связанныхъ статей по исторіи того или другого народа, напротивъ, „Weltgeschichte“ Шрекка дѣйствительно представляетъ собою попытку дать исторію человѣческаго рода, раздѣленную на 12 періодовъ—6 до Р. Х. и 6 по Р. Х. Въ очеркъ каждаго періода входятъ отдѣлы, касающіеся исторіи того или другого народа за этотъ періодъ, а въ концѣ очерка приводятся общіе выводы, характеризующіе періодъ, указывающіе общія явленія, замѣченныя въ этотъ періодъ у *разныхъ* народовъ, составляющихъ *одно* человѣчество.

Шреккъ не принялъ еще только что установившейся во второй половинѣ XVIII вѣка доктрины историческаго прогресса и держался устарѣлой точки зрѣнія Делапопелиньера о неизмѣнности несовершенства

---

[1]) Вороновъ, Янковичъ де Миріево, стр. 128.

[2]) Ibid., стр. 127.

[3]) Таково мнѣніе объ этой книгѣ, приведенное въ предисловіи къ изданію 1819 г. переводчикомъ ея Константиновымъ.

[4]) „Die Weltgeschichte für Kinder“ Шрекка напечатана въ Лейпцигѣ въ 1779—1784 гг., а Всемірн. Ист., изданная комиссіею о нар. училищахъ, печаталась въ концѣ 1786 г. (сравн. Сопикова, Опытъ россійской библіографіи ч. III, стр. 209; Воронова, Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ де Миріево, стр. 136).

людей, но изложеніе его „Всемірной Исторіи“ согласовано съ схемой единства всемірно-историческаго процесса, и въ этомъ, вѣроятно, наши педагоги конца XVIII вѣка и начала XIX вѣка видѣли превосходство этого учебника надъ руководствомъ Янковича [1]); употребляя это руководство въ качествѣ учебника по требованію Устава училищъ [2]), учители пользовались, кажется [3]), книгою Шрекка, какъ пособіемъ.

Преподаваніе *русской* исторіи согласно учебному плану, представленному императрицѣ Екатеринѣ II Комиссіею объ учрежденіи училищъ [4]), должно было въ гораздо большей степени, чѣмъ преподаваніе всеобщей исторіи стремиться къ достиженію нравоучительныхъ цѣлей; „всякое важное происшествіе“, читаемъ мы въ учебномъ планѣ русской исторіи: „или дѣла описывать такимъ образомъ, дабы оно служило или въ поощреніе или въ предосторожность людямъ нынѣшнихъ и будущихъ временъ“. Эта тенденія имѣла довольно значительное вліяніе на подборъ фактовъ, входившихъ въ курсъ главнаго народнаго училища по русской исторіи. Далѣе, на содержаніе курса имѣло вліяніе и то, что при преподаваніи русской исторіи имѣлось въ виду обратить особенное вниманіе на культурную сторону. Такъ, согласно учебному плану главнаго народнаго училища по русской исторіи, „при сей исторіи принадлежитъ на-

[1]) Несмотря на то, что для главныхъ народныхъ училищъ было обязательно употребленіе учебника „Всемірной исторіи“, изданнаго Комиссіей объ училищахъ (Уставъ, ст. 33), на учебникъ Шрекка былъ у насъ такой спросъ, что съ 1787 г. по 1819 потребовалось не менѣе четырехъ изданій перевода этой книги; по крайней мѣрѣ, четыре изданія этой книги за указанный періодъ намъ извѣстны, а именно 1787 г. СПБ. (см. гр. Толстой, Городскія Училища стр. 67), 1799 г. Владиміръ, 1814—1815 Москва, 1819—1820 СПБ. Дѣленіе исторіи на періоды по внутреннимъ признакамъ признается достоинствомъ историческаго изложенія Шрекка не только нашею критикою конца XVIII и начала XIX в., но и болѣе требовательною ученою германскою критикою второй половины XIX в. сравн. Baur, Die Epochen der Kirchlichen Geschichtschreibung. s. 157).

[2]) Уставъ народнымъ училищамъ въ Россійской Имперіи, уложенный въ царствованіе Императрицы Екатерины II, въ Санкт—Петербургѣ 1786 г. стр. 18, ст. 33, стр. 7 и 8, ст. 7 и 9.

[3]) Дѣлаемъ такое предположеніе, только основываясь на томъ весьма значительномъ распространеніи, которое имѣла книга Шрекка, расходившаяся въ такомъ же числѣ изданій, какъ и изданная Комиссіей объ учрежденіи училищъ „Всемірная исторія“, употребленіе которой въ училищахъ было *обязательно*. Авторъ „Исторіи русской педагогіи“, г. Демковъ полагаетъ даже, (Ист. русск. пед. II, 408), что введенная въ 1787 г. въ главныхъ народныхъ училищахъ „Всемірная исторія“ была „скоро замѣнена исторіей Шрекка“, но это мнѣніе г. Демкова ничѣмъ не обосновано.

[4]) Этотъ „Планъ къ сочиненію россійской исторіи для народныхъ учлищъ въ Россійской имперіи“ напечатанъ А. В. Старчевскимъ въ „Матеріалахъ сѣверной исторіи“ въ статьѣ: „Очеркъ исторической дѣятельности въ Россіи до Карамзина“ стр. 236—241. По мнѣнію проф. В. С. Иконникова (Опытъ русской историографіи, т. I, кн. I, стр. 125) сама Императрица была авторомъ этого „Плана“.

блюдать, почему получили Россіяне образованіе толь поздо и какимъ образомъ оное толь скоро распространилось? какъ становилась населяемая Россіянами страна лучше и отъ какихъ причинъ хуже? Когда какая въ Россіи была вѣра, правленіе, нравы и упражненія, какія во всемъ томъ были послѣ перемѣны и отъ чего? Какія были учрежденія для заведенія чужестранныхъ произведеній и для распространенія вѣры, наукъ, купечества, военнаго искусства и установленій въ пользу человѣчества? Какъ и когда произошли фабрики и манифактуры, что изобрѣтено въ Россіи по художествамъ и исторіи естественной и какъ обстоятъ вообще промыслы? Были ли какіе люди памяти достойные и въ какомъ родѣ? относительно ли только къ пользѣ Россіи или другихъ народовъ“ [1]).

Обширную программу культурной исторіи Россіи, выработанную для главныхъ народныхъ училищъ Комиссіею объ учрежденіи училищъ, очень трудно было осуществить въ учебникѣ при тогдашней разработкѣ русской исторіи [2]) и это, вѣроятно, было одною изъ причинъ того, что училищамъ пришлось очень долго ждать, пока для нихъ былъ составленъ учебникъ русской исторіи, а промедленіе въ составленіи учебника въ свою очередь не могло не отразиться на его содержаніи: цензурныя условія того времени, когда составлялась программа будущаго учебника (средина царствованія Екатерины II) и того времени когда было приступлено къ его печатанію (вторая половина царствованія императора Павла), были совершенно различныя и если не пришлось вполнѣ отказаться отъ широкаго плана преподаванія, одобреннаго великою Schulmeisterin [3]), то, во всякомъ случаѣ, неизбѣжны оказались „нѣкоторыя отъ этого плана отступленія“ [4]), а отвѣты на многіе вопросы, поставленные программою, оказались вовсе не такими, какими они были бы, если бы учебникъ былъ напечатанъ не въ 1799 г., а въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII в.

Такъ какъ составленіе и изданіе учебника русской исторіи затянулось на многіе годы, то преподаваніе русской исторіи въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ довольно значительный періодъ его существованія было поставлено въ условія менѣе благопріятныя, чѣмъ преподаваніе исторіи всеобщей. Если всеобщую исторію пришлось учителю Московскаго главнаго народнаго училища П. М. Дружинину

---

[1]) Матер. сѣв. ист. стр. 240—241.

[2]) Сравн. Милюкова, Главныя теченія русск. истор. мысли, т. I, стр. 104. „направленіе изученія преимущественно на внѣшнюю исторію“.

[3]) Такъ называетъ имп. Екатерину II опытный въ школьномъ дѣлѣ баронъ Дальбергъ. (Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 33, стр. 68); а баронъ Гриммъ называетъ ее „auguste maitresse d'école“ (ibid. стр. 30).

[4]) Матеріалы сѣв. исторіи, стр. 236.

только одинъ годъ преподавать безъ печатнаго руководства по „письменнымъ своимъ тетрадямъ“ [1]), которыя были имъ составлены во время слушанія лекцій исторіи въ Петербургской учительской гимназіи, то при преподаваніи русской исторіи приходилось держаться такого крайне неудобнаго для учениковъ способа преподаванія цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ.

Дѣло въ томъ, что учебникъ русской исторіи для главныхъ народныхъ училищъ „Краткая россійская исторія“ [2]) вышелъ въ свѣтъ только въ 1799 г., а согласно уставу училищъ [3]) и указаніямъ Комиссіи объ учрежденіи училищъ [4]) до выхода въ свѣтъ приготовлявшагося къ печати учебника русской исторіи преподаваніе должно было вестись по письменнымъ тетрадямъ учителя, а не по учебникамъ, существовавшимъ ранѣе и изданнымъ помимо Комиссіи объ учрежденіи училищъ.

Впрочемъ, большая часть этихъ учебниковъ таковы, что извѣстный ученый Шлецеръ, не колеблясь, называетъ изданную Комиссіею объ учрежденіи училищъ „Краткую россійскую исторію“ *первымъ* пригоднымъ для употребленія, сноснымъ руководствомъ русской исторіи [5]), такъ какъ напечатанный еще въ 1674 году Иннокентіемъ Гизелемъ „Синопсисъ“, по мнѣнію Шлецера, ниже всякой критики [6]), хотя 80 слишкомъ лѣтъ былъ единственною учебною книгою отечественной исторіи [7]), пока на смѣну этому „уродливому, глупому и несносному [8]) Синопсису“ не явился составленный Ломоносовымъ „Лѣтописецъ“ [9]), который, по мнѣнію

---

[1]) Третій классъ Московскаго главнаго народнаго училища былъ открытъ 22 сентября 1786 г. (Архивъ Министерства Народ. Просв. карт. 308, дѣло № 37063), а первое изданіе I части „Всемірной исторіи“ вышло въ свѣтъ въ 1787 г. Это запозданіе было предусмотрѣно Комиссіею объ учрежденіи народныхъ училищъ и ея предсѣдатель П. В. Завадовскій 14 августа 1786 г. писалъ попечителю Московскаго главнаго народнаго училища П. Д. Ерошкину, что учебныя книги по географіи и исторіи „еще въ печати находятся и будутъ въ Московское училище доставлены, коль скоро тисненіемъ закончатся, между тѣмъ не должно оно остановлять ученія, поелику учители могутъ между симъ временемъ учить симъ наукамъ по письменнымъ своимъ тетрадямъ (Ibid. карт. 1281, дѣло № 38518).

[2]) Приводимъ полное заглавіе книги: „Краткая россійская исторія, изданная въ пользу народныхъ училищъ Россійской имперіи. Въ Санктпетербургѣ. Печатано у содержателя типографіи Комиссіи объ учрежденіи училищъ Ѳ. Брункова 1799.

[3]) Уставъ, ст. 33.

[4]) См. выше примѣч. 1. на этой же страницѣ.

[5]) Handbuch der Geschichte des Kaiserthums Russland, Göttinen 1802, Vorbericht S. XI, „allererste, brauchbare, erträgliche Handbuch russischer Geschichte“

[6]) „tief unter jeder Kritik“—ibid.

[7]) Шлецеръ, Несторъ, ч. I, пер. Языкова, СПБ. 1809, стр. рѧз.

[8]) Ibid. рѧѥ, рѧз.

[9]) Полное заглавіе: „Краткой Россійской Лѣтописецъ съ родословіемъ сочиненіе Михаила Ломоносова, СПБ. 1760. При Имп. Акад. Наукъ, стр. X+75. 8⁰. Этотъ учебникъ русской исторіи, доведенный до смерти Петра I, г. Демковъ

Шлецера, тоже не руководство, а какой то скелетъ изъ именъ и годовъ [1]), тогда какъ „Краткая россійская исторія“ стоитъ уже на уровнѣ современной ей науки, потому что авторъ этой книги не ограничивается біографіей государей и разсказами о военныхъ событіяхъ и перемѣнахъ въ государственномъ устройствѣ, но тщательно изслѣдуетъ культуру и и вообще мирныя перемѣны внутри государства [2]).

Утвержденіе Шлецера, что до выхода въ свѣтъ „Краткой россійской исторіи“ было только два и то непригодныхъ учебника, неточно и даже невѣрно: не говоря уже о краткомъ учебникѣ самого Шлецера [3]), о которомъ онъ умолчалъ изъ скромности [4]) и который, не смотря на свою краткость, имѣлъ очень важное значеніе, какъ образецъ для авторовъ слѣдующихъ, вполнѣ уже научно составленныхъ учебниковъ, намъ извѣстно кромѣ Синопсиса и Ломоносовскаго „Лѣтописца“ еще четыре *учебника* русской исторіи [5]), вышедшихъ въ свѣтъ до 1799 г.; одинъ

смѣшиваетъ (Ист. русск. педагогіи ч. II, стр. 408) съ другимъ сочиненіемъ Ломоносова, напечатаннымъ уже послѣ его смерти, съ „Древнею Россійскою исторіей“, доведенной только до 1054 г.

[1]) „Kein Handbuch sondern ein Skelet von Namen und Jahrzalen (ibid). Не всегда такъ отзывался Шлецеръ объ учебникѣ Ломоносова; въ Несторѣ (ч. I, пер. Языкова, стр. рмз) находится слѣдующій отзывъ о Краткомъ Россійскомъ Лѣтописцѣ: „это довольно сносное руководство къ Русской исторіи“, и этотъ отзывъ гораздо вѣрнѣе.

[2]) Spürt geflissentlich der Cultur und andern inneren stillen Revolutionen nach (Handbuch, Vorbericht S. XII).

[3]) Изображеніе Россійскія исторіи, сочиненное г. Шлецеромъ, перевелъ Николай Назимовъ. Въ Санктпетербургѣ. 15 стр. (безъ указанія года; напечатана около 1769 г. черезъ девять лѣтъ послѣ напечатанія Ломоносовскаго учебника, сравн. Шлецера. Несторъ, пер. Языкова, ч. I, стр. рмв).

[4]) Въ другомъ своемъ сочиненіи Шлецеръ такъ отзывается объ этомъ своемъ учебникѣ: „не сказалъ бы я ни слова о своей „Tableau de l'histoire de Russie“, изданной въ 1769 г., если бы она не переведена была... два раза на русскій языкъ (Несторъ, ibid).

[5]) *Краткая* Московская лѣтопись, сочиненіе Александра Сумарокова. СПБ. 1774, стр. 24; *Дѣтская* Россійская исторія, изданная въ пользу обучающагося юношества, Смоленскъ, въ типографіи Приказа Общественнаго Призрѣнія 1797 г.; *Новый Синопсисъ* или краткое описаніе о происхожденіи славено-россійскаго владычествованія всероссійскихъ государей до вступленія на престолъ Петра Великаго, Петра Захарьина, Николаевъ, 1798 г., 8⁰, стр. 339. *Лѣтосчислительное* изображеніе Россійской исторіи, иждивеніемъ и трудами Ильи Яковкина, въ Санктпетербургѣ при Импер. Академіи Наукъ, 1798 г., стр. 42; о книгѣ Яковкина Шлецеръ упоминаетъ довольно пренебрежительно въ другомъ своемъ сочиненіи (см. Несторъ, ч. стр, 387); Объ *„Ядрѣ Россійской исторіи“*, сочиненномъ въ пользу Россійскаго юношества“ и изданномъ въ 1770 году, Шлецеръ упоминаетъ (Несторъ рѯє), но, очевидно, не считаетъ этой книги учебникомъ, съ чѣмъ, впрочемъ, несогласенъ П. Н. Милюковъ (Главныя теченія русск. истор. мысли, т. I, стр. 8); книги Эмина (1767 г., 3 т.) и Нехачина (1795 г., 2 ст.) ни въ какомъ случаѣ учебниками признаны быть не могутъ.

изъ этихъ учебниковъ „Дѣтская россійская исторія“ безусловно превосходитъ „Краткую россійскую исторію“, что, впрочемъ, не имѣло значенія для Московскаго главнаго народнаго училища, начальство котораго строго придерживалось статьи устава, разрѣшавшей употреблять только тѣ учебники, которые были изданы Комиссіей [1]).

Для составленія своей книжки авторъ „Краткой россійской исторіи“ воспользовался, по мнѣнію Шлецера, многими неизданными рукописными источниками, изъ которыхъ извлекъ особенно для исторіи монгольскаго періода много данныхъ, совершенно неизвѣстныхъ ученѣйщимъ изъ историковъ; принятое въ этомъ учебникѣ дѣленіе исторіи Россіи на періоды Шлецеръ признаетъ естественнымъ, изложеніе краткимъ и въ то же время удобопонятнымъ и яснымъ. „Пользуясь этимъ руководствомъ“, продолжаетъ Шлецеръ: „даже читатель, не обладающій спеціальною историческою подготовкою, безъ особеннаго усилія составитъ себѣ отчетливое представленіе о постепенномъ развитіи этой достойной удивленія державы отъ перваго возникновенія до нашихъ дней; онъ увидитъ, какимъ маленькимъ, какъ и все великое въ природѣ, началось это государство и какъ быстро оно выросло, какъ неоднократно ужасныя бури угрожали этому государству совершенною гибелью, какъ одна изъ этихъ невзгодъ длилась цѣлыя столѣтія и какъ тѣмъ не менѣе народность уцѣлѣла, возрождалась каждый разъ съ неослабною мощью и, наконецъ, распространила свои исполинскія длани во всѣ стороны“ [2]).

Признавая за изданнымъ Комиссіею о народныхъ училищахъ учебникомъ русской исторіи извѣстныя достоинства, Шлецеръ указываетъ нѣкоторые недостатки, которыхъ, по его мнѣнію, можно было избѣгнуть даже и при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ находился въ концѣ XVIII в. составитель учебника русской исторіи, еще весьма мало разработанной къ тому времени учеными.

Недостатки книги, по мнѣнію Шлецера, состоятъ въ томъ, между прочимъ, что въ ней значительное число фактическихъ ошибокъ; далѣе, въ томъ, что читателю этой книги весьма неясно родство упоминаемыхъ въ ней многочисленныхъ князей, споривщихъ изъ-за княжескихъ престоловъ въ долгій періодъ времени съ 1100 г. до утвержденія преобладанія Московскихъ князей и что поэтому слѣдовало бы приложить къ книгѣ родословную таблицу, наконецъ, самое содержаніе книги черезчуръ сжато и бѣдно и могло бы быть пополнено множествомъ вкратцѣ

---

[1]) Уставъ, ст. 33, 3, 5, 7, 9. Не всѣ главныя народныя училища строго слѣдовали этимъ статьямъ Устава; такъ въ Петербургскомъ и Орловскомъ главныхъ народныхъ училищахъ было введено руководство Ильи Яковкина (Объ этомъ см. въ приложеніи къ книгѣ Яковкина).

[2]) Handbuch, Vorbericht S. XII.

изложенныхъ, но весьма поучительныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ лѣтописей, причемъ содержаніе книги не вышло бы изъ рамокъ, обязательныхъ для учебника; особенно кратко, блѣдно и слишкомъ по лѣтописному изложены такія замѣчательныя эпохи русской исторіи, какъ время великаго Мужа (Петра I) и великой Жены (Екатерины II). Наконецъ, ученый критикъ ставитъ въ вину автору „Краткой россійской исторіи“ и то, что онъ совершенно упускаетъ изъ виду извѣстія иностранныхъ писателей о тѣхъ или другихъ событіяхъ русской исторіи и придерживается въ изложеніи только русскихъ лѣтописей, которыя, какъ и лѣтописи всѣхъ другихъ народовъ, часто сообщаютъ свѣдѣнія недостаточныя и, что еще хуже, невѣрныя и пристрастныя [1]).

Шлецеръ относится, какъ кажется, слишкомъ снисходительно къ автору „Краткой россійской исторіи“, обвиняя его только въ томъ, что онъ является слишкомъ точнымъ передатчикомъ пристрастныхъ показаній лѣтописца; авторъ повиненъ еще и въ томъ, что иногда выбираетъ изъ пособій свѣдѣнія и группируетъ ихъ съ опредѣленною тенденціей и такимъ образомъ своею книгою начинаетъ ту довольно длинную серію учебниковъ отечественной исторіи, которая только недавно была у насъ осуждена высшею педагогическою инстанціею [2]). Такъ, авторъ „Краткой россійской исторіи“, забылъ, что еще въ 1793 г. Болтинъ установилъ [3]) невозможность признавать самодержавною власть *первыхъ* русскихъ князей, и, признавъ Владиміра св. „всея Россіи самодержцемъ„ [4]), принялъ участіе во томъ, начавшемся во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ XVIII в. движеніи русской исторической литературы, которое Шлецеръ подмѣтилъ и назвалъ „раковымъ ходомъ“ [5]).

Та же причина, которая заставила весьма ученаго чиновнаго автора [6]) „Краткой россійской исторіи“ вернуться въ вопросѣ о началѣ самодер-

---

[1]) Ibid. s. XIV—XV.

[2]) „Необходимо, однако, помнить, что высокая воспитательная цѣль историческаго преподаванія не должна и не можетъ достигаться иначе, какъ путемъ *правдиваго* ознакомленія дѣтей съ событіями и образами прошлаго. Отрѣшенныя отъ исторической *дѣйствительности* назидательныя рѣчи преподавателя, внося въ дѣло нежелательную и вредную фальшь, извратили бы доброе воспитательное средство и повели бы къ прямому педагогическому злу (Объяснительная записка къ программѣ курса исторіи I и II класса; Сравн. С. В. Рождественскаго, Истор. Обзоръ дѣят. Мин. Нар. Пр. стр. 717).

[3]) Критическія примѣчанія на 1 томъ исторіи князя Щербатова, СПБ. 1793 г. стр. 176: „по обстоятельствамъ можно заключить, что власти самодержавныя симъ князьямъ не дано“.

[4]) Кратк. россійск. исторія, стр. 22.

[5]) Несторъ, пер. Языкова, т. I, стр. ρξг.

[6]) Сравн. предположеніе Шлецера: vielleicht, der erst kürzlich vertsorbene Stats-Rat-Stritter (Handbuch, Vorbericht, S. XII. Сравн, Воронова, Янковичъ-де-Міріево, стр. 122).

жавія на Руси къ модернизму „Синопсиса“ [1]), помѣшала ему при выполненіи въ 1799 г. программы, утвержденной еще императрицей Екатериной II, сообщить въ статьяхъ „состояніе Россіи и народа“ (въ II періодѣ 862—1224 г.) и „образъ правленія“ (въ III періодѣ 1224—1462) [2]) какія бы то ни было свѣдѣнія о *вѣчѣ* и вѣчевомъ правленіи. Слово вѣче упоминается въ „Краткой россійской исторіи“ только одинъ разъ и въ такомъ контекстѣ, что читатель могъ себѣ составить довольно своеобразное представленіе о вѣчевомъ правленіи, — приводимъ это мѣсто: „за жестокость и наглость, съ каковою новгородскіе бояра угнетали, грабили и даже до смерти бивали бѣдныхъ и слабыхъ гражданъ, а особливо, что нѣкоторые изъ нихъ помышляли поддаться польской державѣ, великій князь, окруживъ въ 1477 г. Новгородъ войскомъ и уничтоживъ *вечу* или правленіе *ихъ*, приказалъ отвезти вечевой ихъ колоколъ въ Москву и отнялъ у нихъ всѣ преимущества, которыя они по сю пору злоупотребляли ко внутреннему ихъ возмущенію и безпорядку, а чтобъ еще болѣе утвердить тишину и благосостояніе въ городѣ, разослалъ тамошнихъ бояръ и нѣсколько тысячъ другихъ жителей по разнымъ городамъ Россіи, а вмѣсто ихъ поселилъ тамъ изъ другихъ мѣстъ“ [3]).

Ломоносовскій „Краткій лѣтописецъ“, поставленный Шлецеромъ неизмѣримо ниже „Краткой россійской исторіи“, не стѣсняясь нисколько, сообщаетъ ученикамъ, что Иванъ Васильевичъ „Марфу посадницу, поймавъ, отвезъ въ Москву и вечевой или зборный колоколъ, снявъ, поставилъ въ Москвѣ и *республику* новгородскую, уничтоживъ, привелъ подъ свое самодержавство“ [4]). Но что говорить о Ломоносовѣ, напечатавшемъ свой „Лѣтописецъ“ еще въ 1760 г. съ стихотворнымъ посвященіемъ *пятилѣтнему великому князю* Павлу Петровичу! Даже скромный провинціалъ, авторъ „Дѣтской россійской исторіи“, напечатанной уже въ 1797 г., правда, „въ *первые* дни правленія“ [5]) *императора* Павла Петровича, счелъ возможнымъ сообщить о новгородскомъ правленіи слѣдующее: „Весьма важно для сего государя (Ивана III) покореніе новгородскаго владѣнія, которое тогда составляло нѣкоторый родъ *республиканскаго правленія*... Они (новгородцы) въ разсужденіи правъ и расположеній слѣдовали ганзейскимъ городамъ, имѣли собственные магистраты, надъ коими поручали верховную власть намѣстникамъ великихъ

---

1) „Великій князь кіевскій и всея Россіи Самодержецъ Свѣтославъ Игоревича (Синопсисъ, изд. 1774 г., стр. 38); великій князь Владиміръ Свѣтославичъ нача писатися царемъ и великимъ княземъ и Самодержцемъ Россійскимъ (ibid. стр. 43).

2) Кратк. Россійск. Исторія, стр. 57—59, 102—105.

3) Краткая Россійская Исторія, стр. 117.

4) Краткій Россійскій Лѣтописецъ, стр. 26.

5) Дѣтская Россійская Исторія, стр. 191.

князей, но только весьма ограниченно. Когда Иванъ Васильевичъ послѣ вступленія своего на престолъ... покорилъ нѣкоторыя земли, то Новгородцы, опасаясь силы сего Государя и не будучи въ состояніи сами противиться, вознамѣрились было искать покровительства своей *вольности* у польскаго короля“ [1]).

Еще болѣе грѣшитъ противъ строгой объективности и даже впадаетъ въ нѣкоторый лиризмъ авторъ „Краткой россійской исторіи“ въ слѣдующемъ отзывѣ объ Іоаннѣ IV: „Іоаннъ былъ строгъ и вспыльчивъ, что и подало причину къ названію его Грознымъ, но при томъ *справедливъ*, *храбръ*, въ награжденіяхъ щедръ и особенно стараленъ о просвѣщеніи и благоденствіи Россіи“ [2]). Само собою разумѣется, что ни о Малютѣ Скуратовѣ, ни о судьбѣ митрополита Филиппа въ этомъ учебникѣ не упоминается. Гораздо болѣе педагогично поступилъ въ данномъ случаѣ Сумароковъ; не считая возможнымъ въ своемъ учебникѣ русской исторіи (СПБ. 1774 г.) говорить правду объ Іоаннѣ IV, онъ не замѣнилъ ее панегирикомъ, а написалъ слѣдующее: „онъ называется Грознымъ, но я все то *прехожу молчаніемъ* и ради того не упоминаю ни объ усмиреніи новгородцевъ, ни ливонцевъ“. Написавъ это, Сумароковъ все-таки прибавилъ: „при немъ пострадалъ митрополитъ Филиппъ“ [3]).

Такимъ образомъ изданный Комиссіею объ учрежденіи училищъ учебникъ всеобщей исторіи, отличающійся, какъ было выше указано, полною объективностью, превосходитъ въ этомъ отношеніи „Краткую россійскую исторію“, которая тѣмъ не менѣе педагогами конца XVIII и начала XIX в., безъ сомнѣнія, цѣнилась выше, такъ какъ въ ней болѣе тщательно проведено дѣленіе на періоды [4]), хотя, по мнѣнію Шлецера, и не всегда удачное [5]). Нельзя, впрочемъ, не признать и того, что по

---

[1]) Ibid. стр. 79, 81—82.

[2]) Кратк. Росс. ист. стр 130.

[3]) Краткая Московская лѣтопись стр. 14.

[4]) Сравн. Московское Училище Ордена Св. Екатерины, изд. подъ редакціей В. А. Вагнера, стр. 258: „отсутствіе дѣленія на періоды..... считали главнымъ недостаткомъ учебника исторіи“.

[5]) Принятое первоначально въ учебномъ планѣ главныхъ народныхъ училищъ дѣленіе русской исторіи на періоды (Матеріалы Сѣверной исторіи, стр. 237—238) въ сущности заимствовано у самого Шлецера (изъ его „Изображенія Россійскія исторіи“, стр, 10), при чемъ въ предложенномъ Шлецеромъ дѣленіи сдѣланы нѣкоторыя незначительныя измѣненія.

Такъ, Шлецеръ первый періодъ русской исторіи начинаетъ съ 862 года, авторъ же учебнаго плана начинаетъ съ этого года второй періодъ, считая за первый періодъ „древнее состояніе Россіи по 862 г.“; далѣе, границы періодовъ Шлецера и учебнаго плана вполнѣ совпадаютъ, только предпослѣдній періодъ Шлецера, уменьшенный на 43 года, разбитъ на два періода, а послѣдній Шлеце-

размѣрамъ своимъ и отчасти по изложенію „Краткая россійская исторія“ была болѣе подходящимъ учебникомъ для главнаго народнаго училища, чѣмъ „Всемірная исторія“. Въ „Краткой россійской исторіи“ всего 191 страница и *большая часть* этого учебника при четырехъ недѣльныхъ урокахъ пятилѣтняго курса училища могла быть вполнѣ отчетливо усвоена учениками.

Въ данномъ случаѣ приходится говорить объ отчетливомъ усвоеніи только части учебника, правда, большей, потому что авторъ „Краткой россійской исторіи“ не считалъ возможнымъ вполнѣ отказаться отъ того способа изложенія, благодаря которому очень многія страницы „Всемірной исторіи“ представляютъ собою одни имена и годы. Въ „Краткой россійской исторіи“ дается разсказъ обо всѣхъ безъ исключенія великихъ князьяхъ, начиная съ Рюрика, хотя нѣкоторые изъ нихъ не совершили ровно ничего достопримѣчательнаго; кромѣ великихъ князей упо-

---

ровскій періодъ начать на 43 года раньше, какъ это видно изъ слѣдующаго сопоставленія.

Періоды у Шлецера (1769 г.)	Періоды въ учебн. планѣ (около 1783 г.) отъ древн. временъ до 862 г.
862—1015	862—1015
1015—1216	1015—1224
1216—1462	1224—1462
1462—1725	1462—1613
1725—1769	1613—1682
	1682—1762

При осуществленіи учебнаго плана въ учебникѣ „Краткая россійская исторія“ рѣшили вернуться къ Шлецеровскому числу періодовъ (5), при чемъ совсѣмъ исказили его дѣленіе, соединивъ 2-й періодъ съ третьимъ и шестой съ седьмымъ, такъ что получилось такое распредѣленіе.

Періоды Шлецера.	Періоды кратк. россійск. исторіи: древнее состояніе Россіи по 862 г.
862—1015	
1015—1216	862—1224
1216—1462	1224—1462
1462—1725	1462—1613
1725—1769	1613—1797

Шлецеръ призналъ (Handbuch. Vorbericht стр. XIV—XVIII) основательность одной изъ перемѣнъ въ его дѣленіяхъ, допущенныхъ въ учебномъ планѣ, а именно согласился, что періодъ, начинающійся съ 1462 г. слѣдуетъ закончить не 1725, а 1613 г., но рѣшительно осудилъ соединеніе 1-го изъ установленныхъ имъ періодовъ со вторымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, съ кончины Ярослава въ 1054 г. начался новый, правда не особенно хорошій порядокъ и поэтому время съ 862 по 1236 г., должно быть раздѣлено на 2 періода 862—1054 и 1054—1236. Кромѣ того Шлецеръ никакъ не можетъ признать за первый періодъ исторіи *Россіи* періодъ отъ древнихъ временъ до Рюрика, онъ называетъ это время Vorgeschichte.

минается еще большое число князей младшихъ. Поэтому страницы, посвященныя исторіи II-го (удѣльнаго періода) и III-го періода (до возвышенія Москвы) часто пестрѣютъ массою именъ, запоминать которыя было бы для учениковъ не только совершенно безполезно, но и весьма трудно, такъ какъ многія изъ этихъ именъ не вызывали въ умѣ учащихся никакихъ конкретныхъ представленій [1]). Есть основаніе полагать, что въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ большая часть этого балласта опускалась при разучиваніи учебника [2]).

Такое множество именъ дѣлало очень труднымъ усвоеніе всей вообще первой трети учебника, хотя нѣкоторыя отдѣльныя статьи этой части учебника изложены ясно, толково, безъ излишнихъ подробностей [3]). Разсказъ о событіяхъ со времени утвержденія власти московскихъ князей страдаетъ не отъ подавляющей массы именъ, а отъ излишней краткости и того недостатка, который Шлецеръ характеризуетъ словомъ chronikenmässig; такъ, начавъ въ статьѣ о Петрѣ Великомъ повѣствованіе о великой сѣверной войнѣ, авторъ прерываетъ разсказъ о войнѣ подъ 1714 годомъ, чтобы разсказать объ учрежденіи ордена Св. Екатерины и объ изданіи воинскаго сухопутнаго Устава, подъ 1718 г., чтобы разсказать о приступѣ къ прорытію Ладожскаго канала, объ учрежденіи коллегій, объ изданіи Морского Устава и учрежденіи Святѣйшаго Сѵнода;

---

[1]) Таковы, напримѣръ, Владиміръ III, Вячеславъ, Ростиславъ, Изяславъ III, о которыхъ сообщается слѣдующее: „Владиміръ III Мстиславовичъ въ 1173 г. 3 мѣсяца. Владиміра III, князя дорогобужскаго, возшествіе на престолъ не угодно было Андрею Юрьевичу Ростовскому, яко учиненное безъ его участія, ибо онъ почиталъ себя старѣйшимъ въ племени Владиміровомъ. Для сего условился онъ съ Романомъ Ростиславовичемъ, княземъ Смоленскимъ, что Роману княжить въ Кіевѣ.... По смерти Ияслава II управляли на короткое время кіевскимъ великимъ княженіемъ дядя великаго князя Вячеславъ и племянникъ Ростиславъ, да черниговской князь Изяславъ II, но Юрій, князь Ростовскій и Суздальскій, преодолѣвъ ихъ, сѣлъ на престолъ Кіевскій въ 1155 году (Кратк. россійск. истор. стр. 47—48, 41—42). Какъ въ калейдоскопѣ мелькаютъ: Рюрики I и II, Святославы I, II. III, IV; Ярославы I, II, III, Изяславы I, II, III, IV, Владиміры I II, III и IV и т. д.

[2]) Высказываемъ это предположеніе на основаніи того, что, какъ видно изъ отчетовъ о пройденныхъ въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ курсахъ (Архивъ Мин. Нар. Просв. карт. 308, дѣло № 37063). въ первое полугодіе успѣвали пройти до временъ царя Ивана Васильевича“, т.-е. двѣ трети курса, (по количеству страницъ); это было возможно только въ томъ случаѣ, если большая часть ненужной номенклатуры первыхъ періодовъ опускалась; дѣйствительно“ въ одномъ изъ бывшихъ въ нашемъ распоряженіи экземпляровъ „Краткой россійской исторіи, (хранятся въ Моск. Рум. Муз.) на многихъ страницахъ II и III періодовъ нѣкоторыя строки зачеркнуты.

[3]) Напримѣръ, объ Ольгѣ и Святославѣ I (стр. 17—20), о Владимірѣ Св. (стр. 21—24), Ярославѣ I (стр. 25—29), Святополкѣ II и Владимірѣ Мономахѣ (стр. 34—38), о нашествіи Батыя (стр. 65—67).

затѣмъ опять переходитъ къ сѣверной войнѣ и разсказываетъ о ништадскомъ мирѣ [1]).

Намѣренная краткость и лѣтописный характеръ изложенія событій XVIII в. въ „Краткой россійской исторіи“ приводятъ къ страннымъ пропускамъ: такъ не сообщено объ учрежденіи Петромъ I Сената, не приведено никакихъ свѣдѣній объ этомъ учрежденіи, хотя и упомянуто о томъ, что послѣ ништадскаго мира Петръ I отъ лица Сената, Сунода и всего Россійскаго народа поздравленъ и названъ Императоромъ Всероссійскимъ [2]); упомянуто о томъ, что Петръ II былъ сыномъ „несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, рожденнаго Петромъ Великимъ отъ первой Его супруги“ [3]), но нѣтъ никакого указанія на то, въ чемъ состояло *несчастіе* Алексѣя Петровича, вообще, кромѣ указанія на то, что Петръ II былъ сыномъ царевича Алексѣя, никакихъ другихъ свѣдѣній объ этомъ царевичѣ и о первомъ бракѣ Петра I не приведено [4]); упоминая объ учрежденіи коллегій „ради удобнѣйшаго направленія дѣлъ“, авторъ не объясняетъ, что такое коллегіи, какія учрежденія они замѣнили; о расколѣ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія.

Изложеніе исторіи каждаго періода распадается на два отдѣла: 1) о государяхъ и 2) о внутреннемъ состояніи Россіи за указанный періодъ. Первый отдѣлъ, занимающій наибольшее число страницъ, раздѣляется на параграфы, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ отдѣльному княженію или царствованію; второй отдѣлъ состоитъ изъ подраздѣленій, не во всѣхъ періодахъ одинаковыхъ; такъ въ періодѣ третьемъ этотъ отдѣлъ раздѣляется на слѣдующія подраздѣленія: a) пространство и раздѣленіе Россіи въ семъ періодѣ, b) вѣра, c) образъ правленія, d) письменныя дѣла, чины и войско, e) науки и художества f) монета, мѣра хлѣба и торговля; g) о казакахъ.

Въ періодѣ четвертомъ, между прочими, слѣдующія рубрики: состояніе двора и народа; законы. Само собою разумѣется, что изложеніе отдѣла „о внутреннемъ состояніи Россіи“ соотвѣтствовало весьма недостаточной разработкѣ русской исторіи въ концѣ XVIII в. и Шлецеромъ признавалось едва „сноснымъ“ [5]) по сравненію съ соотвѣтствующими иностранными руководствами того времени по исторіи западно-европейскихъ наро-

---

[1]) Кратк. Росс. Ист. стр. 169.

[2]) Ibid. стр. 170.

[3]) Ibid. стр. 172.

[4]) И въ этомъ отношеніи авторъ „Дѣтской россійской исторіи“ чувствовалъ себя нѣсколько свободнѣе; вотъ, что напечатано на 164 стр. этой книжки: „всему свѣту извѣстно, какія огорченія и препятствія въ своихъ учрежденіяхъ и расположеніяхъ претерпѣвалъ Государь сей отъ первыя супруги своея, суевѣрныя Евдокіи, которую, наконецъ, принужденъ сослать въ монастырь; отъ первыя (супруги) родился сынъ Алексѣй, извѣстный *несчастною своею кончиною*“.

[5]) Шлецеръ. Handbuch, Vorbericht, S. XIII.

довъ; нельзя все-таки не замѣтить, что изъ тѣхъ свѣдѣній, которыми уже могъ располагать авторъ, онъ почерпнулъ меньше, чѣмъ можнобыло бы.

Къ учебнику „Краткая россійская исторія“, „для лучшаго понятія юношества и удобнѣйшаго объясненія учителя“, приложены историческія карты, „сочиненныя на разные періоды исторіи и въ продолженіе около сорока лѣтъ бывшія у насъ почти единственнымъ въ семъ родѣ пособіемъ“ [1]). Всего приложены къ учебнику три историческія карты: первая „на первый періодъ Россійск. исторіи до 862 г. по Р. Х.“—въ этой картѣ царитъ младенческая историческая этнографія съ полнымъ отсутствіемъ исторической перспективы: Киммеры *или* Готы у подножія Кавказскихъ горъ рядомъ съ Мадьярами и Маіотами; въ „Малой Скиѳіи“—Козары, въ Сарматіи—Кривичи, Поляне, Древляне; рядомъ съ Мерей, Муромой, Мордвой—Андрофаги, а съ Булгарами—Меланхлены; къ усугубленію путаницы этой карты послужило еще то, что при составленіи ея пренебрегли совѣтомъ учебнаго плана: „въ картахъ, служащихъ на два періода употреблены будутъ для каждаго періода особенныя краски, дабы тотчасъ видѣть, что къ одному и что къ другому принадлежитъ“ [2]), всѣ названія этой карты напечатаны одною краскою.

Вторая карта „на второй періодъ Росс. Исторіи съ 862 г. по 1224“ весьма недурно составленная, почти ничѣмъ не отличается отъ теперешнихъ историческихъ картъ (одна только ошибка — Печенѣги *или* Половцы), еще лучше послѣдняя карта—„на 3-й и 4-й періоды Росс. Истор. съ 1224 по 1613 г.“.

При преподаваніи исторіи учитель пользовался лапдкартами и синхронистическими таблицами. Во время урока исторіи на классной доскѣ висѣла большая *географическая* карта и, „при изъясненіи земель учитель показывалъ границы, рѣки и мѣста оныхъ, сказывая ученикамъ, какія нынѣ страны заключаютъ древнія тѣ мѣста, о которыхъ въ исторіи говорится и проводилъ на картѣ мѣломъ бывшія переселенія народовъ“. Для преподаванія русской исторіи имѣлось въ виду издать стѣнныя *историсскія* карты Россіи [3]), но это, кажется, исполнено не было.

Кромѣ географической карты во врѣмя урока исторіи передъ учениками висѣли „большія таблицы, раскрашенныя черною краскою и раздѣленныя по главамъ на столбцы; въ заглавіяхъ столбцовъ—имена народовъ и государствъ, а на лѣвой сторонѣ таблицъ—годы, вообще, или тысячные, или сотые“; при прохожденіи учебника исторіи учитель заставлялъ учениковъ „написывать мѣломъ годы, достопамятныя имена и главныя происшествія подъ тотъ вѣкъ и въ ту клѣтку, коей заглавіе показываетъ государство или народъ, исторія котораго проходилась по

---

1) Старчевскій, Очеркъ историч. дѣят. въ Россіи (Мат. Сѣв. Ист. стр. 237).

2) Ibid. стр. 240.

3) Ibid. стр. 239. Сравн. Воронова. Янковичъ-де-Миріево, стр. 125.

учебнику, чтобы ученики тѣмъ легче могли запечатлѣть ихъ въ памяти и обозрѣть однимъ взглядомъ порядокъ и связь происшествій". Написанное на таблицѣ не стиралось по окончаніи урока и въ слѣдующіе уроки, при нанесеніи въ другихъ клѣткахъ новыхъ данныхъ, постоянно было передъ глазами учениковъ, что считалось весьма полезнымъ, „ибо, когда предметы часто глазамъ представляются, то не токмо они дѣйствуютъ сильно на память, но и при прохожденіи исторіи служатъ къ сообразованію съ онымп современныхъ достопамятныхъ происшествій, случившихся въ тѣхъ же вѣкахъ у другихъ народовъ" [1]).

Преподаваніе исторіи въ главномъ народномъ училищѣ велось слѣдующимъ образомъ: „учитель становился у карты и таблицы съ однимъ ученикомъ, у котораго въ рукахъ были учебникъ исторіи и мѣлъ; одному изъ учениковъ, сидящихъ на своихъ мѣстахъ, учитель приказывалъ громко читать одинъ періодъ изъ проходимой по учебнику статьи, а прочимъ ученикамъ читать то же про себя. По прочтеніи статьи, учитель изъяснялъ ее и указывалъ ученику, стоящему у таблицы или карты, что написать или провести на нихъ должно, потомъ тотчасъ спрашивалъ о томъ то одного, то другого ученика, чтобы увидать, какъ они преподаваемое *поняли*"; при этомъ учитель требовалъ, „чтобы ученики *своими словами* разсказывали въ связи то, что изъ исторіи отъ учителя слышали". Во время каждаго урока всегда вкратцѣ повторялось пройденное на предыдущихъ урокахъ. Въ одинъ урокъ учитель „заставлялъ писать на таблицѣ и чертить на картѣ не одного ученика, а всѣхъ поперемѣнно".

Таковы были методическіе пріемы, при помощи которыхъ преподаватель долженъ былъ достигнуть важнѣйшей цѣли преподаванія исторіи въ главномъ народномъ училищѣ—привести учениковъ къ тому, чтобы они „*понимали, что было главною причиною великихъ перемѣнъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ*" [2]). Если сравнить это преподаваніе исторіи съ тѣмъ безсмысленнымъ зубреніемъ „глупаго, несноснаго и уродливаго" Синопсиса, которымъ, по свидѣтельству Шлецера, ограничивалось въ XVIII въ преподаваніе русской исторіи въ немногихъ нашихъ школахъ, признававшихъ нужнымъ знакомить своихъ питомцевъ съ этимъ предметомъ, то ясно станетъ, какую существенную перемѣну въ дѣлѣ преподаванія исторіи произвела екатерининская школьная реформа. Можно сказать, что этою реформою *впервые* вводилась у насъ правильная постановка преподаванія исторіи въ средней школѣ и нѣтъ никакого сомнѣнія, что сознаніе высокой важности преподаванія исторіи въ средней школѣ было внушено составителямъ учебнаго плана главнаго народнаго училища самою императрицею, которая не только была авторомъ „Запи-

---

[1]) Всемірная исторія, ч. I, предисловіе, стр. 1.

[2]) Ibid. стр. IV.

сокъ по русской исторіи", но также не однократно напоминала о „необходимости" преподаванія этой науки въ школахъ [1]), вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ просвѣщеннымъ своимъ современникомъ, который утверждалъ, что изученіе исторіи „наипаче человѣка просвѣщеннымъ дѣлаетъ" [2]). Къ несчастію „раковый ходъ" обнаружился во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ XVIII в. не только въ движеніи русской исторической литературы, но также и въ преподаваніи исторіи и не одно поколѣніе смѣнилось прежде, чѣмъ нашей средней школѣ дана была возможность вернуться къ той постановкѣ преподаванія исторіи, которая, по указаніямъ императрицы Екатерины II, была разработана Комиссіею объ учрежденіи училищъ въ лучшую пору ея дѣятельности.

Къ сожалѣнію, ни въ сохранившихся ежегодныхъ отчетахъ о состояніи Московскаго главнаго народнаго училища, ни въ документахъ о ревизіи этого училища О. П. Козодавлевымъ нѣтъ указаній на то, какіе были результаты преподаванія исторіи въ училищѣ, насколько благія пожеланія объяснительныхъ записокъ къ учебнымъ планамъ исторіи составленныхъ Комиссіею объ учрежденіи училищъ, были осуществлены въ довольно неприглядной дѣйствительности рано захирѣвшаго дѣтища великой Shulmeisterin.

Виталій Эйнгорнъ.

---

[1]) Знаменскій, Духовной школы въ Россіи, стр. 779.

[2]) Ibid.

XL.

Къ вопросу о задачахъ исторіи.

I.

Философско-историческая литература въ теченіе долгаго времени развивалась въ весьма слабой связи съ ростомъ собственно исторической науки. Послѣдняя въ теченіе большей части XIX вѣка имѣла, такъ сказать, поверхностно-эмпирическій характеръ. Въ изученіи прошлыхъ судебъ человѣчества она стремилась по преимуществу къ возможно болѣе точному установленію фактовъ и опредѣленію причиннаго сцѣпленія таковыхъ. Если въ области установленія фактовъ уже въ XVIII вѣкѣ вырабатываются опредѣленные методологическіе пріемы критики и интерпретаціи источниковъ, подвергающіеся даже теоретической обработкѣ [1]), то въ сферѣ причиннаго истолкованія фактовъ еще въ теченіе большей части XIX вѣка преобладалъ поверхностный эмпиризмъ: историкъ, анализируя причинную связь отдѣльныхъ фактовъ, руководствовался или тѣми *случайными* указаніями, которыя содержались въ источникахъ, или своими собственными соображеніями, не вытекавшими изъ какихъ-либо прочно установленныхъ методологическихъ положеній. Психологическая мотивація дѣйствій историческихъ лицъ, основанная на предположеніяхъ относительно душевныхъ движеній, якобы имѣвшихъ мѣсто въ психикѣ этихъ лицъ,—предположеніяхъ, часто очень произвольныхъ, далеко не всегда опирающихся на источники,—таковъ былъ главный методъ истолкованія фактовъ [2]). Если историкъ касался общихъ факторовъ, какъ причинъ описываемыхъ фактовъ,—то и здѣсь господствовалъ тотъ же донаучный (почти «инстинктивный») эмпиризмъ.

---

[1]) Напр., въ работѣ *J. M. Chladenius'a* вышедшей въ 1752 г. См. Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode, 5. u. 6. Auflage, 1908, S. 233.

[2]) Объ элементарномъ эмпиризмѣ, господствующемъ еще нынѣ въ этой области, ср. Bernheim, o. c., 648. Этотъ писатель, будучи склоненъ даже защищать такой („инстиктивный", какъ онъ выражается,) эмпиризмъ, тѣмъ не менѣе требуетъ *методическаго контроля* при его примѣненіи и углубленія его путемъ изученія научной психологіи (ib., 649).

Историкъ, конечно, не обходилъ общихъ факторовъ, такъ какъ сплошь да рядомъ самые изучаемые факты и даже ихъ отраженіе въ историческихъ источникахъ наталкивали его *непосредственно* на таковые [1]). Трудно было, конечно, при преобладающемъ интересѣ къ политической исторіи, т.-е. къ исторіи государствъ (внутренней и особенно внѣшней),—обойти вниманіемъ вліяніе того или другого государственнаго строя на событія. Трудно было не коснуться религіозныхъ явленій эпохи при изученіи религіозныхъ войнъ и проч. *Но менѣе замѣтное*, хотя и непрерывное дѣйствіе экономической эволюціи, идейныхъ теченій и другихъ подобныхъ явленій на общую эволюцію обществъ, пока эти явленія не выражались въ очень яркихъ событіяхъ въ родѣ крестьянской войны или церковной реформаціи,—рѣдко обращало на себя вниманіе историковъ первой половины, отчасти даже первыхъ трехъ четвертей XIX вѣка (такіе всесторонніе историки, какъ Моммсенъ, еще не такъ давно были рѣдкими исключеніями).

Появленіе въ концѣ XVIII вѣка философско-историческихъ системъ въ родѣ Гердера, Канта, Кондорсэ,—слабо отражалось на работѣ спеціалистовъ историковъ. Только философія Гегеля нѣсколько глубже проникла въ область общей исторіографіи (напримѣръ, нельзя отрицать ея вліянія на Ранке и его школу), но при слишкомъ общемъ характерѣ философско-историческаго построенія Гегеля, малаго вниманія послѣдняго къ спеціальнымъ вопросамъ методологіи исторіи и теоріи историческаго познанія,—конечно, его вліяніе не пошло далѣе опредѣленія общихъ философско-историческихъ концепцій въ родѣ усиленія эволюціонно-генетическаго момента въ исторіографіи, формированія ученія объ идеяхъ, какъ объ историческомъ факторѣ (хотя въ этой послѣдней области не меньшую роль сыгралъ В. фонъ-Гумбольдтъ) и т. п. Такіе крупные руководители германской исторической мысли большей части XIX вѣка, какъ Ранке, продолжали страдать отсутствіемъ систематичности въ своихъ теоретическихъ взглядахъ въ области философіи исторіи [2]).

И появленіе общей науки объ обществѣ—соціологіи—долгое время мало задѣвало исторіографію. Скорѣе даже къ этой молодой дисциплинѣ въ рядахъ профессіональныхъ историковъ чувствовалось пренебрежительное отношеніе. Рѣдкіе историки, въ родѣ Бокля, усвоившіе идеи Конта и другихъ соціологовъ, подвергались жестокой и по большей части справедливой критикѣ со стороны спеціалистовъ историковъ, от-

---

[1]) Ср. *Bernheim*, o. c., 678 и 681—о маломъ вниманіи старыхъ историковъ къ „культурнымъ факторамъ“. Ср. также 65 (объ особенно долгомъ пренебреженіи политическихъ историковъ къ экономическому фактору.).

[2]) *Bernheim* o. c., 698 Anm. 2. *Grotenfelt*, Wertschätzung in der Geschichte, Leipzig, 1903, S. 145.

мѣчавшихъ у Бокля и его послѣдователей поспѣшность обобщеній, насилованіе фактовъ въ угоду такимъ обобщеніямъ и т. п. Большую роль въ смыслѣ разъединенія исторіи и соціологіи играло и то обстоятельство, что соціологи послѣ Конта преобладающее вниманіе обращали на раннія ступени цивилизаціи, привлекаемые къ этимъ послѣднимъ большей простотой явленій на раннихъ стадіяхъ развитія и большей въ связи съ этимъ обстоятельствомъ легкостью ихъ анализа,— между тѣмъ какъ въ средѣ историковъ, конечно, господствовалъ интересъ къ болѣе высокимъ цивилизаціямъ.

Лишь съ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка начинаетъ отчетливо обозначаться поворотъ въ отношеніи философіи исторіи и самой исторической науки. Правда, еще ранѣе были явленія такого рода. Напримѣръ, не говоря уже о Боклѣ, въ историческомъ міросозерцаніи Тэна замѣтно вліяніе философско-историческихъ ученій. Но такія явленія были единичными. Однако дѣло долѣе не могло оставаться въ такомъ положеніи. Все большее распространеніе новаго естественно-научнаго міросозерцанія и тѣсно связанный съ прогрессомъ естествознанія ростъ соціологической литературы должны были коснуться и исторической науки. Нельзя не отмѣтить и большого значенія въ этомъ отношеніи марксистской концепціи историческаго процесса, съ которой (концепціей) такъ или иначе все болѣе и болѣе приходилось считаться историкамъ. Болѣе молодыя поколѣнія историковъ, начиная съ 80-хъ годовъ, въ большей степени задумываются надъ теоретическими вопросами своей науки [1]). Но особенно возросъ интересъ къ этимъ проблемамъ въ средѣ профессіональныхъ историковъ въ 90-хъ годахъ [2]). Внѣшнимъ толчкомъ для оживленіе интереса въ это время послужило научное «исповѣданіе вѣры» Карла Лампрехта въ его статьяхъ «Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft» и «Was ist Kulturgeschichte» [3]), появившихся въ 1896—7 годахъ. Цѣлый рядъ профессіональныхъ историковъ обратилъ вниманіе на эту исповѣдь. Below, Bernheim, Ed. Meyer, Xénopol и многіе другіе отозвались на статьи Лампрехта, вызвавъ тѣмъ самымъ новый рядъ теоретическихъ работъ со стороны послѣдняго.

Въ то же время и въ области философіи съ 80-хъ годовъ возра-

---

[1]) Упомяну хотя бы Введеніе къ 1-му изданію перваго тома „Geschichte des Altertums“ Эдуарда Мейера, вышедшему въ 1884 году.

[2]) Эд. Мейеръ въ своей брошюрѣ „Zur Theorie und Methodik der Geschichte“ (Halle 1902) говоритъ, что, когда онъ въ 1884 году коснулся во Введеніи къ I тому „Geschichte des Altertums“ теоретическихъ вопросовъ,—эти послѣдніе не возбуждали того интереса, какимъ они пользуются нынѣ.

[3]) Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, N. F., Bd. I, S. 75 ff. (1896—7).

стаетъ интересъ къ философско-историческимъ проблемамъ. Съ одной стороны философія въ силу своего, изъ самаго ея существа вытекающаго, синтетическаго характера должна была такъ или иначе переработать новыя соціологическія и обще-историческія концепціи, откуда бы онѣ ни выходили: изъ-подъ пера соціологовъ, экономистовъ-марксистовъ, историковъ или самихъ философовъ. Съ другой стороны преобладаніе теоретико-познавательнаго направленія въ философіи послѣднихъ десятилѣтій заставило спеціалистовъ-философовъ, не ограничиваясь общими вопросами теоріи познанія, заняться болѣе детально теоріей познанія по отношенію къ отдѣльнымъ классамъ явленій, въ частности къ исторіи вообще и исторіи человѣчества въ частности. Ту роль внѣшняго толчка, какую для оживленія разработки теоретическихъ вопросовъ со стороны профессіональныхъ историковъ сыграли статьи Лампрехта, — для философовъ сыграли — рѣчь Виндельбанда: «Naturwissenschaft und Geschichte», появившаяся въ 1894 г., книга *Г. Риккерта* о «Границахъ естественно-научнаго образованія понятій»[1]) и статья его же «Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft», появившаяся въ 1899 году [2]).

Съ тѣхъ поръ литература по теоретическимъ и философскимъ вопросамъ въ области исторіи не изсякаетъ. Почти каждый мѣсяцъ приноситъ новыя статьи и цѣлыя книги на всѣхъ культурныхъ языкахъ, трактующія эти темы.

Означенное явленіе, а именно пробужденіе интереса къ теоретическимъ вопросамъ нашей науки, нельзя не признать въ высшей степени нормальнымъ. Историческая наука не могла жить и впредь тою, такъ сказать, «полусознательною» жизнью, какой она жила въ прежнія десятилѣтія, поскольку дѣло шло не о простомъ возстановленіи фактовъ прошлаго—въ этомъ отношеніи заслуга исторіографіи первыхъ трехъ четвертей XIX вѣка неизмѣримо высока,—а о причинномъ анализѣ этихъ фактовъ. Необходимо здѣсь установить точные принципы, опредѣлить задачи и методы исторіи въ этой области. Тутъ призваны работать рука объ руку и историки, и философы. Первые должны внести сюда привычку къ анализу конкретнаго историческаго матеріала,

---

[1]) *Heinr. Rickert*, Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung, 1896—1902; рус. пер. *А. Водена*, СПБ, 1904 г. По большей части я цитирую этотъ переводъ (цитаты изъ подлинника отмѣчены особо).

[2]) О новизнѣ вопросовъ касающихся логики исторіи, говоритъ самъ Риккертъ въ началѣ 1-й главы своей „Философіи исторіи“. „Въ той области философіи исторіи, къ обзору которой мы теперь приступаемъ, въ области логики исторической науки, наше время еще болѣе чѣмъ гдѣ-либо можетъ притязать на извѣстную оригинальность“. И далѣе онъ указываетъ. что эти вопросы болѣе или менѣе серьезно были поставлены лишь Паулемъ (Prinzipien der Sprachgeschichte 1880), Навиллемъ (1888), Зиммелемъ и особенно Виндельбандомъ.

сознательный эмпиризмъ, отличный отъ прежняго эмпиризма «инстинктивнаго»; вторые принесутъ пользу своею привычкою не возвышаться надъ опредѣленной группой явленій и примѣнять къ анализу этихъ явленій общіе теоретико-познавательные принципы.

Въ сферѣ исторической теоріи въ настоящее время не можетъ быть мѣста никакому догматизму. Поднятые сравнительно недавно вопросы—во всякомъ случаѣ лишь съ недавняго времени, какъ мы видѣли, интенсивно разрабатываемые,—не могутъ пока получить вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія. Каждое мнѣніе, разъ оно продумано, должно быть принятаго во вниманіе. Но это, конечно, отнюдь не исключаетъ появленія опредѣленныхъ направленій въ рѣшеніи означенныхъ проблемъ: лишь идя по пути систематической разработки извѣстныхъ идей, можно будетъ придти къ строго согласованнымъ выводамъ и избѣгнуть эклектизма.

Изъ числа послѣднихъ явленій въ области литературы по теоріи исторіи видное мѣсто занимаетъ сочиненіе извѣстнаго историка Румыніи, профессора въ Яссахъ *Ксенополя:* «Les principes fondamentaux de l'histoire». Первое изданіе этого труда вышло въ 1899 г. Новое изданіе, серьезно переработанное, появилось совсѣмъ недавно въ 1908 г. подъ заглавіемъ: «La théorie de l'histoire». Работа Ксенополя заслуживаетъ серьезнаго вниманія, такъ какъ въ ней затронуты основные вопросы историческаго познанія. Хотя многіе отвѣты Ксенополя на эти вопросы спорны, тѣмъ не менѣе чтеніе и разборъ этой книги весьма поучительны, ибо изложеніе Ксенополя носитъ печать серьезной работы и знакомства съ позднѣйшей новой литературой по затрогиваемымъ вопросамъ. Не малое значеніе приходится придавать и тому обстоятельству, что Ксенополь самъ является изслѣдователемъ конкретнаго историческаго матеріала, — авторомъ спеціальныхъ историческихъ работъ. Благодаря этому, онъ больше считается съ конкретными запросами исторической науки въ современномъ ея состояніи и менѣе отдаляется отъ эмпирическаго историческаго матеріала, чѣмъ многіе писатели, занимающіеся исключительно теоретическими вопросами исторіи. Другими словами Ксенополь соединяетъ въ себѣ знакомство съ конкретной исторической наукой съ одной стороны и привычку работать надъ теоретическими вопросами исторіи—съ другой. Поэтому и ошибки Ксенополя поучительны, ибо онѣ вызваны не незнаніемъ, а одностороннимъ направленіемъ мысли въ томъ или другомъ случаѣ, недостаточнымъ вниманіемъ къ другимъ возможнымъ точкамъ зрѣнія, т.-е. недостатками, которые являются оправдываемыми въ работѣ, посвященной разсмотрѣнію вопросовъ, недавно поставленныхъ и недостаточно еще выясненныхъ.

На послѣдующихъ страницахъ я постараюсь, въ связи съ разсмотрѣніемъ выше упомянутыхъ работъ Риккерта и новаго изданія книги

Ксенополя, затронуть нѣкоторые животрепещущіе вопросы исторической науки. Конечно, въ небольшой статьѣ нѣтъ возможности не только разсмотрѣть всѣ вопросы теоріи исторіи, но даже дать исчерпывающій анализъ нѣкоторыхъ. Я имѣю въ виду лишь коснуться немногихъ вопросовъ, затронутыхъ Ксенополемъ и Риккертомъ, подчеркнуть положительныя и отрицательныя стороны въ рѣшеніи этихъ вопросовъ означенными авторами и намѣтить пути къ ихъ рѣшенію, которые мнѣ представляются наиболѣе правильными.

II.

Три вопроса особенно остро стоятъ въ настоящее время въ теоретико-исторической литературѣ: 1) *вопросъ объ отношеніи исторіи человѣчества, какъ науки, къ наукамъ о природѣ*, при чемъ подъ этимъ отношеніемъ въ данной связи слѣдуетъ понимать главнымъ образомъ вопросъ о томъ, существуетъ ли принципіальное различіе между науками, изучающими природу вообще, и наукой, изучающей исторію человѣчества; 2) вопросъ о *критеріи для выбора изъ подавляющей массы фактовъ прошлаго—тѣхъ, которые заслуживаютъ вниманія историка;* 3) вопросъ *о пріемахъ и методахъ анализа историческихъ фактовъ для ихъ причиннаго истолкованія*. Конечно, каждый изъ этихъ вопросовъ включаетъ въ себя рядъ вопросовъ соподчиненныхъ.

Первый изъ выше означенныхъ вопросовъ былъ поднятъ уже давно. Достаточно упомянуть Бокля и Милля, какъ лицъ, трактовавшихъ эту проблему еще въ срединѣ прошлаго столѣтія, но очень ее элементаризировавшихъ, что является вполнѣ естественнымъ для того времени. Гораздо глубже были поставлены эти проблемы въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, при чемъ особенная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ Виндельбанду[1]) и Риккерту. Оба эти писателя отрицательно относятся къ дѣленію наукъ на науки о природѣ и на науки о духѣ. Оба они полагаютъ, что классификація наукъ опредѣляется прежде всего не изучаемымъ объектомъ, а той точкой зрѣнія, съ какой объектъ изучается[2]). Виндельбандъ, какъ извѣстно, дѣлитъ эмпирическія на-

---

[1]) Въ указанной выше брошюрѣ Naturwissenscheft und Geschichte, 1894 (переводъ С. Франка въ „Прелюдіяхъ“ *Виндельбанда*).

[2]) „Вообще не надо упускать изъ виду, что эта методологическая противоположность классифицируетъ только пріемы познанія, а не его содержаніе. Возможно, и случается на самомъ дѣлѣ, что одинъ и тотъ же предметъ служитъ одновременно объектомъ какъ номотетическаго, такъ и идіографическаго изслѣдованія“. Прелюдіи, стр. —231. „*Вся эмпирическая дѣйствительность* можетъ.

уки на номотетическія и идіографическія, т.-е. на науки, устанавливающія законы, и науки, описывающія конкретныя явленія. Обѣ эти группы наукъ, по мнѣнію Виндельбанда, одинаково равноправны [1]). Риккертъ далѣе развилъ мысль Виндельбанда. Онъ дѣлитъ науки на генерализирующія, т.-е. устанавливающія общія понятія, и науки, индивидуализирующія, т.-е. стремящіяся изобразить отдѣльные факты, дѣлая выборъ между ними по принципу цѣнности. Но въ сущности оба названные философа, проводя свою классификацію наукъ въ деталяхъ,— почти вернулись къ традиціонному дѣленію наукъ по ихъ объектамъ. Если ихъ новыя дѣленія, основанныя на точкѣ зрѣнія познающаго субъекта, не совпадаютъ со старымъ дѣленіемъ наукъ по объекту, т.-е. дѣленіемъ на науки о природѣ и на науки о духѣ, то причиной является главнымъ образомъ то обстоятельство, что индивидуальная психологія уже успѣла стать наукой обобщающей (номотетической или генерализирующей), вслѣдствіе чего старое дѣленіе стало невозможнымъ. Въ силу этого Виндельбандъ говоритъ, что его дѣленіе приближается къ дѣленію наукъ не на науки о природѣ и о духѣ, а на дѣленіе ихъ на науки о природѣ (Naturwissenschaft) и науки историческія (Geschichte), при чемъ психологія причисляется къ естественнымъ наукамъ [2]). Виндельбандъ однако не забываетъ, что въ число историческихъ наукъ должны войти и тѣ изъ изучающихъ природу, которыя имѣютъ цѣлью исторію природы (исторія развитія и т. п.) [3]). Но онъ не обращаетъ достаточнаго вниманія на существованіе наукъ номотетическаго типа, изучающихъ явленія духа, помимо психологіи. Если еще до нѣкоторой степени можетъ быть оправдано игнорированіе имъ въ данномъ случаѣ общей соціологіи, какъ науки, еще не вполнѣ оформившейся, то вѣдь слѣдуетъ не забывать о существованіи политической экономіи,—науки несомненно номотетическаго типа [4]).

Тоже тяготѣніе къ отождествленію дѣленія наукъ на основаніи точки зрѣнія познающаго субъекта съ дѣленіемъ ихъ по изучаемому

быть подведена еще и подъ иную точку зрѣнія, чѣмъ та, сообразно которой эта эмпирическая дѣйствительность есть природа“—*Риккертъ*, Grenzen, гл. III, § 2 (пер. Водана, стр. 223; ср. 228).

[1]) Въ своей статьѣ: „Die Aufgabe der Logik“ etc., помѣщенной въ сборникѣ: Congrès international de philosophie, Genève, 1905, S. 109—*Виндельбандъ* употребляетъ терминъ: Gesetzeswissenschaften и Ereigniswissenschaften.

[2]) Прелюдіи 320.

[3]) Ib. 321.

[4]) Ср. *Риккертъ*, Философія исторіи, пер. С. Гессена, стр. 73. Впрочемъ, въ своей позднѣйшей статьѣ „Die Aufgabe der Logik“ etc. *Виндельбандъ* уже признаетъ право за обобщеніями въ исторіи по крайней мѣрѣ, какъ гевристическаго средства (S. 112 f.).

объекту обнаруживается у Риккерта[1]. Какъ въ своихъ «Границахъ естественно-научнаго образованія понятій», такъ и въ болѣе позднемъ произведеніи: «Философія исторіи»,—Риккертъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что подъ понятіе генерализирующихъ наукъ подходятъ по преимуществу науки о природѣ неорганической и органической, а также психологія, между тѣмъ какъ подъ понятіе наукъ индивидуализирующихъ подходитъ по преимуществу исторія человѣческихъ обществъ. Правда Риккертъ признаетъ, что историческій элементъ вторгается и въ науки о природѣ [2], гдѣ присутствуетъ элементъ «относительно историческаго перваго, второго и т. д. порядковъ», а генерализирующему методу не чужды и науки о человѣческомъ обществѣ, гдѣ мы находимъ элементъ «относительно естественно-научнаго» также разныхъ порядковъ [3]. Онъ признаетъ даже вскользь возможность соціологіи, какъ генерализирующей науки объ обществѣ [4]. Тѣмъ не менѣе онъ не считаетъ, какъ перваго, такъ и второго явленія типичнымъ для каждой группы наукъ съ логической точки зрѣнія и признаетъ понятія: генерализирующія науки—совпадающимъ *по существу дѣла* съ понятіемъ: науки о природѣ (Naturwissenschaft), а понятіе о наукахъ индивидуализирующихъ—съ понятіемъ о наукахъ о культурѣ (Kulturwissenschaft), т.-е. съ исторіей человѣчества.

Такимъ образомъ у Риккерта мы видимъ отчетливо проводимую мысль о томъ, что исторія человѣчества, какъ наука, по своимъ задачамъ противоположна естествознанію.

Ксенополь пытается дать классификацію наукъ, построенную на другомъ основномъ принципѣ. Онъ открыто выдвигаетъ необходимость въ основу дѣленія положить не точку зрѣнія изучающаго субъекта, а объектъ изученія. Онъ стремится доказать, что всѣ явленія въ мірѣ можно раздѣлить на явленія повторяющіяся (faits de répétition) и явленія не повторяющіяся, которыя онъ называетъ послѣдовательными (faits de succession). Поэтому и науки можно раздѣлить на науки теоретическія и на науки историческія. И тѣмъ и другимъ свойственно установленіе причинности. Но лишь въ наукахъ теоретическихъ причинность проявляется въ формѣ закона, т.-е. постояннаго соотношенія между

---

[1]) О родствѣ идей Риккерта съ идеями Виндельбанда говоритъ самъ *Риккертъ*, Границы, стр. 261, прим.

[2]) См. особенно „Die Grenzen", III гл. § 3. Философія исторіи 73.

[3]) Ib. гл. 4 § 6 (объ исторической біологіи); стр. 410. Философія исторіи, 73.

[4]) Ibid гл. 3, § 3 въ концѣ и гл. 4, § 6; особ. стр. 438.—Философія исторіи 79, 83, 88. Подробнаго анализа вопроса объ отношеніи исторіи и соціологіи —вопроса, кореннаго для трактуемыхъ Риккертомъ проблемъ,—этотъ авторъ, какъ мы увидимъ ниже., не даетъ

явленіями [1]). Что же касается фактовъ послѣдовательныхъ, то здѣсь причинность проявляется въ видѣ «рядовъ» (séries) послѣдовательныхъ, несходныхъ явленій, связанныхъ между собою причинной связью [2]). И факты повторяющіеся и факты послѣдовательные имѣютъ мѣсто какъ въ природѣ неорганической и органической, такъ и среди явленій духа, включая сюда и явленія индивидуальной психологіи и явленія общественныя. Такимъ образомъ среди теоретическихъ наукъ мы находимъ у Ксенополя статическую соціологію, а среди наукъ историческихъ— науки о развитіи міра, о развитіи земли (геологія), развитіи организмовъ (Entwickelungsgeschichte), равно какъ и всѣ науки о человѣческихъ обществахъ.

Таковы взгляды на положеніе исторіи человѣчествъ среди другихъ наукъ у Виндельбанда и Риккерта съ одной стороны и у Ксенополя— съ другой. Попробуемъ разобраться въ этихъ взглядахъ. Для удобства изложенія, я считаю подходящимъ начать съ разсмотрѣнія теоріи Ксенополя.

Этотъ писатель безусловно правъ, отмѣчая въ своей классификаціи то обстоятельство, что однѣ науки заняты по преимуществу разсмотрѣніемъ фактовъ повторяющихся, другія—фактовъ единичныхъ, именуемыхъ имъ фактами послѣдовательными. Въ этомъ пунктѣ его классификація соприкасается съ классификаціями Виндельбанда и Риккерта, намѣчающими науки номотетическія и генерализирующія съ одной стороны и науки идіографическія или индивидуализирующія—съ другой. Но Ксенополь идетъ въ своей классификаціи далѣе Риккерта. Хотя Ксенополь и признаетъ, что «въ дѣйствительности—повтореніе никогда не совершается съ абсолютной идентичностью» [3]), но въ то же время онъ утверждаетъ, что въ повторяющихся фактахъ различія не существенны и могутъ быть игнорируемы, между тѣмъ какъ въ фактахъ послѣдовательныхъ самымъ существеннымъ элементомъ и является ихъ различіе отъ другихъ фактовъ [4]). До сихъ поръ рѣзкой разницы съ

---

[1]) *Xénopol*, La théorie de l'histoire, 1908 p. 82. Ксенополь особенно настаиваетъ на несовпаденіи понятій: законъ и причинность. Законъ вообще констатируетъ лишь порядокъ возникновенія явленій (le mode de perpétration des phénomènes); лишь нѣкоторые законы объясняютъ причину явленій (lois de causation). Такъ законъ Кеплера о движеніи планетъ не даетъ объясненія этому явленію, а лишь законъ тяготѣнія Ньютона является причиннымъ закономъ. Причина должна всегда указывать на силу и на условія, въ которыхъ проявляется дѣйствіе силы (p. 35—47). Ср. также статью *Xénopol'я* Zur Logik der Geschichte въ Histor. Zeitschr., Dritte Folge, 6 B. (1909), S. 479 ff. О различіи между понятіями: законъ и причина см. также *Риккертъ*, Границы, стр. 351 сл.

[2]) La théorie, p. 58, 83 и особ. 395 ss.

[3]) La théorie, p. 2; ср. также p. 82, 339.

[4]) Ib., 3—4.

Риккертомъ мы не видимъ. Можно думать, что рѣчь идетъ о точкѣ зрѣнія познающаго субъекта, который въ правѣ обращать вниманіе либо на сходство между явленіями природы въ широкомъ смыслѣ слова, либо на различія между ними. Но Ксенополь идетъ дальше. Несмотря на приведенное выше утвержденіе, что явленія никогда не бываютъ вполнѣ идентичны, онъ тѣмъ не менѣе упорно защищаетъ ту точку зрѣнія, что повторяющіеся и неповторяющіеся факты существуютъ въ дѣйствительности, что въ самой природѣ, какъ матеріальной, такъ и духовной содержатся факты повторяющіеся и неповторяющіеся. *Эти два рода фактовъ или явленій*, по его мнѣнію, *сушь реальности* [1]). Насколько ошибоченъ такой взглядъ, это можетъ быть выяснено безъ большого труда, разъ стать отчетливо на теоретико-познавательную точку зрѣнія, и такое поясненіе превосходно сдѣлано Риккертомъ. Послѣдній въ высшей степени отчетливо и неоднократно въ своихъ сочиненіяхъ подчеркиваетъ ту мысль, что повторяющихся фактовъ въ природѣ вовсе не существуетъ, что понятіе о повторяющемся есть продуктъ нашего мышленія. «Мы должны принять во вниманіе, что *всякій* тѣлесный или духовный процессъ, какъ онъ данъ намъ въ опытѣ, есть индивидуумъ, т.-е. нѣчто такое, что встрѣчается лишь одинъ разъ въ данномъ опредѣленномъ пунктѣ пространства и времени и отличается отъ всякаго иного тѣлеснаго или духовнаго бытія, что, слѣдовательно, никогда не повторяется и, коль скоро оно разрушается, оказывается навсегда утраченнымъ. Собственно говоря, вѣдь и это есть нѣчто абсолютно само собою разумѣющееся, и тѣмъ не менѣе мы очень легко упускаемъ это изъ виду...» [2]). «Такъ какъ вся дѣйствительность есть не только становленіе, но и измѣненіе въ томъ смыслѣ, что всякая стадія какого-либо процесса становленія отличается отъ всего предшествующаго бытія, то кругообращеніе и повтореніе въ строгомъ смыслѣ столь же мало встрѣчаются въ эмпирической дѣйствительности, какъ и совершенное пребываніе. Они возникаютъ лишь благодаря отвлеченію отъ индивидуальныхъ различій разныхъ процессовъ становленія, т.-е. одинъ рядъ измѣненій приравнивается къ другому ряду измѣненій, если различія не имѣютъ никакого значенія *для тѣхъ точекъ зрѣнія, которыми руководятся при образованіи понятій.* Такъ говорятъ, правда, что въ каждомъ году за зимою слѣдуетъ весна, за нею наступаетъ лѣто, послѣ осени опять начинается зима, и что тогда «тотъ же самый рядъ» начинается снова и постоянно повторяется. Однако кругообращеніе имѣется здѣсь лишь по отношенію къ общимъ понятіямъ четырехъ временъ года, и мысль о повтореніи возникаетъ лишь благодаря тому, что мы

[1]) Ib. 5. 9. Ту же точку зрѣнія защищаетъ *Xénopol* и въ своей вышеупомянутой болѣе поздней статьѣ: Zur Logik der Geschichte, S. 477 f.

[2]) „Границы“, пер. Водена, стр. 208; ср. 212, 229.

имѣемъ въ виду общее различнымъ одинаково именуемымъ временамъ года. Напротивъ того, будучи разсматриваемо, какъ индивидуальная дѣйствительность, ни одно теченіе года еще не оказывалось, да никогда и не окажется, одинаковымъ съ другимъ. Равнымъ образомъ и обращеніе земли вокругъ солнца вовсе не есть такой процессъ, который дѣйствительно оказывался бы повтореніемъ въ строгомъ смыслѣ слова, такъ какъ лишь въ понятіяхъ отдѣлимыя количественныя опредѣленія событій остаются въ данномъ случаѣ постоянными. Если же мы будемъ разсматривать полныя реальности, то оказывается, что всякій годъ новая земля движется вокругъ новаго солнца и лишь въ общихъ понятіяхъ земли и солнца игнорируются эти индивидуальныя различія и измѣненія. Вкратцѣ говоря, гдѣ бы что-либо ни подводилось подъ понятіе ряда повтореній, въ дѣйствительности это рядъ измѣненій, въ которомъ ничто не повторяется» [1]).

Итакъ ошибка Ксенополя заключается въ томъ, что онъ видитъ реальности въ продуктахъ нашего мышленія. Но отъ этого нисколько не страдаетъ правильность его дѣленія наукъ на теоретическія, стремящіяся къ уловленію сходнаго и устанавливающія законы, и историческія, изучающія конкретную дѣйствительность въ ея многообразіи и опредѣляющія лишь причинное сцѣпленіе отдѣльныхъ фактовъ.

Но въ такомъ случаѣ, быть можетъ, мы должны всецѣло присоединиться къ классификаціи Риккерта, который какъ разъ проводитъ дѣленіе наукъ, сходное съ дѣленіемъ Ксенополя [2]), исходя именно не изъ познаваемаго объекта, а изъ точки зрѣнія познающаго субъекта? Это было бы такъ, если бы Риккертъ не стремился всѣми силами, какъ мы уже отмѣчали, ослабить роль генерализирующаго метода въ области наукъ о человѣческомъ обществѣ, а метода индивидуализирующаго въ области наукъ о природѣ. Борясь вполнѣ основательно противъ односторонняго преобладанія генерализирующаго метода въ наукѣ, справедливо указывая на то, что современная логика, какъ наука, страдаетъ этой односторонностью, такъ какъ она строитъ свои положенія почти исключительно на наблюденіяхъ надъ генерализирующимъ, «естественно-научнымъ», по терминологіи Риккерта, мышленіемъ, ратуя за созданіе новой логики наукъ, изучающихъ индивидуальное [3]),—Риккертъ весь

[1]) Границы, стр. 374—375 (пер. А. Водена); ср. 442. Ср. также возраженіе Риккерта Ксенополю въ рецензіи перваго на Principes fondamentaux de l'histoire въ Historische Zeitschrift, N. F, т. 50, стр. 467 и въ „Границахъ“, стр. 381, примѣч. Тѣ же мысли развиваетъ Риккертъ въ „Философіи исторіи“. (пер. С. Гессена, стр. 20—21 и 30—31). Ср. также *Виндельбандъ*, Прелюдіи, пер. С. Франка стр. 321.

[2]) Это сходство признаетъ и самъ Риккертъ („Границы“, стр. 382, прим.).

[3]) „Границы“ (Введеніе) и „Философія исторіи“ стр. 9 сс. Ср. замѣчанія на ту же тему у *Виндельбанда*, Прелюдіи, стр. 315 сс. и у *Ксенополя*, стр.

уходитъ въ защиту права на существованіе этой послѣдней категоріи наукъ, такъ какъ это право за ними неоднократно отрицалось (достаточно напомнить хотя бы отношеніе Шопенгауэра къ исторіи). И вотъ въ результатѣ, сосредоточивая свое вниманіе почти исключительно на исторіи человѣчества, какъ на наукѣ, которая содержитъ въ своемъ предметѣ особенно много индивидуальныхъ, неповторяющихся элементовъ, онъ не безъ основанія видитъ въ этой наукѣ типичную представительницу индивидуализирующихъ наукъ; но при этомъ онъ идетъ слишкомъ далеко: онъ *чрезмѣрно* преувеличиваетъ противоположность между «природой» и «исторіей» въ отношеніи возможности образованія генерализирующихъ (по терминологіи Риккерта «естественно-научныхъ») понятій. Отсюда его ослабленное вниманіе къ обобщеніямъ науки о языкѣ, обобщеніямъ политико-экономическимъ, соціологическимъ и т. д., [1])— обобщеніямъ, которыя должны быть *съ логической точки зрѣнія* признаны *въ той же мѣрѣ имѣющими право на существованіе*, какъ и обобщенія наукъ о природѣ.

Съ другой стороны тоже стремленіе противополагать наиболѣе индивидуализирующія науки,—слѣдовательно, въ первую очередь исторію человѣчества,—наукамъ генерализирующимъ приводитъ Риккерта къ тому, что историческій элементъ въ естествознаніи онъ считаетъ какъ бы не типичнымъ, какъ бы побочнымъ придаткомъ. Онъ полагаетъ, что вниманіе къ индивидуальному типично только для человѣческой исторіи, а натуралистъ ищетъ по преимуществу общаго. Между тѣмъ для натуралиста важно, какъ образованіе общихъ понятій, установленіе законовъ, такъ и возможно болѣе детальное описаніе конкретной дѣйствительности и объясненіе ее чрезъ посредство общихъ понятій и законовъ. Геологъ будетъ стремиться не только съ возможно большею подробностью описать Самарскую луку, но и каждый оригинальный пластъ въ этой лукѣ. Точно также онъ будетъ стремиться къ уловленію конкретныхъ особенностей единичнаго изверженія отдѣльнаго вулкана. Метеорологъ остановится съ большимъ вниманіемъ на какомъ-либо необычномъ явленіи въ атмосферѣ, при чемъ его вниманіе будетъ, быть можетъ, въ большей степени привлечено индивидуальными особенностями даннаго единичнаго явленія, чѣмъ тѣмъ общимъ, что имѣется у даннаго явленія сравнительно съ другими явленіями того же рода и т. п. Впрочемъ, объ этомъ мы будемъ еще говорить ниже (см. § III нашей статьи).

454—455: „Логика наукъ, изучающихъ послѣдовательность, еще ждетъ своего Аристотеля или своего Бэкона.“ Тоже на стр. 115 сс.

[1]) Этому игнорированію нисколько не мѣшаетъ принципіальное признаніе возможности такихъ наукъ, признаніе дѣлаемое вскользь и не отражающееся на сущности построеній Риккерта.

Такимъ образомъ Риккертъ стоитъ на вѣрномъ пути, защищая за индивидуальнымъ право на вниманіе науки. Но онъ не правъ, противополагая въ этомъ отношеніи исторію человѣчества природѣ. Здѣсь приходится стать на сторону Ксенополя и сказать, что какъ въ неорганизованной и организованной природѣ, такъ и среди явленій духа, *включая сюда и общественныя явленія*, познающій субъектъ можетъ съ одинаковымъ правомъ обращать свое вниманіе, какъ на то, что въ этихъ явленіяхъ есть общаго, слѣдовательно какъ бы повторяющагося или во времени, или въ пространствѣ, или и во времени и пространствѣ сразу [1]),—такъ и на то, что имѣется въ тѣхъ и другихъ явленіяхъ неповторяющагося, индивидуальнаго [2]).

Мы расходимся въ данномъ случаѣ съ Ксенополемъ лишь въ томъ важномъ пунктѣ, что онъ видитъ въ повторяющихся фактахъ—реальности, а не продуктъ работы нашей абстрагирующей мысли [3]).

III.

Итакъ, въ дѣйствительности существуютъ лишь единичные факты, и въ то же время нашъ умъ во всѣхъ фактахъ дѣйствительности можетъ устремляться, какъ на индивидуальное, такъ и искать общаго. Съ этой точки зрѣнія мы не можемъ противополагать исторію и естествознаніе.

Но Риккертъ усматриваетъ противоположность—между исторіей и естествознаніемъ съ логической точки зрѣнія и въ другой области: по его мнѣнію, исторія руководится въ выборѣ изучаемыхъ фактовъ совсѣмъ другимъ принципомъ чѣмъ естествознаніе, въ силу чего есте-

---

[1]) Ср. классификацію явленій у *Ксенополя* на стр. 11 сс.

[2]) О томъ, насколько самъ Риккертъ ослабляетъ свою позицію относительно полярности природы и исторіи допущеніемъ „относительно историческаго“ въ естествознаніи см. *Ф. Софроновъ*, Генрихъ Риккертъ и его книга – въ Вопр. фил. и псих. № 78 (1905), стр. 434 прим.; 437 прим.; 439 прим.

[3]) Намъ казалось бы болѣе правильнымъ нѣсколько усложнить дѣленіе наукъ, изучающихъ индивидуальныя явленія, внеся въ эту группу большую дифференціацію. Такъ какъ индивидуальное можно изучать или только въ пространствѣ или во времени и пространствѣ (Хёпорої, p, 91), то науки можно было бы раздѣлить: 1) на науки абстрактныя, генерализирующія или номотетическія (теоретическія) и 2) на науки конкретныя, индивидуализирующія или идіографическія. Послѣднія можно раздѣлить на науки, изучающія индивидуальное въ пространствѣ (напр. географія) и на науки собственно историческія, изучающія индивидуальное и въ пространствѣ и во времени (геологія, исторія видовъ, исторія человѣчества).

ственно-научныя понятія и историческія—съ логической точки зрѣнія рѣзко различаются [1]).

Во первыхъ, съ точки зрѣнія Риккерта, естественно-научныя понятія имѣютъ цѣлью упрощеніе дѣйствительности; естествознаніе достигаетъ этого путемъ постепеннаго абстрагированія отъ конкретныхъ предметовъ ихъ общихъ свойствъ; такимъ путемъ естествознаніе доходитъ до самыхъ общихъ понятій. Чѣмъ общѣе естественно-научное понятіе, т.-е. чѣмъ оно идеальнѣе съ логической точки зрѣнія,—тѣмъ менѣе связи имѣетъ оно съ дѣйствительностью, тѣмъ оно «бѣднѣе содержаніемъ» [2]). Напротивъ, общія понятія въ исторіи имѣютъ совсѣмъ другой характеръ. Конечно, и исторія не можетъ передать дѣйствительности во всемъ ея многообразіи, и она должна упрощать дѣйствительность. Но она стремится дѣлать это, не уничтожая *индивидуальности явленій* [3]). Общія понятія въ исторіи (die historischen Begriffe) создаются не отвлеченіемъ общихъ свойствъ у предметовъ, а представляются обозначеніемъ связанной группы явленій во всей ея индивидуальности (напримѣръ, понятія: французская революція, итальянское возрожденіе [4]) и т. п.). Чѣмъ общѣе историческое понятіе, тѣмъ больше индивидуальныхъ чертъ оно содержитъ, ибо оно включаетъ въ себя большее число индивидуальностей въ качествѣ своихъ частей. «Въ сравненіи съ понятіями своихъ частей понятіе общаго *цѣлаго*, съ которымъ имѣетъ дѣло исторія, *богаче содержаніемъ*, между тѣмъ какъ общее понятіе естествознанія необходимо должно быть *бѣднѣе содержаніемъ*, чѣмъ подчиненные ему экземпляры» [5]).

Наиболѣе же важнымъ отличіемъ историческихъ понятій отъ естественно-научныхъ по Риккерту, является то обстоятельство, что послѣднія, отвлекаясь отъ дѣйствительности, отвлекаются и отъ всякой *цѣнности* для насъ объекта изученія, между тѣмъ какъ историческія понятія тѣсно связаны съ *цѣнностью* изучаемаго объекта для изуча-

---

[1]) См. напр. стр. 267 „продолжаетъ существовать принципіальная логическая противоположность между естествознаніемъ и историческою наукою". Нѣмец. подлинникъ, S. 308. „Doch bleibt trotz aller Uebergänge und Zwischenformen ein prinzipieller logischer Gegensatz von Naturwissenschaft und Geschichtswissenschaft bestehen". Еще яснѣе стр. 201, 446.

[2]) Философія исторіи, стр. 35.

[3]) Границы, стр. 290 сс. Подлинникъ, S. 336 f.

[4]) Границы, стр. 337.

[5]) Философія исторіи, стр. 35, Ср. „Границы", стр. 319: „Между тѣмъ, какъ естественно-научное понятіе содержитъ въ себѣ лишь общее нѣсколькимъ индивидуальнымъ формамъ и исключаетъ изъ содержанія понятія то, что принадлежитъ лишь единичнымъ индивидуумамъ, въ историческое понятіе входитъ какъ разъ то, чѣмъ различные индивидуумы отличаются другъ отъ друга, при чемъ оно оставляетъ въ сторонѣ общее послѣднимъ". Ср. стр. 348.

ющаго субъекта. Именно эта цѣнность объекта и дѣлаетъ его историческимъ индивидуумомъ съ точки зрѣнія изучающаго [1]). Съ этой точки зрѣнія дѣлается Риккертомъ и слѣдующее опредѣленіе исторіи: «Исторія есть наука, имѣющая дѣло съ *дѣйствительностью*, поскольку она имѣетъ дѣло съ однократными индивидуальными дѣйствительностями, какъ таковыми; она есть *наука*, имѣющая дѣло съ дѣйствительностью, поскольку она становится на общеобязательную для всѣхъ точку зрѣнія разсмотрѣнія и поэтому дѣлаетъ объектомъ своего трактованія лишь имѣющія значеніе, благодаря отношенію ихъ къ нѣкоторой общей цѣнности, индивидуальныя дѣйствительности или историческіе индивидуумы» [2]). Историческіе индивидуумы находятся въ связи между собою: каждое историческое понятіе, означающее какой-либо историческій индивидуумъ, является частью болѣе широкаго историческаго же понятія. Такъ, отдѣльная историческая личность состоитъ изъ историческихъ индивидуумовъ въ смыслѣ Риккерта: таковыми являются ея поступки и все съ ней происходящее. Но въ то же время она есть членъ «нѣкотораго болѣе значительнаго цѣлаго: семьи, поколѣнія, народа, эпохи, при чемъ она относится къ этому цѣлому точно такъ же, какъ каждая изъ ея частей къ ней, такъ какъ изъ этихъ болѣе обширныхъ связей всякая можетъ быть въ свою очередь разсматриваема, какъ единый индивидуумъ, составными частями котораго служатъ принадлежащіе къ нему личности или семьи или народы. Тогда это цѣлое должно быть включено въ общее болѣе обширное цѣлое и т. д. и т. д.». Высшимъ историческимъ индивидуумомъ и въ то же время высшей, наиболѣе общей и общепризнанной цѣнностью является понятіе: *культура* [3]). Къ этой высшей цѣнности чрезъ посредство промежуточныхъ другихъ цѣнностей (историческихъ индивидуумовъ) должно быть относимо каждое историческое явленіе, каждый «историческій индивидуумъ». «Культура есть общее дѣло въ жизни народовъ, она есть та цѣнность, по отношенію къ которой вещи получаютъ ихъ индивидуальное значеніе, которое должно быть признано всѣми, и историческое изложеніе и образованіе понятій руководятся общими культурными цѣнностями» [4]). Все историческое находится въ состояніи развитія, при чемъ въ этомъ развитіи оно объединяется въ нѣкоторое единство, относимое къ нѣкоторой цѣнности [5]) (высшей цѣнностью, къ которой относимъ процессъ истори-

---

[1]) „Границы“, стр. 302 сс. Предетавляется излишнимъ добавлять, что подъ историческимъ индивидуумомъ Риккертъ разумѣетъ не только лицъ, но и явленія въ широкомъ смыслѣ слова.

[2]) „Границы“, стр. 317 (курсивъ Риккерта).

[3]) Ib. 341, 483.

[4]) Ib. 483.

[5]) Ib., глава IV, § 5.

ческаго развитія, является по Риккерту, какъ мы только-что видѣли, культура).

Риккертъ многократно настаиваетъ на томъ, что подъ «отнесеніемъ къ цѣнности» онъ отнюдь не разумѣетъ *оцѣнки*, т.-е. положительнаго или отрицательнаго отношенія къ данному историческому индивидууму. Признать, что что-либо относится къ культурѣ еще не означаетъ признанія даннаго явленія хорошимъ или дурнымъ. Такъ, напримѣръ, радикальный демократъ и аристократъ будутъ различно оцѣнивать извѣстное политическое событіе, но оба будутъ признавать его значеніе, т.-е. относить его къ извѣстной цѣнности [1]). Этимъ путемъ Риккертъ стремится устранить упрекъ въ томъ, что, внося принципъ цѣнности въ исторію, какъ руководящій принципъ, онъ тѣмъ самымъ вноситъ этическій, эстетическій или другой какой-либо субъективизмъ въ историческую науку [2]).

Разсмотримъ теперь насколько правъ Риккертъ въ своемъ противоположеніи историческихъ (индивидуализирующихъ) понятій естественно-научнымъ (генерализирующимъ)?

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Риккертъ, какъ мы уже говорили, слишкомъ съуживаетъ задачи естествознанія: послѣднее не только стремится къ упрощенію дѣйствительности, но и къ возможно болѣе детальному ея изображенію. Это выражается не только въ томъ, что натуралистъ стремится къ познанію индивидуальныхъ явленій природы, о чемъ мы уже говорили, но и въ томъ, что онъ стремится перейти границы непосредственно доступнаго нашимъ чувствамъ: совершенствуя средства изслѣдованія онъ признаетъ дѣйствительность, непосредственно намъ недоступную. Этотъ путь познанія очень далекъ отъ того удаленія отъ дѣйствительности путемъ ея упрощенія въ понятіяхъ, каковое (удаленіе) Риккертъ считаетъ главной задачей естествознанія [3]).

Въ силу такого съуженія задачъ естествознанія въ изображеніи Риккерта, онъ не признаетъ характерными для естествознанія тѣхъ понятій, которыя онъ называетъ «историческими», т.-е. изображающими индивидуальное въ дѣйствительности. Между тѣмъ понятія [4]), соот-

---

[1]) Ib. 313.

[2]) 312—316.

[3]) Объ этомъ см. детальный разборъ „Границъ“ Риккерта съ логической точки зрѣнія въ статьяхъ *Frischeisen-Köhler*'а въ Archiv für systematische Philosophie, B. XII (1906)—XIII (1907); въ частности B. XII, S. 236 ff. и 256—266. Ср. также объ индивидуализаціи въ естествознаніи книгу *А. А. Чупрова,* Очерки по теоріи статистики, 1909, стр. 15—31. Къ сожалѣнію, съ этой интересной книгой мы познакомились, когда наша статья была уже въ корректурѣ.

[4]) Дѣло логиковъ опредѣлить, подходитъ ли терминъ понятіе (Begriff) къ тому что Риккертъ называетъ „историческими понятіями“.

вѣтствующія индивидуальнымъ явленіямъ, примѣняются въ естествознаніи почти въ той же мѣрѣ, какъ и въ исторіи человѣчества, но, конечно, они являются по преимуществу достояніемъ не номотетическихъ или теоретическихъ естественныхъ наукъ, а идіографическихъ или—по терминологіи Ксенополя—историческихъ въ широкомъ смыслѣ слова. Развѣ нельзя сопоставить съ Риккертовскими «индивидуализирующими понятіями» въ родѣ «романтическая школа въ Германіи», «французская революція» и т. п., такихъ индивидуализирующихъ понятій, какъ солнечная система, Марсъ, Венера, кольца Сатурна [1]), Аральское море или еще въ большей степени—пермскій періодъ, ледниковый періодъ и т. п.?

Итакъ, «индивидуализирующія понятія» существуютъ и въ естествознаніи.

Но Риккертъ, какъ мы видѣли, надѣляетъ индивидуализирующія понятія исторіи еще одной особенностью: они всѣ относятся къ нѣкоторой *цѣнности*. Цѣнности образуютъ систему, въ которой высшей цѣнностью является понятіе культуры. Принципъ цѣнности служитъ, *какъ для выбора фактовъ*, заслуживающихъ изученія, изъ массы, *такъ и для связыванія ихъ въ нѣкоторое цѣлое*.

Какъ долженъ историкъ, желающій не выходить за предѣлы эмпирическаго матеріала, отнестись къ Риккертову принципу цѣнности?

Риккертъ многократно подчеркиваетъ, что понятія цѣнности, имѣющія быть примѣняемыми въ исторической наукѣ, должны быть построяемы на основаніи эмпирическаго матеріала [2]). Такими цѣнностями являются, по Риккерту, понятія: государство, право, экономическая организація, искусство, религія [3])

Разсмотримъ вопросы: достаточенъ ли принципъ отнесенія къ цѣнности для выбора изъ необозримой массы фактовъ тѣхъ, которые подлежатъ научному изученію? дѣйствительно ли современная исторіографія довольствуется этимъ принципомъ для выбора фактовъ? и отличается ли она въ примѣненіи этого принципа отъ естествознанія?

Тѣ понятія историческихъ цѣнностей, которыя перечисляетъ Риккертъ, настолько общи, что, конечно, ихъ очень трудно примѣнять въ настоящемъ, т.-е. осуществляемомъ на практикѣ, а не представляю-

---

[1]) Риккерту приходится, чтобы выйти изъ указаннаго затрудненія, выдѣлять астрономію изъ „остального естествознанія какъ науку, изучающую особый видъ индивидуальнаго“. См. „Границы“, 378 сс.; ср. также 345

[2]) Границы, 525 с.

[3]) О томъ, насколько субъективенъ въ своей основѣ принципъ отнесенія къ цѣнности, несмотря на попытки Риккерта доказать противное, см. *B. Schmeidler*, Über Begriffsbildung und Werturteile in der Geschichte въ Annalen der Naturphilosophie, 3 B. (1904), S. 27 ff.

щемся лишь логической фикціей, историческомъ изслѣдованіи. Но предположимъ, что предъ нами имѣется выработанная до деталей система общепризнанныхъ культурныхъ цѣнностей. Обладая такой системой, я буду болѣе или менѣе въ состояніи расклассифицировать наличный матеріалъ фактовъ по рубрикамъ этой системы. Но мнѣ нужно отдѣлить существенные факты отъ несущественныхъ,—задача, значеніе которой для историка въ полной мѣрѣ признаетъ Риккертъ [1]). Насколько мнѣ въ этой работѣ поможетъ моя «система цѣнностей»? Какъ только мы приступимъ къ любому историческому факту или къ группѣ фактовъ мы для того, чтобы опредѣлить, насколько этотъ фактъ или эта группа фактовъ существенны,—должны будемъ обратиться къ анализу его или ея послѣдствій: значеніе факта или группы фактовъ въ историческомъ процессѣ будетъ обнаружено постольку, поскольку этотъ фактъ или эта группа фактовъ имѣли важныя послѣдствія. Такъ приходится поступать, когда дѣло идетъ и объ опредѣленіи роли той или другой исторической личности, ибо и здѣсь приходится судить о значеніи извѣстной группы фактовъ, созданныхъ дѣятельностью данной личности. Почему самъ Риккертъ говоритъ, что Фридрихъ Вильгельмъ I въ исторіи Прусскаго государства представляетъ первостепенный интересъ, а для исторіи философіи—второстепенный (лишь поскольку онъ оказалъ вліяніе на судьбу Христіана Вольфа). Риккертъ говоритъ, что первостепенные историческіе индивидуумы различаются отъ второстепенныхъ тѣмъ, что «первые находятся въ прямомъ, другіе—въ косвенномъ отношеніи къ руководящей точкѣ зрѣнія отнесенія къ цѣнности» [2]). Но какъ опредѣлить степень близости этого отношенія? Отвѣтъ, конечно, долженъ заключаться въ переводѣ этого вопроса въ область причинной связи фактовъ и въ опредѣленіи того, каковы по значенію послѣдствія разсматриваемаго факта. Но такой путь означалъ бы отказъ отъ признанія принципа отнесенія къ цѣнности руководящимъ принципомъ при выборѣ фактовъ, т.-е. отказъ отъ основной точки зрѣнія Риккерта, и, чтобы не дѣлать этого, Риккертъ просто исключаетъ детальное разсмотрѣніе вопроса о методѣ различенія первостепенныхъ и второстепенныхъ фактовъ или, по его терминологіи, историческихъ индивидуумовъ изъ области логики и довольствуется заявленіями, что для выбора второстепенно-историческаго матеріала—исторія «прибѣгаетъ къ помощи репродуктивной фамиліи (!)» [3]), или что то, какъ далеко исторія прослѣживаетъ второстепенно-историческіе причинные ряды, въ значитель-

---

[1]) Напр., Границы, стр. 402 сс. Философія исторіи, 47 сс. 54.

[2]) Границы, 402.

[3]) Стр. 403. Подлинникъ S. 577. „Besondere logische Regeln für diesen Theil der geschichtlichen Darstellung zu geben, ist jedoch nicht möglich, weil die Geschichte sich hier wieder an die reproduktive Phantasie wendet“.

ной мѣрѣ,—«представлено вкусу и произволу историка» (!) [1]). Но мы должны признать, что, если исторія будетъ руководствоваться такими методологическими пріемами, которые рекомендуютъ обращеніе къ фантазіи, вкусу и произволу историка, то придется вовсе отказаться отъ научной исторіи, а этого отказа отнюдь не желаетъ самъ Риккертъ. Вѣдь, если мы пойдемъ послѣдовательно по указываемому имъ пути, то окажется, что «вкусъ и произволъ» должны царить въ самыхъ основныхъ вопросахъ исторіи, ибо вопросъ о томъ, какіе факты признавать первостепенными и какіе второстепенными, сплошь да рядомъ остается спорнымъ у первоклассныхъ историковъ [2]). Единственный путь для опредѣленія значенія того или другого историческаго факта, я повторяю, заключается, въ чисто-эмпирическомъ анализѣ его послѣдствій: чѣмъ больше послѣдствій имѣлъ данный фактъ, тѣмъ больше его историческое значеніе. Этотъ анализъ послѣдствій какого-либо факта долженъ сводиться къ указанію тѣхъ фактовъ, которые приходится считать его результатами. Это чисто-эмпирическая работа. И самъ Риккертъ сбивается на этотъ путь, когда онъ, напр. заявляетъ, что «вопросъ о значеніи великихъ личностей есть отнюдь не логическая, а историческая проблема» [3]), другими словами, что вопросъ о роли

[1]) Стр. 404. Подлин. S. 478: „Wie weit die Geschichte die sekundär historischen Kausalreihen verfolgt, ist freilich wie überall, wo die Darstellung über das teleologisch Nothwendige hinausgeht, zum grossen Theil der Neigung und Willkür des Historikers überlassen".

[2]) *Grotenfelt*, Die Wertschätzung in der Geschichte, S. 190 ff. Я придаю особенное значеніе критическимъ замѣчаніямъ Гротенфельта по поводу теоріи Риккерта въ виду того, что Гротенфельтъ является сторонникомъ той точки зрѣнія, что принципъ цѣнности неизбѣженъ при выборѣ историческихъ фактовъ, но въ защитѣ этой точки зрѣнія гораздо менѣе односторонень, чѣмъ Риккертъ (особ. о. с. 155—163 и 199—206).

Добавлю, что самъ Риккертъ (Философія исторіи, стр. 130), когда желаетъ опредѣлить причины разложенія средневѣковой антропоцентрической философіи исторіи, стремится доказать, что главную роль здѣсь сыграло ученіе Коперника и Джордано Бруно, а не современная біологія, „какъ думаютъ многіе." Вотъ примѣръ того, что опредѣленіе первостепенныхъ и второстепенныхъ фактовъ,— весьма спорно и не можетъ быть разрѣшено принципомъ цѣнности.

[3]) Стр. 421. На стр. 484 Риккертъ говоритъ, что „для исторіи становятся существенными прежде всего тѣ люди, которые сами проявляли свое отношеніе къ нормативно общимъ соціальнымъ цѣнностямъ государства, права, хозяйства, искусства и т. д. и пріобрѣли существенное значеніе для хода культуры. Все остальное бытіе оказывается историческимъ *лишь постольку, поскольку оно* въ своей индувидуальности *имѣетъ вліяніе* на человѣческую культурную дѣятельность и ея результаты" (курсивъ вездѣ мой). Спрашивается, какъ можно опредѣлить „существенность" людей для хода культуры или „вліяніе" остального бытія на человѣческую дѣятельность и ея результаты, пользуясь лишь формальнымъ принципомъ цѣнности и не обращаясь къ анализу „дѣйственности" того или другого историческаго факта.

той или другой личности сравнительно съ ролью народныхъ массъ можно выяснить лишь на конкретномъ историческомъ матеріалѣ.

Итакъ, въ вопросѣ о выборѣ историческихъ фактовъ мы пришли къ тому выводу, къ которому пришелъ *Эд. Мейеръ* въ цитированной выше брошюрѣ: «историческими могутъ считаться такіе факты, которые суть или были *дѣйственны* (wirksam)», т.-е. оказывали, или оказываютъ вліяніе [1]). Что же касается способа опредѣленія этого вліянія, то здѣсь путь чисто эмпирическій: причинный анализъ конкретнаго историческаго матеріала [2]). Конечно, при современномъ состояніи исторической науки, когда методологическіе вопросы въ области не установленія фактовъ, а ихъ анализа и синтеза только что поставлены, опредѣленіе дѣйственности нерѣдко страдаетъ субъективизмомъ. Но, чѣмъ больше историкъ въ установленіи причинныхъ послѣдствій факта держится *почвы фактовъ же*, тѣмъ менѣе субъективны будутъ его выводы. И даже такой приверженецъ точки зрѣнія неизбѣжности примѣненія принципа цѣнности въ исторіи, какъ *Гротенфельтъ*, долженъ признать, что соціологической исторіи удается часто въ дѣйствительности проводить «количественное» измѣреніе значенія историческихъ фактовъ и что этотъ принципъ не выдерживается тамъ, гдѣ рѣчь идетъ «о законченномъ общемъ представленіи историческаго развитія»: здѣсь выступаютъ на сцену принципы цѣнности [3]). Но спрашивается не проистекаетъ ли этотъ субъективизмъ главнымъ образомъ оттого, что созданіе такого рода «общихъ картинъ» еще недостаточно подготовлено спеціальными изслѣдованіями»? [4]). Не нужно забывать, что неопре-

---

[1]) Ср. *B. Schmeidler*, o. c. 35.

[2]) Риккертъ (Философія исторіи, 54) опредѣленно заявляетъ, что понятіе „дѣйственнаго," формулированное Эд. Мейеромъ, недостаточно для выбора существенныхъ фактовъ, а что въ этомъ случаѣ необходимо обратиться къ „новымъ понятіямъ цѣнности, дополняющимъ чисто логическія цѣнности". Мы видимъ, что, наоборотъ, лишь эмпирическій анализъ дѣйственности можетъ указывать на болѣе или менѣе „существенное" съ точки зрѣнія цѣнности.

[3]) O. c., 162—163.

[4]) Ср. такое замѣчаніе *Гротенфельта* на стр. 206, гдѣ говорится, что, благодаря спеціальнымъ изслѣдованіямъ и ихъ разбору съ научной точки зрѣнія постепенно достигается согласіе историковъ въ опредѣленіи историческаго развитія. „Это постепенное проясненіе взглядовъ историковъ совершается въ существѣ своемъ *научными* средствами (курсивъ Гротенфельта): *изслѣдованіемъ фактовъ прошлаго и опредѣленіемъ вліяній* (курсивъ мой), которыя каждый комплексъ фактовъ оказалъ на послѣдующее развитіе. Только благодаря тому, что историки при такихъ разсужденіяхъ основывали свое изложеніе все въ большей степени на *фактическихъ* (sachliche), *объективныхъ* (курсивъ Гротенфельта) данныхъ, сдѣлалось возможнымъ постепенно достигать большаго единодушія въ историческихъ оцѣнкахъ (Würdigung). И при обсужденіи вопросовъ историческаго синтеза („Auffassung"—см. *Bernheim, Lehrbuch*, S. 186, *A.* 1)

дѣленность въ смыслѣ установленія связи фактовъ, какъ причинъ и слѣдствій, царитъ и во многихъ областяхъ естествознанія,—особенно въ тѣхъ отдѣлахъ естествознанія, которые имѣютъ «историческій» характеръ, напр., въ геологіи, въ исторіи развитія видовъ. Вспомнимъ споры о причинахъ ледниковыхъ періодовъ, о причинахъ наслѣдственной передачи признаковъ и т. п.

Что же остается отъ принципа цѣнности въ сферѣ выбора существенныхъ и несущественныхъ фактовъ? Мы видимъ, что здѣсь этотъ принципъ отнюдь не оказывается пригоднымъ уже потому, что, лишь только онъ перестаетъ быть чисто субъективнымъ, онъ требуетъ перехода къ опредѣленію степени «дѣйственности» фактовъ, т.-е. оказывается недостаточнымъ [1]).

Будучи практически малопригодно, «отнесеніе къ цѣнности», какъ принципъ для выбора фактовъ, можетъ оказаться и прямо вреднымъ для интересовъ науки. Дѣло въ томъ, что какъ ни настаиваетъ Риккертъ на возможности объективнаго построенія системы цѣнностей,—въ этой области весьма трудно на практикѣ обойтись безъ субъективизма. Это откровенно признаетъ защитникъ принципа цѣнности въ исторіографіи (хотя и въ значительно модифицированномъ видѣ сравнительно съ Риккертомъ) *Бернгеймъ*, который говоритъ, что «наши сужденія о цѣнности (Werturteile) въ послѣднемъ счетѣ опредѣляются тѣмъ, что мы считаемъ главнымъ результатомъ культурнаго развитія и что мы признаемъ существеннымъ для такового, т.-е. *отъ нашего міросозерцанія*, и притомъ такая зависимость проявляется даже тогда, когда эти сужденія отчасти даны намъ чрезъ посредство вспомогательныхъ понятій (Hilfsbegriffe) систематическихъ вспомогательныхъ наукъ, какъ, напр., государствовѣдѣніемъ, соціологіей, политической экономіей, сравнительнымъ правовѣдѣніемъ, соціальной психологіей и т. п.» [2]).

изложеніе и ходъ мыслей у истиннаго историка имѣетъ по преимуществу строго научный характеръ", хотя, прибавляетъ Гротенфельтъ, одновременно проявляется „извѣстная, ненаучная (nicht wissenschaftliche) оцѣнка явленій съ точки зрѣнія опредѣленнаго міросозерцанія". Нужно только добавить, что этотъ субъективизмъ является въ современной исторіографіи не чѣмъ либо *принципіально*, съ логической точки зрѣнія, необходимымъ, а результатомъ недостаточности объективныхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ той или другой области исторической науки.

[1]) Я совершенно не касаюсь *общаго теоретико-познавательнаго вопроса* о томъ, необходимъ ли принципъ цѣнности и отнесенія къ цѣнности *въ человѣческомъ познаніи вообще*. Я хочу лишь доказать, что въ этомъ отношеніи нѣтъ принципіальнаго логическаго различія между изученіемъ природы вообще и человѣческаго общества въ частности (включая исторію человѣчества) и что нѣтъ нужды для исторіи человѣчества создавать особую систему „культурныхъ цѣнностей".

[2]) *Bernheim*, Lehrbuch, s. 759 ff. Ср. 768 Справедливо выражается г. *Ф.*

Но мы не будемъ отрицать, что принципъ цѣнности можетъ играть роль въ другой сферѣ, а именно въ сферѣ выбора темъ для изученія. Конечно, наибольше изслѣдуемыми будутъ тѣ вопросы, которые представляютъ «цѣнность для всѣхъ и прежде всего для всѣхъ тѣхъ, къ кому обращается историкъ» [1]). Нечего и говорить, что въ каждомъ обществѣ въ данный историческій моментъ будетъ появляться больше историческихъ трудовъ по тѣмъ вопросамъ, которые интересуютъ болѣе значительную часть общества (при чемъ приходится говорить преимущественно о культурныхъ и даже «ученыхъ» слояхъ его) [2]). Но въ этомъ смыслѣ понятіе цѣнности, конечно, имѣетъ мало общаго съ значеніемъ, приписываемымъ ему Риккертомъ: въ этомъ смыслѣ «цѣнность» опредѣляетъ выборъ темъ для изслѣдованія, а отнюдь не опредѣляетъ самой структуры исторической науки, какъ у Риккерта. Мало того, понимая «цѣнность» въ означенномъ смыслѣ, мы усмотримъ, что роль этого принципа въ методологіи исторіи не отличается отъ роли его въ области естествознанія: и въ этой послѣдней области изслѣдователь, конечно, по преимуществу, руководится при выборѣ темъ главнымъ образомъ текущими интересами ученыхъ круговъ. То, что абсолютно не имѣетъ «цѣны» для человѣчества, врядъ ли займетъ многихъ изслѣдователей. Если бы даже, напр., нашелся изслѣдователь, который занялся вопросомъ о числѣ собакъ, имѣющихъ пятна какого-нибудь цвѣта на головѣ и о причинахъ этого явленія, то врядъ ли онъ нашелъ многихъ послѣдователей на пути своихъ изысканій. Но если бы ему удалось доказать, что этотъ вопросъ имѣетъ теоретическій и практическій интересъ, т.-е. цѣнность для человѣчества,—онъ вызвалъ бы вниманіе собратовъ по наукѣ къ предмету своего изслѣдованія.

Съ точки зрѣнія пониманія принципа цѣнности въ смыслѣ выбора темъ для изслѣдованія, можно объяснить и то обстоятельство, почему однѣ «историческія» науки (въ смыслѣ терминологіи Ксенополя) идутъ въ индивидуализированіи (въ смыслѣ терминологіи Риккерта) дальше, другія довольствуются меньшимъ. Естественно, что изученіе *частностей* въ структурѣ отдаленныхъ небесныхъ тѣлъ всегда, надо думать, будетъ возбуждать меньше интереса (хотя бы и усовершенствовались

Софроновъ въ цитированной выше статьѣ (стр. 455): „Ложная постановка исторической методологіи, какъ она дана у Риккерта..., поощряетъ развитіе субъективизма въ исторической наукѣ. Хотя она принципіально и отдѣляетъ область фактовъ отъ области „внутреннихъ отношеній,“ но для некритическихъ умовъ смѣшеніе здѣсь становится и крайне легкимъ и крайне соблазнительнымъ. Желаемое легко переводится въ сферу дѣйствительнаго и нравственное опредѣленіе должнаго принимается за фактическое обоснованіе реальныхъ событій“.

[1]) Слово Риккерта, Границы, стр. 478.

[2]) Ср. объ этомъ *B. Schmeidler*, o. c., 53—54.

средства изслѣдованія и дали бы возможность наблюдать эти частности), чѣмъ изученіе частностей въ строеніи земного шара и его поверхности. Съ этой точки зрѣнія понятно, почему наука, изучающая исторію человѣчества, не можетъ удовлетвориться изученіемъ лишь «повторяющихся», «общихъ» явленій, стремится къ изученію деталей историческаго развитія: для субъекта познанія въ данномъ случаѣ объектъ ближе, чѣмъ, напр., при изученіи развитія животныхъ видовъ, гдѣ многія индивидуальныя черты не привлекаютъ вниманія. Въ то время, какъ въ исторіи человѣчества не только особенно «дѣйственныя» лица, а даже «второстепенныя» и «третьестепенныя» по своей «дѣйственности» привлекаютъ вниманіе историковъ,—историкъ животныхъ видовъ будетъ довольствоваться лишь констатированіемъ того, что обще значительному количеству индивидовъ даннаго вида, а не будетъ стремиться объяснить всѣ индивидуальныя особенности въ окраскѣ, внѣшнемъ видѣ и т. д. *каждаго экземпляра*, изъ вида собакъ.

Мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе, которое намъ кажется существеннымъ. Если мы допускаемъ извѣстное значеніе за «принципомъ цѣнности» въ области выбора темъ для изслѣдованія, т.-е. принципіально допускаемъ здѣсь извѣстный субъективизмъ со стороны изслѣдователей, то нужно считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что и здѣсь роль этого субъективизма небезгранична. Онъ можетъ проявляться постольку, поскольку рѣчь идетъ о выборѣ темъ отдѣльнымъ изслѣдователемъ, но, если мы обратимъ вниманіе на преобладающіе интересы историковъ въ извѣстный моментъ развитія науки, беря не единичные явленія науки, а всю ихъ массу, то мы увидимъ, что этотъ преобладающій интересъ опредѣляется не субъективными причинами, коренящимися въ индивидуальныхъ особенностяхъ психики изслѣдователей, а эволюціей самой науки: вниманіе изслѣдователей по преимуществу привлекается тѣми вопросами, разрѣшеніе которыхъ въ данное время требуется интересами науки. Напримѣръ, въ послѣднія 2—3 десятилѣтія и на Западѣ и у насъ наблюдается повышенный интересъ къ вопросамъ экономической исторіи. Это объясняется, конечно, главнымъ образомъ тѣмъ, что въ анализѣ исторической дѣйствительности историческая наука стала стремиться доходить до болѣе элементарныхъ явленій матеріальной жизни общества, въ результатѣ чего и возникла потребность въ изслѣдованіи мало изученной до того времени экономической жизни народовъ. И въ этомъ отношеніи историческая наука не отличается отъ естествознанія: и тамъ появляются «новыя цѣнности» въ видѣ новыхъ темъ. Такъ, болѣе глубокое проникновеніе изслѣдователей организмовъ въ структуру послѣднихъ вызвало изученіе клѣточекъ и появленіе гистологическихъ изслѣдованій. Интересъ къ про-

стѣйшимъ организмамъ повысился, если не ошибаюсь, въ связи съ появленіемъ новыхъ точекъ зрѣнія на происхожденіе видовъ и т. п. [1]).

Мы разсмотрѣли возрѣнія Риккерта на принципъ выбора историческихъ фактовъ. Если мы теперь обратимся къ книгѣ *Ксенополя*, то мы придемъ къ заключенію, что Ксенополь недостаточно опредѣленъ въ этомъ вопросѣ.

Къ принципу цѣнности, выдвинутому Риккертомъ, онъ относится отрицательно. Онъ признаетъ принципъ цѣнности лишь въ вышеуказанномъ смыслѣ научнаго интереса къ тѣмъ или другимъ темамъ. Но онъ справедливо полагаетъ, что въ этомъ отношеніи принципъ цѣнности примѣняется и въ другихъ наукахъ [2]). Для различенія фактовъ существенныхъ отъ несущественныхъ спеціально въ исторіи онъ служить не можетъ. Если мы допустимъ существованіе общепризнанныхъ культурныхъ цѣнностей, то всякій фактъ человѣческой исторіи подойдетъ полъ одну изъ категорій цѣнности [3]). Кромѣ того, понятіе цѣнности не можетъ служить критеріемъ и по своему въ высшей степени субъективному характеру: понятіе культурныхъ цѣнностей мѣняется сообразно времени и пространству [4]). Наконецъ, понятіе культурной цѣнности съуживаетъ понятіе исторіи одной человѣческой исторіей, между тѣмъ какъ послѣдняя есть лишь часть исторіи міра [5]). Таковы главные аргументы Ксенополя противъ признанія понятія цѣнности критеріемъ для выбора историческихъ фактовъ.

Но, обращаясь къ тому, что считаетъ Ксенополь настоящимъ критеріемъ для различенія существенныхъ и несущественныхъ фактовъ въ исторіи, мы не находимъ у него достаточной опредѣленности въ формулированіи его мыслей. Онъ говоритъ, что выборъ фактовъ опредѣляется «историческими рядами» (séries historiques), т.-е. послѣдовательными отличными другъ отъ друга историческими фактами, связан-

---

[1]) Конечно, не слѣдуетъ игнорировать и того, что усиленіе интереса къ извѣстнымъ темамъ обусловливается нерѣдко и практическими запросами жизни: появленіемъ въ данномъ обществѣ новой „цѣнности,“ аналогичной „цѣнностямъ,“ имѣвшимся въ прошломъ этого же или другихъ обществъ. Напр., при реформѣ государственнаго строя (такъ при переходѣ къ народному представительству) повышается интересъ къ исторіи народнаго представительства. Но и въ этомъ отношеніи исторія не отличается принципіально отъ естествознанія; и въ естествознаніи повышеніе интереса, напр., къ явленіямъ электричества можетъ быть вызвано, какъ новыми теоретическими потребностями науки, такъ и потребностями практическими: бо́льшимъ спросомъ на примѣненіе электрической тяги въ промышленности и т. п.

[2]) *Xénopol*, La théorie, p. 104 ff. Ср. 113.

[3]) p. 110.

[4]) Ib. 109 ss. Ср. 143 ss.

[5]) Ib. 113 ss.

ными между собою причинной связью [1]). Онъ говоритъ вскользь о томъ, что слѣдуетъ при выборѣ фактовъ обращать вниманіе на причинную связь [2]), но опредѣленнаго критерія не даетъ. Мы видѣли, что единственнымъ критеріемъ для выбора фактовъ является ихъ дѣйственность, которая опредѣляется анализомъ ихъ послѣдствій, а эти послѣднія равно какъ и ихъ причинное отношеніе къ изслѣдуемому факту, должно быть установлено на основаніи возможно болѣе объективныхъ эмпирическихъ данныхъ [3]).

IV.

Мы разсмотрѣли вопросъ объ отношеніи исторіи человѣчества къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія логическихъ принциповъ и вопросъ о критеріи для выбора фактовъ. Обратимся теперь къ вопросу о томъ, каковы предѣлы историческаго познанія въ области причиннаго объясненія индивидуальныхъ фактовъ.

Человѣческій умъ, не довольствующійся простымъ усвоеніемъ дѣйствительности, а стремящійся къ ея объясненію,—не можетъ удовлетвориться описательной или «реферирующей [4])» исторіей. Довольно рано появляется то направленіе въ исторіографіи, которое, мнѣ кажется, удобнѣе всего называть прагматическимъ, причемъ подъ этимъ терминомъ я разумѣю историческое изложеніе, ставящее *отдѣльные индивидуальные факты* во взаимную связь, какъ причины и слѣдствія [5]).

---

[1]) Ib. 415 и 451 ss. Опредѣленіе „историческаго ряда“. см. на стр. 395. Объ этомъ понятіи мы будемъ еще говорить.

[2]) Ib. 451.

[3]) Объ объективности въ установленіи фактовъ *Xénopol* говоритъ на стр. 151 ss.

[4]) Терминъ *Bernheim'a*, Lehrbuch, 5—6. Aufl. 22.

[5]) Я считаю, что именно эта особенность является типичной для тѣхъ историковъ, которыхъ принято считать типичными прагматиками: Θукидида, Полибія, Тацита и др. У всѣхъ этихъ историковъ видно стремленіе къ анализу причинной связи (*αἰτίαι καὶ προφάσεις* у Θукидида). Практическая цѣль исторіи—поученіе—существуетъ въ ихъ трудахъ, но вовсе не обязателено связана съ прагматической исторіей. Если, какъ это дѣлаетъ *Бернгеймъ* и большинство ученыхъ, именно названныхъ историковъ считать типичными прагматиками, то прагматизмъ въ вышеозначенномъ смыслѣ слова охватитъ и то теченіе исторіи, которое Бернгеймъ называетъ „эволюціонной“ или „генетической“ исторіей (entwickelnde oder genetische Geschichte): и здѣсь дѣло идетъ объ установленіи причинной связи между отдѣльными фактами, только дѣлается это съ большей послѣдовательностью и полнотой, болѣе исчерпывающимъ образомъ. Если мы возьмемъ терминъ „прагматическая исторія“ въ означенномъ смыслѣ слова, то этотъ типъ исторіографіи окажется господствующимъ до послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка, когда мы видимъ постепенное, хотя и медленное укрѣпленіе новаго типа исторіографіи, о

Риккертъ въ своемъ стремленіи подчеркнуть вполнѣ индивидуализирующій характеръ исторіи удовлетворяется прагматической исторіей: для него задача историка въ сферѣ объясненія причинной связи не идетъ далѣе установленія связи между отдѣльными фактами или группами отдѣльныхъ различныхъ по существу фактовъ. Такое установленіе причинной связи Риккертъ считаетъ безусловно входящимъ въ задачу исторіи, какъ науки [1]). Но онъ считаетъ глубокимъ заблужденіемъ попытки идти далѣе въ этомъ отношеніи, а именно попытки стысканія общихъ причинныхъ соотношеній въ исторіи, подобныхъ законамъ природы [2]).

Должна ли исторія дѣйствительно остановиться на этомъ пунктѣ въ изслѣдованіи причинной связи явленій?

Слѣдуетъ, конечно, признать, что дойти до настоящихъ общеобязательныхъ законовъ природы исторія человѣчества не можетъ. Этому препятствуетъ сложность ея матеріала: невозможность въ анализѣ дойти до тѣхъ элементарныхъ единицъ, въ которыхъ и проявляются законы природы въ настоящемъ смыслѣ слова [3]), т.-е. общія положенія обладающія безусловною общеобязательностью [4]). Но вѣдь между настоящими законами природы и установленіемъ причинной связи между отдѣльными несходными фактами или комплексами отдѣльныхъ несходныхъ фактовъ могутъ быть переходныя формы причиннаго истолкованія фактовъ, менѣе общія, чѣмъ законы природы, но въ то же время болѣе общія, чѣмъ причинная связь между единичными фактами [5]).

Въ сущности *абсолютно-индивидуальное* причинное истолкованіе факта логически невозможно: мы только тогда можемъ усвоить себѣ причинную связь двухъ фактовъ, если мы вводимъ въ истолкованіе ея нѣкоторый общій элементъ, болѣе или менѣе привычной нашему уму. Абсолютно индивидуальное было бы непознаваемо [6]). И историки—прагматики съ древняго времени, сами того не сознавая, пользовались всегда общими понятіями для истолкованія причинной связи историческихъ фактовъ. Обращая, сообразно съ психическимъ характеромъ историче-

---

которомъ идетъ рѣчь въ текстѣ («соціологическаго типа»). Не слѣдуетъ, конечно, забывать, что зародыши этого третьяго типа существовали и ранѣе, даже въ древности.

[1]) Границы, 370.

[2]) Ib. с. 358 сс.

[3]) Ср. объ этомъ 2-ю главу въ Probleme der Geschichtsphilosophie *Зиммеля* (3. erweiterte Aufl. 1907, особ. стр. 83 ff.).

[4]) *Simmel*, о. с. 75.

[5]) Ср., напр., противоположеніе между „законами природы“ и „приблизительными обобщеніями“ въ „Логикѣ“ проф. *А. И. Введенскаго*, СПБ. 1909, стр. 252 с.

[6]) Ср. *Simmel*, о. с., 78 ff.

скаго матеріала, главное вниманіе на психологическую мотивировку дѣйствій историческихъ лицъ,—историки только потому дѣлали такое истолкованіе понятнымъ для своихъ читателей, что пользовались въ своихъ объясненіяхъ донаучными общими терминами, характеризующими явленія душевной жизни. Предпосылка *о существованіи общаго въ человѣческой психикѣ* [1]) является обязательной для историка.

Риккертъ, конечно, не можетъ не замѣчать этой неизбѣжности общихъ понятій даже въ толкованіи причинной связи отдѣльныхъ фактовъ. Онъ признаетъ, что въ этомъ случаѣ историку приходится прибѣгать къ обходному пути (Umweg) общихъ понятій. «Конечно, говоритъ Риккертъ [2]), то обстоятельство, что выраженіе историческихъ причинныхъ связей возможно лишь съ помощью понятій, содержащихъ въ себѣ нѣкоторое общее каузальное понятіе (Kausalbegriff) или же нѣкоторый законъ природы, снова указываетъ намъ на то, что историческая наука имѣетъ дѣло не только съ общими цѣнностями и общими коллективными индивидуумами, но дѣйствительно и съ общими понятіями, образованными на естественно-научный манеръ». Правда, по словамъ Риккерта, большинство такихъ понятій, которыми пользуются историки, по большей части возникли непроизвольно, до всякой естественной науки, въ житейскомъ опытѣ. «*Однако*, продолжаетъ онъ, *не исключена возможность перехода отъ этихъ популярныхъ общихъ представленій относительно причинной связи къ понятіямъ впервые построеннымъ изслѣдованіемъ о причинныхъ отношеніяхъ, придерживающимся пріемовъ естествознанія, и тогда благодаря этому между естественно-научнымъ образованіемъ понятій и историческимъ образованіемъ понятій можетъ возникнуть такое количество соотношеній, что, пожалуй, въ историческихъ изложеніяхъ не легко вездѣ отграничить перемѣшанныя другъ съ другомъ части отъ логически различной структуры*» [3]). «Но, нѣсколько неожиданно спрашиваетъ Риккертъ, развѣ вслѣдствіе этого вносится какое-либо измѣненіе въ логическую противоположность между естествознаніемъ и исторіей?» Заявивъ, что, «конечно, нельзя установить логическихъ нормъ относительно того, до какой степени можно пользоваться результатами естествознанія для того, чтобы дѣлать понятными историческія причинныя связи», онъ вдругъ заявляетъ, что «далѣе останавливается на этомъ вопросѣ и не представляетъ для насъ рѣшительно никакого интереса, такъ какъ даже и самое широкое пользованіе естественно-научными казуальными законами, котораго не вознамѣрится воспретить историку ни одинъ разсудительный человѣкъ, не можетъ

[1]) „Das allgemein Menschliche“ у *Bernheim'a*, o. c., 13. 192. Ср. 648.
[2]) Границы, 367.
[3]) Ib. 367 c. Курсивъ мой.

внести ни малѣйшаго измѣненія въ сущность историческаго образованія понятій» [1]), ибо эти «естественно-научныя понятія» представляютъ собой лишь «*элементы* историческихъ понятій».

Изъ всѣхъ приведенныхъ цитатъ видно, что Риккертъ вынужденъ признать, что историкъ для выясненія причинной связи индивидуальныхъ историческихъ событій вынужденъ пользоваться общими понятіями, образованными на естественно-научный ладъ, но вытекающія изъ этого признанія логическіе выводы Риккертъ обходитъ.

А выводы эти заключаются въ томъ, что, хотя исторія занимается изученіемъ конкретной дѣйствительности, т.-е. изслѣдованіемъ индивидуальныхъ фактовъ въ ихъ причинной зависимости, но при толкованіи этой причинной зависимости она обращается къ общимъ сужденіямъ и такимъ образомъ исчезаетъ *принципіальное* различіе между исторіей человѣчества и конкретными естественными науками въ родѣ метеорологіи, геологіи, географіи, которыя тоже спеціально заняты изученіемъ конкретныхъ явленій, но для причиннаго истолкованія послѣднихъ обращаются къ помощи теоретическихъ (или, по Риккерту, генерализирующихъ наукъ) въ родѣ физики, химіи и т. п. Для исторіи человѣчества роль такихъ теоретическихъ или генерализирующихъ наукъ будутъ играть психологія и систематическія соціальныя науки (общая соціологія и болѣе частныя науки: политическая экономія, общее правовѣдѣніе и т. п.), а также и нѣкоторыя области естествознанія [2]). Странно зящищать ту точку зрѣнія, что пользованіе «донаучными» общими понятіями изъ области психологіи и т. п. принципіально допустимо въ исторіи: пользованіе такими пріемами есть, конечно, лишь указаніе на то, что исторія находится въ переходномъ состояніи и потому включаетъ въ себя «донаучные» элементы, которые должны будутъ изъ нея исчезнуть съ ея научнымъ прогрессомъ и будутъ замѣнены соотвѣтствующими общими понятіями, образованными научными методами систематическихъ наукъ.

И мы видимъ, что не только въ теоретическихъ работахъ по исторіи высказывается эта мысль [3]), но и спеціальная историческая литература переходитъ къ вышеописанному пріему пользованія общими понятіями для объясненія причинной связи, хотя бы тотъ или другой историкъ стоялъ на точкѣ зрѣнія индивидуализирующаго характера исторіи. Въ работахъ историковъ послѣднихъ десятилѣтій мы видимъ пользованіе все въ большей и большей мѣрѣ общими понятіями, установленными

---

[1]) Ib. 369.

[2]) Въ сущности обработка данныхъ и психологіи, и естествовѣдѣнія для цѣлей обществовѣдѣнія (включая сюда исторію) должна являться задачей *соціологіи*.

[3]) См. ниже о *Xénopol'ѣ*; ср. также *B. Schmeidler*. o. c.

психологіей, политической экономіей, общимъ государство- и правовѣдѣніемъ и т. п. Я не буду останавливаться на томъ, что современная исторіографія должна стремиться, а отчасти уже и стремится, хотя не въ достаточной степени,—къ усвоенію правильной *терминологіи* изъ области психологіи, политической экономіи, государствовѣдѣнія и проч., я остановлюсь лишь на болѣе важномъ въ теоретическомъ отношеніи вопросѣ, а именно на вопросѣ о томъ, какія же общія понятія играютъ главную роль въ истолкованіи исторической причинности?

Эти общія понятія мы можемъ назвать понятіями объ историческихъ факторахъ или *факторахъ общественной эволюціи*.

Причинное истолкованіе историческихъ событій можетъ быть признано исчерпывающимъ лишь тогда, когда каждое единичное событіе будетъ разложено на составные элементы и будетъ установлена связь этихъ элементовъ, съ общими факторами общественной эволюціи, т.-е. съ тѣми силами, которыя эту эволюцію производятъ.

Конечно, достиженіе этого идеала въ полной мѣрѣ невозможно по причинамъ, о которыхъ уже упоминалось выше (стр. 816). Въ этомъ отношеніи участь исторіи сходна съ участью тѣхъ естественныхъ наукъ, которыя имѣютъ дѣло съ очень сложными явленіями природы. Если уже метеорологія не въ состояніи точно предсказывать погоды въ силу того, что въ объясненіи атмосферическихъ явленій для нея въ настоящее время всегда получается значительный, такъ сказать, «ирраціональный» остатокъ, то это еще въ большей степени примѣнимо къ біологіи, которая, объясняя явленія жизни организмовъ, весьма и весьма многое не можетъ свести на простые физическіе и химическіе законы. Тоже самое въ большей или меньшей степени относится и къ другимъ естественнымъ наукамъ, занимающимся не отысканіемъ общихъ законовъ, а описаніемъ или объясненіямъ конкретныхъ индивидуальныхъ явленій природы [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ исторіи человѣчества такой «ирраціональный» остатокъ, неразложимый при анализѣ на элементы, являющіеся результатомъ дѣйствія основныхъ факторовъ общественной эволюціи,—будетъ при настоящемъ состояніи науки особенно замѣтнымъ въ виду того, что изученіе этихъ факторовъ, долженствующее быть предметомъ по преимуществу соціологіи, какъ статической, такъ особенно динамической [2]) съ ихъ подраздѣленіями, еще недостаточно подвинулось впе-

---

[1]) О біологіи говоритъ это самъ *Рикертъ*, Границы, стр. 387 с.с. и 434 с.с.

[2]) *Xénopol* (p. 332 s., 349), повидимому, отожествляетъ исторію и динамическую соціологію. Это неправильно: первая изслѣдуетъ конкратныя историческія событія; вторая—должна дать систему факторовъ исторической эволюціи и теорію ихъ дѣйствія.

редъ. Даже болѣе того: извѣстный ирраціональный остатокъ при анализѣ историческихъ событій, весьма вѣроятно, будетъ получаться и при болѣе значительномъ развитіи теоретическихъ наукъ объ обществѣ, такъ какъ въ столь сложныхъ явленіяхъ, какими представляются историческія—проявляется дѣйствіе законовъ природы въ комбинаціяхъ, въ высшей степени запутанныхъ: помимо того, что въ общественныхъ явленіяхъ проявляется дѣйствіе силъ физическихъ и химическихъ, біологическихъ и психологическихъ,—въ то же время комбинація этихъ элементовъ очень прихотлива, ибо большую роль играютъ 1) индивидуальное сцѣпленіе элементарныхъ силъ въ *отдѣльныхъ личностяхъ*, которыя оказываются, благодаря своеобразію своей индивидуальности и своего индивидуальнаго положенія въ обществѣ, особенно «дѣйственными», и 2) скрещеніе причинныхъ рядовъ, которое создаетъ историческіе факты, именуемые въ просторѣчіи *случайными*[1]).

И тѣмъ не менѣе этотъ «ирраціональный» остатокъ съ принципіальной логической точки зрѣнія, не устраняетъ обязанности при анализѣ исторической причинности не довольствоваться донаучными общими положеніями, а стремиться пользоваться общими понятіями, установленными абстрактными или теоретическими науками объ обществѣ. Идя этимъ путемъ, наука можетъ разсчитывать на постепенное уменьшеніе ирраціональнаго остатка. Упомянемъ хотя бы, что дальнѣйшіе успѣхи въ изученіи наслѣдственности, индивидуальной психологіи и проч. сдѣлаютъ менѣе «ирраціональною» роль «великихъ людей» и т. п.

Слѣдуетъ замѣтить, что индивидуальный, мало поддающійся анализу элементъ личный и случайный тѣмъ болѣе выдвигается впередъ въ исторіи, чѣмъ детальнѣе мы стремимся изучить эволюцію отдѣльныхъ обществъ. Чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ деталей и устремляемъ свой мысленный взоръ на историческіе процессы на большомъ протяженіи времени,—тѣмъ болѣе индивидуальный и случайный элементъ отступаетъ на второй планъ, а болѣе отчетливо вырисовывается дѣйстіе основныхъ факторовъ общественной эволюціи. Такъ: чѣмъ детальнѣе мы изучаемъ исторію феодальнаго періода въ отдѣльныхъ европейскихъ государствахъ въ хронологической послѣдовательности,—тѣмъ больше намъ придется считаться съ индивидуальнымъ и случайнымъ элементомъ; чѣмъ больше сосредоточиваемъ мы вниманіе на общихъ чертахъ процессовъ феодализаціи и разложенія феодализма въ разныхъ странахъ Европы, тѣмъ болѣе отчетливымъ дѣлается вліяніе общихъ факторовъ и тѣмъ менѣе приходится имѣть дѣло съ индивидуальнымъ

[1]) О роли личности, въ исторіи какъ индивидуальномъ элементѣ ср. *Ed. Meyer*, Zur Teorie und Methodik der Geschichte, 52 ff; *Xénopol*, o. c., p. 264 s. s. О понятіи „случайнаго“ ср. *Ed. Meyer*, o. c., 17 ff.; *Xenopol*, o. c., 274 s. s.

и случайнымъ. То же самое можно иллюстрировать и на многихъ другихъ примѣрахъ, напр., на развитіи и борьбѣ классовъ въ городахъ классической Греціи и т. п.

Совершенно то же замѣчается и въ естествознаніи: изслѣдователь съ несравненно большимъ успѣхомъ возстановитъ физіологическіе процессы въ ихъ общихъ типичныхъ чертахъ, чѣмъ будетъ въ состояніи объяснить причины индивидуальныхъ уклоненій въ строеніи органовъ и въ ихъ отправленіи у отдѣльныхъ индивидовъ.

Таковы, по нашему мнѣнію, задачи исторической науки въ области причиннаго истолкованія фактовъ. Такъ какъ изученіе факторовъ общественной эволюціи является главнымъ образомъ задачей соціологіи, то тотъ типъ исторіи, который мы здѣсь пытались охарактеризовать, можно назвать *соціологической исторіей*. Соціологическая исторія стремится истолковать отдѣльныя историческія событія, сводя ихъ путемъ анализа къ проявленію дѣйствія общихъ факторовъ. Соціологическая исторія не только не исключаетъ исторіи реферирующей и прагматической, но, напротивъ, немыслима безъ ихъ существованія: прежде чѣмъ переходить къ выясненію роли общихъ факторовъ, необходимо точно возстановить историческіе факты и указать связь *отдѣльныхъ* фактовъ съ предшествующими, т.-е. выполнить задачу реферирующей и прагматической исторіи.

Приблизительно ту же общую мысль о задачахъ исторической науки развиваетъ и *Б. Шмайдлеръ*[1]), но онъ не даетъ себѣ яснаго отчета относительно различія въ понятіяхъ: факторъ и результатъ совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ факторовъ. Такъ, понятіе «политики», «политической жизни» является результатомъ дѣйствія не только психологическаго фактора, который Шмайдлеръ именуетъ «стремленіемъ къ власти»[2]), а и цѣлаго ряда другихъ факторовъ (экономическаго и проч.). То же приходится сказать о развитіи хозяйства, философіи и проч. Шмайдлеръ ошибается, стремясь свести всѣ эти явленія къ дѣйствію одного какого-нибудь фактора, а другіе факторы, разсматривая лишь какъ побочныя вліянія[3]).

Что касается *Ксенополя*, то этотъ писатель видитъ задачу историка въ установленіи «историческихъ рядовъ» (séries), т.-е. какъ мы уже упоминали, рядовъ событій, связанныхъ между собою причинной связью. Одни ряды включаютъ въ себя другіе—подчиненные первымъ, эти въ свою очередь включаютъ въ себя новые ряды и т. д. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи взглядъ *Ксенополя* на задачу историче-

[1]) O. c., 36.
[2]) O. c., 46.
[3]) Ib. 47.

скаго изслѣдованія представляетъ по существу какъ бы теоретизацію взглядовъ историковъ-прагматиковъ.

Но Ксенополь не удовлетворяется этимъ: онъ считаетъ необходимымъ въ анализѣ исторической причинности выяснить роль основныхъ факторовъ исторической эволюціи и переходитъ такимъ образомъ къ точкѣ зрѣнія, которая выше названа *соціологической*. «Какъ возникаютъ историческіе факты?» спрашиваетъ Ксенополь и продолжаетъ: «Они суть результатъ эволюціонныхъ силъ (des forces du développement), дѣйствующихъ въ извѣстныхъ условіяхъ.... Мы увидимъ, что соединеніе историческихъ фактовъ въ ряды есть результатъ дѣйствія этихъ же самыхъ силъ въ средѣ извѣстныхъ условій.... Каждый простой или сложный историческій фактъ есть результатъ дѣйствія одной силы или комбинаціи нѣсколькихъ силъ въ извѣстныхъ условіяхъ»[1]). Характеристикѣ этихъ силъ Ксенополь посвящаетъ 5-ю, 6-ю и 7-ю главы своей книги[2]). Мы не можемъ входить въ детальный анализъ классификаціи историческихъ факторовъ, данной Ксенополемъ, ибо это выведетъ насъ за предѣлы темы нашей статьи, цѣль которой—отмѣтить лишь теоретическую необходимость ученія о факторахъ общественной эволюціи, а не разбирать вопроса объ этихъ факторахъ по существу[3]). Поэтому я ограничусь здѣсь лишь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями по поводу классификаціи Ксенополя.

Конечно нужно признать, что понятіе: факторъ общественной эволюціи есть въ сущности сложное понятіе, на которомъ мы останавливаемся лишь условно, признавая это понятіе для исторической науки, какъ нѣчто данное, и признавая анализъ такихъ понятій достояніемъ другихъ наукъ, и главнымъ образомъ соціологіи[4]). Но тѣмъ не менѣе необходимо избѣгать смѣшенія понятій обозначающихъ факторы (или силы), съ понятіями обозначающими результаты этихъ силъ. Между тѣмъ Ксенополь допускаетъ такую ошибку. Основнымъ историческимъ факторомъ онъ признаетъ эволюцію, которую онъ именуетъ une force naturelle[5]). Что такое эволюція на самомъ дѣлѣ? Сущность этого понятія заключается въ понятіи о непрерывномъ измѣненіи чего-либо при условіи

---

[1]) 387; cf. 97.

[2]) Ch. V, Les facteurs constants de l'histoire; ch. VI, L'évolution dans l'histoire; ch. VII, Les auxiliaires de l'évolution.

[3]) Къ этому вопросу мы надѣемся вернуться въ другомъ мѣстѣ.

[4]) О подобныхъ условныхъ „единицахъ“ (Einheiten) въ исторіи см. *Simmel*, o. c., 108 ff. Мы полагаемъ, что психологія и соціологія должны стремиться къ возможно болѣе глубокому анализу такихъ понятій, хотя, конечно, сведеніе ихъ къ элементамъ въ естественно-научномъ смыслѣ слова, при современномъ уровнѣ науки, невозможно. Ср. также о неопредѣлимости понятія сила—*Xénopol*, p. 300.

[5]) p. 210.

постепеннаго усложненія эволюціонирующаго объекта [1]). Эволюцію вызываютъ силы, дѣйствующія на эволюціонирующій объектъ и отчасти въ немъ же и заключающіяся; въ результатѣ получаются новообразованія, которыя сами являются новыми факторами въ дальнѣйшей эволюціи и т. д.; такое постоянное появленіе новообразованій, которыя въ свою очередь сами вліяютъ на дальнѣйшее развитіе, и есть причина все новыхъ измѣненій и новыхъ образованій. Такимъ образомъ отнюдь нельзя говорить объ эволюціи, какъ объ особой силѣ. Эволюція есть *процессъ*, получающійся въ результатѣ дѣйствія нѣсколькихъ или многихъ силъ. Это недоразумѣніе у Ксенополя отмѣтили еще по поводу перваго изданія его книги Bernheim [2]) и Grotenfelt [3]), но онъ упорствуетъ въ своемъ заблужденіи [4]).

Точно такъ же врядъ ли инерцію, вмѣстѣ съ Линднеромъ [5]) и Ксенополемъ [5]), можно называть особымъ постоянно дѣйствующимъ факторомъ (facteur constant). Инерція не есть особая *сила*, а есть свойство и духа и матеріи сохранять то состояніе покоя или движенія, которое разъ создалось, пока не начнетъ вновь дѣйствовать какая-либо сила, измѣняющая это состояніе.

Весьма неудачнымъ представляется намъ выборъ у Ксенополя и другого «постояннаго фактора» въ исторіи, а именно *расы*. Нечего останавливаться на томъ, какъ сбивчиво понятіе *расы*, какъ мало реальнаго содержанія въ этомъ понятіи. Объяснять что либо въ исторіи этимъ понятіемъ,—это значитъ объяснить x посредствомъ y.

Что касается тѣхъ факторовъ, которые Ксенополь именуетъ вспомогательными факторами эволюціи (les auxiliaires de l'évolution) [6]), то здѣсь его классификація крайне суммарна. Ограничусь хотя бы указаніемъ на употребленіе у Ксенополя въ качествѣ «фактора» такого сложнаго понятія, какъ milieu intellectuel [7]). Точно такъ же очень недостаточенъ анализъ понятій: инстинктъ сохраненія индивида и рода; это общее понятіе должно быть изслѣдовано въ различныхъ его проявленіяхъ [8]).

---

[1]) Ср. опредѣленіе у *Bernheim'a*, 10; у *Xénopol'я*, p. 205; у *Grotenfelt'a* Wertschätzung, 100.

[2]) *Bernheim*, o. c., 635. Anm.

[3]) *Grotenfelt*, o. c., 105.

[4]) La théorie, p. 210; ср. его же статью Zur Logik der Geschichte, 478 f.

[5]) *Th. Lindner*, Geschichtsphilosophie, гдѣ употребляется въ этомъ смыслѣ терминъ: Beharrung.

[6]) Терминъ: continuité intellectuelle—La théorie, p. 186 ss.

[7]) Ch. VII.

[8]) *Ксенополь* говоритъ лишь о проявленіи инстинкта сохраненія индивида и рода въ видѣ a) стремленія къ господству (expansion), b) борьбы за существо-

Нѣкоторые существенные факторы Ксенополемъ игнорируются, напр., ростъ населенія.

Такимъ образомъ, при вѣрности общей идеи Ксенополя относительно анализа историческихъ причинъ, его классификація факторовъ страдаетъ существенными недостатками.

V.

Въ заключеніе я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ, которыя иногда наблюдаются въ современной литературѣ въ области теоріи и философіи исторіи.

Во-первыхъ, нельзя думать, что соціологическая исторія исключаетъ изученіе отдѣльныхъ фактовъ, а стремится къ познанію только общаго въ исторіи человѣческихъ обществъ. Напротивъ, возможно болѣе детальное изученіе отдѣльныхъ фактовъ является тѣмъ фундаментомъ, на которомъ зиждется соціологическая исторія.

Во-вторыхъ, нельзя думать, что соціологическая исторія занимается изученіемъ общественныхъ массъ, а не личностей[1]). И то, и другое является предметомъ изслѣдованія соціологической исторіи сообразно степени ихъ «дѣйственности».

Въ третьихъ, понятіе прогресса вовсе не входитъ въ область *исторіи, какъ эмпирической науки*, а является всецѣло достояніемъ философіи исторіи, какъ и всякая оцѣнка прошлаго съ точки зрѣнія нашихъ субъективныхъ идеаловъ.

Казань.
1909 г. Сентябрь.

Михаилъ Хвостовъ.

ваніе и c) подражанія. Болѣе значенія, не смотря на серьезные дефекты, имѣетъ классификація потребностей индивида у *Лакомба*, Histoire considerée comme science.

[1]) Недоразумѣніе это сыграло большую роль въ полемикѣ между *Лампрехтомъ* и его оппонентами, причемъ поводъ къ нему далъ самъ Лампрехтъ. Ср. *Bernheim*, 713.

XLI.

Феодальный терминъ въ грузинскихъ памятникахъ.

„Феодализмъ не есть явленіе франкское или ландгобардское, а общее всѣмъ частямъ Западной Европы, вездѣ развившееся не вслѣдствіе заимствованій, а вслѣдствіе одинаковости историческихъ условій и вездѣ подготовленное еще во время господства Римской имперіи“.

Въ настоящее время историческая наука признаетъ феодализмъ „однимъ изъ тѣхъ широко распространенныхъ типовъ, въ формахъ которыхъ кристаллизуется соціальный строй при наличности извѣстныхъ условій въ весьма неодинаковыхъ территоріальныхъ, этническихъ и культурныхъ средахъ“ [2]). Историки и этнографы нашли феодальныя черты быта у древнихъ кельтовъ, германцевъ, славянъ и византійцевъ, также у китайцевъ, японцевъ, армянъ и турокъ, у гавасовъ Мадагаскара, туземцевъ Полинезіи и др.

Мнѣ пришлось въ разныхъ своихъ работахъ касаться характерныхъ признаковъ процесса феодализаціи въ общественномъ строѣ Грузіи до присоединенія ея къ Россіи въ 1801 году. Настоящій эскизъ посвященъ коммендаціи земель и лицъ, развившейся вслѣдствіе ослабленія государственной охраны частныхъ интересовъ. Крестьянскія грамоты. церковные и дворянскіе акты, дошедшіе до насъ съ XI вѣка, свидѣтельствуютъ о развитыхъ формахъ патроната. Мелкіе собственники и свободные люди, при недостаткѣ защиты со стороны правительства, отдавали себя и свою землю подъ защиту сильныхъ людей съ тѣмъ, чтобы остаться на ней въ видѣ съемщиковъ изъ милости („цкалоба“) новыхъ господъ. Такіе подзащитные люди назывались въ Грузіи *миндобили каци*. На Руси имъ соотвѣтствуютъ люди заступные, закладни, закладчики. В. О. Ключевскій говоритъ, что закладывались преимуще-

---

[1]) *Виноградовъ*. Происхожденіе феодальныхъ отношеній] въ Лангобардской Италіи. Спб. 1880, стр. 3.

[2]) *Гревсъ*. Феодализмъ. Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона, т. XXXV-й, стр. 494.

ственно посадскіе люди, торговые и ремесленные, и обыкновенно за сильныхъ людей", за бояръ, патріарха, епископовъ, за монастыри [1]). Закладничество, по мнѣнію Н. П. Сильванскаго [2]), означало вступленіе подъ защиту сильнаго человѣка, одинаковое съ западно-европейской коммендаціей.

Въ Грузіи закладни—*миндобили каци* коммендировались въ тѣхъ видахъ, чтобы подъ рукою сильнаго „патрона",—терминъ этотъ общеупотребителенъ въ грузинскихъ историко-юридическихъ памятникахъ,—найти себѣ личную и имущественную безопасность отъ посягательствъ и насилій знати и чиновниковъ. Ограничусь нѣсколькими грамотами, которыя характеризуютъ порядокъ добровольной себя отдачи крестьянами подъ защиту патрона-господина. Д. И. Пурцеладзе издалъ цѣлую серію любопытныхъ крестьянскихъ грамотъ (Тифлисъ, 1882), изъ которыхъ мы беремъ два-три образца коммендаціи, практиковавшейся въ Грузіи.

Подъ 1782 г. помѣщено слѣдующее обязательство, данное крестьяниномъ Бердуашвили князю Туманову. „Я, Георгій Бердуашвили и потомки мои даемъ вамъ Мдивану Сулхану Туманишвили, сію грамоту въ томъ, что... я теперь *свободный человѣкъ*. И какъ по обычаямъ Грузіи свободный крестьянинъ, *по своей доброй волѣ*, можетъ поступить къ кому онъ хочетъ, то я пришелъ къ вамъ и *отдалъ себя* вамъ въ крестьяне потомственно. Обязываюсь служить вамъ и платить то, что опредѣлено для подобныхъ мнѣ крестьянъ".

Закабаленіе низшихъ классовъ владѣющими ихъ высшими классами совершалось подъ различными предлогами. Добровольное вступленіе подъ защиту патрона нерѣдко обусловливалось денежною помощью, которую оказывалъ сильный человѣкъ,—будь онъ даже не изъ дворянъ,—маломочному собрату. Такъ, цирюльникъ Миримановъ пишетъ въ 1783 году грамоту Абелу Тершмованову, въ которой заявляетъ, что онъ отдаетъ себя за то, что тотъ уплатилъ его долгъ и „кое-что еще далъ ему". Поступленіе подъ защиту происходило и безъ этихъ мотивовъ благодарности за расплату съ должниками. Въ 1788 г. Захарій Кацицвили даетъ слѣдующую грамоту сильному феодалу—князю Ивану Мухранскому: „Я пожелалъ быть вашимъ крестьяниномъ и отдалъ себя съ семействомъ своимъ вамъ и потомству вашему въ крестьяне. Кромѣ васъ у меня нѣтъ и не можетъ быть другого патрона и покровителя". Въ особенности же вынуждены были искать „патрона" крестьяне-добровольцы, получившіе свободу по возвращеніи на родину изъ плѣна. Такъ, въ 1791 г. Арутинъ Арутинашвили далъ на себя купчую крѣпость, т.-е. поступилъ въ кабалу Липарету Туманшвили.

---

[1]) *В. О. Ключевскій.* Курсъ русской исторіи. М. 1908, ч. III, стр. 204.
[2]) *Н. П. Сильванскій.* Феодализмъ въ древней Руси. Спб. 1907, стр. 105.

Въ защитникахъ столько же нуждались чужестранцы, переселившіеся въ Грузію (*Пурцеладзе*, н. с., грамоты 1794 г.). Чужестранцы, освободившіеся изъ плѣна, слабые въ борьбѣ съ насиліями, отдавали себя подъ защиту сильныхъ. Въ свою очередь сильные искали покровительства у лицъ, стоящихъ выше державной силой. Зависимый крестьянинъ искалъ безопасности у господина-дворянина, князя, епископа, царя. Послѣдніе коммендировались-задавались Пресвятой Богородицѣ, св. Георгію и другимъ святымъ, въ честь которыхъ строили храмы, дѣлали вклады, жертвовали имѣнія и крестьянъ. Вотъ образецъ такой коммендаціи Божіей Матери: „Мы съ упованіемъ и съ великимъ усердіемъ положившіяся (*миндобили*) на защиту и покровительство ваше (цва-пар-ва) — я Бараташвили, патронъ Іесе и супруга моя, патронесса Мареха и сыновья наши: Георгій, Гугуна, Автандилъ и Давидъ, потщились и дерзнули донести Тебѣ, преблагословенной царицѣ Нашей, Богородицѣ, приснодѣвѣ Маріи, дабы симъ небольшимъ (приношеніемъ) оказать службу святому престолу твоему въ Гударехскомъ монастырѣ, нашей усыпальницѣ, и жертвуемъ деревню Верхнали, никѣмъ неоспоримую, съ мельницей, садомъ, лѣсомъ, пахатной землей... а также то, что раньше было пожертвовано, но съ теченіемъ времени расшаталось, мы возобновили (грамоту) и вновь пожертвовали [1]). Такимъ образомъ *миндобили каци*, отдавшійся подъ защиту сильнаго патрона, являлся лишь звеномъ въ цѣпи вассальныхъ отношеній между верховными существами, самимъ Богомъ и смертными, начиная отъ царя и кончая простолюдиномъ.

Этотъ терминъ „миндобили“, соотвѣтствуетъ русскому слову „подзащитный“, невѣрно былъ понятъ грузинологами—академикомъ Броссе и историкомъ Бакрадзе. Первый въ своемъ археологическомъ путешествіи (Voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, Спб. 1849) неоднократно переводилъ „миндобили“ то словами confiant en ton secour et protection (см. Voyage VIII, стр. 101), то словами confiant en ton assistance et protection (ib., стр. VIII, 137, ср. I, 59). Во всякомъ случаѣ акад. Броссе ближе стоитъ къ пониманію термина „миндобили“ въ смыслѣ confiant, чѣмъ историкъ Бакрадзе. Въ „Археологическомъ путешествіи по Гуріи и Адчарѣ“ (Спб. 1878) Бакрадзе переводитъ „миндобили“ словомъ „уповающій“ [2]). Несомнѣнно, что покойный историкъ перенесъ на „миндобили“ значеніе слова „мосави“. Недостаточное уясненіе термина „миндобили“ привело Д. З. Бакрадзе къ тому, что онъ совершенно исказилъ его смыслъ при переводѣ свода законовъ грузинскаго царя

---

[1]) Древности—Сидзвелени, на груз. языкѣ изданныя журналомъ *Моамбэ*, стр. 378, грамота 1630 г.

[2]) См. названное сочиненіе стр. 111, 122, 220, въ связи съ словомъ мосави стр. 237 и 245.

Вахтанга VI [1]), союзника Петра Великаго въ персидскомъ походѣ. Въ той части этого сборника грузинскихъ юридическихъ памятниковъ, гдѣ приводятся законы самцхійскихъ правителей Верхней части Грузіи Бекп и Агбуги (XIV—XV вв.), имѣется статья 34-я (на груз. языкѣ статья 33-я) о *миндобили каци*—подзащитномъ человѣкѣ. Бакрадзе, неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ, въ этомъ случаѣ „миндобили" переводитъ не словомъ „уповающій", какъ это онъ усвоилъ въ „Археологическомъ путешествіи", а предложеніемъ „кто, бывъ дружелюбно принятъ." Я приведу эту статью въ первой ея половинѣ, чтобы установить ошибочность пониманія Бакрадзе феодальнаго термина *миндобили каци*—„подзащитный человѣкъ", такъ часто фигурирующій въ крестьянскихъ грамотахъ. Статья гласитъ въ переводѣ Бакрадзе: „*Кто бывъ дружелюбно принятъ*, измѣнитъ кому въ кругѣ семейства, въ крѣпости или въ другомъ мѣстѣ и сіе дойдетъ до свѣдѣнія ацхурскаго архіерея, тотъ повиненъ сдѣлать удовлетвореніе за кровь двухъ знатнѣйшихъ особъ изъ числа всѣхъ тѣхъ людей, сколько въ тотъ день на мѣстѣ измѣны находилось"... Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о такомъ *миндобили-каци*, который, бывъ принятъ подъ защиту и поклявшись въ вѣрности своему господину, нарушилъ условіе, связывающее патрона съ зависимымъ человѣкомъ. Другими словами, *миндобили-каци* въ законахъ Беки-Агбуги означаетъ подзащитнаго, а не дружелюбно принятаго человѣка. При ближайшемъ знакомствѣ съ феодализаціей въ Грузіи подобныя недоразумѣнія легко устранимы. Съ другой стороны, изученіе феодальнаго строя въ грузинскомъ царствѣ дастъ кое-что для намѣчающейся у соціологовъ попытки сравнительнаго синтетическаго изображенія эволюціи феодализма не только въ Европѣ, но и во всемъ человѣчествѣ.

А. Хахановъ.

---

[1]) Сборникъ законовъ груз. царя Вахтанга VI, изд. А. С. Френкеля, подъ ред. Д. З. Бакрадзе, Тифлисъ, 1887.

Оглавленіе *).

		Стр.
	Я. Барсковъ. Списокъ трудовъ В. О. Ключевскаго...	V—X
I.	*М. Любавскій.* Къ вопросу объ ограниченіи политическихъ правъ православныхъ князей, пановъ и шляхты въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до Люблинской уніи	1
II.	*С. Платоновъ.* Столяровъ Хронографъ и его авторъ.	18
III.	*М. Богословскій.* Кредитъ въ земскомъ хозяйствѣ XVII вѣка	29
IV.	*А. Филипповъ.* Положеніе губернатора въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка	43
V.	*Е. Шмурло.* Къ исторіи сношеній московскихъ государей съ римскими папами	57
VI.	*А. Кизеветтеръ.* Дѣлопроизводство русскихъ внутреннихъ таможенъ, какъ историческій источникъ.....	76
VII.	*Ю. Готье.* Слѣдственныя комиссіи по злоупотребленіямъ областныхъ властей въ XVIII вѣкѣ.....	103
VIII.	*С. Рождественскій.* Изъ исторіи отмѣны „урочныхъ лѣтъ“ для сыска бѣглыхъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка	153
IX.	*Е. Щепкинъ.* Порядокъ престолонаслѣдія у древненорвежскихъ конунговъ	164
X.	*С. Смирновъ.* „Бабы богомерзкія“	217
XI.	*С. Котляревскій.* Что даетъ „Боярская Дума“ В. О. Ключевскаго для государствовѣдѣнія.....	244
XII.	*И. Лаппо.* Къ исторіи сословнаго строя Великаго Княжества Литовскаго. Конные мѣщане Витебскіе въ XVI столѣтіи.....	254

*) Статьи помѣщены въ порядкѣ ихъ поступленія. Статья проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, къ сожалѣнію, не могла быть помѣщена въ сборникѣ вслѣдствіе поздняго доставленія.

		Стр.
XIII.	*А. Савинъ.* Мѣстничество при дворѣ Людовика XIV	277
XIV.	*С. Веселовскій.* Азартныя игры, какъ источникъ дохода Московскаго государства въ XVII вѣкѣ	291
XV.	*М. Дьяконовъ.* Къ вопросу о крестьянской порядной записи и служилой кабалѣ	317
XVI.	*Д. Егоровъ.* Новый источникъ по исторіи прибалтійскаго славянства	332
XVII*).	*А. Орловъ.* Русское „некнижное“ житіе Николая Чудотворца	347
XVIII.	*В. Сторожевъ.* Монастырское землевладѣніе на Вологдѣ по даннымъ 1627—1630 годовъ	369
XIX.	*С. Богоявленскій.* Расправная Палата при Боярской Думѣ	409
XX.	*П. Виноградовъ.* Годичныя книги англійскихъ судовъ, какъ историческій источникъ	427
XXI.	*Н. Поповъ.* Начало византиновѣдѣнія въ Россіи	435
XXII.	*Д. Петрушевскій.* Страница изъ исторіи англійскаго средневѣкового города	449
XXIII.	*П. Струве.* Проблема роста производительныхъ силъ въ теоріи соціальнаго развитія	458
XXIV.	*М. Покровскій.* Пушкинъ и римскіе историки	478
XXV.	*В. Протопоповъ.* Къ Саксонской Правдѣ (Неудачная разгадка статьи XIV)	487
XXVI.	*Г. Шмелевъ.* Отношеніе населенія и областной администраціи къ выборамъ на земскіе соборы въ XVII вѣкѣ	492
XXVII.	*С. Шамбинаго.* Историческія переживанія въ старинахъ о Суханѣ	503
XXVIII.	*В. Бочкаревъ.* Земельныя нужды русской деревни по крестьянскимъ наказамъ въ Екатерининскую законодательную Комиссію 1767 г.	516
XXIX.	*М. Сперанскій.* Сербское житіе Феодосія Печерскаго.	537
XXX.	*М. Клочковъ.* Очеркъ исторіи ландратской переписи (1715—1721 г.)	547
XXXI.	*В. Поржезинскій.* Къ исторіи русской грамматики и грамматической терминологіи	556
XXXII.	*С. Бахрушинъ.* Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI вѣка	563

*) Въ текстѣ опечатка—XV вм. XVII.

Центральное книгохранилище Московских библиотек

Стр.

XXXIII. *В. Пичета.* Литовско-польскія уніи и отношеніе къ нимъ литовско-русской шляхты 605

XXXIV. *В. Данилевичъ.* Время образованія Слободскихъ черкасскихъ полковъ 632

XXXV. *Р. Виппперъ.* Нѣсколько замѣчаній о происхожденіи церкви 640

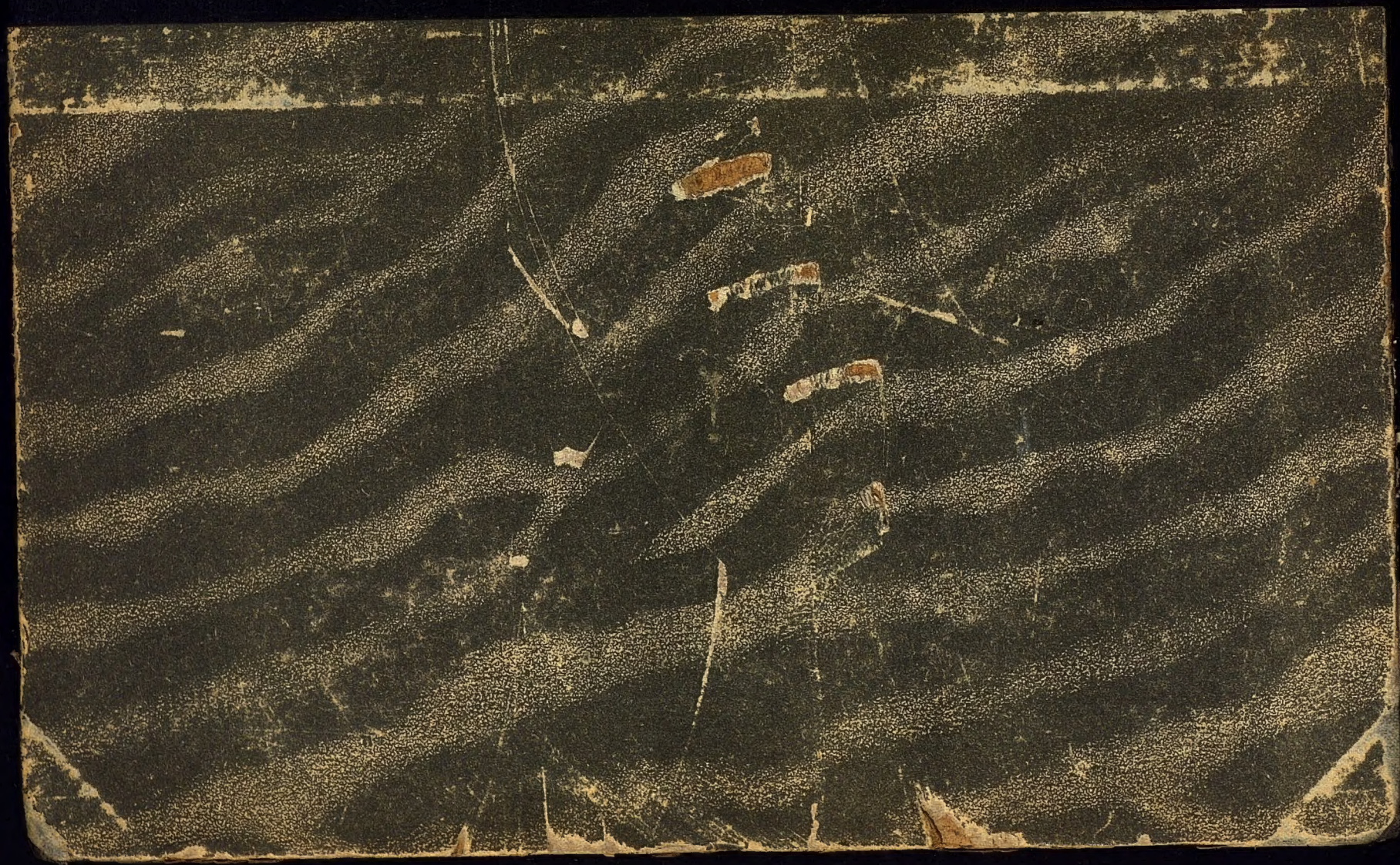
XXXVI. *А. Яковлевъ.* „Безумное молчаніе“ 651

XXXVII. *Б. Сыромятниковъ.* Политическая доктрина „Наказа“ П. И. Пестеля 679

XXXVIII. *А. Лаппо-Данилевскій.* Служилыя кабалы позднѣйшаго типа 719

XXXIX. *В. Эйнгорнъ.* Преподаваніе исторіи въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ (1786—1802) 765

XL. *М. Хвостовъ.* Къ вопросу о задачахъ исторіи 791

XLI. *А. Хахановъ.* Феодальный терминъ въ грузинскихъ памятникахъ 825

Оглавленіе ..... I—III